Памяти моих родителей посвящается

ОТ АВТОРА

Данная монография представляет собой расширенный и переработанный текст докторской диссертации «Рынок и рыночные связи России в конце XIX – начале XX вв. (источниковедческое исследование)», защищенной в 2004 г. Главы, посвященные сельскому хозяйству России, были опубликованы мной в 2003 г. в работе «Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX вв.», включавшей также очерк «О статистике землеустройства в России. 1907–1913 гг.».

Я чрезвычайно признателен Российскому Фонду Фундаментальных Исследований за предоставленную мне возможность опубликовать текст в полном объеме.

Из названия книги следует, во-первых, что ее автор пытается выяснить, **что** может дать железнодорожная статистика для понимания такого глобального во всех отношениях феномена, как всероссийский рынок. А во-вторых, что российское пространство — conditio sine qua non появления этой работы. Т. е. в принципе подобную монографию можно написать, скажем, и о великом герцогстве Люксембург, но, согласитесь, это будет другая книга.

Сразу оговорюсь, что я не собираюсь обсуждать философские аспекты проблемы российских просторов, а также фразу Н. М. Карамзина о дураках и дорогах, которая, вероятно, уже набила оскомину не только у меня.

Вопреки хрестоматийному мнению Н. В. Гоголя, я встречал русских, которые не слишком любят быструю езду.

Однако я практически не видел ни одного человека, который бы равнодушно воспринимал то обстоятельство, что он живет в САМОЙ БОЛЬШОЙ СТРАНЕ МИРА. Впрочем, это не вполне точно. Видеть таких людей мне не довелось, но читать кое-что приходилось. Взять хотя бы комментарий князя П. А. Вяземского по поводу известного стихотворения Пушкина — «Клеветникам России», в котором А. С. довольно странно (для нас) сопоставил Отечественную войну 1812 г. и Польское восстание 1830–1831 гг.

Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..

Вяземский, человек умный и остроумный, бывающий притом весьма жестким в своих мнениях, искренне признался, комментируя строки: «Мне также надоели эти географические фанфаронады наши: *От Перми до Тавриды* и проч. Что же тут хорошего, чем радоваться и чем хвастаться, что мы лежим в растяжку, что у нас от *мысли до мысли* пять тысяч верст...». И напоследок заметил, в числе прочего, что Жуковский с Пуш-

киным так уже «сбились в своем патриотическом восторге», что не знают, «на чем решиться, то... Варшава неприятельский город, то наш посад»*.

Бердяев не то чтобы опасается русских просторов, но относится к ним с каким-то настороженным почтением (см.знаменитую статью «О власти пространств над русской душой»** и др.)

Однако тут иные аспекты проблемы — «метафизические», а я о другом...

В детстве бывает чувство неосознанного, несколько восторженного благодушия. Если один из его вариантов позволительно назвать геополитическим (притом, что термина такого тогда в обиходе не было), то у меня оно возникало, когда я смотрел на карту мира, висевшую в моей комнате. И пусть на ней миллионы квадратных километров тундры закрашены в тот же красно-розовый цвет, что и эталонные черноземы, но, во-первых, тогда тебе это неизвестно, а во-вторых, все равно впечатление это производит неизгладимое (и у кого-то остается до старости).

Мы — больше всех!

Полагаю, что для многих моих соотечественников это — одно из самых радостных и стабильных в этой своей радости впечатлений детства.

Где-то в середине 1990-х гг. мой знакомый японский русист, только что защитившийся и начавший преподавать в Токийском университете, попросил выслать ему список губерний и областей Российской Империи и с обязательным указанием площади и числа жителей как в каждом уезде, так и в каждой губернии. Мои студенты, писал он, просто не понимают размеров России!

Можно думать, что у каждого свой опыт приобщения к российскому пространству и осознания его.

Есть он и у автора этих строк.

В 4 года меня провезли через большую часть страны с Запада на Восток по маршруту Полтава – Москва – Благовещенск-на-Амуре. Хотя после XX съезда прошло уже некоторое время, на Байкале все еще стоял гигантский контур Сталина, высотой в несколько десятков метров. Вечером на нем зажигались лампочки и светили до утра, как бы напоминая о том, что «Отец всех народов, кроме репрессированных» никогда не дремлет в прямом и переносном смысле, и одновременно компенсируя удаленность пассажиров от Него *настоящего*. Этот вот шедевр соцреализма только и уцелел в памяти от всего путешествия.

Второй раз ситуация была несколько иной. Первый месяц срочной службы я провел на севере Приморья, в городе Спасске-Дальнем, столь прославленном знаменитой песней времен Гражданской войны, которую так часто исполняли в моем — и не только — детстве («Штурмовые ночи Спасска, Волочаевские дни»).

Среди первых сильных армейских впечатлений не последнее место заняло следующее. Стену казармы украшала огромная карта СССР. Даже самый первый взгляд на нее открыл много любопытного. Быстро выяснилось, что на пространстве от Спасска до Москвы умещалось ровно шесть — в полном соответствии с поговоркой — моих сапог

---

* *Вяземский П. А.* Старая записная книжка. М., Захаров. 2003. С. 636.

** *Бердяев Н.* Судьба России. М., 1990. С. 65–70.

45-го размера. Я с удивлением осознал также, что от Москвы до Индии, не говоря уже о Гибралтаре, куда ближе, чем до моей казармы.

Процесс совмещения географии с сознанием вскоре продолжился. Через месяц меня перевели в другую «учебку», точнее, в знаменитую 22-ю Краснознаменную военно-авиационную школу воздушных стрелков-радистов (сокращенно: ВАШ ВСР; не думаю, что кто-то из бывших ее курсантов забыл эту звучную аббревиатуру!).

Она располагалась в городе Канске-Енисейском Красноярского края. Я ехал туда из Спасска на поезде *четверо с лишним суток*, «проехав», впрочем, примерно половину карты, отделяющей меня от Москвы.

И вот тогда я понял, в **какой** стране живу. Понял не без восторженного чувства приобщения к некой большой Тайне и, разумеется, с большой порцией банального тщеславия.

Материализация географической карты России — это не просто переход от репродукции к подлиннику. Такие экскурсии надо бы устраивать потенциальным оккупантам.

Полтора года летной службы в Дальней авиации и еще три после нее в качестве бортрадиста-испытателя, в течение которых я облетал (и не раз) практически всю Страну, закрепили знакомство с российскими пространствами и сделали его, так сказать, предметным.

Это оказалось очень полезным знанием.

Автор очень благодарен всем, кто помогал и поддерживал его в работе над этой книгой.

Я хотел бы почтить память своего покойного научного руководителя, профессора В. И. Бовыкина, который познакомил меня с данной темой.

Я искренне признателен И. М. Гарсковой и Л. И. Бородкину за ценное научное сотрудничество и поддержку.

Особая благодарность — моей дочери Евгении Давыдовой, чья помощь была для меня очень важна на заключительном этапе работы.

Россия есть обширнейшее государство в мире, заучиваем мы с малолетства; в летах зрелых стараемся уразуметь смысл этих слов.

С. М. Соловьев. «Начала русской земли»

ВВЕДЕНИЕ

Социально-экономическая история пореформенной России — одна из центральных тем отечественной и зарубежной историографии — исследована весьма неравномерно. К числу ключевых проблем экономической и социальной модернизации России конца XIX – начала XX вв., настолько же важных, насколько и малоизученных, относится проблема рынка и рыночных связей. Причина этого, на наш взгляд, заключается в отсутствии специальных источниковедческих исследований по железнодорожной статистике, несмотря на всеобщее признание громадной, во многом определяющей роли железных дорог в развитии России после 1861 г. Прежде всего это относится к «Сводной статистике перевозок по русским железным дорогам» (далее сокращенно: «Сводная статистика»), тарифной статистике Министерства финансов.

Еще в 1880-х гг. С. Ю. Витте обосновал идею, согласно которой в такой огромной стране, как Россия, железнодорожные тарифы могут и должны стать мощным средством государственного регулирования экономики. А «для того, чтобы поставить контроль за железнодорожными тарифами на более твердую почву, нужно... организовать точную и соответствующую цели... статистику движения грузов по железным дорогам... Немыслимо рассуждать, а тем более делать тарифы на какие-либо грузы, не будучи вооруженным статистикой этих грузов»[1]. Возглавив в 1889 г. Департамент железнодорожных дел, Витте начал тарифную реформу, и именно с ней связано появление «Сводной статистики»[2]. Вплоть до 1917 г. на основании прежде всего ее данных велась железнодорожная тарифная политика Империи.

Невнимание исследователей к «Сводной статистике» закономерно привело к появлению обширной лакуны в современных представлениях о социально- экономическом развитии России конца XIX – начала XX в. Речь идет о комплексе проблем, связанных с географическими, пространственными измерениями истории всероссийского рынка, рыночными связями, шире — с внутренней и внешней торговлей рассматриваемого периода.

Транспортировка товаров по стране — одна из основных форм, в которых материализовывалось функционирование громадного народно-хозяйственного организма, тысячи и тысячи торговых контактов, происходивших на пространстве от Владивостока до Варшавы и Одессы, от Петербурга и Архангельска до Баку и Ферганы. «Перевозки — необходимое завершение производства; когда они ускорялись, все шло хорошо или улучшалось. Для Семена Воронцова, посла Екатерины II в Лондоне, рост английского процветания (выражало) движение по дорогам, которое за пятьдесят лет увеличилось самое малое впятеро» — писал Ф. Бродель[3].

* * *

Каждая страна — дитя своей географии, скажем мы, расширяя мысль Ф. Броделя.

Гигантский перелом, который произвели железные дороги в жизни человечества, можно осознать, представив в общих чертах взаимоотношения людей и пространства до 2-й трети XIX в.

Н. Я. Эйдельман, характеризуя Российскую Империю на «грани веков», упоминает, в частности, о некоем воеводе, посланном в Якутск, который добирался до нового места службы три года со средней скоростью 7 верст в день, о том, что «взойдя на престол, Елизавета Петровна посылает на Камчатку штабс-фурьера Шахтурова, с тем, чтобы он доставил к ее коронации (т. е. через полтора года) шесть пригожих, благородных камчатских девиц. Представления царицы о размерах собственной империи были приблизительными: только через 6 лет (и на 4 года позже коронации) царицын посланец с отобранными девицами достиг на обратном пути Иркутска»[4]. Заслуживают внимания и следующие наблюдения Н. Я.: «11 декабря 1796 г. в Иркутске начались соборный благовест и пушечная пальба в честь нового императора: рано утром примчался правительственный курьер (начиная с Павла, он будет именоваться фельдъегерем), который всего за 34 дня преодолел расстояние в 6 тыс. верст от столицы на Неве до губернского города на Ангаре. Больше месяца Иркутск жил под властью умершей Екатерины II. Камчатка же присягнет только в начале 1797-го... 6 тыс. верст, разделенные на 34 дня, около 180 верст в сутки,— курьерская скорость... С древнейших времен до первых паровозов максимальной скоростью человеческого передвижения была быстрота лучшего коня или тройки, колесницы: примерно 20 километров в час на коротком пути, и меньше, если делить длинные версты на долгие часы. Поэтому в 1796 г. Россия — страна огромная, медленная (в 30–40 раз медленнее и, стало быть, во столько же раз «больше», чем сегодня); страна, где от обыкновенного черноземного гоголевского городка «три года скачи — ни до какого государства не доедешь»[5].

Ф. Бродель формулирует те же мысли немного иначе: «До сих пор я рассматривал пространство (Франции — *М. Д.*) как нечто неизменное. Между тем, оно несомненно подвержено изменениям, ибо **истинной единицей его измерения является скорость, с какой преодолевает его человек.** Некогда люди передвигались так медленно, что пространство сковывало их, отрезало от окружающего мира»[6*].

Бродель, как известно, в своих трудах в основном на французских материалах (но не только!), уделяет немало внимания роли транспорта в том Мире, который не знал железных дорог. Ряд его мыслей и наблюдений безусловно точны и относятся фактически к любой стране в любое время.

Вот некоторые из его общих характеристик: «Вплоть до XVIII в. ... наземный транспорт как будто поражен параличом... В этой области со времен сунского Китая или Римской империи до Европы Ришелье или Карла V ничто не изменится или изменится ничтожно мало! **И все это давит, утяжеляет торговый обмен** и даже просто человеческие отношения... На плохих дорогах — ничтожные скорости. Так рассуждает человек 1979 г., и его точка зрения имеет свой резон. Он видит огромные препятствия

---

[*] Здесь и далее выделение принадлежит мне, за исключением курсива авторов цитат. — *М. Д.*

для любой активной жизни в прошлом лучшем, нежели современник, для которого это было повседневной действительностью»[7]; «Я стремился... показать, **в какой мере обмен, представляющий орудие любого прогрессирующего экономического общества, оказывался стеснен пределами, которые устанавливал транспорт: его медлительностью**, слабой пропускной способностью, нерегулярным характером и, наконец, его высокой себестоимостью. Все упиралось в это „невозможное". Чтобы привыкнуть к этой реальности прошлого длительной временной протяженности, напомним... слова Поля Валери: „Наполеон передвигался так же медленно, как Юлий Цезарь". (притом, что для военных всех времен иногда даже и в XX веке скорость легионов Цезаря и корпусов Наполеона была образцом! — *М. Д.*)

На Западе лошадь, олицетворение скорости, была средством борьбы с расстояниями par excellence — средством, которое ретроспективно представляется нам смехотворным. Но Запад старался усовершенствовать ее службу: лошадей становилось больше, упряжки в пять, шесть, восемь лошадей позволили применять тяжелые экипажи, подставы на дорогах для почты и спешащих путешественников позволяли использовать свежих лошадей, да и сама дорога становилась лучше... Если это было так, то, возможно, потому, что наземный транспорт превосходил — и намного превосходил — транспорт речной и перевозки по каналам, неизменно очень медленные. Даже для транспортировки угля на севере Франции в XVIII в. чаще пользовались гужевым транспортом, нежели услугами лодочников.

Эта как бы заранее проигранная война с пространством наблюдается во всех регионах мира»[8].

Впрочем, очень многое в ходе этих «боевых действий» зависело от размера государственной территории и состояния путей сообщения: «Возникновение национального рынка было движением против вездесущей инерции, движением, порождавшим в долговременном плане обмены и связи. Но во французском случае не была ли главной причиной инерции сама огромность территории? Соединенные Провинции и Англия — первые крохотные, а вторая скромных размеров — были более энергичными, легче поддавались объединению. Расстояние не действовало против них в такой степени»[9] (покуда я не буду спрашивать, а как оно действовало против России?).

В одном из разделов красноречиво названном «Франция — жертва своего огромного пространства», Бродель, в частности, пишет: «Французская экономика — раздробленная, регионализированная — составляла сумму отдельных жизней, которые стремились замкнуться в себе. Великие потоки, которые через нее проходили (можно было бы сказать, почти что „пролетали" над ней), действовали только к выгоде отдельных городов и регионов, выполнявших роль перевалочных пунктов, пунктов отправления и прибытия. Наподобие прочих „наций" Европы, Франция Людовика XIV и Людовика XV была еще главным образом сельскохозяйственной»[10]; «Если провинции плохо сообщались между собой, это означало, что они располагались в пределах территории, где расстояния были преимущественно помехой. Даже в том, что касается зерна, Франция, производитель-гигант, будучи жертвой своих размеров, потребляла свою продукцию на месте; перебои в снабжении, даже голодовки были там парадоксально и по существу возможны еще в XVIII в.

То была ситуация, которая сохранится до того момента, когда железные дороги достигнут отдаленных сельских зон»[11]. Разве все это не имеет отношения к русской истории, только в стократ больших количественных и совершенно иных качественных масштабах?

Однако правительства Франции и некоторых других стран не мирились с этим положением вещей и не желало «заранее проигрывать войну с пространством». Уже в XVII в., особенно при Кольбере, началось улучшение дорожной сети. А «с 1735 или даже 1760 г. государство осознанно взялось за это крупное и рискованное дело» — «обширные дорожностроительные проекты»[12], в ходе которых «внедрялись новые технологические приемы — хотя бы такие, как глубокая укладка дорожного полотна или новый тип подводных мостовых опор; кроме того, на дорогах сглаживались виражи, делались более плавными подъемы и спуски, через реки перебрасывались стальные мосты... По новым магистралям ездить было удобнее — экипажи тоже совершенствовались — а главное, быстрее... В XIX в. скорости росли еще быстрее, поскольку с конца XVIII в. до 1850 г. они для почтовых компаний утроились»[13].

Бродель считает, что для многих приморских стран морская торговля была как бы «премией для экономики... Перевозка на 10 лье по суше обходится дороже, нежели на тысячу лье морем». К 1830-м годам парусный флот «уже давно достиг своего совершенства, мы бы сказали предела возможного... и это в силу контраста подчеркивает и делает еще более удивительным отставание дорожного хозяйства. Последнему, чтобы достигнуть своего совершенства, пришлось дожидаться первого взлета промышленной революции, бурного времени 30–40-х годов XIX в., чтобы оказаться на пороге расцвета железных дорог.

В самом деле, незадолго до того, как последние пришли на смену, невероятное преобразование дорожного хозяйства, начиная с „тюрготин“ на рельсовом ходу, продемонстрировало, что было возможно с точки зрения техники совершить намного раньше. В те времена наблюдалось расширение дорожной сети: в США, где все уже тогда принимало грандиозные размеры, она выросла в восемь раз в 1800–1850 гг., в Австрийской империи в 1830–1847 гг. — больше чем вдвое; усовершенствовались экипажи и улучшились почтовые станции; произошла демократизация перевозок. Эти изменения обязаны были своим зарождением не какому-то конкретному техническому открытию. Они просто оказались следствием крупных вложений, целенаправленных систематических улучшений, ибо экономический рост того времени сделал их и „рентабельными“, и необходимыми»[14]

Нетрудно видеть, сколь многое из сказанного Броделем лишь резче подчеркивает и без того понятный контраст между Европой XVIII–XIX вв. и современной ей Россией.

С одной стороны, читая разделы книг Броделя, емко называющиеся «Огромные размеры Франции — помеха для национального рынка»; «Транспорт как тормоз экономики»[15] и др., а с другой, вспоминая попутно русских пейзажистов, некоторых передвижников, а также кое-что, увиденное собственными глазами, начинаешь испытывать как бы оправданное, но все равно неприятное — потому что нездоровое — чувство социально-патриотической ревности, а то и тривиальной зависти. Этот извечный российский мотив — нам бы их проблемы с их 550 тыс. кв.км, с римскими дорогами, до-

жившими до XXI в., с акведуками, сохранившимися с эпохи принципата, с окультуренным (в сравнении с нами) еще до времен «Трех мушкетеров»пространством, не говоря об окультуренных мозгах правителей и пр.!

Но у каждой страны свои проблемы. А Франция была и остается гигантом Западной Европы — 550 тыс. кв. км!

Бродель убедительно доказывает, что «Франция — жертва своего огромного пространства».

Но ведь площадь Франции — это площадь лишь **четырех** дореволюционных российских губерний из **девяноста** — Саратовской, Самарской, Оренбургской и Уфимской, суммарная территория которых составляла — 480, 8 тыс. кв. верст, или 547 ,2 тыс. кв. км.

И что тогда говорить о России, если Франция — жертва?

Ведь в России те проблемы, с которыми сталкивалась Франция, пытаясь организовать, структурировать свою территорию, возрастали, повторюсь, неизмеримо.

Вот лишь несколько разрозненных, но достаточно показательных фактов из истории русских путей сообщения в доиндустриальную эпоху. В XVII в. купленные у иностранцев товары из Архангельска грузились на дощаники и отправлялись в основном в Вологду, где был склад английских товаров и где англичане скупали лес. Торговый путь из Вологды в Москву шел через Ярославль, Ростов Великий и Переяславль-Залесский. Зимой по этой дороге можно было доехать за 5 дней. «Летом этот путь был непроходим по причине лесов и болот. Поэтому летом ехали водою — с семиверстным волоком до рек Вологды и Сухоны»[16].

Плавание от Москвы до Нижнего Новгорода при благополучных обстоятельствах требовало около 11 суток. Караваны судов, ходившие по Волге (при Иване Грозном — до 500 судов с пушками) на парусе или лямке, шли в день не более 1 версты[17].

Все же относительно путей сообщения в России происходили кое-какие перемены. «Летние дороги оставались в чрезвычайно плохом состоянии; мосты были редки, да и то плавучие. Зимние дороги были гораздо лучше, хотя и здесь приходилось иметь дело с ухабами. С 1665 г. начинается история русских почт. Голландец фон Сведен учредил почту от Риги до Москвы через Псков, Новгород и Тверь»[18].

Петр I, прекрасно понимавший значение путей сообщения, пытался построить 6 каналов, но закончено из них было только два — в 1706 г. были начаты работы для открытия Вышневолоцкого канала; через 12 лет начали рыть Ладожский канал.

А тем временем товары везли к Петербургу сухим путем. Этот путь был затруднителен вследствие дороговизны конских кормов и дурного состояния дорог[19].

Официально столица была перенесена из Москвы в Петербург в 1711 г. Л. Е. Шепелев пишет по этому поводу: «Смысл этой акции состоял в том, чтобы, во-первых, новую систему управления государством строить в новых же условиях и, во-вторых, приблизить столицу к Европе, с которой намеревались брать пример. Петербург оказывался в двух неделях морского пути от Гамбурга и Лондона. Морские перевозки в то время были наиболее дешевы. Хотя навигационный период не был круглогодичным, к нему можно было приспособиться.

Вместе с тем перенос столицы существенно отдалял ее от уже освоенного центра страны. Расстояние между новой столицей и большинством провинциальных центров

возрастало на сотни верст, что не только удорожало, но и замедляло товарооборот между ними. В то время грузовое сообщение между Петербургом и центром страны осуществлялось главным образом водным путем, по вновь сооружаемым каналам, пересекающим водоразделы. Суда двигались конной или людской тягой. Перевозкой были заняты тысячи людей. **На прохождение каравана судов от Твери или Рыбинска до Петербурга иногда не хватало навигации**. Переезд (без большого груза) на лошадях от Москвы до Петербурга требовал недели»[20].

Козловский указывает, что в конце правления Петра I из Москвы в Петербург ехали 5 недель из-за грязи и поломанных мостов; правда, он не уточняет, идет ли речь об обозах или путешественниках. При этом «дней по 8 приходилось дожидаться лошадей на станциях; на дороге во многих местах гнездились разбойники.

Даже при императрице Елисавете разбои на Волге были не редкость... Не лучше разбойников были воеводы и другие власти, они постоянно задерживали купцов на дорогах и брали взятки. О Сибири говорить нечего: там немалые тысячи верст были вовсе неисследованы. Только при императрице Анне стали пролагать дороги в Сибири»[21].

«Лучшие почты ходили все-таки медленно: из Москвы в Петербург почта шла 12–13 дней»[22].

Первая шоссейная дорога в России появилась в 1817 г. Понятно, что это не слишком изменило общую ситуацию, во всяком случае, сразу.

В 1824 г. начальник Главного штаба русской армии князь П. М.Волконский, близкий друг и всегдашний спутник императора Александра I, объездивший с ним, можно думать, немалую часть экватора по дорогам России и Европы, вознамерился посетить свою подмосковную деревню. Денис В. Давыдов не без сарказма описал товарищу случившееся во время этого краткого вояжа столкновение одного из первейших сановников страны с российской реальностью: «Ездив всегда с Государем, для коего и украдкой от коего, несмотря на *рабочее время*, губернаторы выгоняют целые губернии для работы дорог, Волконский теперь увидел во всей наготе те дороги, по коим мы, грешные, ездим или, лучше сказать, кои мы, грешные, объезжаем, ибо по ним ездить нет возможности! Словом, он выехал из Москвы в Суханово верхом, и то на 7-й версте была поставлена для него переменная лошадь»[23]. И это в пределах столичной Московской губернии, которая была едва ли не главным транспортным узлом России!

И в других регионах дороги, понятно, были не лучше.

Весной 1821 г. «Проконсул» Кавказа, генерал А. П. Ермолов, был вызван Александром I в Лайбах (Любляну), где тогда проходил очередной конгресс Священного Союза. В связи с этой поездкой в историографии возникло определенное недоразумение, имеющее отношение к нашим сюжетам. Царь решил отправить в помощь Австрии 80-тысячную русскую армию во главе с Ермоловым для подавления «беспорядков» в Северной Италии. Ермолов ехал в Лайбах так долго, что некоторые советские историки, которым очень хотелось повысить уровень его свободолюбия, всерьез писали, что он сознательно тянул время в дороге, чтобы не командовать армией, которая будет заниматься борьбой с революцией. Увы, все дело было в имперской дорожной системе, и характеристики ее Ермоловым небезынтересны для нас. 11 апреля 1821 г. он пишет А. А. Закревскому из Орши: «Не еду мучусь! Нередко в день не более 50 верст и болен. Представь мое отдох-

новение, я еду в перекладной повозке для того, чтобы выиграть несколько часов, ибо коляска, невзирая на то, что весьма легка, некоторые станции делает по 8 или 10 часов. ... Меня в отчаяние приводит злодейская дорога. Я думаю, что она может сносною казаться одному спасающемуся от виселицы, но ни для какого благополучия нельзя делать ее терпеливо... Прощай! Не знаю, как поеду далее, но стращают меня дорогою между Брестом и Краковом, и быть может, хотя и не был намерен, пущусь через Варшаву»[24]. Через 11 дней он резюмирует путешествие по Белоруссии, Литве и русской Польше: «Едва пробрался я мучительною дорогою от Бреста прямо на Краков. Какие гнусные дороги, какие скаредные лошади в царстве бесподобном (Польском. — *М. Д.*)!»[25].

Проблемы экономические и капитальной важности для всех времен и народов проблема коммуникации между Властью и подданными в это время связаны теснее, чем в наши дни. Очень интересные и свежие данные приводит на этот счет И. В.Курукин: «Отсутствие кадров (подготовленных чиновников. — *М. Д.*) усугублялось колоссальными пространствами страны, где между редкими городами связь осуществляла целая армия курьеров. В 1732 году Сенат полагал, что необходимо привлечь к этой деятельности еще 4038 человек, чтобы с прежними они составили 5488 рассыльщиков, необходимых для работы государственной машины. На деле к фельдъегерской работе привлекалось огромное количество всякого служилого люда, прежде всего гвардейские и армейские солдаты и офицеры. Жизнь многих из них так и проходила на бесконечных дорогах империи, где иные из гонцов навсегда пропадали «безвестно».

Только из одного дела о рассылке императорского указа от 7 сентября 1727 года о „неслушании“ никаких распоряжений Меншикова следует, что во все концы страны 3345 печатных распоряжений повезли сотни курьеров: несколько десятков из столицы, а остальные — из Москвы и других губернских центров. На доставку даже столь важных бумаг в старую столицу требовалась неделя (прибыли 16 сентября); а на окраины европейской России они приходили примерно через месяц: в Симбирске указ был получен 3 октября, на Дону — 7-го, в Уфе — 8 октября. С уведомлением о получении местные власти не торопились и отправляли рапорты с ближайшей оказией. В данном случае такие расписки пришли в Петербург через два месяца (из Уфы и Симбирска — 9 декабря 1727 года), когда сам светлейший князь давно уже находился в ссылке, и исполнение указа потеряло всякий смысл.

Темпы доставки корреспонденции на протяжении столетий почти не менялись: в XVII столетии почта из Москвы в Архангельск двигалась со скоростью 10 верст в час, то есть при непрерывной езде гонец в сутки мог одолеть 240 верст, что являлось пределом возможного. Только некоторое улучшение дорог в следующем веке позволило фельдъегерям Николая I достичь максимума — 300–350 верст в сутки со страшным напряжением сил и опасностью для жизни. „Приходилось в степях, при темноте, сбиваться с пути, предоставлять себя чутью лошадей. Случалось и блуждать, и кружиться по одному месту. По шоссейным дорогам зачастую сталкивались со встречным, при этом быть только выброшенным из тележки считалось уже счастием. Особенно тяжелы были поездки зимою и весною, в оттепель; переправы снесены, в заторах тонули лошади, рвались постромки, калечились лошади“, — вспоминал тяготы службы старый фельдъегерь в середине XIX века»[26].

Сказанное подтверждается письмами уже упоминавшегося А. П. Ермолова. Когда он в 1816 г. стал командиром Отдельного Грузинского (позже. — Кавказского) корпуса, то проблема быстроты сообщений с Петербургом выступила на первый план. В письмах своему близкому другу, А. А. Закревскому, дежурному генералу Главного штаба, который руководил, кроме прочего, фельдъегерской службой, Ермолов не раз касается этой темы: «Погоняй порядочно отправленного от меня прежде фельдъегеря. Он дрянь и ехал как *баба*. Последний ехал как молодец. За исключением пребывания в карантине, прибыл на 15-й день» (9 января 1817 г.)[27] (курсив Ермолова. — *М. Д.*).; «Ты, Арсений, любил быть справедлив, а потому возьми в покровительство фельдъегеря Грознова. Он в 12 дней приехал, в том числе одну станцию в горах шел пеший по причине чрезвычайно глубоких снегов. Приехал и, бедный, болен от ужасной усталости. В минуту приятную выпроси у Государя ему офицерский чин. Поистине молодец, и награждение дано будет лихому курьеру. Во все время ни один сюда так не прилетал». 28 февраля 1817 г.[28], а 21 марта напоминает о нем же: «Со времени пребывания здесь россиян в 16 лет был один только подобный случай»[29]. 22 октября 1817 г. он отмечает фельдъегеря Дешевого, который «приехал в 6-й день в Моздок и очень скоро сюда. Вскоре по его приезде обрушился снег. Это славный малый и хорошего поведения. Не знаю, откуда ты достаешь их?»[30].

А вот два эпизода из жизни человека, увековечившего любовь русских к быстрой езде. Н. В. Гоголь однажды 10 октября выехал из Курска и, «отчаянно спеша», 21 октября прибыл в Москву. Летом 1832 г. он «безостановочно» ехал из Петербурга до Москвы 4 дня и 7–8 дней от Москвы до Малороссии[31].

В общем, факты такого рода можно во множестве найти в истории если не любой, то очень многих стран. Эти данные, как можно видеть, разноречивы и в определенном смысле ничего не доказывают и не опровергают, а лишь констатируют местные нюансы в «заранее проигранной войне с пространством».

Что касается России, то, хотя бурлаки были и во Франции, но, на мой взгляд, именно картина Репина, пусть и написанная в 1870–1873 гг., — самая внятная красноречивая метафора развития российской экономики в дореформенные годы (хотя мы помним, что все же некоторый прогресс в 1-й половине XIX в. отмечается!), до постройки железных дорог — те же ширь и размах, та же скорость и та же экспрессия в их сложном единстве и борьбе. И все это — на протяжении веков.

Россия проигрывала эту войну веками — организация ее жизни в целом и в частностях была совершенно иной, чем в странах Запада. И ее не омывали моря, не считая Северного Ледовитого океана. Разумеется, она могла существовать и в таком режиме, ибо существовала. Но ее Новую историю — и во многом с чистого листа — начнут писать железные дороги. И так было повсюду.

Вновь вернемся к Броделю: «Учитывая огромные размеры Франции, становится очевидно, что для ее единства успехи транспорта были решающими, если еще и недостаточными. Именно это на свой лад утверждают (в применении к более близкому нам времени) историк Жан Бувье, считающий, что национальный рынок во Франции стал существовать только с завершением ее железнодорожной сети, и экономист Пьер Юри, который идет еще дальше, утверждая без обиняков, будто нынешняя Франция станет

экономическим единством лишь в тот день, когда телефонная связь в ней достигнет „американского“ совершенства[32]. Впрочем, и он сам прямо говорит, что «до появления железных дорог Франция не представляла собой настоящего национального рынка»[33].

Нельзя не согласиться с постановкой в один предметный и логический ряд таких понятий, как единство страны и настоящий рынок, причем единство здесь подразумевается, конечно, не только экономическое.

Повторюсь — то же, только в куда большем масштабе имело место в России.

Железные дороги стали тем скелетом, каркасом, который начал скреплять регионы Российской Империи воедино.

До постройки в России более или менее обширной сети железных дорог говорить о всероссийском рынке можно, полагаю, лишь с большой долей условности.

За 30 с небольшим лет, фактически на глазах одного поколения русских людей, их страна с самой большой в мире территорией, составные части которой выглядели целостно скорее на географической карте, нежели в действительности, благодаря железным дорогам словно бы воссоздалась заново.

* * *

«Сводная статистика» содержит уникальную информацию по истории народного хозяйства дореволюционной России — сведения о межстанционных железнодорожных перевозках грузов, что позволяет реконструировать реальные товаропотоки и притом в динамике. Это дает возможность, во-первых, получить абсолютно *новое* знание о географических аспектах функционирования рынка и, во-вторых, значительно уточнить, дополнить и скорректировать сложившиеся в историографии представления о важнейших тенденциях социально-экономического развития страны в конце XIX – начале XX вв.

Историкам, в общем, известно, сколько и каких продуктов было выработано в России и сколько их было ввезено из-за границы и вывезено туда в рассматриваемый период. Но только «Сводная статистика» может установить, **как** распределялись эти товары по стране и **каким путем** они дошли до потребителей.

Четверть века, предшествовавшая Первой мировой войне, стала началом радикальной (и увы — незавершенной) модернизации России, связанной прежде всего с именами Витте и Столыпина. Она охватила большинство аспектов жизни страны, и в огромной мере — социально-экономическую сферу. Бурный рост крупной промышленности вывел Россию на пятое место в мире по объему промышленной продукции. В этих условиях показала высокую способность к адаптации и такая специфичная структура экономики страны, как кустарная промышленность, покрывавшая значительную долю потребностей населения. Россия вышла на первое место в мире по общему объему сельскохозяйственной продукции. На нее приходилось 50% всех мировых сборов ржи, около 20% пшеницы, и примерно 25% мирового сбора зерна и его мирового экспорта, росла площадь посевов и урожайность зерновых, сахарной свеклы, льна и других технических культур. Увеличивалось поголовье и продуктивность скота. Повышалась товарность сельского хозяйства. Россия активно участвовала в международных рыночных связях.

В постижении этих процессов «Сводная статистика», охватывающая период 1889–1915 гг., может и должна сыграть выдающуюся роль, поскольку она позволяет наполнить общие показатели развития страны реальным содержанием. Она дает возможность ощутить и, если угодно, «увидеть», как развивался эпический процесс соединения частей огромной страны в иное, чем прежде, экономическое целое. Ведь очевидно, что железные дороги создали качественно новое единство громадной государственной территории Российской Империи.

Здесь уместно напомнить, что «рынок» — очень широкое, объемное понятие, и его многозначность соответствует огромной сложности процессов, совокупность которых этим понятием покрывается. В частности, будучи сферой обмена товаров, услуг, финансовых и иных ресурсов, рынок является также и «сферой, в которой проявляются объективные закономерности, присущие товарно-капиталистическому производству и стихийно регулирующие это производство»[34].

Соответственно и изучение рынка может идти разными путями. Так, один из них, имеющий уже прочные традиции в отечественной историографии, — анализ движения цен, прежде всего хлебных. Здесь необходимо отметить труды И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова, а также Б. Н. Миронова, в которых исследовались хлебные цены в России в XVII – начале XX вв.

В данной работе, как уже говорилось, в центре внимания находятся иные аспекты функционирования рынка — прежде всего, географические. В контексте данной проблематики Б. Н. Миронов, изучавший ее применительно ко 2-й половине XVIII – 1-й половине XIX в., писал: «Всероссийский рынок целесообразно рассматривать как систему взаимосвязанных местных рынков страны, объединенных в целое общей функцией — осуществлением товарообмена между производителями и потребителями в масштабе всей страны — на основе товарного производства и географического разделения труда. В основе этой системы... — сложившаяся торговая сеть, охватывающая всю страну, наличие устойчивых и постоянных торговых связей, обеспечивающих необходимый масштаб товарообмена и определенное соотношение спроса и предложения на все товары, единая структура цен»[35].

Монография имеет двуединую цель. Она состоит в источниковедческом и научно-информационном изучении опубликованного комплекса железнодорожной тарифной статистики Министерства финансов — «Сводной статистики», а также в разработке и апробации методов анализа статистических данных источника.

В монографии устанавливается, оценивается и демонстрируется информационный потенциал «Сводной статистики» для решения различных проблем социально-экономической истории России конца XIX – начала XX в.

В силу этого первой задачей работы является всесторонняя критика источника, т. е. выяснение обстоятельств появления, истории создания, функционирования и издания «Сводной статистики», а также степени репрезентативности источника, полноты охвата фиксируемых им явлений и др.

Другие задачи исследования связаны с изучением информационного потенциала «Сводной статистики» и выработкой эффективных методик ее анализа.

Поскольку «Сводная статистика» разрабатывает межстанционные перевозки определенных грузов или групп грузов, ее данные позволяют изучать отраслевые рынки,

как сельскохозяйственные, так и промышленные, причем в любом необходимом географическом масштабе — имперском, региональном, губернском, уездном. При этом существует возможность наложения, совмещения друг с другом различных отраслевых рынков на одинаковых географических уровнях и, соответственно, определение значимости того или иного региона как рынка сбыта для продукции других регионов или, напротив, его роли как поставщика товаров на всероссийский рынок.

Поэтому для исследования многопланового и многообразного информационного потенциала источника выбраны, с учетом современного состояния историографии экономической истории, следующие проблемы: динамика соотношения внутреннего и внешнего хлебных рынков, динамика развития рафинадного рынка, роль Средней Азии как рынка сбыта для промышленной продукции, динамика потребления сельхозмашин и орудий в начале XX в. в связи со Столыпинской аграрной реформой.

Информационный потенциал «Сводной статистики» этим не исчерпывается, однако выбор для анализа ее информационного содержания именно этих проблем обусловлен следующими обстоятельствами.

Исследуя экономическую историю аграрно-индустриальной страны, какой была Россия на рубеже XIX – начала XX в., где сельское хозяйство было главным занятием 75% населения, естественно обратить в первую очередь внимание на темы, связанные именно с аграрным развитием.

Это, во-первых, касается важнейшего из отраслевых рынков Империи — хлебного, продукция которого, по точному выражению А. Н. Челинцева, составляла «основной нерв современного русского сельскохозяйственного производства». В монографии на основании данных транспортной*, а также урожайной и таможенной статистики исследуются изменения в соотношении внутреннего и внешнего хлебных рынков в конце XIX – начале XX в., что позволяет переосмыслить проблему «голодного экспорта», одну из самых острых проблем не только экономического, но и социального развития России пореформенного периода.

Выбор второго отраслевого рынка — рынка усовершенствованных сельхозмашин и орудий — связан с главным, на наш взгляд, событием в истории сельского хозяйства пореформенной России — Столыпинской аграрной реформой, судьбы которой продолжают оставаться одним из самых дискуссионных вопросов современной историографии. Источниковедческий анализ «Сводной статистики» существенно расширяет наши представления о реформе. Благодаря ее данным, возможно проследить динамику получения усовершенствованной сельхозтехники всеми 87 губерниями и областями России, по которым проходили железные дороги, изучить этот процесс в динамике, выявить региональные особенности его эволюции, установить факторы, влиявшие на него, в том числе и роль аграрной реформы Столыпина.

Представляется логичным вслед за анализом отраслевого сельскохозяйственного рынка исследовать промышленный рынок. Во-первых, необходимо определить возможности источника для изучения подобного рынка. Во-вторых, поскольку про-

* Здесь и далее под транспортной статистикой подразумеваются совокупные данные о железнодорожных и речных перевозках грузов, «очищенных» от двойного счета по предлагаемой нами методике.

мышленные рынки имеют иную географическую структуру, нежели рынки, связанные с аграрным производством, для их исследования в ряде случаев требуется особая методика анализа данных «Сводной статистики», что очень важно для темы данной монографии.

Из нескольких имеющихся вариантов была выбрана одна из крупнейших отраслей дореволюционной российской промышленности — сахарная. Не менее 70 % сахарных продуктов до революции потреблялось в виде рафинада, и поэтому в данной работе анализируется рафинадный рынок. В пользу такого решения говорят следующие обстоятельства.

Исследование других значительных с народно-хозяйственной точки зрения промышленных рынков, например, рынка лидера русской индустрии — текстильной, в частности, хлопчатобумажной промышленности, к сожалению, не дает аналогичной степени наглядности. Это связано со следующими особенностями источника.

Во-первых, один из явных для историка-источниковеда недостатков «Сводной статистики» состоит в том, что **иногда** в одну и ту же тарифную группу включались товары однородные с точки зрения транспортировки (в производственном и финансовом аспектах), но достаточно разные по качеству, бытовому назначению и цене. Так, в тарифную группу, которая таксировала перевозки «Мануфактурного товара и ткацких изделий», входили и отдельно разрабатывались «Сводной статистикой» подгруппы тканей кустарного производства (затрапеза, крашенина, пестрядь, посконина, серпянка, холст и полотно крестьянские), льняных и джутовых тканей и «остальных предметов группы». В число этих последних входили шерстяные, хлопчатобумажные и шелковые ткани. Лишь в 1911 г. Департамент железнодорожных дел осознал необходимость отдельного анализа продукции лидера российской промышленности. Поэтому мы не можем полноценно исследовать, как эволюционировали соответствующие отраслевые рынки до 1911–1915 гг.

То же относится и к продукции металлообрабатывающей промышленности — здесь в отдельные группы входили зачастую десятки наименований товаров*. Разумеется, это ведет к еще большему огрублению подсчета, чем в случае текстильного рынка. Перечень можно продолжить.

Заметим также, что проводившийся периодически Министерством финансов пересмотр номенклатуры и перенесение грузов из одной тарифной подгруппы в другую не способствует в подобных случаях проведению анализа за продолжительное время, ибо нарушает принцип сопоставимости.

Это, разумеется, никак не исключает в принципе возможности анализа этих рынков на основании данных «Сводной статистики». Однако ясно, что в подобных случаях исследование заметно усложняется. Между тем, едва ли целесообразно начинать изуче-

---

* Например, в подгруппу «д» группы № 33 «Железные, жестяные, стальные и чугунные изделия» (номенклатура 1890-х гг.) входили: «Арки, балки, газгольдеры, кессоны, колонны, круги поворотные для железных дорог, куполы железные, мостовые части (раскосы, стойки, подушки, катки) сваи, стойки, столбы, стропила и фермы мостовые несклепанные». Протокол Совещания, организованного по постановлению 62 Общего тарифного съезда (по вопросу 75 протокола). СПб., С.33. В подгруппе «ж» находилось вдвое больше наименований грузов.

ние информационного потенциала источника именно с такого варианта, а не с более простого.

Во-вторых, исторически сложившаяся специфика районирования текстильной промышленности была такова, что возле одной и той же железнодорожной станции зачастую располагалось несколько фабрик. Это лишает нас возможности установить рынки сбыта конкретных предприятий, а именно эта задача представляется очень важной в комплексе проблематики, связанной с анализом отраслевого рынка. В полном объеме этого не позволяет сделать и делопроизводственная документация предприятий, поскольку она сохранилась далеко не полностью.

Перевозки рафинада в указанных отношениях весьма выгодно отличаются. «Сводная статистика» подразделяет рафинад только по виду упаковки — на рафинад в бочках и на рафинад в мешках и ящиках. Районирование предприятий отрасли дает возможность четко локализовать местонахождение подавляющего большинства заводов Империи. Наконец, рафинад — чистый весовой продукт, т. е. один из тех продуктов, для которых весовое выражение перевозок **действительно адекватно** потребительскому, в отличие, скажем, от того же мануфактурного товара и ткацких изделий. Совокупность этих обстоятельств и предопределила выбор рафинадного рынка в качестве предмета исследования.

Доказательство возможности анализа отраслевого сельскохозяйственного и промышленного рынка естественным образом приводит к идее оценки их сочетания, увидеть их в совокупности. Разумеется, оптимально было бы проделать это в масштабах всей страны, но это — задача с ощутимым привкусом утопичности. Иное дело — масштабы региона, пусть и обширного. В такой огромной стране, как Россия, всегда остро стояла и стоит проблема связи и взаимосвязи Европейского центра и периферийных регионов, масштаба их участия в экономической жизни, включенности в нее. Бесспорно, что связи с окраинными, да и не только окраинными регионами, поставка продукции туда и вывоз ее оттуда перманентно являются едва ли не важнейшей транспортной проблемой для нашей страны. Как известно, именно нарушение этих связей стало в годы Первой мировой войны одной из главных причин крушения старой России.

Из возможных вариантов анализа рыночных связей Европейской России с азиатскими окраинами Империи выбор был остановлен на Средней Азии в силу меньшей, в сравнении с Сибирью, изученности этого сюжета в историографии. Проблема связей с Кавказом едва ли может быть корректно решена в принципе, поскольку отсутствует надежная статистика водных перевозок.

Есть и еще одна причина в пользу выбора Средней Азии в качестве объекта исследования. В историографии до сих пор не решен вопрос о том, какие мотивы — политические или экономические — превалировали при завоевании Средней Азии. Одним из важных аргументов в этом споре может быть выяснение истинной значимости этого региона в системе всероссийского рынка в начале XX в. Давно уже утвердилась мысль, что Средняя Азия была важным рынком сбыта для отечественной промышленности. Насколько этот тезис справедлив, во многом можно судить только на основании материалов «Сводной статистики».

* * *

В данной монографии сделана попытка исследовать рынок как сферу товарного обмена комплексно, т. е. он рассматривается как система сельскохозяйственных, промышленных, сырьевых связей в масштабах Империи, Европейской и Азиатской частей России и её отдельных регионов. Автор стремился, по возможности, соединить источниковедческий, социоструктурный, социокультурный, эмпирический аспекты анализа, «скрепляя» их междисциплинарным подходом (история, экономика, историческая география, историческая информатика, математическая статистика).

Насколько эта попытка оказалась удачной — судить читателю.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Витте С.Ю.* Принципы железнодорожных тарифов на перевозку грузов. СПб., 1910. С. 96.
2. *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 46–51 и далее.
3. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. М., 1988. С. 345–346.
4. *Эйдельман Н.Я.* Грань веков. М. 1982. С. 8.
5. Там же. С. 8–9.
6. *Бродель Ф.* Что такое Франция? Пространство и история. Т. 1. М., 1994. С. 87
7. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. М., 2006. Т. 1. Структуры повседневности. С. 377–378, 386.
8. Там же... С 389,392.
9. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. М., 1992. т.3, С. 320.
10. Там же.
11. Там же. С.331
12. Что такое Франция. Люди и вещи. 2.2. М., 1997. С. 241
13. Там же. С. 230.
14. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация... Т. 1, с. 389.
15. *Бродель Ф.* Что такое Франция... 2.2. С. 234–235.
16. *Козловский И.* Краткий очерк истории русской торговли. Вып.1 Киев., 1898. С. 29–30.
17. Там же. С. 31–32.
18. Там же. С. 33–34
19. Там же. С. 54–55.
20. *Шепелев Л.Е.* Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. СПб., 1999. С. 10.
21. *Козловский И.* Краткий очерк истории русской торговли... С. 55.
22. Там же.
23. Сб.РИО, СПб., 1891 С. 536–537.
24. Там же. С.363–364.
25. Там же. С. 366.
26. *Курукин И.В.* Бирон. М., 2006. С. 227–228.
27. Там же. С. 206

28. Там же. С. 222.
29. Там же. С. 227.
30. Там же. С. 250.
31. Энциклопедический словарь Гранат. Т. 20, стлб. 10.
32. Материальная цивилизация. Т. 3. С. 327.
33. *Бродель Ф.* Что такое Франция?... Т. 2. С. 227.
34. Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма / Отв. ред. И.Д. Ковальченко. М., 1979. С. 345.
35. *Миронов Б.Н.* Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. Л., 1981. С. 5–6.

Глава 1
ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВ

§ 1.1. ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ

Большинство рассматриваемых в монографии проблем являются частью историографии аграрного развития пореформенной России, точнее — русского аграрного вопроса.

Он, как известно, для **бóльшей** части образованных (и не очень) людей был тогда едва ли не основополагающим в жизни страны, а иногда и их собственной, далеко выходящей за рамки собственно сельского хозяйства.

Аграрный вопрос (в широком смысле слова) стал для русской интеллигенции в определенном смысле целым мировоззрением, символом веры, на котором строились ее отношения к окружающему миру. Последние следует назвать народническими, ибо народническое восприятие действительности, безусловно, доминировало тогда в России — от Зимнего дворца до конспиративных квартир народовольцев.

Разумеется, народнические взгляды и народничество как политическая доктрина — не одно и то же. Народнические взгляды шире, тут общий базис имеет славянофильские корни, а именно: неприязнь к капитализму, самобытность, общинность и др.

Относительно подробно эти сюжеты рассматриваются в Приложении 2. Пока же замечу, что в основе этого восприятия лежало так называемое «народолюбие». Это несколько странное для современного русского языка понятие, как и производные от него, например, «народолюбивая интеллигенция», скромно-уверенно писалось тогда без кавычек, являясь своего рода визитной карточкой не социального положения, но мировоззрения многих и многих тысяч умевших читать людей.

Сразу заметим, что «народолюбие» это было «так называемым» во всех смыслах, и не о такой любви слагают радостные гимны в роде «Что может сравниться с Матильдой моей?..»

Что имеется в виду?

Выдающийся русский экономист XX в. Н. П. Макаров так объяснял мотивы, двигавшие им, в частности, при написании монографии «Эволюция крестьянского хозяйства»: «Мне хотелось... присоединить свой голос к тем, которые говорили, что *крестьянское хозяйство* не только может прогрессировать, но и *действительно прогрессирует*.

Мне хотелось быть в стороне от тех идеологов крестьянского хозяйства, которые, заботясь о нем, плакали над ним; уйти от тех, которые свою социалистически-этическую точку (зрения) пытались выдать как социально-психическую характеристику трудового крестьянства; но хотелось уйти и от тех, которые бичевали психологию крестьянского хозяйства как психологию ограниченности, твердолобости „мелкого хозяйчика“ и т. п. В психологии хозяина — самостоятельного работника и организатора есть мно-

го *этически-ценного*, бодрого, красивого; нельзя строить новую жизнь, ненавидя само строительство жизни; я видел в жизни, что есть в крестьянстве *здоровая творческая, ненюющая психология организатора — творца...*»[1]. (курсив Н. П. Макарова. — *М. Д.*)

Здесь, в числе прочего, внятно определено содержание феномена, который, расширяя мысль Макарова, с полным правом можно назвать «плачущей», а лучше — «ноющей историографией» российской деревни.

Большая часть смысла и почти весь пафос этой литературы состоял в доказательстве безотрадного и беспросветного существования российского крестьянства, которое, впрочем, сохраняло шансы на светлое будущее в виде уравнительно-передельной общины, «эмбриона» нового социального строя.

Об этом писались сотни книг, брошюр, статей, весьма часто находившихся в прямом противоречии с действительностью, что не смущало их авторов.

Власть была объявлена виновной в ограблении крестьян в ходе Великой реформы, и это в огромной мере определяло всю общественную атмосферу эпохи.

Не слишком утрируя, можно сказать, что у русской интеллигенции, во-первых, был главный и за все дурное ответственный враг — самодержавие, в борьбе с которым хороши были все средства — от взрывчатки до тенденциозных (а то и сфальсифицированных) текстов. Во-вторых, у нее был главный и всегда страдающий по милости этого самодержавия объект почитания, заботы и даже любви — народ, понимаемый прежде всего как крестьянство, которому она, интеллигенция, сильно задолжала за то, что умеет писать, читать не по складам, и знает, кто такой Леонардо да Винчи. Долг этот она возвращает, борясь тем или иным образом с самодержавием, и со временем вернет, выведя народ к светлому социалистическому будущему.

Здесь важно заметить, что «плач» над участью крестьянства был одним из главных компонентов пресловутого «народолюбия», однако «плач» этот отнюдь не всегда был бескорыстным. Взамен интеллигенция присвоила себе право говорить от имени народа, приписывая, точнее, навязывая ему свои взгляды (выдавая «свою социалистически-этическую точку зрения» за крестьянскую).

Более того, бедствия народа, точнее, то, что интеллигенция объявила таковыми, стали фундаментом, на котором она выстроила свое жизненное кредо, обрела смысл жизни. Чужие страдания стали оправданием последней и морально санкционировали борьбу с Властью.

Кстати, взгляды тех идеологов, от которых хотел уйти Макаров, различались лишь с внешней стороны. Одни «рыдали», но взамен желали привести крестьян к тому варианту светлого будущего, который они для них выбрали, другие критиковали психологию «мелкого хозяйчика» и готовили поэтому для крестьянства несколько иное будущее. Однако в основе воззрений и тех и других лежало убеждение в своем праве решать **за** крестьян, **как** они должны жить, которое, разумеется, не было основано на признании крестьян равными себе. По данному поводу Н. А. Бердяев точно заметил, что «человеколюбие это было ложным, так как не было основано на настоящем уважении к человеку, к равному и родному по Единому Отцу; оно было, с одной стороны, состраданием и жалостью к человеку из „народа“, а с другой стороны, превращалось в человекопоклонство и народопоклонство»[2].

«Плач» по народу и ненависть к царизму — это основное в негативной части их программы.

А какова была позитивная?

О ней вполне можно судить по сделанному выдающимся экономистом-аграрником того времени А. С. Ермоловым емкому описанию тогдашнего социокультурного контекста, в котором рассматривались интересующие нас проблемы: «К сожалению, мне приходится отметить, что и научная литературная разработка нашего аграрного вопроса, невзирая на то, что посвящаемые ему сочинения, брошюры, журнальные и газетные статьи насчитывают теперь едва ли не тысячами, все еще внесла в него слишком мало света, а в некоторых отношениях, пожалуй, еще только усугубила ту путаницу понятий, которая царит по этому вопросу в умах не одних только крестьян — благодаря неправильности, утопичности исходных точек зрения, с одной стороны, и неполноте, недостаточности, а порой и игнорировании фактических данных, с другой.

Многие из выдвигаемых ныне теорий, из проектируемых для разрешения или урегулирования земельного вопроса мер грешат, прежде всего, недостаточно сознательным отношением к действительным условиям русской жизни, не сообразуются с истинным положением России вообще и сельского ее населения в частности, с разнообразным характером отдельных местностей; **все подводится под один шаблон, в основу которого кладется та или другая теория, являющаяся иногда плодом чисто предвзятой идеи, но не опирающаяся на твердые факты.**

Часто все строится на статистических данных, на средних арифметических выводах из цифр, которые либо сами по себе представляются сомнительными, либо только маскируют истину, благодаря произвольным их обобщениям, за которыми жизнь с ее разнообразными проявлениями и запросами совершенно исчезает.

И часто возникают споры, идет горячая полемика между приверженцами разных теорий именно из-за этих цифр, более, нежели из-за существа дела и вопрос вместо разъяснения еще более затемняется и запутывается. ...

К... изучению не книг, не статистических таблиц, не отвлеченных, а иногда совершенно беспочвенных теорий — а действительно народной жизни я и призываю всех тех, кому дороги истинные интересы наших крестьян...

Без такого изучения мы вопроса не разрешим, да и изучать дело надо без всякой предвзятой тенденции, с полною объективностью, строя выводы на фактах, а не подгоняя факты под теорию»[3].

Другими словами, А. С. Ермолов, министр земледелия Александра III и Николая II, убежден, что авторы тысяч публикаций судят об аграрном вопросе в России, исходя не из фактов реальной жизни, а из своих представлений о ней, обусловленных понятно какими утопическими теориями. Истинность этих построений они (их адепты) пытаются доказать любыми способами, в том числе и «подгоняя факты под теорию». А цифры в этих случаях — хорошее подспорье. Психологически они безотказно действуют на неподготовленных читателей, которых всегда и во все времена безусловное большинство.

А главное — эти люди не знают страны, в которой живут и которую хотят изменить. И уровень осмысления ими российских проблем примитивен.

Ниже мы убедимся в правоте А. С. Ермолова.

Нельзя не заметить, что многое из сказанного актуально и сегодня. И в наши дни далеко не изжито стремление подвести «все... под один шаблон, в основу которого» положена какая-либо теория, «являющаяся... плодом чисто предвзятой идеи, но не опирающаяся на твердые факты». И в начале XXI века о жизни громадной страны очень часто судят как о пространстве, условно говоря, внутри даже не МКАД, а Садового кольца. До сих пор наукой не изжита страсть к всевозможным «средним хуторам» и проч., которая является следствием нежелания или неумения понять реальную сложность окружающего мира.

«Ныне же», — продолжает А. С., — «до тех пор, пока это изучение не будет положено в основу всего дела, мы сталкиваемся и будем сталкиваться со всевозможными взглядами, теориями, увлечениями, разнообразными до бесконечности и часто друг другу диаметрально противоположными, даже когда исходная точка их одна — народное благо.

Только каждый понимает это благо по своему; каждый находит его в том или ином, смотря по тому, как кто себе представляет народную жизнь и судьбы русского крестьянства.

Одни считают условия России и свойства нашего крестьянина столь своеобразными, столь отличными от того, что когда-либо существовало и существует в других странах, что никакие западноевропейские примеры, никакие уроки истории к нам не подходят, и **мы должны идти своим самобытным, нигде не изведанным путем, хотя бы для этого пришлось начинать с разрушения и того сравнительно невысокого уровня культуры, которого нам удалось уже достигнуть.**

Мы якобы призваны сказать свое новое слово, явиться пионерами нового строя общественной жизни — за нами, увлеченные нашим примером, уже в хвосте последуют и другие страны света, которые связаны своим прошлым и не могут так легко с ним порвать, тогда как мы должны, очертя голову, ринуться вперед в неизвестное, но заманчивое будущее.

Другие, и я в том числе, стремятся доказать, напротив того, что **многое из того, что составляет в настоящее время наше горе, является результатом отнюдь не нашей самобытности, а только нашей косности и отсутствия у нас знаний, — даже убеждения в его необходимости прежде всего.**

Никаких новых путей мы не проложим, никаким новым словом мира не удивим, — удивляем мы его только нашим настоящим сумбуром — а должны примириться с тою мыслью, что нам надо идти вперед обычным путем, давно уже нашими западноевропейскими соседями пройденным и на котором мы едва ли не на несколько столетий от них отстали.

Иначе мы рискуем забрести в такие дебри, выход из которых будет еще труднее, чем из настоящего положения, и сопряжен с еще большими жертвами и потерями.

На верный же путь мы станем лишь в том случае, если будем считаться с фактами, не закрывая перед ними глаза потому только, что они с тою или другою теориею не мирятся, и **признаем существование таких законов экономической жизни, которые столько же незыблемы и непреложны, как и законы природы**»[4].

Полагаю, нельзя отказать А. С.Ермолову в государственной прозорливости и тонком понимании ситуации, которую он безуспешно пытался изменить.

Все сказанное звучит более чем современно. В этом фрагменте отражено многое из того, что и поныне характеризует нашу общественную мысль и настроение большой части наших сограждан.

Идеи адептов «нового строя общественной жизни» и определяли за редкими исключениями дореволюционную историографию аграрного вопроса, и, естественно, хлебного рынка, как составной части последнего.

Народническая трактовка аграрной проблематики в большей степени коренилась в так называемой натурально-хозяйственной концепции народного хозяйства. Согласно этой теории, «все сельское население должно жить от дохода с собственной земли», а площадь этой земли «уже точно предопределяет размеры дохода». Отсюда следует, что площадь крестьянского землевладения должна расти в том же темпе, что и численность крестьян. И поскольку этого не происходило, то именно на натурально-хозяйственной концепции базировалось убеждение, что главной причиной кризисного состояния российской деревни является малоземелье[5]. Н. П. Макаров замечал по этому поводу, что «не признавать малоземелья представлялось равносильным признанию справедливости существовавших и политического строя и социальных отношений»[6].

Идея бедствия крестьян из-за малоземелья, в котором виновато правительство, определяла все остальные построения народнической мысли, да и большей части российского общества в целом. Раз и навсегда усвоив однажды несколько несложных тезисов, оно с яростью неофита не желало ни знать, ни даже видеть ничего, что противоречило бы им.

Между тем Б. Д. Бруцкус писал: «Это объяснение было недостаточно даже и в 70-х гг., когда оно было формулировано; уже тогда крестьяне хозяйничали ведь не только на надельной земле, а еще на приарендованной. Тем более оно несостоятельно сейчас, когда открылись широкие возможности для интенсивирования крестьянского хозяйства, когда крестьяне Юго-Запада и в большей части черноземной полосы живут в значительной мере работой в чужих хозяйствах, когда население имеет разнообразные промыслы — местные и отхожие, и когда имеются целые районы промышленной полосы, в которых большинство сельского населения состоит из женщин и детей, остающихся на месте лишь потому, что в наших неблагоустроенных городах жить дорого и нездорово»[7].

Кстати, только в России понятие малоземелья использовалось для объяснения экономического кризиса. Западноевропейские экономисты **так** аграрных кризисов никогда не интерпретировали. Причину упадка российской деревни на рубеже веков нужно видеть в **аграрном перенаселении**. Его причина коренилась не только в недостаточном землевладении крестьян. Как справедливо замечал Бруцкус, в Европе «при совершенно ничтожном земельном фонде трудового населения явления аграрного перенаселения замечаются довольно редко. **Причина русского аграрного кризиса... более общего характера — это медленный темп экономического развития России, не соответствующий ни международному положению ее, ни темпу разрастания ее населения.** Россия вынуждена в военном отношении тянуться за самыми передовыми государствами мира, ее господствующие классы присваивают себе все потребности

европейских верхов. Ее население в связи с невысоким уровнем культуры отличается исключительно высоким процентом рождаемости; между тем режим реакции, прочно утвердившийся... с 70-х гг. не дал возможности крестьянству использовать рыночные конъюнктуры для интенсивирования хозяйства, он не стимулировал прогресса и крупного хозяйства, он не обеспечивал широкого развития промышленности, которая могла бы вызвать отток избыточного населения от земли; наконец, в течение трех десятилетий он упорно задерживал колонизацию окраин, и почти до настоящего дня он бессмысленно тормозил и эмиграцию за океан. При таких условиях быстро размножающееся, особенно при господстве порядков общинного землевладения, крестьянство скоплялось на своих наделах и, меняя очень медленно свои системы хозяйства, создавало избыточное предложение рабочих рук и избыточное количество едоков. Что касается аграрных отношений в России, то нельзя не признать, что они сложились в общем лучше, чем в большинстве государств Запада, ибо как-никак, большая часть сельскохозяйственной площади находится в безраздельном владении трудового народа, а не высших классов.

Из натурально-хозяйственной концепции экономических отношений вытекает и **универсальное и единственное средство** для лечения экономических болезней, **оно состоит во всеобщей прирезке земли,** к которой, естественно, совершенно стихийно тяготеют массы крестьянства».

Бруцкус язвительно замечает: «При этом русская интеллигенция даже и элементарную мысль о том, что в конце концов ведь земля не размножается и что даже при полной демократизации землевладения все же увеличение земельного фонда трудового населения против того, чем это население уже сейчас располагает, имеет свои довольно узкие пределы, считает какой-то реакционной ересью».

Идея всеобщего дополнительного наделения крестьянства — смысловой центр известного лозунга «право на землю», который является натурально-хозяйственной переработкой лозунга «право на труд», выдвинутого рабочими Парижа в ходе революции 1848 г.

Однако, считает Бруцкус, «по мере развития менового хозяйства лозунг: „право на землю“ теряет свое значение; **государство не обязано и не может предоставить каждому землю для ведения собственного хозяйства**»[8].

В это время земля не может рассматриваться исключительно как средство пропитания, она является также высокоценным орудием производства в народном хозяйстве. Нужны гарантии, что она будет использована надлежащим образом, ее надо будет дробить, а этого делать нельзя. Наконец, право на землю не может быть осуществлено, т. к. чтобы земля была доведена до высокого уровня производительности, должна быть обеспечена длительность пользования ею. К тому же земля уже не была в этот период единственным источником доходов[9].

Отечественная интеллигенция исповедовала еще один теоретический постулат — идею якобы «чрезвычайной непрочности» мелкой крестьянской собственности на землю, из чего, в частности, вытекала необходимость сохранения и поддержки общинной формы собственности. «Даже в учебниках прописано, что при свободной мобилизации крестьянской мелкой собственности ей обязательно предстоит, с одной стороны, концентрация, а с другой стороны, распыление на мелкие участки. Из этого делается вы-

вод, что будто бы крестьянская частная собственность нуждается в каких-то особых подпорках, в виде недробимости, неотчуждаемости, запрещения залога и т. п.»[10].

Эта теория — продукт творчества германских консервативных «аграр-политиков» 2-й половины XIX в. В какой-то мере их действительно тревожили судьбы крестьянства в период кризиса. Но основным мотивом все же был иной. «Германские аграр-политики в их большинстве являются приверженцами старого сословного строя. Они очень хотели бы, чтобы крупное землевладение сохранилось в руках дворянства; что касается крестьянства, то, искусственно задержав дробление его наделов, они хотели бы из него создать мелкую буржуазию как второй оплот трона Гогенцоллернов». При этом интересы демократии этих теоретиков совершенно не интересовали, но их покровительство принесло крупным землевладельцам «немало поблажек». Между тем крестьянство Германии «довольно холодно» восприняло призывы ограничить его право распоряжения собственной землей[11].

Самое примечательное состояло в том, что «указанное учение о какой-то исключительной неустойчивости мелкой крестьянской собственности было перенесено А. С. Постниковым и А. И. Чупровым на русскую почву, главным образом с целью защиты общинного землевладения». То есть, русская демократическая народническая профессура из совершенно противоположных соображений солидаризировалась с германскими консерваторами-защитниками помещичьего землевладения — бывают и такие «странные сближения»[12].

Время показало, что прогнозы германских теоретиков не оправдались. Мелкая частная собственность не только относительно благополучно прошла через аграрный кризис, но и по-прежнему осталась достаточно прочным институтом. Более того, «скорее она разъедает твердыни крупного землевладения, чем последнее ее поглощает. С развитием кооперации и лучшей организацией земельного кредита, положение мелкой крестьянской собственности окончательно консолидировалось. И надо признать в настоящее время институт крестьянской частной собственности хорошо приспособлен к современному меновому строю»[13].

Между тем в России и в годы Столыпинской аграрной реформы продолжало господствовать убеждение, что община якобы тем превосходит частное землевладение, что она хорошо обеспечивает землей прирост населения. Частной же собственности нельзя позволить дробиться, и ей поэтому необходимы «подпорки в виде законов о недробимости земли, единонаследия и т. п.» Однако, говорит Бруцкус, это преимущество общины верно с частнохозяйственной точки зрения, а с точки зрения всего народного хозяйства страны оно — «Ахиллесова пята» общины.

«Действительно, счастливый отец четырех сыновей может, конечно, с радостным упованием ожидать грядущего передела. Но ведь от этого надел общины не увеличится. И по мере того, как общинники будут так размножаться все на том же наделе, перенаселение будет к ним подкрадываться медленно, но верно, „яко тать в нощи“. Наоборот, частный собственник знает, что ему никто земли не даст, и он сам заботится о своем приросте, он заранее подготовляет избыточных детей к оставлению отцовского надела. А когда наступит момент раздела, то, кроме отцовских сбережений, ипотечный кредит даст средства для окончательного устройства избыточных сонаследников. В связи с

этим крестьянская частная собственность при хорошо организованном ипотечном кредите и не нуждается во внешних подпорках против ее дробления. Крестьянство в этом отношении достаточно предусмотрительно. **Крестьянская частная собственность содействует процессу профессиональной дифференциации населения, и этим вполне удовлетворительно справляется с одной из самых сложных народнохозяйственных задач, чего нельзя сказать про общинное землевладение, которое поэтому и сопровождается часто аграрным перенаселением.** А между тем... народное хозяйство может развиваться нормально лишь при условии, если часть или даже весь прирост сельского населения будет покидать отцовские наделы, и та форма земельной собственности, которая задерживает прирост на земле, является с народнохозяйственной точки зрения несостоятельной»[14].

Вышесказанное многое объясняет и потому несколько снижает степень удивления дилетантским восприятием большинства отечественной интеллигенции сложнейших проблем российской деревни. Да разве только деревни?!

Оценивая аграрную реформу Столыпина, Бруцкус говорит: «Нельзя отрицать того, что землеустройство, несомненно, имело успех, и спрос на него превысил те землемерные силы, которыми старый режим располагал. И было бы, конечно, весьма нежелательно, чтобы новый режим отказался от этой важной для сельского хозяйства меры единственно потому, что ее выдвинул старый режим»[15].

Как известно, право чаще всего меньшинство. И слова Бруцкуса были гласом вопиющего в пустыне. Так или иначе, народническое восприятие лишь с небольшими изменениями перешло в советскую эпоху.

Дореволюционная историография российского хлебного рынка достаточно обширна. Однако большинство работ, в той или иной степени затрагивающих эту проблематику, в том числе и социальную природу экспорта хлеба, имеют выраженный публицистический характер при недостаточном статистическом основании и поэтому не представляют сейчас большого интереса.

Это, разумеется, не относится — за одним исключением — к работам П. И. Лященко, одного из крупнейших отечественных экономистов 1-й половины XX в., которые имеют весьма важное значение для истории хлебного рынка пореформенной эпохи. Прежде всего, речь идет о монографиях «Очерки аграрной эволюции России» (1908), «Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России» (1912) и «Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с таможенным обложением» (1915).

«Очерки аграрной эволюции России» в определенном смысле типичный для своего времени труд, призванный показать порочность аграрного развития страны после 1861 г. и бедственное положение большинства российских крестьян. Автор в высшей степени критично оценивает ситуацию в сельском хозяйстве пореформенной России, уделяя при этом большое внимание, в частности, проблемам хлебного рынка.

Лященко анализирует влияние железных дорог на сельскохозяйственный рынок. После проведения железных дорог «на них хлынула масса хлеба, в особенности из центральных районов, преимущественно крестьянских ржи и овса, до тех пор не имевших отсюда сбыта, теперь же явившихся главными воротами хлебного экспорта... Вместе с ростом

железных дорог, оживлением хлеботоргового оборота и внешнего экспорта все большая относительная роль в нем начинает принадлежать серым „мужицким“ хлебам»[16].

Вовлечение далеких окраин неизбежно привело к конкуренции районов друг с другом. Данной проблеме, а также истории тарифной политики правительства Лященко посвящает отдельную главу. Огромное экономическое значение имело введение железнодорожных дифференциальных тарифов. «Эта дифференциальность явилась не только средством развития в восточных районах зернового хозяйства удаления отсюда избытков зерна, но и вообще могучим орудием поощрения экспорта, орудием, придавшим с тех пор особенно определенный характер железнодорожной, экономической и торговой политике». С 1889 г., когда руководство тарифным делом перешло в руки правительства, и до 1905 г. произошло 5 общих пересмотров хлебных тарифов, в ходе которых были выработаны основы тарификации. Их суть — тарифное единство и дифференциальность. Вместо прежнего разнообразия тарифов, искусственно создававших преимущества одним районам в ущерб другим, была создана общая схема, которая должна была уравнять прежнее неравенство отдельных местностей. Однако это неизбежно вызывало конкуренцию центра и окраин за интересы двух рынков — внутреннего и внешнего. Тарифы должны были примирить также и интересы внутреннего потребителя и экспорта. Поэтому их пришлось разделить на две отдельные формулы — для внутреннего и для внешнего сообщения[17].

Уже на рубеже 1880–1890-х гг. в правительстве сложилось устойчивое мнение о необходимости «создать некоторое поощрение вывозу хлебных избытков за границу», для чего следовало понизить тарифы в вывозном сообщении. Характерно замечание автора о том, что «внутренний рынок далеко не обладает такой вместимостью (как внешний. — *М. Д.*), чтобы на нем не могло случиться переполнения, если кроме хлеба ближайших к нему центральных производительных районов, на него хлынет благодаря дешевым тарифам, и хлеб окраин». Выходом из этого положения стало установление сравнительно более дешевых плат на короткие расстояния во внутреннем сообщении и более дорогой в вывозном, на дальние же расстояния ставки как для вывозного, так и для внутреннего сообщения были одинаковы. Этот принцип двойственности формулы с некоторыми коррективами был сохранен и в дальнейшем.

Еще большее значение для народного хозяйства имело введение принципа дифференциальности. Она сама по себе обусловлена природой железнодорожного транспорта, в котором издержки по мере увеличения расстояния растут гораздо меньше, чем само расстояние. Вместе с тем дифференциальный характер тарифов всегда вызывал нападки со стороны представителей тех районов, которые из-за него попадали в невыгодное положение — дифференциальность в плане оживления и открытия рынков для одних районов и конкуренции их с другими районами влияет особенно сильно.

В итоге, пишет Лященко, «железные дороги, внедрившись прежде всего в хлебородный центр, где их ждали **годами неиспользованные миллионы пудов хлеба,** быстро исчерпали старые запасы и, открыв новые рынки до тех пор не имевшим сбыта продуктам, возбудили производство их специально для рынка. Но чем далее на юг, юго-восток и восток проходил железнодорожный путь, чем большие пространства не возделывавшихся земель он призывал к жизни и производству на рынок, тем более опасная

конкуренция росла в их лице для хлебородного центра. Ко времени развития железнодорожных путей центральные губернии, тяготевшие к внутреннему рынку, уже специализировали свое производство, главным образом на возделывании тех хлебов, к которым была приспособлена почва и для сбыта которых была необходима близость рынка, так как дешевизна не позволяла их транспортировать издалека; рожь и овес стали специфическими предметами производства центра, тогда как пшеница стала с большим успехом культивироваться в местностях юга и юго-востока». Туда же стал перемещаться и центр зернового товарного производства. Социальный аспект железнодорожного строительства, как и всего экономического развития страны, очень важен для Лященко: «Железные дороги, возникшие и выстроенные **на счет крестьянских** ржи и овса центрального района, стали все более пробуждать к жизни чисто промышленное производство на пшеничных полях юга и юго-востока: оторванный было от внутреннего потребительного рынка центр стал снова все более служить интересам внутреннего потребления — к тому же с каждым годом увеличивающего(ся) — тогда как с востока и юга стала идти новая хлебная река»[18].

Автор предпринимает «статистическое изучение» внутреннего сельскохозяйственного рынка на основании торговой, урожайной, транспортной и ценовой статистики, **неустанно говоря при этом о слабости своей статистической базы.** Последнее обстоятельство, впрочем, не отражается на степени категоричности выводов воистину стратегического характера. Для наших сюжетов важно заключение о динамике соотношения внутреннего и вывозного отправления. В конце 1870-х гг. второе превышало первое, но развитие внутреннего идет «гораздо быстрее», «почему уже с девяностых годов получается преобладание внутреннего движения над вывозным. Еще рельефнее это обнаруживается при рассмотрении движения отдельных хлебов в вывозном и внутреннем отправлении». Для подтверждения этой мысли автор берет данные за 1876–1880, 1893–1896 и 1898–1902 гг. (как это бывает у дореволюционных авторов, в тексте часто отсутствуют ссылки на источники таблиц). Надо заметить, что данные последнего из периодов не вполне репрезентативны, ибо включают, по меньшей мере, два неурожайных года — 1898 и 1901 — когда вывоз уменьшался. «Если до сих пор», — пишет Лященко, — «наши железные дороги и наша хлебная торговля по абсолютным размерам оборотов и работают главным образом ради внешнего рынка, то все же безусловно, что расширение внутреннего потребительского рынка, связанное с развитием городской жизни и с увеличением промышленного населения, с каждым годом начинает играть все большую и большую роль, поэтому понятным является также и особенно сильный рост движения пшеничных грузов, указывающий на сильное увеличение потребления пшеницы внутри страны»[19].

Рассмотрение сезонного поступления хлеба на рынок и в связи с этим сезонных же колебаний цен приводит автора к заключению в «духе времени», т. е. в народническом духе: «Русский крестьянин, **голодая сам** и платя высокие цены за свой, распроданный осенью хлеб, все же кормит дешевым хлебом Европу — или, по крайней мере, европейских и русских спекулянтов. Итак, необходимость вынужденных и избыточных продаж, хотя бы **ценою собственного голодания;** продаж вопреки всяким рациональным хозяйственным расчетам и только ради доставления торговой прибыли

торговому капиталу, хлебному скупщику — вот что характеризует отношение русского земледельческого крестьянского производства к рынку»[20]. Причины этих явлений автор видит в противоречиях самого хозяйственного строя России, имеющего переходный характер «от некапиталистического к капиталистическому»[21].

Более подробно эти идеи развиваются в заключительной главе монографии — «Крестьянское хозяйство и хлебный рынок». Вновь заранее оговариваясь, что в его распоряжении нет «каких-либо общих, исчерпывающих статистических данных», которые могли характеризовать отношения крестьянского хозяйства к рынку и наоборот, Лященко пишет: «Все, что можно дать здесь — это ряд описательных иллюстраций из богатой и в этом отношении земской литературы, хотя, конечно, уже несколько устаревшей по этому живому вопросу»[22]. Приводимые «описательные иллюстрации» становятся, тем не менее, поводом для категоричных выводов — российские крестьяне вынуждены продавать не только излишки урожая, но и тот хлеб, «который отнимается от собственного продовольствия и продажу которого приходится восполнять обратной покупкой»[23].

Отсюда неизбежно обращение автора к проблеме потребления. Он и в этом случае признает несовершенство используемых статистических данных — ущербность бюджетных обследований для установления «каких-либо потребительных норм, средних и т. п. признаков этого потребления» — и делает вполне здравое заключение о том, что определение подобных душевых норм — **«прием очень шаткий в своих основах, благодаря чрезвычайной подвижности, неуловимости, сжимаемости и расширяемости этого потребления».** Вместе с тем автору ясно, что на питание влияет степень состоятельности крестьянского хозяйства, равно как и географическое положение какой-либо местности. Лященко считает, что в «нечерноземной полосе потребление зерновых хлебов, заменяемых картофелем и др. продуктами, вообще ниже, чем в губерниях хлебородных и с избытком зерна», притом эта разница в бедных хозяйствах ощущается сильнее всего[24].

Автор не смог оспорить роста внутреннего потребления хлебов в масштабах страны, но весьма примечателен вывод, который он делает: «Некоторое увеличение душевого потребления отмечается лишь для городского и промышленного населения; в местном же потреблении самим сельским производительным населением не заметно почти никакого увеличения. Но, конечно, и среди этого последнего **уменьшение потребления имеется в действительности лишь для наименее обеспеченных экономических групп; для них и отмечается... „изъятие лучших сортов хлеба“ и замена их худшими или даже суррогатами.** Благодаря тому, что большая часть увеличения народного производства идет не на местное потребление, а отчуждается на рынок из необходимости удовлетворения возрастающих денежных нужд хозяйства, страдает не только личное потребление, но и хозяйственное потребление с производительными целями. Не только **простое недоедание,** но и недостаток семян на посев являются результатами таких продаж. Попадая в зависимость от рынка, земледельческий производитель не только ограничивается в условиях личного своего существования, но и не может развивать производительных сил своего хозяйства»[25].

Вряд ли можно спорить с тем, что подобные рассуждения все же требуют серьезных **доказательств.** Коренной недостаток этой части монографии, как и множества совре-

менных ей работ разных авторов, состоит в том, что Лященко строит свою концепцию на весьма скудном статистическом основании, восполняя отсутствие значимой информации публицистичностью. Едва ли используемые им источники дают основания для тех масштабных выводов о крестьянском потреблении и сопряженных с ним аспектах социального развития деревни, которыми он заключает свое исследование. К тому же налицо обычная для отечественной историографии порочная практика — признавая неточность урожайной статистики, все же с ее помощью делать весьма широкие обобщения, и непременно в сторону уменьшения потребления.

Как представитель марксистского направления, Лященко спорит с народническими идеями «о самобытности исторического развития народного хозяйства». И, хотя тезис о необходимости смены общественного строя в России требовал от автора обоснования и, в частности, изучения недостатков этого строя, нельзя, однако, не заметить, что его анализ в большей мере определяется той же натурально-хозяйственной концепцией аграрного развития, которую проповедовали народники. Они, помимо прочего, тоже считали, что избыток хлеба на рынке — функция от нехватки хлеба у крестьян и их недостаточного питания.

Следующая важная для истории хлебного рынка работа П. И. Лященко — «Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. Описательно-статистическое исследование» (СПб., 1912). Это — во многих отношениях уникальный, по-настоящему ценный труд, полностью сохранивший свое научное значение. Он написан по заказу МТиП с помощью анкетного сбора данных. Специально разработанная программа была разослана через редакцию периодических изданий МФ преимущественно корреспондентам этой редакции, а также податным инспекторам и некоторым корреспондентам ГУЗиЗ. Было получено 998 ответов, составивших «более 15 000 рукописных полулистов», причем «погубернское распределение этого материала и по числу ответов и по их полноте было относительно довольно равномерно, т. е. наиболее важные по хлебной производительности губернии были обслужены более полно, второстепенные — менее полно»[26].

В результате обработки этих сведений Лященко сумел дать подробный анализ губерний и регионов, на которые он разделил Европейскую Россию, с хлеботорговой точки зрения. Книга, как говорилось, содержит уникальный материал и немало ценных наблюдений, которые, в числе прочего, имеют важное значение для настоящей работы.

В 1-й главе, содержащей постановку задачи, автор коротко, но весьма колоритно изображает эволюцию хлебной торговли в пореформенное время. Описание это, с одной стороны, сделано в духе «Очерков аграрной эволюции», с другой, там есть обороты, которые в «Очерках» не встречаются. Так, говоря о развитии хлебного экспорта, Лященко замечает, что внутренний рынок «не отличался большой вместительностью, и поэтому часто громадные количества хлеба не находили на нем сбыта». Автор считает, что движение хлеба по железным дорогам превратилось в комиссионную продажу «мелочных партий с непосредственным отправлением в порт... Отправляя в порты непрерывно вагон за вагоном мелкие партии непроданного хлеба, такой станционный торговец действительно вызывал большое оживление в хлеботорговом обороте на местах, но в то же время вытягивал, как насосом, от производителя все его зерно». В портах

же эта масса хлеба, в основном непроданного, требовала реализации и оказывала непрерывное понижение цены. Отсюда — все недостатки русской хлебной торговли, ее «хаотическое состояние» а также понижение цен, избыточные продажи, засоренность зерна, залежи хлеба на железных дорогах и нехватка его для внутреннего потребления во время неурожаев[27].

«Те бедственные влияния и кризисы, которые переживала наша хлебная производительность и торговля в конце восьмидесятых, в начале девяностых и в начале девятисотых годов, в значительной мере обусловливались этой постановкой хлебной торговли», — считает автор. При довольно быстром и почти непрерывном росте экспорта хлебов, в особенности серых, из России в течение 80-х годов, одновременно с этим непрерывно и регулярно падала и экспортная цена русского хлеба. Тем не менее железные дороги и отчасти бумажно-денежное обращение способствовали выкачиванию до последней степени остатков зерна из страны. Неурожай 1891 года, а затем 1897 года при таких условиях превратился для многих местностей в „голод“, так как запасы зерна были крайне истощены экспортом»[28]. Отметим, что слово голод поставлено в кавычки. В этом можно увидеть определенный прогресс в сравнении с «Очерками».

Здесь уместно заметить, что советская историография социально-экономического развития пореформенной России оказалась слишком зависима от газетных штампов того времени, которые нельзя воспринимать без учета априорно антиправительственной направленности большей части тогдашней прессы. В частности, понятие «голод» трактовалось ею весьма специфично. Любое изменение конъюнктуры в сторону повышения цен, пусть и на 1–2 коп., едва ли не на любой товар объявлялось очередным «голодом». В этом смысле, в частности, особенно показателен «сахарный голод» 1910 г., когда из-за перепроизводства рафинада выросли цены песка и упали цены рафинада, и разница между ними уменьшилась с обычного рубля за пуд до 30 коп.; «голодающие» потребители были вынуждены иногда превращать быстрорастворимый рафинад в песок. Такой подход, разумеется, запутывает проблему критериев оценки и мешает отделить *реальные* бедствия, такие, как голод 1891 г., от ситуаций, подобных только что приведенной.

Вот что говорит Лященко об изменениях в хлебной торговле, начавшихся отчасти уже в конце 1890-х гг.: «Главной переменой, наметившейся в хлебной торговле, особенно в течение последнего десятилетия, явилось раньше всего изменение в соотношении внутреннего и внешнего хлебного рынка. Хотя **внутреннее потребление всегда поглощало неизмеримо большую долю урожая,** чем оставалось на экспорт, тем не менее в торговом железнодорожном движении в первоначальный период развития железнодорожной сети вывозное движение занимало преобладающую часть. С развитием городской жизни и промышленного населения, все более отвлекаемого от земледельческих занятий в промышленность, стало сильно развиваться внутреннее потребление привозного хлеба промышленной полосой и городами; увеличилось внутреннее торговое движение хлеба и, наоборот, уменьшилось вывозное. Вместе с тем постепенно происходили и довольно значительные изменения в соотношении районов производства и потребления, отправок, получения и тяготения»[29]. При этом деятельность порайонных комитетов и некоторые другие мероприятия позволили существенно сократить объем хлебных залежей, всегда в огромной степени дезорганизовывавших хлебную торговлю.

Вторая важная перемена состояла в уменьшении «распыления и измельчания» хлеботорговли, росте доли крупных операций на железных дорогах, а третья — в «широком развитии кредита». Наконец, с середины 1900-х гг. наступил период высоких цен на мировом хлебном рынке[30].

В целом данная работа, с точки зрения оценки внутреннего потребления хлеба, несомненно, имеет куда более оптимистичный, а главное, реалистичный характер, чем «Очерки».

Монография «Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с таможенным обложением» (Пг., 1915) в определенной степени подводит итог многому, из написанного П. И. Лященко по данной тематике до 1917 г. Книга содержит краткий, но емкий обзор эволюции зернового хозяйства пореформенной эпохи, характеристику производства как главных, так и второстепенных хлебов с точки зрения динамики посевов, урожаев, перевозок и экспорта, а также отечественного мукомолья и маслобойной промышленности. Анализ проводится в региональном аспекте. Большое место в тексте занимает исследование истории вывоза отечественных хлебных продуктов и таможенной политики Германии.

Особый интерес представляет вывод об изменениях в соотношении внутреннего и внешнего рынков для зерна за предвоенное 20-летие: «Как на внутреннем, так и на внешнем рынках наблюдается постепенное преобладание в оборотах и движении пшеницы и ячменя, вместо прежних ржи и отчасти овса. Особенно резкой перемене подверглась рожь, которая в некоторых случаях дает абсолютное сокращение размеров товарного движения. Наоборот, остальные хлеба, особенно пшеница и ячмень дают наиболее крупный прирост своего товарного движения»[31].

Размеры внутреннего рынка увеличиваются «весьма существенно» для всех хлебов, но «с особенной силой» также для пшеницы. Размеры внешнего рынка быстро падают для ржи, немного растут для овса, «быстро и сильно» растут для пшеницы и ячменя. Произошло перемещение центра зернового производства на юг и юго-восток Европейской России. Далее идут примечательные слова о том, что и существующие избытки этих районов, и те, на которые можно рассчитывать в будущем «не поглощают и не могут быть поглощены увеличением внутреннего рынка. **Рост производства и избытков зерна производительных районов идет быстрее увеличения спроса в потребительных районах** и на внутреннем рынке вообще, и потому, особенно для некоторых районов, зависимость их от внешнего рынка становится не меньше, а больше и интенсивнее»[32]. Это касается прежде всего пшеницы и ячменя. Отсюда делается логичный вывод: «Такая хозяйственная эволюция не только сказывается успехами экспортной нашей деятельности, соответствуя общим конъюнктурам мирового рынка, но и должна быть признана выгодной и целесообразной для всего народного хозяйства»[33].

Как можно видеть, от идей, высказанных в «Очерках аграрной эволюции», до этого заключения — дистанция немалая, и, убежден, такая эволюция взглядов самого П. И. Лященко — факт отрадный для нашей историографии.

Историографию сельскохозяйственного развития России невозможно представить без имени А. Н. Челинцева, основоположника организационно-производственной школы в русской аграрной мысли. Для истории хлебного рынка рассматриваемого периода

особенно важны такие его работы, как «Сельскохозяйственные районы России как стадии сельскохозяйственной эволюции и культурный уровень сельского хозяйства в них» (в 3-м томе «Очерков по истории сельскохозяйственной экономии». СПб., 1910), «Перемены в хлебной продукции Европейской России в связи с общим развитием сельского хозяйства» (Харьков, 1913), «Сельскохозяйственная география России» (Берлин, 1923).

Эти работы в определенном смысле являются вехами формирования и одновременно усложнения авторской концепции сельскохозяйственного развития России. Во главу угла при его анализе Челинцев поставил динамику плотности земледельческого населения и ее индивидуально-демографическое проявление — потребительно-трудовой баланс. Его работы по районированию составили целую эпоху и вполне сохраняют свое научное значение до сих пор.

В «Очерках по сельскохозяйственной экономии» высказывается ряд мыслей, имеющих принципиальное значение для понимания аграрного развития вообще. В частности, очень важна оценка Челинцевым роли природно-климатического фактора в развитии сельского хозяйства[34].

Челинцев считает, что при воздействии человека на природу получаются не только те сельскохозяйственные продукты, производству которых благоприятствуют «естественные условия», но и те, которые требуются «для хозяйствующего человека» и которые определяются «**сущностью переживаемого данной местностью типа организации сельского хозяйства**»[35].

«Когда, например, хотят дать географические отличия сельского хозяйства или района сельского хозяйства», — поясняет свою позицию автор, — «то ограничиваются природными условиями, или комбинацией их, или связывают особенности хозяйства по его технике, производительности, земельным отношением и пр. прежде всего с природными условиями. Но совершенно не касаются при этом, какой путь к данному времени пройден сельским хозяйством каждой местности, в каком фазисе сельскохозяйственной эволюции находится каждая местность и какое наследие прошлого определяет для настоящего времени сельскохозяйственное производство этой местности в целом и деятельность каждого сельского хозяина в отдельности. Между тем власть наследия, доставшегося современности от хозяйственного развития, может быть сильнее всей природной обстановки в отношении строя производительности сельского хозяйства»[36].

Поскольку с изменением плотности населения происходит серьезная реорганизация сельского хозяйства, то ясно, что хозяйственный строй может быть различным в стране, даже если природные условия на всей ее территории одинаковы. Но различия в этом строе могут совпадать с разницей в природных условиях, и тогда первые легко приписать второй. Однако такое заключение будет неверным: «Как бы ни признавать силу влияний природной (географической, геологической и пр.) обстановки на населенность и экономику страны вообще, но самостоятельная тенденция экономического развития не должна упускаться из виду. Достаточно напомнить, что густота населения и степень общественного деления труда в каждом отдельном районе, во-первых, географически не совпадают с особенностями географии, геологии и прочими условиями природы, а, во-вторых, продолжают изменяться во времени, т. е. большей частью возрастать». И в истории, и в настоящее время, пишет Челинцев, встречается повторение одной и той же комбинации экономических условий

при разных природных условиях, на разных широтах. Влияние природно-климатических условий на сельское хозяйство должно учитываться, но во вторую очередь.

Деление страны или области на сельскохозяйственные районы по природным условиям ошибочно, ибо включает в себя районы с разными фазами аграрной эволюции. «Экономические особенности сельского хозяйства данной местности, например, сельскохозяйственные растения, техника и организация сельского хозяйства и все запросы его имеют своим началом особенности экономических условий, но не условия природы. Между названными особенностями сельского хозяйства и природными условиями параллелизма, строго говоря, не существует». Такой параллелизм в чистом виде может существовать только в регионах с однородными экономическими условиями. Заключение Челинцева весьма категорично: «Никакие районы, устанавливаемые по особенностям природы, не могут быть ни районами населенности и индустриализованности, ни, что особенно важно указать, сельскохозяйственными»[37]. Если бы решающая роль в производстве тех или иных продуктов принадлежала природе, то последние оставались бы неизменными. А между тем в каждом районе эта продукция меняется с течением времени.

Дальнейшее изложение, заканчивающееся выделением районов продуктивного скотоводства, интенсивности земледелия и типов организации сельского хозяйства доказывает правоту этих постулатов. Челинцев анализирует отдельные признаки сельскохозяйственной эволюции как в их историческом развитии (в зависимости от состояния источниковой базы), так и на данный конкретный момент, на начало XX в. Набор исследуемых признаков, который рассматривает автор, безусловно, системообразующий — от географии залежей, травосеяния, унавоживания, пропашных и технических культур до численности разных видов скота.

Работы Челинцева по зерновому производству России стали отправной точкой его дальнейших разработок в области районирования. Среди них прежде всего следует отметить книгу «Перемены в хлебной продукции Европейской России в связи с общим развитием сельского хозяйства». Сравнивая размеры избытков и недостатков главных хлебов в 1880–1884 и 1907–1910 гг. (к сожалению, методика подсчета данных железнодорожной статистики не вполне ясна, но такова была вообще в то время культура составления таблиц), автор пишет: «Каждый хозяин южной полосы Европейской России гораздо сильнее заинтересован в удачном сбыте хлебов, чем северно-черноземный, ибо у него производятся в среднем более значительные избытки, чем у второго, как по расчету на душу, так и относительно всего сбора хлебов. Иначе сказать, выручка от хлеба составляет у южно-черноземного хозяина в среднем гораздо более значительную часть его денежного бюджета, чем у хозяина в северно-черноземных губерниях. Так представляется дело в самое последнее время»[38].

Автор рассматривает проблему избытков и недостатков в динамике и отмечает, что «два-три десятилетия тому назад южно-черноземная область доставляла всего лишь половину того количества хлеба, которое было вывезено за пределы губерний Европейской России; ныне же она дает 4/5 этого количества. Северно-черноземная область давала, наоборот, 25–30 лет почти половину 2/5 всех хлебных избытков в стране, теперь же только 1/5 их»[39]. При этом сама по себе область с недостатками стала намного обширнее, и за эти годы в ее состав вошли Привислинский край в целом (хотя некото-

рые из губерний имеют небольшие избытки), губернии Литовские, кроме Ковенской, Прибалтийские, Белорусские, Вологодская, Ярославская и Нижегородская. Все они имели когда-то хлебные излишки, т. е. поставляли хлеб для других, покрывая при этом свои потребности собственным хлебом. За указанный период они вступили в разряд хлебных потребителей.

При этом Челинцев показывает, что рост внутреннего хлебного рынка в Европейской России не в состоянии поглотить все избытки хлеба «из южной половины страны», которые частью должны экспортироваться: «И в результате Южная Россия и Россия в целом стали в большей мере заинтересованными во внешнем хлебном рынке, чем 25–30 лет тому назад»[40].

Области избытков и недостатков для каждого из главных хлебов различны, и первые из них имеют явную тенденцию к расширению. Роль внутреннего рынка в увеличении привоза каждого из хлебов неодинакова. Рост перевозок ржи идет в основном за счет внутреннего рынка, который стал значительнее заграничного. Для овса внутренний рынок растет быстрее заграничного, но не достиг еще его размеров. «Другое дело с пшеницей и ячменем, которые являются типичными экспортными продуктами, в особенности ячмень. И в начале 1880-х гг. и теперь около 4/5 всех избытков пшеницы идет за границу, а избытки ячменя идут за границу, можно сказать, целиком». Заслуживает особого внимания следующий тезис Челинцева: «Пшеница и ячмень — продукты южно-черноземного сельского хозяйства, и то колоссальное увеличение хлебных избытков и расширение хлебной продукции, которое выше отмечено для южно-черноземных губерний, произошло, таким образом, прежде всего за счет заграничного сбыта пшеницы и ячменя»[41].

При этом Новороссийские губернии увеличили — в разной степени — также излишки ржи и овса. А в северно-черноземных губерниях, где избытки были сравнительно невелики, их увеличение «или совсем приостановилось, или пошло медленным темпом». В этой полосе увеличились излишки одного-двух хлебов, главным образом овса, остальных же сократились: в частности, ржи в — Волынской, Подольской, Орловской, Курской, Тульской, а в Черниговской и Нижегородской они заменились недостатками. Небольшие избытки пшеницы там, где они были в этом регионе, уменьшились и появились недостатки. В тех районах, где и прежде была нехватка пшеницы, она стала еще больше (исключая Волынскую губернию); тем самым расширился северно-черноземный район ввоза пшеницы. Вообще говоря, если губернии этого района и имели излишки всех хлебов, то они росли прежде всего за счет овса, компенсировавшего падение показателей других хлебов[42].

Чрезвычайно важна интерпретация Челинцевым полученных статистических выкладок. «Обычно у нас областям избытков и недостатков дается статическая характеристика, т. е. для данного момента просто указывается на разницу в природных условиях в нечерноземной и черноземной половинах России. Действительно, в нечерноземной половине России труднее расширить пашню на счет других угодий; менее богатая почва и более сырой климат обусловливают собой более значительные затраты на единицу посевной площади, краткость вегетационного периода здесь позволяет в меньшей мере использовать труд в земледелии, чем на черноземе. Вследствие всего этого население

нечерноземной полосы удерживается в земледелии гораздо менее, чем в черноземной полосе. Последняя же, наоборот, в силу более мягкого климата и более щедрой почвы, благоприятствует использованию труда в земледелии и прежде всего в хлебной продукции.

Но мы видим теперь, после рассмотрения данных о хлебной продукции за 25–30-летие, что и в нечерноземной России бывали раньше хлебные избытки и что, наоборот, в черноземной полосе избытки не представляют собой нечто неизменное, а местами к настоящему времени тают и исчезают.

Следовательно, тут есть, несомненно, какие-то другие причины, помимо разницы в природных условиях, в которых находится хлебная продукция. Тут имеются какие-то существенные особенности в самом сельскохозяйственном производстве, которые при более или менее равных условиях природы не позволяют повсюду одинаково расширять хлебную продукцию с ростом населения. Эти особенности сводятся к **организационно-производственным моментам сельского хозяйства**»[43].

Представляется, что разработка этих идей могла бы существенно продвинуть изучение аграрной эволюции пореформенной России. Однако в последующие десятилетия данные проблемы по понятным причинам оказались на периферии внимания исследователей.

Монография А. Н. Челинцева «Сельскохозяйственная география России» (Берлин, 1923) развивает идеи, высказанные автором в предшествующие годы, и расширяет диапазон их применения, опираясь, что важно, на соответствующее расширение источниковой базы. В частности, он отмечает, что рост промышленности и неземледельческого населения в России не был достаточен для поддержания объема сельскохозяйственного производства на должной высоте. Население, занятое в сельском хозяйстве, занималось отхожими промыслами, выселялось, уходило на временные сельскохозяйственные заработки и т. д. Кроме этого, ограниченность внутреннего рынка была очевидна потому, что часть продукции Россия могла размещать только вне страны. То есть, сложившийся объем сельского хозяйства поддерживался отчасти экспортом сельскохозяйственной продукции. Оценивая хлебный вывоз, автор замечает, что возрастал экспорт тех хлебов, которые были главными культурами в «редкозаселенных южных, юго-восточных и восточных районах с быстрым расширением хлебной площади, т. е. ячменя и пшеницы»[44].

Вопросы географической структуры, а также экспорта хлеба в начале XX в. рассматривались Н. Д. Кондратьевым. В его известной работе «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции»[45] (реально, конечно, принадлежащей к досоветской историографии) анализ основной проблематики предваряется обзором состояния хлебного рынка в 1909–1914 гг. Этот обзор весьма схож с тем, который сделан П. И. Лященко в книге «Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с таможенным обложением», с той лишь разницей, что основным источником для Кондратьева было издание «Производство, перевозки и потребление хлебов России за 1909–1913 гг.»[46]. Касаясь проблемы соотношения внутреннего потребления и экспорта хлеба, автор констатирует рост внутреннего рынка, хотя и медленный[47].

Различные аспекты хлебного экспорта России рассматривались в ряде неравноценных по качеству дореволюционных работ[48]. Особо следует остановиться на приводимых в этих работах цифрах душевого потребления главных хлебов в различных странах в рассматриваемый период. Дело в том, что к подобным показателям не во всех случаях

можно относиться с безусловным доверием, ибо нам зачастую неизвестны ни источники, на основании которых делаются такого рода подсчеты, ни методика анализа статистических данных. Из дальнейшего изложения станет вполне очевидной неточность по крайней мере в этом случае российских цифр.

Итак, дореволюционная историография, анализируя различные аспекты функционирования хлебного рынка, в качестве одного из основных источников активно использовала транспортную статистику. К сожалению, идеи П. И. Лященко и А. Н. Челинцева и разработанные ими подходы в дальнейшем не получили развития.

Для понимания проблемы «голодного экспорта» хлеба очень важна монография А. С. Ермолова «Наши неурожаи и продовольственный вопрос» (СПб., 1909. Т. 1–2). Автор, министр земледелия Александра III и Николая II, был одним из крупнейших специалистов по сельскому хозяйству конца XIX – начала XX в. Его авторитет профессионала-аграрника в рассматриваемый период был весьма высок[49].

* * *

Советская историография аграрного развития России рассматриваемого периода весьма обширна, однако число работ, имеющих **непосредственное** отношение к сюжетам, анализируемым в 3 главе монографии, весьма невелико. Внимание историков привлекали прежде всего проблемы, связанные с социальными аспектами развития русской деревни, временем формирования всероссийского рынка и др. Вопросы же истории зернового производства, динамики хлебных цен, торговых связей и т. п. долгое время оставались на периферии их интересов.

После долгого перерыва, примерно с 1960-х гг. эта тематика стала вновь привлекать внимание исследователей. В ряде работ рассматриваются различные аспекты истории зернового хозяйства отдельных регионов России в пореформенную эпоху, в том числе и вопросы экспорта хлеба.

Монография А. С. Нифонтова «Зерновое производство России во второй половине XIX века» (1974) анализирует динамику посевных площадей, валовых сборов хлебов, степени их товарности, роль отдельных регионов в зерновом хозяйстве, а также изменения в сельскохозяйственной специализации, произошедшие в пореформенную эпоху. Весьма важным является сделанный на основании обширных статистических материалов вывод автора о том, что экстенсивное хлебное производство в России в 1890-х гг. вступило в фазу кризиса.

В 1978 г. вышла монография Т. М. Китаниной «Хлебная торговля России в 1875–1914 гг.»[50]. Эта весьма содержательная работа, в которой проводится анализ мероприятий правительства в сфере производства и торговли хлебом, в значительной мере закрывает соответствующий пробел в литературе.

Автор, естественно, не могла пройти мимо проблемы «голодного экспорта» — таковы были «правила игры». В аннотации говорится: «Монография посвящена исследованию истории одного из важнейших вопросов российской экономики — организации внутренней и внешней хлебной торговли. На основе большого числа документов и литературных источников автор показал, что хлебный экспорт дореволюционной России

достигался ценой недоедания миллионов крестьян и вполне заслуженно именовался прогрессивной русской прессой „голодным экспортом“.

В тексте книги, между тем, об этом сюжете упоминается нечасто. Например: «Усиленный, порою расточительный хлебный вывоз не был оправдан с точки зрения экономической сообразности. За русским хлебным экспортом издавна и прочно утвердился эпитет „голодного“, ибо его интенсивность определялась не столько расширением производственной базы, сколько ничем не оправданным сокращением потребления населения. Нередко поэтому вывоз хлеба вызывал возмущение и более того — открытые волнения крестьянства и городской бедноты (прим. № 30 на с. 42 — «Так было в период голодных 1891–1892 гг., когда в районе Динабурго-Витебской и Варшавской железных дорог местное сельское население нападало на идущие к границе составы с рожью, останавливало вагоны и захватывало хлеб...»). Едва ли эти единичные примеры ситуаций, которые можно встретить в любой стране, переживающей голод, можно считать убедительными. Китанина пишет, что «сопоставление данных о потреблении хлеба на душу населения в России с аналогичными данными западноевропейских государств и стран американского континента убедительно свидетельствовало о чрезвычайно низкой потребительской „норме“, закрепившей за Россией одно из последних мест в ряду европейских государств»[51]. Корректность такого рода сопоставлений, как уже говорилось, требует специального изучения.

Приводится автором и мнение М. П. Федорова, отметившего в работе 1889 г., что «США вывозят 8 % всего хлебного сбора. Вывоз России составляет 11,6 %, т. е. Россия напрягает свою вывозную способность значительно больше Америки» (! — на 3,6 %). Расшифровка этой фразы означала, что не степенью развития капитализма объяснялся интенсивный русский хлебный экспорт, а сохранением кабальной эксплуатации крестьянства»[52]. Убежден, что М. П. Федоров весьма удивился бы такой «расшифровке» своего не слишком убедительного вывода — приведенные им цифры едва ли дают основание для столь объемных заключений.

Различным аспектам истории хлебного рынка России посвящено немало работ, вышедших в последние 10-летия. Определенный интерес для рассматриваемой темы представляют работы регионального характера, в том числе касающиеся и экспорта хлеба[53].

В монографии Т. Ф. Изместьевой «Россия в системе европейского рынка. Конец XIX – начала XX вв.» (1991) на основании статистического анализа цен исследуется зависимость отечественного хлебного рынка от мирового и делается вывод о том, что цены главных мировых рынков определяли цены крупнейших российских центров.

Новейшая работа Н. Ф. Тагировой «Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.) (М., 1999) посвящена истории хлебного рынка одного из важнейших зерновых регионов страны. В монографии исследуются различные аспекты проблемы, такие, как формы торговли, конъюнктура рынка, организация сбыта хлебов, роль банков в хлебной торговле и т. д. Особенно важно, что проводится комплексный анализ. Большое место в монографии отводится роли железных дорог в формировании и функционировании рынка Поволжья. К сожалению, перевозки хлебов не были в центре внимания автора и рассматриваются только на основании данных, содержащихся у Лященко, а

также в упоминавшемся выше издании «Производство, перевозки и потребление хлебов России за 1909–1913 гг.» (о нем подробно говорится ниже, в обзоре источников).

Итак, после 1917 г. проблема соотношения внутреннего и внешнего хлебных рынков не была предметом специального анализа. Равным образом в научный оборот не вводились статистические данные о перевозках хлеба в конце XIX – начале XX вв., новые в сравнении с теми, которые использовались исследователями до 1920-х гг.

* * *

Историография отечественной сахарной промышленности, некоторые аспекты функционирования которой рассматриваются в 4-й главе, куда беднее историографии аграрного развития России. Как известно, сахарная промышленность состоит из двух отраслей: свеклосахарной (песочной) и рафинадной, причем до революции примерно 70–80 % всех сахарных продуктов, потреблявшихся в стране, приходилось на рафинад. Условия функционирования этих отраслей были неодинаковы. Свеклосахарная промышленность уже с конца XIX в. стала объектом государственного регулирования: Министерство финансов нормировало производство каждого песочного завода и устанавливало предельный уровень цен сахарного песка на определенные месяцы в каждом году. Рафинадная промышленность, которая была основным потребителем продукции свеклосахарных предприятий, до начала Первой мировой войны не испытывала никакого воздействия со стороны правительства.

Историографические «судьбы» этих отраслей и до революции и в советский период были различны. Подавляющая часть дореволюционных работ относится к свеклосахарной промышленности. Основная характерная черта этой литературы — публицистичность, что вызвано не только тем. что большая часть публикаций по теме появлялась в прессе, но и непреходящей злободневностью сюжета. Такое яркое проявление направленности социально-экономической политики царизма, каким было нормирование песочного производства, препятствовавшее естественному развитию производительных сил отрасли, вытекавшие из нее значительные доходы сахарозаводчиков, резко контрастировавшие с низким душевым потреблением сахарных продуктов, — все это не могло не превратиться в один из главных мотивов критики экономической политики правительства в конце XIX – начале XX вв.

Сложилась устойчивая схема характеристики прессой комплекса проблем, связанных с сахарной промышленностью. Она настолько соответствовала действительности, что даже такие «сенсации», как пресловутое кормление русским сахаром свиней по обе стороны Ла-Манша, испытывали, казалось, только здравый смысл читателей. Деятели сахарной промышленности время от времени пытались, без особого, впрочем, успеха, примирить общественное мнение с нормировкой, особенно в первые годы существования возникшего в 1900 г. «Вестника сахарной промышленности», предоставлявшего им трибуну. Ничего в этом смысле не могли изменить и такие работы, как, например, брошюра М. Закса «Объединение сахарозаводчиков, выгодное для промышленности и полезное для потребителя», название которых было красноречивее содержания. В сущности, серьезных исследований положения отрасли до революции почти не было. Следует

отметить книгу И. Левина «Наша свеклосахарная промышленность» (Киев, 1908), переизданная в 1910 г. в несколько расширенном виде как «Свеклосахарная промышленность России»[54]. Она содержит довольно подробный анализ производственной и финансовой сфер деятельности отрасли и, полагаю, является лучшей из дореволюционных работ по данной теме. Интерес представляет глава о роли банков в сахарной промышленности, о постановке кредита песочных заводов. Используя материалы Совещания по выработке мер к удешевлению цен сахара (октябрь, декабрь 1908 г.), Левин пытался определить стоимость выработки пуда песка и рафинада, чтобы показать несоответствие продажных цен сахарных продуктов производственным затратам. Основное место среди других дореволюционных исследований занимают обзорные и статистические работы[55].

Советские историки основное внимание также уделили истории свеклосахарной промышленности, однако угол зрения у них был, естественно, иным. М. Я. Гефтер и И. М. Каменецкая, исходя из ленинских высказываний, стремились прежде всего раскрыть механизм государственно-монополистического регулирования отрасли[56]. Усилиями этих авторов, прежде всего Каменецкой, которой принадлежат наиболее фундаментальные и глубокие исследования данной проблематики, освещен ряд аспектов истории нормировки, показано сложное переплетение в отрасли интересов правительства, крупного капитала и крупного землевладения.

Деятельность рафинерских организаций также специально рассматривалась этими историками, отмечавшими высокий уровень концентрации производства, облегчавший образование монополии, и указывавшими на роль «синдиката» как регулятора производства и потребления рафинада в стране. Однако оценка значимости этой роли, да и зрелости организации в целом у авторов различна. Гефтер считал «синдикат рафинеров» объединением, способным не только «зажать потребителя в тиски», но и диктовать свою волю правительству; на «синдикат» возлагалась ответственность за якобы имевший место в 1910 г. «сахарный голод» и за сдерживание потребления сахарных продуктов вообще. Каменецкая, кстати, использовавшая в своей статье более корректный термин — «Союз рафинеров» — осторожнее подходит к этой проблеме, отмечая сильные центробежные тенденции внутри соглашения, никак, впрочем, не раскрывая данного положения. Заметим, что Каменецкой принадлежит заслуга введения в научный оборот такого важного документа, как проект реорганизации соглашения в «контору по продаже». В целом упомянутые работы носят обзорный характер и сюжетов, которые анализируются в 4-й главе, не касаются.

Автор этих строк в 1986 г. защитил кандидатскую диссертацию «Монополия и конкуренция в сахарной промышленности России начала XX в. (Соглашения рафинеров)». В ней рассматривается история Соглашения рафинеров, организационные формы, в которых осуществлялась его деятельность, компетенция Комитета рафинеров, степень реального влияния Соглашения на функционирование отрасли. Выяснилось, что Соглашение рафинеров было весьма непрочным картелем, которое пыталось в условиях растущей конкуренции контролировать размеры производства, хотя и без особого успеха. Оказать реального воздействия на унификацию условий торговли рафинадом Соглашение рафинеров не смогло, а без этого «серьезная» монополия невозможна. Проблемы, которые анализируются в данной монографии, тогда рассматривались только в самом общем виде[57].

* * *

Литература по истории Средней Азии в конце XIX – начале XX вв. достаточно обширна, однако сюжетов, рассматриваемых в монографии, она касается, если так можно выразиться, специфически.

До революции вышел ряд неравноценных по качеству работ о развитии хлопководства в Туркестане[58]. Перспективы среднеазиатского хлопководства современниками были оценены (и даже в эйфории несколько переоценены) сразу. Перечисляемые труды в большинстве своем имеют обзорный характер. Среди них заслуживают внимания труды Масальского, который дает подробную историю возникновения и развития среднеазиатского хлопководства, его влияния на экономическую и социальную жизнь Средней Азии, оценку его перспектив.

В советской историографии сложилась определенная схема описания положения Средней Азии в составе России, вытекающая из общего подхода к тому, что называлось колониальной системой Империи. В каком-то смысле этот подход восходит к П. Г. Галузо «Туркестан — колония (Очерк истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии)». Издание 2-е. Ташкент, 1935), а потом он развивался в историях отдельных союзных республик. К колониям относились, согласно «главному географу», В. И. Ленину, Сибирь, Казахстан, Средняя Азия, Центральный Кавказ и Закавказье, т. е. вся Азиатская Россия. Эксплуатация их осуществлялась двумя способами — «военно-феодальным» и «капиталистическим». Экономическое развитие «колоний», в том числе и Средней Азии, трактовалось прежде всего в контексте ленинского определения «развития капитализма вширь и вглубь». Здесь нет смысла оценивать долгие дискуссии историков о том, **что именно** означает эта мысль.

Трактовка экономических отношений Средней Азии с Европейской Россией сводилась, коротко говоря, к тому, что, с одной стороны, Средняя Азия стала сырьевой базой прежде всего для русской хлопчатобумажной промышленности, а с другой, рынком сбыта для промышленности Европейской России.

Первый тезис не может подвергаться сомнению — известно, что в 1913 г. впервые объем азиатского хлопка, потребленного отечественной хлопчатобумажной промышленностью, превысил количество импортного сырья. Что же касается второго, то здесь ситуация довольно странная. И до, и после революции данный тезис в литературе подкреплялся иллюстративным оборотом «так, например...». Ясно, что, как и в других случаях, подобный подход не может считаться достаточным для серьезных заключений, в чем мы убедимся ниже.

Проблематика, рассматриваемая в 6-ой главе, не избалована вниманием исследователей. В начале XX в. вышел ряд работ, в которых рассматриваются вопросы производства, а иногда и потребления усовершенствованных сельхозмашин и орудий в довоенной России[59]. В них достаточно подробно рассказывается об истории отечественного сельскохозяйственного машиностроения, о существовавшем разделении труда между российскими и заграничными производителями, показывается связь развития отрасли промышленности с общей экономической ситуацией в стране и таможенной политикой правительства. Часть этой литературы имеет явно лоббистский характер и связана с подготовкой отмены в 1913 г. беспошлинного ввоза в Россию сложных уборочных машин.

В советской историографии данные проблемы практически не были предметом специального рассмотрения, хотя в большинстве работ упоминается увеличение потребления сельхозтехники как одном из результатов Столыпинской аграрной реформы. В 1999–2000 гг. вышло несколько статей, написанных И. М. Гарсковой совместно с автором этих строк[60].

Необходимые дополнения к сделанному обзору историографии будут сделаны в тексте монографии.

§ 1.2. ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ

Основным источником при написании настоящей работы была «Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам».

Регулярную железнодорожную статистику в масштабах Российской Империи вели два ведомства — МПС и Министерство финансов (далее по мере необходимости: МФ).

«Статистические сборники МПС» издавались с 1877 г. Они освещали, во-первых, перевозки по железным дорогам, внутренним водным путям и нерегулярно — по гужевым перевозкам. В «Сборниках», во-первых, содержится информация о движении грузов, их весе и о пробеге, об отправлении и прибытии их по станциям. Во-вторых, — сведения о состоянии подвижного состава и плавучих средств, о разнообразных аспектах технической и финансовой стороны деятельности железных дорог и т. д.

«Статистические сборники МПС» рассматривают как движение всей товарной массы, так и движение отдельных «главнейших» массовых товаров, на которые падала основная часть перевозок. Круг их, начиная с 1889 г. сузился до 12-ти: главные хлеба — пшеница, мука пшеничная, рожь, мука ржаная, овес, ячмень, затем соль, нефть сырая и остатки нефтяные, керосин и другие нефтепродукты, каменный уголь, дрова и лесные стройматериалы. Перевозки продукции обрабатывающей промышленности и других важных грузов не рассматривались «Сборниками» и суммировались в графе «прочие грузы».

Снижает ценность источника и то, что он не позволяет определить, куда отправлялись грузы с данной станции, или откуда они на нее прибывали. Это делает невозможным исследование большинства сюжетов, связанных с географией товарного движения. Однако нельзя забывать, что «Статистические сборники» создавались прежде всего для характеристики эксплуатационной и финансовой сторон деятельности железных дорог. Другими словами, МПС в первую очередь интересовала нагрузка на рельсы на каждой версте железных дорог.

«Сводная статистика» является качественно иным видом железнодорожной статистики. Ее появление связано с тарифной реформой Витте 1889 г., передавшей руководство общероссийской железнодорожной тарифной политикой правительству. Витте считал, что устанавливать тарифы на транспортировку каких-либо грузов невозможно, не имея статистики их перевозки. Другими словами, поскольку само понятие тарифа включает в себя три составных части — какой-либо груз как транспортно-экономическое явление (массовый — редкий, отечественный — импортный, объемный — ком-

пактный и др.), вес груза и расстояние, на которое он перевозится, то тарифная статистика должна содержать сведения обо всех межстанционных перевозках всех грузов и путях их движения, что необходимо для определения тарифных расстояний.

Поначалу «Сводная статистика» разрабатывала сведения о 99-ти грузах, делившихся на три категории в соответствии с принятой тарифной номенклатурой. К первой относился 21 хлебный груз, ко второй — 53 «главнейших других», к третьей — 25 остальных грузов. От категории груза зависела степень детальности, с которой освещались перевозки. Номенклатура в дальнейшем несколько раз корректировалась, но в главных своих чертах радикально не изменилась.

Все железные дороги, как государственные, так и частные, были обязаны вести статистику перевозок по каждой своей станции отправления какого-либо груза с указанием станции и дороги назначения и по каждой своей станции прибытия с указанием станции и дороги, откуда этот груз был отправлен; при этом указывался маршрут следования (тарифное расстояние). Эти статистические сведения каждая железная дорога обязана была печатать по утвержденной форме и представлять в Департамент железнодорожных дел Министерства финансов и другие заинтересованные учреждения.

В Департаменте железнодорожных дел из этих материалов составлялась сводная статистика отправления и сводная статистика прибытия всех номенклатурных грузов по всей рельсовой сети. При этом указывались, во-первых, годовые итоги отправления (прибытия) по каждой железной дороге и по всей рельсовой сети, во-вторых, для важных грузов (степень важности решалась номенклатурой) — годовые итоги отправления и назначения по станциям и дорогам отправления и назначения. Поскольку невозможно было перечислять все без исключения станции русских железных дорог, было введено понятие «ценза станций». То есть, «особо поименовывались» только те станции, которые отправили (получили) не менее определенного количества для каждого отдельного груза количества. Так, для антрацита и каменного угля ценз равнялся 100 тыс. пуд., для хлебных грузов — 10 тыс. пуд., для марганцевой руды — 5 тыс. пуд., для шерсти овечьей — 3 тыс. пуд., для жести белой и черной не в деле — 2 тыс. пуд., для посуды чугунной — 600 пуд. и т. д. Исключение из цензового принципа делалось для станций, игравших важную роль в транспортной сети страны, портов, пристаней, таможен. Их показатели публиковались, хотя бы они отправили (получили) данного груза менее ценза. Показатели нецензовых станций дороги отправления (назначения) суммировались в графе «Прочие станции».

Таким образом, «Сводная статистика» — и в этом ее главное достоинство — дает возможность восстановить грузопотоки, **реальное** движение товаров по железным дорогам Империи в том смысле, что **позволяет выяснить, откуда и куда везли грузы и в каком количестве.**

Статистический отдел Департамента железнодорожных дел должен был составлять статистические справки, необходимые для текущей деятельности тарифных учреждений МФ, Общих тарифных съездов, различных правительственных органов. Подобного рода справки и обзоры движения были необходимым справочным материалом при пересмотре тарифов, анализе ходатайств об изменении тарифных схем и т. д. Таково, например, издание «Материалы по пересмотру хлебных тарифов российских железных

дорог в 1896 году» (Выпуски I–V. СПб., 1897). То же относится и к трем публикациям, вышедшим накануне и во время Первой мировой войны, которые, как и последняя, используются в данной работе.

Это, во-первых, «Материалы к пересмотру торгового договора с Германией и другими иностранными государствами. Перевозки по русским железным дорогам» (СПб., 1914. Ч. 1–2). Данное издание, во многом уникальное, содержит информацию о перевозках всех грузов сообразно тогдашней тарифной номенклатуре в 1901–1911 гг. Точнее — за несколько лет из 1901–1911 гг. Так, транспортировка хлебных грузов разработана за 1901–1903 и 1908–1911 гг., мануфактуры и сахарных грузов — за 1901–1902 и 1909–1911 гг., менее важных товаров — за 1909–1911 гг., а иногда — лишь за два года (1908 и 1911, 1909 и 1911 и т. д.). Другими словами, эта публикация представляет собой своего рода горизонтальный срез всероссийского рынка с точки зрения баланса железнодорожных перевозок, поскольку в ней указываются погубернские показатели получения и прибытия всех товаров — сельскохозяйственных и промышленных — в определенные для каждого из них годы. Кроме этого, «Материалы» помогают увидеть связь внутреннего и мирового рынков, поскольку показывают *все* отправления каждого груза из *всех* губерний во *все* вывозные (экспортные) пункты — порты и таможни, а равным образом и получение станциями каждой губернии из *всех* этих пунктов. То есть, благодаря этому изданию, известна величина как общего, т. е. всего вообще отправления (прибытия) груза со станций данной губернии, так и то количество, которое отправлено в (получено из) таможенные пункты.

Во-вторых, это публикация «Статистические данные об отправлении и прибытии продовольственных грузов по русским железным дорогам с распределением по губерниям и областям за 1912, 1913 и 1914 гг.» (Пг., 1916), предпринятая Департаментом железнодорожных дел с целью определить размеры погубернских балансов железнодорожного отправления и прибытия пищевых продуктов в указанные годы.

В-третьих, это «Производство, потребление и перевозки хлебов России за 1909–1913 гг.» (Пг., 1916), также изданное Статистическим отделом Особого совещания по продовольствию, которое составители (авторы) считали «частью материала для составления общеимперского плана снабжения хлебными продуктами армии и населения»[61]. Они справедливо полагали, «что одной из *главнейших* задач в области урегулирования в стране продовольственного вопроса является исчисление по отдельным территориям избытков и недостатков продовольственных продуктов. Только при условии возможно точного знания, сколько, куда и откуда необходимо ввезти для местной потребности того или иного продукта, центральная власть может оказать полезное воздействие на организацию закупочно-распределительного аппарата»[62].

«Производство, потребление и перевозки» — очень интересная попытка установить среднегодовые погубернские размеры потребления главных хлебов в довоенное пятилетие путем синтеза данных «Сводной статистики», статистики речных перевозок МПС, статистики каботажных перевозок, а также урожайной статистики. Авторы исходили из того, что годовое потребление какой-либо зерновой культуры можно вычислить, суммировав урожай и ввоз ее (прибытие) на территорию губернии и вычтя вывоз (отправление) с ее территории.

Величина урожаев взята из статистики ЦСК МВД. Сведения о железнодорожных перевозках — из двух только что упомянутых изданий — из «Материалов» за 1909–1911 гг., а из «Перевозок пищевых продуктов» — за 1912–1913 гг. Транспортировка хлеба по внутренним водным путям разрабатывалась по соответствующим сборникам МПС. Наконец, там, где это было необходимо, использовались сведения о каботажных перевозках, содержащиеся в таможенной статистике.

Обзор данного издания сразу позволит нам выйти на самые острые вопросы комплекса проблем, связанных с производством, потреблением и транспортировкой хлеба.

В довольно подробном Введении авторы пытаются оценить степень репрезентативности используемых источников. К числу основных дефектов транспортной статистики они справедливо относят, во-первых, отсутствие сведений о гужевой транспортировке, во-вторых, то, что границы транспортных районов, т. е. районов тяготения к тем или иным станциям, пристаням, портам и таможням часто не совпадают с границами тех административно-территориальных единиц, по которым учитывается производство и делаются выводы, и в-третьих, то, что «крайне неточно регистрируются перевозки по внутренним водным путям»[63].

Известно, что гужевая перевозка во многих регионах Империи и в начале XX в. продолжала играть важную роль, но с отсутствием ее статистики приходится мириться как с данностью. Это обстоятельство имеет отношение и ко второму из указанных недостатков. Гужевая перевозка хлебов в смежных губерниях, естественно, не ориентировалась на то, совпадают или нет границы транспортных и административных районов. В качестве примера авторы приводят Пензенскую губернию: «По местным данным до 20 % ее территории тяготеет к станциям соседних губерний. Вывоз с этой территории транспортная статистика учтет как вывоз из соседних губерний. То же самое будет со ввозом. Естественно, что такие данные нельзя применить для исчисления избытков и недостатков хлебов в Пензенской губернии как административной совокупности». Впрочем, авторы полагают, что этот дефект можно преодолеть.

Еще одно слабое место транспортной статистики — регистрация речных перевозок. Если в основе железнодорожной статистики лежали официальные документы — железнодорожные накладные на перевозимые грузы, то учет речных перевозок происходил совсем иначе — путем опроса капитанов. Вследствие этого МПС вынужден был из года в год признавать, что «как и в предшествующих аналогичных выпусках Статистического сборника, таковые не выражают собою абсолютно всего количества перевезенных товаров, так как при существующей системе регистрации перевозимых товаров учитывается только более или менее значительная часть товаров, составляющих, *вероятно*, около 3/4 всего количества перевезенных товаров». Авторы публикации полагают, что размеры недоучета, видимо, колеблются и по отдельным годам, и по бассейнам рек и губерниям: «Это предположение подтверждается замечающейся иногда неустойчивостью размеров водного вывоза и ввоза по тем губерниям, в транспорте которых внутренние водные пути играют значительную роль».

Этот недоучет особенно заметно сказывается в регистрации прибытия. Среднегодовая учтенная величина отправления главных хлебов в 1909–1913 гг. (без бассейна р. Прут) равна 298 514 тыс. пуд., а прибытия — 248 359[64]. То есть, помимо «официаль-

ного» недоучета отправления, прибытие в сравнении с отправлением составляет только 83,2 %. В публикации попытались выйти из этого положения следующим образом. По бассейнам Волги – Невы, Сев. Двины, Дона и Днепра погубернские итоги ввоза были увеличены «на тот процент, какой давала разница отправления и прибытия по данному бассейну. Таким образом, величины отправления и прибытия были приблизительно уравнены. Несомненно, что такое искусственное увеличение зарегистрированного ввоза могло порою исказить картину водного поступления в ту или иную губернию, но несомненно также, что в общем по большинству губерний таким путем получены более близкие к действительности величины».

Оценивая же общий размер недоучета отправления хлебов по внутренним водным путям, авторы заявляют, что он «по-видимому, не слишком велик» и что будь иначе, то в губерниях, в которых речные перевозки играют заметную роль, остаток хлеба для местного потребления был бы преувеличен, а на самом деле этого незаметно. Данная мысль — не бесспорна, как станет ясно чуть ниже. Вместе с тем они заключают: «Во всяком случае, необходимо сказать, что пользоваться данными транспорта для тех губерний, где речные перевозки хлебов имеют большое значение, можно лишь с известной долей осторожности»[65].

С этим последним замечанием нельзя не согласиться, ибо именно с перевозками по внутренним водным путям связана одна из наиболее острых и, если так можно выразиться, неприятных проблем транспортной статистики — проблема переотправок, она же проблема двойного счета, она же проблема передачи грузов с рельсовых путей на водные и наоборот. Характеризуя ее, П. И. Лященко писал, что «в общей массе движения хлебных грузов часто или на водные пути переходят грузы с железных дорог, или, наоборот, грузы с водных путей переходят на железные дороги. Хотя выделение этих несамостоятельных грузов из общего движения **представляется в высшей степени важным** во избежание двойного учета, однако оно трудно исполнимо и требует сложных подсчетов»[66].

Для данной работы преодоление этих трудностей совершенно необходимо. Сначала, впрочем, ознакомимся с этой проблемой на реальных фактах и в качестве примера возьмем Самарскую губернию, в которой было две пристани, соединявшиеся с рельсовыми путями, — Самара и Покровская Слобода.

Из таблицы 1.1 следует, что в 1901 г., например, со станций Самарской губернии было отправлено 18 607 тыс. пуд., а с пристаней — 29 878 тыс. пуд., т. е. в сумме 48 485 тыс. пуд. пшеницы. Эта цифра точна постольку, поскольку характеризует работу транспортной сети на территории Самарской губернии. Однако она, несомненно, превышает количество пшеницы, которое перевозилось по смешанному железнодорожно-водному пути, поскольку дважды учитывает одно и то же зерно. Оно сперва было отправлено по железной дороге в Самару и Покровскую Слободу как из Самарской губернии, так из других губерний и областей (Оренбургской, Уфимской, Уральской, Тургайской) и **уже** зафиксировано как отправленное из них, а затем, после перегрузки на воду, посчитано еще раз, и вновь как отправленное.

Так, по данным таблицы 1.1, в 1901 г. Самара получила по железной дороге 8031 тыс. пуд. пшеницы. Согласно данным «Сводной статистики» из них 4609 тыс. пуд. приходилось на Самарскую губернию, 3346 тыс. пуд. — на Оренбургскую и

34 тыс. пуд. — на Уфимскую губернию. С пристаней Самары в том же году отправлено 8654 тыс. пуд. пшеницы. В Покровской Слободе в том же году было получено 8017 тыс. пуд. пшеницы, из которых 6314 тыс. пуд. было отправлено со станций Самарской губернии, а остальные — из Уральской области (1649 тыс. пуд.) и Саратовской губернии (54 тыс. пуд.). С пристани Покровская Слобода отправлено 6497 тыс. пуд. Конечно, определенная часть зерна прибывала после закрытия навигации и могла остаться на складах и в амбарах до весны[67]. Лященко пишет, что кроме 21 склада общего пользования емкостью в 1,5 млн. пуд., в Самарской губернии много складов частного пользования и завозных по линиям железных дорог, особенно Рязанско-Уральской, а также на пристанях «сообразно характеру торговли» частных амбаров и складов в Самаре на 12–15 млн. пуд., а в Покровской Слободе — на 7–8 млн. пуд. Характерно его замечание: «Но все же всех этих складов временами бывает недостаточно»[68].

Таблицы 1.1–1.3 показывают, что размеры железнодорожного получения пшеницы в Самаре и Покровской Слободе и водного отправления с их пристаней не совпадают, что неудивительно и может объясняться самыми разными причинами. Прежде всего, мы не знаем размеров гужевого подвоза зерна к этим (и другим) пристаням, а он имел «место и был весьма значителен, как считает Лященко[69]. Затем, зерно, прибывшее по железной дороге, совершенно необязательно должно было сразу же переотправляться по внутренним водным путям; в этой губернии «у зажиточных помещиков и при хороших урожаях зерно сохраняется иногда очень долго; бывают случаи, что оно хранится 15–18 лет»[70]. Были и хронологические несовпадения — «Сводная статистика» все отправления данного года, хотя бы зафиксированные в 23 ч. 59 мин. 31 декабря, определяла как **прибывшие** в том же году, а навигация на Волге, как известно, заканчивается несколько раньше. Так что ежегодно по рекам отправлялась часть урожая прошлого года. Часть полученного зерна, безусловно, перемалывалась в Самаре, одном

Таблица 1.1. Железнодорожное прибытие и водное отправление пшеницы для Самары и Покровской Слободы в 1901–1903 и 1908–1911 гг. (тыс. пуд.)

1	2	3	4	5	6	7
1901	8031	8017	8654	6497	623	–1520
1902	4383	9145	1931	6735	–2452	–2410
1903	10470	11364	7012	8988	–3458	–2376
1908	9091	6184	4756	3231	–4335	–2953
1909	6685	9761	7590	8475	905	–1286
1910	9881	13913	9232	10317	–649	–3596
1911	5171	6187	6800	6368	1629	181

Источники: «Сводная статистика»; «Статистические сборники МПС».

1. Годы.
2. Получение пшеницы в зерне на станции Самара.
3. Получение пшеницы в зерне на станции Покровская Слобода.
4. Отправление пшеницы по Волге из Самары.
5. Отправление пшеницы по Волге из Покровской Слободы.
6. Разность водного отправления и железнодорожного прибытия для Самары.
7. Разность водного отправления и железнодорожного прибытия для Покровской Слободы.

Таблица 1.2. Урожай и перевозки пшеницы в (из) Самарской губернии (тыс. пуд.)

1	2	3	4	5	6	7	8
1901	28950	18607	29878	48485	15151	33334	115,1
1902	65934	17134	21418	38552	8666	29886	45,3
1903	58218	23369	31129	54498	15406	39092	67,1
1908	59855	15225	19353	34578	7987	26591	44,4
1909	131165	50599	41707	92306	16055	76251	58,1
1910	116605	67454	50348	117802	19549	98253	84,3
1911	23098	28487	35215	63702	13168	50534	218,8

Источники: «Сводная статистика»; «Статистический сборник МПС»*.

1. Годы.
2. Урожай.
3. Отправление пшеницы со станций железных дорог Самарской губернии.
4. Отправление пшеницы с пристаней Самарской губернии.
5. Сумма железнодорожного и водного отправления Самарской губернии.
6. Сумма отправления пшеницы пристанями Самары и Покровской Слободы.
7. Исправленная сумма отправления по железнодорожным и водным путям.
8. Процент, который составляет исправленная сумма от урожая.

Таблица 1.3. Баланс железнодорожных и речных перевозок пшеницы по Самаре и Покровской Слободе (тыс. пуд.)

1	2	3	4	5
1901	29878	15151	16048	–897
1902	21418	8666	13528	–4862
1903	31129	15406	21834	–6428
1908	19353	7987	15275	–7288
1909	41707	16055	16446	–391
1910	50348	19549	23794	–4245
1911	35215	13168	11358	1810

Источники: «Сводная статистика»; «Статистический сборник МПС».

1. Годы.
2. Речное отправление пшеницы с пристаней Самарской губернии.
3. Сумма речного отправления с пристаней Самары и Покровской Слободы.
4. Сумма получения пшеницы на станциях Самара и Покровская Слобода.
5. Разность суммы речного отправления и суммы железнодорожного получения пшеницы Самарой и Покровской Слободой.

из крупнейших центров мукомолья в стране. Статистика показывает, что речное отправление муки из Самары стабильно превышает показатели железнодорожного получения ее в этом пункте.

Каков же выход?

Учитывая тот факт, что мы *никогда* не узнаем, *как* циркулировало зерно между амбарами и элеваторами, станциями и пристанями в каждом данном году, а равно и величи-

* Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, подсчеты автора.

ны гужевых перевозок, оптимальное решение, я полагаю, состоит в том, чтобы **из величины водного отправления пшеницы всеми пристанями Самарской губернии вычесть показатели отправления пристаней Самары и Покровской Слободы.** Только в этом случае мы, насколько это возможно, обезопасим анализируемые сведения от искусственного завышения.

В схожих случаях использовалась такая же методика — при определении данных об отправлении хлеба из Саратовской и Херсонской губерний. Показатели Ярославской губернии, т. е. Рыбинска, в нашем случае значения не имели, ибо в 3 главе разрабатывается информация о перевозках из производящих губерний.

Неполнота статистики речных перевозок хлеба, весьма ярко выступает при сопоставлении зафиксированных «Статистическими сборниками МПС» данных об отправлении и прибытии хлебных грузов. При этом для крупных пристаней в источнике не только фиксируются величина прибытия главных хлебов, а также пшена и гречки, но и указываются губернии отправления. Что же касается средних и мелких пристаней, то информация о получении ими хлеба в подавляющем большинстве случаев отсутствует. Статистический отдел МПС, напомним, пытался решить эту проблему так — уже по завершении обработки основного массива данных о прибытии, которые они считали достоверными, неучтенный прибытием хлеб распределялся в определенной пропорции между губерниями, на территории которых находился тот или иной речной бассейн. И, конечно, прежде всего увеличивались показатели больших пристаней. Данные об этих добавлениях публиковались в одной из последних таблиц каждого «Статистического сборника МПС», и их необходимо учитывать при анализе речных перевозок.

Попытаемся рассмотреть, как эти сведения влияют на величину экспортного отправления. В 1901–1903 гг. источник конкретизирует размеры добавления для каждого из хлебов (таблица 1.4).

Таблица 1.4. Сопоставление первичных и окончательных данных о прибытии главных хлебов в Петербург по речным путям в 1901 г. (тыс. пуд.; %)

Хлеба	1	2	3	4	5	6
Пшеница	1077	1217	140	2,3	2,3	2,0
Мука пшеничная	912	1031	119	2,0	1,9	1,7
Рожь	11532	13031	1499	25,0	24,5	21,4
Мука ржаная	4031	4555	524	8,7	8,6	7,5
Овес	28566	33284	4718	61,9	62,7	67,4
Ячмень	3	3	0	0,01	0,0	0,0
Всего	**46121**	**53121**	**7000**	**100**	**100**	**100**

Источник: «Статистический сборник МПС».

1. Размеры получения по данным таблицы III «Статистического сборника МПС».
2. Уточненное получение по данным «Статистического сборника МПС».
3. Разница уточненных и первичных данных.
4. Доля каждого из главных хлебов в общем получении по данным таблицы III (%).
5. Доля каждого из главных хлебов в уточненном общем получении (%).
6. Доля каждого из главных хлебов в добавленном количестве хлеба (%).

Таблица 1.5. Сопоставление первичных и окончательных данных о прибытии главных хлебов в Петербург по речным путям в 1902 г. (тыс. пуд.; %)

Хлеба	1	2	3	4	5	6
Пшеница	0	0	0	0	0	0
Мука пшеничная	1841	2341	500	10,6	10,8	11,4
Рожь	2754	4754	2000	15,9	21,9	45,5
Мука ржаная	2423	3023	600	14,0	13,9	13,6
Овес	10313	11613	1300	59,5	53,4	29,5
Ячмень	0	0	0	0	0	0
Всего	**17331**	**21731**	**4400**	**100**	**100**	**100**

Источник: «Статистический сборник МПС».

1. Размеры получения по данным таблицы III «Статистического сборника МПС».
2. Уточненное получение по данным «Статистического сборника МПС».
3. Разница уточненных и первичных данных.
4. Доля каждого из главных хлебов в общем получении по данным таблицы III (%).
5. Доля каждого из главных хлебов в уточненном общем получении (%).
6. Доля каждого из главных хлебов в добавленном количестве хлеба (%).

Таблица 1.6. Сопоставление первичных и окончательных данных о прибытии главных хлебов в Петербург по речным путям в 1903 г. (тыс. пуд.; %)

Хлеба	1	2	3	4	5	6
Пшеница	337	1118	781	1,4	3,9	17,1
Мука пшеничная	1205	1205	0	5,0	4,2	0,0
Рожь	2119	4502	2383	8,8	15,7	52,2
Мука ржаная	3045	3045	0	12,7	10,6	0,0
Овес	17332	18732	1400	72,1	65,5	30,7
Ячмень	0	0	0	0	0,0	0,0
Всего	**24038**	**28602**	**4564**	**100**	**100**	**100**

Источник: «Статистический сборник МПС».

1. Размеры получения по данным таблицы III «Статистического сборника МПС».
2. Уточненное получение по данным «Статистического сборника МПС».
3. Разница уточненных и первичных данных.
4. Доля каждого из главных хлебов в общем получении по данным таблицы III (%).
5. Доля каждого из главных хлебов в уточненном общем получении (%).
6. Доля каждого из главных хлебов в добавленном количестве хлеба (%).

В 1901 г. дополнительные 7000 тыс. пуд. составили 13,2 % от уточненной суммы прибытия главных хлебов в Петербург, равной 53121 тыс. пуд., в 1902 г. такие же 4400 тыс. пуд. равнялись 20,2 % от 21371 тыс. пуд., а в 1903 г. — 4564 тыс. пуд. — 16 % от «настоящей» суммы в 28602 тыс. пуд.

При этом в 1901 г. уточненный баланс главных хлебов практически идентичен тому, который вычисляется на основании таблицы III; довольно близок к нему и баланс добавленного количества. В 1902 г. картина несколько меняется — доля ржи в окончательном раскладе главных хлебов увеличивается с 15,9 до 21,9 %, и на 6,1 % уменьша-

ется доля овса — с 59,5 до 53,4 %. Поскольку 45,5 % дополнения составляет рожь, то и баланс имеет несколько иную структуру, чем общее получение.

Аналогичная ситуация фиксируется и в 1903 г., когда на рожь пришлось уже свыше половины добавленного хлеба, что повысило почти на 7 % ее долю в окончательном балансе получения хлеба в Петербурге и соответственно снизило долю овса, которая, тем не менее, все равно осталась близкой к двум третям общего итога. Впрочем, расхождение в 6–7 % вряд ли можно считать значительным.

Возникает вопрос. Можем ли мы, исходя из приведенных уточнений, внести соответствующие коррективы в показатели губерний-поставщиков хлеба в Петербург? В подобных случаях считается допустимым предположение, что структура уточненных данных повторяет структуру первичных сведений, поскольку логично предположить, что недоучитывались прежде всего перевозки из тех губерний, которые отправили в данный пункт больше всего хлеба.

В таблице 1.7 представлены результаты соответствующих подсчетов для овса, на долю которого приходятся наибольшие по размерам добавления.

Если наши предположения верны, то для главных губерний-поставщиков овса картина соотношения экспортного и внутреннего отправления должна выглядеть так (см. табл. 1.8).

Как можно видеть, уточненный вариант прибытия овса в Петербург несколько повышает долю вывозного отправления в указанных губерниях, особенно в Вятской и Уфимской. Заметим, однако, что все эти губернии не принадлежат к числу лидеров товарного производства овса. Увеличение среднегодового экспортного отправления в 1901–1903 гг. на 2527 тыс. пуд. за счет Петербурга повысило долю его в общем отправлении по России с 44,0 до 45,3 %, но это вряд ли серьезно изменяет баланс между отправлением во внутренние и таможенные пункты. Тем не менее, очевидна важность любых уточнений.

По указанной схеме была проведена корректировка перевозок ржи в Петербург в 1901–1903 гг., второго по величине пункта получения главного хлеба, результаты которого можно видеть в таблице 1.9.

Из 17-го столбца таблицы 1.9 следует, что максимальные среднегодовые прибавки вывозного отправления в 1901–1903 гг., согласно предложенной схеме пересчета, отмечаются в Казанской губернии — 598 тыс. пуд., в Самарской — 415 тыс. пуд., Уфимской — 339 тыс. пуд. и Симбирской — 276 тыс. пуд. Как и в описанной только что ситуации с овсом, это, разумеется, корректирует баланс внутреннего и экспортного отправления для данных губерний в пользу последнего, однако не слишком влияет на общее их соотношение в масштабах страны.

Если в 1901–1903 гг. подобный расчет имел определенный смысл, поскольку в «Статистических сборниках МПС» уточнялось получение каждого отдельного хлеба, то в 1908–1911 гг. в источнике дается суммарный «глухой» итог пересчета, без дифференциации по отдельным хлебам. Поэтому применять для данных 1908–1911 гг. предложенную выше методику пересчета нет смысла — количество не вполне корректных, на наш взгляд, допущений в этом случае оказывается слишком велико, особенно с учетом заметно возросших уточнений объема перевозок. Сначала нужно согласиться с тем,

Таблица 1.7. Перевозки овса в Петербург по речным путям в 1901-1903 гг. (тыс. пуд.;%)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Саратовская	341	1,2	399	58	17	0,16	19	2	24	0,14	26	2	62	21
Самарская	517	1,82	606	89	238	2,3	268	30	274	1,58	296	22	141	47
Нижегородская	65	0,23	77	12	574	5,54	646	72	63	0,36	67	4	88	29
Пермская	2157	7,59	2526	369	624	6,02	703	79	604	3,48	652	48	496	165
Уфимская	8283	29,2	9706	1423	1020	9,85	1149	129	609	3,51	657	48	1600	533
Казанская	4653	16,4	5452	799	2089	20,2	2352	263	6159	35,54	6657	498	1560	520
Ярославская	407	1,43	476	69	60	0,58	68	8	789	4,55	852	63	140	47
Новгородская	1326	4,67	1554	228	737	7,11	830	93	726	4,19	785	59	380	127
Симбирская	2484	8,75	2912	428	1434	13,8	1615	181	4458	25,72	4818	360	969	323
Вятская	7529	26,5	8824	1295	2574	24,9	2898	324	2519	14,53	2722	203	1822	607
Владимирская	182	0,64	213	31	44	0,42	50	6	3	0,02	43	0	37	12
Тверская	8	0,03	10	2	4	0,04	5	1	4	0,02	4	0	3	1
Олонецкая	4	0,01	5	1	1	0,01	1	0	15	0,09	16	1	2	1
Петербургская	3	0,01	4	1		0		0		0,00		0	1	0
Вологодская	445	1,57	523	78	634	6,12	714	80	729	4,21	789	60	218	73
Пензенская					55	0,53	62	7		0,00		0	7	2
Костромская					10	0,1	11	1	106	0,61	114	8	9	3
Ярославская					203	1,96	229	26		0,00		0	26	9
Петербургская					18	0,17	20	2		0,00		0	2	1
Рязанская								0	13	0,08	14	1	1	0
Разные					23	0,22	26	3	237	1,37	257	20	23	8
Всего	**28404**	**100**	**33287**	**4883**	**10359**	**100**	**11613**	**1300**	**17332**	**100**	**18732**	**1397**	**7580**	**2527**

Источники: «Статистические сборники МПС».

1. Губернии.
2. Отправление губернии в Петербург в 1901 г. по данным таблицы III (тыс. пуд.).
3. Доля губернии в получении Петербургом в 1901 г. (%);
4. Отправление губернии согласно уточненным данным в 1901 г. (тыс. пуд.).
5. Разность уточненных данных и данных таблицы III в 1901 г. (тыс. пуд.).
6. Отправление губернии в Петербург в 1902 г. по данным таблицы III (тыс. пуд.).
7. Доля губернии в получении Петербургом в 1902 г. (%).
8. Отправление губернии согласно уточненным данным в 1902 г.
9. Разность уточненных данных и данных таблицы III в 1902 г.
10. Отправление губернии в Петербург в 1903 г. по данным таблицы III.
11. Доля губернии в получении Петербургом в 1903 г. (%).
12. Отправление губернии согласно уточненным данным в 1903 г.
13. Разность уточненных данных и данных таблицы III в 1903 г.
14. Сумма увеличения отправления губернии за 1901–1903 гг.
15. Среднегодовое увеличение отправления за 1901–1903 г.

Таблица 1.8. Изменения в соотношении вывозного и внутреннего отправления овса в 1901–1903 гг. (тыс. пуд., %)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Вятская	7073	4252	4859	2821	2214	60,1	39,9	68,7	31,3
Пермская	5120	1129	1294	3991	3826	22,1	77,9	25,3	74,7
Уфимская	5930	3729	4262	2201	1668	62,9	37,1	71,9	28,1
Саратовская	6936	3204	3225	3732	3711	46,2	53,8	46,5	53,5
Симбирская	6774	4148	4471	2626	2303	61,2	38,8	66	34
Казанская	8836	5282	5802	3553	3034	59,8	40,2	65,7	34,3

Источники: «Материалы к пересмотру торгового договора России с Германией...»; «Статистические сборники МПС».

1. Губернии.
2. Среднегодовое общее отправление овса в 1901–1903 гг.
3. Среднегодовое вывозное отправление (с данными таблицы III).
4. Уточненное вывозное отправление;
5. Среднегодовое внутреннее отправление (с данными таблицы III).
6. Уточненное внутреннее отправление.
7. Доля экспортного отправления (с данными таблицы III) (%).
8. Доля внутреннего отправления (с данными таблицы III) (%).
9. Доля экспортного отправления (уточненный вариант) (%).
10. Доля внутреннего отправления (уточненный вариант) (%).

Таблица 1.9. Перевозки ржи в Петербург по речным путям в 1901–1903 гг. (тыс. пуд.; %)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
Саратовская	63	0,55	72	9	12,5	27	0,98	47	20	42,1	54	2,55	115	61	53	30
Самарская	1676	14,57	1899	223	11,7	941	34,2	1624	683	42,1	302	14,3	642	340	53	415
Нижегородская	303	2,63	343	40	11,7	98	3,56	169	71	42	33	1,56	70	37	52,9	49
Пермская	81	0,70	91	10	11	90	3,27	155	65	42,1	32	1,51	68	36	52,9	37
Уфимская	1168	10,15	1323	155	11,7	412	15	711	299	42,1	501	23,6	1064	563	52,9	339
Ярославская	213	1,85	241	28	11,6	153	5,56	264	111	42	45	2,12	95	50	52,6	63
Новгородская	305	2,65	345	40	11,6	63	2,29	109	46	42,2				0		29
Симбирская	2814	24,46	3187	373	11,7	310	11,3	535	225	42,1	205	9,67	435	230	52,9	276
Казанская	4520	39,29	5120	600	11,7	417	15,1	720	303	42,1	791	37,3	1681	890	52,9	598
Вятская	325	2,82	367	42	11,4	243	8,82	419	176	42	156	7,36	331	175	52,9	131
Владимирская	37	0,32	42	5	11,9											2
Всего	**11505**	**100**	**13030**	**1525**	**11,7**	**2754**	**100**	**4753**	**1999**	**42,1**	**2119**	**100**	**4501**	**2382**	**52,9**	**1969**

Источник: «Статистические сборники МПС».

1. Губернии.
2. Отправление губерний по данным таблицы III(тыс. пуд.).
3. Доля губернии в получении Петербургом (%).
4. Отправление губернии согласно уточненным данным в 1901 г. (тыс. пуд.).
5. Разность уточненных данных и данных таблицы III в 1901 г. (тыс. пуд.).
6. Доля разности в уточненном получении Петербургом в 1901 г. (%).
7. Отправление губерний по данным таблицы III в 1902 г. (тыс. пуд.).
8. Доля губернии в получении Петербургом (%).
9. Отправление губернии согласно уточненным данным в 1902 г. (тыс. пуд.).
10. Разность уточненных данных и данных таблицы III в 1902 г. (тыс. пуд.).
11. Доля разности в уточненном получении Петербургом в 1902 г. (%).
12. Отправление губерний по данным таблицы III в 1903 г. (тыс. пуд.).
13. Доля губернии в получении Петербургом (%).
14. Отправление губернии согласно уточненным данным в 1903 г. (тыс. пуд.).
15. Разность уточненных данных и данных таблицы III в 1903 г. (тыс. пуд.).
16. Доля разности в уточненном получении Петербургом в 1903 г. (%).
17. Среднегодовое увеличение отправления за 1901–1903 гг.

что у прибавленного и точно зафиксированного количества главных хлебов идентичен баланс отдельных хлебов, а потом, что одинакова и погубернская структура получения этих хлебов. Разумеется, можно проверить эту гипотезу. Однако априори понятно, что мы придем к выводу о некотором увеличении вывозных перевозок из губерний ураловолжского региона и общих показателей экспортного отправления на 1–2 %, не будучи, впрочем, никак уверены в точности этих *конкретных* цифр.

Видимо, лучший выход — постоянно иметь в виду, что размеры отправления в Петербург из губерний бассейна Волги реально всегда несколько выше показываемых «Статистическими сборниками МПС», притом, что круг главных поставщиков в общем не слишком широк. Сказанное относится и к аналогичным уточнениям водной транспортировки пшеницы и ячменя в южные порты. Очевидно, что ее размеры значительно превышают те, которые фиксируются «Статистическими сборниками МПС».

Здесь уместно прояснить некоторые аспекты специфики понятия «вывозное отправление» применительно к крупным портовым городам. Логично сделать это на примере данных о вывозе овса из Петербурга в рассматриваемые годы по данным «Обзоров внешней торговли» (см. табл. 1.10).

Нетрудно видеть, что **вне зависимости от величины прибытия** овса в столицу и от размеров его вывоза, размеры фиксируемого остатка в основном колеблются в пределах 16–18 млн. пуд. Такова, надо думать, и была годовая потребность Петербурга в этом хлебе.

Таблица 1.10. Прибытие овса в Петербург и экспорт овса через петербургские таможни в 1908–1911 гг. (тыс. пуд.)

Год	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1908	18462	6258	7901	24720	26363	8771	35,5	33,3	15949	17592
1909	23540	10308	13126	33848	36666	18675	55,2	50,9	15173	17991
1910	20604	30247	39545	50851	60149	32202	63,3	53,5	18649	27947
1911	16212	26421	32995	42633	49207	30346	71,2	61,7	12287	18861

Источники: «Сводная статистика»; «Статистические сборники МПС»;
«Обзор внешней торговли России по европейским и азиатским границам».

1. Прибытие овса по железной дороге.
2. Прибытие овса по речным путям (первичные данные; далее: 1-й вариант).
3. Прибытие овса по речным путям (перерасчет первичных данных; далее: 2-й вариант).
4. Сумма прибытия овса в Петербург (1-й вариант).
5. Сумма прибытия овса в Петербург (2-й вариант).
6. Величина экспорта овса через городские таможни.
7. Доля экспорта (1-й вариант) (%).
8. Доля экспорта (2-й вариант) (%).
9. Остаток овса в Петербурге (1-й вариант).
10. Остаток овса в Петербурге (2-й вариант).

Данные подсчеты сделаны в том числе и для того, чтобы еще раз подчеркнуть определенную условность понятия вывозное отправление, — далеко не весь хлеб, перевозимый в портовые пункты, уходил за границу.

* * *

Для оценки общего направления эволюции хлебного рынка в этой работе, напомним, используются, помимо «Материалов к пересмотру торгового договора с Германией и другими государствами», такие издания, как «Материалы по пересмотру хлебных тарифов российских железных дорог в 1896 году» (Выпуски I–V. СПб., 1897), «Статистические данные об отправлении и прибытии продовольственных грузов по русским железным дорогам с распределением по губерниям и областям за 1912, 1913 и 1914 гг.».

Изучение хлебных перевозок вообще сопряжено с немалыми трудностями для исследователя, однако и такое издание, как «Материалы», которое в принципе должно облегчать этот процесс, иногда запутывает и усложняет обработку данных.

В связи с этим необходимо остановиться на проблеме определения величин внутреннего и экспортного отправления.

Теоретически это как будто весьма несложная задача. Весь объем грузов, отправленных (перевезенных) по сети российских железных дорог называется общим отправлением. Отправление в портовые и таможенные пункты принимается за вывозное. Разница между общим и вывозным отправлением составляет внутреннее отправление. При этом подразумевается, что отправление груза по сети железных дорог должно быть равно его получению (прибытию, назначению).

Однако проделать эти, казалось бы, элементарные подсчеты, имея в распоряжении несколько тысяч страниц «Сводной статистики» в трех томах, освещающих хлебные перевозки за каждый год в 1890–1913 гг., оказалось совсем непросто.

Главная проблема состоит в перевозках внутри Одесского транспортного узла.

Таблица 1.11. Перевозки главных хлебов внутри Одесского железнодорожного узла (тыс. пуд.)

Годы	Рожь	Пшеница	Овес	Ячмень	Мука пшенич.	Мука ржаная
1901	4465	11978	303	3715	2	14
1902	3378	17140	410	1968		
1903	3464	23085	281	4121		
1908	342	839	102	3927	2	
1909	852	5232	16	7273	1	1
1910	3517	16782	16	1892	3	
1911	4016	7705	8	9127	2	100

Источник: Сводная статистика.

Одесса является пунктом, учет показателей которого прибавляет немало трудностей при исследовании транспортировки хлебных грузов. Одесский железнодорожный узел включал несколько станций: Одесса-Главная, Одесса товарная, Одесса-Пересыпь, Одесса-Застава, Одесса-порт, Одесса- городская станция и Одесса газовый завод и др.

Перевозки между ними учитывались «Сводной статистикой» не вполне обычно. Отправление с одних одесских станций на другие (например, со станции Одесса-Пересыпь на станцию Одесса-порт и т. п.) *включалось*, подобно отправлению любых остальных

станций, в общий итог Юго-Западных ж. д. и, таким образом, входило в сумму общего отправления груза, в данном случае хлеба, по России в целом. А в статистике назначения хлебных грузов грузообмен между станциями Одесского узла *исключался* из общей величины получения хлебных грузов Одессой, которая печаталась в итоговой строке «Всего в Одессу» жирным шрифтом. Ниже этой строки в виде примечания располагается строка «Сверх сего в пределах Одессы перевезено», в которой курсивом дается информация об этих перевозках.

Таким образом, в силу данного обстоятельства величина отправления хлебов (и не только) по всей сети российских железных дорог в «Сводной статистике» *превышает* величину их получения на объем транспортировки внутри Одесского узла. Мотивы, по которым Статистический Отдел Департамента железнодорожных дел считал отправление грузов с одних станций Одесского узла на другие «настоящим» и включал их в общие итоги перевозок по стране, а получение этих же грузов этими же станциями таковым считал не всегда и большей частью исключал из итогов, до сих пор непонятны; во всяком случае, поиск в фонде Департамента железнодорожных дел РГИА (Ф. 268) результата пока не принес.

Хотя понятно, что внутристанционные перевозки, особенно на крупных узлах, таких как Петербург, Рига, Москва, Царицын и многие другие, были достаточно велики, но ситуаций, подобной одесской, не зафиксировано больше нигде.

Первый выпуск статистики перевозок хлебных грузов за каждый год содержит статистику отправления. Она служила основанием для воссоздания статистики назначения (прибытия), которая публиковалась во 2-м выпуске. В нее включались данные о получении, во-первых, портовых и таможенных пунктов, которые в сумме принимаются за вывозное отправление данного года, и, во-вторых, крупнейших внутренних станций, согласно определенному цензу (как правило, 500 тыс. пуд.). В 3-ем выпуске печатались общие итоги перевозок. К последним относились, прежде всего, таблица распределения перевозок по дорогам отправления и назначения, затем таблицы с сокращенными данными о главных отправителях и главных получателях хлебов в рамках каждой железной дороги, и, наконец, сведения о распределении количества перевозок в эти же пункты по поясам пробега грузов.

Таблица основных станций-отправителей каждой дороги в 3-м выпуске до 1900-х гг. открывалась общими итогами отправления хлебов по всей сети российских железных дорог в данном году, к которым делается примечание: «Включая перевозки в пределах Одессы» и сообщаются ее количественные показатели для каждого из хлебных грузов, напечатанные курсивом во 2-м выпуске. То есть, в этом разделе общие итоги **включают** эти данные.

В разделе о пробеге хлебных грузов сумма прибытия в Одессу в большинстве случаев **не содержит** сведений об их транспортировке в пределах узла, однако в 1909 и 1912–1913 гг., например, они **входят** в эту сумму. Все это весьма усложняет и запутывает подсчеты даже в тех случаях, когда речь идет об итоговых показателях для всей России.

Основная трудность состоит в том, что мы не представляем природы перевозок внутри Одесского транспортного узла. Например, по крайней мере в 1880-х гг., около

трети экспортного хлеба из Одессы перегружалось прямо из мелких каботажных судов на пароходы[71]. На гужевую перевозку приходилось примерно 11–12,5 % хлеба, доставляемого в Одессу в 1895 г.[72]

В общем, как представляется, возможны три основных варианта. Первый — считать перевозки внутри узла переотправками. Второй — предположить, что это отправление производительное и речь идет о транспортировке хлеба, доставленного, например, гужем и хранившегося в элеваторах, амбарах и т. п. Вряд ли можно сомневаться в том, что ближе к истине третий вариант, учет которого невозможен, — та или иная комбинация первых двух. Другими словами, часть этих перевозок была переотправками, а часть производительным отправлением.

Если мы принимаем второй вариант, то общее отправление равно итогам отправления по сети железных дорог, включающим, как говорилось, показатели перевозок внутри Одесского узла. Вывозное отправление либо подсчитывается самостоятельно по 2-му выпуску как сумма хлебов, прибывших во все порты и таможни, к которой прибавляются эти внутриодесские перевозки, либо берется из 3-го выпуска, где такой подсчет уже как бы проделан. Оборот «как бы проделан» означает, что и эта, на первый взгляд, нехитрая операция в «Сводной статистике» не выполнена единообразно и хотя бы с минимальными пояснениями относительно принципов публикации статистических данных (в 1909 и 1912–1913 гг. менять ничего не надо, а в остальные годы следует опять-таки приплюсовать грузообмен между станциями Одессы).

Однако тот факт, что Департамент железнодорожных дел большей частью не считал возможным признавать эти данные за «нормальные», все же заставляет проанализировать, там, где это необходимо, и 1-й вариант, при котором показатели внутриодесских перевозок будут исключены из величин общего и вывозного отправления.

Рассмотрим оба варианта.

Таблица 1.12. Среднегодовое отправление всех хлебных грузов (в млн пуд.)*

Годы	Общее	Вывозное		Внутреннее	
		абс.	% к общему	абс.	% к общему
1889–1890	484	292	60,3	192	39,7
1894–1895	661	388	58,8	273	41,3
1901–1903	926	416	44,9	510	55,1
1908–1911	1195	541	45,3	654	54,7
1912–1913	1273	515	40,5	758	59,5
1908–1913	1221	527	43,2	694	56,8

Источники: Материалы по пересмотру хлебных тарифов российских железных дорог в 1896 г. СПб., 1897; Материалы к пересмотру торгового договора с Германией и другими иностранными государствами. СПб., 1914; Статистические данные об отправлении и прибытии продовольственных грузов по русским железным дорогам... за 1912, 1913 и 1914 гг.;
Сводная статистика.

* Включая перевозки внутри Одесского железнодорожного узла.

Таблица 1.12а. То же, исключая перевозки внутри Одесского железнодорожного узла

Годы	Общее	Вывозное		Внутреннее	
		абс.	% к общему	абс.	% к общему
1889–1890	484	292	60,3	192	39,7
1894–1895	661	388	58,8	273	41,3
1901–1903	926	416	44,9	510	55,1
1908–1911	1173	519	44,2	654	55,8
1912–1913	1251	493	39,4	758	60,6
1908–1913	1199	505	42,1	694	57,9

Источники: См. источники к таблице 1.12.

Таким образом, нетрудно видеть, что расхождения между вариантами в данном случае ничтожны и повлиять на общую оценку эволюции железнодорожной транспортировки всех хлебных грузов не могут.

Таблица 1.13. Перевозки пшеницы в зерне (с данными по Одессе; тыс. пуд.)

Годы	Внутреннее отправление	Вывозное отправление	Общее отправление	Внутреннее отправление, %	Вывозное отправление, %	Общее отправление, %
1901–1903	122396	114073	236470	51,8	48,2	100
1908–1911	149271	178640	327911	45,5	54,5	100
1912–1913	190481	132482	322963	59,0	41,0	100
1908–1913	163035	163226	326261	49,97	50,03	100

Источники: См. источники к таблице 1.12.

Таблица 1.13а. То же без Одессы

Годы	Внутреннее отправление	Вывозное отправление	Общее отправление	Внутреннее отправление, %	Вывозное отправление, %	Общее отправление, %
1901–1903	122396	96672	219069	55,9	44,1	100
1908–1911	149271	171000	320271	46,6	53,4	100
1912–1913	190481	127383	317864	59,9	40,1	100
1908–1913	163035	156461	319469	51,03	48,98	100

Источники: См. источники к таблице 1.12.

Исключение данных о внутриодесских перевозках пшеницы в зерне, как можно видеть, немного увеличивает долю внутреннего отправления. Впрочем, учитывая общероссийские объемы транспортировки муки, которую «в пределах Одессы» практически не перевозили, и это уточнение имеет символическое значение.

Сказанное в полной мере относится и к перевозкам ржи.

Как кажется, при подсчете отправления со станций Херсонской губернии следует идти за источником и пользоваться данными, включающими внутриодесские перевозки.

Существует и еще один ракурс проблемы. Есть расхождения между итоговыми цифрами экспортного отправления в «Материалах к пересмотру торгового договора с

Германией» и в «Сводной статистике», вызванные, как представляется, той же небрежностью публикации (таблица 1.14).

Если для 1908 и 1909 г. разница невелика, и ее в принципе можно было бы отнести за счет несогласованности исполнителей («Материалы» составляло 20–25 человек), то для 1910–1911 гг. сделать это невозможно. Расхождения, как представляется, имеют следующую причину. В 1908 г., 1910 г. и 1911 г. зафиксированная в 3-м выпуске сумма вывозного отправления не включает перевозки внутри Одесского узла, а в 1909 г. они в нее входят. Поэтому, если мы хотим четко дифференцировать оба варианта подсчета, то нужно исправить показатели соответственно тому, как это сделано в таблице 1.15.

Как можно видеть, теперь данные за 1910–1911 гг. если и не совпадают буквально, то, по крайней мере, весьма близки, что позволяет оперировать ими достаточно уверенно.

3-й выпуск статистики хлебных грузов, с одной стороны, представляет собой как бы сокращенный конспект двух огромных томов статистики отправления и назначения, с другой же, содержит очень важную информацию о пробеге грузов. В любом случае он предназначен для того, чтобы облегчить исследователям работу со столь объемным материалом, однако способ организации материала не всегда этому способствует.

Таблица 1.14. Расхождения в данных общероссийского вывозного отправления (тыс. пуд.)

1	2	3	4
1908	54397	54460	63
1909	247741	248129	388
1910	275850	258825	–17025
1911	135724	127818	–7906

1. Годы.
2. Величина вывозного отправления по данным «Материалов к пересмотру торгового договора России с Германией...».
3. Величина вывозного отправления по данным «Сводной статистики».
4. Разность.

Таблица 1.15. Общероссийские показатели перевозок пшеницы (тыс. пуд.)

1	2	3	4	5	6
1908	208988	54460	839	208149	55299
1909	385164	242897	5232	379932	248129
1910	416434	258825	16782	399652	275607
1911	301056	127818	7705	293351	135523

Источник: Сводная статистика.

1. Годы;
2. Общее отправление пшеницы, включая перевозки в пределах Одессы;
3. Вывозное отправление пшеницы, согласно «Сводной статистике»;
4. Перевозки пшеницы в пределах Одессы;
5. Общее отправление пшеницы, исключая перевозки в пределах Одессы;
6. Вывозное отправление, включая перевозки в пределах Одессы.

Характерный пример.

П. И. Лященко в упоминавшейся работе «Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с таможенным обложением» приводит данные о соотношении внутреннего и вывозного отправления хлебов в 1895–1912 гг., причем, как оказалось, цифровой материал он берет из 3-го выпуска статистики хлебных перевозок. Сведения о пробеге грузов разрабатываются в нем, как говорилось, во-первых, для портовых и таможенных пунктов. При этом суммируются и выделяются в качестве промежуточного итога данные о получении хлебов портами Балтийского моря, сухопутными таможнями западной границы (включая иногда Кенигсберг и Данциг) и портами Черного моря, разумеется, по поясам пробега и в целом. Далее подводится итог в колонке: «Всего в вывозные пункты».

Во-вторых, в источнике затем помещается аналогичная информация о крупнейших внутренних получателях хлебов (не менее 500 тыс. пуд.), размещаемых в таблице просто по алфавиту. Получение этих станций суммируется в колонке «Всего во внутренние пункты». Наконец, идет колонка «Всего в вывозные и внутренние пункты».

Лященко в своей работе приводит данные именно из этой таблицы. Что касается экспортного отправления, то эти сведения верны, исключая упомянутые 1909 и 1912–1913 гг., когда они завышены на величину перевозок в пределах Одессы. Но за показатели внутреннего отправления автор принимает сумму прибытия в крупнейшие внутренние пункты, а это неправильно. Ведь кроме станций, получавших 500 тыс. пуд. хлебов и выше, в стране были населенные пункты с более скромными показателями.

Таблица 1.16. Внутреннее и вывозное отправление всех хлебных грузов в 1908–1912 гг. (тыс. пуд.)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1908	315,5	441,3	756,8	41,7	58,3	315,5	652,6	968,1	32,6	67,4
1909	620	429	1049	59,1	40,9	602,4	631,7	1234,1	48,8	51,2
1910	613,6	418,9	1032,5	59,4	40,6	613,6	623	1236,6	49,6	50,4
1911	545,1	475,8	1020,9	53,4	46,6	545,1	708,4	1253,5	43,5	56,5
1912	473,1	495,4	968,5	48,8	51,2	452,6	727,2	1179,8	38,4	61,6
1908–1912	2567,3	2260,4	4827,7	53,2	46,8	2529,2	3342,9	5872,1	43,1	56,9

Источники: Лященко П.И. Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с таможенным обложением. Пг., 1915. С. 27; Сводная статистика.

1. Годы.
2. Вывозное отправление.
3. Внутреннее отправление.
4. Общее отправление.
5. Доля вывозного отправления (%).
6. Доля внутреннего отправления (%).
7. Вывозное отправление.
8. Внутреннее отправление.
9. Общее отправление.
10. Доля вывозного отправления (%).
11. Доля внутреннего отправления (%).

* Колонки 2–6 — данные Лященко, колонки 7–11 — подсчеты автора.

В итоге баланс между внутренним и экспортным отправлением всех хлебов для 1908–1912 гг. вместо 56,9 и 43,1 % соответственно равен у Лященко 46,8 и 53,2 %. На 3–4 % в пользу вывозного отправления нарушен баланс для главного из потребительских экспортных хлебов — пшеницы. Казалось бы, немного и непринципиально. Но именно эти 3–4 % реально уравнивают среднегодовое внутреннее и экспортное отправление для пшеницы в зерне в предвоенные годы.

Можно думать, что эта неточность вызвана именно способом организации материала в «Сводной статистике». Ведь, кажется, для работников Департамента железнодорожных дел не составило бы большого труда вслед за итоговой колонкой «Всего в вывозные и внутренние пункты» дать общий итог перевозок по стране, который существенно превышает показатели последней. Видимо, это и ввело Лященко в заблуждение*.

Как бы то ни было, остается фактом, что неверная статистическая информация с 1915 г. введена в научный оборот и использовалась после этого другими исследователями, например, Н. Кондратьевым в своей монографии «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции»[73].

Таблица 1.17. Внутреннее и вывозное отправление пшеницы в 1908–1912 гг. (тыс. пуд.)*

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1908	54460	129500	183960	29,6	70,4	54460	153688	208148	26,2	73,8
1909	248129	115804	363933	68,2	31,8	242897	131035	373932	65,0	35,0
1910	258825	121897	380722	68,0	32,0	258825	140827	399652	64,8	35,2
1911	127818	138396	266214	48,0	52,0	127818	165533	293351	43,6	56,4
1912	106302	158895	265197	40,0	60,0	102346	182245	284591	36,0	64,0
1908–1912	795534	664492	1460026	54,5	45,5	786346	773328	1559674	50,4	49,6

Источники: Лященко П.И. Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с таможенным обложением. Пг., 1915. С. 27; Сводная статистика.

1. Годы.
2. Вывозное отправление.
3. Внутреннее отправление.
4. Общее отправление.
5. Доля вывозного отправления (%).
6. Доля внутреннего отправления (%).
7. Вывозное отправление.
8. Внутреннее отправление.
9. Общее отправление.
10. Доля вывозного отправления (%).
11. Доля внутреннего отправления (%).

Список вопросов к источнику, точнее, к людям, которые составляли его и работали с ним, этим не исчерпывается. Итоговые показатели общего и вывозного отправления, содержащиеся в «Материалах к пересмотру», не всегда совпадают с подсчетами, которые сделаны нами самостоятельно по «Сводной статистике». И опять-таки, скорее всего это является результатом небрежности работников Статистического отдела

* Колонки 2–6 — данные Лященко, колонки 7–11 — подсчеты автора.

Департамента. Речь идет о так называемом транзите хлебов через таможни западной границы. Во 2-й половине 1890-х – начале 1900-х гг. сведения о нем отдельно фиксировались в таблице пробега хлебов (например, станция «Александрово» и «Александрово транзит»), а в другие годы этого не происходило. В обоих случаях транзитные перевозки входят в сумму итогов вывозных пунктов. Не всегда учитываются показатели прибытия хлебов в некоторые сравнительно небольшие порты Черного и Азовского морей (Керчь, Бердянск, в Поти и Батум), а также во Владивосток и Джульфу. В дальнейшем, для того, чтобы не нарушать сопоставимость данных, из подсчетов исключаются сведения по двум последним пунктам.

Возможно, у работников Статистического отдела, которые, кстати, и составляли «Материалы к пересмотру», были какие-то соображения, которые им казались сами собой разумеющимися. Исследователь, как нетрудно видеть, не всегда эти соображения понимает. Чаще же у него есть свои представления о том, *что* должно подразумеваться при публикации результатов обработки громадного комплекса первичных статистических данных.

* * *

В 3-й главе, как уже говорилось, анализируется динамика соотношения внутреннего и внешнего хлебных рынков в стране в конце XIX – начале XX вв. При этом предметом изучения являются не только общероссийские, но и погубернские показатели доли урожая главных хлебов, которая отправлялась за границу. Сделать это можно, сопоставив размеры сборов и перевозок, как внутренних, так и вывозных (экспортных), под которыми понимается отправление в портовые и таможенные пункты Империи.

И здесь есть большой сложности вопросы.

Как известно, вся имеющаяся в распоряжении историков информация о производстве и перевозках хлеба в пореформенной России, которая так или иначе дает возможность говорить о величине потребления, базируется на нескольких статистических комплексах: урожайная статистика ЦСК МВД, статистика перевозок по железным дорогам и по водным путям МПС и железнодорожная статистика МФ. Из них только достоверность урожайной статистики была предметом специального, но далеко не законченного анализа.

В тех случаях, когда эти источники используются порознь, все обстоит сравнительно благополучно — с внешней стороны, конечно, потому что не всегда исследователи, апеллирующие к данным МПС, ясно понимают, с какими цифрами они имеют дело. Однако попытки синтеза статистики разных ведомств порождают ряд серьезных проблем (иногда явных недоразумений), которые отчасти будут освещены чуть ниже.

Из используемых статистических комплексов наибольшее доверие вызывает «Сводная статистика перевозок». Меньшее, как мы уже знаем, — статистика речных перевозок МПС.

Как оценивать статистику урожаев? Нет нужды специально обосновывать важность этой темы вообще и для данного исследования, в частности. К сожалению, представляется, что именно урожайная статистика во многом препятствует адекватному анализу

аграрного развития России в конце XIX – начале XX вв. Данные сюжеты необходимо рассмотреть особо. Не то, чтобы научное сообщество не осознавало масштабов проблемы, но оно к ним как бы уж слишком привыкло.

Урожайная статистика России — своего рода Пизанская башня отечественной исторической науки, которая, в отличие от оригинала, радует глаз не столько красотой, сколько удобством, несмотря на очевидное отклонение от нормы.

Вопрос о достоверности урожайной статистики ЦСК МВД[74], как известно, был поставлен еще до революции, и уже тогда была хорошо известна её сомнительность.

Однако комфортность применения данного источника **всегда** перевешивала сомнения. «Урожай 18..-го года» (или любого иного) — солидное издание в прямом смысле слова, в своем роде мечта исследователя. При этом в историографии сформировался более или менее привычный набор как бы транквилизаторов для успокоения совести исследователей (об этом см. ниже).

Как известно, ЦСК рассылал в волостные правления специальные анкеты. Затем на основании полученных сведений определялась величина валового сбора хлебов. Для этого данные о площади посевов на крестьянских надельных и частновладельческих землях умножались на средний урожай с десятины по тем же категориям земель.

Вот что говорится об этом в издании «Производство, перевозки и потребление хлебов России за 1909–1913 гг.»: «Наибольшие возражения, по-видимому, вызывают комитетские данные о посевных площадях. Есть немало авторитетных статистиков, которые готовы были считать эти данные чуть ли не за случайный набор цифр и во всяком случае не за статистические величины, пригодные для обоснования тех или иных выводов. С противоположной стороны раздавались иногда осторожные указания на то, что по большим сравнительно совокупностям (уездам и губерниям) волостные данные дают в общем результаты, близкие к результатам экспедиционных обследований»[75].

В монографии «Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма»[76] глава об урожайной статистике принадлежит перу И. Д. Ковальченко. Указанную ситуацию он описал так: «Вопрос этот (о достоверности данных ЦСК. — *М. Д.*) обсуждался уже современниками. Как всегда в подобных случаях, высказывались разные мнения. Одни подвергали сомнению достоверность сведений об урожайности ЦСК. Основой для сомнений служило несовершенство методов их сбора, некомпетентность местной сельской администрации, отсутствие какой-либо системы контроля, недостаточная тщательность разработки материалов и т. д.

Другие, наоборот, подчеркивали положительное значение однообразия и устойчивости в методах урожайной статистики ЦСК сравнительно с приемами Министерства земледелия и земств, отмечали, что по закону больших чисел крайние отклонения даже в пределах одного года уравновешивались. В итоге эти данные признавались достаточно надежными»[77].

Д. Н. Иванцов, автор работы «К критике русской урожайной статистики», сохраняющей свое научное значение и сегодня, сопоставляя размеры ежегодных урожаев по разным источникам, пришел к следующим заключениям. Общие ежегодные урожаи (сумма крестьянских и владельческих) по данным ЦСК и Министерства земледелия различались в 43-х губерниях более, чем на 10 %, а в 16 губерниях — более, чем на 15 %.

Из примерно 600 сопоставлений данных ЦСК и земств об урожайности на крестьянских и частновладельческих землях только в половине случаев разница не превышала 10 %, которую Иванцов считал нормальной. «При этом наблюдалась неустойчивость близости сведений источников по отдельным годам, что не позволяет вывести какую-либо поправку. В итоге Д. Н. Иванцов пришел, видимо, к справедливому выводу, что ежегодные данные об урожайности непригодны для практической утилизации... Наконец, Д. Н. Иванцов пытался проверить близость сведений ЦСК и земств по размерам посевных площадей... В трех губерниях из пяти эти данные различались более чем на 10 %. По уездным показателям положение было еще хуже. Не обнаружилось сопряженности и в динамике посевных площадей. Вывод был тот, что полагаться на данные ЦСК и земств о посевных площадях нельзя». Впрочем, тут же И. Д. Ковальченко ссылается на «иное мнение», приводимое во введении к «Производству, перевозкам и потреблению хлебов», где говорится о том, «что по большим регионам показатели ЦСК о посевных площадях являются вполне достоверными»[78]. Однако, во-первых, этот вывод был сделан на основании данных только за 1916 г., а во-вторых, есть все же некоторая разница между губерниями и «большими регионами», в том числе и в уровне решаемых исследовательских задач.

Правота Иванцова подтверждается, увы, и нашими источниками. Сопоставление информации об урожаях и перевозках главных хлебов приводит иногда к ситуациям, которые разрешить совсем не просто.

Рассмотрим таблицы 1.18–1.18е. Их данные вполне красноречивы. Как можно видеть, доля перевозок от урожая в приведенных губерниях колеблется в очень широком диапазоне. Само по себе это еще как-то укладывается в пределы здравого смысла, в данном случае, впрочем, довольно размытые. Однако весьма непросто найти рациональное объяснение тем 12-ти случаям, приводимым в таблицах 1.18–1.18 е, когда суммарное отправление зерна **превышает,** иногда более чем вдвое (!), урожай данного года. По-

Таблица 1.18. Сопоставление величины урожаев и перевозок ржи в Екатеринославской губернии и Донской области (тыс. пуд.)

Годы	Екатеринославская губерния					Донская область				
	Урожай ржи	Отправление по ж/д	Отправление по реке	Сумма отправления	% перевозок от урожая	Урожай ржи	Отправление по ж/д	Отправление по реке	Сумма отправления	% перевозок от урожая
1901	5934	729	1419	2148	36,2	12945	2363	7650	10013	77,4
1902	21430	7917	4387	12304	57,4	29183	4949	7529	12478	42,8
1903	10921	5816	5527	11343	103,9	21721	5654	6709	12363	56,9
1908	2349	934	1185	2119	90,2	10218	4819	6770	11589	113,4
1909	9968	1649	171	1820	18,3	33089	4255	4839	9094	27,5
1910	8340	1720	1337	3057	36,7	16956	4592	2589	7181	42,4
1911	6859	2487	1872	4359	63,6	11697	4094	4003	8097	69,2

Источники: Урожай 19.. года, Материалы к пересмотру торгового договора России с Германией..., Статистические сборники МПС.

Таблица 1.18а. Сопоставление величины урожаев и перевозок пшеницы в Донской области и Оренбургской губернии (тыс. пуд.)

Годы	Донская область					Оренбургская губерния				
	Урожай пшеницы	Отправление по ж/д	Отправление по реке	Сумма отправления	% перевозок от урожая	Урожай пшеницы	Отправление по ж/д	Отправление по реке	Сумма отправления	% перевозок от урожая
1901	45226	8357	9476	17833	39,4	20237	16659	0	16659	82,3
1902	88536	12817	8847	21664	24,5	31994	6720	0	6720	21,0
1903	81940	18598	12868	31466	38,4	41953	9025	0	9025	21,5
1908	73316	22418	6140	28558	39,0	48369	12274	0	12274	25,4
1909	144640	40466	12362	52828	36,5	61461	18417	0	18417	30,0
1910	88340	54273	22666	76939	87,1	53901	11727	0	11727	21,8
1911	62258	34665	14427	49092	78,9	5049	7403	0	7403	146,6

Источники: см. таблицу 1.18.

Таблица 1.18б. Сопоставление величины урожаев и перевозок пшеницы в Самарской губернии (тыс. пуд.)

Годы	Урожай пшеницы	Отправление по ж/д	Отправление по реке	Сумма отправления	Сумма Самары и Покр. Сл.	Исправленная сумма	% перевозок от урожая
1901	28950	18607	29878	48485	15151	33334	115,1
1902	65934	17134	21418	38552	8666	29886	45,3
1903	58218	23369	31129	54498	15406	39092	67,1
1908	59855	15225	19353	34578	7987	26591	44,4
1909	131165	50599	41707	92306	16055	76251	58,1
1910	116605	67454	50348	117802	19549	98253	84,3
1911	23098	28487	35215	63702	13168	50534	218,8

Источники: см. таблицу 1.18.

Таблица 1.18в. Сопоставление величины урожаев и перевозок овса в Уфимской губернии (тыс. пуд.)

Годы	Уфимская губерния				
	Урожай овса	Отправление по ж/д	Отправление по реке	Суммаа отправления	% перевозок от урожая
1901	7245	950	13691	14641	202,1
1902	10250	175	1788	1963	19,2
1903	12168	124	1062	1186	9,7
1908	23647	133	1610	1743	7,4
1909	33717	395	5405	5800	17,2
1910	30993	723	9666	10389	33,5
1911	3905	483	10299	10782	276,1

Источники: см. таблицу 1.18.

Таблица 1.18г. Сопоставление величины урожаев и перевозок овса в Тамбовской и Рязанской губерниях (тыс. пуд.)

Годы	Тамбовская губерния					Рязанская губерния				
	Урожай овса	Отправление по ж/д	Отправление по реке	Сумма отправления	% перевозок от урожая	Урожай овса	Отправление по ж/д	Отправление по реке	Сумма отправления	% перевозок от урожая
1901	16088	10920	98	11018	68,5	9494	6896	65	6961	73,3
1902	47019	23432	86	23518	50,0	23899	11520	113	11633	48,7
1903	30660	19225	0	19225	62,7	14230	10221	164	10385	73,0
1908	31899	21676	103	21779	68,3	19451	12370	170	12540	64,5
1909	49709	27407	77	27484	55,3	23184	13518	62	13580	58,6
1910	52314	32337	105	32442	62,0	28286	18323	105	18428	65,1
1911	29823	23854	67	23921	80,2	18060	12205	198	12403	68,7

Источники: см. таблицу 1.18.

Таблица 1.18д. Сопоставление величины урожаев и перевозок овса в Саратовской и Казанской губерниях (тыс. пуд.)

Годы	Саратовская губерния					Казанская губерния				
	Урожай овса	Отправление по ж/д	Отправление по реке	Сумма отправления	% перевозок от урожая	Урожай овса	Отправление по ж/д	Отправление по реке	Сумма отправления	% перевозок от урожая
1901	7094	6555	386	6941	97,8	11528	2090	10595	12685	110,0
1902	18107	6058	491	6549	36,2	21114	818	3808	4626	21,9
1903	13504	6009	1309	7318	54,2	12789	393	8803	9196	71,9
1908	11186	3821	1078	4899	43,8	20507	190	4643	4833	23,6
1909	30681	9796	1836	11632	37,9	40829	1158	7905	9063	22,2
1910	22496	11462	1045	12507	55,6	25960	1020	17127	18147	69,9
1911	6312	8603	1432	10035	159,0	9643	1004	14177	15181	157,4

Источники: см. таблицу 1.18.

лагаю, что и остальные, пусть не столь выразительные факты, заслуживают серьезного внимания.

Заметим, что большинство спорных случаев относится к неурожайным годам — 1901 и 1911. В этом нельзя не увидеть определенную систему. Позволю высказать предположение, что причина этого проста и тривиальна — **в неурожайные годы происходило занижение урожайности респондентами ЦСК МВД,** или, что то же самое, преувеличение масштабов бедствия. Закономерен и встречный вопрос — а что происходило с анкетами в обычные («средние») или урожайные годы?

Словом, последствия сделанного только что вывода, как нетрудно догадаться, весьма значительны и многообразны.

Прежде всего возникает вопрос — что делать с этим выводом? Как быть с освещенными традицией цифрами, заключениями о характере развития производительных сил в сельском хозяйстве России, которые фигурируют в каждом учебнике и т. д.?

Первостепенное значение, полагаю, имеют следующие обстоятельства.

Таблица 1.18е. Сопоставление величины урожаев и перевозок овса в Тульской и Симбирской губерниях (тыс. пуд.)

Годы	Тульская губерния					Симбирская губерния				
	Урожай овса	Отправление по ж/д	Отправление по реке	Сумма отправления	% перевозок от урожая	Урожай овса	Отправление по ж/д	Отправление по реке	Сумма отправления	% перевозок от урожая
1901	18758	15993	30	16023	85,4	6921	1899	5153	7052	101,9
1902	25681	14182	0	14182	55,2	18974	1900	4092	5992	31,6
1903	20017	13218	1	13219	66,0	7813	1293	5984	7277	93,1
1908	25043	17015	3	17018	68,0	8857	633	1810	2443	27,6
1909	24464	17429	3	17432	71,3	25481	1742	1836	3578	14,0
1910	25929	19519	4	19523	75,3	18077	2667	6308	8975	49,6
1911	28591	24528	4	24532	85,8	5101	2313	4036	6349	124,5

Источники: см. таблицу 1.18.

Во-первых, надо отдавать себе отчет в том, что, перефразируя известное высказывание, другой урожайной статистики у нас нет.

Во-вторых, принципиально важно, что вектор искажения, кажется, понятен — размеры урожаев **не завышаются.** И это вселяет определенный оптимизм — реальное положение дел с урожайностью было еще лучше, чем считается.

Стихийно или сознательно происходило занижение урожаев? Думаю, сознательно.

Это подтверждает, в частности, письмо председателя Темниковского уездного Комитета Красного Креста, кн. Н. Н. Енгалычева, в котором, в частности, говорится: «Неурожай 1906 года коснулся как озимой ржи, так и яровых хлебов, и особенно трав. К сожалению, сведений об урожае не удалось получить своевременно ни правительственным органам, ни земским управам. Получение более или менее точных данных действительно связано с большими трудностями, вследствие неудовлетворительной постановки у нас сельскохозяйственной статистики. К очередным уездным земским собраниям в конце сентября 1906 года были представлены весьма гадательные подсчеты о количестве хлеба и корма, необходимых для продовольствия населения и прокормления скота. Объясняется это отчасти тем, что население приучено последними годами к широкой раздаче пособий к мысли, что стоит только заявить о нужде, как помощь посыплется как из рога изобилия. **Большинство крестьян-хозяев, по этим соображениям, уменьшают размеры собранного урожая в сообщаемых ими сведениях и сгущают краски, указывая на недород**»[79].

В отчете о деятельности правительственной агрономической организации при Саратовской губернской землеустроительной комиссии за 1912 г., в частности, сопоставляются урожаи на показательных полях и в соседних крестьянских хозяйствах (которые — это дважды особо подчеркивается — «в отношении сельскохозяйственной техники представляют из себя до известной степени также улучшенный тип хозяйства»). Специфика этого сравнения состоит в том, что в отчете приводится оценка крестьянского урожая правительственными агрономами, с одной стороны, и губернской земской управой, с другой.

Автор отчета приходит к следующему заключению: «В таблицах резко бросается в глаза чрезвычайно большая разница в высоте урожаев на соседних с показательными учреждениями крестьянских полях — по определениям агрономического персонала со статистическими сведениями губернского земства о средних урожаях в 1912 году — на основании сообщений волостных правлений.

Только в двух случаях для ржи и одном для проса средний урожай по статистическим сведениям превышает таковой же по наблюдениям агрономов; во всех остальных случаях по отношению ко всем пяти главным хлебам, наоборот, высота среднего урожая по данным статистики гораздо меньше зарегистрированного агрономами урожая на соседних (с показательными) крестьянских полях, причем разница нередко достигает до *100* и даже *150%*.

Хотя, конечно, здесь необходимо принять во внимание, что наблюдаемая агрономами высота урожая касается, как уже было отмечено прежде, крестьянских хозяйств с повышенной в большинстве случаев сельскохозяйственной техникой и относится исключительно к районам землеустройства, тем не менее приведенный факт, по нашему мнению, лишний раз подтверждает **общеизвестное явление — неуклонную тенденцию волостных правлений уменьшать в своих сведениях высоту полученного сбора хлебов»**[80].

Замечу, что разнообразные источники показывают высокую **меру недоверия крестьян** к разного рода опросам, анкетам и т. п., которые они считали исходящими от Власти — в широком смысле слова. Подробно об этом очень интересном и недостаточно пока изученном психологическом феномене говорится в параграфе 3.10.

Пока же ограничимся впечатлениями агрономов землеустроительных комиссий Области Войска Донского о предпринятых ими попытках провести элементарное обследование крестьянских хозяйств: «Цель обследования была более глубокой: нам хотелось выяснить, как относятся крестьяне вообще к анкетам и различным обследованиям; опыт убедил нас в том, что с этим нужно быть поосторожнее. В противном случае можно столкнуться с явлениями, от которых у обследователя опускаются руки и отпадает всякая охота к дальнейшим шагам в этом направлении. Темнота, невежество и предрассудки многих крестьян заставляют последних относиться с недоверием к настойчивым расспросам для выяснения тех или иных областей сельского хозяйства»; «Для правильной ориентировки настоящего и будущего агрономического персонала: на местах, я считаю необходимым произвести статистическое обследование, в начале хотя бы в небольших размерах, экономическом и сельскохозяйственном отношении отдельных поселений Кагальницкого участка; в противном случае характер участка является довольно туманным, и деятельность местного агронома в некоторых случаях направляется по ложному пути. Не скрою, что обследование сопряжено с громадными трудностями, благодаря косности невежества отдельных групп крестьян, но отсутствие статистических данных является громадным тормозом для продуктивного и целесообразного развития агрономической помощи населению»; «Массовые обследования до настоящего времени не производились и вряд ли в ближайшее время будут произведены. Причин, которые служат тормозом к такого рода начинанию, много. Главная же из них та, чтобы не породить в среде крестьян неле-

пых слухов и тем самым не заставить их облечься вновь в броню недоверия и боязни вообще к агрономическому персоналу, и, в частности, к проводимым мероприятиям. Утверждать, что везде будет именно так, а не иначе, — я не берусь, но все же в большинстве случаев, несмотря ни на какие разъяснения и объяснения, с подобными явлениями, пожалуй, встретиться придется»[81].

В 6-й главе, прежде всего, решается важная и интересная источниковедческая задача — сопоставление данных «Сводной статистики» и издания ЦСК МВД «Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г.»[82], которую обычно называют «Переписью сельхозмашин 1910 г.». Предыстория ее появления такова. «Вопрос о сельскохозяйственных машинах и орудиях в России как в стране почти исключительно земледельческой», — говорят издатели переписи — «несомненно, является одним из самых насущных; несмотря на это, до сих пор не было произведено ни одного полного систематического обследования распространения и пользования орудиями во всей Империи»[83].

В 1895 г. Императорское Вольно-Экономическое Общество обратилось в Министерство Земледелия и Государственных Имуществ с просьбой об оказании ему содействия в собирании сведений о результатах применения в русских хозяйствах различных сельскохозяйственных машин и орудий по особой, выработанной Обществом программе, через посредство корреспондентов Отдела Сельской Экономии и Сельскохозяйственной Статистики. Министр Земледелия и Государственных Имуществ, одобрив эту идею, отдал распоряжение поручить как собирание сведений, так и последующий анализ материалов Отделу Сельской Экономии и Сельскохозяйственной Статистики, который, окончательно выработав программу для собирания необходимых данных и установив вопросные пункты, разослал своим корреспондентам вопросные листки в конце 1895 и начале 1896 г.

Итогом этого обследования стало издание «Применение и распространение в России сельскохозяйственных машин, орудий, по материалам, полученным от хозяев», в котором помещены лишь сведения об орудиях для обработки почвы, производства посевов и ухода за растениями; что же касается машин для уборки хлебов, молотьбы и отделения зерна, то сведения об этих машинах, «хотя и были разработаны, но Отдел Сельской Экономии и Сельскохозяйственной Статистики ввиду неполноты полученных от хозяев данных и неравномерности распределения материалов их не опубликовал»[84].

Для заполнения вышеуказанного пробела, а также для выяснения количества сельскохозяйственных орудий и машин, их распространения и взаимного соотношения Центральный Статистический Комитет в 1910 году предпринял «краткое обследование», опубликованное в 1913 г. Была разослана программа уездной полиции — «для отобрания показаний от владельцев и волостным правлениям — для опроса крестьян и представления данных о машинах и орудиях, имеющихся у них».

К программе были приложены вопросные листы для занесения главных сведений о сельскохозяйственных орудиях и машинах. В этих листах отмечены: орудия для подъема почвы (сохи, косули и плуги), орудия для разрыхления почвы (всякие бороны), сеялки, жатвенные машины, молотилки, веялки, сенокосилки и конные грабли.

ЦСК считал, что при общей удовлетворительности и полноте ответов следует, однако, иметь ввиду пробелы в сведениях и некоторых местностях Закавказья и Средней Азии.

Вся информация в этом издании сгруппирована в 4 таблицы:

1. Общий свод данных о сельскохозяйственных машинах и орудиях в абсолютных числах.

2. Общий свод данных о сельскохозяйственных машинах и орудиях у крестьян в относительных числах.

3. Общий свод данных о сельскохозяйственных машинах и орудиях у всех землевладельцев в относительных числах.

4. Общий свод данных о сельскохозяйственных машинах и орудиях у крестьян и владельцев[85].

Перепись 1910 г. содержит погубернские (и поуездные) данные о наличии категорий сельхозмашин и орудий, в том числе и усовершенствованных, с точностью до штуки.

Помимо уже известных, особую группу источников, использовавшихся в данной работе, составляют отчеты правительственных инспекторов сельского хозяйства, земских агрономов, заведующих земскими показательными полями, агрономов землеустроительных комиссий, отчеты земств об агрономической помощи. Это документы родственного характера, содержащие богатейшую, зачастую совершенно уникальную информацию о состоянии сельского хозяйства Европейской России в конце XIX – начале XX вв., притом полученную от людей компетентных и, так сказать, непосредственную. К сожалению, она мало использовалась в историографии. Между тем упомянутые отчеты могут кардинально расширить фактическую базу сведений по аграрному развитию страны.

Отчетов правительственных инспекторов по сельскому хозяйству сравнительно немного, ибо сама эта должность была введена буквально за 2–3 года до Первой мировой войны в связи с расширением Столыпинской аграрной реформы, да и то не во всех губерниях Европейской России[86]. Отчеты писались в свободной форме, объем их неодинаков, сумма сведений, соответственно, тоже. Они содержат общие данные о состоянии сельского хозяйства губернии, о сдвигах, произошедших в нем в последние годы, о его нуждах и потребностях, а также о мероприятиях, проведенных правительственными агрономическими органами. Их большой плюс — сравнительная широта охвата описания.

Земская агрономическая помощь зародилась в России еще в 1870-х гг., однако в более или менее крупном масштабе начала развиваться только с 1890-х гг., да и то лишь в нескольких губерниях, где земские деятели оказались дальновиднее и трудолюбивее своих коллег в других районах России (подробнее см. ниже). Отчеты разных губерний разнились между собой. В одних случаях они включали в себя отчет губернского, всех уездных агрономов, а также заведующих показательными полями (Екатеринославская губерния), в других — губернские отчеты были сводкой, обзором уездных отчетов, но при этом иногда составлялись и специальные уездные отчеты (Херсонская губерния). Переоценить значимость конкретных сведений, сообщаемых в них, трудно. Большое достоинство земских отчетов — абсолютная независимость их авторов от каких бы

то ни было официальных установок. Их личностная индивидуальность и, так сказать, «партийные взгляды» видны вполне; среди них были как «народники», так и сторонники концепции ликвидации общины, были и оптимисты, были и пессимисты. Роднит их профессионализм и любовь к своему делу.

Отчеты правительственных землеустроительных комиссий типологически близки к земским отчетам. Конечно, тот факт, что это были отчеты **чиновников** правительства, не может как-то не влиять на уровень, условно говоря, «реляционности», однако этот уровень несравненно ниже, чем можно было предполагать априори и как считали современники. Составители отчетов, естественно, были по преимуществу сторонниками и проводниками Столыпинской аграрной реформы, но они не закрывали глаза на объективные и субъективные трудности в ее реализации. Фактический материал этих отчетов очень ценен, и, как и в случае с земскими отчетами, часто дает возможность динамического сравнения. Иногда в них встречается интересная информация о непростых взаимоотношениях правительственных органов с земскими, которые, как известно, не всегда приветствовали аграрную реформу Столыпина вообще и деятельность землеустроительных комиссий, в частности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Макаров Н.П.* Эволюция крестьянского хозяйства. М., 1920. С. V–VI.
2. Вехи. Интеллигенция в России. Сборники статей.1909–1910. М., 1991. С. 30–31.
3. *Ермолов А.С.* Наш земельный вопрос. СПб. 1906. С. II–III.
4. *Ермолов А.С.* Наш земельный вопрос... С. II–IV.
5. *Бруцкус Б.Д.* К современному положению аграрного вопроса. Пг., 1917. С. 6–7.
6. *Макаров Н.П.* Крестьянское хозяйство и его эволюция. М., 1920. С. 9.
7. *Бруцкус Б.Д.* К современному положению... С. 7.
8. Там же. С. 7–9.
9. Там же. С. 9–10.
10. Там же. С. 25.
11. Там же.
12. Там же. С. 25–26.
13. Там же.
14. Там же. С. 25–27.
15. Там же. С. 21.
16. *Лященко П.И.* Очерки истории аграрной эволюции России. СПб., 1908. Т. 2. С. 256.
17. Там же. С. 266.
18. Там же. С. 269–271.
19. Там же. С. 333–334,
20. Там же. С. 385.
21. Там же. С. 385–386.
22. Там же. С. 388.
23. Там же. С. 398.
24. Там же. С. 401.
25. Там же. С. 416.

26. *Лященко П.И.* Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. Описательно-статистическое исследование. СПб., 1912. С. IV.
27. Там же. С. 2–3.
28. Там же. С. 3.
29. Там же. С. 4.
30. Там же. С. 4–5.
31. *Лященко П.И.* Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с таможенным обложением. Пг, 1915. С. 45.
32. Там же. С. 46. (выделено автором — *М.Д.*).
33. Там же.
34. См.: *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1999.
35. *Челинцев А.Н.* Сельскохозяйственные районы России как стадии сельскохозяйственной эволюции и культурный уровень сельского хозяйства в них. Очерки по истории сельскохозяйственной экономии. СПб., 1910. С. 4.
36. Там же. С. 6–7.
37. Там же. С. 15.
38. Перемены в хлебной продукции Европейской России в связи с общим развитием сельского хозяйства. Харьков, 1913 г. С. 10.
39. Там же. С. 14.
40. Там же. С. 14–16.
41. Там же. С. 21.
42. Там же. С. 24.
43. Там же. С. 26–28.
44. *Челинцев А.Н.* Сельскохозяйственная география России. Берлин, 1923, С. 95.
45. *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991.
46. Производство, потребление и перевозки хлебов России в 1909–1913 гг. Пг., 1916.
47. *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов... С. 102.
48. *Федоров М.П.* Обзор международной хлебной торговли. СПБ., 1889; *Лохтин П.М.* Состояние сельского хозяйства России сравнительно с другими странами: Итоги к началу XX века. СПб., 1901; *Брошниовский А.К.* Условия сбыта русских хлебов за границу. Пг., 1914.
49. *Кауфман А.А.* Агрономическая помощь в России. Самара, 1915. С. 5.
50. *Китанина Т.М.* Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. Очерки правительственной политики. М., 1978.
51. Там же. С. 42.
52. Там же. С. 42–43.
53. *Шацкий П.А.* Сельское хозяйство Предкавказья в 1861–1905 гг. // Некоторые вопросы социально-экономического развития Юго-восточной России. Ставрополь, 1970.; *Дубровский С.М.* Сельское хозяйство России в период империализма. М., 1975.; *Меркис В.Ю.* Экспорт литовской сельскохозяйственной продукции в 1891–1913 гг. // Тезисы докладов и сообщений девятой сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Таллин, 1966. *Золотов В.А.* Хлебный экспорт России через порты Черного и Азовского морей в 60–90-е годы XIX века. Ростов-на-Дону, 1966; *Яцунский В.К.* Основные моменты истории сельскохозяйственного производства в России с XVI века до 1917 года // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Кишинев, 1966; *Кунцевич Ф.П.* Экспорт хлеба за границу и его влияние на развитие зернового хозяйства в Таврической губернии в конце

XIX – начале XX вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Л., 1968; *Ратушняк В.Н.* Товарный рынок Кубани и его связь с внутрироссийским и мировым рынками в конце XIX – начале XX в. (проблемы и методика изучения) // XXV съезд КПСС и задачи историков-аграрников. XVI сессия симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тезисы докладов и сообщений. М., 1976.

54. *Левин И.* Наша свеклосахарная промышленность. Киев, 1908; Его же. Свеклосахарная промышленность России. СПб., 1910.
55. *Бобринский А.А.* К вопросу о значении сахарной нормировки. Киев, 1908; *Липский А.М.* Современное рафинадное производство. Киев, 1911; *Цехановский М.Ю.* Русская свеклосахарная промышленность в ее прошлом и настоящем. СПб., 1911; *Зуев М.Д.* Сахар и его производство. Харьков, 1913; *Волохов Л.Ф.* Сахарная промышленность России в цифрах. Киев, 1913; *Асенков С.Б.* Сахар и его экспорт из России. СПб., 1914 и др.
56. *Гефтер М.Я.* Из истории монополистического капитализма в России (сахарный синдикат) // Исторические записки, т. 38; *Каменецкая И.М.* Монополии в сахарной промышленности. М., 1965. автореферат канд. диссертации; *Ее же.* Возникновение монополий в свеклосахарной промышленности // История СССР, 1965. № 6.
57. *Давыдов М.А.* К методике анализа рынков сбыта продукции промышленных предприятий (на примере рафинадной промышленности России) // Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М., 1985.
58. *Масальский В.И.* К вопросу об обеспечении наших хлопчатобумажных фабрик хлопком внутреннего производства. СПб., 1904; *Его же.* Хлопководство, орошение государственных земель и частная предприимчивость. СПб., 1908; *Его же.* Хлопковый вопрос. СПб., 1912; *Его же.* Хлопководство в Закавказье. М., 1913; *Книзе А.И.* Хлопководство в России. СПб., 1908; *Малаховский Н.И.* Материалы по изучению хлопководства. Вып. I, СПб., 1912; *Кузнецов А.И.* Наше отечественное хлопководство. М., 1913.
59. *Кафенгауз Л.Б.* Развитие русского сельскохозяйственного машиностроения. Труды Харьковского общества сельского хозяйства. Харьков, 1910. Вып. 1; Современное положение сельскохозяйственного машиностроения в России и меры и к его развитию в связи с интересами сельского хозяйства. СПб., 1910; Сельскохозяйственные склады Переселенческого управления и предстоящие им задачи. Харьков, 1910; *Алов А.А.* Кустарное производство сельскохозяйственных машин и орудий. СПб., 1910; Сокращенное изложение журналов IV очередного съезда русских фабрикантов земледельческих машин и орудий. Харьков, 1911; Русское сельскохозяйственное машиностроение. СПб., 1912; *Калинский Б.* Торговля сельхозмашинами с Сибири. СПб., 1913; *Полферов Н.Я.* Сельхозмашины и орудия, их производство и ввоз в Россию в связи с пересмотром торговых договоров. Пг, 1914; *Авалиани С.Л.* Русское сельскохозяйственное машиностроение и его нужды. Одесса, 1915; *Измайловская Е.И.* Русское сельскохозяйственное машиностроение. М., 1920.
60. *Гарскова И.М., Давыдов М.А.* Рынок сельскохозяйственных машин в России в начале XX в. // Экономическая история. Обозрение. Выпуск 3. М., 1999; Столыпинская аграрная реформа и процесс механизации сельского хозяйства России в начале XX в. //Россия в XX веке: проблемы изучения и преподавания. Материалы научной конференции, М., 1999; О потреблении сельхозмашин в России в начале XX в.// сборник «Круг идей». М., 1999; Потребление сельскохозяйственных машин и орудий и агрономическая помощь в России в начале XX века //Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 2000.
61. Производство, потребление и перевозки хлебов России за 1909–1913 гг. Ч. 1. С. I.
62. Там же.
63. Там же. С. III.

64. Там же. С. V.
65. Там же. С. V.
66. *Лященко П.И.* Очерки аграрной эволюции... С. 293.
67. *Лященко П.И.* Хлебная торговля... С. 304–305.
68. Там же. С. 305.
69. Там же. С. 301–304 и далее.
70. Там же. С. 317.
71. Материалы по разработке тарифов российских железных дорог. Вып. I. СПб., 1889. С. 414.
72. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1897. Т. 42. С. 732.
73. *Кондратьев Н.* Рынок хлебов... С. 102–103.
74. Серия «Урожай 18..-го года» включает данные за 1883–1915 гг.
75. Производство, перевозки и потребление хлебов... С. X.
76. Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979.
77. Там же. С. 251.
78. Там же. С. 256–257.
79. *Ермолов А.С.* Наши неурожаи и продовольственный вопрос... Том 1. С. 378–379.
80. Деятельность правительственной агрономической организации при Саратовской губернской землеустроительной комиссии в 1912 году. Саратов, 1913. С. 71–72.
81. Отчет землеустроительной комиссии Области Войска Донского за 1913 г. Новочеркасск, 1914. С. 67, 70, 75.
82. Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г. СПб., 1913.
83. Там же. С. I.
84. Там же. С. II.
85. Там же.
86. Отчеты инспекторов сельского хозяйства и правительственных агрономов по 25 губерниям Европейской России за 1911 г. Ч. I–II. СПб., 1912.

Глава 2
«СВОДНАЯ СТАТИСТИКА ПЕРЕВОЗОК»: ИСТОРИЯ ТАРИФНОЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ СТАТИСТИКИ РОССИИ

§ 2.1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ СТАТИСТИКИ РОССИИ

К моменту появления «Сводной статистики перевозок по русским железным дорогам» история железнодорожной статистики России насчитывала не менее четверти века. Хотя подробное ее изложение не является задачей данной работы, тем не менее необходимо остановиться на основных ее вехах.

Уже на 1-м Общем съезде представителей русских железных дорог (7–9 августа 1869 г.) был поставлен вопрос о наиболее правильной организации собирания статистической информации. Характерно, что к его протоколам приложена записка о работе Центрального счетного бюро железных дорог в Лондоне, которая была доведена до сведения представителей железных дорог. Железные дороги согласились учредить общие счетные конторы для ведения расчетов прямого сообщения по группам (Протокол № 4, 214), и Общий съезд 18 августа – 5 сентября 1870 г. включил в «Положение о заведовании делопроизводством Общего съезда» следующее правило: «XI. п. 6 лит. б. Частные съезды каждой отдельной группы обязываются доставлять Заведующему делами Общего съезда статистику прямого сообщения каждой отдельной группы, каковая должна обязательно вестись в учреждаемых при каждой группе конторах для ведения расчетов прямого сообщения». В свою очередь, Заведующий делами Общего съезда должен был доставлять Правлениям дорог по их требованиям все сведения и справки, находящиеся в его архиве. Однако постановление Общего съезда 1870 г. не было выполнено, т. к. упомянутые конторы для ведения расчетов при каждой группе дорог не были созданы[1].

Начало официальной статистике путей сообщения в России было положено в 1873 г., когда был учрежден Временный статистический отдел МПС. Техническо-инспекторский Комитет железных дорог циркуляром № 4461 от 19-го сентября 1873 г. приказал, или, как деликатно выражались в то время, «предложил» железным дорогам впредь представлять в этот отдел двухнедельные ведомости о движении грузов и о валовом сборе.

Согласно распоряжению МПС по Статистическому Отделу 9 марта 1874 (циркуляр № 75), железным дорогам должны были доставлять в Отдел с 1874 г. краткосрочные сведения о наличном состоянии подвижного состава, движении грузов и о валовом сборе по следующим четырем формам:

1. Формы № I и II — сведения о подвижном составе.

2. Форма № III — о движении грузов по всей дороге и ее ветвям в течение месяца.

3. Ведомость IV — о всей выручке дороги за отчетное время как по пассажирскому, так и по товарному движению.

Одновременно с изданием данного распоряжения отменялась обусловленная сентябрьским циркуляром 1873 г. присылка в МПС ведомостей о движении грузов и о сборе[2].

Практическая работа выясняла истинный масштаб задач, и 4 мая 1874 г. Временный Статистический Отдел циркуляром №163 предложил железным дорогам в дополнение к указанным 4 формам доставлять еще и годичные ведомости о предметах, перевозимых по железным дорогам (формы №№ V и VI), что было естественным желанием выяснить объем товарной деятельности железных дорог. В форму № V включались сведения о перевозках 43-х главнейших товаров (так называемые косые таблицы). Эту ведомость требовалось составлять для каждого товара (наименования) отдельно. В ней указывались все станции отправления данной дороги, соседних дорог и наконец, количество груза (вертикальные и горизонтальные графы), отправленного с каждой станции по известному направлению. Количество перевезенных грузов показывалось в пудах или числом штук (в зависимости от рода перевозки), причем повагонные отправки должны были считаться не по предельной грузоподъемности вагона, а по действительному количеству проследовавшего товара.

Форма № VI должна была содержать подробный перечень **всех** транспортировавшихся товаров, помимо «обязательных» 43-х тоже, но приводилось лишь общее количество их оборота по дороге, без обозначения станций отправления и прибытия.

Жизнь, однако, показала, что железные дороги не смогли справиться с поставленными задачами, которые оказались слишком объемными. Поэтому VI Общий съезд 1874 г. постановил ходатайствовать перед МПС о сокращении числа срочных ведомостей, об упрощении и изменении их формуляра и вообще о том, чтобы Министерство реалистичнее отнеслось к организации железнодорожной статистики и чтобы требования, предъявляемые Правлениям железных дорог, были выполнимы.

Статистический Отдел МПС 17 мая 1876 г. отменил месячные ведомости по формам № I, II, III. Отныне все железные дороги должны были вести лишь ведомости:

а) ежемесячные — о валовом сборе дороги (по форме № IV);

б) ежемесячные — о происшествиях на дорогах — (формы №№ IX, X, XI)

в) годовые — о перевозимых грузах (формы №№ V и VI)[3].

После этого до 1880 г. серьезных изменений в порядке ведения железнодорожной статистики не было. Однако неурожай этого года имел важные последствия для транспортной статистики. В конце 1880 г. (циркуляр от 27 декабря 1880 г. за № 17125) железные дороги обязали доставить ведомости о движении 6 главных хлебных грузов (ржи и ржаной муки, пшеницы и пшеничной муки, овса и ячменя) с 1 сентября по 1 декабря этого года для «надобностей Высочайше учрежденной Временной Комиссии по обеспечению продовольствием населения Империи». Вскоре это распоряжение было закреплено как обязательное и на будущее время (после издания циркуляра 7 февраля 1881 г. за № 1648). Сведения об отправлении и прибытии 6 главных хлебов должны

были присылаться в Статистический Отдел ежемесячно не позже двух недель по истечении отчетного месяца по форме, определенной декабрьским циркуляром[4].

К этому времени в МПС впервые была сделана попытка полной разработки сведений о движении товаров по железным дорогам (Статистический сборник МПС, вып. 3). Основываясь на этом опыте, Статистический Отдел решил упростить составление годичных ведомостей о движении грузов по циркуляру 1874 г. (за № 163) и 10 марта 1881 г. разослал дорогам новую, в сравнении с 1874 г., форму косых таблиц. Теперь железные дороги по этой форме должны были представлять в Отдел ведомость о движении 36-ти товаров, вместо 43-х, а также одну общую ведомость о всех вообще товарах малой скорости (тоже по новой форме). Дороги могли давать информацию и о перевозках других грузов, кроме указанных 36-ти, которые в значительном количестве транспортировались по этим дорогам.

Крайне важной была следующая директива: «Количество товаров, переданных с одной дороги на другую, должно быть показываемо в ведомости не раздельно для каждой из примыкающих и отдаленных дорог, а вместе, т. е. что грузы путей отдаленных следует соединять вместе с грузами того из примыкающих путей, через посредство которого они были переданы»[5].

Незнание этого обстоятельства нередко делает работу со статистикой МПС просто бессмысленной. Ведь тем самым автоматически завышался вес перевозимых дорогами грузов, и поэтому исследователи иногда просто не понимают, о чем говорят приводимые ими цифры. Статистика по новой форме должна была доставляться начиная с 1880 г. Годичные ведомости необходимо было присылать в Петербург не позже 1 мая следующего за отчетным года. Одновременно отменялось составление ведомостей по форме № VI о перевозках всех товаров вообще по данной дороге.

Таким образом, до 1882 г. железные дороги обязаны были составлять и присылать в МПС четыре типа ведомостей:

- ежемесячные ведомости о перевозках 6-ти главных хлебов;
- годичные ведомости о перевозках 36-ти регламентированных МПС грузов по новой форме;
- годичную ведомость о движении всех товаров вообще (включая и 36);
- ведомость о валовом сборе железных дорог.

Чтобы сократить объем доставляемой информации, Статистический Отдел в марте 1882 г. постановил, что ведомости о 6-ти главных хлебах можно присылать не ежемесячно, а за первые две трети года — по третям, а за последнюю треть — помесячно, что сократило число ведомостей с 12 до 6. Вскоре необходимость в этом для продовольственных целей отпала, и, начиная с 1882 г., согласно циркуляру № 12591, дороги должны были доставлять «всего только 32 годичные ведомости». Во-первых, 31 ведомость соответственно о 31-ом важнейшем товаре, включая 6 главных хлебов, и еще одну о всех товарах малой скорости (в том числе и вышесказанном 31-м), а также сведения о валовом сборе каждой дороги. В апреле 1884 г. к 32-м ведомостям прибавились 33-я — о перевозках крупного рогатого скота, и 34-я — о перевозках мелкого рогатого скота. К ведомости о движении каменного угля стали прилагать особую ведомость «о служебной перевозке каменного угля»[6].

На основании перечисленных ведомостей Статистический Отдел составлял и публиковал в «Статистических сборниках МПС» ряд таблиц. Таблица (№ VI) «Перевозки железных дорог» содержит, во-первых, сведения о числе пассажиров (по классам), перевезенных каждой дорогой в течение года, воинских чинов (по классам) и арестантов, во-вторых, сведения об общем количестве перевезенных багажа, поштучных предметов (собаки, скот, экипажи, вагоны и гробы), и в-третьих, сведения о весе частных, воинских и общественных грузов большой и малой скорости без указания станций отправления и прибытия. Эта информация сопровождается комментарием итогов и выводами о среднем числе пудоверст на версту каждой дороги, среднем пробеге одного пуда груза, среднем числе пудов груза на ось вагона и, наконец, процентном соотношении нагрузки к подъемной силе вагонов.

Эта таблица сопровождается «Приложением к VI таблице» с двумя ведомостями: «А) отправление и прибытие всех товаров малой скорости вообще по станциям железных дорог, перевозка и пробег этих товаров между станциями, распределенными по направлениям» и «Б) перевозка всех товаров малой скорости по железным дорогам, распределенная по роду сообщений и пробег этих товаров».

В ведомости «А» содержатся сведения об общем количестве *всех* товаров в тысячах пудов, отправленных с каждой станции данной дороги в двух противоположных направлениях без указания станций назначения, и аналогичная информация об общем количестве товаров. прибывших на каждую станцию также без указания станций и дорог отправления.

В ведомости «Б» приводятся данные об общем количестве отправок каждой дороги в тысячах пудов, сгруппированные по сообщениям. Другими словами, в ней показывается, сколько пудов всех вообще грузов перевезено, например, Московско-Нижегородской железной дорогой, во-первых, во внутреннем сообщении, во-вторых, прямым сообщением с другими дорогами на Московско-Нижегородскую дорогу и, в-третьих, транзитом.

Затем в «Статистических сборниках МПС» помещались таблица I «Отправление и прибытие главнейших и всех вообще товаров малой скорости по станциям железных дорог, распределенные по направлениям движения» и связанная с ней таблица II, озаглавленная «Перевозка главнейших и всех товаров, распределенная по роду сообщений и пробег этих товаров по дорогам».

Отличие этих таблиц от ведомостей «А» и «Б» состояло только в следующем. В таблице «А» находятся сведения об общем количестве всех товаров как отправленных с каждой станции данной дороги, так и прибывшие на них (по направлениям), без дифференциации этих товаров по наименованиям. А в таблице I «Отправление и прибытие и т. д.» таким же образом сгруппирована информация о 33-х важнейших грузах, указанных в циркуляре № 577, отдельно для каждого наименования. Есть также особая графа с данными об общем количестве перевозок, включая сюда и перевозки этих грузов. Аналогичны различия и между таблицами «Б» и II («Перевозка главнейших и всех вообще товаров, распределенная по роду сообщений».

В таблице IV, озаглавленной «Отправление и прибытие товаров по узловым пунктам железных дорог и внутренних водяных путей», содержатся сведения об от-

правлении и прибытии 31-го важнейшего товара с каждого узлового пункта железнодорожной сети и внутренних водных путей и на каждый узловой пункт. Такая же информация дается в графе № 32 о всех вообще товарах, отправленных и полученных узловыми пунктами.

Все вышеперечисленные таблицы издавались каждый год отдельно. Таблица «Валовой доход и количество перевезенных по железным дорогам пассажиров и товаров» издавалась помесячно; данные приводятся в сопоставлении с тем же месяцем истекшего года, а равным образом и за все месяцы текущего года, начиная с 1 января по последнее число того месяца, за который составлена ведомость, в сравнении с информацией за тот же промежуток времени прошлого года.

«Статистические сборники МПС» издавались ежегодно отдельными выпусками и содержали, кроме вышеперечисленных железнодорожных, также и иные сведения о состоянии и деятельности железных, водных и шоссейных путях сообщения. В 1880-х гг. выходили «Дополнения» к «Статистическим сборникам» с важной и интересной информацией о вывозе и ввозе (отправлении и прибытии) по губерниям через железнодорожные станции, пристани и таможни 6 главных хлебов, соли, керосина и нефтепродуктов[7].

Таким образом, «Статистические сборники МПС» разрабатывали преимущественно сведения, касавшиеся всех сторон прежде всего финансово-эксплуатационной сферы деятельности путей сообщения страны, прежде всего железных дорог и водных путей.

Для тарифных целей статистика МПС была непригодна. Поскольку, как говорилось выше, само понятие «железнодорожный тариф» включает в себя три компонента — какой-либо груз как транспортно-экономическое явление (массовый — редкий, отечественный — импортный, объемный — компактный и т. п.), вес этого груза и расстояние, на которое он перевозится, то тарифная статистика необходимо должна содержать сведения о всех межстанционных перевозках всех сколько-нибудь важных с народнохозяйственной точки зрения грузов и путях их следования, что требуется для определения тарифных расстояний. Исходя из этих принципов и строилась «Сводная статистика».

Несколько забегая вперед, замечу, что проблема разделения труда статистическими службами МПС и МФ в 1890-х гг. ставилась на разных уровнях, пока, наконец, 17 декабря 1897 г. не было созвано особое совещание по железнодорожной статистике, образованное при Статистическом отделе МПС. Председательствовал на нем руководитель последнего генерал-лейтенант И. Ф.Борковский. Совещание было посвящено вопросу о разграничении работ по железнодорожной статистике между Статистическим Отделом МПС и Статистическим Отделением Министерства финансов.

Проблема заключалась в том, что когда Борковский ходатайствовал об увеличении ассигнований на работы своего Отдела, Государственный Совет отказал, мотивируя это, в частности, неразграничением работ между Статистическим Отделом МПС и тарифными железнодорожными учреждениями Министерства финансов. Это, собственно, и привело к созыву данного совещания.

Присутствовавшим была сообщена справка из протокола совещания по товарной железнодорожной статистике от 13 июня 1895 г., в котором, кроме представителей

от МПС, участвовал и представитель Департамента железнодорожных дел. На этом совещании рассматривался вопрос о «полезности для надобностей Министерства Путей сообщения и Финансов... годовых сведений о перевозке по железным дорогам товаров малой скорости в той программе, которая выполняется Статистическим Отделом, начиная с данных за 1890 г.» Представители Департамента железнодорожных дел сообщили, что «годовые сведения о перевозке товаров малой скорости в том виде, как они издаются Статистическим Отделом МПС, с приложением графических изображений, вполне необходимы и целесообразны для общих соображений по различным эксплуатационным и коммерческим вопросам, возникающим в МПС». Данная информация, «вполне необходима Департаменту железнодорожных дел Министерства финансов для общих соображений по вопросу железнодорожного товарного движения», она имеет самостоятельное значение, «как рассматривающая перевозочную деятельность железных дорог с эксплуатационной точки зрения». Между анализом грузового движения Статистического Отдела МПС и Статистического Отделения Департамента железнодорожных дел Министерства финансов «нет никаких точек соприкосновения, так как Департамент этот разрабатывает статистику перевозок товаров исключительно для тарифных целей, имея главным образом в виду не работу станций и железных дорог вообще, что делает Статистический Отдел МПС, а лишь корреспонденцию между станциями и дорогами для установления правильных тарифов на перевозку товаров»[8].

Представители Департамента железнодорожных дел сейчас, в 1897 г., заявили, что могут лишь повторить то, что было сказано в 1895 г. — между работой обоих Отделов «нет никаких точек соприкосновения, ни в отношении товарного движения, ни в отношении пассажирского движения по железным дорогам, ибо те и другие работы имеют разное назначение и преследуют разные цели; работы Департамента выясняют корреспонденцию между станциями и дорогами для установления правильных тарифов на перевозку пассажиров и грузов, работы же Статистического Отдела освещают эксплуатационную и техническую стороны железных дорог и служат материалом для соображений и мероприятий по этим сторонам железнодорожного дела. Для тарифных собственно целей Департамента железнодорожных дел работы Статистического Отдела МПС имеют мало значения, но в этом Департаменте нередко рассматриваются вопросы, касающиеся эксплуатационных, технических и финансовых условий железных дорог, а также вопросы относительно сооружения новых железнодорожных линий и ветвей, а по этим вопросам работы Статистического Отдела МПС для Департамента железнодорожных дел крайне необходимы и дальнейшее развитие их весьма желательно. Во всяком случае разграничение между работами Статистического Отдела МПС и Статистического Отделения Департамента железнодорожных дел Министерства финансов в настоящее время фактически существует».

С этим согласились все участники совещания[9].

Для данной темы весьма важное значение имеет рапорт, в котором предлагается приурочить разработку данных «Сводной статистики» о перевозке хлебных грузов не к календарному году, а к хозяйственному, принятому другими статистическими органами по отношению к хлебу, т. е. с 1 июля по 30 июня.

В этом документе говорится, что «разработка статистики движения хлебных грузов, производимая МПС, преследует совершенно иные цели, чем разработка, производимая Министерством Финансов, и потому не имеет с последней ничего общего.

Тогда как МПС заинтересовано выяснением количества хлебных грузов, перевозимых на отдельных перегонах независимо от того, откуда эти грузы отправлены и в какой конечный пункт они назначены, Министерство Финансов для тарифных целей должно располагать сведениями о действительном пробеге каждой отдельной отправки хлебных грузов.

Поэтому **данные, помещаемые в Статистическом Сборнике МПС дают точные сведения лишь о количестве хлебных грузов, перевозимых между смежными станциями и так как одна и та же отправка хлебных грузов повторяется как при передаче с одной железной дороги на другую, так и при передаче с ветвей дороги на магистраль и обратно, то и общий итог перевозок хлебных грузов по сети в значительной степени превышает действительное количество перевозимых хлебных грузов»**[10].

Данный фрагмент доказывает, что приводимые в научной и учебной литературе сведения о динамике роста перевозок всех грузов вообще или 12-ти «главнейших», некритически заимствованные из Статистических сборников МПС», по существу своему мало пригодны для иллюстрации бурного прогресса пореформенной экономики, ибо они недостоверны.

В документе указывается, что, например, по сведениям МПС в 1897 г. перевозка 6 главнейших хлебных грузов составила 1025329 тыс. пуд., тогда как на самом деле всеми станциями сети в этом году было отправлено всех хлебных грузов 620071 тыс. пуд., а шести же главнейших видов лишь 480515 тыс. пуд., т. е. в 2,1 раза (на 113,3 %) меньше!

Надо заметить, что автор этих строк в свое время немало времени безуспешно потратил на то, чтобы понять причину означенного несовпадения объема отправления (прибытия) главных хлебов со(на) станций сети российских железных дорог с итоговыми данными по Империи с той лишь разницей, что речь шла о 1901, 1907 и 1913 гг.

«Преследуя главным образом тарифные цели, статистика, разрабатываемая Министерством Финансов, сверх сведений о количестве отправленных данной станцией или прибывших на нее хлебных грузов, дает указания, на какую станцию эти грузы назначены, или с какой прибыли, вследствие чего является возможность определить, как действительное количество перевозимых хлебных грузов, так и их пробег, а следовательно, и получаемую железными дорогами от перевозки их выручку.

Дальнейшая разработка статистического материала с тарифными целями заключается в распределении всего количества перевозимых хлебных грузов по поясам пробега[11].

Таким образом, «Сводная статистика» не была первым общеимперским статистическим изданием, разрабатывавшим грузовые перевозки по железным дорогам. Полагаю, этот факт сыграл свою положительную роль в ее судьбе — в стране имелись подготовленные кадры специалистов, была определенная традиция и др.

Вместе с тем для эффективного использования источников исследователи должны хорошо понимать различия между «Статистическими сборниками МПС» и «Сводной статистикой».

§ 2.2. ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ ТАРИФЫ И ТАРИФНАЯ СТАТИСТИКА В 1860–1880-х гг.

Историю создания железнодорожной тарифной статистики необходимо предварить краткой историей железнодорожных тарифов в России.

По мере расширения сети железных дорог в России и развития по ним перевозок грузов «стало все более и более резко обозначаться различие в тарифах, применяемых различными железнодорожными обществами». Поначалу правительство, по-видимому, не считало нужным заботиться об установлении однообразных плат за перевозку одних и тех же грузов по железным дорогам. Давая разрешение на строительство новых линий, правительство не настаивало даже на том, чтобы предельные нормы тарифных ставок были одинаковы для всей страны. Поэтому в данном отношении в действующих уставах было три разных образца. В уставе Главного Общества российских железных дорог приведен список товаров, «крайне, впрочем, неполный и далеко не исчерпывающий всех грузов, находящихся в торговом обороте и могущих служить предметом перевозки по железным дорогам». Он разделен на три разряда: для 1-го предельная норма равна 1/12 коп., для 2-го — 1/18 коп., для 3-го — 1/24 коп. с пуда и версты, причем в уставе оговаривается, что эти платы Главное Общество обязано понижать на 10 % в тех случаях, когда груз провозится более чем на 200 верст, на 15 % — при перевозке на 500–1000 верст, и на 20 % — при пробеге свыше 1000 верст. Эти правила позднее вошли без изменения в уставы большинства железных дорог. Некоторые дороги в отношении предельных тарифов обязаны исходить из устава бывшей Московско-Рязанской железной дороги, который устанавливает предельные тарифные нормы того же размера, что Главное Общество, но скидки с провозных плат в зависимости от расстояний пробега необязательны, причем классификация грузов точно не указывалась, а предоставлялась соглашениям общества с правительственными учреждениями. В уставе общества Московско-Курской железной дороги указаны совсем особенные пределы ставок. Понятно, что такая разница не могла не отразиться и на самих тарифах, которые оказались «во многом отличными друг от друга»[12]. Этому обособлению немало способствовало еще и то обстоятельство, что в 1860–1870-е гг. железнодорожная сеть вообще не рассматривалась как нечто целое. Скорее, наоборот — каждая линия была самостоятельной единицей и каждое общество действовало только в своих интересах, нередко совершенно игнорируя интересы остальных дорог. «Наконец, во многих случаях различие между тарифными ставками различных железных дорог находило себе известное оправдание в самих условиях перевозки тех или иных грузов и вызывалось, таким образом, действительными потребностями экономической жизни государства.

Так или иначе, по тем или другим причинам, но тарифы русских железных дорог менее чем через десять лет после открытия правильного и постоянного движения по ним, отличались уже чрезвычайным и зачастую необъяснимым разнообразием. Неудобства такого порядка вещей были настолько очевидны и настолько резко бросались в глаза, что не замедлили вызвать реакцию со стороны самих же железнодорожных деятелей»[13].

Первые, еще слабые попытки объединения железнодорожных тарифов, предпринятые представителями акционерных обществ, относятся к началу 1870-х гг. и связаны с

попытками улучшения и урегулирования условий перевозки грузов по рельсовой сети. Ранее не было соглашения между дорогами о взаимном пользовании товарными вагонами и о переходе нагруженных вагонов с одной дороги на другую непосредственно без перегрузки. Поэтому если грузы транспортировались «прямым сообщением», то в большинстве случаев обязательно с перегрузкой на конечных станциях каждой дороги так, чтобы вагоны одной дороги не заходили на линию, принадлежащую другой дороге. Понятно, насколько неудобным было такое сообщение для товарохозяев. Но и саму дорогу не могла не обременять эта перегрузка вагонов и передача товаров на соседние линии. «Поэтому, как только железнодорожные общества сознали рациональность и даже необходимость командирования своих представителей на Общие съезды для обсуждения таких вопросов железнодорожной практики, в решении которых в равной степени заинтересована вся рельсовая сеть — одним из первых был выдвинут вопрос об организации правильного обмена товарными вагонами и платформами между соседними железными дорогами и, следовательно, о бесперегрузочной перевозке товаров в прямом сообщении всей рельсовой сети». Однако в начале 1870-х гг. «русская рельсовая сеть представлялась еще крайне разбросанной, как бы затерянной в огромных пространствах России, вследствие чего непосредственное сообщение одной части сети с другой... представлялось весьма затруднительным». Из-за этого по необходимости первоначальная цель была сужена: решено было организовать бесперегрузочную перевозку не по всей сети железных дорог, а лишь по известным районам. Так появилось деление рельсовой сети страны на «известные» три группы, которое существовало и в 1890-х гг[14].

Естественное развитие этих групп привело к довольно быстрому обособлению каждой из них в самостоятельное целое; «каждая пришла к необходимости организовать свои особые съезды для обсуждения таких вопросов, которые касались интересов дорог исключительно данной группы и вместе с тем оказалось необходимым для каждой группы иметь и свой исполнительный орган в виде особой конторы, заведующей делами группы и приводящей в исполнение все решения группного Съезда (т. е. съезда группы — *М. Д.*). Общность интересов железных дорог одной группы вызвала установление условий перевозки товаров, одинаковых для всех дорог, входящих в состав этой группы, а отсюда уже недалеко было до разработки и одного тарифа, одинакового для всех дорог группы. И действительно, после этого каждая группа выработала для перевозки грузов по своим дорогам самостоятельный тариф, обязательный для всех дорог, входящих в группу. Таким образом, хотя каждая дорога в отдельности могла иметь и свой местный тариф для перевозки грузов в местном сообщении, и хотя, с другой стороны, некоторые дороги и при прямом сообщении с остальными дорогами своей же группы применяли свои местные ставки, однако очевидно, что выработка трех погруппных тарифов для перевозок прямого сообщения представляла собой большой шаг на пути к объединению тарифов всех российских железных дорог[15].

Затем, по мере строительства новых железных дорог, которые по своему географическому положению примыкали к той или иной группе, с развитием торговли через посредничество железных дорог недостатки существующего положения вещей в железнодорожном хозяйстве страны становились все очевиднее. Общим съездам поневоле

приходилось с этим считаться. В числе прочего был поднят вопрос о том, что расчет провозной платы, произведенный на станции отправления не должен изменяться. Эта проблема была очень важна для торговцев, ведь им необходимо было знать заранее, какова будет стоимость провоза. Между тем при «тех огромных расстояниях, которыми у нас отделяются различные торговые пункты, при том разнообразии, которым отличаются тарифы дорог разных групп, при том отсутствии системы и порядка, какое замечается в тарифных изданиях и сборниках, — товароотправитель в большинстве случаев не имел возможности знать заранее размер провозной платы. Поэтому в 1875 г. на VII Общем съезде представителей русских железных дорог попытались разрешить этот вопрос[16].

Однако тогда же и выяснилось, что полное и окончательное решение проблемы возможно лишь после целого ряда серьезных тарифных реформ. Прежде всего необходимо было все действующие железнодорожные тарифы привести в порядок, составить их подробный свод; далее, необходимо упростить самую систему издания железнодорожных тарифов, чтобы все они могли помещаться в одном каком-нибудь сборнике, а не были разбросаны по множеству изданий, в которых даже и опытным железнодорожным агентам было нелегко ориентироваться; нужно было, наконец, установить для всей сети однообразные правила применения тарифных ставок. Только тогда вопрос мог быть окончательно решен. Ведь, с одной стороны, можно было бы совершенно безошибочно составлять расчет провозной платы на любой станции, снабженной тарифными сборниками, а с другой стороны, и самый вопрос о неизменяемости расчета, сделанного на станции отправления, тогда потерял бы свою важность для грузохозяев.

Другими словами, Съезд признал, что решение поставленного вопроса находится в тесной связи с решением более важного вопроса о возможности объединения тарифов русской железнодорожной сети. И чтобы по возможности приблизиться к решению этого вопроса VII Общий съезд в декабре 1875 г. решил образовать особую Комиссию, которой поручил: 1) составить проект общей номенклатуры товаров, перевозимых по русским железным дорогам; 2) определить нормальный вид свода разных тарифов и порядок введения в него последующих изменений и дополнений; 3) установить сроки издания новых тарифов и 4) изыскать наиболее целесообразный способ сообщения публике необходимых ей сведений и ознакомления железнодорожных управлений с распоряжениями, сделанными на других железных дорогах. Однако работа Комиссии не привела к каким-либо определенным результатам[17]. Собравшийся в декабре 1877 г. IX Общий съезд представителей русских железных дорог решил избрать другую комиссию, на которую возложил специально только разработку проекта номенклатуры тех товаров, которые составляют предмет перевозки по русской рельсовой сети. Затем X Общий съезд (декабрь 1878 г.) решил расширить задачу этой Комиссии, поручив ей:

1) составить алфавитный указатель товаров и вместе с тем сгруппировать отдельные товары в подходящие рубрики, чтобы таким образом по возможности упростить пользование номенклатурой;

2) выделить из общей номенклатуры такие товары, которые по своему особому значению как в торговле и промышленности, так равно в отношении доходности железных дорог должны быть перевозимы по специальным тарифам;

3) распределить остальные товары по трем установленным разрядам тарифа, т. е. 1/12, 1/18 и 1/24 коп. с пуда и версты с целью принятия этой процедуры всеми железными дорогами.

Комиссия отнеслась к своему делу весьма серьезно. В 1880 г. она издала, во-первых, систематическую ведомость товарам, перевозимым по русским железным дорогам, во-вторых, общую номенклатуру этих товаров, составленную на основании сведений, доставленных более чем 30 железными дорогами, и в-третьих, проект общего тарифа российский железных дорог.

XIII Общий съезд, которому были представлены эти труды, не согласился с основаниями, принятыми Комиссией для составления общего тарифа российских железных дорог. Был даже поднят принципиальный вопрос о том, действительно ли настало время объединять тарифы всей сети и каковы будут последствия этой меры. Прения были долгими и острыми, но вопрос об унификации тарифов решили оставить на будущее, и ограничиться выработанной для всех дорог общей номенклатурой товаров. Вновь была избрана Комиссия, третья по счету, которая специально должна была пересмотреть номенклатуру, составленную 2-й комиссией и распределить все наименования товаров в более или менее общие рубрики[18].

Однако уже в октябре 1881 г. на XV Общем съезде снова был поднят вопрос об объединении тарифов российских железных дорог. На этот раз поводом стало «непосредственное давление... торгово-промышленного сословия» вследствие «различных тарифных неурядиц». Именно к этому времени относится учреждение Комиссии по исследованию железнодорожного дела в России под председательством генерал-адъютанта Баранова. Она начала с того, что отправила несколько подкомиссий, инспектировавших железные дороги с целью знакомства на месте с нуждами и потребностями торговли и промышленности и выработки соответственно этому необходимых мер улучшения железнодорожного дела в России. Тогда-то и посыпалось множество жалоб на железнодорожные управления и ходатайства об изменении порядков на железных дорогах.

В Москве собралось частное совещание представителей железных дорог, которое рассмотрело эти жалобы, и как ответ на них был выработан проект целого ряда мероприятий, которые должны были урегулировать отношения железных дорог с потребителями. Первое место здесь занимал проект «Соглашения между всеми русскими дорогами по установлению общей тарифной системы». Проект был детально рассмотрен в 1881 г. на XV Общем съезде, который и выработал, хотя и не без труда, основные принципы предстоящего «Соглашения». По сути, они сводились к тем же положениям, которые имелись в виду на предыдущих Общих съездах. То есть, предполагалось разработать общую номенклатуру товаров, одинаковую для всей рельсовой сети, установить одинаковое распределение всех товаров по тарифным разрядам или классам, начиная с 1/12 и кончая 1/40 или 1/60 коп. с пуда и версты, и организовать раз и навсегда определенный порядок сообщения действующих тарифов населению страны.

Поскольку вопрос о соглашении между всеми железными дорогами представлялся крайне важным и серьезным, Съезд решил предварительно разослать проект «Соглашения» всем правлениям железнодорожных обществ на отзыв. На XVIII Общем съезде в 1882 г. эти отзывы были доложены, и выяснилось, что проект требует немалой до-

работки. В результате возникла новая Комиссия, которая должна была учесть, по возможности, все пожелания дорог. На XIX Съезде был рассмотрен исправленный проект, но дело решили отложить до «утверждения законодательным порядком проектировавшегося в то время Общего Железнодорожного Устава»[19].

Устав был издан в 1885 г. и внес много серьезных изменений в железнодорожное дело. Им были установлены: обязательное прямое беспререгрузочное сообщение между всеми дорогами рельсовой сети, вне зависимости от какого бы то ни было деления их на группы; предписаны одинаковые для всех без исключения железных дорог условия перевозки товаров и точно и единообразно регламентированы отношения дорог с клиентами. Устав, таким образом, объединил во многом все железные дороги в России, позволил смотреть на железнодорожную сеть как на нечто цельное и самостоятельное. Переход к объединению тарифов, казалось бы, логично вытекал из этого, ибо был так же необходим. Но железнодорожные общества то ли не хотели стеснять свои действия в тарифной сфере, то ли «между ними вообще было весьма мало единства», но так или иначе — вопрос о составлении общего тарифа для железных дорог страны больше не поднимался на Общих съездах, пока этой проблемой не занялось правительство[20].

Первая попытка такого рода сделана в 1875 г. Тогда правление Московско-Курской железной дороги представило МПС проект новой классификации товаров для применения к перевозкам по своей дороге. Министерство «находя, с одной стороны, что правильное и серьезное рассмотрение представленного проекта возможно только по соображении всех разнообразных данных и сведений, от которых зависит установление той или другой тарифной ставки, а с другой стороны, желая воспользоваться этим случаем для установления общей классификации для всей рельсовой сети... признало целесообразным учредить особую Комиссию» для обсуждения проекта классификации для того, чтобы она могла быть применена и к другим дорогам.

Комиссия работала три года, но большая часть ее трудов имела косвенное отношение к задачам, для которых она была создана.

В октябре 1883 г. МПС утвердил выработанный XVII Общим съездом представителей русских железных дорог проект номенклатуры и алфавитный список товаров, перевозимых по русским железным дорогам, которые были одобрены Комиссией[21].

Этим, в сущности, исчерпывается все, что было сделано для объединения тарифов до середины 1880-х гг. В это время, когда «отношение правительства к частным железнодорожным обществам отличалось неопределенностью и шаткостью, взаимные права и обязанности их не были в достаточной мере выяснены, и в отношении тарифных ставок железнодорожные общества считали себя совершенно самостоятельными, независимыми и стоящими вне правительственного вмешательства и контроля».

Но затем последовал ряд законоположений, радикально изменивших весь строй тарифного дела на железных дорогах. В июне 1887 г. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета установило, что руководство действиями железных дорог по установлению тарифов на перевозку пассажиров и грузов с целью охранения от ущерба казенного интереса, потребностей населения, а также нужд промышленности и торговли переходит к правительству; а затем законом 8 марта 1889 г. указано в подробностях, каким образом правительство может осуществлять свое право руководить тарифной

сферой, названы те специальные учреждения, которые должны были реализовывать это руководство. Одновременно на I Общем тарифном съезде, созванном на основании новых правил, был впервые с 1882 г. поднят вопрос об объединении тарифов[22]. Было решено избрать особую Комиссию, которая должна была выработать проект оснований, на которых мог бы быть составлен один общий тариф для всей сети российских железных дорог взамен существующих «разнообразных общих и сборных тарифов групп и отдельных сообщений». Проект был представлен II Общему тарифному съезду. Представители дорог, однако, увидели тесную связь проблемы в «предполагаемом объединении тарифов с вопросом о распределении долей провозных плат, взимаемых в прямых сообщениях, и на этом основании решили предварительно выработать проект новых правил распределения долей, и тогда только приступить к составлению общего тарифа для всей рельсовой сети в России». Таким образом, дело затянулось, и вопрос, поднятый чуть не 20 лет тому назад как один из самых важных и серьезных вопросов железнодорожного дела, имеющий огромное значение не только для самих железнодорожных обществ, но и для торговли и промышленности страны, получил окончательное решение лишь в 1893 г[23].

* * *

Вплоть до 1890-х гг. тарифная статистика велась отдельными дорогами по самым разнообразным формам. В официальном документе ситуация характеризуется так: «Каждая дорога, составляя отчет, распределяла грузы в таблицах по своему усмотрению. Общий план отсутствовал. Одни дороги показывали только количество отправленных грузов без указания станций назначения, другие давали в отчетах подробные сведения только об отправленных грузах, но никак не о прибывших, третьи, указывая общее количество отправленных и прибывших товаров, не отделяли прямого сообщения и внутреннего, или же суммировали однородные, по их мнению, товары»[24].

Нетрудно догадаться, что при таком положении вещей было невозможно не только делать какие-нибудь заключения общего характера о движении грузов по железным дорогам, но даже и проследить путь одного груза по 2–3 соседним линиям, которые были непосредственно связаны между собой «интересами прямого сообщения».

На очевидную ненормальность такого положения дел и на необходимость упорядочения его вообще путем введения в железнодорожных отчетах однообразной статистики товаров впервые обратил внимание XIII Общий съезд (1880 г.), который рассмотрел специальную записку по этому поводу. Особая комиссия, созданная съездом для дальнейшей разработки проблемы, представила докладную с приложением проекта статистики грузов. В 1881 г. она была внесена на рассмотрение XVI Общего съезда. Поскольку данный вопрос оказался связанным с вновь возникшими вопросами о введении на всех железных дорогах страны однообразной номенклатуры товаров и общего тарифа, то решено было в скором времени созвать для анализа этих проблем специальный Съезд, собравшийся в апреле 1882 г[25].

Основные идеи записки, рассмотренной XVII Общим съездом, заключались в следующем. Во-первых, в отчетах, публикуемых железными дорогами, должно содержаться

180 наименований грузов, разделенных на две группы. В одну входят 26 наиболее важных («главнейшие статьи перевозки и нашей внутренней торговли»), во вторую — все остальные. Статистика грузов 1-й группы должна включать все станции отправления и все станции назначения. Для грузов 2-й группы нужно указывать только станции отправления и дорогу назначения.

Во-вторых, комиссия решила, что необходимо учреждение «центрального статистического бюро, которому дороги передавали свои грузовые документы или чтобы бюро было образовано лишь для группировки и распубликования отдельных данных, разработанных уже самими дорогами, или, наконец, чтобы железные дороги сами печатали статистические таблицы о движении грузов в своих отчетах, но не иначе, однако, как при непременном условии ведения статистики по общему, одобренному Общим съездом плану и с составлением таблиц по одобренным Съездом же формам»[26].

Впервые эта идея была выдвинута на VIII Общем съезде 1877 г., где обсуждались представленные Советом Императорского географического общества соображения по вопросам железнодорожной статистики. Приглашенный на съезд член общества, известный экономист профессор Ю. Э. Янсон, указывал, что по мнению Статистического отделения Географического общества было бы полезно учредить одну общую центральную контору, в которую посылались бы накладные или копии с них от всех дорог и которая работала бы по известной определенной программе, служа вместе с тем архивом для научных исследований в том или другом направлении. Съезд, признав учреждение общего центрального статистического бюро сопряженным со значительным расходом для железных дорог и требующим дополнительного изучения, ограничился принятием предложения статистического отделения Географического общества о введении однообразной номенклатуры товаров, подлежащих обязательному включению в железнодорожные статистические таблицы, указанного съездом содержания[27].

То есть, учреждение одного общего для всех железных дорог центрального бюро железнодорожной статистики не признавалось возможным из-за больших расходов и «сложности общего ведения такого обширного дела». И сейчас эти предложения, прежде всего идея учреждения бюро, были встречены негативно. Общий съезд представителей русских железных дорог передал дело на экспертизу номенклатурной комиссии. Комиссия также высказалась против образования центрального бюро. Куда более весомым оказался ее вклад в дело унификации статистического материала. Она выработала формуляр так называемых перекрестных таблиц, в которых по вертикали указывались станции отправления, а по горизонтали — станции назначения, причем станции группировались в географическом порядке. Эта форма должна была быть обязательной для всех дорог при составлении годовых отчетов, точно так же, как и перечень 120-ти товаров всех наименований, включавшихся в таблицы. Было высказано пожелание достичь максимально возможного варианта дробления «родовых названий товаров на видовые, так как лишь при этом условии статистика может дать ценный материал для изучения тарифных вопросов и для установления целесообразных тарифов». Мысль о делении всех грузов на две категории и соответствующего статистического обеспечения сведений об их перевозках была сохранена[28].

Доклад номенклатурной комиссии был рассмотрен XIX Общим съездом представителей русских железных дорог (протокол № 2, от 8 декабря 1882 г., стр. 16). Идею

создания центрального статистического бюро Съезд окончательно отверг, но «признал безусловно желательным, чтобы все Правления (дорог. — *М. Д.*) давали в годовых отчетах непременно однообразные сведения о тех товарах, которые перевозятся в более или менее значительном количестве, с подразделением их не на родовые (как проектировала это номенклатурная комиссия), а на видовые названия». Для этого Съезд решил просить дороги о списке грузов, перевозимых по ним в количестве не менее 100 тыс. пуд. в год, а канцелярия Съезда должна была свести полученные от дорог списки в один общий список и разослать его на заключение Правлений дорог. Ближайший Общий съезд должен был продолжить обсуждение вопроса. Вместе с тем не получил поддержки проект составления статистических таблиц по видам товаров и ведения двойных таблиц по периодам (навигационный и ненавигационный)[29].

На XXI Общем съезде было решено включать в таблицы для годовых отчетов те же 33 наименования грузов, которые фигурировали в косых таблицах МПС с дополнением еще 9-ти новых. Наиболее удобной для таблиц была признана форма, принятая Главным обществом Российских железных дорог (Николаевская железная дорога), по родам товаров, которая содержала не только станции отправления по каждому наименованию, но и станции назначения как своей, так и чужих железных дорог[30].

XXII Общий съезд (1884 г.) согласился с включением в отчеты 42-х главных наименований, однако принял довольно странное решение о том, что станции отправления и назначения должны указываться только для внутренних перевозок каждой дороги, а по грузам прямых сообщений между дорогами надо показывать лишь станции отправления и дороги назначения. Мотивировалось это решение стремлением сократить объем статистического материала, а значит и расходы на печатание. Нельзя не заметить, что эти данные оказываются совершенно бесполезными — ведь дороги проходят, как правило, по территории не одной, а нескольких губерний.

Весьма важным следует признать единогласно принятое постановление съезда о необходимости ведения статистических таблиц по утвержденной единой форме и планам; за истекший год таблицы должны были быть напечатаны в течение следующего года и «на первый раз не позже, как при отчетах за 1885 год»[31].

Однако уже на следующем XXIII Общем съезде в сентябре 1885 г. Либаво-Роменская дорога предложила заменить эту форму новой, не такой сложной, более дешевой и более удобной, по ее мнению, введенной на этой дороге с 1883 г. Поскольку требуемые решением XXII съезда сведения в предлагаемой форме содержались, то XXIII съезд проявил конформизм на том основании, что «XXII съезд не обязывал дороги руководствоваться непременно формами таблиц Николаевской дороги, а только существом этих таблиц», и разрешил снова печатание дорогами статистического материала в разных формах как по внешнему виду, так и по характеру информации. Некоторые дороги сочли даже излишним указывать места отправления и назначения грузов, а лишь сообщали о количестве того или иного перевезенного груза, не сообщая, откуда и куда он следовал. Правления лишь немногих железных дорог соблюдали постановление XXII съезда[32].

Таким образом, к концу 1880-х гг. дело тарифной железнодорожной статистики находилось в плачевном состоянии. Хотя в отчетах ряда дорог и имелся богатый статистический материал с указанием станций отправления и назначения, но касался он лишь

внутреннего сообщения данной дороги и соответственно был пригоден только для разработки тарифов последней.

Издававшаяся же большинством дорог статистика для тарифных целей подходила мало, причем это касалось как грузов местного (внутреннего), так и, в особенности, прямого сообщения. «Указывая станции отправления и дороги назначения, а по прибытии — дороги отправления, без указания в обоих случаях, куда или откуда следовали грузы, подобные данные не дают...возможности составить точное понятие о фактической перевозке грузов; следовательно, по ним нельзя выяснить тех финансовых результатов, которые достигаются установлением известных провозных плат на данный груз. Рациональная тарифная статистика должна идти навстречу разрешения этого важнейшего вопроса, без чего всякие тарифные мероприятия будут носить характер опытов и окажутся повторениями тех именно явлений, которые тяжелым бременем ложились на государственную казну и которые весьма нередко не оправдывались наличными экономическими условиями»[33].

«Статистические сборники МПС», указывающие только станции отправления грузов без станций назначения или последние без пунктов отправления, не могли служить для тарифных целей. Они давали самое общее представление о перевозках, и к тому же запаздывали выходом на год-два, т. е. были мало пригодны для решения текущих практических задач.

В 1888 г. состоялся I Общий тарифный съезд, который должен был заниматься одной из самых важных и сложных тарифных задач — провозными платами на хлебные грузы. На съезде неоднократно высказывалось мнение о необходимости, наконец, поставить статистику хлебных перевозок на современный уровень, в частности, правильно тарифицировать их. На 2-й сессии того же съезда зачитывалась записка весьма авторитетного ученого, проф. Чупрова, в которой подчеркивалось важное значение информации о межстанционных перевозках грузов. Чупров писал: «При невозможности построить рациональную систему тарифов на основании каких-либо теоретических принципов, единственным способом достигнуть сколько-нибудь правильной постановки тарифов представляется непрерывное наблюдение за теми переменами, которые происходят в состоянии перевозки под влиянием принятых тарифов. Лишь такое наблюдение может дать материал для сознательной оценки действующих тарифов и целесообразного исправления их. Организация систематических наблюдений над перевозкой грузов является особенно существенной в настоящий момент, когда правительство готовится к серьезным реформам в тарифном деле и когда Общий железнодорожный съезд наметил множество изменений в существовавших доселе провозных платах.

Нередко предполагается, что собираемые и издаваемые в настоящее время статистические сведения заключают в себе достаточный запас наблюдений и фактов по части грузового движения. Но такое мнение основано на недоразумении. Не только сведения об отправлении и прибытии товаров по станциям, обычно публикуемые в отчетах железных дорог, но даже самый полный из имеющихся по всем дорогам материал этого рода, — так называемые перекрестные таблицы, собираемые МПС, не содержит в себе данных, требующихся для основательной оценки действия тарифов. В этих таблицах сведения о движении товаров между станциями даются только относительно своей до-

роги, по прямым же сообщениям показываются лишь дороги отправления и назначения, а не станции. Между тем, для тарифных целей может быть пригодна только полная междустанционная статистика, обозначающая станции отправления и назначения не только для своей, но и для чужих дорог, находившихся с нею в сношениях. Для того, чтобы судить о действии нового тарифа от Орла до Таганрога, недостаточно знать на основании перекрестных таблиц, что Орел отправил на Курско–Харьково–Азовскую дорогу столько-то хлеба; нужно еще иметь сведения, сколько попало хлеба в Таганрог, так как на Курско–Харьково–Азовской дороге могли получать хлеб из Орла и многие другие станции»[34].

Чупров предложил железным дорогам вести статистическую регистрацию межстанционного движения главных продуктов сельского хозяйства, в частности, 6-ти главных хлебов, кукурузы, крупы всякой, гречи, льняного семени, прочих семян, льна и пеньки. Перевозка этих грузов в местном сообщении должна включать по каждой станции прибытия сведения о том, с каких именно станций и в каком количестве были отправлены к ней перечисленные грузы. По грузам, прибывающим в прямом сообщении с других дорог, указываются лишь те станции чужих дорог, которые отправили на все в совокупности станции данной дороги более миллиона пудов всех разрядов перечисленных грузов, а все прочие станции чужих дорог могут быть показаны общим итогом. Существенно важно, что Чупров предлагал все собираемые по этой программе сведения направлять в какое-то центральное учреждение — Контору Общего съезда или правительственное[35].

Рассмотрение проблемы было отложено за недостатком времени, как I Общим тарифным съездом, так и XXVIII очередным Общим съездом представителей русских железных дорог до ближайшего съезда.

§ 2.3. СОЗДАНИЕ «СВОДНОЙ СТАТИСТИКИ»

Правительство взяло в свои руки руководство тарифным делом при Вышнеградском, когда в 1888 г. вновь созданный Департамент железнодорожных дел возглавил С. Ю. Витте, теоретик тарифной реформы, выработавший основные ее принципы еще в начале 1880-х гг.

Как известно, судьба С. Ю. Витте складывалась непросто, но как бы то ни было, ему выпало воистину редкое счастье — не только задумать реформы, не только увидеть многие из них реализованными, но и в значительной мере воплощать их в жизнь самому (до него, кажется, лишь Д. А. Милютин мог этим гордиться, а после — в определенной мере П. А. Столыпин). А начиналось все с тарифной реформы, ставшей первым серьезным преобразованием, проведенным им, и, в определенном смысле, именно со «Сводной статистики», поскольку реформа была невозможна без ее появления.

«Для того, чтобы поставить контроль за железнодорожными тарифами на более твердую почву, нужно... организовать точную и соответствующую цели статистику движения грузов по железным дорогам... Немыслимо рассуждать, а тем более делать тарифы на какие-либо грузы, не будучи вооруженным статистикой этих грузов»[36].

Сходные мысли высказывались Департаментом железнодорожных дел, первым директором которого он был, в период создания «Сводной статистики»: «Для правильной постановки железнодорожного тарифного дела необходимо непрерывное наблюдение за переменами, которые происходят в состоянии перевозок под влиянием тех или других тарифов... Лишь такое наблюдение может дать материал для сознательной оценки действующих тарифов и целесообразного их исправления.

Организация статистических наблюдений над перевозкой грузов и пассажиров является особенно существенной, когда правительство взяло на себя руководство действиями железных дорог в установлении провозных плат».

Рациональная тарифная статистика перевозок необходима также для урегулирования взаимных отношений железных дорог между собой. Кроме того, «она необходима как материал для исследований научных и общественных задач, имеющих отношение к железнодорожной перевозке...» Она «может служить для правильной оценки тех интересов, которые сталкиваются в железнодорожном тарифе и которые намечены законом 8 марта 1889 г., а именно: интересов населения, промышленности, торговли и казны»[37].

В январском циркуляре 1889 г. Заведующего Общего съезда представителей русских железных дорог в числе прочего говорится: «В прежнее время затруднения в пользовании изданиями по железнодорожной статистике для практических целей могли быть не так ощутительны, как ныне, ибо железные дороги преследовали свои практические цели в пределах замкнутых групп и внегруппных сообщений, в коих относящиеся до данной группы статистические сведения возможно было иметь легче, нежели статистические данные по всей рельсовой сети, а с другой стороны, необходимость в статистических данных в известной степени умалялась близким знакомством представителей дорог с коммерческими условиями тесного района своей группы. Ныне, когда в среде железнодорожных деятелей созрело убеждение в необходимости общего регулирования взаимных отношений дорог по перевозкам грузов, последствием чего и явилось произведенное в прошлом году в широком размере регулирование тарифов на хлебные грузы и когда Правительство со своей стороны передало на рассмотрение Общих съездов целую серию тарифных вопросов и самый вопрос о статистике, правильная постановка статистики железнодорожных перевозок и приспособление оных к тому, чтобы она могла служить ближайшей практической цели — установлению тарифных плат за перевозку грузов — несомненно является делом неотложной необходимости. Она должна повести и к облегчению железным дорогам однообразного исполнения тех обращаемых к ним Правительством требований, каковыми представляются требования циркуляра по Управлению железных дорог. От 2 января с. г. № 23»[38].

Заведующий делами Общего съезда полагает также, что не нужно задаваться обширной программой собирания статистических материалов о железнодорожных перевозках. Целесообразно фиксировать хотя бы информацию о транспортировке, во-первых, грузов, тарифы которых установлены или подлежат установлению на Общем съезде, и, во-вторых, грузов, которые представляют особый интерес ввиду больших объемов перевозки. К числу этих грузов относятся хлебные грузы, минеральные масла, соль, каменный уголь, лес, сено, спирт, табак, сахар, лен и пенька, хлопок, шерсть, кожи и шкуры, сало, мясо, рыба, железо, жесть, сталь и чугун, землеудобрительные туки,

скот, сельхозмашины и орудия. Информацию об их перевозке желательно получать от дорог ежемесячно, с указанием межстанционного обмена как между своими станциями, так и станциями чужих дорог. В циркуляре содержится также идея введения ценза регистрируемых специально перевозок — не ниже определенного количества каждого из грузов. Эту норму может устанавливать Общий съезд. Все остальные мелкие перевозки суммируются в общей графе.

Полученные от железных дорог статистические материалы должны были обрабатываться в канцелярии Общего съезда соответствующим образом и могли бы служить как для тарифных целей, так и для составления сводных данных о транспортировке важнейших грузов. В качестве образца таких сводов мог бы служить «Статистический сборник железных дорог II группы за 1881–1882 тарифный год»; возможны и иные программы, одобренные Общим съездом. Своды могли бы издаваться по необходимости несколько раз в год[39].

В марте 1889 г. было опубликовано «Временное Положение о железнодорожных тарифах и об учреждениях по тарифным делам». Основные его положения будут рассмотрены ниже. Однако несколько ранее, в феврале 1889 г. на 3-ю сессию XXIX Общего съезда представителей русских железных дорог была внесена записка Министерства финансов «Предположения о составлении, издании и представлении тарифной статистики перевозки пассажиров и грузов», которые отражала взгляды ведомства по данному вопросу[40].

Юридический фундамент предлагаемых мер выглядел так: « Высочайше утвержденным 8 марта 1889 года мнением Государственного Совета, Министру финансов предоставлено — впредь до установления Советом по тарифным делам правил по предметам, указанным в пункте А статьи 22-й Временного Положения о железнодорожных тарифах и об учреждениях по тарифным делам — составить временные по сим предметам правилам и представить их Правительствующему Сенату для распубликования во всеобщее сведение.

По статье 22-й помянутого Временного Положения между прочим, подлежит установление правил относительно составления, издания и представления тарифной статистики перевозок пассажиров и грузов.

Статьей 9-й того же Положения предусмотрена обязанность дорог доводить до сведения МФ о всех предполагаемых ими изменениях и дополнениях действующих тарифов с подробным объяснением оснований принятых для составления нового тарифа.

Наконец, статьей 14-й определено, что железные дороги и съезды их представителей обязаны, по требованию Министерства Финансов, представлять все имеющиеся в их распоряжении статистические и иные сведения и данные, необходимые для разработки и решения тарифных вопросов.

Из совокупности приведенных статей усматривается, что **для железных дорог является безусловно обязательным ведение своевременной и подробной тарифной статистики перевозки пассажиров и грузов**»[41].

Целесообразность предлагаемых мер обосновывалась следующим образом: «При современном положении тарифного дела, ведение статистики представляется настоятельною необходимостью, как для регулирования взаимных отношений между дорога-

ми, так и для сношения дорог с ведающими тарифными делами правительственными органами. Если сама железная дорога при изменении и дополнении того или другого тарифа должна иметь суждение о достигнутых финансовых результатах его применения, для сравнения этого результата с предположениями о действии нового тарифа в будущем, то не может подлежать сомнению, что вне такого суждения едва ли она может найти достаточные соображения и мотивы для убеждения правительственных органов в рациональности проектируемых ею тарифных мероприятий.

Составляя насущнейшую необходимость как для внутреннего хозяйства дорог, так и с точки зрения правительственного руководительства тарифным делом, ведение тарифной статистики на дорогах должно быть настолько обширно, чтобы она могла служить для правильной оценки тех интересов, которые сталкиваются в железнодорожном тарифе, и должно исчерпывать наименования всех тех грузов, которые в грузовращении известного района имеют особое значение.

Только при этом условии статистика даст возможность железным дорогам выполнять требования установленных Министром Финансов Временных Правил составления, издания и публикации тарифов, каковыми правилами вменяется дорогам в обязанность представлять постанционные сведения о количестве перевозок по изменяемому или дополняемому тарифу, а равно о достигнутых ими по таковому тарифу финансовых результатах .

К этому необходимо добавить, что впредь оценка Правительством всяких тарифных мероприятий будет основываться, главным образом, на фактических материалах, а потому в интересах самих же дорог позаботиться о такой организации тарифной статистики, которая одновременно удовлетворяла бы как запросам правительства так и нуждам такой важной отрасли хозяйства, каким, бесспорно, представляется хозяйство железнодорожное»[42].

Записка не предрешала вопроса о таких конкретных сюжетах, как номенклатура товаров, перевозки которых должны фиксироваться, как порядок ведения статистики и др. Главное — поставить дело так, чтобы статистика могла своевременно давать все требуемые от нее сведения по транспортировке грузов. «Не подлежит сомнению, что однообразная форма издания отдельными дорогами по известной системе и программе некоторых, касающихся до перевозки пассажиров и грузов, данных могла бы упорядочить это дело и служить ценным подспорьем для решений как научных, так и практических задач, — и не только без ущерба, но с пользою для финансовых интересов самих железных дорог.

...Каждая железная дорога обязательно должна вести у себя подробную тарифную статистику возможно большему числу видовых наименований перевозимых ею товаров. Точно установить число этих наименований не представляется возможным, ибо товары, встречающиеся в перевозке на некоторых дорогах, могут не перевозиться вовсе по другим дорогам. На Юго-Западных, например, дорогах разрабатывается статистика для 436 видовых наименований. Быть может, на других дорогах не представится надобности в таком числе наименований, а с другой стороны, может быть на иных дорогах придется число это и увеличить. В этом отношении можно было бы ограничиться разработкой статистики тех именно грузов, перевозка коих превышает, например, 5–10000 пудов в год...

На иных началах и основаниях должно быть поставлено издание отдельными железными дорогами своих статистических материалов. Издание всех тех материалов, которые ввиду изложенного, железные дороги должны составлять, потребовало бы, во-первых, громадных издержек, а во-вторых, и это главное — не могло бы быть оправдано по существу дела. И в самом деле, известно, что главная масса грузовращения нашей рельсовой сети относится к области перевозок прямых сообщений, а при сложности этих сообщений и с дальнейшим их развитием издание статистики сих сообщений отдельными дорогами не имело бы законченности и могло бы повести к повторению одних и тех же данностей на нескольких дорогах»[43].

Поэтому Министерство предлагает вести и издавать статистику и железными дорогами и центральным статистическим бюро всех железных дорог. При этом дороги могли бы ограничиться тем, что в своих отчетах помещали бы следующие ведомости:

- ведомость по пассажирскому движению и выручки от него по станциям;
- ведомость экстренным и воинским перевозкам и выручки от них;
- ведомость перевозок большой скорости и выручки от них;
- ведомость товарам малой скорости, перевезенным каждой станцией по разрядам тарифа;
- ведомость выручки за грузы малой скорости для каждой станции по разрядам тарифа;
- ведомость дополнительных и других сборов и общий свод выручки по станциям;
- общий свод движения и выручки по месяцам и третям года.

Эти ведомости желательно было бы печатать не позже конца 1-го полугодия вслед за отчетным годом.

В компетенцию Центрального бюро должно, по мысли Министерства, входить:

- составление и издание статистических сводов для всей сети русских железных дорог из материалов, изданных дорогами;
- составление и издание товарной статистики грузов для всей сети дорог.

Не было нужды в том, чтобы бюро вело подробную статистику всех видовых наименований перевозимых грузов. Для уменьшения объема работы (априори было ясно, что он громаден) и сокращения финансовых издержек предполагалось разделить ведомости на два разряда. К первому из них относились бы самые важные родовые, а в некоторых случаях и видовые наименования как сырьевых грузов, так и продукции обрабатывающей промышленности. Такая статистика должна издаваться в самой подробной форме. Ведомости будут содержать всю информацию, необходимую для точного и полного суждения о транспортировке этих грузов и по местному (внутреннему) и по прямому сообщению. Появится возможность проследить путь груза не только по станциям отправления и назначения, но и отдельно — по вывозу и транзиту.

Намечалось в 1-ю категорию отнести 29 родовых наименований. Если же их разделить на видовые, то, считая для хлеба 4, для семян 2 наименования, получалось 42 важнейших груза, правда, несколько иные, чем те, по которым вели статистику до конца 1880-х гг. Как образец взят формуляр ведомости о перевозках каменного угля по Юго-Западным железным дорогам.

Все остальные грузы относились ко 2-й группе. В отношении них предлагалось ограничиться указанием станций отправления и назначения для внутреннего сообщения до-

рог и станций отправления и дорог назначения по прямым сообщениям. Целесообразно было бы статистику их перевозки представлять по окончании каждого отчетного года с выделением показателей по отдельным месяцам и издавать их не позже 4 месяцев, следующих за отчетным годом[44].

Вышесказанное, по мнению Министерства, показывало важность учреждения центрального статистического бюро при Общем съезде.

Министерство финансов предлагало Общему съезду разработать проблему, исходя из того, что, во-первых, каждая железная дорога в отдельности обязана вести полную статистику всех перевозимых ей пассажиров и грузов, и, во-вторых, каждая дорога обязана в своих ежегодных отчетах помещать ведомости, составленные по единой форме. Далее. Общий съезд должен был создать центральное статистическое бюро, в задачу которого прежде всего входила группировка статистических сведений о транспортировке грузов по железным дорогам. Затем обработанную информацию следовало бы издавать в установленные сроки в виде нескольких ведомостей:

- третных ведомостей с ежемесячными данными о транспортировке грузов 1-го разряда;
- годовых ведомостей с ежемесячными сведениями о перевозке грузов 2-го разряда;
- годовых ведомостей о движении грузов обоих разрядов, с добавлением обзора коммерческой деятельности всей сети русских железных дорог.

«Центральному статистическому бюро должна быть придана такая организация, чтобы оно было в состоянии своевременно и в достаточной полноте собирать статистические и иные материалы, необходимые для рассмотрения на Общих съездах тарифных вопросов, как возбуждаемых самими съездами, так и вносимых на их заключение на основании статьи 11 Временного Положения о железнодорожных тарифах».

Составление проекта ведения и издания тарифной статистики должно быть возложено на специальную комиссию, избранную будущим XXIX Общим съездом представителей русских железных дорог. Проект, по рассмотрении его Тарифным комитетом, должен был утверждаться Министром финансов[45].

Как же отреагировала Постоянная Комиссия Общего съезда на предложения Министерства финансов?

Об этом можно судить по составленной Комиссией «Записке об учреждении центрального статистического бюро русских железных дорог». В ней говорится, что предложения Министерства большей частью совпадают с тем, что делается сейчас самими дорогами, или же с тем, что они сами намеревались ввести в скором времени. Поэтому при рассмотрении проблемы нужно знать, что отдельные дороги и тогда уже вели железнодорожную статистику и нередко довольно подробную, которую в основном печатали, а иногда сохраняли для собственного пользования. Такую статистику печатали также некоторые съезды представителей железных дорог, например, Контора съезда дорог II группы и Конторы международных прямых сообщений.

Общий съезд, в свою очередь, высказался за ведение и издание общей статистики перевозок хлебных грузов. Однако Постоянная комиссия решила, что этого недостаточно и предложила Общему съезду вести статистику транспортировки 20 главнейших грузов.

Основываясь на этих примерах, Министерство финансов предложило внести в статистические работы необходимое однообразие и большую основательность в саму постановку дела, для чего уже имелось юридическое основание.

Анализ предложений Министерства (см. выше), говорят авторы «Записки», показывает, что:

«Из имеющихся бланок (так в документе. — *М. Д.*; имеются в виду формуляры отчетности), употребляемых при первоначальной разработке статистических данных в Контролях сборов Балтийской, Либаво-Роменской, Московско-Брестской и Санкт-Петербургско-Варшавской железных дорог усматривается, что при всем разнообразии этих бланок, в них содержатся одинаковые сведения о перевозках грузов по видовым названиям и по группам номенклатуры от каждой станции отправления до станций назначения своей дороги и до чужих дорог отдельно за каждый месяц, а в некоторых — за каждый день.

Такой способ разработки статистических данных может вполне удовлетворить требования ведения подробной статистики перевозок. Но так как ныне железные дороги ограничиваются разработкой данных лишь по тем грузам, кои представляют для них особый интерес, то очевидно, что дорогам требуется разрабатывать таким же способом данные по многим другим грузам, коль скоро они перевозятся» в значительном количестве[46].

Комиссия согласилась с идеями Министерства относительно двоякой задачи Центрального бюро (см. выше).

Что же касается разделения статистических данных на две категории — на более и на менее важные грузы — то это не было новостью для железнодорожной статистики. Так, говорится в «Записке», «Статистический сборник железных дорог II группы за 1881/1882 тарифный год» содержит информацию об отправлении грузов по 13 наименованиям хлебов и масляничных семян и по 23 наименованиям других важнейших грузов, т. е. сборник этот касается грузов только первой категории. Председатель съезда дорог II группы в особой записке, составленной по решению XIII Общего съезда, предлагал в зависимости от детальности обработки статистической информации разделить все перевозимые товары на 2 группы. Для первой нужно фиксировать перевозки от каждой станции отправления до каждой станции назначения, а для второй — от каждой станции отправления до каждой дороги назначения. Всего обрабатывать предлагалось 180 групп товаров, из них 27 наименований относилось к первой[47].

Номенклатурная Комиссия в октябре 1882 г. согласилась в целом с этими предложениями, но решила ограничить число разрабатываемых групп до 120, из которых 27 относились к 1-й категории.

«Отличие сделанного ныне Министерством финансов предложения от вышеизложенных предположений самих железных дорог заключается в том, что Министерство желает **вести статистику перевозок всех грузов с такими подробностями, которые признавались дорогами нужными для грузов лишь одной первой категории;** для грузов же этой категории Министерство предлагает вести статистику с подробностями, содержащимися в трех сообщенных им ведомостях перевозки каменного угля по Юго-Западным дорогам»[48].

В конечном счете, проблема, как обычно, распадалась на ряд отдельных вопросов, из которых основными были такие:

- какие грузы нужно отнести к 1-й категории;
- насколько детально и по какому формуляру должны разрабатываться перевозки грузов этой категории;
- за какие временные промежутки необходимо разрабатывать эти сведения;
- должна ли статистика перевозок грузов 2-й категории обрабатываться по видовым наименованиям грузов или же по группам товаров и каких именно, насколько детально и по какому формуляру;
- какую информацию должен включать годовой обзор коммерческой деятельности дорог;
- структура центрального бюро и потребная для его нормального функционирования финансовая база;
- каким образом будут поделены между дорогами расходы на содержание бюро[49].

Нам сейчас важен профессиональный комментарий предложений Министерства.

Что касается 1-го вопроса, то в сравнении с решением Номенклатурной комиссии Министерство добавило только 2 новых груза — руду и стекло. «Мотивы, по которым эти грузы причисляют к первой категории неизвестны; но так как ни руда, ни стекло к числу важных железнодорожных грузов до сего времени не причислялись, то казалось бы достаточным ограничиться собиранием о них статистических данных, как о грузах 2-й категории, если же по собранным данным выяснится, что означенные грузы действительно представляются особенно важными, тогда и можно будет перечислить их в первую категорию.

Авторы „Записки“ настроены критично к предложениям Министерства, считая их излишне подробными». Против объясненного подразделения грузов не могло бы быть никаких существенных возражений, если бы предполагалось ограничить статистику перевозок одними только этими грузами (1-й категории — *М. Д.*). Но так как... статистика коснется и всех остальных грузов, то возникает вопрос, насколько необходимо ведение такой подробной статистики, какая предлагается по грузам 1-й категории, и по таким грузам, как чай, отруби, жесть, железные изделия, овцы, свиньи, рис, саго, масла семянные (3 наименования), мука, семена масляничные, кроме льняного, и хлебные грузы, кроме пшеницы, ржи и овса. Принимая во внимание, что статистика по грузам 2-ой категории может дать по этим грузам все более необходимые сведения, казалось бы возможным, впредь до указания опыта, исключить вышеперечисленные грузы из числа грузов 1-й категории».

Непонятно вместе с тем, почему перечень Министерства не включает, например, земледельческие орудия, в том числе машины и локомобили, сельди, вино виноградное, кость, тряпье и рельсы[50].

Что касается 2-го вопроса, то расхождения в позициях Общего съезда и Министерства касались формуляра. Форма, предлагаемая Номенклатурной Комиссией, была весьма наглядной. Из перекрестной таблицы, в которой по вертикали указывались станции отправления, а по горизонтали — станции назначения, сразу можно увидеть

как отправление, так и прибытие груза по всем станциям, с итогами по дорогам. Однако при этом в таблице, естественно, было много пробелов, и при большом числе станций отправления и назначения таблица помещалась на нескольких листах, что снижало наглядность информации и увеличивало объем издания.

Формуляр, избранный в то время Министерством, по колоритному для нас замечанию автора, «вовсе не представляет наглядности, свойственной перекрестным таблицам; по этой форме видны все данные по каждой станции отправления и назначения в отдельности, но вовсе не получается общей картины перевозки. Взамен того, эта форма позволяет избежать всяких пробелов и уменьшить как формат, так и объем сборника таблиц до возможного минимума. Эта же форма позволит показать в одной таблице перевозку по периодам и даже по месяцам, для чего достаточно поставить против перечня станций, расположенного... в вертикальном порядке всего только 12 граф, между тем, как при перекрестной форме для этого необходимо 12 отдельных таблиц. Принимая во внимание указанные удобства и имея ввиду, что наибольшую важность для железных дорог имеют статистические данные, показывающие деятельность каждой станции отправления и назначения в отдельности, каковому требованию предложенная Министерством финансов форма удовлетворяет в полной мере, — следовало бы предпочесть именно эту форму»[51].

Уяснению общей картины перевозок должны были способствовать еще две общих ведомости, которые предлагало ввести Министерство. В первой из них планировалось показать по каждой станции и по всей дороге отправление и прибытие по местному и прямым сообщениям (русским и заграничным), а также общее количество перевезенного груза. Во второй — должен был содержаться общий обзор перевозки, включавший сведения, во-первых, о количестве транспортированного груза: по сообщениям, по расстояниям пробега до 50, 100, 200, 300, 400, 500 и т. д. верст, и по месяцам и, во-вторых, главнейшие станции отправления и назначения и путей следования. Сведения эти вполне компенсировали бы недостатки первой ведомости.

Кроме того, Министерство хотело включить в общий обзор перевозки сравнение количества перевезенного груза по сообщениям, расстоянием и месяцам за четыре последние года, а также сведения о денежном сборе по сообщениям и по месяцам. «Пользы сравнение статистических данных на несколько лет нельзя отвергать, но таковое сравнение возможно лишь при наличности необходимых для него данных, так как статистика перевозок по предполагаемому ныне плану за прежнее время не разрабатывалась, то сравнение статических данных может лишь иметься ввиду, как весьма желательная мера для будущего времени...

Что касается указания по каждому грузу в отдельности сбора за произведенные перевозки по сообщениям и по месяцам, то это не составляет предмета статистики перевозки грузов и в случае надобности может быть доставляемо Министерству Финансов каждой дорогой по принадлежности. Общие же сведения о сборах железных дорог войдут в обозрение коммерческой деятельности дорог, о чем будет сказано ниже»[52].

Третий вопрос — «За какие временные промежутки необходимо разрабатывать эти сведения» — возник из требования Министерства составлять статистику помесячно и издавать три раза в год. Номенклатурная Комиссия считала, что железнодорожные

тарифы на некоторые грузы, размеры перевозки которых находятся в зависимости от урожая, можно установить лишь имея сведения не за календарный («гражданский») год, а за период транспортировки годичного сбора, т. е с сентября по сентябрь.

Объем перевозок других грузов сильно зависел от навигации. Комиссия считала, что полезно было бы иметь для хлебных грузов информацию за 2 отдельных периода года. Во-первых, за отрезок с 1 января по 31 августа и с 1 сентября по 31 декабря. Для таких грузов, как железо, чугун, лесные товары, каменный уголь и хлопок и ряда других разумно было бы выделять период навигации. Сильным аргументом против разделения года на навигационный и зимний периоды была разная продолжительность навигации в регионах России. Если на Севере он равнялся 4 месяцам, то на Юго-Востоке — 6–7, а Юго-Западе — до 9 месяцев. Поэтому, если делить данные строго по периоду навигации, то на разных дорогах они не будут совпадать по времени, а если по месяцам, то они не везде будут совпадать со временем навигации. Все эти проблемы устраняет ведение статистики по месяцам, что возможно с помощью данных Контроля сборов, который вел статистику перевозок весьма подробно[53].

Следующим шагом на пути создания единой тарифной статистики стал XXX Общий съезд представителей русских железных дорог в мае 1889 г. Третьим вопросом программы он рассматривал общие основания ведения статистики перевозок на русских железных дорогах.

Заведующий делами Общего съезда доложил, точнее, напомнил, что вопрос о необходимости однообразного ведения всеми дорогами статистики транспортировки грузов был поднят Первым Общим тарифным съездом в 1888 г. применительно к хлебным грузам. Затем Департамент железнодорожных дел в ноябре того же года предложил внести на рассмотрение XXVIII Общего тарифного съезда вопрос об организации собирания статистических сведений о транспортировке грузов как основы для правильного установления тарифов.

XXIX Общий съезд представителей русских железных дорог заслушал подготовленные материалы и возложил разработку проекта решения поставленных в записке Министерства финансов «Предположения..» вопросов на Постоянную комиссию съезда.

В мае 1889 г. XXX Общему съезду представителей русских железных дорог были представлены «Записка об учреждении Центрального статистического бюро русских железных дорог для ведения и издания статистики перевозок пассажиров и грузов» и как приложения проекты «Правил относительно составления, издания и представления тарифной статистики перевозки пассажиров и грузов» и «Положения об учреждении Центрального Статистического Бюро Российских железных дорог». Помимо этого участники съезда ознакомились с запиской члена съезда М. Г. Борисоглебского.

На заседаниях 14–16 июня Общий съезд образовал особую Комиссию из членов съезда, пожелавших в ней работать, представителей службы Контроля сборов для выработки формы таблиц, которые надлежало представлять в Центральное Бюро, и контрольных сроков сдачи этих ведомостей[54].

Комиссия выработала форму ведомости о коммерческой деятельности железных дорог, обязательную для воспроизведения в отчетах всех дорог. Помимо этого они могли печатать любую статистическую информацию по своему усмотрению.

Затем Комиссия изучила вопрос о форме статистических данных, которые дороги должны были доставлять в Центральное статистическое учреждение, и высказалась за формуляр, предложенный Министерством финансов, допуская при этом, что небольшие дороги могут печатать сведения и в форме перекрестных таблиц, если они умещаются на одном листе.

В таблицы должны вноситься данные **только по отправлению** грузов **с каждой станции на все станции.** Распределение отправок по станциям прибытия возлагалось на центральное статистическое учреждение, как бы оно ни называлось[55].

Это решение имело принципиальное значение, ибо легло в основу дальнейшей работы по составлению «Сводной статистики».

Вопрос о сроках доставки отчетных сведений был очень важен, ибо одной из основных пружин всего мероприятия было стремление Витте всегда располагать оперативной информацией о перевозках. Как мы увидим ниже, решить эту задачу оказалось невозможно. Комиссия с некоторыми оговорками согласилась со сроками, устраивавшими Министерство финансов[56].

XXX Общий съезд рассмотрел «Проект правил относительно составления, издания и представления статистики перевозок пассажиров и грузов». Он гласил:

«§ 1. Железные дороги, казенные и частные, ведут, во-первых, статистику перевозки и выручки по пассажирскому, воинскому и товарному движению и, во-вторых, подробную по номенклатуре, статистику перевозимых каждою дорогою товаров, таким образом, чтобы статистика могла давать своевременно все требуемые от нее и касающиеся перевозимых грузов сведения.

§ 2. В отчетах железных дорог печатаются те статистические сведения, какие каждая дорога признает нужными. Обязательно же, со времени издания настоящих правил, печатается в отчетах железных дорог только статистическая ведомость по прилагаемой... форме.

§ 3. Железные дороги издают, независимо от включаемых в отчеты статистических сведений, статистику перевозок по перечисленным в прилагаемом при сем перечне 88 наименованиям грузов, разделенных в зависимости от содержания требуемых статистических данных на 3 категории... причем отнесено: к 1-й категории 17, ко 2-й — 49 и к 3-й — 22 наименования.

От железных дорог зависит, вместо издания требуемой настоящим параграфом статистики каждою дорогою отдельно, учредить особый для издания этой статистики отдел, но с тем, чтобы группируемые этим отделом сведения издавались к тем же срокам, которые установлены в нижеследующем параграфе для издания статистики железными дорогами.

§ 4. По грузам всех трех категорий издаются статистические сведения о перевозках по каждой станции отправления, с указанием каждой станции назначения своих и чужих дорог, на которые груз действительно перевозился. Сведения эти издаются по каждой из трех категорий отдельно, один раз в год: по первым двум категориям к 1 июня, а по 3-й категории к 1 июля следующего за отчетным года.

При этом по грузам 1-й и 2-й категорий показываются итоги за каждый отдельный месяц и за весь год, а по грузам 1-й категории, сверх того, итоги за каждые три месяца и за пять летних месяцев; по грузам же 3-й категории итоги показываются только годовые.

Независимо от сего, по грузам 1-ой категории печатается или литографируется отдельно постанционный итог за первые три месяца отчетного года к 1 июня того же года.

§ 5. Все статистические издания отдельных железных дорог, или учреждаемого ими центрального статистического отдела доставляются каждым из сих учреждений бесплатно, немедленно по напечатании оных в Министерства Финансов, Путей Сообщения, Государственных Имуществ и Государственный Контроль в назначенном сими учреждениями числе экземпляров, не превышающем 15 экземпляров на каждое из сих учреждений»[57].

Затем представители железных дорог заключили соглашение об учреждении при Общем съезде особого «Статистического Отдела». Вот его текст:

«§ 1. При Общем съезде учреждается особый статистический отдел для составления, издания и представления статистики перевозки пассажиров и грузов, на основании особой при сем инструкции, утверждаемой Общим съездом, причем Отдел этот действует на общих с другими...специальными отделами основаниях.

§ 2. Железные дороги, казенные и частные, доставляют в статистический отдел все ведомости, требуемые в § 3 проекта «правил относительно составления, издания и представления статистики перевозок пассажиров и грузов», не позже, как за два месяца до сроков, указанных правилами для печатания ведомостей, и сверх того ведомость, требуемую § 2 тех же «Правил», немедленно по составлении оной.

§ 3. Все ведомости, требуемые по § 3 «Правил», подлежат доставлению в отдел по однообразной форме при сем приложенной, причем допускаются для дорог с небольшим количеством станций отступления от этой формы, которые статистический отдел признает возможным допустить, как не увеличивающие требуемой от него работы. Ведомости, по коим должны быть проставляемы месячные итоги, могут быть доставляемы Отделу помесячно, но подлежат доставлению во всяком случае не за весь год сразу, а по-крайней мере, за каждые три месяца. Все статистические ведомости доставляются Отделу дорогами отправления, которые указывают свои станции отправления и станции назначения своей и чужих дорог, а также и направление перевозки.

§ 4. Расходы как на содержание Отдела, разрешаемые особым постановлением Общего съезда, так и на издание им статистики, по действительной стоимости распределяются между железными дорогами по следующему расчету. Общая сумма расходов распределяется между всеми участвующими в расходе дорогами пропорционально валовым доходам за последние три отчетных года; та же сумма расходов распределяется между дорогами по числу станций, открытых для пассажирского и товарного движения. Затем действительная доля каждой дороги в расходе определяется таким образом на ее долю сумм»[58].

В это соглашение не включены правила, детализирующие деятельность Статистического Отдела и его сношений с дорогами. Этот блок вопросов поручено было разработать той же Комиссии (во главе с Перлем), которая составляла проект номенклатуры статистики.

Рассмотрим теперь составленную Комиссией инструкцию (приложение 4):

«1. Статистический отдел при Общем съезде представителей русских железных дорог, учрежденный XXX Общим съездом действует на основании правил относительно составления, издания и представления статистики перевозки пассажиров и грузов, утвержденных Правительством, и состоявшегося на XXX Общем съезде соглашения об

учреждении сего Отдела, а также на основании протокола означенного съезда по этим предметам и настоящей, утвержденной съездом инструкции, обязательной как для помянутого Отдела, так и для железных дорог, принявших участие в вышеуказанном соглашении. (юридическая база работы Отдела. — *М. Д.*).

2. Статистический Отдел, получая, согласно § 2 соглашения об учреждении оного, непосредственно от железных дорог все нужные для него статистические материалы, непосредственно же сносится с подлежащими частями железных дорог и контролей письменно, а в экстренных случаях и по телеграфу. В случае же недоразумений, не могущих быть устраненными путем переписки, или неполучения в свое время надлежащих сведений, командирует кого-либо из служащих в Отдел для разъяснения или получения недостающих сведений на месте.

3. Сношение с Правлениями железных дорог, а также с Правительственными и посторонними учреждениями и лицами по делам Отдела производятся Заведующим делами Общего съезда.

4. На основании полученных от железных дорог данных Отдел составляет требуемые от него сводные ведомости на следующих основаниях:

По каждому наименованию грузов или по нескольким однородным наименованиям составляется брошюра, причем по отправлению дороги располагаются в алфавитном порядке, без различия дорог казенных и частных, а станции отправления — в географическом порядке; а по прибытию все станции назначения идут в особом систематическом порядке, а именно:

а) русские и заграничные порты;

б) сухопутные пограничные пункты;

в) заграничные станции назначения (кроме портов);

г) важнейшие приречные пристани;

д) важнейшие русские внутренние пункты назначения;

е) остальные станции назначения по алфавиту дорог, в географическом порядке станций, причем цифры по станциям, о коих упоминается в предыдущих пунктах, не воспроизводятся, но на место нахождения этих цифр делаются ссылки.

Итоги должны быть составляемы:

— по каждой станции отправления и по каждой станции назначения;

— по отправлению и прибытию каждой отдельной дороги, и

— общие по всем дорогам.

5. Все служащие в Отделе определяются и увольняются начальником Отдела, причем старшие из них определяются не иначе, как по соглашению с Заведующим делами Общего съезда, по каковому соглашению определяются и размеры вознаграждения за занятия всех постоянных служащих и кредиты, на экстренные работы. Именные списки всех служащих, с размерами вознаграждения каждого своевременно предъявляются Заведующему делами Общего съезда, которому представляется и о всех переменах в личном составе Отдела.

6. Ежегодно, к очередному Общему съезду, Отдел составляет смету расходов по Отделу на предстоящий год и подробный отчет по расходам Отдела и по исполненным им статистическим работам за истекший отчетный год.

Означенные сметы и отчет представляются к 1-му августа Заведующему делами Общего съезда, который вносит их на утверждение Общего съезда»[59].

В ходе дискуссии на съезде произошел следующий инцидент. Представитель Донецкой и Московско-Ярославско-Вологодской железных дорог М. Ф. Кривошеин высказал особое мнение, согласно которому расходы на содержание Отдела должны быть распределены между дорогами исключительно пропорционально их валовым доходам. Позиция эта становится понятной, если принять во внимание, что по числу станций дороги, интересы которых он защищал, особенно последняя, занимали одно из ведущих мест в стране. Кривошеин не принимал участия в обсуждении проекта «Правил», «Соглашения» и других документов. Поэтому Общий съезд решил, что Отдел будет организован за общий счет всех дорог, кроме двух указанных, причем и статистику движения по ним решено было не включать в общее издание[60].

«Проект правил» был представлен на «благоусмотрение» Министерства финансов, а «Соглашение» — также и МПС.

Работа Статистического Отдела должна была начаться немедленно по утверждении решений Общего съезда правительством, по возможности с 1 октября 1889 г. Штатов для Отдела решили не устанавливать, однако постановили избрать начальника Отдела с годовым жалованьем в 5 тыс. руб. Он не должен был служить ни на одной из железных дорог. Заведующему делами Общего съезда представителей русских железных дорог нужно было разработать смету расходов на содержание Отдела в пределах 25 тыс. руб. (с учетом жалованья начальника в 5 тыс.) При этом расходы на опубликование изданий Отдела в эту сумму не входили. Эти расходы решено производить «по действительному размеру оных, с отпуском авансом потребных по приблизительному исчислению сумм по той же разверстке, как и на содержание Отдела».

Статистику перевозок на выработанных новых основаниях за 1889 г. решено было издать только для хлебных грузов, ввиду «позднего времени». Для этого все железные дороги должны были как можно быстрее доставить в Отдел необходимую информацию за все месяцы 1889 г., по мере получения ее, а сведения за декабрь 1889 г. — не позже 1 апреля 1890 г.

Начиная с 1 января 1890 г. все железнодорожные Управления должны были вести статистику перевозок на новых условиях с тем, чтобы Отдел печатал статистику за это время на этих условиях в полном объеме, который требовали «Правила» и «Соглашение».

Начальником Отдела был избран М. Г. Борисоглебский[61].

23 сентября 1889 г. И. А. Вышнеградский утвердил «Временные правила относительно составления, издания и представления тарифной статистики перевозки пассажиров и грузов». Они были опубликованы в «Собрании узаконений и распоряжений правительства» (№ 111 — 5 октября 1889) с приложениями, а также в «Сборнике тарифов российских железных дорог» (от 7 октября 1889 г. за № 51).

В 1-м параграфе указывались те учреждения, которые должны были вести железнодорожную статистику: «§ 1. Управление казенных железных дорог, советы управлений и правления железнодорожных обществ — для надлежащего удовлетворения требований, предусмотренных § 2, утвержденных Министром финансов 29 марта 1889 г. Временных правил относительно составления, публикации и проч. тарифов и предъявляе-

мых к железным дорогам на основании статьи 14 закона 8 марта 1889 г., — обязаны вести, во-первых, — подробную статистику перевозки и выручки по пассажирскому, воинскому и товарному движению и, во-вторых, — по номенклатуре, при сем приложенной (прил. 1), статистику перевозимых товаров таким образом, чтобы статистика могла давать своевременно все необходимые для разработки тарифов и их исследования сведения»[62].

Всего по русским железным дорогам перевозилось более 2 тыс. наименований товаров. Считалось, что вести подробную статистику по всем без исключения было бы слишком обременительным для дорог, что, наверное, правильно, и нецелесообразным с точки зрения реальных практических целей, с чем историки могли бы поспорить. Некоторые грузы перевозились только на отдельных дорогах и не транспортировались по другим. В принципе какое-то ограничение в обязательной номенклатуре товаров было неизбежно. Второстепенные грузы при этом группировались в соответствующие родовые названия.

Второй параграф исключал возможность самодеятельности дорог в смысле изменения обязательной номенклатуры, причем утверждался приоритет в этих вопросах Департамента железнодорожных дел: «§ 2. Объем названной в предыдущем § номенклатуры товаров, для коих ведение подробной статистики обязательно для всех российских железных дорог, не может быть уменьшен без указания или разрешения Министра финансов; причем Департаменту железнодорожных дел предоставляется требовать от отдельных дорог в зависимости от особых местных условий ведение подробной статистики и по таким товарам, кои не составляют в этой номенклатуре отдельного видового наименования, а входят в соответствующие родовые группы»[63].

Вторая группа русских железных дорог и Правления международных сообщений, как, например, русско-германское, северо-заморское и другие вели собственную статистику перевозок, ликвидировать которую с началом издания новой статистики было бы неразумно. «Без преувеличений можно сказать, что каждая группа дорог, каждое отдельное сообщение находятся в оживленной конкуренции с другой группой дорог или с другим прямым сообщением, и нет сомнения, что оценку значения каждого сообщения в конкуренционной тарифной борьбе можно сделать лишь на основании фактических данных об их перевозках»[64]. Этими соображениями вызвано содержание параграфов 3 и 4.

§ 3. Отдельные прямые (внутреннего и международного) сообщения железных дорог, их союзы и группы, кои ведут свои специальные статистики перевозок, — обязаны продолжать ведение оных и по распубликовании настоящих правил. Сокращение объема или совершенное прекращение ведения этой статистики может быть сделано не иначе, как с разрешения Министерства Финансов (по Департаменту железнодорожных дел) по особым представлениям сих сообщений, союзов и групп.

§ 4. Если по особым местным и иным условиям Министерство Финансов найдет нужным ведение тарифной статистики по таким сообщениям, союзам и группам дорог, коими до издания настоящих правил таковая не велась, то эти сообщения, группы и союзы обязаны организовать ведение статистики на основаниях, предъявляемых к ним Министерством (по Департаменту железнодорожных дел) требований»[65].

В пятом параграфе содержится очень важное условие, как говорилось выше, одно из определяющих для «Сводной статистики»: § 5. Железные дороги, согласно § 1, обязаны вести статистику перевозки грузов по каждой станции отправления с указанием станций назначения своих и чужих дорог, на которые груз действительно перевозился, а равно по станциям назначения, с указанием своих и чужих станций, с которых груз поступил на станцию назначения. В обоих случаях должно быть указано направление пути, по которому перевозка произведена»[66]. Исполнение этого условия позволяло точно судить о работе станций по отправлению и прибытию грузов. Если будет показан путь следования (через пункты передачи), то возможно установление тарифного расстояния, а значит, и вычисление выручки за перевозку.

Первые пять параграфов исчерпывали требования «Правил» о ведении дорогами статистики перевозок.

Параграф 6 и последующие регламентируют способы составления, издания и представления статистики с определением соблюдаемых при этом сроков.

§ 6. Каждая отдельная железная дорога обязана не позже 1 июля следующего за отчетным годом, издать статистическую ведомость о коммерческой ее деятельности, по указанной в приложении 2-й форме, каковую ведомость дорога прилагает к своему годовому отчету.

Издание статистических тарифных данных каждою отдельною железною дорогою, сверх требуемых настоящим параграфом, предоставляется ее усмотрению»[67].

Составлением и изданием железнодорожной статистики должны были теперь заниматься как отдельные дороги, так и Статистический Отдел Общего съезда представителей русских железных дорог. Напомню, уровень, на котором находилась статистика отдельных дорог, был зачастую неприемлем. Введение однообразного формуляра издания статистики для дорог могло упорядочить ситуацию, притом не только не требуя от дорог новых расходов, но даже и позволяя несколько сэкономить в сравнении с прежним положением дел. При этом дорогам едва ли было необходимо издавать всю составленную ей статистику. Параграф 6 требовал опубликования материалов, которые описывали бы коммерческую деятельность дорог, а издание статистики возлагалось на Статистический Отдел Общего съезда.

«§ 7. Железные дороги по грузам, поименованным в прил. 3 и разделенным на три категории, обязаны составлять из статистики перевозок (§ 1, прил.1) по форме, указанной в прил. 4, ведомости для доставления их состоящему при Общем съезде представителей русских железных дорог Статистическому Отделу сего съезда.

§ 8. В названных в предыдущих § ведомостях железные дороги обязаны указывать итоги:

а) по грузам 1-й и 2-й категории, за каждый отдельный месяц и за весь год;

б) по грузам 1-й категории, сверх означенных в пункте а итогов еще за пять летних месяцев(с 1 апреля по 1 сентября); и

в) по грузам 3-й категории, за каждый год.

§ 9. Составляемые на основании § 6, 7 и 8 настоящих правил ведомости должны доставляться в статистический отдел в нижеследующие сроки:

а) названная в § 6 ведомость не позже 1 июля следующего за отчетном годом;

б) названная в § 7 ведомости: по грузам 1-й и 2-й категории ежемесячно, на второй месяц после отчетного, так, например: за январь — в марте, за февраль — в апереле, и т. д., а по 3-й категории не позже 1 мая следующего за отчетным годом, за весь год.

§ 10. Статистические ведомости, означенные в пункте б § 9 доставляются статистическому отделу **дорогами отправления**, которые должны указывать как станции отправления, так и станции назначения своей и чужих дорог, а равно и направления перевозок»[68].

В параграфах 7–10, как можно видеть, содержатся требования к дорогам относительно составления статистики перевозок и представления ее в Отдел для издания. Опубликование всех статистических материалов, которые указаны в § 1–5, потребовало бы немалых денег, да и вряд ли было необходимо. «С точки же зрения как интересов общей сети дорог, так и торгово-промышленных нужд достаточно, по-крайней мере на первое время, ограничиться изданием статистики главнейших статей перевозок железных дорог»[69].

XXX Общий съезд решил, что можно издавать статистику грузов, указанных в прил. 3. Эти грузы разделены на 3 категории в зависимости от объема перевозки и важности их для промышленности и торговли. При соблюдении требований § 5 статистика по трем категориям будет отличаться только подводимыми итогами перевозок. Для первых двух категорий итоги должны быть месячные и годовые, а для 3-й категории — только годовые. Для грузов 1-й категории требовалось еще и подведение итогов за 5 летних месяцев, имея в виду навигационные перевозки.

В § 10 говорится, что ведомости, указанные в пункте б § 9, должны представляться дорогами отправления. Это сделано во избежание накопления дублирующего материала в Отделе, т. к. и дороги назначения (§ 5) имеют те же сведения, и значит при отсутствии требования § 10 дороги назначения также могли бы присылать в Отдел свои данные[70].

Видимо, не требуют специального пояснения параграфы 11 и 12.

«§ 11. Из полученных на основании § 9 настоящих правил ведомостей Статистический Отдел обязан составлять соответствующие сводные ведомости статистики всей российской рельсовой сети и издавать таковые ведомости не позже нижеследующих сроков:

а) сводная ведомость из означенных в § 6 ведомостей о коммерческой деятельности всей рельсовой сети — не позже 1 сент. следующего за отчетным годом;

б) сводные ведомости из означенных в § 7 ведомостей: по первым двум категориям грузов не позже 1 июля, а по третьей — не позже 1 июля, следующих за отчетным годом.

§ 12. Указанные в § 11 сводной ведомости должны по количеству сведений соответствовать первоначальным ведомостям, представляемых отдельными дорогами (§ 9) и издаваться с соблюдением нижеследующих условий:

По каждому наименованию грузов или их групп должна быть составлена отдельная брошюра, причем **по отправлению** — дороги должны быть расположены в алфавитном порядке, без различия дорог казенных и частных, а станции отправления — в географическом порядке; **по прибытию** же — все станции назначения должны быть расположены в следующем порядке:

а) русские и заграничные порты;

б) сухопутные пограничные пункты;

в) заграничные станции назначения (кроме портов);

г) важнейшие приречные пристани;

д) важнейшие русские внутренние пункты назначения;

е) все станции назначения по алфавиту дорог в географическом порядке станций, причем цифры по станциям, о коих упомянуто в предыдущих пунктах, не должны быть воспроизводимы, а на место нахождения этих цифр должны делаться ссылки.

Итого должны быть составляемы:

1) по каждой станции отправления и по каждой станции назначения;

2) по отправлению и по прибытию каждой отдельной дороги, и

3) общие по всем российским дорогам[71].

«§ 13. Кроме составления сводных ведомостей, предусмотренных в п. б § 11 и издания сих ведомостей в сроки, тем же § определенные, Статистический Отдел обязан (статья 14 закона 8 марта 89), в зависимости от хода рассмотрения тарифных вопросов в правительственных учреждениях по тарифным делам, составлять по требованию Министерства Финансов (по Департаменту железнодорожных дел) и представлять в Министерство сводные ведомости за истекшие месяцы текущего года по указанным Министерством грузам, отнесенным к 1-й и 2-й категории».

Следующий параграф имел временный характер: «§ 14. Статистический отдел обязан издать статистику за 1889 год на предусмотренных настоящими правилами основаниях по отношению к одним только хлебным грузам, отнесенным в приложении 3 (§ 7) к 1-й категории. Для означенной работы отдел может пользоваться представленными железными дорогами в Министерство Финансов данными в силу циркуляра МПС от 2 января 1889 г. за № 23, — и последовавшего распоряжения Министерства Финансов от 31 марта 1889 г. за № 158.

Недостающие же материалы железные дороги обязаны доставлять отделу по мере изготовления оных и во всяком случае за декабрь месяц 1889 г. не позже как к 1 апреля 1890 г.»[72].

Не требует комментария и содержание последних трех параграфов.

«§ 15. Составление, издание и представление тарифной статистики перевозки пассажиров и грузов в полном объеме настоящих правил отдельные железные дороги и Статистический Отдел обязаны производить с 1 января 1890 г.

§ 16. Все статистические издания отдельных дорог (§ 6) и Статистического отдела Общего съезда (§11) доставляются бесплатно в указанные Министерством Финансов правительственные учреждения, в числе экземпляров, им определенном.

§ 17. Установление внутреннего распорядка Статистического Отдела при точном соблюдении настоящих правил представляется Общим съездам представителей русских железных дорог по тарифным вопросам. Постановления же названных съездов относительно ассигнования и расходования сумм на Статистический Отдел утверждаются в установленном для расходов железными дорогами эксплуатационных сумм порядке»[73].

К первой категории относились хлебные грузы (21 наименование), ко второй — «главнейшие другие» (53 наименования), к третьей — остальные 25 из общего числа

99 наименований грузов, статистику перевозок которых железные дороги обязаны были вести и доставлять, по мере изготовления, Статистическому Отделу[74].

В течение 1889 г. и первой четверти 1890 г. должна была выйти помесячная статистика перевозок грузов 1-й категории в 1889 году. Однако запланированный срок оказался нереальным. Весь 1890 г. ушел на издание статистики 1889 г. Причина заключалась в следующем. Согласно § 12 Правил, статистика отправления хлебных грузов должна была печататься «по отдельным их наименованиям с расположением дорог отправления в алфавитном порядке» (т. е. по пшенице, ржи, овсу, ячменю и т. д.). Поэтому начинать работу Статистический Отдел мог лишь по получении от дорог всех необходимых сведений. Но обеспечить одновременную доставку дорогами информации не удалось. До 1889 г. они вели статистику по самым разнообразным формам (а некоторые и не вели ее вовсе) и поэтому неудивительно, что не всем удалось справиться с поставленной задачей в указанные сроки. В результате статистику хлебных перевозок пришлось печатать по отдельным дорогам по мере доставления ими нужной информации. С одной стороны, Статистическому Отделу пришлось, таким образом, выполнить за все дороги работу по изданию их же статистики, что они, конечно, могли сделать куда быстрее. Но с другой стороны, все сведения по отправлению были в Отделе обработаны: данные по отправлению на особых карточках группировались по пунктам прибытия. Данные по прибытию хлебов были затем опубликованы по наименованиям, и кроме того по назначению в главные пункты прибытия[75].

Статистика грузов 1-й категории за 1890 г. вышла в том же виде, что и за 1889 г., однако формуляр издания претерпел изменения с учетом опыта прошлого года.

* * *

Третьего января 1891 г. Витте представил Вышнеградскому доклад, в котором подробно проинформировал его о неудовлетворительном положении дел с изданием тарифной статистики и о мерах, которые могли несколько исправить ситуацию. В частности, там говорилось, что IV Общий съезд представителей русских железных дорог (по тарифным вопросам. — *М. Д.*), на рассмотрение которого был внесен вопрос об изменении формы издаваемой статистическим при Общем съезде Отделом грузовой статистики с целью достигнуть: уменьшения объема выпусков, достижения большей практичности при их использовании и, наконец, сокращения расходов по изданию постановил ходатайствовать перед Министерством финансов о разрешении:

«1) допустить некоторые против правил сокращения в издании, распространив эти сокращения пока только на грузы 1-й категории, т. е. на хлеб в зерне, семена, муку, крупу, картофель, выжимки и высевки;

2) издать статистику грузов 1-й категории по **отправлению** за 1889 год по старой форме; а по **прибытию** — по новой, сокращенной форме. — Статистику же **как по отправлению, так и по прибытию** за 1890 год издать уже по новой форме.

Из сравнения данных, заключающихся в статистике отправления, составленной по старой форме и по форме, выработанной на 4-м Общем съезде усматривается, что новая форма, по существу допускает самое незначительное сокращение этих данных, а

именно: в то время, когда согласно правил об издании статистики (§ 5), старая форма дает указание о всех станциях отправления данной дороги и о всех станциях, на которые груз был с данной станции отправлен, — новая форма указывает точно так же все станции отправления и все станции назначения за исключением лишь станций, получивших каждого отдельного груза менее 1500 пудов. Все такие станции соединяются вместе, с показанием для них общего количества прибытия, так, например:

станция Курск отправила:

на станцию	Льгов	2700 пуд.
— »»»—	Нежин	1680 пуд.
на остальные станции		27000 пуд.

Взамен такого сокращения, не наносящего ущерба для дела, по новой форме проектируется издавать три выводные (т. е. таблицы с выводами. — *М. Д.*) таблицы, облегчающие значительно руководство изданием, каковых в прежнем издании не было вовсе.

В общем, несмотря на новые таблицы, благодаря сокращению станций прибытия в количестве менее 1500 пуд., и новой форме ведомостей в коих месячные цифры будут показываться только в тысячах пудов с одним десятичным знаком, получается значительное упрощение издания, компактность его и сокращение расходов на издание.

Что касается статистики прибытия, то в этом отношении Съездом проектируется по новой форме большее сокращение, чем по отправлению, а именно: взамен требуемых Правилами (§ 5) всех станций назначения, по ведомости № 1 будут показываться только:

а) порты,

б) пограничные пункты,

в) заграничные станции,

г) важнейшие внутренние рынки и

д) дороги назначения, каждая отдельно с указанием станций этих дорог, получивших не менее 100000 пудов всех хлебо-грузов, станции же, получившие менее 100 000 пуд. будут соединяться в общий итог.

Сведения же о том, с каких именно станций поступил груз на перечисленные выше станции, будут заключаться в ведомости № 3, с указанием названия станций отправления, выславших груза не менее 50000 пудов.

Взамен приведенных выше сокращений статистика по прибытию будет заключать в себе как и статистика по отправлению, тоже 3 выводные таблицы, облегчающие руководство изданием в весьма значительной степени»[76].

Департамент был склонен удовлетворить это ходатайство, как принимая во внимание вышеизложенное, так и потому, что в случае надобности сведения, не заключающиеся в статистике по отправление и прибытию в отношении мелких станций могли бы всегда быть получены из Отдела[77].

Через день, 5 января, Департамент железнодорожных дел отправил Заведующему делами Общего съезда предложение (№122/2036), в котором сообщил, что Министр Финансов утвердил ходатайство IV Общего тарифного съезда об изменении издания сводных ведомостей статистики всей русской рельсовой сети (§ 11 и 12 Врем. правил) следующим образом:

«А. По статистике отправления (§ 12 врем. правил):

1. Одновременно с таблицами, форма № 2, заключающая сведения относительно станции отправления и значения каждого рода груза и данные о количестве перевозок по месяцам — Статистический Отдел обязан издавать выработанные избранною съездом комиссиею три выводные таблицы по формам №№ 1, 3, 4 с проектированными тою же Комиссиею данными.

2. В таблицах формы № 2 допускается перечисление лишь станций назначения, получивших в течение года каждого рода груза 1500 пуд и более; перечисление же станций с меньшим количеством прибытия не требуется и полученное ими с каждой станции количество груза может быть показываемо общим итогом с пояснением: „на остальные станции“.

Б. По статистике прибытия (§12 Временных правил):

3. Подобно статистике отправления вместе с таблицами по формам №№ 1 и 4, заключающими основные сведения относительно пунктов прибытия каждого рода груза, должны быть издаваемы Статистическом Отделом выводные таблицы (формы № 2, 3 и 5) — также и по прибытию грузов, с включением в эти таблицы сведений согласно предположениям съезда.

4. В таблицах формы № 1 пункты прибытия следует указывать в порядке, требуемом §12 Временных правил относительно издания статистики, считая важнейшими внутренними пунктами назначения (пункт д §12) станции, получившие каждого рода груза в год 100 000 пудов и более; при этом взамен требуемого пунктом е того же § 12 перечисления в географическом порядке допускается перечисление лишь всех дорог назначения по алфавиту их. В таблицах же формы № 4, подлежащих, согласно проекту съезда, составлению для всех пунктов назначения, перечисленных в пунктах а, б, в, г, и д § 12-го — допускается — взамен перечисления всех станций отправления, указание тех только станций, которые отправили каждого рода груза в год не менее 50000 пудов.

5. Количество перевезенного груза может быть показываемо в ведомостях форм № 2 и 4 по отправлению — в тысячах пудов с одним десятичным знаком для сотен пудов. Общие же итоги в таковых ведомостях должны заключать в себе точные цифры количества перевозок.

6. Все перечисленные отступления по изданию сводных ведомостей от требований §12 Временных правил допускаются лишь в отношении грузов 1-й категории, для которых издание указанных сводных ведомостей за 1889 год по отправлению должно быть закончено по первоначально принятой на сей предмет форме; сводные же ведомости, как по отправлению, так и по прибытию за 1890 г. могут быть изданы Статистическим Отделом применительно к вышеизложенному по новым формам»[78].

Об издании Статистическим Отделом сводных ведомостей по транзитным перевозкам Министерство финансов должно было сообщить особо.

Параллельно решался очень важный для составителей и издателей «Сводной статистики» (а также для позднейших исследователей!) вопрос о величине ценза для грузов 2-й и 3-й категорий, от чего зависела и форма издания. Статистический Отдел сделал по этому вопросу специальный доклад. На IV Общем тарифном съезде было решено, что форму и способ издания этой статистики надо отложить до издания статистики от-

правления и назначения по грузам 1-й категории. Статистический Отдел должен был решить, насколько перемены, сделанные для грузов 1-й категории, подходят к статистике грузов 2-й и 3-й категории и каким будет расход на их издание.

По этой причине Статистический Отдел, окончив работы по статистике соли, перевезенной в 1890 г, издал эту статистику отдельной брошюрой как образец издания статистики грузов 2-й категории, придерживаясь, по возможности, внешней формы и внутренней системы, принятой для грузов 1-й категории. Исключение составил ценз, который для грузов 2-й категории разумно решили изменить и назначить не одинаковый для всех, как это было принято по грузам 1-й категории, а различный.

Соображения Статистического Отдела заслуживают внимания.

1. Если принять одинаковый ценз и определить его в 1500 пудов (как это принято в 1-ой категории), то статистика некоторых дешевых предметов, перевозимых в массовом размере, как например, соли, каменного угля, железа, леса и других «явится в многотомных изданиях с подробностями вовсе излишними. Если же возвысить ценз, то статистика дорогих предметов, перевозимых в ограниченных количествах, как например, чая, мануфактуры и др. окажется слишком сокращенной.

2. Для поштучных предметов, как-то скота, лошадей, свиней, овец, ценз должен быть назначен особый по числу штук, а не количеству пудов».

Статистический Отдел хотел бы издать своды 2-й категории по отправлению по образцу соли, «что же касается до прибытия то прилагать к статистике каждого предмета сводную статистическую ведомость, по примеру приложенной к статистике соли, с указанием в ней главнейших пунктов прибытия каждого груза. Что же касается до ценза, то определить таковой в 20 тыс. для каменного угля и шпал, в 10 тыс. для цемента, железа, стали и чугуна не в деле, труб, кости простой и жженой, леса и лесных материалов, керосина и нефти, руд и соли, и в 1500 для остальных предметов, кроме поштучных, для которых назначить для лошадей и крупного рогатого скота 20 штук, для свиней и овец — 100 штук»[79].

§ 2.4. ПЕРЕХОД ТАРИФНОЙ СТАТИСТИКИ В ВЕДЕНИЕ ДЕПАРТАМЕНТА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ДЕЛ

Вскоре после этого Департамент железнодорожных дел начал настоящую атаку на Статистический Отдел Общего съезда представителей русских железных дорог, которая вскоре закончилась передачей разработки и издания «Сводной статистики» в Министерство финансов. «Министром финансов было обращено внимание на неисполнение Статистическим Отделом установленных в § 11-м сроков по изданию сводных ведомостей, а именно: в то время когда означенные ведомости, в силу § 11 и 14, подлежали изготовлению для грузов I категории за 1889 год к 1-му июня 1890 г. таковые ни по отправлению, ни по прибытию не изданы до настоящего времени.

В виду сего Его Высокопревосходительство приказать изволил предложить Заведующему делами Общего съезда представителей русских железных дорог по тариф-

ным вопросам озаботиться немедленным изготовлением сводных ведомостей по грузам 1-й категории за 1889 г. и принять необходимые меры, чтобы сводные статистические ведомости за 1890 г. и за все последующие годы издавались обязательно в определенные § 11 временных правил сроки без всяких на сей предмет отступлений, тем более, что сроки эти были определены самими же представителями дорог на Общем съезде»[80].

Заведующий делами Общего съезда вынужден был оправдываться (15 янв. 1891 г. № 86) тем, что ведомости не могли быть изготовляемы дорогами к указанным срокам «за распубликованием означенных правил лишь в октябре 1889 г. и начали поступать в Статистический Отдел по приложенным к правилам формам только с марта 1890 г.», т. е. годом позже, и хотя дороги по возможности спешили прислать месячные ведомости, но при всем том последние ведомости за декабрь 1889 г. поступили только в августе 1890 г., переданные же в отдел из Департамента, согласно 14 правил, ведомости за 1889 г. оказались непригодными, поскольку в них не были указаны станции назначения чужих дорог.

Ведомости по отправлению подлежали изданию Статистическим Отделом в двухмесячный срок, т. е. 1 ноября 1890 г. К этому времени и была издана статистика 20 дорог отправления. Издание же этой статистики по остальным дорогам «замедлилось со стороны типографии, обремененных сметными и другими в конце года работами, а также по новизне дела. Затем предстояло издание сводных ведомостей 1889 г. по прибытию, что могло быть начато Отделом только в декабре 1890 г: по окончании занятий IV тарифного съезда, на котором выработаны формы статистики по прибытию, до сего времени не установленные и утвержденные ныне Министерством финансов. По этим формам сводные ведомости прибытия, составленные из ведомостей отправления, содержащих в себе точные цифры, подлежат переработке для показания цифр прибытия, согласно вновь утвержденным формам в тыс. пудов с одним десятичным знаком, что составляет новую форму, прежде не предвидевшуюся»[81].

Как можно видеть, аргументы приводятся вполне объективные, однако вопрос, видимо, был уже решен.

15 октября 1891 г. директор Департамента железнодорожных дел вновь потребовал у Заведующего делами Общего съезда представителей русских железных дорог представить статистику в срок. Перевозки грузов 1-й и 2-й категорий должны были быть разработаны не позже 1 июля, а «между тем до настоящего времени Статистический Отдел доставил Департаменту железнодорожных дел статистику перевозок хлебных грузов всего лишь по пяти дорогам» и т. д. Проблему решено вынести на VI Тарифный и XXXIV Конвенционный съезды[82].

Следующим поводом для недовольства Статистическим Отделом и упреков в его некомпетентности стало издание Отделом статистики отправления железа и стали не в деле за 1890 г. Департамент железнодорожных дел просил доложить свои замечания Общему съезду «в видах устранения в последующих изданиях статистики указанных весьма существенных недостатков».

Эти замечания — один из ярких образцов канцелярского сарказма, вполне, впрочем, уместного, как будет сейчас ясно.

«При просмотре... замечено нижеследующее:

I. Отсутствие в издании общего выдержанного плана, следствием которого является не одинаковая полнота сведений по дорогам и неодинаковая их группировка.

Из текста издания видно, что в нем показаны особо не все станции, с которых или на которые отправлялись железо и чугун, но что многие из них соединялись в общие итоги под рубриками „с остальных станций такой-то дороги“ или „на остальные свои или чужие станции“. Чем руководствовалась редакция издания при выборе станций, показанных особо, остается неизвестным, так как статистический ценз показанных особо станций самый разнообразный...

Итак, оказывается, что в то время, как на большинстве дорог отдельно показаны лишь станции, отправившие более 40 т. пуд., на Привислянской дороге показана одна станция, отправившая 1900 пудов, на Варшавско-Венской, Нижегородской и Шуйско-Ивановской показаны станции с годовым отправлением в 10,6 и 2 пуда (!). При этом по Варшавско-Венской железной дороге, несмотря на перечисление 32 станций и в их числе даже станций, отправивших 7 и 6 пудов, показано отправленными „с остальных станций“ 225 т. пудов. Рядом с очень подробною статистикою Шуйско-Ивановской дороги, отправившей всего 35 т. п., отправки дорог Динабургско-Витебской (34 т. п.), Донецкой (84 т.), Полесских (36 т.), Рязанско-Козловской (21 т.), Самаро-Златоустовской (28), Фастовской (19) показаны одною цифрою „отправлено на станции своей и чужих дорог“[83].

Отправки с иностранных дорог показаны только через Привислинские и Юго-Западные дороги, о ввозе же прямым сообщением через Александрово и через Вержболово нет никаких указаний, хотя по сведениям таможен через Александрово ввезено 140 т., а через Вержболово 47 т. пуд. железа.

Еще более разнообразия представляет выбор показанных особо станций назначения для железа и чугуна, отправленных с особо же показанных станций отправления. Ценз этих станций в издании колеблется настолько, что помещение или пропуск тех или других станций можно объяснить только случайностью. Даже на одной и той же дороге, например, Варшавско-Венской, для важнейших станций отправления указаны только станции назначения, на которые отправлено не менее 8000 пудов, и в то же время для станций, отправивших несколько пудов, указаны подробно все станции назначения.

О станции Москва Московской городской дороги, отправившей 98000 пудов, сказано просто, что все отправки были на станции своей и чужих дорог; для Москвы Московско-Нижегородской показано две станции назначения и перечислены все дороги, на которые были отправки; для Москвы Московско-Рязанской показаны четыре станции назначения, но отправки на чужие дороги не выделены, а сведены в общую рубрику отправок на станции своей и чужих дорог.

Вообще по отношении отправок в прямом сообщении оказывается такое же отсутствие системы, как и в остальном: по одним дорогам эти отправки показаны особо от местных перевозок, хотя бы эти отправки не превышали несколько пудов, на других же вес перевозки слиты в общие цифры.

II. Ошибки и пропуски. Кроме вышеуказанной явной ошибки на Варшавско-Венской дороге, замечено при просмотре следующее: на стр. 21 Липецк показан в числе станций Орловско-Витебской дороги, и отправленные на эту станцию из Нижнего 24 882 п.

железа вошли в итог отправок на эту дорогу вместо Орловско-Грязской. На стр. 31 показана отправка со станции Батраки 115904 п. без указания места назначения.

III. Невыдержанность внешней формы, весьма затрудняющая пользование изданием. Эта невыдержанность, во-первых, выражается разнообразием текста перед однородными итогами или цифрами не только по отдельным дорогам, но даже по станциям одной и той же дороги. Например, сравн. стр. 4, 5, 27 с прочими и т. д. Во-вторых, невыдержанность формы выражается разнообразием шрифта, которым напечатаны соответствующие итоги и названия станций и дорог, набранных то жирным шрифтом, то обыкновенным, то даже курсивом. Сравн., например, стр. 23 и 25 общие итоги отправок по дорогам; на стр. 18 и т. д. итоги отправок из Нижнего по дорогам назначения, стр. 31 Сызрань и Батраки, стр. 138 итоги по Одессе и Киеву...

IV. Во всем издании не упомянуто, к какой единице относятся показанные цифры. Этого указания не сделано даже для Шуйско-Ивановской дороги, месячные отправки которой, в отличие от всех прочих, показаны не в пудах, а в тысячах пудов что не может не возбудить недоразумений. Так как годовые отправки показаны в пудах, причем без всякой оговорки, для одной Шуйско-Ивановской дороги, система привела к тому, что при незначительности отправок со станций (этой дороги. — *М. Д.*) большая часть граф, относящейся к этой дороге таблицы, наполнена знаками 0.0, которые в итоге непонятным для читателя способом дают несколько значащих цифр.

V. В числе станций показано без оговорки очень много полустанций, не имеющих самостоятельного значения и не показанных в сборнике Задера. Так, например, на Варшавско-Венской как станции показаны Гзихов, Милевице, Сельце, на Владикавказской — Заречная, которые все названы станциями. Статистика оборотов полустанций без сомнения весьма интересна, и выделение ее может быть полезно, но во избежание недоразумений полустанции не должны быть именуемы станциями». Эти замечания были доложены съезду 4 декабря 1891 г.[84]

Ситуация развивалась, недовольство Департамента усиливалось.

Заведующий делами Общего съезда представителей русских железных дорог регулярно получал такие, например, отношения: «Департамент железнодорожных дел имеет честь просить Ваше Превосходительство уведомить, в каком именно положении находится дело, и вообще будет ли отпечатана статистика по отправлению товаров за 1890 год, как было заявлено на 1-й сессии 6-го Общего тарифного съезда, к концу марта текущего года»[85].

Малоприятная, надо думать, для обеих сторон переписка такого рода продолжалась до объединенных XII Общего тарифного и XXXVIII Конвенционного съездов (1893 г.).

Из этих материалов узнаем, что поскольку издание статистики отправления хлебных грузов оставалось работой, которую Отдел производил за каждую из железных дорог в отдельности, причем эта статистика печаталась с месячными итогами, то весь 1891 год ушел на издание статистики отправления **хлебных** грузов за 1890 год. Вся же статистика 1890 года по всем трем категориям была издана к маю месяцу 1892 года.

В Общий съезд представителей русских железных дорог поступило отношение Департамента железнодорожных дел от 11 мая 1893 г., в котором говорилось следующее: «В 1892 году выяснены крайние затруднения для статистического Отдела при Общем

съезде выполнить возложенную на него задачу по разработке статистики перевозки грузов за предшествовавшие годы, согласно срокам, предусмотренным установленными для ее составления правилами. В виду сего, как переходная мера, разрешен был облегченный для Статистического Отдела способ разработки и издания статистических данных за 1891 и 1892 гг.; в то же время по сему предмету последовало сношение с дорогами и при Департаменте железнодорожных дел образовано было особое совещание на будущее время. При этом Правления большинства дорог... изъявили согласие на передачу в Министерство финансов статистического Отдела при Общем съезде с тем, чтобы впредь разработка и издание статистических данных о перевозках по Российским железным дорогам производились при Департаменте железнодорожных дел»[86].

Витте согласился с «неотлагательным сосредоточением при Департаменте железнодорожных дел дальнейшей разработки и издания статистических данных о перевозках по железным дорогам и приказал ныне же внести на обсуждение, в одно из ближайших заседаний XII Общего тарифного съезда вопрос как о передаче в ведение Департамента железнодорожных дел Статистического Отдела... так и о средствах, необходимых для продолжения незаконченной ныне разработки и издания статистики за предшествовавшие годы и ведения оной на будущее время»[87].

Соединенный VI Тарифный и XXXVI Конвенционный Общий съезд, «убедившись по результатам двухлетнего опыта в невозможности оставить на обязанности Статистического Отдела, при отпускаемых на оный средства — 25.000 р. в год — издание статистики отправления грузов, как хлебных, так и прочих категорий, не требующее притом какой-либо группировки грузов, а своевременного лишь печатания, что удобнее всего может быть произведено каждой дорогою за себя, — постановил, в виде опыта, работу по изданию статистики 1891 года распределить между дорогами, обязав их напечатать отправление, и отделом Общего съезда, который должен был издать статистику прибытия, или правильнее — назначения, составив ее как и раньше, на основании доставляемых ему дорогами данных по отправлению. Работу эту Отдел исполнил и статистика назначения за 1891 год по грузам всех трех категорий была напечатана к 1 апреля 1893 г. При этом Статистический Отдел пользовался материалами, доставляемыми ему дорогами, частью только в печатном виде, так как статистика отправления по семи дорогам до сих пор еще не издана[88].

В настоящее время статистический Отдел занят подготовительной разработкой данных за 1892 год, заключающейся в разнесении цифр отправления на карточки и в подсчете годовых итогов перевозок, по родам грузов, совершенных между каждыми двумя станциями сети. Материалы для этой работы от 36 дорог имеются полностью, от семи не доставлены за 1, 2 и 3 месяца и от остальных — за больший промежуток времени.

Крайним сроком для доставления дорогами данных назначено правилами 1 марта, а для издания Статистическим Отделом сводов — по первым двум категориям 1 июня и по III — 1 августа. Так как составление сводов для печати может производиться лишь по получении от дорог последней статистической ведомости по известной категории грузов, то отступление от начального срока (1 июня) в текущем году неизбежно, но в общем оно не может быть весьма значительно, если только дороги, не доставившие весь материал, доставят таковой с возможной скоростью Статистический Отдел считает для себя воз-

можным составить и издать своды, имея для каждой их трех категорий грузов по 1,5 месяца времени, считая с момента получения им последней месячной ведомости, и таким образом, издать статистику по всем категориям к 1 ноября текущего года.

Таким образом, издание статистики за 1892 год должно быть окончено: по I и II категориям вместо нормального срока 1 июня, к 1 сентября, и по III категории вместо 1 августа — к 1 ноября, и то и другое с опозданием на три месяца, так как к статистике за 1892 г. было приступлено лишь в апреле месяце текущего года, а первые три месяца потребовалось на окончание статистики 1891 г., запоздавшей, в свою очередь, почти исключительно из-за печатания Отделом в 1892 г статистики 1890 года и по отправлению и по назначению, каковая непосильная работа с Отдела за последующее время снята.

В настоящее время ввиду предстоящей коренной в этом деле реформы, необходимо прежде всего представить краткий обзор исполненных работ в связи с произведенными расходами.

Отделом поныне произведены следующие работы:

за 1889 год статистика грузов I категории;

за 1890 год статистика грузов I, II, III категории;

за 1891 год статистика грузов I, II, III категории.

В 1892 год приступили к подготовительным работам, количество которых , по отношению ко всей статистике за этот год, определяют в пропорции 1/12 или 1/13». Расходы составляли по отчетам: за 5 мес. 1889 года 5400 рублей, 1890–24800, 1891 — 27,5, 1892 — 24,5, за 3 мес. 1893 — 6,8. Всего — 89 т.р.

Вице-директор Департамента железнодорожных дел Г. С. Ягубов заявил, «что он не входит в рассмотрение изложенной выше справки, т. к. вопрос о сосредоточении впредь Статистического Отдела при Департаменте в принципе уже решен. Общему съезду нужно обсудить вопрос о денежных средствах, необходимых для ведения статистики Министерством финансов по той программе, какая была намечена в совещании при Департаменте железнодорожных дел».

Среднюю стоимость полного годового издания они определили в 38000 р., и считали необходимым назначить 30–35 т.р.[89]

Общий съезд согласился, поставив несколько встречных условий, вполне, впрочем, приемлемых. В частности, он просил Ягубова предоставить соответственные должности нынешнему персоналу Статистического Отдела, «как хорошо ознакомленному со статистическими работами и четырехлетние труды коего заслуживают внимания к его дальнейшей судьбе». Министерство финансов согласилось с этим.

Была назначена «известная сумма на пособие служащим упраздняемого Статистического Отдела при Общем съезде и вообще на ликвидацию этого дела... на том же основании, как это было сделано при ликвидации бывшей редакции Сборника тарифов»[90].

Забегая вперед, скажу, что в 1893 г. Департамент железнодорожных дел весьма самоуверенно взялся решать указанные проблемы и с тем же успехом, что и Общий съезд представителей русских железных дорог. Малоприятная для Департамента разница состояла в том, что виноватого искать теперь было негде.

Тем не менее на несколько лет ситуация стабилизировалась. Закончились мучительные поиски оптимального формуляра, и «Сводная статистика», хотя и выходившая

по-прежнему с опозданием, заняла более чем достойное место среди других изданий по экономической статистике страны. При этом нужно иметь в виду, что по объему производимых работ и объему издания в России она просто не имела равных.

Техника составления «Сводной статистики» была следующей.

Местные управления железных дорог ежедневно получали от своих станций копии документов по отправлению и передаче грузов (с соседних дорог), из которых в статистических отделениях управлений дорог составлялись сведения о перевозках каждого груза на отдельных суточных карточках. Затем ежемесячно в определенном порядке сведения, содержавшиеся в этих карточках, вписывались в особые помесячные карточки. С окончанием годового периода на месячных карточках подводился итог годичных перевозок. После этого из карточек выписывались уже годовые итоги в один общий сборник, который и печатался. «Эти печатные отчеты отдельных дорог, содержащие сведения о всех перевозках данной дороги, не исключая и самых незначительных (до одного пуда включительно)» поступали затем не ранее, чем через шесть месяцев по истечении отчетного года, в Департамент железнодорожных дел.

В Статистическом отделении Департамента железнодорожных дел из печатных отчетов дорог, представляющих собою для него лишь «сырой материал», делались «выборки, наносимые также на особые карточки для составления статистики назначения по данным отправления. По получении отчетов всех дорог сведения из этих карточек переносятся на особые сводные листы, после чего уже начинается печатание данных о перевозках отдельных грузов»[91].

Кстати, одна из важных причин задержек выхода «Сводной статистики», безусловно, состояла в том, что отдельные дороги «весьма часто» запаздывали с выпуском своих отчетов.

Между тем жизнь не стояла на месте. 1890-е гг. были, как известно, временем бурного экономического подъема и это не могло не отразиться на реалиях жизнедеятельности путей сообщения. Назрели, в частности, изменения в номенклатуре перевозимых товаров, разрабатываемых «Сводной статистикой».

29 апреля 1900 г. Департамент железнодорожных дел направил в Общий тарифный съезд отношение (№ 303), в котором предлагал внести на обсуждение ближайшего съезда вопрос об изменении статистической номенклатуры и классификации товаров, а также о способе составления отчетов железных дорог о движении пассажиров и грузов, которые дороги представляют в Департамент железнодорожных дел, на основаниях, содержащихся с записке V отделения.

В преамбуле проекта Департамента сказано, что номенклатура товаров, перевозки которых железные дороги должны фиксировать и издавать, была установлена «Временными правилами» 5 августа 1893 г. и с тех пор не пересматривалась. Дополнения к «Временным правилам», сделанные в 1894 и 1895 гг., затрагивали лишь установление новых форм для ежемесячных ведомостей о перевозках и о валовом доходе железных дорог и для годовой ведомости о коммерческой деятельности железных дорог, а также распоряжения о статистике перевозок большой скорости[92].

За это время тарифы существенно изменились. Некоторые грузы, говорится далее, перенесены в другие группы, а грузы, отнесенные к различным тарифам в зависимо-

сти от каких-либо частных признаков, например, арки, стойки и т. п. склепанные и не склепанные, в настоящее время таксируются по одному тарифу. В ряде случаев группировка тарифов в отдельные наименования статистической номенклатуры потеряла соответствие с величиной провозной платы, и теперь нередко в одном и том же наименовании заключаются грузы, которые относятся к разным тарифам.

Вместе с тем отнесение статистических наименований к той или другой категории не всегда отвечает реальному значению того или иного груза, а ведь статистика ведется в зависимости от этого с большей или меньшей детализацией. Поэтому иногда о грузах, перевозимых совсем в небольших количествах, есть сведения столь подробные, как будто речь идет о грузах 1-й категории, и, напротив, ряд грузов, перевозимых в большом количестве, данные есть самые общие, т. к. они отнесены номенклатурой ко 2-й категории.

Немаловажно и то, что в самом формуляре статистических таблиц и в расположении материала ежегодных отчетов отдельных дорог утратилось единообразие, что осложняет и тормозит разработку статистики[93]. «Чрезвычайное разнообразие их замедляет разработку означенного материала, так как вынуждает непроизводительно тратить время на приспособление к особенностям каждого отчета»[94].

Поскольку в ближайшем будущем, считают авторы проекта, коренного изменения тарифов не предвидится, ибо они обрели некую устойчивость, настало время пересмотреть номенклатуру и согласовать ее с современными реалиями. Департамент железнодорожных дел полагал, что «желательные изменения должны касаться, во-первых, статистической номенклатуры и классификации товаров, и, во-вторых, форм отчетов и распределения в них статистического материала»[95].

Этот документ был представлен на рассмотрение LXII Общего тарифного съезда (29 мая 1900 г.). Председатель предложил съезду организовать Комиссию для ее всестороннего анализа. При этом представитель Департамента железнодорожных дел И. А. Тихоцкий, не возражая, чтобы проблема ввиду ее объемности была проанализирована специальной комиссией, просил некоторые из проектируемых изменений рассмотреть сейчас же, что помогло бы облегчить работу по составлению и печатанию таблиц «Сводной статистики», а заодно и сократить расходы по ее изданию. Это, говорил он, касается, во-первых, статистики движения грузов 2-й категории. Сейчас она издается в форме трех таблиц для каждого груза. Одна из них — косая — содержит материалы о движении груза в сообщениях отдельных железных дорог между собой, а две другие показывают главнейшие пункты отправления и назначения, не сообщая, однако, куда отправлены или откуда получены грузы, что, по мнению Департамента железнодорожных дел, делает их совершенно бесполезными и подлежащими отмене. Статистику грузов 2-й категории лучше бы разрабатывать только в форме косой таблицы.

Общий съезд, заметив, что «разработка грузов 2-й категории по главнейшим пунктам отправления и прибытия таковых, не принося никакой пользы, действительно является совершенно излишней», согласился с этим предложением. Остальные предлагаемые изменения должна будет обсудить во второй половине августа специальная Комиссия во главе с Заведующим делами Общего тарифного съезда И. П. Зайцевым с тем, чтобы ее решения были доложены 63-му Общему тарифному съезду. Проект Де-

партамента железнодорожных дел был признан в принципе целесообразным, и его решено было разослать на отзыв правлениям всех железных дорог на заключение[96].

Комиссия Зайцева заседала 31 августа, 4, 7 и 12 сентября 1900 г.

И. П. Зайцев, изложив все эти соображения, разделил предстоящую работу Совещания на три части. Во-первых, «коренной пересмотр действующей тарифной номенклатуры», во-вторых, изменения формуляров статистических таблиц, и, в-третьих, коррективы в порядке разработки и издания «Сводной статистики»[97].

При пересмотре номенклатуры перевозимых товаров Комиссия в качестве рабочего материала использовала предположения Департамента железнодорожных дел, изложенных в обсуждаемой Записке, отзывы Правлений дорог на нее, предложения Конторы Общих тарифных съездов, частью основанные на пожеланиях, высказанных на Общих тарифных съездах и в «Совещании по вопросу подготовления материалов к коренному пересмотру тарифа дорог 1 и 2 групп», а частью на практическом опыте деятельности Конторы. Статистическим подспорьем были ведомости перевозок грузов за последнее трехлетие (1896–1898 гг.) по рубрикам действовавшей статистической номенклатуры[98].

Выработанный Совещанием проект новой номенклатуры должен ,был быть представлен на рассмотрение Общего тарифного съезда.

Совещание решило также, что перевозки грузов большой скоростью, пассажирскими и товаро-пассажирскими поездами должны фиксироваться применительно к выработанной уже номенклатуре (за особо оговоренными исключениями).

По всем тем группам номенклатуры, для которых в проекте нет специальных замечаний о категории, такая статистика должна разрабатываться дорогами по правилам, установленным для грузов 3-й категории малой скорости. Другими словами, показываться будут только общие итоги перевозок по отправлению, прибытию и транзиту.

При этом Совещание отметило, что дороги имеют полное право вести статистику грузов 2-й и 3-й категорий по правилам для грузов 1-й категории (что делают почти все частные железные дороги) и что дороги вообще совершенно автономны в совей работе со статистикой перевозок таких грузов, «но при условии, чтобы такие отступления не препятствовали точно определить итоги перевозок по установленным проектом номенклатуры рубрикам»[99].

Важное заявление было сделано И. Я. Мирославским, представителем Юго-Восточных железных дорог. По его мнению, только формуляр, по которому публиковалась статистика грузов 1-й категории, содержащий «все подробности» позволяет решать самые важные задачи из тех, для которых статистика, собственно, и предназначена. Но составить финансовые подсчеты по грузам, скажем, 2-й категории невозможно, т. к. в таблицах указываются лишь станция отправления, дороги назначения и вес перевезенного груза. Теперь, когда возникли крупные железнодорожные общества, как, например, Юго-Восточное, Рязанско-Уральское, Московско-Виндаво-Рыбинское, Московско-Киево-Воронежское и др. с сотнями и тысячами верст рельсовых путей, (и, добавлю, проходящих по территории нескольких губерний. — *М. Д.*) указание лишь дороги назначения ничего практически не дает для понимания характера перевозок. Поэтому большой разницы между данными о грузах 2-й и 3-й категорий нет, ибо, строго говоря, обе категории дают возможность судить только о размере отправления

с данной дороги. Посему, считает Мирославский, было бы целесообразнее отнести все рубрики статистической номенклатуры 2-й категории, по которым совершаются более или менее крупные перевозки, или которые важны и интересны по иным соображениям, отнести к 1-й категории. При этом, чтобы не увеличивать работу статистических отделов, можно все остальные рубрики перенести в 3-ью категорию. Тогда дороги владели бы информацией по большинству интересующих их грузов и подробные сведения, не перегружая в то же время своих статистиков лишней работой[100].

Представитель Статистического Отдела Департамента железнодорожных дел И. А. Тихоцкий заметил, что в 1893 г., когда грузы делили по категориям, исходили, видимо, из объема перевозки в то время, и ко 2-й категории отнесли товары, «так сказать, среднего интереса». Теперь же транспортировка некоторых грузов резко увеличилась, например, машин и орудий по группе 61, которые Отдел предложил перевести в 1-ю категорию. Следовательно, и сейчас ряд товаров 2-й и 3-й категорий, весьма возможно, находятся в них временно.

Мнение Мирославского не получило поддержки[101].

Одновременно Совещание констатировало, что несмотря на многолетние просьбы, увещевания и т. п. отчеты ряда железных дорог по-прежнему далеки от необходимого единообразия.

Ряд дорог в одном выпуске помещают данные как об отправлении, так и о прибытии и транзите, «вследствие чего объемы отчетов получают неудобные для пользования размеры» и их доставка в Департамент железнодорожных дел замедляется. Между тем «Сводная статистика» по прибытию составляется самостоятельно на основании данных по отправлению, и в Петербурге могли бы получать сведения о прибытии и транзите позже.

В других отчетах нет единообразия в системе расположения дорог и станций — происходит борьба алфавитного порядка с географическим[102].

Совещание пришло к следующим важным решениям. Во-первых, необходимо, чтобы станции в отчетах располагались не в алфавитном, а в географическом порядке. Во-вторых, в статистике прибытия следует ввести графу «передаточные пункты». В-третьих, для установления однообразной регистрации отправок, производимых в прямом сообщении с участием пароходным обществ (Кавказско-Закаспийский и Черноморско-Кавказско-Волжско-Закаспийские сообщения, Северные и Южные Заморские сообщения) и с участием заграничных железных дорог (международные сухопутные сообщения), а также получаемых и сдаваемых при посредстве городских станций и транспортных контор, Совещание разъяснило, что во всех таких случаях регистрация перевозок возлагается на первую по пути следования русскую дорогу, которая и считается дорогою отправления. Все отправки такого рода должны группироваться в отделе «отправления», причем порты, пристани, заграничные станции, транспортные конторы, городские станции, от или до которых груз отправлен, показываются как станции отправления и как станции прибытия[103].

Были приняты новые формуляры, а также произведены некоторые технические изменения в статистике хлебных грузов.

Взамен разнообразия нынешней статистики Совещание предложило подразделять отчеты на 5 частей: о движении пассажиров, о перевозке хлебных грузов, о перевозке

всех прочих грузов, кроме хлебных, малой скоростью, о перевозке всех грузов большой скоростью и о перевозке всех грузов с пассажирскими и товаро-пассажирскими поездами. Каждая из частей должна делиться на 3 отдела: отправление, прибытие и транзит[104].

Пересмотр тарифной номенклатуры был отчасти реальным следствием усилившейся индустриализации и промышленного подъема 1890-х гг.

Чрезвычайно важным был вопрос, поставленный Департаментом железнодорожных дел в «Проекте изменений в статистической номенклатуре», об увеличении цензов.

Ценз станций отправления и назначения некоторых грузов, считал Департамент железнодорожных дел, может быть значительно увеличен, т. к. вследствие такого увеличения в рубрику «прочие станции» отошло бы лишь от 10 до 15 % станций отправления и до 20 % станций прибытия; в весовом же отношении количество обезличенных отправок по сравнению с общей перевозкой данного груза явилось бы совершенно ничтожным. Увеличение ценза станций отправления и назначения без ущерба может быть осуществлено по отношению к следующим грузам, перевозимым в весьма значительных количествах.

Кроме того, Департамент железнодорожных дел считал вообще, что применяемый к весьма значительному числу грузов в 1500 пуд. с успехом может быть заменен цензом в 2000 пуд. Для грузов же, номенклатура которых должна быть пересмотрена, ценз должен быть установлен, если предлагаемые изменения будут признаны целесообразными.

Таблица 2.1. Предлагаемые изменения в цензах

Номера групп	Название груза	Количество перевозок в 1897 г. (тыс. пуд.)	Действующий ценз (пуд.)	Предположенный ценз (пуд.)
1	Алебастр	10936	1500	3000
	Известь	29805	1500	3000
	Цемент	22226	1500	3000
25	Кирпич гидравлический	9636	1500	3000
	Кирпич обыкновенный	63654	5000	10000
31	Дрова	154011	10000	20000
34	Лошади	144222	40 штук	100 штук
41	Камень известковый	42531	5000	10000
	Камень строительный	62610	5000	10000
77	Картофель	12973	3000	5000
	Свекловица	30419	3000	5000
92	Руда	157003	10000	25000
101	Соль	69031	10000	15000
104	Стекло (кроме битого и жидкого) и зеркальное	3256	600	2000
105	Стеклянные изделия, кр. бутылок и стекол ламп	2479	600	2000
109	Травы	17200	1500	3000
112	Каменный уголь	511237	10000	25000
117	Хлебные грузы	620071	3000	5000

Источник: Протоколы заседаний 62 Общего тарифного съезда, вопрос 75, Протокол Совещания, организованного по постановлению 62 Общего тарифного съезда (по вопросу 75). С. 16.

Затем объем издания может быть также уменьшен, если отменить печатание десятичных знаков для грузов с цензом 2 тыс. пуд. и более, подобно тому, как это делается в статистике хлебных грузов. «Введение в действие предлагаемых изменений в разработке и печатании сводной статистики несомненно значительно сократит время на составление таблиц отправления и назначения и на чтение корректур, а вместе с тем, путем сокращения объемов некоторых выпусков, уменьшить издержки железных дорог на печатание сводной статистики... Но можно было бы достигнуть еще большего сокращения, если бы был изменен способ разработки грузов 2-й категории. В настоящее время статистика движения этих грузов издается в форме трех таблиц для каждого груза, из которых первая содержит данные о движении того или иного груза в корреспонденции между отдельными железными дорогами, вторая — главнейшие пункты отправления и третья — главнейшие пункты назначения того же груза.

Ввиду того, что в таблицах главнейших пунктов указывается лишь общее количество отправленных или полученных какой-либо станцией пудов данного груза, без указания, куда это количество направлено или откуда это прибыло, данные таблицы являются совершенно бесполезными и могли бы быть уничтожены. Еще значительнее было бы сокращение выпуска, содержащего сведения... о перевозке грузов 2-й и 3-й категории, если бы Съезд признал возможным вовсе уничтожить разделение грузов на 2-ю и 3-ю категории, и ко всем грузам 2-й категории была применена та степень подробности разработки, которая применяется ныне к грузам 3-й категории с тем, чтобы грузы, перевозки которых принимают значительные размеры, с течением времени подвергались разработке с подробностями, обязательными для грузов 1-й категории»[105].

Весьма недальновидным — в свете дальнейших событий отечественной истории, в частности, начала Столыпинской аграрной реформы, — было предложение Департамента железнодорожных дел по статистике пассажирского движения. «Ввиду того, что пассажирский тариф не подвержен таким колебаниям, как грузовой, можно с уверенностью предположить, что в нем даже в более отдаленном будущем не произойдет каких-либо крупных изменений, особенно на дальних расстояниях, и потому разработка статистики пассажирского движения в том виде, как она до настоящего времени практиковалась, представляется излишней»[106].

«В виде опыта при разработке статистики отправления пассажиров по общему тарифу за 1898 г. прежний ценз станция отправления и назначения в 10 человек заменен цензом в 100 человек; статистику прибытия пассажиров за 1898 г. не предположено разрабатывать подробно, т. к. ценз станций прибытия повышен до 100 000 человек на том основании, что по самому характеру пассажирского движения количество отправленных данной станций пассажиров за немногими исключениями почти совпадает с количеством прибывших на нее пассажиров. Также предположено сократить количество и объем сводных таблиц, помещавшихся в 1895 и 1896 годах в третьем выпуске статистики движения пассажиров. По отношению же к статистике движения пассажиров, проехавших в 1898 г. по пригородным тарифам в разработке таковой предположено ввести изменение, состоящее в том, что означенная статистика будет разработана по отдельным пунктам, для коих установлены тарифы пригородного сообщения»[107].

О том, насколько вредно для историков любое увеличение ценза будет понятно из 6 главы настоящей монографии. Как бы то ни было, предлагаемые меры были внедрены в жизнь.

Материалы работы Совещания, созданного на LXII Общем тарифном съезде, рассматривались на LXIV Общем тарифном съезде в ноябре 1900 г. Этот съезд утвердил выработанную особым Совещанием в августе и сентябре новую номенклатуру. Она была введена в действие в железнодорожных отчетах с 1901 г., и с этого времени по ней стали разрабатываться статистические данные о перевозках грузов по железным дорогам России.

По новой программе число грузов 1-й категории было увеличено со 170 до 257, грузов 2-й категории — с 83 до 110, 3-й категории с 256 до 339. Одновременно вырос и объем представляемых железными дорогами в Департамент железнодорожных дел статистических сборников примерно на 30–40 %.

Новая номенклатура охватывала для товаров малой скорости 352 отдельных позиции, из которых 240 относились к грузам 1-й категории, 81 — к грузам 2-й категории и 31 — к грузам 3-й категории. Для грузов большой скорости подробная разработка, принятая для грузов 1-й категории, предусматривалась номенклатурой для 27 позиций, а для всех остальных позиций номенклатуры малой скорости было нужно указывать лишь итоги перевозок, т. е. их анализировали по программе для грузов 3-й категории. Для товаров, перевозимых с пассажирской скоростью, подробная разработка полагалась для 20 рубрик.

Всего же, согласно программе для разработки статистических сведений о перевозках железными дорогами, 287 рубрик относились к 1-й категории, 81 — ко 2-й, 346 — к 3-й.

LXIV Общий тарифный съезд, утвердил статистическую номенклатуру для разработки «Сводной статистики» и расширенную статистическую программу. Он хотел, по возможности, облегчить работу Статистического отдела Департамента железнодорожных дел и поэтому разрешил 29 статистических позиций, относимых к 1-й категории, разрабатывать по методике, принятой для грузов 2-й категории. По этим грузам нужно было составлять косые таблицы, притом даже без указания сведений о главных станциях-отправителях, как это делалось раньше[108].

Кроме этого, LXIV Общий тарифный съезд по той же причине дал согласие на то, чтобы в сведениях по грузам 2-й категории не печатались главные станции отправления и назначения, как это делалось ранее.

Цензы станций были повышены. На LXIV Общем тарифном съезде проектировали еще большее повышение ценза для разработки сводного статистического материала, не считая тех многочисленных и важных случаев, когда ценз в 1,5 т. п. был повышен до 2 т. п. Весьма характерно примечание по этому поводу в протоколе 117 Общего тарифного съезда: «В журнале Совещания, собиравшегося в 1900 г., по вопросу об изменениях в статистической номенклатуре, а также в формах и порядке разработки сводной статистики приведен этот перечень, причем при сличении утвержденных Совещанием, а позднее и Съездом, цензов с теми, по которым разработана ныне „Сводная статистика“ за 1903 г., во многих случаях оказывается, что принятые для последней цензы увеличе-

ны, по всей вероятности, по инициативе самого Статистического Отделения Департамента железнодорожных дел»[109].

Существенно облегчено было ведение статистики движения пассажиров. А позже, на LXVII Общем тарифном съезде было принято не слишком разумное решение печатать ее не ежегодно, а раз в пять лет, сохранив лишь ежегодные общие итоги по пассажирским перевозкам. Не нужно специально пояснять, какой информации это лишило историков.

Тем не менее, и после LXIV Общего тарифного съезда работа по составлению и изданию «Сводной статистики» не выполнялась своевременно, и издания все более и более запаздывали. Хотя за эти годы было отменено ежегодное составление статистики отправления и прибытия пассажиров, сокращено изложение таблиц грузовой статистики, но эти меры на фоне постоянно растущего объема работ не имели большого влияния.

Департамент железнодорожных дел не хотел просить дополнительных ассигнований у железных дорог из-за их тяжелого финансового положения и решил подойти к проблеме своевременности издания с другой стороны.

У его сотрудников возникла еретическая идея **составлять подробную статистику только по отправлению грузов** «с указанием в ней, конечно, и станций назначения, особую же статистику по назначению или совсем не составлять или составлять лишь по важнейшим грузам и по главнейшим станциям назначения, например, по перевозке хлебных грузов составлять особые ведомости прибытия в порты, пункты западной сухопутной границы и такие значительные внутренние рынки, как Москва, Варшава и т. п., пропуская другие, менее важные пункты». Департамент железнодорожных дел надеялся, что в этом случае он обойдется без дополнительных кредитов. Реализована эта идея была на недоброй памяти CIII Общем тарифном съезде (1905 г.). Именно тогда железные дороги дали согласие на замену прежнего формуляра, по которому издавалась «Сводная статистика» для грузов 1-й категории, новым, предложенным Статистическим Отделением Департамента железнодорожных дел.

Этим было нарушено нормальное, если так можно выразиться, поступательное развитие «Сводной статистики», которая постепенно охватывала все более широкий круг товаров, давая огромной ценности материал для анализа реальной жизни страны.

По новой форме и была издана вся статистика за 1903, а также и 1904 г. С изменением формы скорректировалось и понятие о цензе. «При прежней форме, по которой группировались цифры перевозок, принятый для данного груза ценз определял собою показание в таблицах дорог и станций, отправивших в общей сложности на разные станции или получивших с разных станций, хотя бы по нескольким направлениям, цензовое количество груза; дороги же и станции, отправившие и получившие меньшее цензового число пудов, особо в таблицах не показывались, а относились общей суммой под рубрики „остальные станции“, „прочие дороги“; при существующей ныне форме в статистике отправления поименованы все станции, отправившие за весь год не менее цензового количества пудов, а из станций назначения — только получившие с данной станции отправления не менее того же цензового числа пудов; отступления сделаны для узловых, пристанных, портовых и т. п. станций, где ценз принимается

не для каждой станции данного пункта в отдельности, а по совокупности для всех станций пункта.

Из общего числа 215 статистических рубрик грузов малой скорости 1-й категории, «Сводная статистика» за 1903 г. разработана Статистическим Отделением по нижеследующим цензам:

по цензу 0,6 т. п. ..... 81 рубрика
по цензу 1 т. п. ..... 5 рубрик
по цензу 2 т. п. ..... 39 рубрик
по цензу 3 т. п. ..... 17 рубрик
по цензу 5 т. п. ..... 13 рубрик
по цензу 10 т. п. ..... 5 рубрик, и
хлебная статистика с 25 рубриками
по цензу 15 т. п. ..... 2 рубрики
по цензу 20 т. п ..... 10 рубрик
по цензу 25 т. п ..... 2 рубрики
по цензу 50 т. п ..... 1 рубрика
по цензу 75 т. п ..... 1 рубрика
по цензу 100 т. п ..... 1 рубрика
по цензу 2–3 шт ..... 1 рубрика
по цензу 20 шт ..... 1 рубрика
по цензу 200 шт ..... 2 рубрики
по цензу 300 шт ..... 2 рубрики
по цензу 600 пуд., 10 ярусов и 3 ваг. ..... 1»[110]

Программа для издания «Сводной статистики» за 1903 г. реально свелась к 262 рубрикам грузов 1-й категории, для характеристики перевозок которых разработаны данные по отправлению, почему-то называвшиеся в протоколе 117 Общего тарифного съезда «подробными», к 106 рубрикам грузов 2 категории (для них даны косые таблицы) и к 346 рубрикам грузов 3 категории (итоги по отправлению с каждой дороги).

Все материалы были изданы в 79 выпусках, из которых 3 касаются перевозок хлебных грузов, 1 — перевозки товаров 2-й и 3-й категорий, 1— общие итоги грузовых перевозок (издавались нерегулярно) и 1 — пассажирское движение, а 73 — транспортировки товаров по отдельным группам тарифной номенклатуры.

Это решение привело к тому, что мы практически лишены данных о получении всех грузов в 1903–1904 гг. Например, попытка восстановить получение сельхозмашин и орудий станциями Владикавказской, Екатерининской и других железных дорог за эти годы на основании данных об отправлении показала, что речь может идти лишь примерно о 50 % общего получения дороги. В силу этого в динамических рядах прибытия всех товаров образуется чрезвычайно неприятный пробел за 1903–1904 гг.

Вот что говорил по этому поводу на 115 Общем тарифном съезде (1906 г.) представитель Казенных железных дорог М. И. Петерсон: «Все, кому приходилось работать по «Сводной статистике», издававшейся по форме, существовавшей до 1905 года, должны отдать справедливость, что принятая в то время форма для разработки сводных данных была вполне образцовой, так как предусматривала все те цифровые детали, с которыми

приходится иметь дело для выяснения характера движения того или иного груза; однако в 1905 году, когда зашла впервые речь также об облегчении Статистического Отделения, дороги, как известно, дали свое согласие на видоизменение этой формы; это решение было крупною ошибкою, создавшей значительную затруднительность пользования цифрами «Сводной статистики»...

Теперь прежде всего следовало бы поправить сделанную в 1905 г. дорогами ошибку, предложив Статистическому Отделению вернуться к разработке данных «Сводной статистики» по прежней форме. Понятно, что такой переход повлек бы за собою еще большее увеличение работ Статистического Отделения Департамента железнодорожных дел, чего нельзя сделать без увеличения кредита. На LXIV Общем тарифном съезде была значительно расширена статистическая номенклатура, по которой разрабатываются данные в отчетах железных дорог, и так как реформа эта вызвала увеличение числа рубрик, так называемых первоклассных грузов, по которым разрабатываются подробные данные в «Сводной статистике», то именно реформу эту и необходимо признать главной причиной увеличившихся работ Статистического Отделения Департамента железнодорожных дел»[111].

«Своевременный выход «Сводной статистики» может быть достигнут при сокращении числа статистических рубрик, по которым даются выпуски названной статистики, но при непременном, однако, условии разработки их по старой форме. С этой целью необходимо подвергнуть пересмотру номенклатуру грузов, по которым производится разработка «Сводной статистики» в видах достижения возможного ее сокращения; быть может, при ближайшем рассмотрении этой номенклатуры окажется возможным ограничиться детальной разработкой по старой форме лишь одних массовых и крупных грузов, по которым желательно иметь самые подробные данные как по отправлению, так и по назначению; весьма возможно, что для некоторых грузов, так сказать, среднего интереса, будет признано желательным производить разработку данных по какой-либо общей сокращенной программе, а в некоторых случаях быть может даже будет признано возможным и совсем отказаться от всякой разработки сводных данных, которые по мере их надобности могли бы составляться Конторой Общих тарифных съездов, в виде справок к тарифным вопросам». Ясно, что сразу этот вопрос решить нельзя, а потому нужно созвать особую Комиссию, которая и займется подробным пересмотром номенклатуры и определением формы разработки для каждого рода грузов в отдельности[112].

Ф. Ф. Недзялковский, представитель Московско-Киево-Воронежской дороги, высказал сходное мнение: «С 1905 года пользование „Сводной статистикой“ действительно стало затруднительным благодаря изменению формы издания ее, и в этом отношении он также...считает необходимым хотя бы по некоторым более значительным грузам вернуться к прежней подробной форме их разработки как по отправлению, так и по прибытию». Дорогам нужна информация «Сводной статистики», а Департамент железнодорожных дел не может при наличном штате служащих справиться со своевременным ее изданием. Поэтому железным дорогам остается либо увеличить кредиты для разработки статистических материалов в нужном им объеме, либо, не увеличивая кредита, ограничиться разработкой сведений не по всем, а лишь по некоторым грузам. В последнем случае вопрос должен решиться в особом Совещании, которое подойдет к

ситуации с чисто практической точки зрения. «Для дорог... представляется крайне желательным сохранение в издаваемых выпусках „Сводной статистики“ тех общих очерков о характере движения данного груза, которые имели место в прежнем издании»[113].

К. П. Лазарев, представитель Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги, в числе прочего заметил, что сравнительно недавно по инициативе Казенных железных дорог было прекращено как печатание статистических отчетов по прибытию и транзиту грузов так, значит, и обмен ими между дорогами. Поэтому сейчас «весьма существенную роль играет помещение в... „Сводной статистике“ данных по назначению грузов, так как иначе каждой дороге в отдельности, в случае необходимости иметь сведения о прибытии в известные пункты какого-либо интересующего ее груза, пришлось бы каждый раз самой перерабатывать имеющиеся у нее данные об отправлении в назначение, что, несомненно, как по своей сложности, так и в смысле затраты довольно значительного на такую работу времени не может быть признано желательным»[114].

Ф. Ф. Недзялковский заявил, что полагает необходимым, что «Сводная статистика» давала бы точную и ясную картину движения какого-либо груза именно по направлениям. Это важно прежде всего потому, что «вследствие непровозоспособности кратчайшего пути, грузы направляются по кружным направлениям», согласно распоряжению МПС. Таким образом, указание на конкретные пути движения грузов «может служить единственным контролем для дороги в смысле установления точной фактической перевозки груза в обход данной линии»; разумно в этих условиях уменьшить ценз[115].

Не раз в дискуссиях на Общих тарифных съездах высказывалось мнение, что новая статистическая номенклатура из-за своей объемности слишком обременила работу статистических отделов железных дорог.

Показательно, что на CXVII Общем тарифном съезде вспомнили приводившееся выше мнение И. Я. Мирославского, который говорил, что нужна статистика уровня подробности для грузов 1-й категории, а методика обработки данных для грузов 2-й категории дает немного для понимания характера движения. Фигурировало и такое соображение. Номенклатура, которая строго соответствует тарифной и охватывает в большинстве случаев сборные позиции, включающие не один вид товара, а целый ряд их, не отвечает потребностям железных дорог. Их интересуют только цифры, дающие ясное представление о транспортировке товаров определенного вида, но рубрик, которые содержали бы лишь такого типа грузы, сравнительно немного. Кроме того, — и это очень важно — такая номенклатура не позволяет прибегнуть и к сопоставлению цифр железнодорожных перевозок со статистикой промышленности, сельского хозяйства, таможенной и др. Надо ли говорить, насколько это важно? Сделать это сравнение возможно, если сократить или даже совсем убрать сборные рубрики и выделить самостоятельные рубрики главнейших товаров по определенной группе[116].

В результате обсуждения участники пришли к выводу, что дальнейшее облегчение работы Статистического Отделения может быть достигнуто следующим образом. Во-первых, нужно ограничить разработку материалов по грузам 2-й категории, число которых достигает 106, только итогами отправления, т. е. приравнять их к грузам 3-й категории. Во-вторых, сделать то же самое с общими рубриками «остальные предметы группы» (их было около 10 в номенклатуре). В-третьих, пересмотреть критерии отнесения грузов

к той или иной категории. Когда устанавливалась действующая номенклатура, то груз включали в 1-ю категорию, исходя не только из характера самого груза, тарифной ставки (грузы 1-го класса, например, в большинстве относятся ко 2-й категории), возможностью появления ходатайств перед съездами о тарифах на этот груз и др., но в основном размерами перевозок. Если выяснялось, что груз транспортируется в небольших количествах, то его причисляли ко 2-й или даже к 3-й категории. При этом ряд товаров, относящихся к 1-й категории, как, например, глина и земля красильная, купоросы по 66-й группе, битая дичь по 73-й, ремесленные инструменты по 33-й и другие перевозятся в сравнительно малых размерах. Возможно, их подробную разработку в отчетах дорог нужно сохранить, но в сводной статистике ограничиться печатанием итогов перевозок, как для грузов 3-й категории. Может быть, следует ввести ценз, примерно 1 млн.пуд., и если перевозка товара меньше него, то сводные материалы нужно печатать, как для грузов 3-й категории, а если превышает его, то по программе 1-й категории[117].

И. П. Зайцев просил Комиссию сосредоточиться на выработке общих оснований, которыми она могла бы руководствоваться при пересмотре номенклатуры. Комиссия решила следующее: «Прежняя форма, по которой разрабатывалась до 1903 г. Статистическим Отделением Департамента железнодорожных дел сводная статистика перевозок для грузов 1-й категории, вполне отвечала потребностям железных дорог, так как предусматривала все те цифровые комбинации, с которыми приходится иметь дело для выяснения характера движения того или иного груза, между тем теперешняя форма разработки цифрового материала, по которой впервые изданы выпуски „Сводной статистики“ за 1903 г. гораздо менее отвечает этой цели.

Руководствуясь этим соображением, **Комиссия признала необходимым, чтобы по всем грузам 1-й категории, по которым будет намечена разработка и издание сводной статистики перевозок, цифровые данные печатались обязательно по форме, которая была принята для выпусков издания названной статистики до 1902 г. включительно.**

Затем, имея в виду, что принятое дорогами в последнее время решение не печатать статистических отчетов по прибытию и транзиту делает особенно настоятельной необходимость получения „Сводной статистики“ по назначению, и притом разработанной по возможности своевременно, без запаздывания, Комиссия считала необходимым, чтобы „Сводная статистика“ (если не для всех, то для грузов, так сказать, первостепенной важности), разрабатывалась и издавалась как по отправлению, так и прибытию. Вместе с тем не изменяя состоявшегося на CIII Общем тарифном съезде (по вопросу 13 его программы) решения, Комиссия высказалась за желательность, чтобы Статистическое Отделение Департамента железнодорожных дел при издании выпусков „Сводной статистики“ придерживалось рекомендованного ему названным съездом правила, а именно, чтобы в первую очередь издавать выпуски „Сводной статистики“ по отправлению грузов, и прежде всего массовых, и лишь по окончании всей статистики по отправлению, не задерживая выхода последней, приступать к выработке и изданию статистики по назначению.

Точно так же **Комиссия признала полезным,** чтобы в издаваемых выпусках „Сводной статистики“ были сохранены те общие очерки о характере движения раз-

рабатываемого груза, которые помещались в издании за прежние годы (сравнение перевозок отчетного года с предшествовавшими, подразделение перевозок по районам и проч.)»[118].

По вопросу о мерах, способствующих облегчению работ статистического Отделения Департамента железнодорожных дел... Комиссия прежде всего пришла к решению: разделить все статистические рубрики для грузов 1-й категории на два отдела, а именно: во-первых, на грузы, так сказать, более важные, какими являются массовые, как, например, хлебные, каменноугольные, лесные строительные материалы, руды, железо и чугун и т. п., по которым разработку «Сводной статистики» перевозок производить с установленными подробностями как по отправлению, так и по назначению **ежегодно,** и во-вторых, на грузы второстепенной важности; по этим последним грузам... сводные данные было бы возможно разрабатывать и издавать **периодически,** через каждые три года. Самое подразделение грузов на отделы и разбивку товаров второго отдела на три группы, по времени выпуска очередной «Сводной статистики» Комиссия отложила до своего следующего заседания.

Далее, Комиссия нашла возможным, во-первых, согласиться на разработку Статистическим Отделением... сводных данных по грузам 2-й категории... лишь итогами отправления, т. е. приравнять их к 3-й категории; во-вторых, не обязывать Статистическое Отделение... разрабатывать в выпусках «Сводной статистики» подробно цифры по таким общим рубрикам (отнесенным, однако к 1-й категории), как «остальные предметы группы» и «все предметы группы», которые, по мнению Комиссии, точно так же в большинстве случаев можно для «Сводной статистики» перевести в разряд рубрик 3-й категории, особенно если они имеют незначительную перевозку... в-третьих, освободить Статистическое Отделение от разработки подробных данных по таким рубрикам 1-й категории, перевозка которых совершается по железным дорогам в сравнительно небольших количествах (как, например, по группе 66 — глина и земля красильные, охры, купоросы; по 73 группе — битая дичь; по группе 29 — берда ткацкие и проч.), переведя их для «Сводной статистики» в 3-ю категорию». Если же перевозка по ним увеличится и составит более 1 м. п., Статистическое Отделение должно их снова вернуть в 1-ю категорию. Наконец, в-четвертых поручить Статистическому Отделению издавать и впредь ежегодно выпуск под названием «общие итоги», разбив его на три таблицы: а) грузы малой скорости, б) грузы большой скорости, в) грузы пассажирской скорости (перечисленные в номенклатуре), печатая его по определенной форме[119].

Предложения Комиссии рассматривались на CXVII Общем тарифном съезде (заседание 22 марта 1907 г.).

Департамент железнодорожных дел предложил расширить номенклатуру грузов, перевозки которых разрабатываются каждый год. В их число входили из гр. 1 известь (пункт б) и цемент (пункт г), из гр. 25 — кирпич огнеупорный (б), кирпич обыкновенный (в), из гр. 33 — арки и проч. (а), ассенизационные чаны и проч. (б), болты и проч. (в), бандажи и проч.(д), гвозди (г), железные и чугунные изделия грубой отделки (е), котлы паровые (ж), посуда чугунная (з), проволока (к), трубы и их части (н), из гр. 66 — кислоты (л), сода всякая (у); из гр. 88 — пряжа бумажная и проч. (а), пряжа льняная и проч. (б), бумага чулочная и проч. (в); из гр. 93 — рыба красная живая и

проч. (а), рыба частиковая живая и проч. (б), рыба вяленая красная и проч. (в), рыба вяленая частиковая и проч. (г), сельдь (д). Все вышеперечисленное относится к перевозкам малой скоростью. Для перевозок большой скоростью — упомянутые уже рыбные грузы из гр. 93, а также икра частиковой рыбы (е), икра красной рыбы (ж), копченая скумбрия и проч. (з), остальные предметы группы (и). Для перевозок пассажирской скоростью — рыбные грузы, пункты а, б и з.

Съезд согласился с тем, чтобы перечисленные грузы разрабатывались не раз в три года, а ежегодно по 1-й категории.

Основные решения съезда сводятся к следующему. Он постановил: просить Статистическое Отделение Департамента железнодорожных дел **печатать сводную статистику, помещая в одном выпуске данные по каждому подлежащему разработке грузу как по отправлению, так и назначению**. Были утверждены и остальные предположения Комиссии[120].

Таким образом, неудачный эксперимент завершился. Значительное снижение ценза перевозок ряда важных товаров, в частности, сельхозмашин и орудий, как будет показано ниже, сыграло свою положительную роль для изучения ряда отраслевых рынков.

Можно сказать, что CXVII Общим тарифным съездом заканчиваются поиски оптимального варианта издания «Сводной статистики», и она вплоть до 1915 г., т. е. до времени выхода последних выпусков, останется в неизменном виде.

* * *

Научная общественность, несомненно, оценит достоинства «Сводной статистики». Но, завершая эту главу, хотелось бы сказать несколько слов о том, что́ снижает ее потенциал. Отчасти это уже было сделано в 1-й главе.

Недостатки нашего источника, которые отчасти являются продолжением его достоинств, по «способу происхождения» можно разделить на три типа.

Первые прямо вытекают из того, что «Сводная статистика» была прежде всего прикладным инструментом тарифной политики правительства. Выше уже говорилось о некоторых неудобных для исследователей свойствах «Сводной статистики», таких, как смешение в одной тарифной группе разных товаров, которое огрубляет и затрудняет анализ, периодическая смена номенклатуры, иногда не позволяющая изучать перевозки отдельных грузов или их групп в течение длительного времени. Однако Департамент железнодорожных дел, создавая и издавая «Сводную статистику», имел свои вполне прагматичные цели и совершенно не «обязан» был думать еще о чьих- то интересах.

Некоторые недостатки прямо связаны со способом публикации уже собранных данных. Во-первых, это слишком высокий в отдельных случаях ценз отправления и прибытия грузов, что сказывается на полноте охвата явления источником (подробнее об этом говорится в 6 главе). Она (полнота охвата) описываемых явлений зависит прежде всего от конкретного груза, перевозки которого нас интересуют. Впрочем, в большинстве случаев ценз следует признать приемлемым.

Во-вторых, «Сводная статистика», разрабатывая перевозки в рамках железных дорог, в отличие от «Статистических сборников МПС» не помещает сведений о по-

губернской принадлежности станций. Это, мягко говоря, очень затрудняет работу с источником и заставляет совершенно непроизводительно тратить немало времени на распределение станций по административно-территориальным единицам. Это особенно неприятно, если у исследователя (или в библиотеке, что тоже бывает) нет соответствующего справочника. К тому же — как это ни странно на первый взгляд — эпидемия переименований населенных пунктов, оказывается, началась еще до революции. Логику, или же эстетические чувства тех, кто переименовывал, скажем, Куземовку в Кривошеевку (Екатерининская железная дорога, 1908 г.), Тургу в Бырку (Забайкальская, 1901 г.) или Кутулик в Забитуй (Сибирская, 1909 г.) через 100 лет понять непросто. Однако в любом случае это не облегчает работу с источником.

Многолетние просьбы заинтересованной общественности публиковать информацию о том, в какой губернии (а еще лучше — уезде) находится та или иная станция, результата не имели. Замечу, что это едва ли серьезно увеличило бы объем работ по изданию «Сводной статистики», но зато **капитально** повысило бы ценность его для пользователей. Вместе с тем опять-таки, для утилитарных целей Департамента железнодорожных дел это было не обязательно.

В-третьих, источник дает весьма неполные данные о пробеге грузов, а это снижает его информационный потенциал. Между тем в распоряжении Статистического отдела эти сведения были, о чем говорит тот факт, что иногда их помещали в отдельных обзорах движения.

И последнее.

«Сводная статистика» является сложным агрегированным видом статистики. Напомню, что первичные данные в виде карточек отправления грузов поступали в Статистические отделы отдельных железных дорог, или Департамента железнодорожных дел, где они сводились в итоговые таблицы как по отправлению, так и по прибытию. Затем эти сводные данные поступали в типографию, где происходил перенос данных из рукописных таблиц на клише. Таким образом, по меньшей мере **четырежды** в процесс превращения карточек в монументальные тома «Сводной статистики» «вмешивались» люди. А они существа весьма несовершенные в том числе и в смысле внимательности, сосредоточенности и других «педантических» качеств, совершенно необходимых при работе с цифрами, что автор этих строк, увы, хорошо знает из личного опыта.

Другими словами, искажения при сборе первичной информации, при составлении карточек, переносе данных из первичных карточек в таблицы, при их сводке, при типографском наборе были совершенно неизбежны.

Следует сразу сказать, что эти **искажения едва ли имели преднамеренный характер.** Никто из железнодорожных статистиков, составителей и наборщиков не был заинтересован ни в преувеличении, ни в преуменьшении передаваемой информации. Разница с респондентами ЦСК МВД, чьи анкеты лежали в основании урожайной статистики, здесь очевидна.

Человек, увы, не может не ошибаться, когда имеет дело с десятками и сотнями тысяч цифр. С другой стороны, он не может ошибаться бесконечно. И поэтому при грамотно организованной системе проверки и перепроверки данных ошибки весьма часто выявляются. Почти безотказный, хотя и громоздкий, отнимающий много времени прием, — пересчет итоговых данных. Немалую роль играют и простые навыки,

которые, как знает каждый исследователь, возникают при длительной работе с источником и т. д.

Вместе с тем бывают неисправимые ошибки. Например, станция Тейково (Владимирская губерния, Северные железные дороги) в 1900–1913 гг. получала сельхозмашины в цензовом количестве лишь в 1905–1907 и 1912–1913 гг. При этом в 1905 г. фиксируется 2,1тыс. пуд., в 1907 г. — 1,3 тыс. пуд., в 1912 г. — 2,3 тыс. пуд. и 1913 г. — 1,5 тыс. пуд. Столь небольшие перевозки легко объяснимы — промышленная губерния, хлопчатобумажная фабрика близ станции, которая существует до сих пор и т. п. Однако в 1906 г. в Тейково получено 37,0 (!) тыс. пуд. усовершенствованных сельхозмашин и орудий (больше чем во Владимире) из 89,0 тыс. пуд. общего получения губернии. Совершенно ясно, что это ошибка, опечатка, но исправить ее по источнику не удается. Но также ясно, что она не может сколь-нибудь значительно повлиять на общую картину потребления сельхозтехники в этой губернии в начале XX в.

Поэтому, несмотря на перечисленные недостатки, большая часть которых вполне устранима, «Сводная статистика» представляется вполне надежным и достоверным источником с огромным информационным потенциалом. И в последующих главах мы попытаемся это показать и доказать.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГИА. Ф. 268. Оп. 4. Д. 103. Л. 7–7об.
2. Там же. Л. 14об–15.
3. Там же. Л. 15.
4. Там же. Л. 15–15об.
5. Там же. Л. 141–141об.
6. Там же. Л. 141об–142.
7. Там же Л. 142–143.
8. Там же, Д. 977, Л. 14–14об.
9. Там же. Л. 14об–15.
10. Там же. Д. 980, Л. 87–87об.
11. Там же. Л. 88.
12. Там же. Д. 22, Л. 530–530 об.
13. Там же. Л. 530 об.
14. Там же. Л. 530об–531.
15. Там же. Л. 531–531об.
16. Там же. Л. 531об.
17. Там же. Л. 531об–532.
18. Там же. Л. 532–532об.
19. Там же. Л. 532об–533.
20. Там же. Л. 533–533об.
21. Там же. Л. 533об–534
22. Там же. Л. 534.
23. Там же. Л. 534–534об.
24. Там же. Д. 103, Л. 17–17об.

25. Там же. Л. 143об–144.
26. Там же. Л. 144.
27. Там же. Л. 7–7об.
28. Там же. Л. 17об–18.
29. Протокол заседания XIX Общего съезда представителей русских железных дорог. Протокол № 2 от 8 декабря 1882 г. СПб., 1882. С. 16.
30. РГИА. Ф. 248. Оп. 4, Д. 103. Л. 145.
31. Там же. Л. 145–145об.
32. Там же. Л. 18об–19.
33. Там же. Л. 19.
34. Там же. Л. 19–19об.
35. Там же. Л. 19об–20.
36. *Витте С.Ю.* Принципы железнодорожных тарифов на перевозку грузов». СПб., 1910. С. 96.
37. РГИА. Ф. 248. Оп. 4. Д. 103, Л. 150.
38. Там же. Л. 20.
39. Там же. Л. 20–20об.
40. Там же. Л. 147–147 об.
41. Там же. Л. 14 (подч. мной. — *М.Д.*).
42. Там же. Л. 14–14об.
43. Там же. Л. 20об–21.
44. Там же. Л. 21. К первому разряду в записке предлагалось отнести такие грузы из разных групп: чай (из гр. 5), отруби (из гр. 22), дрова (гр. 31), железо, сталь, чугун, жесть трех наименований (гр. 32), железные изделия (гр.33), рогатый скот, овцы, свиньи и лошади четырех наименований (гр. 34), сало (гр. 36), кожи и шкуры (гр. 48), крупа всякая, рис, саго трех наименований (гр.52), лен и пенька двух наименований (гр. 54), лесные материалы (гр. 55), мануфактурные товары (гр.57), масла семенные трех наименований (гр.58), масла минеральные (гр. 59), мука ржаная и пшеничная (гр. 68), руда (гр. 92), рыба (гр. 93), сахар рафинад и песок двух наименований (гр.95), соль (гр. 101), спирт (гр. 102), стекло (гр. 104), семена (из гр. 106 — отдельно важнейшие наименования в зависимости от выработанной на съезде номенклатуры хлебных тарифов), табак (гр.107), туки (гр. 111), каменный уголь (гр. 112), хлопок (гр.1 16), хлебные грузы (из гр. 117 — отдельно важнейшие наименования в зависимости от выработанной на съезде номенклатуры для хлебных тарифов), шерсть (гр. 123).
45. Там же. Л. 22.
46. Там же. Л. 23–23об.
47. Там же. Л. 24–24об.
48. Там же. Л. 24об (курсив в док. — *М.Д.*).
49. Там же.
50. Там же. Л. 25.
51. Там же. Л. 26.
52. Там же.
53. Там же. Л. 26об.
54. Особый протокол XXX Общего съезда представителей русских железных дорог № 4. Вопрос 3. СПб., 1889. С. 1–2.
55. Там же. С.6–7.
56. Там же. С. 7.
57. Там же. С.10–11.
58. Там же. С.27–28.

59. Там же. С. 33–34.
60. Там же. С. 3.
61. Там же. С. № 4.
62. Собрание узаконений и распоряжений правительства № 111 от 5 октября 1889 г. (с приложениями). С. 3.
63. Там же.
64. РГИА. Ф. 268. Оп. 4. Д. 103. Л. 152об.
65. Собрание узаконений и распоряжений правительства № 111 от 5 октября 1889 г. (с приложениями). С. 3.
66. Там же.
67. Там же.
68. Там же. С. 3–4.
69. РГИА. Ф. 268. Оп. 4. Д. 103. Л. 154.
70. Там же. Л. 154об.
71. Там же. Л. 154об–155.
72. Там же. Л. 155.
73. Там же. Л. 156.
74. Номенклатура выглядела таким образом:

I. Хлеб в зерне:

1. Рожь (жито, ярица).
2. Пшеница.
3. Овес.
4. Просо и сяомицза.
5. Гаолян.
6. Гречиха.
7. Ячмень.
8. Кукуруза (маис).
9. Горох (простой или полевой).
10. Суржа, полба (эммер), сорго, джугара и т.д.
11. Бобы, в том числе китайские, фасоль и чечевица.

II. Мука, крупа, солод и толокно:

1. Мука пшеничная.
2. Мука ржаная: пеклеванная и сеянная.
3. Мука ржаная, кроме пеклеванной и сеянной.
4. Мука гречневая.
5. Мука бобовая, гороховая, кукурузная, овсяная, пшенная, чечевичная, ячменная и толокно.
6. Крупа пшенная.
7. Пшено.
8. Крупа: кукурузная, манная, овсяная и полбяная.
9. Солод.

III. Тарица, отруби и выжимки:

1. Тарица.
2. Отруби.
3. Мука гречневая и всякая другая, шелуха рисовая и клеверная.
4. Выжимки семенные и льняные отбросы прод.

IV. Семена:

1. Конопли, льна, подсолнечника и др..
2. Семена — горчичные, китайской редьки и др.

3. Вики и чины.

Товары, перевозки которых разрабатывались «Сводной статистикой», можно разделить на 4 условных номенклатурных группы:

1. Продукция сельского хозяйства и пищевые продукты: хлебные грузы, сахарные грузы, жиры и сало, чай, мясной товар, битая птица и дичь, рыбный товар и раки, соль, картофель, яблоки, фрукты, плоды и ягоды, овощи огородные, овощи полевые, грибы и др., бараны и овцы, крупный рогатый скот, лошади и жеребята, свиньи, птицы живые, вина виноградные, пиво, портер, эль и т.д.

2. Продукция металлургической и различных отраслей обрабатывающей промышленности: железо, сталь, чугун и жесть не в деле, железные, стальные и чугунные изделия, свинец и цинк не в деле, земледельческие машины и орудия, кроме деревянных, машины, кроме земледельческих, их части и принадлежности, мануфактурные товары и ткацкие изделия, пряжа и нитки, цемент и др.

3. Сырье для обрабатывающей промышленности: руды, лен, кудель и льняная пакля, кожи и шкуры, шерсть, хлопок.

4. Топливо: каменный уголь, кокс и антрацит, нефтяные грузы, дрова, торф и уголь древесный.

75. Протоколы заседаний XII Тарифного и XXXVIII Конвенционного общих съездов. Вопрос 32. С. 110–111.
76. РГИА. Ф. 268. Оп. 4. Д. 103. Л. 391–393.
77. Там же. Л. 393–393об.
78. Там же. Л. 401–402.
79. Там же. Л. 467–468.
80. Там же. Л. 402–402об.
81. Там же. Л. 403.
82. Там же. Л. 491.
83. Там же. Л. 500–502об.
84. Там же. Л. 502об–505.
85. Там же. Л. 508.
86. Протоколы заседаний XII Тарифного и XXXVIII Конвенционного общих съездов. Вопрос 32. С. 109.
87. Там же.
88. Там же. С. 111–112. Это были железные дороги — Донецкая, Екатерининская, Закаспийская, Козлово-Саратовская, Либаво-Роменская, Орловско-Грязская, Полесские.
89. Там же. С. 112–114.
90. Там же. С. 115.
91. РГИА. Ф. 268. Оп. 4. Д. 981. Л. 63об–64.
92. Там же. Д. 979. Л. 1.
93. Там же.
94. Там же. Л. 6об.
95. Там же. Л. 1об.
96. Протоколы заседаний LXII Общего тарифного съезда, вопрос 75. С. 247–248. СПб., 1900.
97. Там же. Протокол Совещания, организованного по постановлению LXII Общего тарифного съезда (по вопросу 75). С. 4.
98. Там же. С. 4–5.
99. Там же. С. 5.
100. Там же. С. 5–6.
101. Там же. С. 6–7.

102. Там же. С. 7–8.
103. Там же. С. 16–18.
104. Там же. С. 19–20.
105. Там же. С. 17.
106. Там же.
107. Там же. С. 17–18.
108. Протоколы заседаний LXIV Общего тарифного съезда. Вопрос 20. С.91–97; Протоколы заседаний CXVII Общего тарифного съезда. Приложение № 4. С. 5.
109. Протоколы заседаний CXVII Общего тарифного съезда. Приложение № 4. С. 9.
110. Там же. С.7–8.
111. Протоколы заседаний CXV Общего тарифного съезда. Вопрос 12. С. 3–4.
112. Там же. С. 4–5.
113. Там же. С. 5.
114. Там же. С. 7.
115. Там же. С. 8.
116. Протоколы заседаний CXVII Общего тарифного съезда. Приложение № 4. С. 10–11.
117. Там же. С. 12–13.
118. Там же. С. 13–14.
119. Там же. С. 14–16.
120. Протоколы заседаний CXVII Общего тарифного съезда, вопрос 34. С. 204–206.

Приложение к главе 2
К ИСТОРИИ ОБЩИХ СЪЕЗДОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКИХ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ И ОБЩИХ ТАРИФНЫХ СЪЕЗДОВ

В начале своей истории русские железные дороги не заключали между собой соглашений относительно общей связи и общих действий по однообразным, взаимно установленным правилам, а ограничивали свою деятельность исключительно пределами своих границ. Сейчас даже трудно представить реальное положение дел на железных дорогах в то время: «При таком положении дела транспортировка грузов, особенно на дальние расстояния, подвергалась многим неудобствам; так, грузоотправителям приходилось иметь на конечных станциях смежным дорог особых приказчиков или комиссионеров, для передачи грузов с одной дороги на другую, иногда даже при помощи подвод, что, конечно, замедляло, а иногда и вовсе останавливало движение, не говоря уже о частых порчах, подмене и пропаже самих товаров при перегрузках. Железные же дороги, не имея возможности пользоваться надлежащим образом подвижным составом вследствие задержки на конечных пунктах, не успевали вывозить грузы, предъявляемые им к отправлению.

Сознавая эти неудобства и желая устранения их, некоторые дороги входили между собой в частные соглашения насчет взаимной передачи грузов без участия товарохозяев. Но так как условия эти касались лишь передачи грузов посредством перегрузки из вагонов одной дороги в вагоны другой, смежной с нею, то таковыми условиями вышеприведенные неудобства не вполне устранялись. В конце концов на многих дорогах

образовались громадные залежи неотправленных грузов. Скопление подобных грузов по станциям железных дорог достигло особенно значительных размеров в 1868 г. на линиях от Моршанска и Воронежа к Москве»[1].

Для того, чтобы решить эти проблемы, в Козлов и Моршанск был отправлен граф Бобринский. Он созвал совещание управляющих железными дорогами Моршанско-Московской линии, которое и положило, по сути, начало «Съездам представителей железных дорог». Успех первого съезда, «оправдавшегося полезными последствиями», воодушевил железнодорожных деятелей, и стали собираться «частные» съезды представителей соседних железных дорог. Но они решали локальные проблемы, и вскоре их недостаточность стала очевидной. Для успешной эксплуатации каждой дороги необходимо было соглашение между ее управлением и управлением всех примыкающих дорог. Это и привело к идее необходимости учреждения Общих Съездов представителей железных дорог. Первый такой съезд был созван в 1869 г. и , начиная с этого времени, они повторялись не менее одного раза в год.

Министерство Путей Сообщения, сознавая несомненную пользу от подобных периодических совещаний железнодорожных представителей, хотело их как-то структурировать (тогда это называлось «дать определенное значение и правильную организацию») но не слишком удачно. На съезде 1870 г. его участники дружно решили, что съезды имеют совещательный характер, а потому постановления его могут быть обязательны лишь при единогласном голосовании[2].

Поэтому Общие Съезды в дальнейшем получили характер частного соглашения между дорогами. МПС до 1877 г. включительно назначало Председателя съезда из числа своих чиновников, но в 1878 г. отказалось от этого и предоставило съезду выбрать председателя демократическим путем. Пока на съездах присутствовал председатель, назначенный от правительства, съезды имели официозный характер; когда же назначение его от Министерства прекратилось, съезды приняли характер частный.

Данное обстоятельство закономерно вызвало постановку на съезде 1878 г. следующих вопросов: а) считают ли правления вообще нужным дальнейшее существование Общих съездов; б)должны ли съезды созываться периодически или только по мере надобности; в) кому следует поручить председательство на Общих съездах, а равно и созывать их; г) какие вопросы должны рассматриваться Общими съездами, и д) на кого следует возложить делопроизводство по Общему съезду и необходимо ли дальнейшее существование его канцелярии. Съезд постановил, что дальнейшее существование Общих съездов следует признать полезным и нужным; что созыв Общих съездов должен происходить впредь, как и ранее, в конце года, однако в чрезвычайных случаях возможен созыв и экстренных Общих съездов в другое время, если того потребует МПС, или не менее пяти правлений, или если по возбужденному одним из правлений сугубо важному вопросу большинство правлений даст согласие на созыв Общего съезда для его решения; что председателя каждого отдельного Общего съезда следует избирать при открытии его заседаний, а созыв же съезда поручается заведующему делами Общего съезда; что на Общих съездах должны обсуждаться общие для всех железных дорог вопросы, возбуждаемые МПС и правлениями, причем вопросы, вносимые в Общий съезд, по мере возможности, должны предварительно рассматриваться на частных съездах

групп, и, наконец, что для делопроизводства Общих съездов следует сохранить на 1879 год должность заведующего делами и состоящую при нем канцелярию[3].

Должность Заведующего делами была установлена и утверждена еще на съезде 1870 г. (положением о заведовании делопроизводством Общего съезда представителей русских железных дорог), «причем однако Заведующему делами не было предоставлено право входить в предварительный разбор и подготовление вносимых на съезд общих вопросов, а равно замещать собой особый представительный орган, который в промежуток времени между сессиями съездов мог бы входить от себя в предварительные сношения как с правительственными учреждениями, так и с частными лицами и обществами по разным вопросам, до всех дорог относящимся»[4].

Решение Общего съезда 1878 г. было утверждено Управляющим МПС, который, хотя и «разделяя высказанное представителями железных дорог мнение о пользе периодически созывов Общих съездов, изволил приказать, чтобы съезды были собираемы не прежде, как когда на то последует разрешение Министерства и чтобы программы вопросов, предлагаемые к обсуждению на этих съездах, были предварительно и заблаговременно представляемы в Министерство на утверждение, равно как состоявшиеся решения съездов по обсуждавшимся вопросам были приводимы в исполнение не иначе, как с разрешения МПС»[5] — трудно предположить, сказалось ли здесь всегдашнее стремление правительства к ограничению общественной самодеятельности.

В 1880 г. представители некоторых железных дорог составили проект особого положения о железнодорожных съездах, который Министр Путей Сообщения передал на предварительное обсуждение XII Общего съезда. Как и всегда достичь согласия не удалось, и съезд создал особую комиссию, которую уполномочил составить проект, представить на утверждение Министра Путей Сообщения и принять, если потребуется, участие в дальнейшей разработке вопроса в МПС, если этого захочет Министерство[6].

Не раз съездами фиксировалась потребность в постоянном коллегиальном органе при Общем съезде, однако этому препятствовала позиция Министерства Путей Сообщения. На XXXIII Общем съезде 1885 г. было решено, во-первых, «образовать из двух избираемых в Совет по железнодорожным делам представителей и двух их заместителей особое коллегиальное при Общем съезде учреждение с совещательным характером для предварительного обсуждения вопросов, подлежащих внесению на рассмотрение Совета, и других, которые будут передаваемы на его заключение Общим съездом, с решающим голосом лишь по делам, окончательное решение которых будет ему предоставляемо Общим съездом». Во-вторых, «признать, что заведующий делами Общего съезда должен считаться непременным членом сего совещательного учреждения, и в-третьих, просить председателей частных съездов трех групп посещать заседания Совещания по мере возможности»[7].

Однако Министерство Путей Сообщения отвергло и эту идею тоже. В марте 1886 г. на XXV Общем съезде решили «во избежание на будущее время всякого по сему предмету недоразумения, заменить особое Совещание в той форме, к которой оное было утверждено 23 Общим съездом постоянной при Общем съезде комиссией в составе 5 лиц, а именно: заведующего делами Общего съезда, двух представителей железных дорог в железнодорожном Совете и двух членов, особо избираемых Общим съездом с тем,

что в заседаниях комиссии должны принимать участие и председатели трех групп в бытность их в Петербурге». Было получено разрешение Министерства Путей Сообщения в виде опыта на 2 года учредить такую комиссию. Ее назначение должно состоять в предварительном обсуждении вопросов, которые будут передаваться на ее заключение Общим съездом, а решающий голос она будет иметь лишь по делам, разрешение которых предоставлено ей Общим съездом. В ноябре 1886 г. на 26 Общем съезде утвердили особое положение о постоянной комиссии, которое определило как ее права, так и обязанности в отношении «своевременного между заседаниями Общего съезда рассмотрения, подготовления и направления дел», имеющих общий интерес для железных дорог, а равно и порядок субординации между комиссией, Общим съездом, заведующим его делами и другими комиссиям, которые могут избираться съездами[8].

В конце ноября 1887 г. двухлетний срок считался истекшим. Существование комиссии вполне оправдало себя, по мнению железнодорожных деятелей. Министр Путей Сообщения получил от XXVII съезда заключение на этот счет с приложением Положения о Постоянной комиссии и сообщений последней о результатах ее работы за эти 2 года.

На XXVIII съезде комиссия вновь возбудила вопрос о необходимости окончательной выработки Положения об Общем съезде. Для этого она составила выборку из состоявшихся в разное время по этому вопросу постановлений Общих съездов, каждое из которых рассматривалось правительством и совокупность которых «представляла собой положение об Общем съезде». Оно определяло порядок деятельности съезда, порядок его созыва, «способ разрешения им разных дел», степень обязательности его постановлений и др. Постоянная комиссия считала, что положение нуждалось в определенных коррективах «для полного согласования его с современными потребностями». На XXIX съезде решено было исправленный проект внести на рассмотрение XXX Общего съезда, причем в тексте проекта требовалось учесть факт выхода закона 8 марта 1889 г. о правительственном руководстве тарифами[9].

Деятельность Общего съезда представителей русских железных дорог в тарифной части не была активной. Съезд, надо сказать, не отрицал самой возможности возникновения таких тарифных вопросов, которые касались бы не только отдельных железных дорог или их групп, а всей железнодорожной сети в совокупности. Но на деле он чаще всего отказывался от решения тарифных дел. Вместе с тем опыт XXVIII съезда, который в 1888 г. участвовал в урегулировании хлебных тарифов, показал, что такое участие может быть полезным.

Вышесказанное показывает, что Общий съезд представителей русских железных дорог был вызван к жизни необходимостью достижения таких отношений между дорогами, которые давали бы возможность перевозить пассажиров и грузы по прямым билетам и по прямым грузовым документам, без необходимости самим пассажирам и грузоотправителям участвовать в передаче своего багажа или грузов.

Установление прямого сообщения между дорогами не исчерпывало круга задач Общих съездов. Было немало вопросов, вытекавших из местных условий данного конкретного района железнодорожной сети, которые рассматривались на частных съездах отдельных групп прямых сообщений и союзов железных дорог. Эти съезды определяли способы применения установленных правительством и Общими съездами основных

положений и правил к местным условиям по определению величины **прямых провозных тарифов,** для действия на протяжении нескольких линий, принадлежащих к одной или нескольким группам, по устройству беспересадочного пассажирского движения между некоторыми линиями и т. п.

Из всех частных съездов, групп или союзов стабильную организацию имели съезды 1, 2 и 3 групп. Они созывались несколько раз в год по мере надобности[10].

Кроме правительственного разрешения на собрания, эти съезды, как и Общие, не получили никакой «правильной организации, утвержденной законным образом». Уровень, так сказать, их отношений с отдельными железными дорогами, правительственными учреждениями и «публикой» не был регламентирован.

Частные съезды состояли только из представителей железных дорог, которые избирали председателя из своей среды. Он поддерживал связи и контакты с отдельными дорогами, правительственными органами, товароотправителями и пассажирами и в этой части своей компетенции был равен Заведующему делами Общего съезда. Однако в отличие от последнего он имел право разрешать и удовлетворять все поступающие к нему непосредственно или переданные управлениями дорог претензии товарохозяев, исключая претензии о переборах платы[11].

В целом деятельность частных съездов была намного плодотворнее, чем Общих съездов, особенно в тарифной части.

Неудивительно, что Департамент железнодорожных дел считал, что значение Общего съезда представителей русских железных дорог в тарифных вопросах проявлялось в «совершенно ничтожных размерах». Частные съезды групп железных дорог и отдельных сообщений в этом плане играли роль более существенную, но все же делали меньше, чем могли бы. Дело в том, что ими было принято в качестве основного правило Общих съездов — решение по любому вопросу могло быть принято только единогласно. Тарифные вопросы были исключительно внутренним делом железных дорог, которые даже и обсуждать было не всегда возможно, а не только решать. Неявка на заседание представителя какой-либо дороги уже тормозила дело; если соглашение не было достижимо, рассмотрение тарифной проблемы становилось бесполезным. «Вообще разрозненная деятельность и притязания отдельных дорог, составляющих железнодорожные съезды, всегда являлись источником замешательства и усиливали тарифную неурядицу»[12].

Решения съездов были необязательны для дорог, которые не хотели им подчиняться. Необязательность эта доходила до того, что отдельная дорога группы или сообщения могла принять решение диаметрально противоположное постановлению съезда и тем самым парализовать все дело.

После того, как Министерство Путей Сообщения прекратило назначение своих представителей на Общие съезды представителей русских железных дорог, они были как бы предоставлены сами себе. «Замечательно, что и общий устав российских железных дорог оставил вопрос о съездах открытым, тщательно избегая возложить на съезды какие-либо функции». Из всего многообразия правил, разработку которых Устав возлагал на разные железнодорожные учреждения, к компетенции Общих съездов он отнес лишь определение срока доставки грузов для прямых сообщений, а также правила об

исчислении, изменении и перерыве сроков доставки (которые нельзя применять, если есть особые соглашения с хозяевами груза)[13].

Временное положение о железнодорожных тарифах к съездам отнеслось иначе. Они должны были составлять предположения об изменении или дополнении действующих тарифов (ст.6), на их обсуждение должны были передаваться проекты правительственных ведомств, общественных учреждений и обществ об изменении действующих тарифов. Очень важно, что если съезд в установленные сроки не давал отзыва на то или иное предложение, то это не тормозило дальнейшего рассмотрения вопроса[14].

С начала 1890-х гг. роль вновь возникших Общих тарифных съездов в определении железнодорожной тарифной политики стала весьма заметной. Эту роль, как значение общественных организаций в проведении задуманных С. Ю.Витте экономических реформ вообще, еще предстоит раскрыть.

Ниже помещаются составленные Витте правила, которые определяли порядок, организацию и сферу компетенции Общих тарифных съездов.

* * *

О правилах для съездов представителей железных дорог по тарифным вопросам 9 декабря 1889 г.

1 августа 1889 г. Министр финансов утвердил «Временные правила для Съездов представителей железных дорог по тарифным делам» (№ 83 Собр.узак.и распоряжений правительства).

В Высочайше утвержденном 8 марта 1889 г. Временном положении о железнодорожных тарифах и об учреждениях по тарифным делам, в частности, говорится: «...6. Предположения об изменении или дополнении действующих тарифов, а также об установлении новых тарифов составляются железными дорогами или съездами их представителей по тарифным делам (статья 7).

7. Съезды представителей железных дорог для обсуждения тарифных вопросов собираются по распоряжению или с разрешения Министра финансов и подчиняются правилам, установляемых Советом по тарифным делам. (п.а. ст. 22).

В съездах сих участвуют с совещательным голосом представители от Министерства Финансов и других правительственных ведомств, если таковые будут для сего командированы.

На съезды приглашаются с совещательным голосом и представители заинтересованных учреждений и обществ (п.б ст.8), если эти учреждения и общества будут о том ходатайствовать.

...9. Предположения железных дорог и съездов их представителей о введении новых или изменении и дополнении действующих тарифов (ст. 6) не могут быть приводимы в действие без рассмотрения их в учреждениях по тарифным делам.

...11. Предположения правительственных ведомств об установлении или изменении действующих тарифов (п.а.ст. 8), а равно ходатайства по сим предметам общественных учреждений и обществ в тех случаях, когда им будет признано необходимым дать дальнейший ход (ст. 10) передаются на предварительное обсуждение тех железных дорог,

до коих они относятся, а в случае надобности и съездов представителей подлежащих (sic!) железных дорог.

Недоставление железными дорогами или съездом их представителей в установленные сроки отзывов не останавливает движения переданных им на обсуждение вопросов. Доставленные отзывы принимаются в соображение при разрешении тарифных вопросов.

...14. Железные дороги и съезды их представителей обязаны по требованию Министерства Финансов представлять все имеющиеся в их распоряжении статистические и иные сведения и данные, необходимые для разработки и решения тарифных вопросов, а также предъявлять уполномоченным Министерством Финансов лицам книги и документы, необходимые для проверки правильности действий железных дорог по установлению и применению тарифов.

...22. Ведению Совета подлежат:

а)...составление правил для съездов представителей железных дорог по тарифным вопросам;

...в) возражения железных дорог и их съездов на распоряжения по тарифному делу Департамента железнодорожных дел, если сии возражения находятся в тесной связи с потребностями населения и нуждами промышленности и торговли (ст. 40)».

На этих тезисах и основаны были утвержденные 1 августа 1889 г. Временные правила для съездов представителей железных дорог по тарифным вопросам (далее может употребляться как равнозначный термин — Общие тарифные съезды). Рассмотрим их подробнее.

§ 1. Съезды представителей железных дорог собираются для обсуждения тарифных вопросов по распоряжению или с разрешения Министра финансов и подчиняются настоящим временным правилам.

§ 2. Съезды представителей железных дорог бывают: **общие,** когда подлежащие обсуждению вопросы касаются всей рельсовой сети российских железных дорог, и **частные группные или по отдельным сообщениям,** когда обсуждаемые вопросы касаются дорог, входящих либо в отдельные группы, либо в отдельные прямые сообщения.

§ 3. Общие и частные съезды представителей железных дорог бывают **очередные и неочередные.** Неочередные съезды созываются во всякое время года. Время же созывов очередных съездов устанавливается Министром Финансов по представлениям соответствующих съездов.

В параграфе 1, как можно видеть, определяется цель Общих тарифных съездов; их созыв зависит от Министра финансов. Два других параграфа классифицируют съезды по числу дорог, представители которых участвуют в них, и по времени созыва. Термины «группные и отдельных сообщений» надо понимать как «несколько дорог, связанных между собой интересами тарифов прямых сообщений». Поэтому 2-ю часть § 2 нужно бы изложить в такой редакции: «и частные, когда обсуждаемые вопросы касаются только некоторых дорог, связанных между собою тарифами прямых сообщений».

§ 4. Съезды представителей железных дорог образуются:

а) Общий Съезд — из председателя; представителей железнодорожных обществ, назначаемых правлениями и советами управлений сих обществ; из представителей казенных

железных дорог, назначаемых Временным управлением казенных железных дорог и Главным штабом Военного Министерства (по состоящей в ведении сего Закаспийской железной дороге); из представителей железных дорог в Совете по тарифным делам и их заместителей, и из заведующего делами Общего съезда представителей русских железных дорог;

б) съезды по отдельным группам и прямым сообщениям — их председателей: представителей входящих в данную группу или в данное прямое сообщение дорог, назначаемых поименованными в п.а железнодорожными учреждениями казенных и частных железных дорог; из заведующих делами отдельных групп и сообщений, и представителей тех перевозочных предприятий, которые входят в данное прямое сообщение.

§ 5. Во всех съездах общих и частных участвуют с совещательным голосом представители от Министерства Финансов и других правительственных ведомств, если таковые будут для сего командированы.

§ 6. На все съезды приглашаются с совещательным голосом представители заинтересованных общественных учреждений и обществ, существующих на основании утвержденных для них правительством уставов, и которые имеют целью попечение о хозяйственных интересах населения и об удовлетворении нужд торговли и промышленности, если эти учреждения и общества будут о том ходатайствовать.

§ 7. Общим и частным съездам представителей железных дорог предоставляется приглашать в свои заседания компетентных в торговле и промышленности лиц для разъяснения разных специальных вопросов.

Таким образом, §§ 4–7 определяют состав съездов и, т. к. основаны на ст. 7 Временного положения, не требуют комментария.

§ 8. Председатели съездов выбираются самими съездами, если не будет указано Министром Финансов лицо, которое должно председательствовать в данном съезде.

§ 9. Заведующие делами съездов по тарифным вопросам: общего, отдельных групп и сообщений выбираются соответственными съездами представителей дорог. Выборы Заведующих делами съездов отдельных сообщений подлежат утверждению Министра Финансов. Заведующими делами съездов отдельных сообщений могут быть избираемы правления и советы железнодорожных обществ, а равно Временное управление казенных железных дорог. В сем случае на съезды представителей в качестве лица, заведующего делами съезда, означенные учреждения назначают уполномоченного на сие представителя.

§ 10. В тех случаях, когда заведующим делами международного сообщения будет избрано правление иностранного перевозочного предприятия, то русские дороги обязаны из своей среды избирать, с согласия Министра Финансов, одну из участвующих в данном сообщении дорог, на обязанности которой будут лежать все обусловленные настоящими правилами сношения с Министерством Финансов по делам данного сообщения.

§ 11. Заведующие делами съездов представителей железных дорог по тарифным вопросам (§ 9) обязаны выполнять в точности все требования Министерства Финансов (по Департаменту железнодорожных дел), основанные на законе 8 марта 1889 года и решениях учреждений по тарифным делам, указанным в сем законе.

§ 12. Заведующий делами Общего съезда по тарифным вопросам есть в то же время ответственный редактор сборника тарифов российских железных дорог.

§ 13. На обязанности заведующих делами Съездов лежит:

а) ведение делопроизводства соответствующих съездов и состоящих при отдельных съездах учреждений;

б) сношения с Министерством Финансов, железными дорогами, а равно упомянутыми в §§ 5 и 6, так и иными частными обществами и лицами;

в) составление перечней вопросов, подлежащих обсуждению данного съезда; составление протоколов заседаний съездов; представление этих перечней и протоколов в Министерство Финансов (по Департаменту железнодорожных дел), приведение в исполнение постановлений съезда, подлежащих непосредственному введению в действие; представление в Министерство Финансов (по Департаменту железнодорожных дел) предположений съезда, подлежащих утверждению правительственных учреждений по тарифным делам, и приведение в исполнение их решений.

Примечание. Протоколы съездов по тарифным вопросам международных сообщений, созываемых в России, составляются на русском языке и сверх того, если в том окажется надобность, то и подлежащих иностранных.

§ 14. Заведующие делами съездов обязаны все поступившие для внесения в данный съезд вопросы, в период времени от одного до другого съезда, включать в перечни занятий предстоящих съездов, и не позже как за две недели до дня открытия такие перечни представлять в Министерство Финансов и одновременно рассылать участвующим в съезде железным дорогам.

К упомянутым в сем параграфе перечням должны быть приложены все разработанные по включенным в эти перечни вопросам, материалы и доклады по сим вопросам состоящих при съездах учреждений, буде таковые учреждения имеются.

§ 15. Все последующие распоряжения Министерства Финансов об утверждении или изменении перечней занятий съездов, а равно об очереди вопросов, подлежащих рассмотрению съездов, сообщаются заведующими делами безотлагательно железным дорогам, участвующим в данном съезде, в дополнение к разосланным им перечням.

Параграфы 8–15 регламентируют выбор председателей, заведующих делами съездов, а также их права и обязанности. 8-й § возобновляет старую практику, имевшую место на первых Общих съездах представителей русских железных дорог, когда представитель непосредственно назначался Министерством, если оно того пожелает.

§ 16. Съезды представителей железных дорог открываются заведующими делами соответствующих съездов, причем заведующие делами предлагают съезду выбрать себе председателя, если Министром Финансов не указано лицо, которое должно председательствовать в данном съезде (§ 8).

В последнем случае председательство на съезде принимает это лицо.

§ 17. Съезды представителей железных дорог закрываются не ранее, как по окончании рассмотрения вопросов, как включенных в перечень, так и внесенных дополнительно на съезд, которые по указанию Министра Финансов подлежат непременному обсуждению до закрытия созванного съезда.

§ 18. Установление внутреннего распорядка съездов по тарифным вопросам при точном соблюдении настоящих правил предоставляется самим съездом. постановления же названных съездов относительно ассигнования и расходования сумм, утверж-

даются в установленном для расходования железными дорогами эксплуатационных сумм порядке.

§ 19. Единогласные по тарифным вопросам постановления съездов заносятся в протоколы с подробной мотивировкой принятых съездами решений.

В случае разногласия мнения отдельных представителей заносятся подробно в протоколе с указанием присоединившихся к оному членов съезда; подаваемые во время съездов особые мнения с могущими по оным последовать объяснениями членов съезда, — прилагаются к протоколу. Особые мнения, не имевшиеся в виду съездов, представляются в Министерство Финансов (по Департаменту железнодорожных дел) с соблюдением порядка, указанного в § 10 утвержденных Министром Финансов 29 марта 1889 г. временных правил относительно составления, публикации и проч. тарифов.

Примечание. Выборы на съездах по тарифным вопросам производятся закрытой баллотировкой.

§ 20. Протоколы заседаний съездов по предположениям представителей железных дорог об обсуждаемых на съезде вопросах представляются в Министерство Финансов немедленно по их изготовлении в 10 экземплярах со всеми приложениями.

§ 21. Предположения съезда, касающиеся железнодорожных тарифов, приводятся в исполнение в порядке и на точном основании утвержденных 29 марта 1889 г. Министром Финансов временных правил относительно составления, публикации, введения в действие и отмены тарифов, с указанием сроков, при сем соблюдаемых и могущих последовать к сим временным правилам дополнений и изменений.

§ 22. Настоящие правила распространяются и на те съезды представителей железных дорог по тарифным вопросам международного сообщения, заведующим делами коего состоит одно из правлений российских железных дорог»[15].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГИА. Ф. 268. Оп. 2. Д. 22. Л. 221–222.
2. Там же. Л. 222–222об.
3. Там же. Л. 222об–223.
4. Там же. Л. 223.
5. Там же.
6. Там же. Л. 223–223об.
7. Там же. Л. 223об–224.
8. Там же. Л. 224–224об.
9. Там же. Л. 224об.
10. Там же. Л. 225.
11. Там же. Л. 225об.
12. Там же. Л. 226.
13. Там же. Л. 226об.
14. Там же. Л. 226об–227.
15. Там же. Л. 221–229.

У нас в стране наука настолько политизирована, что люди как-то забывают, что истина и сама по себе интересна.

Фазиль Искандер. «Сандро из Чегема»

Глава 3
ВНУТРЕННИЙ И ВНЕШНИЙ ХЛЕБНЫЕ РЫНКИ РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв. И ПРОБЛЕМА «ГОЛОДНОГО ЭКСПОРТА»

§ 3.1. ПРОИЗВОДСТВО, ЭКСПОРТ И ПЕРЕВОЗКИ ГЛАВНЫХ ХЛЕБОВ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

В настоящей главе анализируется соотношение внутреннего и внешнего хлебных рынков в конце XIX – начале XX вв. на основании динамических данных о производстве, экспорте и перевозках хлеба, как общероссийских, так и погубернских, и — в связи с этим — вопрос о так называемом «голодном экспорте».

Понятие «голодный экспорт», в числе прочего, является проблемой как идеологической, так и исторической, и в качестве таковой как минимум включает источниковедческую и конкретно-историческую составляющие.

Этим последним аспектам и посвящена в основном глава 3 данной монографии.

Постулат о «голодном экспорте», усваиваемый миллионами наших соотечественников со школьной скамьи на уровне таблицы умножения, будучи весьма важным компонентом традиционного описания кризисного состояния предреволюционной России, к большому сожалению и ничуть не меньшему удивлению, не потерял до сих пор прав гражданства и в части научного сообщества.

Сама по себе эта проблема, подобно другим мифам национального самосознания, заслуживает отдельного историко-философского и социально-психологического исследования.

Однако в любом случае его необходимо предварить исследованием историко-статистическим, которое должно решить, подтверждается ли существование этого феномена имеющимися статистическими источниками, и которое в постановочном виде предпринимается в данной главе.

Традиция, сложившаяся еще в XIX в. и опять-таки вытекающая из натурально-хозяйственной концепции, трактует потребление крестьянства прежде всего (а то и исключительно!) как потребление углеводов, содержащихся в зерновых; иные источники

питания в литературе игнорируются. Поэтому преобладающая часть написанного по этой тематике касается потребления и вывоза именно хлебов. Отдать дань указанной традиции должен, разумеется, и автор этих строк.

Основные комплексы источников, имеющиеся в нашем распоряжении и позволяющие судить о соотношении производства и экспорта хлеба в рассматриваемый период, таковы: таможенная статистика, статистика урожайности ЦСК МВД и транспортная статистика, т. е. «Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам» и статистика речных перевозок МПС.

Прежде всего, нам известно, что данные таможенной статистики достоверны, насколько может быть достоверна дореволюционная официальная государственная статистика, и поэтому, что крайне важно, в любых вариантах анализа **ее данные являются четким и надежным ориентиром**.

Не секрет, что из перечисленных источников наибольшие и вполне обоснованные сомнения вызывает статистика сборов ЦСК МВД, о чем уже говорилось и о чем еще немало будет сказано в этой книге.

Несмотря на недостоверность статистики ЦСК МВД, мы вынуждены, тем не менее, использовать эти материалы, поскольку нам необходимы показатели, обладающие хотя бы **относительной устойчивостью** во времени и пространстве, притом же, что вектор их (показателей) искажения известен. Поскольку мы знаем, что данные урожайной статистики занижают величину сборов, то, следовательно, вправе предполагать, что в реальности вывозилась **меньшая** часть урожая, нежели это показывают наши таблицы.

Понятно, что анализ динамики доли вывоза хлебов от урожая и, соответственно, остатка хлебов внутри страны имеет самостоятельную ценность, ибо показывает, в каком направлении развивались изучаемые процессы.

Если бы хлебный рынок изучался беспристрастно, то, в сущности, достаточно было бы сопоставить в динамике объемы хлебного экспорта и сведения об урожаях **даже** в вариантах ЦСК МВД, чтобы эта искусственная публицистическая конструкция — «голодный экспорт» — рухнула. Однако этого не происходит. С одной стороны, адепты идеи «голодного экспорта» по понятным причинам этого не делали и не делают. Им, разумеется, проще «рассуждать вообще» о тяжелой доле российского народа.

С другой стороны, такое сопоставление — необходимый, но лишь первый уровень анализа, который становится недостаточным, как только у исследователя возникает естественное желание понять, в какой степени жители отдельных частей огромной страны участвовали в данном глобальном процессе.

И здесь не обойтись без транспортной статистики.

В этом контексте, полагаю, не будет лишним вспомнить следующую мысль П. И. Лященко: «Валовые итоги сбора представляют важность лишь постольку, поскольку они находятся в том или ином соотношении с размерами или вообще внутреннего рынка, или потребительского спроса отдельных районов. Выяснение этого вопроса позволит сделать те или иные заключения и о размерах экспортной способности, и о характере служения внешнему рынку отдельных районов, о большей или меньшей степени зависимости их зернового хозяйства от внешнего или внутреннего рынка, а вместе с тем

в дальнейшем и о необходимости поддержания тех или иных торговых отношений со странами — потребительницами нашего зерна.

Для такой характеристики внутреннего и внешнего рынка и их количественного соотношения и значения было бы едва ли правильным стремиться определять избытки и недостачу в зерновом производстве отдельных районов путем определения потребительных норм на душу населения и на основании их определения общего баланса производства и потребления отдельных районов.

При шаткости самых потребительных норм, особенно для кормовых продуктов, совершенно невозможно получить исчерпывающих цифр потребления и избытков хлеба.

Между тем, не задаваясь целями такого исчерпывающего учета, торговые отношения отдельных районов, размеры и характер их служения внутреннему или внешнему рынку можно выяснить с достаточной полнотой и ясностью косвенным путем, именно — рассмотрением торговой циркуляции хлебных товаров в отдельных районах, т. е. изучением, главным образом, железнодорожных перевозок, отправлений и получений хлеба отдельными районами»[1].

Другими словами, Лященко (безусловно осведомленный о проблеме нерепрезентативности статистики ЦСК МВД, но здесь попросту игнорирующий ее) уверен — и в этом с ним трудно не согласиться, — что едва ли не важнейшую роль при изучении хлебного рынка должна играть железнодорожная статистика. От себя добавим — и корректно используемая статистика водных перевозок.

Материалы транспортной статистики, особенно взятые в динамике, обладают, как мы увидим, **самостоятельной** ценностью. Перевозки вообще и хлеба, в частности, едва ли не важнейший элемент тех «волшебных изменений», которые неизмеримо расширяют смысл жизнедеятельности миллионов людей. Правда, преимущественно вне рамок натурально-хозяйственной концепции народного хозяйства.

Сведения транспортной статистики дают возможность делать новые и важные выводы. Они могут показать, как менялись перевозки, как менялась динамика экспорта и его слагаемые на фоне изменения сборов, даже фиксируемых так, как они фиксировались. Они позволяют разорвать порочный круг, в котором отечественная историография в основном добровольно, но иногда и по неведению, пребывает свыше ста лет, будучи в полной зависимости от недостоверной урожайной статистики ЦСК МВД, которая как будто специально создана для демонстрации тяжкой доли российского крестьянства; собственно говоря, волостные правления, занижая урожай, стремились создать у Власти такое представление, о чем немало будет сказано ниже.

Понятно, что и функционирование хлебного рынка вообще и многие из рассматриваемых сюжетов, в частности, станут куда яснее, а их понимание — куда объемнее, если мы сможем сопоставить информацию об урожаях и экспорте хлебов со сведениями об их внутренней и вывозной (экспортной) транспортировке.

В контексте данной проблемы сведения о перевозках хлеба используются для характеристики соотношения вывозного и внутреннего отправления. Весьма важно было бы исследовать эти процессы как для всех хлебных грузов, так и каждого из главных хлебов, причем на уровне не только всей страны, но и экономико-географических районов отдельных губерний. Россия, как известно, развивалась в рассматриваемый период

весьма энергично, в том числе и в демографическом плане. Это, конечно, меняло роль различных регионов на хлебном рынке страны, и анализ данных процессов необходим для понимания эволюции российского сельского хозяйства.

Эта проблема как в масштабах страны, так и применительно к участию отдельных губерний в снабжении внутреннего и внешнего хлебных рынков решается с помощью выделения из общей величины отправления (т. е. 100 % фиксируемых источником) перевозок в вывозные (т. е. таможенные) пункты; разница между размерами общего и вывозного отправления составляет внутреннее отправление. При этом нужно иметь в виду, что в число таможенных пунктов входили и такие крупные потребительские центры, как Петербург, Одесса, Рига, Ревель и др., хотя потребляемый ими хлеб из величины экспортного отправления не выделяется.

По моему убеждению, данные о железнодорожной транспортировке, почерпнутые из «Сводной статистики перевозок по русским железным дорогам», являются репрезентативными и, несомненно, дают общее представление о направлении эволюции хлебного рынка как в масштабах губерний, так и всей страны.

В силу этого о динамике соотношения внутреннего и вывозного отправления вполне корректно можно судить по величине рельсовых перевозок хлебных грузов, ясно осознавая при этом как определенную ограниченность этих данных, с одной стороны, так и их надежность, «системность», особенно с учетом постоянного расширения железнодорожной сети в конце XIX – начале XX вв., с другой.

Однако не нужно специально пояснять, насколько интересно и важно дополнить сведения о железнодорожной транспортировке хлеба материалами о водных перевозках.

Здесь есть свои трудности.

Во-первых, это проблема «двойного счета». В данной работе она решается в соответствии с приведенной выше методикой. Во-вторых, напомню, неполнота данных о водной транспортировке, в силу чего суммарные сведения об отправлении из губерний Новороссии и хлебородного Поволжья, полагаю, **несколько** занижены. В-третьих, отсутствие данных о прямом гужевом подвозе хлеба к пристаням и портам Новороссии.

Но и здесь таможенная статистика позволяет оставаться в рамках здравого смысла, т. е. иметь довольно отчетливое представление о величине перевозок.

Конкретные размеры недоучета сейчас я определить не берусь, но полагаю, что для решения проблемы соотношения экспорта и урожаев данное обстоятельство не играет решающей роли (ибо всегда есть, повторюсь, ориентир в виде статистики экспорта).

Кстати, прежде всего, по этой причине я и считаю, что эволюцию внутренних и вывозных перевозок в масштабах России корректнее изучать на основании данных о железнодорожной транспортировке.

А вот для оценки участия отдельных губерний в снабжении внутреннего и внешних рынков хлебом сведения о речных перевозках привлекать, полагаю, необходимо, постоянно имея в виду при этом, что суммарные данные о рельсовой и водной транспортировке хлеба, скорее всего, несколько меньше реальных. Как, впрочем, и размеры урожаев.

В какой мере недоучет перевозок компенсируется недоучетом урожаев, сказать определенно в настоящий момент не представляется возможным, а высказывать предположения едва ли целесообразно. При том же, повторюсь, мы не имеем данных о гуже-

вой перевозке и не можем ответить на естественный вопрос о размерах подвоза хлеба к пристаням рек Новороссии и портам Черного и Азовского морей гужем, что наиболее важно для уяснения размеров экспортного отправления.

Однако в любом случае совершенно очевидно, что **речь не идет о цифрах, сколько-нибудь радикально меняющих суть общих выводов**, поскольку они всегда корректируются таможенной статистикой, позволяющей оставаться на почве точных цифр.

Тот факт, что подсчеты проводятся на основании сведений одних и тех же источников и по одной и той же методике, как представляется, дает возможность иметь в конечном счете достаточно четкое представление об изучаемых процессах.

Таким образом, помещенные в приводимых ниже таблицах данные о внутреннем и вывозном отправлении главных хлебов производящими губерниями представляют собой сумму железнодорожного и речного отправления со станций и пристаней, расположенных на их территории, очищенную от «двойного счета».

Весьма важное предуведомление.

В своей работе я использую данные о валовых сборах, не пытаясь вычислять «чистые сборы» и не вводя поправок.

Причина такова. Моя работа прежде всего посвящена источниковедческому исследованию «Сводной статистики перевозок по русским железным дорогам», и урожайная статистика здесь играет подчиненную, служебную роль.

Занижение сборов статистикой ЦСК МВД для меня, как и для ряда других специалистов, повторюсь, очевидно (см. подробнее параграф 3.10); понятно, что равным образом занижались и сведения о чистом сборе. Позволю себе напомнить мнение П. Грегори, справедливо считающего, что «основной предмет обсуждения» дореволюционной сельскохозяйственной статистики — «это так называемые „исправления Иванцова“, которые использовались Госпланом в середине 1920-х гг. для того, чтобы скорректировать цифровые данные Центрального статистического комитета, повысив их на 19%. Можно себе представить, что столь значительная корректировка данных создает большую разницу в оценках выпуска и рынков продукции»[2]. Несколько ниже он так обосновывает свою методику подсчетов производства зерна: «Мое основное предположение состоит в том, что официальные временные ряды отражают динамику с возможной точностью, и я использую их для составления индексов „чистого“ выпуска продукции за период 1885–1913 гг. Для данных 1913 г. я использую коэффициент повышения, приблизительно равный 7%, предложенный и обычно используемый Центральным статистическим управлением в 1920-е гг. (возможно, на основе исследования А. Ф. Фортунатова). В этой связи я принимаю утверждение Виткрофта, что значительная „поправка Иванцова“, одно время используемая Госпланом, не имеет под собой твердой основы и что более скромная поправка Фортунатова, тем не менее, более адекватно отражает положение вещей. 7-процентный коэффициент лишь немного ниже 10-процентного коэффициента, используемого Фалкусом»[3].

Я не вижу смысла вдаваться в полемику о том, какая поправка к данным ЦСК МВД ближе к истине — в 19%, 10% или 7%. Притом же я подозреваю, что таковая едва ли может иметь унифицированный вид для такой большой страны, как Россия. У меня нет

уверенности, что между многими тысячами волостных правлений была негласная договоренность о том, насколько нужно занижать размеры урожаев.

Данные таблиц 1.18–1.18 е, приведенные выше, а также таблицы 3.47 и 3.48 в которых показано, какая доля урожаев пшеницы и овса в производящих губерниях перевозилась по железным дорогам и речным путям, и которые ясно демонстрируют, что недостоверность статистики сборов особенно ясно выступает в неурожайные годы, право же, минимизирует у меня как у автора всякое желание подсчитывать «чистые сборы».

С учетом всего сказанного я не считаю возможным использовать статистическую информацию дважды заведомо неточную — заниженный чистый сбор, который выводится из заниженного же валового.

Поэтому в своей работе я предпочитаю оперировать данными о валовых сборах (продолжая линию дореволюционных исследователей, например, того же П.И. Лященко) как более или менее четким ориентиром, насколько это определение применимо к заведомо неточной статистике, полагая все же эту неточность, если так можно выразиться, относительно стабильной.

В общем виде содержание главы таково. После общей характеристики хлебного экспорта России рассматривается соотношение урожаев и экспорта, включая анализ линейных трендов их динамических рядов. Затем проводится сопоставление данных о перевозках всех хлебных грузов в 1894–1895, 1901–1903 и 1908–1911 гг. Далее после обзора динамики посевных всех хлебов вообще проводится последовательное исследование пшеничного, ржаного, овсяного и ячменного рынков России в начале XX в. Для каждого из главных хлебов дается характеристика динамики посевов, в том числе и погубернская, а также сопоставление сведений о внутреннем, вывозном и общем отправлении по исследуемым периодам.

Очевидно, что эта проблематика, имеющая сугубо самостоятельные научное значение и интерес, прямо корреспондирует с пресловутым тезисом о «голодном экспорте».

Поэтому в параграфе 3.10 — „О голодном экспорте“ и потреблении хлеба в России» — рассматриваются разнообразные сюжеты, связанные с проблемами потребления в России в конце XIX – начале XX вв. и их восприятием как в то время, так и в последующий период, история продовольственной помощи в пореформенную эпоху, а также роль природно-климатического фактора и уравнительно-передельной общины на развитие сельского хозяйства страны и др.

П. И. Лященко, рассуждая о наступивших к концу XIX в. переменах в структуре отечественного хлебного производства, дает следующую самую общую характеристику рынков каждого из главных хлебов: «Отдельные хлеба в соотношении внутреннего и вывозного сообщений представляют весьма существенные отличия. Рожь, главный продукт массового производства и внутреннего потребления, дает непрерывное и правильное возрастание своих внутренних перевозок, указывая тем самым на возрастание внутреннего потребления ржи и на возрастание вместе с тем товарного ее производства. Наоборот, вывозное сообщение вообще не отличается постоянством, резко сокращаясь после неурожайных лет и свидетельствуя о том, что на внешний рынок рожь идет лишь после более или менее полного насыщения внутреннего рынка. Но кроме того, вывозные перевозки ржи вообще сильно падают; другими словами, внешний ры-

нок для ржи теряет свое значение. Пятнадцать лет назад рожь-товар шла по железным дорогам на 2/3 на внешний рынок и только на 1/3 на внутренний; в настоящее время положение стало обратным, и только 1/3 товарной циркуляции ржи служит внешнему рынку, уменьшившемуся по своим абсолютным размерам вдвое.

Перевозки пшеницы дают несколько иную картину. Внутренние перевозки пшеницы, а следовательно, торгово-товарное производство этого хлеба и его потребление внутри страны дают сильное возрастание, даже большее, чем возрастание перевозок ржи; таким образом, внутреннее потребление пшеницы растет быстрее потребления ржи.

Вместе с тем, однако, в противоположность перевозкам ржи, увеличиваются и вывозные перевозки пшеницы. Правда, эти перевозки не отличаются постоянством; амплитуда их колебаний по годам также значительно больше, чем для внутренних перевозок, но все же размеры их за вторую половину рассматриваемого периода значительно больше, чем за первую.

Овес, также продукт массового производства, но несколько менее необходимый предмет внутреннего потребления, дает некоторые отличия своих перевозок как сравнительно с рожью, так и сравнительно с пшеницей. Внутренние перевозки овса довольно постоянны, обнаруживая в то же время правильное возрастание, но несколько меньшее, чем ржи. Наоборот, вывозные перевозки овса отличаются большой неустойчивостью; кроме того, в общем ходе перевозок за 15 лет почти невозможно заметить определенной тенденции ни к возрастанию, ни к падению, хотя все же за последние пятилетия вывозные перевозки несколько увеличиваются.

Наконец, ячмень представляет, с одной стороны, наиболее быстрое увеличение абсолютных размеров перевозок как вывозных, так и внутренних, с другой — весьма незначительную относительную долю внутренних перевозок с наибольшим, наоборот, из всех хлебов преобладанием вывозных перевозок. Эти вывозные перевозки, т. е. служение ячменя внешнему рынку, за 15 лет особенно быстро возросли, дав увеличение более чем в 4 раза, тогда как даже перевозки пшеницы увеличились менее чем в 2 раза»[4].

Рассмотрим структуру хлебного экспорта России в конце XIX – начале XX вв. (см. табл. 3.1 и 3.1а).

Как можно видеть из таблицы 3.1а, вплоть до 1909–1913 гг. пшеница со значительным отрывом лидировала среди экспортных культур. Вывоз ее по абсолютной величине возрастал, однако доля в хлебном экспорте постепенно падала с 41,9% в 1889–1893 гг. до 35,6% в 1909–1913 гг. и 29,2–31,2% в 1911–1913 гг.; даже в урожайные 1912–1913 гг. вывоз ее уменьшался и по абсолютной величине, что весьма показательно. Экспорт ячменя стабильно возрастал по обоим показателям и в 1911–1913 гг. обогнал пшеницу — факт небывалый. В 1889–1893 гг. на ячмень приходилось 17,5%, а в 1909–1913 гг. — 31,2% вывоза всех хлебов (в 1913 г. — 36,8%). В сумме пшеница и ячмень давали от 60 до 72% всего экспорта, и не будет ошибкой сказать, что вывоз хлеба из России в конце XIX – начале XX вв. — это, главным образом, вывоз пшеницы и ячменя, специально производившихся на экспорт в Новороссии и Предкавказье.

Нетрудно заметить, что экспорт ржи стабильно снижался, достигая в предвоенное пятилетие величины урожая, скажем, Пензенской губернии в те же годы, но уже никак не Курской или Уфимской. Почти в три раза упала доля ржи в экспорте — с 14,5 до 5,5%.

Таблица 3.1. Среднегодовой экспорт хлебов за 1889–1913 гг. (тыс. пуд.)

Годы	Рожь	Пшеница	Ячмень	Овес	Мука		Главные хлеба	Второст. хлеба	Все хлеба
					пшенич.	ржаная			
В среднем за 1889–1893	**54534**	**157357**	**65543**	**49043**	**3407**	**2496**	**332381**	**42776**	**375157**
В среднем за 1894–1898	**78384**	**210468**	**107765**	**59505**	**4005**	**4188**	**464315**	**69500**	**533815**
В среднем за 1899–1903	**83415**	**160712**	**91128**	**62335**	**4268**	**9080**	**410956**	**81911**	**492867**
1904	60051	280884	151838	54062	6363	11993	565191	83620	648811
1905	59674	293834	138263	127327	5919	7123	632140	65361	697501
1906	65366	219995	148810	69544	6142	7523	517380	73378	590758
1907	45164	131674	132665	26137	4043	6344	356027	114355	470382
1908	24911	89803	161389	29374	3243	6178	314898	90006	404904
В среднем за 1904–1908	**51035**	**205238**	**146593**	**61289**	**5142**	**7832**	**477127**	**85344**	**562471**
1909	35499	314469	219202	74663	5764	7010	656607	105329	761936
1910	40538	374590	244702	83947	6820	6498	757095	93077	850172
1911	53874	240545	262638	85130	7352	9491	659030	165056	824086
1912	30596	161020	168708	51799	6368	5996	424487	127183	551670
1913	39470	203256	239718	36604	9963	6980	535991	114889	650880
В среднем за 1909–1913	**39995**	**258776**	**227014**	**66429**	**7253**	**7195**	**606644**	**121086**	**727730**

Источники: Материалы к пересмотру торгового договора с Германией. Вып. V. Россия. Привоз, вывоз и направление вывоза главнейших сельскохозяйственных продуктов за 1884–1910 гг. Пг., 1915; Сельское хозяйство России в XX веке. М., 1922. Лященко П.И. Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с таможенным обложением. Пг., 1915.

Вывоз овса по пятилетиям растет, хотя и незначительно, но очевидно его существенное снижение в 1912–1913 гг. Экспорт муки был невелик, что отражало, в частности, недостаточное развитие мукомольной промышленности в России. Увеличивался как в количественном, так и в относительном выражении экспорт второстепенных хлебов, большую часть которого составляли кукуруза, отруби и жмыхи, — в отдельные годы он превышал 20%. Очевидна неустойчивость экспорта как отдельных главных, так и всех хлебов вообще — перепады в соседние годы иногда достигают 300 и более процентов. Это закономерно ставит вопрос о соотношении размеров экспорта хлеба и урожаев.

В нескольких словах данный аспект зернового хозяйства России в этот период можно охарактеризовать так: урожаи главных хлебов в стране продолжали расти, однако доля экспорта в урожае всех главных хлебов, кроме ячменя, уменьшалась (причем иногда и в абсолютном выражении). Это показывает сравнительный анализ динамики сбора и экспорта главных хлебов в 1893–1913 гг. (см. табл. 3.2).

Данные таблицы 3.2 уместно дополняются цифрами средних ежегодных приростов показателей производства и экспорта хлеба, вычисленными при построении линейных трендов приведенных в ней динамических рядов. Так, средний ежегодный прирост урожая ржи составлял 9364 тыс. пуд., а вывоз падал ежегодно в среднем на 1926 тыс. пуд.,

Таблица 3.1а. Среднегодовой экспорт хлебов за 1889–1913 гг. (в % к общему вывозу)

Годы	Рожь	Пшеница	Ячмень	Овес	Мука		Главные хлеба	Второст. хлеба	Все хлеба
					пшенич.	ржаная			
В среднем за 1889–1893	**14,54**	**41,94**	**17,47**	**13,07**	**0,91**	**0,67**	**88,60**	**11,40**	**100**
В среднем за 1894–1898	**14,68**	**39,43**	**20,19**	**11,15**	**0,75**	**0,78**	**86,98**	**13,02**	**100**
В среднем за 1899–1903	**16,92**	**32,61**	**18,49**	**12,65**	**0,87**	**1,84**	**83,38**	**16,62**	**100**
1904	9,26	43,29	23,40	8,33	0,98	1,85	87,11	12,89	100
1905	8,56	42,13	19,82	18,25	0,85	1,02	90,63	9,37	100
1906	11,06	37,24	25,19	11,77	1,04	1,27	87,58	12,42	100
1907	9,60	27,99	28,20	5,56	0,86	1,35	75,69	24,31	100
1908	6,15	22,18	39,86	7,25	0,80	1,53	77,77	22,23	100
В среднем за 1904–1908	**9,07**	**36,49**	**26,06**	**10,90**	**0,91**	**1,39**	**84,83**	**15,17**	**100**
1909	4,66	41,27	28,77	9,80	0,76	0,92	86,18	13,82	100
1910	4,77	44,06	28,78	9,87	0,80	0,76	89,05	10,95	100
1911	6,54	29,19	31,87	10,33	0,89	1,15	79,97	20,03	100
1912	5,55	29,19	30,58	9,39	1,15	1,09	76,95	23,05	100
1913	6,06	31,23	36,83	5,62	1,53	1,07	82,35	17,65	100
В среднем за 1909–1913	**5,50**	**35,56**	**31,19**	**9,13**	**0,99**	**0,99**	**83,36**	**16,64**	**100**

овса собирали ежегодно в среднем на 12903 тыс. пуд. больше, а экспортировали на 94 тыс. пуд. меньше. Среднегодовой прирост урожаев пшеницы равнялся 27053 тыс. пуд., а ее экспорт ежегодно увеличивался в среднем на 3140 тыс. пуд., то есть, в стране ежегодно в среднем оставалось на 23913 тыс. пуд. пшеницы больше, чем в предыдущем году. Эта цифра превышает среднегодовой урожай всех Центрально-Черноземных, Центрально-Промышленных, Белорусских, Приозерных, а также Черниговской и Эстляндской губерний, вместе взятых, в 1909–1913 гг. Соответствующие показатели для ячменя составляли 15070 и 7197 тыс. пуд. Другими словами, за границу продавалось лишь 10,6% прироста сборов пшеницы и около половины (47,8%) прироста сборов ячменя.

Показательно, что доля вывозимой ржи, составлявшая в 1891–1895 гг. 5,7% урожая, упала до 3,3% в 1911–1913 гг., доля пшеницы снизилась с 34,6 до 19,8% (причем с 1910 г. экспорт пшеницы уменьшается и по абсолютной величине), доля овса — с 10,7% до 7,5%, а доля ячменя возросла с 34,6 до 37,9% (как уже отмечалось, это объясняется форсированием производства в Новороссии и Предкавказье ячменя как культуры почти исключительно экспортной).

Все эти факты неоспоримо говорят о возрастании объема внутреннего рынка для главных хлебов и соответственно о постепенном снижении роли внешнего рынка. Данные транспортной статистики позволяют конкретизировать это явление и в общих чертах проследить, как протекали указанные перемены.

Чтобы точнее представлять внутренние потребности страны в хлебе и круг основных поставщиков зерна на рынок, необходимо определить губернии с недостатками и

Таблица 3.2. Динамика урожаев и экспорта главных хлебов в 1893–1913 гг.* (тыс. пуд.)**

Годы	Рожь			Пшеница			Ячмень			Овес		
	Урожай	Экспорт	Доля экспорта от сбора	Урожай	Экспорт	Доля экспорта от сбора	Урожай	Экспорт	Доля экспорта от сбора	Урожай	Экспорт	Доля экспорта от сбора
1893	1114720	37053	3,3	709718	160455	22,6	421166	111228	26,4	673044	56801	8,4
1894	1341087	85671	6,4	697675	209762	30,1	351272	153139	43,6	673910	94395	14,0
1895	1203995	95541	7,9	626017	242752	38,8	327682	108319	33,1	648948	66739	10,3
1896	1181142	83717	7,1	606512	224633	37	324955	81605	25,1	645948	67512	10,5
1897	962730	78837	8,2	475589	218327	45,9	306308	89441	29,2	527772	43617	8,3
1898	1097484	71418	6,5	678029	183564	27,1	397797	106320	26,7	556332	25264	4,5
1893–1898	**1150193**	**75373**	**6,6**	**632257**	**206582**	**32,7**	**354863**	**108342**	**30,5**	**620992**	**59055**	**9,5**
1899	1356886	67097	4,9	653989	112224	17,2	289865	74549	25,7	805157	28463	3,5
1900	1393641	104063	7,5	657550	122979	18,7	309358	53676	17,4	720215	80047	11,1
1901	1137353	92692	8,1	667132	143853	21,6	313397	77631	24,8	527812	80317	15,2
1902	1378534	109395	7,9	931437	190701	20,5	442096	104165	23,6	786122	63333	8,1
1903	1354909	94273	7	916678	262372	28,6	465857	145619	31,3	645135	59517	9,2
1899–1903	**1324265**	**93504**	**7,1**	**765357**	**166426**	**21,7**	**364115**	**91128**	**25**	**696888**	**62335**	**8,9**
1904	1506805	73377	4,9	1033855	289368	28	451541	151838	33,6	943773	54062	5,7
1905	1090758	67588	6,2	944168	301726	32	450371	138263	30,7	754674	127327	16,9
1906	982671	73725	7,5	749260	228184	30,5	408430	148810	36,4	561168	69544	12,4
1907	1193880	52213	4,4	727345	147065	20,2	459972	132665	28,8	728461	26137	3,6
1908	1168799	31775	2,7	812723	94127	11,6	491606	161389	32,8	739477	29374	4,0
1904–1908	**1188583**	**59736**	**5**	**853470**	**212094**	**24,9**	**452384**	**146593**	**32,4**	**745511**	**61289**	**8,2**
1909	1351606	43288	3,2	1182093	322154	27,3	622676	219202	35,2	946088	74623	7,9
1910	1299405	47758	3,7	1162046	383683	32,8	602788	244702	40,6	856205	83947	9,8
1911	1151182	64420	5,6	742738	250348	33,7	537236	262638	48,9	702598	85130	12,1
1912	1567736	37258	2,4	1036356	169511	16,4	606045	168708	27,8	864424	51799	6,0
1913	1507246	47226	3,1	1391966	216540	15,6	627336	239718	38,2	979677	36604	3,7
1909–1913	**1375435**	**47990**	**3,5**	**1103040**	**268447**	**24,3**	**599216**	**226994**	**37,9**	**869798**	**66421**	**7,6**

Источники: Материалы к пересмотру торгового договора с Германией. Вып. V. Россия. Привоз, вывоз и направление вывоза главнейших сельскохозяйственных продуктов за 1884–1910 гг. Пг., 1915; Прегер Р.И. Производство главнейших хлебов в России за двадцатипятилетие 1888–1912 гг. Пг., 1915; Сельское хозяйство России в XX веке. М., 1922.

---

* Урожай дается по 63 губерниям.

** При пересчете муки ржаной в зерно принимается выход муки в 90%, муки пшеничной — в 75 % зерна.

Таблица 3.3. Избытки и недостатки главных хлебов в 1909–1913 гг. (тыс. пуд.)

Губернии	Рожь	Пшеница	Ячмень	Овес	Губернии	Рожь	Пшеница	Ячмень	Овес
Архангельская	–2330	–1598	–35	–1014	Самарская	14809	77885	–185	–338
Олонецкая	–2567	–1114	–3	–323	Саратовская	10345	23559	–140	5542
Вологодская	–2045	–3706	–45	1122	Оренбургская	–37	17485	–61	104
Пермская	–349	–9017	–33	–1352	Уфимская	22114	1219	–79	5816
Вятская	4248	–4115	–8	7061	Астраханская	–1287	–6558	–89	–1837
Петербургская	–18875	–16964	–1084	–21347	Кубанская*	2010	58608	30117	353
Псковская	–2223	–2114	–45	–304	Ставропольская	46	14385	6184	910
Новгородская	–5717	–3757	–43	129	Терская	–11	4329	4234	595
Эстляндская	–255	–1719	–279	–163	Варшавская	–967	–6849	654	–3212
Курляндская	–33	–1172	351	1433	Калишская	–1224	–432	486	–265
Лифляндская	–2466	–4040	246	–2226	Келецкая	–193	–195	522	–38
Ковенская	613	–894	381	577	Ломжинская	–67	–566	256	592
Виленская	–1278	–2321	–583	–1024	Люблинская	324	221	238	–183
Гродненская	–283	–2939	–58	–1663	Петроковская	–6587	–5344	–220	–3087
Витебская	–2510	–3463	–327	–569	Плоцкая	455	277	420	–513
Могилевская	–688	–2974	–10	–152	Радомская	209	–582	360	83
Смоленская	–3616	–3314	–201	–667	Сувалкская	–110	–34	865	245
Минская	–179	–2980	379	–861	Седлецкая	699	–156	38	–33
Московская	–18034	–17270	–1516	–19317	Тобольская	–173	1481	28	–488
Владимирская	–7597	–7439	–24	–2111	Томская	1225	12740	58	3417
Костромская	–4818	–4583	30	–821	Акмолинская	–128	4457	22	–552
Ярославская	–3693	–6068	–176	405	Енисейская	854	–1227	–21	305
Тверская	–5190	–6329	–80	–828	Иркутская	–423	–2888	–24	–744

* Здесь и далее в показатели Кубанской области входят и данные по Черноморской губернии.

Калужская	–4148	–2392	–15	–652	Забайкальская	–452	–3160	15	–711
Рязанская	1822	–3509	–43	12260	Амурская	8	–3554	–100	97
Тульская	2091	–2409	–44	18779	Приморская	–299	–7797	–653	–744
Орловская	–113	–2692	–63	10539	Уральская	185	2722	–1	–54
Курская	3877	973	139	9530	Тургайская	7	720	34	–50
Тамбовская	17483	–3949	–49	24490	Семипалатинск.	11	3884	17	–120
Воронежская	6055	11572	1534	4247	Бакинская	–623	–6279	–558	–247
Симбирская	4590	1945	–8	4487	Кутаисская	–244	–7589	–140	–191
Казанская	10487	–5161	–163	10713	Эриванская	–45	–1896	56	–6
Нижегородская	–2540	–6089	–71	–1375	Карсская	–40	–192	534	–1
Пензенская	4586	–2285	–29	7589	Елисаветпольск.	–13	–1354	394	–10
Черниговская	–504	–2787	–26	4315	Тифлисская	–123	–2453	–732	–44
Полтавская	8561	16805	1344	7251	Дагестанская	–25	1715	261	–4
Харьковская	2460	13384	3194	2006	Закаспийская	–231	–1696	670	–551
Киевская	1709	5880	2408	–659	Самаркандск.	–21	2033	362	–44
Подольская	889	8483	1999	–3	Бухара	–15	–1393	–108	–3
Волынская	–41	1935	733	–1232	Ферганская	–53	–13556	–554	–165
Бессарабская	4439	9926	24399	445	Сыр–Дарьинская	–94	–1330	–50	–330
Донская	7552	60481	37571	–1958	Итого	46009	276856	224186	67836
Екатеринослав.	2343	49945	28779	–512	Нераспред.	–6225	–21992	1708	–2971
Таврическая	3574	46255	24676	–475	Баланс по Империи	39784	254864	225894	64865
Херсонская	10908	39795	57974	–1428					

Источник: Производство, перевозки и потребление хлебов в России в 1909–1913 гг. Ч. 1.

избытками главных хлебов. Сведения об этом можно почерпнуть в упоминавшемся уже издании «Производство, потребление и перевозки хлебов в России. 1909–1913», на основании которого составлена таблица 3.3. Как говорилось, эта обобщающая публикация содержит средние погубернские данные об урожае, потреблении и транспортировке хлебных грузов за предвоенное пятилетие. Сведения о перевозках главных хлебов суммируют информацию о рельсовых (из «Сводной статистики перевозок по русским железным дорогам») и речных (из «Статистических сборников МПС») перевозках, а также каботаже. При подсчете отправления из приморских губерний исключалось отправление из портов во избежание двойного счета. Избытки и недостатки – это разность между потреблением хлеба и урожаем. Для удобства производится пересчет ржаной муки в чистую рожь, а пшеничной — в чистую пшеницу (авторы публикации принимают выход муки из зерна соответственно в 90 и 75% зерна).

Более подробный анализ избытков и недостатков главных хлебов будет дан ниже, а пока отметим весьма высокую концентрацию в небольшом числе губерний как недостатков, так и излишков главных хлебов в 1909–1913 гг. Участие отдельных губерний в хлебной торговле было далеко не равноценным. Равным образом и концентрация отправления главных хлебов также была высока. Достаточно сказать, что половину всей ржи в стране отправляли 8 губерний из 87, по территории которых проходили железные дороги, овса — 7, пшеницы — 5, ячменя — 2 губернии. Это показывает, насколько далеко зашел процесс специализации конкретных губерний и регионов на товарном производстве отдельных хлебов. При этом факт избытка одних хлебов не был гарантией от недостатка других.

Таковы некоторые важные характеристики хлебного рынка накануне войны с точки зрения производства главных хлебов, а также их избытков и недостатков. В этой картине, казалось бы, нет ничего необычного: разделение губерний на производящие и потребляющие весьма четко укладывается в устоявшиеся представления о черноземных и нечерноземных губерниях — первые вывозят хлеб, вторые его потребляют. Однако это не вполне точно. Ведь наличие избытков и недостатков, как мы уже знаем, — явление историческое, другими словами, преходящее (см. главу 1). Когда-то и в нечерноземных губерниях были избытки хлеба, а Центрально-Промышленный район, наряду с Центрально-Черноземным, лидировал по величине урожаев. Объемы ввоза и вывоза хлебов являются важными характеристиками той стадии аграрной эволюции, которую переживает данный регион в изучаемый период. А эта стадия в значительной степени связана с численностью населения и степенью индустриализации региона.

Представленная картина фиксирует итог пореформенного развития отечественного сельского хозяйства в одном из основных аспектов, и по этой причине она статична. Динамику изучаемых процессов позволяет проследить железнодорожная статистика.

В таблице 3.4. представлены средние данные о соотношении вывозного и внутреннего железнодорожного отправления всех хлебных грузов за некоторые годы, охватывающие период с 1888 по 1913 гг.

Как можно видеть, общее отправление выросло с 1889–1890 гг. до 1912–1913 гг. на 789 млн. пуд., то есть в 2,63 раза, вывозное отправление — на 217 млн. пуд., то есть в 1,72 раза, а внутреннее отправление — на 572 млн. пуд., или в 3,88 раза. При этом

Таблица 3.4. Среднегодовое железнодорожное отправление всех хлебных грузов (в млн пуд.)*

Годы	Общее	Вывозное		Внутреннее	
		абс.	% к общему	абс.	% к общему
1889–1890	484	292	60,3	192	39,7
1894–1895	661	388	58,8	273	41,3
1901–1903	926	416	44,9	510	55,1
1908–1911	1195	541	45,3	654	54,7
1912–1913	1273	515	40,5	758	59,5
1908–1913	1221	527	43,2	694	56,8

Источники: Материалы по пересмотру хлебных тарифов российских железных дорог в 1896 г. СПб., 1897; Материалы к пересмотру торгового договора с Германией и другими иностранными государствами. СПб., 1914. Ч. 1; Статистические данные об отправлении и прибытии продовольственных грузов по русским железным дорогам... за 1912, 1913 и 1914 гг.

Таблица 3.4а. То же, исключая перевозки внутри Одесского железнодорожного узла

Годы	Общее	Вывозное		Внутреннее	
		абс.	% к общему	абс.	% к общему
1889–1890	484	292	60,3	192	39,7
1894–1895	661	388	58,8	273	41,3
1901–1903	926	416	44,9	510	55,1
1908–1911	1173	519	44,2	654	55,8
1912–1913	1251	493	39,4	758	60,6
1908–1913	1199	505	42,1	694	57,9

внутреннее и вывозное отправление «поменялись местами» с точки зрения их значимости в структуре перевозок. Если в 1889–1890 гг. три пятых хлебных грузов шло в вывозные пункты, а две пятых — во внутренние, то в 1912–1913 гг. картина изменилась зеркально.

Представленные данные нуждаются в детализации. Обратимся к таблицам 3.5 и 3.6, показывающим соотношение внутреннего и вывозного железнодорожного отправления черноземных губерний, которые в течение рассматриваемого периода оставались основными поставщиками товарного хлеба на внутренний и внешний рынки.

Эти таблицы достаточно наглядно иллюстрируют процессы, происходившие в зерновом хозяйстве России в конце XIX – начале XX вв.

Из данных таблицы 3.5 видно, что в сравнении с 1894–1895 гг. (первый период) в 1901–1903 гг. (второй период) общее отправление всех хлебных грузов по стране выросло с 661,1 млн. пуд. до 926,0 млн.пуд., т. е. в 1,4 раза, а в 1908–1911 гг. (третий период) — до 1194,6 млн.пуд., или в 1,8 раза. Вывозное отправление увеличилось соответственно с 388,4 до 415,8 млн.пуд., т. е. в 1,1 раза и до 544,7 млн.пуд., или в 1,4 раза. Внутреннее отправление росло значительно быстрее — 272,7 млн.пуд. в 1894–1895 гг., 510,2 млн. пуд. в 1901–1903 гг. и 649,9 млн. пуд. в 1908–1911 гг., т. е. рост в 1,9 раза и в 2,4 раза. Соответствующие показатели 26 черноземных губерний (см. табл. 3.5)

* Включая перевозки внутри Одесского железнодорожного узла.

Таблица 3.5. Среднегодовое железнодорожное отправление всех хлебных грузов из черноземных губерний (тыс. пуд.)

Губернии	Среднее за 1894–1895 (период I)			Среднее за 1901–1903 (период II)			Среднее за 1908–1911 (период III)			Доля вывозного отправления (%)		
	Общее	Вывозное	Внутр.	Общее	Вывозное	Внутр.	Общее	Вывозное	Внутр.	I период	II период	III период
Курская	17965	8406	9559	27153	8502	18651	28298	6704	21594	46,8	31,3	23,7
Орловская	18349	9160	9189	19307	5670	13637	21883	5990	15893	49,9	29,4	27,4
Тульская	24115	10580	13535	25568	5793	19775	28278	8178	20100	43,9	22,7	28,9
Рязанская	16998	4870	12128	19083	4336	14747	21096	4105	16991	28,7	22,7	19,5
Тамбовская	49295	21276	28019	58833	22490	36343	68902	22177	46725	43,2	38,2	32,2
Воронежская	10825	3442	7383	31676	10915	20761	36588	10307	26281	31,8	34,5	28,2
Всего	**137547**	**57734**	**79813**	**181620**	**57707**	**123913**	**205045**	**57461**	**147584**	**42,0**	**31,8**	**28,0**
Симбирская	2576	1389	1187	5506	2553	2953	9116	3899	5217	53,9	46,4	42,8
Саратовская	27043	14836	12207	54225	17285	36940	61546	24636	36910	54,9	31,9	40,0
Пензенская	9700	4609	5091	12693	5829	6864	17689	8653	9036	47,5	45,9	48,9
Самарская	22674	5612	17062	36176	3847	32329	62132	20146	41986	24,8	10,6	32,4
Уфимская	1525	704	821	4091	1151	2940	11389	5593	5796	46,2	28,1	49,1
Оренбургская	5736	905	4831	18808	3463	15345	29411	6087	23324	15,8	18,4	20,7
Всего	**69254**	**28055**	**41199**	**131499**	**34128**	**97371**	**191282**	**69014**	**122268**	**40,5**	**26,0**	**36,1**
Бессарабская	37984	32571	5413	49178	44434	4744	45002	36785	8217	85,7	90,4	81,7
Херсонская	46251	40229	6022	88461	59144	29317	81860	67635	14225	87,0	66,9	82,6
Таврическая	19260	17850	1410	12890	10815	2075	26062	20701	5361	92,7	83,9	79,4
Екатеринос.	44836	29532	15304	38449	22539	15910	74989	44652	30337	65,9	58,6	59,5
Донская	27752	14082	13670	31609	16052	15557	64208	40488	23720	50,7	50,8	63,1
Всего	**176083**	**134264**	**41819**	**220587**	**152984**	**67603**	**292121**	**210261**	**81860**	**76,3**	**69,4**	**72,0**
Подольская	28254	24101	4153	30299	20543	9756	23221	14657	8564	85,3	67,8	63,1

Киевская	27851	18256	9595	42223	18111	24112	36627	16751	19876	65,5	42,9	45,7
Волынская	3685	2068	1617	14621	5876	8745	11681	4918	6763	56,1	40,2	42,1
Всего	**59790**	**44425**	**15365**	**87143**	**44530**	**42613**	**71529**	**36326**	**35203**	**74,3**	**51,1**	**50,8**
Харьковская	14006	6888	7118	22471	7416	15055	33783	9272	24511	49,2	33,0	27,4
Черниговская	7826	5524	2302	12199	7919	4280	9722	5872	3850	70,6	64,9	60,4
Полтавская	23590	10556	13034	42427	18172	24255	48661	15214	33447	44,7	42,8	31,3
Всего	**45422**	**22968**	**22454**	**77097**	**33507**	**43590**	**92166**	**30358**	**61808**	**50,6**	**43,5**	**32,9**
Кубанская	42879	37406	5473	48335	35399	12936	77391	60246	17145	87,2	73,2	77,8
Терская	9209	7250	1959	16094	6914	9180	27203	10910	16293	78,7	43,0	40,1
Ставропол.	3219	2592	627	16357	11730	4627	20612	14293	6319	80,5	71,7	69,3
Всего	**55307**	**47248**	**8059**	**80786**	**54043**	**26743**	**125206**	**85449**	**39757**	**85,4**	**66,9**	**68,2**
Всего	**543403**	**324687**	**218716**	**778733**	**376898**	**401835**	**977348**	**488865**	**488483**	**59,8**	**48,4**	**50,0**
Всего по России	**661094**	**388420**	**272674**	**926026**	**415831**	**510195**	**1194617**	**544655**	**649962**	**58,8**	**44,9**	**45,6**

Источники: Материалы по пересмотру тарифов на перевозку хлебных грузов в 1896 г. СПб., 1897; Материалы к пересмотру торгового договора с Германией и другими иностранными государствами. СПб., 1914. Ч. 1.

практически повторяют общероссийские (расхождение составляет 2–3%). При этом очевидно, что участие отдельных губерний в снабжении рынка хлебом было далеко не одинаковым.

Данные таблицы 3.5 можно дополнить расчетами по каждой из рассматриваемых губерний приростов общего, вывозного и внутреннего отправления всех хлебных грузов от периода к периоду. Эти расчеты представлены в табл. 3.6.

Сравним показатели роста **общего отправления** в 1894–1895 гг. (период I) и 1901–1903 гг. (период II). 42210 тыс. пуд., или около шестой части (15,9%) общего прироста, приходится на одну Херсонскую губернию; Полтавская, Воронежская и Саратовская губернии в сумме дают 66870 тыс.пуд., или 25,2%. Таким образом, четыре губернии дают свыше 40% прироста общего отправления хлебных грузов за эти годы. Суммарный прирост общего отправления всех хлебных грузов в Киевской, Самарской, Ставропольской, Оренбургской, Бессарабской, Волынской, Тамбовской, Курской и Харьковской губерниях составил 103405 тыс. пуд. или 39,0% всего прироста по стране.

На 13 из 26 черноземных губерний приходится, таким образом, 80,1% увеличения железнодорожного отправления всех хлебов. При этом в Екатеринославской и Таврической губерниях среднегодовое отправление падает, а в остальных рост сравнительно невелик.

Анализ приростов общего отправления в 1908–1911 гг. (период III) по отношению к 1901–1903 гг. (период II) демонстрирует важные перемены, происшедшие на хлебном рынке. Снижается, притом на весьма значительную величину (28868 тыс. пуд.), отправление на всем Юго-Западе страны: в Бессарабской, Херсонской, Киевской, Подольской, Волынской и Черниговской губерниях, составляющих единый регион. А максимальное увеличение перевозок фиксируется в Екатеринославской и Самарской губерниях, Донской и Кубанской областях: в сумме оно составляет 124151 тыс. пуд., или 46,2% прироста по стране. На Тамбовскую, Харьковскую, Оренбургскую, Таврическую губернии и Терскую область, вместе взятых, приходится 56265 тыс. пуд., или 20,9%, соответственно.

Наконец, общая величина прироста железнодорожного отправления всех хлебных грузов в 1908–1911 гг. (период III) в сравнении с 1894–1895 гг. (период I) составила 533523 тыс. пуд. Из них 210691 тыс. пуд., или 39,5%, приходится лишь на шесть губерний и областей с приростами от 30 до 39,5 млн. пуд.: Херсонскую, Екатеринославскую, Самарскую, Саратовскую, Донскую и Кубанскую. В семи губерниях — Воронежской, Полтавской, Оренбургской, Харьковской, Тамбовской, Ставропольской и Терской (приросты от 17 до 26 млн. пуд.) — суммарный прирост составил 149280 тыс. пуд., или 27,9%. Приросты от 6,5 до 10,3 млн. пуд. зафиксированы в Курской, Уфимской, Киевской, Волынской, Пензенской, Бессарабской, Таврической и Симбирской губерниях, а их сумма составила 65318 тыс. пуд., или 12,2% всего прироста по стране.

Сказанным вполне проясняется потенциал отдельных черноземных губерний в плане дальнейшего участия в хлебной торговле. В ряде не только северно-, но и южночерноземных губерний очевидно замедление темпов роста железнодорожного отправления всех хлебных грузов, отражающее рост плотности населения, усиление в силу

Таблица 3.6. Приросты общего, вывозного и внутреннего отправления всех хлебных грузов в 1894–1895, 1901–1903 и 1908–1911 гг. (тыс. пуд.)

Губернии	Прирост общего отправления			Прирост вывозного отправления			Прирост внутреннего отправления		
	II/I	III/II	III/I	II/I	III/II	III/I	II/I	III/II	III/I
Курская	9188	1145	10333	96	–1798	–1702	9092	2943	12035
Орловская	958	2576	3534	–3490	320	–3170	4448	2256	6704
Тульская	1453	2710	4163	–4787	2385	–2402	6240	325	6565
Рязанская	2085	2013	4098	–534	–231	–765	2619	2244	4863
Тамбовская	9538	10069	19607	1214	–313	901	8324	10382	18706
Воронежская	20851	4912	25763	7473	–608	6865	13378	5520	18898
Всего	**44073**	**23425**	**67498**	**–27**	**–246**	**–273**	**44100**	**23671**	**67771**
Симбирская	2930	3610	6540	1164	1346	2510	1766	2264	4030
Саратовская	27182	7321	34503	2449	7351	9800	24733	–30	24703
Пензенская	2993	4996	7989	1220	2824	4044	1773	2172	3945
Самарская	13502	25956	39458	–1765	16299	14534	15267	9657	24924
Уфимская	2566	7298	9864	447	4442	4889	2119	2856	4975
Оренбургская	13072	10603	23675	2558	2624	5182	10514	7979	18493
Всего	**62245**	**59783**	**122028**	**6073**	**34886**	**40959**	**56172**	**24897**	**81069**
Бессарабская	11194	–4176	7018	11863	–7649	4214	–669	3473	2804
Херсонская	42210	–6601	35609	18915	8491	27406	23295	–15092	8203
Таврическая	–6370	13172	6802	–7035	9886	2851	665	3286	3951
Екатеринославская	–6387	36540	30153	–6993	22113	15120	606	14427	15033
Донская	3857	32599	36456	1970	24436	26406	1887	8163	10050
Всего	**44504**	**71534**	**116038**	**18720**	**57277**	**75997**	**25784**	**14257**	**40041**
Подольская	2045	–7078	–5033	–3558	–5886	–9444	5603	–1192	4411
Киевская	14372	–5596	8776	–145	–1360	–1505	14517	–4236	10281
Волынская	10936	–2940	7996	3808	–958	2850	7128	–1982	5146
Всего	**27353**	**–15614**	**11739**	**105**	**–8204**	**–8099**	**27248**	**–7410**	**19838**
Харьковская	8465	11312	19777	528	1856	2384	7937	9456	17393
Черниговская	4373	–2477	1896	2395	–2047	348	1978	–430	1548
Полтавская	18837	6234	25071	7616	–2958	4658	11221	9192	20413
Всего	**31675**	**15069**	**46744**	**10539**	**–3149**	**7390**	**21136**	**18218**	**39354**
Кубанская	5456	29056	34512	–2007	24847	22840	7463	4209	11672
Терская	6885	11109	17994	–336	3996	3660	7221	7113	14334
Ставропольская	13138	4255	17393	9138	2563	11701	4000	1692	5692
Всего	**25479**	**44420**	**69899**	**6795**	**31406**	**38201**	**18684**	**13014**	**31698**
Всего	**235330**	**198615**	**433945**	**52211**	**111967**	**164178**	**183119**	**86648**	**269767**
Всего по России	**264932**	**268591**	**533523**	**27411**	**128824**	**156235**	**237521**	**139767**	**377288**

См. источники к табл. 3.5.

этого местного потребления производимых хлебов и завершение экстенсивного этапа расширения зернового хозяйства.

Вывозное отправление изменяется следующим образом. Во втором периоде в сравнении с первым падает его величина в Орловской, Тульской, Рязанской, Самарской, Таврической, Екатеринославской, Подольской, Киевской губерниях, Кубанской и Терской областях. В сумме уменьшение это составило 30650 тыс. пуд. Значительный прирост (7–19 млн. пуд.) отмечается в Херсонской, Ставропольской, Полтавской, Бессарабской и Воронежской губерниях — в сумме 55005 тыс. пуд.; в остальных губерниях, кроме Волынской, прирост был менее 3 млн. пуд.

В третьем периоде в сравнении со вторым вывозное отправление уменьшается в Курской, Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Бессарабской, всех Юго-Западных, а также Черниговской и Полтавской губерниях – в сумме на 23808 тыс. пуд. В остальных губерниях увеличение в сумме составило 135779 тыс. пуд., из которых 87695 тыс. пуд. (64,6%) пришлось на Кубанскую и Донскую области, Екатеринославскую и Самарскую губернии, имеющие приросты свыше 16 млн. пуд., а Саратовская, Херсонская и Таврическая губернии в сумме увеличили свое вывозное отправление на 25728 тыс. пуд. (или 18,9%).

Сопоставление данных о вывозном отправлении всех хлебных грузов для первого и третьего периодов дает общую картину его эволюции. В Курской, Орловской, Тульской, Рязанской, Подольской и Киевской губерниях общее снижение экспортного отправления составило 18988 тыс. пуд. В остальных губерниях оно выросло на 173163 тыс. пуд. Из этого количества 76652 тыс. пуд., или 44,3%, приходится на Херсонскую губернию, Донскую и Кубанскую области; еще 29,5% прироста (51155 тыс. пуд.) сконцентрировано в Екатеринославской, Саратовской, Самарской и Ставропольской губерниях.

То есть экспорт хлеба из России увеличивался в конце XIX – начале XX вв. прежде всего за счет лишь семи губерний степной полосы, которые дали в сумме 127,8 млн. пуд., или 81,9% прироста вывозных перевозок всех хлебных грузов.

Как говорилось выше, экспорт хлеба – это прежде всего экспорт пшеницы и ячменя, доминировавших среди культур в степной полосе. Из множества имеющихся в нашем распоряжении свидетельств, говорящих о том, как влиял экспорт хлеба на аграрное развитие Новороссии, приведем характеристику сельскохозяйственной ситуации, данную в 1912 г. агрономом Землеустроительной комиссии по Мариупольскому уезду Екатеринославской губернии: «Хозяйственная жизнь уезда быстро развивалась и претерпевала значительные изменения, заметные в коротких промежутках времени. Население уезда увеличивалось: ...в 1886 г. — 155 тыс., в 1901 — 208 тыс., в 1910 — 246 тыс. С увеличением населения началась усиленная распашка целинных земель, многолетних перелогов, выгонов и сенокосов. Отдыхавшие прежде по несколько лет под толокой и сенокосами пахотные участки стали ежегодно поступать под посевы, в силу чего в настоящее время наблюдается почти полное отсутствие сенокосов... Вместе с этим наблюдавшееся ранее разнообразие посевных хлебов сменилось резким преобладанием пшеницы и ячменя, и уезд был поставлен в полную зависимость от рынка, а не от собственных потребностей натурального хозяйства населения. Почти совершенно исчезли озимая пшеница, просо, овес, сократились посевы озимой ржи.

Сокращение всех этих хлебов поглотилось увеличением посевов ячменя. Яровая пшеница сохранила свое преобладающее значение. В последние годы заметно расширение посевов кукурузы». Структуру посевов изменила прежде всего «самая выгодная в рыночном отношении комбинация посевов яровой пшеницы и ячменя»[5]. Схожая картина наблюдалась и в других районах Новороссии.

Размеры увеличения среднегодового вывозного отправления в других губерниях в масштабах страны сравнительно незначительны, как можно видеть из таблицы 3.6. Если в первом периоде вывозное отправление было важной составной частью перевозок в Центрально-Черноземном районе, Юго-Западных, Малороссийских и других северно-черноземных губерниях, то в третьем периоде его размеры там падают и по абсолютной, и по относительной величине.

Совсем иная картина возникает при сопоставлении внутреннего отправления в первом и третьем периодах.

Его прирост в Курской губернии составил 12035 тыс. пуд. (тогда как абсолютные размеры среднегодового вывозного отправления снизились на 1702 тыс. пуд.); схожая картина наблюдается в Орловской (соответственно 6704 и минус 3170 тыс. пуд.), Тульской (6565 и минус 2402 тыс. пуд.), Рязанской (4863 и минус 765 тыс. пуд.), Киевской (10281 и минус 1505 тыс. пуд.), Подольской (4411 и минус 9444 тыс. пуд.) губерниях. Заметим, что даже в тех губерниях, общее отправление которых имело тенденцию к уменьшению (Бессарабской, Юго-Западных, Черниговской), это происходило не за счет внутреннего отправления, а за счет сокращения перевозок в таможенные пункты.

Очень важно, что и там, где экспортное отправление в целом не уменьшается, приросты внутреннего отправления значительно, иногда в несколько раз, выше приростов вывозного отправления. Подобная картина наблюдается в таких губерниях, как Харьковская (17393 против 2384 тыс. пуд.), Полтавская (20413 против 4658 тыс. пуд.), Оренбургская (18493 и 5182 тыс. пуд.), Самарская (24924 и 14534 тыс. пуд.), Воронежская (18898 и 6865 тыс. пуд.), Саратовская (24703 и 9800 тыс. пуд.), Тамбовская (18706 и 901 тыс. пуд.), Терская (14334 и 3660 тыс. пуд.). Существенный рост значения внутреннего рынка и падение роли рынка внешнего совершенно очевидны.

Процесс этот был совершенно естественным и закономерным. «Развивающийся промышленный капитализм вместе с торговлей и транспортом, обгоняя в темпе своего развития сельское хозяйство, настолько усиливал спрос на его продукты, что ценностные соотношения складывались в пользу сельского хозяйства. Как и в других странах, промышленный капитализм, достигнувший известной стадии своей национальной самостоятельности, своего закрепления, вел за собой и стимулировал развитие сельского хозяйства.

Насколько хозяйственные условия предыдущего времени, разлагая хозяйственную систему, приводили ее к кризису, настолько новая эпоха расцвета промышленного капитализма приводила к подъему и развитию и само сельское хозяйство.

Растущие города и промышленность, с одной стороны, требовали увеличения товарного зернового производства, с другой стороны — стали направлять его в новое русло. Рост товарности опережал рост самого производства»[6].

Таким образом, приведенные данные подтверждают, что соотношение внутреннего и внешнего хлебных рынков в целом поменяло знак в сравнении с 1890-ми годами за

счет как абсолютного, так и относительного роста внутреннего рынка (исключая ячмень, который оставался по-прежнему сугубо экспортной культурой и даже превзошел в этом отношении пшеницу). Особенно заметно это возросшее значение внутреннего рынка для северно-черноземных и восточных губерний, в то время как для Новороссии, более близкой к портам и в силу этого прежде всего ориентированной на вывоз, значение экспорта оставалось большим, хотя и здесь оно уменьшилось. В целом развитие внешнего рынка отставало от внутреннего. Таковы были непосредственные результаты индустриализации, урбанизации и роста капитализма в стране.

* * *

Полученные выводы необходимо детализировать, и поэтому продолжим анализ. Как можно было видеть, экспортное значение отдельных главных хлебов было различным в разные периоды. Эти сюжеты заслуживают специального исследования, и после обзора динамики посевных площадей в рассматриваемый период мы к нему и приступим.

§ 3.2. ДИНАМИКА ПОСЕВНЫХ ПЛОЩАДЕЙ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Для характеристики данной проблемы в главе используются сведения официальной урожайной статистики ЦСК МВД, «Урожай ... года», а также аналитический обзор этих материалов Р. И. Прегера[7].

Как известно, российская урожайная статистика возникла сравнительно поздно, лишь в начале 1880-х гг. Попытка ЦСК МВД в 1880 г. собрать данные об урожае успехом не увенчалась. В 1881 г. ЦСК провел первую поземельную перепись, материалы которой позволили понять, как распределяется земля по угодьям, а пашня — по посевам. Обработка этих материалов закончилась в 1883 г., и ЦСК использовал их для вычисления урожая за этот и последующие годы. Площадь посева отдельных хлебов принимается Комитетом за множимое, а средняя урожайность, которую выводят по сведениям, получаемым ежегодно из анкет, рассылаемых в каждую волость, — за множитель. Так выводится общий сбор в уезде. О степени надежности этого метода будет сказано ниже.

В 1887 г. обследование площади посевов 50 губерний Европейской России провели еще раз, а с 1893 г. эти данные собираются ежегодно. С 1888 г. начался сбор сведений по 10 губерниям Привислинского края, с 1893 г. — по Предкавказью (Кубанская и Терская области и Ставропольская губерния), с 1896 г. — по Западной Сибири (губернии Тобольская, Томская, Енисейская и Иркутская) и Степному краю (Акмолинская, Тургайская, Семипалатинская и Семиреченская области), с 1906 г. — по Закавказью, Уральской области и Туркестану, с 1907 г. — по Восточной Сибири. С этого времени ЦСК публиковал сведения об урожайности в 89 губерниях и областях, кроме Сахалина и Камчатки, а также 8 финляндских губерний. Таким образом, общая посевная пло-

щадь по Империи в целом может быть установлена лишь с 1907 г. Для сопоставимости данных я использую в этой главе лишь данные по 63 губерниям Европейской России.

Как же изменялась площадь под зерновыми в России в конце XIX – начале XX в.?

Анализ посевных площадей за 1881–1912 гг. показывает, что за это время они выросли примерно на 20 %, т. е. на 1/5, при этом в 1912 г. они были меньше, чем в 1910–1911 гг. Вообще, размеры посевных зависели от различных условий, как постоянных, так и переменных и даже случайных. Прегер писал по этому поводу: «К первым относятся вызывающие увеличение посевной площади распашки новых земель из-под леса, степей, пустошей, осушенных болот и т. д., а также сокращение парового клина или залежей вследствие перехода от трехпольного к более совершенному севообороту, и уменьшающие посевную площадь — введение в севооборот травосеяния или культур промышленных растений и полевых продуктов, не учитываемых ЦСК, расширение огородов, баштанов, садов, а также запущение пахотных угодий под естественные сенокосы, выгоны, для восстановления их плодородия или за безвыгодностью возделывания их и т. п. К случайным причинам колебания размеров площади, в особенности уменьшения ее, следует отнести последствия недородов предшествующего года, когда поля остаются без использования вследствие недостатка живого инвентаря для обработки их и в особенности — семян для посева. В частности, в случаях значительного повреждения озимых посевов морозами, они перепахиваются весною и засеваются яровыми, что вызывает случайное сокращение площади под озимыми и такое же увеличение площади под яровыми. Так, заметное уменьшение площади посевов после 1906 и 1911 гг. объясняется последствием недородов этих лет, т. е. случайными причинами»[8].

Общий рост посевной площади в 50 губерниях на 20 % вовсе не означает, что это увеличение шло равномерно и, как говорили тогда, «правильно». За эти 32 года площадь посевов стала больше в 35 губерниях и уменьшилась в 15. Наибольший рост имел место в губерниях: Самарской — на 86,1 %, Астраханской — на 80,3 %, Таврической — на 76,7 %, Екатеринославской — на 76,4 %, Бессарабской — на 72,8 %, Херсонской — на 63,3 %, Донской — на 58,9 %, Уфимской — на 41,8 %, Могилевской — на 38,8 %, Витебской и Волынской — на 30 %, Подольской — на 28,9 %, Вологодской — на 28,3 %, Пермской — на 27,7 %, Саратовской — на 26,5 %. Неурожай 1911 г. вызвал сокращение посевной площади в Оренбургской губернии в 1912 г., и она превосходила показатели 1881 г. лишь на 13,3 %, в то время как в 1911 г. рост составил 76,7 %. Нетрудно видеть, что вышеперечисленные губернии в большинстве своем расположены в степной Новороссии и Юго-Востоке, а также в лесистых регионах, где шла распашка подлесных земель[9].

Наибольшее сокращение посевных площадей отмечается в Московской и Петербургской губерниях — на 23,8 и 14,2 % соответственно. Причины этого очевидны — близость столиц с их промышленными предприятиями, с устойчиво растущим и очень широким потребительным спросом как на рабочие руки, так и на незерновые продукты сельского хозяйства (мясо, птица, яйца, масло, молоко, овощи, фрукты и т. д.) была для крестьян серьезным стимулом к тому, чтобы оставить традиционное земледелие и сменить род занятий. Остальные губернии, в которых также сократилась площадь посевов, находились в похожих условиях. Это соседние со столицами и (или) промышленные губернии: Калужская — сокращение на 13,8 %, Ярославская — на 13,1 %, Новгородская — на 12,8 %,

Таблица 3.7. Доля зерновых культур к общей посевной площади по Европейской России (%)

С/х культуры	1901–1910	1911	1912
Рожь	32,4	31,2	31,6
Яровая пшеница	18,7	18,3	19,5
Овес	18,9	18,3	18,1
Ячмень	10,1	10,8	11,2
Озимая пшеница	4,3	4,3	4,6
Картофель	3,7	3,9	4
Просо	3,4	2,8	2,9
Гречиха	2,6	2,3	2,2
Лен и конопля	2,6	2,3	2,2
Кукуруза	1,4	1,5	1,6
Горох	1	0,9	1,3
Чечевица и бобы	0,5	0,5	0,5
Полба	0,4	0,4	0,3

Источник: Прегер Р.И. Производство главнейших хлебов... С. 9.

Владимирская — 12,5 %, Нижегородская — на 11,2 %, Рязанская — на 9,5 %, Орловская — на 9,1 %, Тульская — на 8,7 %, Костромская — на 6,6 %, Тверская — на 6,3 %, Эстляндская — на 5,1 %, Курская — на 2,9 и Архангельская — на 0,1 %.

Максимальная площадь посевов была в Донской области — свыше 5 млн. дес., затем в Самарской — около 4,5 млн. дес., в Херсонской — 3,9 млн. дес., в Вятской и в Екатеринославской — по 3,1 млн. дес. От 2 до 3 млн. дес. посевов фиксируется в Саратовской, Таврической, Воронежской, Бессарабской, Тамбовской, Пермской, Харьковской, Полтавской, Уфимской и Оренбургской губерниях; еще в 15 губерниях площадь посевов составляла от 1 до 2 млн. дес., в остальных 20 она была менее 1 млн. дес.

Площадь посевов в Привислинских губерниях в целом возросла с 4585,8 до 5200,7 тыс. дес., т. е. на 13,4 %, но притом в Варшавской она увеличилась на 44,1 %, в Седлецкой — на 36,0 %, в Радомской — на 24,1 % и т. д., а в Ломжинской уменьшилась на 20,4 % и в Плоцкой на 5,6 %.

Чрезвычайно внушительным был рост соответствующих показателей в Предкавказье — с 3520,9 до 6377,2 тыс. дес., или на 81,1 %. Характерно, что в Кубанской области увеличение составило 50 %, а в Терской области и Ставропольской губернии — 127–129 %. Почти столь же значительным был прирост посевных в Западной Сибири с 1896 г. Так, в Томской губернии он равнялся 121 % (с 1369,6 до 3026,3 млн. дес.). Наибольшее увеличение тем не менее дал Степной край — 135,1 % (с 936,6 до 2201,7 тыс. дес.), при этом в Акмолинской области посевы увеличились со 127,2 до 761,7 тыс. дес., т. е. без малого на 500 % и т. д.

Понятно, что относительная доля губерний Европейской России в общеимперских итогах после 1906 г. стала снижаться за счет увеличения посевов в Азиатской России.

Как можно видеть из таблицы 3.7, около 85 % посевных площадей приходилось на главные хлеба.

§ 3.3. РЫНОК ПШЕНИЦЫ В НАЧАЛЕ XX в.

Перейдем к анализу рынка пшеницы — главной экспортной культуры пореформенной эпохи в целом.

В рассматриваемый период мировое производство пшеницы составляло около 6 млрд. пуд. в год. Россия, собиравшая в среднем примерно 1 млрд. пуд., занимала среди производителей второе место после США. Озимой и яровой пшеницей было занято около четверти посевов всех полевых культур, а ее урожай также составлял примерно четверть общего сбора всех хлебов. При этом около трети его падало на озимую пшеницу, остальное — на яровую.

Динамика посевов озимой пшеницы показывает, что, несмотря на сильные колебания, очевидна тенденция к росту ее посевов, увеличившихся в 1912 г. более чем на 40 % в сравнении с 1881 г. (напомню, что рост общей посевной площади составил 20,6 %)[10]. В 50-ти европейских губерниях на озимую пшеницу падало примерно 4–4,6 % всей площади посевов, что объясняется ее чувствительностью к морозам. А между тем она дает более высокие и равномерные урожаи, нежели яровая, сравнительно не очень требовательна к почве, лучше противостоит вредителям и болезням, рано созревает и дает весьма ценимое зерно твердых стекловидных сортов. Поэтому сеять ее пытались почти во всех губерниях России. Правда, такие посевы производились в небольших количествах на специально защищенных местах, наподобие огородных культур, и предназначались в основном для покрытия личных потребностей крестьянской семьи. А торговое значение озимая пшеница имела преимущественно в губерниях Новороссийских, Юго-Западных, Малороссийских и соседних с ними, и только в Подольской занимала первое место в севообороте[11].

Гораздо большее значение в народном хозяйстве имела яровая пшеница. Площадь, занятая ею была почти втрое больше, и, хотя общее производство из-за менее высоких урожаев не достигало тройного преимущества, эта культура играла очень важную роль в большинстве губерний, нежели озимая. В 50-ти губерниях Европейской России за 1881–1910 гг. посевная площадь более чем удвоилась. А в целом по Империи лишь с 1906–1907 гг. до 1912 г. она выросла без малого на 20 %. Особенно заметен был рост в колонизуемых губерниях Азиатской России. Если в 1896–1900 г. на яровую пшеницу в целом приходилось 15,9 % общей посевной площади по стране, то после 1906 г. — 18–21 %. Концентрация посевов была весьма высокой.

В данной главе экспорт зерна оценивается, исходя из размеров урожая 63-х губерний Европейской России. Вместе с тем, разумеется, небезынтересно оценить географическую структуру производства пшеницы в масштабах всей России (см. табл. 3.8).

Общее производство озимой и яровой пшеницы в Империи увеличилось с 1906 по 1912 г. на 428,7 млн. пуд., или на 47,5 % (!). В силу этого значительно возросло и душевое производство пшеницы, несмотря на существенное увеличение населения за эти годы — на 14,7 %. Конечно, как и всегда, эти процессы в разных регионах протекали индивидуально.

Нетрудно заметить, что, согласно таблице 3.10, из 25-ти губерний со средним душевым производством пшеницы от 5 до17 пудов 16 располагались в Азиатской России,

Таблица 3.8. Общее производство пшеницы в России в 1906–1912 гг.

Годы, % от итогов по стране	50 губерний Европейской России		10 губерний Привислинских		3 губернии Предкавказья		Итого в 63 губерниях Европейской России		Зап.Сибирь (4губ.) и Степной край (4 губ.)		Уральская обл., Закавказье, Туркестан и Вост.Сибирь		Итого в Европейской и Азиатской России	
	Площади (тыс. дес.)	Общ.сбор (тыс. пуд.)	Площади (тыс.дес.)	Общ.сбор (тыс. пуд.)	Площади (тыс.дес.)	Общ.сбор (тыс. пуд.)	Площади (тыс.дес.)	Общ.сбор (тыс. пуд.)	Площади (тыс.дес.)	Общ.сбор (тыс. пуд.)	Площади (тыс.дес.)	Общ.сбор (тыс. пуд.)	Площади (тыс.дес.)	Общ.сбор (тыс. пуд.)
1906	18156,5	572816	466,6	35143	3076	141302	21699,1	749261	1868,2	95234	1640,3	58472	25207,6	902966
%	72	63,4	1,9	3,9	12,2	15,6	86,1	82,9	7,4	10,6	6,5	6,5	100	100
1907	16881,2	565590	461,4	30194	3009,5	131561	20352,1	727345	2179,7	121048	1735,1	84143	24266,9	932536
%	69,6	60,7	1,9	3,2	12,4	14,1	83,9	78	9	13	7,1	9	100	100
1908	16864	636367	451,4	35192	2947,9	141164	20263,3	812723	2454,3	128217	2231,9	101955	24949,6	1042895
%	67,6	61	1,8	3,4	11,8	13,5	81,2	77,9	9,8	12,3	9	9,8	100	100
1909	17559,9	974977	454,6	35213	3102,9	171902	21117,4	1182092	2849,1	106953	2585,9	116826	26552,3	1405871
%	66,1	69,4	1,7	2,5	11,7	12,2	79,5	84,1	10,7	7,6	9,8	8,3	100	100
1910	19219,8	917236	465,1	37810	3501,6	207000	23186,5	1162046	2946,1	123769	2595,8	103568	28728,4	1389383
%	66,9	66	1,6	2,7	12,2	14,9	80,7	83,6	10,3	8,9	9	7,5	100	100
1911	19467,7	575484	464,8	40090	3669,9	127164	23602,4	742738	3520,5	102368	2542,1	91102	29664,9	936208
%	65,6	61,5	1,6	4,3	12,4	13,6	79,6	79,4	11,9	10,9	8,5	9,7	100	100
1912	18365,3	784856	462,1	40916	3644,6	210584	22472	1036356	3725,7	159790	2734,7	135509	28932,3	1331655
%	63,5	58,9	1,6	3,1	12,6	15,8	77,7	77,8	12,9	12	9,4	10,2	100	100

Источник: Прегер Р.И. Производство главнейших хлебов... С. 69.

Таблица 3.9. Количество пшеницы на 1 душу населения обоего пола (пуд.)

Губернии и области	1906	1912
В 50 губерниях Европейской России	5,2	6,4
В 10 Привислинских губерниях	3,2	3,1
В 3 губерниях Предкавказья	32,5	39,3
В 4 Зап.-Сибир. и 4 степных губерниях	11,3	13,6
В Уральской обл., Закавказье,	4,9	8,7
По Империи	6,2	7,9

Источник: Прегер Р.И. Производство главнейших хлебов... С. 70.

Таблица 3.10. Производство пшеницы на душу населения за 1909–1913 гг. (пуд.)

Губернии и области	Количество	Губернии и области	Количество
Кубанская	43,7	Сыр-Дарьинская	11,2
Ставропольская	47,2	Акмолинская	11,1
Амурская	34,7	Тобольская	10,8
Таврическая	32,8	Подольская	10,2
Донская	29	Терская	9,6
Самарская	28,1	Эриванская	9,5
Екатеринославск.	27,8	Уральская	9,4
Херсонская	21,8	Закаспийская	9
Оренбургская	21,5	Приморская	8,5
Томская	17,3	Пермская	8,1
Семиреченская	14,1	Воронежская	8
Бессарабская	14,1	Тифлисская	7,5
Харьковская	13,4	Киевская	7
Саратовская	13,4	Карсская	6,9
Тургайская	12,6	Семипалатинская	6,4
Самаркандская	12,4	Ферганская	6,1
Полтавская	12	Енисейская	5,3

Источник: Производство, потребление и перевозки хлебов в России. 1909–1913. Таблица 2.

и, конечно, ее потенции в этом смысле накануне Мировой войны далеко еще не были реализованы.

Яровую пшеницу выращивали повсюду в России, однако в нечерноземных, т. е. в большинстве губерний Европейской России, размеры производства были невелики и редко превышали 1–2 млн. пуд. в год. Поэтому следует сконцентрировать внимание на черноземных регионах.

Основными производителями пшеницы были южночерноземные губернии — Новороссийские, Предкавказские и Нижневолжские. В 1909–1913 гг. Самарская губерния, Донская и Кубанская области (сбор свыше 100 млн. пуд. в каждой) вместе производили в среднем 330 млн. пуд., или 24,6 % годового урожая Империи в целом. Пять губерний —

Таблица 3.11. Валовые сборы пшеницы (тыс. пуд.)

Годы	Бессарабская	Донская	Екатерино-славская	Таврическая	Херсонская	Самарская	Саратовская	Оренбургская	Уфимская	Волынская	Киевская	Подольская	Воронежская	Полтавская	Харьковская	Пермская	Курская	Всего
1884	21843	50195	27831	21050	29549	51260	10762	46573	7303	9749	27189	23551	13403	14894	17003	13990	8477	**394622**
1885	22729	24269	8514	12089	14769	17908	6648	29023	5570	9679	25651	24493	8990	14148	8234	13116	7818	**253648**
1886	16394	17381	19663	29839	18765	33985	9121	17549	4703	7577	5090	13297	6092	8669	6569	11950	2417	**229061**
1887	27188	71385	34539	12629	46761	12885	7932	16874	3589	11226	34694	30190	18152	28792	26016	11131	11015	**404998**
1888	32810	74062	33062	29431	50131	19577	9976	16481	3733	8977	31574	32642	20930	23699	21675	11922	10839	**431521**
1889	13036	38091	12386	18196	15576	20314	10085	33772	5462	5407	13546	10220	9267	9526	12320	16129	5908	**249241**
1890	21617	56923	14523	21361	30692	22750	10471	21639	3733	6936	18530	23485	16780	16066	11122	5954	4839	**307421**
1891	18655	41504	24800	19805	21853	10314	6012	10996	4955	9269	18193	19426	3599	18494	10357	4039	2691	**244962**
1892	8727	50150	47486	37032	33127	23868	15180	36244	7558	10706	21004	17133	6072	16242	15442	7734	3749	**357454**
1893	46429	94725	69598	47901	84706	25886	15792	27293	7420	8997	9336	23198	20729	34186	23452	9147	5161	**553956**
1894	19687	69810	46535	52644	70050	58204	25392	10338	4262	12993	29025	32290	18392	36142	19082	13425	10039	**528310**
1895	27805	42957	34622	39898	70735	33678	15001	22595	4075	9300	28624	34376	18932	26194	21887	14349	9507	**454535**
1896	16273	60178	36355	32622	47475	59064	29820	27172	5080	14210	25765	37463	13721	24307	15048	20913	5144	**470610**
1897	23731	27359	37860	31378	58415	37070	14960	21003	4569	9585	12267	14607	9244	25768	17064	18948	3647	**367475**
1898	31531	56998	59230	47845	74020	24276	14321	28532	3599	15143	31563	35653	16052	36416	24676	17456	6178	**523489**
1899	11172	54060	41086	38652	29885	46164	27076	34106	6978	18275	34369	39246	17187	32462	19472	24154	7682	**482026**
1900	22356	60957	42585	34624	31676	68297	26330	45447	8172	10670	14414	21875	19125	27672	24639	24323	9900	**493062**
1901	48698	45225	34316	40471	85627	28950	15261	20238	3706	17897	37098	43914	14992	29244	17232	9639	8273	**500781**
1902	46231	88536	80598	51188	77746	65934	26752	31945	5879	18943	46506	48532	27904	46983	33722	20238	10710	**728347**
1903	56056	81939	65001	57390	93230	60218	27087	41953	7571	18283	31457	45737	30463	39713	27145	29985	8309	**721537**
1904	21417	90697	97086	61526	63634	113199	20193	27451	18072	20835	37532	44667	23535	46791	37391	33185	8070	**765281**
1905	43036	73479	83602	57177	66201	56257	15364	68944	12490	18520	38235	45369	13400	44498	29950	38381	8850	**713753**

1906	46804	42780	60096	50054	92764	17511	10476	23743	3364	16342	36730	47443	9510	31598	20732	29686	7753	**547386**
1907	22459	74678	68137	54878	57676	50614	20487	42410	8606	9897	11331	17692	11540	28396	21105	24748	7414	**532068**
1908	21800	73316	74627	48586	71796	59855	17356	48369	9360	17191	11586	28467	15197	39264	30364	29045	6459	**602638**
1909	26651	147640	97547	59171	85516	131165	62846	61461	15858	18384	28410	35549	29588	46841	44565	33786	9788	**934766**
1910	45275	88340	102128	70239	83333	116605	46777	53901	21835	18735	34001	41038	24166	45844	38879	40833	9387	**881316**
1911	35708	62258	84555	57329	60647	23099	14534	5049	3846	18877	28119	35286	20219	37934	41414	11916	7896	**548686**
1912	32293	90502	79616	55838	65192	92380	34471	40829	13146	19357	34256	40940	32124	33614	45047	26629	11378	**747612**
1913	38951	145956	86157	79432	93650	151294	54374	65868	20746	17115	37891	45360	33121	56204	53106	44564	11530	**1035319**
1894–1898	23805	51460	42920	40877	64139	42458	19899	21928	4317	12246	25449	30878	15268	29765	19551	17018	6903	**468884**
1899–1903	36903	66143	52717	44465	63633	53913	24501	34738	6461	16814	32769	39861	21934	35215	24442	21668	8975	**585151**
1904–1908	31103	70990	76710	54444	70414	59487	16775	42183	10378	16557	27083	36728	14636	38109	27908	31009	7709	**632225**
1909–1913	35776	106939	90001	64402	77668	102909	42600	45422	15086	18494	32535	39635	27844	44087	44602	31546	9996	**829540**
1897–1901	27498	48920	43015	38594	55925	40951	19590	29865	5405	14314	25942	31059	15320	30312	20617	18904	7136	**473367**
1902–1905	41685	83663	81572	56820	75203	73902	22349	42573	11003	19145	38433	46076	23826	44496	32052	30447	8985	**732230**
1906–1908	30354	63591	67620	51173	74079	42660	16106	38174	7110	14477	19882	31201	12082	33086	24067	27826	7209	**560697**
1909–1913	35776	106939	90001	64402	77668	102909	42600	45422	15086	18494	32535	39635	27844	44087	44602	31546	9996	**829540**
1901–1903	50328	71900	59972	49683	85534	51701	23033	31379	5719	18374	38354	46061	24453	38647	26033	19954	9097	**650222**
1908–1911	32359	92889	89714	58831	75323	82681	35378	42195	12725	18297	25529	35085	22293	42471	38806	28895	8383	**741852**
1901–1903	50328	71900	59972	36352	85534	51701	23033	31379	5719	18374	38354	46061	24453	38647	26033	19954	9097	**636890**
1908–1911	32859	92889	89714	58831	75323	82681	35378	42195	12725	18297	25529	35085	22293	42471	38806	28895	8383	**742354**
1912–1913	35622	118229	82887	67635	79421	121837	44423	53349	16946	18236	36074	43150	32623	44909	49077	35597	11454	**891466**

Источник: РГИА. Ф. 273. Оп. 17. Д. 110; «Урожай ... года».

Екатеринославская, Херсонская, Таврическая, Томская и Ставропольская (сбор от 60 до 90 млн. пуд.) — в сумме давали 355,9 млн. пуд., или 26,3 % имперского урожая. Наконец, 9 губерний — Оренбургская, Харьковская, Полтавская, Саратовская, Подольская, Бессарабская, Киевская, Пермская и Воронежская (сборы от 27,8 до 45,6 млн. пуд.) — все вместе выращивали ежегодно в среднем 344,3 млн. пуд., или 25,4 % всей пшеницы в стране.

В совокупности на 17 упомянутых губерний и областей из общего числа 90 приходилось свыше 3/4 годового урожая пшеницы — 76,3 %. Концентрация производства, как можно видеть, весьма высока. Совершенно понятно, что именно перечисленные губернии и давали основную массу товарной пшеницы.

Обратимся к динамике урожайности этой культуры.

В таблице 3.11 представлены сведения о сборах пшеницы (озимой и яровой вместе, поскольку транспортная статистика их не различает) в указанных губерниях за 20-летие 1894–1913 гг. Информация этой таблицы, в особенности сведенная по периодам, наглядно показывает, насколько велики были годовые колебания урожаев пшеницы, когда разница в 100 и более процентов между соседними годами является вполне заурядным фактом.

В силу этого ясно, в какой зависимости от конкретно выбранных для анализа периодов оказывается исследователь — всегда есть некоторая опасность не увидеть за этими так или иначе произвольно выбираемыми «циклами» основных тенденций изучаемых процессов. Кстати, именно в силу данного обстоятельства построения типа «экспорт хлеба из России был голодным», потому что «он возрастал значительно быстрее, чем валовой сбор зерна» я считаю голословными — все определяется начальной и конечной датами сравнения[12].

Однако в данном случае оснований для подобного рода рассуждений, полагаю, нет. Какой бы мы ни взяли период, основная тенденция, фиксируемая на данных по 63-м губерниям Европейской России все же видна — взлет производства в 1898–1902 гг. и падение его в 1906–1908 гг. И если, например, в Бессарабской губернии производство очевидно падает, а в Донской, напротив, растет, то скрыть это едва ли возможно.

На северном черноземе пшеница уже не имела дальнейших перспектив для экстенсивного развития. Иное дело — юг, а с началом Столыпинской аграрной реформы — и Азиатская Россия. Прегер пишет, что доля 50-ти губерний в имперском производстве пшеницы «постепенно, но неуклонно понижается благодаря расширению культуры этого хлеба в Азиатской России[13].

Избытки-недостатки пшеницы в 1909–1913 гг. (таблица 3.3).

Согласно данным издания «Производство, перевозки и потребление хлебов за 1909–1913 гг.», доля ее в потреблении главных хлебов в предвоенное пятилетие составляла 28,3 % в целом по стране и 24,1 % в Европейской ее части. В 34-х из 87- губерний на нее приходилось от 1/3 до 2/3 потребления, причем 22 из этих 34-х губерний располагались в Азиатской части России.

Общая величина недостатков составляла 218 230 тыс. пуд. (здесь и далее при анализе этого сюжета имеются ввиду средние ежегодные показатели, если специально не оговаривается иное). Нуждались в ввозе пшеницы 56 губерний Империи, 33 из которых располагались в Европейской России. Область недостатков пшеницы располагается по границе северного чернозема, притом что в нее входят все губернии ЦЧР, кроме Воронежской и Курской.

Наибольшей была нехватка в Московской и Петербургской губерниях, а также в Ферганской области (17270, 16964, 13556 тыс. пуд. соответственно).

Вместе они поглощали в среднем ежегодно 47 790 тыс. пуд., или 21,9 % общих недостатков пшеницы. Недостатки в диапазоне от 9,0 до 5,1 млн. пуд. фиксируются в 12-ти губерниях, преимущественно промышленных — Пермской (9017 тыс. пуд.), Приморской (7797 тыс. пуд.), Кутаисской (7589 тыс. пуд.), Владимирской (7439 тыс. пуд.), Варшавской (6 849 тыс. пуд.), Астраханской (6 558 тыс. пуд.), Тверской (6329 тыс. пуд.), Бакинской (6 279 тыс. пуд.), Нижегородской (6089 тыс. пуд.), Ярославской (6 068 тыс. пуд.), Петроковской (5 344 тыс. пуд.) и Казанской (5 161 тыс. пуд.). В сумме на них приходилось 80 519 тыс. пуд., или 36,9 % всей нехватки пшеницы в стране. Другими словами, 15 губерний из 53-х концентрировали 58,8 % недостатков пшеницы, а остальные 39-ть губерний — 45,2 %.

Более слабая, в сравнении с рожью (см. ниже), концентрация (по числу губерний) нехватки пшеницы отражает, надо думать, относительную ограниченность ареала товарного производства этой культуры, а также растущее ее потребление в губерниях ржано-овсяного пояса.

Избыток пшеницы в количестве 491 273 тыс. пуд. распределялся между 32-мя губерниями, но, конечно, не в равной степени. Две пятых его концентрировалось в Самарской (77 885 тыс. пуд.), Донской (60 481 тыс. пуд.) и Кубанской (58 608 тыс. пуд.) — в сумме 196 974 тыс. пуд., или 40,1 % всех избытков. От 39 до 50 млн. пуд. составляли избытки в Екатеринославской (49 945 тыс. пуд.), Таврической (46 255 тыс. пуд.) и Херсонской (39 795 тыс. пуд.) губерниях; а вместе — 135 995 тыс. пуд., или 27,7 % соответственно. На группу из 7-ми губерний с избытками от 11,5 до 23,6 млн. пуд. в сумме пришлось 109 930 тыс. пуд., или 22,4 %. Таким образом, 90,2 % «лишней» пшеницы в Империи производилось в 13-ти губерниях.

Специально отмечу, что избытки пшеницы только в Новороссии и Кубанской области (255 085 тыс. пуд.) на 16,9 % превосходили потребности внутреннего рынка России. А всего в 1909–1913 гг. 273 043 тыс. пуд. *не могли* разместиться на внутреннем рынке. Это была величина, на *четверть* (!) превосходившая среднегодовое количество пшеницы, необходимое стране.

Вместе с тем, данная картина фиксирует итог развития пшеничного рынка пореформенной эпохи. А каковы промежуточные этапы этого процесса?

§ 3.4. ДИНАМИКА ПРОИЗВОДСТВА, ЭКСПОРТА И ОСТАТКА ПШЕНИЦЫ

Если преобразовать таблицу 3.2 так, как это сделано в таблице 3.12, то суть происшедших изменений, возможно, станет яснее.

Как можно видеть из таблицы 3.2, урожай 1901 г. в 63-х губерниях (667,1 млн. пуд.) был ненамного выше среднего за предыдущее пятилетие (614,3 млн. пуд. за 1896–1900 гг.). Затем в 1902 г. происходит резкое увеличение сбора сразу до 931,4 млн. пуд.,

Таблица 3.12. Урожаи, экспорт и остаток пшеницы (тыс. пуд.)

Период	Средний сбор	Средний вывоз	Средний остаток	Динамика роста ср. сбора	Динамика роста вывоза	Динамика роста остатка	Доля вывоза от урожая, %	Доля остатка от урожая, %
1897–1901	626457	156189	470268	100%	100%	100%	24,9	75,1
1902–1905	956535	261042	695493	152,7	167,1	147,9	27,3	72,7
1906–1908	763109	156459	606650	121,8	100,2	129,0	20,5	79,5
1909–1913	1103040	268447	834593	176,1	171,9	177,4	24,3	75,7

Источники: Урожай ... года, Обзор внешней торговли России...

т. е. на 39,9 %, и с 1903 по 1905 гг. урожаи колеблются в пределах 916–1034 м.п. В 1906–1908 гг. сборы падают до 727–812 млн. пуд. В 1909–1913 гг. произошел новый скачок. В 1909 г. урожай вырос до 1182 млн. пуд., или на 45,4% в сравнении с 1908 г. (примерно, как в 1902 г.), и в 1910 г.оставался почти на том же уровне — 1162 тыс.пуд. Именно на эти два года приходится громадное увеличение вывозного отправления до 272 и 303 млн. пуд. соответственно, т. е. имел место явный сброс излишков пшеницы на экспорт. В 1911 г. урожай падает до 743 млн. пуд. (на 36% в сравнении с 1910 г.), а вывозное отправление — до 164 млн. пуд. (на 46 %). Тенденцию характеризует тот факт, что даже в год рекордного урожая пшеницы, 1913, когда сбор достиг 1,4 млрд.пуд., вывозное отправление составило 210 млн. пуд., т. е. было ниже уровня 1909–1910 гг.

Давно замечено, что уловить четкую зависимость между урожаем и экспортом в каждом отдельно взятом году трудно.

Тем не менее показательно, что в 1897–1901 и 1906–1908 гг. среднегодовой экспорт пшеницы (с мукой) практически одинаков — 156,2 и 156,4 млн. пуд., а средние сборы составили соответственно 626 ,4 и 763,1 млн. пуд. Другими словами, в первом периоде доля вывоза равна 24,9 % среднегодового урожая, а во втором — 20,4 %. Точно так же близки аналогичные показатели экспорта в 1902–1905 и 1909–1913 гг. — 261,0 и 268,4 млн. пуд., а урожаи равны 956,5 и 1103,0 млн. пуд. При этом в 1902–1905 гг. вывоз составлял 27,3 %, а в предвоенное пятилетие — 24,3 %.

Таким образом, доля экспорта от урожая после 1906 г. имеет явную тенденцию к снижению при схожих по размерам периодических колебаниях урожая.

Рассмотрим теперь данные таблицы 3.12 с точки зрения соотношения динамики не только урожаев и экспорта, но и остатка. Нетрудно заметить, что средние сборы 1902–1905 гг. в 1,53 раза выше средних за предыдущее пятилетие. Экспорт при этом вырос со 156,2 до 261,0 млн. пуд., т. е. в 1,67 раза, а остаток пшеницы в стране — 1,48 раза. Однако в абсолютных величинах это выглядит так: средний урожай в 63-х губерниях увеличился на 330,1 млн. пуд., экспорт — на 104,9 млн. пуд., а остаток — на 225,2 млн. пуд. Иначе говоря, прирост оставшейся в стране пшеницы в 2,14 раза выше прироста вывоза.

В 1906–1908 гг. в сравнении с 1902–1905 гг. урожаи заметно снижаются — на 193,4 млн. пуд. (20,2 %), а с ними — вывоз и остаток на 104,6 и 88,8 млн. пуд. соответственно. Показательно, однако, что уменьшение сборов отразилось на экспорте куда сильнее, чем на величине остававшейся в стране пшеницы: падение первого составило 40,1 %, а второго — 12,8 %. При этом среднегодовые сборы 1906–1908 гг. более чем на

одну пятую превышали показатели 1897–1901 гг., среднегодовой вывоз 1906–1908 гг. практически равен показателям 1897–1901 гг., а вот ежегодный остаток оказался в среднем на 136,4 млн. пуд. больше показателей рубежа веков.

В 1909–1913 гг. среднегодовые урожаи пшеницы вновь значительно выросли — на 44,5% в сравнении с 1906–1908 гг. Увеличились и средние размеры экспорта и остатка — на 71,6 % и 37,6% соответственно. Однако относительное опережение роста вывоза и в данном случае совершенно не показательно.

Ведь из 339,9 млн. пуд. прироста сборов в 63-х губерниях на экспорт пришлось 112,0 млн. пуд., а на остаток — 227,9 млн. пуд. Другими словами, 67,0 % этого прироста осталось в России и лишь 33,0 % ушло за границу. Пожалуй, еще выразительнее картина становится при сравнении данных за 1909–1913 гг. и 1902–1905 гг. При росте среднего урожая в 1909–1913 гг. на 15,3 % относительно 1902–1905 гг., остаток увеличился на 20,0 %, а вывоз — лишь на 2,8 %. То есть, из 146,5 млн. пуд. прироста сборов в 1909–1913 гг. в сравнении с 1902–1905 гг. 139,1 млн. пуд. пришлось на внутреннее потребление, и только 7,4 млн. пуд. на вывоз.

Совершенно очевидно, что в рамках рассматриваемого периода экспорт пшеницы достиг своего потолка, а вот внутренний рынок своих ресурсов далеко еще не исчерпал и по-прежнему развивался. Несомненно, закрытие Проливов из-за Итало-Турецкой и Балканских войн могло сыграть определенную роль в уменьшении вывоза в 1912–1913 гг. через порты Черного моря, однако влияние этого факта не стоит преувеличивать. Ведь были и иные транспортные возможности для экспорта, о чем наглядно говорит резкий рост вывоза пшеницы через порты Балтики в эти годы.

Из сопоставления показателей 1909–1913 гг. и 1897–1901 гг. следует, что из 476,6 млн. пуд. прироста сборов ушло заграницу 112,3 млн. пуд., или 23,6 % прироста, а 364,3 млн. пуд., или 76,4% прироста, осталось внутри страны.

При иной периодизации картина не изменится. В 1893–1898 гг. среднегодовая величина остатка равнялась 425,7 млн. пуд., в 1899–1903 гг. — 598,9 млн. пуд., в 1904–1908 гг. — 641,4 млн. пуд., а в 1909–1913 гг. — 834,6 млн. пуд., или в относительном выражении, принимая показатели 1893–1898 гг. за 100 %, — 140,7, 150,7 % и 196,1 % соответственно. То есть, средний ежегодный остаток пшеницы за эти годы практически удвоился (!). Только за десятилетие с 1899–1903 по 1909–1913 гг. он вырос на 39,3%,

Таблица 3.13. Соотношение урожая и экспорта пшеницы в 1906–1912 гг.

Годы	Урожай по 63 губ.	Экспорт	Доля экспорта, %	Урожай по Империи	Доля экспорта, %
1906	749260	228184	30,5	902966	25,3
1907	727345	147065	20,2	932536	15,7
1908	812723	94127	11.6	1042895	9,0
1909	1182093	322154	27,3	1405871	22,9
1910	1162046	383683	33,0	1389393	27,6
1911	742738	250348	33,7	936208	26,7
1912	1036356	169511	16,4	1331655	12,7

Источник: Прегер... С. 50, Обзор внешней торговли России...

почти на две пятых. В действительности, убежден, он был еще выше, ибо, во-первых, как мы знаем, статистика урожайности занижала сборы. А, во-вторых, мы оперируем данными лишь по 63-м губерниям Европейской России. Картина несколько изменится, если мы рассмотрим соотношение урожая и экспорта пшеницы для всей Империи, что возможно сделать, начиная с 1906 г.

Естественно, доля вывоза от имперского урожая оказывается на 2,6–7,0 % ниже, чем от урожая одной Европейской России.

Итак, подводя предварительные итоги, замечу, что налицо значительное увеличение объема внутреннего потребления пшеницы в начале XX в., намного опережающее рост населения.

§ 3.5. ДИНАМИКА ПЕРЕВОЗОК ПШЕНИЦЫ

Мы рассмотрели в самом общем виде картину развития внутреннего и внешнего рынка пшеницы.

Попытаемся теперь оценить динамику соотношения урожаев, внутреннего и вывозного отправления пшеницы по железным дорогам в 1901–1903 и 1908–1911 гг. на уровне губерний.

Выше говорилось, что производственную ситуацию на пшеничном рынке определяло, по существу, положение в южной, черноземной половине России. 19 черноземных губерний (включая Тобольскую и Томскую) в 1901–1903 гг. производили 82–86% всей пшеницы в 72-х губерниях Империи (табл. 3.14), и они же были главными отправителями ее. Анализ показателей производства и перевозок пшеницы именно в этих губерниях позволит представить эволюцию пшеничного рынка страны.

В 1901–1903 гг. пятерка лидеров по сборам пшеницы выглядела так: Херсонская губерния, Кубанская и Донская области, Екатеринославская и Самарская губернии, в сумме произведшие 346 435 тыс. пуд., или 37,8% урожая в 72 губерниях. В 1908–1911 гг. порядок мест меняется, и наибольшее увеличение урожаев наблюдается там, где еще оставалось сравнительно много нераспаханных земель: Кубанская и Донская области, Екатеринославская, Самарская и Херсонская; их суммарные показатели производства соответственно растут — 447394 тыс. пуд., или 41,2%. В 1909–1913 гг. происходит окончательная расстановка: Кубанская и Донская области, Самарская, Екатеринославская и Херсонская губернии, их суммарный урожай составил 500728 тыс. пуд., или 40,7% сбора в 72-х губерниях. Характерно, что в 1901–1903 гг. на Херсонскую и Екатеринославскую губернии в сумме пришлось 42,0% урожая 5-ти губерний, в 1908–1911 гг. – 36,9%, в 1909–1913 гг. – уже 33,5% (табл. 3.15)

В 1908–1911 гг. в производстве пшеницы, по сравнению с 1901–1903 гг., происходят определенные изменения. Среднегодовой прирост урожаев в производящих губерниях составил 145,1 млн. пуд., а в 72-х губерниях — почти 170 млн. пуд., и среднегодовые сборы далеко перевалили за миллиард пудов. В 7-ми губерниях и областях Новороссии и Предкавказья по-прежнему собирали несколько меньше половины всей российской пшеницы (47,2 против 46,1%). С 12,2% до 15,9% увеличилась доля Нижневолжских

Таблица 3.14. Урожаи пшеницы в главных производящих губерниях в 1901–1903 гг. и 1908–1911 гг. (тыс. пуд.)

Губернии	1901	1902	1903	1908	1909	1910	1911	1901–1903	1908–1911	Прирост	Прирост, %
Бессарабская	48699	46230	54055	21800	26652	45275	35708	49661	32359	–17303	65,2
Херсонская	85627	77746	93230	71796	85516	83333	60647	85534	75323	–10211	88,1
Екатеринославская	34316	80598	65001	74627	97547	102128	84555	59972	89714	29743	149,6
Таврическая	40471	51188	57396	48587	59171	70239	57329	49685	58832	9147	118,4
Донская	45225	88536	81939	73316	147640	88340	62258	71900	92889	20989	129,2
Кубанская	77128	78420	76436	105256	108867	139136	73888	77328	106787	29459	138,1
Ставропольская	29654	42309	45833	27759	54370	55204	42009	39265	44836	5570	114,2
Район	**361120**	**465027**	**473890**	**423141**	**579757**	**583655**	**416394**	**433346**	**500737**	**67391**	**115,6**
Оренбургская	20237	31944	41953	48003	61461	53901	5049	31378	42104	10726	134,2
Самарская	28950	65934	60219	59855	131165	116605	23099	51701	82681	30980	159,9
Саратовская	15261	26752	27087	17356	62846	46777	14534	23033	35378	12345	153,6
Уфимская	3707	5879	7571	9359	15857	21836	3846	5719	12725	7006	222,5
Район	**68156**	**130509**	**136829**	**134573**	**271328**	**239118**	**46528**	**111831**	**172887**	**61055**	**154,6**
Киевская	37098	46506	31457	11586	28410	34001	28119	38354	25529	–12825	66,6
Волынская	17897	18943	18283	17191	18384	18735	18877	18374	18297	–78	99,6
Подольская	43914	48532	45737	28467	35549	41038	35286	46061	35085	–10976	76,2
Район	**98909**	**113981**	**95477**	**57244**	**82343**	**93773**	**82282**	**102789**	**78911**	**–23879**	**76,8**
Воронежская	14992	27904	30463	15197	29588	24166	20219	24453	22293	–2161	91,2
Харьковская	17232	33722	27145	30364	44565	38879	41414	26033	38806	12773	149,1
Полтавская	29244	46983	39713	39264	46841	45844	37934	38647	42471	3824	109,9
Район	**61467**	**108608**	**97322**	**84825**	**120995**	**108888**	**99567**	**89132**	**103569**	**14436**	**116,2**
Томская	14642	26342	42103	53426	48593	58364	58531	27696	54729	27033	197,6
Тобольская	9209	19647	31908	29907	20932	22552	3859	20255	19313	–942	95,3
Район	**23851**	**45988**	**74011**	**83333**	**69525**	**80916**	**62390**	**47950**	**74041**	**26091**	**154,4**
Всего	**613503**	**864113**	**877529**	**783116**	**1123948**	**1106350**	**707161**	**785048**	**930144**	**145095**	**118,5**
Доля от 72 губерний	86,3	85,6	85,0	82,8	86,4	86,8	85,5	85,6	85,6	85,5	
72 губернии	710742	1009121	1032530	946188	1301373	1274104	827180	917464	1087211	169747	118,5

Источник: Урожай ... года.

Таблица 3.15. Главнейшие производители пшеницы в начале XX века

Губернии	1901–1903	Губернии	1908–1911	Губернии	1909–1913
Херсонская	85534	Кубанская	106787	Кубанская	123252
Кубанская	77328	Донская	92889	Донская	106939
Донская	71900	Екатеринославская	89714	Самарская	102908
Екатеринославская	59972	Самарская	82681	Екатеринославская	89961
Самарская	51701	Херсонская	75323	Херсонская	77668
Всего	**346435**	**Всего**	**447394**	**Всего**	**500728**

Источник: Урожай ... года; Производство, перевозки и потребление хлебов...

губерний в сборе 72-х губерний, и, напротив, с 11,2 до 7,3% уменьшились показатели Юго-Западных и ряда других губерний.

В 1908–1911 гг. по сравнению с 1901–1903 гг. снижаются средние урожаи в 7-ми губерниях — Бессарабской — на 17,3 млн. пуд., Киевской — на 12,8 млн. пуд., Подольской — на 11,0 млн. пуд., Херсонской — 10,2 млн. пуд., Воронежской — 2,2 млн. пуд., Тобольской — на 942 тыс.пуд. и Волынской — на 78 тыс.пуд.

При этом сопоставление данных 1901–1903 гг. и 1909–1913 гг. (таблица 3.16) показывает, что для Бессарабской, Херсонской, Киевской и Подольской губерний это уменьшение является долгосрочной тенденцией, а применительно к остальным губерниям правильнее говорить о колебаниях уровня сборов в сравнительно небольших пределах.

Замечу, что, несмотря на снижение среднегодовых урожаев в этих губерниях, они, особенно Херсонская, по-прежнему собирали и отправляли весьма внушительные количества пшеницы, и показатели Бессарабской, Подольской и Киевской губерний 1908–1911 гг. каждой в отдельности превосходили показатели многих губерний страны вместе взятых. Уменьшение урожаев было одним из индексов изменения ситуации в сельском хозяйстве региона и могло вызываться разными причинами.

Так, в Юго-Западных губерниях за период с 1901–1905 гг. по 1906–1910 гг. заметно, хотя и в разной степени, сокращаются посевы озимой пшеницы (на 66 тыс. дес. в Киевской, на 18 тыс. дес. в Подольской и на 29 тыс. дес. в Волынской губернии), как, кстати, и ржи, но растут площади, отведенные прежде всего под ячмень, затем свекловицу, картофель, бобовые, в Киевской губернии — под просо, а в Киевской и Волынской — и под овес. А в Херсонской губернии посевы пшеницы не уменьшаются и, следовательно, можно говорить о падении урожайности, но резко возрастают площади под ячменем и кукурузой[14].

В остальных 12-ти губерниях в 1908–1911 гг. урожаи выросли в сумме на 199,6 млн. пуд., однако распределяется эта величина между ними весьма неравномерно. Свыше 45% прироста — 90,2 млн. пуд. приходится на Самарскую и Екатеринославскую губернии, а также Кубанскую область, и почти четверть (24,0%) — 48,0 млн. пуд. на Томскую губернию и Донскую область. То есть, в 5-ти губерниях и областях было сконцентрировано 69,2% прироста урожаев пшеницы за период с 1901–1903 по 1908–1911 гг.

В 1909–1913 гг. в сравнении с 1901–1903 гг. урожаи пшеницы уменьшились в четырех губерниях на 34,0 тыс. пуд., а выросли в 15-ти губерниях на 305,2 млн. пуд., причем 71,8% этого количества — 219,0 млн. пуд. дали те же пять губерний и областей, а

Таблица 3.16. Среднегодовые урожаи пшеницы в производящих губерниях в 1901–1913 г. (тыс.пуд.)

Губернии	Урожаи 1901–1903	Урожаи 1908–1911	Урожаи 1909–1913	Прирост 1908–1911 к 1901–1903	Прирост 1909–1913 к 1901–1903	Прирост 1909–1913 к 1908–1911	Прирост 1908–1911 к 1901–1903, %	Прирост 1909–1913 к 1901–1903, %	Прирост 1909–1913 к 1908–1911, %
Бессарабская	49661	32359	35776	–17302	–13885	3417	65,2	72,0	110,6
Херсонская	85534	75323	77668	–10211	-7866	2345	88,1	90,8	103,1
Екатеринославская	59972	89714	89961	29742	29989	247	149,6	150,0	100,3
Таврическая	49685	58832	64402	9147	14717	5570	118,4	129,6	109,5
Донская	71900	92889	106939	20989	35039	14050	129,2	148,7	115,1
Кубанская	77328	106787	123252	29459	45924	16465	138,1	159,4	115,4
Ставропольская	39265	44836	60842	5571	21577	16006	114,2	155,0	135,7
Район	**433345**	**500737**	**558840**	**67392**	**125495**	**58103**	**115,6**	**129,0**	**111,6**
Оренбургская	31378	42104	45621	10726	14243	3517	134,2	145,4	108,4
Самарская	51701	82681	102908	30980	51207	20227	159,9	199,0	124,5
Саратовская	23033	35378	42600	12345	19567	7222	153,6	185,0	120,4
Уфимская	5719	12725	15097	7006	9378	2372	222,5	264,0	118,6
Район	**111831**	**172887**	**206226**	**61056**	**94395**	**33339**	**154,6**	**184,4**	**119,3**
Киевская	38354	25529	32553	–12825	-5801	7024	66,6	84,9	127,5
Волынская	18374	18297	18494	-77	120	197	99,6	100,7	101,1
Подольская	46061	35085	39636	–10976	-6425	4551	76,2	86,1	113,0
Район	**102789**	**78911**	**90683**	**-23878**	**–12106**	**11772**	**76,8**	**88,2**	**114,9**
Воронежская	24453	22293	27884	-2160	3431	5591	91,2	114,0	125,1
Харьковская	26033	38806	44602	12773	18569	5796	149,1	171,3	114,9
Полтавская	38647	42471	44067	3824	5420	1596	109,9	114,0	103,8
Район	**89132**	**103569**	**116553**	**14437**	**27421**	**12984**	**116,2**	**130,8**	**112,5**
Томская	27696	54729	63003	27033	35307	8274	197,6	227,5	115,1
Тобольская	20255	19313	20980	-942	725	1667	95,3	103,6	108,6
Район	**47950**	**74041**	**83983**	**26091**	**36033**	**9942**	**154,4**	**175,1**	**113,4**
Всего	**785048**	**930149**	**1056285**	**145101**	**271237**	**126136**	**118,5**	**134,6**	**113,6**
Сбор 72 губ.	**917464**	**1087211**	**1229156**	**169747**	**311692**	**141945**	**118,5**	**134,0**	**113,1**

Источник: Урожай...года; Производство, перевозки и потребление хлебов...

Таблица 3.17. Производство и перевозки пшеницы в 1901–1903 и 1908–1911 гг. (тыс. пуд.)

Губернии	Средние сборы		Общее отправление		Доля от сборов		Прирост сборов	Прирост отправления
	1901–1903	1908–1911	1901–1903	1908–1911	1901–1903	1908–1911		
Бессарабская	49661	32359	16092	5739	32,4	17,7	–17302	–10353
Херсонская	85534	75323	40730	33512	47,6	44,5	–10211	–7218
Екатеринославская	59972	89714	20250	35694	33,8	39,8	29742	15444
Таврическая	49685	58832	11920	21722	24,0	36,9	9147	9802
Донская	71900	92889	23654	51854	32,9	55,8	20989	28200
Кубанская	77328	106787	20112	37605	26,0	35,2	29459	17493
Ставропольская	39265	44836	10270	10429	26,2	23,3	5571	159
Район	**433346**	**500737**	**143029**	**196555**	**33,0**	**39,3**	**67391**	**53526**
Оренбургская	31378	42104	10801	12455	34,4	29,6	10726	1654
Самарская	51701	82681	34104	62907	66,0	76,1	30980	28803
Саратовская	23033	35378	16190	23227	70,3	65,7	12345	7037
Уфимская	5719	12725	1778	5061	31,1	39,8	7006	3283
Район	**111831**	**172887**	**62871**	**101151**	**56,2**	**58,5**	**61056**	**38280**
Киевская	38354	25529	12789	6165	33,3	24,1	–12825	–6624
Волынская	18374	18297	1996	1515	10,9	8,3	–77	–481
Подольская	46061	35085	10431	5317	22,6	15,2	–10976	–5115
Район	**102789**	**78911**	**25216**	**12997**	**24,5**	**16,5**	**–23879**	**–12219**
Воронежская	24453	22293	8867	9856	36,3	44,2	–2161	989
Харьковская	26033	38806	7690	11297	29,5	29,1	12773	3607
Полтавская	38647	42471	8386	10592	21,7	24,9	3824	2206
Район	**89132**	**103569**	**24942**	**31746**	**28,0**	**30,7**	**14437**	**6804**
Томская	27696	54729	367	6145	1,3	11,2	27033	5778
Тобольская	20255	19313	2266	6055	11,2	31,4	–943	3789
Район	**47950**	**74041**	**2633**	**12200**	**5,5**	**16,5**	**26091**	**9567**
Всего	**785048**	**930144**	**260316**	**355681**	**33,2**	**38,2**	**145096**	**95365**

Источник: Урожай 19... года. Материалы к пересмотру торгового договора с Германией и другими иностранными государствами. Ч. 1.; Статистические сборники МПС.

также Ставропольская (суммарный прирост сборов в Самарской губернии и на Кубани составил 97,1 млн. пуд., или 31,8%).

Как соотносились между собой урожаи и перевозки пшеницы?

Таблица 3.17 показывает, что в 1901–1903 гг. наибольшую долю урожая отправляли Саратовская и Самарская губернии — 70,3% и 66,0% соответственно (проценты сомнительно высокие!), затем шла Херсонская губерния с 47,6%, а в большинстве черноземных губерний показатель был существенно ниже — в 7-ми губерниях от 32,4% в Бессарабской до 36,3% урожая в Воронежской, в 6-ти — в пределах 21,7%, в Полтавской до 29,5% в Харьковской, 11,2% в Тобольской, 10,9% в Волынской и 1,3% в Томской.

В 1908–1911 гг. огромное увеличение сборов пшеницы в Новороссийских губерниях, кроме Бессарабской и Херсонской, сопровождается значительным ростом той ее части, которая перевозилась по железнодорожным и водным путям. Так, в Екатеринославской губернии среднегодовой прирост сборов составил 29,7 млн. пуд., а прирост общего отправления — 15,4 млн. пуд. (51,9%), в Кубанской соответственно 29,4 и 17,4 млн. пуд. (59,2%), в Самарской — 30,9 и 28,8 млн. пуд. (93,2%) и т. д. Лидировала здесь Донская область, где прирост урожая составил 21,0 млн. пуд., а прирост общего отправления — 28,2 млн. пуд. На мой взгляд, даже с учетом сугубо экспортного характера земледелия Новороссии, эти цифры заставляют еще раз задуматься о достоверности урожайной статистики ЦСК МВД.

В то же время снижается доля транспортируемой пшеницы от урожая не только в Бессарабской, Херсонской, Киевской, Волынской, Подольской губерниях, что отчасти понятно ввиду уменьшения среднегодовых сборов пшеницы, но также и в Оренбургской и Саратовской, в которых урожаи увеличились. Впрочем, по абсолютной величине показатели двух последних губерний выросли.

В целом вышесказанное характеризует дальнейший рост товарности производимой на степном Юге пшеницы. Этот тезис находит многочисленные подтверждения в сельскохозяйственной и агрономической литературе того времени.

Показатели общего отправления пшеницы приводятся в таблице 3.18, вывозного — в таблице 3.19, внутреннего — в таблице 3.20.

Как распределялось общее отправление в отдельных губерниях?

В подавляющем большинстве губерний, как можно видеть, в 1908–1911 гг. вывозное отправление (таблица 3.19) возрастает куда больше, чем внутреннее (таблица 3.20), что неудивительно. Если общее отправление производящих губерний во 2-м периоде выросло на 36,6%, то внутреннее при этом — на 30,6%, а вывозное отправление — на 44,2%.

Экспортное отправление увеличилось в 13-ти губерниях на 91,0 млн. пуд., но 90,5% этого количества приходится на 6 губерний и областей с максимальными приростами — Донскую область (20,2 млн. пуд.), Самарскую губернию (16,9 млн. пуд.) и Кубанскую область (16,4 млн. пуд.), Екатеринославскую (11,7 млн. пуд.), Таврическую (8,4 млн. пуд.) и Саратовскую (7,9 млн. пуд.) губернии. **То есть, основной ареал экспортного производства пшеницы весьма ограничен.** Снизились вывозные перевозки в Бессарабской, Херсонской, трех Юго-Западных и Полтавской губерниях на 28,4 млн. пуд., из которых почти две трети (65,7%) пришлись на две первые губернии.

Таблица 3.18. Общее отправление пшеницы (тыс. пуд.)

Губернии	1901	1902	1903	1908	1909	1910	1911	Среднее 1901–1903	Среднее 1908–1911	Прирост тыс. пуд.	Прирост в %
Бессарабская	10626	17147	20503	4844	4702	8910	4500	16092	5739	–10353	35,7
Херсонская	29477	40002	52710	26189	40636	38336	28887	40730	33512	–7218	82,3
Екатеринославская	9425	20658	30668	18102	36967	47623	40085	20250	35694	15444	176,3
Таврическая	7381	10309	18071	16887	22773	22586	24642	11920	21722	9802	182,2
Донская	17833	21664	31466	28558	52828	76939	49092	23654	51854	28200	219,2
Кубанская	16458	22523	21355	28005	41852	43905	36659	20112	37605	17493	187
Ставропольская	7101	9551	14159	8680	10358	12619	10057	10270	10429	159	101,5
Район	**98301**	**141854**	**188932**	**131265**	**210116**	**250918**	**193922**	**143029**	**196555**	**53526**	**137,4**
Оренбургская	16659	6720	9025	12274	18417	11727	7403	10801	12455	1654	115,3
Самарская	33334	29886	39092	26591	76251	98253	50534	34104	62907	28803	184,5
Саратовская	19536	11819	17214	8269	35766	32519	16354	16190	23227	7037	143,5
Уфимская	3043	1054	1238	1637	5278	8042	5288	1778	5061,3	3283	284,7
Район	**72572**	**49479**	**66569**	**48771**	**135712**	**150541**	**79579**	**62873**	**103651**	**40778**	**164,9**
Киевская	10234	16201	11932	1083	7180	8337	8061	12789	6165,3	–6624	48,2
Волынская	2164	1834	1989	861	2031	1890	1279	1996	1515,3	–481	75,9
Подольская	7533	11312	12448	3208	6517	6476	5065	10431	5316,5	–5115	51
Район	**19931**	**29347**	**26369**	**5152**	**15728**	**16703**	**14405**	**25216**	**12997**	**–12219**	**51,5**
Воронежская	6330	7225	13046	4672	11386	10988	12379	8867	9856,3	989	111,2
Харьковская	6037	8193	8839	6316	11507	12541	14825	7690	11297	3607	146,9
Полтавская	4104	9717	11336	7148	12954	11669	10597	8386	10592	2206	126,3
Район	**16471**	**25135**	**33221**	**18136**	**35847**	**35198**	**37801**	**24942**	**31746**	**6804**	**127,3**
Томская	25	734	342	7755	7270	2615	6939	367	6145	5778	1674,3
Тобольская	1753	1525	3521	8414	11219	2413	2174	2266	6055	3789	267,2
Район	**1778**	**2259**	**3863**	**16169**	**18489**	**5028**	**9113**	**2633**	**12200**	**9567**	**463,3**
Всего	**209053**	**248074**	**318954**	**219493**	**415892**	**458388**	**334820**	**258694**	**357148**	**98455**	**138,1**

Источник: Материалы к пересмотру торгового договора России с Германией и другими иностранными государствами. Ч. 1; Статистические сборники МПС.

Таблица 3.19. Вывозное отправление пшеницы (тыс. пуд.)

Губернии	1901	1902	1903	1908	1909	1910	1911	1901–1903	1908–1911	Прирост тыс. пуд.	Прирост в %
Бессарабская	8514	14700	18178	784	2923	6981	2047	13797	3184	–10614	23,1
Херсонская	25942	35796	48850	17374	35898	36891	25168	36863	28833	–8030	78,2
Екатеринос-лавск.	4858	16146	22961	7641	33369	40869	23385	14655	26316	11661	179,6
Таврическая	6407	9629	17480	12378	21856	21401	22804	11172	19610	8438	175,5
Донская	12289	12910	24250	9648	43836	64610	28523	16483	36654	20171	222,4
Кубанская	12622	16475	14472	18878	36780	39626	28476	14523	30940	16417	213,0
Ставропольск.	3022	5862	10157	3146	9428	11133	6782	6347	7622	1275	120,1
Район	**73654**	**111518**	**156348**	**69849**	**184090**	**221511**	**137185**	**113840**	**153159**	**39319**	**134,5**
Оренбургск.	5186	1	2675	1227	11754	3479	1412	2621	4468	1847	170,5
Самарская	2831	70	433	17	30654	31868	9677	1111	18054	16943	1625,0
Саратовская	1019	402	1704	3	19134	14096	2637	1042	8968	7926	860,7
Уфимская	721	0	227	3	3990	6321	2633	316	3237	2921	1024,4
Район	**9757**	**473**	**5039**	**1250**	**65532**	**55764**	**16359**	**5090**	**34726**	**29637**	**682,2**
Киевская	3072	7226	5707	10	3080	3306	235	5335	1658	–3677	31,1
Волынская	920	873	1143	68	1236	756	264	979	581	–398	59,3
Подольская	5372	8829	10105	340	4032	4796	1948	8102	2779	–5323	34,3
Район	**9364**	**16928**	**16955**	**418**	**8348**	**8858**	**2447**	**14416**	**5018**	**–9398**	**34,8**
Воронежская	941	1722	6997	77	5431	6518	4221	3220	4062	842	126,1
Харьковская	626	2200	3372	1466	4310	6041	3035	2066	3713	1647	179,7
Полтавская	176	3596	4144	69	3676	4365	1186	2639	2324	–315	88,1
Район	**1743**	**7518**	**14513**	**1612**	**13417**	**16924**	**8442**	**7925**	**10099**	**2174**	**127,4**
Томская	1	0	3	146	341	0	1	1	122	121	12200,0
Тобольская	28	0	1190	1727	2984	0	11	406	1181	775	290,9
Район	**29**	**0**	**1193**	**1873**	**3325**	**0**	**12**	**407**	**1303**	**896**	**320,1**
ВСЕГО	**94547**	**136437**	**194048**	**75002**	**274712**	**303057**	**164445**	**141677**	**204305**	**62628**	**144,2**

Источник: см. таблицу 3.18.

Таблица 3.20. Внутреннее отправление пшеницы (тыс. пуд.)

Губернии	1901	1902	1903	1908	1909	1910	1911	1901–1903	1908–1911	Прирост тыс. пуд.	Прирост в %
Бессарабская	2112	2447	2325	4060	1779	1929	2453	2295	2555	260	111,3
Херсонская	3535	4206	3860	8815	4738	1445	3719	3867	4679	812	121,0
Екатеринослав.	4567	4512	7707	10461	3598	6754	16700	5595	9378	3783	167,6
Таврическая	974	680	591	4509	917	1185	1838	748	2112	1364	282,4
Донская	5544	8754	7216	18910	8992	12329	20569	7171	15200	8029	212,0
Кубанская	3836	6048	6883	9127	5072	4279	8183	5589	6665	1076	119,3
Ставропольск.	4079	3689	4002	5534	930	1486	3275	3923	2806	–1117	71,5
Район	**24647**	**30336**	**32584**	**61416**	**26026**	**29407**	**56737**	**29189**	**43397**	**14208**	**148,7**
Оренбургская	11473	6719	6350	11047	6663	8248	5991	8181	7987	–194	97,6
Самарская	30503	29816	38659	26574	45597	66385	40857	32993	44853	11860	135,9
Саратовская	18517	11417	15510	8266	16632	18423	13717	15148	14260	–888	94,1
Уфимская	2322	1054	1011	1634	1288	1721	2655	1462	1825	363	124,8
Район	**62815**	**49006**	**61530**	**47521**	**70180**	**94777**	**63220**	**57784**	**68925**	**8644**	**119,3**
Киевская	7162	8975	6225	1073	4100	5031	7826	7454	4508	–2946	60,5
Волынская	1244	961	846	793	795	1134	1015	1017	934	–83	91,8
Подольская	2161	2483	2343	2868	2485	1680	3117	2329	2538	209	109,0
Район	**10567**	**12419**	**9414**	**4734**	**7380**	**7845**	**11958**	**10800**	**7979**	**–2821**	**73,9**
Воронежская	5389	5503	6049	4595	5955	4470	8158	5647	5795	148	102,6
Харьковская	5411	5993	5467	4850	7197	6500	11790	5624	7584	1960	134,9
Полтавская	3928	6121	7192	7079	9278	7304	9411	5747	8268	2521	143,9
Район	**14728**	**17617**	**18708**	**16524**	**22430**	**18274**	**29359**	**17018**	**21647**	**4629**	**127,2**
Томская	24	734	339	7609	6929	2615	6938	366	6023	5657	1645,6
Тобольская	1725	1525	2331	6687	8235	2413	2163	1860	4874	3014	262,0
Район	1749	2259	2670	14296	15164	5028	9101	2226	10897	8671	489,5
Всего	**114506**	**111637**	**124906**	**144491**	**141180**	**155331**	**170375**	**117016**	**152844**	**35828**	**130,6**

Источник: см. таблицу 3.18.

Внутреннее отправление в 1908–1911 гг. в сравнении с 1901–1903гг., увеличилось в 14-ти губерниях на 41,1 млн. пуд., а уменьшилось в 5-ти губерниях на 5,2 млн. пуд. В числе последних — Киевская (снижение на 2946 тыс. пуд., или на 39,5%), Ставропольская губерния (на 1117 тыс. пуд., или на 28,5% меньше) и Саратовская (на 888 тыс. пуд., или на 5,9%).

Безусловным лидером внутреннего отправления была Самарская губерния, среднегодовое отправление которой в 1901–1903 гг. составляло 28,2%, а в 1908–1911 гг. 29,3% всего отправления производящих губерний (в урожайном 1910 г. — 42,7%). Затем шли Саратовская губерния (12,9 и 9,3% соответственно) и Донская область (6,1 и 9,9%). При этом заметно постепенное снижение доли Саратовской губернии с 16,2% в 1901 г. до 5,7% и 8,1% в неурожайные для Поволжья 1908 и 1911 гг.

Нетрудно заметить, что эти погубернские данные не слишком наглядно иллюстрируют отмеченную выше тенденцию к падению роли экспорта пшеницы к концу рассматриваемого периода, которую мы отмечали выше на основании данных по 63-м губерниям об урожае, вывозе и остатке.

Попробуем теперь оценить перемены в соотношении внутреннего и вывозного отправления в масштабах страны (см. табл. 3.21).

Эта таблица еще раз показывает, насколько зависят выводы от конкретных дат, когда речь идет о вывозном отправлении. В 1901–1903 гг. соотношение между вывозным и внутренним отправлением было соответственно 48,2 и 51,8 %, в 1908–1911 гг. — 54,5 и 45,5 %, в 1912–1913 гг. — 41,0 % и 59,0 %. А если взять данные за 1908–1913 гг., то

Таблица 3.21. Общее, вывозное и внутреннее отправление пшеницы в начале XX в. (тыс. пуд. и %)

Годы	Внутреннее	Вывозное	Общее	Внутреннее (%)	Вывозное (%)	Общее (%)
1901–1903	122396	114073	236470	51,8	48,2	100
1908–1911	149271	178640	327911	45,5	54,5	100
1912–1913	190481	132482	322963	59,0	41,0	100
1908–1913	163035	163226	326261	49,97	50,03	100

Источники: Материалы к пересмотру торгового договора России с Германией...; Статистические данные об отправлении и прибытии продовольственных грузов по русским железным дорогам... за 1912, 1913 и 1914 гг.; Сводная статистика.

Таблица 3.21а. То же без внутриодесских перевозок

Годы	Внутреннее	Вывозное	Общее	Внутреннее (%)	Вывозное (%)	Общее (%)
1901–1903	122396	96672	219069	55,9	44,1	100
1908–1911	149271	171000	320271	46,6	53,4	100
1912–1913	190481	127383	317864	59,9	40,1	100
1908–1913	163035	156461	319469	51,03	48,98	100

Источник: см. таблицу 3.21.

ситуация — не без некоторого комизма — как будто прояснится окончательно — 50,03 и 49,97 % (!) соответственно.

Как уже говорилось, исключение перевозок в пределах Одессы слегка меняет соотношение в пользу внутреннего отправления (см. табл. 3.21а).

Таким образом, исходя из данных о перевозках пшеницы в зерне, сделать вывод о нарастании роли внутреннего рынка сложно. Размеры вывозного отправления все-таки сильно зависели от колебаний урожаев. Конечно, согласно данным таблицы 3.21, внутреннее отправление пшеницы имеет вполне определенную тенденцию к количественному росту. Если сравнить средние по трехлетиям, да и вообще любые динамические данные, то стабильность этой тенденции окажется ясной, в отличие от перепадов вывозного отправления. Но этого все же недостаточно для подтверждения выводов, сделанных нами на основании общих показателей.

Однако реальный рост потребления пшеницы в рассматриваемый период в России **безусловно** имел место. Просто он куда выразительнее отражается в стабильно увеличивающихся внутренних перевозках пшеничной муки, без учета которых весьма трудно принять указанный тезис об увеличении роли внутреннего рынка для пшеницы в России в начале XX в.

Если вывозное отправление пшеницы в зерне в десятки раз превосходит вывозное отправление пшеничной муки, то внутреннее отправление зерна и муки почти одинаково.

Сначала обратимся к общим показателям железнодорожных перевозок пшеницы в зерне и пшеничной муки.

Рассмотрим данные о железнодорожном отправлении пшеничных грузов (таблица 3.22) за 1882–1911 гг. Они показывают правильное возрастание перевозок, однако заметно, что темпы роста отдельных компонентов его неравны. Увеличение вывозного отправления явно отстает от внутреннего.

Представленная картина нуждается в уточнении, для чего необходимо произвести пересчет муки в зерно. Хотя можно априорно сказать, что сделанных выводов радикально это не изменит, данная операция, в частности, позволит не только увидеть реальную картину, но и сгладить определенный дисбаланс в структуре внутренних и вывозных перевозок пшеничных грузов. Ведь объем экспортируемой пшеницы был несопоставимо больше, чем муки. Такой пересчет, как говорилось, — не новость в историографии (см. «Производство, перевозки и потребление хлебов...», «Свод сведений по сельскому хозяйству» и др.). Результаты перерасчета приведены в таблице 3.23.

После пересчета величина среднегодового общего отправления в 1882–1884 гг. выросла на 13,6 млн. пуд. (214,8 млн. пуд. против 201,2), в 1889–1891 гг. увеличилась на 15,6 млн. пуд. (201,7 вместо 186,0 млн. пуд.), в 1893–1895 — на 23,5 млн. пуд. (258,1 млн. пуд. против 234,6), в 1901–1903 гг. — на 41,4 млн. пуд. (402,2 млн. пуд. вместо 360,8), в 1908–1911 гг. — на 54,2 млн. пуд. (544,7 против 490,5 млн. пуд.), в 1912–1913 гг. — на 64,6 млн. пуд. (581,4 млн. пуд. вместо 516,8), в 1908–1913 гг. — на 57,7 млн. пуд. (557 млн. пуд. против 499,3). Заметим также, что проведенный пересчет увеличивает долю внутреннего и соответственно уменьшает долю вывозного отправления на всех временных срезах примерно на 3–4 % даже без исключения данных о внутриодесских перевозках.

Таблица 3.22. Железнодорожные перевозки пшеничных грузов (тыс. пуд.)

Годы	Внутреннее отправление			Вывозное отправление			Общее отправление			Доля внутр.	Доля вывоз.
	Зерно	Мука	Всего	Зерно	Мука	Всего	Зерно	Мука	Всего	отправления	отправления
1882–1884	30564	36069	66633	129803	4764	134567	160367	40833	201200	33,1	66,9
1889–1891	38663	37077	75740	100503	9802	110305	139166	46879	186045	40,7	59,3
1893–1895	61765	57966	119731	102314	12566	114880	164079	70532	234611	51,0	49,0
1901–1903	122397	109612	232009	114073	14718	128791	236470	124330	360800	64,3	35,7
1908–1911	149271	144790	294061	178640	17803	196443	327911	162593	490504	60,0	40,0
1912–1913	190481	173285	363766	132482	20568	153050	322963	193853	516816	70,4	29,6
1908–1913	163035	154122	317157	163226	18890	182116	326261	173012	499273	63,5	36,5

Источники ... Дополнения к Статистическому сборнику МПС № 1, 2 и 3; Материалы по пересмотру тарифов на перевозку хлебных грузов в 1896 г. СПб., 1897; Материалы к пересмотру торгового договора с Германией... Ч.1; Сводная статистика; Статистические данные об отправлении и прибытии продовольственных грузов по русским железным дорогам ...за 1912, 1913 и 1914 гг. Пг. 1916.

Таблица 3.23. То же с пересчетом муки в зерно (75 % выхода)

Годы	Внутреннее отправление			Вывозное отправление			Общее отправление			Доля внутр.	Доля вывоз.
	Зерно	Мука	Всего	Зерно	Мука	Всего	Зерно	Мука	Всего	отправления	отправления
1882–1884	30564	48092	78656	129803	6352	136155	160367	54444	214811	36,6	63,4
1889–1891	38663	49436	88099	100503	13069	113572	139166	62505	201671	43,7	56,3
1893–1895	61765	77288	139053	102314	16755	119069	164079	94043	258122	53,9	46,1
1901–1903	122397	146149	268546	114073	19624	133697	236470	165773	402243	66,8	33,2
1908–1911	149271	193053	342324	178640	23737	202377	327911	216791	544702	62,8	37,2
1912–1913	190481	231047	421528	132482	27424	159906	322963	258471	581434	72,5	27,5
1908–1913	163035	205496	368531	163226	25187	188413	326261	230683	556944	66,2	33,8

Как можно видеть, в 1882–1884 гг. из 214,8 млн. пуд. общего отправления пшеничных грузов на вывозное отправление приходилось 136,2, а на внутреннее — лишь 78,7 млн. пуд. В 1908–1913 гг. общее железнодорожное отправление выросло до 557 млн. пуд., т. е. увеличилось на 342,1 млн. пуд., или в 2,6 раза (на 159,3 %). Вывозное отправление стало больше на 50,2 млн. пуд., или в 1,4 раза (на 36,9 %); максимальное увеличение его падает на 1908–1911 гг., когда в сравнении с 1882–1884 гг. оно увеличилось на 66,0 млн. пуд., или на 48,4 %. В то же время рост внутреннего отправления составил с 1882–1884 по 1908–1913 гг. 289,3 млн. пуд., т. е. в 4,7 раза больше, или на 367,7 %. Еще внушительнее выглядят изучаемые показатели при сравнении с 1912–1913 гг. они равны 342,9 млн. пуд., или 435,6 %. Нетрудно заметить, что в перевозках пшеницы наблюдается та же картина, которая фиксируется в перевозках всех хлебов вообще — к концу рассматриваемого периода показатели соотношения внутреннего отправления и вывозного отправления меняются местами относительно 1880 – начала 1890-х гг. Весьма важно, однако, что перелом отмечается уже в 1893–1895 гг., когда внутреннее отправление впервые превосходит по величине экспортное. Даже если брать за точку отсчета не 1882–1884 гг. — все же это был первый в России опыт сбора подобной статистической информации — а 1889–1891 гг., то ситуация не слишком изменится.

Данная таблица столь выразительна, что не нуждается, пожалуй, в пространном комментарии. С 1882–1884 по 1908–1913 гг. внутреннее отправление пшеничных грузов выросло в 4,7 раза, а вывозное отправление — лишь примерно в 1,4 раза. С 1889–1891 по 1908–1913 гг. рост показателей соответственно 4,2 раза и 1,6 раза. Цифры, как можно видеть, весьма красноречивые.

Таблица 3.24. Отправление пшеницы и пшеничной муки с пересчетом, принимая за 100 % 1882–1884 гг. и 1889–1891 гг. (%)

Годы	Темпы роста внутр. отпр.	Темпы роста внеш. отп.	Темпы роста внутр. отпр.	Темпы роста внеш. отпр.
1882–1884	100	100	-»-	-»-
1889–1891	112	83,4	100	100
1893–1895	176,8	87,5	157,8	104,8
1901–1903	341,4	98,2	304,8	117,7
1908–1911	435,5	148,5	388,6	178,2
1912–1913	535,9	117,5	478,5	140,8
1908–1913	468,5	138,4	418,3	165,9

Источники: Дополнения к Статистическому сборнику МПС № 1, 2 и 3. Материалы к пересмотру торгового договора с Германией... Ч. 1.

А теперь попытаемся конкретизировать эту информацию.

Мукомольная промышленность России в рассматриваемый период развивалась, хотя и недостаточными темпами. За 1901–1913 гг. общее отправление муки по железным дорогам выросло со 116,5 до 206,8 млн. пуд., т. е. на 90,3 млн. пуд., или в 1,8 раза. Из этого количества порядка 70 млн. пуд. приходилось на внутреннее отправление, а, считая выход муки из зерна равным 75 %, получим цифру порядка 93 млн. пуд., которые должны быть прибавлены к величине внутреннего отправления зерна.

П. И. Лященко, специально исследовавший развитие мукомольной промышленности России в начале XX в., пишет, что из общих размеров ежегодного внутреннего перемола до 1300 тыс. пуд. крупные товарные мельницы перемалывают примерно половину. «Остальные количества муки перемалывают на мелких сельскохозяйственных мельницах, обслуживающих местные сельские и отчасти городские потребительные нужды. Отсюда видно, что для внутреннего потребительного рынка громадное значение имеет именно этот перемол на мелких местных мельницах; перемалывающие до 75 % ржаной и до 25 % всей пшеничной муки, они, а не промышленное мукомолье фактически главенствуют на внутреннем рынке. Вытеснение мелких примитивных мельниц крупными у нас идет медленно сравнительно с другими государствами, где примитивные мельницы быстро вытесняются крупными паровыми, и где крестьянин продает свое зерно и покупает муку. До сих пор товарное мукомолье работает почти исключительно на городской рынок, и понятно поэтому, что при быстром прогрессе крупной мукомольной техники развитие городского спроса отстает от развития товарного мукомолья. В противоположных условиях находится производство другой половины мукомольной промышленности — мелкого местного мукомолья... Крестьянские мельницы держатся у нас главным образом вследствие бездорожья, отдаленности друг от друга сел и деревень, общей отсталости деревни от города. Крупное товарное мукомолье едва ли когда-либо получит доступ в деревню и победит здесь крестьянское производство»[15]. От себя добавлю, что констатация этого факта не отменяла возможного прогресса и в данном секторе производства. В качестве примера технических успехов среднего и мелкого мукомолья и завоевания им внутреннего рынка Лященко приводит мельницы Юго-Западного края, где общие условия развития мукомольной промышленности были неблагоприятными. Он имеет в виду недостаточную густоту населения, его слабую покупательную способность, отсутствие хороших грунтовых дорог и недостаточную густоту железнодорожной сети. Поэтому в данном регионе среднее и мелкое мукомолье «здесь гораздо более успешно завоевывает внутренний потребительный рынок и технически оборудовано гораздо выше других местностей»[16]. Мельницы-гиганты в России могли успешно существовать «только на исключительно благоприятных путях и пунктах транспорта», преимущественно на Волге и в портах, где всегда был «более или менее свободный излишек зерна или где его можно всегда получить».

Совершенно ясно, что продукция мелких мельниц в массе не попадала на железные дороги и что динамика ее роста (а последний факт оспаривать невозможно — сборы пшеницы увеличивались) рассмотрена быть не может. То есть, «почти половина» перемола оставалась на местах. Однако и той информации, которая есть в нашем распоряжении, вполне достаточно.

Нетрудно видеть, что рост перевозок муки, особенно пшеничной, за 30 лет огромен; заметим, что в 1870-х гг. ржаной муки перевозилось больше, чем пшеничной.

Перевозки муки, как можно видеть, заметно превышали по темпам роста перевозки хлеба в зерне.

Внутреннее отправление муки стабильно превышало вывозное в 3, а чаще — в 4 раза, притом что в последнее входила мука, потреблявшаяся в таких портовых городах, как Петербург, Рига, Ревель, Одесса, Ростов и других. Вместимость внутреннего

Таблица 3.25. Динамика железнодорожных перевозок муки (млн. пуд.)

Годы	Мука пшеничная	Мука ржаная
1876–1878	19,4	25,8
1890–1895	83,3	45,3
1900–1904	127,9	63,9
1905–1909	150,3	68,8
1910	167,1	76,9
1911	180,1	75,8
1912	180,8	70,5

Источник: Лященко П.И. Зерновое хозяйство... С. 236.

Таблица 3.26. Железнодорожные перевозки всех хлебных грузов и муки (уровень 1895 г. принимается за 100 %)

Годы	Хлеб в зерне	Мука	Годы	Хлеб в зерне	Мука
1895	100	100	1904	133,8	165,1
1896	97,7	101,9	1905	132,5	159,4
1897	83,9	92	1906	147,5	170,1
1898	100,7	99,2	1907	138,7	164,9
1899	91,7	112,5	1908	123,7	199,9
1900	100,7	133,3	1909	179,1	214,5
1901	108,7	134,2	1910	181,9	188,8
1902	135,1	140,4	1911	176,2	198,1
1903	140,9	155,1	1912	158,2	195,1

Источник: Лященко П.И. Зерновое хозяйство... С. 237.

рынка, писал Лященко, «еще очень велика и при благоприятных условиях она может поглотить очень значительное увеличение производства». При этом очевидно, что ржаная мука постепенно вытеснялась с хлебного рынка пшеничной[17].

При исследовании транспортировки муки возникает существенная проблема — неясно, зерно какой губернии отправления было перемолото в данной конкретной губернии. Это относится, в частности, к Нижегородской, Саратовской и Самарской. Исключение составляют, возможно, Новороссийские губернии, но и в данном случае нет полной уверенности.

В таблице 3.27 представлены данные о перевозках пшеничной муки из 27-ми губерний Европейской России в 1901–1903, 1908–1911 гг. с обычным разделением на общее, внутреннее и вывозное отправление, а также об общем отправлении в 1909–1913 гг.

Перевозки муки по величине уступали перевозкам зерна примерно наполовину, но при этом концентрация отправления муки заметно ниже (число губерний-отправительниц зерна на треть меньше — 19 против 27). Характерно, что главные производящие губернии не были безусловными лидерами в транспортировке муки. В 1901–1903 гг. Новороссия и Предкавказье отправляли 21,0 %, в 1908–1911 гг. — 25,0 %, в 1909–1913 гг. — 26,9 % всей отправленной из этих губерний муки. Близки к этим и показа-

Таблица 3.27. Отправление муки пшеничной в начале XX в. (тыс. пуд.)

Губернии	среднее общее 1901–1903	среднее 1908–1911	прирост	1901–1903 вывоз-среднее	1908–1911 вывозное	прирост	среднее внут.	среднее внут.	абс.внут. прирост абс. внут.	внут.% прирост внут.%	1909–1913 среднее отправление	прирост абс.
Бессарабская	2019	3195	158,3	514	612	119,1	1505	2583	1078	171,6	3687	492
Херсонская	5218	5056	96,9	1409	937	66,5	3809	4119	310	108,1	5867	811
Таврическая	1963	4316	219,9	1017	2114	207,9	946	2202	1256	232,8	5220	904
Кубанская	3081	5089	165,2	252	1056	419,4	2829	4034	1204	142,6	6124	1035
Ставропольская	169	1787	1057,4	17	166	973,5	152	1622	1470	1067,1	2118	331
Терская	1629	3040	186,6	25	164	664,9	1604	2876	1272	179,3	3888	848
Оренбургская	2908	9267	318,7	19	169	872,8	2889	9098	6210	314,9	8809	–458
Самарская	9309	13705	147,2	530	422	79,6	8779	13283	4504	151,3	15875	2170
Саратовская	21922	22451	102,4	2394	2031	84,8	19528	20421	893	104,6	23111	660
Киевская	7520	5819	77,4	755	678	89,8	6765	5141	–1624	76	7175	1356
Волынская	4275	3218	75,3	250	202	80,8	4025	3016	–1009	74,9	3295	77
Подольская	5127	2833	55,2	763	498	65,3	4364	2335	–2029	53,5	3424	591
Воронежская	3678	4195	114,1	127	197	155,5	3551	3998	447	112,6	5027	832
Харьковская	3383	7949	234,9	248	664	267,4	3135	7285	4150	232,4	8622	673
Полтавская	9854	13230	134,3	852	662	77,7	9002	12568	3566	139,6	13758	528
Нижегородская	10704	12717	118,8	1516	2291	151,1	9188	10426	1238	113,5	12953	236
Симбирская	2887	5959	206,4	23	211	915,2	2864	5749	2885	200,7	6595	636
Тамбовская	4654	3389	72,8	410	198	48,3	4244	3191	–1053	75,2	3584	195
Пермская	4879	6453	132,3	2	84	4200	4877	6369	1492	130,6	6022	–431
Курская	2247	2213	98,5	141	63	44,4	2106	2150	45	102,1	2598	385
Орловская	2098	1818	86,6	89	20	21,8	2009	1799	–210	89,5	2075	257
Тверская	1483	1619	109,2	382	123	32,2	1101	1496	395	135,9	1635	16
Тульская	1831	1119	61,1	34	18	54,2	1797	1101	–697	61,2	1106	–13
Ярослав.	8054	9605	119,3	1976	2220	112,3	6078	7385	1308	121,5	9963	358
Казанская	2081	1239	59,5	2	1	50	2079	1238	–841	59,6	1180	–59
Екатеринослав.	7564	13986	184,9	1874	3076	164,1	5689	10910	5221	191,8	16006	2021
Донская	7319	6467	88,4	1506	2262	150,1	5812	4205	–1608	72,3	7374	908
ВСЕГО	**137855**	**171733**	**124,6**	**17127**	**21139**	**123,4**	**120727**	**150600**	**29873**	**124,7**	**187091**	**131358**

Источник: см. таблицу 3.18.

тели нижневолжских губерний, в числе которых занимающая первое место Саратовская, — соответственно 24,8, 26,4 и 25,5 %.

В рассматриваемых губерниях вывозное отправление составляло в среднем лишь 12 % от общего как в 1901–1903 гг., так и в 1908–1911 гг. Конечно, в отдельных губерниях этот процент был выше (но сами по себе объемы муки, перевозимой в вывозные пункты так невелики, что не имеет смысла их обсуждать).

Как можно видеть, в 1908–1911 гг. падает общее отправление в юго-западных губерниях, Казанской, губерниях ЦЧР. Наибольший прирост внутреннего отправления отмечается в Екатеринославской, Оренбургской, Самарской, Харьковской, Полтавской губерниях. Перевозки муки, несомненно, позволяют внести важные коррективы в намеченную выше картину транспортировки пшеницы в зерне.

В целом же, полагаю, таблица 3.27 не стоит усилий, затраченных на ее составление. Впрочем, хотя бы одно достоинство у нее есть — она показывает, насколько сильно внутренние перевозки муки сглаживают экспортный характер зернового отправления южных губерний.

Таблица 3.27 — важный пример *пользы негативного опыта*. Представляется, что рост внутреннего потребления пшеницы куда нагляднее проявляется при использовании данных не об отправлении, а о получении пшеничной муки.

Поэтому сейчас мы обратимся к погубернской статистике прибытия пшеничной муки (таблица 3.28). Хотя какая-то часть полученной губернией муки и могла переотправляться, но проблема транзита (переотправок) здесь стоит куда менее остро, чем для зерна. Исключение составляет, прежде всего, Ярославская губерния как важный центр переотправки, в силу чего ее показатели рассматриваются особо.

Сопоставление данных 1908–1911 и 1901–1903 гг. показывает, что рост получения пшеничной муки был далеко неодинаков в разных губерниях. Сначала замечу, что в трех Прибалтийских, Витебской, Гродненской, Донской и Саратовской среднегодовые показатели падают, притом в Эстляндской более чем на четверть, а в двух последних почти на треть и на пятую часть соответственно. Практически не изменились показатели Калужской губернии.

Причины этого уменьшения могут быть самыми разными. В Прибалтике это, возможно, было связано с сокращением экспортных отправок, с одной стороны, и получения по железной дороге и внутренним водным путям при увеличении, с другой стороны, получения дальним каботажем, прогрессировавшим год от года. В западных губерниях — с малой подвижностью структуры потребления хлебов; напомню, что там на душу населения собирали в среднем 2–3 десятка пудов картофеля, в то время, как, скажем, в Новгородской лишь около 9 пудов. Что касается Саратовской губернии, то здесь ситуация никоим образом не свидетельствует об уменьшении потребления, а лишь требует некоторых пояснений. Известно, что хлебные грузы, полученные этой губернией, преимущественно переотправлялись затем по Волге[18]. Падение железнодорожных перевозок пшеничной муки составило 16 % (на 654 тыс. пуд.), а водных 52 % (на 359 тыс. пуд.). В то же время железнодорожное получение пшеницы в зерне выросло на 14 % (на 1975 тыс. пуд.), а водное — на 224 % (7002 тыс. пуд.). В сумме же среднегодовое получение пшеницы в зерне в 1908–1911 гг. превысило показатели

1901–1903 гг. почти на 9 млн. пуд. (28078 против 19103 тыс. пуд.), или на 47 %. Напомню, что среднегодовое прибытие муки в Саратовскую губернию колебалось в пределах 4–5 млн. пуд. Таким образом, речь идет, надо полагать, о том, что больше пшеницы стало перерабатываться в муку и потребляться на месте, не поступая на рельсовые и водные пути. (Лященко писал, что мукомольная промышленность этой губернии работала в основном на местной ржи и привозной пшенице[19]). Совершенно такая же ситуация была в Донской области. Падение среднегодового получения пшеничной муки на 1,4 млн. пуд. в 1908–1911 гг. в сравнении с 1901–1903 гг. вполне компенсирует соответствующее увеличение получения пшеницы в зерне на 20,3 млн. пуд. (с 38,6 до 57,5 млн. пуд.), или на 48,8 %. То есть, хлебный баланс в *этом* смысле был подвижным, мог меняться.

Вообще, основной интерес в плане роста потребления для нас представляют, конечно, не губернии-производительницы пшеницы, а губернии потребляющие, т. е. нечерноземные и центрально-черноземные, включая даже Воронежскую и Курскую (с ее относительно большими посевами озимой пшеницы). Главные производящие губернии самообеспечивались хлебом, хотя отдельные местности на их территории могли нуждаться в привозной муке.

Как можно видеть, из потребляющих губерний темпы роста получения пшеничной муки в 1908–1911 гг. в сравнении с 1901–1903 гг. относительно невелики только в Минской губернии — 4 %. В Новгородской, Рязанской, Черниговской, Казанской, Смоленской, Тамбовской губерниях прирост получения колеблется от 11,5 до 19 %. Показатели Ковенской, Виленской, Псковской, Тверской, Владимирской, Нижегородской, Пензенской, Тульской, Вологодской, Петербургской и Московской выросли на четверть-две пятых (в 1,24–1,38 раза).

В Архангельской, Олонецкой, Орловской, Курской, Астраханской, Пермской, Воронежской получение выросло в 1,43–1,6 раза, в Вятской и Костромской — примерно в 1,8 раза, в Симбирской и Могилевской в 2,2 и 2,45 раза соответственно. В относительном выражении наибольший рост отмечается в губерниях со среднегодовым уровнем получения в 1901–1903 гг. менее 1 млн. пуд., что вполне понятно. Симптоматично почти одинаковое — на четверть — превышение в 1908–1911 гг. среднегодовых показателей 1901–1903 гг. обеих столичных губерний, на долю которых приходилось в сумме 17,1 % получения 50-ти губерний Европейской России. Лященко справедливо полагал, что «вообще цифры получений мучных продуктов отдельными губерниями представляют гораздо более устойчивости, чем для других продуктов» и что «потребление в стране муки и других продуктов товарного мукомолья представляется, таким образом, сравнительно равномерно распределенным и равномерно обслуживающим отдельные губернии»[20].

Таблица 3.28 показывает, что с каким бы периодом мы ни сравнивали показатели 1901–1903 гг. — с 1908–1910, 1908–1911, 1908–1913, 1911–1913, 1912–1913 гг. — **очевиден уверенный рост потребления пшеничной муки**.

В 1901–1903 гг. в 13-ти губерниях было получено менее 1 млн. пуд. пшеничной муки, а в 1908–1913 гг. — лишь в 8-ми. В 1901–1903 гг. в 12 губерний прибывало в среднем ежегодно от 1 до 2 млн. пуд., а в 1908–1913 гг. такое количество получало 7 губерний. То есть, в первом периоде менее 2 млн. пуд. получало 25 губерний Европейской России, а во втором — 15. С 15-ти до 14 уменьшилось число губерний с показателями

Таблица 3.28. Получение муки пшеничной

Губернии	Получение муки тыс.пуд.				Принимая уровень 1901–1903 гг. за 100%			Прирост относительно уровня 1901–1903 гг.		
	1901–1903	1908–1911	1908–1913	1912–1913	1908–1911	1908–1913	1912–1913	1908–1911	1908–1913	1912–1913
Архангельская	498	720	778	836	144,6	156,2	167,9	222	280	338
Олонецкая	349	499	640	780	143	183,4	223,5	150	291	431
Район	**847**	**1219**	**1418**	**1616**	**143,9**	**167,4**	**190,8**	**372**	**571**	**769**
Виленская	1222	1512	1819	2127	123,7	148,9	174,1	290	597	905
Гродненская	2269	2158	2258	2359	95,1	99,5	104	–111	–11	90
Ковенская	607	807	867	913	132,9	142,8	150,4	200	260	306
Район	**4098**	**4477**	**4944**	**5399**	**109,2**	**120,6**	**131,7**	**379**	**846**	**1301**
Витебская	2789	2669	2860	3052	95,7	102,5	109,4	–120	71	263
Минская	2310	2402	2666	2931	104	115,4	126,9	92	356	621
Могилевская	788	1931	2030	2129	245,1	257,6	270,2	1143	1242	1341
Смоленская	1919	2292	2617	2941	119,4	136,4	153,3	373	698	1022
Район	**7806**	**9294**	**10173**	**11053**	**119,1**	**130,3**	**141,6**	**1488**	**2367**	**3247**
Владимирская	4036	5480	5492	5504	135,8	136,1	136,4	1444	1456	1468
Костромская	1654	3031	3276	3154	183,3	198,1	190,7	1377	1622	1500
Калужская	1668	1665	2214	1940	99,8	132,7	116,3	–3	546	272
Тверская	3037	3799	3956	4114	125,1	130,3	135,5	762	919	1077
Район	**10395**	**13975**	**14938**	**14712**	**134,4**	**143,7**	**141,5**	**3580**	**4543**	**4317**
Курляндская	744	723	732	741	97,2	98,4	99,6	–21	–12	–3
Лифляндская	2265	2224	2328	2432	98,2	102,8	107,4	–41	63	167
Эстляндская	649	479	536	594	73,8	82,6	91,5	–170	–113	–55
Район	**3658**	**3426**	**3596**	**3767**	**93,7**	**98,3**	**103**	**–232**	**–62**	**109**
Воронежская	895	1433	1748	2064	160,1	195,3	230,6	538	853	1169
Курская	722	1101	1436	1772	152,5	198,9	245,4	379	714	1050
Орловская	1135	1707	2119	2531	150,4	186,7	223	572	984	1396
Рязанская	2281	2551	2962	3372	111,8	129,9	147,8	270	681	1091
Тамбовская	2516	2998	3653	4308	119,2	145,2	171,2	482	1137	1792
Тульская	1368	1869	2206	2544	136,6	161,3	186	501	838	1176
Район	**8917**	**11659**	**14124**	**16591**	**130,8**	**158,4**	**186,1**	**2742**	**5207**	**7674**
Вологодская	2112	2912	3098	3358	137,9	146,7	159	800	986	1246
Новгородская	2369	2642	2973	3304	111,5	125,5	139,5	273	604	935
Псковская	1150	1476	1645	1813	128,3	143	157,7	326	495	663
Район	**5631**	**7030**	**7716**	**8475**	**124,8**	**137**	**150,5**	**1399**	**2085**	**2844**
Петербургская	10350	12935	12850	12764	125	124,2	123,3	2585	2500	2414
Московская	9792	12090	13005	13920	123,5	132,8	142,2	2298	3213	4128

Губернии	Получение муки тыс.пуд.				Принимая уровень 1901–1903 гг. за 100%			Прирост относительно уровня 1901–1903 гг.		
	1901–1903	1908–1911	1908–1913	1912–1913	1908–1911	1908–1913	1912–1913	1908–1911	1908–1913	1912–1913
Район	**20142**	**25025**	**25855**	**26684**	**124,2**	**128,4**	**132,5**	**4883**	**5713**	**6542**
Волынская	638	1203	1596	1989	188,6	250,2	311,8	565	958	1351
Киевская	2044	2539	2665	2792	124,2	130,4	136,6	495	621	748
Подольская	70	246	429	612	351,4	612,9	874,3	176	359	542
Район	**2752**	**3988**	**4690**	**5393**	**144,9**	**170,4**	**196**	**1236**	**1938**	**2641**
Бессарабская	382	797	915	1033	208,6	239,5	270,4	415	533	651
Донская	4348	2943	3580	4218	67,7	82,3	97	–1405	–768	–130
Екатеринослав.	2973	3092	3700	4308	104	124,5	144,9	119	727	1335
Таврическая	2033	2539	3105	3671	124,9	152,7	180,6	506	1072	1638
Херсонская	3963	4143	4852	5561	104,5	122,4	140,3	180	889	1598
Район	**13699**	**13514**	**16152**	**18791**	**98,6**	**117,9**	**137,2**	**–185**	**2453**	**5092**
Полтавская	639	1337	1585	1833	209,2	248	286,9	698	946	1194
Харьковская	2007	2360	2888	3417	117,6	143,9	170,3	353	881	1410
Черниговская	1917	2217	2498	2778	115,6	130,3	144,9	300	581	861
Район	**4563**	**5914**	**6971**	**8028**	**129,6**	**152,8**	**175,9**	**1351**	**2408**	**3465**
Казанская	2193	2590	3073	3555	118,1	140,1	162,1	397	880	1362
Нижегородская	2014	2779	3047	3315	138	151,3	164,6	765	1033	1301
Пензенская	1251	1646	1927	2207	131,6	154	176,4	395	676	956
Симбирская	1124	2454	2359	2263	218,3	209,9	201,3	1330	1235	1139
Район	**6582**	**9469**	**10406**	**11340**	**143,9**	**158,1**	**172,3**	**2887**	**3824**	**4758**
Вятская	1554	2786	2948	3111	179,3	189,7	200,2	1232	1394	1557
Пермская	5528	8266	8434	8603	149,5	152,6	155,6	2738	2906	3075
Район	**7082**	**11052**	**11382**	**11714**	**156,1**	**160,7**	**165,4**	**3970**	**4300**	**4632**
Астраханская	5008	7241	7261	7282	144,6	145	145,4	2233	2253	2274
Самарская	2445	3526	3604	3683	144,2	147,4	150,6	1081	1159	1238
Саратовская	4978	3965	4045	4126	79,7	81,3	82,9	–1013	–933	–852
Оренбургская	124	509	575	640	410,5	463,7	516,1	385	451	516
Уфимская	1539	2732	2712	2693	177,5	176,2	175	1193	1173	1154
Район	**14094**	**17973**	**18197**	**18424**	**127,5**	**129,1**	**130,7**	**3879**	**4103**	**4330**
Ярославская	6480	7381	6476	5570	113,9	99,9	86	901	–4	–910
Всего	**116746**	**145396**	**157038**	**167557**	**124,5**	**134,5**	**143,5**	**28650**	**40292**	**50811**

Источник: см. таблицу 3.18.

от 2 до 3 млн. пуд. Зато увеличилось с 5-ти до 14-ти количество губерний с получением от 3 до 5 млн. пуд., с 3 до 4 — с получением от 5 до 6,5 млн. пуд. Наконец, обе столичные губернии по-прежнему оставались вне конкуренции как в первом, так и во втором периоде (9,8–10,2 млн. пуд.). Другими словами, в 1901–1903 гг. было 20 губерний с получением от 2 до 5 млн. пуд., а в 1908–1911 гг. их стало 28, и с 5 до 6 выросло число губерний с показателями свыше 5 млн. пуд.

Налицо, таким образом, значительное увеличение внутреннего потребления пшеницы в течение рассматриваемого периода.

§ 3.6. РЫНОК РЖИ

Применительно ко ржи тезис о «голодном экспорте» в рассматриваемый период совсем не убедителен — вывоз составлял весьма незначительную часть ее урожая. Тем не менее, анализ эволюции ржаного рынка в рассматриваемый период представляет немалый интерес.

Россия издавна была мировым лидером в производстве ржи. В начале XX в. всемирный урожай ржи считался равным 2,5–3 млрд. пуд., и около половины этого количества собиралось в России. Следующую позицию занимала Германия (около 1/4 мирового урожая), затем Австро-Венгрия (8–10 %); куда меньше урожаи были во Франции, Японии, США, Испании и др.

Рожь доминировала в России среди сельскохозяйственных культур. Она занимала свыше четверти всей посевной площади в стране и на нее приходилась почти треть общего сбора зерновых хлебов.

В таблице 3.29 приводятся сведения о посевах и урожаях озимой и яровой ржи по районам Империи за 1906–1912 гг. Из нее следует, что в среднем за указанный период более 95 % посевной площади и сборов ржи приходилось на 50 губерний Европейской России и 10-ть Привислинских губерний. С 1907 г. (в 1906 г. не было данных по Восточной Сибири) площадь посевов уменьшилась на 1,1 %, а сборы выросли на 29,7 %. Однако Прегер делает совершенно верное замечание: «Если бы 1912 год сравнивать не с 1907 годом, а с 1906, то опять результаты получились бы иные, так же как при сравнении с 1908 годом и т. д. Отсюда следует, что сравнение между собою отдельных лет дает лишь скудные и часто противоречивые указания о действительном положении вещей, выяснение которого возможно только при сравнении между собою продолжительных периодов времени»[21].

Площадь, занимаемая рожью, постепенно снижалась. Если в 1881 г. рожью засевалось 37,9 % всех посевов, в 1887 г. — 35,2, в 1896–1900 гг. в среднем 34,3 %, а в 1901–1905 гг. в 33,0 %, то в 1912 г. — 31,6 %[22].

Прегер считает, что данные о посевах до 1894 г. не слишком достоверны. В 1881 г. они неполны вследствие невключения показателей земель Уделов и казны, в 1887 г. не были учтены посевные площади трех губерний и одной области. Сведения за 1893 г. в силу того, что самый первый год обследования естественным образом допускает возможность ошибок, также сомнительны.

По мнению Прегера, если для более точного сравнения «данные о посевных площадях за 18 лет с 1894 г. по 1911 г., разделить на два периода по девяти лет, исключить из каждого из этих периодов по два года с наименьшими площадями посевов и по два года с наибольшими, то в среднем за первый период (1894–1902 гг.) получится 23647660 дес., а за второй (1903–1911 гг.) — 23869,437 дес.» — т. е. менее 1 % роста. Между тем, общая посевная площадь за тот же 18-летний период увеличилась на 20,5 %» (с 64510 до 77750 тыс. дес.). Отсюда следует, что «увеличение площади посевов ржи далеко не соответствует увеличению общей посевной площади и что культура ржи, несомненно, падает, вытесняемая из севооборота другими полевыми растениями»[23].

Нетрудно видеть, из 8-ми важнейших по производству ржи губерний посевы ее возросли, безусловно, лишь в Казанской и Уфимской губерниях; увеличение посевов в Вятской и Саратовской и в Донской области сопровождалось значительно превосходящим их расширением общей посевной площади; в остальных трех губерниях посевы сократились, причем в Тамбовской сокращение вызвано общим понижением посевной площади, а в Саратовской и Воронежской — при увеличении посевов других хлебов. Следует иметь в виду, что в неурожайные 1908 г. и 1910 г. часть пропавших посевов ржи была перепахана под яровое.

Прегер пишет, что «представляется затруднительным всегда вполне точно определить» растет или падает площадь посевов в течение более или менее продолжительного времени, поскольку посевы, особенно ржи, колеблются и иногда значительно в силу самых разных причин. «Сравнение между собою крайних годов принятого периода, завися от случайности, далеко не всегда дает верные выводы; сравнение средних за известные группы лет также мало показательно, в особенности в отношении озимых хлебов. ЦСК не учитывается площадь, бывшая под озимыми посевами, пропавшими зимою и перепаханными под яровое, так как комитет приводит лишь ту площадь, с которой снят урожай. Ввиду этого в неурожайные годы площадь посевов озимых обыкновенно приводится пониженная, а между тем эти годы могут оказать большое влияние на средние выводы. Таким образом, в тех случаях, когда сравнение размеров площадей за ряд лет не дает прямых указаний, остается только путем сопоставления площадей в отдельные годы, отбрасывая по возможности годы резких уклонений, улавливать наклонность к понижению или повышению площадей. При этом обращает на себя внимание, что в годы значительного увеличения общей посевной площади вследствие распашки новых земель подлесных, осушенных, неудобных и т. п., заметно увеличивается площадь посева ржи. Но затем, по мере приведения этих новых земель в культурное состояние, посевы ржи сокращаются, уступая место более ценным хлебам. То же явление замечается при усиленной мобилизации земли и в годы расстройства хозяйственной жизни, как это было в 1905–1910 гг.; в годы, следующие за неурожайными, и т. п. Вообще замечается, что рожь, как не требовательный в отношении почвы, достаточно устойчивый, дешевый, удобный по посеву и в то же время наиболее необходимый хлеб, высевается преимущественно перед другими в трудные годы — недостатков, начала нового хозяйства и т. п. и быстро заменяется более ценными хлебами при наступившем хозяйственном благополучии, если только почвенные и климатические условия этому не препятствуют»[24].

Таблица 3.29. Посевы и урожаи ржи в 1906–1912 гг.

Годы, % от итогов по стране	50 губерний Европейской России		10 губерний Привислинских		3 губернии Предкавказья		Итого в 63 губерниях Европейской России		Зап.Сибирь (4 губ.) и Степной край (4 губ.)		Уральская обл., Закавказье, Туркестан и Вост. Сибирь		Итого в Европейской и Азиатской России	
	Площади (тыс.дес.)	Общ.сбор (тыс. пуд.)	Площади (тыс.дес.)	Общ.сбор (тыс. пуд.)	Площади (тыс.дес.)	Общ.сбор (тыс. пуд.)	Площади (тыс.дес.)	Общ.сбор (тыс. пуд.)	Площади (тыс.дес.)	Общ.сбор (тыс. пуд.)	Площади (тыс.дес.)	Общ.сбор (тыс. пуд.)	Площади (тыс.дес.)	Общ.сбор (тыс. пуд.)
1906	24683,7	861710	1919	114907	272,2	13765	26874,9	990382	900,2	43662	49	31	27824	1034075
%	88,7	83,3	6,9	11,1	1	1,3	96,6	95,7	3,2	4,3	0,2	0	100	100
1907	24329,3	1075034	1940.2	114949	253,1	10555	26522,6	1200538	1062,6	52606	181.7	10808	27766,9	1263951
%	87,6	85	7	9,2	0,9	0,8	95,5	95	3,8	4,2	0,7	0,8	100	100
1908	23339,4	1044760	1900,3	120884	205	10844	25444,7	1176488	859,2	36192	286	12523	26589,8	1225202
%	87,8	85,3	7,1	9,9	0,7	0,8	95,6	96	3,3	3	1,1	1	100	100
1909	23632,5	1214280	1927,8	134561	216,9	11375	25777,2	1360216	840,3	29054	292,3	11973	26909,8	1401243
%	87,9	86,6	7,1	9,6	0,8	0,8	95,8	97	3,1	2,1	1,1	0,9	100	100
1910	23323,7	1163513	1945,8	129596	220	15214	25489,5	1308323	776	36420	298.9	12327	26564,4	1357068
%	87,8	85,8	7,3	9,5	0,8	1,1	95,9	96,4	2,9	2,7	1,2	0,9	100	100
1911	24098.4	995815	1947.6	148019	193.8	7348	26239,8	1151182	817	30208	352,5	10553	27408,2	1191943
%	87,9	83,6	7,1	12,4	0,7	0,6	95,7	96,6	3	2,5	1,3	0,9	100	100
1912	24092.8	1408669	1936.5	147348	194.3	11727	26223,6	1567744	882,6	48183	349,2	13603	27455,3	1629530
%	87,7	86,4	7,1	9	0.7	0,7	95,5	96,1	3.2	3	1,3	0,9	100	100

Источник: Прегер Р.И. Производство главнейших хлебов... С. 7.

Таблица 3.30. Губернии с наибольшими посевами ржи (тыс. дес.)

Губернии	1881	1887	1894	Средняя за 1901–1910	1911
Вятская	1390,7	1455	1479,8	1460,9	1493,7
Тамбовская	1077,5	1149,7	1031,3	1079,3	1122,8
Саратовская	935,3	1099,7	870	1031,5	1040,5
Самарская	869,2	898,3	841,4	1003,7	989,2
Казанская	883,2	924,9	964,1	917,3	948,7
Донская	733,8	н/с	735,5	881,9	912,4
Уфимская	627,5	721,1	640,1	808	904,3
Воронежская	911,1	964,7	784,7	788,4	825,4
Курская	843,3	896	830,5	786,8	778,7
Пензенская	686,5	н/с	604,7	688,1	704
Орловская	742,8	773	693,9	718,4	691,4
Симбирская	656,1	713	627,4	691,7	674,4
Черниговская	664,6	746,2	696,3	671,4	641,9
Рязанская	660,4	674,6	605,8	604,8	609,6
Волынская	565	574,4	580,6	592,3	604,5
Минская	627	525,9	551,4	605,7	593,5
Пермская	599,8	662,8	765,7	579	581,8
Нижегородская	595	613,2	486,7	525,9	555,5
Тульская	610,1	640,8	557	568,2	553
Полтавская	649,2	745	615,8	549,9	521,9
Виленская	415,7	398,3	431,3	487,5	464,6
Херсонская	426,6	744,7	510,3	509,2	433,6
Харьковская	516,4	666,9	451,3	423,2	430,7

Источник: Прегер Р.И. Производство главнейших хлебов...С. 12–14.

Правота Прегера печальным образом подтвердилась в годы гражданской войны, когда даже в Новороссии рожь вытеснила пшеницу и ячмень. А накануне Первой мировой войны в то время, как общая площадь посевов в Новороссии выросла весьма существенно, площади под рожью сокращались везде (кроме Донской области) и вместо них росли посевы пшеницы, а еще больше ячменя. В Херсонской в 1901–1903 гг. посевы ржи значительно увеличились, но затем упали даже ниже прежних размеров. Такое же положение отмечается и в Таврической губернии. В Екатеринославской губернии уменьшение площади под рожью началось уже с 1895 г. и в последние годы (1908–1911 гг.) засевалась едва половина бывшей в 1895 г. Наоборот, в Донской области посевы ржи увеличиваются, хотя далеко не пропорционально общей посевной площади.

По расчетам Прегера, лишь в 4-х из 50-ти губерний Европейской России количество ржи на душу населения в 1905–1911 гг. повысилось в сравнении с 1897–1904 гг. (табл. 3.31), хотя он и признает, что в 1897–1904 гг. были самые большие урожаи ржи, а во втором периоде было два неурожайных для ржи года. Он полагает, что если в отдельных губерниях производство этой культуры и увеличивается, то этот рост имеет не постоянный, а случайный характер. Незначительное увеличение посевов в одних

Таблица 3.31. Главные производители ржи

Губернии	Сбор за 1901–1910 гг.			Сбор 1911 г.		
	С 1 дес.	Общий сбор	% к общ. сбору по 50 губ.	С 1 дес.	Общий сбор	% к общ. сбору по 50 губ.
Тамбовская	60,3	64932	5,7	46,8	52510	5,3
Вятская	38,9	56679	5	31,2	46615	4,7
Уфимская	55,8	45393	4	17,4	15844	1,6
Курская	56,5	44598	3,9	59,3	46172	4,6
Казанская	46,8	43052	3,8	22,7	21524	2,2
Саратовская	42,2	42904	3,8	19,9	20698	2,1
Воронежская	49	39461	3,5	46	37990	3,8
Полтавская	64,5	35727	3,2	69,7	36375	3,6
Пензенская	50,6	34959	3,1	33	23211	2,3
Симбирская	50,2	34755	3,1	22,3	15001	1,5
Самарская	34,4	34429	3	13,8	13647	1,3
Орловская	46,9	33705	3	54,1	37375	3,8
Киевская	74,1	32819	2,9	76,2	34697	3,5
Волынская	53,9	32163	2,8	62,8	37913	3,8
Пермская	56,1	30876	2,7	32,9	19197	1,9
Рязанская	50,6	30739	2,7	48,8	29725	3

Источник: Прегер Р.И. Производство главнейших хлебов... С. 23.

губерниях сопровождается уменьшением их в других, причем там, где это допускается почвенно-климатическими условиями, рожь вытесняется другими, более ценными хлебами. Урожайность стала несколько выше, однако недороды и полные неурожаи говорят о том, что зависимость от природной стихии сохраняется почти в неприкосновенности. Падение душевого сбора свидетельствует о том, что рост площади посевов и урожайности идет медленнее, чем прирост населения[25].

Рожь доминировала среди главных хлебов — 36,3 % потребления по стране в целом; 40,0 % в Европейской России. В 50-ти из 63-х губерний этой части страны на рожь приходилось от 1/3 до 2/3 потребления главных хлебов, притом в 28-ми губерниях — более 50 %. Как показывает таблица 3.3, в 1909–1913 гг. нехватка ржи фиксируется в 52-х губерниях из 87-ми, показатели которых мы рассматриваем; общая величина ее равна 105 577 тыс. пуд. Область недостатков ржи включает Нечерноземье (с Орловской и Волынской), идет от западных губерний Европейской России до Вологодской и Пермской и полукругом охватывает область избытков через Оренбургскую (прерываясь лишь Уральской областью) и через Астраханскую губернию и Терскую область соединяется с Кавказом.

При этом на две столичные губернии в сумме приходилось в среднем ежегодно 36 909 тыс. пуд., или 35,0 % этого количества (18875 тыс. пуд. в Петербургской и 18 034 в Московской). Далее с большим отрывом шли Владимирская (недостатки равны 7597 тыс. пуд.), Петроковская (6587 тыс. пуд.), Новгородская (5717 тыс. пуд.), Тверская (5190 тыс. пуд.), Костромская (4818 тыс. пуд.), Калужская (4148 тыс. пуд.), Ярославская (3693 тыс. пуд.) и Смоленская (3616 тыс. пуд.). Суммарная нехватка ржи

в этих губерниях определяется цифрой 41 366 тыс. пуд., или 39,2 % общего итога по стране. Таким образом, 74 %, почти 3/4 недостающей ржи в Империи было сосредоточено в 10-ти губерниях.

В свою очередь, область избытков ржи почти разрезает Европейскую Россию строго в направлении с северо-востока на юго-запад. Граница проходит по линии северного чернозема, с изъятием, как говорилось, Волынской и Орловской губерний. Общая величина избытков составляет 151 588 тыс. пуд., и эта величина распределяется между 34-мя губерниями Империи, конечно, не в равной степени. Три губернии-лидеры: Уфимская (избыток 22 114 тыс. пуд.), Тамбовская (17 483 соответственно), Самарская (14 809) вместе давали 54 406 тыс. пуд. избыточной ржи, или 35,9 % всех избытков по Империи. Почти столько же — 53 907 тыс. пуд., или 35,6 % в сумме поставляли на рынок Херсонская (избытки 10 908 тыс. пуд.), Саратовская (избытки 10 345 тыс. пуд.), Казанская (10 487 тыс. пуд.), Полтавская (8561 тыс. пуд.), Донская (7 552 тыс. пуд.) и Воронежская (6 055 тыс. пуд.). Другими словами, 9 перечисленных губерний производили 70,5 % всей «лишней» ржи в стране. Концентрация, как можно видеть, достаточно высокая, хотя и чуть меньше, чем концентрация недостатков пшеницы. Но это и понятно. Избыточная рожь в количестве от 3,5 до 4,6 млн. пуд. была в Симбирской, Пензенской, Бессарабской, Вятской, Курской и Таврической губерниях. В сумме это составляло 25 314 тыс. пуд., или 16,7 % всех избытков ржи в России. На 15 губерний приходилось уже 87,2 % избытков.

§ 3.7. ПЕРЕВОЗКИ РЖИ

Разумеется, отмеченное выше снижение посевов ржи не могло не отражаться на перевозках ржаных продуктов, что хорошо видно из таблиц 3.32 и 3.33. Они показывают, что общая транспортировка ржи в зерне достигает пика в 1901–1903 гг., а затем начинает снижаться, и рост перевозок муки не может компенсировать уменьшения темпов транспортировки ржаных продуктов по железной дороге. Рожь теряла былое товарное значение.

В противоположность пшенице вывозное отправление ржи после 1901–1903 гг. значительно снижается — более чем на треть, а внутреннее продолжает стабильно расти, увеличившись в 1908–1913 гг. более чем в 2,5 раза, в сравнении с 1889–1891 гг. Заметно выросли и перевозки муки — вывозное отправление в 1,9 раза, внутреннее — в 2,4 раза в 1908–1913 гг. При этом, однако, не следует забывать, во-первых, что вывозное отправление ржаной муки было незначительно по размерам (6,1 млн. пуд. в 1889–1891 гг. и 12,3 млн. пуд. в 1912–1913 гг.), а, во-вторых, что 69,8% экспортного отправления в 1912–1913 гг. имело пунктом назначения Петербург, один из крупнейших потребительных центров. Весьма показательно, что суммарная средняя ежегодная перевозка ржаных продуктов в вывозные пункты в 1908–1913 гг. (а также в 1908–1911 и 1912–1913 гг.) ниже уровня даже 1889–1891 гг., в то время как внутреннее отправление продолжает правильно возрастать, притом, что общее отправление в предвоенные годы *ниже,* чем в начале века.

Таблица 3.32. Железнодорожные перевозки ржаных хлебов (тыс. пуд.)

Годы	Рожь в зерне			Рожь в муке			Всего ржаных хлебов			Пересчет муки в зерно (90 %)			Всего ржаных хлебов		
	Общее	Вывозное	Внутреннее	Общее	Вывозное	Внутреннее	Общее	Вывозное	Внутреннее	Общее	Вывозное	Внутреннее	Общее	Вывозное	Внутреннее
1889–1891	68925	42340	26585	31033	6133	24900	99958	48473	51485	34481	6814	27667	103406	49154	54252
1893–1895	73874	39451	34423	41376	8863	32513	115250	48314	66936	45973	9848	36126	119847	49299	70549
1901–1903	110710	54959	55751	60151	12372	47779	170861	67331	103530	66834	13747	53088	177544	68706	108839
1908–1911	94064	27208	66856	70060	11321	58739	164124	38529	125595	77844	12579	65266	171908	39787	132122
1912–1913	93798	28109	65689	73906	12328	61578	167704	40437	127267	82118	13698	68420	175916	41807	134109
1908–1913	93931	27659	66273	71983	11825	60159	165914	39483	126431	79981	13139	66843	173912	40797	133116

Источники: см.таблицу 3.22.

Таблица 3.33. Темпы роста отправления ржаных хлебов и соотношение вывозного и внутреннего отправления (%)

Годы	Отправление		
	Внутреннее	Вывозное	Общее
1889–1891	100	100	100
1893–1895	130,0	100,3	115,9
1901–1903	200,6	139,8	171,7
1908–1911	258,8	79,9	173,8
1912–1913	247,3	84,9	170,1
1908–1913	254,9	81,6	172,5

Источники: см. табл. 3.22.

В таблицах 3.34 и 3.35 представлены данные об урожае и отправлении ржи в 1901–1903 и в 1908–1911 гг. 24-мя главными губерниями-производительницами*. Они давали от половины до трех пятых урожая ржи в 72-х губерниях (составлявшего в 1901–1903 гг. 1336,6 млн. пуд. и 1282,7 млн. пуд. в 1908–1911 гг.) и не менее 3/4 перевозок.

Как можно видеть, урожаи ржи в производящих губерниях падают в 1908–1911 гг. в сравнении с началом века практически повсеместно, где-то, возможно, за счет неурожайных 1908 и 1911 гг., но в целом Прегер был безусловно прав, считая снижение урожаев долгосрочной тенденцией.

В целом в рассматриваемых губерниях сборы ржи в 1908–1911 гг., в сравнении с 1901–1903 гг. снизились на 91,7 млн. пуд. Падение урожаев особенно заметно в ЦЧР и Новороссийском районах — соответственно на 33,7 и 36,1 тыс. пуд., затем идет Малороссийский район с 16,8 млн. пуд. Особо следует отметить уменьшение среднегодовых урожаев в Херсонской губернии – на 18857 тыс. пуд., в Тамбовской — на 10857 тыс. пуд., Саратовской — на 10521 тыс. пуд., в Полтавской — на 10115 тыс. пуд., в Воронежской – на 9139 тыс. пуд. Эти пять губерний в 1901–1903 гг. давали 238154 тыс. пуд., или 17,8% урожая в 72-х губерниях, и уже 178665 тыс. пуд., т.е. 13,9% сборов, в 1908–1911 гг.

В сущности, уменьшение среднего урожая ржи в 72-х губерниях всего на 4,04% совсем не предполагало, казалось бы, столь радикального падения сборов в главных производящих губерниях. И все же это так.

Каким же образом отразилось падение урожая ржи в главных производящих губерниях на перевозках?

Понятно, что одним из следствий было и снижение общего отправления в 18-ти из 24-х губерний. Серьезно оно выросло лишь в Уфимской губернии — на 11397 тыс. пуд. и на порядок меньше в Орловской – на 1185 и Пензенской — на 1067 тыс. пуд. Размеры же увеличения перевозок из Самарской, Курской и Харьковской губерний – соответственно на 247, 68 и 28 тыс. пуд. — на общем фоне едва ли не выглядят недосмотром статистиков. Уфимская губерния была единственной, в которой выросли все компоненты отправления.

Если исключить ее показатели, то для 23-х губерний картина в общих чертах будет выглядеть так. Общее отправление уменьшается в 18-ти губерниях на 49288 тыс.пуд. и увеличивается в пяти на 2594 тыс. пуд.; суммарное снижение составляет 46694 тыс. пуд. Вывозное отправление падает повсеместно (кроме Самарской губернии) в сумме на 44635 тыс. пуд. В то же время внутреннее отправление в 11-ти губерниях снизилось на 12114 тыс. пуд. и выросло в 12-ти на 10055 тыс.пуд.; в итоге это дает уменьшение в 2059 тыс. пуд.

Ситуация в ЦЧР — одном из главных регионов-производителей и поставщиков ржи представляется весьма типичной. Таблица 3.35 показывает, что в ЦЧР среднегодовые сборы в 1908–1911 гг. в сравнении с 1901–1903 гг., падают на 33,7 млн. пуд., из кото-

* Отсутствие среди них Вятской губернии, занимавшей одно из первых мест по размерам урожаев ржи, объясняется сравнительно слабым участием ее в торговле этим хлебом, в отличие от торговли овсом.

Таблица 3.34. Урожаи и перевозки ржи в 1901–1903 гг. и 1908–1911 гг. (тыс.пуд.)

Губернии	урожай 1901–1903	урожай 1908–1911	общее отправление		экспортное отправление		внутреннее отправл.	
			1901–1903	1908–1911	1901–1903	1908–1911	1901–1903	1908–1911
Воронежская	45400	36261	5866	5238	2832	816	3034	4422
Курская	49374	42407	3061	3129	703	225	2359	2905
Тамбовская	70878	60021	13170	9844	6458	633	6712	9211
Орловская	35688	34842	2471	3656	496	238	1975	3418
Тульская	31815	28439	3577	2525	936	53	2641	2472
Рязанская	34288	31738	3229	1767	1265	96	1964	1670
Район	**267442**	**233707**	**31375**	**26158**	**12690**	**2061**	**18685**	**24097**
Бессарабская	13927	10738	4702	3258	3713	1783	989	1476
Херсонская	34742	15885	18468	6226	14755	5475	3713	751
Екатеринославская	12762	6879	8598	2839	6603	1838	1996	1001
Донская	21283	17990	11618	8990	10486	6633	1132	2357
Таврическая	12133	7821	4260	1900	3701	1734	559	167
Кубанская	9442	8850	2691	1689	2606	1505	85	184
Район	**104288**	**68162**	**50338**	**24902**	**41865**	**18968**	**8473**	**5935**
Самарская	35635	35075	10320	10567	1903	2129	8417	8437
Саратовская	46112	35591	9972	5916	2215	552	7756	5364
Уфимская	35963	48251	4772	16170	929	4976	3843	11193
Район	**117710**	**118917**	**25064**	**32652**	**5048**	**7658**	**20016**	**24995**
Киевская	38351	32501	6874	3945	3158	1998	3716	1947
Волынская	33604	36017	1993	764	562	243	1431	521
Подольская	25583	23910	2756	1102	1837	777	918	326
Район	**97538**	**92428**	**11623**	**5811**	**5558**	**3017**	**6065**	**2794**
Полтавская	41022	30907	9897	5091	5373	1299	4524	3792
Харьковская	23563	22944	2636	2664	1035	491	1601	2173
Черниговская	31537	25428	2234	686	746	104	1487	582
Район	**96122**	**79279**	**14766**	**8441**	**7154**	**1894**	**7612**	**6547**
Казанская	43686	41910	7037	6408	2094	1410	4942	4998
Симбирск	33212	33714	4118	3586	1459	639	2660	2947
Пензенская	35614	35835	1472	2539	605	237	868	2302
Район	**112512**	**111459**	**12627**	**12532**	**4158**	**2285**	**8470**	**10247**
Сумма	**795612**	**703950**	**145793**	**110495**	**76473**	**35882**	**69321**	**74613**

Источники: Урожай 19... года; Материалы к пересмотру торгового договора России с Германией и другими иностранными государствами. Ч. 1; Статистические сборники МПС.

Таблица 3.35. Приросты урожаев и перевозок ржи (тыс.пуд.)

Губернии	прирост урожаев		общего отправление	вывозного отправл.	внутренн. отправл
	%	тыс.пуд.			
Воронежская	79,9	–9139	–628	–2016	1388
Курская	85,9	–6967	68	–479	546
Тамбовская	84,7	–10857	–3326	–5825	2499
Орловская	97,6	–846	1185	–258	1443
Тульская	89,4	–3376	–1053	–883	–170
Рязанская	92,6	–2550	–1463	–1169	–294
Район	**87,4**	**–33735**	**–5217**	**–10629**	**5412**
Бессарабская	77,1	–3189	–1444	–1930	487
Херсонская	45,7	–18857	–12242	–9280	–2963
Екатеринославская	53,9	–5883	–5759	–4765	–995
Донская	84,5	–3293	–2628	–3853	1225
Таврическая	64,5	–4312	–2360	–1968	–393
Кубанская	93,7	–592	–1002	–1101	99
Район	**65,4**	**–36126**	**–25436**	**–22897**	**–2539**
Самарская	98,4	–560	247	226	20
Саратовская	77,2	–10521	–4056	–1663	–2392
Уфимская	134,2	12288	11398	4047	7350
Район	**101,0**	**1207**	**7588**	**2610**	**4979**
Киевская	84,7	–5850	–2929	–1160	–1769
Волынская	107,2	2413	–1230	–319	–910
Подольская	93,5	–1673	–1654	–1060	–593
Район	**94,8**	**–5110**	**–5812**	**–2541**	**–3272**
Полтавская	75,3	–10115	–4806	–4074	–732
Харьковская	97,4	–619	28	–545	572
Черниговская	80,6	–6109	–1548	–642	–906
Район	**82,5**	**–16843**	**–6326**	**–5260**	**–1066**
Казанская	95,9	–1776	–630	–685	56
Симбирск	101,5	502	–533	–821	287
Пензенская	100,6	221	1067	–368	1434
Район	**99,1**	**–1053**	**–96**	**–1873**	**1777**
Сумма	**88,5**	**–91662**	**–35298**	**–40591**	**5292**

Источник: таблица 3.34.

рых 20 млн. пуд. (59,3%) пришлись на Тамбовскую и Воронежскую губернии, а еще 7 млн. пуд. — на Курскую. Общее отправление снизилось на 5217 тыс. пуд, вывозное — на 10629 тыс. пуд, а внутреннее выросло на 5412 тыс. пуд.

Здесь снова проявляется весьма характерная и важная особенность изучаемых процессов, отмеченная еще при исследовании железнодорожных перевозок всех хлебных грузов, а именно: **даже при уменьшении размеров общего отправления перевоз-**

Таблица 3.36 Получение ржаной муки

Губернии	1-й период 1901–1903	2-й период 1908–1911	3–й период 1912–1913	4–й период 1908–1913	прирост 1908–1911 к 1901–1903	прирост 1908–1913 к 1901–1903	прирост 1912–1913 к 1901–1903	отношение отношение 2 Т/1 %	отношение 3Т/1 %	отношение 4Т/1 %
Архангельская	2501	2210	2250	2230	–291	–271	–251	88,4	90	89,2
Астраханская	1865	1630	1280	1455	–235	–410	–585	87,4	68,6	78
Бессарабская	52	41	54	47	–11	–4	2	78,4	104,5	91,5
Виленская	266	338	292	315	72	49	26	127,2	109,7	118,5
Витебская	1989	1970	1653	1811	–19	–178	–336	99	83,1	91
Владимирская	2597	6253	5830	6041	3656	3444	3233	240,8	224,5	232,6
Вологодская	3473	3601	2544	3072	128	–401	–929	103,7	73,3	88,5
Волынская	193	577	731	654	384	461	538	299,5	379,2	339,3
Воронежская	48	55	50	53	7	5	2	115,1	104,2	109,6
Вятская	424	341	295	318	–83	–107	–129	80,4	69,4	74,9
Гродненская	599	475	455	465	–124	–134	–144	79,3	76	77,6
Донская	114	103	141	122	–11	8	27	90,4	123,7	107
Екатеринославская	351	280	419	349	–71	–2	68	79,7	119,2	99,5
Казанская	860	689	775	732	–171	–128	–85	80,1	90,1	85,1
Калужская	1647	2704	1850	2277	1057	630	203	164,2	112,3	138,3
Киевская	178	529	605	567	351	389	427	297,1	339,9	318,5
Ковенская	132	123	86	104	–9	–28	–46	92,8	65,2	79
Костромская	1929	3979	2467	3223	2050	1293	538	206,2	127,8	167
Курляндская	403	328	325	326	–75	–77	–78	81,4	80,5	81
Курская	148	253	218	235	105	87	70	170,7	146,6	158,7
Лифляндская	728	765	1037	901	37	173	309	105	142,4	123,7
Минская	460	804	669	736	344	276	209	174,7	145,3	160
Могилевская	193	701	551	626	508	433	358	363,8	285,7	324,8
Московская	10910	15616	14946	15281	4706	4370	4036	143,1	137	140,1

Нижегородская	1267	2494	2337	2416	1227	1149	1070	196,9	184,5	190,7
Новгородская	4154	4446	3638	4042	292	–112	–516	107	87,6	97,3
Олонецкая	814	1793	1927	1860	979	1046	1113	220,1	236,6	228,4
Оренбургская	21	77	68	72	56	52	47	371,4	329	350,2
Орловская	1403	1447	1461	1454	44	50	58	103,1	104,1	103,6
Пензенская	155	90	146	118	–65	–37	–9	58,2	94,4	76,3
Пермская	2343	2258	2528	2393	–85	50	185	96,4	107,9	102,1
Подольская	22	140	241	190	118	168	219	643,8	1110	876,9
Полтавская	17	116	70	93	99	76	53	696	420	558
Псковская	1305	1274	1095	1184	–31	–121	–210	97,6	83,8	90,7
Рязанская	1632	2055	3202	2628	423	996	1570	125,9	196,2	161
Самарская	391	239	1505	872	–152	481	1114	61,1	385,2	223,2
Петербургская	15748	15221	13822	14521	–527	–1227	–1926	96,6	87,8	92,2
Саратовская	408	605	692	648	197	241	284	148,3	169,7	159
Симбирская	254	902	1493	1197	648	943	1239	355	587,8	471,4
Смоленская	1027	2220	910	1565	1193	538	–117	216,2	88,6	152,4
Таврическая	408	280	427	353	–128	–55	19	68,6	104,5	86,6
Тамбовская	323	296	468	382	–27	59	145	91,7	144,9	118,3
Тверская	1853	3420	1474	2447	1567	594	–379	184,6	79,6	132,1
Тульская	460	657	890	773	197	313	430	142,7	193,4	168
Уфимская	75	78	259	169	3	93	184	103,9	343,8	223,8
Харьковская	365	321	476	398	–44	33	111	87,9	130,4	109,1
Херсонская	235	250	313	281	15	47	78	106,5	133,2	119,9
Черниговская	469	1181	837	1009	712	540	368	251,8	178,5	215,1
Эстляндская	383	113	133	123	–270	–260	–250	29,5	34,7	32,1
Ярославская	8360	7691	4062	5876	-669	-2484	-4298	92	48,6	70,3
Всего	**75950**	**94020**	**83997**	**89004**	**18070**	**13052**	**8047**	**123,8**	**110,6**	**117,2**

Источник: см. таблицу 3.18.

ки во внутреннем направлении 1908–1911 гг. либо дают превышение в сравнении с 1901–1903 гг., либо снижаются на значительно меньшую величину, нежели вывозное отправление. Например, общее отправление ржи со станций Тамбовской губернии уменьшилось на 3326 тыс. пуд., вывозное отправление – на 5825 тыс. пуд., а внутреннее — увеличилось на 2499 тыс. пуд. Для Воронежской губернии соответствующие показатели выглядят так: минус 628, минус 2016 и плюс 1388 тыс. пуд.

Особенно показательны в этом плане данные по Новороссии, где доля вывозного отправления в целом по району в 1901–1903 гг. составляла 83,2% всех перевозок, а по отдельным губерниям колебалась от 76,8% в Екатеринославской, до 96,8% в Кубанской области. В сущности, именно этот район и давал на рубеже веков основную часть экспортной ржи, о чем, конечно, не подозревают адепты идеи «голодного экспорта». Падение как среднегодовых валовых сборов в этом регионе, так и вывозного отправления ржи из него — на 36,1 и 22,9 млн. пуд. соответственно, — весьма красноречиво говорит об изменении значения ржи в балансе зерновых культур отечественного сельского хозяйства в рассматриваемый период.

Как можно видеть из таблицы 3.35, есть несколько исключений из данной схемы. Так, в Саратовской губернии вывозное отправление уменьшилось на 1663, а внутреннее — на 2392 тыс. пуд., в Киевской соответственно на 1160 и 1769 тыс. пуд., в Волынской — на 319 и 910 тыс. пуд., в Черниговской — 642 и 906 тыс.пуд. и, наконец, в Самарской губернии выросли оба показателя, но первый — на 226, а второй — на 20 тыс. пуд. Однако это не отменяет указанной тенденции. Украинские губернии постепенно сокращали свое участие в хлебной торговле, а показатели Самарской губернии незначительны.

Вместе с тем явное преимущество внутреннего отправления перед экспортным не может заслонить зафиксированного выше очевидного уменьшения товарного значения ржи к 1910-м гг. и для внутреннего рынка. Все меньше ее попадает не только на внешний, но и на внутренний рынок. Наиболее значительное снижение показателей внутреннего отправления отмечается в Херсонской, Саратовской и Киевской губерниях – соответственно на 2963, 2392 и 1769 тыс. пуд. В остальных губерниях оно менее 1 млн. пуд. Как говорилось выше, применительно к пшенице, в сельском хозяйстве многих губерний происходило изменение структуры посевов, выражавшееся в увеличении доли интенсивных культур за счет зерновых.

Данное обстоятельство подтверждает и информация о получении ржаной муки потребляющими губерниями (таблица 3.36).

Для 50-ти губерний Европейской России в 1908–1911 гг. отмечается увеличение среднегодового прибытия до 94020 тыс. пуд. с 75950 тыс. пуд. в 1901–1903 гг., т. е. на 23,8%. Общее среднегодовое получение 1908–1913 гг., уменьшается до 89004 тыс. пуд. (117,2% к показателю 1901–1903 гг.). В урожайные 1912–1913 гг. оно все же остается ниже уровня 1908–1911 гг. — 83997 тыс. пуд (110,6% к уровню 1901–1903 гг.).

Картина, таким образом, противоположна той, которую мы видели в перевозках пшеничной муки, в большинстве губерний стабильно возраставших. Губернии Европейской России, в которых уменьшается получение ржаной муки к концу рассматриваемого периода, составляют единый регион, охватывающий 11 губерний Севера, Северо-Запада

и Северо-Востока Восточно-Европейской равнины; к ним относятся также Гродненская, Бессарабская, Екатеринославская, Таврическая, Астраханская и Пензенская губернии в 1908–1913 гг. В сумме их получение снизилось на 6,0 млн. пуд., однако 61,5% этого числа приходится на Ярославскую и Петербургскую губернии. Что касается первой из них, то почти все ее транспортные показатели никогда не вызывают доверия ввиду большого объема переотправок, учесть которые весьма непросто. В природе феномена сокращения получения ржаной муки этими губерниями еще предстоит разобраться, однако в качестве одной из рабочих версий можно рассматривать постепенное вытеснение ржаных продуктов иными источниками углеводов, в том числе и пшеницей (см. ниже).

Обращает на себя внимание весьма высокая концентрация прибытия ржаной муки (см. табл. 3.36). В 1901–1903 гг. две столичные губернии получали 26658 тыс. пуд., или 35,1% всего ее количества. Шесть губерний с показателями получения от 8,4 до 2,3 млн. пуд. — Ярославская, Вологодская и Новгородская, Пермская, Владимирская, Архангельская – 23428 тыс.пуд. Всего указанные 8 губерний сконцентрировали 50086 тыс.пуд., или 65,9% всех перевозок ржаной муки в пределах 50-ти губерний Европейской России. 10 губерний с прибытием от 1 до 2 млн. пуд. все вместе получили чуть больше, чем одна Петербургская, — 15917 тыс. пуд., или 21,0% общего итога. То есть, на 18 губерний из 50-ти в сумме пришлось 66003 тыс.пуд., или 86,9% всей транспортировки в 1901–1903 гг.

Опять-таки здесь фиксируется иное положение, чем при перевозках пшеничной муки. Если на 10 губерний, лидировавших в ее получении, приходилось 48,8% среднегодового итога в 1901–1903 гг. для 50-ти губерний Европейской России, то аналогичный показатель для ржаной муки составлял 71,1%. Разрыв в 22,3% примечателен. Ситуация почти не меняется в 1908–1911 гг.

О чем говорит более высокая концентрация прибытия ржаной муки, чем пшеничной? Это, надо полагать, отражение, с одной стороны, более широкого территориального распространения ржи, чем пшеницы, а с другой – региональной специфики спроса и потребления. Разумеется, основные потребности население удовлетворяло за счет местного помола. Поэтому понятно, что больше получают ржаной муки губернии со значительным городским и (или) промышленным населением. А пшеничная мука была нужна не только жителям крупных городов и фабрично-заводских центров.

§ 3.8. РЫНОК ОВСА

Мировое производство овса в рассматриваемый период составляло около 4 млрд. пуд. Накануне Первой мировой войны Россия со средними ежегодными урожаями порядка 1 млрд. пуд. занимала второе место в мире после США по производству овса. По площади посевов овес шел третьим вслед за рожью и яровой пшеницей (в тех районах, где она занимала небольшие площади, овес был главным яровым хлебом, только иногда уступая ячменю).

Между рожью и овсом было немало общего в географии производства и характере сбыта. Как и рожь, овес в 1880-х гг. пережил стадию перепроизводства, притом

в тех же районах. За 30-летие 1881 по1913 гг. общая площадь посевов овса в стране колебалась в пределах 12–14 с небольшим млн. дес., составляя примерно пятую часть всех посевов. Максимальное увеличение посевной площади пришлось на 1910 г. — 12,7 % в сравнении с 1881 г. Поскольку общая площадь посевов выросла за то же время на 20,6 %, то ясно, что абсолютный рост посевов овса не компенсировал падения их доли в последней. В начале 1880-х гг. овсом засевалось примерно на 5 млн. дес. больше, чем пшеницей, и на 8 млн. дес. больше, чем ячменем. В начале 1910-х гг. яровая пшеница уже обогнала овес, а ячмень сократил отставание на 3 млн. дес.

Из таблицы 3.37 следует, что около 4/5 всего сбора сосредотачивалось в 50-ти губерниях Европейской России, но этот показатель имел тенденцию к уменьшению. Рост отмечается в Западной Сибири и степном крае, а в остальных регионах Империи они оставались без существенных изменений. За 7 лет с 1906 по 1912 гг. по стране в целом посевы овса выросли на 1,9 %, но притом в 50-ти губерниях они уменьшились на 3,8 %, а в колонизуемых регионах увеличились почти на 40 %.

Избытки и недостатки овса (табл. 3.3).

В 1909–1913 гг. на его долю приходилось в целом по стране 23,6 % потребления главных хлебов, а в Европейской России — 24,0 %. Суммарная нехватка овса в 55-ти губерниях определяется в 77601 тыс. пуд. в среднем в год. При этом весьма характерно, что более половины этого количества — 52,4 % — поглощали две столичные губернии; показатель Петербургской губернии равен 21347 тыс. пуд., а Московской — 19317 тыс. пуд. — понятные плоды прогрессирующей урбанизации. Отрыв от других губерний был громаден — далее шли Варшавская, Петроковская, Лифляндская и Владимирская губернии (3211, 3087, 2226, 2111 тыс. пуд. соответственно, а вместе 10635 тыс. пуд., или 13,7 %). То есть, на 6 губерний из 57-ми приходилось 65,8 %, т. е. почти две трети общих недостатков овса в Империи.

В 9-ти губерниях — Астраханской, Гродненской, Курляндской, Херсонской, Пермской, Волынской, Виленской и Архангельской — нехватка овса составляла от 1 до 1,9 млн. пуд., а в сумме 12359 тыс. пуд., или от 15,9 % общего числа. В остальных губерниях недостатки овса были меньше. Концентрация, как можно видеть, весьма высокая.

Можно ли заметить какие-либо особенности в географии недостатков, не имея в виду губерний-лидеров? Пожалуй, да.

Основной район избытков овса образует сплошной массив причудливой конфигурации, простирающийся с северо-востока (кроме Пермской) и востока Европейской России на юг до Северного Кавказа и от малороссийских губерний на западе до Волги на востоке. Однако львиную долю избытков давали губернии ЦЧР и Казанская.

Избыток овса в количестве 145437 тыс. пуд. отмечается в 30-ти губерниях. На Тамбовскую приходилось 24490 тыс. пуд., или 16,8 % этого числа, на Тульскую, Рязанскую, Казанскую, Орловскую, Курскую губернии (с избытками соответственно 18779, 12260, 10713, 10539, 9530 тыс. пуд.) в сумме — 61821 тыс. пуд., или 42,5 %. Эти 6 губерний сосредотачивали в среднем ежегодно 86311 тыс. пуд., или 59,4 %, т. е. почти 3/5 всех избытков овса в Империи.

Таблица 3.37. Общее производство овса в 1906–1912 гг.

Годы, % от итогов по стране	50 губерний Европейской России		10 губерний Привислинских		3 губернии Предкавказья		Итого в 63 губерниях Европейской России		Зап. Сибирь (4 губ.) и Степной край (4 губ.)		Уральская обл., Закавказье, Туркестан и Вост. Сибирь		Итого в Европейской и Азиатской России	
	Площади (тыс.дес.)	Общ.сбор (тыс. пуд.)	Площади (тыс.дес.)	Общ.сбор (тыс. пуд.)	Площади (тыс.дес.)	Общ.сбор (тыс. пуд.)	Площади (тыс.дес.)	Общ.сбор (тыс. пуд.)	Площади (тыс.дес.)	Общ.сбор (тыс. пуд.)	Площади (тыс.дес.)	Общ.сбор (тыс. пуд.)	Площади (тыс.дес.)	Общ.сбор (тыс. пуд.)
1906	13354,1	482873	1029,6	58860	359	19435	14742,7	561168	1260,5	70604	45,9	1153	17049	632925
%	84,2	76,3	6	9,3	2,1	3,1	92,3	88,7	7,4	11,1	0,3	0,2	100	100
1907	14062,5	646698	1048	64309	363,6	17454	15474,1	728461	1381,4	75464	250	12340	17105,4	816264
%	82,2	79,2	6,1	7,9	2,1	2,1	90,4	89,2	8,1	9,3	1,5	1,5	100	100
1908	13963,7	658845	1035,3	58604	410,1	22029	15409,1	739478	1503,6	94700	267	15972	17179,7	850149
%	81,3	77,5	6	6,9	2,4	2,6	89,7	87	8,8	11,1	1,5	1,9	100	100
1909	13928,8	851109	1042,3	65358	415,8	29621	15386,9	946088	1727,5	67807	270,2	16721	17384,6	1030616
%	80,1	82,6	6	6,3	2,4	2,9	88,5	91,8	9,9	6,6	1,6	1,6	100	100
1910	14351	770685	1059	58050	481,2	27471	15891,2	856206	1610,2	70154	318	16922	17819,3	943281
%	80,6	81,7	5,9	6,2	2,7	2,9	89,2	90,8	9	7,4	1,8	1,8	100	100
1911	14223,1	612085	1072,1	59529	485,5	20984	15780,7	692598	1813,4	57904	311	15744	17905,1	776246
%	79,5	78,9	6	9	2,7	2,7	88,2	90,6	10,1	7,4	1,7	2	100	100
1912	13805,3	764522	1048,8	71604	414	26297	15268,1	862423	1760,4	83523	343,3	19353	17371,8	965300
%	79,5	79,2	6	7,4	2,4	2,7	87,9	89,3	10,1	8,7	2	2	100	100

Источник: Прегер Р.И. Производство главнейших хлебов... С. 82.

Таблица 3.38. Губернии с наибольшими посевами овса (дес.)

Губернии	1881	1887	1894	Средняя за		1911	1912
				1901–1905	1906–1910		
Вятская	1013912	1004656	1044531	1108542	1145735	1163704	1111505
Пермская	631410	696201	581949	705508	800956	861762	788412
Тамбовская	563757	620649	538717	625852	644392	651210	635503
Казанская	391159	415727	416155	532067	593022	575336	627539
Уфимская	276044	378269	277550	405134	497656	534962	488665
Курская	521939	513710	507207	485153	484628	470283	476869
Тульская	490849	517933	440163	452099	436792	433276	439283
Орловская	502743	514529	469367	477212	453082	426781	424325
Пензенская	357278	н/с	269880	370559	393829	392779	399671
Волынская	302804	331529	345882	391319	397205	398223	410194
Саратовская	389379	427077	314671	405335	404036	384694	352346
Рязанская	438064	436018	353865	376228	375729	380385	368445
Киевская	261126	324762	308243	345641	356130	328683	340077
Симбирская	306974	371451	337745	368998	366486	332245	336489
Оренбургская	339511	426282	125840	407368	529015	589783	316941
Воронежская	408244	367988	324696	319903	308957	330902	311468

Источник: Прегер Р.И. Производство главнейших хлебов... С. 84.

В Пензенской, Полтавской, Вятской (показатели 7589, 7251, 7061 тыс. пуд.), Уфимской, Саратовской (5816, 5542 тыс. пуд.), Симбирской, Черниговской, Воронежской и Томской (4487, 4315, 4247, 3417 тыс. пуд. соответственно) в сумме концентрировалось 49 725 тыс. пуд., или 34,2 % избыточного овса в стране. Таким образом, 15 перечисленных губерний давали 136 036 тыс. пуд., или 93,5 % овса, который требовал размещения на внутренних и (или) внешних рынках.

Таблица 3.39. Железнодорожные перевозки овса

Годы	Отправление			Доля вывозного	Доля внутреннего	Темпы роста отправления		
	Общее	Вывозное	Внутреннее			Общего	Вывозного	Внутреннего
1889–1891	85368	50291	35077	58,9	41,1	100	100	100
1893–1895	105767	70563	35204	66,7	33,3	123,9	140,3	100,4
1901–1903	127121	62642	64479	49,3	50,7	148,9	124,6	183,8
1908–1911	150468	69512	80956	46,2	53,8	176,3	138,2	230,8
1912–1913	147454	54674	92780	37,1	62,9	172,7	108,7	264,5
1908–1913	148961	62093	86868	41,6	58,4	174,5	123,5	247,6

Источники: см. таблицу 3.22.

Нетрудно заметить, что доля вывозного отправления в перевозках овса неуклонно снижается, и при этом отмечается уже знакомое нам и по перевозкам всех хлебов, и по перевозкам пшеницы зеркальное изменение относительных параметров внутреннего и экспортного отправления в начале и в конце рассматриваемого периода.

Максимальное увеличение вывозного отправления по абсолютной величине в сравнении с 1889–1891 гг. — 40 % в 1893–1895 гг., в то время как внутреннее отправление возрастает примерно к концу рассматриваемого периода в 2,5 раза. Общее отправление увеличилось в 1908–1911 гг. в 1,76 раза, вывозное отправление — в 1,38 раза, а внутреннее — в 2,31 раза. Однако перевозки овса, в отличие от перевозок других хлебов, не дают стабильного роста. Это хорошо показывает разделение 1908–1913 гг. на периоды. Тем не менее, тенденция совершенно ясна.

Достаточно беглого взгляда на основные статистические показатели, чтобы убедиться в том, что овес, подобно ржи, как один из главных хлебов имеет весьма отдаленное отношение к тезису о «голодном экспорте».

Растут все изучаемые количественные характеристики рынка, но этот рост не угрожает жителям страны недоеданием. На рынке овса происходит обычная торговая жизнь, определяемая вполне устоявшимися спросом и предложением.

Прежде чем перейти к погубернским данным об урожаях и перевозках овса, напомню компетентное мнение П. И. Лященко: «Рядом с рожью по многим признакам в производстве и в сбыте можно поставить овес... Валовые урожаи овса за рассматриваемый период времени увеличились в относительных цифрах, наиболее близких к средним для всех хлебов вообще. В этом отношении овес стоит посредине между наименее крупными цифрами увеличения сборов ржи и наиболее крупными — пшеницы и ячменя.

В отношении своего участия в торговых оборотах и в товарном движении овес также занимает среднее место, ближе подходя в характере обслуживания внутреннего и внешнего рынка ко ржи. Но и здесь овес обнаруживает гораздо большее постоянство своих абсолютных и относительных цифр отправок и на внутренние и внешние рынки. Отправки на внешние рынки отличаются наибольшим непостоянством под очевидным влиянием колебаний в урожаях и вследствие того, что на внешний рынок овес идет лишь за более или менее полным удовлетворением внутреннего спроса...

Как внутренний, так и внешний рынок отнимают от урожая овса почти одинаковые количества. (С одним существенным уточнением — судя по транспортной статистике. — *М. Д.*).

Овес, таким образом, обслуживает почти в равной мере как тот, так и другой. Это значение вывоза в реализации урожая овса мало изменилось за более продолжительный период времени, хотя все же значение внешнего рынка за 30 лет для овса также уменьшилось. Именно... вывоз овса поглощал в 80-е годы около 11% урожая, в последнее время — 7%. В этом отношении овес также стоит между рожью и пшеницей, однако, приближаясь к первой более в начале периода, чем в конце, когда относительное значение вывоза для урожая овса оказывается уже большим, чем для ржи»[26].

Имеющиеся в нашем распоряжении данные, в сущности, лишь иллюстрируют мысли Лященко, лишний раз подчеркивая значимость данных транспортной статистики для изучения наших сюжетов.

Таблица 3.40. Урожаи и перевозки овса в 1901–1903 и 1908–1911 гг. (тыс. пуд.)

Губернии	Средние урожаи		Общее отправление		Вывозное отправление		Внутр. отправление		приросты урожаев	прирост общего	приросты вывозного	прирост внутренн.
	1901–1903	1908–1911	1901–1903	1908–1911	1901–1903	1908–1911	1901–1903	1908–1911				
Вятская	35229	52175	7073	7100	4252	3917	2821	3183	16946	27	–335	362
Пермская	30375	43232	5120	4480	1129	952	3991	3528	12857	–640	–177	–463
Уфимская	9888	23066	5930	7179	3729	4553	2201	2626	13178	1249	824	425
Саратовская	12902	17781	6936	9768	3204	4947	3732	4822	4879	2832	1743	1090
Симбирская	11236	14379	6774	5336	4148	3055	2626	2282	3143	–1438	–1093	–345
Казанская	15144	24235	8836	11759	5282	7419	3553	4340	9091	2923	2137	787
Тамбовская	31256	40936	17920	26414	9683	15219	8237	11196	9680	8494	5536	2959
Рязанская	15874	22245	9660	14238	2549	3720	7111	10518	6371	4578	1171	3407
Тульская	21485	26007	14475	19626	3934	7481	10541	12145	4522	5151	3547	1604
Орловская	18560	23108	8127	10917	3365	4214	4762	6704	4548	2790	849	1942
Курская	24131	26797	8439	8790	4940	3654	3499	5136	2666	351	–1286	1637
Воронежская	15467	17733	3247	4436	1890	2211	1357	2225	2266	1189	321	868
Пензенская	11690	19662	3623	8635	2324	6596	1299	2039	7972	5012	4272	740
Полтавская	15853	20036	5779	6852	3501	4129	2278	2723	4183	1073	628	445
Харьковская	11719	13481	3250	3247	1626	1060	1624	2186	1762	–4	–566	562
Черниговская	11887	11118	5985	4176	5230	3385	755	792	–769	–1809	–1846	37
Ярославская	8546	8036	5182	3636	4211	2896	972	740	–510	–1546	–1316	–232
Киевская	24459	26408	2372	2453	1182	1225	1190	1228	1949	81	43	38
Подольская	20718	20488	1599	720	1186	461	413	259	–230	–879	–725	–154
Сумма	**346419**	**450923**	**130325**	**159761**	**67364**	**81090**	**62961**	**78670**	**104504**	**29436**	**13726**	**15709**

Источники: см. табл. 3.34.

Регион с большими урожаями овса тянется строго с северо-востока Европейской России на юго-запад — от Вятской, Пермской и Уфимской губерний до Киевской, Волынской и Подольской через все северно-черноземные губернии (таблица 3.40). При том, что на их долю приходилась примерно половина всего урожая овса в стране, эти губернии давали от 83 до 86% (однажды 90%) всего отправления этой культуры.

В 1908–1911 гг. суммарный урожай 16-ти губерний вырос на 106,0 млн. пуд., или 30,2%; при этом в трех губерниях сборы в общей сложности снизились на 1,5 млн. пуд.

Наибольшие приросты урожаев отмечаются в северо-восточных Вятской, Пермской и Уфимской губерниях — соответственно 16,9, 13,2 и 12,9 млн. пуд. В Тамбовской, Казанской, Пензенской и Рязанской они составили 9,7, 9,1, 8,0 и 6,4 млн. пуд., в Саратовской, Тульской, Орловской и Полтавской — от 4,2 до 4,9 млн. пуд. В других губерниях сборы выросли на меньшую величину.

Как это повлияло на общее отправление? Достаточно сказать, что в 1901–1903 гг. было 2 губернии с отправлением более 10 млн. пуд.: Тамбовская — 17,9 млн. пуд. и Тульская — 14,5 млн. пуд., а в 1908–1911 гг. их число увеличилось до 5 — Тамбовская 26,4 млн. пуд., Тульская — 17,1, Рязанская — 14,2 млн. пуд., Казанская — 11,8 млн. пуд. и Орловская — 10,9 млн. пуд. В сумме они отправили 82954 тыс. пуд. или 51,9% всех перевозок 19-ти губерний. Но компоненты общего отправления изменились в разных губерниях по-разному.

В данном случае я не вижу смысла в подробном анализе погубернских данных. Замечу, что в соответствии с наблюдениями Лященко приросты внутреннего и экспортного отправления распределились почти поровну, с небольшим перевесом в пользу внутренних перевозок — 15,7 млн. пуд. против 13,7 млн. пуд.

На овсяном рынке, возможно, наименее «логичном» из рынков главных хлебов, может быть еще в большей степени, чем на ржаном рынке проявляется тот факт, что размеры урожаев и, так сказать, рыночная активность той или иной губернии далеко не всегда коррелируют с ожидаемой силой. Мы помним, что главными поставщиками экспортной ржи были губернии Новороссии, где рожь в целом не была популярна и где понадобилась Гражданская война, чтобы она повсеместно вытеснила до начала НЭПа пшеницу.

К любопытным в этом смысле наблюдениям приводит таблица 3.41, которая, полагаю, в числе прочего, показывает, насколько сложной была реальная картина развития товарного сельского хозяйства в России рассматриваемого периода.

Как можно видеть, в 1901–1903 гг. из первой пятерки губерний по сборам в число первых по размерам отправления входят лишь Тамбовская и Курская; подобное соответствие наблюдается и в замыкающей пятерке губерний и относится оно к Пензенской и Харьковской губерниям. Мы видим, что объем перевозок чаще всего не строго связан с объемом урожаев. Так, лидеры по сборам, Вятская и Пермская губернии, отнюдь не являются главными поставщиками овса на рынок, и равным образом, Казанская, Саратовская, Симбирская, Уфимская губернии деятельно снабжают рынок своей продукцией. Нельзя при этом не заметить, что, например, Волынская губерния по размерам урожаев вполне сопоставимая с соседними Киевской и Подольской, перевозила настолько мало овса, что я даже не стал рассматривать ее показатели.

Таблица 3.41. Ранги урожаев и перевозок овса производящих губерний в 1901–1903 и 1908–1911 гг.

№	Урожай 1901–1903		Перевозки 1901–1903		Урожай 1908–1911		Перевозки 1901–1903	
1	Вятская	35229	Тамбовская	17920	Вятская	52175	Тамбовская	26414
2	Тамбовская	31256	Тульская	14475	Пермская	43232	Тульская	19626
3	Пермская	30375	Рязанская	9660	Тамбовская	40936	Рязанская	14238
4	Киевская	24459	Казанская	8836	Курская	26797	Казанская	11759
5	Курская	24131	Курская	8439	Киевская	26408	Орловская	10917
6	Тульская	21485	Орловская	8127	Тульская	26007	Саратовская	9768
7	Подольская	20718	Вятская	7073	Казанская	24235	Курская	8790
8	Орловская	18560	Саратовская	6936	Орловская	23108	Пензенская	8635
9	Рязанская	15874	Симбирская	6774	Уфимская	23066	Уфимская	7179
10	Полтавская	15853	Черниговская	5985	Рязанская	22245	Вятская	7100
11	Воронежская	15467	Уфимская	5930	Подольская	20488	Полтавская	6852
12	Казанская	15144	Полтавская	5779	Полтавская	20036	Симбирская	5336
13	Саратовская	12902	Ярославская	5182	Пензенская	19662	Пермская	4480
14	Черниговская	11887	Пермская	5120	Саратовская	17781	Воронежская	4436
15	Харьковская	11719	Пензенская	3623	Воронежская	17733	Черниговская	4176
16	Пензенская	11690	Харьковская	3250	Симбирская	14379	Ярославская	3636
17	Симбирская	11236	Воронежская	3247	Харьковская	13481	Харьковская	3247
18	Уфимская	9888	Киевская	2372	Черниговская	11118	Киевская	2453
19	Ярославская	8546	Подольская	1599	Ярославская	8036	Подольская	720

Источники: см. источники к таблице 3.40.

В 1908–1911 гг. урожаи овса заметно выросли. Если в начале века семь губерний, собиравших от 20 до 35 млн. пуд., дали в сумме 187,7 млн. пуд. овса, то в 1908–1911 гг. 12 губерний со среднегодовым урожаем от 20 до 52 млн. пуд. поставили на рынок 348,7 млн. пуд., т. е. в 1,85 раза больше! Однако соответствия между урожайностью и перевозками мы попрежнему не наблюдаем. Да его, видимо, и не должно быть в принципе.

Сравнительно небольшие количества экспортного овса смягчают остроту вопроса о том, снижалось ли вывозное отправление к концу рассматриваемого периода. В самом деле, так ли важно, что в 1901–1903 гг. внутреннее отправление в шести губерниях превышало вывозное (табл. 3.40), а в 1908–1911 гг. это число поднялось до восьми? Не думаю.

Так или иначе и в таблице 3.40 мы встречаем уже знакомое явление — в значительной части производящих губерний внутреннее отправление либо увеличивается больше вывозного, либо увеличивается, несмотря на падение вывозного, либо, наконец, снижается на меньшую величину, если речь идет о падении обоих показателей.

Вместе с тем еще раз повторю, что экспорт овса, сам по себе количественно сравнительно скромный, к концу рассматриваемого периода заметно снизился, в сравнении с 1890-ми годами. Напомню, что в 1893–1913 гг. средний ежегодный прирост урожая овса составлял 12903 тыс. пуд., а его экспорт в среднем снижался на 94 тыс. пуд.

§ 3.9. РЫНОК ЯЧМЕНЯ

Ситуация с ячменем для анализируемых сюжетов из главных хлебов самая простая. В начале XX в. Россия занимала 1-е место в мире по производству ячменя — из примерно двух млрд.пуд. мирового сбора на ее долю приходилось около 30 %[27]. Далее шли США (11–12 %), Германия и Австро-Венгрия (по 10 % каждая). По площади посевов в самой Империи он стоял на 4-й позиции после ржи, яровой пшеницы и овса. Посевы ячменя составляли около 11 % всех посевов, а сборы — около 13 % урожаев главных хлебов.

В первые пореформенные десятилетия и в 1900-х гг. ячмень по размерам экспорта занимал 4-е место среди главных хлебов. Однако уже в конце 1880-х гг. он обошел по этому показателю овес, а к концу рассматриваемого периода даже и пшеницу (в 1911–1913 гг.). В то время как значение внешнего рынка для ржи, пшеницы, овса постепенно падало, для ячменя оно, напротив, возрастало, притом необычайно активно. Ячмень стал лидером по темпам роста посевных площадей и приростам урожаев.

Таблица 3.42 показывает, что за 1906–1912 гг. общая площадь посевов ячменя увеличилась на 20,5 %, а сборы — на 48,6 %. Рост посевов имел место повсюду в Империи, но в большей степени в Предкавказье и в Новороссии, которые специально производили его для внешнего рынка. После введения в действие торгового договора с Германией 1904 г. семь губерний и областей Степного Юга производили от 50 до 58 % всего ячменя в стране.

Посевы ячменя неуклонно возрастали в конце XIX – начале XX в. Если с 1881 г. по 1912 г. общая площадь посевов выросла в 50-ти губерниях Европейской России на 20,6 %, то площадь, занятая ячменем — на 87,2 %. Соответственно, доля этих посевов увеличилась за тот же период с 7,3 % всех посевов до 11,5 %. Главную роль в этом сыграл резкий рост экспорта ячменя — прежде всего в Германию после 1904 г., о чем говорилось выше.

Ячмень успевал вызревать даже в самых северных уездах страны, однако в качестве потребительского продукта в Европейской России уступал в популярности овсу, и, напротив, был очень распространен в Средней Азии и на Кавказе. В разных регионах соотношение использования ячменя как продовольственной и кормовой культуры было различным.

На пять Новороссийских губерний в 1912 г. приходилось 57,3 % всей площади под ячменем в 50-ти губерниях Европейской России.

Внутреннее потребление и перевозки остальных главных хлебов возрастали абсолютно и относительно, а ячменя лишь абсолютно, да и сам этот рост был не слишком выразителен, что явствует из таблиц 3.44 и 3.45.

Нетрудно видеть, что в течение всего рассматриваемого периода вывозное отправление ячменя, безусловно, доминирует над внутренним.

Как не без юмора (хотя, возможно, и не осознаваемого им самим) заметил Лященко, «внутренний рынок растет абсолютно весьма тихо»[28]. Связано это было, прежде всего, с тем, что на внутреннем рынке ячмень занимал весьма скромное место, и большинство губерний практически самообеспечивалось им (подробнее см. ниже). Рост потребности внутреннего рынка в пшенице, например, сказывался, в частности, в перераспреде-

Таблица 3.42. Общее производство ячменя в 1906–1912 гг.

Годы, % от итогов по стране	50 губерний Европейской России		10 губерний Привислинских		3 губернии Предкавказья		Итого в 63 губерниях Европейской России		Зап. Сибирь (4 губ.) и Степной край (4 губ.)		Уральская обл., Закавказье, Туркестан и Вост. Сибирь		Итого в Европейской и Азиатской России	
	Площади (тыс.дес.)	Общ.сбор (тыс. пуд.)	Площади (тыс.дес.)	Общ.сбор (тыс. пуд.)	Площади (тыс.дес.)	Общ.сбор (тыс. пуд.)	Площади (тыс.дес.)	Общ.сбор (тыс. пуд.)	Площади (тыс.дес.)	Общ.сбор (тыс. пуд.)	Площади (тыс.дес.)	Общ.сбор (тыс. пуд.)	Площади (тыс.дес.)	Общ.сбор (тыс. пуд.)
1906	7363,1	324656	439,6	31053	925	52721	8727,7	408430	169	10302	618,3	25174	9514,9	443907
%	77,4	73,1	4,6	7	9,7	11,9	91,7	92	1,8	2,3	6,5	5,7	100	100
1907	7574,6	369228	449,3	33773	993,8	56970	9017,7	459971	314,4	19010	681,4	28749	10013,5	507731
%	75,6	72,7	4,5	6,7	9,9	11,2	90	90,6	3,2	3,7	6,8	5,7	100	100
1908	8126,6	395684	460,8	31641	1092,6	62282	9680	489607	218,2	13791	670,1	29272	10568,8	534669
%	76,9	74	4,4	5,9	10,3	12	91,6	91,9	2,1	2,6	6,3	5,5	100	100
1909	8080,9	508237	458,1	35456	1158,7	77983	9697,7	621676	260,2	11715	711,6	33678	10669,4	667068
%	75,7	76,2	4,3	5,3	10,9	11,7	90,9	93,2	2,4	1,8	6,7	5,1	100	100
1910	8493,9	490251	456,7	29187	1326	83351	10276,6	602789	250	13362	761,4	32377	11288	648527
%	75,3	75,6	4,1	4,5	11,8	12,8	91,2	92,9	2,2	2,1	6,8	5	100	100
1911	8524,1	426609	495,5	37130	1421	73497	10440,6	537236	315,3	13245	729,7	29793	11449,5	580274
%	74,4	73,5	4	6,4	12,4	12,7	90,8	92,6	2,8	2,3	6,4	5,1	100	100
1912	8540,4	471436	465,5	38973	1410,1	95636	10416	606045	300,4	16167	756,3	37524	11472,7	659736
%	74,4	71,5	4,1	5,9	12,3	14,5	90,8	91,9	2,6	2,4	6,6	5,7	100	100

Источник: Прегер Р.И. Производство главнейших хлебов... С. 71.

Таблица 3.43. Губернии с наибольшими посевами ячменя

Губернии	Площадь посевов в десятинах						
				Средняя за			
	1881	1887	1894	1901/05	1906/10	1911	1912
Донская	317600	Н/С	474941	839939	1120218	1305283	1248081
Херсонская	364448	567048	699316	778523	930593	1034429	1163778
Екатеринослав.	256302	442559	616006	834645	968315	1009722	985601
Таврическая	267321	385240	519049	756526	757893	816486	857465
Бессарабская	242426	308001	337764	404659	529107	588635	639480
Харьковская	265305	307866	349338	477696	504555	530102	502279
Полтавская	293207	297640	301657	274995	298479	297375	285915
Воронежская	120035	146273	176899	240833	247532	269943	253856
Подольская	150667	152430	188051	195514	235096	237032	230494
Вятская	240745	206938	197285	196776	190046	212190	207273
Волынская	120152	120992	128150	143603	164646	168463	174712
Киевская	129187	130973	134891	147609	191909	172621	171616
Пермская	159676	189389	148575	144321	146649	160336	152998
Ковенская	136626	154944	129328	134133	134522	147851	137686
Лифляндская	120602	Н/С	120229	142941	135624	133394	128562
Самарская	22297	64768	57465	97548	93792	144280	120740
Витебская	98317	108201	117378	117666	116453	119974	119905
Минская	86013	85192	88251	97720	98372	102991	108599
ВСЕГО	**3390926**	**3668454**	**4784573**	**6025647**	**6863801**	**7451107**	**7489040**

Источник: Прегер Р.И. Производство главнейших хлебов... С. 74.

Таблица 3.44. Железнодорожные перевозки ячменя

Годы	Отправление			Доля вывозного	Доля внутреннего	Темпы роста отправления		
	Общее	Вывоз-ное	Внутрен-нее			Общего	Вывоз-ного	Внутрен-него
1889–1891	31641	25080	6621	79,3	20,7	100	100	100
1893–1895	66108	55882	12226	84,5	15,5	208,9	228,8	184,7
1901–1903	64551	43441	21110	67,3	32,7	204	173,2	318,8
1908–1911	125526	97398	28128	77,6	22,4	396,7	500,5	424,8

Источники: см. табл. 3.22.

лении урожая в пользу внутреннего потребления, и тенденция к сокращению экспорта нарушалась «взрывным» его увеличением не находившего себе помещения внутри России зерна, как это было в 1909–1910 гг. Ячмень давал пример неуклонного и значительного увеличения экспорта. Многочисленные источники говорят о том, что почти везде в Северном Причерноморье ячмень наряду с пшеницей стал господствующей культурой за счет сокращения посевов других хлебов. Характер этого бурного развития был, конечно, несколько утрированным.

Таблица 3.45. Урожаи и перевозки ячменя в начале XX в. (тыс. пуд.)

Губернии	Урожай		Общее		Вывозное		Внутреннее		Приросты		
	1901–1903	1908–1911	1901–1903	1908–1911	1901–1903	1908–1911	1901–1903	1908–1911	Урожай	Вывозное	Внутреннее
Бессарабская	23213	31241	5058	11097	4407	8472	651	2625	8028	4065	1974
Херсонская	41536	56777	16856	40461	13226	37553	3630	2908	15241	24327	–722
Екатеринославская	38210	65993	11805	27634	9829	26636	1976	998	27783	16807	–978
Таврическая	35255	38912	5195	8726	4738	8535	457	191	3657	3797	–266
Донская	33453	60551	8083	22114	7154	21159	929	955	27098	14005	26
Кубанская	30361	49638	9820	17384	9664	16832	156	552	19277	7168	396
Ставропольская	12723	20447	3645	5898	3509	5788	137	110	7724	2279	–27
Район	**214751**	**323559**	**60462**	**133314**	**52527**	**124975**	**7936**	**8339**	**108808**	**72448**	**403**
Киевская	9465	14162	1699	3156	553	1374	1146	1782	4697	821	636
Волынская	7496	10086	385	865	141	327	244	538	2590	186	294
Подольская	12301	15521	1693	2338	856	1065	837	1273	3220	209	436
Район	**29262**	**39769**	**3777**	**6359**	**1550**	**2766**	**2227**	**3593**	**10507**	**1216**	**1366**
Воронежская	10835	10221	2831	1474	1458	1198	1373	276	–614	–260	–1097
Харьковская	20179	27555	3103	3501	1681	2147	1422	1354	7376	466	–68
Полтавская	17110	21326	1996	2184	1432	1145	563	1039	4216	–287	476
Район	**48123**	**59103**	**7930**	**7159**	**4571**	**4490**	**3358**	**2669**	**10980**	**–81**	**–689**
Всего	**292136**	**422431**	**72169**	**146832**	**58648**	**132231**	**13521**	**14601**	**130295**	**73583**	**1080**

Источник: см. таблицу 3.34.

Достаточно заметить, что с 1901–1903 гг. по 1908–1911 гг. урожаи ячменя выросли на 130,3 млн. пуд., т. е. почти в полтора раза (на 44,6%). Перевозки ячменя увеличились более чем в два раза, с 72,2 до 146,8 млн. пуд. При этом 98,6% (!) этого увеличения, т. е. 73,6 млн. пуд., приходится на экспортное отправление.

Районы избытков и недостатков ячменя (табл. 3.3)

Среди главных хлебов как потребительская культура в 1909–1913 гг. он занимал скромное место — 11,8 % в общем потреблении по России в целом; 12,0 % в ее Европейской части. Лишь в 19-ти из 87-ми губерний на его долю приходилось более 20 % потребления и только в шести из них — более 1/3. Подавляющее большинство губерний практически самообеспечивалось ячменем, ибо хотя недостаток его отмечался в 47-ми губерниях, размеры эти сугубо символические — 9218 тыс. пуд., что для отдельных губерний вполне можно объяснить несовершенством статистики. На столичные губернии приходится 28,6 % этого количества.

Зато избыток ячменя был весьма внушительным — 231417 тыс. пуд. в 40-ка губерниях, но для большинства из них он, как и недостаток, был чисто номинальным. При этом пять Новороссийских губерний и Кубанская область концентрировали 203516 тыс. пуд., или 87,9 % «лишнего» ячменя. Нужны ли более весомые доказательства чисто экспортного характера этой культуры?

* * *

Мы рассмотрели ряд статистических характеристик рынков четырех главных хлебов в конце XIX – начале XX вв. прежде всего с точки зрения соотношения их внутреннего потребления и экспорта. Вполне определенно можно утверждать, что каждый из

Таблица 3.46. Стоимость экспорта главных хлебов в 1901–1913 гг. (тыс. руб.)

Хлеба	1901	1902	1903	1904	1905	1901–1905	1906	1907
Все хлеба	328173	417793	460911	477187	550047	**446822**	450608	408664
Пшеница	129035	167780	227783	268823	291305	**216945**	215463	162540
Рожь	64189	79463	67022	53361	52603	**63328**	56344	53100
Овес	58512	49810	40727	36787	52603	**47688**	51471	22678
Ячмень	47962	64175	86485	85988	88725	**74667**	100548	111363
4 гл. хлеба	299698	361228	422017	444959	485236	**402628**	423826	349681

Хлеба	1908	1909	1910	1906–1910	1911	1912	1913	1911–1913
Все хлеба	359556	723078	723026	**532986**	707450	515135	561270	**594618**
Пшеница	119226	395477	417753	**262092**	271460	203394	242369	**239074**
Рожь	33187	41888	35565	**44017**	52348	35618	40142	**42703**
Овес	24526	61763	63698	**44827**	73255	51831	32018	**52368**
Ячмень	132668	165906	158521	**133801**	214837	153138	186194	**184723**
4 гл. хлеба	309607	665034	675537	**484737**	611900	443981	500723	**518868**

Источник: Сельское хозяйство России в XX веке. М., 1923. С. 300–303.

рынков имел свою структуру и специфику, обусловленную как пореформенной историей России (в частности, естественной эволюцией отечественного сельского хозяйства), так и воздействием на него мирового хлебного рынка. При этом их значение для рациона жителей страны не вполне совпадало с экспортным значением, свидетельством чему является таблица 3.46, показывающая, в частности, постепенное падение значимости серых хлебов в экспорте, стабильно важное значение пшеницы и бурный рост роли ячменя, особенно с 1903–1904 гг.

Как можно видеть, каждый из рынков главных хлебов (помимо других, менее важных), приносил России столь необходимую ей валюту. Однако не за счет недоедания населения, в чем мы без труда убедимся в параграфе 3.10.

§ 3.10. О ГОЛОДЕ, «ГОЛОДНОМ ЭКСПОРТЕ» И ПОТРЕБЛЕНИИ ХЛЕБА В РОССИИ

Об источниках: статистика и статистики

Проведенный статистический анализ недвусмысленно подводит нас к пресловутому вопросу о «голодном экспорте».

Сразу заметим, что сама постановка вопроса имеет вполне провокационный характер — она подразумевает некий, пусть и не всемирный, но заговор против нормального питания российского крестьянства. Ведь если довести идеи народнической публицистики до логического конца (или абсурда, что в данном случае совершенно одно и то же), то придется признать, что одной из приоритетных задач правительства Российской Империи было максимальное ухудшение положения собственного народа. И для этого в числе других средств оно использовало экспорт хлеба.

С одной стороны, идея «голодного экспорта» изображает вывоз хлеба не просто как главную, но чуть ли не как единственную причину недоедания российских крестьян. То есть, если бы хлеб не вывозили, то крестьяне питались бы нормально. С другой стороны, в историографии этот тезис последовательно не проводится, поскольку полуголодное существование крестьянства считается своего рода аксиомой, вытекающей из общего бедственного положения массы населения дореволюционной России, а экспорт хлеба выступает как фактор, это бедствие усугубляющий.

Так ли это?

Очевидно, что данный вопрос невозможно рассматривать в отрыве от проблемы потребления продуктов питания, а в более широком смысле — от проблемы жизненного уровня, проблемы благосостояния жителей Империи, и, прежде всего, российского крестьянства, составной частью которой (проблемы) он является.

Поэтому, считаю необходимым в рамках, пусть и ограниченных, настоящего текста охарактеризовать хотя бы некоторые из существенных компонентов указанной проблематики, попытаться, по возможности, сделать их яснее.

То смещение критериев при оценке прошлого, которое чрезвычайно характерно для отечественного общественного сознания в последние сто лет и которое главным обра-

зом унаследовано от советских времен, а отчасти вытекает из общей идеологической растерянности и неуверенности постсоветской эпохи, весьма ярко проявляется и в рассматриваемой сфере исторического знания.

Не секрет, что мы, изучая прошлое, должны хотя бы в общем виде понимать, **какое именно** содержание вкладывали **современники** в то или иное исследуемое явление (понятие и т. д.) и насколько это их восприятие происходившего, во-первых, отличается от нашего сегодняшнего, а, во-вторых, в какой мере оно его обуславливает.

В контексте рассматриваемой тематики данное замечание, при всей своей банальности, особенно актуально.

В начале XXI в. пора уже иметь отчетливое представление о том, когда и почему возник термин «голодный экспорт», о том, что вкладывалось в понятие «голод» до и после 1917 г.

Полагаю, что отсутствием ясности в этих вопросах во многом и порождается упомянутое выше смещение критериев.

Начнем с вопроса, условно говоря, о «голоде».

Потребление, в том числе хлеба в дореволюционной России, и, в частности, в российской деревне — одна из наименее исследованных и притом постоянно обсуждаемых историками (и не только) проблем.

Весьма характерно, что степень ее изученности обратно пропорциональна уверенности многих специалистов в том, что она, эта проблема, давно решена. Корни такой удивительной убежденности — в дореволюционной народнической публицистике и отчасти в историографии. Для них тема перманентного голодания, в лучшем случае — недоедания российского крестьянства, как известно, была одной из главных.

Логично поэтому начать наш анализ с выяснения качества источниковой базы, на основании которой «передовая» интеллигенция изображала жизнь российских крестьян в столь драматических тонах.

Основными источниками для изучения проблемы потребления в дореволюционной деревне, как известно, являются, прежде всего, урожайная статистика и данные бюджетных обследований (преимущественно земских) крестьянских хозяйств.

Материалы 1-й главы данной монографии, как мы знаем, поддерживают имеющуюся в историографии точку зрения о **недостоверности данных урожайной статистики ЦСК МВД,** которая базировалась на анкетировании волостных правлений. Сопоставление сведений о транспортировке хлеба с величиной урожаев привело автора этих строк к заключению, что занижение величины сборов респондентами ЦСК МВД происходило сознательно, что подтверждается и нарративными источниками.

Здесь, как кажется, уместно привести таблицы, в которых показывается, какая доля урожая пшеницы и овса, собранного по данным ЦСК МВД в производящих губерниях, перевозилась по транспортной сети страны.

Из таблиц 3.47 и 3.48 нетрудно увидеть то, о чем уже говорилось в 1-й главе монографии, — превышение показателей отправления пшеницы и овса со станций и пристаней ряда губерний Поволжья, а также неправдоподобно высокие данные целого ряда производящих губерний, как будто взятые из времен «военного коммунизма», эпохи «Великого Перелома» и голода начала 1930-х гг., применительно к которым нельзя

Таблица 3.47. Доля перевозок пшеницы от урожаев

Губернии	1901	1902	1903	1908	1909	1910	1911	1901–1903	1908–1911
Бессарабская	21,8	37,1	37,9	22,2	17,6	19,7	12,6	32,4	17,7
Херсонская	34,4	51,5	56,5	36,5	47,5	46,0	47,6	47,6	44,5
Екатеринославская	27,5	25,6	47,2	24,3	37,9	46,6	47,4	33,8	39,8
Таврическая	18,2	20,1	31,5	34,8	38,5	32,2	43,0	24,0	36,9
Донская	39,4	24,5	38,4	39,0	35,8	87,1	78,9	32,9	55,8
Кубанская	21,3	28,7	27,9	26,6	38,4	31,6	49,6	26,0	35,2
Ставропольская	23,9	22,6	30,9	31,3	19,1	22,9	23,9	26,2	23,3
Район	**27,2**	**30,5**	**39,9**	**31,0**	**36,2**	**43,0**	**46,6**	**33,0**	**39,3**
Оренбургская	82,3	21,0	21,5	25,6	30,0	21,8	146,6	34,4	29,6
Самарская	115,1	45,3	64,9	44,4	58,1	84,3	218,8	66,0	76,1
Саратовская	128,0	44,2	63,6	47,6	56,9	69,5	112,5	70,3	65,7
Уфимская	82,1	17,9	16,4	17,5	33,3	36,8	137,5	31,1	39,8
Район	**106,5**	**37,9**	**48,7**	**36,2**	**50,0**	**63,0**	**171,0**	**56,2**	**58,5**
Киевская	27,6	34,8	37,9	9,3	25,3	24,5	28,7	33,3	24,1
Волынская	12,1	9,7	10,9	5,0	11,0	10,1	6,8	10,9	8,3
Подольская	17,2	23,3	27,2	11,3	18,3	15,8	14,4	22,6	15,2
Район	**20,2**	**25,7**	**27,6**	**9,0**	**19,1**	**17,8**	**17,5**	**24,5**	**16,5**
Воронежская	42,2	25,9	42,8	30,7	38,5	45,5	61,2	36,3	44,2
Харьковская	35,0	24,3	32,6	20,8	25,8	32,3	35,8	29,5	29,1
Полтавская	14,0	20,7	28,5	18,2	27,7	25,5	27,9	21,7	24,9
Район	**26,8**	**23,1**	**34,1**	**21,4**	**29,6**	**32,3**	**38,0**	**28,0**	**30,7**
Томская	0,2	2,8	0,8	14,5	15,0	4,5	11,9	1,3	11,2
Тобольская	19,0	7,8	11,0	28,1	53,6	10,7	56,3	11,2	31,4
Район	**7,5**	**4,9**	**5,2**	**19,4**	**26,6**	**6,2**	**14,6**	**5,5**	**16,5**
Всего	**33,8**	**28,5**	**37,3**	**30,6**	**36,0**	**41,2**	**45,6**	**33,2**	**38,2**

Источник: Урожай...года; Материалы к пересмотру торговых договоров России с Германией. Ч. I; Статистические сборники МПС.

даже предположить, что это следствие неквалифицированного исключения «двойного счета». Часть этой информации содержится в таблицах 1.18. Замечу также, что в таблицах приведены данные лишь по семи годам, и трудно верить в то, что ими исчерпываются подобного рода казусы в конце XIX – начале XX вв.!

Весьма обоснованные сомнения в достоверности информации бюджетов высказывались еще в XIX в.

С началом Первой мировой войны данная проблема весьма оживленно обсуждалась в литературе: «Так же недостаточно разработан в земской статистической литературе и вопрос о местном потреблении хлебов. Опубликованные до сих пор материалы бюджетных исследований приходится признать недостаточными, разрозненными, часто устаревшими, не всегда достаточно обоснованными и порой возбуждающими сомнения своими абсолютными величинами. Вдобавок, как свидетельствует А. В. Чаянов,

Таблица 3.48. Доля перевозок овса от урожаев

Губернии	1901	1902	1903	1908	1909	1910	1911	1901–1903	1908–1911
Вятская	37,0	10,9	17,7	3,0	11,9	17,4	30,9	20,1	13,6
Пермская	38,4	12,0	8,7	4,8	9,1	10,8	23,3	16,9	10,4
Уфимская	202,1	19,2	9,7	7,4	17,2	33,5	276,1	60,0	31,1
Саратовская	97,8	36,2	54,2	43,8	37,9	54,5	159,0	53,8	54,9
Симбирская	101,9	31,6	93,1	27,6	14,0	49,6	124,5	60,3	37,1
Казанская	110,0	21,9	71,9	22,6	22,2	69,9	157,4	58,3	48,5
Тамбовская	68,5	50,0	62,7	68,3	55,3	62,1	80,2	57,3	64,5
Рязанская	73,3	48,7	73,0	64,5	58,6	65,1	68,7	60,9	64,0
Тульская	85,4	55,2	66,0	68,0	71,3	75,3	85,8	67,4	75,5
Орловская	58,1	33,9	44,2	48,5	34,2	42,5	64,0	43,8	47,2
Курская	39,1	29,4	39,8	34,9	27,6	27,8	41,8	35,0	32,8
Воронежская	23,3	16,0	27,3	24,1	23,8	23,8	30,1	21,0	25,0
Пензенская	47,7	17,8	42,1	57,1	27,6	40,8	74,6	31,0	43,9
Полтавская	30,3	30,0	48,3	35,9	40,2	21,7	35,4	36,5	34,2
Харьковская	29,3	19,2	38,3	25,2	26,3	18,1	25,7	27,7	24,1
Черниговская	58,5	40,4	55,1	37,8	32,9	38,8	40,2	50,3	37,6
Ярославская	95,2	51,4	34,7	25,9	65,1	39,0	48,6	60,6	45,2
Киевская	10,7	8,4	10,3	8,7	11,5	5,7	11,0	9,7	9,3
Подольская	6,4	9,5	7,1	5,3	2,8	1,8	4,4	7,7	3,5
Сумма	**54,3**	**27,8**	**38,0**	**28,5**	**28,5**	**36,3**	**53,2**	**37,6**	**35,4**

См. источники к таблице 3.47.

более или менее приемлемые бюджетные данные о потреблении имеются менее чем по 15-ти губерниям, причем в некоторых из них лишь по отдельным уездам»[29].

Именно **лихорадочные размышления компетентных специалистов в 1915–1916 гг**. о том, сколько же хлеба потребляла страна в целом, и отдельные губернии, равно как и длительная, кропотливая работа А. В. Чаянова и его сотрудников над бюджетами, результатом которой стало исследование «Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения» (М., 1916) лучше всего показывают, насколько осторожно следует воспринимать сведения урожайной статистики и бюджетных обследований.

В указанной книге, в частности, говорится, что, хотя «русская экономическая литература сравнительно богата бюджетными исследованиями... к сожалению, из этого значительного количества исследований большая часть не может удовлетворить современным требованиям. Огромная часть их построена на чрезвычайно ограниченном объеме наблюдения, часто не превышающем десятка хозяйств, благодаря чему бюджетные величины, получаемые в результате их разработки не могут претендовать на высокую точность и достоверность. Многие построены на матерьяле, собранном явно несовершенными методами»[30].

За последними словами Чаянова стоит очень многое.

Земская статистика к концу XIX в. стала заметным явлением в жизни страны, прежде всего, общественной, по преимуществу была статистикой оценочной. Напомню, что главным источником доходов земств была недвижимость, прежде всего земля, на сборы с которой в большинстве случаев приходилось около 3/4 всего их дохода. Закон указывал один общий принцип обложения недвижимости — «ценность и доходность».

Надо сказать, что многие (но далеко не все) земства адекватно воспринимали и меру своей социальной ответственности, и уровень серьезности проблемы, выделив на ее практическое решение немалые суммы из своих средств.

Так возник феномен русской земской статистики.

Сложность стоявших перед статистиками задач не требует специального пояснения. Им необходимо было решить целый ряд проблем теоретического и практического свойства. Чем отличаются ценность и доходность? Возможно ли корректно отделить одно от другого? Где критерии определения ценности и доходности? По какой методике проводить оценку? В какой мере это величины постоянные или временные? И это далеко не все имеющиеся вопросы.

В истории земской статистики было многое из того, что бывает, когда начинается новое, большое и не до конца понятное дело: и нехватка квалифицированных кадров, и долгое становление профессионального сообщества (насколько это выражение уместно в данном случае) со всеми вытекающими для начальной стадии развития массового явления последствиями, и то, что целый ряд ключевых проблем статистики как науки в России не был достаточно разработан и проработан как теоретически, так и методически (или еще не разработан вовсе), что, конечно, капитально снижает ценность проводившихся исследований. Поскольку дело земельной оценки сопрягалось с уплатой налогов, то земская статистика бывала иногда подвержена «течениям», т. е. борьбе между различными «партиями» внутри земств, и в итоге выдавала в лучшем случае некачественную, а иногда и сфальсифицированную продукцию. Справедливость земского обложения вызывала сомнения еще в то время.

«Болезни роста» — сюжет понятный и естественный. Не очень естественным кажется то, что довольно слабые в профессиональном плане работы имели большую общественную значимость, занимали место, не соответствующее их уровню. Но это, увы, довольно логично вписывается в общую идейную атмосферу эпохи.

Сами статистики в большинстве своем придерживались народнических убеждений, и их исследования были в массе далеки от академизма, но более чем близки к публицистике. Задачей этих представителей «третьего элемента» было доказать, что народ живет плохо и что только община спасает крестьян от окончательной гибели. Сделать это без насилия над фактами было трудно, поэтому для земской статистики некорректно составленные таблицы, комментарии, которые прямо противоречат излагаемым фактам, и т. п. — вещь обычная.

Пристрастный статистик — это понятно, но пристрастная статистика — это плохо, и прежде всего потому, что нечестно, не говоря уж о том, что непрофессионально.

Земская статистика была постоянной мишенью критики П. П. Дюшена, который с усталым возмущением и горьким юмором демонстрировал, до каких высот она подняла ремесло фальсификации.

Н.П. Макаров так характеризует взаимозависимость статистических изысканий и модных идеологических постулатов: «Условия политической и социальной жизни выдвинули крестьянский вопрос как один из вопросов социально-политической борьбы; это придало крестьянскому вопросу особую важность и интерес, **но это и взяло его во власть соответствующей его постановки, сводящейся к установлению обнищания, разложения деревни в области познавания реальности жизни и к требованию земли в области программных построений**»[31].

Что и говорить, очень удобно «познавать реальности жизни», т. е. проводить статистические обследования, когда заранее знаешь, что надо «устанавливать»!

Разумеется, эти первичные исследования становились основанием для построений более высокого уровня обобщения, которые делались уже идеологами левого лагеря, для масштабных выводов социально-политического характера. Земская статистика для противников Власти стала подсобным орудием пропаганды, притом одним из самых убедительных — с цифрами не поспоришь!

Об этой неискренности, о дву(три?)смысленности, народнических позиций Макаров пишет в другой работе: «Деревня не умирает, деревня не отупела совсем — говорили они в идейной борьбе с марксистами, не переставая твердить обратное в идейной борьбе с правительством. Деревня не разлагается, капитализм ее не затрагивает — и этому обоснованием являлись многие, многие томы земских статистических исследований крестьянского хозяйства.

“Капиталист“ не остается в деревне — он уходит из нее, говорили одни; другие разжигали ненависть к капиталисту — кулаку, укрепляя и углубляя старую ненависть старых народников; так создавалось представление о каких то „обрывках“ капитализма в деревне; сами отрицали его, но сами и боялись его»[32].

Между тем, даже оставляя в стороне «партийную» методу интерпретации данных земской статистики, они в большей степени были именно «матерьялом, собранным явно несовершенными методами», цитируя Чаянова.

О теоретическом и методическом уровне земской статистики позволяют судить, в частности, труды П. П.Фирсова. Рассматривать подробно эти работы, представляющие бесспорный интерес для истории российской статистики, за недостатком места мы, к сожалению, не можем. Однако любой желающий с ними ознакомиться, с легкостью убедится в том, что они свидетельствуют о недостаточной — как минимум! — компетентности некоторых исследователей, находившихся в большом фаворе у общественного мнения, и, соответственно, о низком качестве и явной недостоверности тех материалов, которые они публиковали. Прежде всего это относилось к работам статистиков Воронежской губернии во главе со Щербиной, которые не могли даже корректно вычислить среднюю урожайность крестьянских земель[33].

Для нашего изложения важно мнение Фирсова, касающееся репрезентативности сообщаемых крестьянами сведений о своем хозяйстве: «Если при инструментальной съемке дач допускается, определенная даже законом, «невязка фигур», то что же мы

должны сказать об измерении участков земля теми „палками“ и „веревками“, какие обыкновенно употребляются для этого крестьянами почти повсюду? Но и этого мало.

Да позволено будет нам высказать здесь некоторую „ересь“. В среде статистиков принято думать, что крестьяне вообще настолько «точно» распределяют между собою свою мирскую землю, что точнее их не сделает этого даже и землемер.

Подобный взгляд на дело распространился с легкой руки московских статистиков. Мы не думаем, конечно, отрицать фактов, но думаем, что делать известные обобщения из данного ряда фактов нужно крайне осторожно, так как неосмотрительные обобщения часто приводят лишь к заблуждениям, а от логических заблуждений всего только один шаг до ошибочных практических действий, от которых, кроме вреда, ждать нечего.

У нас очень многими принято думать, между прочим, что „русский мужик без науки всякую науку прошел“. Нам кажется, что статистики должны быть крайне осторожны в своих обобщениях.

Наша речь клонится к тому, чтобы ограничить приведенный выше взгляд на: верность крестьянских измерений земли, — взгляд, по нашему мнению, ошибочный, если его станут применять везде и всюду без оглядки.

Бесспорно, что во многих случаях, особенно же тогда, когда размеры крестьянских мирских дач незначительны, крестьяне довольно равномерно распределяют между собою свою землю и при помощи тех грубых приемов измерения площадей, которые пока только и доступны им, в большинстве случаев, за отсутствием в среде их соответствующих познаний.

Но в то же время есть факты, которые свидетельствуют, что задача эта не всегда по силам нашему крестьянину. Так, например, в тех нередких случаях, когда мирская земельная дача велика (пространство мирского землевладения, как известно, иногда заключает в себе десятки тысяч десятин), крестьяне вполне сознают свое бессилие, и для того, чтобы распределить между собою землю равномерно, приглашают для этого специалиста — землемера, которому платят за эту работу иногда немалые деньги —тысячи рублей. На подобного рода факты указывают, например, казанские статистики. Вообще же в трудах земских статистиков нередко можно встретить указания на то, что распределение земли между отдельными домохозяевами, при крупном мирском землевладении, часто бывает крайне неравномерно; крестьяне знают это, но не могут устранить несправедливости этого рода, так как сами не умеют этого сделать, а нанять землемера не хватает средств...

Но и этого мало. Лично нам не раз приходилось наталкиваться на факты следующего рода. При расспросах крестьян нередко обнаруживалось, что они „равняют“ между собою душевые полосы не по площади их, а по сумме длины и ширины, т. е. оказывалось, что полоса, например, в 100 саж. длины и 6 саж. ширины приравнивалась к полосе в 60 саж. длины и 46 саж. ширины, на том простом основании, что $100 + 6 = 60 + 46$.

Такие факты особенно часто обнаруживались при расспросах о количестве высеваемых семян, причем нередко оказывалось, что один хозяин „на душу“ высевает положим, 4 пуда ржи, в то время, как другой на ту же самую „душу“ высевает 6–7 пудов ржи.

На вопрос о причине столь значительной разницы, хозяева всегда отвечали, что „рука не одинаково берет“, а между тем при ближайшем рассмотрении дела, оказывалось именно, что душевые полосы у них не одинакового размера.

С подобными фактами особенно часто приходилось сталкиваться в среде инородческого населения Казанской губернии (среди чуваш, вотяков и черемис). Нередко также и среди коренного русского населения случалось наталкиваться на факты такого рода. По показанию крестьян о длине и ширине их душевых полос и о количестве высеваемого ими на такую полосу зерна ржи, выходило, что на казенную десятину высевается ржи 40 пудов. Когда им указывалась такая несообразность, они искренно недоумевали, и только из дальнейших расспросов дело объяснялось весьма просто тем, что они не знают истинного выражения длины и ширины своих полос в саженях, так как при дележе мерили веревкой, длина которой, конечно, не переводилась на сажени.

Из всего предыдущего, как нам, по крайней мере, кажется, несомненно следует, что при суждении о распределении крестьянской мирской земли по душам ли, по сортам ли почвы и т. д., нужно быть крайне осторожным...»[34].

Выше, в главе 1, уже говорилось, что при оценке аграрной статистики нужно также помнить, что источники нередко фиксируют устойчивую, иногда агрессивную неприязнь крестьян к любым попыткам выяснить **истинное** положение дел в их хозяйстве, шире — детально понять их жизнь вообще.

В любом случае очевидно, что крестьяне были не очень настроены говорить Власти правду. У современников на этот счет не было ни малейших сомнений. У крестьян давно сформировался твердый стереотип восприятия подобных опросов. Воспитанные в привычке не доверять представителям власти (а земские статистики, безусловно, воспринимались ими в этом качестве), всегда склонные подозревать ее в желании сделать их жизнь хуже, навредить, крестьяне, конечно, далеко не всегда были откровенны. Притом же иногда они могли и приукрасить статус-кво, исходя из сугубо личных соображений.

В этом смысле представляют интерес следующие замечания А. Кауфмана: «Читатель знает, что с 1893 г., особенно с 1900 года, земской статистике подчинены оценки земель для целей земского обложения. Это обстоятельство, конечно, повысило практическое значение статистики *для земства* — но повысило отнюдь не в таком направлении, какое было бы способно снискать статистике доверие и симпатии *населения*.

Напротив: раз собираемые статистикой данные непосредственно предназначаются для использования в целях обложения: раз, следовательно, от результатов статистики непосредственно зависит, или, во всяком случае, может зависеть, размер налоговой тягости; раз, значит, эти результаты могут быть непосредственно выгодны для одних и непосредственно убыточны для других, — отношение населения к статистике, которое прежде было, может быть, только безразличным, становится опасливым и недружелюбным, **и это опасливо-недружелюбное отношение населения является одним из серьезнейших затруднений для правильного функционирования статистики.**

Чтобы земская статистика стала органическою составною частью земского механизма, которой не приходилось бы ежечасно бояться и бороться за самое свое существование; чтобы она приобрела, в самом деле, доверие и сочувствие массы населе-

ния — то доверие и сочувствие, которое так облегчило бы ее работу и **повысило бы достоверность ее результатов**, необходимо, чтобы земская статистика приняла непосредственное участие в земской работе, и притом — раз вопрос идет о приобретении симпатий населения—в такого роде земской работе, польза которой наиболее непосредственно ощущается населением; иначе сказать, чтобы она органически связалась с агрономическими и экономическими мероприятиями земства»[35].

Рассматривая проблему связи агрономии и статистики, Кауфман описывает недостатки «корреспондентского приема», «основного приема, которым оперирует текущая сельскохозяйственная статистика, как земская, так и государственная». Недостатки сбора сведений через добровольных корреспондентов «чрезвычайно существенные» — «это, прежде всего, именно *случайность состава корреспондентов,* — случайность, притом как *количественная*, так и *качественная*». Первая выражается в крайне неравномерном распределении корреспондентов по той территории, которая должна быть освещена собираемыми данными, будь то губерния или уезд. Вторая — в том, что «наряду с корреспондентами, активно и добросовестно выполняющими взятые на себя обязанности и достаточно развитыми для того, чтобы их толково исполнять, всегда имеется более или менее значительное число и совершенно фиктивных корреспондентов, которые только занимают места в списке, но фактически не сообщают никаких сведений; и таких, которые заполняют лишь ту или другую часть опросных бланков; и таких. которые плохо разбираются в смысле поставленных вопросов и не умеют формулировать ответов, — которые, поэтому, оставляют часть вопросов вовсе без ответа, или дают ответы невразумительные, либо не соответствующие смыслу поставленного вопроса»[36].

Сравнительно несложно, считает Кауфман, минимизировать количественную случайность корреспондентов, убрать фиктивных и «явно недобросовестных корреспондентов». Однако «с невысоким уровнем интеллигентности значительной части корреспондентов, даже большинства их, приходится и всегда придется считаться основанной на корреспондентских показаниях сельскохозяйственной статистике всякого земства...

Между тем, не подлежащий сомнению факт, что никакими стараниями и никакою сколь угодно тщательною и сколь угодно популярною редакциею вопросов и печатных разъяснений к вопросам, нельзя достичь того, чтобы все вопросы, даже сравнительно простого статистического формуляра, вроде, например, формуляров переписи населения, а тем более те гораздо более сложные и трудные вопросы, какие неизбежны в сельскохозяйственной статистике, сделались понятными для всякого, не только малограмотного, но даже средне-интеллигентного обывателя; и главное — чтобы они всеми были поняты одинаково, в соответствии с их действительным смыслом и с преследуемою ими целью.

Можно ослабить, но никакими стараниями нельзя совершенно устранить и стремления той или другой части лиц, числящихся в составе корреспондентов, давать сознательно неверные сведения: реже в сторону подсказываемого главным образом тщеславием и другими подобными мотивами преувеличения, чаще — в сторону преуменьшения, внушаемого, главным образом, податными опасениями.

С непониманием вопросов и неумением излагать ответы, с одной стороны, с намеренно-неверными показаниями, не говоря просто, об ошибочных, с другой, придется — повторяю — считаться всегда»[37].

Как представляется, круг проблем, связанных с проблемой репрезентативности урожайной статистики и бюджетных обследований, очерчен здесь достаточно четко.

Сказанное наглядно иллюстрируется рассказом правительственного агронома Виленской губернии К. П. Рудзита, руководившего обследованием хуторских и отрубных хозяйств в Трокском уезде этой губернии для землеустроительной анкеты, позволяющей вполне отчетливо представить, **как** проходили устные опросы крестьян и **насколько** им можно верить.

«Агрономы приехали... Приехали агрономы...» слышались на базаре в селении Бутриманцах голоса то в одном, то в другом месте. — Крестьяне, рассказывает К. П. Рудзит, были в большом недоумении, зачем приехали агрономы в таком большом количестве. Некоторые крестьяне выражали предположение, что по всей вероятности из-за леса, выдаваемого при переносе построек; другие же говорили: «Наша-то деревня ведь лес получила, не насчет ли податей это». Так примерно рассуждали крестьяне, когда в Трокский уезд прибыли счетчики для производства статистическо-экономического обследования хуторских хозяйств.

Впоследствии, когда счетчики выехали на места обследований, приходилось слышать боязливые вопросы в роде того, что не по той ли цене, что сейчас записывают в опросных листках, от них будут брать лошадей, а также скотину на мясо в случае войны.

Разговоры эти, однако, скоро прекратились. Дело в том, что во главе каждой партии обследователей находилось по одному правительственному агроному»[38], которые для крестьян были «едва ли не единственными людьми, которым они **более или менее доверяют.** Все же по отчетам крестьян и по тому раздумью, с каким давались эти ответы, нетрудно было догадаться, что **в душе крестьянина кроется какое-то недоумение, не позволяющее ему уяснить самому себе: в пользу ли улучшения хозяйства или ухудшения ему следует давать ответы.**

Видя подобные колебания в крестьянах, рассказывал Рудзит, было бы бесполезно сразу же приступать к делу обследования и задавать один вопрос за другим, не заручившись предварительным доверием крестьянина и не разъяснив ему цели предстоящей анкеты.

В беседах о хозяйственном положении хуторян, казалось, принимает участие единственно только сам хозяин, а баба его, обыкновенно прячущаяся за печь, когда на хутор приезжает „начальство“, как будто ко всему относится безучастно или совсем не обращает внимания на происходящий разговор. В действительности, однако, это безучастное отношение и молчание продолжались только до тех пор, пока разговор не касался бабьих интересов. Как только беседа доходила до льна и овец, баба сейчас же вмешивалась, и вмешательство ее во многих случаях оканчивалось бранью мужа. Бабы, имея в виду свои соображения и выгоды, всегда скрывают от мужей количество льна, которое они прядут, чтобы мужу не показалось, что продукта много и не вздумалось поэтому часть льна уделить на продажу. Так, если хозяин примерно сказал счетчику, что льна (волокна) уродилось 5 пудов, то баба всегда будет доказывать, что уродилось половина, а то и того менее. При обследовании положительно не было такого хутора, где баба не знала бы, сколько высеяно семян льна, собрано волокна и семени. Напротив, сами же хозяева сплошь и рядом затруднялись определить точное количество высеянного и собранного в пудах семени...

Характерно, говорит Рудзит, что при опросах крестьян во многих случаях нельзя было задавать вопросов прямо и тут же получать ответ, так как ум крестьянина для того, чтобы начать работать, должен быть к этому сперва подготовлен. Ввиду этого нельзя было сразу же задавать вопрос, а обыкновенно сперва только давалось знать, что скоро последует вопрос. „Скажи-ка вот что, Ромейко“, — говорит сперва счетчик, обращаясь к какому-нибудь хуторянину. Затем следует значительная пауза, а потом уже задается сам вопрос в роде того, например: „сколько ты высеял пудов ржи в прошлом году?”. После этого становится заметным, что лицо крестьянина начинает изменяться, делается серьезнее, глаза смотрят как-то более осмысленно. Думаешь, что вот уже „Ромейко“ и расскажет сейчас все с мельчайшими подробностями. Не тут-то было. „Ромейко“ обыкновенно отвечает, что пудами он, видите ли, никогда не сеял. И в этом случае оказывалась доля хитрости крестьянина. Он нарочно не отвечает сразу, чтобы выгадать немного времени, дабы успеть обдумать на сколько следует уменьшить количество засеваемого зерна. На новый вопрос счетчика: „сколько же посеял осьмин?” — крестьянин начинает считать вполголоса: „пять, шесть, семь...“ и вдруг вслух объявляет „пять”; на вопрос: „сколько же ты сеял в деревне ржи?” — начинается опять подсчитывание полос, причем на каждую полосу высевается определенная мера: то плетух, то лукошко, в некоторых случаях дело доходит даже до дедовской шапки.

В деревне, когда полосы не изменялись на своих границах, все эти меры имели для хозяина известную ценность, так как он, не задумываясь, без риска на редкость или густоту посева, знал, сколько сеять на загоне. На хуторе же, когда площадь участков изменилась в своих границах, крестьянин очутился в положении, подобном тому, как если бы в деревне потерял дедовскую шапку.

Ввиду этого крестьянин действительно очень часто не знает в точности высеваемого им количества зерна, а если к этому прибавить еще **стремление его всегда и во всем (из-за боязни увеличения податей или других соображений) уменьшить цифры, касающиеся его экономического благосостояния,** то становится понятными вся медлительность и все ухищрения хуторянина при подаче ответов.

Подобное же явление наблюдается и при подсчете урожая. Здесь крестьянин первоначально начинает говорить, что плохо уродилось, затем уменьшает количество собранных копен или возов, а в конце-концов уменьшает и умолот с копны или с воза. В одном случае, со слов крестьянина, выходило так, что он собрал гороха осенью менее, чем на другую весну посеял; на вопрос, где покупал семена гороха и по какой цене, он ответил, что своих семян хватило. Становилось ясным, что опять урожай заведомо преуменьшен. После этого, говорит Рудзит, начинаешь убеждать крестьянина говорить правду и не хитрить, но вряд ли можно быть убежденным, что последующие после этого ответы не будут опять преуменьшены»[39].

Ключевые слова в этом рассказе, который весьма важен для нашей темы, несомненно, — «стремление его (крестьянина. — *М. Д.*) всегда и во всем (из-за боязни увеличения податей или других соображений) уменьшить цифры, касающиеся его экономического благосостояния»[40].

В итоге состояние российской статистики было таково, что правительственные органы и до Первой мировой войны зачастую не имели объективной картины положения

на местах. А. С. Ермолов, рассказывая об обсуждении Государственным Советом и Государственной Думой продовольственных трудностей 1907–1908 гг., сообщает, что в числе прочего их члены обратили внимание на «чрезвычайную неполноту сведений, приводимых министерством (внутренних дел. — *М. Д.*) в его представлениях по испрошению продовольственных кредитов для некоторых местностей... Тем не менее, высшие государственные учреждения признали возможным кредиты эти отпустить, чтобы не поставить население в затруднительное положение ко времени посева, — но без уверенности в том, что они во всех местностях соответствуют действительной нужде. На это было в Государственном Совете мною (т. е. А. С. Ермоловым. — *М. Д.*) сказано, что **при существующей системе собирания сведений о продовольственных потребностях и порядке ассигнования средств на их удовлетворение, МВД не имеет других способов, как основываться на донесениях и запросах с мест, несомненно, весьма часто преувеличенных, и сколько-нибудь достоверными данными располагать не может.** Уже многократно Государственный Совет оказывался в необходимости разрешать отпуск испрашиваемых кредитов без уверенности в действительной их необходимости и не имея никакой возможности их проверить»[41]. Речь шла о продовольственных кредитах, о сотнях миллионов рублей, отпускавшихся Казной для помощи населению, пострадавшему от неурожаев местностей.

В приложении к той же работе Ермолова содержится сокращенное изложение отзывов местных крестьянских учреждений о действующей системе продовольствия населения и мнения их о необходимости ее реформы, затребованные МВД по окончании продовольственной кампании 1906–1907 гг. Отзывы были получены из 23-ех губерний Европейской России: «Почти отовсюду указывается на необходимость улучшения порядка собирания и разработки статистических сведений об урожае, причем в некоторых отзывах высказывается мысль об изъятии обязанностей по собиранию таких сведений из рук волостных правлений и чинов полиции, с возложением этой обязанности на земства, которые от себя будут сообщать правительственным учреждениям результаты регистрации урожая в определенные сроки и по однообразной форме. При этом указывается **на недостоверность статистических сведений всякого рода, собираемых при посредстве сельских писарей**»[42].

Итак, материалы бюджетных обследований, как и урожайной статистики, составляющие основу той источниковой базы, на которой преимущественно основываются суждения о величине потребления пищевых продуктов в дореволюционной России**, далеко не во всех случаях** являются достоверным источником. Весьма часто они попросту несостоятельны. При этом проблема не ограничивалась одним только заведомым нежеланием крестьян сообщать посторонним людям правду о своем хозяйстве, об уровне своей жизни. Есть основания полагать, что **методически неверен** бывал и подход статистиков к данным бюджетов.

В РГИА хранится очень интересный для рассматриваемой темы документ, автор которого, Рейнбот (к сожалению, пока неясно, кто именно из представителей этой фамилии является его автором), пытался определить причины уменьшения хлебного экспорта России во 2-й половине 1890-х гг. В частности, там говорится: «Необходимо сделать несколько общих замечаний по вопросу об изменениях в производстве и потреблении

хлеба, так как в этой области статистики до настоящего времени высказываются до крайности противоречивые взгляды.

Главный источник этого разноречия коренится, по-видимому, в трудности разделения потребления хлебов людьми и домашними животными».

В свое время Ю. Э. Янсон пробовал решить эту проблему, разделив продукты земледелия на кормовые и пищевые, отнеся к кормовым, кроме сена и соломы, овес, а к пищевым — пшеницу, рожь, ячмень, кукурузу и картофель. Тот же прием был положен в основу исчисления нормы потребления Министерством Финансов при выяснении вопроса о количестве хлеба, необходимого для обеспечения продовольствием населения губерний, пострадавших от неурожая 1891 года[43].

Такое деление применительно к России, считает автор, «полезно для некоторых приблизительных выводов, так как овес идет в пищу людям в весьма малом количестве сравнительно с другими хлебами, но не следует, однако, упускать из виду, что количество хлебных продуктов, отнесенных... Янсоном к пищевым, расходуемое на корм скоту, никак не может считаться ничтожным. Так, в восточной и средней России где особенно много возделывается ржи, немалое ее количество расходуется в урожайные годы на посыпку соломенного корма.

На юге ячмень нередко занимает место овса в виде прибавочного корма рабочему скоту при усиленной работе, часть его идет также в урожайные годы на откармливание свиней и другого скота.

Наконец, картофель равным образом не может считаться ни исключительно пищевым, ни кормовым продуктом, и громадные его количества идут на откармливание свиней и в корм молочному скоту»[44].

Автор высказывает очень важную мысль: «При статистических опросах о количестве хлеба, расходуемого в хозяйстве, к сожалению, не всегда, по-видимому, обращалось должное внимание на выделение из расходного бюджета той части от продуктов, которая, будучи показываема расходом на продовольствие, на самом деле идет в виде отбросов в пищу домашним животным.

Этим, по-видимому, объясняется то громадное различие в количестве душевого потребления хлеба, которое получается из бюджетных опросов для малоземельных дворов и для хозяйств безлошадных и многолошадных»[45].

В качестве примера он приводит результаты исследования бюджетных опросов Воронежской губернии, опубликованные известным земским статистиком Щербиной. На основании анализа бюджетов 230 дворов с 1912 душами разных возрастов он вывел годовое душевое потребление хлеба в следующем размере:

зерновых продуктов	16 пуд. 26 ф.
пшена и крупы	3 пуд. 9 ф .
Итого.....	19 пуд. 35 ф.

Кроме того, необходимо добавить 6 пуд. 26 ф. картофеля. Считая по критериям того времени 3 пуда картофеля за 1 пуд хлеба, всего на душу получится 22 пуда 4 фунта зерна[46].

Вычисленное Щербиной «содержание пищевых начал в различных продуктах входящих в состав пищи растительной и животной... для дворов различной состоятель-

Таблица 3.49. Потребление белков, жиров и углеводов крестьянами Воронежской губернии

Землеобеспеченность	Белки	Жиры	Углеводы
Безземельные	79,91	30,96	374,63
Имеющие до 5 дес. на двор	103,39	45,95	498,08
Имеющие 5–15 дес. на двор	103,39	46,35	516,51
Имеющие 15–25 дес. на двор	110,31	44,77	518,25
Имеющие свыше 25 дес.на двор	121,43	53,76	548,22

Источник: РГИА. Ф. 268. Оп. 4. Д. 980. Л. 91об.

ности» и «суточное потребление в граммах на душу населения всех возрастов» можно видеть в таблице 3.49.

Автор записки считает, что «из всех этих чисел только числа верхней строки подходят к данным человеческой физиологии (вспомним характерное стремление Воронежских статистиков к «безусловной точности»! — *М. Д.*). Все остальные могли бы быть потреблены людьми лишь в том случае, если бы рассматриваемые дворы состояли исключительно из взрослого населения», и приводит в подтверждение известную норму фойты для взрослого работника, потребляющего при средней работе белка 118 гр., жира 56 гр., углеводов 500 гр.[47]

«К числу немногих работ, в которых размер потребления русского крестьянина определяется не по **голословным показаниям и без смешения с отбросами,** идущими в корм домашним животным, взвешиванием каждого съедаемого куска хлеба и другого рода пищи, приготовлявшейся из точно взвешенного количества продуктов, относится превосходная диссертация П. И. Зарина (описание западного врачебного участка Верейского уезда Московской губернии; выделено мной. — *М. Д.*). Наблюдение производилось осенью и дало по отношению к потреблению главных пищевых начал взрослого работника в семьях различной состоятельности следующие величины:

Таблица 3.49а. Потребление белков, жиров и углеводов по расчетам П. И. Зарина

Состоятельность семьи	белки	жиры	Углеводы
Богатые семьи	145,81	43,62	579,19
Семьи средней зажиточности	127,34	33,38	594,29
Бедные семьи	125,19	29,61	588,64

Колебания в потреблении углеводов, служащих главным показателем потребления растительной пищи, совершенно ничтожные сравнительно с приведенными выше данными воронежской статистики, что совершенно понятно, ибо работник в бедной семье работает вряд ли существенно меньше, чем богатый, а при таких условиях трата энергии организмом не может быть существенно меньше у бедного»[48].

Как можно видеть, приведенная записка очень важна. Полагаю, вышесказанное показывает не только настоящую цену «голословных показаний», на которых между тем построена **целая литература**, но и способов осмысления таких «показаний» в этой литературе. Кто не видел подсчетов, подобных тем, которые приводит авторитетный

тогда статистик Щербина и которые якобы совершенно наглядно подтверждали постоянное недоедание части крестьян?

Кроме того, записка еще раз подкрепляет высказанное мнение о том, что данные бюджетов если и не принципиально сомнительны, то, по меньшей мере, не всегда достоверны.

Увы, и сейчас степень доверия исследователей к бюджетам иногда явно чрезмерна.

Показательный пример — недавняя статья Т. В. Приваловой «Питание российского крестьянства на рубеже веков»[49], во многом основанная на бюджетных обследованиях, в частности, на публикации «Бюджеты крестьян Новгородской губернии», включающей крестьянские бюджеты 75-ти волостей этой губернии в 1907–1911 гг. Не говорю уже о том, что едва ли корректно экстраполировать данные о Новгородской губернии на всю Европейскую Россию. В одной из таблиц приводятся данные о «потреблении животных и некоторых других продуктов по хозяйственным группам». Некоторые цифры, приводимые автором, вызывают недоумение. У читателя, хоть немного знакомого с Новгородской губернией, пусть и на рубеже XX–XXI вв., сразу же возникает, среди прочих, такой вопрос. Как можно всерьез полагать, что в этих краях, изобилующих реками, озерами, старицами, которые с домонгольских времен славились рыбными ловлями, в предреволюционные годы «в среднем по статистике на одну душу в год приходилось... 1,6 кг рыбы»?[50] Другими словами, не слишком упитанная щука длиной 40–45 см. В это верится с трудом.

И уж совсем непонятно выглядит таблица, в которой Привалова потребление рыбы (как и других продуктов) связывает с площадью наделов (до 0,5 дес., 0,5–1 дес., более 1 дес.)[51]. Такой «социальный» подход в данном случае не кажется убедительным.

Подобное некритичное отношение к источникам, характеризующим положение крестьянства до 1917 г., когда не заметно даже попытки выяснить их репрезентативность, весьма характерно для отечественной историографии.

Понятно, что везде и всегда есть люди, рацион питания которых не может считаться достаточным.

Однако следует ли из этого, что таких людей в дореволюционной России было большинство, как считалось в то время (а нередко считается и в наши дни), или же, что их доля была относительно велика?

Конечно, нет. Притом, что понятие «российское крестьянство» все же чересчур абстрактное и **слишком** сложно сочиненное среднее арифметическое.

Итак, со всей определенностью хочу еще раз подчеркнуть, что **к статистике, построенной на показаниях крестьян,** — будь то информация волостных правлений, или отдельных домохозяев — **нужно относиться по меньшей мере с большой осторожностью.** Ей далеко не всегда можно доверять, ибо респонденты были заинтересованы в величине сообщаемых цифр (справедливо или нет, сейчас неважно).

Понимали ли земские статистики и те, кто пользовался их трудами как источником, что проводят исследования не слишком корректно? Безусловно, понимали! Но идейные установки были превыше всего.

Поэтому страдания народа — истинные или мнимые — в пореформенной России стали предметом весьма однообразных по форме, содержанию и мотивации описаний, весьма часто имевших явно спекулятивный характер и различавшихся только степе-

нью нарочитости трагизма. Притом это относится не только к трагической ситуации **настоящего** голода — 1891 г. и других лет сильных неурожаев (1897, 1906, 1908), — так же трактовалась повседневная жизнь миллионов русских крестьян после 1861 г.

В данном контексте нельзя обойти вниманием заметку А. Павлова «Ошибка доктора Шингарева» с подзаголовком «Деревня, которой он предрек гибель сто лет назад, умирает только сейчас», опубликованную хотя и в неакадемическом, но, тем не менее, уважаемом издании — «Общей газете». Она заслуживает того, чтобы привести ее полностью: «В 1901 г. земский врач Шингарев выпустил брошюру „Вымирающая деревня“, которая потрясла либеральную Россию. С цифрами и фактами в руках он предсказал скорый конец воронежской деревеньке Ново-Животинное. Земский врач стал знаменитостью — молодой вождь мирового пролетариата Владимир Ленин не раз цитировал выкладки из его брошюры. А деревенька, видевшая войны и революции, несмотря на предсказание, пока еще жива.

В 30-е годы в Ново-Животинное приехал писатель-коммунист Поль Вайян Кутюрье, чтобы лично убедиться, как хорошо живут советские крестьяне в некогда вымирающей деревне. Деревеньке не дала пропасть советская власть — таков был его вывод. И этот нехитрый постулат с тех пор эксплуатируется в школьных учебниках истории.

Однако в советские и постсоветские времена сгинули тысячи деревень, городов и поселков. Почему же уцелело Ново-Животинное?

Объяснить феномен его живучести помогла сотрудница здешнего музея Елена Виноградова. У нее чудом сохранились расчеты Шингарева. И по ним выходит, что деревня просто не могла сгинуть в суровые времена самодержавия. Ну, например, за те 10 лет, что земский врач вел наблюдения над деревенькой, в ней умерло 304 человека, а родилось 322. То есть 18 душ россиян оказались в положительном осадке. Шингарев говорит о скудной пище, которая должна повлечь биологическую смерть крестьян, а мы с Еленой Виноградовой посчитали, что в день на душу населения крестьяне съедали 724,8 грамма хлеба, была в рационе картошка — 245 граммов, семья могла позволить себе яйца, мясо, молоко, а уж пшена в сутки приходилось... 4 кг на брата.

В наших подсчетах участвовали работницы сельсовета. В столе у местного счетовода случайно остались „перестроечные фантики“ — талоны на питание, так вот по тем талонам населению причиталось пшена... 1 кг на едока, мяса — менее килограмма. В месяц, конечно. Это значительно меньше того, что могли себе позволить „вымирающие“ животиновцы.

Любопытно, как оценил бы эти новые цифры кадет и впоследствии министр Временного правительства, сделавший карьеру на обличении самодержавия, господин Шингарев?

Кстати, в Ново-Животинове в последние три года родилось 22 человека, умерло — 45. Вот где она — вымирающая деревня!...

Очевидно, общество оказалось не готовым к переменам, которые столь поспешно стало декларировать и бездарно внедрять. И главный наш бич не столько социальные беды, сколько демагогия, липовые отчеты и постулаты, сочиняемые в карьерных целях, — как в веке минувшем, так и в столетии нынешнем. На них делаются имена и судьбы, а люди, ради которых все это замышляется, живут сами по себе по принципу: не до жиру, быть бы живу»[52].

Воистину, все относительно! Особенно наши знания и представления!

Эта заметка вполне может быть своего рода развернутым эпиграфом ко всей народнической литературе по данному комплексу проблем.

Изображать народные страдания — было верным способом если и не сделать себе имя, как это произошло с Шингаревым, то приобрести хотя бы какую-нибудь известность среди «народолюбивой интеллигенции». Хотелось бы быть правильно понятым — из сказанного, разумеется, никак не следует, что страдания были не знакомы российскому народу (но не только ему!).

Многие ученые заигрывали с общественным мнением. **Специалист, пытавшийся взглянуть на жизнь деревни объективно, рисковал как минимум репутацией и аудиторией**.

Значительно более выигрышным был примерно такой подход: «Мы видели в первых лекциях этого курса, как плохо живется русскому крестьянину. Но если крестьянину нет возможности прожить на своем наделе; если он жадно набрасывается на всякую землю, какую только можно купить или заарендовать; если он постепенно нищает, переходит от полуголодного существования, от постоянного недоедания к полной голодовке, от нужды уходит на заработки, этим окончательно расстраивая свое хозяйство, или бежит без оглядки на „новые места"; если он в конце концов бросает землю и уходит в город на фабрику — то ведь это все может происходить от разных причин»[53].

Трудно судить, насколько искренне такой компетентный исследователь и практик, как А. А. Кауфман, мечтает о том, чтобы Россия и в XX в. оставалась аграрной страной, отвергает переселения, индустриализацию и урбанизацию, и действительно ли его так ужасает совершенно естественный процесс оттока лишних рабочих рук из деревни «в город и на фабрику», процесс, который в странах Запада насчитывал не одну сотню лет, а главное, — верит ли он в непосредственный переход крестьян «от постоянного недоедания к полной голодовке». Судя по приводимым ниже данным Кауфмана о душевом потреблении хлеба, взятым, правда, из другой работы, его искренность может быть поставлена под сомнение.

Между тем идеи Кауфмана и его единомышленников живы. Л. В. Милов развивает взгляд, согласно которому, начиная со средневековья и вплоть до XX в., русские крестьяне хронически недоедали, потребляя около 1500–2000 ккал при потребности в 3000.

С этой точкой зрения убедительно полемизирует Б. Н. Миронов (см.ниже), который, в частности, пишет, что мнение о хроническом голодании русских людей противоречит фактам. Иностранцы, приезжавшие в Россию в XVI–XVII вв. и оставившие свои воспоминания, напротив, подчеркивают здоровье, физическую силу, выносливость русских людей и большую продолжительность их жизни, отмечая притом, что страна не испытывала недостатка в продуктах питания. Не приходится говорить о дистрофии и в XVIII–XIX вв. — по росту русские и их соседи из Восточной и Центральной Европы были примерно одинаковы[54].

Наукой установлено, что рост людей «зависит от качества их жизни, или **биологического статуса,** т. е. от питания, перенесенных болезней, интенсивности и условий работы, медицинского обслуживания, жилищных условий, психологического комфорта, климата, воды, воздуха и других факторов среды в течение всей их предшествующей жизни до момента измерения роста. Генетический фактор имеет большое значение для

роста отдельного человека, но генетические различия утрачивают свое значение, когда измеряются массы людей и сравниваются средние величины роста, а не его индивидуальные значения. То же и на уровне целых народов: различия в росте определяются не их этнической или расовой принадлежностью, а условиями существования»[55].

По мнению Б. Н. Миронова, снижение уровня жизни, биостатуса и, значит, потребления, наблюдалось в 1856–1865 гг., затем началось улучшение, а в 1870-е гг. был превышен дореформенный уровень, что следует из таблицы 3.50.

Таблица. 3.50. Рост новобранцев в возрасте старше 17 лет и финальный рост мужчин референтной группы в Европейской России в 1701–1920 гг. (в годы рождения, см)

Годы рождения	Число наблюдений		Фактический ростовой ценз, см	Рост новобранцев, см	Рост референтной группы*	Стандартная ошибка средней, см***
	индивидуальных	суммарных				
1796–1800	4542	–	142,2	160,8	162,2	0,35
1801–1805	6977	–	155,6	164,0	162,4	0,15
1806–1810	12281	–	155,6	163,9	162,9	0,15
1811–1815	3417	–	157,8	164,6	163,5	0,20
1816–1820	3682	–	155,6	165,6	165,0	0,20
1821–1825	4984	–	155,6	165,0	163,9	0,20
1826–1830	6418	–	155,6	164,7	164,0	0,15
1831–1835	7238	–	155,6	164,5	164,2	0,15
1836–1840	5871	–	155,6	164,6	164,7	0,15
1841–1845	9885	–	155,6	165,1	164,8	0,15
1846–1850	15600	–	155,6	165,4	164,9	0,05
1851–1855	15808	519535	153,4	165,8	165,2	0,02
1856–1860	11346	1069756	153,4	164,6	164,1	0,02
1861–1865	12996	1090178	153,4	164,4	163,9	0,02
1866–1870	2327	1247094	153,4	165,1	164,7	0,02
1871–1875	1729	1332388	153,4	166,5	166,4	0,01
1876–1880	1612	1444557	153,4	167,0	166,9	0,01
1881–1885	1198	1920601	153,4	167,4	167,3	0,01
1886–1890	982	2163123	153,4	167,6	167,6	0,01
1891–1895	2897	850701	153,4	165,3	166,4	0,01
1896–1900	1069	830	153,4	165,7	166,9	0,31
1901–1905	387	12549	–	166,8	166,8***	0,15
1906–1910	533	10511	–	168,0	168,0***	0,15

* Оценка среднего роста методом максимального правдоподобия по уравнению регрессии. Референтной группой являются неграмотные крестьяне в возрасте старше 23 лет, проживающие в деревне, родившиеся в 1801–1805 гг.

** Стандартная ошибка среднего роста мужчин референтной группы.

*** Выборочные средние по индивидуальным и суммарным данным.

Источник: Миронов Б. Н. Жизненный уровень населения России в XIX – начале XX в. // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 2. 2009. Вып 1. Ч. 1. С. 86.

Миронов так комментирует эту таблицу: «Как видно из приведенных данных, до середины XIX в. действовала начавшаяся в 1796–1800 гг. повышательная тенденция: средний рост мужского населения увеличивался почти непрерывно... Затем наступил 10-летний период понижения длины тела, 1856–1865 гг., в течение которого рост уменьшился на 1,3 см. Во второй половине 1860-х гг. гг. пришел длительный период увеличения роста, который продолжался до Первой мировой войны. Лишь дважды, в 1891–1895 гг. (в связи с неурожаем 1891–1892 гг.) и в 1901–1905 гг. (в связи с Русско-японской войной и Первой русской революцией) длина тела уменьшалась. За 50 лет, 1866–1915 г., рост увеличился на 4,5 см — с 164,5 до 169 см, а по сравнению с концом XVIII в. — на 8,8 см. Таким образом, в 1796–1915 гг. наблюдалось систематическое повышение роста, благодаря чему рост мужчин, рожденных в 1911–1915 гг., был на 4,2 см выше, чем у рожденных в начале XVIII в., другими словами, кризис XVIII в. был преодолен и достигнут значительный прогресс. Однако только после вступления России в эпоху рыночной экономики после Великих реформ произошел прорыв в уровне биостатуса и благосостояния»[56].

Весьма значимым является вывод Б. Н. Миронова о том, что «у различных социальных групп изменение биостатуса проходило синхронно, хотя и с разной интенсивностью», что «к началу XX в. биостатус в большей степени увеличился у непривилегированных групп — крестьян (на 8,6 см) и мещан — на 7,6 см и в меньшей степени у привилегированных — военных, дворян, чиновников, разночинцев и духовенства — на 3,6–3,9 см. Вследствие этого биостатусы у различных социальных групп нивелировались», что «сведения о весе подтверждают наблюдения, сделанные по данным о росте. Для XIX – начала XX вв. характерна позитивная динамика веса, прерванная в 1851–1870 гг. и возобновленная с 1870-х гг.»[57].

Обоснованными и весьма важными представляются и следующие итоговые заключения автора: «Весь XIX и начало XX в. в России отмечены позитивной в целом динамикой биостатуса населения и, значит, уровня жизни. Она объяснялась рядом факторов: (1) увеличением душевого производства основных продуктов питания как до, так и особенно после Великих реформ; (2) ростом доходности крестьянского хозяйства от промыслов и земледелия, особенно в пореформенное время; (3) уменьшением реальной тяжести налогов и повинностей, особенно существенным после Великих реформ; заслуживает внимания, что в России норма обложения была весьма умеренной – ниже, чем в большинстве развитых стран; (4) повышением хлебных цен в условиях стабильности денежного обращения начиная с 1815 г.; (5) огромным положительным экономическим эффектом от смещения центра населения на Юг благодаря более мягкому климату и высокому плодородию почвы, экономии на одежде, жилище и питании, прекращению набегов крымских татар, которые вплоть до конца XVIII в. захватывали в плен тысячи российских подданных и продавали их в рабство; (6) экономической политикой правительства, которая способствовала не только интенсивному экономическому развитию России, но и повышению уровня жизни...

Сведения о биостатусе, поддержанные данными о питании, сельскохозяйственном производстве, доходах и платежах, смертности и здоровье позволяют полагать, что в пореформенное время уровень жизни понижался только в четырех пятилетиях: 1856–

1865, 1891–1895, 1901–1905 гг., а в восьми — повышался. Понижение в 1856–1865 гг. было связано с Крымской войной 1853–1855 гг., породившей острый финансовый и экономический кризис и принесшей большие человеческие жертвы. Кризис, вызванный Крымской войной, плавно перешел в социально-экономическую перестройку российского общества, особенно интенсивно проходившую во время Великих реформ 1860–1870-х гг., но начавшуюся, по крайней мере, за 5 лет до объявления манифеста об освобождении помещичьих крестьян. Перестройка благополучно завершилась в основных чертах в 1870-х гг., и уже в 1880-е гг. жизненный уровень населения превысил дореформенный уровень. Позитивная тенденция действовала до Первой мировой войны, дважды прерываясь — в 1891–1895 гг. по причине неурожая 1891–1895 гг. и в 1901–1905 гг. в связи с русско-японской войной и революцией 1905–1907 гг.

Подчеркнем, что только после вступления России в эпоху рыночной экономики после Великих реформ произошел прорыв в уровне биостатуса и благосостояния. Повышение уровня жизни по времени совпало с мировым аграрным кризисом 1870–1880-х гг., который особенно сильно затронул Россию в 1880-е гг. Возможно, аграрный кризис послужил фактором, затормозившим, но не прекратившим восстановление биостатуса.

Международное сравнение биостатуса показывает, что Россия развивалась вполне согласованно с другими европейскими странами. В конце XIX в. россияне по этому показателю находились посередине среди различных народов мира, а среди европейских народов были несколько выше поляков, итальянцев, испанцев, португальцев, венгров и французов, всем же остальным европейцам и народам других развитых стран, за исключением японцев, русские (так же, как белорусы и украинцы) уступали. Наиболее высоким ростом отличались представители северно-европейских народов, а также канадцы и американцы, которые были выше русских примерно на 7 см. Рейтинг России по биостатусу населения в XIX – начале XX в. остался примерно на прежнем уровне, так как во всех развитых странах биостатус также повысился»[58].

Итак, исследования Б. Н.Миронова также доказывают неосновательность тезиса о постоянно недоедающей, и тем более «голодающей» российской деревне конца XIX – начала XX в. Выше было показано, что источники, на которых основываются подобные суждения, большей частью не репрезентативны. Нельзя признать состоятельной и методику обработки данных, по крайней мере, в ряде случаев.

К этому нужно добавить следующее соображение. Редкая работа, посвященная жизни пореформенной деревни, обходится без сопоставления сведений о душевом потреблении хлебов в разных странах. Россия в этих таблицах стабильно занимает последние места, а ее показатели на первый взгляд являются красноречивым укором «ненавистному политическому строю», цитируя Н. П. Макарова.

Однако у меня эти цифры не вызывают доверия, поскольку, когда производятся подобные подсчеты, принципиально важно, **какую** источниковую базу использует автор.

То, что сказано в настоящей монографии относительно недостоверности отечественной урожайной статистики, означает, в частности, что большинство широко распространенных цифровых выкладок душевого потребления хлеба в России, фигурирующих в нашей историографии, **неверны**.

И, кстати, совершенно неизвестно, задумывались ли авторы, приводящие в своих работах данные о душевом потреблении хлеба, о проблеме сопоставимости этих сведений, о том, одинаковой ли была методика подобных подсчетов в разных странах, или же они попросту некритически заимствовали материалы из соответствующей литературы.

Сопоставимость расчетов как бы подразумевается сама собой, но так ли это на деле? Для автора этих строк, во всяком случае, после проведенного исследования очевидно, что данный сюжет требует обстоятельного изучения. О том же говорит и разнообразие мнений о нормах потребления (а также о размерах минимального прожиточного надела), содержащиеся в новейшей работе В. Г. Тюкавкина. В частности, он приводит данные А. А. Кауфмана «о реальном личном потреблении хлеба на питание в начале XX в., которое составляло: в США — 7,2 пуда, в Англии — 9,4; во Франции — 12,3; в Германии — 14,2 и в России — 12 пудов на человека в год»[59].

Нормы эти, по крайней мере, для России достаточно реальны, если исходить из того, что согласно Временным правилам 1900 г., вступившим в силу 1 января 1901 г., размер продовольственной ссуды не должен превышать 1 пуда зерна в месяц на взрослого человека и полупуда — на детей в возрасте до 5 лет[60].

Развивая данную тему, следует иметь в виду, что в стране к началу XX в. существовала исторически сложившаяся региональная структура потребления хлебов и картофеля, которая, несмотря на понятные изменения, в некоторых своих чертах сохранилась до наших дней.

На картах и в таблице 3.51 представлены данные о среднегодовом душевом потреблении некоторых хлебов в 1909–1913 гг., которые содержатся в издании «Производство, перевозки и потребление хлебов». Они дают богатую пищу для размышлений.

Существование указанной структуры особенно наглядно демонстрируют карты.

Как можно видеть, в 14-ти из 50-ти губерний Европейской России, практически образующих единый массив, протянувшийся с запада на восток, на душу населения приходилось в год от 1,3 до 1,73 пуда пшеницы. Эти губернии идут почти сплошной полосой от Виленской и Минской на западе до Симбирской на востоке и Вятской на северо-востоке. Сюда относятся Виленская, все Белорусские, кроме Витебской (с потреблением 2,01 пуда), Псковская, Черниговская, Калужская, губернии ЦЧР (кроме Курской и Воронежской), Пензенская и Симбирская, а также Вятская. Еще 9 губерний имеют показатели от 2 до 2,8 пуда: Ковенская и Гродненская из Литовских, Витебская, Курская, Тверская, Новгородская, Вологодская, Олонецкая, Казанская.

Объединяет перечисленные 23 губернии, среди прочего, тот факт, что из них лишь Тверская, да и то с оговорками, относится к числу промышленных. Есть и другие составляющие «общего знаменателя», однако сейчас обратим внимание на это.

От 3 до 5 пудов пшеницы в год составляло душевое потребление в Прибалтийских, Архангельской, Костромской, Владимирской, Нижегородской, Уфимской, Волынской, Воронежской. Три первых — губернии с высокоразвитым сельским хозяйством, самым передовым в России по целому ряду показателей, и вместе с тем приморские. Это объединяет их с Архангельской. Из оставшихся 6-ти губерний три первых — промышленные, а три последних — северно-черноземные.

От 5 до 7 пудов пшеницы на душу населения приходилось в среднем в год в столичных, Ярославской, Саратовской, Самарской и Киевской губерниях, то есть «городских» (с большим городским населением) и промышленных, а также северно-черноземных. К их числу я отношу Полтавскую и Подольскую с потреблением от 7,4 до 8,01 пудов.

В остальных губерниях потребление колеблется от 9,2 до 13,3 пудов. Это все Новороссийские, Харьковская, Астраханская, Пермская и Оренбургская, т. е. в большинстве своем южно-черноземные губернии, которые давали основную массу пшеницы, производимой в 50-ти губерниях. Нетрудно видеть, что разрыв между губерниями высшей и низшей категорий потребления огромен. А ведь это ситуация, зафиксированная в предвоенное пятилетие, т. е. после немалого роста внутреннего потребления пшеницы, к тому же и в удачный по объемам урожаев период. Однако не будем торопиться с выводами.

Обратимся теперь к карте, где показано среднегодовое душевое потребление картофеля в те же годы. Она дает картину, почти зеркальную только что описанной.

Европейскую Россию с севера и востока полукругом окружает сплошной пояс из 10-ти губерний с потреблением картофеля менее 5 пудов на душу населения — все Северные, Приуральские, Нижегородская, Нижневолжские, кроме (?) Саратовской с показателем 4,99; к их числу относятся также Екатеринославская и Бессарабская.

В 12-ти губерниях этот показатель колебался от 5 до 9,99 пудов. Это Новороссийские губернии, кроме указанных выше, Юго-Западные, кроме Волынской, Харьковская, Саратовская, Симбирская, обе столичных, Тверская и Новгородская.

Как нетрудно заметить, сравнивая обе карты, в большинстве случаев низкий уровень потребления пшеницы, соответствует высокому душевому потреблению картофеля.

Это лучше всего заметно на Белорусских, Литовских, Прибалтийских и большей части губерний ЦЧР. Например, в Черниговской среднегодовое потребление пшеницы в 1909–1913 гг. составляло 1,3 пуда, а картофеля — 21,5 пуда, в Могилевской 1,6 и 25 пудов соответственно, в Минской 1,6 и 31,4 пуда и т. д. В то же время в Екатеринославской на 1 человека приходилось в год в среднем 12,4 пуда пшеницы, но лишь 3,4 пуда картофеля, в Бессарабской — 10,13 и 2,89 пуда, Оренбургской — 13,27 и 3,4 пуда соответственно и т. д.

Рассмотрим теперь потребление ржи. Как можно видеть, внутри массива с показателями выше 150 кг — две столичные губернии имеют идентичные показатели — 136 кг (8,32 и 8,33 пуда), что подтверждает мысль Б. Д.Бруцкуса о снижении потребления ржи в северных губерниях Европейской России, преимущественно с развитым городским населением.

Свыше 150 кг ржи в год потреблялось в 31-й губернии Европейской России, преимущественно нечерноземных, образующих сплошной массив (исключая Московскую). При этом в 21-й из них потребление пшеницы составляло менее 3 пуд. на душу населения, а более высокие показатели потребления пшеницы фиксируются у остальных 10-ти губерний — губерний ЦПР, Прибалтийских, а также Воронежской и Саратовской. То есть, области наибольшего потребления ржи — это одновременно и области наименьшего потребления пшеницы.

Таблица 3.51. Среднегодовое душевое потребление хлебов и картофеля

Губернии	Пшеница	Рожь	Ячмень	Сумма пищ. глав. хлебов	Второ-степенные хлеба	Все пищевые хлеба	Картофель	Овес
Архангельская	3,48	6,73	4,18	14,39	0,78	15,17	2,75	2,75
Астраханская	10,55	2,76	0,25	13,56	0,6	14,16	1,32	0
Бессарабская	10,13	2,9	5,37	18,4	12,68	31,08	2,89	1,76
Виленская	1,49	11,44	2,55	15,48	1,28	16,76	23,82	5,09
Витебская	2,01	10,13	2,86	15	0,78	15,78	14,4	4,63
Владимирская	4,07	12,23	0,28	16,58	1,96	18,54	15,46	6,98
Вологодская	2,66	8,56	2,79	14,01	0,46	14,47	4,1	6,48
Волынская	4,14	8,95	2,41	15,5	2,78	18,28	17,74	6,43
Воронежская	4,67	11,29	2,9	18,86	3,04	21,9	11,6	4,81
Вятская	1,5	14,83	2,52	18,85	0,61	19,46	3,67	11,63
Гродненская	2,21	10,43	1,37	14,01	1,22	15,23	24,95	5,02
Донская	12,6	4,48	8,17	25,25	1,6	26,85	5,9	3,81
Екатеринослав.	12,38	2,2	11,65	26,23	3,12	29,35	7	2,35
Казанская	2,6	12,79	0,92	16,31	1,57	17,88	3,3	5,85
Калужская	1,74	11,41	1,38	14,53	1,66	16,19	14,01	5,54
Киевская	5,74	7,94	2,43	16,11	3,63	19,74	7,61	6,05
Ковенская	2,59	12,71	4,38	19,68	0,98	20,66	19,77	7,03
Костромская	2,96	12,79	1,93	17,68	0,76	18,44	11,37	7,94
Курляндская	4,19	12,04	5,42	21,65	0,73	22,38	23,65	10,4
Курская	2,88	14,22	0,82	17,92	3,07	20,99	14,69	6,96
Лифляндская	3,05	9,39	5,7	18,14	0,56	18,7	20,18	8,12
Минская	1,6	10,09	1,76	13,45	1,54	14,99	31,44	4,84
Могилевская	1,6	10,48	1,5	13,58	1,35	14,93	24,99	4,46
Московская	5,19	8,32	0,56	14,07	1,59	15,66	8,74	7,81
Нижегородская	4,61	13,19	0,26	18,06	2,8	20,86	10,47	6,49
Новгородская	2,3	10,81	0,97	14,08	0,94	15,02	8,89	7
Олонецкая	2,49	11,36	1,95	15,8	0,84	16,64	4,8	6,5
Оренбургская	13,27	2,23	0,68	16,18	0,16	16,34	3,43	6,35
Орловская	1,6	13,62	0,21	15,43	2,33	17,76	19,69	5,59
Пензенская	1,48	18,56	0,03	20,07	3,66	23,73	20,97	7,85
Пермская	10,51	8,79	2,58	21,88	0,69	22,57	2,6	11,67
Подольская	8,01	6,64	3,66	18,31	5,61	23,92	7,37	5,49
Полтавская	7,41	8,63	5,55	21,59	2,42	24,01	12,15	4,04
Псковская	1,68	12,64	2,36	16,68	0,81	17,49	12,5	5,09
Рязанская	1,45	12,01	0,02	13,48	2,76	16,24	17,29	4,21
Самарская	6,83	7,57	1,29	15,69	1,52	17,21	4,01	3,5
Петербургская	5,68	8,33	0,82	14,83	0,55	15,38	6,42	8,81

Губернии	Пшеница	Рожь	Ячмень	Сумма пищ. глав. хлебов	Второ-степенные хлеба	Все пищевые хлеба	Картофель	Овес
Саратовская	6,01	9,56	0,58	16,15	2,04	18,19	4,99	4,31
Симбирская	1,36	16,26	0,11	17,73	1,16	18,89	9	6,13
Смоленская	1,73	13,22	1,25	16,2	1,04	17,24	15,56	6,6
Таврическая	9,23	2,37	9,54	21,14	2,55	23,69	3,44	3,55
Тамбовская	1,5	13,59	0,03	15,12	3,92	19,04	16,95	5,8
Тверская	2,81	9,87	0,24	13,92	1,09	15,01	9,58	5,82
Тульская	1,74	14,09	1,11	15,94	2,36	18,3	26,11	4,47
Уфимская	4,64	8,56	0,11	13,31	2,72	16,03	3,7	6,18
Харьковская	9,38	7,82	7,85	25,05	2,17	27,22	9,28	3,96
Херсонская	10,61	3,06	2,75	16,42	3,02	19,44	5	3,17
Черниговская	1,33	9,94	0,95	12,22	2,86	15,08	21,47	2,85
Эстляндская	4,08	9,83	7,36	21,27	1,99	23,26	49,15	5,75
Ярославская	5,12	11,48	0,7	17,3	0,18	17,48	18,41	6,33

Источник: Производство, перевозки и потребление хлебов в России за 1909–1913 гг. Ч. 1–2.

Едва ли к этим данным требуется подробный комментарий. Замечу при этом, что, хотя проблема в целом пока далека от решения, но уже и теперь вполне очевидна несостоятельность «валового», «среднестатитического» подхода к ней.

Анализ региональной структуры потребления пищевых продуктов–источников углеводов невозможен без привлечения данных о так называемых второстепенных хлебах. Так, в Казанской, Самарской и Уфимской губерниях потребление картофеля было низким (соответственно 3,3; 4,01; 3,7 пуда на человека). Весьма вероятно, что в определенной степени это могло компенсироваться тем, что в этих трех губерниях выращивалось полбы больше, чем во всей остальной Империи. То же, несомненно, касается проса и пшена, гречки и гороха, кукурузы и чечевицы, существование которых традиционная историография попросту игнорирует. А между тем, как следует из таблицы 3.51, в ряде губерний они играли важную роль в рационе. Эти обстоятельства, в частности, необходимо иметь в виду, рассуждая о такой сложной и деликатной материи, как потребление хлебных продуктов.

Кстати, в современной поваренной книге говорится, что в 100 граммах картофеля содержится 20 граммов углеводов, а в ржаном хлебе 42–45, пшеничном — 43–50[61]. То есть, пищевая ценность картофеля вовсе не 3:1, как принято считать в отечественной историографии, а 2–2,5 : 1. А это дает существенную разницу в сравнении с принятыми в традиционной историографии подсчетами. Пример этот важен, поскольку не всем известно, что наука о питании за 100 последних лет не стояла на месте.

Направление эволюции потребления зерновых хлебов в России и факторы, влияющие на нее, были в России теми же, что и во многих странах Европы.

Повсюду основной является та культура, которая оптимально соответствует природным условиям, а значит, обходится дешевле. С этим, в частности, связано преоб-

ладание ржи в Нечерноземье и в северно-черноземных губерниях. Население степного Юга России (как и Южной Европы) питалось пшеничным хлебом. Хлеб дополнялся кашами и крупами из пшеницы, ячменя, гречихи, проса, кукурузы, а также бобовыми, прежде всего горохом.

Рост благосостояния населения приводит к постепенной замене ржаного хлеба пшеничным. Англия, в которой рожь когда-то была основным хлебом, в рассматриваемый период питалась уже исключительно пшеничным хлебом. В Германии доля пшеницы в рационе быстро росла, хотя ржаной хлеб еще преобладал[62]. Ф. Бродель говорит о том, что во Франции «господство» белого хлеба «устанавливалось **медленно,** и окончательно он восторжествовал **не раньше конца XIX века.** До тех пор он оставался роскошью, недоступной городской бедноте, а для деревенских жителей зачастую и вовсе невиданной»[63].

В данной монографии показано, что аналогичные тенденции активно развивались и в России, притом не только в губерниях со значительным городским населением или с развитой промышленностью, но и в нечерноземной полосе в целом — транспортная статистика фиксирует постепенное снижение товарного значения ржи в начале XX в. и параллельный рост внутреннего рынка для пшеницы.

Суммируем вышесказанное. Подходы дореволюционных народнических публицистов и некоторых ученых-аграрников к проблемам питания российского крестьянства, некритически воспринятые советской историографией, не могут быть признаны основательными как в силу нерепрезентативности источниковой базы, на которой основываются их выводы, так и ввиду частого несоответствия этих построений реальным фактам. Слишком большую роль в их исследованиях играли соображения «политики».

О голоде, «голодном экспорте» и продовольственной помощи

Продолжим наш анализ и попытаемся выяснить, что подразумевалось под «голодом» вообще и «голодным экспортом», в частности, в конце XIX – начале XX вв. Ведь существовавшая идеологизированная трактовка, какой бы она ни была пристрастной, все же не могла возникнуть в совершенном событийном вакууме.

Полагаю, существенную помощь в изучении и понимании этих сюжетов может оказать история продовольственной помощи в пореформенной России.

Надо заметить, что традиционная интерпретация проблемы потребления российской деревни в отечественной историографии попросту игнорирует наличие в стране **продовольственной системы,** гарантирующей нормальное питание населения в голодные годы. Игнорирует, надо думать, для удобства — в идее «голодного экспорта», заботе правительства о предотвращении голодовок, места, разумеется, нет.

Любой, кто не знаком профессионально с рассматриваемой проблематикой, но со школы знает о «голодном экспорте», совершенно естественно полагает, что «антинародное» царское правительство выкачивало из деревни хлеб, обрекая на голодовки миллионы крестьян, и никаким образом не заботилось о борьбе со **стихийными** бедствиями в виде постоянных неурожаев. Между тем все обстояло совершенно не так.

Впрочем, в некотором смысле чрезвычайно характерно, что о народных страданиях в пореформенной России так или иначе слышали все (или почти все), в то время как

факт существования в стране продовольственной организации, которая оказывала помощь голодающим, как и то обстоятельство, что правительство тратило значительную часть государственного бюджета на эти цели, известны сравнительно немногим.

Напомню вкратце основные моменты истории отечественной продовольственной помощи, опираясь на цитированную уже капитальную монографию А. С. Ермолова «Наши неурожаи и продовольственный вопрос». Она основана на официальных источниках, круг которых тем шире, что при написании работы Ермолов использовал свое положение министра. Ее материалы легко поддаются проверке другими источниками официального происхождения (см.ниже). Мое изложение не претендует на полноту — желающие легко могут восполнить пробелы, обратившись к тексту А. С.

В основных своих компонентах развитие продовольственной помощи зародилось до 1861 г.

После отмены крепостного права с введением уставных грамот помещики перестали отвечать за обеспечение крестьян продовольствием в случае нужды. Крестьяне стали платить сборы на продовольствие, запасные сельские магазины стали собственностью крестьянских обществ, ссуды стали назначать крестьянские сходы, надзор за сохранностью магазинов и правильным распоряжением запасами хлеба был возложен на сельского старосту и волостного старшину.

Закон 24 декабря 1862 г. возложил контроль за исправным содержанием хлебных магазинов на уездных предводителей дворянства. Хлеб для посева должны были получать **действительно** нуждающиеся в нем крестьяне и в количестве, нужном именно для обсеменения **его** земли. Равным образом хлеб на продовольствие выдавался лишь тем, кому это было **реально** необходимо, а дележка запасов между всеми крестьянами категорически запрещалась. Мирские сходы должны были составлять особые приговоры о выдаче хлеба с указанием конкретных лиц и количества выданного хлеба. Весьма важно, что по закону хлеб должны был быть возвращен после первого урожая; отсрочка до следующего года допускалась как **исключение**.

Если запасов продовольствия не хватало, то по приговору сельского общества, который через волостные правления доводился предводителями до Комиссии народного продовольствия, можно было выдать пособие из продовольственного капитала.

Ссуды взыскивались с тех, кому были выданы и лишь при полной их финансовой несостоятельности она возмещалась обществом. Процентов по продовольственным ссудам впредь не насчитывалось, проценты же еще не уплаченные должникам разрешалось не платить. Аналогичные правила были установлены и в отношении государственных и бывших удельных крестьян.

После введения в 1864 г. земских учреждений правительство передало им непосредственное руководство делом продовольственной помощи народу при неурожаях. Они должны были контролировать правильность хранения и расходования общественных хлебных запасов. Из сборов на продовольствие были созданы, во-первых, губернские продовольственные капиталы, которыми распоряжались земства, а во-вторых, образованный в 1866 г. «общий по Империи продовольственный капитал», находившийся в ведении Министра внутренних дел. Правительство оставило за собой общий надзор за деятельностью земств и право содействия им в случае необходимости[64].

Итак, с середины 1860-х гг. народное продовольствие обеспечивалось тремя источниками: «а) хлебные запасы и заменяющие их общественные и сословные продовольственные капиталы, предназначенные для пособий при местном неурожае в отдельных селениях и волостях; б) губернские продовольственные капиталы, из коих производятся ссуды населению, при неурожае по всей губернии или в большей ее части, и в) общий по Империи продовольственный капитал для пособий в тех чрезвычайных случаях, когда местных, общественных и губернских средств окажется недостаточно на удовлетворение всех потребностей по продовольствию населения и обсеменению полей»[65].

Период 1864–1900 гг., когда продовольственное дело находилось в руках земств, делится на две неравные во всех смыслах части голодом 1891 г.

Для 1864–1890 гг. весьма характерны следующие конкретные ситуации.

Так, в 1867 г., когда неурожай постиг 15 губерний, в основном северной и западной частей страны, в наиболее пострадавших — Смоленской и Архангельской — где налицо были все признаки голода, реакция власти была четкой. За счет правительства был закуплен и отправлен туда хлеб для продажи населению по уменьшенной цене, по ходатайству Смоленского земства с весны 1868 г. начались земляные работы по строительству полотна Московско-Смоленской железной дороги на казенный счет, причем Александр II лично одобрил эту идею. Губернии потребовалась помощь и в 1868 г., строительство продолжилось на деньги казны, с тем чтобы дать населению возможность заработать.

Важно отметить, что имевшие место ходатайства об отпуске населению продовольственных ссуд или пособий были отклонены на том разумном основании, что «**такие выдачи, приучая народ рассчитывать на пособия от правительства и отвлекая его от изыскания собственных средств к прокормлению, препятствуют развитию в народе собственной деятельности и обременяют население** огромными долгами», которые оно затем часто вернуть не может и которые по безнадежности списываются. А вот хлеб, купленный и перевезенный за счет правительства, передавался в распоряжение местного земства для раздачи нуждающимся при условии взыскания с них части заготовительной цены и с зачислением остальной суммы долгов на два или на три года в зависимости от платежеспособности должников.

Для жителей Архангельской губернии казна закупила и привезла хлеб. Он продавался населению за цену, меньшую заготовительной, причем недополученная разница ложилась долгом на сельские общества. И здесь Власть ясно декларировала, что «**принятие на себя правительством дарового прокормления населения или хотя(бы) части его есть дело опасное и крайне вредное по своим последствиям и по своему деморализующему влиянию на население, вследствие чего оно естественно становится нерадивее к труду, энергия его к собственной деятельности и к усилению оной, в крайних случаях, до предела возможного, не поддерживаемая уже суровой необходимостью, начинает ослабевать** и число нуждающихся в правительственной помощи с каждым годом увеличивается». Эта помощь сначала оказывается немногим, но число их растет, и становится обременительной для казны, «а между тем народ, отвыкший от труда и предавшийся праздности, вместе с тем становится более склонным к беспорядкам и может требованиями своими, превы-

шающими средства правительства, поставить его в самое затруднительное положение, для выхода из которого сначала потребуются меры крутые, а потом необыкновенные в течение многих лет усилия для постепенного обращения населения на прежний путь труда и собственной о себе заботливости»[66].

В остальных губерниях ситуация была проще, и там были лишь отпущены небольшие средства на подкрепление местных капиталов, отсрочено взыскание казенных сборов, недоимок и т. п.

На 1871–1874 гг. приходится полоса неурожаев в Самарской губернии, из которых самым тяжелым стал 1873 г.

В поисках прямых и косвенных причин трехлетнего недорода кряду, специальная комиссия, созданная губернским земским собранием, пришла к заключению, что «ненормальность экономического положения Самарской губернии обусловливается всем существующим строем крестьянского хозяйства, сложившимся под влиянием исторических причин и местных экономических особенностей южной степной и малонаселенной части губернии и, в числе других обстоятельств, способствовавших обеднению крестьян». Комиссия особо отметила, что подати выросли до размера, превышающего платежеспособность большинства населения, и что круговая порука имеет своим прямым следствием «необеспеченность права собственности, представляющего первое условие экономического развития».

Взгляд же самарского губернатора одновременно было и шире, и конкретнее. Он также считал главными причинами повторяющихся неурожаев и бедственного положения деревни «всеобщий ненормальный строй и упадок крестьянского хозяйства», но при этом указывал на рост пьянства среди сельских жителей и на недостаточное внимание местного земства к продовольственной проблеме, которое выразилось, в частности, «в совершенном отсутствии вследствие того хлебных запасов».

Так сложилось, что самарские крестьяне не привыкли делать никаких запасов хлеба, за исключением лишь необходимых для еды до следующего урожая и обсеменения полей. Поэтому запасы продовольствия, играющие всегда и везде главную роль во время неурожая, для Самарской губернии имеют особое значение из-за указанной особенности строя местного крестьянского хозяйства.

Земство, однако, не заботилось о пополнении хлебных запасов в урожайные годы, например, в 1868 г., когда урожай достиг 200 (!!!) пудов пшеницы с десятины. Уже тогда, говорит губернатор, значительная часть запасов продовольствия была разобрана крестьянами, и хлебные магазины были пусты. **Между тем «часть урожая пшеницы, более 100 пудов с десятины, осталась у крестьян на полях неубранной и хлеб сгнил на корню, брошенный крестьянами ради больших денежных заработков при сборке с чужих полей, за которую в тот год посевщики платили по 25 руб. с десятины**».

Земские управы разрешали выдачу хлебных ссуд по представлениям и сведениям волостных правлений, не проверяя эту информацию и не сообразуясь ни с величиной урожая, ни с реальными нуждами и потребностями. Аналогичным же, совершенно формальным образом действовала и губернская земская управа, разрешая ссуды и вовсе не заботясь о своевременном их возврате. Некоторые уездные земские управы не знали

не только объема наличных запасов, но даже и числа хлебных магазинов(!). При этом земство широко разрешало замену хлебных запасов деньгами, с распродажей или разбором крестьянами хлеба из магазина.

В результате этих действий земства хлебных продовольственных запасов не было, а население оказалось беспомощным перед бедствиями неурожая.

Губернатор был категорически против выдачи населению продовольственных ссуд, «ссылаясь на то, что уже выданные ранее пособия не вполне достигли цели, **возбуждая в сельском населении преувеличенные надежды на постороннюю помощь и тем самым отнимая у него побуждения к личному труду**»[67].

Губернатор хотел дать крестьянам возможность заработать лично, и потому ходатайствовал о скорейшем строительстве Самаро-Оренбургской железной дороги и об открытии общественных работ по ирригации полей и лесонасаждению на казенных степных участках.

Правительство выделило для нужд губернии свыше 1 млн.руб. на четко определенных основаниях. Ссуда выдавалась хлебом, а не деньгами, и не всем крестьянам поголовно, а только наиболее нуждающимся. Семенные ссуды должны были возвращаться из следующего урожая, а продовольственные рассрочивались на три года и без процентов. Одновременно было приостановлено взыскание казенных сборов и недоимок, разрешена выдача бесплатных паспортов для крестьян, уходящих на заработки, и пр. (эти меры использовались и в дальнейшем). Кстати, именно тогда впервые в продовольственной кампании участвовало Общество Красного Креста, именовавшееся в то время «Обществом попечения о раненых и больных воинах»[68].

Таким образом, здесь мы видим совершенно определенный взгляд Власти на проблему, становящуюся уже хронической. При этом правительство неоднократно подчеркивало, что ответственность за выделяемую им продовольственную помощь остается на земствах.

В 1880-х гг. правительство продолжало организовывать общественные работы в пострадавших от неурожаев губерниях, в ходе которых строились железные дороги, водохранилища, выкапывались обширные пруды в засушливых районах и др. С 1880–1881 г. население пострадавших губерний было поставлено в известность, что продовольственные пособия будут предоставляться только таким семьям, которые не имеют работников и не могут поэтому зарабатывать на жизнь собственным трудом. Любое уклонение от общественных работ, не только идущих за счет казны, но и от местных, менее масштабных работ — являлось основанием для отказа в продовольственном пособии[69].

Как можно видеть, в это время Власть занимала весьма определенную позицию в отношении продовольственной помощи населению, и ей нельзя отказать ни в государственной мудрости, ни в понимании человеческой природы. В 1864–1890 гг. продовольственный устав, с некоторыми дополнениями действовал в полном своем объеме, без принципиальных отступлений от его духа.

Комитет Министров и другие правительственные органы много лет словом и делом убеждали население в том, что Власть «в годину неурожая оказывает ему временную помощь, но не иначе, как в виде ссуды, которую ему, во всяком случае, придется потом возместить.

Всякая идея безвозвратных пособий, даровой кормежки, самым энергическим образом отвергалась — население получало ссуды под ответственностью земств, которым было предоставлено их распределение среди нуждающихся,— и фактически их возвращало. Воспособления, делавшиеся общему по Империи продовольственному капиталу из сумм государственного казначейства, также последнему возмещались; возмещались этому капиталу и суммы, которые из него отпускались на подкрепление капиталов губернских, которые, в свою очередь, по мере израсходования их на удовлетворение продовольственных нужд сельских обывателей, возмещались им этими последними. Также пополнялись по мере израсходования и сельские общественные капиталы.

Таким образом, за весь этот период продовольственный фонд во всех его видах был в действительности фондом оборотным, и правительство, приходя в тяжелые годы на помощь пострадавшему населению, оказывало ему такую помощь только заимообразно, отнюдь не принимая на себя даже и в эти годы дарового его прокормления.

То начало, что ресурсы государственного казначейства, пополняемые за счет всего русского населения, не могут служить для содержания одной его части на средства, собираемые с другой, стояло твердо, а потому твердо стояла и вся основанная на этом начале продовольственная система»[70].

Черту под сравнительно благоприятным 25-летним периодом руководства земствами продовольственным делом в России подвел страшный по тем временам голод 1891 г., последствия которого сказывались еще долго.

Что же произошло?

В общих чертах, по Ермолову, ситуация выглядела так. «Зловещие признаки грядущего бедствия» фиксировались с июня 1890 г. (засуха в ряде губерний) и затем развивались по нарастающей вплоть до мая 1891 г., когда во многих губерниях начался настоящий природный катаклизм — после засухи и холодов снова наступила жара, и суховеи «уносили из почвы последние остатки влаги, и подсушивали, зажаривали на корню чахлую и без того растительность»[71]. «С весны» низкие до того цены хлеба начали быстро расти и появился спрос на экспортный хлеб.

Министр финансов Вышнеградский не обращал внимания на явные признаки наступающего неурожая и на предупреждение Ермолова о нем, которое, надо думать, не было единственным. Более того, он инспирировал появление в прессе статей, призывавших сельских хозяев «возможно скорее воспользоваться поднявшимися ценами на хлеб и усилившимся на него заграничным спросом, чтобы выгодно реализовать накопившиеся у них за прежние годы запасы, — советовалось вывозить за границу как можно больше хлеба для улучшения нашего торгового баланса... А между тем тот же Вышнеградский спустя два месяца вынужден был запретить вывоз хлеба из России, не думая уже более ни о поддержании торгового баланса, ни о курсах, — и, быть может, от этого запрета Россия еще более пострадала, нежели потерпела бы от последствий неурожая, если бы для борьбы с ним были своевременно приняты меры, если бы заботились не о том, чтобы, стоя у преддверья голодного года, как можно больше выпустить хлеба за границу, а, напротив, запасти его возможно раньше и больше для нужд нашего собственного населения. А после нам уже и от американцев пришлось с благодарностью принимать присланные ими на пароходах грузы пожертвованного в пользу наших голодающих хлеба»[72].

Между тем едва ли запрет в конечном счете вывоза всех хлебов, сопровождавшийся тогда же «потрясением всей хлебной торговли и еще пагубнее отразившийся на ней впоследствии, оказал сколько-нибудь позитивное воздействие на хлебные цены. Они продолжали неуклонно расти вплоть до весны 1892 года, когда началось довольно быстрое их падение, притом, что до нового урожая было еще далеко»[73].

Сейчас нас не интересует, действительно ли министр финансов Вышнеградский был настолько некомпетентен, как это описывает Ермолов. Понятно, что все было сложнее, хотя часть правды (по меньшей мере) в этом описании определенно присутствует.

Куда важнее, что именно этот год позволил раскрыться термину «голодный экспорт» во всей красе.

Психологический фон, на котором это произошло, совершенно понятен. Хотя неурожаи в России не были редкостью и до 1891 г., но, видимо, именно ситуация этого года в общественном сознании стала восприниматься в качестве константы. Несложно представить, **как** реагировало в конкретных условиях 1891 г. на экспорт хлеба «передовое» общественное мнение, которое и без этого было готово приписать Власти все мыслимые и немыслимые грехи...

Так что отчасти идея о «голодном экспорте» была естественной эмоциональной реакцией людей, как бы не равнодушных к судьбам своей страны и ее жителей, но в то же время упорно не желающих понимать, почему на самой плодородной в Европе почве собирают самые низкие урожаи, а отчасти же — пропагандистским — и чрезвычайно удачным — ходом оппозиции.

Отныне и до конца времен экспорт хлеба из России мог быть только «голодным» и никаким иным.

Однако комплекс вопросов, связанных с бедствиями 1891 г., этим не исчерпывается.

Голод, как и всякий катаклизм, обнажил болевые точки Системы.

Была ли возможность избежать бедствий, помимо принятия своевременных мер правительством? Была.

На 1 января 1891 г. сумма продовольственного капитала в Европейской России обеспечивалась наличным денежным фондом в 48,6 млн.руб., считая капиталы общеимперский, губернские и общественные. При этом в долгах за населением числилось 29,7 млн. руб., а общий оборотный денежный продовольственный фонд составлял сумму в 78,3 млн. руб.

Однако продовольственные средства страны этой огромной суммой далеко не исчерпывались, поскольку к ним нужно было добавить еще натуральные хлебные запасы. Согласно ведомостям, их наличный объем составлял по 49-ти губерниям Европейской России» 94,4 млн. пуд. хлеба, в том числе 71,6 млн. пуд. озимого и 22,8 млн. пуд. ярового. В долгах же за населением числилось 125,4 млн. пуд. хлеба (озимого 96,5 млн. пуд. и ярового 28,9 млн. пуд.)[74].

«Таким образом, — резюмирует А. С.Ермолов, — «весь оборотный фонд натуральных запасов выражался в колоссальной цифре 219796,207 пудов хлеба, озимого и ярового вместе. Казалось бы, что с таким денежным и натуральным запасом продовольственные нужды населения могли почитаться обеспеченными, но не то было в действительности и не то оказалось на деле в злополучном 1891 году»[75].

Приведенные данные Ермолов почерпнул из ведомостей, представленных в то время МВД Комитету министров. И согласно другому, также «отчасти официальному источнику (Сборник правил по обеспечению народного продовольствия, вып. 1, Г. Савича. СПб, 1892), когда настал бедственный год, оказалось, что во всех пострадавших от неурожая губерниях состояние хлебных запасов в общественных магазинах было в высшей степени неисправное. Общий размер этих запасов не составлял в сложности и 25% нормального, требуемого по закону количества, а в некоторых губерниях, как, например, в Казанской, Рязанской, Самарской, Уфимской, оказалось налицо не свыше 15%, в Тульской — даже всего 5%. Благодаря этому, **когда нагрянула беда, потребного для населения хлеба, на который по закону, прежде всего, следовало рассчитывать, на месте в магазинах не оказалось и пришлось немедленно приступить к спешной закупке его у торговцев, не замедливших этим воспользоваться, чтобы неимоверно поднять цены.** На покупку хлеба, потребного для обеспечения населения, и были правительством представлены в распоряжение земств широкие средства, но они использовали их далеко не успешно, чем и вызвали впоследствии нарекания на всю деятельность земских учреждений по продовольственной части и привели к тому, что впоследствии они были от этого дела почти совсем устранены.

По расчетам ЦСК, в пострадавших от неурожая губерниях должно было находиться в наличности у владельцев-некрестьян до 115 млн. пуд. хлеба, и этого количества было бы достаточно, чтобы прокормить местное население до нового урожая, а потому местным деятелям необходимо было, прежде всего, обратиться к этим запасам, которые были бы у них под рукою, дома. Между тем, они этого не сделали, или, вернее, далеко не в полной мере исчерпали местные запасы, и вскоре началась та хлебная вакханалия, которая характеризует собою продовольственную кампанию 1891–1892 годов»[76].

Однако когда возникла необходимость перевозок огромных объемов зерна на большие расстояния (например, с Кавказа в Уфимскую губернию) выяснилось, что железные дороги не в состоянии справиться с их быстрой единовременной транспортировкой. Это сильно затормозило ход дел и привело к еще большей панике[77].

При этом в то самое время, когда разные губернии закупали хлеб в других, часто отдаленных районах, эти же самые губернии продавали свой собственный хлеб в соседние и более дальние губернии. Известно немало удивительных на первый взгляд данных, «свидетельствующих о том невероятном сумбуре, который господствовал тогда в деле заготовки и перевозки хлеба и за который должно было бы поплатиться население, если бы все издержанные на продовольствие его суммы были бы с него впоследствии взысканы, как следовало по закону»[78].

Но сейчас важно не столько то, что дело велось плохо. Некомпетентность властей всех уровней очевидна, однако ясно, что если бы магазины были «в порядке», если бы имелось то количество хлеба, которое **должно было быть в них по закону**, то ужасов голода 1891 г. удалось бы избежать или во всяком случае сильно их уменьшить.

Следовательно, голод возник не от одного только бездумного форсирования экспорта хлеба, что не снимает вины с Вышнеградского, однако, видимо, поворачивает проблему несколько в иную плоскость, уменьшая степень авантюризма. Как министр

финансов он не мог не знать величины положенного по закону продовольственного капитала и объема необходимых натуральных запасов, и, естественно, должен был на них рассчитывать, лоббируя усиление вывоза. Если, конечно, все же не исходить из идеи, что он хотел уморить русский народ голодом.

Бедствие в разной степени затронуло 27 губерний, и А. С. Ермолов оценивает сумму казенных ассигнований на помощь населению, которую ему удалось подсчитать, в 172 млн. руб. Для сведения — в 1887 г. расходы Империи на оборону составили 251,8 млн. руб. (211,8 млн. руб. пришлось на военное министерство и почти 40 млн руб. — на морское)[79].

Голод 1891 г. показал, что земства оказались не готовы к выполнению своих функций в незнакомых еще масштабах. Не на высоте положения оказалось и правительство, о чем А. С. Ермолов пишет так: «Вся правительственная и финансовая политика того времени, заключавшаяся сперва в замалчивании факта неурожая, а затем в воспрещении вывоза хлеба, вызвавшем панику на рынке, и в усиленной, но запоздалой и очень плохо организованной закупке хлеба чуть не с аукциона представителями земств разных губернии, и привоз его издалека вместо использования местных запасов, в продовольственную кампанию 1891–1892 гг. всего более повредили делу и заставили казну израсходовать на эту операцию, вероятно, несколько десятков миллионов рублей лишних»[80].

Впрочем, подобная неподготовленность, точнее, некомпетентность властных структур в дни природных катаклизмов — не редкость даже и для XXI века.

Важно отметить, что в отношении расходования хлеба и распределения его между нуждающимися кампания 1891–1892 гг. продолжала линию предыдущих десятилетий.

Вот что говорит об этом Ермолов: «Составление списков действительно нуждающихся, которые только и имели право на хлебную ссуду, делалось очень внимательно, списки тщательно проверялись, — незадолго до того назначенные земские начальники отнеслись к делу очень строго, прибегая и к таким мерам, как повальные обыски крестьянских изб и амбаров, причем нередко в разных подпольях, клунях и закутах обнаруживали запрятанными целые сотни пудов хлеба.

Такие утаившие свой хлеб крестьяне, хотя и показанные в составленных сельскими обществами списках нуждающимися, немилосердно из них исключались: исключались и заведомые богатеи, кулаки, которых иногда крестьяне включали в списки из страха перед ними; исключались также и те, относительно которых было известно, что они свой собственный хлеб, **в расчете на ссуду, впервые тогда, получившую название „царского пайка“, продали на сторону,** свезли на базар; исключались все те, кто имел обеспеченные заработки на стороне, кто находился в отсутствии в городах, в дальних губерниях и т. п.

Тем не менее, попытки включения в списки не одних действительно нуждающихся, имели в то время больше основания, нежели впоследствии, так как ссуды раздавались тогда на началах круговой поруки, — „коли я за бедняков отвечать должен“, говорили более обеспеченные крестьяне, „так давай мою долю и мне, дели способие поровну на всех”.

Был у крестьян, до сих пор сохранившийся, и другой взгляд на дело, тоже не лишенный некоторой основательности: „что за порядок давать способие только нищим да

беднякам; может, иной только от того и нищ, что лентяй, пьяница, работать не хочет; а я исправный хозяин, от неурожая больше его пострадал; кто ленив с сохой, тому всегда год плохой (народная поговорка), а коли меня не поддержать, так я через год таким же нищим стану, все хозяйство мое порушится".

Однако все эти доводы не помогали, таких домовитых, исправных хозяев из списков тоже исключали»[81].

Для понимания многого из того, что случится в стране в последующую четверть века, и, в частности, специфики формирования иждивенческой психологии крестьянства в конце XIX – начале XX вв., о которой так много пишут *не*народнические дореволюционные авторы, крайне важно следующее.

Несмотря на стремление властей соблюдать определенные принципы (правила) в продовольственной помощи, «весть о „способии", о „царском пайке", широкой волной разлилась по всему пространству пострадавших губерний, и **внушила населению глубоко в него внедрившуюся мысль о том, что оно имеет право на пособие, что правительство обязано его кормить, и притом кормить всех крестьян без разбора.** На каждое исключение кого бы то ни было из списков нуждающихся крестьяне стали смотреть уже как на притеснение, на злоупотребление.

Более того, во многих местах распространилось убеждение, что Царь прислал денег на помощь всем, поровну, а если кому не дают, то это значит чиновники, либо помещики часть царских денег утаили, себе присвоили.

Бывали случаи самых назойливых, иногда даже нахальных, со всевозможными угрозами, требований от лиц, заведовавших раздачей хлебных ссуд и даже оказывавших населению благотворительную помощь на частные, иногда на собственные, средства, чтобы они всем давали хлеб, пайки, чтобы они и в столовых кормили всех»[82].

Голод всколыхнул российское общество. Во главе участковых и приходских попечительств, которые густой сетью покрыли пострадавшие уезды стояли помещики, управляющие имениями, священники и «разные другие добровольцы. Они же принимали широкое участие в благотворительной помощи населению». Ермолов пишет: «Народная нужда нашла себе таким образом широкий отклик среди всех классов населения России, без различия национальности, вероисповедания, местожительства. Все шли на встречу этой нужде и помогали, жертвовали, кто сколько и чем мог...»

Это был порыв, охвативший все русское общество, который несомненно помог населению пережить тяжелую годину.

Вот что, между прочим, говорится об этом в отчете Особого Комитета: «Не одними денежными жертвами оказывали помощь нуждающимся. Многие лица посвятили все свое время и труд для лучшей организации этой помощи и много положили любви и заботы на дело благотворения. Повсюду проявлялась прекрасная и самоотверженная деятельность этих добровольных благотворителей. Люди различных положений и состояний с замечательным единодушием стремились оказать помощь нуждающимся. Воодушевленные самым искренним стремлением помочь нужде, жертвуя для этого материальными средствами и личным трудом, частные благотворители умели применять виды и способы вспомоществования к наиболее ощутительным в каждой местности потребностям»[83].

«Особенно поместное дворянство оказалось на высоте своего положения. Многие из помещиков, не живущих постоянно в своих имениях, вернулись туда для организации у себя благотворительной помощи. Благотворительность эта, широко действовавшая, не смотря на тяжелые условия, в которых находилось большинство помещичьих хозяйств, обнаружила тесную «связь, существующую между поместным дворянством и крестьянами, и **нет сомнения**, что крестьяне на многие годы сохранят благодарное воспоминание о тех лицах, которые жертвовали средствами и трудом для облегчения их положения».

Ермолов говорит, что «как очевидец и до некоторой степени участник благотворительной помощи населению в 1891–1892 гг.» он может подтвердить «полную справедливость этих строк... И, тем не менее, последствия не оправдали тех надежд, которые здесь высказаны, на закрепление в будущем моральной связи между крестьянами и приходившими им на помощь высшими классами населения.

Скорее наоборот. Многих из бескорыстных и самоотверженных деятелей того времени постигло горькое разочарование, благодаря упомянутому выше отношению крестьян к оказываемой им помощи и к тем лицам, которые ее оказывали, иногда на свой личный счет, без всякого пособия со стороны.

Крестьяне в бескорыстие их не только не верили, а, напротив, подозревали их в том, что присланные им якобы от Царя деньги они утаивали, обращали в свою пользу.

Хотя эти лица действовали, конечно, не в расчете на благодарность крестьян, такое к ним отношение охладило их пыл и в последующее годы этот подъем духа, этот широкий размах частной благотворительности никогда уже в таких размерах, как после неурожая 1891 года, более не повторились»[84].

Что здесь сказать?

Заметим только, что это своего рода **настоящее** «хождение в народ», имевшее куда больше моральных оснований, чем затеи народников в 1870-е гг., показало — хотя и несколько иначе — масштабы непонимания между крестьянством и остальными классами общества, показало, как велика пропасть между ними, как будто живущими в разные века.

Голод был тяжелым испытанием для страны. Трудным было и положение, в котором оказалась Власть. Она вступила на путь, который укладывался в привычную патерналистскую схему ее отношений с подданными — начала облегчать условия возврата продовольственных ссуд.

Высочайшее повеление 23 июля 1892 г. установило, что продовольственные ссуды, выданные по случаю неурожая 1891 года, крестьяне могут возвращать, по своему желанию, либо деньгами, соответственно заготовительной цене хлеба, или натурой из расчета пуда за пуд полученного хлеба. В числе прочего, это означало, что за полученный правительством с населения натурой хлеб из общей суммы земских продовольственных долгов казне списывалась сумма, равная стоимости полученного хлеба, **но по той цене, в какую он обошелся земству**.

Через год, 20 июня 1893 г., вышел Высочайший Указ, согласно которому для дальнейшего облегчения уплаты продовольственных ссуд, выданных в предшествующие

годы, эти ссуды взыскивались не по заготовительным ценам на хлеб, а сообразно к средним ценам на рожь и овес за последнее десятилетие.

Не вдаваясь в детали этих законодательных актов (важные сами по себе), отмечу, что на их основании было тогда же списано с населения до 52 млн. руб. лежавших на нем долгов[85].

14 Ноября 1894 г. Высочайшим Манифестом, изданном по случаю свадьбы Николая II, с населения было сложено еще около 50 млн.руб. продовольственных долгов[86].

Все это радикально изменило ситуацию с продовольственной помощью.

А. С. Ермолов: «Эти меры, благодетельные по своим намерениям, так как ими имелось в виду снять с населения лежавшие на нем тяготы, освободив его от обязанности возврата долгов, зачисленных за ним в бедственные годины неурожаев, **внушили, однако, крестьянам ту пагубную мысль, что продовольственная помощь, оказывается им безвозвратно, что продовольственных ссуд с них обратно взыскивать не будут. Нужно ли говорить о гибельных последствиях этого воззрения, глубоко теперь укоренившегося в народ**»[87].

И вновь в официальном Отчете Управления сельской продовольственной частью МВД за 1912 г. мы встречаем прямое совпадение с текстом Ермолова: «Все Всемилостивейше дарованные льготы по возврату ссуд, благодетельные по своим намерениям. так как ими имелось в виду снять с населения лежавшие на нем тяготы, освободив его от обязанности возврата долгов, зачисленных за ним в бедственный годины неурожаев, внушили, однако, крестьянам ту пагубную мысль, что продовольственная помощь оказывается им безвозвратно и что продовольственной ссуды с них обратно взыскивать не будут... Население все более и более приучалось смотреть на предъявляемые к нему местными крестьянскими учреждениями требования об уплате продовольственных долгов, как на исполнение пустой формальности, а на полученные им ссуды, как на безвозвратное пособие — **„Царский паек“**»[88].

Под знаком изменившейся политики Власти прошли 1891–1900 гг. Продовольственное дело формально еще оставалось в ведении земств, однако фактически руководство им все больше уходило к правительственным органам — центральным и местным.

Сложение долгов не отменяло и других мер, облегчавших положение нуждающихся, таких, как закупки правительством лошадей для крестьян (однажды — без малого 70 тысяч), неоднократное разрешение Министерством земледелия и государственных имуществ крестьянам пасти скот в казенных лесах, косить сено, а также допущение к заготовке веток лиственных пород на корм скоту, к сбору мха, хвои и листьев на подстилку скоту и к добыче песку, камня и гальки на казенных землях, за соответствующий отработок, и многое другое[89].

За 1891–1900 гг. из средств Государственного Казначейства и из общеимперского продовольственного капитала на поддержку населения в годы неурожаев, на поддержание крестьянского скотоводства и на организацию общественных работ было отпущено 230 млн. руб. (не считая 1,6 млн. руб. Лесного ведомства), т. е. в среднем за год — более 23 млн. руб.[90]

Из этих почти 232 млн. руб. порядка 90% — 211 млн. руб. — подлежали возврату (ссуды продовольственные и семенные, на прокорм скота, на покупку лошадей и пр.).

Меньшая часть, израсходованная на общественные работы и другие надобности, затрачивалась безвозвратно.

На деле же население вернуло лишь около 19 млн. руб., а большая часть долгов была аннулирована Всемилостивейшими манифестами, Именными указами и Высочайшими повелениями. Из одних только ссуд по неурожаю 1891–1892 гг. сложено было, как говорилось уже, свыше 100 млн. рублей. Остальное составляли расходы безвозвратные, долги губернским капиталам, долги за отпущенных лошадей и пр., также в основном позже сложенные[91].

Напомню, что бюджет страны в эти годы составлял порядка 1440 млн. руб.[92] Понятно, каким тяжелым бременем ложились на Казначейство продовольственные расходы.

Это стало одним из поводов к реформе 1900 г., которая передала продовольственное дело в руки административных учреждений[93].

Как кажется, обзор продовольственной помощи в 1900-х гг. целесообразно предварить следующей информацией, которая содержится в учебнике Истории России, выпущенном МГПУ, и которая позволит лучше представить финансовый масштаб обсуждаемых проблем.

«По сведениям фабрично-заводской инспекции средняя по России зарплата за год составляла: в 1900 г. — 194 руб., в 1908 г. — 245, в 1913 г. — 263 руб. У металлистов, металлургов она доходила в 1913 г. до 500 (на Путиловском заводе — 610, у металлистов Петербурга — 546 руб.). Самые низкие зарплаты были у текстильщиков — 215 и у пищевиков — 240 руб. Таким образом, средние месячные зарплаты колебались в 1913 г. от 18 (у ткачей) до 50 руб. (у металлистов). Начинающие рабочие получали ниже средней зарплаты, квалифицированные — выше.

У рабочих, не относящихся к фабрично-заводской инспекции, заработки в 1913 г. были следующие: чернорабочие — 30 руб. в месяц, строители (столяры, штукатуры, слесари и др.) — 56, монтеры — 70–80, машинисты на железной дороге — 80–100 руб. В среднем с 1908 г. по 1913 г. зарплаты рабочих по стране поднялись на 7,5 %, а индекс всех розничных цен — на 5,3 %, т. е. росла и реальная зарплата. Доплаты к зарплате увеличивали ее примерно на 10–60 %.

...Представление об уровне жизни населения не может быть полным без указания цен на продукты, услуги и основные предметы потребления.

Среднегодовые цены в 1913 г. в Москве (кстати, в провинции, особенно в сельской местности и на Юге, продукты стоили дешевле, в Петербурге — чуть дороже), по данным статистических справочников, были следующими (в коп. за 1 кг):

Хлеб черный	— 5	Вино (1 л)	— 40
Хлеб белый	— 12	Ситец (1м)	— 18
Мука ржаная	— 6	Сукно (1 м)	— 2,8 руб
Мука пшеничная	— 7	Ботинки женские	— 4 руб
Картофель	— 2	Полуботинки мужские	— 3 руб
Говядина выс. сорта	— 50	Сапоги	— 7 руб.
Молоко (1 л)	— 8	Полушубок	— 15 руб
Колбаса вареная	— 35	Билет в Большой театр	— 32 коп.
Колбаса копченая	— 75	Билет в кино	— 18–20

Чай (фунт)	— 150	Визит к врачу	— 20
Масло растит. (1 л)	— 32	Водка(1 л)	— 30
Масло сливочное	— 70–90		
Крупа гречневая	— 9		

Плата за обучение ребенка в школе — 2 руб. в мес.
Сервиз фаянсовый на 12 человек — 10 руб.

На питание тратилось в среднем, по материалам бюджетных обследований, у низкооплачиваемых одиноких мужчин 46 % заработка, у среднеоплачиваемых — 33 %, у семейных — 57 и 45 % соответственно. Более половины питалось дома, это считалось дешевле и вкуснее. Преобладала пища хлебно-овощная (щи, каша, хлеб, картошка, капуста). В рацион входили мясо, жиры, рыба, сахар. Фрукты почти отсутствовали, молочные продукты покупались главным образом семейными, имеющими детей.

Второе место занимали расходы на квартиру, отопление и освещение. Можно было снять по сравнительно дешевым ценам: «угол» (1 руб. в месяц в 1913 г. в Москве, в центре — дороже), комнату (от 3 руб. и выше; в центре с прислугой — 11 руб.), снять или купить квартиру (квартплата в среднем 20 коп. за 1 м кв.) или дом.

Приведенные цены и зарплаты показывают, что в среднем рабочие могли неплохо питаться и найти жилье, но в то же время малооплачиваемые жили в плохих условиях в казармах, на мелких предприятиях часто ночевали в рабочих помещениях, а их питание, по отзывам санитарных врачей, было недостаточным. Водку пили почти все рабочие, но среднее потребление (5 л чистого алкоголя в год на душу населения) было не выше, чем в других странах»[94].

О крестьянских заработках мы получим представление ниже.

Полезно также знать, что построенный в США знаменитый крейсер «Варяг» обошелся России в 4 млн. 233 тыс. руб. или 2 млн. 138 тыс. долларов[95].

В 1901 г. произошел новый неурожай, потребовавший новых значительных расходов. Ситуация в сельском хозяйстве страны оставалась такой, что несмотря на то, что 1902–1904 гг. были вполне благоприятными, каждый год происходили очередные «инъекции» из Государственного Казначейства на подкрепление общеимперского продовольственного капитала, и из этого капитала на помощь отдельным губерниям[96].

Долг населения по продовольственным ссудам на начало 1901 г. составлял 52,7 млн. руб., а вернуло оно к 1905 г. лишь 771 тыс. руб. Между тем за те же годы во исполнение различных актов о предоставлении населению облегчений по взысканию с него продовольственных ссуд, списано со счетов долгов продовольственному капиталу 24,9 млн. руб.

И все же, несмотря на это, к 1 января 1905 г. долги снова возросли до 127,6 млн. руб., т. е. увеличились за 4 года на 74,9 млн. руб.[97]

25 июня 1904 г. вышло Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров о порядке взыскания продовольственных долгов по ссудам, выданным до 1 января 1901 г., продолжавшее «облегчительную» тенденцию прежних лет.

11 августа 1904 г. последовал Высочайший манифест, изданный по случаю крещения Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича, содержавший новые и воистину царские милости подданным.

В частности, со всех вообще крестьян манифест слагал недоимки по выкупным, земским и другим сборам, накопившимся на день его издания. Очень серьезное облегчение — даже в сравнении с предыдущими актами — вновь получили крестьяне, пострадавшие в прежние годы от неурожаев[98].

Высочайший Указ Правительствующему Сенату от 5 апреля 1905 г., изданный во исполнение положений Манифеста 11 августа, продолжил ту же линию, т. е. был направлен, как и предыдущие, на облегчение бремени продовольственных долгов, лежащих на населении.

Из наиболее значительных милостей следует, как кажется, отметить следующие. Из общей суммы продовольственных долгов, которые лежали за населением **всем** продовольственным капиталам по ссудам, выданным в неурожай 1891–1892 гг., и за время 1894–1904 гг. (от свадьбы Николая II по день рождения наследника Алексея Николаевича), повелевалось сложить в Казанской, Нижегородской, Новгородской, Псковской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Уфимской губерниях и в Терской области две трети, а в прочих губерниях половину всех долгов. Сложение решено было производить для всех должников, без различия их состоятельности. Кроме того, полностью освобождались от продовольственных долгов те семьи, члены которых были призваны из запаса в действующую армию и во флот во время войны с Японией.

Общая сумма указанных долгов составляла тогда 116,7 млн. руб. Согласно положениям Указа должно было быть сложено порядка 72,9 млн. руб., после чего общее количество долгов, остававшихся за населением и подлежавших взысканию, определялось в сумме 47,7 млн. руб.

На деле сложено было гораздо больше. Согласно отчету ведомства Государственного Контроля за 1905 г. было исключено со счетов общеимперского продовольственного капитала долгов казне 90,7 млн. руб. В долгах же населения этому капиталу осталось на 1 января 1906 г. 46,9 млн. руб.

Население тогда было должно общественным капиталам 9,4 млн. руб. деньгами и хлебозапасным магазинам натурой 45 млн. пуд. озимого и 22 млн. пуд. ярового хлеба. Эти долги не были сложены и подлежали взысканию полностью. Однако дальнейшие положения того же Указа серьезно смягчали режим взыскания этой задолженности.

Последним пунктом Указа 5 апреля 1905 г. списывался долг общеимперского продовольственного капитала Государственному Казначейству в размере 75,1 млн. руб.[99]

Повторю, что данное изложение истории продовольственной помощи не претендует на полноту в том смысле, что не охватывает всех многообразных форм помощи государства населению — желающие легко могут восполнить пробелы, обратившись к работе А. С. Ермолова, а также официальным документам МВД.

Начиная с 1905 года, Россия вступила в новую полосу неурожаев. В этом году неурожай охватил свыше 40% всех пахотных земель, на которых возделывались продовольственные хлеба.

На ход кампании не могла не оказать влияния начавшаяся революция, в ходе которой выпукло проявились все те тенденции, которые в основном были скрыты в предшествовавшие годы, хотя об их существовании было известно. И поэтому представляет интерес описание Ермоловым особых условий 1905–1906 г., хорошо иллюстрирующих

умонастроения народных масс. Экспрессивный текст А. С. позволяет взглянуть на революцию в не совсем привычном ракурсе.

Реальные размеры неурожая оказались куда значительнее предварительных расчетов — в сравнении с 1904 г. недобор зерновых хлебов и картофеля составил почти 20%, и еще больше — ржи. Организовывать продовольственную помощь «к несчастью... пришлось при самых неблагоприятных условиях. Начало продовольственной кампании 1905–1906 гг. совпало с общею железнодорожною стачкою, вызвавшею почти полное прекращение движения на продолжительное время, — и с охватившим многие области революционным движением, сопровождавшимся разгромом многих помещичьих имений, с обширными иногда запасами хлеба в них, а также, во многих случаях, с самовольным разбором крестьянами хлеба из сельских хлебозапасных магазинов.

Это было страшное время, когда, казалось, перестали действовать в Российской Империи всякие законы, в том числе и продовольственные, **и во многих губерниях административные органы, земские начальники и сельские власти не были в состоянии противодействовать беспорядкам, а иногда оказывались настолько терроризованными населением, что не оказывали никакого сопротивления своеволию толпы; часто такое сопротивление было даже и невозможно.**

Я лично знаю случаи, когда квартиру земского начальника осаждала тысячная толпа, требовавшая немедленного разрешения на поголовный разбор всеми крестьянами данного селения хлеба из запасных магазинов и утверждения списков, в которые были внесены все, и нуждающееся, и богачи, списков, заверенных терроризованными же сельскими властями. И приходилось такие списки земскому начальнику утверждать. Я знаю случаи, когда земским начальникам приходилось скрываться, бежать от разъяренной толпы, едва спасаясь от смерти.

Некоторые из них тут же подавали губернаторам прошения об увольнении их от службы, не решаясь вернуться в свои участки. В некоторых случаях крестьяне угрожали даже разгромом съездов; если их требования не будут удовлетворены, что, однако, сколько мне известно, нигде не было осуществлено, хотя несомненно, что и съезды в то время были объяты паникою и проявили, как будет указано ниже, чрезмерную уступчивость.

Вот, например, как характеризуется создавшееся тогда положение в одном из имеющихся в моем распоряжении документов.

«При раздаче семенных ссуд в самом начале кампании 1905–1906 г., в одном селении часть крестьян, не получивших ссуды вследствие возможности для них обойтись без посторонней помощи, не только сами бурно выражали свой протест на это, но действовали возбуждающим образом и на толпу, обещая задушить волостного старшину, которого считали виновником „урезки“ ссуды.

Этот случай явился результатом распространившегося среди крестьян слуха о том, что хлеб раздается даровой. В то же время все местные власти, с губернатором во главе, атаковывались прошениями и жалобами со стороны лиц, либо совсем исключенных из списков, либо получивших ссуду в уменьшенном размере. Некоторые из этих просителей основывали свое право получить ссуду, между прочим, на том, что они „такие же подданные Государя“, как и их односельчане, получившее ссуду.

Противостоять такому напору крестьянских требований местные власти в большинстве случаев не могли, а когда на них поддавался один земский начальник — допустим, более слабый, — крестьяне видели в этом подтверждение своих прав, и другие были нередко вынуждены делать то же, что, конечно, еще более убеждало крестьян в правоте своих домогательств.

Об обязательстве в будущем возврата полученных ссуд никто из них и не помышлял, так как бывшие примеры сложения таких ссуд внедрили в них глубокое убеждение, что продовольственная помощь оказывается им совершенно безвозмездно, что хлеб отпускается не в ссуду, а безвозвратно, что уплаты зачисленных за ними долгов не потребуют и недоимки по ним рано или поздно сложат, простят, как выражаются крестьяне.

Само собой разумеется, что при такой уверенности крестьянам представлялось прямым расчетом требовать себе ссуду, без всякого намерения расплачиваться за нее в будущем, так как они неоднократно видели, что при огульном сложении продовольственных недоимок в накладе оставались только те исправные и добросовестные крестьяне, которые либо не взяли ссуды, либо ее своевременно возвращали, тогда как остальные, упорно уклонявшиеся от возврата ссуд, в конце концов, при их сложении, от того только выигрывали.

Чем дальше, тем становилось хуже. С одной стороны уже со второй половины сентября и в начале октября наступила если не голодовка, то, во всяком случае, сильная нужда, и в то же время самый контингент нуждающихся постепенно увеличивался притоком рабочих с забастовавших или закрытых заводов и фабрик.

Этот элемент перенес из центров в деревню крайне беспокойное настроение, ближайшими результатами которого собственно в продовольственном отношении явилась безграничная требовательность, с угрозой насилий не только по отношение к ближайшим сельским властям, но и к высшим.

С другой стороны, представлялась полная невозможность не только накормить население, так как в первую железнодорожную забастовку устроители ее не пропускали и продовольственных грузов, но даже хотя бы показать населению, что не во власти работников продовольственного дела доставить ему нужный хлеб.

Еще более ухудшилось дело тем обстоятельством, что с прекращением железнодорожного движения прекратилось и почтовое сообщение, а между тем именно в это время сношения прикосновенных к продовольственной кампании учреждений и лиц с высшими властями и между собою достигали наибольшего развития; сношения эти стали делаться или по телеграфу, пока он действовал, или нарочными.

Наступивший после первой железнодорожной забастовки период дал возможность доставить первые партии хлеба, но кормить им пришлось уже не одних только действительно нуждавшихся, а почти все крестьянское население сплошь. Настроение масс со второй половины октября значительно ухудшилось и в ноябре достигло кульминации, когда разнузданность уже не знала пределов; к этому периоду относились разгромы имений, насилия над сельскими властями и земскими начальниками; просить перестали — стали требовать.

В ноябре почтово-телеграфная забастовка внесла еще большую путаницу в продовольственное дело; на станцию приходил груз, дубликаты странствовали неизвестно

где, так что выкупить вагоны было нельзя, а, следовательно, и использовать прибывший хлеб было крайне трудно. Съезды, до забастовки отправившее в Губернские Присутствия дела о ссудах и списки нуждающихся, требовали возврата дел, так как без них нельзя было выдавать хлеб, а списков этих, случалось, и в Присутствия совсем еще не поступало, с чем, конечно, ни малейшим образом не желали считаться нуждающиеся в ссудах, вследствие чего при первых выдачах не могло быть установлено никакого однообразного порядка.

С прекращением почтово-телеграфной забастовки явилась было надежда привести в порядок то, что было упущено, но с 8 декабря снова началась забастовка железных дорог, и хотя на этот раз продовольственный хлеб и лиц, прикосновенных к продовольственному делу, по распоряжению стачечного комитета, перевозили, но почтовое сообщение опять прервалось почти до самого Рождества.

Следует отметить еще одно явление, в сильнейшей степени затруднившее продовольственное дело: железные дороги крайне тормозили погрузку хлеба, и редкий день проходил без жалобы поставщиков на задержку в подаче вагонов.

При данных условиях в деле наступила большая путаница и допускались всевозможные отступления от закона. Так, в некоторых местах стали раздавать хлеб до проверки списков нуждающихся, даже до представления установленных законом приговоров сельских обществ; были случаи выдачи ссуд не хлебом, а деньгами, хлеб выдавался иногда задним числом, т. е. с зачетом его за прежние месяцы, так что хлеб, розданный, положим, в ноябре, зачислялся за истекший уже октябрь и т. п.

Бывали случаи, когда крестьяне от приема хлеба по проверенным и утвержденным спискам категорически отказывались, требуя выдачи всем поголовно и не желая примириться не только с исключением из списков кого бы то ни было, но и вообще с каким бы то ни было делением их на нуждающихся и ненуждающихся.

Нежелание крестьян получать ссуды по утвержденным спискам было настолько сильно, что в некоторых селениях, не взирая на действительную нужду, они сложили доставленный продовольственный хлеб в магазины и заявили, что до тех пор не будут брать его, пока не последует разрешения произвести раздачу его по числу всех едоков.

В других случаях крестьяне требовали ссуду не хлебом, а деньгами. И, как я уже говорил, местные власти были настолько терроризированы, настолько бессильны противостоять самым беззаконным домогательствам крестьян, что большею частью все подобные требования выполнялись. Даже там, где хлебные ссуды раздавались якобы по утвержденным спискам, это часто было только на бумаге, на деле же крестьяне применяли свои способы разверстки ссуды по домохозяевам или по душам.

Местами было даже допущено составление новых приговоров и новых списков, с включением в них всех наличных, а иногда даже и заведомо отсутствовавших едоков. Сперва предполагалось при такой поголовной раздаче не выходить из прежде исчисленной продовольственной потребности, по числу нуждающихся, но так как при этом пайки продовольственного хлеба на каждого едока не могли не уменьшиться, то этого было достаточно, чтобы среди крестьян возникли новые сильные волнения.

Само собой разумеется, что удовлетворение таких требований потребовало новых значительных ассигнований, почти вдвое превзошедших первоначальные расчеты, но

зато крестьяне добились своего, раздача хлеба была произведена всем поголовно, и тем, кто нуждался, и тем, кто никакой нужды не терпел, а затем, по примеру соседей, весьма для них соблазнительному, ссуды были потребованы и стали выдаваться в таких обществах и районах, где совершенно можно было обойтись без правительственной помощи.

Едва ли сколько-нибудь строго соблюдалось и единственное поставленное при удовлетворении домогательств крестьян условие, чтобы ссуды выдавались хотя всем поровну, но по числу наличных едоков, за исключением отсутствовавших, ушедших на заработки.

По крайней мере, в газетах сообщались случаи, когда разные петербургские дворники, швейцары и даже министерские курьеры получали из деревень, откуда они были родом и где числились в составе сельских обществ, свою причитавшуюся им по общей душевой раскладке долю продовольственного пайка, превращенную в деньги, или даже прямо выданную деньгами, так как раздача продовольственных ссуд не натурою, а деньгами, стала в некоторых уездах довольно широко практиковаться.

Мне известен и такой случай, когда в семью одного богатого крестьянина, ведущего обширную торговлю яйцами с Англиею, отпускался хлеб и на долю двух таких «едоков», его сыновей, которые постоянно проживали в Лондоне в качестве агентов отца по яичной торговле. И на каждого из них выдавалось по пуду в месяц, которые исправно получал за них их богач-отец.

Могут сказать, что это случай исключительный, злоупотребление, недосмотр чинов, заведовавших раздачей хлеба, но, во-первых, из вышеизложенного видно, при каких условиях производилась раздача хлеба, а, во-вторых, этот хотя бы единичный случай характерен потому, что он свидетельствует о том, какая глубокая разница существует теперь между взглядом крестьян на продовольственную помощь и теми началами, из которых исходит в этом деле правительство и которые положены в основу всей нашей продовольственной системы, согласно которым на правительственную ссуду могут иметь право только одни неимущие.

В числе же „неимущих“, воспользовавшихся в описываемое время ссудою, мне известны и крестьяне, у которых есть несколько десятков тысяч капитала, и другие, числящиеся в составе сельского общества, но владеющие ста–полутораста десятинами собственной земли...

И в то самое время, когда таким образом применялась на деле продовольственная помощь пострадавшим от неурожая крестьянам, на станциях железных дорог, в пунктах получения и раздачи продовольственного, а также и семенного хлеба, в особенности там, где он пришел и раздавался уже после окончания посева, — создавались целые базары, полученный хлеб иногда тут же продавался разным скупщикам, а рядом — в винных лавках и шинках шла усиленная торговля водкой, и десятки подвод поздно вечером возвращались домой порожними — без хлеба, но с распевавшими песни или мертвецки пьяными, приехавшими за казенным «способием», домохозяевами, привозившими иногда домой, чтобы и своих домашних угостить, вместо хлеба — бутылки водки...

Это были печальные, но, к сожалению, очень обычные картины, производившие самое тяжелое впечатление на тех, кто был их свидетелем»[100].

Конечно, не во время революций проявляются лучшие качества человеческой натуры, почему и печальные картины становятся «к сожалению, очень обычными». Данный текст почти не нуждается в комментариях; нельзя не заметить, что общинное начало проявилось тут во всей красе — и со стороны крайне неприглядной.

Понятно, что в таких условиях реальные расходы казны на продовольственную помощь значительно превысили первоначальные предположения и составили 77,6 млн. руб., из которых почти 30% пришлось на Саратовскую и Тульскую губернии, получивших более 10 млн. руб., а всего 23,2 млн. руб., а еще 47% поглотили губернии Рязанская, Воронежская, Тамбовская, Орловская, Самарская, Пензенская, Херсонская, получившие от 7,6 до 3,3 млн. руб., а в сумме — 36,4 млн. руб.

Всего было закуплено и роздано в ссуду более 75 млн. пуд. семян и продовольственного хлеба[101].

Не касаясь подробностей этой кампании, замечу, что в ней впервые участвовала Общеземская организация, созданная во время войны с Японией и ставившая своей задачей помощь раненым и больным воинам, что выразилось, в частности, в создании земских врачебных отрядов на Дальнем Востоке.

Она располагала в продовольственную кампанию 1905–1906 г. 3,1 млн. руб. (из них около 2,6 млн. руб., или 82,6% были пособиями от МВД). Свыше ¾ этой суммы было затрачено на продовольствие населения, т. е. содержание столовых и детских ясель, раздачу пайков натурой, денежные пособия на продовольствие, врачебно-питательные пункты и др. «Продовольственной помощью в этих формах пользовалось 1591879 едоков-месяцев»*. В частности, в 15-ти губерниях были открыты 3624 столовые, из которых за время работы было отпущено свыше 22,5 млн. порций**, причем средняя стоимость порции равнялась 3,5 коп.

Организация выдала почти 21,5 млн. дневных продовольственных пайков, что равносильно 714,4 тыс.едокам в месяц[102].

Насколько это было возможно, развернулась деятельность других общественных и правительственных организаций, в том числе Попечительства о трудовой помощи.

В 1906 г. страну поразил новый и очень сильный неурожай. Он освещен Ермоловым подробнее предыдущих в силу двух обстоятельств. Во-первых, по масштабам он был сопоставим лишь с 1891 г., а во-вторых, сам Ермолов был избран председателем Центрального комитета по оказанию врачебно-продовольственной помощи населению, в силу чего при анализе ситуации мог опираться на дополнительную информацию и на собственные впечатления[103].

Неурожай был результатом «исключительного по своей интенсивности, обширности охваченной им площади и в некоторых губерниях **повторного** недорода хлебов и трав. Последствием этого было — недостаток у крестьян продовольственных средств, семян для засева полей и еще более того — полное отсутствие кормов для скота. От прежних,

---

* В 1897 г. в Петербурге жило 1264,9 тыс. чел., в 1913–2112,5, тыс. чел., в Москве — соответственно 1038,6 и 1762,7 тыс., в Одессе — 403,8 и 499,6 тыс. чел. (*Дробижев В.З., Ковальченко И.Д., Муравьев А.В.* Историческая география СССР. М., 1973. С. 199).

** В 1913 г. население Испании составляло 20,3 млн. чел., а Швеции — 5,3 млн. чел. (*Миронов Б.Н.* Социальная история Российской империи. Том 2. С. 382)

в том числе и благополучных лет у крестьян не осталось никаких денежных средств, ни запасов хлеба и кормов; у частных землевладельцев громадные количества кормов погибли от поджогов гумен и усадеб. Местами у более обеспеченных крестьян запасы хлеба и в особенности кормов также были истреблены поджогами — в виду стремления крестьян под влиянием агитации — всех поравнять.

Вследствие разгрома множества частновладельческих экономий, с разрушением во многих случаях находившихся в них заводов, с сокращением запашки в помещичьих имениях и форсированной ликвидации частных хозяйств, а также с продажею громадных площадей частновладельческих земель при содействии Крестьянского банка или непосредственно Банку, под влиянием паники, охватившей помещиков при таком приступе к осуществлению громко проповедовавшегося принципа принудительного отчуждения, крестьяне, не взирая даже на переход в их руки части этих земель, лишились значительной части прежних своих заработков в частных имениях, (что впрочем давно предсказывалось противниками этой гибельной для всего государства идеи) — и это только еще более увеличивало и усугубляло крестьянскую нужду.

Сельские хлебозапасные магазины в большей части селений к лету 1906 года стояли пустыми, — хлеб из них был частью выдан крестьянам в предыдущие неурожайные годы, частью насильственно и самовольно ими разобран, в виду тогда же провозглашенного принципа свободы, понятого крестьянами, — да и одними ли крестьянами? — как отмена всяких законов и упразднение всяких властей.

Бороться с этими насильственными расхищениями хлеба из запасных магазинов, земские начальники и другие представители администрации, были совершенно бессильны. Всякие продовольственные капиталы, как общий по Империи, так и губернские и общественные далеко не могли покрыть обнаружившейся потребности в хлебе и правительству уже с лета пришлось приступить к его заготовке в более чем когда-либо широких размерах. Вот те условия, при которых открылась кампания 1906–1907 гг.»[104].

От неурожая в разной степени и по разным причинам пострадали 49 губерний и областей Империи.

Данные ЦСК МВД показывают, что недобор зерна против среднего урожая за предшествующее пятилетие 1901–1905 гг., в котором было два неурожайных года (1901 и 1905 гг.) в этих 49-ти губерниях (без Кавказа) составил громадную цифру 834,1 млн. пуд., а по всей Империи — в более чем 600 млн. пуд.[105] (Читателям этой главы несложно оценить масштаб бедствия — достаточно посмотреть таблицы в предыдущих параграфах этой главы).

Надо сказать, что несмотря на хаос, царивший в стране, еще находившейся в состоянии революции, в организации продовольственной помощи в меру сил участвовали все, кто мог, хотя размах филантропии был меньшим, чем в 1891 г. Между различными организациями были распределены обязанности по комплексной помощи голодающим.

Общие ассигнования на борьбу с неурожаем составили гигантскую сумму в 192 млн. руб., из которых 90,4% были средствами казны[106].

Оценить эту цифру помогает тот факт, что стоимость кораблей, потерянных в ходе русско-японской войны составила 230 млн. руб.[107]

Более 149 млн. руб. казенных денег ушло на установленную законом ссудную продовольственно-семенную операцию, остальная часть была обращена на благотворительную и врачебно-продовольственную помощь, прокорм скота, общественные работы, организацию продажи хлеба по заготовительной и уменьшенной цене и борьбу с заразными заболеваниями[108].

Из почти 150 млн. руб., отпущенных на представленную и семенную ссудную операцию, 128,7 млн. руб. (86,1%) пришлась на 10 губерний: Самарская потребовала 28,8 млн. руб., Казанская — 21,4, Саратовская — 15,6, Симбирская — 14,9, Уфимская — 10,4, Пензенская — 9,7, Нижегородская — 8,9, Тамбовская — 8,6, Воронежская — 5,3 и Тульская — 5,0 млн. руб. А. С. Ермолов акцентирует внимание на том, что «эти губернии — все черноземные, и все — с исключительно общинным землевладением»[109].

Всего на удовлетворение семенных и продовольственных потребностей населения было куплено, развезено по губерниям и роздано в ссуду 146,4 млн. пуд. хлеба (в кампанию 1891–1892 гг. 102,5 млн. пуд.), не считая хлеба, купленного земствами для продажи по заготовительным и уменьшенным ценам, и хлеба, закупавшегося земствами и другими организациями для благотворительной помощи народу. «Общее количество всего для этих надобностей заготовленного и израсходованного хлеба», — пишет Ермолов, — «не поддается никакому учету»[110].

Зато можно учесть численность тех, кто получил продовольственную помощь, и эта информация весьма интересна.

Согласно отчету Продовольственной части МВД, в 26-ти губерниях Европейской России, получивших продовольственную помощь, т. е. в Астраханской, Архангельской, Витебской, Владимирской, Воронежской, Вятской, Казанской, Калужской, Костромской, Нижегородской, Новгородской, Орловской, Оренбургской, Пензенской, Петербургской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Ставропольской, Таврической, Тамбовской, Тульской, Уфимской и Харьковской, общее число домохозяев-плательщиков продовольственного сбора составляло 6963662. Из этого количества свыше половины — 3506222 (50,35%) были занесены в утвержденные списки и получили ссуды. Цифра, безусловно, огромная, однако погубернское ее распределение дает неожиданную картину.

Девять губерний — Архангельскую, Витебскую, Калужскую, Новгородскую, Петербургскую, Рязанскую, Смоленскую, Ставропольскую и Таврическую — считает Ермолов, «можно совсем оставить в стороне», поскольку в них «число домохозяев, получавших ссуды, было относительно невелико», — от 0,1% в Новгородской губернии, 1,1 в Витебской, 4,7% в Петербургской, до 18,4% в Калужской, 21,4 в Таврической и 28,4% в Смоленской, «т. е. по всем этим губерниям воспользовалось ссудой значительно менее одной трети домохозяев в каждой».

В Костромской губернии ссуду получили уже 37% домохозяев, в Воронежской — 43,4, в Вятской — 44,1, в Орловской — 44,3, в Харьковской — 49,9 и во Владимирской — 50%.

Далее процент домохозяев, взявших ссуду, от общего их числа возрастал так: в Тамбовской губернии —50,2%, в Оренбургской — 53,9%, в Астраханской — 63,7%, в Симбирской — 65%, в Нижегородской — 65,1%, в Уфимской — 71,7%, в Самарской

77,6%, в Саратовской 81,2%, в Тульской — 85%, в Казанской — 85,6% и, наконец, в Пензенской губернии — 93,8%.

«Таким образом, в последней губернии на каждые сто домохозяев не воспользовались ссудою только 6, но в некоторых уездах получали ссуду поголовно все.

Спрашивается, соответствовали ли эти цифры действительной нужде населения в разных губерниях? Едва ли. Судя по ним на первом месте по степени нужды стояла Пензенская губерния, на втором месте — Казанская, на третьем — Тульская, на четвертом — Саратовская, на пятом — Самарская, на шестом — Уфимская, на седьмом — Нижегородская, на восьмом — Симбирская, на девятом — Астраханская, и на десятом — Оренбургская».

Между тем, по статистическим данным, равно как и по собранным Ермоловым на местах сведениям, «пострадавшие губернии располагались в совершенно ином порядке: на первом месте по степени недорода и нужды стояла Казанская губерния, на втором — Самарская, на третьем, по сведениям Центрального Статистического Комитета, Симбирская, и на четвертом — Уфимская. По наблюдениям же А. С., наоборот, — сначала шла Уфимская губерния, и затем Симбирская, а Пензенская стояла только на тринадцатой позиции, а не на третьей, куда она отнесена по числу домохозяев, получивших ссуду.

Ермолов заключает: «Очевидно, что число это зависело не столько от действительной нужды, сколько от того, как составлялись и проверялись списки, насколько лица, заведовавшие продовольственным делом на местах, могли бороться с упорным стремлением крестьян к включению в списки не наиболее нуждающихся, а всех поголовно»[111].

Но это еще не все. Любопытно проследить развитие операции по месяцам.

Время начала продовольственной кампании в отдельных губерниях зависело от того, когда у крестьян истощались свои запасы и они не могли уже обходиться без помощи со стороны.

Начавшись кое-где уже летом, продовольственная операция шла по нарастающей, достигая максимума весной. Почти везде нужда оказалась наибольшей в марте, но в Казанской, Симбирской, Вятской и Смоленской губерниях, а также в некоторых уездах Калужской, Нижегородской, Пензенской, Тамбовской и Тульской губерний число людей, получавших ссуду, увеличивалось вплоть до июня, несмотря на то, что в это время начались полевые земледельческие и организованные в рамках борьбы с неурожаем общественные работы.

В остальных регионах по весне, когда появилась возможность заработать, количество ссуд (едоков) стало сокращаться. Тем не менее «по большинству губерниий выдача продовольственных ссуд продолжалась, хотя и в сокращенном размере, вплоть до нового урожая, т. е. до июля 1907 года».

Контрапунктом продовольственной операции почти везде был март 1907 г. В этом месяце по официальным данным в 29-ти губерниях и областях страны (26 вышеперечисленных без Витебской, но с добавлением областей Акмолинской, Войска Донского, Уральской и Тургайской) общее число пользовавшихся ссудой едоков достигло цифры (округляя) 14, 7 млн. чел.

Динамика этого процесса выглядит так: в июле 1906 г. ссуду получили 180,5 тыс. едоков, в августе — 524,5 тыс., в сентябре — 1,6 млн., в октябре — 3,8 млн., в ноябре —

6,2 млн., в декабре — 8,3 млн., в январе 1907 г. — 10,8 млн., в феврале — 13,2 млн., в марте — 14,7 млн., в апреле — 14,1 млн., в мае — 13,5 млн., в июне — 11,1 млн., в июле — 1,6 млн.

Если сопоставить число лиц, получавших ссуду, с общей численностью населения в наиболее пострадавших губерниях, то картина будет иметь следующий вид.

Первую позицию здесь занимает Пензенская губерния, «где ссудами приходилось прокармливать в течение марта 74 % всего населения», а именно 1136,2 тыс.чел., за ней идет Казанская губерния, показатели которой соответственно равны 67% и 1523,1 тыс. чел., потом Симбирская — 64 % и 1031,6 тыс.чел., Самарская — 62 % и 1939,0 тыс чел. (лидер по абсолютной численности едоков), Тульская — 57 % и 744,0 тыс. чел., Нижегородская — 54 % и 905,9 тыс. чел., Саратовская — 52 % и 1309,9 тыс. чел., Тамбовская — 42 % и 1132,5 тыс.чел. в марте и 1171,3 тыс.чел. в апреле.

В Уфимской губернии ссуду получало более миллиона едоков — 1004,0 тыс.чел., что составило 40 % ее населения; в Оренбургской и Астраханской губерниях ссудой пользовалось 42 % населения, в Орловской — 28 %, в Воронежской — 26 %; в Костромской — 24%, в Вятской — 20 %, «вплоть до 7 % в Ставропольской, 6 % в Смоленской и 3 % в С.-Петербургской.

По отдельным уездам перечисленных губерний получался иногда значительно больший процент едоков; так, в Наровчатском уезде Пензенской губернии прокармливалось 100 % — т. е. поголовно все сельское население уезда, в Одоевском уезде Тульской губернии 95 % и т. д.»[112].

Цифры, прямо скажем, впечатляющие.

Даже приведенные, относительно немногие, факты позволяют заметить, что продовольственная кампания 1906–1907 гг. была просто грандиозной по своим масштабам.

Мы видели, что и правительство и общественность не жалели усилий для помощи крестьянам. Мы видели, что многие миллионы людей, суммарное число которых превышало население многих европейских стран, получали реальную поддержку — их кормили, им давали семена для посева, их лечили и т. д. (Можно что-либо похожее найти в анналах советской истории? Вопрос, конечно, риторический.)

И тем не менее интеллигенция не упускала ни малейшего повода для злобной (это самое мягкое определение) критики действий власти. А если поводов не было — их придумывали. Даже смешно, но при знакомстве с материалами того времени возникает полное дежа вю — так в советских газетах описывали страдания «трудящихся масс» в мире капитала. И, как мы увидим, с той же мерой достоверности, честности, беспристрастности...

Удивительного тут ничего нет. Это обычная тактика, впрочем, и не тактика даже — а попросту модус вивенди русской интеллигенции, весьма позорный, надо сказать.

Ермолов, занимавший, как мы знаем, важный пост, знакомился с ситуацией на местах: «При своем объезде, мне было интересно проверить, насколько основательны были **ежедневно** появлявшиеся в газетах сообщения о крайней недостаточности оказываемой помощи, выражавшейся, между прочим, в том, что количество отпускаемого хлеба было далеко недостаточно для прокормления человека; что хлеб, как продовольственный, так и семенной, был недоброкачественный, сорный, с головнею, иногда на

половину смешанный с мякиною; что семенной хлеб был невсхожий и доставлялся настолько несвоевременно, что много полей должно было остаться незасеянными, и т. п.

Рядом встречались указания на то, что население вынуждено было питаться пушным (по В. И. Далю — «пушной хлеб, пополам с пушницею, мякиною», «пушница — мякина, пелева, полова». — *М. Д.*) или желудевым хлебом, от употребления которого развивались всякие болезни, причем в разных собраниях демонстрировались даже образцы этого хлеба, действительно, в пищу людям совершенно непригодного.

Вместо ржаной муки, к которой население привыкло, ему доставлялась кукуруза, с которою оно не знало что делать, и которую даже животные, за исключением домашней птицы, есть отказывались. Сообщалось, что женщины с голоду продавали свои косы, татары продавали своих жен и дочерей, что были случаи не только голодной смерти, но даже самоубийств от голода, что родители убивали своих детей, чтобы избавить их от мучений медленного умирания и т. п.

Все такого рода факты я старался проверить, насколько это мне было возможно, путем опроса местных, заслуживающих доверия, людей, между которыми были и земские деятели, и врачи, и представители Красного Креста»[113].

Так Ермолов в присущем ему академически-корректном тоне выделяет основные аспекты антиправительственной истерии, в очередной раз развязанной «передовой» российской печатью.

Попробуем разобраться в том, что же в действительности происходило на местах.

Что до Самарской губернии*, получившей наибольшие ассигнования в эту кампанию, то «можно с положительностью утверждать, что размеры неурожая 1906 года были значительно преувеличены в представлениях местных органов и еще более преувеличены требования со стороны населения, предъявленные к правительству относительно удовлетворения нужды.

В Самарской губернии не было настоящего голода, т. е. такого положения, при котором люди хотят есть и у них нет и негде достать хлеба; точно также не было места питанию населения суррогатами хлеба, образцы которых иногда представлялись из разных мест губернии как обычная пища населения... Такие образцы пеклись или на пробу, или на показ, но во всяком случае они не шли в пищу населению, так как и хорошего хлеба в губернии было достаточно и он был доступен населению. Неурожай 1906 года породил нужду, усугубленную крайним недостатком корма для скота, но до голода дело не доходило.

Размеры нужды в губернии определялись по сообщениям сельских и волостных властей и по спискам нуждающихся, составляемым по каждому селу и деревне. Эти списки проверялись или, вернее, должны были проверяться земскими начальниками и уездными съездами, и по ним губернское присутствие испрашивало у правительства определенное количество ссуды.

И в прежнее время подобные списки далеко не подходили к действительности; в настоящее же смутное время они и не пытались выражать действи-

* Ситуацию в этой губернии А. С. Ермолов характеризует при помощи записки С. О. Лаврова, местного землевладельца, члена III Государственной Думы, в прошлом земского деятеля, «вполне заслуживающего доверия».

тельную нужду населения в помощи, а содержали в себе лишь пожелания крестьян получить ссуду при полном убеждении, что ссуды будут безвозвратны.

Поэтому в большинство списков включались все жители села без исключения: и бедные и богатые, занимающиеся посевом и лица, ничего общего с земледелием не имеющие, лица, действительно нуждающиеся и состоящие на службе с более или менее приличным содержанием. Не только сельские и волостные власти, но и значительное число земских начальников не решались, из боязни, вычеркивать лиц, заведомо не нуждающихся в помощи, а в тех случаях, когда проверка все же производилась, и лица, не надлежаще вписанные, вычеркивались из списка, то крестьянские общества нередко требовали, чтобы разрешенная ссуда делилась поровну между всеми жителями села и, таким образом, во многих местах пособие получалось не в размере одного пуда на едока в месяц, а в значительно меньшем размере, до полупуда включительно.

Размеры нужды в хлебе, определяемые местною властью по подобным спискам, конечно, значительно превышали действительную нужду населения, и это ярко выразилось в том повсеместном явлении, что выдаваемый населению правительственный хлеб в значительных размерах тут же продавался местным купцам и скупщикам, а теми вновь предлагался для продажи правительству. Факты подобного рода встречались во всех уездах, и в особенности в Бузулукском, и в г. Самаре»[114].

Ермолов со знанием дела полагает, что схожая картина, разумеется, с вариациями, наблюдалась и в других губерниях. Впрочем, он как исследователь замечает, что, пожалуй, только в Уфимской губернии сразу не поняли размеры неурожая и его последствий, и поэтому хлеб довольно долго не раздавался. Инспекция пораженных неурожаем местностей выявила, «наряду с широкой выдачей продовольственных ссуд, отдельные случаи несвоевременной подачи помощи и обострения нужды, причем некоторые семьи оказались вынужденными, за недостатком хлеба, примешивать к ржаной муке муку, приготовленную из дубовых желудей»[115].

В Саратовской губернии семенной хлеб, как для озимого, так и для ярового посева повсюду поступил вовремя. Если и привозили недоброкачественный хлеб, то возводить эти единичные факты «в общее правило» нельзя. Сибирская пшеница дала очень хорошие всходы. **Продажа крестьянами как продовольственного, так даже и семенного хлеба практиковалась почти повсеместно**. **Списки нуждающихся составлялись слишком широко, в них включали почти поголовно всех без разбора, и крестьяне, не нуждающиеся в ссудном хлебе, но тем не менее его получавшие, составили главный контингент продавцов, — вырученные деньги потом пропивали, не веря в необходимость последующего возврата ссуд.** Любопытную иллюстрацию того, при каких условиях происходили составление и проверка списков, можно найти в отчете Саратовского губернатора, представленном им МВД. Вот что он пишет: «Хотя во время моего объезда пострадавших от неурожая местностей среди уполномоченных по поверке списков встречалось много людей **добросовестных, на обращенный к ним укор по поводу внесения в списки зажиточных крестьян, я всегда слышал один ответ — попробуйте не внести, так к утру живым не будешь!**»[116].

В разных губерниях слышались жалобы на распределение хлебных ссуд. В одних местах списки нуждающихся составлялись сельскими обществами, «причем богатые в

них заносились, а бедные исключались, из-за опасения крестьян, что за них придется отвечать круговою порукою, в отмену которой они плохо верят». В других местностях, «даже там, где заведомо состоятельные домохозяева были из списков исключены, крестьяне делили выданные ссуды на всех поровну, по числу душ, почему и оказывалось, что на душу приходилось иногда по 20 фунтов, а то и меньше, и о таких случаях сообщалось потом в газетах, в доказательство того, что правительственная помощь населению недостаточна, что голодному на 20 фунтов в месяц прокормиться нельзя и т. п.»

«Это совершенно верно», — замечает А. С., — «но в основу продовольственной помощи положена помощь действительно нуждающимся, а крестьяне требовали ее для всех, исходя из начала всеобщего поравнения»[117].

В Яранском уезде Пермской губернии одно время выдавались ничтожные 2,5 ф. в месяц на едока. Но это произошло потому, что «земские начальники фактически не в состоянии были распределить ссуду между действительно нуждающимися, так как в списки внесены были поголовно все домохозяева и население требовало равномерной выдачи на всех, не считаясь с имущественным положением отдельных лиц и скрывая состоятельность некоторых из них. Они не нашли возможным выяснить путем подворного обследования степень нужды каждого отдельного домохозяина, и подчинились требованию населения, распределив отпущенную ссуду между всеми, внесенными в списки, лицами. Впрочем, такая неправильная выдача продолжалась всего один месяц, после чего Губернское Присутствие настояло на восстановлении законного порядка»[118].

Но и тогда, когда хлеб отпускался по нормам, установленным присутствиями и только тем, кого признали нуждающимися, он далеко не всегда попадал к ним в назначенном размере. Выше говорилось, что «во многих губерниях хлеб перераспределялся крестьянами по собственному их усмотрению, т. е. делился поровну между всеми домохозяевами, не взирая на то, что ссуды отпускались лицам, внесенным в утвержденные списки и записывались за ними долгом, причем они, следовательно, не дополучали того, что им следовало и за что им впоследствии придется отвечать. По большей части такое перераспределение делалось крестьянами негласно, но были случаи, когда оно оформлялись сельскими и даже волостными приговорами. Конечно, такие приговоры, как незаконные, впоследствии отменялись, но обыкновенно уже после того, как хлеб был фактически роздан и требовать его обратно от лиц, неправильно его получивших, было уже невозможно.

И любопытно при этом, что такая неправильная с точки зрения закона, но соответствовавшая взглядам крестьян, поголовная раздача хлеба, значительно уменьшавшая законную долю нуждающихся, почти не вызывала жалоб со стороны обделенных и недополучивших того, что им следовало»[119].

Тем не менее, средняя выдача хлеба по Империи на одного едока в месяц достигала 35 фунтов, т. е. была почти равна предельной норме по закону. Это выше показателей предыдущих кампаний, в том числе и 1891–1892 гг., когда в среднем на человека приходилось несколько более 30 фунтов. Понятно, что по отдельным губерниям, не говоря уже об отдельных уездах, наблюдалось большое разнообразие[120].

Весьма широко практиковалась в разных губерниях продажа продовольственного хлеба, причем «крестьяне от торговцев, из складов которых хлеб отпускался, его ино-

гда вовсе на руки не брали, а получали от них деньги, по расчету 70–80 к. за пуд, оставляя самый хлеб у торговцев, которые потом вторично его продавали в казну, и таким образом один и тот же хлеб оказывался проданным два и более раза».

В Пензенской губернии урожай 1906 года был очень пестрый, и нужда, соответственно, не была повсеместной. «Но требовательность крестьян была и тут такая же, как везде. На общественные работы и даже на работы по выгрузке из вагонов привезенного хлеба крестьяне шли весьма неохотно, рассчитывая на продовольственные ссуды и даровое прокормление в столовых. Все крестьянские надельные земли были своевременно обсеменены... и сокращения посевов не последовало»[121].

Ермолов делает следующий важный вывод: «Невзирая на все описанные выше недочеты, на недостаточную ширину первоначального плана продовольственной операции, на устранение от нее в начале местных земств на упущение, во многих случаях, наиболее подходящего времени для хлебных закупок и перевозок, на несовершенство самого плана перевозок, вызывавшего дальние и иногда излишние пробеги закупленного хлеба, при недостаточном использовании местных запасов, все же я должен признать, что продовольственная кампания 1906–1907 гг. была проведена Продовольственною частью МВД с таким успехом, который при данных условиях и при действии существующего закона только и был возможен. Даже и все эти недочеты, которых нельзя слишком обобщать, находят себе объяснение в целом ряде обстоятельств. Так, надо принять в соображение финансовую сторону дела в отношении промедления закупок хлеба с осени, благодаря отказу Думы в своевременном отпуске потребных на это средств; движение грузов круговыми путями, вызывавшее излишние пробеги, вследствие загромождения путей и, наконец, сбережение местных запасов для обеспечения продовольствия населения, ссудами не пользующегося»[122].

При этом нужно иметь в виду, что правительство пошло на ряд отступлений от закона, распространив продовольственную помощь на некоторые группы населения, не имевшие права на получение ссуд из общеимперского продовольственного капитала. К ним относились жители Кавказа, казаки, мещане-хлебопашцы, переселенцы, которые не успели устроиться на новых местах, «рабочие некоторых горных, особенно недействующих, заводов, лишенные всякого заработка», заемщики Крестьянского Банка и арендаторы приобретенных им имений (которым в Самарской, Симбирской, Казанской, Нижегородской и Оренбургской губерниях были выданы ссуды на обсеменение полей в размере 1,7 млн. руб.)[123].

Уверения прессы в «крайней недостаточности оказываемой помощи», «в том, что количество отпускаемого хлеба было далеко недостаточно для прокормления человека» — таким образом, — явная демагогия. Даже приведенная выше отрывочная информация дает представление о том, как составлялись списки на получение продовольственной помощи. Особенно мило в этом контексте выглядит фрагмент из отчета Самарского губернатора.

О соблюдении закона, в частности, гласящего, что «включение в списки обусловливается полною необеспеченностью семьи, отсутствием у нее средств к существованию и заработков, т. е. полною беспомощностью семьи и невозможностью помимо продовольственной ссуды прожить до нового урожая», причем размер ссуды, за возврат

которой отвечает домохозяин, зависит от численности семьи, в конкретных условиях России 1905–1907 гг. говорить было сложно[124].

Что касается качества раздававшегося населению хлеба, то «в общем следует признать, что этот хлеб был не хуже того, который обыкновенно высевается крестьянами или употребляется ими в пищу, а иногда даже и лучше». В пунктах погрузки и отправки хлеба контроля не было, поэтому хлеб осматривали в местах приемки. Учитывая масштабы операции, не удивительно, что иногда доставлялись партии хлеба низкого качества, но он «браковался и попасть в руки населения не мог. **Тем не менее, бывали исключения, и на них-то агитационная печать обращала все свое внимание, стремясь единичные случаи обобщать, чтобы всю правительственную помощь населению выставить в самом неблагоприятном свете**».

Исключения в истории всегда интересны: «В одном месте было доставлено из северных губерний некоторое количество овса, очень хорошего на вид и по натуре, но, как выяснилось впоследствии, овинной сушки и потому для посева непригодного. Он и был обращен в корм лошадям и заменен другим. В другом месте, в одном из южных уездов Самарской губернии, с открытием весны часть озимого посева ржи оказалась совершенно пропавшей, — вследствие того, по-видимому, что вместо озимой ржи попалась яровая, которую в зерне от первой очень трудно отличить. Пришлось пропавшую озимь пересевать яровым хлебом, на что крестьянам были отпущены семена».

Овес урожая 1906 г., которым снабжали население, повсюду в России «уродился плохо и был очень легковесным», значительно хуже овса, который раздавали в прежние неурожайные годы. «В овсе и пшенице были семена куколя, овсюга и др. сорных трав, но... процент засоренности не превышал обыкновенного в крестьянском хлебе, как пострадавших, так и других губерний. Были указания на то, что примесь куколя была иногда и во ржи».

Ермолов, пишет, что эта информация его удивила и заставила предположить, что в рожь искусственно подмешали куколь, — так иногда поступали «недобросовестные хлебные экспортеры», отправляя зерно за границу. Дело в том, что обычно семена куколя вызревают позже ржи, и встречаются только в яровом хлебе. Однако выяснилось, что куколь был во ржи, купленной на Северном Кавказе, где из-за более раннего и жаркого лета семена куколя созревают одновременно с рожью.

Интересно также, что «констатированная иногда на местах малая всхожесть некоторых хлебов, например, около 50% и даже менее, **о чем очень громко кричали,** объяснялась на поверку тем, что испытание всхожести делалось крайне неумело, и поверочные испытания, произведенные на семенных станциях, давали результаты совершенно другие, показывали всхожесть нормальную.

Но еще лучшим доказательством полной неосновательности, в большинстве случаев, такого рода жалоб, были те прекрасные всходы, которые дали эти же семена при их посеве», в чем А. С. мог сам убедиться во время поездки[125].

«Еще более шума наделала история с головнею», но и это была история из разряда «много шума из ничего»[126].

Курьезной, но одновременно (в определенном ракурсе) исполненной глубокого символичного смысла может показаться история раздачи в Казанской, Нижегород-

ской, Самарской и Симбирской губерниях кукурузы, которую купили по цене намного ниже ржи.

В конечном счете этот опыт дал весьма позитивные результаты. Однако поначалу жители этих губерний, которым кукуруза была «совершенно незнакома», просто не знали, что с ней делать. А. С. Ермолов комментирует: «**Этим опять воспользовались газетные корреспонденты, усмотревшие в факте раздачи кукурузы чуть не преступление со стороны администрации**. Не только люди — ни одна даже скотина кукурузы будто бы не ест, и только куры ее глотают и от нее даже жиреют, а лошади и скот прямо отворачиваются. Это я сам читал во многих газетах.

И действительно, крестьяне пользоваться кукурузой сперва не умели, и скот от нее отворачивался. Но ведь известно, что, например, степные лошади, никогда не видавшие овса, или лошади южных стран, привычные к ячменю или к той же кукурузе, на первых порах и от овса отворачиваются, — нельзя же из этого заключить, что овес—корм для лошадей непригодный?

Точно также всякий сельский хозяин знает, как трудно приучить скот ко всякому новому, непривычному для него корму — к корнеплодам, к тыкве, к силосованной кукурузе; несколько дней приходится с ним биться — морду воротит, не ест, а потом все коровы ревут от радости, когда воз силосованного корма въезжает во двор и начинается раздача. Точно также и при переходе с подножного корма на сухой зимний, коровы с тела спадают, молока убавляют, пока не привыкнут.

Для многих южных народов, даже у нас, на Кавказе, в Бессарабии, не говоря уже про Болгарию, Румынию, Италию, кукуруза составляет любимую, главную пищу сельского населения, а у нас крестьяне с голоду умирают, но есть ее не могут. Повторяю, на первых порах крестьяне не знали, как к ней приступить, пока их не научили, что кукурузу надо молоть, так же, как и всякий другой хлеб, на мельницах. Правда, что при размоле сухой и твердой кукурузы жернова требуют частой насечки, и мельники брали ее поэтому в размол неохотно. Затем из кукурузной муки действительно хлеба печь нельзя, — из нее делают лепешки или едят ее в виде каши (мамалыга — в Бессарабии, полента в Италии).

До этого крестьяне, которые будто бы питались желудевым и пушным, с виду похожим на навоз, хлебом, — не дошли и сами кукурузы почти не ели, невзирая даже на присылку из Бессарабии особых инструкторов, которые должны были показать, как с нею обращаться, но зато стали с большим успехом давать ее в корм скоту, который, отказываясь есть ее в натуральном, не размолотом виде, только добрел, когда начали употреблять ее в виде подсыпки к соломенной резке. Таким образом, эта охаянная крестьянами и газетными корреспондентами кукуруза населению впрок пошла и сослужила ему полезную службу, если не для пищи людям, то в виде подсобного корма для скота»[127].

Да, долгий путь прошла Россия от 1906 г. до посевов кукурузы в Сибири, до кукурузной «кампании имени Н. С. Хрущева»!

А вот нижеследующая информация курьезной не кажется, да и не является: «Бывали случаи, когда крестьяне предъявляли хлеб, наполовину почти смешанный с мякиной, годный только в пищу скоту.

Действительно, такие случаи бывали, но что же оказывалось? Расследования показывали, что крестьяне розданный им доброкачественный продовольственный хлеб нередко продавали на сторону, а тот, действительно наполовину иногда смешанный с мякиною или отрубями хлеб, который раздавался им для прокормления скота, предъявляли как розданный будто бы на продовольствие.

Бывали заявления и о том, что крестьяне получали в продовольствие хлеб чуть не наполовину смешанный с землею, с песком. По расследованию оказалось, что крестьяне — возчики по пути между железнодорожной станцией или складом, откуда им отпускался хлеб, и селением, куда он отправлялся, часть хлеба продавали и досыпали землею или песком, а затем, по приезде домой, уверяли своих односельчан, что такой негодный хлеб был им отпущен, что, разумеется, вызывало массу жалоб, а затем и корреспонденции в газетах. В Самарской губернии несколько таких случаев было проверено, причем возчики хлеба были уличены в продаже хлеба дорогою и привлечены к законной ответственности»[128].

Далее.

Большую и все возрастающую роль в борьбе с неурожаем, наряду с филантропией, играла подсобная помощь — так официально назывались общественные работы, в ходе которых строились мосты и дороги, школы и городские здания, выкапывались пруды и колодцы, укреплялись овраги и берега рек и др.

Ермолов, как и многие компетентные современники, считал именно это направление наиболее перспективным видом помощи, более целесообразным и дающим лучшие результаты, чем ссудная операция, «развращающая население столько же, сколько ему помогающая»[129]. С ним солидарны, в частности, авторы поступивших в МВД отзывов земских управ и администрации. Так, из Воронежской губернии сообщалось, что «как помощь нуждающемуся населению, общественные работы, по сравнению с другими видами помощи, являются средством наиболее симпатичным и целесообразным тогда как раздача продовольственных ссуд порождает массу неудовольствий и нареканий, служа только к положительному разврату. Помимо предоставления заработка населению, благодаря этим работам устроено много хороших дел, а для многих крестьянских обществ исполненные сооружения являются чистым благодеянием», из Казанской губернии — «что общественные работы представляются крайне полезной мерой, принося неоценимую услугу местному населению и не оказывая на него того растлевающего влияния, как выдача ссуд»[130].

Однако наряду с этим в ходе общественных работ проявились и те черты психологии крестьян, о которых мы уже имеем представление. Это касалось их отношения к размерам зарплаты, вообще говоря, колебавшихся в очень широком диапазоне. Так, «во многих губерниях... крестьяне, обеспеченные выдачею продовольственных ссуд, слишком иногда широкою кормежкою в столовых и раздачею пайков, уклонялись от участия в работах и требовали себе несоразмерно высоких плат, которые, при неотложности работы, например, при разгрузке вагонов с продовольственным и семенным хлебом на станциях и при развозке его к местам назначения, приходилось поневоле им выдавать»[131].

Общественными работами руководило Попечительство о трудовой помощи населению (переименованное Попечительство о домах трудолюбия и работных домах) с

бюджетом в кампанию 1905–1906 г. порядка 2,3 млн. руб., куда входили и частные пожертвования[132].

Согласно информации этого ведомства, крестьяне, как правило, «охотно выходили на работы, работали исправно и почти повсеместно ходатайствовали об открытии новых работ, заявляя уполномоченным попечительства, что „нам не подаяние нужно, а дайте нам работы". Но в 1906–1907 г., когда общественные работы вели и под руководством земств, так было не везде. Иногда «крестьяне по-прежнему стремились сорвать за работу непомерно высокую плату, или предъявляли неисполнимые требования, доводившие до необходимости прекращения самых работ»[133].

А. С. иллюстрирует этот тезис примером работ, проводившихся в двух селениях Козловского уезда, Тамбовской губернии (Ново-Михайловском и Мало-Мезинецком).

«Приступив к работам, крестьяне предъявили следующие требования: плата за работу должна быть поденная, а не сдельная; на работу должны быть принимаемы все желающие из числа жителей названных двух селений, сколько бы их ни явилось; очередей выхода на работы не должно быть устанавливаемо; дети, с семилетнего возраста, также принимаются на работу в качестве погонщиков лошадей, с такою же платою, как взрослому конному рабочему; пришлые рабочие из других сел не должны быть допускаемы на работу; так как работа „казенная", то рабочий день должен быть восьмичасовой.

Некоторые из этих требований, а именно относительно поденной платы и недопущения пришлых рабочих, были удовлетворены; относительно приема на работы всех желающих было допущено увеличение числа рабочих до пределов возможности, лишь бы не мешали друг другу. Что касается детей и восьмичасового рабочего дня, то эти требования были отклонены. Однако крестьяне не подчинились установленному порядку и продолжали выходить на работу в значительно большем числе, чем это требовалось, привели с собой детей и самовольно ввели восьмичасовой рабочий день, сведя его потом к семичасовому, — с 6 часов утра до 6 вечера, с двумя перерывами по одному часу для завтрака и полдника, и трехчасовым перерывом для обеда. Отношение к работе было крайне недобросовестное; многие из явившихся на работу, после переклички, пользуясь удобной минутой, уходили в ближайшие избы и там сидели. После обнаружения таких самовольных уходов внезапными перекличками и исключения ушедших из расчета, возникали неудовольствия, крики, начинались угрозы и проч.

Несмотря на неоднократные предостережения, что при таких условиях производить работу будет невозможно и ее придется остановить, крестьяне продолжали действовать по-своему, вследствие чего работа подвигалась вперед крайне медленно и обходилась невероятно дорого; в возможность прекращения работ крестьяне не верили, считая, что раз работа начата, если на нее уже сделаны затраты, то как бы они к ней ни относились, работа должна быть, закончена, чего бы она ни стоила, и что лица, заведующая работами, пойдут на все уступки и подчинятся всем требованиям: „не посмеют бросить казенную работу". „В казне денег много", заявляли они, когда им указывали, что при таких условиях не хватит средств для окончания работы.

А так как пример крестьян этих двух особенно неспокойно настроенных селений стал заразительно действовать и на других, которые тоже начали предъявлять различные неисполнимые требования и не подчиняться установленному порядку, работу

действительно пришлось бросить недоконченной, что подействовало на соседей отрезвляющим образом.

Нередко между крестьянами господствовало убеждение, что работы, производящиеся при данном селении, составляют как бы собственность крестьян этого селения и предназначены исключительно для них, вследствие чего крестьяне других селений не могут быть к ним допускаемы. Бывали случаи, когда крестьяне, приступая к работе, прямо заявляли, что не допустят на нее никого из посторонних „так как работа делается для нас, в нашем жительстве, а те пусть выпросят работу для себя". И это имело место даже тогда, когда работы хватило бы, на более крупных сооружениях, не только для крестьян ближайшего, но и соседних селений. Вследствие того работы приходилось дробить или не доводить до конца»[134].

Личные наблюдения Ермолова, сделанные им во время поездки весной 1907 г. по району неурожая, во многом совпадали с уже приведенными сведениями. В частности, «немало было хлопот и с тем самым населением, для поддержания которого общественные работы устраивались, пример чего, к сожалению далеко не единичный, уже был приведен выше. Пришлось констатировать, что самое наименование таких работ, долженствующих составить трудовое подспорье и дать возможность заработка для нуждающейся и работоспособной части населения, — работами общественными, нередко вводило крестьян в заблуждение.

Основываясь на этом наименовании, крестьяне в некоторых селениях требовали организации работ непременно для общества в целом его составе, не исключая женщин и детей, составляли приговоры об участии в них целым селом и в случае несогласия схода на составление такого приговора, или в случае отказа заведующих работами брать всех, кто бы ни приходил, хотя бы по размерам данной работы такого числа рабочих не требовалось, не разрешали отдельным своим односельчанам выходить на работу.

При таких отказах они иногда исходили из того соображения, что если пойти на работу, то продовольственной ссуды не дадут. Хотя это противоречит приведенным в отчетах уполномоченных Попечительства заявлениям крестьян, что „нам нужна работа, а не подаяние", тем не менее несомненно, что были факты и такого рода.

Нередки, к сожалению, были случаи совершенного отказа крестьян от участия в работах, в расчете на даровую помощь, на пресловутый „царский паек". Это особенно замечалось там, где ссуды выдавались столь широко, что крестьяне не видели надобности утруждать себя работою, когда и без нее они могли быть сытыми, а не то и пьяными»[135].

Об отказе крестьян от работ мне приходилось слышать, — пишет А. С. — «в разных местах, между прочим и в **Пензенской губернии,** которая, как мы видели выше, **стояла на первом плане по числу прокармливаемых на казенный счет едоков.** Об этом сообщал мне, между прочим, Начальник Управления Земледелия и Государственных Имуществ в этой губернии, который говорил, что он встречает затруднение в организации лесных работ в казенных лесах на отпущенные для этого суммы, за нежеланием местных крестьян выходить на эти работы.

В губернии Симбирской Уполномоченный Попечительства о трудовой помощи, с которым я случайно встретился на волжском пароходе, также сообщил мне, что в

одном из уездов этой губернии, — к сожалению, не помню, в какой именно, но который считался в числе сильно пострадавших, — он не мог по той же причине организовать работ, и должен был оттуда уехать и перенести свою деятельность в другие места. Не знаю, может быть, потом там дело и наладилось, но так было во время моего приезда, в начале мая 1907 года, когда еще раздача ссуд и кормежка шли вовсю.

Еще чаще бывали случаи, когда крестьяне за участие в общественных работах требовали себе таких поденных плат, которые во много раз превышали такую же плату в нормальные годы.

Когда зимою 1906–1907 гг. по линиям железных дорог были сильные снежные заносы, в которых застревали поезда, везшие хлеб для голодающих, то окрестные крестьяне за расчистку заносов требовали до 3 р. – 3 р. 50 к. поденной платы.

Такую же плату требовали они себе и за разгрузку на железнодорожных станциях вагонов с хлебом, пришедшим для их же надобностей, и требовали тем настойчивее, что знали, что на разгрузку дается короткий суточный срок, после чего пустые вагоны должны быть возвращены за новым таким же грузом. Иногда только угрозою отправки вагонов далее без разгрузки и, следовательно, оставления населения без хлеба можно было побудить крестьян отступить от этих непомерных требований; однако и тогда поденная плата не падала ниже 1 р. для пешего рабочего.

Общественные работы, устроенные для нуждающихся в Самаре, Саратове и других городах, шли чрезвычайно плохо и обходились устроителям непомерно дорого, — например до 25 руб. за выкопку куба земли в Самаре и до 40 руб. — за куб в Саратове.

Известно, что безработные в то время считали себя какими-то привилегированными гражданами, все требования которых должны быть беспрекословно удовлетворены, и известно также, к каким последствиям приводили работы таких безработных и удовлетворение самых невозможных их притязаний даже в городах Петербурге и Москве.

Во многих местах и в пределах неурожайного района было приблизительно то же самое. Работали кое-как или совсем не работали, а требовали себе пайка, который им сперва и выдавали, когда же от системы пайков перешли к устройству столовых для тех же безработных, например в Саратове, то они чуть не бунт **учинили, а в окружающих вертепах и притонах в то же время шло пьянство непробудное...**

И тем не менее, даже этот не везде удачный опыт кампании 1906–1907 гг. показал, — и это подтверждают отзывы всех местных деятелей этой кампании, — что устройство работ для нуждающейся и трудоспособной части населения представляет лучший вид помощи, который в будущем, при повторении неурожайных годов, необходимо развивать возможно широко. Но чтобы такие работы принесли действительную пользу, нужно, чтобы трудовая помощь населению шла бы взамен даровой помощи, выдачи ссуд, раздачи пайков, и кормежки даже работоспособной части населения, как это, к сожалению, часто бывало до сих пор, — так как одно другому противоречит»[136].

К этому времени уже вполне обозначились перемены в пореформенной географии недородов.

В таблице 3.52 систематизированы погубернские сведения о неурожайных годах за период 1867–1908 гг., приводимые Ермоловым в своей монографии

Таблица 3.52. Неурожайные годы в Европейской России в 1867–1908 гг.

Губернии	Число неурожайных лет			Губернии	Число неурожайных лет		
	1867–1890	1891–1908	1867–1908		1867–1890	1891–1908	1867–1908
Таврическая	11	10	21	Тверская	4	4	8
Самарская	7	12	19	Калужская	1	6	7
Пензенская	12	6	18	Курская	0	7	7
Оренбургская	8	9	17	Рязанская	2	5	7
Новгородская	6	11	17	Витебская	1	5	6
Вятская	3	12	15	Харьковская	1	5	6
Саратовская	4	11	15	Ставропольская	1	4	5
Псковская	7	8	15	Владимирская	1	4	5
Казанская	5	9	14	Черниговская	3	2	5
Симбирская	4	10	14	Астраханская	1	3	4
Екатеринославская	6	7	13	Архангельская	1	3	4
Херсонская	6	6	12	Костромская	0	4	4
Орловская	3	8	11	Донская	0	3	3
Уфимская	3	8	11	Виленская	1	1	2
Воронежская	0	10	10	Полтавская	0	2	2
Нижегородская	2	8	10	Волынская	0	1	1
Смоленская	7	3	10	Киевская	0	1	1
Тамбовская	1	9	10	Ковенская	1	0	1
Вологодская	6	3	9	Могилевская	1	0	1
Олонецкая	4	5	9	Лифляндская	0	1	1
Тульская	0	9	9	Подольская	0	1	1
Бессарабская	1	7	8	Эстляндская	1	0	1
Пермская	0	8	8	Ярославская	0	1	
Петербургская	4	4	8	**Всего**	**130**	**256**	**386**

Источник: Ермолов А. С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. СПб., 1909. Т. 2. С. 4–6.

Из таблицы 3.52 следует, что реже всего — 1–2 раза за более чем 40 лет — неурожаи официально отмечались в 10-ти губерниях, в числе которых три Юго-Западных, две Прибалтийских, две Литовских, одна Белорусская, одна Малороссийская; лишь Ярославская губерния расположена несколько восточнее перечисленных. Ермолов затем резюмирует: «Ни разу в течение всего 43-летнего периода не получали ссуд из общеимперского продовольственного капитала губернии Гродненская, Курляндская, Минская и Московская, а также губернии Царства Польского, которые вообще полных неурожаев не знают»[137].

«Из приведенных данных видно», — продолжает А. С., — «что за весь рассматриваемый период область всего чаще повторяющихся неурожаев перемещалась, — в начале по преимуществу страдали от неурожаев и требовали себе помощи губернии северные и северо-западные, а затем центр неурожайной области стал передвигаться на восток и юго-восток, захватив, начиная с девятидесятых годов, и центральные черноземные губер-

нии. В южной части черноземного района и в губерниях юго-западных неурожаи бывали только спорадически, но довольно часто повторялись в губерниях Новороссийских.

По числу неурожайных лет нельзя, однако, судить о том, как страдали от неурожаев отдельные губернии*, и в этом отношении представляют значительный интерес нижеследующие данные о размере сумм, ассигнованных им из общеимперского капитала для борьбы с нуждою, как и данные о задолженности их этому капиталу в настоящее время, **после целого ряда оказанных населению милостей, в виде сложения с него, в силу Царских манифестов и Высочайших указов, большей части лежавших на нем продовольственных долгов**»[138].

В таблице 3.52а содержатся данные о правительственных ассигнованиях на продовольственную помощь в наиболее нуждавшиеся в ней 18 губерний, которые получили в 1891–1908 гг. более 5 млн. руб., а также сведения о задолженности этих губерний общеимперскому продовольственному капиталу и общей сумме их продовольственных долгов, дополненные информацией Управления сельской продовольственной частью МВД о долгах продовольственным капиталам на 1 января 1912 г.

Все эти губернии образуют единый массив, охватывающий ЦЧР, Среднее и Нижнее Поволжье, а также Приуралье (за его пределами остаются лишь Псковская и Херсонская губернии). Население этого региона «всего чаще и всего больше пользовалось казенными воспособлениями, многие годы состоя, так сказать, на казенном иждивении»[139], получив 93,5% зафиксированной Ермоловым продовольственной помощи[140]. Несмотря на то, что ему (населению) были прощены и списаны со счетов громадные суммы, на него приходилось почти 9/10 долга общеимперскому капиталу и свыше 4/5 общей продовольственной задолженности населения Европейской России.

Комментируя список лидеров — от Самарской до Нижегородской, — Ермолов замечает, что «эти 10 губерний, которые некогда считались житницею России и доставляли громадное количество хлеба для заграничного отпуска, — за 18 последних лет потребовали себе правительственных вспомоществовании, чтобы только прокормиться, на сумму 361218.тыс. рублей. Это все губернии черноземные, в которых земледелие искони составляет главное и даже можно сказать единственное занятие населения. **Другую их отличительную черту составляет то, что в них господствует среди крестьян общинная форма землевладения**». В губерниях, занимающих позиции с 11-й по 18-ю, почвы достаточно разнообразны, однако «общинное землевладение и в них является преобладающим»[141]. Только в Херсонской (и отчасти в Курской) губернии наряду с общинным существует подворное землевладение.

На этом фоне весьма показателен акцент, который А. С.Ермолов делает на том, что в Европейской России есть губернии, которые «за все годы рассматриваемого периода никаких воспособлений от правительства и из сумм общеимперского продовольственного капитала не получали. Это именно губернии: Гродненская, Ковенская, Могилевская, Московская, Подольская, Полтавская, Лифляндская, Курляндская, Эстляндская и губернии Царства Польского; на последние, впрочем, и не распространяются ника-

* Так, лидер по числу неурожайных лет, Таврическая губерния, за 21 год получила всего 4008 тыс. руб., а следующей за ней Самарской губернии за 19 лет было ассигновано 64473 тыс. руб.

Таблица 3.52а. Губернии, получавшие наибольшие ассигнования на продовольственную помощь в 1891–1912 гг.

Губернии	Ассигнования из общеимперского продовольственного капитала и средств Государственного Казначейства		Долги общеимперскому продовольственному капиталу на 1 января 1909 г.		Вся совокупность долгов населения губернии как следствие неурожаев на 1 января 1909 г.		Задолженность населения в продовольственные капиталы на 1 января 1912 г.	
	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%
Самарская	64473	13,2	29810	14,1	35939	11,6	25030	12,0
Саратовская	60709	12,4	23131	11,0	28732	9,3	22181	10,7
Казанская	52365	10,7	21775	10,3	25672	8,3	20195	9,7
Симбирская	32134	6,6	12714	6,0	16742	5,4	12533	6,0
Уфимская	28282	5,8	11205	5,3	13487	4,4	9687	4,7
Тамбовская	27561	5,6	11500	5,5	15544	5,0	9228	4,4
Воронежская	26518	5,4	12981	6,2	19299	6,2	12093	5,8
Тульская	24755	5,1	12343	5,9	14838	4,8	12340	5,9
Пензенская	24495	5,0	10957	5,2	13870	4,5	10131	4,9
Нижегородская	19926	4,1	8950	4,2	11773	3,8	9775	4,7
Вятская	18979	3,9	8223	3,9	12695	4,1	5457	2,6
Орловская	16920	3,5	8754	4,2	11424	3,7	9580	4,6
Рязанская	16544	3,4	5544	2,6	8744	2,8	6180	3,0
Оренбургская	12758	2,6	2388	1,1	2813	0,9	2514	1,2
Пермская	9097	1,9	1073	0,5	3539	1,1	1286	0,6
Псковская	8542	1,7	3449	1,6	5366	1,7	3537	1,7
Херсонская	7084	1,5	3283	1,6	5243	1,7	3917	1,9
Курская	5201	1,1	587	0,3	3547	1,1	755	0,4
Всего в 18 губерниях	**456343**	**93,5**	**188667**	**89,5**	**249267**	**80,5**	**176419**	**84,8**
Сумма по Империи	**488145**	**100**	**210750**	**100**	**309500**	**100**	**208116**	**100**

Источник: Ермолов А. С. Неурожаи и продовольственный вопрос... Т. 2. С. 7–28; Отчет по продовольственной кампании 1910–1911 гг. Управления сельской продовольственной частью МВД. СПб., 1912. С. 102–103.

кие правила нашего продовольственного устава»[142]. Как можно видеть, в этом перечне доминируют губернии с подворным землевладением.

Из сказанного несложно сделать вывод: общая сумма долгов и разнообразных пособий «тем больше, чем богаче и плодороднее почва, которую население возделывает, и обратно. Точно также, на первом плане тут стоят губернии с общинной формой землевладения»[143].

Со всем сказанным о специфике продовольственной ситуации в западных губерниях Империи вполне согласуется многократно отмеченный в дореволюционной литера-

туре факт — эти губернии были самыми исправными налогоплательщиками, занимая последние позиции по размерам задолженности, по недоимкам. Напомню, что именно в этих губерниях еще с конца 1870-х гг. начался стихийный процесс разверстания сотен деревень на хутора и отруба, ускользнувший от внимания власти и открытый Карлом Кофодом в 1901 г.[144]

Ермолов, анализируя устойчивое стремление прессы укрупнить в сознании читателей масштабы последствий неурожая и заодно опорочить продовольственную помощь правительства, весьма подробно разбирая недобросовестные приемы, к которым она для этого прибегала[145], особый раздел своей работы назвал «Преувеличенность слухов о голодании населения»[146].

Обращаясь «к тем страшным проявлениям голода — до голодных смертей и самоубийств включительно, о которых тоже так много писали и кричали», он говорит следующее: «Не подлежит никакому сомнению, что было много случаев смертей от болезней, развивавшихся на почве недоедания, преимущественно от разных видов тифа. Были местами вспышки скарлатины, уносившей, быть может, и более жертв, нежели обыкновенно при этой болезни, потому, что как тиф, так и скарлатина, поражали уже ослабленные организмы. Были, хотя очень редко, смертные случаи и от цинги, которая тоже очень ослабляет организм и иногда на долгие месяцы, от опухания конечностей, калечит людей.

Но, согласно сообщению всех опрошенных мною земских деятелей, представителей Красного Креста, членов местной врачебной администрации, — если уже не верить чинам администрации общей, **— ни одного случая смерти непосредственно от голода, от полного отсутствия всякой пищи, не говоря уже про случаи самоубийств или убийств детей из-за голода, не было констатировано ни разу и нигде.**

Все такого рода случаи, о которых сообщалось в газетах — всегда очень глухо, без точного указания места, селений и без о(бо)значения имен лиц, якобы умерших от голода или прибегнувших к самоубийству, или убийству детей — расследовались на местах, насколько это было возможно при неопределенности указаний, и нигде не подтверждались, если, конечно, не считать смертей от болезней на почве недостаточного, плохого питания, и еще более многочисленных детских смертей от недостатка молока у матерей, от продажи или падежа крестьянской кормилицы — коровы, от отсутствия за больными детьми не только врачебного, но и всякого вообще ухода. Подобные случаи, к несчастью, очень обычны у крестьян и в нормальные годы, — неудивительно, что в год полного неурожая они во много раз возросли»[147].

Одним из доказательств «страшного голодания населения в газетах отмечались частые будто бы случаи продажи крестьянскими бабами и девками своих кос», продолжает Ермолов, «чтобы ценою их купить себе и детям хлеба на пропитание»[148]. Он не оспаривает того, что «подобные факты, вероятно, бывали, но они бывают всегда и, очевидно, не составляют явления необычного, исключительно вызванного голодовкою. Более того, я скажу, что в прежнее время, когда наши дамы почти все носили шиньоны, покупка у крестьянских женщин кос и отправка их целыми партиями в города составляла широко распространенный промысел». Он лично был знаком с одним крестьянином-мордвином, привозившим в Петербург «целый транспорт такого товара». А. С. резонно замечает, что «в Париже, как известно, женщины из простонародья и зубы свои вырывают и их про-

дают дантистам, чтобы несколько франков таким путем заработать, но ставить подобные явления на счет правительства едва ли там кому-нибудь приходит в голову»[149].

Еще менее основательными были «газетные рассказы о продаже татарами в Казанской губернии своих дочерей чуть не в рабство, и во всяком случае „на вывоз“, чтобы избавить их от мук голодной смерти дома и самим на вырученные за них деньги прокормиться»[150]. Поскольку, в отличие от «обычных корреспонденций» такого рода, в данных публикациях были указаны населенные пункты и «даже поименованы отцы, будто бы продавшие своих дочерей», оказалось возможным проверить на местах все имеющиеся сообщения об этом. У Ермолова были копии с показаний, данных самими отцами при расследовании. Выяснилось, что во всех указанных случаях имела место обычная у мусульман выдача дочерей замуж за «калым», выкуп, уплачиваемый семьей жениха родителям невесты. Женихами выступали иногда «татары с северного Кавказа», а сами факты имели место летом и в начале осени 1906 г., когда ни о каком голоде и речи быть не могло[151].

Полагаю, теперь понятнее, каким образом российская пресса формировала у читателей картину окружающего мира. Тему журналистской щепетильности при обращении с фактами уместно завершить следующим фактом, приводимым О.Г. Вронским: «Кадетская (газета) „Речь“ летом-осенью 1908 г. давала подборку материалов об аграрных беспорядках в Тульской губернии, в частности, повествовалось об убийстве крестьянами помещицы Глазновской, по иску которой продавалось с торгов имущество общинников. Материалы департамента полиции показывают реальную суть дела: крестьянин Глазнов был незаконно лишен надела приговором схода, но Сенат восстановил его в правах, а волостной суд присудил обществу уплатить убытки крестьянину за непользование землей. Отказавшись выплачивать эту небольшую сумму (40 коп.с надела), крестьяне убили жену Глазнова — Александру Григорьевну и тяжело избили пристава и стражников. Место трагедии — село Строкино Новосильского уезда — в корреспонденции стало „деревней Стройки“, крестьянка Глазнова — помещицей Глазновской, а **типично внутриобщинное дело,** характеризующее нравы крестьянского „мира“, — еще одним актом борьбы с помещичьим латифундизмом»[152].

Как можно видеть, за последние сто лет методы работы прессы не во всем радикально изменились.

Тем примечательнее заключение А. С. Ермолова: «Скажу, однако, что **все эти опровержения заявленных, извращенных или преувеличенных фактов приводятся мною не для того, чтобы доказать отсутствие в посещенных мною губерниях нужды и народного бедствия — несомненно, что нужда была, она была, невзирая на все принятые меры, но тем не менее единичные случаи такой острой нужды, плохого питания, и часто даже полной нищеты отдельных крестьян, иногда целых даже селений и уездов — обобщать, распространять на весь пострадавший от неурожая район и на все поголовно население нельзя, как не следует вообще ничего преувеличивать.**

Надо, наоборот, отметить, что благодаря принятым мерам, благодаря широкому ассигнованию денежных средств правительством, благодаря деятельности Красного Креста, земства, Общеземской организации, Вольного Экономического и Пироговского обществ и множества других учреждений, и развитию, хотя гораздо менее широкому,

нежели в 1891 году частной благотворительности, с бедою удалось совладать и население пережило тяжкую годину с меньшими потерями и жертвами, нежели этого можно было даже ожидать»[153].

Нельзя не сказать о том, что драматический пафос опровергаемых Ермоловым газетных публикаций, как и приведенного выше мнения Кауфмана (одного из сотен подобных) о массовом переходе крестьянства России «от постоянного недоедания к полной голодовке» заметно снижается некоторыми статистическими данными.

Кауфман написал и прочел цитируемую лекцию в 1906 (или 1907 г. — он приводит разные сведения на этот счет), т. е. в год сильного неурожая. А. С. Ермолов, описывая продовольственную ситуацию именно в этом неурожайном, а для некоторых губерний и голодном году специально останавливается на факте «печальном и как бы противоречащем тому, что говорится о поголовной народной нищете, об остром и всеобщем голодании в пострадавших от неурожая губерниях. Это именно, не сократившееся, а местами даже возросшее потребление вина, поглотившее, невзирая на постигшее население бедствие, громадные суммы народных денег»[154].

Он приводит данные о поступлении питейного дохода за 12 месяцев 1906–1907 г. в сравнении с двумя такими же предшествующими периодами по наиболее пострадавшим от голода 12-ти губерниям: Казанской, Нижегородской, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Тульской и Уфимской. За период с 1 мая 1906 г. по 30 апреля 1907 г. от казенной продажи питей поступило дохода 130505 тыс.руб., за тот же период 1905–1906 г. — 129943 тыс. руб., за тот же период 1904–1905 г. — 115454 тыс.руб. соответственно[155].

Следовательно, за голодный год население истратило на водку в этих бедствовавших губерниях на 562 тыс.руб. больше, чем в предыдущий год, и на 15051 тыс.руб. больше, чем за такой же период 1904–1905 г.[156] Ермолов резюмирует: «В кампанию 1906–1907 гг. было израсходовано на ссудную помощь населению в тех 12-ти губерниях, о которых здесь идет речь, 128329 т. р. Пропито же в них за 12 мес., с 1 мая 1906 г. по 30 апреля 1907 г. вина на сумму 130505 т. р., т. е. на 2176 т. р. более той суммы, которую население в этих губерниях получило за предохранение его от голода и на обсеменение его полей»[157].

Масштаб этих цифр будет понятнее, если вспомнить, что стоимость кораблей и вооружений, потерянных в ходе русско-японской войны, оценивалась почти в четверть млрд. рублей[158]. Другими словами, сказанное следует понимать так, что жители лишь 12-ти (!) из 90 губерний и областей России всего за два года (при том, что один из них был неурожайным) выпили водки на сумму, превышающую стоимость почти всех кораблей Балтийского и Тихоокеанского флотов Империи вместе взятых, а также вооружений, уничтоженных и захваченных японцами в Порт-Артуре, при Цусиме, Ляояне, Мукдене и в местах других сражений.

Показательно также, что потребление таких пяти облагаемых акцизом товаров, как пиво, спички, сахар, нефть (керосин) и махорка, невзирая на неурожай, постигший значительную часть Империи, не только не сократилось, а напротив значительно увеличилось. Душевой расход населения на них составил в 1904 г. 290 коп., в 1905 г. — 325 коп., в 1906 г. — 338 коп. и в 1907 г. — 358 коп.[159]

Далее. Весьма характерно и то, продолжает Ермолов, что «наряду с такой печальной стороной русской народной жизни, как потребление вина на десятки миллионов рублей в то самое время, когда более или менее значительная часть населения находилась в состоянии полной нищеты и даже голодала, и во всяком случае не могла обходиться без правительственной и частной помощи, зафиксировано поступление больших сумм в тех же пострадавших от неурожая губерниях, денег в сберегательные кассы»[160].

Вот лишь некоторые данные, относящиеся к тем же 12-ти неурожайным губерниям за период с 1 мая 1906 по 30 апреля 1907 г. К началу этого года в сберкассах этих губерний находилось вкладов на сумму 154700 тыс. руб.

В течение 12 месяцев было внесено 103700 тыс. руб.

За то же время востребовано вкладов на 86600 тыс. руб.

Наличность вкладов на 1 мая 1907 г. 171800 тыс. руб.

Итого прирост за 12 месяцев 17100 тыс. руб.

Среди 12-ти губерний, к которым относятся эти данные, нет ни одной, где сумма выданных вкладов превышала бы поступления, хотя размер прироста вкладов был неодинаков.

А. С. Ермолов отказывается «основывать какие-либо определенные выводы на этих данных», он понимает при этом, что деньги в сберкассы откладывали, конечно, не те крестьяне, у которых не было хлеба не то что на продажу, а и на собственную еду. Да и неурожай на всей территории пострадавшего района был «пестрым», а не сплошным. Тем не менее «во всяком случае, заслуживает полного внимания тот факт», что к началу августа, когда неурожай был уже налицо, население 32-х пострадавших губерний и областей «встретило этот бесхлебный год с запасом сбережений от прежних лет в 533,6 млн. руб., а к 1 июля следующего за тем года, не только этого запаса не истощило, а еще увеличило его на 66,5 млн. руб.»[161]

А. С. Ермолов не был бы большим ученым, если в последней главе 1-го тома своей монографии, в которой говорится о недороде 1908 г., последовавшем после введения нового порядка взыскания продовольственных долгов, с заметным подъемом не отметил бы следующие факты: «Любопытно при этом отметить одно явление, уже с осени подмеченное лично мною и некоторыми другими наблюдателями сельской жизни в пределах губерний, в которых в 1908 г. оказался более или менее хороший урожай. Явление это подтвердилось затем и цифрами официальной статистики. Это именно — не увеличение, а скорее некоторое уменьшение в потреблении вина населением, сокращение пьянства, не взирая на то, что в руки крестьян попадали от продажи по дорогой цене избыточного хлеба гораздо большие средства, нежели обыкновенно. „Отвез воз хлеба на базар, — ан, глядь, рублей 20–25 в кармане“, говорили крестьяне и старались деньгами, собственным трудом да благословением Божьим заработанными, распорядиться разумнее, нежели теми, который они выручали в так называемые голодные годы от продажи дарового, по их понятиям, царского способия. Теперь же они знали, что способия не будет; хотя в некоторых случаях крестьяне и порывались за ним обратиться, но встретили решительный отпор своим домогательствам, а потому и стали расчетливее»[162].

Подтверждая свое мнение статистикой, Ермолов резюмирует: «Понижение питейного дохода по сравнению с 1907 и 1908 годами констатировано за первые месяцы 1909 года и по всей Империи, что даже побудило Государственную Думу сократить по

росписи на 1909 год ожидаемый доход от казенной винной операции и от сборов с питей на 18,5 миллионов рублей.

Нельзя не отметить, что такой факт, как **понижение питейного дохода** после года сравнительно для большей части Империи по урожаю благоприятного, **представляется знаменательным**, свидетельствуя о некотором уже **как бы отрезвлении населения против прежнего времени**, без всяких притом изменений или ограничений в самых условиях питейной торговли»[163].

Полагаю, проведенный, хотя и краткий, обзор истории продовольственной помощи в дореволюционной России дает основания для вывода о том, что представления людей конца XIX – начала XX вв. о голоде, о «полной голодовке» (Кауфман) и сопряженных с ними бедствиях народа весьма отличается от наших современных, воспитанных на **историческом опыте советской эпохи**.

Этот опыт, напомню, включает голодовки времен Гражданской войны, голод 1921 г., унесший свыше 5 миллионов жизней, голод 1932–1933 гг., во время которого погибло, по разным оценкам, от 3 до 5, а возможно, и до 7 миллионов человек, голод 1946–1947 гг., стоивший жизни примерно миллиону наших сограждан. О многих и долгих годах **полу**голодного существования и говорить не приходится.

Всегда нужно иметь представление о мере вещей, в истории особенно.

Поэтому я позволю себе привести некоторые из характеристик голода 1946–1947 г., о котором, как мне кажется, читателям известно меньше, чем о страшных бедствиях 1920–1930-х гг., содержащихся в работе В. Е. Зима[164]: «Засуха 1946 г. в зерновых районах России, Украины, Молдавии привела к тому, что в целом по стране собрали 4,6 ц зерна с гектара, т. е. меньше чем в 1944–1945 гг. В создавшейся обстановке правительство использовало засуху для применения жестких мер продразверстки, заставив колхозы и совхозы сдать государству 52% урожая, т. е. больше чем в годы войны. Государственные поставки зерна составили в 1946 г. 17,5 млн. т, что было на 2,5 млн. т ниже уровня 1945 г. и в два раза меньше чем в 1940 г. Собранного количества зерновых с учетом имевшихся запасов и резервов было достаточно для обеспечения всего населения страны. Решив максимально сохранить накопленное, правительство избрало иной путь. Осенью того же года сняли с карточного снабжения 28 млн. рабочих и членов их семей, живших в сельской местности. Всего в конце 1946 г., включая колхозников, не было обеспечено хлебом более 100 млн. человек. Практически миллионы людей не были защищены от голода, свирепствовавшего с ноября 1946 г. по август 1947 г. в областях Черноземной полосы, Средней и Нижней Волги, Южного Урала, Западной Сибири, Украины и в соседних с ней областях Белоруссии, Молдавии.

В отличие от голода 1932–1933 гг. голод 1946–1947 гг. захватил многие области Нечерноземья, затронул Москву, Ленинград, Минск, Кишинев, Свердловск, Новосибирск и другие крупнейшие административные центры.

Обезлюдевшему, разоренному селу был не по силам завышенный план весеннего сева 1946 г., завершившегося к тому же с большим опозданием; осенью низкий урожай зерновых не смогли убрать в срок. Поступление зерна на рынок в 1947 г. по сравнению с 1946 г. сократилось в 1,7 раза. В результате хлеба выпекали в 3 раза меньше, чем в довоенном 1940 г. В Москве и Ленинграде при производстве муки для хлебопечения

в целях экономии добавляли 40% примеси овса и ячменя, увеличили нормы припека хлеба. В других городах качество хлеба было еще хуже.

Вслед за сокращением поступлений хлеба на внутренний рынок в сентябре 1946 г. были повышены в 2–2,5 раза розничные цены на хлеб и другие продовольственные, а заодно и на промышленные товары, распределявшиеся по карточкам.

С помощью карточной системы огромную массу сельских жителей, составлявших 65% общей численности населения, изолировали от государственной торговли. Председателям колхозов и секретарям сельсоветов запрещалось выдавать справки и документы людям для поездки в города с целью покупки продовольствия. Кооперативная торговля, предназначенная для обеспечения деревни в основном промтоварами, была в десятки раз слабее городской и не могла спасти от голода. Единственным местом, где сельчане могли купить или обменять что-либо на хлеб, по праву считались колхозные рынки. Однако и этот вид товарообмена всячески ограничивался государством.

Такая политика продразверстки, примененная к колхозам и совхозам, дала возможность государству собрать достаточное количество продовольствия для нормированного снабжения населения городов и обеспечить пополнение резервов, но тем самым она обрекла на массовый голод жителей деревни. На страницах газет тех лет писали о трудностях и путях их преодоления, о том, что „без серьезных жертв невозможно ликвидировать тяжелое наследие войны". Сообщалось о засухе, но ни слова о голоде.

В медицинских учетных разработках за 1946–1947 гг. настоящая причина роста смертности — голод — скрывалась за такими диагнозами, как желудочно-кишечные заболевания. Врачей заставляли маскировать истинную причину смертности. Лишь в исключительных случаях за отдельные месяцы среди причин смерти называется дистрофия. Напротив, в секретной переписке местного руководства с центром дистрофия среди населения (слово „голод" и здесь не упоминалось) — одна из основных тем, обсуждавшаяся в связи с угрозой срыва производственных планов.

...По всей стране голодали рабочие железной дороги, проживавшие в сельской местности.

Голод коснулся и крупных промышленных центров с гарантированным карточным обеспечением продовольствием: Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Красноярска, Ярославля и др. Зимой 1947 г. секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) Попков обратился к правительству за срочной помощью, поскольку для населения Ленинграда, перенесшего тяжелые испытания в период блокады, повторные массовые заболевания дистрофией были чреваты тяжкими последствиями.

В начале лета голодная волна докатилась до Москвы. С перебоями отоваривались хлебные карточки, в городе иссякали запасы картофеля и овощей. Под угрозой срыва оказалась работа предприятий и строительных трестов Министерства авиационной промышленности, а также Министерства вооружения СССР. На других, несекретных, заводах Москвы и Московской области положение было еще хуже.

Голодные люди собирали перезимовавшее на полях зерно, содержавшее токсичные вещества, и использовали его в пищу. Начались массовые отравления, нередко приводившие к смертельному исходу, так как многим больным не оказывалась вовремя

медицинская помощь. Причиной летальности в таких случаях записывали септическую ангину, поскольку пострадавшие жаловались на боли в горле.

Призрак большого голода летом 1946 г. вызвал тревогу во многих неурожайных районах России. Началось бегство сельского населения из центральных областей (Брянской, Воронежской, Горьковской, Ивановской, Калужской, Курской, Рязанской и др.), из Поволжья (Астраханской, Саратовской, Сталинградской и др.), а также из Ростовской области и Ставропольского края. Часто бежали целыми семьями, но преимущественно истощенные женщины с детьми. Поскольку пассажирские поезда и пароходы были переполнены, то ехали на товарных и „порожняках“, любыми другими видами транспорта, чаще шли пешком.

...В первой половине 1947 г. наблюдался значительный приток населения, не имеющего основания на прописку, в крупные промышленные и административные центры: Москву, Ленинград, Свердловск и др. По данным МВД, в 1947 г. было отказано в прописке 468 тыс. человек, прибывшим в поисках работы без вербовки, что в 2,5 раза больше чем в 1946 г.

В том же году выявлено 1,5 млн. нарушителей паспортного режима, из них 50,4 тыс. человек привлечено к уголовной ответственности. В 1947 г. удалено из „режимных“ местностей 0,5 млн. человек (в 1946 г. — 0,2 млн.).

Многотысячные потоки голодных, ослабленных людей, передвигавшихся по стране в поисках пропитания, стали благодатной средой для распространения эпидемий. Действовавшая сеть лечебно-санитарных учреждений, переполненная дистрофиками, не получала самого необходимого обеспечения — продуктами, мылом, лекарствами. И в деревне, и в городе сказывался острый дефицит мыла, так как его производство в 1946 г. составляло всего лишь треть предвоенного уровня. В строго ограниченном количестве мыло поступало в Москву и Ленинград.

Заболеваемость сыпным тифом в 1947 г. по сравнению с предшествовавшим 1946 г. в целом по России возросла и была в 2,8 раза выше уровня 1940 г.

...Население из неурожайных местностей России, Белоруссии и других мест двинулось в основном в те районы, где сельское хозяйство еще не было полностью охвачено колхозами и совхозами: в западные области УССР и БССР, в Литовскую, Латвийскую ССР.

Чтобы судить о массовости людских потоков, достаточно сказать, что на станции Львов-Главная ежедневно находилось 5–6 тыс. человек, а в Прибалтику ежедневно прибывало до 35–40 тыс. человек. Отсутствие мощных санитарных пропускников, неудовлетворительное медико-санитарное состояние поездов, вокзалов, позднее выявление больных и их госпитализация привели к возникновению и быстрому распространению паразитарных тифов и росту смертности среди населения.

В конце 1947 г., когда тиф дошел до Москвы, правительство приступило к разработке государственных противоэпидемических мероприятий.

Все доклады и сводки официальной отчетности, направленные в ЦСУ, отмечают гораздо более высокий уровень смертности в 1947 г., чем в минувшем 1946 г. В целом по Союзу в первом полугодии 1947 г. смертность населения была особенно высока, а в первом квартале число умерших превышало уровень того же периода 1940 г.

В 1947 г. в РСФСР умерло 1462,4 тыс. человек, т. е. на 402,8 тыс. больше, чем в 1946 г. Из общего числа умерших 461 тыс. человек (31%) составляли дети до 4 лет, из них 73% — в возрасте до года. Из других возрастов больше умирали люди старше 60 лет (278,4 тыс. человек).

Подобная картина наблюдалась на Украине и в Молдавии. Если данные об умерших в России легче было скрыть (учитывая своеобразие отдельных областей и краев), то на Украине, а тем более в Молдавии это сделать было труднее. Таблицы смертности по этим республикам репрезентативны. Численность умерших в Молдавии в 1947 г. была в 2 с лишним раза больше чем в 1946 г.

В целом по СССР из 2628,9 тыс. умерших по разным причинам в 1947 г. 2248,7 тыс. (85%) пришлось на РСФСР, Украину, Молдавию. Численность людей, умерших в 1947 г. в районах голода, превышала численность умерших в 1946 г. на 774,5 тыс. Возможно столько же, если не больше, умерших не вошло в сводки естественного движения населения...

В итоге, по архивным данным, в охваченных голодом районах РСФСР, Украины, Молдавии, вместе взятых, с населением примерно в 20 млн. человек в 1947 г. произошло (по сравнению с 1946 г.) его сокращение на 5–6 млн. человек за счет бегства в другие места и большого роста смертности. **Из них жертвы голода и связанных с ним болезней составили около миллиона человек, в основном сельского населения, в том числе в России не менее 0,5 млн. человек.**

Непризнание факта голода в стране позволяло правительству пренебрегать организацией необходимой продовольственной помощи населению...

Государство почти бесплатно получало от колхозов и совхозов продовольствие, а помощь голодающим выдавалась в виде ссуды с процентами. Твердо соблюдалось правило: весной получил, осенью отдай с процентами. Все постановления и распоряжения об оказании помощи заканчивались требованием возместить резервы в кратчайший срок...

Больным дистрофией рабочим Ленинграда отпустили продовольствия втрое меньше запрошенного. Такая же участь постигла и рабочих авиационных заводов южных районов и Комсомольска-на-Амуре...

Только во второй половине марта 1947 г., когда голод захватил половину территории России, Совмин РСФСР направил правительству план медицинской и продовольственной помощи больным дистрофией. **Союзное правительство план помощи селу даже не рассматривало**. К началу июня 1947 г. в наиболее неблагополучных областях успели развернуть лишь 2558 временных коек, а не 17,5 тыс., как было запланировано. Вместо продовольствия Минздрав РСФСР отправил на места 129 тыс. метров хлопчатобумажной ткани. Просьба Минздрава РСФСР об оказании дополнительной продовольственной помощи осталась без внимания...

...Непрерывный поток прошений со всех концов страны летом 1947 г. вынудил Совмин СССР отреагировать: принять секретное постановление, разрешающее отпускать из госрезерва в порядке единовременной продссуды зерно: колхозам — 53920 т и совхозам — 7700 т. Отпуск зерна в ссуду производился на льготных условиях возврата из урожая 1947 г. с начислением 2 ц на каждые 100 ц выданной ссуды. В это постановление не попали Костромская, Свердловская области, Коми АССР и др. Не лучше

было на Украине, в Белоруссии, Молдавии. Как и в России, помощь была запоздалой и недостаточной, несмотря на сравнительно своевременные оповещения из республик о надвигавшемся бедствии. Глава тогдашнего правительства Украины Хрущев в своих воспоминаниях пишет, что сообщал Сталину о голоде и людоедстве зимой 1947 г., но ответом был лишь гнев вождя: „Мягкотелость! Вас обманывают, нарочно докладывают о таком, чтобы разжалобить и заставить израсходовать резервы"[165].

Это искреннее, жуткое потрясение верного ленинца, 1-го секретаря КП(б) Украины Н. С. Хрущева дорогого стоит. Легко представить, чего стоил Хрущеву, имевшему к 1946 г. ясное представление о характере Сталина, этот звонок!

«На местах не смогли по-хозяйски распорядиться полученной помощью. Распределение производилось медленно и бесконтрольно, с нарушением законности. В некоторых областях России государственная зерновая продссуда, предназначенная для спасения голодающих, использовалась для выполнения плана обязательных поставок зерна...

В Советский Союз, начиная с военных лет (правда, после войны в меньших объемах), продолжала поступать помощь по линии Советского общества Красного Креста и Красного Полумесяца (СОКК и КП). Размеры помощи возросли, когда на Западе стало известно о начавшемся в 1946 г. массовом голоде. В течение 1946/47 г. от американского Красного Креста, а в основном от благотворительной организации Рашен Релиф (США) поступила партия грузов на 31 млн. долларов. Это была самая крупная помощь, направленная в СССР во время голода.

Помимо того, под предлогом помощи жертвам войны (иначе советская сторона подарки не принимала) поступили сотни тысяч посылок из Аргентины, Дании, Ирана, Швейцарии, Швеции и др. Летом 1946 г. детские дома России получили 100 тысяч продовольственных посылок от Датского Красного Креста. Подарки Шведского Красного Креста, прибывшие в сентябре 1946 г., были адресованы детским учреждениям Москвы, Киева, Минска. В октябре того же года для детских домов Азербайджана поступило 20 т риса от Иранского общества Красного Льва и Солнца.

Советское правительство с подозрением относилось к послевоенной помощи и искало предлог для отказа, что не раз и делалось.

Направленные в СССР по линии обществ Красного Креста грузы распределял Совмин СССР. Поскольку помощь часто обезличивалась и **передавалась по другим адресам, а жертвователи не получали вразумительных ответов об ее участи, то за границей распространились слухи, что посылаемые в СССР подарки расхищаются.**

В мае 1947 г. безадресные поступления подарков по линии Красного Креста прекратились и направлялись только грузы целевого назначения. Тому немало способствовало мнение советского руководства о нецелесообразности организации сбора средств в пользу СССР, что могло бы быть использовано Западом „для демагогической пропаганды". **Министерство иностранных дел рекомендовало исполкому СОКК и КП под благовидным предлогом отказаться от предлагаемой помощи.**

Советское правительство продемонстрировало Западу, что СССР способен сам оказывать помощь тем, кто в ней нуждается. В ответ на просьбы со стороны Болгарии,

Румынии, Польши, Чехословакии в эти и другие страны в 1946–1947 гг. из Советского Союза было отправлено 2,5 млн. т зерна.

Иначе говоря, руководство страны сознательно пошло на голод, сохранив, а осенью 1947 г. на 80–90% пополнив запасы зерна. Таким же методом производились накопления других продуктов питания и промтоваров к предстоявшим 16 декабря 1947 г. отмене карточной системы и денежной реформе»[166].

Вот это и есть самый настоящий голодный экспорт — без кавычек и без подмены понятий! И мы знаем, что советская власть уже не в первый раз вывозила сельскохозяйственные продукты из страны в то время, когда миллионы людей умирали голодной смертью. Вспомним хотя бы 1932–1933 гг.!

Нужны ли здесь какие-то слова?

Власти, однако, все было мало.

«После денежной реформы, сопровождавшей отмену карточек, средний месячный заработок рабочего составлял 70 руб., у колхозников и рабочих совхозов — в 5–10 раз меньше. Такие важные калорийные продукты питания, как мясо, масло, сахар и др., не говоря о промтоварах, сделались еще более недоступными. Денежная реформа в очередной раз „вывернула карманы“ малоимущих граждан, составлявших 90% населения страны. Она изъяла из обращения и аннулировала избыточную массу денег, но привела лишь к кратковременному укреплению курса рубля, так как представляла собой типичную административную меру, игнорировавшую законы экономики.

Пайково-карточная зависимость от государства, голод, необеспеченность питанием миллионов сельчан, лишенных нормированного снабжения, искусственно нагнетали криминогенность обстановки. Суровых законов военного времени оказалось недостаточно для устрашения и закрепощения обманутого народа.

...Во второй половине 1946 г. Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли два постановления по усилению охраны хлеба.

Во исполнение этих решений Министерство юстиции СССР дало указания всем судебным органам применять к виновным закон от 7 августа 1932 г.; тем самым за хищение колхозного и кооперативного имущества вновь вводились расстрел или лишение свободы на 10 лет и больше. По неполным данным уже осенью 1946 г. было осуждено за хищение хлеба 53369 человек, из них 36670 человек (68,5%) приговорены к лишению свободы, 35 человек — к расстрелу.

Сокращение поступления хлеба на внутренний рынок, необузданный рост цен весной 1947 г. привели к увеличению краж зерна, муки, печеного хлеба в городе и деревне.

5 марта того же года по предложению секретаря ЦК ВКП(б) Жданова была создана комиссия для разработки гораздо более строгих мер уголовного наказания за кражу частного, государственного и общественного имущества. Теперь минимальный срок наказания за кражу или растрату государственного имущества составлял от 7 до 10 лет, повторное или групповое подобное преступление — до 25 лет исправительно-трудовых работ.

По секретному распоряжению Совета Министров СССР действие указов распространили и на мелкие кражи на производстве. **Беда была в том, что усиление правовой ответственности граждан за мелкие хищения зерна и хлеба не было подкреплено соответствующей материальной помощью голодающим.** В силу

этого правовое преследование расхитителей вылилось на практике в репрессии против самих производителей хлеба.

Хуже того, разбазариванием хлеба в колхозах считалась выдача зерна авансом в счет трудодней или на общественное питание до полного расчета с государством. **В итоге в 1946–1948 гг. общее количество преданных суду, председателей колхозов достигло 21285 человек**. Кроме председателей оказались за решеткой 14569 человек сельсоветского и колхозного актива. Среди осужденных попадались мошенники и жулики, но они составляли явное меньшинство.

...По тем же указам в лагерях, колониях и тюрьмах на 1 июля 1947 г. с матерями находилось 18790 детей в возрасте до 4 лет, а также 6820 беременных женщин. Число малышей в 3 раза превышало вместимость лагерных домов младенца.

Архивные документы свидетельствуют, что государство располагало возможностями спасти голодающих людей и остановить рост преступности. Имелись значительные запасы продуктов питания (хлеба, масла, сахара и др.).

Однако кремлевское руководство продолжало действовать карательными методами, ставшими нормой в 30-е годы. Чтобы заставить обессилевшую после войны и голода деревню работать, указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. были проведены мероприятия по выселению лиц, уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве. Без суда и следствия в том же году в отдаленные края на спецпоселения сроком до восьми лет выслали из колхозов и совхозов более 23 тыс. человек, в том числе 12 тыс. человек из Российской Федерации. **Так, под видом укрепления дисциплины были организованы репрессии против колхозников, рабочих совхозов и единоличников; эти меры сами жители деревни назвали вторым раскулачиванием.** ...В целом по СССР было направлено на спецпоселение 33266 человек, за которыми последовали 13598 членов их семей. Со второй половины 50-х годов их начали освобождать...

Пренебрежительное отношение руководства страны к потребностям собственного народа привело к тому, что во многих колхозах и совхозах, пострадавших от засухи 1948 г., люди голодали весной и летом 1949 г.

Рождаемость в СССР в 1948 г. снизилась даже по сравнению с голодным 1947 г.: в Москве упала на 25%, в Ленинграде — на 22%. В 1949–1953 гг. существенных сдвигов к лучшему не произошло. При этом сельское население СССР постоянно сокращалось в среднем на миллион человек в год. По сути, именно в эти годы и возникают те безлюдные деревни, которые ныне исчисляются сотнями»[167].

Я привел все эти данные не для того, чтобы обесценить несчастья людей, живших в конце XIX – начале XX вв., а для того, чтобы, повторюсь, иметь меру вещей, когда мы говорим о столь важных, по существу, **основополагающих** проблемах. Нельзя путать времена и понятия.

У каждой эпохи свой порог страданий.

Изложенное позволяет сопоставить масштабы бедствий российского народа до и после 1917 г.

Тем людям, о тяжелой жизни которых на рубеже веков трубило «передовое общество» и которые доживут до 1917 г., еще только предстояло узнать, каков будет российский XX век, что, увы, не делает их страдания в начале этого века **не**настоящими.

Однако, анализируя неурожаи и голод в пореформенное время, мы должны иметь **ясное** понимание того, что самые страшные испытания в русской Истории были еще впереди.

После 1917 г. дореволюционные представления о том, что такое **голод**, к несчастью, серьезно изменились.

Принципиально важно для нас уяснить, как менялась реакция власти на эти вызовы.

Царский режим тратил на продовольственную помощь суммы, иногда сопоставимые с расходами на оборону страны, он кормил, точнее «прокармливал» миллионы людей, число которых, в сумме превышало население некоторых западноевропейских стран, он открывал тысячи столовых и пунктов медицинской помощи, предоставлял возможность нуждающимся заработать, он выдавал хлеб и деньги в ссуду, а затем прощал долги, и т. д., притом же его альтруизм прямо воспитывал социальное иждивенчество.

По существу, власть проводила реальную **социалистическую** политику, что прекрасно понимали умные люди и в то время, например, В. И. Гурко:

«С этого дня (17 октября 1905 г. — *М. Д.*) мы стали на тот путь, по которому шли все государства Западной Европы. **Тот государственный социализм, которым в течение долгого периода проникнуты были многие начинания нашей законодательной власти, а в еще большей степени многие из принимаемых правительством мер в порядке управления, должен уступить место предоставлению широкого простора самодеятельности и предприимчивости отдельных лиц.**

Мы должны отказаться ныне от мысли равномерно поднять благосостояние всей массы населения, но за то обязаны облегчить отдельным лицам возможность развить все свои природные способности и тем увеличить свои материальные достатки. Если мы когда-нибудь и вернемся на путь коллективизма, то, несомненно, лишь теми же способами, которыми со временем несомненно станут на этот путь народы Западной Европы, а именно после высокого культурного развития преобладающего большинства всего населения. Такое развитие само собою приведет к организации сообществ на кооперативных началах»[168].

Истерики русской интеллигенции по поводу «народных бедствий» и вины правительства, как видно из изложенного в огромной степени были популистской демагогией даже и по представлениям того времени. Водка, конечно, продукт весьма калорийный, но стоил он все же в **разы** дороже хлеба.

Десятки миллионов рублей тратились на продовольственную помощь, в то время как они могли быть потрачены на многое другое, что было куда полезнее социального иждивенчества — на оборону, например, на открытие столь нужных стране военных училищ, на всеобщее начальное образование, на новые железные дороги, да мало ли на что!

А подходы Советской власти, «Власти рабочих и крестьян», как она себя именовала, к рассматриваемой проблематике наглядно характеризует следующая информация, дополняющая приведенное выше описание голода 1946–1947 гг.: «Например, в 1946 г. в год сильнейшей засухи, украинские колхозники должны были сдать государству 400 млн. пуд. (7,2 млн. тонн) зерна. Эта цифра, как и большинство других плановых заданий, произвольно была установлена и никак не соотносилась с действительными возможностями украинского сельского хозяйства. Отчаявшиеся крестьяне слали письма

украинскому правительству в Киев и союзному в Москву, умоляя прийти им на помощь и спасти от голодной смерти. Хрущев, который был в то время первым секретарем ЦК КП(б)У после долгих и мучительных колебаний (он опасался быть обвиненным в саботаже и потерять свое место) все же послал письмо Сталину, в котором просил разрешить временно ввести карточную систему и сохранить продовольствие для снабжения сельскохозяйственного населения. Сталин в ответной телеграмме грубо отверг просьбу украинского правительства. Теперь украинских крестьян ожидали голод и смерть. Народ начал умирать тысячами. Появились случаи каннибализма. Хрущев приводит в своих мемуарах письмо к нему секретаря Одесского областного комитета партии А. И. Кириченко, посетившего в зиму 1946–1947 года один из колохозов. Вот что он сообщал: „Я увидел ужасную сцену. Женщина положила трупик своего собственного ребенка на стол и разрезала его на куски. Она безумолчно говорила, когда это делала: „Мы уже съели Манечку. Теперь мы засолим Ваничку. Это поддержит нас некоторое время". Можете Вы себе это представить? Женщина сошла с ума на почве голода и разрубила собственных детей на куски!". Голод бушевал на Украине.

Однако Сталин и его ближайшие помощники не желали считаться с фактами. На Украину был послан беспощадный Каганович в качестве первого секретаря ЦК КП(б)У, а Хрущев временно впал в немилость, был перемещен на пост Председателя Совнаркома Украины. Но никакие перемещения не могли спасти положения: голод продолжался, и он унес около миллиона человеческих жизней»[169].

И при этом миллионы тонн зерна вывозились за границу. А что творилось в 1932–1933 гг., когда погибло 5–7 миллионов человек, когда распухшие от голода люди стали привычной частью привокзальных пейзажей, а через порты и таможни на экспорт шел поток продовольствия?

До каких же глубин цинизма нужно опуститься, чтобы после этого десятилетиями твердить о «голодном экспорте», о «проклятом царизме» и т. п.?!

Ведь причитания народолюбивой дореволюционной интеллигенции о несчастной доле российского крестьянства без малейших корректив перешли в советскую историографию, в школьные и вузовские учебники истории СССР, и на них выросли **поколения** советских людей, в том числе и автор этих строк...

Один из результатов такой историографической «политики» — совершенно ненормальные критерии, сдвинутая шкала ценностей в головах наших современников, подтверждения чему искать долго не приходится.

Уже в постсоветское время, когда, казалось бы, нет ни малейшей идеологической «необходимости» продолжать линию «плачущей» историографии, когда стали известны многие факты и документы, мы зачастую видим то же отсутствие меры вещей, то же смешение понятий, граничащее с научной безответственностью.

То, о чем не могли знать дореволюционные публицисты и экономисты и о чем не могли писать советские историки (впрочем, никто никого не заставлял — занимайся походами А. В. Суворова!), вполне доступно объективному исследованию в наши дни. Во всяком случае, сопоставить времена не очень сложно — и это делается.

Однако нередко в литературе, публицистике, в лекционных курсах по-прежнему доминирует старый «ноющий» народнический взгляд, так что порой даже неинтересно, что это — неискренняя убежденность или искренние заблуждения.

В любом случае — сон разума...

* * *

Следующая очень важная проблема, закономерно возникающая в контексте истории продовольственной помощи в пореформенной России, касается оппозиции «Власть и народ».

Понятно, что в самом общем виде мы имеем здесь дело с одним из ракурсов перехода от аграрного общества к индустриальному в психологической сфере.

Мы видим психологическую и иную неготовность как крестьян, так и земства, да и самой Власти к новой жизни. Но это абсолютно понятно и даже нормально в условиях сложнейшего модернизационного перехода.

Но можно ли считать естественным то непонимание правительственной политики простым народом, которое фиксируется источниками?

Напомним, что до 1891 г. власть старалась пресекать стремление населения к социальному иждивенчеству, а с 1892 г. вектор правительственной политики изменился на 180 градусов, что привело к росту именно иждивенческих настроений крестьянства.

Реакция, надо сказать, ожидаемая и понятная. В восприятии народом продовольственной помощи ярко проявилось многое из того, что в советских школьных учебниках покрывалось стыдливым эвфемизмом «царистские иллюзии».

Сразу отметим, что иждивенчество такого сорта — отнюдь не особенность нашей, условно говоря, «национальной охоты». Чтобы в этом убедиться, достаточно иногда смотреть новости канала «Euronews». В Истории эта особенность проявляется почти всегда и почти везде при каждом удобном случае, и бессмертное «хлеба и зрелищ», относится, конечно, не только к древнему Риму. Это слишком по-человечески, как говаривал С. Ю. Витте.

Для нас важно также, что подобный взгляд крестьян возник задолго до 1891 г. Еще при Николае I правительство, всякий раз открывая общественные работы при неурожае, имело также в виду тем самым «устранить вредную мысль поселян о безусловном праве их требовать пособие от правительства». Так, в 1833 г. Государственный Совет во время обсуждения вопроса об организации работ констатировал наличие «превратного мнения, укоренившегося у крестьян», «будто бы правительство *обязано* продовольствовать нуждающихся из них, причем, требуя настоятельно пособия, они в то же время продают собственные свои запасы и отказываются от работ у помещиков, домогаясь безусловной дачи им хлеба. События такого рода и бывшие даже при том беспорядки убеждают в необходимости принятия заблаговременно мер, кои, побуждая нерадивых и беспечных к трудолюбию, постепенно истребили бы вредную для государства и для собственного благосостояния поселян мысль о праве их на пособие от владельцев и правительства»[170]. То есть, многое из того негативного, что фиксируется в поведении крестьянства в конце XIX – начале XX вв., стало обыденностью их отношений с властью намного раньше.

Мотивы Александра III, начавшего сложение продовольственных долгов с крестьянства, отчасти проясняют следующие слова С. Ю.Витте:

«Императору Александру III ставится в укор также и перемена земского Положения 1864 г. на Положение 1890 г.; введение начальников, **вообще введение принципа какого-то патриархального покровительства над крестьянами, как бы в предположении, что крестьяне навеки должны остаться таких стадных понятий и стадной нравственности.**

Я эти воззрения считаю глубоко неправильными воззрениями, которые уже имели большие дурные последствия, выразившиеся в событиях, разгоревшихся в 1905 г.; эти воззрения еще будут иметь громадные дурные последствия в жизни России. Может быть, дурные последствия произойдут из-за неустройства крестьян, из-за неустройства их правовых отношений, вследствие того что на крестьян смотрят, как на людей особого рода, не на таких, как мы, например; что для них должны быть какие-то особые нормы, особые порядки — и в этом я вижу в будущем большие пертурбации в жизни Российской империи.

Это была ошибка императора Александра III, но тем не менее я не могу не засвидетельствовать, что это была ошибка не только добросовестная, но ошибка в высшей степени душевная.

Император Александр III относился глубоко сердечно ко всем нуждам русского крестьянства в частности и русских слабых людей вообще.

Это был тип действительно самодержавного монарха, самодержавного русского царя; а понятие о самодержавном русском царе неразрывно связано **с понятием о царе как о покровителе, печальнике русского народа, защитнике русского народа, защитнике слабых, ибо престиж русского царя основан на христианских началах; он связан с идеей христианства, с идеей православия, заключающейся в защите всех слабых, всех нуждающихся, всех страждущих,** а не в покровительстве нас, которым Бог дал по самому рождению нашему или вообще благодаря каким-нибудь благоприятным условиям особые привилегии, т. е. нас, русских дворян, и в особенности русских буржуа, которые не имеют того хорошего, того благородного, что встречается во многих русских дворянах, но зато в избытке имеют все то нехорошее, что дают излишества жизни, обесценение ценности чужого труда, а иногда и чужого сердца»[171].

С. Ю. Витте знал, о чем пишет, посему позиция царя-«покровителя, печальника русского народа», открывшего в 1892 г. после невиданного им народного бедствия «эпоху дармовщины» в продовольственном деле, понятна. Менее всего Александр III был склонен заигрывать с кем-либо, в том числе и с крестьянами. Он просто хотел помочь им так, как он это понимал.

Несложно предположить, что его сын, Николай II, хотел походить на отца хотя бы в этом. Александр III умер 20 октября 1894 г. Николаю II очень хотелось жениться, поэтому Манифест по случаю бракосочетания, сложивший с крестьянства 50 млн. руб., датирован 14 ноября.

Еще легче понять радость Николая II-отца, который дождался — после четырех дочерей! — наконец, наследника, и, желая, чтобы эту радость с ним разделили все вокруг, выбирает тот способ, который ему кажется уместным. В данном конкретном слу-

чае — слагая с подданных 50 млн. руб. долга, на которые он мог построить 12 крейсеров «Варяг» или 4 броненосца класса «Полтава»!

Итак, то, **что** двигало последними Романовыми, в принципе доступно нашему пониманию. И не только нашему — то же, надо думать, относится и к десяткам миллионов крестьян, но из этого ими были сделаны неправильные с точки зрения Власти и общества выводы, последствия которых описаны выше.

Однако с точки зрения крестьян все было совершенно логично и более того — справедливо. Ведь в 1892, в 1893, в 1894 гг. и позже Власть поступала в полном соответствии с ожиданиями крестьянства — прощало долги. Так и должно было быть, исходя из крестьянских взглядов на весь строй российской государственности.

Крестьяне, несомненно, рассуждали примерно так: «Если вы, т. е. Правительство и власть имущие, **всё** в этой жизни решаете за нас, то решайте и эту проблему, — голод все-таки!». Для жителей, для подданных вотчинного патерналистского государства с 400-летней (как минимум) историей это — совершенно нормальный, естественный ход мысли.

В сущности, историю продовольственной помощи вполне можно рассматривать как диалог Власти и ее народа. Только это диалог двух глухих, не умеющих притом читать по губам.

Не задаться вопросом, почему же Власть и народ **настолько** не понимают друг друга было бы неправильно.

Позволю себе привести два отрывка из воспоминаний С. Т. Семенова «25 лет в деревне», которые, возможно, позволят приблизиться к ответу.

Семенов пишет о том, как его огорчало, что «в нравственной стороне крестьянской жизни начали выясняться большие дефекты, характеризовавшие моих односельцев вовсе не с такой стороны, с которой мне хотелось бы их видеть». Речь шла о длительных самовольных порубках чужого леса («он не чужой, а Божий, — говорили мне. — Хлеб с поля грех брать, потому его сеяли, над ним трудились, а над лесом кто трудился?.. Так думало в деревне большинство, и уверенность, что на их стороне правда, была непоколебимая»), о подворовывании во время извоза в Москве, о котором «говорилось... откровенно, безо всякого помысла о том, что этим неудобно хвастаться. Некоторые не стеснялись даже и делать такие вещи на виду», о том, что мужики, промышлявшие возкой льна, заезжали с нагруженными возами домой, открывали возы, «выбирали там лучшие связки льна, оставляли их дома, а на их место клали свои худшего качества, Таким образом, обменивши пять пудов льна, каждый получал рублей на 10 от обмана, кроме платы за извоз. Обменявши так весь свой лен, некоторые покупали плохой лен у соседей и мешали его. При сдаче же льна в большой партии малое количество плохого не замечалось, и всем это сходило с рук», о подсыпании песка в семена при продаже[172].

«Такая легкость в отношении к чужой собственности и уверенность, что в этом нет ничего предосудительного, были сначала мне непонятны. Как же это так? — думал я. Есть заповедь, которая прямо говорит: „Не укради"; есть статьи закона, строго карающие присвоение чужого, и все-таки нарушение этих установлений делается настолько явно, как будто бы это самое обычное дело.

Мало этого, такими поступками некоторые были склонны хвастаться, хотя грехами, более невинными, они бы хвастаться не решились.

Я долго ломал над этим голову и пришел к тому убеждению, что *делающие так не верят тому, что это* **грех***; греховность такого рода поступков не вошла в их сознание* же, ну, настолько, например, как уверенность в недопущении употребления скоромного в постный день, начать работать по утру неумывшись и т. п.

Ни внушениями от других, ни практикой жизни не воспитано в них чувства недозволенности этого, а напротив, воспитывалось другое.

Во всей своей прошлой жизни стесненный в пользовании дарами природы, а часто и произведениями рук своих, крестьянин, желавший этим пользоваться, мог делать это только „урывом“, тайком. **А так как обстоятельства, стеснявшие его, длились целые века, то этот способ вошел в такое обыкновение, что крестьянское общественное мнение приучилось относиться к нему безразлично.**

Такое отношение переходило из поколения к поколению и сохранилось до наших пор, когда условия несколько изменились. Что это именно так, видно из того, что легкое отношение к чужой собственности многими допускается только к чужим и людям другого положения. Мужик, с легким сердцем обменивающий лен, не возьмет у соседа клока сена, не решится переменить косы, грабель, и таких большинство»[173].

Этот фрагмент дополняется нижеследующим:

«Мне всегда было удивительно, как это при начале войны с японцами многие люди, всю свою жизнь положившие на то, чтобы загонять и забивать душу человеческую в простолюдине, не позволять ему сметь свое суждение иметь, — возлагали на этот простой народ великую надежду, что он станет победителем неизвестного врага.

Ссылались на прежнее время, когда личность человеческая не менее была унижена но все-таки русские воины делали чудеса храбрости, — и забывали, что в прежнее время было больше близости между начальствующим и подчиненным, господином и слугою.

Прежний помещик имел связь и общность с крепостными, они друг друга поддерживали, — а какая могла быть связь между теперешним барчуком и крестьянином? Хозяином и работником? Воля крестьянину была объявлена более 40 лет (назад. — *М. Д.*). Вслух говорилось о братстве и равенстве всех людей, а между тем эти великие начала одними вышестоящими не признавались, устранялись, и таким образом, вместо общности являлись две враждующие стороны, которых связали одной веревкой и погнали в неведомую страну проливать кровь неизвестно за что.

Прежние войны простому солдату были понятны, что они ведутся за веру, царя и отечество. К японской же войне нельзя было притянуть ни веры, ни отечества. Какие же тут было возлагать надежды?

А надежды возлагались большие. И прежде всего начальственными лицами...

Но были жаждущие побед и верящие в них и помимо официальных лиц. Из таких у нас был Ефим Степанов... У Ефима Степанова была очень сильна вера в силу ума, сметку, находчивость и выносливость русского солдата. Он хотя был безграмотен, но очень хорошо знал и помнил историю России, конечно, по лубочным источникам... Сказки про мужичка, одурачивающего барина или задававшего непосильные задачи самому царю Петру, были его любимыми сказками. Господ он не считал ни во что. Он думал, что они и слабосильны, и трусливы, и изменчивы. Он рассказывал легенды про Паске-

вича, который отравился, про Дибича, который зарезался бритвой. Они казнили себя, уличенные в измене. Севастополь продал врагам князь Меньшиков, Александра II убили господа за то, что он у них крестьян отнял. Правда с выдумкой у него мешалась на каждом шагу так же, как перемешивалось и время событий...

Надеялся и верил в победу и Плешаков (один из недругов Семенова. — *М. Д.*), но у него не было связано с победой никаких личных видов. Он только понимал, что мы русские, а русские лучше всех людей на свете, так же как и он — самый первый человек в деревне; так кто же может нас превзойти? Он иногда разглагольствовал:

— Как же может быть, чтобы какой-нибудь косоглазый нас победил?.. У него и глаза-то раскосые... Я их видел в Москве, у них магазин на Кузнецком, — да мы их в кольцо согнем, да через забор перекинем... Где им с нами сладить...

— Да вот ладят же они с нами?

— Кто это говорит-то? С. Т-в? Он какие газеты читает? Они нарочно на руку японцам гнут. В них что угодно напишут, все японские деньги там действуют, а им хочется наше начальство уронить. Вот они и выдумывают. Нет, что ни выдумывай, а мы этим макакам зададим трезвону! У нас там теперь сам Скобелев.

— Как Скобелев? Скобелев давно помер...

— Помер, а на этот раз воскрес. Его Сам Бог поднял: „Иди, покажи, какова русская сила-мочь"... Вот он и покажет! Зовут теперь этого Скобелева генералом Линевичем. Я сам слышал, как об этом листок читали.

В Москве, действительно, продавался как-то листок, в котором говорилось о воскресении геройского духа Скобелева в генерале Линевиче, а Плешаков понял это, как утверждение воскресения настоящего Скобелева.

— А вот Порт-Артур-то у нас взяли?

— Что ж Порт-Артур? Его Стессель отдал, — а кто такой Стессель? Англичанин... Он и отдал его затем, чтобы англичанке угодить... Все дело у нас портят немцы да англичане, а вот бы смести их метелкой да послать бы одних русских, они бы японцу живо нос утерли... Тогда сразу японцу капут бы.

— Были там и русские: Алексеев, Макаров...

— Ну, что ж Макаров? Макаров и действует. Вы думаете, он погиб? Вовсе не погиб. Хоть его броненосец потонул, — только не совсем, а до поры до времени. Придет время, и „Петропавловск" опять появится. Я своими ушами слышал, как говорили про „Петропавловск". Опустился туда водолаз разузнать, где потонул этот броненосец, доплыл до него; видит—стоит „Петропавловск" на дне, каюты его освещены, и в одной собрался весь народ; стоят и службу служат. Священник служит, а они Богу молятся. Водолазу и говорят: „Ступай, брат, и скажи всему нашему воинству, чтобы оно не робело. Будет ему победа. Мы все об этом Господа просим"...

Такие сочинения многими в деревне принимались за истинную правду, и многие поэтому вместо чистой правды о всех наших делах имели самые невероятные понятия»[174].

Напомню, что речь идет о крестьянах, живших в Московской губернии в 1905 г.

Естественно задать вопрос — мог ли народ, имевший подобные «самые невероятные понятия» об окружающем мире, адекватно оценить действия царя-«печальника» и его чадолюбивого сына?

Занятно представить себе, что сто лет назад, когда уже становились обыденностью аэропланы и азбука Морзе, не говоря об автомобилях, в какой-либо стране, претендующей на мировое лидерство (например, Англии, Франции или Германии), народ не просто мечтает, но **верит** в «золотую грамоту», верит в реинкарнацию Скобелева, в потопленный, «только не совсем, а до поры до времени» броненосец, на котором происходит богослужение и т. д.

Россия вступила в XX век, претендуя на одну из ведущих ролей в мировой политике, но притом имея народ, живущий средневековыми представлениями о мире.

Приведенные фрагменты наглядно демонстрируют, в насколько разных мирах жили Власть и ее подданные. Немудрено, что они не понимали друг друга, что Власть не могла внятно сказать крестьянам, чего она хочет.

Простив долги, она вновь оживила не только все крестьянские надежды — на «золотую грамоту», на дополнительную прирезку земли и т. п., но и социальное иждивенчество. На этом фоне делается понятнее многое в нашей истории этого периода, в том числе и реакция крестьян на списывание долгов.

Но почему? Кто в этом виноват?

Почему Власть не смогла, например, написать Манифест 17 октября 1905 г. так, чтобы его адекватно поняло подавляющее большинство подданных?

В настоящей монографии нет возможности рассматривать данную проблему подробно. Во всяком случае ясно — в том, что народ во многом жил представлениями эпохи Алексея Михайловича, виноват не народ.

Один из вечных вопросов Истории — «Можно ли делать добро не вовремя?».

Поведение облагодетельствованного царями населения России — богатая пища для размышлений на эту тему. В данном случае ответ на вопрос — положительный. Потому что в ситуации российского правительства социальная педагогика должна была быть по крайней мере последовательной. За крестьянами стояли века русской истории, прожитые ими вполне определенным образом, которые выработали у них соответствующий взгляд на окружающую действительность. Изменение подобного взгляда было возможно, но для этого Власть должна была предпринимать гигантские усилия, и притом комплексные, к которым она была не готова.

Подводя промежуточные итоги, скажем, что понятия «голод» и «голодный экспорт» до 1917 г. и после него имели совершенно разное историческое содержание и наполнение.

В конце XIX – начале XX вв. они применялись прежде всего в целях антиправительственной пропаганды, будучи при этом далеко не всегда основанными на безупречной источниковой базе, как показано выше.

После 1917 г., когда весь дореволюционный «арсенал» критики царизма оказался в распоряжении нового режима, определения «голод» и «голодный экспорт» по-прежнему занимали видное место в литературе и публицистике без всякого соотнесения с тем, что в реальности происходило в Советской России, и даже как бы оправдывая «временные трудности» «социалистического строительства».

Следствием такой подмены понятий стал, с одной стороны, устойчивый историографический штамп, а с другой — искажение исторической памяти.

Сохранение этой ситуации в настоящее время представляется совершенно недопустимой.

Родит ли Бог «на камушке»? — Природно-климатические условия и сельское хозяйство

Все сказанное выше не снимает, тем не менее, вопроса о том, почему в пореформенное время нарастает череда неурожайных лет, который в свою очередь является частью более общей проблемы — почему в России этого времени были едва ли не самые низкие урожаи в Европе, притом, что в Парижской палате мер и весов в качестве эталонного хранился кубометр воронежского чернозема?

Об этом немало спорили уже в конце XIX – начале XX вв., и тогда же выявились два основных подхода к объяснению этого феномена.

Один исходил из определяющей роли дефектов, которые, будучи органически свойственны общинному землепользованию вообще, в конкретных условиях России 2-й половины XIX в. (бурный рост народонаселения при господстве архаичного сельского хозяйства) не только не позволяли человеку противостоять природе в периоды катаклизмов, но даже сколько-нибудь эффективно вести хозяйство в благоприятные годы.

Второй подход решающее значение отдавал ухудшению климата, накладывавшемуся на малоземелье.

В наши дни эта точка зрения восторжествовала, причем, будучи экстраполирована на гораздо более широкий исторический контекст, охватывающий практически всю русскую историю, стала едва ли не всеобъемлющей.

В 1992 г., благодаря трудам Л. В. Милова, появилось своего рода универсальное объяснение всему негативному, что есть в отечественной истории — климат. Впрочем, учитывая триумфальное шествие этого подхода, видимо, нужно писать — Климат, не менее.

Вот отрывок из заключения монографии Л. В. Милова «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса», которое суммирует его видение истории России: «Итак, природно-климатический фактор имел важнейшее влияние на характер и темпы развития человеческого общества вообще и на характер и темпы развития тех или иных его социальных формирований, охватывающих племена или народы, или целостные государственные образования и государства. Причем это влияние прослеживается не только в том случае, когда разница в природно-климатических условиях резко контрастна и поэтому вполне очевидна (например, страны долин Нила, Двуречья, с одной стороны, и страны Европы, с другой), но и при отсутствии столь резкого контраста (например, Запад Европы и Восток Европы). В последнем случае влияние это не столь грандиозно, как в первом случае, когда речь идет о зарождении древнейших цивилизаций в условиях Двуречья, на многие тысячелетия обгонявшем темпы и характер развития первых цивилизаций на Севере Европы и т. д.

Разница в темпах развития человеческих сообществ на Западе и Востоке Европы прослеживается хотя и в рамках одной общественно-экономической формации, но вместе с тем она глубоко принципиальна и носит фундаментальный характер. Речь идет **о разных типах феодального общества**, о разных темпах их развития.

...Важнейшей особенностью сельского хозяйства большей части Российского государства всегда был необычайно короткий для земледельческих обществ рабочий сезон. Он длился с половины апреля до половины сентября (а по новому стилю с начала мая до начала октября), не отличаясь при этом сколько-нибудь солидной суммой накоплен-

ных температур. В то же время на Западе Европы на полях не работали лишь декабрь и январь. Это не бросающееся в глаза в суете повседневной жизни различие носит между тем фундаментальный характер, поскольку столь серьезная разница производственных условий и, следовательно, открывшихся для человека возможностей в удовлетворении потребностей радикальным образом влияла на экономическое, политическое, культурное развитие Запада и Востока Европы.

...В пределах Восточно-Европейской равнины необычайная кратковременность цикла земледельческих работ русских крестьян усугубляется преобладанием малоплодородных почв. В таких условиях для получения минимального результата необходима была наибольшая концентрация труда в относительно небольшой отрезок времени. Однако индивидуальное крестьянское хозяйство не могло достигнуть необходимого уровня концентрации трудовых усилий в объективно существовавшие здесь сроки сельскохозяйственных работ. Так называемые „ритмы климата“ в виде относительного потепления или, наоборот, сравнительного похолодания не могли существенно влиять на веками утвердившиеся сроки тех или иных работ. Они всегда были необычайно краткими.

Отсюда необходимость для российского крестьянина высоких темпов работ, крайнего напряжения сил, удлинения рабочего дня, использования детского труда и труда стариков. Однако и при этом чаще всего русский крестьянин не достигал необходимой степени концентрации труда. Усугубляло ситуацию и отсутствие необходимого времени для обязательной заготовки корма для скота, необходимые объемы которого намного превышали подобные заготовки других регионов и были обусловлены длительностью стойлового содержания животных.

Следствием этого была невысокая агрокультура, низкая урожайность и низкий, в конечном счете, объем совокупного прибавочного продукта общества вплоть до эпохи механизации и машинизации этого вида труда»[175].

И финал — «В силу различия природно-географических условий на протяжении тысячи лет одно и то же для Западной и Восточной Европы количество труда всегда удовлетворяло не одно и то же количество „естественных потребностей индивида”. В Восточной Европе на протяжении тысячелетий совокупность этих самых необходимых потребностей индивида была существенно больше, чем на Западе Европы, а условия для их удовлетворения гораздо хуже. Следовательно, меньшим оказывался и тот избыток труда, который мог идти на потребности «других» индивидов, по сравнению с массой труда, идущего на потребности «самого себя». Иначе говоря, все сводится к тому, что объем совокупного прибавочного продукта общества в Восточной Европе был всегда значительно меньше, а условия для его создания значительно хуже, чем в Западной Европе. Это объективная закономерность, отменить которую человечество пока не в силах. Именно это обстоятельство объясняет выдающуюся роль государства в истории нашего социума как традиционного создателя и гаранта „всеобщих условий производства”[176].

Таким образом, в этой схеме климат делается тем общим знаменателем, который как бы стягивает воедино целый комплекс очень важных проблем русской истории, в том числе, понятно, и весь аграрный вопрос, в силу чего данная тема имеет отношение и к нашим сюжетам. Ведь Милов прямо касается проблемы потребления

Проблемы, поднятые Миловым, заслуживают, разумеется, детального рассмотрения, поскольку он суммирует целое направление в современной исторической науке, им же отчасти и созданное, но притом продолжающее советскую историографию 2-ой половины XX в. Однако такой возможности мы сейчас лишены, в силу чего в данном разделе лишь укажем на некоторые из наиболее явных «точек несогласия».

Несмотря на очевидные логические и иные пробелы, теория Милова весьма значительной частью общественности была воспринята по меньшей мере с энтузиазмом, который живо напоминает ликование школьников, когда из-за карантина или низкой температуры они могут «законно» не ходить в школу.

Действительно, какое удобное объяснение! Оно практически снимает «проклятые» — и часто неприятные — вопросы русской истории, в том числе и главный вопрос «Кто виноват?».

Во всем виновата «природа-Мачеха»!

Крепостничество — пожалуйста, чрезмерная сила власти — пожалуйста, позднее развитие культуры — и тут есть ответ — климат! Люди, оказывается, вообще ни при чем.

Откровенно говоря, такое удобство даже пугает.

Как часто бывало в нашей истории, концепция Милова моментально приобрела даже не «права гражданства» — она очень быстро стала чем-то незыблемым и как бы само собой разумеющимся, вроде шарообразности Земли. О. Г. Вронский замечает по этому поводу, что в современной отечественной историографии «ссылки на природно-климатический фактор как решающее обстоятельство, делающее коллективное землепользование единственно приемлемым „механизмом выживания“ сельскохозяйственного населения России, стали едва ли не общим местом»[177]. Добавлю — не только в историографии, но и в публицистике всех видов и жанров.

Данное обстоятельство само по себе — достаточно важное уточнение к портрету современной интеллигенции.

Оспаривать отдельные факты, приводимые Миловым, соответствующими «контрфактами» нет смысла, хотя сделать это не слишком сложно.

В жизни вообще, и в русской истории, в частности, всегда можно найти аргументы, для создания, условно говоря, и «Севильского цирюльника», и Реквиема.

Ведь когда речь идет о стране с площадью в миллионы квадратных километров с миллионами (а потом — десятками миллионов) жителей, которые обитают во многих тысячах (позже — десятках тысяч) селений на протяжении сотен лет, число конкретных житейских ситуаций **такого** рода приближается к бесконечности.

Куда важнее другое — выводы, которые делаются из этих фактов.

Л. В.Милов утверждает не более и не менее, что практически вся история большого народа и огромной страны на протяжении столетий определялась **прежде всего** климатом. Остальные факторы при этом во внимание, замечу, не принимаются и практически не рассматриваются, ибо в рамках этой монистической логики они вытекают из первого и главного.

Подчеркну, речь именно о **решающем влиянии** климата на Историю, а не просто о воздействии, которое всем понятно, для всех очевидно и т. д. и которое никто не оспаривает.

Историческая наука говорит, что такое влияние в принципе возможно, и об этом написана целая библиотека.

Однако Европейская Россия и даже отдельно взятая Восточная Русь — определенно не случай Крайнего Севера или «ирригационных цивилизаций». Здесь имеет место явная натяжка, но психологически чрезвычайно комфортная для многих.

Я присоединяюсь к той оценке рассматриваемой теории, которую дает в своей работе «Социальная история Российской Империи» Б. Н. Миронов. Вот что он говорит: «Некоторые авторы считают, что географические особенности России решающим образом повлияли на ее историческое развитие и ее социально-политические институты. Например, по мнению Н. И. Павленко, причина отсталости России к рубежу XVII–XVIII вв. состояла в неблагоприятных почвенно-климатических условиях, которые сковывали производительную и духовную жизнь народа.

Эту точку зрения подробно развил Л. В. Милов, по мнению которого, „тяжелые, суровые природно-климатические условия России“, в особенности в ее ойкумене — Нечерноземном центре, оказали решающее влияние на развитие не только экономики, но также и российского государства и общества. Низкая агротехническая культура, небольшие запашки, низкий уровень производительности труда в сельском хозяйстве (в переводе на годовое измерение) в досоветское время вызывались низким естественным плодородием почвы, а главное — недостатком рабочего времени, так как русский климат позволял выполнять сельскохозяйственные работы лишь в течение 5 месяцев (с начала мая по начало октября — по григорианскому календарю), в то время как на западе Европы нерабочими были только декабрь и январь. Поскольку страна была аграрной, то и низкий объем совокупного прибавочного продукта имел тот же источник. Для изъятия небольшого прибавочного продукта у производителей с целью перераспределения его в интересах всего общества, а также для регулирования социальных и экономических отношений потребовалось установить режим крепостничества, а чтобы этот режим поддерживать, необходимо было сильное государство. Низкие урожаи приводили к постоянному недоеданию — вплоть до начала XX в. крестьянин потреблял около 1500–2000 ккал при потребности в 3000. При малодоходном, неустойчивом и рискованном хозяйстве можно было выжить только при условии солидарности крестьянства. Отсюда произошли общинные формы жизни, поскольку община обеспечивала взаимную поддержку, помогала бедным и т. п., а развитие института частной собственности на землю задержалось. Такова в суммарном виде точка зрения исследователей, отводящих географическому фактору в социальной и политической истории России решающую роль. Как можно ее оценить?

Воздействие географической среды на человека и общественные явления происходит опосредованно и во взаимодействии с другими социальными, экономическими и политическими факторами, оценить индивидуальный вклад каждого из них не представляется возможным. Поэтому любые соображения о влиянии географической среды на отдельные институты, модели поведения, социальные и экономические процессы и политические явления в жизни общества носят по необходимости предположительный, а часто просто гадательный, спекулятивный характер, так как не могут быть подкреплены эмпирическими данными, и уязвимы для критики.

Если суровость климата имела для России решающее, фатально негативное значение, то как объяснить, что народы ряда западноевропейских стран (Швеции, Финляндии, Норвегии, Дании), живя в еще более суровых природных условиях, не испытали их травматического воздействия? А как объяснить, что народы Германии, Северной Англии и Ирландии, живя в примерно таких же условиях, знали феодализм, Ренессанс, Реформацию, а Россия нет, и намного раньше нее расстались с общинными отношениями, коллективной собственностью, крепостным правом, всесильной государственной властью и полюбили частную собственность, индивидуальную ответственность, демократию и интенсивный труд? Это возможно объяснить только тем, что действовали другие, кроме природы, факторы, роль которых не учитывается. Пример Нидерландов — страны с ничтожной территорией и бедной природными ресурсами — также показывает, что не ресурсы главное. Своим неожиданным для всех блистательным взлетом и могуществом в XVIII в. страна была обязана, по словам Ф. Броделя, „трудовым подвигам крестьянства“[178].

Ответы на вопросы, которые задает Б. Н. Миронов, лежат отнюдь не в плоскости природно-климатических условий.

Нельзя не согласиться с ним также и в том, что «во многих случаях сторонники географического детерминизма используют несостоятельные предпосылки для своих построений. Возьмем, к примеру, тезис о хроническом недоедании, которым якобы страдали российские жители и из которого выводится склонность к солидарности и общинным формам жизни. По биологическим законам невозможно, чтобы в течение нескольких столетий народ хронически и значительно — на 30–50% — потреблял меньше, чем требует физиологическая норма. В этом случае он просто вымер бы, а не колонизовал или завоевал 21 млн кв. км территории»[179].

Оппоненты Миронова как-то стыдливо не обращают внимания на следующую принципиальную его мысль, впервые высказанную специалистами, впрочем, задолго до 1917 г.: «Тезис о недостатке рабочего времени находится в противоречии с тем, что православные русские люди имели большее число праздников, чем протестанты, католики и мусульмане, жившие с ними бок о бок, — вместе с воскресными днями от 120 до 140 в год против 80–120 у других народов, причем большинство их приходилось на весну и лето (ниже приводятся сведения, подтверждающие этот взгляд Миронова — *М. Д.*).

Хотят того сторонники географического детерминизма или нет, но природа под их пером превращается в своего рода „козла отпущения“ и на нее взваливается вина за культурную и экономическую отсталость, за недостатки политического и общественного устройства страны»[180].

Подход Милова имеет свои корни в историографии. Он, конечно, далеко не первый из тех, кто пытался связать низкий уровень сельского хозяйства в России с суровыми природно-климатическими условиями и, по обыкновению, противопоставить нашу страну Западу и в этом тоже. На данную тему было немало говорено еще в конце XIX — начале XX вв. — слишком велик и естественен соблазн (см. ниже).

С одной стороны, Милов явно продолжает традиции «плачущей» народнической историографии, только, согласно последней, крестьянин «выживал», начиная с 19 февраля 1861 г., а у него — с момента заселения Северо-Восточной Руси, а то и Восточно-Европейской равнины.

Подобно народникам, он настаивает на уникальности нашей истории, акцентируя, однако, уникальность в первую очередь страданий.

Слегка утрируя, можно сказать, что для народников климат был еще одним дополнением к печальной картине мира, в котором жили российские крестьяне. В климате Власть прямо виновата не была, но, как всегда, была виновата по факту — косвенно, так как плохо боролась с его проявлениями и последствиями. У Милова сама Власть — порождение климата, и обвинять ее бессмысленно.

С другой стороны, теория Милова — своего рода вариант советского марксистского монизма, пытающийся объяснить процессы **неизмеримой сложности** какой-то **одной** причиной, хотя бы и действительно очень важной. При этом человек фактически исключается из «уравнения Истории», его жизнедеятельность полностью определяется внешними силами, в данном случае — силами Природы.

Действительно ли воздействие климата на сельское хозяйство столь фатально, столь же неотвратимо как Рок в древнегреческой культуре?

Анализ концепции Милова во всей полноте уж слишком далеко выходит за рамки данной работы. Коснусь лишь следующих моментов.

Нельзя не заметить, что Милов не проводит четкой дифференциации дореформенной общины и уравнительно-передельной общины пореформенного периода, породившей аграрный кризис конца XIX – начала XX вв., революции и т. д. Какая из них является «компенсационным механизмом выживания», или он считает таковым обе сразу — неясно.

Читатель, не изучающий аграрную историю России специально, едва ли всегда осведомлен в различиях между ними, а это вопрос **принципиальный.** Подобное смешение (подмена) — прием старый, им пользовался, например, еще апологет общины М. Ковалевский в не корректной полемике с Б. Н. Чичериным[181].

Очень ясно изложил эту проблему О. Г. Вронский.

"Компенсационным механизмом выживания" называют современные российские историки и общину (См.: Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 418), которая уменьшала опасность обезземеления и разорения входящих в ее состав семей: здесь и мирская система «справедливого» распределения тягла, и круговая порука, и смягчение конфликтных ситуаций в семье и обществе авторитетом схода, и ограждение однообщественников от прихода чужаков, и коллективная взаимопомощь, и функция передачи опыта из поколения в поколение.

Дистанцируясь от категоричных оценок общины как преимущественно государственно-фискального, т. е. искусственного образования, мы тем не менее считаем необходимым подчеркнуть безусловную заинтересованность государственной власти и вотчинной администрации в этой (фискальной) функции общины в крепостную эпоху, а также сохранение этой заинтересованности в пореформенное время. Весомая роль общины, по существу формирующей весь уклад деревенской жизни, вполне соответствовала уже не раз подчеркиваемому нами патерналистскому подходу русской верховной власти к построению отношений по линии „власть – общество – человек".

Возникнув как «механизм выживания», община достаточно органично вошла в структуру российского социума и, видоизменяясь, обретала новые функции в зависи-

мости от требований времени: **хозяйственно-организаторская и нравственно-воспитательная функции, исконно присущие общине, были весомо дополнены задачами откровенного полицейского надзора, жесткого контроля за состоянием и движением надельной земли на правах его формального владельца, распределения податей и присмотра за их выплатой**. Но, обрастая новыми функциями, община все менее и менее соответствовала требованиям, предъявляемым процессом развернувшейся в России капиталистической модернизации, — и в плане чисто экономическом, и в качестве гаранта социальной стабильности.

Самыми большими заблуждениями российской государственной власти и образованного общества в отношении крестьянской поземельной общины были, с одной стороны, преклонение перед нею как перед „национальной святыней“, способной законсервировать социальную структуру традиционного общества и сохранить страну от потрясений, связанных с нарождением и численным ростом пролетариата, с другой — полицмейстерский цинизм в отношении общинных порядков: „стадом управлять легче, чем каждой скотиной — в отдельности”. Община оказалась в состоянии замедлить течение либеральной модернизации страны, доведя противоречия в аграрной сфере до крайнего напряжения, но остановить формирование социальных страт индустриального общества, предотвратить «великие потрясения» она оказалась не в силах.

Напротив, простота управления стадом — оказалась купленной слишком высокой ценой: удержание подавляющего большинства населения страны вне рамок общегражданского права, подмена универсальных отношений по поводу поземельной собственности иллюзорным „коллективным землевладением“, постоянно подпитывающим надежды деревни на „черный передел“, — сделали общинное крестьянство фактором повышенной социальной опасности (что наглядно продемонстрировали события в деревне в 1902, 1905–1907, 1917 гг.) и привнесли худшие черты „мирской традиции”: „Все взять — и разделить!“ — в среду формирующегося пролетариата, в армейскую среду. Разочарование власти в общине, пришедшее столь поздно, было предсказуемо: обретая „стадо“ — теряешь Личность, теряя Личность — теряешь все.

Для последнего десятилетия XX века характерен живой интерес к проблемам крестьянской общины. К ним обращаются ученые, публицисты, политики. И вновь, как и на исходе века XIX, любование общиной преобладает, находя отражение и в так называемой „теории крестьянской цивилизации“, и в преподнесении жизни русской деревни в духе романтических живописных полотен А. Венецианова и М. Клодта, и в гиперболизации природно-климатического фактора в аграрном развитии страны во 2-ой половине XIX – начале XX в., и в преувеличении роли «общинного коллективизма», и в отказе думского большинства от принятия земельного кодекса, закрепляющего право частной собственности на землю, вопреки крестьянскому „Земля — Божья”.

Что объединяет эти, столь разные по степени знакомства с историей общины, по способу преподнесения своих мыслей, по целям, наконец, экскурсы в мир русской деревни? **Отсутствие строгой хронологической и территориальной локализации анализируемого явления.** Подобные описания общины В. В. Кабанов — один из немногих крупных российских историков, развивающих либеральную концепцию в трактовке проблем поземельных отношений, — справедливо называет „абстрактными

моделями, не связанными ни с временем, ни с пространством". Даже в работе известной исследовательницы крестьянской культуры М. М. Громыко неопределенность хронологических рамок: „XVII–XIX века. Больше — XIX век. Особенно — конец его" — и широкий географический разброс с преобладанием материалов о многоземельных окраинах страны позволяют автору говорить о крестьянстве „вообще".

Между тем хронологическая определенность в анализе проблем общины приобретает первостепенное значение. Можно говорить о позитивном воздействии крестьянского „мира" как «компенсационного механизма выживания» применительно к XVIII в. и даже к первой половине XIX в.

Но в середине XIX в. Россия и мир переживают столь серьезные качественные изменения, что оценивать общину следует уже в совсем иной „системе координат". Именно тогда происходит исчезновение такого фактора, как отсутствие широкого рынка сбыта сельскохозяйственной продукции. Промышленно развитые страны Европы решили, что ввоз продовольствия обойдется им дешевле производства, и это создавало благоприятную конъюнктуру для развития русского товарного земледелия»[182].

После 1861 г. капитализм властно вмешался в жизнь страны. Постоянно росла емкость внутреннего рынка, хотя и медленно, но росла урожайность, «сельскохозяйственная наука и практика сделали гигантский шаг вперед, значительно снизив негативное воздействие природно-климатического фактора на производство продукции полеводства, животноводства, садоводства, огородничества», бурное железнодорожное строительство начало переворот в жизни страны и не только социально-экономической. Одновременно понятным образом повысилась социальная мобильность населения, «вместе с активным включением деревни в товарно-денежные отношения развиваются процессы социальной дифференциации, мобилизации земли, крестьянской колонизации окраин».

О. Г. Вронский совершенно справедливо замечает, что «в таких условиях рассматривать общину как „компенсационный механизм выживания" и увековечивать порядки крестьянского мира ссылками на вечные „капризы матушки-Природы", — значит не видеть кардинальных изменений, произошедших в стране и мире к исходу XIX в.

Да и само сравнение крестьянской поземельной общины пореформенного времени с общиной XVIII–XIX вв. некорректно и даже ошибочно....

До 1861 г. земельно-податная деятельность общины была поставлена под жесткий контроль управляющего имением, помещика или окружного начальника. В случае возникновения конфликта домохозяина со сходом и общинными выборными, арбитром в деле оставалась вотчинная администрация или представители государственной власти. Община не могла производить переделы по своему усмотрению и не могла отобрать надел за недоимку; круговая порука регулировалась помещиком, а в значительной части поместий вообще не применялась; наделение землей подрастающих поколений не было прерогативой общины и осуществлялось из свободных помещичьих земель или земель казны.

Во взаимоотношениях крестьян и помещиков были сильны черты патриархальности: барин осуществлял раскладку тягла, но он же давал землю для нарождающегося потомства мужского пола, он же выручал крестьянина хлебом в голодный год и выделял ему лошадь взамен павшей. «За спиной помещика крестьяне никогда не боялись ни пожаров, ни голодовок, ни падежа скота и лошадей — и это (попросить помощи у барина)

считалось у крестьян в порядке вещей, так как у помещика, по их словам, „было все“, а у них — „ничего“, — пишет по этому поводу Н.Зворыкин. «Барин вот приедет — барин вот рассудит», — пережившая века поговорка не оставляет сомнений — чей авторитет и власть (помещика или общины) доминировали в крепостной деревне.

Совсем иначе выглядит община, «выросшая и сложившаяся на почве узаконений 19 февраля 1861 г.» — община пореформенного времени.

«Сельское общество» стало низшей административной единицей. Должностные лица крестьянского управления де-факто становились представителями государственной власти на местах; община получила право распоряжения коренными и частными переделами земли, право покупки новой земли, право продажи или сдачи в аренду мирских угодий; общине было передано податное дело, включая раскладку «душ», их «свалку-навалку», сбор податей, штрафные санкции к неплательщикам — вплоть до изъятия надела; круговая порука стала прерогативой общества; наделение землей подрастающего поколения также вошло в сферу действий «мира» и было предельно усложнено ограниченностью земельного фонда общины; сход и должностные лица сельского общества получили право расходования мирских сборов.

«Земля и подать — эти два могущественных фактора хозяйственного преуспеяния сельского населения России с изданием положений 19 февраля были переданы в полное распоряжение сельских обществ», — подчеркивал Бржеский, комментируя процесс расширения функций общины после отмены крепостного права.

Из одной системы жесткого подчинения крестьянин был переведен в другую, не менее жесткую: землепашец оставался не собственником, а пользователем надела, находящегося в общинном землевладении, «мир» разверстывал землю и повинности и, наконец, в отношениях с «миром» крестьянин выступал не как самостоятельная Личность, а как член домохозяйства, подчиненный «большаку» и чаще всего не имеющий даже права голоса на сходе.

«Прежде старики были крепостными помещиков, а дети их и внуки стали теперь крепостными общины, „мира“ и домохозяев, которые, в свою очередь, сделались крепостными земли», — так оценивалась современниками произошедшая после 1861 г. «перепряжка тягла»: с барского — на общинное[183].

Полагаю, что указанное неразличение двух типов общины необходимо Милову для того, чтобы неявно представить закономерным переход от якобы всегда существовавшей на Руси общины к колхозам, которые тем самым как бы обретали дополнительную «легитимность». В рамках этой логики большевики лишь переструктурировали, переоформили всегда существовавший общинный порядок.

Далее. Влиянием природно-климатических условий объясняются у Милова, например, и «разные типы феодального общества» и «разные темпы их развития» на Руси и в Западной Европе. И здесь мы снова сталкиваемся со смещением критериев оценки исторического процесса, столь характерной для отечественной историографии, которое явно препятствует его адекватному восприятию.

Разумеется, атмосферные осадки и температура воздуха влияют на людей не только прямо, но и опосредованно. Однако считать, что западноевропейский феодализм, из которого выросли современный парламентский строй и правовое государство, не говоря

о прочем, — следствие большего или меньшего количества осадков и средней годовой температуры, а не римско-варварского синтеза, не влияния, скажем, западного христианства, римского права, и др., мне представляется уж чересчур сильным преувеличением.

Не имея возможности рассматривать эту проблему сколько-нибудь подробно, ограничусь следующим замечанием.

Некоторым читателям, возможно, будет интересно узнать, что о существовании феодализма в России до 1930-х гг. никто и не подозревал. Странное дело, — ни Н. М. Карамзин, ни С. М. Соловьев, ни В. О. Ключевский, ни В. Е. Пресняков, ни другие историки никогда не говорили о русском феодализме*. Славянофилы, например, вслед за М. П. Погодиным, постулируя разность исторического развития Востока и Запада Европы, как раз феодализм относили к числу фундаментальных отличий между ними, наряду с католичеством, римским правом и т. д.

Как и многое в нашей стране, ситуация в исторической науке начала меняться в «год великого перелома», когда наряду с репрессиями против историков-немарксистов началось волевое внедрение в общественное сознание теории общественно-экономических формаций.

«Одной отдельно взятой стране» строящегося социализма пора было уже жить и думать по-марксистски.

В итоге эта теория, разработанная Марксом и Энгельсом на близком и понятном им материале истории Западной Европы, которая к середине XIX в. начала уже всерьез изучаться и осмысляться специалистами и которая давала классические примеры рабства и феодализма, была механически перенесена на историю России — принципиально иную по большинству базовых позиций, чем история Западной Европы!!!

В итоге возникла изумляющая непредвзятое воображение конструкция — русский феодализм — феодализм без феода, т. е. без частной собственности на землю, без **взаимных** строго фиксируемых обязательств вассала и сюзерена, без системы опосредования высшей власти, дающей права сословиям, и очень многого другого. Общим с Западной Европой было одно — ограничение прав крестьянства, его «сословная» неполноправность. Но при этом там — феодализм, у нас — российское крепостничество, приближающееся к рабству. Это совсем не одно и то же.

Думать и писать можно, конечно, что хочешь. Как не вспомнить тут С. Ю. Витте, заметившего, кстати, по поводу схожей идейной мистификации: «Раз приняв такой... лозунг, в силу его, при известной способности выводить нужные заключения на бумаге можно разводить разные узоры (бумага все терпит и при некоторой талантливости и набитости пишущей руки — даже усердно читается)»[184].

До крушения советской власти возможности «отменить» феодализм в нашей истории не было. Появилась она в 1990-х гг., но до сих пор не использована .

И ежегодно с 1 сентября миллионы школьников и студентов снова слушают небылицы о «раннефеодальном государстве Киевская Русь», о «феодально-крепостническом строе», пережитках феодализма и пр., из которых явно и неявно следует, что наша история, хотя и имеет некоторые второстепенные отличия, но в общем такая же, как в

* Не считая малоубедительной попытки Павлова-Сильванского, вздумавшего искать правовых отношений между князьями во времена ордынского ига.

Западной Европе. Однако факты реальной истории никак не укладываются в этот вариант объяснения исторического процесса, который не позволяет ответить на множество капитальной важности вопросов.

Милов говорит: «Разница **в темпах развития** человеческих сообществ на Западе и Востоке Европы прослеживается хотя и в рамках одной общественно- экономической формации, но вместе с тем она глубоко принципиальна и носит фундаментальный характер. Речь идет **о разных типах феодального общества,** о разных темпах их развития».

Между тем не «разница в темпах развития человеческих сообществ на Западе и Востоке Европы... глубоко принципиальна и носит фундаментальный характер», а разница между **типами** «человеческих сообществ» «глубоко принципиальна и носит фундаментальный характер», ибо одно из них было феодальным, а другое не было, из одного выросли правовое государство и гражданское общество, а из другого нет, и сейчас растут, как можно видеть, с огромным трудом.

Почти 80 лет сфальсифицированный постулат о «российском феодализме» (в числе других однотипных) живет отдельной жизнью, деформируя восприятие истории **поколениями** жителей огромной страны. Они в подавляющем большинстве не являются историками и вовсе не обязаны задумываться о проблеме феодализма (рабовладения, сословно-представительной монархии, абсолютизма и т. п.). Они должны иметь качественные школьные учебники, способные сформировать у них адекватное восприятие как собственной истории, так и истории других стран, что, надо заметить, серьезно помогает в частной жизни.

Сказанное лишь на первый взгляд не имеет отношения к аграрной истории России конца XIX – начала XX вв. Я твердо убежден, что пока не будет преодолен этот взгляд, путающий феодализм и феодализацию, точнее подменяющий одно другим, пока мы не отвергнем навязанные вместе с «Великим переломом» и «Большим террором» псевдонаучные догмы — отечественная историческая наука не выйдет из кризиса, в том числе и из состояния, при котором говорят и пишут одно, а имеют в виду другое.

Смещенность критериев рождает, цитируя М. А. Булгакова, «разруху в головах».

Впрочем, довольно об этом.

Насколько теория Милова верифицируется?

У Милова Западная Европа играет роль некоего сельскохозяйственного идеала, причем исключительно благодаря климату.

Но так ли это?

У Ф. Броделя на этот счет свое мнение. В монографии «Что такое Франция?» в разделе «Сила природы» он говорит:

«Главная, неотъемлемая черта крестьянской жизни — постоянная борьба с неподвластными крестьянину силами природы. Против этих сил на протяжении веков были направлены все усилия крестьян, их труд, как разрушительный, так и созидательный. От этого утверждения рукой подать до традиционного противопоставления истории и природы. Причем история в этом случае понимается как борьба человека со слепой природой. Верно ли это?

В действительности, сам человек является частью природы, он — плоть от плоти земли, климата, он слился с растительным миром: с растениями, которые не поддаются

ему, и с теми, **которые худо-бедно ему подчиняются, при условии, что он делает для них все, что нужно.**

...Что же касается старого мира, я не думаю, что кому-либо удастся опровергнуть Жана Жоржелена, утверждающего, что **мир этот покорялся ни больше ни меньше как „диктатуре физической среды"**.

Очевидно, к этой диктатуре можно приспособиться, можно ее преобразовать, использовать. Она не управляет всей сельской экономикой, но пронизывает ее, навязывает ей свой ритм, сцепляет ее звенья. Вдобавок, трудно не заметить вспышек ее гнева, бедствий и превратностей, какими она наполняет жизнь человека. Однако будем осторожны: не следует замечать только их и обращать внимание только на разбушевавшуюся, грозную стихию, чьи жестокие удары запечатлелись в памяти людей.

Не следует брать в расчет одни лишь печальные события, которыми изобилуют все хроники: холода, которые погубили плодовые деревья и даже лесные дубы; заморозки, от которых полегли рано взошедшие хлеба, не защищенные достаточным слоем снега (существует даже поговорка: „Февральский снег нужнее навоза"); лесные пожары, засуха, наводнения, падеж скота; внезапный град, который за несколько часов побил все: и пшеницу, и виноград; в Фертуа (Виварэ) „был обычай бить в колокола, чтобы буря обошла местность стороной".

Наша история — фантастическое нагромождение стихийных бедствий: то затяжные дожди, то нежданный снегопад, погубивший посевы; то сорняки, задушившие колосья,— уж лучше скосить все на корм скоту; то долгая засуха, когда крестьяне тщетно молят Бога послать им дождь; то недород винограда, которого четвертый год подряд не хватает даже на вино для причастия; то град, который выбивает все окна в домах и ломает все лозы в округе, то страшное наводнение.

16 января 1649 года „Сена так разлилась, что по многим улицам надо плыть на лодке" (как и в 1910 году). 21 января 1651 года река Майенн затопила Анже, „весь нижний город и дома близ мостов были залиты водой до третьего этажа"! Что до Луары, то она может затопить всю долину от Роанна до Орлеана, как это произошло в конце июня 1693 года, как раз перед покосом „самых красивых на свете лугов". Если бы, когда вода отступила, траву скосили, можно было бы «надеяться в сентябре на отаву [...] Но почти всюду в этих местах после покоса всякий вправе выгонять на луга свою скотину. Ни один судья не решается выступить против этого обычая. Значит, у скота зимой не будет сена. Беда никогда не приходит одна.

Если не располагать эти бедствия по хронологии, если не замечать, что они отстоят друг от друга во времени, и не учитывать, что бывали годы, когда собирали богатые урожаи, бывали спокойные периоды, **то перечень катастроф, как груда черных камней, образовал бы стену плача. Впрочем, людям свойственно жаловаться, оплакивать свои несчастья, преувеличивать свои горести**.

...**А меж тем в эпоху Людовика XIV Франция пережила то, что называют «малым ледниковым периодом»**[185].

В приведенном фрагменте многое заслуживает внимания, но, полагаю, прежде всего, точная мысль Ж.Жоржелена о «диктатуре физической среды» в «старом мире». Как можно видеть, диктатура эта была повсеместной. Не только «наша история — фанта-

стическое нагромождение стихийных бедствий», не только в России «перечень катастроф» при желании «образовал бы стену плача», и не только в России «людям свойственно жаловаться, оплакивать свои несчастья, преувеличивать свои горести», хотя и ясно, что наша «стена плача» выше и шире.

Достойна внимания и мысль о том, что «к этой диктатуре можно приспособиться, можно ее преобразовать, использовать», что «она не управляет всей сельской экономикой, но пронизывает ее, навязывает ей свой ритм, сцепляет ее звенья».

Один из сводных томов трудов Особого совещания С. Ю. Витте называется «Природные препятствия сельскому хозяйству». Так составитель охарактеризовал те условия, с которыми приходится бороться земледельцу в своей хозяйственной деятельности, и начал свой труд со слов: «Сельскохозяйственная промышленность всецело зависит от наибольшей производительности земли, а последняя от благотворного воздействия на землю творческих сил природы». Видный русский экономист и юрист П. П. Дюшен отвечал ему: «На это мы заметим, что сам человек есть творческая сила природы, частичка этой силы, но в промышленной деятельности он выступает как действующее лицо, как субъект, и только с этой точки зрения можно рассматривать сельскохозяйственную промышленность, т. е. с точки зрения воздействия человека на силы природы, как хозяина-земледельца. Поэтому силы природы не могут быть „поколеблены“ человеком; они действуют всегда с закономерной неизменностью, **но человек, как производитель и потребитель, может пользоваться ими умно и неразумно, удачно и неудачно, хорошо и дурно — с пользой для себя и вредно.** Если стихийные „бедствия“ представляются уму человека как внезапные, независящие от воли человека явления, то не следует забывать, что человек как хозяин всегда их учитывает, подводя баланс своей хозяйственной деятельности, и должен их учитывать»[186].

Развивая свою мысль, Дюшен говорит, что не может согласиться с мнением, «будто в нашем отечестве замечается, по сравнению с другими культурными странами, сравнительно неблагоприятные естественные и экономические условия, как то: скудная природа и континентальный климат с меньшими осадками и проч. Природа нашего отечества не скудная, а богатая — достаточно указать на наш чернозем; континентальность климата — благодать для зерновых хлебов; осадки распределяются почти так же, как и в Западной Европе. Никогда у нас хлеба не страдали от ранних заморозков, по крайней мере в наших губерниях—житницах; кущение хлебов превосходное, иногда излишнее и проч. **Россия по климату и другим условиям прямо земледельческая страна.** Конечно, климатические и почвенные условия в обширной России очень разнообразны, но это не недостаток, а достоинство. Вообще же **все эти условия нисколько не влияют на низкую продуктивность земледельца**»[187].

Вопрос о том, что влияет на «низкую продуктивность» российского крестьянина, мы рассмотрим ниже. Пока же заметим, что мысли Дюшена и Броделя более чем созвучны, что и понятно, ибо у обоих авторов «человек аграрный» не является исключительно пассивным началом во взаимодействии с природно-климатическими условиями, он не персонаж греческой трагедии, фатально подчиненный климату как Року.

Однако вернемся к анализу Броделем взаимодействия французского крестьянского хозяйства с природой. Он был бы неполон без обращения к сезонной составляющей:

«Удивительное явление природы — времена года. Земля с точностью часового механизма вращается вокруг солнца, и времена года неотвратимо сменяют друг друга. Движение, на первый взгляд, каждый год одинаковое и ежегодно определяющее график сельскохозяйственных работ. От соотношения дождей и солнца, жары и холодов зависит, какой будет год: урожайный, средний или неурожайный.

Быть может, для более ясного понимания прошлого надо представить себе, насколько времена года подчиняли себе ритм всей жизни, более того, насколько в этом плане вчерашний день отличается от сегодняшнего. Времена года все те же, это правда, но нынче они уже не так влияют на нас, как раньше. Мы почти не зависим от них...

А теперь попытаемся представить себе, как обстояло дело встарь, попытаемся взглянуть на мир глазами людей той эпохи, когда все, даже городские жители, были, как правило, „наполовину землепашцами“ и пристально следили за погодой, за посадками, за колошением и созреванием пшеницы.

В 1675 году один «горожанин, житель Меца» записывает в своем дневнике: «Должно также отметить проливные дожди и лютые холода, которые начались сразу после Троицына дня и продолжались почти месяц. Это всех весьма удручило, ибо погубило на корню пшеницу и виноград». Неудивительно, что как послы Филиппа II, так и интенданты короля Франции никогда не забывают в своих донесениях описать погоду, то есть сообщить сведения, позволяющие предвидеть, каков будет урожай.

Смена времен года определяет не только погоду, но чередование периодов активности и бездействия в жизни крестьян.

Ранняя или поздняя весна означает более раннее или более позднее начало сельскохозяйственных работ: пахоты, сева, рытья канав... Но страда еще не наступила, поэтому момент благоприятен для того, чтобы нанимать крестьян, которые за небольшую плату отвезут любой товар гужом в другой конец королевства или примут участие в строительных работах...

Лето и начало осени — самая страда: сенокос, жатва, сбор винограда, ранняя молотьба в сентябре, когда, по словам внимательного наблюдателя (1792 г.), „уже едят зерно нового урожая”. **В Савойе говорят: Девять месяцев зимы, три месяца ада** (!!! — *М. Д.*). Под адом явно подразумевается лето, приносящее с собой массу неотложных дел, которые нужно делать как можно скорее. Правда, тому виной горы, где холода наступают рано, а зима тянется долго.

Однако жатва и сбор винограда не только тяжелый труд, но и праздники: бурная радость деревенских жителей, веселье, пир горой... В это время, как мы сказали бы сегодня, имеет место полная занятость населения: городской люд стекается в села, ремесленники оставляют свои ремесла. Так было во всех европейских странах. Причем у нас, во Франции, эта всеобщая мобилизация существовала еще в середине XIX века.

В Мене „ежегодно в августе и в сентябре [до Революции] обувщики, делающие сабо, как и другие работники, оставляют свои обычные занятия и трудятся в поле, что, судя по всему, обеспечивает им гораздо больший заработок”. В Провансальских Альпах совершается настоящий переворот: „Сбором урожая заняты почти все рабочие руки. С приходом весны хвори, вызванные ненастьем, переменой погоды, нуждой, отступают, с приближением летнего солнцестояния все немощи проходят; о старых болячках, опухолях, катарах, лихорадках никто и не вспоминает; неутихающие боли и хронические недуги исчезают; в городах и деревнях торжествует здоровье [..,] Жне-

цы [...] идут от поля к полю по всей провинции и срезают поспевшие колосья [...] Это кочующие орды [...] Они начинают с равнин Ла Напуль; затем идут во Фрежюс, Ле Пюже, Сент-Максим, Гримо— благодаря близости моря хлеба здесь всегда поспевают раньше". А кто не знает традиционного спуска „гаво" — юношей и девушек — по склонам Альп в Нижний Прованс — край хлебов, виноградников и вина?

Потом наступает затишье. С 15 августа крестьяне, как говорит пословица, вешают лампу на гвоздь. И после осеннего сбора винограда и вспашки полей под озимые начинают готовиться к зиме. В это трудное время еще в 1804 году рабочая сила дешева, так что слуги ревностно выполняют свои обязанности и не помышляют о том, чтобы покинуть хозяев.

Где они найдут работу? Поэтому те, кто недовольны своими хозяевами, торопятся уйти до наступления этой поры. „Как только начинается страда на виноградниках и рабочая сила дорожает, многие [...] слуги оставляют хозяев и нанимаются на поденную работу либо подыскивают себе другое место".

Нам нелегко представить себе, что такое суровая зима — ведь мы живем в теплых домах, к ним ведут асфальтированные дороги, которые регулярно расчищают, у нас нет проблем с транспортом, реки судоходны, наводнения стали редкостью.

Меж тем еще недавно зима приносила с собой массу проблем, мороз был назойливым, опасным, разорительным гостем...

Каждый год повторялось одно и то же: чернила замерзали, когда вы собирались сесть писать, вино превращалось в лед даже на столе у Людовика XIV и госпожи де Ментенон; в полях и лесах находили закоченевшую дичь; творилось и множество других ужасных вещей. В Марселе в 1709 году — мыслимо ли это? — вода в Старом Порту подернулась льдом, причем несчастье это стряслось отнюдь «не впервой», ибо это из ряда вон выходящее явление уже имело место в 1506 году. Зима 1544 года тоже «была столь суровой [в Мене], что вино приходилось вырубать из бочек топором». А вот что происходило в Кане в феврале 1660 года, «в течение какового времени и мне, и другим,— говорит Симон Ле Маршан в своем «Дневнике», — надо было подогревать хлеб, чтобы отрезать от него ломоть. Вино в бочках также замерзало; и когда открывали [кран], приходилось разводить под ним огонь, чтобы вино потекло»...

Все это было совсем не так давно, как может показаться. Еще в середине XIX века зимы грозили французам множеством бедствий. Возьмем для примера Сент-Антонен, маленький городок в департаменте Тарн-и-Гаронна, почти село. 11 декабря 1845 года, добрые полвека спустя после нашей Революции, в одном из документов мы читаем: «Из-за того, что зимой не хватает работы, жители коммуны Сент-Антонен, как и тысяч других коммун, впадают в полную нищету». 18 ноября 1853 года, в канун первой годовщины Второй Империи (2 декабря), префект Марселя успокаивает местных жителей: «Судя по всему, зима не должна принести особых страданий сельским жителям». Но в том же 1853 году, одним днем позже, 19 ноября, префект департамента Об пишет: «Общее положение в округе Труа и департаменте Об со времени моего последнего донесения не изменилось. Однако нельзя не заметить, что близкая зима вызывает тревогу, связанную с дороговизной хлеба. По этой причине повсеместно, особенно в Труа, где население самое многочисленное, городские власти принимают меры, чтобы исправить положение, и в понедельник 7-го числа самым нуждающимся семьям выдали талоны на раз-

ного рода скидки при покупке хлеба. Были организованы сборы пожертвований, объявлен сбор денег по подписке, и в случае необходимости откроют срочные мастерские, чтобы занять рабочих, которых фабрикантам слишком часто приходится увольнять с наступлением зимы». Срочные мастерские — то же самое, что при Старом режиме мастерские благотворительные.

Приведем последний пример; этот документ составлен в Рокруа (Арденны) 27 февраля 1854 года: «Департаменты, расположенные в северной части [Франции], более других страдают в этом году от губительных последствий долгой суровой зимы. Неимущие классы, существование коих и без того весьма жалко, лишились возможности предаться своим обычным занятиям, что усугубило их положение, и прежде ужасное. Однако благотворительные меры правительства облегчили тяготы бедняков и пробудили в их душах чувство глубокой признательности к Императору и Императрице. Общество не оставляло их своим попечением ни на миг, учреждаемые повсеместно благотворительные общества получили в свое распоряжение немалые суммы денег и оказывали вспомоществование семьям, оставшимся без средств».

Приведенные документы свидетельствуют о нужде городской бедноты, о безработице, о дороговизне жизни, но все же не о голоде, как это часто бывало встарь. Деревни молчат — быть может, оттого, что отчаялись, но вполне возможно — оттого, что они уже не так беззащитны, как раньше.

Я готов утверждать, что крестьянская экономика во Франции и в другой стране существовала до тех пор, пока зима была для людей испытанием, которое мы сегодня даже не можем себе вообразить»[188].

Я не прошу прощения у читателей за столь длинное описание не **наших** времен года.

Полагаю, оно совершенно необходимо для того, чтобы несколько умерить градус чувства нашей исключительности, в том числе и «климатической». Вино, замерзающее в бокалах Людовика XIV и вырубаемое из бочки топором, ледяные чернила, — это факты, достойные пера Дюма.

Нетрудно видеть, что мнение Ф. Броделя о чрезвычайно благоприятных природно-климатических условиях Запада, в данном случае — Франции, не вполне совпадает с мнением Л. В. Милова, а точнее, совсем не совпадает.

А вот несколько выдержек из другой работы Ф. Броделя — о Средиземноморье. Не стану строить предположения о том, насколько неожиданными для наших соотечественников окажутся следующие строки:

«По правде говоря, **Средиземноморье постоянно борется с нищетой**, причина которой кроется не только в усугубляющих ее обстоятельствах. Несмотря на множество мнимых или реальных преимуществ, здешняя жизнь не дает уверенности в завтрашнем дне. При этом никто не остается равнодушным к ее столько раз превознесенным чарам; даже такие серьезные географы, как Филипсон, иногда уподобляются путешественникам, приехавшим на Средиземное море с Севера, — их ослепляют здешнее солнце, краски, тепло, скороспелые фрукты и розы зимой. Так Гете, будучи в Виченце, поражался уличной жизни, всегда распахнутым лавкам, и мечтал привезти домой немного пьянящего воздуха Юга. Вопреки очевидности, очень трудно соотносить этот светлый, радостный пейзаж с понятиями нищеты и тяжелого труда.

На самом деле жителям Средиземноморья приходится зарабатывать хлеб насущный в поте лица. И огромное пространство остается неосвоенным и не приносит пользы. Пахотные земли почти повсеместно подвергаются двухлетнему полеразделению, которое исключает высокую производительность хозяйства. Мишле, не будучи первооткрывателем, лучше всех остальных понял экономическую несостоятельность всех этих земель, начиная с нашего Прованса»[189].

Считая «явным признаком бедности» жителей Средиземноморья их воздержанность в еде, «всегда поражавшую северян», Бродель задает уместный вопрос:

«Обращали ли вы внимание на то, как мало места в средиземноморской литературе уделено кутежам и попойкам? Описания обедов — если, конечно, речь не идет о столах государей — не свидетельствуют об изобилии. В новеллах Банделло хороший обед — это пучок овощей, немного болонской колбасы, побольше сала и стакан вина. Пустой желудок — постоянный персонаж испанской литературы Золотого Века. Он воплощается в знакомых каждому классических образах Ласарильо из Тормеса и его собрата по picardia (*плутовству*) Гусмана Де Альфараче, которые съедают большой кусок черного хлеба, не оставляя муравьям ни крошки, вопреки требованиям приличия. «Да хранит тебя господь от чумы, идущей из Кастилии, — говорит тот же Гусман, — и от голода, распространяющегося из Андалусии». Нужно ли еще напоминать меню Дон Кихота или поговорку: «Если жаворонок собирается пересечь Кастилию, он должен захватить с собой зерно для корма»?

Каким бы дополнением к этому столу ни служили овощи, фрукты и дары моря, он все равно остается скудным даже сегодня, это образ жизни «во многих случаях на грани недоедания». Такая умеренность не является следствием добродетели или равнодушия к пище.. а вытекает из необходимости.

Средиземноморская почва также несет свою долю ответственности за нищету живущих здесь людей, предлагая им только бесплодные известняки, обширные засоленные пространства, поля, покрытые «селитрой»... с редкими слоями рыхлых отложений и ненадежными пахотными землями. Тонкие пласты земли на поверхности, для обработки которых пригодна только примитивная деревянная соха, отданы на милость ветра и проточной воды. Пашня существует лишь благодаря человеческим усилиям... Когда рвение сельских жителей ослабевает из-за продолжительных смут, исчезает не только крестьянское сословие, но и сама плодородная почва.

Во время испытаний Тридцатилетней войны германское крестьянство было в значительной части истреблено, но земли остались, а с ними и возможность возрождения. В этом преимущество Севера.

В Средиземноморье почва, не защищенная культурными растениями, погибает: пустыня выжидает удобного момента и больше не выпускает пашню из своих объятий. Ее сохранение или восстановление благодаря крестьянскому труду можно считать чудом». Это подтверждают следующие цифры. Около 1900 г. обрабатываемые земли, не считая лесов, пастбищ и непригодных для сельского хозяйства земель составляли в Италии 46% площади почвы в, в Испании — 39,1%, в Португалии — 34,1%, и лишь 18,6% в Греции. На острове Родос из 144 тысяч гектаров земли в запустении сегодня находятся 84 тысячи. Бродель уверен, что «на южном побережье моря эти цифры выглядели бы еще более устрашающими».

Однако и эти возделываемые земли дают очень мало урожая, если они не орошаются специально, и виноват в этом климат.

«В Средиземноморье, более чем где бы то ни было, судьба урожая зависит от власти капризных стихий. Если южный ветер начинает дуть накануне жатвы, хлеб высыхает, не успевая созреть и вырасти, или, если он уже созрел, он осыпается: испанские крестьяне во избежание этой напасти жнут ночью (! — *М. Д.*), при прохладе, потому что высушенное зерно днем падает на землю.

Зимой наводнения опустошают низменные участки, и посевы погибают. Если весной слишком рано устанавливается ясная погода, зерно, которое уже начало созревать, вымерзает, иногда безвозвратно. За судьбу урожая нельзя быть спокойным до последнего момента.

В конце января 1574 года на Крите ожидался богатый урожай; прошли обильные дожди, и было засеяно больше земли, чем обычно. Но, добавляет наш источник, разве не могут все эти надежды обратиться в прах в этой стране, подверженной „губительным туманам, которые сжигают зерно"? Сильные порывы южного ветра, которые наводят страх на острова Эгейского архипелага, часто уничтожают в Корфу уже созревший урожай; именно их опасаются еще и сегодня во всех земледельческих областях Северной Африки, ведь сирокко, которому ничего нельзя противопоставить, за три дня может погубить труды целого года. Прибавим к этому списку бедствий, угрожающих средиземноморским полям, бич саранчи, столь же опасной сегодня, как и вчера.

Очень редко урожай не бывает затронут ни одной из подстерегающих его опасностей. Сборы обычно невысоки, и ввиду ограниченности посевных площадей Средиземноморье всегда находится на краю голода. Из-за нескольких скачков температуры или недостатка небесной влаги человеческая жизнь подвергается опасности.

В этих случаях все претерпевает изменения. Даже планы политиков»[190].

Весьма характерно, что «Филипп II интересуется малейшими колебаниями погоды, временем посевов; хлеб дорожает или дешевеет в зависимости от выпадения осадков»; эти подробности сохранены в письмах, где мы напрасно будем искать других сведений по экономической истории: все это характеризует положение с продовольствием в Средиземноморье XVI века. Это не просто экономическая проблема, это вопрос жизни и смерти.

Голод, настоящий голод, от которого люди умирают на улице, является реальностью. В 1521 году, рассказывает венецианец Наваджеро, «в Андалусии наступил такой голод, что пало несметное количество животных и страна вымерла; погибло также немало людей. Была такая засуха, что хлеба полегли и в поле нельзя было найти ни травинки; в этом году почти исчезли лошади андалусской породы, и до сегодняшнего дня (1525 год), она не была восстановлена». Это крайний случай! На протяжении длительного времени можно без конца отмечать неурожайные годы, когда любое правительство вынуждено заниматься поисками хлеба и организовывать его публичную раздачу, чтобы не допустить голодной смерти своих подданных, что не всегда удается. Особенно тяжелый кризис охватил все Средиземноморье во второй половине столетия, с 1586 по 1591 год, и этот кризис открыл дорогу в Средиземное море кораблям с европейского Севера.

Но и в обычные годы здешнюю жизнь не назовешь легкой или изобильной. Вспомним о том, что тосканцы конца XVI века, располагающие многочисленными пахотными полями, виноградниками, тутовыми рощами, con tutto cio non raccolgono vettovaglie per un terzo dell'anno *(При всем том не могут собрать продовольствия более чем на третью часть года)*! Оцените также следующую фразу из расска-

за Гусмана: «Год был неурожайным вследствие засухи. Севилья, которая с трудом переносит даже благоприятные годы, страдала от этого чрезвычайно...»

В недрах средиземноморской истории действуют такие императивы, как бедность и неуверенность в завтрашнем дне. В них, возможно, и заключается причина благоразумия, умеренности, человеческой изобретательности, а также своего рода инстинктивных империалистических побуждений, которые иной раз являются на деле не чем иным, как потребностью в хлебе насущном»[191].

Мы видим, что ссылки Л. В.Милова на абстрактный Запад с его «райскими» природно-климатическими условиями не очень-то работают в сопоставлении с фактами. И наконец, принципиально не кажется продуктивным объяснение собственных трудностей, исходя из благополучия соседей, тем более нередко мнимого.

Вернемся к мысли Броделя о растениях, «которые худо-бедно ему (человеку — *М. Д.*) подчиняются, **при условии, что он делает для них все, что нужно».** Но что понимается под оборотом «делать все, что нужно»? Очевидно, что речь, как минимум, идет и о должной мере труда, приложенного в данном климате при данных конкретных производственных условиях, но и в том, как, каким образом приложен этот труд.

Довольно распространенное мнение об априори высоком уровне традиционных народных знаний и умений, в том числе и относящихся к сельскому хозяйству, верно лишь отчасти. Экстенсивное хозяйство как-то ведется всеми народами, но очень часто именно «как-то». Однако рано или поздно, на определенном уровне развития цивилизации население той или иной страны сталкивается с тем, что этот архаичный уровень знаний и умений уже недостаточен для поступательного развития в изменяющихся условиях, когда не только растет население, но меняется сам тип цивилизации, когда начинается переход от аграрного общества к индустриальному, то есть **от «старого мира» к «новому»** во всей его громадной сложности и т. д.

И тогда или начинается интенсификация хозяйства — в нашем случае, сельского, или она по разным причинам откладывается, но тогда государство сталкивается с проблемами, нарастающими крещендо. Нетрудно догадаться, что Западная Европа пошла по первому пути, а Россия — по второму.

Неурожаи и голод являются неизбежными спутниками того или иного народа до определенной стадии в его социально-экономическом развитии.

Поскольку поведение людей в период голода, в общем, схоже в разных странах в разные периоды истории, то и способы борьбы с ним были более или менее похожи. В Европе, как и в России, также создавали хлебозапасные магазины, принимали жестокие меры против спекулянтов, фиксировали цены, запрещали не только экспорт хлеба, но и вывоз его в другие провинции. При этом даже в новой истории Европы, не говоря о средневековье и античности, бывали сильнейшие голодовки. Достаточно вспомнить, что во время голода, поразившего Германию в 1771–1772 гг. в Саксонии погибло от голода примерно 150 тыс. чел., а в Богемии — от болезней, возникших вследствие его — 180 тыс. чел. В Шлезвиге в 1847–1848 гг. от голодного тифа население сократилось на 10%. Болезнь картофеля в Ирландии в 1846–1847 гг. унесла жизни более 1 млн. чел.[192]

Но все это — факты истории европейского «старого мира», мира, условно говоря, без железных дорог и пароходов.

К рассматриваемому периоду данная полоса в жизни Европы давно закончилась. Никакой продовольственной организации в Западной Европе, в отличие от России, не было. При этом, естественно, там бывали засухи, недороды и пр., но голодная смерть ушла в предания. Уровень агрокультуры значительно повысился и, во всяком случае, был несопоставим с российским. Население научилось само справляться с проблемами, а если, крайне редко, бедствие принимало экстраординарный характер, то правительство помогало ему, но совсем иначе, чем в России.

Проблема перехода от «старого мира» к новому в России в аграрной сфере в конце XIX – начале XX вв. стояла чрезвычайно остро. Реально именно в этом заключалась суть аграрного кризиса, на деле в этом и была едва ли не главная слабость огромной страны и опасность не просто для поступательного развития, но и для самого ее существования, что наглядно показали события 1902 и 1905–1906 гг.. Но удивительно, насколько этого не понимало множество образованных людей, предпочитавших винить в бедственном положении сельского хозяйства правительство, малоземелье, климат и т. д.!

А. С. Ермолов в данном контексте так сформулировал свой общий взгляд на проблемы отечественного сельского хозяйства:

«Если... почти всей Западной Европе кроме разве таких стран, как Италия, Испания, **удалось перейти от старинных форм землепользования, почти везде бывших к тому же почти одинаковыми или весьма между собою сходными, к современному высоко культурному ее состоянию,** если производительность западноевропейских земель, плодородие которых далеко уступает нашему богатейшему в мире чернозему, во много раз превышает урожайность наших почв, если там на Западе, благодаря приложению к земледелию знаний и капиталов оно так пышно развилось, то нет основания отчаиваться в будущем и нам.

Надо только отрешиться от искания новых, неведомых миру путей, отказаться от стремления удивить мир осуществлением нигде не испытанных, на практике неприложимых теорий, примириться с мыслью, что и нам следует идти обычным проторенным нашими западноевропейскими соседями путем, не обольщаясь идеей, что мы какой-то особенный народ, для которого общие экономические законы не писаны, не смущаясь и тем, что наши почвенные, климатические и всякие иные условия во многих отношениях отличаются от западноевропейских.

Если такое отличие и есть, то оно не всегда нам в ущерб, как в вопросе о качестве и плодородии наших почв, где преимущество в значительной части России на нашей стороне, да и в остальном оно не столь велико, чтобы сделать для нас недоступными те результаты, которые давно уже достигнуты на Западе.

Нужно проникнуться убеждением, что **труд, знание и капитал** такие же мощные двигатели прогресса у нас, как и везде в мире, а земля лишь одно из орудий сельскохозяйственного производства»[193].

На мой взгляд, трудно сказать лучше.

XIX в., как известно, стал переломным в истории агрономической науки. Во второй половине века во многих странах Запада начинается бурное развитие правительственной агрономической помощи, которая должна была донести до миллионов крестьян

достижения науки. В рамках агрономической помощи функционировали различные формы передвижного и стационарного внешкольного распространения сельскохозяйственных знаний. Приведу один пример. Даже в Германии, где имелось всеобщее обязательное 6-8-летнее начальное образование, сумма знаний, полученных в начальной школе считалась недостаточной «при современных повышенных требованиях на уровень познаний даже рядового земледельца». Поэтому для ребят 14–18 лет, уже прошедших начальную школу, был создан особый тип школ-курсов для дополнительного обучения. Это не говоря о многом другом, в том числе и о проведении сельскохозяйственных чтений-бесед в армии (при всеобщей воинской повинности!)[194]. И Власть, и общество в западноевропейских странах не только понимали значимость данной проблемы, но и решали ее, не жалея средств.

В России агрономическая помощь всерьез разворачивается лишь с началом Столыпинской аграрной реформы, что, понятно, не могло сразу отменить веру части крестьян в богослужение на потопленном броненосце и «золотую грамоту».

В библиотеках хранятся сотни брошюр, издававшихся земствами после 1906 г., в которых агрономы в доступной, как кажется, форме объясняли крестьянам, как **на самом деле** следует вести хозяйство, как начать делать для растений «все, что нужно». К сожалению, в основном они датированы 1910-ми годами, а как бы хотелось, чтобы 1870-ми! А. Н. Челинцев не зря с безнадежностью бросил фразу о том, что агрономическая помощь в ЦЧР запоздала на полвека.

Об этих изданиях можно (и нужно) написать специальную работу. Вот одна из таких брошюр под названием «Как можно поднять урожай озимых хлебов в Херсонской губернии», изданная губернским земством в 1913 г.

«Трудно жить на свете земледельцу.

Чуть не круглый год он со страхом и трепетом смотрит то на свои посевы, то на небо: не пошел бы на них не вовремя дождь, не побил бы их град, не сожгло бы их суховеями, не истребили бы саранча да кузька-жучок.

Чуть не до самого амбара стережет земледельца несчастье-беда. Вот уже убран хлеб, сложены снопы... Вдруг, откуда ни возьмись, собралась гроза, разметала копны и залила их до последнего снопа. Прошли тучи, выглянуло солнышко, только успело немного снопы обсушить, — опять гроза, опять дождь. Как начнет так поливать неделю-две, и прощайся с готовым урожаем опять на год.

Так и живет хлебороб, словно под обухом, с утра до вечера, с ранней весны до поздней осени; не проходит, впрочем, спокойно и холодная зима: мало снегу, трещат морозы, и опять начинает болеть душа: не повыдувало бы ветром озимей, не вымерзла бы от гололедок (sic! — *М. Д.*) пшеница-озимка.

Но и это еще далеко не все: кроме труда по посеву, пахоте, по уборке и молотьбе, кроме вечного страха за колосящуюся или созревающую ниву, земледельцы некоторых стран вынуждены работать как каторжники над приготовлением удобной для посева земли.

Возьмем для примера хоть Финляндию, которая лежит рядом с Петербургской губернией.

Покрытая болотами, лесами и скалами, эта страна представляет очень мало удобных мест для хлебопашества, но без хлеба не проживешь; получить же его из других

мест трудно, да и не всякому по карману, и **приходится волей-неволей бедному финляндцу браться за непомерно тяжелую работу и „делать“ себе землю.** Вырубает он лес, корчует пни, рвет порохом и динамитом скалы, роет канавы и сушит болота и только тогда пашет это, взятое с бою поле; а там, смотришь, зачастили не вовремя туманы, ударили ранние морозы, и пропадает напрасно весь затраченный труд.

Наконец, поезжайте в Англию, посмотрите, **как трудится там земледелец. Нигде во всем мире не вкладывают в землю столько труда, ума и денег, как в Англии,** зато нигде вы не увидите и таких урожаев, какие получает англичанин со своих полей...

Не хуже хлебопашества поставлено у англичан и скотоводство.

Англичанин-земледелец не ждет, пока у него на выгоне или на сенокосе сама собою вырастет какая-нибудь «паша», нет, он для скотины, как и для себя, сеет корм: для лошадей и рогатого скота люцерну, клевер, эспарцет и другие травы, для свиней же кормовую свеклу, морковь и другие овощи, хотя этими же овощами англичане с большим успехом откармливают и рабочий скот. Потому-то в Англии так и процветает животноводство вообще.

Английские лошади, мясной и молочный скот, овцы и свиньи считаются лучшими в свете. Между тем земля в Англии не может считаться очень удобной для земледелия: там сплошь и рядом то камни, то пески, то торфяные болота, то вязкая кирпичная глина. В довершение ко всему и климат в Англии сырой, с частыми дождями и туманами, мешающими созреванию хлебов. Но английский земледелец победил все: и почву, и климат; самую негодную землю он сделал годной: у него все идет впрок — и навоз, и другие разные отбросы, и кровь, и кости, и известь, и алебастр (гипс). Мало того, если ему дома не станет удобрения, то он не ленится и не скупится ехать за ним чуть не на край света; так, например, увидели англичане, что большую пользу приносит полям и огородам птичий помет, и посылают они за ним свои корабли далеко за океан.

Так же много, если не больше, вкладывают англичане труда и в самую обработку земли для посева: они ее разрыхляют, очищают, разравнивают, понимая, что только в мягкой, ровной и чистой земле растения свободно будут пускать корни.

Для обработки земли у англичан придумано очень много легких удобных плугов и борон, которые славятся везде, как самые лучшие и прочные.

Теперь, когда мы познакомились отчасти с тем, **как недешево достается урожай земледельцам других стран**, посмотрим, при каких условиях и в какой обстановке проходит жизнь хлебороба родной нам Херсонской губернии.

> Лет сто тому назад Херсонская губерния была заселена очень редко. Нужды в земле не знал никто, каждый пахал столько, на сколько у него хватало сил и средств, а так как земля была целинная, новая и после вспашки не зарастала бурьянами, то и хлеб на ней без всякого удобрения, при самой обыкновенной обработке родился хорошо. Время шло, народу в губернии прибавлялось все больше и больше, росли, как грибы, села и деревни, и так же быстро уменьшалось количество целинных, новых полей.
>
> Но**, привыкший работать как-нибудь и наскоро,** наш крестьянин-земледелец не замечал этого, пахал десять лет подряд одну и ту же десятину и удивлялся, если она не давала ему таких урожаев, как прежде. Правда, земля у нас, в Херсонской губернии, почти сплошь хорошая и покрыта, за небольшим исключением, довольно толстым слоем чернозема, который при достаточном количестве дождей в апреле и

мае дает обильные урожаи всяких хлебов, что и было, например, в 1881, 1888, 1893 и 1901 годах; но в том-то и беда, что дожди в апреле и мае у нас составляют редкость. Чаще же зима у нас сменяется сухой ветреной весной, и хлеба, не имея силы налить колос, пропадают от засухи.

Приглядываясь внимательнее, ученые люди и старые опытные земледельцы убедились, что главной причиной неурожаев в нашей Херсонской губернии является то, что у нас выпадает мало дождей в то время, когда они больше всего нужны, а именно в конце апреля и в мае, и что наш чернозем плохо держит воду и скоро высыхает, скоро „слегается", как говорят крестьяне.

Спрашивается, чем же помочь этому горю, и нет ли способа задержать подольше в земле ту воду, которая выпадает осенью и весною дождем, а зимою снегом, так как надеяться на апрельские, майские и июньские дожди у нас, в Херсонской губернии, довольно трудно.

Способ этот есть, и заключается он в том, чтобы не дать выоранной для посева земле слегаться и зарастать сорными травами, так как только рыхлая мягкая „риля", не заросшая бурьяном, может оставаться сырой долгое время, т. е. с начала весны и до августа месяца, когда ее нужно засевать озимой пшеницей, или до следующей весны, если на ней думают сеять яровой хлеб»[195].

Далее в тексте внятно объясняется, почему такая рыхлая земля предпочтительнее и почему она лучше и дольше задерживает в себе «сырость» и делается вывод:

«Значит, главной заботой земледельца Херсонской губернии должно быть поддержание верхнего слоя почвы в таком состоянии, чтобы в нем было по возможности меньше тонких щелей или волосных ходов, а также, чтобы на поверхности почвы не росли сорняки травы. Достигнуть этого можно разрыхлением верхнего слоя почвы.

Перепахивая время от времени землю, мы этим самым убиваем разом двух зайцев: во-первых, не даем хода сорным травам (бурьянам), который даром сосут из земли воду, а во-вторых, мешаем влаге подыматься из глубины земли на поверхность и уходить в виде пара в воздух (испаряться)», разрывая «щели или волосные ходы» в земле, в силу чего вода не будет так быстро подыматься вверх и, соответственно, не почва, лежащая ниже разрыхленного слоя не будет так быстро высыхать.

«Это делают крестьяне, когда прашуют (сапают) кукурузу и баштаны; вырубая сорные травы (бурьян), они вместе с тем разрыхляют землю, разрывая связь между верхним и нижним ее слоем, отчего последний не так скоро просыхает; кому приходилось видеть кукурузное поле или баштан после майской прашевки и сличать его с таким же непрашеванным полем, тот, конечно, помнит, что прашеванная кукуруза и баштан всегда глядят гораздо веселее и свежее, несмотря на то, что дождя нет и солнце жжет по-прежнему.

То же самое можно наблюдать и на посеве озимой пшеницы, по которому ранней весной, при первом подсыхании, пройдут несколько раз бороною, смотря по надобности, до тех пор, пока не разрыхлят корки, т. е. верхнего подсохшего слоя; проборонованная пшеница быстрее оживает и скорее идет в рост.

Поля из-под кукурузы и баштана у нас принято называть парами; цена их всегда выше, чем цена обыкновенной стерни; но такое название не совсем верно.

Если правильно назвать такой пар, то следует назвать его *занятым паром*: ведь когда у нас говорят, что поле „парует", то это обозначает, что поле с той минуты, как на нем сделана первая оранка, и до самого дня посева отдыхает, набирает силы для

будущего урожая; а разве можно говорить о полном отдыхе, раз поле занято каким-нибудь посевом?

То же можно сказать и о покинутом с весны, неоранном поле, если оно орется в первый раз только после Петрова дня, т. е., когда делают так называемый Петривчаный или *поздний зеленый пар*.

Пар пару — не ровня. В нашей засушливой губернии Петривчаный и «занятой» пары во многом уступают настоящему пару, о котором мы сейчас и поведем речь.

Изучая много лет подряд свойства и силу пахотной земли Херсонской губернии, *ученые доказали, что у нас только тогда можно будет рассчитывать на верный урожай хлебов, когда мы откроем способы сохранять в земле зимнюю воду до конца лета и не будем бояться майской засухи, так часто губящей наши посевы*.

Таким способом, таким средством и являются черный и ранний зеленый пары.

Черный пар от раннего зеленого отличается только тем, что первая оранка поля для черного пара делается с осени. Приготовление черного и раннего зеленого паров дело не новое; но в Херсонской губернии им занимаются лишь некоторые хорошие хозяева в своих имениях, да в последние годы на показательных полях крестьяне пары стали готовить по указаниям земских агрономов. И у нас, и в других губерниях выяснилось, что пар значительно увеличивает урожай соломы и зерна, в чем можно убедиться, посмотрев отчеты Херсонского, Полтавского, Донского и Одесского опытных полей за несколько лет»[196].

Данный фрагмент дает довольно ясное представление, во-первых, о существующем уровне знаний и умений крестьян Херсонской губернии, который зависит вовсе не от засушливого климата, а от совсем других причин, а во-вторых, о том, что ситуация обратима. Необходимо лишь избавиться от привычки «работать как-нибудь и наскоро», т. е. обрести знания и труд **другого** качества.

А вот еще одно издание того же типа — «Беседы с крестьянами по сельскому хозяйству агронома Лукова», напечатанная Саратовским уездным земством в 1913 г.:

«Каждому из вас должно быть известно, что сельское хозяйство является главным занятием крестьянского населения. От этого промысла крестьянин получает себе все необходимые средства к жизни. Чтобы получить побольше эти средств, надо уметь правильно вести свое хозяйство, а для этого необходимо сознательно относиться ко всем работам, производящимся в хозяйстве.

Некоторые думают, что занятие сельским хозяйством является делом очень простым, не требующим особых знаний; такое мнение ошибочное и вредное. От неумелого ведения своего хозяйства многие посевщики разорились, а некоторые из них продолжают получать вместо прибыли убыток, что ведет к разорению.

На занятие сельским хозяйством надо смотреть как на дело сложное и трудное, требующее знаний, осторожности и внимательности. Каждый необдуманный шаг в хозяйстве влечет за собою большие убытки. Особенно нужно быть осторожным при изменении способов ведения своего хозяйства, а изменение это является необходимым.

Если мы будем вести свое хозяйство по-старому, то жить нам с каждым годом будет все труднее и труднее. Дороговизна жизни и высокие цены на землю заставляют сельского хозяина подумать о повышении урожаев, а это повышение связано с изменениями существующих способов ведения хозяйства. Изменивши известным образом севооборот, приемы посева и обработки почвы, мы можем увеличить урожаи

хлебов, а это необходимо. Ведь нет страны в мире, где бы урожаи были так низки, как у нас в России. За десятилетие (1896–1905 гг.) средний урожай ржи на крестьянских надельных землях 50-ти губерний России составлял с небольшим 45 пудов, а средний урожай овса был несколько менее 43 пудов, тогда как за границей урожай этих хлебов в полтора и два раза выше, а земля там не лучше нашей.

Призываю всех сельских хозяев к улучшению своих хозяйств и в этом деле агрономы помогут вам. При правильном ведении хозяйства возможно повысить урожаи хлебов, улучшить кормовые условия и содержание скота. Обращайтесь за советом к агрономам! Агрономы помогут вам при выработке новых севооборотов и улучшении кормов в хозяйстве. От них вы можете получить рядовую сеялку, семена кормовых растений и сортировальные машины. При посеве хлебов рядовой сеялкой семян высевают меньше, а урожаи получаются более высокие. При посеве кормовых растений получается хороший корм для скота. При помощи сортировальных машин вы можете очистить семена от всяких примесей и получить крупное и тяжелое посевное зерно, а таким только зерном и следует сеять.

Саратовское уездное земство для оказания агрономической помощи всему населению уезда имеет в своем распоряжении 7 агрономов, один из них живет в Саратове, а остальные в 6 селениях уезда: Поповке, Вязовке, Лоху, Тепловке, Чардыме и Б. Карабулаке. От них вы можете получить советы по различным вопросам сельского хозяйства.

Кроме агрономов управа имеет еще двух садовников, один из которых живет в с. Базарном Карабулаке, а другой в Багаевке.

Садовники дают советы по садоводству, огородничеству и пчеловодству. От них можно получить сведения о выборе места под сад и огород, о подходящих сортах плодовых деревьев и овощей, о способах посадки и ухода за фруктовыми и огородными растениями, о способах борьбы различного рода вредителями в садах и огородах и проч.

Как агрономы, так и садовники обязаны давать советы всему населению уезда бесплатно.

Пользуйтесь, хозяева, услугами агрономов и садовников на пользу своих хозяйств!

С целью снабжения населения уезда доброкачественными сельскохозяйственными машинами и орудиями Саратовская уездная земская управа имеет склады — в Саратове, Поповке, Н.Городке, Сокуре, Чардыме, Новых Бурасах и Базарном Карабулаке.

Обращайтесь за покупкой сельскохозяйственных машин и орудий в земские склады»[197].

Затем следует описание агрономических и экономических мероприятий Саратовского уездного земства, направленных на содействие крестьянским хозяйствам, и начинаются собственно «беседы агронома». В частности, Луков излагает суть влагосберегающих технологий и способы их применения, столь актуальные в условиях засушливого климата Саратовской губернии.

Исходя из стилистики, совершенно очевидно, что данный текст — явно первое обращение такого рода к саратовским крестьянам, во всяком случае, одно из первых.

Возникает вопрос — почему эти и десятки подобных изданий появились так поздно? Не хватало агрономов? Или понимания ситуации? Ведь земства тратили на продовольственную помощь многие сотни тысяч рублей своих денег, которые могли быть обращены на агрономическое просвещение крестьянства. Однако ниже мы увидим, что

позиция большинства земств в этом вопросе едва ли может быть названа продуманной и последовательной. В числе прочего, они тоже предпочитали ссылаться на ухудшение климата, что, разумеется, не могло вызвать ничего, кроме иронии (в лучшем случае) у знатоков сельского хозяйства.

XIX в. стал переломным в истории мировой агрономии, и российская сельскохозяйственная наука в пореформенное время развивалась также весьма активно. При этом, конечно, давно были выработаны как общие, так и частные рекомендации по ведению сельского хозяйства, которые давали возможность перейти границу между старым миром и новым, фиксируемую в аграрной сфере не менее четко, чем на транспорте.

О том, что и российская агрономическая мысль на этот счет была во всеоружии, можно судить по успехам агрономической помощи во время Столыпинской аграрной реформы (подробнее см.ниже в главе 6 данной монографии и Приложении 1).

В монографии-учебнике «Крестьянское хозяйство» Н. П. Макарова о воздействии природно-климатических условий говорится так:

> «Влияние природных условий ясно бросается глаза всякому, кто только подходит к сельскому хозяйству.
>
> Климат как условие организации сельского хозяйства, сказывается главным образом в тепле и влаге.
>
> Сельского хозяина интересует тепло в различных отношениях. Прежде всего ему важно знать сумму всего тепла в течение того времени, когда не бывает морозов, губящих растения, за так называемый растительный период. В зависимости, от суммы тепла за этот период, хозяин может разводить одни культуры и сорта и не может разводить другие.

Культура	**Сумма средних температур по Цельсию (необход.) для полного развития растения**		**Продолжительность растительного периода в днях**	
	минимал.	максимал.	минимал.	максимал.
Клевера	–	–	70	84
Картофеля	1300	3000	112	161
Овса	1571	1787	70	154
Ячменя	1604	1847	84	126
Льна на волокно	1600	1977		126
Яровой пшеницы	1619	1923	126	140
Вики	1740	1920	126	154
Гороха	1840	2800	112	140
Проса	2211	2411	98	112
Кукурузы	2270	3256	90	212
Сахарной свеклы	2400	3092	182	210
Подсолнуха	2600	2850	140	164
Конопли	2600	2900	112	140
Табака	3200	3600	154	182
Риса	3500	4500	140	182

Каждая полевая культура характеризуется своим требованием на сумму тепла в течение вегетационного периода; при этом очень важно какой продолжительности может быть вегетационный период для данных растений и как должно быть распределено тепло в течение вегетационного периода.

Одни культуры отличаются кратким вегетационным периодом при малой сумме тепла; другие продолжительным периодом при малой сумме тепла; третьи имеют сравнительно короткий вегетационный период, но с большой суммой потребного тепла (например, кукуруза, просо); четвертые отличаются от предыдущих тем, что не требуют ни длинного вегетационного периода ни большой суммы тепла.

Но разнообразие еще больше: различные растения требуют различной массы тепла в разный период роста; травы, овес, отчасти пшеница любят более свежую погоду весной, в первый период роста; многие сорта пшеницы и ячменя любят более жаркую, знойную погоду в период созревания зерна; кукуруза, картофель, свекла любят облачную летнюю погоду и жаркую осень. Наконец для многих возделываемых растений важна температура воздуха зимой; особенно холодный климат при недостаточном покрове снега в полях не позволяет разводить многие озимые культуры, (пшеницы, овса, ячменя и даже ржи).

Все это чрезвычайно отражается на выборе направления земледелия, так как для каждого данного места одни культуры будут недоступны или особенно мало выгодны или рискованы для хозяина, тогда как другие будут находиться в обратном положении. Через растениеводство уже отчасти намечается и направление хозяйства в области животноводства.

Также и в отношении влаги каждое растение имеет свои запросы и к общей массе получаемой за год влаги и ее распределению в течение года...

Мы не будем касаться других климатических условий (облачности, ветров и т. п.), которые иногда не менее важны в вопросе о выборе для хозяйства отдельных сельскохозяйственных растений.

Таким образом, **климат является одним из основных природных условий при выборе направления хозяйства, так как хозяин не может, разводить тех сортов, которые не подходят к местным природным условиям, и принужден подбирать те сорта, которые наиболее успешно используют местные климатические условия.** Не только подбор растений, но и приемы обработки почвы, чередование растений, наконец, и роль скотоводства в хозяйстве зависят от климатических условий (сухое земледелие, земледелие с орошением и т. д.).

С другой стороны, климатом как бы предопределяется трудовая емкость земледелия, так как им устанавливается возможная продолжительность полевых работ. Наибольшая продолжительность растительного периода в днях:

В РОССИИ.*)

*) *для нечерноземной полосы продолжительность определена по картофелю.*

Губернии нечерноземные

Северные	109	Юго-восточные	139
Средние и заволжские	126	Средне-черноземные	149
Северо-западные	124	Юго-западные	159
Промышленные	129	Юго-степные	173
Западные	149		

В ГЕРМАНИИ.

Черноземные.....	Ржаная зона.....188
Северные 149	Пшеничная 221
	Виноградная.....260

Возможная продолжительность полевых работ на 50–100 % больше на юге России, чем на севере; следовательно, и хозяйственная емкость 1 десятины в южных районах также может быть увеличена; климатические условия юга благоприятствуют интенсификации сельского хозяйства.

Почвенные условия тоже играют очень важную роль в организации хозяйства; почвы влияют на направление хозяйства, определяя подбор растений и животных, которые можно на них разводить (кукуруза лучше возделывается на богатых тучных черноземах, пшеница лучше удается на менее богатых черноземах, картофель лучше на легких почвах, лен для волокна хорош на нетяжелых суглинках и т. д.); с другой стороны почвенные условия, определяя собою способы ведения хозяйства, влияют и на степень интенсивности; так, например, богатые черноземные, как в России, так и в Америке, почвы довольно долго пользуются без внесения в них удобрения, с бессменными посевами одних и тех же растений; бедные почвы лишены этой возможности и требуют довольно раннего перехода к навозному удобрению; одно это уже накладывает большой отпечаток на всю организацию хозяйства; на нечерноземных почвах из-за ранней потребности в навозном удобрении дольше сохраняются выгона и сенокосы и раньше встает вопрос о введении травосеяния на полях; на черноземных почвах, виду богатства почв органическими веществами, распашка в особенности при улучшении приемов обработки пашни продолжается; до полного исчезновения кормовых угодий (выгонов и сенокосов); вся хозяйственная площадь гораздо быстрее становится пашней. Вообще, чем плодороднее почвы, тем более окупаются интенсивные системы сельского хозяйства.

В России особенно важна граница черноземных и нечерноземных почв... Почва важна для хозяина, как по своему химическому составу, так и по своим физическим свойствам. Способность почвы накапливать в себе влагу или пропускать ее влияет в значительной мере на состав сельскохозяйственных угодий (лугов, лесов и т. д.) на выбор полевых культур, на выбор животных (овец или рогатого скота) и вообще на направление хозяйства»[198].

В наши дни этот текст могли бы назвать «климат — инструкция по применению».

Таким образом, Макаров совершенно спокойно констатирует, что «климат является **одним из** основных природных условий при выборе направления хозяйства», но именно «одним из», а не единственным и в силу этого фатально **не**обходимым, т. е. таким, которое нельзя обойти, во-первых, а, во-вторых, «при выборе направления хозяйства», а не при решении вопроса о том, можно ли вообще успешно вести на Восточно-Европейской равнине это хозяйство.

Да, в Германии длительность полевых работ больше. И что? Это вовсе не означает, что ими нельзя эффективно заниматься в России. Можно. Но, цитируя Броделя, **делая для растений, которые «худо-бедно... подчиняются» человеку «все, что нужно»**, и конечно, не только для растений.

То есть, не нужно сеять кукурузу в Архангельской губернии, а виноград даже и в Московской. Хотя нельзя не заметить, что, хотя в степях Юга России продолжитель-

ность полевых работ определена в 173 дня, а в виноградной зоне Германии в 260 дней, виноград в области Войска Донского успешно выращивали. И какой!

Для рассматриваемой проблематики очень важны следующие наблюдения А. С. Ермолова, отчасти нам уже известные из обзора продовольственной помощи.

Напомню высказанную выше мысль А. С. Ермолова о перемещении после 1861 г. региона, в котором чаще всего повторялись недороды, с Севера и Северо-Запада Европейской России на Восток и Юго-Восток, притом что с начала 1890-х гг. он захватил и ЦЧР, что наибольшую задолженность, связанную с неурожаями имели губернии Самарская, Саратовская, Казанская, Воронежская, Симбирская, Тамбовская, Тульская, Пензенская, Уфимская, Вятская, Нижегородская, Орловская и Рязанская, на которых лежало почти 75% огромной суммы всех продовольственных долгов, которые Ермолов сумел учесть (таблица 3.52а) В большинстве это черноземные губернии, считавшиеся самыми хлебородными, в которых земледелие было преимущественным занятием жителей. Ермолов, повторюсь, особо отмечает, что в них господствует общинная форма землевладения[199].

Во вторую группу, с задолженностью от 3 до 5,4 миллионов, входят, по Ермолову, губернии: Псковская — 5,4 млн. руб., Херсонская — 5,2 млн. руб., Костромская — 5,1 млн. руб., Новгородская — 4,7 млн. руб., Витебская — 3,7 млн. руб., Харьковская — 3,6 млн. руб., Смоленская — 3,6 млн. руб., Пермская — 3,5 млн. руб., Курская — 3,5 млн. руб., Владимирская — 3,2 млн. руб. и Черниговская — 3,1 млн. руб. Суммарный долг по этим 11-ти губерниям составил 44.661,3 т. р. = 14,4%.

Ермолов акцентирует то обстоятельство, что «из перечисленных 24-х губерний 21 представляют собою губернии с исключительно общинным землевладением и только в 4-х — Харьковской, Витебской, Херсонской и Черниговской наряду с общинным существует, а в некоторых из них преобладает землевладение подворное»[200].

Здесь уместно повторить наблюдение Ермолова о том, что ряд губерний в Еропейской России за весь рассматриваемый период не получал «никаких воспособлений от правительства и из сумм общеимперского продовольственного капитала», а именно: Гродненская, Ковенская, Могилевская, Московская, Подольская, Полтавская, Лифляндская, Курляндская, Эстляндская и губернии Царства Польского, причем последнее вообще находились вне рамок «правил нашего продовольственного устава»[201]. (Польские губернии, впрочем, «вообще полных неурожаев не знают»[202]), что, вообще говоря, общая задолженность населения и сумма получаемых им пособий прямо пропорционально возделываемой почвы и наоборот, и что и здесь на первом плане стоят губернии с общинной формой землевладения. «Правда, что кроме плодородия почвы и форм землевладения, тут играет важную роль и другой фактор — климат, так как неурожаи, в наиболее подверженных им районах, всегда вызваны, одним явлением — засухою.

Но ведь губернии южные и новороссийские едва ли подвержены засухам менее центрального черноземного, приволжского и юго-восточного районов, а между тем неурожаи здесь гораздо реже, население от них менее страдает и либо вовсе не прибегает к правительственной помощи и обходится собственными средствами, либо аккуратнее расплачивается по своим долгам.

Отсюда ясно, что нельзя все сваливать на климат, на засухи, а надо кое-что отнести и к вине самого человека, к его неумению или нежеланию бороться с

неблагоприятными климатическими условиями, которые он успешно одолевает в других местах»[203].

Слова о «неумении или нежелании бороться с неблагоприятными климатическими условиями», притом, что «в других местах» с ними справляются — это очень важные слова.

Неумение преодолевается знаниями, и Ермолову, конечно, не хуже уездных агрономов были известны «вполне доступные культурные приемы, которые направлены к наилучшему накоплению, сохранению и использованию влаги в почве — как то: черный пар, ранний взмет паров, рыхление почвы, взмет жнивьев под осень и т. п.», тем более, что в России «в самых сухих местностях, даже в самые сухие годы, количество ниспадающей влаги... достаточно для наших обыкновенных полевых растений». Он также резонно, как мне кажется, полагал, что «если же эта влага не всегда ниспадает своевременно и потому пропадает зря, то надо суметь ее задержать и накопить в почве и ею воспользоваться для целей культуры», как это делают, например, немцы-колонисты в Новороссии.

Далее А. С. в подкрепление своей позиции приводит очень сильный аргумент: «За океаном же, в Америке, есть такие области, где иногда в течение целого года дождей почти совсем не бывает, и орошение, по недостатку воды, тоже невозможно, и где тем не менее полевая культура злаков и трав процветает, благодаря специально для этих местностей выработанной системы земледелия, основой которой тоже служит черный пар. Желающие могут прочесть об этом недавно переведенную у нас **книжку Скофильда под названием „Сухое земледелие“, из которой они узнают, как американцы успешно справляются с такими природными климатическими условиями, которые еще куда хуже наших.** Некоторые из наших юго-восточных и южных опытных станций уже с успехом применили один из тамошних приемов борьбы с засухою — так называемый американский пар — посев озими между рядами кукурузы, стебли которой, оставляемые на зиму, служат для задержания снега и увеличивают запас влаги в почве. Но с трудами этих станций наши хозяева, к сожалению, мало знакомы и отчеты их почти не читаются»[204].

И снова речь идет о том, что в России «человек» не делает «всего, что нужно» для растений.

Наконец, «климатический детерминизм» Л. В. Милова не выдерживает столкновения с реальной историей земледелия в Сибири. В сущности, одного этого аргумента было бы довольно для опровержения его построений.

И в данном случае значение темы тоже куда шире рамок обсуждения природно- климатических условий.

Вот что о сибиряках пишет П. П. Дюшен:

«Кто не слыхал о богатом сибирском крестьянстве, существовавшем еще в эпоху дореформенную? Сибирский крестьянин являлся каким-то особым типом русского народа. Энергия, чувство собственного достоинства соединялись у него с послушанием установленным властям и с полной готовностью нести возлагаемые на него государством и обществом обязанности. Сибирский крестьянин гордился своим крестьянством.

Поистине утешительно было видеть в эпоху полного унижения русского народа этот тип почти свободного русского земледельца с его железною энергиею и выносливостью. Здесь воочию могли мы наблюдать, как в действительности определяет свои отноше-

ния к земле русский крестьянин, какую форму поселений он предпочитает: подворную (Hofsystem) или поселенную (Dorfsystem); определяет ли он, пока чувствует себя свободным, свои отношения к земле на праве личной собственности, как все свободные люди, или, в силу своей особой природы, стремится к общинно-крепостному порядку.

Но и наш сибиряк стоит не одиноким среди русского крестьянства. Буквально то же самое происходило в наших селениях Юга, Приволжья, дальнего Севера и даже самого черноземного Центра России; везде наш крестьянин-колонизатор строит хутора, обособленные семейные очаги — «печища» в настоящем смысле этого слова. Эти старинные, исконные печищные земли сохранились, как мы видели, на дальнем севере европейской России, куда крепостное право проникло только в XVIII столетии, до самого XIX века нашей эры.

Правда, некоторые из этих „богатырей“ попали в далекую Сибирь не своей волей, а были сосланы правительством. Таковы «семейские», т. е. старообрядцы из Смоленской, Черниговской и других губерний, но и эти русские люди не потерялись в ссылке. Сильные духом, энергичные, хорошо знавшие толк в земле, они быстро принялись за очистку и обработку девственных земель, пролагая, таким образом, путь и другим переселенцам.

На сибирском крестьянин-заимочнике мы видим, что может создать русский „мужик“ — свободный от крепостного и иного гнета. На заимочнике-колонизаторе мы можем усмотреть, в какой мере оправдываются обычные утверждения, будто русский крестьянин лишен той личной энергии, присущей индивидуализму, которым одарена пресловутая германская раса...»[205].

О климате, заметим, ни слова, а только о «железной энергии и выносливости» «почти свободного русского земледельца».

Пафос всех исследований Дюшена в большой степени связан с доказательством того, что уравнительно-передельная община (не путать с общиной как регулятором общежития!) повсюду в России, в том числе и в Сибири, возникает стараниями власти, которой таким путем удобнее взимать тягло с крестьян.

Соответственно, он разоблачает писания уравнителей, которые, насилуя факты в угоду своим теоретическим концепциям, утверждали, что община — «живой „естественно“ слагающийся организм, что это организм в своем развитии идущий теперь же, непосредственно к распределительной справедливости»[206]. В общину власть загоняла крестьян насильно — что в Европейской России после введения подушной подати, что в Сибири с возрастанием числа ссыльных и переселенцев.

Почему-то в Сибири, в условиях куда более суровых, чем в Северо-Восточной Руси, эта форма «компенсационного выживания» естественным путем не появилась. И почему тут не пытались **таким** путем бороться с влиянием природы?

Впрочем, однажды Дюшен вспоминает и о климате. Отвечая на упреки уравнителей в адрес богатых крестьян-сибиряков, упреки, которые должны были морально как бы оправдать их ограбление, он пишет:

«Кауфман ставит заимочникам в вину и то, что „они хозяйствуют лишь с выгодою для себя“, а не заводят специальных культур, производят лишь хлеб и продают его по высокой цене».

«Более неосновательное обвинение трудно себе и представить!

Да для кого же эти трудолюбцы будут разводить „специальные культуры“? Они простые русские мужики-производители, а не чиновники, присланные из департаментов; ведомостей не составляют, отчетов о „культурах“ не пишут.

Они производят хлеб, т. е. продукт, нужный всем и прежде всего тем беднякам, у которых его не хватает в Сибири. Было время, когда правительство было серьезно озабочено продовольствием сибирского населения, острогов и проч. Благодаря заимочникам-трудолюбцам Сибирь теперь обеспечена хлебом с избытком; если же заимочники продают свой хлеб по дорогой цене, то, значит, сибирский рынок еще нуждается в нем. Какой же смысл им заводить „специальные культуры“, для которых в Сибири по-видимому, нет и рынков?

Еще менее основательно обвинять заимочников в том, что они не вводят плодосмена, не удобряют даже своих пашен, а придерживаются своеобразной системы залежно-паровой.

Если при такой системе заимочники „**хозяйствуют с выгодой для самих себя**” — то это показывает, что они ведут свое дело правильно, как добрые хозяева.

А вот если бы они завели плодосмены с убытком для своего хозяйства, как это случалось с дворянами-помещиками и казенными учреждениями у б. государственных крестьян в дореформенную эпоху, то подобное „хозяйствование“ следует признать вредным не только для самих хозяев, но и для общей экономии края... Разводят заимочники на своих огородах и разные овощи, только для себя, а не для продажи, потому что хозяйство их крестьянское, а не капиталистическое; разводят на этих огородах и разные цветы, что, конечно, прихоть, но вполне извинительная, принимая в соображение особую страсть сибиряков к цветоводству вследствие сурового климата»[207].

К Первой мировой войне успехи сибирского сельского хозяйства стали очевидны для всех в России, а также и на международном рынке. Здесь имеются в виду не только успехи маслоделия, но и то, что Тобольская и Томская губернии, как мы знаем из анализа рынка пшеницы, в начале XX в. становятся в число крупнейших ее поставщиков.

Весьма характерно также, что когда рассматривалась сложнейшая проблема переселения миллионов людей за Урал, то среди факторов, затрудняющих этот процесс, фигурируют сбои в работе администрации, неподготовленность участков и т. п., но никак не сибирский климат, который и поныне является безусловным эталоном суровости Климата во всем мире.

«Забыть Париж»

Главный аргумент Л. В. Милова, объясняющий отсталость отечественного сельского хозяйства — недостаточное число рабочих дней в Великороссии в сравнении с Западом.

Данный тезис мог бы считаться серьезным аргументом прежде всего в том случае, если бы западноевропейский крестьянин, имея в два раза больше абстрактных (почему абстрактных — будет ясно ниже) рабочих дней, обрабатывал бы в два раза дольше (т. е. в теории — качественнее) все те же рожь с овсом, что и «великорусский пахарь».

Это не совсем так. А точнее — совсем не так. Вот как Бродель характеризует общность хозяйственного уклада Средиземноморья: «Повсюду господствует все та же тро-

ица, детище истории и климата: хлебные поля, оливковые рощи и виноградники, свидетельствующие о развитой аграрной цивилизации, о победе человека над природной средой. Коротко говоря, отдельные части моря (Средиземного. — *М. Д.*) не являются взаимодополняющими. Везде встречаются одни и те же амбары и кладовые, одни и те же маслобойни и хозяйственные орудия, одни и те же стада, зачастую общие для всех деревенские традиции и общие повседневные заботы. Что пригодно для одного места, пригодно и для другого и приживается чуть подальше. В XVI веке на всех приморских территориях производится воск, шерсть, montonini e vacchini (овечьи и коровьи) шкуры; повсюду сажают (или могут посадить при желании) тутовые деревья и выращивают шелковичных червей. Все эти земли без исключения, даже принадлежащие мусульманам, имеют свои сорта винограда и собственное вино»[208].

Свидетельства подобного рода легко умножить, но едва ли это необходимо.

Репертуар сельскохозяйственных культур в Западной Европе несравненно богаче, чем в Северо-Восточной Руси, и культуры эти (виноград, оливки, кормовые овощи, а также картофель, кукуруза и другие американские растения, которые в Европе появились на века раньше, чем в России, и др.) сплошь трудоемкие, что, конечно, заметно снижает весомость аргументации Милова. Притом, что даже и в античную эпоху виноградарство и виноделие, а также культивирование оливок, вовсе не отменяли ни развитого зернового хозяйства, ни скотоводства.

Концепция Милова, построенная на противопоставлении Востока и Запада, «природы-мачехи» и «природы-матери» и т. п., «работает» только в рамках этой бинарной оппозиции, того, что Б. Ф. Поршнев называл элементарной психологической оппозицией «Мы — Они».

А если не сравнивать?

А если «забыть Париж»? Если представить, что Запада нет как факта? Подобно филологам-структуралистам, которые абстрагируются от факта влияния детства, отрочества, юности, боевого опыта, сновидений Л. Н. Толстого, условий освобождения крестьян в Ясной Поляне, цен на зерно в Тульской губернии, строительства Суэцкого канала и др. на процесс сотворения «Войны и мира»?

Возможно ли в принципе за эти скудные российские рабочие дни, вырастить что-то съедобное и в достаточном количестве?

Вопрос, заметим, вполне естественный.

Оказывается, можно. Источники не оставляют на этот счет ни малейших сомнений.

Ведь по существу, наши якобы неумолимые природно-климатические условия, как, равным образом, и идея «голодного экспорта» попросту уводят от реальных причин неурожаев, так же, как, например, расхожий тезис о малоземелье скрывает истинную подоплеку аграрного кризиса в России конца XIX – начала XX вв.

Логика здесь примерно та же, как если бы мы считали причиной пороков современного коммунального хозяйства и, в частности, того, что ежегодно тысячи людей мерзнут зимой, экспорт нефти и газа.

В рамках этой логики крайне трудно ответить на очень простые вопросы. Например, почему в период *любого* неурожая (в обычные годы, впрочем, тоже) сборы на помещичьих землях, как правило, были выше, чем на крестьянских?

Так, описывая неурожай 1897 г., А. С. Ермолов пишет:

«В этом году, **как и во всех предшествовавших и во всех последовавших неурожайных годах**, было отмечено, что урожаи на владельческих землях были выше, чем на крестьянских. Лучшее удобрение, лучшая обработка и лучшие семена были тому причиной... В 1897 году разница между урожайностью крестьянских и владельческих земель сказалась особенно резко. В пределах центрального черноземного района, например, недобор на помещичьих землях против среднего урожая колебался для ржи от 29 до 50 %, составляя в среднем 39%, а для овса от 4 до 51%, в среднем 40%, тогда как у крестьян недобор составлял для ржи 46%, для овса 59%.

Особенно подчеркиваю этот факт потому, что, как известно, в новейшее время, когда явилась теория принудительного отчуждения земель у частных владельцев в пользу крестьян, некоторые последователи этой теории стали отрицать разницу в урожайности помещичьих земель и крестьянских, доказывая, что и техника земледелия у большинства частных владельцев почти ничем не отличается от крестьянской. Другие доказывали, что если некоторая ничтожная разница и есть, то она объясняется тем, что помещики взяли себе при освобождении лучшие земли, а крестьянам отвели худшие. Но едва ли такое объяснение нужно и опровергать. Иногда, стоит только проехать по меже, отделяющей помещичью землю от крестьянской, чтобы на глаз заметить резкую разницу в состоянии хлебов на той и другой, тогда как разницы в качестве почвы по ту и другую сторону межи, очевидно, быть не может»[209].

Характеристика неурожая 1906 г. завершается обращением к этой же теме:

«Повсеместно почти замечалась большая разница в урожайности на полях помещичьих и крестьянских, даже при равных условиях расположения, почвы и погоды. Это свидетельствует о том, что неурожай зависел не только „от Бога“, но и от разницы в обработке полей, в уходе за землею, в своевременности работ. Во многих местах на помещичьих землях рожь дала, по меньшей мере, вдвое, а местами и втрое более, нежели на крестьянских...

В некоторых местах, в районе пострадавших от неурожая губерний, был сделан подсчет, что если бы на крестьянских полях урожаи были только равны помещичьим, то и в 1906 году голода бы не было, крестьяне прокормились бы своим хлебом и правительству не пришлось бы затрачивать с весьма малою надеждою на возврат выданных ссуд колоссальные суммы на воспособление пострадавшему от неурожая населению»[210].

Во время неурожая 1908 г. ситуация повторилась вновь: «Поразительную разницу, также значительно большую, нежели обычно, дали урожаи на помещичьих и крестьянских надельных землях... даже в самых неурожайных уездах, Царицынском и Камышинском, частновладельческие земли дали больше крестьянских на 12,5–18% (по ржи. — *М. Д.*). Еще большая разница замечается тут в некоторых уездах в отношении овса... десятина частновладельческой (земли) при посеве 7 пудов дала 27,3 пуда, т. е. больше, чем вчетверо против крестьянской земли. Это подтверждает много раз сказанное мною выше, что **если бы крестьяне на своих землях получали столько же, сколько дают земли частновладельческие, то и при недороде,** постигающем вследствие неблагоприятных метеорологических условий и те, и другие, **все же они**

собирали бы достаточно, чтобы прокормиться, не было бы ни голодовок, ни необходимости кормежки на казенный счет.

...За немногими единичными исключениями... урожай был везде на частновладельческих землях выше, нежели на крестьянских, но разница эта особенно ощутительна в губерниях с общинным землевладением и с плодородною почвою, т. е. там, где землевладелец (так в док. — *М. Д.*) на своей земле не хозяин, потому что она в любое время может быть у него отнята и передана другому, и где крестьяне все свои надежды возлагают на Божью волю, — Бог захочет, так и на камушке родится хлеб...»[211].

Урожайной статистикой ЦСК МВД не учитывался тот факт, что огромные площади частновладельческих земель арендовались крестьянами. Между тем это автоматически понижало урожайность на этих землях. Другими словами, сборы на землях, где вели хозяйство сами помещики в действительности были еще выше.

Далее. Почему находившиеся в абсолютно одинаковых с точки зрения почвы и климата хозяйства немцев-колонистов в несравненно меньшей степени испытывали воздействие неурожая? Вот, что говорит на этот счет Ермолов: «Следует заметить еще, что у немецких колонистов, которых немало в приволжских губерниях, *земли обрабатываются гораздо лучше, и урожаи на них приближаются к помещичьим*. То же было и в 1906 году, и потому к правительственной или посторонней благотворительной помощи они почти не прибегали. В отношении же беднейших своих сочленов, действительно нуждающихся, у колонистов получила широкое развитие взаимная самопомощь, которая у русских крестьян, как известно, отсутствует совершенно, несмотря на общинное начало, которое, по мнению поборников общины, должно было способствовать ее развитию»[212].

Еще один вопрос. Почему в период неурожая равно страдают и мало- и многоземельные хозяйства?

«Не оправдалось, — продолжает Ермолов — в 1906 году также и очень распространенное теперь мнение, что все бедствия сельского населения являются последствием крестьянского малоземелья. Именно, оказалось, что степень нужды населения не находилась ни в какой зависимости от размеров крестьянского землевладения. В числе пострадавших и требовавших правительственной помощи фигурировали одинаково крестьяне и с малыми и с большими наделами, которые в некоторых уездах Самарской губернии доходят иногда до 50 дес. на двор, а у башкир в Уфимской губернии есть наделы и в 100 дес. Правда, что башкиры из этой площади обрабатывают, и то кое-как, лишь самую незначительную часть, а остальное либо сдают в аренду русским, либо и совсем оставляют лежать втуне. И у этих-то широко обеспеченных инородцев всего более, как известно, развивалась цинга, и нужда у них была всего острее»[213].

На эти и другие вопросы ответить в рамках обычной черно-белой логики, сводящей причины бедствий крестьян к тривиальным и к тому же совершенно неверным постулатам типа скверного климата или «голодного экспорта» невозможно.

Подводя итог своему анализу проблемы неурожаев в России конца XIX – начала XX в., Ермолов резюмирует:

«Мерило неурожайности в разных местностях России совершенно различно, и то, что в Царстве Польском рассматривается уже как неурожай, или, по крайней мере, не-

дород, то у нас, на нашем благодатном черноземе, считалось бы урожаем выше среднего и даже хорошим.

И тогда как у нас, при неурожае, разница в сборе на частновладельческих и крестьянских землях, по качеству, конечно, совершенно одинаковых и при одинаковых же метеорологических условиях доходит в среднем по губерниям до 60–75 и даже до 100 %, там, на почве от природы бедной, песчаной, нередко болотистой, — разница составляет 7–20 и самое большое 23%. **Правда, что там, собственно говоря, и нет того вида землевладения, которое называется крестьянским, нет и общинного владения,** — а есть хозяйство мелкое, столь же способное к улучшению, столь же культурное, как и хозяйство крупное и среднее.

Дело, значит, не в почве и даже не в климате, а в самом хозяине-земледельце, который у нас во внутренних губерниях России рассчитывает только на Божью волю, да на царскую милость в виду кормежки на казенный счет, тогда как в наших же северо- и юго-западных губерниях и в Царстве Польском он более всего полагается на свой труд, на свое уменье, дающее ему силу побеждать природу, а не быть побежденным ею, не пытаясь даже вступать с нею в борьбу, чтобы преодолеть неблагоприятные для него природные условия»[214].

Эти факты прямо выводят нас на реальные причины низкой урожайности на крестьянских полях, минуя пресловутые природно-климатические условия.

Все исследователи, которые рассматривали состояние дел в отечественном сельском хозяйстве беспристрастно, фиксировали в качестве главной причины упадка российского крестьянства общинное землепользование, принципиально затрудняющее ведение хозяйства и лишающее земледельцев стимула к усовершенствованиям, к подъему агрокультуры. Подробнее об этом говорится в Приложении 2.

Вернемся, однако, к мнению Л. В. Милова о нехватке у российских крестьян их дней для ведения нормального хозяйства.

В жизни дореволюционной деревни существовало явление, которое, по мнению Ермолова (и не только его), прямо влияло на производительность крестьянского труда, а, следовательно, и на объем урожаев, и на величину потребления хлеба. Среди культурно-хозяйственных мер, которые могли бы изменить ситуацию в отечественном сельском хозяйстве, на одно из первых мест он ставит «сокращение праздничных и прогульных дней».

Данная проблема весьма обстоятельно проанализирована Б. Н. Мироновым в цитированной уже монографии «Социальная история России». Он, в частности, пишет: «В дореволюционной отечественной литературе высказывались два мнения о том, как много и насколько напряженно приходилось работать русскому крестьянству для того, чтобы выжить в условиях крепостного права и после его отмены. Согласно первому, русское крестьянство отличалось большим трудолюбием и прилежанием, работало много и напряженно, если не выше, то в полную меру своих сил и возможностей. Второе мнение сводилось к тому, что крестьяне работали умеренно, лишь настолько, чтобы удовлетворить свои необходимые и скромные потребности. В советской историографии первая точка зрения стала своего рода аксиомой, которая как бы и не могла подвергаться сомнению»[215]. Известно, что существует два типа трудовой этики — потребительский, он же традиционный, он же минималистский и буржуазный, или максималистский.

Российское крестьянство исповедовало первый тип этики, согласно которому «работать следует до удовлетворения традиционных, скромных по своему составу потребностей семьи и не стремиться к накоплению; напротив, максималистская трудовая этика ориентировала человека на достижение максимально возможного результата в своей работе, а предпринимателя — на максимальную прибыль»[216].

О соотношении рабочих и нерабочих дней в крестьянском хозяйстве можно судить по таблице 3.53.

Таблица 3.53. Общий баланс рабочих и нерабочих дней в году в крестьянском хозяйстве в середине XIX – начале XX в.

	1850-е гг.		1872 г.		1902 г.	
	Абсолют.	%	Абсолют.	%	Абсолют.	%
Число рабочих дней	135	38	125	34	107	29
Общее число нерабочих дней	230	62	240	66	258	71
В том числе праздничных	95	26	105	29	123	34

Источник: Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 2. С. 308.

Комментарии к этой таблице излишни. Нетрудно видеть, что за полвека число праздничных дней выросло с 95 до 123, т. е. «почти» на месяц, а общее число нерабочих дней достигло к началу XX в. 258 (более чем 8,5 месяцев), что составило 71% всего количества дней в году.

Миронов пишет: «Объединению жителей одного селения в сплоченный коллектив чрезвычайно способствовало совместное совершение всем миром календарных обрядов... Коллективные молебны совершались и вне привычного календаря — по случаю засухи, эпизоотии и т. п. Кстати говоря, большое число праздничных дней не являлось, с точки зрения крестьянина, непроизводительной потерей времени, так как в праздники крепилась солидарность коллектива, обсуждались его дела, за выпивкой разрешались конфликты и снимались противоречия»[217]. При этом «в основе обычая не работать в праздники лежало искреннее народное убеждение, что за работу в праздничные дни в будущем виновные потерпят убыток, который вдвое превысит доход, полученный в день работы. Согласно крестьянским представлениям, не только работать, но даже не принимать участия в сельском празднике считалось аморальным и оскорбительным для общины. Крестьянина, уклонявшегося от участия в празднике, односельчане обносили круговой чашей, из которой пили все, что считалось величайшим позором»[218].

Впрочем, в данном случае для нас важны не столько психологические и иные мотивы, объясняющие столь значительное число праздничных дней, безусловно, весьма интересные сами по себе. Важнее зафиксировать следствия.

Хотя Миронов и не акцентирует вопрос о влиянии такой трудовой этики на жизненный уровень крестьянства, на производительность сельскохозяйственного труда, на величину урожаев, тем не менее эта проблема в тексте присутствует — приводимые им данные, включая таблицу, более чем красноречивы.

Ермолов и некоторые другие современники куда менее академичны. Так, в начале 1890-х А. С. приводит слова известного специалиста по сельскому хозяйству 1-й по-

ловины XIX в. Н. Н. Муравьева: «Не новы и жалобы на праздники и прогульные дни». Сравнивая число рабочих дней у нас и в Пруссии, Муравьев говорит: «Итак, всего у нас рабочих дней весной, летом и осенью 141, то есть, почти в половину противу числа дней рабочих в Пруссии, и праздников ¼ часть. Сверх всего, в числе сих праздников есть храмовые, которым целые волости празднуют по неделе. Ежели и сии прогулы сосчитать, то верно половина рабочего времени проходит в праздниках»[219]. Нетрудно видеть, что подсчеты числа рабочих и праздничных дней Муравьева совпадают с цифрами, приводимыми Мироновым.

В 1892 г. Ермолов и сам высказался по этому поводу: «В тесной связи с вопросом о рабочих находился и другой вопрос, также остановивший на себе внимание съезда — о неблагоприятном влиянии на хозяйственную продуктивность большого числа обычных народных праздников. Обилие праздников или, вернее, нерабочих дней, из которых многие церковью вовсе праздниками не считаются, действительно составляет больное место нашего сельского хозяйства, тем более, что некоторые из таких нерабочих прогульных дней приходятся на самое горячее рабочее время, например, весной, в самую пору посева, осенью, в разгар уборки, и т. п. Такого огромного количества нерабочих дней, как в России, нет ни в одном государстве. Особенно велико число таких дней в юго-западном крае, где крестьяне празднуют в зависимости от местных обычаев от 125 до 150 дней в году, т. е. более трети года. Известно, что празднование у крестьян большею частью выражается в пьянстве, поэтому и на другой день после праздника они едва способны к работе.

Не работают крестьяне в эти обычные праздники иногда отнюдь не по собственному желанию, а вследствие запрещения со стороны чересчур ретивых сельских властей; иногда это делается по увещаниям священников, которые, стремясь поднять в народе религиозный дух и возможно чаще привлекать его в церковь, нередко после обедни в воскресенье обращаются к народу в церкви, указывая праздничные дни на текущую неделю. К сожалению, они при этом упускают из виду, что провождение времени в праздности никого до добра не доводит и вовсе не способствует святости праздника... Таким образом, крестьяне празднуют и день Св. Онуфрия, и Св. Варфоломея, и Св. Саввы, и зачатия Св. Анны, и разные Пятницы, и вообще множество таких дней, которые в календаре вовсе не отмечены как праздники, а между тем горячее время полевых работ уходит.»[220]

В 1909 г. он вновь возвращается к этой проблеме, которая за прошедшие 17 лет значительно усложнилась в виду появления «царева пайка», определенно не стимулировавшего трудовые усилия части крестьянства:

«Пасха иной раз в самую пору ярового посева приходится, и вместо того, чтобы это лучшее для посева время использовать, они восемь, а то и десять дней празднуют, считая грехом на Пасху не только в первые дни, но и во всю неделю работать.

В первой же половине августа, **тоже в лучшее время для посева**, — опять ряд праздников, — тут и первый Спас, и второй Спас- Преображения, и Успение; не только самый день, например, Спаса празднуют, но и на другой день после него — отданье Спаса, полу-Спас — тоже не работают, местами празднуют и третий Спас — Спас на полотне, — 16 августа. А коли в эти дни в деревенских церквах „престолы“, то и по два и по три дня после того гуляют. Престолы не только в своих церквах справляют, а и в окрестные села по соседям ездят, и там тоже празднуют да пируют... Потом — 18 авгу-

ста — Флор да Лавр идет — лошадиный праздник — на лошадях работать грешно, и т. д. **И оттягивается таким образом озимый посев до второй половины августа, а иногда и начало сентября прихватывает, что уж совсем плохо.**

Известно, что у крестьян, кроме установленных церковью, бывают еще и свои праздники, — разные „навкины велик-дни“ (праздник русалок), девятые, Параскевы, Грозные, Ильинские пятницы, Паликопы, Борис-Глебы и т. п.

И насчитывается у нас, у русских крестьян, таких праздничных, прогульных дней, считая вместе с воскресеньями — где 130, где 140, а местами и до 150, и производительное рабочее время уменьшается более, чем на одну треть в году. А в Германии, например, и даже у нас, в прибалтийских губерниях, праздничных дней, считая вместе с воскресеньями, не больше 65, в местностях с преобладающим католическим населением до 85–90 доходит, но все же значительно менее, нежели у нас.

О вреде праздников было уже немало говорено и писано, приняты меры к тому, чтобы устранить прежнее обязательное празднование некоторых дней, но дело оттого нисколько не стало лучше, и я уже говорил, что **в 1906 году в некоторых губерниях задержка ярового посева по случаю празднования Пасхи сильно повлияла на урожай.** А известно еще, что с каждым праздником у народа и гульба, и пьянство связаны, — „хоть себя заложить, да праздник честь-честью проводить“ — говорят крестьяне. Веками укоренившиеся обычаи и взгляды крестьян изменить нелегко, но нельзя потворствовать предрассудкам крестьян, что работать в праздник грех, и нужно моральное воздействие на них, чтобы доказать им ошибочность такого взгляда.

Я лично помню, как один крестьян, правда выпивший, застав меня однажды в четверг на Святой неделе в поле с моими пахарями, набросился на нас с ругательствами и „как вам не грех в праздник работать, это вам позор...“, ну а в праздник напиться он очевидно грехом не считал. Я спрашивал священников, почему они в этом деле не подают примерам крестьянам, не влияют на них словом и примером: „Нам, говорят они, — неловко...“ А между тем спрашивается, какими каноническими законами, какими правилами церкви установлено 8-ми дневное ничегонеделание в Святую неделю? Правда, во все дни этой недели бывают службы в церквах, но много ли крестьян, не считая первого дня и воскресений, эти службы посещают? — а гуляют поголовно все»[221].

Предыстория неурожая 1906 г. в изложении А. С.Ермолова такова. Поначалу виды на урожай были очень хороши. Зима была «ровная, мягкая и почти без оттепелей». Но весна наступила значительно раньше обычного, «при первом вскрытии весны», озими в большинстве губерний вышли из-под снега без особых повреждений. Лишь в Казанской, Симбирской, Пензенской, Саратовской, Самарской губерниях и в Области Войска Донского озимые оказались посредственными. Сначала там они было хорошо пошли в рост, но с середины апреля установилась жаркая погода с сильными иссушающими почву ветрами, которая очень скоро негативно повлияла на состояние озимых посевов. «Хлеба приостановились в росте, начали редеть, заостряться, желтеть, и, будучи не выше ½–1 аршина, выкинули тощий колос. От жары и бездождья все было выжжено и посохло. На остальном пространстве России озими находились сперва в удовлетворительном состоянии, но весенняя засуха вскоре стала во всем среднем и восточном районе губительно действовать и на них.

Посев яровых начался значительно ранее обыкновенного и прошел при сравнительно благоприятных условиях: благодаря значительному запасу влаги в почве они почти повсеместно дали дружные всходы, но посевы более поздние, вследствие наступившей засухи всходили неравномерно, либо даже вовсе не дали всходов.

Особенно плохи были всходы на крестьянских землях, которые остались с осени, как водится, невспаханными. Весною же, вместо того, чтобы воспользоваться лучшим для ярового хлеба временем посева, когда еще земля оставалась влажною, крестьяне до Пасхи обсеяться не успели, а потом праздновали всю Пасху, где восемь, а где и десять дней, считая вместе с последними днями Страстной недели, и сеять начали только с Фоминой. Но это уже было слишком поздно, земля успела просохнуть, и благодаря такому продолжительному празднованию в самую горячую пору ярового посева, лучшее для него время было упущено. Между тем известно, что „весенний день год кормит“, „весною часом опоздано — годом не наверстаешь”. Но перед закоснелым обычаем русского народа во время Пасхи целую неделю, а то и более, сидеть, сложа руки и гулять, бессильны и эти мудрые поучения стародавней народной мудрости... Чем дальше подвигалась весна, тем положение все более изменялось к худшему»[222].

Так смотрит на проблему министр.

А вот мнение на этот счет А. В. Байкова, жителя деревни Конной Сычевского уезда Смоленской губернии, одного из тех крестьян, для которых Столыпинская аграрная реформа стала началом не просто новой, но **настоящей** жизни. Юрьевский пишет: «Байкову теперь 70 лет, но это бодрый человек, продолжающий трудиться на благо своего родного края. Байков уже давно нажил крупное земельное и денежное состояние, но продолжает жить попросту, по старинке...»

«Лучше ли стало жить на хуторах и отрубах? — говорит А. В. Байков. — Да, лучше и много лучше, но одна беда — это праздники и связанное с ними пьянство. Праздники календарные, церковные у нас сравнительно мало почитаются, а вся беда в так называемых „престольных“, местных праздниках, число которых за последнее время не только не уменьшается, но все увеличивается. На моей памяти в окрестных селениях был установлен целый ряд таких праздников. Так, например: лет 25–30 тому назад в нашей местности была чума рогатого скота. В деревне Конопатине она окончилась к 20 июля, и вот деревней установлен был по сему случаю праздник; в деревне Ашиткове чума окончилась к 8 июля — установили 3-дневный праздник; в деревне Дюкове тоже лет 30 назад был 29 июля пожар — установили праздник; в деревне Гайдуках был такой случай: на Кирика и Улиту, 15 июля, поднялся ветер и разметал копны сена — установили праздник; в деревне Лычники на преподобного Сергия 5 июля был град — установили праздник. Праздники эти — не престольные, ничего общего с храмом не имеющие. Я указал только ближайшие деревни, жизнь которых я хорошо знаю. Но подобные праздники во всей нашей местности существуют, можно сказать, в каждой деревне, а в некоторых — даже не один такой праздник. При этом нередко празднуют „Девятой пятнице“, „Десятой пятнице“, „Ильинской пятнице“ и разным „Симонам-Гулимонам“, которых и в святцах не найдешь.

Горе в том, что духовенство наше не только не борется с этим злом, а даже наоборот... В деревне Конопатине раньше праздновали „чуме“ один день, причем все праздне-

ство выражалось в общественном молебствии среди деревни; но вот поступил в приход новый священник и говорит конопатинцам: „Если бы к вам приехал какой-либо важный барин, почетный гость, — неужели вы приняли бы его на улице, а не попросили бы каждый в дом свой"... И было решено: служить молебны в каждом дворе и праздник установить трехдневный. **И это в самое страдное время, когда у нас поденная плата доходит до 1 р. – 1 р. 40 коп. в день!**

Во что обходятся эти праздники. В текущем году мне пришлось быть в этом самом Конопатине на пятый день праздника, и, заметив, что крестьяне еще не очухались от праздничного угара, я вздумал вместе с ними подсчитать, во что обошелся им праздник, и что же оказалось? На 36 дворов выпито водки и пива на 307 рублей, не считая чая и разных лакомств, да прогул четырех рабочих дней целой сотни рабочих с подростками при поденной цене 1–1,40 коп. должен быть определен сотнями рублей, и кроме того, в каждом дворе „гуляло" не менее 3–4 и до 10 „гостей" из других деревень. Так что один такой праздник обходится не менее 1000 рублей.

Подсчет это применим и к прочим селениям Сычевского уезда, и можно смело сказать, что в среднем каждый праздник обходится одному двору не менее 25 рублей...

А иностранцы еще говорят, что наш мужик беден! Да нехай любая наикультурнейшая страна в свете попробует при летнем периоде в 5–6 месяцев, а не в 9–10, как в Западной Европе, пускай, говорю, попробует отпраздновать 200 дней в году, да притом по преимуществу летом, — да у них и потрохов не останется...

А какое хулиганство рождают эти праздники! В нашей местности ни одного праздника не обходится без „подрезанных", и после каждого праздника при встрече обычно спрашивают: „Ну, сколько у вас подрезали?". Так, например, в текущем году в праздник Успения (15 августа) в двух приходах было „подрезано" 15 человек; к счастью, тяжелых ранений не было, хотя некоторым и было нанесено до 10 колотых ран!

В старину говорили, что земля стоит на трех китах. А теперешние наши русские киты, это — **невежество, праздники и пьянство...** На этих китах не устоишь... И Россия ждет богатыря, своего Еруслана Лазаревича, который избавит ее от этих чудовищ»[223].

Эти свидетельства значительно увеличивают разрыв между теоретическими построениями о негативном влиянии климатических условий на сельское хозяйство России, о напряженном — в силу короткого периода сельскохозяйственных работ — бюджете трудового времени и т. д. и реалиями повседневной жизни российской деревни.

* * *

Этот колоритный рассказ современника позволяет, как кажется, естественным образом выйти за рамки «протокольного», «этикетного» подхода к жизни российского крестьянства, который является подразумеваемой частью «народолюбия» русской интеллигенции, которая в некоторых отношениях была похожа на тех родителей, которые предпочитают не замечать у своих детей недостатков. Впрочем, отчасти это уже сделал А. С. Ермолов, комментируя расходы крестьян официально голодавших губерний на спиртное.

Так или иначе, мы уже имеем некоторое представление об уровне потребления алкоголя в рассматриваемый период.

Нельзя, кстати, не заметить, что исполненные праведного негодования интеллигентские рассуждения о голодании российской деревни всегда выглядели несколько комично на фоне данных о потреблении населением страны водки в рассматриваемый период.

Тем людям, которые сто с лишним лет уверяют человечество в бедственном положении отечественного крестьянства, вообще свойствен несколько целомудренный, как бы стыдливый подход к этой стороне его жизни. Ведь им всегда важно было создать впечатление того, что крестьяне потребляли только углеводы, питаясь исключительно хлебом (которого еще и не хватало!) и запивая его водой.

Между тем источники говорят обратное.

Видный дореволюционный экономист П. П.Дюшен приводит следующие факты, которые прекрасно иллюстрируют глубину осмысления российскими «народолюбцами» проблем российской деревни и показывают уровень их полемики с Властью.

В период работы Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности многие местные Комитеты со вкусом рассуждали на одну из любимых тем русской интеллигенции — о том, что крестьянская земля не окупает платежей их домохозяйства. В доказательство в данном случае приводились составленные Комитетами бюджеты волостей и уездов.

Вот как изображается в трудах Винницкого Комитета экономическое положение уезда. «В Винницком уезде на наличную душу приходится земли 0,67 дес., на двор 3,8 дес.; 8% домохозяев имеют лишь одну усадьбу, 2,3%— безземельные и 14% с полными наделами. В среднем крестьяне получают 12 рублей в год на душу валового дохода с земли, а на двор 70 рублей, с десятины 18 рублей. Платежей всякого рода приходится со всего крестьянского населения уезда 311.345 р.— в среднем на десятину 2 р. 55 к., а на двор 9 р. 70 к. Недоимок в Винницком уезде числится только 1,25% всей суммы сборов. Такое благоприятное положение уезда объясняется исключительно местными заработками, исчисляемыми на Р. С. 2.100.000, на двор 130 руб., на десятину 35 руб. К сожалению, выпитая населением водка ложится на каждый двор в сумме 25 р., т. е. в 2,5 раза превышает налоги (с выкупными)»[224].

А вот основные параметры «подробного» бюджета Велейской волости Опочецкого уезда: «Доход крестьянского населения волости от земледелия показан в сумме Р. С. 373 406,25 (за исключением семян); расходы: на все повинности Р.С. 35987.70, на продовольствие людей, скота и все прочие „жизненные“ (потребности. — *М. Д.*) — Р. С. 40174 и на покупку вина (sic! — так в ист. — *М. Д.*) Р.С. 402.281; в дефицит волости определяется в Р. С. 63773, а потому, по мнению исследователя, доходность крестьянских наделов не окупает их всех платежей».

«Но неужели исследователь Велейской волости», — вопрошает Дюшен, — «серьезно убежден, что крестьянская земля должна окупать всю сполна выпитую Велейской волостью водку? Неужели слова Положения 19 февраля 1861 г. «для обеспечения быта крестьян и для обеспечения их обязанностей перед Правительством» (интеллигенция постоянно ссылается па эту фразу общих и местных Положений 19 февраля 1861 г.) означают, что крестьяне были наделены землей помещиков с той целью, чтобы доходы этой земли шли на водку, чтобы крестьяне немилосердно спивались на эти доходы?»[225].

Спора нет — эпизод абсурдный и курьезный одновременно. Но именно тот факт, что абсурдность подобной логики **настолько не очевидна** составителю бюджета, что он встраивает эти нелепые рассуждения в такой серьезный контекст, как работа Особого совещания, призванного решать судьбы страны, лучше всего показывает, чего стоят интеллигентские стенания о народной доле.

Предлагаю в этом ракурсе оценить логику статьи о финансовом хозяйстве страны, помещенной в Энциклопедическом словаре «Россия» Брокгауза и Ефрона, переходя тем самым от конкретных волостей и уездов на уровень России в целом, который нередко предпочитают представители традиционной историографии. Использование этих обобщающих материалов в данной работе уместно, полагаю, в не меньшей степени, чем употребление термина «голодный экспорт», распространяемого на сто миллионов российских крестьян.

Как известно, в XIX в. в налоговой политике правительства происходят важные изменения.

Как можно видеть из таблицы 3.54, к концу века доля прямых налогов в общей сумме налогов снижается.

Таблица 3.54. Общая сумма дохода от прямых и косвенных налогов (млн. руб.) и их относительная роль в бюджете страны (%)

Годы	Прямые налоги		Косвенные налоги		Итого налогов	Отношение к общей сумме обыкнов. доходов, %
	Сумма, млн. руб.	Отношение к общей сумме налогов, %	Сумма, млн. руб.	Отношение к общей сумме налогов, %		
1832	43	36,6	74,7	63,4	117,7	85,9
1837	50,9	41,1	72,9	58,9	123,8	78,1
1847	52,1	32,7	107,8	67,3	159,9	76,3
1857	54,8	29	133,8	71	188,6	60,9
1867	93,5	33	187,3	67	280,8	64
1877	133,9	33	272,2	67	406,1	67,9
1881	133,9	29,9	327,7	70,1	461,6	64,1
1886	124,3	24,4	385,1	75,6	509,4	65,8
1887	81,3	16,8	401,9	83,2	483,2	58,9
1891	88,5	17	432,5	83	521	58,5
1982	91,3	16,3	466,9	83,7	558,2	57,9
1897	101,4	14,5	596,4	85,5	697,8	49,3

Источник: Энциклопедический словарь «Россия». Л., 1991. С. 198.

Значительный интерес представляет помещенная в словаре таблица, детализирующая компоненты прямых налогов в пореформенной России.

Комментарий к таблице 3.55 в статье словаря таков: «В 1867 г. прямые налоги, лишенные сословного характера (т. е. падавшие не на одних крестьян, а на все классы) приносили только 22,2 млн. руб., в 1877 г. — 43,4, в 1887 г. — 78,7 в 1897 — уже 97,7 млн. руб. Из сравнения цифр за 1877 и 1897 г. видно важное значение податной реформы, осуществленной Бунге и его преемниками: из податной системы исключено на 90,6 млн. руб. налогов, лежавших на одном крестьянском населении, и увеличено

Таблица 3.55. Структура прямых налогов в 1867–1897 гг. (млн. руб.)

Вид налогов	1867	1877	1887	1897
Подушные подати	37,2	56,8	1,1	1,3
Оброчная подать	34	33,8	2,4	2,4
Налоги местные с земель и др. недвижимых имуществ и личные	10,6	16,4	19,9	16,5
Налог на недвижимые имущества в городах	2,1	4,3	6,3	7,8
Гос.поземельн.налог	нет	7,7	12,4	8
Промысловый налог	9,5	15	28,9	46,6
Налог с денежн.капиталов	Нет	нет	11,7	15,6
Квартирный налог	Нет	нет	нет	3,2
Итого	**93,5**	**133,9**	**81,3**	**101,4**

Источник: Энциклопедический словарь «Россия». Л. 1991. С. 199.

на 54,3 млн. руб. обложение, падающее на все классы населения, в большем или меньшем соответствии с их платежной способностью. Необходимо, однако, помнить, что оброчная подать, исключенная из состава податной системы, продолжает поступать в увеличенном размере в виде выкупных платежей с бывших государственных крестьян, так что действительное облегчение тяжести сборов, лежавших исключительно на крестьянах, представляет гораздо меньшую сумму, чем указан выше»[226].

Заметим всегдашние демагогические приемы русской интеллигенции — нехотя констатировать имевшие крупнейшее значение действия Власти в пользу крестьян и тут же их дезавуировать, а также считать выкупные платежи налогом, а не выплатой долговых обязательств!

Далее, в разделе «Выкупные платежи» говорится, что они «по своему происхождению представляют уплату крестьянами процентов и погашения по выданной казною ссуде, но по способу взимания и раскладке и по установившемуся на них воззрению плательщиков (!) они ничем (!) не отличаются от прямых налогов. Так на них смотрит и правительство*...»[227] и дается сумма выкупных платежей на определенные даты (табл. 3.56).

Таблица 3.56. Поступления от выкупных платежей (тыс. руб.)

Год	Сумма
1867	23635
1877	41128
1887	91953
1892	77088
1895	101297
1897	88518

Источник: Энциклопедический словарь «Россия». Л. 1991. С. 201.

* Что и говорить, сильный аргумент!

Затем в статье развивается начатая уже идейная линия: «Составляя обложение, и притом весьма высокое одного только класса населения, выкупные платежи играют в усиленной степени ту же роль, какую прежде играли подушные сборы, поддерживая деление народа на привилегированные и непривилегированные классы. Уже в 1881 г. было признано, что облегчение в выкупных платежах для многих местностей должно иметь большее значение, чем отмена подушного налога. С тех пор экономическое положение крестьянского населения во многих местностях значительно ухудшилось.

Противоречие, существующее между платежной способностью крестьян и высотою обложения, выражается в постоянном росте недоимок. Следующая таблица, заимствованная из труда Н. Бржеского («Недоимочность и круговая порука сельских обществ»), рисует рост недоимок по окладным сборам с сельских обывателей:

Таблица 3.57. Оклады и недоимки в конце XIX вв. (тыс. руб.)

Пятилетия	Оклад	Поступление	Недоимка	Доля недоимок к окладу
1871–1875	134669	134466	30061	22,3
1876–1880	143453	140701	31744	22,1
1881–1885	136129	126583	40423	29,7
1886–1890	103835	102633	43478	41,9
1891–1895	103011	93016	98144	95,2

Источник: Энциклопедический словарь «Россия». Л., 1991. С. 201.

Итак, несмотря на понижение оклада, недоимки постоянно увеличиваются и абсолютно и относительно, особенно за последнее десятилетие, что служит ясным доказательством непосильности для населения лежащего на нем податного бремени. Особенно сильное влияние на рост недоимок оказал голодный 1891-й г. в пострадавших губерниях»[228].

Вполне понятно, как повлиял 1891 г. на платежеспособность крестьян. Замечу, однако, что о сложении Властью миллионов рублей продовольственных долгов в Энциклопедическом словаре не говорится ни слова. А в целом перед нами — типичная для того времени вариация на тему вины Власти за народные страдания (и за собственное существование заодно).

Довольно забавно сопоставить и приведенные выше цифры, и комментирующие их с таким пафосом и состраданием строки с другими цифрами, почерпнутыми из официальных источников.

Нетрудно видеть, что, несмотря на грядущий народнический Апокалипсис, имеющий будто бы воспоследовать из материализации таблицы 3.57, несмотря на «непосильность для населения лежащего на нем податного бремени», питейный доход в казну поступал исправно и даже в размерах, по меньшей мере вдвое превышавших задолженность крестьян казне (см. табл. 3.58). В XX веке этот процесс приобрел еще больший размах и явно превосходил темпы роста населения. (см. табл. 3.59). О росте потребления жителями России сахара мы получим вполне наглядное представление в главе 4 данной монографии, но в целом эта таблица определенно не говорит о сокращении платежеспособности населения страны в начале XX в.

Таблица 3.58. Общая сумма поступления питейного дохода (тыс. руб.)

Годы	Общая сумма питейного дохода
1890	268239,3
1891	247388,6
1892	268934,4
1893	260729,2
1894	297385,7
1895	298214,6
1896	294299
1897	280129,1
1898	289572,7
1899	310296,9
Среднее	2815189
1900	316691,4

Источник: Отчет Главного Управления неокладных сборов и казенной продажи питей (далее: ГУНС) за 1900 год. СПб. С..18.

Таблица 3.59. Поступление доходов по ведомству ГУНС за 1903–1913 гг. (тыс. руб.)

Годы	Сахарный доход	Табачный доход	Доход с папиросных гильз и бум.	Нефтяной доход	Спичечный доход	Питейный доход	Всего
1903	75541,8	49028,6		31967,5	8073,7	576460,9	741072,5
1904	78816,9	48719,1		34784,5	7671,9	573278,2	743270,6
1905	78734	46586		29948	10820,4	639135,4	805223,8
1906	108825,5	59902,7		29863,3	14991	736897,5	950480
1907	101467,3	54050,2		36832,6	15871,3	748258,1	956479,5
1908	93612,7	56209,2		41655,7	16709,4	748057,6	956244,6
1909	107398,4	45362,2	3533,7	41841,4	17232,6	759044,9	974413,2
1910	127323,1	50476,5	4576,9	46910	18464,7	811047,8	1058799
1911	122714,3	66342	4555,8	42487,8	18639,4	830796,4	1085536
1912	127765,1	72593,5	4416,7	50038	19353,9	873591,2	1147758
за 1903–1912	102219,9	54927	4270,8	38632,9	14782,8	729656,8	944490,2
1913	149160,5	78738,8	4874,6	47903,1	20131,1	952810,4	1253619

Источник: Отчет Главного Управления неокладных сборов... за 1913 г. Пг., 1914. С. 14.

Небезынтересно, полагаю, сопоставить также размеры питейного дохода и экспорта некоторых сельскохозяйственных продуктов из России в начале XX в.

На мой взгляд, данные таблицы 3.60 более чем красноречивы.

Нетрудно видеть, что **ни единого раза** стоимость хлебного экспорта, того самого, который часто привычно-обвиняюще именуется «голодным», (как и величины

Таблица 3.60. Сопоставление питейного дохода и стоимости экспорта хлебов, сахара и масла в начале XX в. (тыс. руб.)

Годы	Итого питейного дохода	Стоимость экспорта хлебов* из России	Стоимость экспорта сахара из России	Стоимость экспорта масла из России	Всего стоимость экспорта указанных товаров	Доля стоимости экспорта хлебов от питейного дохода	Доля стоимости экспорта указ. товаров от питейного дохода
1903	576460,9	460911	25174	32041	518126	80,0	89,9
1904	573278,2	477187	23762	29855	530804	83,2	92,6
1905	639135,4	550047	18069	31499	599615	86,1	93,8
1906	736897,5	450608	19510	44812	514930	61,1	69,9
1907	748258,1	408664	23336	47978	479978	54,6	64,1
1908	748057,6	359556	34372	45708	439636	48,1	58,8
1909	759044,9	723078	28232	48862	800172	95,3	105,4
1910	811047,8	723026	25930	51294	800250	89,1	98,7
1911	830796,4	707450	66288	71441	845179	85,2	101,7
1912	873591,2	515135	56670	68535	640340	59,0	73,3
1903–1912	729656,8	537662,2	32134,3	47202,5	616903	73,7	84,5
1913	952810,4	561270	27559	71558	660387	58,9	69,3

Источники: Отчет Главного Управления неокладных сборов... за 1913 г. Пг. 1914. С. 14; Сельское хозяйство России в XX веке. М. 1923. С. 300–303.

* Хлеба: пшеница, рожь, овес, ячмень, гречиха, просо, кукуруза, горох, бобы, чечевица, фасоль, крупа всякая, прочие непоименованные хлеба.

«непосильного» «податного бремени») не превышала цены выпитой в России водки. И даже если прибавить к цене хлебного экспорта такие важные статьи сельскохозяйственного экспорта Империи, как вывоз сахара и масла, то и в этом случае лишь дважды — в 1909 и 1911 гг. — суммарный экспорт перечисленных продуктов превысит питейный доход. Не на много, впрочем. Замечу при этом, что **по потреблению алкоголя на душу населения Россия отнюдь не была в числе европейских лидеров!**

Я не намерен вторгаться в психологические сферы, обсуждать сложнейший феномен удовлетворения человеческих потребностей, я не собираюсь, условно говоря, никого ни извинять, ни обвинять и тем более ставить «диагноз».

Я просто хочу указать на столь явное противоречие между привычными народническо-марксистскими построениями в роде «голодного экспорта» и реальностью, во-первых, а во-вторых, со всей определенностью заявить, что до тех пор, пока эти и схожие факты замалчиваются, скрываются и т. п. — трудно рассчитывать на какой-либо прогресс в изучении социально- экономической истории Российской Империи.

* * *

Необходимо коснуться еще одного аспекта теории «голодного экспорта».

Помимо уже известных нам компонентов, начиная с **в принципе** антинародного характера власти, идея о «голодном экспорте» включает не слишком маскируемую обратную сторону, а именно: тезис о том, что государство может экспорт прекратить и распределять хлеб внутри страны «сверху» (подобно тому, как это будет при «военном коммунизме», а потом при «плановом хозяйстве», игнорируя законы рыночной экономики и т. д.). Что же, мысль эта понятна, но уж очень она примитивна, дилетантская, хотя в основе уже тогда лежала социалистическая подкладка.

Понятно, что до 1917 г. возможность запрета вывоза хлеба всерьез и не пытались рассматривать, и не только ввиду исключительно важной роли хлебного экспорта для народного хозяйства России. В этом просто не было необходимости.

Иное дело централизованные закупки хлеба государством в лице Министерства финансов. Неурожай 1901 г., имевший, по признанию МВД, характер «народного бедствия», постиг 18 губерний и две области. Считается, что в пострадавших уездах жило 24 млн.чел., а площадь крестьянского землепользования составляла 51 млн. дес. В отличие от предыдущих неурожайных лет, ситуацию предвидели и к ней подготовились. В числе прочих мер особо следует отметить заблаговременную закупку хлеба Министерством финансов для создания продовольственного запаса. Этим ведало специально созданное Временное управление по правительственной закупке хлеба. Всего было закуплено 28 млн. пуд. хлеба. Часть хлеба была использована в кампанию 1901 г., часть — в кампанию 1902 г., а оставшиеся излишки были распроданы[229]. К сожалению, опыт удачной кампании 1901–1902 г. не всегда учитывался впоследствии.

Что же касается запрета экспорта в голодные годы, то надо сказать, что эта мысль неоднократно возникала как в России, так и в Европе в соответствующих ситуациях. Екатерина II осудила ее еще в XVIII в., но тем не менее периодически она дискутировалась вновь.

А в 1891 г. апологет хлебного экспорта Вышнеградский вынужден был, пишет А. С. Ермолов, «под напором общественного мнения и под влиянием тех же газет, которые так недавно еще поощряли усиленный экспорт хлеба, прибегнуть к таким чрезвычайным мерам, как воспрещение вывоза за границу не только ржи в зерне, ржаной муки и отрубей, но затем, в октябре и ноябре того же года, и всех прочих хлебов и вырабатываемых из них продуктов.

Трудно, однако, сказать, чтобы эти меры, тогда же сопровождавшиеся потрясением всей нашей хлебной торговли и еще пагубнее отразившиеся на ней впоследствии, оказали сколько-нибудь благодетельное влияния на хлебные цены, которые продолжали расти неудержимо, вплоть до весны 1892 года, когда началось довольно быстрое их падение, невзирая на то, что до нового урожая было еще далеко»[230].

После 1891 и 1892 гг. было сравнительно благоприятных урожайных лет, но сельское хозяйство страны еще долго переживало последствия одной из самых радикальных мер для борьбы с неурожаем 1891 г. — запрещения вывоза хлеба за границу, в связи с последовавшей вскоре затем таможенной нашей войной с Германией.

Запрет экспорта не снизил цены на внутренних рынках — они продолжали расти вплоть до весны, когда выяснились хорошие виды на урожай, и обнаружились (!) боль-

шие запасы хлеба. Если бы не запрет вывоза, то, возможно, часть этих запасов ушла бы за границу, однако Ермолов сомневался в этом, поскольку тогда внутренние цены были выше заграничных.

Но, продолжает Ермолов, «прекращение вывоза привело к гибельным для нас результатам с другой стороны». Германия и Англия принадлежали к числу главных потребителей русского хлеба, причем в Германию поставлялись рожь и овес, а в Англию — преимущественно пшеница. В эти годы основным конкурентом России на европейских рынках были США, которые до 1890-х гг. выращивали и вывозили сравнительно небольшие количества ржи, находя более выгодным производить и экспортировать более дорогую пшеницу. Пшеничный рынок Европы Россия делила с США, тогда как в отношении овса и в еще большей степени ржи Россия была вне конкуренции, особенно на германском рынке.

В 1880-х гг. Германия, защищая интересы своего сельского хозяйства под влиянием аграриев, а отчасти в ответ на повышение российских таможенных пошлин на ряд германских товаров, прежде всего, на металлические изделия, наложила пошлину на русские хлеба. Россия, тем не менее, приступила к пересмотру таможенного тарифа в смысле еще большего усиления протекционизма, и в Германии обсуждалась идея еще большего повышения пошлин на ввозимый из нее хлеб[231].

«Однако германское правительство», — пишет Ермолов — «колебалось осуществить эту меру, опасаясь того, что она может вызвать неудовольствие со стороны потребителей русского хлеба в Германии вследствие чрезмерного повышения цен на него, без нашего хлеба там не считали возможным обойтись. Но вот наступил голодный 1891 год и мы сами, запретом вывоза нашего хлеба, сыграли Германии в руку. Русский хлеб исчез с ее рынков, как и с английских, но наше место немедленно же заняла на них Америка, которая скоро и рожь начала более прежнего производить и вывозить, чтобы завладеть рынком германским. Тогда и Германия, убедившись, что она может обойтись без нашего хлеба, перестала с нами церемониться и в конце 1891 года заключила ряд торговых договоров, на базисе понижения хлебных пошлин, со всеми конкурирующими с нами странами, ввозящими на германские рынки зерновой хлеб. После этого наши рожь и пшеница стали оплачивать при ввозе в Германию пошлину в 11 коп. с пуда, а овес на 10 коп. бóльшую, нежели хлеба других стран.

В отместку за это Россия ввела двойные таможенные тарифы на ввозимые к нам германские товары, и началась так называемая таможенная война наша с Германией. Немцы ответили дальнейшим на 50% повышением хлебных ставок на русские хлеба, и нам пришлось оплачивать рожь и пшеницу пошлиною на 31 к. с пуда, а овес на 25 к. более высокою, нежели наши конкуренты; важнейший для нашей хлебной торговли германский рынок был для нас почти совершенно закрыт. А за это время положение Америки на нем все более и более упрочивалось. Когда же запрещение заграничного вывоза было у нас отменено, и, начиная с 1893 года, вступил ряд высоко урожайных лет, **когда мы вновь получили возможность вывозить свои громадные в ту пору хлебные избытки за границу**, то оказалось, что за время приостановки нашего экспорта торговые конъюнктуры на заграничных рынках совершенно и к полной нашей невыгоде изменились.

Многие из рынков были почти потеряны, и России пришлось их завоевывать заново. Для этого ей, с одной стороны, пришлось пойти на серьезные уступки в пользу Германии в своем таможенном тарифе, чтобы добиться некоторых от нее уступок в хлебных тарифах в свою пользу, что и было зафиксировано в таможенном договоре с Германией1894 г., а, с другой стороны, значительно понизить цену на свой хлеб, что, естественно, „самым пагубным образом отразилось на нашем сельском хозяйстве"[232].

«Таким образом», — подытоживает Ермолов — «наши сельские хозяева, как землевладельцы, так и крестьяне, большинство которых во всех хлебородных местностях России тоже ставит свой хлеб на рынок, потерпели колоссальные убытки и под влиянием неурожая 1891 и отчасти 1892 года, когда большинству из них продавать было нечего, а напротив, самим приходилось покупать и хлеб, и корма, — и от непомерного, ниже стоимости производства, падения цен на хлеба, когда запрет вывоза был снят, но заграничные рынки оказались уже в значительной мере и надолго для нас потерянными, а затем под влиянием повышенных германских тарифных ставок на наш хлеб.

В течение многих лет мы из этих крайне для нашего сельского хозяйства невыгодных условий выбраться не могли и долгие годы нам пришлось расплачиваться за такую меру, как воспрещение вывоза русского хлеба, которое ожидаемую от него пользу в голодный год едва ли принесло, но зато самым пагубным образом отозвалось на нас же впоследствии. И надо надеяться, что к подобной мере, совершенно основательно... осужденной еще в XVIII столетии, мы уже никогда, ни при каких условиях возвращаться не будем»[233].

Сформулировано, как можно видеть, вполне внятно Для страны, живущей по законам рыночной экономики.

Для стран, живущих по законам другой, нерыночной экономики, где Власть определяет объемы ввоза-вывоза всех товаров, от военной техники до бритвенных лезвий, такие рецепты не годятся. Зато хорошо известно, **как** питается население в этих странах.

* * *

Таким образом, проведенное исследование показало, что тезис о «голодном экспорте» хлеба из России, столь распространенный в историографии, по крайней мере, применительно к началу XX в. несостоятелен. Он не имеет реальных оснований ни в статистике производства, экспорта и перевозок хлебных грузов, фиксирующих громадный рост внутреннего хлебного рынка в рассматриваемый период, ни в других источниках.

Между тем большой хлебный экспорт России был естественным, даже закономерным явлением.

А. Н. Челинцев в общем виде рассматривал вопрос о динамике соотношения внутреннего и внешнего хлебных рынков за 1880/84 – 1907/10 гг. По его подсчетам, чистый привоз в области недостатков за эти годы увеличился в 2,2 раза, а все избытки хлеба — в 2,8 раза: «Предложение южной половины страны перегоняло, таким образом, рост спроса в северной половине Европейской России. И избыток хлеба должен был находить все больший сбыт за границей. Вывоз заграницу с 262,4 млн. пуд. в 1880/84 гг. вырос до 585,1 млн. пуд. в 1907/10 гг., т. е. на 322,7 млн. пуд. Итак, несмотря на рост, внутрен-

ний рынок не мог поглотить того предложения хлеба, которое вырастало... более всего в южно-черноземных губерниях. И в результате Южная Россия и Россия в целом стали в большей мере заинтересованы во внешнем рынке, чем 25–30 лет тому назад»[234].

Развивая эти мысли, исследователь писал: «Рост индустрии городов и неземледельческого населения вообще не был достаточен для поддержания объема сельскохозяйственного производства на достаточной высоте... Занятое сельским хозяйством население удерживалось в побочных занятиях для пополнения заработка от собственного сельского хозяйства, выселялось, уходило на временные сельскохозяйственные заработки и пр.

Но не только в этом можно было видеть недостаточность объема внутрирусского сельскохозяйственного рынка, которая задерживала должное расширение сельского хозяйства. Ограниченность внутреннего сельскохозяйственного рынка была очевидной из того, что уже при достигнутом в России уровне производительности сельского хозяйства, часть его продуктов могла продаваться лишь за пределами России. Как земледельческая по преимуществу страна, она могла размещать свои продукты, лишь прибегая к загранице. Другими словами, сложившийся объем русского сельского хозяйства поддерживался в известной своей части сбытом на этот заграничный рынок... Увеличивался вывоз тех хлебов, культура которых была... главной в редкозаселенных южных, юго-восточных и восточных районах с быстрым расширением хлебной площади, т. е. ячменя и пшеницы»[235].

Подводя итоги, еще раз повторим, что сама идея «голодного экспорта» — демагогическое порождение народнических теорий, доминировавших в умах российской интеллигенции в пореформенную эпоху и благополучно переживших 1917 г., прежде всего, натурально-хозяйственной концепции народного хозяйства. Напомню, что согласно этой теории, крестьяне должны жить исключительно от дохода со своей земли, и его величина целиком зависит от площади наделов. Иные источники крестьянских доходов и варианты увеличения землепользования при этом совершенно игнорируются.

Тезис о «голодном экспорте», как представляется, есть распространение натурально-хозяйственной концепции на масштабы России. Подобно тому, как эта теория не принимает во внимание аренду и вненадельные заработки, считает их как бы не вполне нормальным явлением, «нарушением правил» и т. п., тезис о «голодном экспорте» отрицает реальность нормальных рыночных отношений, регионального и международного разделения труда.

Однако никто не мог в конце XIX – начале XX в. заставить крестьян Новороссии и Предкавказья производить пшеницу и ячмень, на которые, прежде всего, и падала основная часть вывоза (а, к примеру, дехкан Средней Азии — хлопок), если бы это не было выгодно для них.

Теория «голодного экспорта» — неотъемлемая часть той вымышленной нищей России, которая с минимальными вариациями перекочевала сначала из народнической публицистики в «Краткий курс истории ВКП(б)», а потом и в советские (и некоторые постсоветские!) учебники.

В этой России положение крестьян перманентно ухудшается чуть ли не со времен Ярослава Мудрого, столетиями они якобы буквально **выживают**.

И даже в пореформенную эпоху крестьяне, живущие в этой России, в полном соответствии с натурально-хозяйственной концепцией народного хозяйства, условно говоря, — Робинзоны, которые не только не могут уйти со своего «острова», но и не имеют возможности ни арендовать, ни покупать землю, ни заниматься отходничеством и/или промыслами, ни работать в соседних имениях, ни интенсифицировать свое хозяйство. Притом же это клонированные Робинзоны, поскольку не имеют индивидуальных различий и, в частности, обладают одинаковой мерой трудолюбия, ответственности и т. п.

Вся их жизнь — бесконечный непосильный труд в скверных климатических условиях, вечная нужда и тревоги об уплате недоимок и т. д. и т. п. О продовольственной помощи, о «царском пайке» крестьяне даже и не подозревают. Власть тут не только не кормит их в неурожайные годы и не слагает с них сотни миллионов рублей продовольственных долгов, но, напротив, здешнее российское правительство как будто всерьез озабочено тем, как побыстрее отправить на погост своих подданных «непосильными» податями, неподъемными платежами, а также с помощью «голодного экспорта» и др.

Данный текст, полагаю, во многом показывает меру несостоятельности этих представлений.

Если рацион питания какой-то части крестьян не был всегда достаточен, если неурожаи и сопровождавшие их бедствия были обычным явлением в России конца XIX – начала XX в., то происходило это, как мы видели, вовсе не из-за экспорта хлеба.

Причины неустройств, одним из проявлений которых были проблемы потребления, были **неизмеримо** сложнее и вытекали из общих условий российской жизни пореформенной эпохи.

На жизнь — во всех смыслах — крестьян **непосредственное** влияние оказывали забвение духа и буквы Великой реформы, консервация общины и тем самым средневековых приемов обработки земли, не только сохранение старых, но и умножение новых стеснений для сельских жителей, отсутствие у власти стратегического видения перспектив развития главной отрасли экономики страны, в конечном счете — тот тип аграрной эволюции, который сложился под влиянием правительственной политики 2-й половины XIX в.

Автор этих строк менее всего склонен трактовать ситуацию с питанием *всех* сельских (и не только сельских) жителей России в начале XX в. в мажорных тонах. Но равным образом, надо думать, и обратная точка зрения должна подкрепляться не общими и легковесными рассуждениями, а солидной источниковой базой. К тому же вряд ли основательно переносить ситуацию, скажем, времен мирового аграрного кризиса на начало XX в. Она достаточно быстро менялась — и **не в худшую сторону**. Напомню также, что «российское крестьянство» — все-таки уж слишком широкое понятие.

Настоящий текст носит, как говорилось, постановочный характер и во многом лишь намечает круг проблем, которые настоятельно требуют отдельного и очень серьезного изучения.

В сущности, вопрос стоит просто: либо мы по-прежнему верим в «страшную сказку» о нищей России (с «голодным экспортом» и т. п.), либо мы, вспомнив, что «истина и сама по себе интересна», хотим понять, что же было на самом деле в нашей Истории и, в частности, в жизни российской пореформенной деревни.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Лященко П.И.* Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с таможенным обложением. Пг., 1915. С. 21–22.
2. *Грегори, Пол.* Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 111.
3. Там же. С. 115.
4. *Лященко П.И.* Зерновое хозяйство... С. 29–30.
5. Отчет о деятельности агрономической организации при Екатеринославской губернской Землеустроительной комиссии за 1912 г. Екатеринослав, 1913. С. 169–170.
6. *Лященко П.И.* История русского народного хозяйства. М.; Л., 1927. С. 291.
7. *Прегер Р.И.* Производство главнейших хлебов в России за двадцатипятилетие 1888–1912 гг. Материалы к пересмотру торгового договора с Германией. Вып. XIX. Пг., 1915 г.
8. Там же. С. 3.
9. Там же.
10. Там же. С. 37.
11. Там же. С. 38.
12. *Китанина Т.М.* Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. Очерки правительственной политики. М., 1978. С. 6.
13. *Прегер Р.И.* Производство главнейших хлебов... С. 38.
14. Сельское хозяйство России в XX веке. М., 1922. С.78–81.
15. *Лященко П.И.* Зерновое хозяйство... С. 235–236.
16. Там же. С. 236.
17. Там же. С. 238.
18. Там же. С. 242.
19. *Лященко П.И.* Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. СПб., 1912. С. 301.
20. *Лященко П.И.* Зерновое хозяйство... С. 242.
21. *Прегер Р.И.* Производство главнейших хлебов... С. 8.
22. Там же. С. 9.
23. Там же. С. 10.
24. Там же. С. 15–16.
25. Там же. С. 27.
26. *Лященко П.И.* Зерновое хозяйство... С.175–176.
27. *Прегер Р.И.* Производство главнейших хлебов ... С. 71.
28. *Лященко П.И.* Зерновое хозяйство... С. 186.
29. Исчисление избытков и недостатков четырех главнейших хлебов урожая 1915 г. в 46-ти губерниях Европейской России. Пг., 1916. С. 4.
30. Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения. Вып. 1. М., 1916. С. 10.
31. *Макаров Н.П.* Крестьянское хозяйство и его эволюция. М., 1920. С. 9–10.
32. *Макаров Н.* Социально-этические корни в русской постановке аграрного вопроса. Харьков., 1918. С. 17.
33. *Фирсов П.П.* К вопросу об оценке земель как предмета земского обложения (историко-критический этюд). Херсон, 1894. С. 89–91, 95–97. При цитировании текстов Фирсова в скобках приводятся только его замечания .
34. Там же. С. 90–93.

35. *Кауфман. А.* Агрономический персонал и его место в земском статистическом аппарате. Самара, 1916. С. 4–5.
36. Там же. С. 16–17.
37. Там же. С. 17–18.
38. *Юрьевский Б.* Возрождение деревни. Пг., 1914 С. 162–163.
39. Там же. С. 164–168.
40. Там же. С. 167–168.
41. *Ермолов А.С.* Наши неурожаи и продовольственный вопрос. СПб., 1909. Т. 1–2. С. 540–541.
42. Там же. Т. 2. Приложение. С. 6.
43. РГИА. Ф. 268. Оп. 4. Д. 980. Л. 90 об.
44. Там же. Л. 90 об.–91.
45. Там же. Л. 91.
46. Там же. Л. 91–91об.
47. Там же. Л. 91об.
48. Там же. Л. 91об–92.
49. *Привалова Т.В.* Питание российского крестьянства на рубеже веков // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1997. М., 1997.
50. Там же. С. 134.
51. Там же. С. 134–135.
52. Общая газета. № 47 (433), 22–28 ноября 2001 г.
53. *Кауфман А.А.* Аграрный вопрос в России. М., 1918. С. 135.
54. *Миронов Б.Н.* Социальная история России. СПб., 1999. том I. С. 58.
55. Там же. Том II. С. 335.
56. *Миронов Б.Н.* Жизненный уровень населения России в XIX – начале XX в. // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 2. 2009. Вып 1. Ч. 1. С. 85.
57. Там же. С.85–87.
58. Там же. Вып. 2. Ч. 2. С. 177–178.
59. *Тюкавкин В.Г.* Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа М., 2001. С. 65–70.
60. *Ермолов А.С.* Наши неурожаи... Том I. С. 225.
61. Книга о вкусной и здоровой пище. М.,1984. С.16. Там же говорится, что в 1 кг ржаного хлеба содержится около 2040 ккал, в 1 кг пшеничного хлеба — 2290 ккал, в 1 кг картофеля — 890 ккал. (С. 25).
62. *Бруцкус Б.Д.* Экономия сельского хозяйства. Народнохозяйственные основы. Берлин, 1923. С.126–127 и далее.
63. *Бродель Ф.* Что такое Франция? М., 1997. Т. 2.2. С.133.
64. *Ермолов А.С.* Наши неурожаи и продовольственный вопрос. Том I. СПб., 1909. С. 66–69.
65. Там же. С. 70.
66. Там же. С. 81–83.
67. Там же. С. 72–74.
68. Там же. С. 84–85.
69. Там же. С. 89–94.
70. Там же. С. 96–97.
71. Там же. С. 98–99.
72. Там же. С. 98–101.
73. Там же. С. 104–105.
74. Там же. С. 95.

75. Там же. С. 95–96.
76. Там же. С. 105–106.
77. Там же. С. 107.
78. Там же. С. 108.
79. Россия. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Л., 1991. С. 205.
80. *Ермолов А.С.* Наши неурожаи... Том I. С. 109.
81. Там же. С. 109–111.
82. Там же. С. 111.
83. Отчет по продовольственной кампании 1910–1911 гг. Управления сельской продовольственной частью МВД. СПб., 1912. С.107–108.
84. *Ермолов А.С.* Наши неурожаи... Том I. С.116–118.
85. Там же. С. 134–136.
86. Там же. С. 142–143.
87. Там же. С. 143.
88. Отчет по продовольственной кампании 1910–1911 гг. ... С. 109,110.
89. Там же. С. 142–174.
90. Там же. С. 176.
91. Там же. С. 176–177
92. Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Том I. Рассказы в стенографической записи. Кн.ы 2. СПб., 2003. С. 538.
93. *Ермолов А.С.* Наши неурожаи... С. 178–229.
94. Новейшая история Отечества. XX век. Учебник для вузов в двух томах. Под редакцией А.Ф. Киселева и Э.М. Щагина. Том. 1. М.1998, С. 30–33.
95. *Мельников Р.М.* Крейсер Варяг Л., Судостроение 1983 г. С. 22 стр.
96. *Ермолов А.С.* Наши неурожаи... Том 1. С. 230–266.
97. Там же. С. 266–267.
98. Там же. С. 267–268.
99. Там же. С. 269–273.
100. Там же. С. 277–284.
101. Там же. С. 285.
102. Там же. С. 286–291.
103. Там же. С. 306–331, 339–340.
104. Там же.С. 359–360.
105. Там же. С. 312–313
106. Там же. С. 349–350.
107. *Шацилло К.Ф.* Русский империализм и развитие флота. М., 1968. С. 44.
108. *Ермолов А.С.* Наши неурожаи... Том 1. С. 354–355.
109. Там же. С. 371.
110. Там же. С. 362.
111. Там же. С. 390–392.
112. Там же. С. 394–397.
113. Там же. С. 364.
114. Там же. С. 372–374.
115. Там же. С. 377.
116. Там же. С. 384.
117. Там же. С. 382–385.
118. Там же. С. 399.
119. Там же. С. 399–400.

120. Там же. С. 400.
121. Там же. С. 386.
122. Там же. С. 386–387.
123. Там же. С. 388.
124. Там же. С. 389–390.
125. Там же. С. 408–410.
126. Там же. С. 410–411.
127. Там же. С. 412–414.
128. Там же. С. 411–412.
129. Там же. С. 432.
130. Там же. С. 444–445.
131. Там же. С. 444.
132. Там же. С. 294–296.
133. Там же. С. 452–453.
134. Там же. С. 453–455.
135. Там же. С. 455–457.
136. Там же. С. 457–459.
137. *Ермолов А.С.* Наши неурожаи ...Том 2. С. 6.
138. Там же.
139. Там же. С. 21.
140. «Общий итог этих сумм дает цифру в 488.145.000 р., но к этой цифре надо добавить еще 15000.000 р., отпущенных в 1901 и 1902 г.г. на покупку хлеба для различных пострадавших от неурожая губерний, и которые я по отдельным губерниям разнести не могу; кроме того, такая же примерно сумма израсходована в 1891–1892 годах на Анненковские общественные работы, тоже по губерниям не распределенная; в этот счет не входит и сумма, отпущенная в 1898 и 1899 годах на снабжение населения лошадьми. С добавлением этих расходов общий итог далеко превысит полмиллиарда рублей» — пишет А.С. Там же. С. 9.
141. Там же. С. 7–8.
142. Там же. С. 9.
143. Там же, С. 32–33.
144. *Кофод А.А.* Крестьянские хутора на надельной земле. СПб. 1905.
145. *Ермолов А.С.* Наши неурожаи... Том 1. С. 408–414.
146. Там же. С. 418–417.
147. Там же. С. 414–415.
148. Там же. С. 415.
149. Там же.
150. Там же. С. 415–416.
151. Там же. С. 416.
152. *Вронский О.Г.* Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905–1917). М., 2000. С. 276.
153. Там же. С. 416–417.
154. Там же. С. 417.
155. Там же. С. 418.
156. Там же.
157. Там же. С. 421.
158. История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1968. Т. VI. С. 523.
159. *Ермолов А.С.* Наши неурожаи... Т. 1. С. 423.
160. Там же. Т. 1. С. 425.

161. Там же. С. 427–428.
162. Там же. С. 584–585.
163. Там же. С. 587.
164. *Зима В.Е.* Тупики аграрной политики (1945–1953) //СССР и холодная война. М., 1995.
165. Там же. С. 142–150.
166. Там же. С. 150–152
167. Там же. С. 152–158.
168. *Гурко В.И.* Отрывочные мысли по аграрному вопросу. СПб., 1906 г. С. 38–39.
169. *Геллер.М., Некрич А.* История России. 1917–1995. В 4-х томах. М., 1996. Том 2. С. 25 (517)-26(518).
170. *Ермолов А.С.* Наши неурожаи.... Т. 1. С.56–57.
171. *Витте С.Ю.* Из архива С.Ю.Витте. Воспоминания. Том 1. Рассказы в стенографической записи. книга 1. СПб., 2003. С. 312–313.
172. *Семенов С.Т.* 25 лет в деревне. М., 1915. С. 37–39, 51.
173. Там же. С. 39–40.
174. Там же. С. 165–170.
175. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 554–556.
176. Там же. С. 572.
177. *Вронский О.Г.* Крестьянская община на рубеже XIX–XX вв.: структура управления, поземельные отношения, правопорядок. — Тула, 1999. С. 4.
178. *Миронов Б.Н.* Социальная история России. СПб., 1999. том 1. С. 56–57.
179. Там же. С. 57.
180. Там же. С. 58.
181. П.Д. Русский социализм и общинное землевладение. М.1899. С. 83–85.
182. *Вронский О.Г.* Крестьянская община на рубеже XIX–XX вв.: структура управления, поземельные отношения, правопорядок. — Тула. 1999. С. 37–40.
183. Там же. С. 41–42.
184. Из архива С.Ю.Витте. Воспоминания. Том 2. Рукописные заметки. СПб., 2003. С. 38.
185. Бродель Ф. Что такое Франция? Том 2. Люди и вещи. М., 1997. С. 19–23.
186. П.Д. Русская интеллигенция и крестьянство. Критический анализ Трудов местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. М., 1904. С. 296.
187. Там же. С. 328.
188. *Бродель Ф.* Что такое Франция? ... С. 23–27.
189. *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Часть I. Роль среды. М., 2002. С. 335–336.
190. Там же. С. 336–339.
191. Там же. С. 340.
192. *Ермолов А.С.* Наши неурожаи... Том 2. С.138
193. *Ермолов А.С.* Наш земельный вопрос. СПб., 1906. С. 185–186.
194. *Морачевский.* Агрономическая помощь в России. СПб., 1914. С. 316–317.
195. «Как можно поднять урожай озимых хлебов в Херсонской губернии. Херсон, 1913 г. С. 1–8.
196. Там же. С. 9–12.
197. *Луков Н.И.* «Беседы с крестьянами по сельскому хозяйству агронома Лукова» Саратов, 1913. С. 1–2.
198. *Макаров. Н.П.* Организация сельского хозяйства М.; Берлин. 1924. С. 33–36.
199. *Ермолов А.С.* Наши неурожаи... Том 2. С. 6.

200. Там же. С. 26–27.
201. Там же. С. 9.
202. Там же. С. 6.
203. Там же. С. 33.
204. Там же. С.157–158.
205. П.Д. Вопрос об общине и уравнительном землепользовании. М. 1904. С. 56–57.
206. *Макаров Н.П.* Социально-этические корни в русской постановке аграрного вопроса... С. 18.
207. П.Д. Вопрос об общине и уравнительном землепользовании... С. 59–60.
208. *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Часть I... С.18–19.
209. *Ермолов А.С.* Наши неурожаи... Том 1. С.145–146.
210. Там же. С. 317–318.
211. Там же. С. 578–579.
212. Там же. С. 318–319.
213. Там же. С. 319.
214. Там же. С. 582–583.
215. *Миронов Б.Н.* Социальная история России. Т. II. С. 305.
216. Там же.
217. Там же. Т. I. С. 457.
218. Там же. Т. II. С. 310–311.
219. *Ермолов А.С.* Сельскохозяйственные этюды. Киев, 1892. С. 15.
220. Там же. С. 63–64.
221. *Ермолов А.С.* Наши неурожаи... Т. 2. С. 148–150.
222. Там же. Том 1. С. 306–309.
223. *Юрьевский.* Возрождение деревни... С. 88–91.
224. П.Д. «Русская интеллигенция и крестьянство». Критический анализ трудов местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. М., 1904. С. 139–140.
225. Там же. С. 131.
226. Россия. Энциклопедический словарь. Л., 1991. С. 199.
227. Там же, С. 201.
228. Там же.
229. *Ермолов А.С.* Наши неурожаи... Т. 1. С. 231–232.
230. Там же. С. 104–105.
231. Там же. С. 136–137.
232. Там же. С. 137–139.
233. Там же. С. 139–140.
234. *Челинцев А.Н.* Перемены в хлебной продукции Европейской России в связи с общим развитием сельского хозяйства. Харьков, 1913.
235. *Челинцев А.Н.* Сельскохозяйственная география России. Берлин, 1923. С. 6–7. С. 6–7.

Глава 4
РАФИНАДНЫЙ РЫНОК РОССИИ В НАЧАЛЕ XX в. ПО ДАННЫМ «СВОДНОЙ СТАТИСТИКИ»

Третья глава показала, что изучаемый источник дает немалые возможности для анализа хлебного, т. е. сельскохозяйственного рынка.

В настоящей главе выявляются возможности «Сводной статистики» для анализа отраслевого промышленного рынка. С этой целью предпринимается исследование географической структуры рафинадного рынка России в начале XX в. Работа такого рода предпринимается впервые в историографии, в которой практически отсутствует как географический анализ отраслевого рынка в целом, так и рынков сбыта промышленных предприятий, являющихся его важнейшей составной частью.

Соответственно, в главе необходимо решить следующие задачи.

Во-первых, выяснить, как распределялась по стране продукция отрасли путем установления максимально полной картины получения рафинада всеми губерниями России и круга заводов, поставлявших туда сахар, а также определить, меняется ли эта картина во времени. Здесь уместно заметить, что мы, к сожалению, лишены возможности совместить сведения о речных и рельсовых перевозках рафинада, как это сделано в главе 3, поскольку в «Статистических сборниках МПС» данные о транспортировке песка и рафинада суммировались.

Во-вторых, рассмотреть рынки сбыта некоторых крупнейших рафинадных заводов и выявить, насколько они устойчивы во времени.

В-третьих, определить, какие факторы влияли на географию сбыта (чем вызывалось то или иное распределение продукции в этой отрасли), а главное — установить, чем вызывались изменения рынков сбыта предприятий. Здесь, в частности, очень важен и интересен вопрос о воздействии Соглашения рафинеров (1902–1913 гг.), картельной организации производителей рафинада, на географический аспект сбытовой деятельности предприятий-участников.

В силу сказанного я намерен провести анализ получения рафинада *каждой* станцией российских железных дорог в 1901, 1908 и 1913 гг., установив при этом станции, отправлявшие туда рафинад.

Группировка станций-получателей по губерниям позволит определить размеры получения каждой губернией, на территории которой были железные дороги, и предприятия, посылавшие туда свою продукцию. Таким образом, в нашем распоряжении будет полная картина движения рафинада по железным дорогам Империи в указанные годы — своего рода три горизонтальных среза. Их сравнение, несомненно, даст важную и полезную информацию об эволюции географической структуры рынка. Не говоря о том, что просто интересно, как распределялась произведенная продукция по стране.

Далее проводится исследование рынков сбыта некоторых из крупнейших рафинадных заводов России, которое должно решить проблему степени устойчивости географической структуры сбыта во времени и пространстве. Это поможет ответить на вопрос о факторах, влиявших, а иногда и определявших, эту структуру.

Наконец, анализ статистических показателей должен прояснить существо тарифной политики Министерства финансов на этом рынке и выявить степень ее эффективности как для заводчиков, так и для потребителей.

Автор этих строк специально изучал рафинадную промышленность России начала XX в. Именно указанные проблемы остались почти неисследованными, ибо главное внимание уделялось собственно деятельности Соглашения рафинеров, эволюции организационных форм картеля (громко именовавшегося «синдикатом») и определению степени эффективности воздействия этого объединения на функционирование отрасли, которая, как выяснилось, была весьма преувеличена в предшествующей историографии. Предпринимаемый анализ существенно дополнит наши знания о жизнедеятельности одной из крупнейших отраслей промышленности России.

При рассмотрении данных о производстве рафинада в России в начале XX в. (табл. 4.1.) отмечается определенная цикличность. Так, если в 1890-х гг. выработка неуклонно, хотя и неравномерно возрастает, то с 1901/1902 гг. вслед за каждым значительным увеличением производства его размеры год или два находятся либо на том же уровне, либо несколько уменьшаются. Например, после резкого роста в 1901/1902 гг. фиксируется падение в 1902–1904 гг. Затем, в 1904–1907 гг. производство непрерывно увеличивается, превосходя в 1906/1907 гг. «досиндикатский» уровень 1901/1902 гг. на 16,3 %, вслед за чем в 1907/1908 г. оно вновь уменьшается. В 1908–1910 гг. выра-

Таблица 4.1. Производство, потребление, остаток рафинада в России в 1895–1913 гг. (тыс. пуд.)

Годы	Производство	Потребление	Остаток	Цена Киевского завода, руб/пуд
1895–1896	22309	22434	2310	нет/свед.
1896–1897	23175	28510	2185	нет/свед.
1897–1898	25989	25649	1851	5,37
1898–1899	27175	27048	2132	5,33
1899–1900	28399	29005	2318	5,28
1900–1901	30354	30218	1712	5,31
1901–1902	35506	33109	2027	5,1
1902–1903	33841	34226	4425	4,89
1903–1904	33681	35310	4039	4,97
1904–1905	36764	37235	2420	5,22
1905–1906	39511	38389	1939	5,32
1906–1907	41284	38910	3061	4,89
1907–1908	39021	40936	5435	4,63
1908–1909	42824	43668	3520	5,06
1909–1910	50238	48030	2694	4,95
1910–1911	50319	47945	1902	4,6
1911–1912	49244	52312	7275	4,48
1912–1913	57853	55634	4207	4,82

Источник: Ежегодник сахарной промышленности.

ботка растет, превышая уровень 50 млн. пуд., но в 1910–1912 гг. колеблется возле этой цифры. В 1912/1913 г. производство вновь растет — сразу на 17,5 %. Это явление объясняется прежде всего деятельностью Соглашения рафинеров. Подъем производства в 1901/1902 гг. стал едва ли не главной непосредственной причиной возникновения 1-го Соглашения рафинеров, а два других наиболее значительных — в 1909–1910 гг. и 1912/13 гг. — имели место в годы, когда оно не действовало (причем последний предшествовал образованию 2-го Соглашения).

Производство рафинада в стране росло, как можно видеть весьма быстрыми темпами. Если в 1900/1901 гг. в России было выработано 30,4 млн. пуд. рафинада в 1906/7 гг. — 41,3 млн. пуд., то уже в 1909/1910 гг. — 50,2 млн. пуд., а в 1912/1913 гг. — 57,8 млн. пуд., т. е. производство увеличилось за 1900/1913 гг. на 90,6 %.

Однако общее количество рафинада на рынке складывалось из суммы производства и так называемого остатка. Он включал в себя неприкосновенный запас, удерживавшийся на песочно-рафинадных заводах, и непроданный рафинад прошедшей производственной кампании. Остаток, ежегодно переходивший с истекшего периода на новый, был одним из наиболее важных факторов, формировавших конъюнктуру рынка в целом. Это хорошо видно из сопоставления размеров остатка со средней продажной ценой рафинада Т-ва Киевского завода, которое в силу ряда причин считалось в отрасли своего рода эталонным. Нетрудно заметить, что, чем больше остаток, тем ниже цена. Если он не превышает 2,5 млн. пуд., то цена не опускается ниже 5 руб./пуд. Исключение — показатели 1908–1909 гг., года значительного улучшения конъюнктуры и роста потребления, связанного, надо полагать, с прекрасным урожаем, а также период 1909/1910 гг., когда Соглашение не действовало, производство выросло на 17,3 %, что, конечно, отразилось на ценах. Большой остаток «угнетал» рынок с первых же дней нового производственного периода (года), снижая цены. Поэтому корректировка величины производства и остатка было едва ли не главной задачей Комитета рафинеров.

Для определения степени воздействия Соглашения рафинеров на потребление рафинада в стране важно, что динамика общего количества рафинада, обращавшегося на рынке, значительно более сглажена, чем динамика производства рафинада. Лишь в 1903/1904 гг. оно увеличивается на незначительную величину (0,3 %). В остальные же годы общее количество рафинада на рынке постоянно растет, притом иногда существенно. Шесть лет понадобилось на то, чтобы оно увеличилось с 30 до 40 млн. пуд., четыре года — на то, чтобы он возрос до 53 млн.пуд., и только три года — на увеличение до 62 млн. пуд. Среднегодовой прирост этого показателя в 1903–1913 гг. почти равен «досиндикатскому» — 2075 и 2175 тыс. пуд. соответственно, причем в 1908–1913 гг. он составляет 3780 тыс. пуд. В целом за время 1902–1913 гг. общее количество рафинада на рынке выросло на 62,2 %, а в сравнении с 1900/1901 г. — на 92,4 %.

В начале XX в. рафинад производился на 59-ти заводах, 33 из которых находилось в Европейской России, а 29 — в польских губерниях. На долю первых в 1901/1902 г. пришлось 31854 тыс. пуд. из 35506 тыс. пуд. общеимперского производства, или 89,7 %, на долю вторых — 3652 тыс. пуд., или 10,1 %.

Сравнение данных о выработке рафинада за 1901/1902 гг. и 1912/1913 гг. показывает, что в 1912/1913 гг. производство рафинада на 17-ти крупнейших заводах соста-

вило 35 514 тыс. пуд., увеличившись на 8 840 тыс. пуд., но при этом их доля в общероссийском производстве снизилась с 75,1 до 61,4 %. Суммарная выработка остальных заводов выросла с 8832 тыс. пуд. до 15060 тыс. пуд., т. е. на 6228 тыс. пуд. в сравнении с 1901/1902 гг., но удельный вес продукции этих предприятий вырос ненамного — 24,9 и 26,1 %. Вновь построенные заводы в 1912/13 г. произвели 7279 тыс. пуд., что составило 12,6 % общего итога. Попытаемся раскрыть эту информацию.

За 1901–1913 гг. в России возникло 16 новых рафинадных предприятий (в 1914 г. появилось еще два), из них 5 — в Привислинском крае. Преимущественно это были заводы со средними размерами производства: от 500 до 800 тыс. пуд. рафинада в год. Два из них — Бурынский и Федоровский — к концу рассматриваемого периода вырабатывали значительно больше 1 млн.пуд. Польские предприятия были невелики по размерам: из 7279 тыс. пуд., произведенных новыми заводами, на их долю пришлось 331 тыс. пуд. (4,5 %). Наряду с возникновением новых шло расширение уже существовавших. Из 33-ех заводов Европейской России увеличили свою мощность 22, т.е. более двух третей, принимая во внимание прекращение деятельности трех заводов (Левадского, Уладовского и Генера, слившегося с Московским т-вом). Из числа лидеров отрасли особенно заметно увеличение производительности Павловского, Лебединского, Корюковского, Тростянецкого, Михайловского, Московского заводов. Из предприятий со средними размерами производства резко увеличили выработку Марьинский, Соболевский, Киселевский, Богатовский, Житынский, Григоровский, Шепетовский и др. В Привислинских губерниях следует отметить появление Добржелинского завода с мощностью в 1,7 млн пуд., возникшего в результате слияния Варшавского товарищества, Добржелинского и Санникского заводов. Выросло производство Юзефовского и Люблинского заводов. В то же время производительность ряда крупных предприятий осталась без изменения — Киевского, Смелянского, Бобринских, Харьковского, Петербургского, Тимашевского.

Таким образом, магистральное направление развития отрасли понятно — это бурный рост производства (и соответственно потребления) рафинада в стране за счет расширения старых и возникновения новых предприятий, несмотря на деятельность Соглашения рафинеров. В течение рассматриваемого периода накал конкуренции не только не уменьшился, но и возрос. К 1914 г. количество крупных фирм увеличивается, и при этом появляется около десятка предприятий с размерами производства в 500–800 тыс. пуд., успешно конкурирующих с крупными фирмами.

Как это отразилось на рынке? В какой форме материализовалось увеличение, с одной стороны, числа заводов и объема продукции, с другой? Можем ли мы увидеть это, или должны ограничиваться простой констатацией роста конкуренции?

§ 4.1. ДИНАМИКА ПОЛУЧЕНИЯ РАФИНАДА ПО РАЙОНАМ

Полагаю, происшедшие изменения должны проявиться прежде всего на уровне отдельных экономико-географических районов.

Показатели районов вычисляются следующим образом. В результате обработки соответствующих выпусков «Сводной статистики» для каждой станции-получателя опре-

делены станции-отправители рафинада. Затем станции-получатели группируются по губерниям и, соответственно, становится понятен круг поставщиков сахара (из соображений стилистики этот термин употребляется как синонимичный слову «рафинад») в каждую губернию в каждом году.

После этого погубернские данные сводятся в порайонные, поскольку уловить и оценить тенденции развития рафинадного рынка в целом, несомненно, удобнее на данных, характеризующих не отдельные губернии, а экономические районы. В данном конкретном случае я прибегаю к районированию, близкому к тому, которое предлагается в учебнике В. З. Дробижева, И. Д. Ковальченко и А. М. Муравьева «Историческая география СССР[1]».

Обратимся к динамике получения рафинада по районам за 1901, 1908, 1913 гг.

Несколько необходимых пояснений. Термин «станции-отправители» рафинада далее в тексте обозначает не все железнодорожные станции, отправлявшие сахар, а прежде всего те, близ которых располагались рафинадные заводы, а также станции, осуществлявшие переотправки рафинада, главным образом пристани и порты (Екатеринослав, Кременчуг, Гомель, Ростов, Новороссийск, Поти и т. д.), хотя бы мы и не знали, рафинад каких именно заводов отправлялся с железнодорожных станций при них. Это необходимо для уяснения структуры транспортной системы страны.

В подавляющем большинстве случаев мы вполне определенно знаем, какие именно заводы находились возле тех или иных станций. Не принципиальные для нашего исследования исключения — ряд песочно-рафинадных заводов Польши (Привислинского края) и иногда Юго-Западного края.

Станции-отправители рафинада в тот или иной район или губернию называются также корреспондентами, в соответствии с терминологией того времени. Здесь и далее фраза «район имел (у района было) N корреспондентов» означает, что в данном году в данный район отправляли рафинад N станций русских железных дорог.

Оценивая показатели сбыта, следует иметь в виду, что заводы, принадлежавшие одному владельцу, далеко не всегда проводили согласованную торговую политику даже в пределах одного региона.

Полезно знать также, что 1 тыс. пуд. рафинада — это максимальная нагрузка 1 железнодорожного вагона.

* * *

Ниже в алфавитном порядке представлены все станции сети российских железных дорог, с которых отправлялся рафинад в 1901, 1908 и 1913 гг. с указанием тех песочных, рафинадных и песочно-рафинадных заводов, которые использовали их в своей сбытовой деятельности, а также губерний и уездов, на территории которых они находились, согласно «Ежегоднику сахарной промышленности». Полужирным шрифтом выделены названия рафинадных и песочно-рафинадных заводов и станций (кроме предприятий Привислинского края), близ которых они находились.

В список включены также и переотправочные станции — речные пристани, морские порты и другие пункты.

Более 90% анализируемого «Сводной статистикой» отправления рафинада падало на рафинадные и песочно-рафинадные заводы, однако и песочные заводы иногда отправляли 1–2 вагона сахара.

1. Акстафа — пункт переотправки.
2. Александровск — пункт переотправки.
3. **Бар** — а) Барский, Подольской губ., Могилев. у., ж. д. ст. Бар (4 версты); б) **Ялтушковский** — Подольской, Могилев. у. (20 верст).
4. Батум — пункт переотправки.
5. **Белая Церковь** — а) Городищенско-Пустовартовский, Киевской, Сквир. у. (22); б) Езеранский, Киевской, Васильк.у. (22 вер); в) Жашковский, Киевской, Таращан. у. (70); г) **Кашперовский**, Киевской, Таращан. у. (55 вер.); Шамраевский, Киевской, Васильк.у. (21 вер.).
6. Белгород — Стрелковский, Харьковской, Сум. у. (12 вер.).
7. **Белый Колодезь** — Харьковской, Волчан. у., **Белоколодезский** насл. Скалона, в 0,5 вер.
8. **Бердичев — Федоровский** (Бердичевский), Киевской, Бердич. у. (2 вер.).
9. Блоне — а) Михаловский, Варшавской, Блон.у. (6 вер.).
10. **Бобринская — Смелянский,** Киевской, Черкасс. у. (3–4 вер.).
11. **Богатое — Богатовский,** Самарской, Бузулук. у. (1 вер.).
12. Брасово — а)Кретовский, Орловской, Карачев. у. (30 вер.).
13. Бровары — пункт переотправки.
14. Бровки — а) Андрушевский, Волынской, Житомир.у. (15 в.); б) Иванковский, Волынской, Житомир. у. с 1876, в 35 вер., а также станция Писки в 14 вер. Яроповичский завод — Киевской, Сквир.у. (18 вер.).
15. Бродецкое — Бродецкий, Киевской, Бердич. у. (6 вер.).
16. Варшава — Черский, Варшавской, Гроец. у. (52 вер.).
17. **Васильков — Григоровский,** Киевской, Васильк. у. (38 вер.), Сухолесытов. — 40 вер.
18. Винница — пункт переотправки.
19. Влоцлавск — а) Брест-Куявский, Варшавской, Влоцл. у. (14 вер.); б) Леоновский, Варшавской, Гостын. у. (не действует) — (28 вер.); в) Островитский — Плоцкой, Рыпин.у. (56 вер.); Хелмицкий — Плоцкой, Липновск. у. (8 вер.).
20. Водяная — а) Натальевский, Харьковской, Богодухов. у. (16 вер.); б) Ново-Ивановский, Харьковской, Волков. у. (7 вер.).
21. Волчанск — Рубежанский, Харьковской, Волчан. у. (17 вер.).
22. Вороновицы — а)Вороновицкий, Подольской, Брацлав. у. (5 вер.); б) Степановский, Подольской, Брацлав. у. (2 вер.).
23. **Воронцово Городище** — а) **Марьино-Городищенский**, Киевской, Черкасс. у., (0,5 вер.); б) Ольшанский, Киевской, Звениг. у., (15 вер.); в) Орловецкий — Киевской, Черкасс. у. (не действ) — в 10 вер.
24. Воронцовская — Ольшанский, Киевской, Звениг. у. (15 вер.).

25. Гайсин — Гайсинский, Подольской, Гайсин. у. (1,5 вер.).
26. **Гнивань — Гниванский**, Подольской, Винниц. у., (0,5 вер.).
27. Головашевка — а) Кекинский, Харьковской, Сум. у. (12 вер.); б) Рогознянский, Харьковской, Сум. у. (7 вер.); в) Сумско-Степановский — Харьковской, Сум. у. (6 вер.).
28. Гомель — пункт переотправки.
29. **Губник — Соболевский**, Подольской, Гайсин. у. (11 вер.).
30. Гуты — а) Гутянский, Харьковской, Богодухов. у. (4,5 вер.) Кенига; б) Натальевский, Харьковской, Богодухов. у. (15 вер.); в) Пархомовский, Харьковской, Богодухов. у. (27 вер.).
31. **Демчин — Янушпольский**, Волынской, Житомир. у. (16 вер.).
32. Дербент — пункт переотправки.
33. **Дерюгино — Дерюгинский,** Курской, Дмитриев. у. (4 вер.).
34. Днепр Красный — пункт переотправки.
35. Донская — пункт переотправки.
36. Дорогуск — Стржишовский, Люблинской, Грубешов. у. (10 вер.).
37. **Дукля — Соболевский**, Подольской, Гайсин. у. — станция при заводе.
38. Екатеринослав — пункт переотправки.
39. Жданка — Богородицкий, Тульской, Богород. у. (1,5 вер.).
40. Жирардов — а) Германовский, Варшавской, Сохачев. у. (14 вер); б) Гузовский, Варшавской, Блон.у. (10 вер.); в) Черский, Варшавской, Гроец. у. (43 вер.);
41. Звенигородка — а) Бужанский, Киевской, Звенигор. у. (35 вер.); б) Ольховецкий Киевской, Звенигор. у. (10 вер.); в) Почапинский, Киевской, Звенигор. у. (35 вер.).
42. **Земетчино — Земетчинский**, Тамбовской, Моршан. у. (0,25 вер.).
43. **Златополь — Лебединский** Бродских, Киевской, Чигирин. у. (1 вер.).
44. Карловка — Карловский, Полтавской, Константиноград. у. (3 вер.).
45. **Киев — завод Киевского т-ва.**
46. Кириковка — Пархомовский, Харьковской, Богодухов. у. (30 вер.), Янково-Рогский, Харьковской, Ахтыр. у. (22 вер.).
47. **Киселевка — Киселевский**, Киевской губ., Звенигородск. у. (7 вер.).
48. Ковель — пункт переотправки.
49. Коренево — Благодатинский, Курской, Рыльск. у. (18 вер.).
50. Коростень — пункт переотправки.
51. **Корюковка — Корюковский,** Черниговской, Сосниц. у. (1 вер.).
52. Кременчуг — пункт переотправки.
53. Кросневицы (Островы) — а) Ланентский, Варшавской, Кутн. у., 11 вер.; б) Островский, Варш., Кутн. у. (1,5 вер.).
54. Кутно — а) Боровичский, Плоцкой губ. и уезда, (56 вер.) б) «Констанция» (Кутновский), Варшавской, Кутнов. у., (1,5 вер.) в) Леоновский, Варшавской, Гостын. у. (не действует) (40 вер.); г) Лесьмержский., Калишской, Ленчинского, в

28 вер.; д) Сойкский (Мария) Варшавской, Кутн. у. (7 вер.); е) Стржелецкий — Варшавской, Кутн. у., (10 вер.).

55. Ланная — Ланновский, Полтавской, Константиногр. у. (2,5 вер.).
56. Лапы — пункт переотправки.
57. Лович — а) Лышковицкий, Варш., Лович. у., (15 вер.); б) Санникский, Варшавской, Гостын. у. (26 вер.).
58. **Лукашевка** (Иванино) — а) Любимовский, Курской, Суджан. у. (19 вер.); б) **Марьинский,** Курской, Льгов. у. (7 вер.).
59. Люблин — а) Люблинский, Люблин., Люблин. у. (1 вер.); б) Закржувский — Люблин., Янов. у. (40 вер.).
60. **Льгов — Марьинский**, Курской губ., Льгов. у. (17 в.); Льговский при станции, Курская, Льгов. у.
61. Мариуполь — пункт переотправки.
62. Мехов — Лубновский (Казимержский), Келецкой, Пинчов у. (42 вер.)
63. Монастырище а) Жашковский, Киевской, Таращан.у., (40 вер.); б) Монастырищенский — Киевской, Липовец. у. (7 вер.), Цыбулевский, Киевской, Липовец. у. (1,5 вер.).
64. **Мироновка** — а) **Мироновский,** Киевской, Канев.у., (2,5 вер.); б) Пивецкий — Киевской, Канев. у. (30 вер.); в) Пиевский, Киевской, Канев. у. (20 вер.), г) Степанецкий, Киевской, Канев. у. (в 23 вер.); г) Велико-Прицковский, Киевской, Канев. у. (35 вер.); д) Ржищевский, Киев, Киев. у. (35 вер.); е) Трощинский-Киевской, Канев. у. (40 вер.).
65. **Мордово — Ново-Покровский**, Тамбовской губерния и у. (8 вер.); Эртильский, Воронежской, Бобров. у. (30 вер.).
66. **Москва — Даниловский** рафинадный, **Московский** товарищества, **завод Генера**.
67. Ново-Александрия а) Заглобский, Люблинской, Ново-Александр. у. (28 вер.); б) Опольский — Люблинской, Ново-Александр. у. (40 вер.).
68. Николаев — пункт переотправки.
69. Новороссийск — пункт переотправки.
70. **Одесса — заводы Одесский Бродских и Одесского т-ва.**
71. Ольшаница — а) **Кагарлыкский**, Киевской, Киев. у. (26 вер.); б) Лучанский, Киевской, Таращан. у. (26 вер.).
72. **Оратово** а) Бабинский — Киевской, Липовец. у. (8 вер.); б) Бугаевский, Киевской, Таращан. у. (20 вер.); в) Денгофо-Дубровецкий, Киевской, Таращан. у. (35 вер.); г) Кальникский, Киевской, Липовец. у. (18 вер.); г) **Каменогорский (Собский)**, Киевской, Липовец. у. (22 вер.).
73. Островец — а) Рятвянский, Радомской, Сандомир. у. (55 вер.); б) Ченстоцицкий — Радомской, Опат. у. (1,5 вер.).
74. Островы — см. Кросневицы.
75. Панютино — пункт переотправки.
76. Петровск — пункт переотправки.

77. Пнево а) Валентиновский, Варшавской, Кутн. у. (2,5 вер.); б) Добржелинский — Варшавской, Кутн. у., (1,5 вер.); в) Млыновский — Калишской, Ленчиц. у. (22 вер.); г) Модельский, Варшавской, Гостын. у. (11 вер.); д) Томчинский, Варшавской, Кутн.у. (7 вер.).
78. **Погребище** — а) Бугаевский, Киевской, Таращан. у. (25 вер); б) Дзюньковский, Киев.. Бердич. у. (10 вер.); в) **Кашперовский,** Киевской, Таращан. у. (27 вер.), Скороморошский, Киевской, Таращан.у. (15 вер.); г) Спичинецкий, Киевской, Бердич. у. (9 вер.).
79. **Попельня** — а) Андрушковский, Киевской, Сквир. у. (15), Корнинский, Киевской, Сквир. у. (20 вер.), **Ходорковский** (20 вер.).
80. Поти — пункт переотправки.
81. **Проскуров** а) Вишневчикский, Подольской, Камен.у. (70 вер.); б) Городокский, Подольской, Камен. у. (45 вер.); в) Красиловский, Волынской, Старо-Конст. у. (40 вер.); г) **Левадский**, Подольской, Каменец. у. (55 вер.); д) Проскуровский, Подольской, Проскуров. у. (2 вер.); Старо-Констант., Волынской, Староконст. у., (45 вер.); ж) Тарасовский, Подольской, Ушиц. у. (45 вер.).
82. Прушков — пункт переотправки.
83. **Путивль — Бурынский**, Курской, Путивл. у. (0,5) город- ж.д. ветка к заводу,
84. Ракитно — Синявский, Киевской, Васильк. у. (4 вер.).
85. Ракитное — Ракитянский, Курской, Грайворон. у. (8 вер.).
86. **Рамонь — Рамонский**, Вор. и Вор. у. в 1,5 вер.
87. Ребиндерово — а) Алексеевский, Курской, Белгород. у. (0,25 вер.); б) Ржевский, Курской, Корочан. у. (6 вер.).
88. Рейовец — а) Клеменсовский, Люблинской, Замост. у. (70 вер.); б) Рейовецкий, Люблинской, Холмск. у. (5 вер.).
89. **Рещуцк — Житынский** — Волынской, Ровен.у. (11 вер.).
90. **Ровно** — а) **Корецкий,** Вол., Новоград. у. в 62 вер.; б) Шпановский Волынской, Ровен. у., (5 вер.), **Житынский** — Волынской, Ровен. у. (7 вер.).
91. Ростов — пункт переотправки.
92. Руда-Гузовская — неподалеку Гузовский завод, Варшавской, Блон. у.
93. **С-Петербург — завод Кенига.**
94. Сахарная — пункт переотправки.
95. Севастополь — пункт переотправки.
96. Семки — а) Левашово-Войтовецкий, Подольской, Литин. у. (0,5 вер.); б) Старо-Синявский, Подольской, Литин. у. (20 вер.).
97. **Скороходово — Павловский (Чутовский)**, Полтавской, Полтавск. у. (0,25 вер.).
98. **Славута** — Корецкий, Волынской, Новоград. у. (48).
99. Слободка — неподалеку Рыбницкий завод, Подольской, Балтск. у.
100. **Смородино — Тростянецкий Кенига,** Харьковской, Ахтыр. у.
101. Соколов Эльжбетовский — Седлецкой, Соколов.у. в 0,5 вер.

102. **Сумы — Павловский Харитоненко**, Харьковской, Сум. у.
103. **Сухолесы — Григоровский**, Киевской, Васильк. у. (40 вер.), Узинский, Киевской, Васильк. у. (12).
104. Сыроватка — а) Велико-Бобрикский, Харьковской, Сум. у. (12 вер), а также — Золотницкий (7 вер.), Апраксино при заводе; б) Гребениковский — Харьковской, Сум. у. (12 вер.), Золотницкий (9), Апраксино (3 вер); в) Низовский, Харьковской, Сумск. у. (6 вер.).
105. Таганрог — пункт переотправки.
106. Тальное — а) Майданецкий, Киевской, Уман. у. (7 вер.); б) Тальновский, Киев, Уман (2 вер.).
107. **Тимашево –Тимашевский удельный**, Самарской, Бугурусл (0,5 вер.).
108. Товарково Товарковский, Тульской, Богородицк. у. 2 вер.
109. Травники — Травникский, Люблин., Люблин. у. (0,25 вер.).
110. **Тула — Тульский Терещенко.**
111. **Уладовка — Уладовский,** Под., Винниц. у. (0,5 вер.).
112. Феодосия — пункт переотправки.
113. **Харьков — завод Харьковского товарищества.**
114. Холм — а) Мирченский, Люблинской, Грубеш. у. (73 вер); б) Неледовский, Люблинской, Грубешов. у. (45 вер.); в) Потуржинский, Люблинской, Томашев. у. (85 вер.).
115. **Хутор Михайловский — Михайловский Терещенко**, Черниговской, Глухов. у. (0,5 вер.).
116. Цеханов — а) Изабелинский, Плоцкой, Цеханов. у. (24 вер.); б) Красинецкий, Плоцкой, Цеханов, в 30 вер.; в) Цехановский, Плоцкой, Цеханов (1 вер.).
117. **Черкассы — Черкасский**, Киевской. Черкасс. у.
118. **Чуднов — Янушпольский**, Волынской, Житомир. у. (16 вер.).
119. **Шепетовка** — а) Клембовский, Волынской, Заслав. у., 28 вер.; б) **Корецкий**, Волынской, Новоград.у. (58 вер.); в) Кременчукский, Волынской, Заслав. у. (45 вер.), г) **Шепетовский,** Волынской, Изяслав. у. (3,5 вер.).
120. **Шпола** — а) **Киселевский** — Киевской, Звениг. у. (15 вер.); б) Шполянский, Киевской, Звениг. у. (2 вер.) ; Ярошевский, Киевской, Звениг. у. (28 вер.).
121. Энзели — пункт переотправки.
122. Юзефов — пункт переотправки.
123. Ярошенка — Сосновецкий, Подольской, Могилев. у. (22 вер.).
124. Ящов — Милеювский, Люблин., Холм. у. (3 вер.).

* * *

Перейдем к анализу порайонного получения рафинада.

СЕВЕРНЫЙ РАЙОН
(Архангельская, Олонецкая и Вологодская губернии. Таблица 4.2)

Таблица 4.2. Структура получения рафинада губерниями Северного района

Станции	1901		1908		1913	
	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%
Москва	96	22,2	53	12,1	1	0,1
Корюковка	15	3,5	34	7,8	25	3,6
Златополь			6	1,4		
Хутор Михайловский	4	0,9	23	5,3	22	3,1
Тула	7	1,6	8	1,8		
Черкассы	16	3,7	2	0,5		
Киев	238	55,1	180	41,1	226	32,3
Бобринская	1	0,2	9	2,1		0,0
Харьков	29	6,7	27	6,2	27	3,9
Смородино	17	3,9	9	2,1	90	12,9
Сумы	2	0,5	6	1,4	53	7,6
Льгов			7	1,6	112	16,0
Лукашевка	7	1,6	10	2,3		
Гнивань			31	7,1	86	12,3
Бердичев			2	0,5	2	0,3
Губник			6	1,4	5	0,7
Киселевка			11	2,5	2	0,3
Погребище			1	0,2	4	0,6
Уладовка			2	0,5	19	2,7
Белый Колодезь			2	0,5		
Шепетовка					3	0,4
Попельня					16	2,3
Дукля					4	0,6
Васильков					1	0,1
Сухолесы					2	0,3
Чуднов			9	2,1		
Всего	**432**	**100**	**438**	**100**	**700**	**100**

В 1901 г. 11 заводов отправили в этот район 432 тыс. пуд. Свыше половины этого количества — 238 тыс. пуд., или 55,1%, составила продукция Киевского завода, 96 тыс. пуд., или 22,2%, — московских, 29 тыс. пуд., или 6,7%, — Харьковского.

В 1908 г. число корреспондентов увеличилось до 20, но получение уменьшилось до 429 тыс. пуд. Доля Киевского завода снизилась и по абсолютной, и по относительной

величинам — до 180 тыс. пуд. и 42,0%, Москвы — до 12,4% и 53 тыс. пуд., показатели Харьковского завода остались практически без изменения (27 тыс. пуд., или 6,3%), продукция заводов Бродских (Корюковского и Лебединского) составила 9,3% общего итога — 40 тыс. пуд., Гниванского — 7,2% — 31 тыс. пуд.

В 1913 г. 19 корреспондентов отправили в Северный район 700 тыс. пуд. рафинада. Киевский завод продолжал лидировать, но теперь его доля составляла 32,3% (226 тыс. пуд.), вторую позицию занял Марьинский завод (станции Льгов и Лукашевка) — 16,0% (112 тыс. пуд.), третью — Гниванский завод — 12,3% (86 тыс. пуд.), затем шли Тростянецкий завод Кенигов (станция Смородино) — 12,9% (90 тыс. пуд.), Павловский Харитоненко (станция Сумы) — 7,6% (53 тыс. пуд.), Харьковский — 3,9% (27 тыс. пуд.) и Корюковский — 3,5% (25 тыс. пуд.) заводы.

Итак, если в 1901 г. три лидирующих завода в сумме привезли 84,0% всего рафинада в Северный район, то в 1908 г. — 65,6% (при некотором уменьшении итога), а в 1913 г. — 61,0% при росте получения района почти на 70% в сравнении с 1908 г.

ПРИОЗЕРНЫЙ РАЙОН
(Псковская, Новгородская, Петербургская губернии. Таблица 4.3)

Железнодорожное получение района в 1901 г. составило 1185 тыс. пуд., в 1908 г. — 1720 тыс. пуд., в 1913 г. — 2082 тыс. пуд. В 1901 г. район имел 28 корреспондентов, при этом у Псковской губернии их было 15, у Новгородской — 8, а у Петербургской — 24. В 1908 г. и 1913 гг. число корреспондентов района снизилось до 26 и 27, а у Псковской губернии их было соответственно 13 и 19, у Новгородской — 16 и 20, а в Петербургской — 20 и 23. Налицо рост числа станций-отправителей в Новгородской и Псковской губерниях (в 1913 г.) при увеличении абсолютной величины перевозок.

В 1901 г. в районе доминировала продукция фирмы Кениг, владевшая Петербургским и Тростянецким (в Харьковской губернии) заводами. Их рафинад ценился в столице выше других марок. Фиксируемые статистикой перевозки сахара Кенигов составляли 52,2 % получения района (619 тыс. пуд.), вторую позицию занимал Киевский завод — 12,0% (142 тыс. пуд.), затем шли заводы Бродских, московские и Гниванский завод, на долю которых приходилось 4,5–5,1% (53–60 тыс. пуд.).

В 1908 г. поставки рафинада Кенигов выросли до 660 тыс. пуд., но это количество составило лишь 38,4% получения района. Далее шли заводы Терещенко (Михайловский и Тульский) — 14,9% (255 тыс. пуд.), Федоровский (Бердичевский) завод — 9,0% (155 тыс. пуд.), Корюковский завод Бродских — 5,8% (99 тыс. пуд.) и Янушпольский (станции Чуднов и Демчин — 5,6% (97 тыс. пуд.).

В 1913 г. доля фирмы Кенигов упала и абсолютно, и относительно — до 27,9% (580 тыс. пуд.); то же относится и к Т-ву бр.Терещенко — 9,7% (200 тыс. пуд.). Напротив, увеличивается доля Корюковского завода — до 11,5% (240 тыс. пуд.), станции Шепетовка (скорее всего, это рафинад Шепетовского завода, а не Корецкого, имевшего выработку менее 70 тыс. пуд.) и Житынского завода (станция Рещуцк) — 5,8% и 4,4% (121 и 91 тыс. пуд. соответственно). Весьма характерно возросшее значение польских заводов: на Пнево приходится 9,8% (204 тыс. пуд.), на Люблин — 4,1% (85 тыс. пуд.).

Таблица 4.3. Структура получения рафинада губерниями Приозерного района

Станции	1901		1908		1913	
	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%
Москва	53	4,5	4	0,2	1	0,05
Корюковка	53	4,5	99	5,8	240	11,5
Златополь	7	0,6				
Хутор Михайловский	9	0,8	254	14,8	199	9,6
Тула	5	0,4	1	0,1	1	0,05
Черкассы	8	0,7	31	1,8	21	1,0
Киев	142	12	72	4,2	25	1,2
Бобринская	2	0,2				
Харьков	24	2	55	3,2	19	0,9
Смородино	350	29,5	150	8,7	164	7,9
Санкт-Петербург	269	22,7	510	29,7	416	20,0
Сумы	46	3,9	16	0,9	55	2,6
Гнивань	59	5	29	1,7	58	2,8
Бар	6	0,5				
Шепетовка	9	0,8	11	0,6	121	5,8
Ровно	37	3,1	28	1,6		
Бровки	1	0,1				
Льгов			7	0,4	38	1,8
Лукашевка	6	0,5	40	2,3		
Бродецкое	7	0,6				
Путивль			18	1,0	53	2,5
Рамонь	10	0,8				
Дерюгино			49	2,8	85	4,1
Бердичев			155	9,0	44	2,1
Чуднов			92	5,3	75	3,6
Демчин			5	0,3	8	0,4
Киселевка			7	0,4	8	0,4
Уладовка			26	1,5		
Белый Колодезь			1	0,1		
Попельня					3	0,1
Рещуцк					91	4,4
Воронцово					13	0,6
Мироновка					19	0,9
Рейовец	26	2,2	1	0,1		
Люблин	1	0,1	2	0,1		
Варшава	4	0,3				
Кутно	12	1				
Соколов	1	0,1				
Лович	30	2,5				
Цеханов	3	0,3				
Руда-Гузовская	5	0,4				
Блоне			1	0,1		
Пнево			56	3,3	204	9,8
Островец					33	1,6
Люблин					85	4,1
Влоцлавск					3	0,1
Всего	**1185**	**100**	**1720**	**100**	**2082**	**100**

Если в 1901 г. 82 тыс. пуд. их сахара составили 6.9% общего итога района, а в 1908 г. показатели снизились — 61 тыс. пуд., или 3.5%, то в 1913 г. 325 тыс. пуд. их продукции равнялись 15.3%.

В 1901 г. рафинад трех лидирующих фирм составил 69,3% (821 тыс. пуд.), в 1908 г. их доля равнялась 48,3% (831 тыс. пуд.), в 1913 г. — 40,6% (845 тыс. пуд.) общего итога Приозерного района при увеличении последнего на 75,7%.

Уже по данным этих двух районов можно сделать определенный вывод о заметно возросшей роли обновленных старых и новых заводов.

ЦЕНТРАЛЬНО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ РАЙОН (Тверская, Владимирская, Московская, Костромская, Ярославская, Калужская губернии. Таблица 4.4)

В 1901 г. 17 корреспондентов отправили рафинада в этот район 3628 тыс. пуд. Первое место из них занимала Москва — 1169 тыс. пуд., или 32,2%, второе — Терещенко — 684 тыс. пуд., или 18,9%, третье — Павловский завод — 615 тыс. пуд. (17,0%). Далее шли Киевский, Харьковский, Корюковский и Гниванский заводы с показателями от 315 до 192 тыс. пуд., что составило от 8,7 до 5,3% суммарного получения региона.

В 1908 г. число станций-отправителей выросло до 28, а общий итог — до 3879 тыс. пуд. (на 6,9%) При этом перевозки из Москвы снизились по обоим показателям и составили 1034 тыс. пуд., или 26,7%. Пожар Павловского завода, несомненно, освободил место для конкурентов. Увеличились показатели заводов Терещенко — 869 тыс. пуд., или 22,4%, Корюковского завода — 449 тыс. пуд., или 11,6%. Заметной стала роль новых заводов — Марьинского и Бурынского (станция Путивль) — соответственно 265 и 125 тыс. пуд., или 6,8 и 3,2% получения района. Почти не изменились позиции Харьковского завода.

В 1913 г. район имел 28 корреспондентов, в сумме приславших по железной дороге 4503 тыс. пуд., что на 24,1% превысило показатели 1901 г. и на 16,1% — 1908 г. Москва с 952 тыс. пуд., или 21,1% общего итога, уступила лидерство реорганизованному Т-ву бр.Терещенко, отправившему в регион 1399 тыс. пуд., что составило 31,1% его (региона) получения. Третью позицию занимал Корюковский завод — 489 тыс. пуд. (10,9%), четвертую — Марьинский завод — 448 тыс. пуд. (9,9%), пятую — Павловский завод — 231 тыс. пуд. (5,1%). Следует отметить падение роли Харьковского завода, и относительно высокие — на фоне остальных — показатели Бурынского, Киевского, Тростянецкого, Киселевского и Федоровского (Бердичевского) заводов, которые вместе отправили 660 тыс. пуд., или 14,7% общего итога.

В 1901 г. на московские заводы, Товарищество Терещенко и Павловский завод пришлось 68,1%, в 1908 г. — 50,6%, в 1913 г. — 57,3%. Картина схожая, но не вполне совпадающая с той, что наблюдается в Северном и Приозерном районах. Полагаю, в значительной степени это объясняется тем, что Москва и Тула имели исключительные тарифы на перевозку рафинада в этом районе (подробнее см. ниже).

Таблица 4.4. Структура получения рафинада губерниями Центрально-Промышленного района

Станции	1901		1908		1913	
	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%
Москва	1169	32,2	1034	26,7	952	21,1
Корюковка	246	6,8	449	11,6	489	10,9
Златополь	3	0,1				
Хутор Михайлов.	11	0,3	197	5,1	391	8,7
Тула	673	18,6	672	17,3	935	20,8
Черкассы	5	0,1	61	1,6	73	1,6
Киев	309	8,5	183	4,7	147	3,3
Бобринская	6	0,2	10	0,3		
Харьков	315	8,7	344	8,9	58	1,3
Смородино	192	5,3	183	4,7	139	3,1
Санкт-Петербург			2	0,1		
Сумы	615	17	57	1,5	231	5,1
Ровно	4	0,1				
Земетчино	10	0,3				
Брасово	19	0,5				
Шпола	6	0,2				
Коренево	4	0,1				
Льгов			97	2,5	437	9,7
Лукашевка	41	1,1	168	4,3	11	0,2
Путивль			125	3,2	167	3,7
Б. Колодезь			30	0,8	32	0,7
Рамонь			1	0,0		
Жданка			4	0,1		
Товарково			7	0,2		
Дерюгино			18	0,5	28	0,6
Гнивань			39	1,0	48	1,1
Бердичев			29	0,7	102	2,3
Губник			45	1,2	25	0,6
Киселевка			32	0,8	105	2,3
Оратово			43	1,1		
Попельня			5	0,1	22	0,5
Монастырище			21	0,5	7	0,2
Погребище			5	0,1	8	0,2
Уладовка			18	0,5	4	0,1
Чуднов					30	0,7
Шепетовка					13	0,3
Рещуцк					18	0,4
Воронцово					24	0,5
Мироновка					4	0,1
Сухолесы					3	0,1
Всего	**3628**	**100**	**3879**	**100**	**4503**	**100**

ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНЫЙ РАЙОН (Тульская, Рязанская, Воронежская, Курская, Орловская и Тамбовская губернии. Таблица 4.5)

Таблица 4.5. Структура получения рафинада губерниями Центрально-Черноземного района

Станции	1901		1908		1913	
	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%
Москва	148	9,2	94	4,3	77	2,5
Корюковка	117	7,2	84	3,9	122	4,0
Златополь	13	0,8	2	0,1		
Хутор Михайловский	133	8,2	195	8,9	145	4,8
Тула	142	8,8	394	18,1	354	11,6
Черкассы	19	1,2	13	0,6		
Киев	149	9,2	131	6,0	134	4,4
Бобринская	15	0,9	1	0,1	6	0,2
Харьков	336	20,8	293	13,4	274	9,0
Смородино	13	0,8	159	7,3	52	1,7
Сумы	295	18,3	85	3,9	479	15,7
Бровки	1	0,1				
Брасово	52	3,2				
Шпола	3	0,2				
Лукашевка	15	0,9	31	1,4	410	13,4
Льгов	149	9,2	213	9,8	11	0,4
Рамонь	14	0,9	63	2,9		
Киселевка			1	0,05	1	0,03
Бердичев					3	0,1
Путивль			147	6,7	159	5,2
Дерюгино			60	2,8	75	2,5
Гнивань			3	0,1	24	0,8
Проскуров			2	0,1		
Попельня			6	0,3		
Воронцово			1	0,05	2	0,1
Уладовка			8	0,4		
Скороходово			23	1,1	68	2,2
Б. Колодезь			135	6,2	163	5,3
Земетчино			26	1,2	8	0,3
Мордово			3	0,1	444	14,6
Белгород			7	0,3		
Водяная			1	0,05		
Ребиндерово					4	0,1
Чуднов					1	0,03
Ракитно					6	0,2
Погребище					1	0,03
Мироновка					1	0,03
Губник					1	0,03
Дукля					11	0,4
Монастырище					13	0,4
Всего	**1614**	**100**	**2181**	**100**	**3049**	**100**

При оценке потребления сахарных продуктов в этом регионе следует иметь в виду, что он относился к числу сахаропроизводящих (исключая Рязанскую губернию) — в сущности, северная граница посевов сахарной свеклы проходила именно здесь. Поэтому, как и в Малороссии и в Юго-Западном крае, какая-то часть, и явно не маленькая, потребляемых сахарных продуктов поступала на рынок, минуя железные дороги (определение, хотя бы приблизительное, величины местного потребления — дело будущего, но задача интересная!).

В 1901 г. 16 корреспондентов отправили в район 1614 тыс. пуд. На первом месте был Харьковский завод — 336 тыс. пуд. (20,8%), на втором — Павловский завод — 295 тыс. пуд. (18,3%), на третьем — Терещенко — 275 тыс. пуд. (17,0%). Показатели заводов, занимавших места с 4 по 7, довольно близки — Марьинский 164 тыс. пуд. (10,1%), московские — 148 тыс. пуд. (9,2%), Киевский — 147 тыс. пуд. (9,2%), Корюковский — 117 тыс. пуд. (7,2%).

В 1908 г. получение района от 28 корреспондентов равнялось 2181 тыс. пуд. (на 35,1% больше, чем в 1901 г.). Вперед вышли заводы Терещенко — 589 тыс. пуд., или 27,0%, затем шли Харьковский — 293 тыс. пуд., 13,4%, Марьинский — 244 тыс. пуд., или 11,1%, Тростянецкий — 159 тыс. пуд. (7,3%), Бурынский — 147 тыс. пуд. (6.7%), Белоколодезский — 135 тыс. пуд. (6,2%), Корюковский — 84 тыс. пуд. (3,9%) и т. д.

Общий итог района в 1913 г. увеличивается до 3049 тыс. пуд., т. е. на 88,9% в сравнении с 1901 г. и на 39,8% больше, чем в 1908 г. Заводы Терещенко сохранили первенство, хотя их показатели уменьшились до 499 тыс. пуд. и 16,4%. За ними следовала довольно плотная группа из Ново-Покровского завода (станция Мордово) — 444 тыс. пуд. (14,6%), Павловского — 479 тыс. пуд. (15,7%) и Марьинского — 421 тыс. пуд. (13,8%). Близки и показатели Белоколодезского, Бурынского, Корюковского — 163–122 тыс. пуд., или 5,3–4,0% всего железнодорожного получения региона в этом году.

Концентрация отправления снижается и в этом районе — с 56,1% в 1901 г., 44,3% в 1908 г. до 41,1% в 1913 г. Начальный более низкий, чем в других районах, уровень этой концентрации связан, полагаю, с тем, что этот район, в отличие от предыдущих, был, повторюсь, сахаропроизводящим.

СРЕДНЕВОЛЖСКИЙ РАЙОН (Казанская, Нижегородская, Пензенская и Симбирская губернии. Таблица 4.6)

В 1901 г. район получил 2177 тыс. пуд. рафинада с 18-ти станций-отправителей. Безусловно доминировала Москва — 936 тыс. пуд. (43,0%), опережая почти втрое Павловский завод и более, чем втрое фирму Терещенко — 324 и 261 тыс. пуд. (14,9 и 12,0% соответственно). Заметны показатели Харьковского завода (196 тыс. пуд. — 9,0%), заводов Бродских (140 тыс. пуд., т.е. 6,4%), Киевского завода (104 тыс. пуд., или 4,8%), Черкасского (84 тыс. пуд. — 3,9%).

В 1908 г., как и в других районах, число корреспондентов выросло — до 30-ти, хотя получение осталось на прежнем уровне — 2169 тыс. пуд. Отправление Москвы уменьшилось до 425 тыс. пуд., что составило лишь 19,6% общей суммы. Терещенко сократили отставание — 357 тыс. пуд., или 16,4% соответственно, несколько выросло отправ-

Таблица 4.6. Структура получения рафинада губерниями Средневолжского района

Станции	1901		1908		1913	
	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%
Москва	936	43	425	19,6	395	16,9
Корюковка	85	3,9	102	4,7	126	5,4
Златополь	55	2,5	55	2,5	59	2,5
Хутор Михайловский	4	0,2	40	1,8	42	1,8
Тула	257	11,8	317	14,6	337	14,4
Черкассы	84	3,9	125	5,8	20	0,9
Киев	104	4,8	74	3,4	112	4,8
Бобринская	15	0,7	40	1,8	5	0,2
Харьков	196	9	210	9,7	155	6,6
Смородино	44	2	117	5,4	93	4,0
Сумы	324	14,9	76	3,5	51	2,2
Гнивань	7	0,3	93	4,3	243	10,4
Попельня	35	1,6	147	6,8	86	3,7
Бровки	5	0,2	37	1,7		
Шпола	13	0,6				
Рамонь	3	0,1	1	0,05		
Льгов	6	0,3	31	1,4	22	0,9
Лукашевка			35	1,6	92	3,9
Ребиндерово	4	0,2				
Путивль			47	2,2	74	3,2
Бердичев			7	0,3	92	3,9
Губник			5	0,2		
Чуднов			6	0,3	8	0,3
Проскуров			3	0,1		
Киселевка			14	0,6	59	2,5
Бар			11	0,5	21	0,9
Васильков			15	0,7	12	0,5
Сухолесы			29	1,3	49	2,1
Воронцово			8	0,4	14	0,6
Уладовка			20	0,9		
Б. Колодезь			74	3,4	43	1,8
Земетчино			2	0,1		
Шепетовка					2	0,1
Мордово					68	2,9
Погребище			3	0,1	33	1,4
Рещуцк					10	0,4
Губник					10	0,4
Дукля					11	0,5
Всего	**2177**	**100**	**2169**	**100**	**2344**	**100**

ление Харьковского завода — 210 тыс. пуд. (9,7%), заводов Бродских — 157 тыс. пуд. (7,2%). Заслуживают внимания показатели Ходорковского, Черкасского, Гниванского и Киевского заводов — 147, 125, 91 и 74 тыс. пуд. (от 6,7 до 3,4%). В этом районе, как мы увидим, немалую роль играли перевозки смешанным водно-железнодорожным путем.

В 1913 г. 30 корреспондентов отправили в район 2344 тыс. пуд., т. е. примерно на 8% больше, чем в предшествующие годы. Москву с ее 395 тыс. пуд. (16,9% итога) потеснили 3 завода Терещенко — 399 тыс. пуд. (17,0%). Далее шли Гниванский завод — 243 тыс. пуд. (10,4%), заводы Бродских — 185 тыс. пуд. (7,9%) и Харьковский завод со 155 тыс. пуд. (6,6%).

И здесь, несмотря на транспортную специфику района, выразившуюся в слабом росте получения, мы видим уже знакомую картину. В 1908 г. значительно увеличивается число корреспондентов, а доля завода, лидировавшего в 1901 г., заметно снижается. Происходит деконцентрация получения. В 1901 г. тройка лидеров дала 69,9% последнего, в 1908 г. — 45,6%, в 1913 г. — 42,6%.

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ РАЙОН (Саратовская, Самарская, Оренбургская и Уфимская губернии. Таблица 4.7)

Таблица 4.7. Структура получения рафинада губерниями Нижневолжского района

Станции	1901		1908		1913	
	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%
Донская	516	18,4	242	7,7	349	8,4
Москва	19	0,7				
Корюковка	112	4	114	3,6	115	2,8
Златополь	53	1,9	125	4,0	326	7,8
Хутор Михайловский	128	4,6	229	7,3	187	4,5
Тула	27	1		0	25	0,6
Черкассы	222	7,9	136	4,3	157	3,8
Киев	152	5,4	127	4,1	225	5,4
Бобринская	154	5,5	73	2,3	155	3,7
Харьков	320	11,4	402	12,8	314	7,5
Смородино	1	0	187	6,0	276	6,6
Сумы	124	4,4	35	1,1	229	5,5
Гнивань	49	1,7	169	5,4	83	2,0
Попельня	12	0,4	77	2,5	121	2,9
Сухолесы	11	0,4	75	2,4	132	3,2
Земетчино	21	0,7	4	0,1	5	0,1
Шпола	24	0,9				
Рамонь	16	0,6	1	0,03		
Льгов	29	1	121	3,9		
Лукашевка			18	0,8	175	4,2
Богатое	168	6	196	6,3	203	4,9

Станции	1901		1908		1913	
	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%
Тимашево	650	23,1	517	16,5	263	6,3
Путивль			24	0,8	70	1,7
Бар			18	0,6	117	2,8
Проскуров			8	0,3		
Киселевка			23	0,7	43	1,0
Бердичев			26	0,8	82	2,0
Чуднов			5	0,2	2	0,0
Демчин					5	0,1
Белая Церковь			13	0,4	6	0,1
Белый Колодезь			73	2,3	142	3,4
Скороходово			9	0,3	4	0,1
Васильков			31	1,0	53	1,3
Воронцово			22	0,7	50	1,2
Погребище			11	0,4	77	1,8
Бровки			23	0,7	14	0,3
Мордово			2	0,1	107	2,6
Днепр Красный			2	0,1		
Ребиндерово					13	0,3
Рещуцк					8	0,2
Губник					41	1,0
Дукля					5	0,1
Сухолесы						
Всего	**2808**	**100**	**3138**	**100**	**4179**	**100**

Железнодорожное получение района не дает точной картины потребления указанных губерний. Причина заключается, прежде всего, в переотправочном характере получения Саратовской губернии, а точнее — пристаней Царицына, откуда сахар по воде шел вверх и вниз по Волге до Астрахани и затем на Каспий.

В 1901 г. 21 корреспондент отправил в район 2808 тыс. пуд. Первое место занимал Тимашевский удельный завод — 650 тыс. пуд., или 23,1% суммы получения, второе — станция Донская — 516 тыс. пуд., или 18,4%, третье — Харьковский завод — 320 тыс. пуд., или 11,4%, затем шли заводы Черкасский — 222 тыс. пуд., или 7,9%, Богатовский — 168 тыс. пуд., или 6,0%, и предприятия Бродских — 165 тыс. пуд., или 5,9%. Михайловский завод Терещенко, Смелянский Бобринских, Киевский и Павловский заводы имеют близкие показатели — 155, 154, 152 и 124 тыс. пуд. соответственно (5,6, 5,5, 5,4 и 4,4%). Со станции Донская переотправлялся сахар, полученный на соответствующей пристани, куда он прибыл вверх по течению (можно думать, это была продукция прежде всего заводов Одессы).

В 1908 г. число корреспондентов выросло до 34, а получение района — до 3138 тыс. пуд., т. е. на 11, 2% больше, чем в 1901 г. Как можно видеть из таблицы, концентрация отправления уменьшилась — на рафинад Тимашевского завода пришлось

16,5% общего итога (517 тыс. пуд.), Харьковского — 12,8% (402 тыс. пуд.), на станцию Донская 7,7% (242 тыс. пуд.). Далее по убывающей шли: заводы Бродских — 7,6 (239 тыс. пуд.), Михайловский — 7,3% (229 тыс. пуд.), Богатовский — 6,3% (196 тыс. пуд.), Тростянецкий Кенигов — 6,0% (187 тыс. пуд.), Гниванский — 5,4% (169 тыс. пуд.), Черкасский — 4,3% (136 тыс. пуд.) и Киевский — 4.1% (127 тыс. пуд.).

В 1913 г. 36 корреспондентов отправили в рассматриваемый район 4179 тыс. пуд., что на 48,8% превысило показатель 1901 г. и на 33,2% — уровень 1908 г. Произошла смена лидеров — фирма Бродских вышла вперед — 441 тыс. пуд., или 10,6% всего получения. За ними шли заводы Терещенко — 369 тыс. пуд., или 8,8%, Донская — 349 тыс. пуд., или 8,4%, Харьковский завод — 314 тыс. пуд., или 7,5%, Тростянецкий — 276 тыс. пуд., или 6,6%, Тимашевский — 263 тыс. пуд., или 6,3%, Павловский — 229 тыс. пуд., или 5,5%, Киевский — 225 тыс. пуд., или 5,4%, и Марьинский — 175 тыс. пуд., т. е. 4,2% общей суммы.

В 1901 г. на тройку станций-лидеров пришлось 52,9%, в 1908 г. — 37,0%, в 1913 г. — 22,2% общего получения. Характерно, что если исключить «непроизводительные» показатели станции Донская, то соответствующие данные будут выглядеть так: 52,1, 36,5 и 19,2%. Нетрудно видеть, что и в этом регионе мы снова наблюдаем те же явления, что и в предыдущих местностях.

НОВОРОССИЙСКИЙ РАЙОН
(Бессарабская, Херсонская, Екатеринославская, Таврическая губернии и Область Войска Донского. Таблица 4.8)

Наблюдения, сделанные выше, могут позволить несколько изменить форму изложения. Число корреспондентов района увеличивается с 25 в 1901 г. до 42 в 1908 г. и 44 в 1913 г. Существенно растет получение — с 1826 тыс. пуд. в 1901 г. до 2493 тыс. пуд. в 1908 г. (прирост 36,5%), до 3217 тыс. пуд. в 1913 г. (прирост 76,2%, в сравнении с 1901 г. и 29,0% в сравнении с 1908 г.). В 1901 г. на тройку заводов-лидеров пришлось 62,2% фиксируемого получения региона, в 1908 г. — 44,0%, в 1913 г. — 35,4%. Картина, словом, уже знакомая.

Географическое положение региона определяло и круг поставщиков. Это заводы Юго-Западного края, Харьковской и Полтавской губерний. Особо следует отметить значение Одессы. Как говорилось, в городе было два рафинадных завода, из которых большую часть рассматриваемого периода работал один — Александровского товарищества Бродских. Одесские заводы снабжали, прежде всего, сам город и соседние местности, но главным образом — причерноморское побережье, Крым, Северный Кавказ и Закавказье. Кроме этого часть и произведенного, и полученного Одессой сахара переотправлялась морем в порты Балтики и даже на Дальний Восток через Владивосток. Этот смешанный железнодорожно-морской путь для заводов Юго-Западного края был дешевле сплошного железнодорожного.

Как и в других районах, положение главных «персонажей» (поставщиков) 1901 г. впоследствии изменилось. Показатели лидера, Гниванского завода, в 1908 г. снизились с 502 тыс. пуд. в 1901 г. до 427 тыс. пуд. (в относительном выражении — с 27,5 до 14,1% общего итога), — это вторая позиция, а в 1913 это предприятие снова вышло на первое

Таблица 4.8. Структура получения рафинада губерниями Новороссийского района

Станции	1901		1908		1913		Станции	1901		1908		1913	
	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%		тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%
Корюковка	1	0,1	12	0,5	6	0,2	Монастырище			1	0,04	34	1,1
Златополь	58	3,2	146	5,9	270	8,4	Погребище			5	0,2	5	0,2
Хутор Михайлов.	7	0,4	16	0,6	1	0,03	Шпола			47	1,9		
Черкассы	46	2,5	164	6,6	368	11,4	Бровки			10	0,4		
Киев	14	0,8	33	1,3	19	0,6	Уладовка			78	3,1		
Харьков	299	16,4	282	11,3	264	8,2	Скороходово			114	4,6	153	4,8
Смородино	74	4,1	139	5,6	92	2,9	Б.Колодезь			112	4,5	56	1,7
Сумы	110	6	6	0,2	233	7,2	Панютино			1	0,0		
Гнивань	502	27,5	427	17,1	452	14,1	Рамонь			15	0,6		
Губник	14	0,8	186	7,5	47	1,5	Сахарная			2	0,1	13	0,4
Бар	20	1,1	57	2,3	45	1,4	Карловка			3	0,1		
Попельня	71	3,9	7	0,3	10	0,3	Слободка			1	0,04		
Сухолесы	1	0,1	25	1,0	12	0,4	Винница			1	0,04		
Шепетовка	2	0,1	8	0,3	1	0,03	Кременчуг			14	0,6	11	0,3
Ровно	31	1,7	5	0,2			Алдровск			12	0,5		
Бровки	15	0,8			3	0,1	Мехов			16	0,6		
Бобринская	334	18,3	390	15,6	421	13,1	Николаев					16	0,5
Брасово	1	0,1					Севастополь					26	0,8
Льгов	1	0,1	2	0,1	6	0,2	Феодосия					98	3,0
Оратово	7	0,4	9	0,4			Мариуполь					18	0,6
Ростов	51	2,8	35	1,4	25	0,8	Таганрог					5	0,2
Одесса	109	6	45	1,8	153	4,8	Мироновка					50	1,6
Екатерин.-Славян.	50	2,7					Ребиндерово					2	0,1
Проскуров	6	0,3					Карловка					4	0,1
Рейовец	2	0,1					Гайсин					6	0,2
Путивль			4	0,2	33	1,0	Чуднов					13	0,4
Мордово			1	0,04	14	0,4	Демчин					6	0,2
Бердичев			12	0,5	8	0,2	Ракитно					8	0,2
Белая Церковь			15	0,6			Дукля					148	4,6
Воронцово			5	0,2	34	1,1	Рещуцк					6	0,2
Киселевка			30	1,2	22	0,7	**Всего**	**1826**	**100**	**2493**	**100**	**3217**	**100**

место с 452 тыс. пуд. (14,1% соответственно). За ним (а в 1908 г. впереди него) шел Смелянский завод Бобринских — в 1901 г. 334 тыс. пуд. (18.3%), в 1908 г. 390 тыс. пуд. (15,6%), и в 1913 г. — 421 тыс. пуд. (13,1%). Харьковский завод в 1901 и 1908 гг. занимал третью позицию (299 тыс. пуд. — 16,4% и 282 тыс. пуд. — 11,3% соответственно), а в 1913 г. отошел на четвертую, несколько снизив абсолютную величину отправления в регион (264 тыс. пуд. — 8,2%) — его оттеснили Терещенко (376 тыс. пуд. — 11,5%). Значительно усилилась в 1908 г. и 1913 г. роль заводов Бродских, прежде всего Лебединского (станция Златополь): с 59 тыс. пуд. (3,3%) в 1901 г. их отправление выросло в 1908 г. до 158 тыс. пуд. (6,4%) и 276 тыс. пуд. (8,6%) соответственно.

В этом районе заметна была деятельность новых заводов — Павловского (Чутовского — станция Скороходово) и Белоколодезского. В 1908 г. их показатели практически равны (114 и 112 тыс. пуд., или 4,6 и 4,5% соответственно), в 1913 г. первый из них отправил в регион 153 тыс. пуд., или 4,8% всей суммы, второй — 56 тыс. пуд. (1,7%).

МАЛОРОССИЙСКИЙ РАЙОН
(Харьковская, Полтавская и Черниговская губернии. Таблица 4.9)

Этот район был сахаропроизводящим, и, реальное потребление сахарных продуктов здесь было выше, чем можно судить по данным железнодорожной статистики. Понятно, что основными поставщиками здесь были заводы, расположенные в этих губерниях. В 1901 г. район имел 17 корреспондентов, в 1908 г. — 27, в 1913 г. — 22. Суммарное получение региона соответственно составило 671 тыс. пуд., 1191 (прирост 77,5%) и 1188 тыс. пуд. (на 77,0% больше, чем в 1901 г., и на 0,25% меньше, чем в 1908 г.).

В начале века неоспоримым лидером в этом районе был Павловский завод Харитоненко — 195 тыс. пуд., или 29,1% общего итога. Остальное количество распределялось довольно равномерно, что объясняется обилием заводов, притом крупных: заводы Бродских поставили в район 95 тыс. пуд. (14,1%), Смелянский завод 82 тыс. пуд. (12,2%), Киевский — 80 тыс. пуд. (11,9%), Тростянецкий — 68 тыс. пуд. (10,1%), Харьковский — 51 тыс. пуд. (7,7%), Черкасский — 51 тыс. пуд. (7,6%).

В 1908 г. на первую позицию вышел Тростянецкий завод Кенигов с 213 тыс. пуд., что с учетом прироста общего получения на 3/4 составило 17,8%, однако неизвестно, какую часть этого объема составлял рафинад, выработанный на этом заводе Харитоненко по соглашению с Кенигом после пожара Павловского завода. Затем шел новый Павловский (Чутовский) завод (станция Скороходово) — 146 тыс. пуд. (12,3%) и заводы Бродских — 130 тыс. пуд. (10,9%). У станции Гуты, заводов Смелянского, Киевского, станции Водяная абсолютные показатели колеблются от 82 до 62 тыс. пуд., а относительные — от 6,9 до 5,2% всего железнодорожного получения региона.

В 1913 г. с минимальной разницей лидируют заводы Терещенко и Бродских — 185 и 180 тыс. пуд. (15,6% и 15,1% всей суммы), затем идет Павловский (Чутовский) завод — 165 тыс. пуд. (13,9%). Столь же плотной выглядит группа из Тростянецкого, Киевского, Павловского Харитоненко и Смелянского — соответственно 96, 91, 90, 76 тыс. пуд. (от 8,1 до 6,4%).

Для сахаропроизводящего района проблема концентрации получения не может, конечно, быть актуальной.

Таблица 4.9. Структура получения рафинада губерниями Малороссийского района

Станции	1901		1908		1913	
	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%
Корюковка	43	6,4	77	6,5	81	6,8
Златополь	52	7,7	53	4,5	99	8,3
Хутор Михайловский	11	1,6	36	3,0	70	5,9
Черкассы	51	7,6	69	5,8	115	9,7
Киев	80	11,9	76	6,4	91	7,7
Харьков	52	7,7	58	4,9	43	3,6
Смородино	68	10,1	213	17,9	96	8,1
Сумы	195	29,1	43	3,6	90	7,6
Гнивань	1	0,1				
Губник	1	0,1	2	0,2		
Попельня	3	0,4				
Бобринская	82	12,2	82	6,9	76	6,4
Шпола	5	0,7				
Лукашевка	7	1				
Екатеринослав	2	0,3				
Бровары	17	2,5				
Соколов	1	0,1				
Бердичев					14	1,2
Путивль			39	3,3	55	4,6
Дерюгино			2	0,2	5	0,4
Гуты			84	7,1		
Ковель			1	0,1		
Васильков			6	0,5	14	1,2
Сухолесы			4	0,3		
Белая Церковь			4	0,3		
Уладовка			13	1,1		
Скороходово			146	12,3	165	13,9
Белый Колодезь			19	1,6	54	4,5
Сахарная			4	0,3		
Белгород			1	0,1		
Водяная			62	5,2		
Карловка			36	3,0		
Ребиндерово			18	1,5		
Кременчуг			27	2,3	78	6,6
Гомель			16	1,3		
Кириковка					5	0,4
Сыроватка					8	0,7
Головашевка					5	0,4
Волчанск					8	0,7
Попельня					1	0,1
Мироновка					15	1,3
Всего	**671**	**100**	**1191**	**100**	**1188**	**100**

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ РАЙОН
(Киевская, Волынская, Подольская губернии. Таблица 4.10)

Таблица 4.10. Структура получения рафинада губерниями Юго-Западного края

Станции	1901		1908		1913	
	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%
Корюковка	16	1,4				
Златополь	284	24,1	247	17,0	342	18,0
Хутор Михайловский	1	0,1				
Киев	109	9,2	68	4,7	270	14,2
Черкассы	43	3,6	90	6,2	54	2,8
Харьков	1	0,1				
Смородино	3	0,3				
Сумы	1	0,1				
Гнивань	252	21,4	221	15,2	128	6,7
Губник	6	0,5	46	3,2	43	2,3
Бар	65	5,5	78	5,4	74	3,9
Попельня	37	3,1	64	4,4	118	6,2
Сухолесы	33	2,8	11	0,8		
Шепетовка	10	0,8	93	6,4	91	4,8
Ровно	74	6,3	49	3,4	14	0,7
Бровки	7	0,6	12	0,8	13	0,7
Белая Церковь	2	0,2	5	0,3		
Бобринская	170	14,4	176	12,1	204	10,8
Шпола	25	2,1	5	0,3	7	0,4
Оратово	36	3,1	19	1,3		
Монастырище	3	0,3			33	1,7
Рейовец	1	0,1				
Бердичев			144	9,9	150	7,9
Чуднов			9	0,6	110	5,8
Демчин					36	1,9
Ковель		0	3	0,2		
Проскуров			2	0,1		
Ковель			3	0,2		
Воронцово			2	0,1	30	1,6
Погребище			8	0,6	13	0,7
Уладовка			59	4,1		
Тальное			5	0,3		
Звенигородка			6	0,4		
Славута			3	0,2		
Коростень			2	0,1		

Станции	1901		1908		1913	
	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%
Слободка			2	0,1		
Ярошенка			6	0,4		
Вороновицы			4	0,3		
Слободка			2	0,1		
Винница			2	0,1		
Одесса			3	0,2	4	0,2
Жирардов			1	0,1		
Киселевка					7	0,4
Гайсин					4	0,2
Ракитно					6	0,3
Рещуцк					34	1,8
Мироновка					65	3,4
Дукля					46	2,4
Холм					1	0,1
Всего	**1179**	**100**	**1450**	**100**	**1897**	**100**

Здесь располагался центр отечественной сахарной промышленности, и, конечно, конкурировали здесь, как и в Малороссии, только местные заводы. Число корреспондентов выросло с 22 в 1901 г. до 34 в 1908 г., но в 1913 г. уменьшилось до 26.

Общее получение в 1901 г. составило 1179 тыс. пуд. Почти четверть его падала на продукцию Златопольского завода — 284 тыс. пуд., или 24,1%. Затем шли Гниванский и Смелянский заводы с 252 и 170 тыс. пуд. соответственно (21,4 и 14,4%), Киевский со 109 тыс. пуд. (9,2%), станции Ровно (близ нее располагались заводы Корецкий и Житынский, имевшие также возможность отправлять продукцию со станции Рещуцк) с 74 тыс. пуд. (6,3%) и Ялтушковский (станция Бар) с 65 тыс. пуд. (5,5%).

В 1908 г. общий итог района увеличился до 1450 тыс. пуд., или на 23,0%. Гниванский завод с показателями 221 тыс. пуд. (15,2%) почти догнал Златопольский с его 247 тыс. пуд. (17,0%). Смелянский завод сохранил третью позицию — 176 тыс. пуд. (12,1%), на четвертую вышел Федоровский (Бердичевский) (144 тыс. пуд., или 9,9%), на пятую и шестую — Шепетовка (93 тыс. пуд., или 6,4%) и Черкассы (90 тыс. пуд., или 6,2%).

Получение района в 1913 г. составило 1897 тыс. пуд. (прирост 60,9% в сравнении с 1901 г. и 30,8% — с 1908 г.). Златопольский завод сохранил первенство — 342 тыс. пуд., или 18,0% общего итога, на второе место вышел Киевский завод — 270 тыс. пуд., или 14,2%, Смелянский остался на третьем — 204 тыс. пуд., или 10,8%. Федоровский (150 тыс. пуд. — 7,9%) и Гниванский (128 тыс. пуд. — 6,7%) замыкают пятерку самых крупных корреспондентов. Далее идут заводы с постепенно растущей выработкой, расположенные близ станций Ходорковский (Попельня), Янушпольский (Чуднов), Шепетовка.

Хотя процесс деконцентрации имел место и в этом регионе, но, как и в случае Малороссии, он не актуален.

БЕЛОРУССКИЙ РАЙОН
(Витебская, Минская, Могилевская и Смоленская губернии. Таблица 4.11)

Этот район значительную часть сахарных грузов получал по Днепру и его притокам, что затрудняет определение величины его потребления. Рынок здесь был достаточно стабилен. Практически неизменно число корреспондентов — 24–22–24. Прирост 1913 г. к 1901 г. равен 64,5% — 1341 тыс. пуд. против 815 тыс. пуд.

Корюковский завод неизменно оставался впереди, причем со все большим отрывом — 173 тыс. пуд., 21.2% всей суммы получения в 1901 г., 329 тыс. пуд., или 36,7%, в 1908 г. и 486 тыс. пуд., или 36,2%, в 1913 г. За ним следует Киевский завод — в 1901 г. он отправил сюда 161 тыс. пуд. (19,8%), в 1908 г. 128 тыс. пуд. (14,3%), в 1913 г. — 116 тыс. пуд. (8,7%). Третье место в 1901 и 1913 гг. занимал Павловский завод Харитоненко, в 1908 г. — Михайловский завод Терещенко.

Отметим рост значения продукции польских заводов, которые в 1901 г. отправили в регион 32 тыс. пуд., или 3,9% всей суммы, в 1908 г. — 43 тыс. пуд., или 4,8%, в 1913 г. — 123 тыс. пуд., или 9,1% соответственно.

В отличие от других районов, в Белорусском концентрация железнодорожного получения (отправления) не уменьшается, а даже несколько увеличивается: в 1901 г. на три завода-лидера пришлось 53,9%, в 1908 г. 61,5% и в 1913 г. 54,5%.

ЛИТОВСКИЙ РАЙОН
(Виленская, Гродненская и Ковенская губернии. Таблица 4.12)

Показатели этого района во многом схожи с только что рассмотренными. Число станций-отправителей меняется не слишком значительно — 26 в 1901 г., 29 в 1908 г. и 25 в 1913 г. Общий итог получения соответственно меняется так: 797, 858 и 1117 тыс. пуд. То есть, прирост в 1908 г. составил лишь 7,6%, в 1913 г. — 40,2% в сравнении с 1901 г. и 30,2% относительно 1908 г.

В 1901 г. три первых позиции занимали перевозки со станций Ровно, Шепетовка и Лович (147 тыс. пуд. — 18,4%, 109 тыс. пуд. — 13,7%, 101 тыс. пуд. — 12,7% соответственно в 1901 г. Замыкали пятерку Киевский и Корюковский заводы (85 тыс. пуд. — 10,7% и 76 тыс. пуд. — 9,5%).

В 1908 г. станция Ровно сохранила преимущество в 123 тыс. пуд. — 14,3% общего итога района, но почти номинальное: Киевский завод отправил сюда 122 тыс. пуд. — 14,2%. Получение со станции Пнево — 111 тыс. пуд., или 12,9%, — было третьим по величине, четвертое место занял Корюковский завод со 100 тыс. пуд. (11,7%), пятой оказалась Шепетовка с 92 тыс. пуд. (10,7%). Заслуживает внимания по-прежнему заметная роль некоторых польских заводов: показатели перевозок со станции Лапы — 60 тыс. пуд. (7,0%) , станции Рейовец — 45 тыс. пуд. (5,2%).

В 1913 г. «призерами» стали Житынский и заводы близ Пнево, чьи показатели почти равны — 199 и 196 тыс. пуд., или 17,8 и 17,5% соответственно, а также Шепетовка со 162 тыс. пуд. (14,5%). В целом очевидно усилились позиции польских предприятий. В 1901 г. на них пришлось 256 тыс. пуд., или 32,0% всей суммы, в 1908 г. — 240 тыс. пуд., или 28,0%, в 1913 г. — уже 498 тыс. пуд., или 44,6%. Как можно видеть, это процесс, характерный для всех западных и северо-западных губерний.

Таблица 4.11. Структура получения рафинада губерниями Белорусского района

Станции	1901		1908		1913	
	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%
Москва	22	2,7	7	0,8	9	0,7
Корюковка	173	21,2	329	36,7	486	36,2
Златополь	9	1,1				
Хутор Михайловский	44	5,4	92	10,3	101	7,5
Тула	7	0,9			4	0,3
Черкассы	6	0,7	26	2,9	8	0,6
Киев	161	19,8	128	14,3	116	8,7
Харьков	12	1,5	11	1,23		0,0
Смородино	58	7,1	43	4,8	19	1,4
Петербург			1	0,1		
Сумы	105	12,9	14	1,6	110	8,2
Гнивань	31	3,8	3	0,3	50	3,7
Бар	16	2				
Попельня	2	0,2				
Шепетовка	9	1,1	33	3,7	26	1,9
Ровно	22	2,7	2	0,2	2	0,1
Бровки	1	0,1				
Бобринская	6	0,7				
Брасово	37	4,5				
Шпола	1	0,1				
Льгов			5	0,6	54	4,0
Лукашевка	54	6,6	44	4,9		
Оратово	7	0,9	7	0,8		
Рейовец	3	0,4	2	0,2		
Дорогуск	3	0,4				
Лович	26	3,2				
Уладовка			13	1,5		
Гомель			6	0,7		
Пнево			41	4,6	51	3,8
Путивль			18	2,0	105	7,8
Дерюгино			38	4,2	24	1,8
Бердичев			33	3,7	17	1,3
Чуднов					40	3,0
Рещуцк					28	2,1
Мироновка					18	1,3
Монастырище					1	0,1
Островец					3	0,2
Люблин					50	3,7
Рейовец					8	0,6
Холм					11	0,8
Всего	**815**	**100**	**896**	**100**	**1341**	**100**

Таблица 4.12. Структура получения рафинада губерниями Литовского района

Станции	1901		1908		1913	
	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%
Корюковка	76	9,5	100	11,7	57	5,1
Златополь	6	0,8				
Хутор Михайловский	3	0,4			10	0,9
Черкассы			2	0,2		
Киев	85	10,7	122	14,2	76	6,8
Смородино	24	3	20	2,3	13	1,2
Сумы	50	6,3	21	2,4		
Гнивань	11	1,4	27	3,1	4	0,4
Бар	11	1,4				
Попельня	10	1,3	4	0,5	3	0,3
Сухолесы	3	0,4				
Шепетовка	101	12,7	92	10,7	162	14,5
Ровно	147	18,4	123	14,3		
Бровки	3	0,4	6	0,7		
Бобринская	8	1				
Оратово	3	0,4	32	3,7		
Рейовец	20	2,5	45	5,2	73	6,5
Люблин	1	0,1	1	0,1	86	7,7
Дорогуск	4	0,5				
Лапы	36	4,5	60	7,0	77	6,9
Варшава	10	1,3			16	1,4
Пнево	33	4,1	111	12,9	196	17,5
Мехов	3	0,4				
Юзефов	5	0,6				
Соколов	34	4,3			9	0,8
Лович	109	13,7				
Руда-Гузовская	1	0,1				
Путивль			1	0,1		
Дерюгино			4	0,5		
Бердичев			43	5,0	21	1,9
Губник			4	0,5	44	3,9
Ковель			2	0,2		
Уладовка			14	1,6	199	17,8
Семки			1	0,1	14	1,3
Прушков			1	0,1	16	1,4
Холм			4	0,5	8	0,7
Блоне			7	0,8	2	0,2
Жирардов			1	0,1		
Кросневицы			7	0,8		
Островец			3	0,3	8	0,7
Ящов					1	0,1
Травники					1	0,1
Цеханов					3	0,3
Кутно					17	1,5
Влоцлавск					1	0,1
Всего	**797**	**100**	**858**	**100**	**1117**	**100**

ПРИБАЛТИЙСКИЕ губернии получали сахар главным образом морем, поэтому, как можно видеть из таблицы 4.13, показатели отправления в этот район невелики. Полагаю, их анализ не может дать нам новой информации.

Таблица 4.13. Структура получения рафинада губерниями Прибалтийского района

Станции	1901		1908		1913	
	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%
Корюковка	61	15,1	74	29,1	92	20,2
Златополь	2	0,5				
Хутор Михайловский	11	2,7	3	1,2		
Смородино	50	12,4	26	10,2	4	0,9
Санкт-Петербург	1	0,2	1	0,4	4	0,9
Сумы	109	27	1	0,4	4	0,9
Гнивань	12	3	26	10,2	32	7,0
Попельня	6	1,5				
Шепетовка	7	1,7	7	2,8	17	3,7
Ровно	25	6,2				
Бобринская	29	7,2	3	1,2		
Шпола	5	1,2				
Лукашевка	6	1,5				
Оратово	1	0,2				
Киев	51	12,7	4	1,6		
Черкассы	2	0,5				
Лович	12	3				
Цеханов	3	0,7				
Н.-Александрия	7	1,7				
Островы	3	0,7				
Путивль			13	5,1	35	7,7
Чуднов			2	0,8	19	4,2
Бердичев			63	24,8	48	10,5
Бар			4	1,6		
Ровно			2	0,8		
Уладовка			8	3,1		
Семки			1	0,4		
Пнево			2	0,8	82	18,0
Островец			14	5,5	67	14,7
Демчин					2	0,4
Рещуцк					18	3,9
Мироновка					13	2,9
Монастырище					1	0,2
Люблин					10	2,2
Рейовец					4	0,9
Холм					2	0,4
Жирардов					2	0,4
Всего	**403**	**100**	**254**	**100**	**456**	**100**

ПРИУРАЛЬСКИЙ РАЙОН
(Вятская и Пермская губерния. Таблица 4.14)

Таблица 4.14. Структура получения рафинада губерниями Приуральского района

Станции	1901		1908		1913	
	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%
Москва	2	0,4				
Корюковка	44	9,5	44	5,3	53	3,9
Златополь			10	1,2	22	1,6
Хутор Михайловский	86	18,5	96	11,6	142	10,3
Черкассы	67	14,4	37	4,5	39	2,8
Киев	54	11,6	43	5,2	50	3,6
Харьков	21	4,5	71	8,6	53	3,9
Сумы	47	10,1	12	1,4	28	2,0
Бар	4	0,9	19	2,3		
Льгов	9	1,9	15	1,8	6	0,4
Лукашевка			4	0,5	34	2,5
Тимашево	106	22,8	17	2,1	31	2,3
Богатое	25	5,4	35	4,2	60	4,4
Бобринская			6	0,7		
Путивль			31	3,7	146	10,6
Гнивань			83	10,0	71	5,2
Киселевка			9	1,1	10	0,7
Бердичев			4	0,5	80	5,8
Губник			6	0,7	2	0,1
Смородино			92	11,1	184	13,4
Белый Колодезь			17	2,1	1	0,1
Попельня			83	10,0	121	8,8
Васильков			14	1,7	22	1,6
Сухолесы			35	4,2	79	5,8
Воронцово			6	0,7	24	1,7
Погребище			1	0,1	82	6,0
Бровки			13	1,6	8	0,6
Уладовка			25	3,0		
Чуднов					17	1,2
Дукля					1	0,1
Шепетовка					7	0,5
Всего	**465**	**100**	**828**	**100**	**1373**	**100**

Емкость этого района как рынка сбыта, фиксируемая железнодорожной статистикой за 1901–1913 гг., значительно возросла — с 465 до 1373 тыс. пуд., т. е. в 3,0 раза. Это, в числе прочего, связано, полагаю, с расширением железнодорожной сети в Приуралье.

При этом на долю всех тех заводов, которые отправляли свой рафинад в эти губернии в 1901 г., в 1908 г. пришлось 47,5%, а в 1913 г. — 36,1%. Как и повсюду, традиционным лидерам пришлось потесниться.

ПРЕДКАВКАЗСКИЙ РАЙОН
(Кубанская, Терская области и Ставропольская губерния. Таблица 4.15)

Таблица 4.15. Структура получения рафинада в Предкавказье

Станции	1901		1908		1913	
	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%
Корюковка	5	0,7			35	2,3
Златополь	36	5,1	90	9,4	122	7,9
Харьков	98	14	95	9,9	201	13,0
Смородино	22	3,1	99	10,3	28	1,8
Сумы	2	0,3			147	9,5
Гнивань	3	0,4	11	1,1	86	5,6
Сухолесы	1	0,1				
Бобринская	61	8,7	69	7,2	66	4,3
Шпола	3	0,4				
Киев	4	0,6	62	6,5	54	3,5
Ростов	167	23,9	167	17,4	134	8,7
Новороссийск	298	42,6	132	13,8	69	4,5
Черкассы			12	1,3	73	4,7
Хутор Михайловский			10	1,0		
Бердичев			5	0,5		
Губник			45	4,7	21	1,4
Киселевка			4	0,4	100	6,5
Белая Церковь			2	0,2		
Ровно			1	0,1		
Монастырище			3	0,3	5	0,3
Уладовка			3	0,3		
Скороходово			43	4,5	133	8,6
Белый Колодезь			74	7,7	13	0,8
Рамонь			6	0,6		
Екатеринодар			4	0,4		
Путивль					93	6,0
Звенигородка					15	1,0
Рещуцк					59	3,8
Ланная					5	0,3
Погребище					12	0,8
Мироновка					64	4,1
Люблин					11	0,7
Всего	**700**	**100**	**959**	**100**	**1546**	**100**

Сахар, как и многие другие товары, поступал на Северный Кавказ двумя путями: либо через Ростов — крупный транзитный центр — по Владикавказской железной дороге, либо из Новороссийска (или Петровска), куда он доставлялся морем, главным образом, из Одессы. В 1901 г. главными корреспондентами района, как можно видеть из таблицы 4.15, были и Новороссийск, отправивший 298 тыс. пуд. — 42,6%, и Ростов, откуда прибыло 167 тыс. пуд., или 23,9% всей суммы. Затем шли Харьковский и Смелянский заводы с показателями 98 и 61 тыс. пуд., или 14,0 и 8,7% соответственно.

В 1908 г. число корреспондентов выросло с 12 до 22, а получение — с 700 до 959 тыс. пуд., т. е. на 37,0%. Ростов и Новороссийск поменялись местами (167 тыс. пуд. — 17,4% и 132 тыс. пуд. — 13,8%). Места с третьего по пятое последовательно заняли: Тростянецкий завод Кенигов — 99, или 10,3%, Харьковский — 95 тыс. пуд. — 9,9% и Лебединский завод Бродских — 90 тыс. пуд., или 9,4%.

В 1913 г. число станций-отправителей уменьшилось на одну, а сумма прибытия рафинада в район увеличилась до 1546 тыс. пуд., т. е. в 2,2 раза, в сравнении с 1901 г., и на 61,2%, в сравнении с 1908 г. Харьковский завод вышел вперед с 201 тыс. пуд. (13,0% всего получения), за ним шли заводы Бродских — 157 тыс. пуд. (10,2%), Павловский завод Харитоненко с 147 тыс. пуд., Ростов со 134 тыс. пуд. и Павловский (Чутовский) завод со 133 тыс. пуд. (в относительном выражении это составило от 9,5 до 8,6 % соответственно). Отметим и Киселевский завод — 100 тыс. пуд., или 6,5%. Как можно видеть, перечисленные предприятия — из числа тех заводов, которые ближе других находилась к Северному Кавказу.

Рассматривать концентрацию прибытия, видимо, нецелесообразно, поскольку мы не знаем точно, откуда получали рафинад Новороссийск и Ростов.

КАВКАЗ
(Бакинская, Кутаисская, Тифлисская, Елисаветпольская, Эриванская губернии, Карсская и Дагестанская области, Батум и Акстафа. Таблица 4.16)

Этот район был главным потребителем сахара в Империи, и в значительной мере потому, что большая часть получения экспортировалась в Персию и Турцию — в первую очередь через Баку, а после 1906 г. и через Джульфу в Эриванской губернии.

В 1901 г. получение района равнялось 3778 тыс. пуд. Более 500 тыс. пуд. прислали на Кавказ Гниванский и Павловский Харитоненко заводы — 558 и 513 тыс. пуд. соответственно (14,8% и 13.6%), заводы Бродских, главным образом, Златопольский, — 425 тыс. пуд. (11,2%). В сумме на эти фирмы пришлось 1496 тыс. пуд., т. е. 39,6% общего итога района. От 200 до 290 тыс. пуд. отправили станции Поти (и здесь тоже был сахар Бродских) — 288 тыс. пуд. (7,6%), Шпола — 286 тыс. пуд. (7,6%), Попельня — 228 тыс. пуд. (6,0%), Смелянский завод Бобринских (206 тыс. пуд., или 5,5%). Доля этой группы — 1008 тыс. пуд., или 26,7%. В диапазоне от 100 до 185 тыс. пуд. находились показатели 6 отправителей — станций Бар (184 тыс. пуд. — 4,9%), Сухолесы, Проскуров, Губник, Харьковского завода и Мехова (124–126 тыс. пуд. — 3,3%), что в совокупности составило 931 тыс. пуд., или 24,6% всего получения Кавказа.

В 1908 г. число корреспондентов выросло с 28 до 38, а общий итог района увеличился до 5009 тыс. пуд., т. е. на 1231 тыс. пуд. — 32,6%. Тройка главных поставщиков

Таблица 4.16. Структура получения рафинада губерниями и областями Кавказа

Станции	1901		1908		1913	
	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%
Корюковка	34	0,9				
Златополь	391	10,3	587	11,7	662	10,3
Хутор Михайловский	8	0,2	326	6,5	62	1,0
Черкассы	35	0,9	81	1,6	414	6,4
Киев	4	0,1	191	3,8	247	3,8
Харьков	126	3,3	9	0,2	56	0,9
Смородино	4	0,1	138	2,8	395	6,2
Сумы	513	13,6			857	13,3
Гнивань	558	14,8	418	8,3	555	8,6
Губник	124	3,3	111	2,2	124	1,9
Бар	184	4,9	320	6,4	352	5,5
Попельня	228	6	229	4,6	349	5,4
Сухолесы	124	3,3	160	3,2	96	1,5
Шепетовка	72	1,9	86	1,7	40	0,6
Ровно	13	0,3				
Бровки	83	2,2	146	2,9	72	1,1
Белая Церковь	11	0,3	19	0,4		
Бобринская	206	5,5	301	6,0	310	4,8
Шпола	286	7,6	64	1,3	16	0,2
Лукашевка	58	1,5	175	3,5	18	0,3
Льгов	29	0,8			138	2,1
Уладовка	50	1,3	107	2,1		
Ростов	2	0,1				
Новороссийск	6	0,2				
Поти	288	7,6	154	3,1		
Проскуров	125	3,3				
Мехов	124	3,3				
Кутно	58	1,5				
Лович	34	0,9				
Чуднов			28	0,6	11	0,2
Путивль			298	5,9	298	4,6
Бердичев			16	0,3	341	5,3
Киселевка			604	12,1	406	6,3
Васильков			20	0,4	26	0,4
Воронцово			4	0,1	83	1,3
Монастырище			2	0,0	52	0,8
Погребище			44	0,9	66	1,0
Белый Колодезь			81	1,6		
Звенигородка			14	0,3	78	1,2

Рамонь			60	1,2	36	0,6
Петровск			3	0,1		
Батум			13	0,3	3	0,05
Блоне			5	0,1		
Пнево			23	0,5		
Мехов			72	1,4	61	1,0
Кутно			22	0,4	10	0,2
Дербент			7	0,1		
Акстафа			71	1,4		
Рещуцк					101	1,6
Мироновка					61	1,0
Оратово					15	0,2
Скороходово					9	0,1
Всего	**3778**	**100**	**5009**	**100**	**6420**	**100**

теперь выглядела так: Киселевский и Златопольский заводы — 604 и 587 тыс. пуд. соответственно (12,1 и 11,7%), затем Гниванский завод — 418 тыс. пуд. (8,3%). На них пришлось в сумме 1609 тыс. пуд., или 32,1% всех перевозок. Четыре корреспондента имели показатели в диапазоне от 326 до 298 тыс. пуд.: Михайловский завод — 326 тыс. пуд. (6,5%), станция Бар — 320 тыс. пуд. (6,4%), Смелянский завод — 301 тыс. пуд. (6,0%), Бурынский завод (станция Путивль) — 298 тыс. пуд. (5,9%). Суммарный итог группы — 1245 тыс. пуд., или 24,9%, а с добавлением показателей станции Попельня и Киевского завода (229 и 191 тыс. пуд., т. е. 4,6 и 3,8%) он возрастает до 1665 тыс. пуд., или 33,2%. От 175 до 107 тыс. пуд. рафинада поставили Марьинский завод, Григоровский завод (станция Сухолесы), Поти, Бровки, Тростянецкий завод, Губник и Уладовка. Все вместе они перевезли сюда 991 тыс. пуд. — 19,8% общего итога района.

В 1913 г. число станций-отправителей снизилось до 34, а получение увеличилось до 6420 тыс. пуд., что на 69,9% превысило показатель 1901 г. и на 28,2% — 1908 г. Первенство перешло к Павловскому заводу Харитоненко с 857 тыс. пуд., или 13,3% всего итога, затем шли Златопольский завод с 662 тыс. пуд. (10,3% соответственно) и Гниванский завод с 555 тыс. пуд. (8,6%). Вместе они прислали на Кавказ 2074 тыс. пуд., что составило 32,1% получения района.

Следующая тройка выглядела так: заводы Терещенко — 476 тыс. пуд. (7,4%), Киселевский — 406 (6,3%), Тростянецкий завод — 395 тыс. пуд. (6,2%), а в сумме — 1277 тыс. пуд. (19,9%). Показатели еще 9 поставщиков, в основном уже знакомых, заслуживают внимания. Это станции Бар с 352 тыс. пуд. (5,5%), Попельня с 349 тыс. пуд. (5,4%), Федоровский завод с 341 (5,3%), Смелянский завод с 310 тыс. пуд. (4,8%), Бурынский завод с 298 тыс. пуд. (4,6%), Киевский завод с 247 тыс. пуд. (3,8%), Марьинский завод со 138 тыс. пуд. (2,2%), Губник со 124 тыс. пуд. (1,9%), Житынский завод со 101 тыс. пуд. (1,6%). На них пришлось вместе 2260 тыс. пуд., или 35,2% всего получения района.

Чрезвычайно показательно, что среди важных корреспондентов этих пунктов мы видим многие из заводов, игравших весьма скромную роль в потреблении губерний Европейской России. Нетрудно предположить, что экспорт в той или иной форме ре-

шал для средних и небольших заводов крайне важную и вместе с тем непростую проблему сбыта. Полагаю, во многом по этой причине процесс деконцентрации здесь не был таким выразительным, как в других регионах Империи.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ
(Закаспийская, Самаркандская, Ферганская и Сыр-Дарьинская области, Бухарский эмират и каспийские порты. Таблица 4.17)

Таблица 4.17. Структура получения рафинада в Средней Азии

Станции	1901		1908		1913	
	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%
Корюковка	8	1			33	1,3
Златополь	242	30,9	306	22,2	578	23,4
Харьков	7	0,9	26	1,9	16	0,6
Смородино	17	2,2	9	0,7	50	2,0
Сумы	55	7	27	2,0	106	4,3
Гнивань	70	8,9	11	0,8	59	2,4
Бар	19	2,4	75	5,4	84	3,4
Попельня	42	5,4	38	2,8	56	2,3
Сухолесы	144	18,4	142	10,3	103	4,2
Шепетовка	21	2,7			19	0,8
Бровки	12	1,5	7	0,5	15	0,6
Бобринская	69	8,8	124	9,0	131	5,3
Шпола	50	6,4	17	1,2	40	1,6
Черкассы	28	3,6	22	1,6	102	4,1
Хутор Михайловский			6	0,4	145	5,9
Киев			11	0,8	72	2,9
Путивль			7	0,5	16	0,6
Чуднов			3	0,2		
Киселевка			186	13,5	148	6,0
Васильков			11	0,8	26	1,1
Белый Колодезь			14	1,0	10	0,4
Белая Церковь			12	0,9		
Ровно			35	2,5		
Уладовка			1	0,1		
Звенигородка			4	0,3		
Тимашево			145	10,5	144	5,8
Богатое			136	9,9	147	5,9
Ольшаница			3	0,2		
Лукашевка					1	0,04
Энзели					266	10,8
Воронцово					14	0,6
Погребище					87	3,5
Дерюгино					5	0,2
Всего	**784**	**100**	**1378**	**100**	**2473**	**100**

Важность этого района как рынка сбыта с течением времени повышалась, что легко усмотреть из того, что к 1908 г. общее получение выросло на 3/4 — 1378 тыс. пуд. против 784 тыс. пуд. (прирост 75,8%), а к 1913 г. увеличилась в 3,2 раза, в сравнении с началом века — 2473 тыс. пуд. Число отправителей с 14 в 1901 г. увеличилось до 27 в 1908 и в 1913 гг.

В 1901 г., как и в последующие годы, безусловным лидером были заводы Бродских, прежде всего Златопольский — 250 тыс. пуд., или 31,9% всего прибытия, затем шли Сухолесы со 144 тыс. пуд. (18,4%), Гниванский и Смелянский заводы 70 и 69 тыс. пуд. (8,9 и 8,8%), Павловский завод и Киселевский (станция Шпола) — 55 и 50 тыс. пуд. (7,0 и 6,4%).

В 1908 г. доля заводов Бродских, несмотря на абсолютный рост до 306 тыс. пуд., падает до 22,2%. За ними следует Киселевский завод — 203 тыс. пуд. (14,7%), Тимашевский — 145 тыс. пуд. (10,5%), Григоровский завод (Сухолесы) — 142 тыс. пуд. (10,3%), Богатовский — 136 тыс. пуд. (9.3%), Смелянский — 124 тыс. пуд. (9,0%). Заметим, что если в 1901 г. лишь два завода отправили в Среднюю Азию более 100 тыс. пуд., то в 1908 г. их число возросло до шести. Несомненно, проведение Ташкентской железной дороги, соединившей регион с Европейской Россией, стимулировало хозяйственное освоение региона.

В 1913 г. количество рафинада Бродских в регионе возросло с 306 до 611 тыс. пуд., но это позволило увеличить их долю в общем балансе получения лишь до 24,7%. За ними следовали: порт Энзели — 266 тыс. пуд., или 10,8% (причем природа этих перевозок не вполне ясна), фирма Терещенко, необдуманно, как будет показано ниже, отправившая в Среднюю Азию 247 тыс. пуд. (10,0%), Киселевский завод — 188 тыс. пуд. (7,6%), Смелянский — 131 тыс. пуд. (5,3%), Павловский Харитоненко — 106 тыс. пуд. (4,3%) и Григоровский заводы — 101 тыс. пуд. (4,2%).

Деконцентрация перевозок хотя и имеет место, но ее величину следует признать средней, в сравнении с другими регионами: на тройку лидеров в 1901 г. пришлось 59,2%, в 1908 г. и 1913 г. этот показатель примерно равен 45%.

Несколько подробнее о перевозках сахара в Среднюю Азию говорится в 5-й главе.

СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК (Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская губернии, Уральская, Акмолинская, Приморская области, а также перевозки на КВЖД. Таблица 4.18)

Данный район по темпам роста получения, как и Туркестан, находится вне конкуренции — показатели 1913 г. втрое превосходят показатели 1901 г., но при этом исходный уровень был почти таким же, какой был в Средней Азии в 1908 г. Причина понятна — аграрная реформа Столыпина увеличила население, по меньшей мере, на 3 млн. чел.

В 1901 г. 18 корреспондентов отправили в регион 1310 тыс. пуд. рафинада. Первенствовала фирма Терещенко — 280 тыс. пуд., или 21,4% общего итога, затем шли Бродские с 262 тыс. пуд. (20,0%), Тимашевский удельный завод с 220 тыс. пуд. (16,8%), заводы Смелянский и Харьковский — 128 и 118 тыс. пуд. (9,8 и 9,0%

Таблица 4.18. Структура получения рафинада в Сибири и на Дальнем Востоке

Станции	1901		1908		1913	
	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%
Москва	10	0,8				
Корюковка	137	10,5	117	5,0	126	3,2
Златополь	125	9,5	40	1,7	127	3,2
Хутор Михайловский	233	17,8	299	12,7	732	18,7
Тула	47	3,6	10	0,4	37	0,9
Черкассы	72	5,5	131	5,5	202	5,2
Киев	59	4,5	28	1,2	111	2,8
Харьков	118	9	37	1,6	93	2,4
Смородино	2	0,2	157	6,6	60	1,5
Сумы	84	6,4	30	1,3	977	24,9
Попельня	3	0,2	21	0,9	91	2,3
Земетчино	12	0,9				
Бобринская	128	9,8	26	1,1		
Брасово	5	0,4				
Шпола	8	0,6				
Льгов	14	1,1	22	0,9		
Лукашевка			4	0,2	74	1,9
Богатое	33	2,5	196	8,3	275	7,0
Тимашево	220	16,8	669	28,3	506	12,9
Путивль			18	0,8	102	2,6
Белый Колодезь			177	7,5	100	2,6
Водяная			48	2,0		
Гнивань			173	7,3	39	1,0
Киселевка			24	1,0	17	0,4
Оратово			5	0,2		
Бар			16	0,7		
Днепр Красный			7	0,3		
Васильков			7	0,3	13	0,3
Сухолесы			33	1,4	37	0,9
Белая Церковь			24	1,0		
Бровки			13	0,6	7	0,2
Уладовка			31	1,3		
Бердичев					20	0,5
Воронцово					121	3,1
Мордово					7	0,2
Чуднов					15	0,4
Демчин					6	0,2
Погребище					23	0,6
Всего	**1310**	**100**	**2363**	**100**	**3918**	**100**

соответственно), Павловский с 84 тыс. пуд. (6,4%) и Черкасский с 72 тыс. пуд. (5,5%).

В 1908 г. рафинад в Сибирь и на Дальний Восток посылали 28 корреспондентов, и его количество увеличилось до 2363 тыс. пуд., т. е в 1,8 раза. Лидерство перешло к Тимашевскому заводу — 669 тыс. пуд., или 28,3% общего итога, Терещенко отправили 309 тыс. пуд., или 13,1% соответственно, на третью позицию вышел Богатовский завод со 196 тыс. пуд. (8,3%), Белоколодезский со 177 тыс. пуд. (7,5%), Гниванский со 173 тыс. пуд. (7,3%), Тростянецкий со 157 тыс. пуд. (6,6%), Черкасский со 131 тыс. пуд. (5,5%).

В 1913 г. число станций-отправителей уменьшилось до 26, а суммарное прибытие выросло до 3918 тыс. пуд. (прирост в сравнении с 1901 г. в 3,0 раза и относительно 1908 г. — в 1,7 раза).

Результаты Столыпинской аграрной реформы уже вполне начали проявляться и на потребительском рынке. Первенствовал теперь Павловский завод Харитоненко — 977 тыс. пуд. (24,9%), три завода Терещенко, хотя и отстали от него, но ненамного — 971 тыс. пуд., или 24,8% всего итога. Тимашевский завод оказался на третьем месте с 506 тыс. пуд. (12,9%), Богатовский — на четвертом с 275 тыс. пуд. (7,0%), Бродские — на пятом с 253 тыс. пуд. (6,4%). Группа из четырех заводов — Марьино-Городищенского (ст. Воронцово), Киевского, Бурынского и Белоколодезского — имели показатели сбыта от 121 до 100 тыс. пуд. (3,1–2,6%).

В 1901 г. на три фирмы-лидера пришлось 58,2% всего получения региона, в 1908 г. — 49,7%, а в 1913 г. — весьма неожиданно! — 62,6%. Объяснение этому есть — крупнейшие заводы отрасли вынуждены были искать новые рынки в Азиатской России, но об этом подробнее будет сказано ниже.

Анализировать потребление губерний Привислинского края в контексте данного исследования не представляется целесообразным. Русская Польша практически самообеспечивалась сахарными продуктами, и лишь немногие из заводов Юго-Западного края поставляли туда свою продукцию (см.ниже.)

Подведем некоторые итоги.

Проделанный на основании «Сводной статистики» анализ приводит к выводу: те заводы, которые лидировали в отрасли в начале XX в., уступают свои позиции как расширившимся старым, так и вновь возникшим предприятиям.

Приведенные порайонные таблицы показывают, что в большинстве регионов Империи не только меняются лидеры, но заметно — иногда до 50% общего итога — возрастает доля новых и реконструированных старых заводов, притом что потребление сахара в стране существенно растет.

Вместе с тем ясно, что проведенное исследование лишь пунктиром обозначает этот процесс. Ясно и то, что трех временных срезов — 1901, 1908 и 1913 гг. — недостаточно для того, чтобы детально судить о том, что происходило на рынке отрасли в течение всего рассматриваемого периода. Но тем самым становятся понятнее следующие задачи, которые необходимо решать. Ведь смена лидеров может быть вызвана самыми разными причинами, а новым заводам так или иначе нужны были свои рынки сбыта.

Иными словами, чтобы объяснить природу изменений на отраслевом рынке, нужно понять, **что** лежало в их основе, носили ли эти изменения устойчивый характер, или же были достаточно случайны.

Ответить на эти и другие вопросы может только анализ рынков сбыта отдельных предприятий, притом желательно крупных, относящихся к числу лидеров отрасли. Он должен показать, во-первых, степень устойчивости самих рынков сбыта и, во-вторых, выявить факторы, которые влияли на реальные сбытовые схемы предприятий отрасли.

§ 4.2. РЫНКИ СБЫТА ОТДЕЛЬНЫХ ЗАВОДОВ

Методика анализа данных «Сводной статистики» такова. Сначала из источника выписываются все станции, получавшие рафинад завода в данном году, и показатели их получения. Это — исходный материал для всех дальнейших операций. Затем станции-корреспонденты группируются по губерниям, а затем подсчитывается суммарное получение последних. Занесенные в особую таблицу, эти данные и дают географическую структуру сбыта завода. Погубернские сведения сводятся в порайонные. Группировка губерний по районам остается прежней (см.выше).

Данные об отправлении рафинада каждым заводом в таблицах даются как по отдельным губерниям, так и — для большей наглядности — по экономическим районам. Изменения, происходившие в сбытовых схемах, удобнее анализировать по шестилетним периодам 1902–1907 гг. и 1908–1913 гг. При этом понятно, что сами по себе эти периоды не являются чем-то самодовлеющим. Это не более, чем маркер, указатель. Иногда удобнее исходить из реальной истории предприятия.

При анализе рынков сбыта возможны как минимум три пласта анализа — уровень отдельных пунктов, затем губерний и, наконец, экономических районов. Какой именно конкретный вариант анализа избирает исследователь, зависит от уровня детальности поставленной им задачи. Если в одних случаях необходимо исследование всех трех пластов (как, например, в случае Павловского завода ввиду огромной величины его отправления), то в других можно ограничиться рассмотрением отдельных компонентов (как в случае Гниванского завода).

Погубернские данные удобны, конечно, для научной публикации, имеющей, как правило, ограниченный объем. Но, напомню, сами по себе они являются итогом немалой предварительной работы, которая имеет отдельное значение. Полагаю, что помимо исходных таблиц станций-получателей, уже сгруппированных по губерниям, имеет смысл для каждого завода делать выборку станций — основных корреспондентов. К их числу я отношу те, которые хотя бы один раз за рассматриваемый период получили 10 и более тыс. пуд. На эти станции приходилась основная часть отправления каждого завода, они позволяют судить о густоте торговой сети завода и т. д. Кроме этого, они дают самое непосредственное представление о том, как реально выглядели сбытовые схемы. В данной работе эти сведения приводятся по мере необходимости.

Даже беглый взгляд на таблицы главных корреспондентов разных заводов позволяет заметить следующее. По характеру отправления рассматриваемые пункты можно разделить на два довольно устойчивых типа, которые условно называются потребительским («конечным») и «транзитным». К первому из них относятся станции, между которыми в той или иной пропорции распределяется суммарное отправление в какую-либо губернию. Перевозки на них за некоторыми исключениями относительно стабильны. По абсолютной величине получение таких станций может колебаться и довольно значительно, но в целом все же зависит от годового отправления завода, характера данной станции как центра потребления и распределения сахара и др. (подробнее см.ниже).

Второй тип представляют крупные потребительские пункты, распределительные центры, порты и речные пристани, а также таможни (ясно, что перечисленные понятия часто совпадают). Общее их число составляло примерно два-три десятка. Роль подобных пунктов в структуре сбыта каждого завода была различной. Скажем, для Корюковского завода она была сравнительно невелика, а для Гниванского, напротив, очень важна. При этом и в разные годы значение их для отдельных предприятий тоже не было одинаковым.

Эта информация помогает понять, как реально складывалась сбытовая деятельность заводов в каждом конкретном году. По мере необходимости эти таблицы используются в тексте.

Для исследования я отобрал рынки сбыта нескольких из крупнейших заводов, которые, на мой взгляд, являются наиболее характерными, и, по возможности, намерен показать варианты анализа сбытовой деятельности.

ПАВЛОВСКИЙ ЗАВОД (Харьковская губерния)

Крупнейшее предприятие отрасли — Павловский завод — принадлежал Торговому Дому И. Г.Харитоненко с сыном. Он располагался близ станции Сумы Южных железных дорог в Харьковской губернии.

В 1908 г. завод сгорел. В этом году со станции Сумы было отправлено лишь 540 тыс. пуд., а часть своей квоты завод с разрешения Комитета рафинеров произвел на Тростянецком заводе наследников Л. Кенига, из-за чего, кстати, реальные рынки сбыта обоих предприятий в 1908 г. установить невозможно. Как это часто бывало в российской рафинадной промышленности, стихийное бедствие и в этом случае стимулировало технической прогресс. После ремонта завод значительно расширил свою мощность и стал выпускать еще больше продукции, чем прежде. В Соглашении рафинеров ему по-прежнему предоставляли самую большую норму выработки.

Пожар 1908 г. разделил историю сбытовой деятельности завода в XX в. на два периода — 1902–1907 гг. и 1909–1913 гг. Географические схемы сбыта радикально меняются с 1909 г. Это касается прежде всего соотношения между сбытом в Европейской и Азиатской частях России. С 1909 г. основной тенденцией становится значительный рост перевозок в Сибирь, на Дальний Восток и экспорт в Персию и Турцию (через Баку и Джульфу). При этом сокращается отправление завода в целый ряд регионов Европейской России.

Таблица 4.19. Рынок сбыта Павловского завода в 1902-1913 гг. (тыс. пуд.)

Губернии	Годы											Сумма			Средние		
	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1909	1910	1911	1912	1913	1902–1907	1909–1913	1902–1913	1902–1907	1909–1913	1902–1913
Архангельская						6	11	3	4	3	1	6	22	28	1	4	3
Олонецкая						7	2	5	4	7	3	7	21	28	1	4	3
Вологодская					2	33	41	85	46	134	49	35	355	390	6	71	35
Район					**2**	**46**	**54**	**93**	**54**	**144**	**53**	**48**	**398**	**446**	**8**	**80**	**41**
Пермская	52	22	22	15	24	17	40	66	41	70	18	152	235	387	25	47	35
Вятская	1				2	9	22	19	16	56	10	12	123	135	2	25	12
Район	**53**	**22**	**22**	**15**	**26**	**26**	**62**	**85**	**57**	**126**	**28**	**164**	**358**	**522**	**27**	**72**	**47**
Петербургская	50	170	109	41	26	35		2	1	47	28	431	78	509	72	16	46
Псковская	26	13	11	1	21	13	20	28	26	20	14	85	108	193	14	22	18
Новгородская	6	4		1	6	4	26	26	26	26	13	21	117	138	4	23	13
Район	**82**	**187**	**120**	**43**	**53**	**52**	**46**	**56**	**53**	**93**	**55**	**537**	**303**	**840**	**90**	**61**	**76**
Эстляндская				1					4	7	1	1	12	13	0	2	1
Курляндская	10	7	14	6	1	5	1			1	1	43	3	46	7	1	4
Лифляндская	58	51	65	28	44	30	13	12	7	22	2	276	56	332	46	11	30
Район	**68**	**58**	**79**	**35**	**45**	**35**	**14**	**12**	**11**	**30**	**4**	**320**	**71**	**391**	**53**	**14**	**36**
Ковенская	13	10	18	8	8	11	2	1		1		68	4	72	11	1	7
Виленская	49	71	90	68	81	82	20	13				441	33	474	74	7	43
Район	**62**	**81**	**108**	**76**	**89**	**93**	**22**	**14**		**1**		**509**	**37**	**546**	**85**	**7**	**50**
Витебская	52	50	98	70	85	116	75	96	57	76	61	471	365	836	79	73	76
Могилевская	5	5	5	2	2	4	7	1		4	1	23	13	36	4	3	3
Смоленская	53	50	59	34	38	48	45	55	44	64	47	282	255	537	47	51	49
Минская	7	10	24	7	22	31	9	5	2		1	101	17	118	17	3	11
Район	**117**	**115**	**186**	**113**	**147**	**199**	**136**	**157**	**103**	**144**	**110**	**877**	**650**	**1527**	**147**	**130**	**139**
Московская	160	74	51	58	97	74	143	60	39	20	9	514	271	785	86	54	71
Владимирская	66	54	55	39	36	32	55	65	55	91	32	282	298	580	47	60	53
Костромская	24	29	13	10	9	18	35	69	52	98	63	103	317	420	17	63	38
Ярославская	145	152	108	58	82	127	54	62	57	119	56	672	348	1020	112	70	93
Тверская	76	47	54	24	14	28	75	77	45	74	41	243	312	555	41	62	50

Калужская	117	211	158	149	108	92	69	41	33	40	30	835	213	1048	139	43	95
Район	**588**	**567**	**439**	**338**	**346**	**371**	**431**	**374**	**281**	**442**	**231**	**2649**	**1759**	**4408**	**442**	**352**	**401**
Рязанская	49	55	59	48	48	62	83	111	92	378	187	321	851	1172	54	170	107
Тульская	95	87	92	92	104	93	46	36	15	56	55	563	208	771	94	42	70
Орловская	78	46	68	70	111	92	67	45	42	82	83	465	319	784	78	64	71
Курская	35	22	27	32	31	36	73	58	51	94	63	183	339	522	31	68	47
Тамбовская	80	81	93	73	66	93	83	94	58	82	30	486	347	833	81	69	76
Воронежская	53	36	30	28	44	33	28	68	59	48	61	224	264	488	37	53	44
Район	**390**	**327**	**369**	**343**	**404**	**409**	**380**	**412**	**317**	**740**	**479**	**2242**	**2328**	**4570**	**374**	**466**	**415**
Симбирская	30	19	21	17	9	10	39	41	25	52	15	106	172	278	18	34	25
Казанская	25	30	14	21	5	27	53	47	28	7	13	122	148	270	20	30	25
Нижегородская	260	318	286	271	318	274	152	165	69	73	14	1727	473	2200	288	95	200
Пензенская	31	9	13	4	12	16	57	45	15	26	9	85	152	237	14	30	22
Район	**346**	**376**	**334**	**313**	**344**	**327**	**301**	**298**	**137**	**158**	**51**	**2040**	**945**	**2985**	**340**	**189**	**271**
Черниговская	7	7		15	22	46	8	7	4	4	9	97	32	129	16	6	12
Полтавская	5	3	3	6	5	7	24	24	8	8		29	64	93	5	13	8
Харьковская	142	115	171	153	177	176	84	77	73	75	81	934	390	1324	156	78	120
Район	**154**	**125**	**174**	**174**	**204**	**229**	**116**	**108**	**85**	**87**	**90**	**1060**	**486**	**1546**	**177**	**97**	**141**
Киевская				3			1					3	1	4	1	0	0
Донская	48	33	62	79	76	64	214	212	134	173	124	362	857	1219	60	171	111
Екатеринославская	17	11	27	30	23	25	165	204	174	192	109	133	844	977	22	169	89
Таврическая				1		1	6	15	15	8		2	44	46	0	9	4
Херсонская	5			24	10	1		3	42			40	45	85	7	9	8
Район	**70**	**44**	**89**	**134**	**109**	**91**	**385**	**434**	**365**	**373**	**233**	**537**	**1790**	**2327**	**90**	**358**	**212**
Самарская	43	30	57	53	45	32	37	35	11	22	7	260	112	372	43	22	34
Саратовская	106	71	75	59	95	71	144	111	77	63	183	477	578	1055	80	116	96
Оренбургская	25	26	24	36	25	24	65	69	22	23	16	160	195	355	27	39	32
Уфимская	27	18	26	18	48	33	93	48	16	19	4	170	180	350	28	36	32
Астраханская	98	29	39	41	48	47		2	17		19	302	38	340	50	8	31
Район	**299**	**174**	**221**	**207**	**261**	**207**	**339**	**265**	**143**	**127**	**229**	**1369**	**1103**	**2472**	**228**	**221**	**225**
Терская	1	11	17	17	16	5	66	58	63	104	58	67	349	416	11	70	38
Кубанская	2	3	7	11	20	39	97	99	83	129	61	82	469	551	14	94	50

Ставропольская	1		5	5	9	16	32	35	34	35	28	36	164	200	6	33	18
Район	**4**	**14**	**29**	**33**	**45**	**60**	**195**	**192**	**180**	**268**	**147**	**185**	**982**	**1167**	**31**	**197**	**106**
Тобольская	60	49	41	32	61	62	37	37	10	45	34	305	163	468	51	33	43
Томская	8	5	13	21	58	34	72	15	44	275	186	139	592	731	23	118	66
Акмолинская	23	24	37	7	68	80	113	30	26	21	66	239	256	495	40	51	45
Енисейская	33	11	7	2	21	20	34	7	16	50	26	94	133	227	16	27	21
Иркутская	15		8	6	8	5	7	37	25	44	60	42	173	215	7	35	20
Забайкальская	5	10				2	9	1	2		75	17	87	104	3	17	9
Район	**144**	**99**	**106**	**68**	**216**	**203**	**272**	**127**	**123**	**435**	**447**	**836**	**1404**	**2240**	**139**	**281**	**204**
Уральская	6		4	1	10	15	12	1		5	2	36	20	56	6	4	5
Тургайская						8	16	17	9	12	1	8	55	63	1	11	6
Район	**6**		**4**	**1**	**10**	**23**	**28**	**18**	**9**	**17**	**3**	**44**	**75**	**119**	**7**	**15**	**11**
Дагестанская	3	3	3	108	5	4	6	16	15	40	27	126	104	230	21	21	21
Бакинская	236	213	307	179	247	126	141	400	346	726	662	1308	2275	3583	218	455	326
Кутаисская											2	0	2	2	0	0	0
Эриванская	23	43	53	3	23	27	1	9	71	100	116	172	297	469	29	59	43
Карсская	11	6			2	20	3	4		9	4	39	20	59	7	4	5
Елисаветпольская	16	38	23	2	9	31	15	7	2	40	38	119	102	221	20	20	20
Тифлисская	43	59	41	11	14	42	15		2	7	8	210	32	242	35	6	22
Район	**332**	**362**	**427**	**303**	**300**	**250**	**181**	**436**	**436**	**922**	**857**	**1974**	**2832**	**4806**	**329**	**565**	**437**
Закаспийская	7	81	19	4	16		7	61	77	85	86	127	316	443	21	63	40
Самаркандская		7		4	2	1	2	9		1	6	14	18	32	2	4	3
Бухарская		3					3	6		1	4	3	14	17	1	3	2
Ферганская		15	3	6	2			34	37	15	4	26	90	116	4	18	11
Сыр-дарьинская	6	10		13		5	17	51	16	8	6	34	98	132	6	20	12
Район	**13**	**116**	**22**	**27**	**20**	**6**	**29**	**161**	**130**	**110**	**106**	**204**	**536**	**740**	**34**	**108**	**67**
Приморская	18	18		8			112	180	345	466	525	44	1628	1672	7	326	152
Квжд	25	67	37	26	74	8	76	157	67	43	5	237	348	585	40	70	53
Амурская	29											29	0	29	5	0	3
Район	**72**	**85**	**37**	**34**	**74**	**8**	**188**	**337**	**412**	**509**	**530**	**310**	**1976**	**2286**	**52**	**395**	**208**
Касп. Ин. Порты	79	156					298	17				235	315	550	39	63	50
Ин. Порты	21											21	0	21	4	0	2
Польша	1				1							2	0	2	0	0	0
Всего	**2901**	**2908**	**2766**	**2260**	**2696**	**2635**	**3477**	**3596**	**2896**	**4726**	**3653**	**16166**	**18349**	**34515**	**2694**	**3670**	**3138**

Таблица 4.20. Региональная структура сбыта Павловского завода (тыс. пуд.)

Районы	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1909	1910	1911	1912	1913
Северный					2	46	54	93	54	144	53
Приуральский	53	22	22	15	26	26	62	85	57	126	28
Приозерный	82	187	120	43	53	52	46	56	53	93	55
Прибалтийский	68	58	79	35	45	35	14	12	11	30	4
Литовский	62	81	108	76	89	93	22	14		1	
Белорусский	117	115	186	113	147	199	136	157	103	144	110
ЦПР	588	567	439	338	346	371	431	374	281	442	231
ЦЧР	390	327	369	343	404	409	380	412	317	740	479
Средневолжский	346	376	334	313	344	327	301	298	137	158	51
Малороссийский	154	125	174	174	204	229	116	108	85	87	90
Юго-Западный				3			1				
Новороссийский	70	44	89	134	109	91	385	434	365	373	233
Юго-Восточный	299	174	221	207	261	207	339	265	143	127	229
Предкавказский	4	14	29	33	45	60	195	192	180	268	147
Польский	1				1						
Кавказ	332	362	428	303	300	250	181	436	436	922	857
Сибирь	144	99	106	68	216	203	272	127	123	435	447
Средняя Азия	13	116	22	27	20	6	29	161	130	110	106
Степной	6		4	1	10	23	28	18	9	17	3
Дальний Восток	47	18		8			112	180	345	466	525
КВЖД	25	67	37	26	74	8	76	157	67	43	5
Ин. порты	100	156					298	17			
Всего	**2901**	**2908**	**2767**	**2260**	**2696**	**2635**	**3477**	**3596**	**2896**	**4726**	**3653**

Таблица 4.20а. То же в процентах (%)

Районы	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1909	1910	1911	1912	1913
Северный					0,1	1,7	1,6	2,6	1,9	3,0	1,5
Приуральский	1,8	0,8	0,8	0,7	1,0	1,0	1,8	2,4	2,0	2,7	0,8
Приозерный	2,8	6,4	4,3	1,9	2,0	2,0	1,3	1,6	1,8	2,0	1,5
Прибалтийский	2,3	2,0	2,9	1,5	1,7	1,3	0,4	0,3	0,4	0,6	0,1
Литовский	2,1	2,8	3,9	3,4	3,3	3,5	0,6	0,4		0,02	
Белорусский	4,0	4,0	6,7	5,0	5,5	7,6	3,9	4,4	3,6	3,0	3,0
ЦПР	20,3	19,5	15,9	15,0	12,8	14,1	12,4	10,4	9,7	9,4	6,3
ЦЧР	13,4	11,2	13,3	15,2	15,0	15,5	10,9	11,5	10,9	15,7	13,1
Средневолжский	11,9	12,9	12,1	13,8	12,8	12,4	8,7	8,3	4,7	3,3	1,4
Малороссийский	5,3	4,3	6,3	7,7	7,6	8,7	3,3	3,0	2,9	1,8	2,5
Юго-Западный				0,1			0,03				
Новороссийский	2,4	1,5	3,2	5,9	4,0	3,5	11,1	12,1	12,6	7,9	6,4
Юго-Восточный	10,3	6,0	8,0	9,2	9,7	7,9	9,7	7,4	4,9	2,7	6,3
Предкавказский	0,1	0,5	1,0	1,5	1,7	2,3	5,6	5,3	6,2	5,7	4,0

Районы	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1909	1910	1911	1912	1913
Польский	0,03				0,04						
Кавказ	11,4	12,4	15,5	13,4	11,1	9,5	5,2	12,1	15,1	19,5	23,5
Сибирь	5,0	3,4	3,8	3,0	8,0	7,7	7,8	3,5	4,2	9,2	12,2
Средняя Азия	0,4	4,0	0,8	1,2	0,7	0,2	0,8	4,5	4,5	2,3	2,9
Степной	0,2		0,1		0,4	0,9	0,8	0,5	0,3	0,4	0,1
Дальний Восток	1,6	0,6		0,4			3,2	5,0	11,9	9,9	14,4
КВЖД	0,9	2,3	1,3	1,2	2,7	0,3	2,2	4,4	2,3	0,9	0,1
Ин. порты	3,4	5,4					8,6	0,5			
Всего	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**

Таблица 4.21. Регионы с падением сбыта

Районы	1902–1907	1909–1913	1902–1913	1902–1907	1909–1913	1902–1913
	тыс.пуд.	тыс.пуд.	тыс.пуд.	%	%	%
Приозерный	537	303	840	3,3	1,7	2,4
Прибалтийский	320	71	391	2,0	0,4	1,1
Литовский	509	37	546	3,1	0,2	1,6
Белорусский	877	650	1527	5,4	3,5	4,4
ЦПР	2649	1759	4408	16,4	9,6	12,8
Средневолжский	2040	945	2985	12,6	5,2	8,6
Малороссийский	1060	486	1546	6,6	2,6	4,5
Юго-Восточный	1369	1103	2472	8,5	6,0	7,2
Всего	**9361**	**5354**	**14715**	**57,9**	**29,2**	**42,6**

Как можно видеть из таблицы 4.21, показатели 8-ми районов Европейской России, получивших в сумме 9361 тыс. пуд., или 57,9% всего отправления Павловского завода в 1902–1907 гг., существенно уменьшаются в 1909–1913 гг. — на 4 млн. пуд. по абсолютной величине и на 28,7% по относительной — до 5354 тыс. пуд. и 29,2% общего итога за период.

Здесь и далее регионы, в которых после 1907 г. сбыт завода увеличивается, в сравнении с 1902–1907 гг., именуются регионами 1-й категории; те же, отправление завода в которые уменьшается, относятся ко 2-й категории, а к 3-й — районы, сбыт в которых можно считать стабильным. В видах облегчения восприятия текста, и без того изобилующего цифрами, 1902–1907 гг. будут именоваться «1-м периодом», а 1908–1913 гг. (для Павловского завода — 1909–1913 гг.) — «2-м периодом». Вводится также понятие «среднегодового показателя сбыта» (далее: СГП).

Северный район. Регион 1-й категории. Сбыт в этом регионе завод начал в 1906–1907 гг., но в 1902–1907 гг. размеры его ничтожны. Во 2-м периоде серьезно возросло отправление в Вологодскую губернию, но оно было нестабильным и колебалось от 41 тыс. пуд. в 1909 г. до 134 тыс. пуд. в 1912 г. Нетрудно заметить, как растут показатели в 1910 и 1912 гг., когда не действовало соглашение рафинеров. В 1907, 1909, 1911 и 1913 гг. получение Вологодской губернии находится в пределах 46–54 тыс. пуд.

Приуральский район. Регион 1-й категории. Поставки рафинада в Вятскую губернию невелики и нестабильны. Пермская губерния была постоянным потребителем, и в 1909–1913 гг. среднегодовые поставки увеличились с 25 до 47 тыс. пуд. И здесь отмечаются более высокие показатели в 1910 и 1912 гг.

Приозерный район. Регион 2-й категории. В 1902–1907 гг. показатели этого региона формировались за счет Петербургской губернии. Колебания поставок туда очень велики — от 170 тыс. пуд. в 1903 г. до 26 тыс. пуд. в 1906 г. Перевозки не фиксируются в 1909 г. и возобновляются на уровне 1906–1907 гг. в 1912–1913 гг. Напротив, Новгородская и Псковская губернии в 1909–1913 гг. превратились в потребителей среднего уровня (23 и 22 тыс. пуд. в год).

Прибалтийский. Район 2-й категории. Вместо 46 тыс. пуд., посылавшихся в среднем в 1902–1907 гг. в Лифляндскую губернию, в 1909–1913 гг. завод отправлял лишь 11 тыс. пуд. Показатели Курляндской губернии снизились соответственно с 7 до 1 тыс. пуд.

Литовский. Регион 2-й категории. Поставки в Ковенскую были невелики (СГП — 11 тыс. пуд.), зато Виленская в этот период была важным потребителем (СГП — 74 тыс. пуд.). Однако после 1910 г. перевозки туда прекращаются.

Белорусский район. Регион 2-й категории. В целом занимал довольно важное место в сбытовой схеме завода, однако основная часть сахара поступала в Витебскую и Смоленскую губернии (СГП 1902–1907 гг. соответственно 79 и 47 тыс. пуд.). При этом с 1904 г. заметна тенденция к росту отправления в первую из них. В 1909–1913 гг. перевозки туда колеблются от 96 тыс. пуд. в 1910 г. до 57 тыс. пуд. в 1911 г. СГП до и после 1907 г. почти равны — 79 и 73 тыс. пуд. Практически равны и СГП Смоленской губернии — 47 и 51 тыс. пуд. Сбыт в ней был средним по размерам и стабильным в течение всего рассматриваемого периода.

Центрально-Промышленный. Район 2-й категории. Важнейший для завода регион в 1902–1907 гг., куда ежегодно в среднем отправлялось 442 тыс. пуд., 16,4% общего итога, во многом потерявший свои позиции в 1909–1913 гг., особенно по относительной величине — 352 тыс. пуд., или 9,6% соответственно.

В 1-м периоде лидерами получения были Калужская и Ярославская губернии (СГП 139 и 112 тыс. пуд. соответственно), затем шли Московская (СГП — 86 тыс. пуд.), Владимирская и Тверская (47 и 41 тыс. пуд.) и, наконец, Костромская губерния (17 тыс. пуд.). Однако уже с 1904 г. начинается падение отправления в ЦПР (588 тыс. пуд. в 1902 г., 567 в 1903 г., 439 в 1904 г., 338 тыс. пуд.в 1905 г. и т. д.), хотя динамика сбыта в отдельных губерниях различна. В 1909–1913 гг. картина в целом меняется. К 1913 г. сходят на нет перевозки в Московскую губернию, хотя в 1909 г. они вдруг возрастают до 143 тыс. пуд. Значительно уменьшается сбыт в Ярославской губернии, и СГП этого периода, равный 70 тыс. пуд., поддерживается только за счет 119 тыс. пуд., полученных в 1912 г. СГП Калужской губернии уменьшается более чем в три раза (43 тыс. пуд. против 139). Вместе с тем с 17 до 63 тыс. пуд. растет СГП Костромской губернии и на 21 тыс. пуд. — СГП Тверской. Повышаются размеры перевозок во Владимирскую губернию.

Центрально-Черноземный район. Район 1-й категории. В целом он оставался вторым по значимости для завода в течение всего рассматриваемого периода. На него

приходилось 374 тыс. пуд., или 13,9% всего сбыта в 1902–1907 гг. и 466 тыс. пуд., или 12,7% в 1909–1913 гг.

Вместе с тем более чем в 2 раза уменьшился сбыт в Тульской губернии (СГП 94 и 42 тыс. пуд.), снизился среднегодовой сбыт в Орловской и Тамбовской губерниях. Одновременно более чем втрое выросли показатели Рязанской (54 и 170 тыс. пуд.), более чем вдвое — Курской (31 и 68 тыс. пуд.) и почти на 1/2 — Воронежской (37 и 53 тыс. пуд.). «Взрывной» рост получения Рязанской губернии связан, прежде всего, с ростом перевозок по Оке (см.ниже).

Средневолжский район. Это район 2-й категории. Его доля в общем отправлении снизилась с 12,6% в 1902–1907 гг. (третье место) до 5,2% в 1909–1913 гг. Подобно ЦПР, он потерял свое значение после 1908 г., что связано с сильнейшим падением железнодорожных перевозок в Нижегородскую губернию, за счет которой и формировались показатели района, — СГП уменьшился с 288 до 95 тыс. пуд.; для доставки продукции на этот и другие рынки Поволжья завод стал пользоваться смешанным водно-рельсовым путем, за счет чего и увеличивались показатели получения Рязанской губернии. При этом показатель 1913 г. равен 14 (!) тыс. пуд. — в 22 раза меньше, чем в 1903 г.

Малороссийский район. Район 2-й категории. Около 90% перевозок в 1902–1907 гг. и 80% в 1909–1913 гг. здесь приходилось на Харьковскую губернию. Но притом сбыт в «родной» губернии сократился — СГП уменьшился ровно вдвое: со 156 до 78 тыс. пуд. Это можно связывать с деятельностью вновь открывшихся в этой губернии рафинадных заводов — Белоколодезского и Скороходовского. Сбыт завода в Черниговской и Полтавской губерниях невелик и нестабилен.

Новороссийский. Район 1-й категории. Суммарное отправление туда выросло с 537 в 1902–1907 гг. до 1790 тыс. пуд. в 1909–1913 гг. (СГП — с 90 до 358 тыс. пуд.), а доля его в общем отправлении завода — с 3,3% в 1-м периоде до 9,8% во 2-м периоде. Однако лишь соседние с Харьковской губернией Донская область и Екатеринославская губерния могли считаться стабильными потребителями рафинада Павловского завода. После 1908 г. их роль так резко увеличилась, что регион в целом стал одним из наиболее важных для завода. СГП Донской области в 1909–1913 гг. соответственно вырос с 60 до 171 тыс. пуд., а Екатеринославской — с 22 до 169 тыс. пуд. Как и в ряде других случаев, показатели 1910 и 1912 гг. значительно выделяются из динамического ряда.

Юго-Восточный. Район 2-й категории, который получал в среднем 8,5% рафинада завода в 1-ом периоде и 6,0% — во втором. Регион этот объединял губернии, имевшие важное значение в транспортной системе России. Как можно видеть, его суммарное получение во 2-м периоде несколько снижается (1103 против 1369 тыс. пуд.), что во многом связано с прекращением железнодорожных поставок сахара в Астраханскую губернию (при этом весьма возможно, что часть рафинада, поступавшего с Павловского завода на пристани Царицына, далее шла в Астрахань по Волге). Нельзя не заметить тем не менее, что сбыт во всех губерниях района, кроме Саратовской, к 1913 г. падает, практически сходя на нет в Самарской и Уфимской.

Предкавказье. Район 1-й категории, куда в 1902–1907 гг. была отправлена 1,1% всей учтенной продукции, а 1909–1913 гг. — 5,4%. СГП района увеличился с 31 до 197 тыс. пуд., т. е. в 6,3 раза, притом очевидна устойчивость этого роста. Если в 1-ом периоде СГП Ку-

Таблица 4.22. Павловский завод. Средние сбыта по регионам.

Районы	1902–1907	1909–1913	1902–1913	1902–1907	1909–1913	1902–1913	1902–1907	1909–1913	1902–1913
	тыс. пуд.	тыс. пуд.	тыс. пуд.	тыс. пуд.	тыс. пуд.	тыс. пуд.	%	%	%
Северный	48	398	446	8	80	41	0,3	2,2	1,3
Приуральский	164	358	522	27	72	47	1,0	2,0	1,5
Приозерный	537	303	840	90	61	76	3,3	1,7	2,4
Прибалтийский	320	71	391	53	14	36	2,0	0,4	1,1
Литовский	509	37	546	85	7	50	3,1	0,2	1,6
Белорусский	877	650	1527	146	130	139	5,4	3,5	4,4
ЦПР	2649	1759	4408	442	352	401	16,4	9,6	12,8
ЦЧР	2242	2328	4570	374	466	415	13,9	12,7	13,2
Средневолжский	2040	945	2985	340	189	271	12,6	5,2	8,6
Малороссийский	1060	486	1546	177	97	141	6,6	2,6	4,5
Юго-Западный	3	1	4	1	0	0	0,2	0,005	0,01
Новороссийский	537	1790	2327	90	358	212	3,3	9,8	6,7
Юго-Восточный	1369	1103	2472	228	221	225	8,5	6,0	7,2
Предкавказский	185	982	1167	31	196	106	1,1	5,4	3,4
Польский	2		2				0,01	0	0,005
Кавказ	1974	2832	4806	329	566	437	12,2	15,4	13,9
Сибирь	836	1404	2240	139	281	204	5,2	7,7	6,5
Средняя Азия	204	536	740	34	107	67	1,3	2,9	2,1
Степной	44	75	119	7	15	11	0,3	0,4	0,3
Дальний Восток	73	1628	1701	12	326	155	0,5	8,9	4,9
КВЖД	237	348	585	40	70	53	1,5	1,9	1,7
Иностр. порты	256	315	571	43	63	52	1,6	1,7	1,7
Всего	**16166**	**18349**	**34515**	**2694**	**3670**	**3138**	**100**	**100**	**100**

банской области равнялся 14 тыс. пуд., Терской — 11, а Ставропольской губернии — 6 тыс. пуд., то во 2-м периоде они составили соответственно 94, 70 и 33 тыс. пуд.

Подведем промежуточные итоги.

Полагаю, что рынок сбыта Павловского завода в Европейской России сужался — и по абсолютной, и по относительной величине, несмотря на рост показателей получения ряда губерний. Несмотря на рост суммы всего отправления Павловского завода в 1909–1913 гг. на 2183 тыс. пуд., в сравнении с 1902–1907 гг., суммарный сбыт в Европейской России уменьшился на 1331 тыс. пуд. В 1-ом периоде на Европейскую Россию пришлось 77,6%, а во 2-ом — 61,1% всего сбыта. Среднегодовое отправление завода увеличилось с 2694 до 3670 тыс. пуд., т. е. на 36,2%, при этом отправление в Европейскую Россию составило 2090 и 2242 тыс. пуд., увеличившись на 7,3%.

Процесс сужения рынка, вполне наглядно иллюстрируется таблицей 4.23, в которой, в частности, содержатся показатели получения 14-ти губернских центров, а также

Таблица 4.23. Потребители продукции Павловского завода с наиболее крупным падением получения в 1909–1913 гг.

Пункты	Губерния	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1909	1910	1911	1912	1913	1902–1907	1909–1913	Прирост
Петербург	Петербургская	28	170	109	39	16	30				16	14	392	30	–362
Рига	Лифляндская	52	44	48	25	30	20	9	9	4	4	2	219	28	–191
Вильна	Виленская	49	71	79	64	77	80	20	13				420	33	–387
Двинск	Витебская	23	16	36	32	24	28	5	12		4	9	159	30	–129
Минск	Минская	7	10	24	5	22	29	6	3				97	9	–88
Москва	Московская	88	38	17	44	73	44	121	54	36	6		304	217	–87
Серпухов	Московская	35	33	30	8		6				2		112	2	–110
Ржев	Тверская	33	30	24	4	4	7	11	4	6	2	1	102	24	–78
Калуга	Калужская	38	56	40	38	35	19	16		1		1	226	18	–208
Мятлевская	Калужская	21	38	33	30	20	20	7	1				162	8	–154
Ярославль	Ярославская	85	91	69	51	63	105	29	20	18	26	16	464	109	–355
Воронеж	Воронежская	33	33	25	18	23	16	3	12	15	9	1	148	40	–108
Тула	Тульская	49	45	48	45	55	34	10	5		7		276	22	–254
Белев	Тульская	20	26	31	28	26	27	17	14	16	19	12	158	78	–80
Орел	Орловская	42	24	47	42	65	56	8	3	3	7	14	276	35	–241
Козлов	Тамбовская	20	27	30	16	13	15	16	15	14	7	3	121	55	–66
Кирсанов	Тамбовская	37	36	39	32	18	21	14	31	17	24	12	183	98	–85
Н. Новгород	Нижегородская	248	274	230	238	287	247	141	147	62	58	12	1524	420	–1104
Арзамас	Нижегородская	10	36	30	25	23	17	6	6	1	10		141	23	–118
Самара	Самарская	33	30	43	33	29	16	24	7	2	4		184	37	–147
Царицын	Саратовская	96	68	72	48	75	54	26	60	61	14	23	413	184	–229
Астрахань	Астраханская	98	29	39	41	48	47						302	0	–302
Ростов	Донская	38	33	53	60	61	45	44	47	29	17	11	290	148	–142
Харьков	Харьковская	100	93	119	113	94	94	59	50	50	44	29	613	232	–381
Всего		**1283**	**1351**	**1315**	**1079**	**1181**	**1077**	**592**	**513**	**335**	**280**	**160**	**7286**	**1880**	**–5406**

Ростова и Царицына, которые по экономическому значению превосходили большинство последних. Падение получения в рассматриваемых 25-ти пунктах составило громадную величину в 5406 тыс. пуд., а их суммарного СГП — 838 тыс. пуд.

В то же время значительно растет отправление рафинада в Новороссийские, Предкавказские, Северные, Приуральские губернии и в ЦЧР (см. табл. 4.24).

Таблица 4.24. Районы с увеличивающимся сбытом в 1909–1913 гг.

Районы	1902–1907	1909–1913	1902–1913	1902–1907	1909–1913	1902–1913
	тыс.пуд.	тыс.пуд.	тыс.пуд.	%	%	%
Северный	48	398	446	0,3	2,2	1,3
Приуральский	164	358	522	1,0	2,0	1,5
ЦЧР	2242	2328	4570	13,9	12,7	13,2
Новороссийский	537	1790	2327	3,3	9,8	6,7
Предкавказский	185	982	1167	1,1	5,4	3,4
Кавказ	1974	2832	4806	12,2	15,4	13,9
Сибирь	836	1404	2240	5,2	7,7	6,5
Средняя Азия	204	536	740	1,3	2,9	2,1
Дальний Восток	73	1628	1701	0,5	8,9	4,9
КВЖД	237	348	585	1,5	1,9	1,7
Всего	6500	12604	19104	40,2	68,7	55,3

В 1909–1913 гг. кардинально меняется значение Азиатской России как рынка сбыта продукции Павловского завода. Если в 1-м периоде туда было отправлено 3624 тыс. пуд. сахара, что составило 22,4% всех перевозок со станции Сумы, то во 2-ом — 7138 тыс. пуд., или 38,9%. При этом наиболее масштабным было увеличение перевозок на Дальний Восток.

Кавказ. Регион с растущим получением. Этот район занимал четвертую позицию в 1902–1907 гг. и первую в 1909–1913 гг. (12,2% и 15,4% общего отправления соответственно). При этом на Бакинскую губернию (а реально — на Баку) приходилось 66,3% получения региона в 1-м и 80,3% во 2-м периоде. Если учесть, что СГП региона вырос до 565 тыс. пуд. с 329 тыс. пуд., то станет ясно, что на общих показателях региона мало отразилось уменьшение сбыта в Тифлисской и Карской губерниях. Рост получения Эриванской губернии, как и Бакинской, связан с ростом экспорта рафинада (через Джульфинскую таможню). Показатели последней губернии в 1912 и 1913 гг. — соответственно 726 и 662 тыс. пуд. — являются рекордными для отрасли за рассматриваемый период.

Сибирь. Сбыт сахара — и не только Павловского завода — здесь также нарастал, в чем следует видеть прежде всего влияние Столыпинской аграрной реформы: за эти годы население Сибири выросло как минимум на 3 млн.чел. Регион занимал видное место и в 1-м периоде с 5,2% общего отправления, и во 2-м с 7,7%.

Дальний Восток. Если за 1902–1907 гг. туда было отправлено всего 310 тыс. пуд., то в 1909–1913 гг. — 1976 тыс. пуд. — больше, чем, например, в Белорусский и Юго-

Восточный районы вместе взятые. Прямые перевозки на КВЖД достигли пика в 1910 г., после чего резко уменьшились. Возможно, в 1909–1910 гг. завод предпринял пробную попытку найти новый выгодный рынок сбыта (ответы на такие вопросы обычно лежат в архивах). Отправление же во Владивосток стабильно и уверенно росло — 112 тыс. пуд. в 1909 г., 180 — в 1910 г., 345 — в 1911 г., 466 — в 1912 г. и 525 тыс. пуд. в 1913 г.

Средняя Азия. В течение 1-го периода ее значение было невелико — 1,3% всего отправления, и во 2-м она занимала весьма скромное место, хотя суммарное получение региона выросло с 204 до 536 тыс. пуд. — в 2,6 раза, а ее доля в суммарном сбыте завода — до 2,9%.

Итак, крупнейший в стране рафинадный завод в предвоенное пятилетие в значительной степени изменил географическую схему сбыта.

КОРЮКОВСКИЙ ЗАВОД (Черниговская губерния)

Корюковский завод был одним из предприятий крупнейшей фирмы России — фирмы Бродских.

Рынок сбыта завода, несмотря на два пожара, перенесенных в течение рассматриваемого периода, представляется весьма стабильным, в сравнении с рынком сбыта Павловского завода. Среднегодовое учтенное отправление 2-го периода лишь на 95 тыс. пуд. превышает аналогичный показатель 1-го периода (1665 тыс. пуд. против 1570). Вместе с тем динамика отправления достаточно прихотлива.

Основные потребители рафинада находились на северо-западе и в нечерноземном центре Европейской России (см.также таблица 4.29).

Два региона — Центрально-промышленный и Белорусский — играли главную роль в сбытовых схемах завода (таблица 4.26.). Большую часть рассматриваемого периода они поглощали порядка 46-51% всего сбыта. Исключение составляют 1903 г., когда из-за пожара Златопольского завода Бродских часть его нормы была выработана на Корюковском заводе и отправлена потребителям оттуда, что понизило показатели этих районов до 33,2%, а также 1905 г. (40,6%).

ЦПР поглотил 23,4% рафинада завода в 1-м периоде и 24,1% во 2-м, хотя по абсолютной величине СГП района практически равны (390 и 401 тыс. пуд.). Перепад отправления в 1902–1907 гг. (отбрасывая нетипичные показатели 1904 г.) от 352 тыс. пуд. в 1902 г. до 520 тыс. пуд. в 1905 г. (от 18,3 до 29,3%) и от 213 тыс. пуд. в 1911 г. до 529 тыс. пуд. в 1909 г. (от 16,9 до 28,1%) в 1908–1913 гг. Наибольшее количество сахара получала Тверская губерния, безусловный лидер среди корреспондентов завода в начале XX в. (СГП 122 и 178 тыс. пуд.) Затем шли Владимирская и Московская. Показатели обеих губерний имеют противоположную динамику. Получение Владимирской губернии после 1905 г. неуклонно снижается со 115 до 30 тыс. пуд. в 1911 г., вновь поднимаясь в 1912–1913 гг. до 77 и 84 тыс. пуд. СГП Московской губернии в 1902–1904 гг. был равен 34 тыс. пуд., в 1905–1909 гг. — 130 тыс. пуд., а в 1910–1913 гг. — 77 тыс. пуд. Значение Костромской, Ярославской и Калужской губерний для сбыта Корюковского завода было существенно ниже.

Таблица 4.25. Рынок сбыта Корюковского завода

Губернии	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	Сумма 1902–1907	Сумма 1908–1913	Средняя 1902–1907	Средняя 1908–1913
Архангельская	1	4	3	4	11	8	17	25	19	23	23	7	31	114	5	19
Олонецкая	1					3	5	5	1	2			4	13	1	2
Вологодская	11	10	3	9	14	11	12	31	15	13	18	18	58	107	10	18
Район	**13**	**14**	**6**	**13**	**25**	**22**	**34**	**61**	**35**	**38**	**41**	**25**	**93**	**234**	**16**	**39**
Пермская	31	49	20	48	12	21	39	29	44	29	52	20	181	213	30	36
Вятская					10	11	5	20	11	14	27	33	21	110	4	18
Район	**31**	**49**	**20**	**48**	**22**	**32**	**44**	**49**	**55**	**43**	**79**	**53**	**202**	**323**	**34**	**54**
Петербургская	31	32	9	66	39	75	77	80	94	113	131	154	252	649	42	108
Псковская	13	9		3	16	4	15	31	34	35	43	64	45	222	8	37
Новгородская	12	3		4	3		7	14	6	6	34	22	22	89	4	15
Район	**56**	**44**	**9**	**73**	**58**	**79**	**99**	**125**	**134**	**154**	**208**	**240**	**319**	**960**	**53**	**160**
Эстляндская	2		8	3	16	3	3	14	3	2		1	32	23	5	4
Курляндская	16	18	5	16	16	10	7	6	4	3	11	8	81	39	14	7
Лифляндская	28	42	12	62	97	71	64	81	100	81	103	83	312	512	52	85
Район	**46**	**60**	**25**	**81**	**129**	**84**	**74**	**101**	**107**	**86**	**114**	**92**	**425**	**574**	**71**	**96**
Ковенская	69	70	27	52	68	64	40	22	27	15	23	14	350	141	58	24
Виленская	52	52	17	53	77	54	57	43	36	45	52	43	305	276	51	46
Гродненская	0	13		9	9	10	3	5		6			41	14	7	2
Район	**121**	**135**	**44**	**114**	**154**	**128**	**100**	**70**	**63**	**66**	**75**	**57**	**696**	**431**	**116**	**72**
Витебская	42	45	26	53	81	53	50	67	43	38	57	51	300	306	50	51
Могилевская	83	73	46	78	73	107	90	126	115	93	142	131	460	697	77	116
Смоленская	71	89	29	64	103	96	100	121	102	79	125	141	452	668	75	111
Минская	95	95	57	96	102	123	89	105	79	118	162	154	568	707	95	118
Район	**291**	**302**	**158**	**291**	**359**	**379**	**329**	**419**	**339**	**328**	**486**	**477**	**1780**	**2378**	**297**	**396**
Московская	37	41	25	152	135	104	121	138	72	84	88	63	494	566	82	94
Владимирская	108	125	57	115	98	95	90	66	37	30	77	84	598	384	100	64
Костромская	37	28	11	30	20	22	17	18	6	6	13	35	148	95	25	16
Тверская	129	136	61	124	131	151	164	225	146	78	206	248	732	1067	122	178
Ярославская	38	28	17	75	55	34	18	32	9	1	6	34	247	100	41	17

Губернии	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	Сумма 1902–1907	Сумма 1908–1913	Средняя	
															1902–1907	1908–1913
Калужская	3	8		24	53	34	39	50	28	14	40	25	122	196	20	33
Район	**352**	**366**	**171**	**520**	**492**	**440**	**449**	**529**	**298**	**213**	**430**	**489**	**2341**	**2408**	**390**	**401**
Рязанская	15	11	3	16	33	13	7	24	13	12	19	48	91	123	15	21
Тульская	21	15		22	29	15	12	10	7	5	2	1	102	37	17	6
Орловская	17			14	27		4	5	1	2	1	2	58	15	10	3
Курская	53	55	22	52	21	31	43	49	34	48	40	24	234	238	39	40
Тамбовская	11	17	7	27	13	9	9	7	8	5	2	23	84	54	14	9
Воронежская	11	18	3	21	25	16	9	16	17	17	20	24	94	103	16	17
Район	**128**	**116**	**35**	**152**	**148**	**84**	**84**	**111**	**80**	**89**	**84**	**122**	**663**	**570**	**111**	**95**
Симбирская	35	23	11	44	17	18	4	3	2	4	7	26	148	46	25	8
Казанская	43	55	26	47	17	53	79	35	15	55	34	10	241	228	40	38
Нижегород-ская	26	15	8	78	15	19	8	36	13	5	18	75	161	155	27	26
Пензенская	5	8	11	15	9	7	11	11	7	3	12	15	55	59	9	10
Район	**109**	**101**	**56**	**184**	**58**	**97**	**102**	**85**	**37**	**67**	**71**	**126**	**605**	**488**	**101**	**81**
Черниговская	27	152	29	43	73	81	69	81	42	36	55	60	405	343	68	57
Полтавская	13	43	8	33	17	24	7	1	1	3	9	8	138	29	23	5
Харьковская	4					3							7	0	1	0
Район	**44**	**195**	**37**	**76**	**90**	**108**	**76**	**82**	**43**	**39**	**64**	**68**	**550**	**372**	**92**	**62**
Киевская	3	18	3	59									83	0	14	0
Волынская	4	27	9	5									45	0	8	0
Подольская	1	3											4	0	1	0
Район	**8**	**48**	**12**	**64**									**132**	**0**	**22**	**0**
Донская	1			4		3	7						8	7	1	1
Екатеринослав.				23	4	3						6	30	6	5	1
Таврическая					12		5						12	5	2	1
Херсонская	2	7											9	0	2	0
Район	**3**	**7**		**27**	**16**	**6**	**12**					**6**	**59**	**18**	**10**	**3**
Самарская	21	20	8	76	30	21	26	32	19	28	25	37	176	167	29	28
Саратовская	24	60	28	84	38	75	78	55	47	54	41	44	309	319	52	53
Оренбургская	10	10	4	36	5	11	7	27	22	13	32	32	76	133	13	22

Губернии	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	Сумма 1902–1907	Сумма 1908–1913	Средняя	
															1902–1907	1908–1913
Уфимская	5	5		3			3	5	1	6	5	2	13	22	2	4
Район	**60**	**95**	**40**	**199**	**73**	**107**	**114**	**119**	**89**	**101**	**103**	**115**	**574**	**641**	**96**	**107**
Кубанская								3				3	0	6	0	1
Терская			14	3	10			5				32	27	37	5	6
Район			**14**	**3**	**10**			**8**				**35**	**27**	**43**	**5**	**7**
Тобольская	3	18		24		7	23	13		2	8	27	52	73	9	12
Томская	27	16		12	5		5	13	13			40	60	71	10	12
Акмолинская	12	19		25		7	29	29	4	17	35	28	63	142	11	24
Енисейская	5				3							11	8	11	1	2
Иркутская	27	62	4	34	4	45	32	45	16	16		20	176	129	29	22
Забайкальская	1	6		3	4	9			5				23	5	4	1
Район	**75**	**121**	**4**	**98**	**16**	**68**	**89**	**100**	**38**	**35**	**43**	**126**	**382**	**431**	**64**	**72**
Уральская		**17**		**13**	**5**	**3**	**6**	**6**	**6**	**2**	**11**	**9**	**38**	**40**	**6**	**7**
Бакинская	10	159	38	10		3							220	0	37	0
Эриванская		92	32										124	0	21	0
Карская		3											3	0	1	0
Елисаветпол.				9									9	0	2	0
Тифлисская	1			11									12	0	2	0
Район	**11**	**254**	**70**	**30**		**3**							**368**	**0**	**61**	**0**
Самарканд-ская		6											6	0	1	0
Закаспийская		38	4	5								28	47	28	8	5
Сыр-Дарьинская		30						10				5	30	15	5	3
Бухара		3											3	0	1	0
Район		**77**	**4**	**5**				**10**				**33**	**86**	**43**	**14**	**7**
Приморская					22			8					22	8	4	1
Квжд				8		36	28						44	28	7	5
Район				**8**	**22**	**36**	**28**	**8**					**66**	**36**	**11**	**6**
Польша		**12**											**12**	**0**	**2**	**0**
Всего	**1348**	**2013**	**705**	**1999**	**1677**	**1676**	**1640**	**1883**	**1324**	**1261**	**1809**	**2073**	**9418**	**9990**	**1570**	**1665**

Таблица 4.26. Региональная структура сбыта Корюковского завода (тыс. пуд.)

Районы	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1902–1907	1908–1913
Северный	13	14	6	13	25	22	34	61	35	38	41	25	93	234
Приуральский	31	49	20	48	22	32	44	49	55	43	79	53	202	323
Приозерный	56	44	9	73	58	79	99	125	134	154	208	240	319	960
Прибалтийский	46	60	25	81	129	84	74	101	107	86	114	92	425	574
Литовский	121	135	44	114	154	128	100	70	63	66	75	57	696	431
Белорусский	291	302	158	291	359	379	329	419	339	328	486	477	1780	2378
ЦПР	352	366	171	520	492	440	449	529	298	213	430	489	2341	2408
ЦЧР	128	116	35	152	148	84	84	111	80	89	84	122	663	570
Средневолжский	109	101	56	184	58	97	102	85	37	67	71	126	605	488
Малоросссийский	44	195	37	76	90	108	76	82	43	39	64	68	550	372
Юго-Западный	8	48	12	64									132	0
Новороссийский	3	7		27	16	6	12					6	59	18
Нижневолжский	60	95	40	199	73	107	114	119	89	101	103	115	574	641
Предкавказский			14	3	10			8				35	27	43
Сибирь	75	121	4	98	16	68	89	100	38	35	43	126	382	431
Степной		17		13	5	3	6	6	6	2	11	9	38	40
Кавказ	11	254	70	30		3							368	0
Туркестан		77	4	5				10				33	86	43
Прим					22			8					22	8
КВЖД				8		36	28						44	28
Польша		12											12	0
Всего	**1348**	**2013**	**705**	**1999**	**1677**	**1676**	**1640**	**1883**	**1324**	**1261**	**1809**	**2073**	**9418**	**9990**

Таблица 4.26а. То же в процентах

Районы	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1902–1907	1908–1913
Северный	1,0	0,7	0,9	0,7	1,5	1,3	2,1	3,2	2,6	3,0	2,3	1,2	1,0	2,3
Приуральский	2,3	2,4	2,8	2,4	1,3	1,9	2,7	2,6	4,2	3,4	4,4	2,6	2,1	3,2
Приозерный	4,2	2,2	1,3	3,7	3,5	4,7	6,0	6,6	10,1	12,2	11,5	11,6	3,4	9,6
Прибалтийский	3,4	3,0	3,5	4,1	7,7	5,0	4,5	5,4	8,1	6,8	6,3	4,4	4,5	5,7
Литовский	9,0	6,7	6,2	5,7	9,2	7,6	6,1	3,7	4,8	5,2	4,1	2,7	7,4	4,3
Белорусский	21,6	15,0	22,4	14,6	21,4	22,6	20,1	22,3	25,6	26,0	26,9	23,0	18,9	23,8
ЦПР	26,1	18,2	24,3	26,0	29,3	26,3	27,4	28,1	22,5	16,9	23,8	23,6	24,9	24,1
ЦЧР	9,5	5,8	5,0	7,6	8,8	5,0	5,1	5,9	6,0	7,1	4,6	5,9	7,0	5,7
Средневолжский	8,1	5,0	7,9	9,2	3,5	5,8	6,2	4,5	2,8	5,3	3,9	6,1	6,4	4,9
Малоросссийский	3,3	9,7	5,2	3,8	5,4	6,4	4,6	4,4	3,2	3,1	3,5	3,3	5,8	3,7
Юго-Западный	0,6	2,4	1,7	3,2									1,4	0,0
Новороссийский	0,2	0,3		1,4	1,0	0,4	0,7					0,3	0,6	0,2
Нижневолжский	4,5	4,7	5,7	10,0	4,4	6,4	7,0	6,3	6,7	8,0	5,7	5,5	6,1	6,4
Предкавказский			2,0	0,2	0,6			0,4				1,7	0,3	0,4
Сибирь	5,6	6,0	0,6	4,9	1,0	4,1	5,4	5,3	2,9	2,8	2,4	6,1	4,1	4,3
Степной		0,8		0,7	0,3	0,2	0,4	0,3	0,5	0,2	0,6	0,4	0,4	0,4
Кавказ	0,8	12,6	9,9	1,5		0,2							3,9	0,0
Туркестан		3,8	0,6	0,3				0,5				1,6	0,9	0,4
Приморский					1,3			0,4					0,2	0,1
КВЖД				0,4		2,1	1,7						0,5	0,3
Польша		0,6											0,1	0,0
Всего	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**

Из Белорусских губерний только Витебская получала примерно одинаковое количество сахара в 1902–1913 гг., а отправление в остальные губернии района неуклонно увеличивалось.

Во 2-м периоде на Северо-Западе снижается сбыт завода в Курляндской, Ковенской и Виленской губерниях, но возрастает в Петербургской и Лифляндской (СГП 42 и 108 тыс. пуд. и 52 и 85 тыс. пуд. соответственно).

В плане методическом представляет интерес фиксируемое во 2-м периоде полное прекращение сбыта в таких районах, как Юго-Западный край и Кавказ. Можно думать, что в 1903–1905 гг. завод отправлял туда продукцию вместо Златопольского завода.

Остальные перемены в сбытовой схеме Корюковского завода не слишком значительны и интересны.

Таблица 4.27. Районы с уменьшающимся сбытом

Район	Сумма 1902–1907 тыс.пуд.	Сумма 1908–1913 тыс.пуд.	Сумма 1902–1913 тыс.пуд.	Среднегодовое 1902–1907 %	Среднегодовое 1908–1913 %	Среднегодовое 1902–13 %
Литовский	696	431	1127	7,4	4,3	5,8
ЦЧР	663	570	1233	7,0	5,7	6,4
Средневолжский	605	488	1093	6,4	4,9	5,6
Малороссийский	550	372	922	5,8	3,7	4,8
Юго-Западный	132	0	132	1,4	0,0	0,7
Кавказ	368	0	368	3,9	0,0	1,9
Всего	**3014**	**1861**	**4875**	**32,0**	**18,6**	**25,1**

Таблица 4.28. Районы с увеличивающимся сбытом

Район	Сумма 1902–1907 тыс.пуд.	Сумма 1909–1913 тыс.пуд.	Сумма 1902–1913 тыс.пуд.	Среднегодовое 1902–1907 тыс.пуд.	Среднегодовое 1909–1913 тыс.пуд.	Среднегодовое 1902–1913 тыс.пуд.
Северный	93	234	327	1,0	2,3	1,7
Приуральский	202	323	525	2,1	3,2	2,7
Приозерный	319	960	1279	3,4	9,6	6,6
Прибалтийский	425	574	999	4,5	5,7	5,1
Белорусский	1780	2378	4158	18,9	23,8	21,4
Всего	**2819**	**4469**	**7288**	**29,9**	**44,7**	**37,6**

У завода было 115 станций, получивших хотя бы один раз за рассматриваемый период 10 и более тыс. пуд. его рафинада. Из них 39 пунктов, т. е. треть, получали его постоянно, 20 — 11 лет, а всего — больше половины таких корреспондентов. Они-то и были основой устойчивости рынка. Из этого числа 11 располагались в Белорусском районе и 9 — в ЦПР.

Таблица 4.29. Главные получатели продукции Корюковского завода

Станции	Губернии	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Архангельск	Архангельская	1	4	3	4	11	8	17	25	19	23	23	7
Вологда	Вологодская	8	10	3	9	14	11	12	31	15	13	18	13
Вильна	Виленская	34	38	14	37	47	29	26	9	8	17	19	10
Сморгонь	Виленская	12	14	3	12	11	17	21	28	28	28	29	28
Мурьвьево	Ковенская	8	10	3	6	7	6	4					
Шавли	Ковенская	16	17	6	17	17	15						
Ковно	Ковенская	8	7	4	13	19	17	7	6	9	4	6	10
Поневеж	Ковенская	23	24	14	16	13	14	11	8	5	4	4	1
Витебск	Витебская	8	14	10	13	18	12	14	21	13	18	22	21
Двинск	Витебская	25	20	16	28	37	23	20	28	15	5	11	10
Минск	Минская	44	43	30	54	62	70	60	59	51	60	68	70
Березина	Минская	14	14	12	15	10	11	8	14	13	18	27	28
Лунинец	Минская	5	8	3	4	4	8	8	7	6	10	15	14
Пинск	Минская	11	8	5	7	14	12	4	6	3	9	17	14
Ляховичи	Минская										7	11	
Борисов	Минская	6	8	7	7		7	5	12	4	9	13	16
Замирье	Минская	7	10		5	8	11	4	7	2	4	7	5
Могилев	Могилевская	10	11	16	29	24	32	33	41	35	25	35	37
Гомель	Могилевская	63	53	27	41	35	53	37	63	55	55	71	64
Орша	Могилевская	8		3			5	6	6	9	5	16	13
Быхов	Могилевская	2					3	10					
Рославль	Смоленская	17	15		8	22	7	7	7	2	3	3	4
Нелидово	Смоленская	4	6	3	4	9	10	9	13	12	9	20	23
Сычевка	Смоленская	12	18	7	11	17	23	20	22	18	15	32	28
Гжатск	Смоленская		24	8	13	13	15	19	23	22	18	23	25
Вязьма	Смоленская	16	20	6	5	14	17	20	28	27	25	30	38
Дорогобуж	Смоленская	2			4	6	6	10	10	3	3	3	4
Почеп	Черниговская	4	4	3	5	6	8	11	11	13	10	14	13
Новозыбков	Черниговская	1				6	3	1	3	1	3	7	11
Мена	Черниговская	2	3		3	4	4	6	12	4	5	4	12
Макошино	Черниговская	4	128	26	22	48	51	27	41	14	10	11	
Ромны	Полтавская	6	7		9	8	17	4	1	1	3	9	8
Кременчуг	Полтавская	2	21	8	20	9	5	3					
Боровичи	Новгородская	3			4	3		4	9	5	3	6	15
С. Русса	Новгородская											16	
Торопец	Псковская						4	8	7	9	14	14	17
В. Луки	Псковская	2				8			7	4	4	10	8
Сущево	Псковская		4					7	10	12	10	12	14
Торопец	Псковская						4	8	7	9	14	14	17
В. Луки	Псковская	2				8			7	4	4	10	8
Петербург	Петербургская	30	32	9	66	39	75	77	80	94	110	131	152
Казань	Казанская	43	55	26	47	17	53	79	35	15	55	34	10

Станции	Губернии	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Симбирск	Симбирская	25	13	6	24	12	13						
Сызрань	Симбирская	8	10	5	14	5	5		3	2	4	6	13
Н. Новгород	Нижегородская	21	12	8	75	15	15	2	28	4	2	3	47
Арзамас	Нижегородская	5			3		4		8	4	3	5	10
Пенза	Пензенская	5	5		7	4		5	4	3	3	6	15
Брянск	Орловская	5			8	20							
Сасово	Тамбовская		4		12	7	5	3	7	5	5	2	13
Рязань	Рязанская	4	4	3		10	7		18	9	6	8	50
Ряжск	Рязанская	5			11	4			6	3	2	3	13
Курск	Курская	39	43	22	44	21	31	43	49	34	48	40	24
Воронеж	Воронежская	11	18	3	21	25	16	9	16	17	17	20	24
Тула	Тульская	10	7		17	21	3	5					
Ефремов	Тульская	11	8		5	8	12	7	10	7	5	2	
Владимир	Владимирская	7	10	4	8	7	4		5			5	9
Ковров	Владимирская	13	12	7	8	4	4	4				6	10
Гавр. Посад	Владимирская	8	12	6	9	8	10	5	5	6	4	11	13
Иваново	Владимирская	11	14	3	10	15	10	6	6	2		6	6
Шуя	Владимирская	10	14	4	15	17	15	13	20	11	7	23	20
Муром	Владимирская	20	29	7	35	22	27	57	23	12	15	16	13
Орехово	Владимирская			19	6	7							
Гороховец	Владимирская	10	13	5	8	4	8	5	7	6		2	
Москва	Московская	27	10	19	125	103	58	90	112	54	81	59	38
Нара	Московская	1	6	3	9	6	8	8	8	12		13	4
Княж. Горы	Московская					7	9	12	9				
Осташков	Тверская						7	16	21	13	8	10	14
Савелово	Тверская	6	11	5	11	14	13	17	10	2	1	8	8
Тверь	Тверская	21	8	6	9	4	5	8	20	15	8	10	28
Лихославль	Тверская	1	5		6	4	7	6	10	2		5	1
Торжок	Тверская	12	14	6	2	10	8	8	13	7		5	1
Старица	Тверская	12	12	6	8	9	8	12	19	11	11	26	30
Ржев	Тверская	32	49	31	38	52	55	44	69	61	23	73	82
Зубцев	Тверская	10	12			7	12	8	13	9	11	18	17
Бежецк	Тверская	10	14	7	14	7	11	13	12	4	5	16	24
Кр. Холм	Тверская	1			6	6	5	8	10	8	2	18	18
Кашин	Тверская	14	11		9	6	4	10	7	10	7	6	11
Калуга	Калужская	2	8		20	25	6	15	21	13	6	10	6
Мятлевская	Калужская					13	14	10	14	11	5	21	11
Ярославль	Ярославская	14	8	6	29	23	7		13			4	26
Рыбинск	Ярославская	11	11	7	39	21	12	10	14	9	1	2	8
Кострома	Костромская	11	8	4	8	4	7	6	8				14
Кинешма	Костромская	7	7		16	11	12	11	10	6	6	13	21
Пермь	Пермская	1					6	14	16	9	8	17	5
Екатеринбург	Пермская	15	29	20	26	9	12	17	13	20	21	30	15
Вятка	Вятская					10	11	5	10		1	9	9

Станции	Губернии	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Глазов	Вятская								2	7	13	8	4
Митава	Курляндская	12	14	5	7		9	7	6	4	3	9	8
Валк	Лифляндская	3		5	10								
Юрьев	Лифляндская	7			11	14	3						
Рига	Лифляндская	3	6	3	41	75	57	51	70	94	74	83	70
Ремерсгоф	Лифляндская	4	7	4		4	3	5	6	3	7	14	3
Екатерин.	Екатеринослав.				20	4							
Киев	Киевская				52								
Челябинск	Оренбургская	3			13				7	1	2	4	9
Мишкино	Оренбургская	7	10	4	6	5	11	7	11	13	5	8	7
Оренбург	Оренбург.				17				9	8	6	20	16
Царицын	Саратовская	8	3	3	5	10	46	51	30	29	30	6	4
Саратов	Саратовская	7	32	22	57	26	29	27	24	18	24	33	40
Алекс. Гай	Самарская	6			4	7	8	19	20	11	6	6	6
Самара	Самарская	14	14	4	55	17	13	7	12	8	22	19	27
Уральск	Уральская	8	17		13	5	3	6	6	6	9	11	2
П. Павловск	Акмолинская	4	5		12			10	16	4	15	27	14
Омск	Акмолинская	8	14		13		7	19	13		2	8	14
Томск	Томская	12	8		12	5							
Новоникол.	Томская	5						5	6	13			40
Красноярск	Енисейская	3				3							11
Эривань	Эриванская		92	32									
Баку	Бакинская	10	159	38	10		3						
Владикавказ	Терская		14	3	10			5					
Иркутск	Иркутская	27	62	4	26	4	45	29	45	16	16		11
Харбин	КВЖД				8		36	28					
Асхабад	Закаспийская		27	4	5								14
Душак	Закаспийская		11										14
Ташкент	Сыр-Дарьинская		30					10		1			2

ГНИВАНСКИЙ ЗАВОД (Подольская губерния)

Это предприятие было крупнейшим, наряду с Киевским заводом, в Юго-Западном крае.

Периодизация сбыта тут выбрана иная — 1902–1905 гг. и 1906–1913 гг., что вызвано увеличением отправления после ремонта примерно на треть.

Основной интерес в данном случае — как это отразилось на географической структуре сбыта.

Как можно видеть из таблиц 4.31 и 4.31а, основные направления сбыта завода достаточно стабильны, хотя рынок и здесь не был застывшим.

Анализ региональной таблицы сбыта в данном случае лишь подтверждает весьма высокую концентрацию сбыта рафинада этого завода.

Особо следует отметить рост СГП Приуральского (с 2 до 93 тыс. пуд.) и Средне-Волжского (с 48 до 153 тыс. пуд.) районов. По существу, в течение всего рассматривае-

Таблица 4.30. Рынок сбыта Гниванского завода

Губернии	Годы												Сумма		Средние	
	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1902–1905	1906–1913	1902–1905	1906–1913
Архангельская					2	4			3		8	3	0	20	0	3
Олонецкая											6	15				
Вологодская				17	37	40	31	26	35	45	39	68	17	321	4	40
Район				**17**	**39**	**44**	**31**	**26**	**38**	**45**	**53**	**86**	**17**	**362**	**4**	**45**
Пермская			3	3	59	114	64	60	39	14	39	9	6	398	2	50
Вятская					8	17	19	14	41	78	109	62	0	348	0	44
Район			**3**	**3**	**67**	**131**	**83**	**74**	**80**	**92**	**148**	**71**	**6**	**746**	**2**	**93**
Петербургская	27	14	90	54	104	55	20	64	40	37	37	32	185	389	46	49
Псковская		6	6	10	3	10	6	5	6	2	3	8	22	43	6	5
Новгородская					2	12	3		4	6	13	18	0	58	0	7
Район	**27**	**20**	**96**	**64**	**109**	**77**	**29**	**69**	**50**	**45**	**53**	**58**	**207**	**490**	**52**	**61**
Эстляндская					2	7	2			1	3		0	15	0	2
Курляндская						1		2		3			0	6	0	1
Лифляндская	2			3	11	43	24	23	26	35	34	32	5	228	1	29
Район	**2**			**3**	**13**	**51**	**26**	**25**	**26**	**39**	**37**	**32**	**5**	**249**	**1**	**31**
Ковенская		4	3		4	11	10	2					7	27	2	3
Виленская			4	10	2	6	6	3	4	7			14	28	4	4
Гродненская	6	6	3	3	5	5	11	9	13	13	4	4	18	64	5	8
Район	**6**	**10**	**10**	**13**	**11**	**22**	**27**	**14**	**17**	**20**	**4**	**4**	**39**	**119**	**10**	**15**
Витебская	1		3			2	2	1	2		3	14	4	24	1	3
Минская	6	6	4		2	6	1	3	6	2		36	16	56	4	7
Район	**7**	**6**	**7**		**2**	**8**	**3**	**4**	**8**	**2**	**3**	**50**	**20**	**80**	**5**	**10**
Московская					2	1	1						0	4	0	1
Владимираская			13	15	25	36	15	9	8	7	15	17	28	132	7	17

Костромская			7	12	17	21	9	14	11	23	24	10	19	129	5	16
Тверская			3	3	14	15	6	5	2	4	14	13	6	73	2	9
Ярославская	2		10	24	34	33	8	21	22	23	10	8	36	159	9	20
Район	**2**		**33**	**54**	**92**	**106**	**39**	**49**	**43**	**57**	**63**	**48**	**89**	**497**	**22**	**62**
Рязанская			3			2	2					7	3	11	1	1
Тамбовская			6		6	4	1					17	6	28	2	4
Район			**9**		**6**	**6**	**3**					**24**	**9**	**39**	**2**	**5**
Казанская	3	3	9	83	106	48	80	92	47	156	138	172	98	839	25	105
Симбирск.			7	15	20	15	8	4	18	27	36	11	22	139	6	17
Пензенская			11	7	4			1	2	3	2	3	18	15	5	2
Нижегородская	2		31	20	4	1	5	12	41	68	45	57	53	233	13	29
Район	**5**	**3**	**58**	**125**	**134**	**64**	**93**	**109**	**108**	**254**	**221**	**243**	**191**	**1226**	**48**	**153**
Киевская	66	45	45	41	61	84	80	38	11	10	7	15	197	306	49	38
Волынская	50	37	49	55	71	76	60	36	12	10	16	25	191	306	48	38
Подольская	68	37	45	60	91	100	81	63	52	53	76	88	210	604	53	76
Район	**184**	**119**	**139**	**156**	**223**	**260**	**221**	**137**	**75**	**73**	**99**	**128**	**598**	**1216**	**150**	**152**
Бессарабская	72	54	53	50	70	70	57	50	44	47	47	57	229	442	57	55
Херсонская	399	364	265	242	273	395	362	380	251	417	461	395	1270	2934	318	367
Таврическая		8	25	5	20		8						38	28	10	4
Район	**471**	**426**	**343**	**297**	**363**	**465**	**427**	**430**	**295**	**464**	**508**	**452**	**1537**	**3404**	**385**	**426**
Самарская			24	40	37	33	24	14	22	13	34	4	64	181	16	23
Саратовская		6	49	93	88	57	53	44	18	23	29	24	148	336	37	42
Оренбургская	20	9	37	41	81	93	49	50	57	106	90	43	107	569	27	71
Уфимская	6	6	43	34	57	51	43	34	32	18	23	12	89	270	22	34
Район	**26**	**21**	**153**	**208**	**263**	**234**	**169**	**142**	**129**	**160**	**176**	**83**	**408**	**1356**	**102**	**170**
Кубанская					6	8	3		2	1		20	0	40	0	5
Терская			5		9	27	7	3	1	2	1	55	5	105	1	13
Ставропольская					6	3	1	1				11	0	22	0	3

Район			**5**		**21**	**38**	**11**	**4**	**3**	**3**	**1**	**86**	**5**	**167**	**1**	**21**
Польша		**18**				**5**	**5**	**8**		**65**	**26**	**18**	**18**	**127**	**5**	**16**
Тобольская					36	25	23	17	21	15	29	8	0	174	0	22
Томская				10	68	33	69	58	48	42	43	15	10	376	3	47
Акмолинская					15	27	36	28	20	11	19	7	0	163	0	20
Енисейская					23	6	16	13	31	10	1	5	0	105	0	13
Иркутская					24	13	6				2	1	0	46	0	6
Забайкальская					7	8	6		3	3	2	3	0	32	0	4
Район				**10**	**173**	**112**	**156**	**116**	**123**	**81**	**96**	**39**	**10**	**896**	**3**	**112**
Уральская			13	17	30	15	5		7	2	6	13	30	78	8	10
Тургайская					3	2					2	2	0	9	0	1
Район			**13**	**17**	**33**	**17**	**5**		**7**	**2**	**8**	**15**	**30**	**87**	**8**	**11**
Дагестанская	29	16	5	4	12	3							54	15	14	2
Бакинская	158	206	160	75	45	160	175	212	137	207	353	333	599	1622	150	203
Кутаисская	14	17	19	4	13	27	10	15	10	19	26	27	54	147	14	18
Эриванская	162	227	228	113	135	187	213	102	61	122	110	124	730	1054	183	132
Карсская	8	3	3			1				3	1		14	5	4	1
Елисаветпольская	122	20	31	21	48	16	12	23	4	38	26	43	194	210	49	26
Тифлисская	54	32	29	10	9	15	8	7	3	15	17	28	125	102	31	13
Район	**547**	**521**	**475**	**227**	**262**	**409**	**418**	**359**	**215**	**404**	**533**	**555**	**1770**	**3155**	**443**	**394**
Закаспийская	96	112	37	16			3	4	1	3	25	59	261	95	65	12
Самарканд	3							4			8		3	12	1	2
Сыр-Дарьинская	4	19			1	1	7	11					23	20	6	3
Ферганская	14	29					1	11	22				43	34	11	4
Район	**117**	**160**	**37**	**16**	**1**	**1**	**11**	**30**	**23**	**3**	**33**	**59**	**330**	**161**	**83**	**20**
КВЖД			**15**	**32**									**47**	**0**	**12**	**0**
Приморская	**7**			**4**	**4**		**17**						**11**	**21**	**3**	**3**
Всего	**1401**	**1304**	**1396**	**1246**	**1816**	**2050**	**1774**	**1596**	**1240**	**1809**	**2062**	**2051**	**5347**	**14398**	**1337**	**1800**

Таблица 4.31. Региональная структура сбыта рафинада Гниванского завода (тыс. пуд.)

Район	1902 тыс. пуд.	1903 тыс. пуд.	1904 тыс. пуд.	1905 тыс. пуд.	1906 тыс. пуд.	1907 тыс. пуд.	1908 тыс. пуд.	1909 тыс. пуд.	1910 тыс. пуд.	1911 тыс. пуд.	1912 тыс. пуд.	1913 тыс. пуд.	Сумма		СГП	СГП
													1902–1905	1906–1913	1902–1905	1906–1913
Северный				17	39	44	31	26	38	45	53	86	17	362	4	45
Приуральский			3	3	67	131	83	74	80	92	148	71	6	746	2	93
Приозерный	27	20	96	64	109	77	29	69	50	45	53	58	207	490	52	61
Прибалтийский	2			3	13	51	26	25	26	39	37	32	5	249	1	31
Литовский	6	10	10	13	11	22	27	14	17	20	4	4	39	119	10	15
Белорусский	7	6	7		2	8	3	4	8	2	3	50	20	80	5	10
ЦПР	2		33	54	92	106	39	49	43	57	63	48	89	497	22	62
ЦЧР			9		6	6	3					24	9	39	2	5
Средневолжский	5	3	58	125	134	64	93	109	108	254	221	243	191	1226	48	153
Юго-Западный	184	119	139	156	223	260	221	137	75	73	99	128	598	1216	150	152
Новороссийский	471	426	343	297	363	465	427	430	295	464	508	452	1537	3404	384	426
Нижневолжский	26	21	153	208	263	234	169	142	129	160	176	83	408	1356	102	170
Предкавказский			5		21	38	11	4	3	3	1	86	5	167	1	21
Польша		18				5	5	8		65	26	18	18	127	5	16
Сибирь				10	173	112	156	116	123	81	96	39	10	896	3	112
Степной			13	17	33	17	5		7	2	8	15	30	87	8	11
Кавказ	547	521	475	227	262	409	418	359	215	404	533	555	1770	3155	443	394
Туркестан	117	160	37	16		1	11	30	23	3	33	59	330	160	83	20
КВЖД			15	32									47	0	12	0
Дальний Восток	7			4	4		17						11	21	3	3
Всего	**1401**	**1304**	**1396**	**1246**	**1816**	**2050**	**1774**	**1596**	**1240**	**1809**	**2062**	**2051**	**5347**	**14398**	**1337**	**1800**

Таблица 4.31а. То же в процентах

Район	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	Сумма	
	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	1902–1905	1906–1913
Северный				1,4	2,1	2,1	1,7	1,6	3,1	2,5	2,6	4,2	0,3	2,5
Приуральский			0,2	0,2	3,7	6,4	4,7	4,6	6,5	5,1	7,2	3,5	0,1	5,2
Приозерный	1,9	1,5	6,9	5,1	6,0	3,8	1,6	4,3	4,0	2,5	2,6	2,8	3,9	3,4
Прибалтийский	0,1		0,0	0,2	0,7	2,5	1,5	1,6	2,1	2,2	1,8	1,6	0,1	1,7
Литовский	0,4	0,8	0,7	1,0	0,6	1,1	1,5	0,9	1,4	1,1	0,2	0,2	0,7	0,8
Белорусский	0,5	0,5	0,5		0,1	0,4	0,2	0,3	0,6	0,1	0,1	2,4	0,4	0,6
ЦПР	0,1		2,4	4,3	5,1	5,2	2,2	3,1	3,5	3,2	3,1	2,3	1,7	3,5
ЦЧР			0,6		0,3	0,3	0,2					1,2	0,2	0,3
Средневолжский	0,4	0,2	4,2	10,0	7,4	3,1	5,2	6,8	8,7	14,0	10,7	11,8	3,6	8,5
Юго-Западный	13,1	9,1	10,0	12,5	12,3	12,7	12,5	8,6	6,0	4,0	4,8	6,2	11,2	8,4
Новороссийский	33,6	32,7	24,6	23,8	20,0	22,7	24,1	26,9	23,8	25,6	24,6	22,0	28,7	23,6
Нижневолжский	1,9	1,6	11,0	16,7	14,5	11,4	9,5	8,9	10,4	8,8	8,5	4,0	7,6	9,4
Предкавказский			0,4		1,2	1,9	0,6	0,3	0,2	0,2		4,2	0,1	1,2
Польша		1,4				0,2	0,3	0,5		3,6	1,3	0,9	0,3	0,9
Сибирь				0,8	9,5	5,5	8,8	7,3	9,9	4,5	4,7	1,9	0,2	6,2
Степной			0,9	1,4	1,8	0,8	0,3		0,6	0,1	0,4	0,7	0,6	0,6
Кавказ	39,0	40,0	34,0	18,2	14,4	20,0	23,6	22,5	17,3	22,3	25,8	27,1	33,1	21,9
Туркестан	8,4	12,3	2,7	1,3			0,6	1,9	1,9	0,2	1,6	2,9	6,2	1,1
КВЖД			1,1	2,6									0,9	
Дальний Восток	0,5			0,3	0,2		1,0						0,2	0,1
Всего	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**

Таблица 4.32. Главные потребители продукции Гниванского завода

Станции	Губернии	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Няндома	Олонецкая											6	15
Вологда	Вологодская				17	34	38	29	22	32	42	27	57
Вятка	Вятская								9	21	47	79	49
Котельнич	Вятская					4	2	3	3	12	24	16	9
Пермь	Пермская					16	43	26	14	12	0	10	1
Екатеринбург	Пермская			3	3	35	28	20	26	14	7		
Кунгур	Пермская								12	5	1	12	3
Камышлов	Пермская					8	11	4	3	2	2	4	
Петербург	Петербургская	27	14	90	54	101	55	18	64	40	37	35	24
Череповец	Новгород.							1	3	4	6	13	11
Псков	Псковская		6	6	10	3	9	4	4	6	2		5
Рига	Лифляндская					4	20	6	18	19	27	22	22
Вильна	Виленская			4	10	2	4	3			3		
Рыбинск	Ярославская				8	7	12	5	7	15	22	10	8
Ярославль	Ярославская	2		10	16	26	20	3	14	7	1		
Иваново	Владимирская			9	8	9	13	7	6	4	5	9	17
Бежецк	Тверская						2	1	2	2	4	14	9
Свияжск	Казанская											18	
Казань	Казанская	3	3	9	83	104	48	77	92	47	156	120	172
Симбирск	Симбирская			7	15	7	6	8	2	4	10	23	7
Н. Новгород	Нижегородская	2		31	20	4	1	5	11	37	68	42	57
Пенза	Пензенская			11	7	4							3
Саратов	Саратовская		6	31	57	30	26	19	11	4	9	9	16
Вольск	Саратовская			6	10	13	8	11	11	5	4	12	8
Царицын	Саратовская			5	12	15	7	4	12		2		
Уфа	Уфимская	6	6	36	29	44	43	37	27	18	11	18	12
Самара	Самарская			12	16	15	8	7	5	6	13	13	4
Оренбург	Оренбургская	2	3	32	41	49	47	14	17	22	70	51	27
Миасс	Оренбургская	18	6			13	16	12	16	8	5	11	12
Полетаево	Оренбургская										6	16	
Челябинск	Оренбургская					7	20	11	5	15	7	3	1
Мишкино	Оренбургская					2	7	8	12	12	15	9	3
Уральск	Уральская			13	17	30	15	5		7	2	6	13
Одесса	Херсонская	388	355	261	242	255	388	355	379	235	410	457	391
Кишинев	Бессарабская	24	20	20	18	32	20	14	20	18	18	26	32
Ларга	Бессарабская	10	11	10	11	8	15	9	4				
Бельцы	Бессарабская	11	8	7	8	6	9	9	9	2	10	7	5
Керчь	Таврическая		8	25	5	20		8					
Бердичев	Киевская	4		3	4	6	8	8	7	4	5	3	11
Киев	Киевская	42	37	30	27	24	25	30	11				1
Бровки	Киевская			3	4	5	8	12	4				
Могилев-Под.	Подольская	9	5	7	11	13	12	8	9	6	4	6	8

Станции	Губернии	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Жмеринка	Подольская	8	6	4	4	7	8	9	9	10	9	9	10
Проскуров	Подольская	24	23	19	28	29	33	19	14	14	6	10	21
Каменец-Под.	Подольская							4		8	13	14	
Винница	Подольская	4		5	6	6	6	8	12	4	8	18	20
Ровно	Волынская	12	12	12	12	13	11	13	7	1		1	1
Луцк	Волынская	4	5	7	10	13	9	11	6	1	2		8
Волочиск	Волынская	3	6	8	8	16	14	10	8	2	2	5	6
Житомир	Волынская	13	7	18	19	7		3					
Домбр.-Горная	Петроковская										14	14	3
Варшава	Варшавская		11								3		3
Петровск	Дагестанская	25	12	5	4	9							
Батум	Кутаисская	3	8	9		5	15		2				
Кутаис	Кутаисская	11	9	10	4	4	8	5	13	10	19	22	20
Боржом	Тифлисская	5									1	12	3
Тифлис	Тифлисская	49	32	29	10	9	15	8	7	3	14	5	25
Караклис	Эриванская	4	9	6		2	8	14	7	2	2		
Александроп.	Эриванская	146	12		5			2	3		4		5
Джульфа	Эриванская							170	77	50	73	96	113
Эривань	Эриванская	12	206	219	108	97	32	27	13	7	17	8	1
Шахтахты	Эриванская									2	18	6	4
Улуханлу	Эриванская					36	147		1				
Акстафа	Елисаветпол.	70						1	3	1	2		
Елисаветполь	Елисаветпол.	14	6	10	5	7	3		3	1	9	3	2
Еклах	Елисаветпол.	30	14	21	16	3	10	7	9	1	16	11	27
Ляки	Елисаветпол.	4				2	1		5	1	7	10	14
Баку	Бакинская	158	206	160	75	45	158	174	206	137	196	347	322
Омск	Тобольская					14	10	5	5	6	2	8	2
Курган	Тобольская					11	5	5	6	8	6	6	3
Петропавловск	Акмолинская					15	25	35	25	20	7	19	7
Новоникол.	Томская								15	15	11	10	6
Томск	Томская					12		13	22	17	11	6	3
Каинск	Томская					18	12	11	9		13	14	
Обь	Томская					19	12	24					
Ачинск	Енисейская					14	4	7	5	26	4		
Иркутск	Иркутская					11	9	5			1	1	1
Харбин	КВЖД			15	30								
Владивосток	Приморская	2			4	4		17					
Коканд	Ферганская	8	29						9	10			
Андижан	Ферганская		5							11			
Асхабад	Закаспийская	67	51		8							12	32
Душак	Закаспийская	9	33									9	19
Чарджуй	Закаспийская	18	28	37	8			3	4		3	2	4
Ташкент	Сыр-Дарьинская						1	7	10				

мого периода главными потребителями продукции завода были Одесса, Баку, Казань и один из пунктов в Эриванской губернии, через которые шел прежде всего вывоз в Турцию (с 1908 г. Джульфа, а до этого — Александрополь, Эривань или Улуханлу), Петербург и некоторые другие. Остальной сахар распределялся между десятками средних и мелких станций. Здесь явно иной тип сбытовой схемы, чем у Павловского и Корюковского заводов.

МИХАЙЛОВСКИЙ ЗАВОД (Черниговская губерния)

Михайловский завод принадлежал Т-ву бр. Терещенко, одной из самых известных семейных фирм в сахарной промышленности. Акции товарищества делились между несколькими близкими родственниками. Управлял им Б. И.Ханенко, одна из наиболее колоритных личностей среди разноплеменного конгломерата сахарозаводчиков, который сам по себе был мечтой настоящего романиста.

Из таблицы 4.33 следует, что в 1902–1904 гг. завод в среднем отправлял 832 тыс. пуд., в 1905–1906 гг. (после пожара) — 175 тыс. пуд., а в 1907–1913 гг. — 2100 тыс. пуд., став одним из лидеров отрасли. Полагаю, сопоставление данных за периоды в данном случае не слишком корректно в силу очень резкого увеличения объема производства завода, начиная с 1907 г., которое, как можно видеть, куда значительнее, чем то, которое имело место у Павловского завода. Поэтому данные о среднегодовом отправлении в 1902–1904 и 1907–1913 гг. имеют в основном справочный характер. 1907–1913 гг. разделены на два периода: 1907–1909 и 1910–1913 гг. в соответствии с динамикой отправления рафинада. В первом из них среднегодовое отправление составляло 1706 тыс. пуд., а во втором — 2395 тыс. пуд. Такое деление позволяет, возможно, судить о том, как завод осваивал рынок после радикального увеличения мощности производства.

Вопрос размещения товарной массы в условиях возросшей конкуренции стоял остро перед всеми предприятиями. Поэтому завод «завоевывал» новые рынки.

Таблица регионального сбыта 4.32а показывает, что в 1902–1904 гг. основная часть сахара завода сбывалась в ЦЧР (20,6%), Нижневолжском (12,6%), Приозерном (11,5%) и Приуральском (9,7%) районах Европейской России. В Сибирь отправлялось 21,8%, на Кавказ — 12,4% рафинада завода. В 1907–1913 гг. «акценты» сбыта существенно сместились, если судить по относительным показателям. Теперь из Европейских регионов первым стал ЦПР (15,8%), затем шли Нижневолжский (10,8%), Приозерный (9,2%), ЦЧР (7,8%), Приуральский (7,1%), Белорусский (4,3%). Однако в большинстве случаев снижение этих показателей сопровождалось таким **увеличением** абсолютных размеров ввоза в эти регионы, что делает эти заключения весьма условными. Это как раз тот случай, когда относительные данные играют формальную роль.

Другое дело — сопоставление сведений за 1907–1909 гг. и 1910–1913 гг. Среднегодовое отправление во втором периоде на 689 тыс. пуд., т. е. на 40,4%, выше, чем в первом. Это — величина годового производства Михайловского завода на рубеже XIX–XX в. Наиболее заметным является относительное падение в 1910–1913 гг. среднегодовых перевозок в Нижневолжский район (на 5,6%) и ЦЧР (на 4,4%). Однако по абсолютной величине они снизились лишь на 35 и 32 тыс. пуд. соответственно. Наи-

Таблица 4.33. Рынок сбыта Михайловского завода

Губернии	Годы												Сумма		Средняя	
	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1907–1909	1910–1913	1907–1909	1910–1913
Архангельская	2		4			6	6						12	0	4	0
Вологодская	1	1		4		25	17	32	38	32	38	22	74	130	25	33
Район	**3**	**1**	**4**	**4**		**31**	**23**	**32**	**38**	**32**	**38**	**22**	**86**	**130**	**29**	**33**
Пермская	79	76	88	6	6	43	88	156	174	183	186	108	287	651	96	163
Вятская					1	1	8	14	15	11	26	34	23	86	8	22
Район	**79**	**76**	**88**	**6**	**7**	**44**	**96**	**170**	**189**	**194**	**212**	**142**	**310**	**737**	**103**	**184**
Петербургская	51	128	89	21	4	95	224	150	147	183	186	138	469	654	156	164
Новгородская						8	6	11	20	15	44	49	25	128	8	32
Псковская	9	5	6	5		3	24	11	8	4	18	12	38	42	13	11
Район	**60**	**133**	**95**	**26**	**4**	**106**	**254**	**172**	**175**	**202**	**248**	**199**	**532**	**824**	**177**	**206**
Эстляндская						2		8	7	14	4	5	10	30	3	8
Курляндская	2				1	1							1	0	0	0
Лифляндская	5	5	7	4		3		4	4	4			7	8	2	2
Район	**7**	**5**	**7**	**4**	**1**	**6**		**12**	**11**	**18**	**4**	**5**	**18**	**38**	**6**	**10**
Ковенская			4									4	0	4	0	1
Виленская	2											2	0	2	0	1
Гродненская			4									4	0	4	0	1
Район	**2**		**8**									**10**	**0**	**10**	**0**	**3**
Витебская	26	10	11	16		13	31	18	27	15	23	15	62	80	21	20
Могилевская						1							1	0	0	0
Минская	2					4	9	3	3				16	3	5	1
Смоленская	2					37	52	48	68	72	111	86	137	337	46	84
Район	**30**	**10**	**11**	**16**		**55**	**92**	**69**	**98**	**87**	**134**	**101**	**216**	**420**	**72**	**105**
Московская	1			4		25	10	2	2	15	45	47	37	109	12	27
Владимирская						23	19	12	41	29	40	16	54	126	18	32
Костромская						23	12	8	71	26	84	50	43	231	14	58
Тверская					1	28	46	61	90	73	148	76	135	387	45	97
Ярославская						45	42	83	138	74	137	100	170	449	57	112

Калужская					3	39	68	70	87	89	132	102	177	410	59	103
Район	**1**			**4**	**4**	**183**	**197**	**236**	**429**	**306**	**586**	**391**	**616**	**1712**	**205**	**428**
Тульская						5	8	5	12	3	12	10	18	37	6	9
Рязанская	1					4	6						10	0	3	0
Орловская	25	52	46	5	10	77	81	80	91	100	145	109	238	445	79	111
Тамбовская	25	25	40	20	3	64	54	39	29	17	21	18	157	85	52	21
Курская	61	45	33	11	3	13	9	4	1		5	4	26	10	9	3
Воронежская	48	57	56	13	3	46	37	14	11	1	6	4	97	22	32	6
Район	**160**	**179**	**175**	**49**	**19**	**209**	**195**	**142**	**144**	**121**	**189**	**145**	**546**	**599**	**182**	**150**
Симбирская	17	11	9		2	30	31	48	35	28	46	35	109	144	36	36
Казанская	1												0	0	0	0
Нижегородская	42					4	9	4	7	32	59	7	17	105	6	26
Район	**60**	**11**	**9**		**2**	**34**	**40**	**52**	**42**	**60**	**105**	**42**	**126**	**249**	**42**	**62**
Черниговская	12	14	13		2	25	24	34	39	45	63	64	83	211	28	53
Полтавская					3		5	8	7	2	4	6	13	19	4	5
Харьковская	4	4					7						7	0	2	0
Район	**16**	**18**	**13**		**5**	**25**	**36**	**42**	**46**	**47**	**67**	**70**	**103**	**230**	**34**	**58**
Херсонская	1												0	0	0	0
Донская	9	14	10	10		17	13	7	2	12		1	37	15	12	4
Екатеринославская						1							1	0	0	0
Таврическая							3		12				3	12	1	3
Район	**10**	**14**	**10**	**10**		**18**	**16**	**7**	**14**	**12**		**1**	**41**	**27**	**14**	**7**
Астраханская							7						7	0	2	0
Самарская	24	22	11		4	127	83	71	88	63	84	75	281	310	94	78
Саратовская	34	28	18	11		38	45	38	41	22	53	17	121	133	40	33
Оренбургская	37	33	32	6	4	44	50	73	58	25	77	44	167	204	56	51
Уфимская	26	21	29		7	75	44	45	49	40	61	51	164	201	55	50
Район	**121**	**104**	**90**	**17**	**15**	**284**	**229**	**227**	**236**	**150**	**275**	**187**	**740**	**848**	**247**	**212**
Ставропольская		3					1	9	19	13	2		10	34	3	9
Кубанская							4	19	33	15	5		23	53	8	13

Терская		3				8	5		5	7			13	12	4	3
Район		**6**				**8**	**10**	**28**	**57**	**35**	**7**		**46**	**99**	**15**	**25**
Польша		4											0	0	0	0
Тобольская	23	8	4			22	10	33	40	41	37	62	65	180	22	45
Томская	152	74	76	13	15	142	85	163	217	154	134	169	390	674	130	169
Акмолинская	43	23	19		1	54	36	48	95	43	60	70	138	268	46	67
Енисейская	13	18	12		1	48	46	53	81	85	95	50	147	311	49	78
Иркутская	23	11	37	17	57	30	36	30	85	49	50	119	96	303	32	76
Забайкальская	2	6				6	57	45	15	19	32	20	108	86	36	22
Район	**256**	**140**	**148**	**30**	**74**	**302**	**270**	**372**	**533**	**391**	**408**	**490**	**944**	**1822**	**315**	**456**
Семипал.	6												0	0	0	0
Уральская	8		9			12	5	1	8	4	23	5	18	40	6	10
Тургайская							3		9	4			3	13	1	3
Район	**14**		**9**			**12**	**8**	**1**	**17**	**8**	**23**	**5**	**21**	**53**	**7**	**13**
Дагестанская		35	5		13				13	11	1		0	25	0	6
Бакинская	1	174	89	24		123	318	7	194	103	148	62	448	507	149	127
Кутаисская				3									0	0	0	0
Эриванская		6					8	20	26	53	41		28	120	9	30
Карсская									5	11	6		0	22	0	6
Елисаветпольск.									12	24	1		0	37	0	9
Район	**1**	**215**	**94**	**27**	**13**	**123**	**326**	**27**	**250**	**202**	**197**	**62**	**476**	**711**	**159**	**178**
Закаспийская						32	4			4		26	36	30	12	8
Самаркандская											4	8	0	12	0	3
Ферганская					2			11	15	17	39	48	11	119	4	30
Сыр-Дарьинская				4		5	2	12	36	26	64	63	19	189	6	47
Район				**4**	**2**	**37**	**6**	**23**	**51**	**47**	**107**	**145**	**66**	**350**	**22**	**88**
КВЖД				8		3	11	46					60	0	20	0
Приморская							18	22	184	76	219	242	40	721	13	180
Район				**8**		**3**	**29**	**68**	**184**	**76**	**219**	**242**	**100**	**721**	**33**	**180**
Рус. порты								**130**					**130**	**0**	**43**	**0**
Всего	**820**	**916**	**761**	**205**	**146**	**1480**	**1827**	**1810**	**2514**	**1988**	**2819**	**2259**	**5117**	**9580**	**1706**	**2395**

Таблица 4.34. Региональная структура сбыта Михайловского завода (тыс. пуд.)

Район	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1902-1904	1907-1909	1910-1913	Средние		
																1902–1904	1907–1909	1910–1913
Северный	3	1	4	4		31	23	32	38	32	38	22	8	86	130	3	29	33
Приуральский	79	76	88	6	7	44	96	170	189	194	212	142	243	310	737	81	103	184
Приозерный	60	133	95	26	4	106	254	172	175	202	248	199	288	532	824	96	177	206
Прибалтийский	7	5	7	4	1	6		12	11	18	4	5	19	18	38	6	6	9,5
Литовский	2		8									10	10	0	10	3	0	2,5
Белорусский	30	10	11	16		55	92	69	98	87	134	101	51	216	420	17	72	105
ЦПР	1			4	4	183	197	236	429	306	586	391	1	616	1712	0	205	428
ЦЧР	160	179	175	49	19	209	195	142	144	121	189	145	514	546	599	171	182	150
Средневолжский	60	11	9		2	34	40	52	42	60	105	42	80	126	249	27	42	62
Малороссийский	16	18	13		5	25	36	42	46	47	67	70	47	103	230	16	34	58
Новороссийский	10	14	10	10		18	16	7	14	12		1	34	41	27	11	14	7
Нижневолжский	121	104	90	17	15	284	229	227	236	150	275	187	315	740	848	105	247	212
Предкавказье		6				8	10	28	57	35	7		6	46	99	2	15	25
Польша		4											4	0	0	1	0	0
Сибирь	256	140	148	30	74	302	270	372	533	391	408	490	544	944	1822	181	315	456
Степной	14		9			12	8	1	17	8	23	5	23	21	53	8	7	13
Кавказ	1	215	94	27	13	123	326	27	250	202	197	62	310	476	711	103	159	178
Средняя Азия				4	2	37	6	23	51	47	107	145	0	66	350	0	22	88
Дальний Восток				8		3	29	68	184	76	219	242	0	100	721	0	33	180
Рус. порт								130					0	130	0	0	43	0
Всего	**820**	**916**	**761**	**205**	**146**	**1480**	**1827**	**1810**	**2514**	**1988**	**2819**	**2259**	**2497**	**5117**	**9580**	**832**	**1706**	**2395**

Таблица 4.34а. То же в процентах

Район	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1902–1904	1907–1909	1910–1913
Северный	0,4	0,1	0,5	2		2,1	1,3	1,8	1,5	1,6	1,3	1,0	0,3	1,7	1,4
Приуральский	9,6	8,3	12	2,9	4,8	3	5,3	9,4	7,5	9,8	7,5	6,3	9,7	6,1	7,7
Приозерный	7,3	15	12	13	2,7	7,2	14	9,5	7	10	8,8	8,8	11,5	10,4	8,6
Прибалтийский	0,9	0,5	0,9	2	0,7	0,4		0,7	0,4	0,9	0,1	0,2	0,8	0,4	0,4
Литовский	0,2		1,1									0,4	0,4	0	0,1
Белорусский	3,7	1,1	1,4	7,8		3,7	5	3,8	3,9	4,4	4,8	4,5	2	4,2	4,4
ЦПР	0,1			2	2,7	12	11	13	17	15	21	17,3	0,04	12	17,9
ЦЧР	20	20	23	24	13	14	11	7,8	5,7	6,1	6,7	6,4	20,6	10,7	6,3
Средневолжский	7,3	1,2	1,2		1,4	2,3	2,2	2,9	1,7	3	3,7	1,9	3,2	2,5	2,6
Малороссийский	2	2	1,7		3,4	1,7	2	2,3	1,8	2,4	2,4	3,1	1,9	2	2,4
Новороссийский	1,2	1,5	1,3	4,9		1,2	0,9	0,4	0,6	0,6		0,0	1,4	0,8	0,3
Нижневолжский	15	11	12	8,3	10	19	13	13	9,4	7,5	9,8	8,3	12,6	14,5	8,9
Предкавказье		0,7				0,5	0,5	1,5	2,3	1,8	0,2		0,2	0,9	1
Польша		0,4											0,2	0	0
Сибирь	31	15	19	15	51	20	15	21	21	20	14	21,7	21,8	18,4	19
Степной	1,7		1,2			0,8	0,4	0,1	0,7	0,4	0,8	0,2	0,9	0,4	0,6
Кавказ	0,1	23	12	13	8,9	8,3	18	1,5	9,9	10	7	2,7	12,4	9,3	7,4
Средняя Азия				2	1,4	2,5	0,3	1,3	2	2,4	3,8	6,4	0	1,3	3,7
Дальний Восток				3,9		0,2	1,6	3,8	7,3	3,8	7,8	10,7	0	2	7,5
Рус. порт								7,2					0	2,5	0
Всего	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**

большее увеличение отправления отмечается в ЦПР — 223 тыс. пуд., Дальний Восток — 147 тыс. пуд. и Сибирь — 141 тыс. пуд., Приуралье — 81 тыс. пуд. а в сумме на них пришлось 592 тыс. пуд., или 85,9% указанного прироста среднегодового отправления. Это говорит о непрекращающихся попытках фирмы найти оптимальные варианты сбыта.

Конкретно это выразилось в наращивании среднегодовых перевозок в Пермскую губернию (с 96 до 163 тыс. пуд.), а также Вятскую (с 8 до 22 тыс. пуд.), Новгородскую (с 8 до 32 тыс. пуд.), Смоленскую (с 46 до 84 тыс. пуд.), Костромскую (с 14 до 58 тыс. пуд.), Тверскую (с 45 до 97 тыс. пуд.), Ярославскую (с 57 до 112 тыс. пуд.), Калужскую (с 59 до 103 тыс. пуд.), Орловскую (с 79 до 111 тыс. пуд.), Черниговскую (с 28 до 53 тыс. пуд.), Сибирь (с 315 до 456 тыс. пуд.), Ферганскую (с 4 до 30 тыс. пуд.), Сыр-Дарьинскую (с 6 до 47 тыс. пуд.) и Приморскую (с 13 до 180 тыс. пуд.).

* * *

Подведем некоторые итоги. Мы видели, как достаточно стабильные рынки (например, Корюковского и Гниванского заводов), так и случаи серьезного изменения сбытовых схем (Павловский и Михайловский заводы).

Здесь возникает самый важный вопрос. О чем говорит степень инертности рынка или, что то же самое, — его подвижности?

Что стоит за изменением географии сбыта?

До сих пор мы неявно исходили из предположения, что тому виной конкуренция, но так ли это? Или, по крайней мере, так ли это всегда? Меняются ли направления сбыта из-за конкуренции, или из-за поисков новых более выгодных рынков сбыта, или мы имеем дело просто с естественной ситуацией, когда резко увеличившему свою мощность (как и новому) заводу нужно просто куда-то «сбросить» свой сахар?

Вопросы, конечно, требуют ответов.

Для этого необходимо решить две задачи. Главная — это определение степени зависимости сбыта от географического положения завода. Вспомогательная — исследование организации торговли рафинадом. И начнем мы именно с нее.

§ 4.3. ОРГАНИЗАЦИЯ ТОРГОВЛИ РАФИНАДОМ

Наши сюжеты нельзя изучать, не имея хотя бы общего представления о системе торговли рафинадом. Сахар как продукт массового потребления был товаром со слабой концентрацией спроса. Сбыт его осуществлялся в следующих основных формах: продажа сахара непосредственно с заводов по заказам, присланным в заводоуправление, продажа через систему заводских складов и заводских агентов в разных районах страны, и комиссионная продажа через разного типа посредников — от полуграмотных торговцев, которые кажутся персонажами Бабеля и Зощенко, до крупнейших банков России. Функциональное различие между этими формами в основном заключалось в

размерах ответственности за кредитные продажи. Таким образом, рафинадный рынок России начала XX в. сочетал черты как рынка прямой, непосредственной продажи, так и непрямой, опосредованной.

Понятно, насколько важной при организации торговли была постановка дела.

Образцовой считалась складская система Бродских. Например, Ташкентская контора Александровского товарищества была организована следующим образом. География ее деятельности охватывала огромное пространство от Асхабада до Андижана по Среднеазиатской железной дороге и до Актюбинска по Ташкентской, а также все Семиречье, Бухару, Хиву и Афганистан. Помимо двух представителей в Ташкенте, которые не менее двух раз в месяц объезжали указанный регион, имелись артельщики при складах в Чарджуе, Коканде, Самарканде, Асхабаде и Андижане. Все служащие — от заведующего до артельщиков — свободно владели местными языками, что, безусловно, являлось значительным преимуществом. Т-во продавало часть сахара и помимо конторы через своих крупных покупателей-комиссионеров, отчитывавшихся перед конторой за свои продажи векселями покупателей, параллельно выдавая на ту же сумму вексельные бланки за своей подписью. Например, самаркандский Торговый Дом Бр. Ризаевых подобным образом кредитовался иногда на сотни тысяч рублей[2].

А вот пример совсем иной организации дела, содержащийся в характеристике деятельности Курского склада Марьинского товарищества сахарных заводов: «Т-во кроме складов в Курске и Баку других складов не имеет, и в этом его громадный плюс. Бакинский склад необходимо должен остаться, т. к. с ним связан вывоз рафинада в Персию, но обращаю Ваше внимание, что этот склад в течение 3 или 4 лет никем не ревизовался, и что необходимо на месте ознакомиться, насколько рационально поставлено там дело и ознакомиться с кредитоспособностью покупателей...

Что же касается Курского склада, то его существование не является необходимостью для Т-ва, и кроме того он, по крайней мере при существующей постановке, является убыточным для Т-ва. За прошлый год Курским складом было продано всего ок. 4 тыс. пуд. рафинада при расходе 7600 р., что составляет ок. 19 коп. на пуд. Цифра сама по себе чрезвычайно большая, прибавляя к этому фрахт 8 коп. и комиссию агенту 3 коп., расход на пуд выразится в сумме 30 к., средняя годовая цена Курска склад 5 р.10 к. за вычетом расходов 30 к. составит 4,80 р., между тем как средняя годовая цена для всего проданного в 1907/8 г. рафинада за вычетом расходов, составляет 4 р. 84,5 коп. И при этом надо принимать во внимание, что Курск — ближайший город к нашему заводу и там, в особенности при мелкой продаже мы могли бы выручать по крайней мере на 10 коп. дороже, чем в других местах. По этим соображениям я считаю существование Курского склада убыточным и нахожу, что он может быть закрыт. Продажу в Курске при известной постановке может легко производить непосредственно завод»[3].

Наиболее разветвленной была складская сеть тех же Бродских. Склады Александровского и Корюковского товариществ располагались более чем в 50-ти городах страны от Владивостока до границ польских губерний. Помимо складов, Бродские, как и большинство рафинеров, вели торговлю через комиссионеров и субкомиссионеров, предоставляя иногда право исключительной продажи своего рафинада отдельным мелким торговцам по крайней мере на нескольких станциях Юго-Западных железных дорог.

Организация сбыта имела особое значение для вновь построенных заводов. Решалась эта проблема владельцами в известном уже ключе. Одни заводы сами реализовывали свой сахар, другие ориентировались на комиссионную торговлю, третьи запродавали весь или часть произведенного рафинада «Вогау» а, возможно, и другим оптовикам. На практике перечисленные способы чаще всего сочетались друг с другом.

Для этой темы большой интерес представляет переписка Овсянникова, директора вновь возникшего в 1910 г. Мироновского удельного завода, одного из предприятий «новой волны», с Главным Управлением уделов по вопросам организации торговли продукцией этого предприятия. Общий подход к проблеме формулируется Овсянниковым так:

«Предполагаю для первого года более удобным разделить сбыт рафинада на два рода: 1) сбыт непосредственный, продажа рафинада из завода... 2) сбыт остального рафинада при посредстве представителей, платя за услуги комиссионное вознаграждение, причем риск должен ложиться как на завод, так и на продавца-комиссионера. При этом представители могут принять риск в известной части, и чем она больше, тем больше комиссионное вознаграждение за труд. Чаще других предлагается принятие риска-делькредере в размере 25 % от суммы кредита, которое обеспечивается процентными бумагами или имуществом...

Чем меньше денежной гарантии при продаже, чем больше сахара будет продано чрез посредника и чем дольше период соглашения, тем выгоднее для посредника, тем легче его найти, тем меньше нужно платить за услуги, но при этом получается большой риск для Уделов. Подыскание посредников с имуществом или денежными средствами, гарантирующими получение денег за проданный сахар в возможно большем размере, представлением им продажи только известной части рафинада с ограничением мест продажи, оставляя часть ближайших городов и торговых пунктов для собственной заводской торговли, сокращение срока соглашения до одного года большой размер делькредере — составляет более трудной дело и условия продажи вследствие этого удорожаются, но при этом уменьшается или совершенно исчезает риск для Уделов.

Посредниками могут быть частные лица или банки. Расходы банков как коллегиальных учреждений, передающих исполнительную работу другим лицам от себя и получающих для себя определенный размер прибыли для покрытия возможного риска потери денег, — эти расходы, а следовательно, размер им вознаграждения должны быть больше, чем при соглашении с частными лицами, работающими непосредственно или при помощи своих постоянных агентов-вояжеров... Способ непосредственной торговли... возможен только при мелком производстве для местной продажи, для больших количеств при более широком районе торговли, при собственной торговле потребовалось бы устройство складов в разных городах, точно так же, как делается при торговле Удельными винами и чаями»[4]. Исходя из такого взгляда, Овсянников характеризует некоторые из имевшихся у него предложений о комиссионной торговле сахаром Мироновского завода. Его мнение интересно для нас. Наиболее выгодной представлялась ему кандидатура купца Басса из Дмитриева (Курской губернии), в течение восьми лет торговавшего сахаром Дерюгинского удельного завода, принадлежавшего вел.кн. Михаилу Александровичу: «очевидно, для... Басса не столько важна сумма оборота и получения заработка, сколько доверие Уделов, увеличивающее его кредитоспособность

в других делах. От Дерюгинского завода он имеет всегда условие на один год. Условие это ежегодно повторяется в течение восьми лет, ни в чем не связывая завода в случае желания расторжения соглашения. Относительно Басса у меня имеются положительные данные от Дерюгинского сахарного завода... Мне передана копия условий соглашения с этим представителем, и Басс при переговорах с ним в Мироновке признал возможным принять представительство для Мироновского завода на тех же условиях с увеличением только комиссионного вознаграждения до 1,5 % вместо 1,285 %, такое вознаграждение ему платит Тростянецкий рафинадный завод Кенига»[5].

Другим кандидатом на место представителя по продаже Мироновского завода, был киевлянин Г. Н. Гребень. Он, пишет Овсянников, «до настоящего времени продажей рафинада не состоял (так в док. — *М. Д.*), а состоит представителем по сбыту нефтяных продуктов, каменного угля, табака, мыла, стеариновых свеч, т.е. продуктов, которыми торгуют колониальные лавки и для которых возможен сбыт сахара рафинада. За его солидность говорит его долгое представительство в Т-ве „Нефть“ и других фирм, на которые он указывает в предложении от 6 июля 1910 г. („Лаферм и Жуков“) по 10–12 лет.

Кроме того, Гребень живет в Киеве, ближе к Мироновскому заводу и к району будущего сбыта рафинада, с ним удобнее сношения. Но в других отношениях он менее выгоден, чем Басс; человек малоденежный, могущий представить только 20–25 т. р. и делькредере в размере не полной стоимости, как Басс, а в 25 %, т. е. в случае пропажи долга он будет отвечать в размере одной четверти, а три четверти будут за счет завода.

Гребень принимает на себя продажу рафинада в разных городах, в том числе и в Киеве, оставляя заводу право продавать только в ближайших местечках и в уездных городах, тогда как для завода является полная возможность самому продавать в Киеве и в магазине, продающем Удельные вина и чай, воспользоваться уже готовой организацией... Невыгодным для завода является желание... заключить условие на три года, особенно для первого года, когда завод заключает условие с лицом в первый раз, не зная опытом его личных качеств. Комиссионное вознаграждение Гребень полагает в размере 2–2,5 % (вместо 1,5 % Басса).

Такими же, как Гребень, являются кандидаты на представительство по продаже рафинада фирма „Куржнир и Барабаш“ в Фастове, торгующая маслами общества „Каспийское Т-во“, и В. Н. Рагозина в Москве, точно так же, как и Гребень, торгующая нефтяными продуктами и имеющая дела с бакалейными торговцами.

Такого же характера является предложение представителя по продаже Рамонских конфект И. С. Левина, живущего в Киеве и продающего каменный уголь и не имеющего никакого отношения к торговле сахаром. Он не предлагает никакого залога, но может положить вексель на 10 т. р. неопределенного достоинства, принимая на себя 25 % делькредере, ничем не гарантируя.

Иной характер имеет предложение оптового торговца колониальными товарами к Киеве Ш. В. Горенштейна. Эта фирма существует давно и по ее уверению продает через свои склады до 150 тыс. пуд. рафинада». За комиссию они хотели брать 5 коп. / пуд, при половинном делькредере 10, при полном — 13 коп.[6]

Было несколько других предложений, разнящихся условиями и степенью компетентности соискателей в торговле сахаром. Итак, основные параметры, по которым

оценивались эти предложения были таковы: размер комиссионного вознаграждения, размер принимаемого на себя делькредере, величина предоставляемого залога, обеспечивающего исправность платежей по кредитным продажам, срок, на который заключается договор, и, конечно, репутация будущего представителя, его солидность как торговца.

Серьезные разногласия возникли между директором Овсянниковым и Главным Управлением уделов по вопросу о найме разъездного агента для организации сбыта в ближайшем к заводу районе. В Петербурге считали, что главную часть продукции нужно продавать при посредстве Басса, а оставшуюся реализовывать путем переписки с покупателями «без командирования для сего служащих завода»[7]. При этом Уделы указывали на пример небольшого Рамонского завода, который не имел такого агента. Овсянников, резонно счел это мнение «непонятным». Его аргументы были весомыми: «1. В Тимашевском заводе, кроме складов в разных городах имеются разъездные агенты, несмотря на установившуюся долголетнюю торговлю, что вполне понятно, ибо нельзя вести дела, не будучи в курсе требования рынков, где производится сбыт рафинада. 2. Если подобных агентов в Рамони, то нельзя сравнивать Рамонского завода, действующего больше 10 лет с Мироновским, только начавшим свою деятельность и выступавшим на рынок с своим товаром в первый раз. Кроме того, Рамонский завод имеет уже свой склад и магазин в Воронеже, а Мироновский только начинает дело, и никто не знает его товара, который вначале надо показывать и навязывать торговцам при посредстве или агентов-комиссионеров или разъездного агента, служащего в заводе; 3. Сбыт рафинада посредством переписки может установиться не с первого года, а потом, когда покупатели познакомятся с Мироновским рафинадом, пока же покупатели держатся тех фирм, с которыми установили сношения. Для того, чтобы они перешли к нашей фирме, надо покупателей заинтересовать более выгодным предложением и высоким качеством товара, чего нельзя сделать заочно путем переписки. 4. Централизацию почти всей продажи торговли рафинада в одних руках г. Басса или подобного агента нахожу непрактичной»[8].

На эти доводы Главное Управление отвечало циркуляром от 30 марта 1911 г., в котором отвергало все доводы Овсянникова, полагая, что они являются следствием «недостаточной разработанности» вопроса заводом. Кроме того, руководитель ведомства, генерал-адъютант князь Кочубей, видимо, не сомневавшийся в том, что он лучше Овсянникова разбирается в торговле сахаром, «выразил, что, во-первых, порядок, существующий на Тимашевском и Рамонском заводах, представляет собою далеко не совершенную организацию торговли, и поэтому может быть изменен во всякое время и, во-вторых, что в данном случае следует собственный опыт Мироновского завода предпочесть малоудачным и пробным опытам других заводов»[9] (работавших к этому времени от 10 до 30 лет. — *М. Д.*).

Прав, оказался, конечно, Овсянников. Год оказался убыточным для Мироновского завода в этой части, ибо, писал Овсянников, все свелось к одной-единственной мелкой операции. Между тем такая «продажа очень желательна и наиболее выгодна, так как при ней можно выручить высшие цены, а расходы на усиление такого сбыта незначительны в сравнении с процентным вознаграждением коммисионера. На основа-

нии опыта текущего года считаю долгом выразить свое убеждение в необходимости изменения способа местной продажи рафинада путем распространения его при помощи заводского агента. Стеснением торговли рафинадом убивается развитие рафинадного отделения и практическая польза его существования, ибо при этом нельзя получить надлежащего дохода, что вредит интересам Мироновского завода». В Петербурге, однако, по-прежнему не сомневались в собственном профессиональном знании сахарного рынка и, ссылаясь на отмеченное Овсянниковым вялое настроение рынка, выразили уверенность в том, что один торговый агент не смог бы изменить ход местной продажи рафинада (предписание от 22 августа)[10].

Фрагменты этой переписки наглядно показывают сложности, возникавшие перед вновь открывающимися предприятиями, которые пытались самостоятельно организовать сбыт своей продукции.

Данная проблема значительно упрощалась при передаче рафинада для продажи Торговому дому «Вогау», имевшему собственную весьма разветвленную торговую сеть. Завод, по существу, только должен был максимально быстро отправлять сахар в пункты, которые назначала эта фирма. Вот что говорится в «Историческом очерке деятельности «Вогау и К*». Торговый Дом закупал сахар нескольких заводов сразу, используя «стремление публики закупать сахар и чай в одних местах... С появлением в России новой категории рафинадных заводов, так называемых песочно-рафинадных заводов Торговый дом обратил свое внимание на эту отрасль промышленности. Песочно-рафинадные заводы... были не в состоянии торговать своими готовыми продуктами — рафинадом — так успешно, как это могли делать чисто рафинадные заводы, имеющие для этой цели свои продажные организации, а незначительность производства не дозволяла им, главным образом, в первые годы своего существования, создать такую организацию. Кроме того, нуждаясь в средствах, заводы эти не были в состоянии продавать своей рафинад непосредственно потребителям, как то именно требуется в рафинадной торговле. Не находя необходимой финансовой поддержки у банков, которые также не были еще знакомы с рафинадным делом, некоторые из заводов стали сами обращаться к Торговому дому с просьбой откупить у них все годовое производство и снабдить их нужными для производства денежными средствами». В число этих заводов входили Уладовский, Киселевский, Богатовский, Ново-Покровский, Марьино-Городищенский, Шепетовский, Белоколодезский и Гниванский (в период 1907–1914 гг.)»[11].

Крупными посредниками в предвоенные годы сделались банки. Они, как верно замечено в «Историческом очерке деятельности „Вогау“, в рафинадной промышленности начали действовать сравнительно поздно, чему был ряд причин. Однако постепенно ситуация стала меняться. Усиление позиций банков в отрасли, особенно с началом промышленного подъема 1909 г., имело под собой глубокие объективные основания. Рост комиссионной продажи сахара банками, который был одной из форм участия банков в делах сахарной промышленности, постепенно стал приобретать весьма широкий характер. В нашем распоряжении есть два договора о комиссионной продаже рафинада: Харьковского завода с Азовско-Донским коммерческим банком (далее: АДБ) 1909 г. и Т-ва Бр. Терещенко с Волжско-Камским коммерческим банком (далее: ВКБ) 1912 г. Интересно сравнить эти документы.

«1909, 29 сентября АДБ — Харьковский завод

1. Завод на 3 года с 12 октября 1909 по 1 сентября 1912 дает исключительную комиссионную продажу в Московском районе: Московская, Тверская, Новгородская, Ярославская, Костромская, Владимирская, Нижегородская, Рязанская, Калужская, Смоленская, Псковская и Архангельская, а также и вне указанного района отделениям тех фирм, Правления которых находятся в московском районе.

2. Банку предоставляется право продавать рафинад по его усмотрению на наличные и в кредит, который должен быть утвержден Правлением без какой-либо ответственности со стороны Банка. Продажные счета покупателям подписываются от имени Банка.

3. Цены устанавливаются банком по соглашению с Правлением на определенный период, причем Правление имеет право приостановить продажу в Московском районе, если оно находит это необходимым.

4. О всех продажах и расчетах с клиентами Банк по возможности уведомляет Т-во немедленно.

5. Железнодорожные накладные и коносаменты на отправленный рафинад по заказам Банка должны быть высылаемы Т-вом непосредственно Банку, если со стороны Банка не будет по этому вопросу особого указания.

6. Т-во обязуется предоставлять Банку для продажи не менее 300 тыс. пуд. рафинада в год и посылать его по назначениям Банка по возможности в указываемые Банком сроки.

7. За комиссионную продажу Банк получает комиссию в 5 коп. / пуд. и сверх того ежегодно по 5 тыс. в возмещение расходов по продаже, за исключением того, что ниже (п. 8)... и т. д.»[12].

Текст договора между ВККБ и Т-вом бр. Терещенко, заключенного 25 сентября 1912 г., таков:

«1. Банк берет комиссионную продажу в количестве, которое Т-во бр.Терещенко пошлет в район для продажи. Отправку рафинада Т-во будет производить по мере имеющихся сортов по заказам Банка и в случае, если для дела потребуется держать на складах Банка запас рафинада в количествах, какие Т-во сообразно требованиям рынка найдет нужным, причем с момента отправки Банк полностью отвечает за целость и сохранность.

2. Район от идеально проведенной линии, проходящей на юг и восток, начиная от Бердянска, на Чаплино до Лозовой, исключая станцию Лозовая и на Рапную, Миллерово и до Калача, от Калача в прямой линии на Жутово, Моздок, Беслан и наконец в прямой линии Беслан – Туапсе.

3. ВККБ обязан продавать на условиях, по инструкциям и по ценам, указанным Правлением локо завод, считаясь с ценами конкуренции по местам, за исключением продаж вперед , т. е. с доставкой его на определенный вперед срок; их (продаж) Банку без разрешения не совершать и только по ценам и условиям Т-ва. Банку не позволяется давать скидки с цен без разрешения Т-ва, а если это будет сделано, то Банк платит Т-ву по ценам Правления.

4. Банк продает применительно к существующему в данной местности обычаю: по указанию Правления за наличные или на 30-дневный срок или в кредит не бо-

лее 3–4 месяцев (в этом случае с начетом %), причем делькредере Банка в размере 100 % с каждого рубля...

7. Т-во бр.Терещенко платит за труды, расходы и риск по продаже с делькредере комиссионное вознаграждение 12 коп. Все без исключения расходы по продаже за счет Банка. Т-во кроме страховки не платит ничего.

8. Во время действия этого договора Т-во в этих районах не может продавать рафинад непосредственно или через других комиссионеров, а равно и Банк не может продавать рафинад других заводов и обязан продать с 1 октября 1912 по 1 сентября 1913 не менее 250 тыс. пуд.

9. Соглашение заключается на три года, но стороны могут разорвать его ранее на определенных условиях.

10. Если Банк решит продавать рафинад за пределы указанного района, Т-во вправе отказать в отправке без ответственности перед покупателями за возможные убытки.

11. Т-во не отвечает за задержки из-за забастовок на Михайловском или Черкасском заводах или других форсе мажор»[13].

Как можно видеть, несмотря на явные стилистическо-интонационные различия, договоры весьма сходны в главном. Во-первых, заводы ежегодно предоставляют банкам весьма значительные количества рафинада (250–300 тыс. пуд.) для продажи в строго определенном районе. Географический педантизм второго договора очень хочется объяснить особенностями характера Б. И. Ханенко, человека упрямого и болезненно «самостийного» (не зря его предок был гетманом Левобережной Украины).

Во-вторых, одинаков принцип установления цен. Правление Харьковского завода заключает с АДБ соглашение о ценах на определенный период, имея право остановить продажу, но банк продает рафинад по своему усмотрению, а ВККБ — строго по ценам и инструкциям Правления. Возможно, филиппики Ханенко по поводу безалаберной продажи их продукции в 1911–1912 гг. (см.ниже) объясняют данный факт?

Остальные технические детали — размеры вознаграждения и пр. — для нас сейчас второстепенны.

Имели ли Банки готовую клиентуру? В лучшем случае — какую-то ее часть. Но клиенты сами искали их. При этом надо иметь ввиду, что продажей сахара занимались, как говорят источники, не только, так сказать, узкие специалисты по сахару, но и коммерсанты широкого профиля. Фирмы, торговавшие нефтепродуктами, о которых писал Овсянников (см.выше) и которые готовы были расширить диапазон своей деятельности за счет рафинада, имели, конечно, обороты в десятки тысяч рублей как минимум. Но были и менее крупные клиенты. Так, торговец из Пятигорска К. П. Стасенков в телеграмме от 23 декабря 1906 г. сообщал Московской конторе АДКБ, что, кроме других товаров, он продает сахар завода Харитоненко. Поскольку «антрацит, уголь и особенно сахар в настоящее время отпускается исключительно за наличный расчет», он просил у банка ссуду, а в случае отказа — рекомендации «заводу Харитоненко в Сумах об открытии мне кредита на 2 вагона сахара»[14]. Банки чаще действовали как крупные комиссионеры, нанимавшие, уже от себя, субкомиссионеров. Так, в мае 1908 г. ялтинский коммерсант Бухштаб сообщал Азовско-Донскому банку, что прежде «продавал сахар Бродского до 40 тыс. пуд. рафинада и столько же песочного сахара в год.», а позже вы-

сказал желание продавать сахар Харьковского завода, который финансировался тогда банком (это предложение подробнее рассматривается ниже).

А вот несколько характерных документов, касающихся организации торговли рафинадом нового завода.

В архиве Марьино-Городищенского завода есть просьба неизвестного лица о высылке рафинада этого завода в станцию Шпола: «Для Шполы сахар требуют в виде пробы. В Тальном, где Ваш рафинад уже поступил в продажу у торговцев, качество такового единогласно признается потребителями очень хорошим и, если в достаточном количестве снабжать им лавочников, можно **очень скоро** пошатнуть положение, которое сейчас на рынках занимает Лебединский сахар»[15].

Торговец Сендеров 1 октября 1910 г. предложил заводу свои услуги и соответствующий проект условий продажи рафинада: «Я прошу предоставить мне район Фастов-Знаменка-Елисаветград, включая и Шпола-Умань. Пункты, расположенные вдоль этих протяжений, мне хорошо известны в торговом отношении по прежней моей деятельности при продаже рафинада Черкасского Т-ва. В случае Вашего принципиального согласия на мое предложение, я в течение ближайшего времени должен представить Вам список предполагаемых покупателей по уровню их кредитоспособности и затем, после Вашего утверждения назначаемых размеров кредитов, могу обращаться к Вам с требованием на рафинад. Все отпуски должны покрываться срочными векселями на сроки в зависимости от предоставления таковых покупателям другими фирмами рафинадных заводов. Векселя должны быть выписаны на имя Вашего общества и без задержек высылаемы Вам. Продажа имеет мною производиться по назначаемым Вами ценам, причем bonus всецело поступает в вашу пользу, а цены должны нивелироваться в соответствии с разницей между стоимостью фрахтов от Вашего и других рафинадных заводов до ближайшей станции данного пункта продажи»[16].

Заметим, что это солидное предложение коммерсанта среднего, так сказать, уровня. Надо полагать, именно такие люди были оптимальными клиентами не только для заводов, но и для банков, берущих на себя комиссионную продажу рафинада крупнейших заводов.

Торговец Ланцман свои посреднические услуги предлагал таким образом (орфография подлинника сохранена): «23 августа 1910 г. Имею честь предложить Вам, т. к. я продаю уже несколько лет рафинадного сахара в г.Тараще и Богуславе и имею в Лебединского завода монополь на станции Ольшаницы, Мироновка и Корсунь. Но сейчас думаю что Вы дадите мне более выгодных условий т(ак как) хочу с Вами заключить этого дело — Если желаете сообщите Ваше желание и прикажите мне приехать т.приеду и укажу в моих референций... справится на моего кредитоспособности и о всех подробных условиях на этих станциях могу ручаться 4/6 вагонов в год и больше. Прошу немедленно ответить ибо поступает (сахар) нового производство и мне нужно знать»[17].

Приведем и типичное письмо торговца Николаева из Грозного в контору Мироновского завода от 4 августа 1911 г., в котором он пишет, что хотел бы продавать сахар этого завода как «подходящий» для северокавказского района и что он получает рафинад Харитоненко, Терещенко и Бродского[18]. Действительно, «Сводная статистика»

подтверждает, что в 1910–1911 гг. Михайловский завод посылал в Терскую область 5 и 7 тыс. пуд.

В нашем распоряжении есть еще немало подобных материалов. Они, как и только что приведенные документы, говорят о том, что **рынок, имеется ввиду рынок сбыта отдельного завода, мог быть весьма подвижным, но — в пределах географически вполне определенного региона.** Это подтверждается тем, что, хотя в договоре Т-ва бр. Терещенко с ВККБ говорится о продаже рафинада Михайловского и Черкасского заводов, в определенный договором район Михайловский завод в 1913 г. сахара не посылал, что и понятно — это был естественный рынок сбыта для Черкасского завода.

То есть, несколько приведенных и множество неизвестных нам пока предложений о комиссионной продаже рафинада разных заводов материализовывались в данные «Сводной статистики» о появлении новых корреспондентов у заводов и новых поставщиков у отдельных станций.

§ 4.4. ЗАВИСИМОСТЬ НАПРАВЛЕНИЙ СБЫТА ОТ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЗАВОДОВ

Мы располагаем сведениями о том, что географическое положение самым непосредственным образом влияло на сбытовую деятельность предприятий отрасли. Достаточно привести несколько сообщений на эту тему.

Так, в 1906 г. биржевой делец И. В. Лурье предложил Б. А. Каменке, руководителю Азовско-Донского банка, который финансировал в ту пору Харьковский рафинадный завод, принять участие в «синдикате их трех рафинеров — а именно: Т-ва Харьковского рафинадного, Т. Дома И. Г. Харитоненко и Тростянецкого завода наследников Леопольда Кенига, которые должны принять активное участие в деле Белоколодезского сахарорафинадного завода, над которым имеется учредить Т-во на паях на арендных началах сроком на 24 года; т. к. завод этот стоит в самом близком расстоянии от означенных трех рафинадных заводов и по тарифному положению своему является единственным конкурентом этим трем заводам в районах Харьковском и на Донецком бассейне... Конкуренция других рафинадных заводов не может так отражаться в том районе, ибо они из-за тарифов неконкурентоспособны»[19].

Летом 1908 г. сотрудники Московской конторы Азовско-Донского банка сообщали Б. А. Каменке, что крымский коммерсант М. А. Бухштаб хотел бы продавать сахар Харьковского завода, тогда курируемого банком, в Ялте и по Таврической губернии в количестве порядка 3–3,5 тыс. пуд. в мес. Комментарий к этому предложению таков: «Но вряд ли по условиям фрахта (ок. 40 коп.) возможна конкуренция с Бродским (его фрахт ок.10 коп), и он, несомненно, начнет бить конкурента. Далее мы вообще противники складов... *мы, строго говоря, вовсе не озабочены приисканием рынков, у нас (в России?) в общем рафинада не хватает и сбыт обеспечен. Нас интересуют новые рынки лишь постольку, поскольку они бы давали лучшие цены.* В конце-концов мы... решили, что в виде опыта пошлем туда с нового производства 2–3 вагона

и посмотрим, что получится»[20]. Когда Каменка поинтересовался у своих сотрудников, почему рафинад Марьинского завода в какие-то моменты продавался дороже сахара Харьковского, ему отвечали, что «они (Марьинский завод. — *М. Д.*) имеют по сравнению с нами (Харьковским заводом. — *М. Д.*) плюсы на тарифах 8–11 коп. до крупных центров Московско-Курской и Киево-Воронежской железной дороги. Понятно, что в повышательные моменты им легче было достигнуть большей цены»[21].

Каменка был выдающимся бизнесменом, своего рода «мальчиком американской мечты» из Таганрога, но в 1908 г. он еще только вникал в дела сахарной промышленности. Этим вызвано приводимое ниже подробное разъяснение сотрудником банка Л. М. Тафтом некоторых важных аспектов торговой деятельности на сахарной рынке: «По своему географическому положению Марьинский завод идти к югу не может и естественный путь для него — это север от себя. Здесь он поставлен в такие условия, что южным заводам для конкуренции с ним приходится понижать свои цены против цен, вырученных ими на южных рынках; в свою очередь, ему, однако, приходится сообразовываться с ценами Московского и Тульского заводов, пользующихся особым покровительством в форме исключительных тарифов, затем, главным образом, Корюковского завода, благодаря качеству своего рафинада и разным другим причинам завоевавшего себе, как Кениг в Петербурге, такое положение, что его рафинад всегда продается на 5–10 коп. дороже других, а также других заднепровских заводов, как-то: Михайловский Терещенки и Тростянецкого Кенига». Тафт считает, что Правление Харьковского завода проводит неверную ценовую политику, предлагая ему продавать рафинад по ценам, «объявленным южными заводами в Киеве для юга», причем ему косвенно рекомендуется исходить из них с прибавкой 15 коп. / пуд. «Не говоря уже о том, что вообще цены эти могут иметь значение лишь при продаже на юге, а не у нас (Москве. — *М. Д.*), и то относительное... самое предположение, что наш рафинад может продаваться на 15 коп.дороже южных является ошибочным, т. к. разница в тарифе с южными заводами у нас в среднем составляет лишь 7–8 коп.»[22]

Интересным кажется и такой эпизод. В начале 1906 г. член Комитета рафинеров, московский сахарозаводчик Г. М. Марк, обратил внимание на то, что южные заводы сбывают в Москве сахар по ценам ниже цен московских рафинеров, и предложил, чтобы эти заводы не вынуждали столичные предприятия конкурировать на собственном рынке, взамен чего последние как бы обязывались не выходить со своей продукцией за пределы ближайших окрестностей. Глава Комитета, Л. И. Бродский счел это предложение неприемлемым «ввиду того общего экономического закона, что всякий товар тяготеет в тому рынку, на котором держатся высокие цены. Естественно, что раз цена в Москве сейчас 6 руб., а провоз до Москвы заднепровским заводам обходится до 50 коп., то они, конечно, предпочтут отправить в Москву, так как на других рынках такой благоприятной цены нет»[23].

Эта информация, безусловно, показательна и важна. Вместе с тем понятно желание подкрепить сведения нарративных источников данными статистики. А какой источник может помочь лучше, чем сама «Сводная статистика»?

Обратимся к данным за 1901 г. В таблице 4.35 представлены рынки сбыта всех заводов Юго-Западного края. Зафиксированы перевозки с 10-ти станций Киевской губернии, 5-ти станций Подольской и 2-х станций Волынской губернии.

Таблица 4.35. Рынки сбыта заводов Юго-Западного края в 1901 г.

Губернии	Златополь	Киев	Бобринск	Черкассы	Попельня	Шпола	Сухолесы	Бровки	Броварьі	Оратово	Гнивань	Бар	Губник	Уладовка	Проскуров	Шепетовка	Ровно	Всего
Архангельская		54	1	5														60
Олонецкая		15																15
Вологодская		169		11														180
Район		**238**	**1**	**16**														**255**
Пермская		52		66								4						122
Вятская		2		1														3
Район		**54**		**67**								**4**						**125**
Петербургская	7	133	1	6							58	5				9	35	254
Новгородская																		
Псковская		9	1	2							1	1					2	16
Район	**7**	**142**	**2**	**8**							**59**	**6**				**9**	**37**	**270**
Курляндская	2	4	13	2	2						8					3	7	41
Эстляндская		5			2													7
Лифляндская		42	16		2	5				1	4					4	18	92
Район	**2**	**51**	**29**	**2**	**6**	**5**				**1**	**12**					**7**	**25**	**140**
Ковенская		56	8					1			2	4				4	20	95
Гродненская	6	6			10			2		3	5					91	88	211
Виленская		23									4	7				6	39	79
Район	**6**	**85**	**8**		**10**			**3**		**3**	**11**	**11**				**101**	**147**	**385**
Витебская	3	63	6	4		1		1		5	2	1					6	92
Могилевская	5	8		1							2	1						17
Минская		64		1							27	14				9	16	131
Смоленская	1	26			2					2								31
Район	**9**	**161**	**6**	**6**	**2**	**1**		**1**		**7**	**31**	**16**				**9**	**22**	**271**
Московская		30															4	34
Владимирская		12		1														13
Костромская		114	4	1		1												120
Тверская	3	6																9
Ярославская		127	1	3		4												135
Калужская		20				1												21
Район	**3**	**309**	**5**	**5**		**6**											**4**	**332**
Рязанская	4	6				1												11
Тульская		18																18
Орловская		37		5														42
Тамбовская	6	34	8	9		2		1										60
Курская		51																51
Воронежская	3	3	7	5														18
Район	**13**	**149**	**15**	**19**		**3**		**1**										**200**
Казанская	50	13	13	57	32	12		4			4							185
Симбирская	1	39		18	3	1		1										63
Пензенская	4	4	2	7							3							20
Нижегородская		48		2														50
Район	**55**	**104**	**15**	**84**	**35**	**13**		**5**			**7**							**318**
Киевская	200	35	147	33	28	25	15	4			76	11	4					578
Подольская	26	11	4	4	2			1			90	43					5	186

Волынская	58	63	19	6	7		18	2		7	86	11	2			10	48	337
Район	**284**	**109**	**170**	**43**	**37**	**25**	**33**	**7**		**7**	**252**	**65**	**6**			**10**	**53**	**1101**
Полтавская	52	27	61	32	2	5												179
Черниговская		42		16	1						1							60
Харьковская		11	21	3					17				1					53
Район	**52**	**80**	**82**	**51**	**3**	**5**			**17**		**1**		**1**					**292**
Бессарабская		2	2	10	13			5			63	4	7					106
Херсонская	29		196	34	58			10			439	16	6		6	2	31	827
Донская	6	5	76				1						1					89
Екатеринос.	23	7	50	2														82
Таврическая			10															10
Район	**58**	**14**	**334**	**46**	**71**		**1**	**15**			**502**	**20**	**14**		**6**	**2**	**31**	**1114**
Астраханская																		
Самарская	6	74	28	53	4	5	5											175
Саратовская	47	13	63	57		8												188
Оренбургская		44	45	84		1					45							219
Уфимская		21	18	28	8	10	6				4							95
Район	**53**	**152**	**154**	**222**	**12**	**24**	**11**				**49**							**677**
Кубанская			20															20
Терская	36	4	35			3	1				3							82
Ставропольская			6															6
Район	36	4	61			3	1				3							108
Тобольская		17	18															35
Томская	15	4	10			3												32
Акмолинская		21	10															31
Енисейская	15	4	1			1												21
Иркутская	73		69		3	1												146
Забайкальская			3															3
Район	**103**	**46**	**111**		**3**	**5**												**268**
Уральская	22	13	17			3												55
Дагестанская	39		7		3	4	1				25							79
Бакинская	194		170	21	180	221	119	65			226	115	124	50	121	72		1678
Эриванская	40										5	1						46
Карская	27										14	1						42
Кутаисская			2		1						12						5	20
Тифлисская	35		13	14	1	3	1	2			41						8	118
Елисаветпол.	56	4	14		43	58	3	16			235	67			4			500
Район	**391**	**4**	**206**	**35**	**228**	**286**	**124**	**83**			**558**	**184**	**124**	**50**	**125**	**72**	**13**	**2483**
Закаспийская	86		49	11	26	30	89	8			61	12				21		393
Самарканд	11		2	6	3	1	6	1				2						32
Бухара	31		3		2	11	9				8	3					35	102
Фергана	50		11	1	5	4	24	1				1						97
Сыр-Дарьинс.	64		4	10	6	4	16	2			1	1						108
Район	**242**		**69**	**28**	**42**	**50**	**144**	**12**			**70**	**19**				**21**	**35**	**732**
КВЖД																		
Приморская																		
Польша			1								4				2	27	197	231
Всего	**1336**	**1715**	**1286**	**632**	**449**	**429**	**314**	**127**	**17**	**18**	**1559**	**325**	**145**	**50**	**133**	**258**	**562**	**9355**

Нетрудно заметить, что рынок сбыта Киевского завода заметно отличается от всех остальных. Его продукция сравнительно равномерно рассредоточена по большинству районов Европейской России, чего мы не видим у других предприятий. Объясняется это не только и не столько тем, что он отправил рафинада больше других заводов. Показатель Гниванского завода ниже лишь на 150 тыс. пуд. — для лидеров отрасли разрыв не столь уж принципиальный. Просто Киевский завод, находившийся на крайнем северо-востоке Края, на границе с Черниговской губернией, был ближе всех других заводов Юго-Запада расположен к центральным губерниям России. Фактически его географическое положение сопоставимо с положением Корюковского и Михайловского заводов, что, полагаю, во многом и обусловило указанные отличия. Если мы сравним суммарную региональную структуру сбыта всех заводов Киевской губернии в 1901 г. и исключим из нее показатели Киевского завода, то получим этому еще одно подтверждение. Из 1467 тыс. пуд., отправленных предприятиями губернии в Северный, Приуральский, Приозерный, Прибалтийский, Литовский, ЦПР, ЦЧР и Белорусский районы, на долю Киевского завода пришлось 1189 тыс. пуд., или 81,0 %. Перевозки в эти регионы сахара остальных заводов, как правило, невелики и по абсолютной и по относительной величинам (исключение иногда составляет Черкасский завод). При этом в Азиатскую Россию Киевский завод, опять-таки в отличие от соседей, рафинаду практически не поставляет (таблица 4.36).

Таблица 4.36. Региональная структура сбыта заводов Киевской губернии в 1901 г. (тыс. пуд.)

Район	Златополь	Киев	Бобринск	Черкассы	Попельня	Шпола	Сухолесы	Бровки	Бровары	Оратово	Всего	Доля Киева
Северный		238	1	16							255	93,3
Приуральский		54		67							121	44,6
Приозерный	7	142	2	8							159	89,3
Прибалтийский	2	51	29	2	6	5				1	96	53,1
Литовский	6	85	8		10			3		3	115	73,9
Белорусский	9	161	6	6	2	1		1		7	193	83,4
ЦПР	3	309	5	5		6					328	94,2
ЦЧР	13	149	15	19		3		1			200	74,5
Средневолжский	55	104	15	84	35	13		5			311	33,4
Юго-Западный	284	109	170	43	37	25	33	7		7	715	15,2
Малороссийский	52	80	82	51	3	5			17		290	27,6
Новороссия	58	14	334	46	71		1	15			539	2,6
Нижневолжский	53	152	154	222	12	24	11				628	24,2
Предкавказье	36	4	61			3	1				105	3,8
Сибирь	103	46	111		3	5					268	17,2
Степной	22	13	17			3					55	23,6
Кавказ	391	4	206	35	228	286	124	83			1357	0,3
Туркестан	242		69	28	42	50	144	12			587	0,0
Приморский												
Польша			1								1	
Всего	**1336**	**1715**	**1286**	**632**	**449**	**429**	**314**	**127**	**17**	**18**	**6323**	**27,1**

Таблица 4.36а. То же в процентах

Район	Златополь	Киев	Бобринск	Черкассы	Попельня	Шпола	Сухолесы	Бровки	Бровары	Оратово	Всего
Северный		13,9	0,1	2,5							4,0
Приуральский		3,1		10,6							1,9
Приозерный	0,5	8,3	0,2	1,3							2,5
Прибалтийский	0,1	3,0	2,3	0,3	1,3	1,2				5,6	1,5
Литовский	0,4	5,0	0,6	0,0	2,2			2,4		16,7	1,8
Белорусский	0,7	9,4	0,5	0,9	0,4	0,2		0,8		38,9	3,1
ЦПР	0,2	18,0	0,4	0,8		1,4					5,2
ЦЧР	1,0	8,7	1,2	3,0		0,7		0,8			3,2
Средневолжский	4,1	6,1	1,2	13,3	7,8	3,0		3,9			4,9
Юго-Западный	21,3	6,4	13,2	6,8	8,2	5,8	10,5	5,5		38,9	11,3
Малороссийский	3,9	4,7	6,4	8,1	0,7	1,2			100		4,6
Новороссия	4,3	0,8	26,0	7,3	15,8	0,0	0,3	11,8			8,5
Нижневолжский	4,0	8,9	12,0	35,1	2,7	5,6	3,5				9,9
Предкавказье	2,7	0,2	4,7			0,7	0,3				1,7
Сибирь	7,7	2,7	8,6		0,7	1,2					4,2
Степной	1,6	0,8	1,3			0,7					0,9
Кавказ	29,3	0,2	16,0	5,5	50,8	66,7	39,5	65,4			21,5
Туркестан	18,1		5,4	4,4	9,4	11,7	45,9	9,4			9,3
КВЖД											
Приморский											
Польша			0,1								
Всего	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**

При всех понятных различиях география сбыта продукции большинства (не всех!) заводов Юго-Западного края схожа в следующем (табл. 4.37). Во-первых, огромную роль для них играет вывоз в Азиатскую Россию, прежде всего на Кавказ и, в меньшей степени, в Среднюю Азию. Как можно видеть, в 1901 г. для Лебединского завода доля отправок в Азиатскую часть страны составляла 56,7 % общего отправления, для Смелянского — 31,3 %, Черкасского — 9,9 %, Попельни — 60,9 %, Шполы — 80,3 %, Сухолес — 85,4 %, Бровок — 74,8 %, Гниванского — 40,3 %, Бара — 62,4, Губника — 85,5 %, Уладовки — 100 %, Проскурова — 94,0 %, Шепетовки — 36,0 %, Ровно — 8,5 %. Во-вторых, в Европейской России для большинства из них приемлемыми рынками сбыта оказывались некоторые губернии Среднего и Нижнего Поволжья, соседние Новороссийские и, естественно, Юго-Западные. Это хорошо видно на карте.

В 1901 г. заводы Юго-Западного края в сумме отправили 9355 тыс. пуд. рафинада, и 3976 тыс. пуд., или 42,5% этого количества, получили лишь пять (!) губерний Империи — Бакинская, Херсонская, Киевская, Елисаветпольская и Закаспийская; а если мы исключим показатели Киевского завода, который, строго говоря, в перечисленных

Таблица 4.37. Доля отправления заводов Юго-Западного края в Азиатскую Россию в 1901 г. (%)

Район	Лебед.	Киев	Смела	Черкас.	Попел.	Шпола	Сухол.	Бровки	Гниван	Бар	Губник	Улад	Проск.	Шепет	Ровно	Всего
Сибирь	7,7	2,7	8,6		0,7	1,2										2,9
Уральск.	1,6	0,8	1,3			0,7										0,6
Кавказ	29,3	0,2	16	5,5	50,8	66,7	39,5	65,4	35,8	56,6	85,5	100	94	27,9	2,3	26,5
Ср.Азия	18,1		5,4	4,4	9,4	11,7	45,9	9,4	4,5	5,8				8,1	6,2	7,8
Всего	56,7	3,7	31,3	9,9	60,9	80,3	85,4	74,8	40,3	62,4	85,5	100	94	36	8,5	37,8

губерниях своей продукцией не торговал (лишь в «свою» Киевскую губернию отправил 35 тыс. пуд. сахара), то доля этих пяти губерний в общем отправлении заводов Края возрастет до 51,6%, причем одна Бакинская губерния поглотила 1678 тыс. пуд. рафинада, т. е. 22,0% всего отправления. При этом нужно иметь в виду, что какая-то часть и, возможно, немалая, из 827 тыс. пуд., отправленных в Херсонскую губернию, в итоге попала в Петербургскую и Прибалтийские губернии морем вокруг Европы, а также в другие регионы страны.

Обратимся к аналогичным данным за 1913 г.

Суммарное железнодорожное отправление рафинада заводами Края выросло до 18683 тыс. пуд., т. е. практически удвоилось. Так, отправление со станций Киевской губернии выросло с 6323 до 13320 тыс. пуд., и 5793 тыс. пуд., т. е. 43,5% этого огромного количества сахара, были посланы лишь в 6 губерний Империи — Бакинскую, Киевскую, Закаспийскую, Херсонскую, Саратовскую и Эриванскую. Понятно, что концентрация получения понизилась ввиду громадного количественного роста транспортировки.

Весьма интересно выяснить, как распределился прирост отправления 1913 г. в сравнении с 1901 г.

Как можно видеть, 49,2% прироста было размещено в Азиатской России, прежде всего на Кавказе (27,0%) и в Туркестане (14,2%), сообщение с которым стало удобнее благодаря открытию Ташкентской железной дороги. Заметно выросли перевозки в соседнюю Новороссию и Юго-Западный край, а также в Нижнее Поволжье, прежде всего Саратовскую губернию, откуда сахар из Царицына мог идти и вверх, и вниз по Волге, на Каспий. Для ряда заводов важным рынком стало Предкавказье. Остальная часть увеличения отправления, как можно видеть, распределилась между губерниями Северо-Востока и Востока Европейской России, прежде всего Приуральскими и Самарской, т. е. достаточно далекими от Юго-Западного края, чтобы на тамошних рынках была возможна конкуренция с заводами Центра. Однако, как и прежде, сбыт заводов региона в Нечерноземье и ЦЧР был сравнительно невелик.

Из соответствующих таблиц нетрудно усмотреть, что еще большее сходство имеют рынки сбыта заводов Подольской и Волынской губерний, весьма наглядно доказывая тем самым зависимость рынков сбыта от географического положения предприятий. Сведения о сбытовой деятельности заводов Подольской и Волынской губерний в 1913 г. можно видеть в таблицах 4.41 и 4.42.

Таблица 4.38. Рынки сбыта заводов Киевской губернии в 1913 г. (тыс. пуд.)

Губернии	Златополь	Киев	Бобринская	Черкассы	Попельня	Киселевка	Бердичев	Воронцово	Погребище	Монастырище	Мироновка	Сухолесы	Бровки	Васильков	Шпола	Звенигород
Архангельская		46				2			1							
Олонецкая		29							3							
Вологодская		151			16	2	2		15			2		1		
Район		**226**			**16**	**4**	**2**		**19**			**2**		**1**		
Пермская	21	39		38	50	10	1	14	68			54	5	21		
Вятская	1	11		1	71		79	10	14			25	3	1		
Район	**22**	**50**		**39**	**121**	**10**	**80**	**24**	**82**			**79**	**8**	**22**		
Петербургская		25		4			16	3			11					
Новгородская				15	3	8	20	4								
Псковская				2			8	6		3	8					
Район		**25**		**21**	**3**	**8**	**44**	**13**		**3**	**19**					
Курляндская							1									
Эстляндская																
Лифляндская							47			1	13					
Район							**48**			**1**	**13**					
Ковенская		55			3					1						
Гродненская		11					20			2						
Виленская		10					1			13	14					
Район		**76**			**3**		**21**			**16**	**14**					
Витебская		79		8			4			1	17					
Могилевская		13														
Минская		15					10									
Смоленская		9					3				1					
Район		**116**		**8**			**17**			**1**	**18**					
Московская		2			11	13	3			7	3					
Владимирская		12		5	3	28	68	5								
Костромская		100		17	4	27	6	12	2							
Тверская				29		19	16	1			1					
Ярославская		32		22	4	18	8	6	6			3				
Калужская		1					1									
Район		**147**		**73**	**22**	**105**	**102**	**24**	**8**	**7**	**4**	**3**				
Рязанская		10				1			1							
Тульская		24														
Орловская		36								13	1					
Тамбовская		30	2				3									
Курская		30														
Воронежская		4	5					2								
Район		**134**	**7**			**1**	**3**	**2**	**1**	**13**	**1**					

Губернии	Златополь	Киев	Бобринская	Черкассы	Попельня	Киселевка	Бердичев	Воронцово	Погребище	Монастырище	Мироновка	Сухолесы	Бровки	Васильков	Шпола	Звенигород
Казанская	26	55			42	16	1	3				18		3		
Симбирская	24	53	3	16	22	12	47	9				21		9		
Пензенская	5	3	2		7	4	25					1				
Нижегородская	4	56		4	15	27	19	2	33			9				
Район	**59**	**167**	**5**	**20**	**86**	**59**	**92**	**14**	**33**			**49**		**12**		
Киевская	329	197	179	52	84	7	49	28	4	20	65		3		7	
Подольская	6				6		40		2	9			2			
Волынская	7	73	25	2	28		61	2	7	4			8			
Район	**342**	**270**	**204**	**54**	**118**	**7**	**150**	**30**	**13**	**33**	**65**		**13**		**7**	
Полтавская	99	26	60	103							6			14		
Черниговская		65		9	1		8				9					
Харьковская			16	3												
Район	**99**	**91**	**76**	**115**	**1**		**8**				**15**			**14**		
Бессарабская	10		1	27	10		8	2		18	1		3			
Херсонская	133		239	307		20		32	5	16	29	11				
Донская	7	5	129	2							9					
Екатеринослав.	100	12	40	17		2					9	1				
Таврическая	20	2	12	15							2					
Район	**270**	**19**	**421**	**368**	**10**	**22**	**8**	**34**	**5**	**34**	**50**	**12**	**3**			
Астраханская		1		8	2								1			
Самарская	30	103	58	8	32	12	15	2	13			32	4	6		
Саратовская	282	55	60	68	49	16	36	14	11			66	8	41		
Оренбургская	10	50	27	47	26	4	9	10	41			13	2			
Уфимская	4	17	10	34	14	11	22	24	12			21		6		
Район	**326**	**226**	**155**	**165**	**123**	**43**	**82**	**50**	**77**			**132**	**15**	**53**		
Кубанская	42	19	14	25		35				1	25					6
Терская	78	15	27	30		39			11	3	30					8
Ставропольская	2	20	25	18		26			1	1	9					1
Район	**122**	**54**	**66**	**73**		**100**			**12**	**5**	**64**					**15**
Тобольская	13	31		36	11	10		5	10			8		2		
Томская	13	7		40	66	2		24	12			10	4			
Акмолинская	32	45		22	5	3	5	34				4				
Енисейская	17	15		2	4	2		13	1							
Иркутская	5			37				23								
Забайкальская																
Район	**80**	**98**		**137**	**86**	**17**	**5**	**99**	**23**			**22**	**4**	**2**		
Уральская	12	13		16	5		1	22				15	1	11		
Тургайская	15		6		1			9	5							
Район	**27**	**13**	**6**	**16**	**6**		**1**	**31**	**5**			**15**	**1**	**11**		

Губернии	Златополь	Киев	Бобринская	Черкассы	Попельня	Киселевка	Бердичев	Воронцово	Погребище	Монастырище	Мироновка	Сухолесы	Бровки	Васильков	Шпола	Звенигород
Дагестанская	59			14		25				1						4
Бакинская	298	201	83	309	128	199	106	76	57	1	16	51	21	5	2	30
Эриванская	104		84	31	107	123	53		2	25	2	45	34	21	8	41
Карская	93		19	14	15	16	19		4	15	11		1		1	
Кутаисская	4		31	2					1	3						
Тифлисская	58		39	27	36		113			9	11		10			
Елисаветпольск.	46	46	54	14	63	43	50	7	2	1	21		6		5	3
Район	**662**	**247**	**310**	**411**	**349**	**406**	**341**	**83**	**66**	**55**	**61**	**96**	**72**	**26**	**16**	**78**
Закаспийская	232	53	107	9	34	117		266	35			81	14	24	36	
Самаркандская	33		5	1	4	1			5							
Бухара	86	5	13		3	25		2	1			7		2	4	
Фергана	66	8		48	4	5		1	12				1			
Сыр-Дарьинская	146	6		44	10			2	29			15				
Район	**563**	**72**	**125**	**102**	**55**	**148**		**271**	**82**			**103**	**15**	**26**	**40**	
Дальний Восток	124			49			14									
Польша	33	3					24									
Всего	**2729**	**2034**	**1375**	**1651**	**999**	**930**	**1042**	**675**	**426**	**168**	**324**	**513**	**131**	**167**	**63**	**93**

В таблице 4.42 объединены данные по станциям Губник и Дукля, находившихся близ Соболевского завода, и, во-вторых, Демчин и Чуднов, относившихся к Янушпольскому заводу*.

Поскольку указанные заводы находились в одном регионе, то это автоматически затрудняло доступ большинству из них в целый ряд губерний, где они не могли конкурировать с другими предприятиями. Так, в 1901 г. ничтожно или совсем отсутствует отправление в Северный, Приуральский, Центрально-Промышленный и Центрально-Черноземный, Средне-Волжский, Малороссийский районы, а в Нижневолжский район перевозил рафинад только крупный Гниванский завод (табл. 4.35).

С другой стороны, несмотря на относительную (по российским масштабам) близость их местоположения, различия в географии сбыта предприятий этих губерний вполне очевидны. Более северное положение Волынской губернии дает возможность отправлять со станций Шепетовка и Ровно сахар в соседние регионы Северо-Запада и Польшу в куда больших размерах, чем заводам Подольской губернии. Так, суммарное отправление заводов Подольской губернии в 1901 г. составило 2212 тыс. пуд., а Волынской — 822 тыс. пуд., т. е. в 2,7 раза меньше. Однако первые перевезли в Приозерный, Прибалтийский, Литовский и Белорусский районы 146 тыс. пуд., а вторые — 357 тыс. пуд., соответствующие показатели для польских губерний составляют 6 и

* 16 тыс. пуд., отправленных в 1913 г. со станции Ровно, относятся, видимо, к продукции Житынского завода, однако ввиду незначительности этих перевозок они здесь не рассматриваются.

Таблица 4.39. Региональная структура сбыта заводов Киевской губернии в 1913 г.

Район	Златополь	Киев	Бобринская	Черкассы	Попельня	Киселевка	Бердичев	Воронцово	Погребище	Монастыр.	Мироновка	Сухолесы	Бровки	Васильков	Шпола	Звенигор.	Всего
Северный		226			16	4	2		19			2		1			270
Приуральский	22	50		39	121	10	80	24	82			79	8	22			537
Приозерный		25		21	3	8	44	13		3	19						136
Прибалтийский							48			1	13						62
Литовский		76			3		21			16	14						130
Белорусский		116		8			17			1	18						160
ЦпР		147		73	22	105	102	24	8	7	4	3					495
ЦчР		134	7			1	3	2	1	13	1						162
Средневолжский	59	167	5	20	86	59	92	14	33			49		12			596
Юго-западный	342	270	204	54	118	7	150	30	13	33	65		13		7		1306
Малороссийский	99	91	76	115	1		8				15			14			419
Новороссия	270	19	421	368	10	22	8	34	5	34	50	12	3				1256
Нижневолжский	326	226	155	165	123	43	82	50	77			132	15	53			1447
Предкавказье	122	54	66	73		100			12	5	64					15	511
Сибирь	80	98		137	86	17	5	99	23			22	4	2			573
Степной	27	13	6	16	6		1	31	5			15	1	11			132
Кавказ	662	247	310	411	349	406	341	83	66	55	61	96	72	26	16	78	3279
Туркестан	563	72	125	102	55	148		271	82			103	15	26	40		1602
Д. Восток	124			49			14										187
Польша	33	3					24										60
Всего	**2729**	**2034**	**1375**	**1651**	**999**	**930**	**1042**	**675**	**426**	**168**	**324**	**513**	**131**	**167**	**63**	**93**	**13320**

Таблица 4.39а. То же в процентах

Район	Златополь	Киев	Бобринская	Черкассы	Попельня	Киселевка	Бердичев	Воронцово	Погребище	Монастыр.	Мироновка	Сухолесы	Бровки	Васильков	Шпола	Звенигор.	Всего
Северный		11,1			1,6	0,4	0,2		4,5			0,4		0,6			2,0
Приуральский	0,8	2,5		2,4	12,1	1,1	7,7	3,6	19,2			15,4	6,1	13,2			4,0
Приозерный		1,2		1,3	0,3	0,9	4,2	1,9		1,8	5,9						1,0
Прибалтийский							4,6			0,6	4,0						0,5
Литовский		3,7			0,3		2,0			9,5	4,3						1,0
Белорусский		5,7		0,5			1,6			0,6	5,6						1,2
ЦпР		7,2		4,4	2,2	11,3	9,8	3,6	1,9	4,2	1,2	0,6					3,7
ЦчР		6,6	0,5			0,1	0,3	0,3	0,2	7,7	0,3						1,2
Средневолжский	2,2	8,2	0,4	1,2	8,6	6,3	8,8	2,1	7,7			9,6		7,2			4,5
Юго-западный	12,5	13,3	14,8	3,3	11,8	0,8	14,4	4,4	3,1	19,6	20,1		9,9		11,1		9,8
Малороссийский	3,6	4,5	5,5	7,0	0,1		0,8				4,6			8,4			3,1
Новороссия	9,9	0,9	30,6	22,3	1,0	2,4	0,8	5,0	1,2	20,2	15,4	2,3	2,3				9,4
Нижневолжский	11,9	11,1	11,3	10,0	12,3	4,6	7,9	7,4	18,1			25,7	11,5	31,7			10,9
Предкавказье	4,5	2,7	4,8	4,4		10,8			2,8	3,0	19,8					16,1	3,8
Сибирь	2,9	4,8		8,3	8,6	1,8	0,5	14,7	5,4			4,3	3,1	1,2			4,3
Степной	1,0	0,6	0,4	1,0	0,6		0,1	4,6	1,2			2,9	0,8	6,6			1,0
Кавказ	24,3	12,1	22,5	24,9	34,9	43,7	32,7	12,3	15,5	32,7	18,8	18,7	55,0	15,6	25,4	83,9	24,6
Туркестан	20,6	3,5	9,1	6,2	5,5	15,9		40,1	19,2			20,1	11,5	15,6	63,5		12,0
Д. Восток	4,5			3,0			1,3										1,4
Польша	1,2	0,1					2,3										0,5
Всего	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**

Таблица 4.40. Распределение прироста отправления рафинада со станций Киевской губернии в 1913 г. в сравнении с 1901 г.

Район	Прирост	%
Северный	15	0,2
Приуральский	416	5,8
Литовский	15	0,2
ЦПР	167	2,3
Средневолжский	285	4,0
Юго-Западный	591	8,3
Малороссийский	129	1,8
Новороссия	717	10,1
Нижневолжский	819	11,5
Предкавказье	406	5,7
Сибирь	305	4,3
Степной	77	1,1
Кавказ	1922	27,0
Туркестан	1015	14,2
Дальний Восток	187	2,6
Польша	59	0,8

224 тыс. пуд. В 1913 г. отправление рафинада со станций Волынской губернии составило 2082 тыс. пуд., т. е. на 1260 тыс. пуд., или в 2,5 раза, больше, чем в 1901 г. И примерно три четверти этого немалого прироста пришлось на указанные регионы.

В то же время Подольская губерния была ближе к Новороссии и в ее сбытовой деятельности несравненно большую роль играли перевозки на Кавказ, которые для малых и средних (по уровню 1901 г.) заводов колебались от 56,6 до 100%.

В 1913 г. в сравнении с 1901 г. отправление подольских заводов выросло на 1069 тыс. пуд., т. е. в 1,5 раза. Наибольший прирост отправления отмечается в Средне- и Нижневолжский районы, Новороссию, Предкавказье, а также Северный и Приуральский районы, где сбытовая активность волынских предприятий выражена весьма слабо или не выражена вовсе.

Анализ таблиц можно продолжить, но вывод, к которому приводит анализ «Сводной статистики», полагаю, ясен — географическое положение в очень сильной степени определяло направления сбытовой деятельности предприятий рафинадной промышленности. Это, так сказать, была константа, на которую, в частности, умножался условный коэффициент — количество обращавшегося на рынке рафинада.

* * *

И различия, и сходные моменты в структуре сбыта заводов в равной степени были следствием как географического положения отдельных предприятий, так и существовавшей тарифной системы. На последней необходимо остановиться подробнее.

Как и большинство других тарифов в России конца XIX – начала XX вв. общий железнодорожный тариф на перевозку рафинада строился по дифференциальной схеме,

Таблица 4.41. Рынки сбыта заводов Подольской и Волынской губерний в 1913 г.

Губернии	Подольская				Волынская			
	Гнивань	Бар	Губник	Дукля	Шепетовка	Рещуцк	Чуднов	Демчин
Архангельская	3				1			
Олонецкая	15							
Вологодская	68		5	4	2		2	
Район	**86**		**5**	**4**	**3**		**2**	
Пермская	9						7	
Вятская	62		2	1	7		10	
Район	**71**		**2**	**1**	**7**		**17**	
Петербургская	32				47	79	37	5
Новгородская	18				15		13	
Псковская	8				59	12	25	3
Район	**58**				**121**	**91**	**75**	**8**
Курляндская					1			
Эстляндская					3		1	
Лифляндская	32				13	18	18	2
Район	**32**				**17**	**18**	**19**	**2**
Ковенская					28	18	8	
Гродненская	4				94	143	18	
Виленская					40	38	18	
Район	**4**				**162**	**199**	**44**	
Витебская	14				2		5	
Могилевская								
Минская	36				24	28	35	
Смоленская								
Район	**50**				**26**	**28**	**40**	
Московская							1	
Владимирская	17		20		5	9	1	
Костромская	10		5		2	5	2	
Тверская	13				4	2	24	
Ярославская	8				2	2	2	
Калужская								
Район	**48**		**25**		**13**	**18**	**30**	
Рязанская	7		1					
Тульская								
Орловская								
Тамбовская	17						1	
Курская								
Воронежская								
Район	**24**		**1**				**1**	
Казанская	172	3	4	2		5	4	
Симбирская	11	18	3	9		3	2	

Губернии	Подольская				Волынская			
	Гнивань	Бар	Губник	Дукля	Шепетовка	Рещуцк	Чуднов	Демчин
Пензенская	3		1					
Нижегородская	57		2		2	2	2	
Район	**243**	**21**	**10**	**11**	**2**	**10**	**8**	
Киевская	15	1	9	1	2			3
Подольская	88	68	32	13	3		3	4
Волынская	25	5	2	32	86	34	107	29
Район	**128**	**74**	**43**	**46**	**91**	**34**	**110**	**36**
Полтавская								
Черниговская								
Харьковская								
Район								
Бессарабская	57	20	7	52	1		9	4
Херсонская	395	25	40	96		3	4	2
Донская						3		
Екатеринославская								
Таврическая								
Район	**452**	**45**	**47**	**148**	**1**	**6**	**13**	**6**
Астраханская								
Самарская	4	62	35	2				
Саратовская	24		3			8	2	
Оренбургская	43	21	4	1				1
Уфимская	12	34	2	2				4
Район	**83**	**117**	**44**	**5**		**8**	**2**	**5**
Кубанская	20		4			19		
Терская	55		16			34		
Ставропольская	11		1			6		
Район	**86**		**21**			**59**		
Тобольская	8							
Томская	15						9	2
Акмолинская	7						5	3
Енисейская	5							1
Иркутская	1							
Забайкальская	3							
Район	**39**						**14**	**6**
Уральская	13						1	
Тургайская	2							
Район	**15**						**1**	
Дагестанская						12		
Бакинская	333	49	9		37	34	6	
Эриванская	124	183	37		3	55	5	

Губернии	Подольская				Волынская			
	Гнивань	Бар	Губник	Дукля	Шепетовка	Рещуцк	Чуднов	Демчин
Карсская		27						
Кутаисская	27		6					
Тифлисская	28	38	10					
Елисаветпольская	43	55	62					
Район	**555**	**352**	**124**		**40**	**101**	**11**	
Закаспийская	59	78			17			
Самаркандская					2			
Бухара		2						
Фергана		4						
Сыр-Дарьинская								
Район	**59**	**84**			**19**			
Польша	**18**				**68**	**479**	**11**	
Всего	**2051**	**693**	**322**	**215**	**570**	**1051**	**398**	**63**

Таблица 4.42. Региональная структура сбыта заводов Подольской и Волынской губерний в 1913 г.

Район	Подольская губерния			Всего	Волынская губерния			Всего
	Гнивань	Бар	Соболевск.		Шепетовка	Рещуцк	Януш-польский	
Северный	86		9	95	3		2	2
Приуральский	71		3	74	7		17	17
Приозерный	58			58	121	91	83	19
Прибалтийский	32			32	17	18	21	56
Литовский	4			4	162	199	44	405
Белорусский	50			50	26	28	40	461
ЦПР	48		25	73	13	18	30	61
ЦЧР	24		1	25			1	1
Средневолжский	243	21	21	285	2	10	8	62
Юго-Западный	128	74	89	291	91	34	146	271
Малороссийский				0				0
Новороссийский	452	45	195	692	1	6	19	271
Нижневолжский	83	117	49	249		8	7	15
Предкавказье	86		21	107		59		59
Сибирь	39			39			20	74
Степной	15			15			1	1
Кавказ	555	352	124	1031	40	101	11	152
Туркестан	59	84		143	19			153
КВЖД								
Приморская								
Польша	18			18	68	479	11	558
Всего	**2051**	**693**	**537**	**3281**	**570**	**1051**	**461**	**2082**

Таблица 4.42а. То же в процентах (%)

Район	Подольская губерния			Всего	Волынская губерния			Всего
	Гнивань	Бар	Соболев.		Шепетовка	Рещуцк	Янушпол.	
Северный	4,2		1,7	2,9	0,5		0,4	0,1
Приуральский	3,5		0,6	2,3	1,2		3,7	0,8
Приозерный	2,8			1,8	21,2	8,7	18,0	0,9
Прибалтийский	1,6			1,0	3,0	1,7	4,6	2,7
Литовский	0,2			0,1	28,4	18,9	9,5	19,5
Белорусский	2,4			1,5	4,6	2,7	8,7	22,1
ЦПР	2,3		4,7	2,2	2,3	1,7	6,5	2,9
ЦЧР	1,2		0,2	0,8			0,2	0,05
Средневолжский	11,8	3,0	3,9	8,7	0,4	1,0	1,7	3,0
Юго-Западный	6,2	10,7	16,6	8,9	16,0	3,2	32,0	13,0
Малороссийский				0				0
Новороссийский	22,0	6,5	36,3	21,1	0,2	0,6	4,1	13,0
Нижневолжский	4,0	16,9	9,1	7,6		0,8	1,5	0,7
Предкавказье	4,2		3,9	3,3		5,6		2,8
Сибирь	1,9			1,2			4,3	3,6
Степной	0,7			0,5			0,2	0,0
Кавказ	27,1	50,8	23,1	31,4	7,0	9,6	2,4	7,3
Туркестан	2,9	12,1		4,4	3,3			7,3
КВЖД								
Приморская								
Польша	0,9			0,5	11,9	45,6	2,4	26,8
Всего	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**

согласно которой относительные размеры провозных плат снижались по мере увеличения пробега груза (см. табл. 4.43).

Поясним действие тарифа следующим примером. Согласно приведенной схеме (с 1905 г. платы по ней были увеличены на 8 %) доставка пуда рафинада, допустим, от станции Гнивань, на которой располагался Гниванский завод, до станции Жмеринка, находящейся в 21-й версте, обходилась в 1,29 коп., а в Проскуров, до которого было 113 верст, — в 10,17 коп. Другими словами, перевозка рафинада на 98 верст в первом поясе тарифной схемы стоила заводу 8,28 коп./ пуд. Но такая же разница была между провозными платами от станции Гнивань до Котельнича (Вятская губерния) — 68,72 коп./пуд за 1951 версту, и до Нижнего Новгорода — 60,48 коп./пуд за 1460 верст, т. е. 8,24 коп. за 491 версту. Влияние географического положения сильнее всего должно было сказываться на сравнительно небольших расстояниях и постепенно терять значение по мере увеличения пробега. Это делает понятной роль Юго-Западного края в структуре сбыта заводов, расположенных в этом регионе, и значительные размеры отправления рафинада с этих заводов в Поволжье и Заволжье, равно как и от-

Таблица 4.43. Общий тариф на перевозку рафинада (дифференциал А)

Расстояние, верст	Ставка, коп. с пудоверст	Расстояние, верст	Ставка, коп. с пудоверст
До 156	1/12	1024–1523	46,5+1/50
157–708	13,0+1/24	1524–4666	56,5+1,60
709–1023	36,0+1/30	Свыше4666	по 0,0252

Источник: Свод тарифов на перевозку сахарных грузов. СПб., 1905.

сутствие связей с заднепровскими и губерниями ЦЧР, в которых работали свои предприятия, конкурировать с которыми было сложно.

Тарифная система объясняет также важную роль, которую играли в торговле заводов Юго-Западного края перевозки на Кавказ. Помимо приведенного выше общего тарифа, существовало несколько исключительных, т. е. льготных тарифов. Так, тариф для перевозок в прямом Кавказско-Закаспийском сообщении, когда груз в черноморских портах, таких, как Одесса или Николаев, перегружался на пароход и следовал морем до Поти или Батума, а затем переотправлялся дальше по Закавказской железной дороге, удешевлял провоз рафинада от той же, например, станции Гнивань до Эривани на 7,15 коп./пуд., а до Баку — на 8,77 коп./пуд в сравнении с обычным тарифом. Кроме этого тарифа для поощрения вывоза сахара в Персию и Турцию был установлен льготный тариф на перевозку рафинада от всех станций до Баку и Петровска через Баладжары, по которому, начиная с 783 верст, ставка равнялась 38,0 коп. + 1/100 коп. с пудоверсты. То есть, по этому тарифу Гниванский завод платил за 2358 верст до Баку 52,76 коп. за пуд вместо 76,05 коп. по общему тарифу. Понятно, что эти тарифы существенно «приближали» Кавказ к предприятиям Юго-Западного края (точнее, к ним прежде всего), делая его для них таким же традиционным рынком сбыта, как и губернии, расположенные вдоль Юго-Западных железных дорог.

То отношение между внутрироссийскими рынками сбыта, которое должно было бы существовать вследствие географического положения и общей тарифной схемы, нарушалось системой льготных тарифов, применявшихся к перевозкам продукции трех московских заводов, Петербургского Кенига, Тульского завода Т-ва бр.Терещенко, Земетчинского завода княгини Долгорукой, Ново-Покровского завода гр.Орлова-Давыдова (два последних находились в Тамбовской губернии) и располагавшихся в Самарской губернии Тимашевскоого удельного и Богатовского заводов.

В 1898 г. при установлении этих тарифов (тамбовские заводы тогда еще не были построены) Министерство финансов исходило из того, что этим предприятиям дороже, чем остальным, обходится доставка песка, и поэтому снижение стоимости перевозки рафинада должно было компенсировать эти переплаты. Московские, Петербургский и Тульский заводы транспортировали свой сахар по тарифу, установленному для перевозок песка (дифференциал Б), что давало скидку от 2 до 5 коп./пуд. Им были предоставлены специальные тарифы до Нижнего Новгорода, Казани, Ярославля и Москвы (для Тульского завода). Это удешевляло провоз рафинада до Ярославля из Москвы на 4,72 коп./пуд, из Тулы — на 4,90 коп./пуд, до Нижнего Новгорода из Москвы — на 7,88 коп./пуд, из Тулы — на 9,15 коп./пуд, до Казани —

на 20,11 и 21,28 коп./пуд соответственно, до Москвы из Тулы — на 7,39 коп/пуд в сравнении с дифференциалом А. Эти льготы тем более повысили конкурентоспособность рафинада этих заводов, что на рубеже XIX–XX вв. сильно развилась культура сахарной свеклы в таких губерниях, как Курская, Воронежская, Орловская и Тамбовская. Средняя взвешенная стоимость доставки пуда сахарного песка в Тулу и Москву в 1902–1913 гг. соответствует перевозкам примерно из окрестностей Белгорода и Курска, но отнюдь не из Юго-Западного края, как это было в момент установления исключительных тарифов[24].

Во всех отношениях очень показательна начавшаяся с 1905 г. транспортировка рафинада из Москвы вниз по Москве-реке, Оке и далее на Волгу. Надо думать, она была связана с введением в 1905 г. 8% надбавки к железнодорожным тарифам на перевозку сахара (лишь для самарских заводов она составила 5 %), а, возможно, и с затруднениями, которые испытывали заводчики в 1905 г. из-за забастовок. Как бы то ни было, уже к 1910 г. объем водных перевозок сахара из Москвы увеличился в 10 раз и превысил 1 млн.пуд. Одновременно падали размеры железнодорожных перевозок рафинада из Москвы в Нижний Новгород; к 1913 г. они уменьшились в 8 раз — с 320 до 40 тыс. пуд. (см. таблицу). Источники сообщают, что московские заводчики использовали льготные тарифы зимой, а в период навигации отправляли сахар водой. Есть сведения о том, что московский рафинад доходил даже до Уфы и Астрахани[25].

Таблица 4.44. Соотношение водных и железнодорожных перевозок из Москвы в Нижний Новгород в 1902–1913 гг. (т.п.)

Направление	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Из Москвы в Нижний Новгород по рельсам	320	317	341	341	303	136	97	48	53	41	35	40
Из Москвы вниз по Москве-реке и Оке				110	184	475	613	675	1058	777	1068	1057
Из Рязани вниз по Оке				6	21	7	19	76	100	211	577	563
Получено в Нижнем Новгороде на пр. Ока			1	10	119	201	468	546	683	953	860	1076

Источники: Сводная статистика; Статистический сборник МПС.

Понятно, что другие заводчики, заинтересованные в обширном нижегородском рынке, не остались равнодушными зрителями, о чем говорит резкий рост перевозок из Рязани вниз по Оке с 1909 г. Так, Мариинский завод посылал через Рязань смешанным железнодорожно-водным путем в Казань и Нижний Новгород 200 и 100 тыс. пуд. соответственно. Таким же способом пытался сохранить эти рынки и Павловский завод. Смешанная транспортировка обходилась примерно на 10 коп./пуд дешевле сплошной железнодорожной перевозки. Несомненно, сам факт столь энергичной борьбы за снижение транспортных расходов симптоматичен, поскольку отражает обострение конкурентной борьбы на сахарном рынке России[26].

Насколько повышали конкурентоспособность исключительные тарифы, применявшиеся к перевозкам рафинада удельного Тимашевского и Богатовского заводов на вос-

ток (т. е. по Самаро-Златоустовской, Сибирской, Средне-Азиатской и Ташкентской — после ее открытия — железным дорогам), лучше всего характеризует следующий факт. Если сахар, посылавшийся в эти регионы с других заводов, перегружался в Тимашево или Богатом и с этих станций как бы заново отправлялся к месту назначения, но уже по льготному тарифу, то такая операция обходилась дешевле прямой транспортировки по дифференциалу А, даже несмотря на рост накладных расходов (развитие таких махинаций вызвало ответные меры Департамента железнодорожных дел).

Для изучаемых сюжетов весьма важна записка, составленная представителем Азовско-Донского банка в 1911 г. после осмотра этих двух заводов на предмет их покупки и последующей эксплуатации, в которой есть квалифицированная оценка связи географического положения данных предприятий, тарифной системы и конкурентоспособности их продукции на рынке (записка составлена в форме ответов на интересовавшие главу банка, Б. А. Каменку, вопросы).

«**Обеспеченность рынков сбыта.** — Это вопрос никаких сомнений вызывать не может: восточная Европейская Россия, Средняя Азия и Ташкентский край представляют собой огромную территорию со значительным потреблением сахара; сюда стекается *излишек товара всех рафинадных заводов, не успевших сбыть своего всего производства на более выгодных для них ближайших рынках*. Соединение Тимашевского и Богатовского заводов в этом смысле, несомненно, очень полезно.

Выгодность цен этих рынков. *Для южных заводов эти рынки обычно дают худшую выручку, чем ближайшие рынки, это, конечно, понятно само собой и между прочим объясняется также и тем огромным предложением, которое здесь преобладает*, а если прибавить сюда недоброкачественные приемы множества снующих здесь представителей по продаже, то станет ясным, что местные покупатели предъявляют капризные требования, особливо по удлинению сроков платежей, что значительно удешевляет выручку, в этом смысле Тимашевский удельный завод до сих пор особенно балует своих покупателей.

Возможность конкуренции с южными заводами. Ответ на сей вопрос мы получим из сопоставления тарифных ставок на песок и рафинад, а для сравнения возьмем Харьковский рафинадный, хотя и имеющий в своем районе достаточно песков, которые, однако, расцениваются в Харькове обычно от 10 до 15 копеек против цен типичных южных станций, примем в 12 коп. Рассматриваемые два завода черпают сырье главным образом из Юго-Западный край паритет, например, Погребище, причем их тариф имеет льготу в надбавке всего 5 % вместо 8 %, таким образом их тариф около 67 коп., т. е. пески им обходятся на 55 коп. дороже.

Сравним теперь тариф на рафинад, выбирая для этого, например, Иркутск и Сретенск, причем обращаем внимание, что рассматриваемые два завода имеют специальный тариф: Харьков — Иркутск — 132,38 коп., Богатое — Иркутск — 73,48 коп. Разница в пользу Богатого 58,9, а в общем 58,9–55, или 3,9 коп.

Харьков — Сретенск — 166,07, Богатое — Сретенск — 94,58, разница 71,48, а в общем равна 16,48 коп.

Хотя южные заводы и выигрывают при дифференциальном тарифе на дальние расстояния, но доколе существует специальный тариф для Тимашева и Богатое, они успеш-

но конкурируют с южными заводами; выгода усиливается близостью заводов к рынкам и возможностью быстрой доставки товара; мы уже не говорим о лучшей осведомленности их как предприятий местных и тому подобных коммерческих соображений, среди коих немалую роль играет накладной расход на тару рафинада...

Насколько это дело подходящее при общих неблагоприятных условиях рафинадного производства. — Разумея под неблагоприятными условиями возможность уничтожения Соглашения рафинеров — мы не видим для этих заводов более худшего положения, чем для остальных рафинадных заводов, и тогда здесь, как и повсюду, все будет зависеть от взаимоотношения цен песка и рафинада в связи с пере производством последнего. *Единственное условие, когда рассматриваемые заводы не могли бы существовать — это уничтожение специального тарифа, созданного для нивелировки удорожания стоимости песка вследствие дальней перевозки*. но в это плохо верится, ибо тогда следовало бы самую идею специальных (исключительных) тарифов уничтожить, что повлекло бы за собой падение и многих других заводов (Тульского, Московского, Петербургского)»[27].

Таким образом, автор доклада прямо и недвусмысленно ставит саму возможность успешного функционирования предприятий, пользующихся при транспортировке своей продукции исключительными тарифами, в зависимость от этих льгот. Убеждают в этом даже не приведенные автором расчеты, ибо они достаточно искусственны (примечание — например, Тимашевский завод посылал рафинад в Сретенск даже не каждый год, а Иркутск, хотя и был крупным потребителем его рафинада, но по значению далеко уступал Омску, Новониколаевску, Оренбургу, т. е. городам, расположенным гораздо ближе к заводу), а сам факт стабильной деятельности данных предприятий.

Со временем, надо сказать, конкуренты этих предприятий нашли адекватное средство уравновесить преимущества последних (подробнее об этом — ниже).

Система исключительных тарифов вызывала понятное недовольство остальных заводчиков, неоднократно ходатайствовавших перед Тарифным комитетом Департамента железнодорожных дел и об их отмене, и об уравнении своих собственных заводов с перечисленными. Сами по себе прения на Общих тарифных съездах чаще всего скучны, как всякие лоббистские дискуссии, в которых стороны соревнуются в том, кто из них больше обделен окружающей действительностью. Приводимые ими подсчеты нередко искусственны. Однако иногда среди жалоб встречаются и ценные сведения.

Так, на 122-м Общем тарифном съезде (вопрос № 20 повестки дня съезда) представитель рафинеров Харьковского района сообщал, что «сахар Харьковского района не имеет собственных рынков сбыта, а поступает на те же рынки, что и сахар других заводов, а именно: на рынки, обслуживаемые подвозом по отправлению из районов Тула-Лихвин-Земетчино-Богатое-Тимашево и с юго-запада через Одессу-Николаев. Но там он не в равных условиях, поскольку те пользуются низкими исключительными тарифами[28]. Харьковский район вынужден искать сделок на рынках северных, северо-восточных и восточных, и во всех случаях он более удален от них, чем „льготные“ заводы. Не лучше дела и с южными, юго-восточными рынками. Хотя тут и нет привилегий для других районов, все равно, с одной стороны, ввиду возможности для юго-западного района пользоваться дешевым фрахтом, с другой стороны, ввиду существования более

близких к рынкам сбыта заводов. Следовательно, и тут убытки. На юго-западе нечего и думать конкурировать»[29]. В невыгодном положении харьковские рафинеры и на кавказском рынке. По назначению в Тифлис: по отправлению со станции Сумы (921 вер. пуд., или 46,55), Смородино — 44,57, Харьков — 41,04, Черкассы — 35,24, Златополь — 36,36, Гнивань — 37,49. Тут, конечно, сказывается географическое положение, но ведь оно должно влиять на всех одинаково.

«Покровительственный характер исключительных тарифов на сахар выступает с полной рельефностью, а еще резче это выступает для харьковских рафинеров, так как чего же яснее стоять перед монополизированными рынками на Казань, на Нижний, на Ярославль, на Москву, на Оренбург, Ташкент, Омск, Иркутск, и т. д. и испытывать к тому же горечь положения идти на эти неприемлемые рынки, потому что некуда деваться, чтобы получить наличные средства для уплаты акциза, для платежей по плантациям, за топливо, машины и т. д.». Харьковские рафинеры очутились в центре района, окаймленного привилегированными пунктами, и они должны отправлять рафинад туда, куда поступает и «привилегированный сахар».

Только исключительными тарифами можно объяснить тот факт, что в Центральный район в 1906 г. привезли 1,5 млн.пуд. со станций Юго-Западных железных дорог (при пробеге 2000 верст с лишним), а ведь есть источники песка куда ближе — вокруг станции Коренево располагаются 38 заводов, которые производят 12,5 млн.пуд. в год[30].

В 1892 г. была установлена, как казалось, «безобидно для всех заводов» общая тарифная схема. Но спустя 6 лет выяснилось, что она несколько невыгодна для Москвы и Тулы, потому что эти заводы тогда свой сырец-песок должны были получать с отдаленных Юго-Западных станций, которые были тогда главными поставщиками не только для центра, но и для удовлетворения песочного консума непосредственно потребителями больших рынков средней России, Волги, Урала, Сибири и т. д. Тогда еще в Курско-Харьковском районе все было слабо, и могли снабжать своим песком лишь местные рафинадные заводы. Следовательно, Москва и Тула возили свои пески с большой переплатой из отдаленных станций. Поэтому Общий тарифный съезд в 1898 г. дал Центру льготы (навигационные и исключительные)[31]. С 1898 г. свеклосахарная промышленность в Курско-Харьковском районе развилась так, что стала сильным конкурентом юго-западным заводам в деле снабжения губерний Центра и дальних рынков (включая рафинадные заводы в Туле и Москве). Средняя динамическая, по данным Департамента железнодорожных дел, была равна 34,30 коп., для Тулы — 26 коп., что соответственно равно окружности Белгорода.

Это изменение сильно вредит юго-западным заводам, и исключает у них всякую возможность для Юго-Запада сбывать свою продукцию в большинстве крупных центров, а если кое-где и продают по инерции, то во всяком случае без нормальной прибыли, поддерживая лишь отношение к рынку в надежде, что такая ненормальность, вызванная существующими еще исключительными тарифами, должна быть устранена.

М. И. Бройде, представитель Гниванского завода, высказал мнение, что изменение экономических условий должно доказать сопоставлением сумм средних динамических по доставке песка и отправке рафинада в крупные города, причем разных районов.

Следовательно, переплаты очень большие — от 4,5 до 16,13 коп. / пуд. против Москвы и от 15,34 до 17,5 коп. / пуд. против Тулы (см. табл. 4.45 и 4.45а).

Бройде заметил харьковским заводчикам, что они находятся в весьма благоприятном положении, имея естественными рынками ближайшие губернии степного Юга России, Северный Кавказ, Нижнее Поволжье. Гораздо хуже положение у заводов Юго-Запада. В этом регионе конкуренция очень острая из-за обилия заводов. Но этого мало. «**Нигде и никогда за последнее 15-летие не было случая, чтобы Гниванский завод продавал свой сахар не только в ближайшем Заднепровье, но даже в таких центральных губерниях, как Калужская, Смоленская, Курская, Тульская, Тамбовская, Орловская, Воронежская, Пензенская и т. д., так как он то сталкивается с влиянием крайне выгодного положения курско-харьковских заводов, то с исключительными тарифами общего характера и исключительными же к исключительным для московских и тульского заводов**»[32]. Поэтому Гниванский завод вынужден организовать сбыт в Заволжье, на Урале, в Сибири. Как можно видеть, приведенные выше данные «Сводной статистики» буквально подтверждают эти слова Бройде. Он добавляет, что и в этих регионах нет «нормальной пользы», ибо Тимашево и Богатое тоже имеют исключительные тарифы. В 1905 г. вместо 8 % прибавки к тарифам, у них — 5 %. По тому же способу:

Таблица 4.45б. Сопоставление провозных плат (коп./пуд.)

Заводы	Самара	Оренбург	Екатеринбург	Иркутск	Ташкент
Гнивань	70,13	77,22	91,24	150,24	108,47
Бобринская	68,1	75,19	89,21	147,19	106,44
Тимашево	63,93	65,98	79,77	129,44	99,37

И здесь такая же картина.

Бройде тем же «динамическим» расчетом показал, что претензии харьковских рафинеров не основательны. По данным 1905 г. суммы ставок для Калуги от Сум = 34,29, Харькова — 44,5, для Владимира от Сум 47,77, т. е. варьируют около ставок Москвы и Тулы, ставка от Сум до Калуги даже меньше Москвы на 10 коп., но чуть выше на Владимир. «В особенно выгодном положении оказывается Харьковская группа заводов на средней и южной Волге, на Дону, по Ташкентской железной дороге и даже в Баку. Например, тариф Сумы — Ташкент равен 99,18 (у Тимашева 99,37).

Таблица 4.45в. Сопоставление провозных плат (коп./пуд.)

Заводы	Самара	Казань	Ростов	Баку
Сумы	60,3	63,89	40,59	50,96
Бобринская	68,1	71,14	45,2	53,36
Гнивань	70,13	73,17	55,98	56,37

Следовательно, положение Харьковской группы наиболее выгодно в Центре, в Донской области, по Балашевской линии, Орловской и Киево-Воронежской линиям, нижней и средней Волге она вне тарифной конкуренции и даже в Баку ее положение выгоднее, чем юго-западных заводов. С другой стороны они близки и к «исключительным» заводам и в Заволжье, на Урале и в Сибири не уступают им «в выгоде»[33].

Таблица 4.45. Сопоставление провозных плат (коп./пуд)

Заводы	Калуга			Владимир		
	Подвоз песка к рафинад. заводам	Провоз рафинада	Сумма	Подвоз песка к рафинад. заводам	Провоз рафинада	Сумма
Москва	34,3	10,27	44,57	34,3	10,26	44,56
Тула	26	5,49	31,49	26	19,15	45,15
Бобринск	4,13	41,52	45,65	4,13	56,89	61,02
Гнивань	3,6	45,57	49,17	3,6	57,09	60,69

Таблица 4.45а. Сопоставление провозных плат (коп./пуд.)

Заводы	Ярославль			Нижний Новгород				Казань	
	Подвоз песка к рафинад. заводам	Провоз рафинада	Сумма	Подвоз песка к рафинад. заводам	Провоз рафинада	Сумма	Подвоз песка к рафинад. заводам	Провоз рафинада	Сумма
Москва	34,3	14,09	48,39	34,3	16,59	50,89	34,3	21,59	55,89
Тула	26	22,82	48,82	26	25,32	51,32	26	30,32	56,32
Бобринская	4,13	59,34	63,47	4,13	61,79	65,92	4,13	67,01	71,14
Гнивань	3,6	59,01	62,61	3,6	61,94	65,54	3,6	69,57	73,17

Тема исключительных тарифов и их влияния на рынок требует специального анализа, который проводить сейчас кажется излишним. У каждой из сторон были свои резоны, однако позиция большинства рафинеров, во многом кажется справедливой.

* * *

Потребление сахара росло в отдельных частях страны неравномерно, что хорошо заметно при анализе динамики получения рафинада отдельными губерниями и железными дорогами. Помимо обычных факторов, оказывающих влияние на уровень покупательной способности населения (размеры урожаев в данной губернии, рост заработной платы и т. д.) в рассматриваемый период существенную роль играла также миграция населения в Азиатскую Россию, в ходе которой некоторые губернии покинули десятки и сотни тысяч крестьян. Это необходимо учитывать, исследуя динамику потребления.

Различия в темпах роста потребления сахара оказывали серьезное воздействие на конкурентную борьбу между рафинерами, ибо появление новых заводов там, где рафинад ранее либо вовсе не производился (Полтавская, Тамбовская, Воронежская губернии), либо вырабатывался в сравнительно небольших размерах (Волынская, Курская губернии), а также

Таблица 4.46. Получение рафинада на станции Старая Русса в 1901–1913 гг. (тыс. пуд.)

Завод	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1913
Тростянецкий	50	54	58	43	54	23	22	10	8	1	8
Петербургский	16	15	14	13	14	14	16	13	13	10	8
Киевский	2				1						
Михайловский						2		2	3	3	17
Бурынский					2	3	18	15	18	11	18
Черкасский				1		8	3				1
Федоровский						1			4	1	4
Белоколодез.							1				
Добржелинск.								14	5	14	8
Люблинский									5	4	
Мариинский								5	3		
Шепетов-корец						6	9	4	6	7	7
Павловский	1										1
Харьковский									1		
Корюковский				1						1	4
Москва											1
Янушпольский								3	6	12	4
Всего	**69**	**69**	**72**	**58**	**71**	**57**	**69**	**66**	**72**	**64**	**81**
Доля заводов Кенига (%)	**95,7**	**100**	**100**	**96,7**	**95,8**	**64,9**	**55,1**	**50**	**29,2**	**17,2**	**19,8**

увеличение мощности, иногда на 100 % старых предприятий, вносили значительные изменения в сложившуюся к началу XX в. структуру потребления отдельных регионов.

В истории рафинадного рынка России переломным стал 1905/1906 производственный год, т. е. время «первой волны» постройки новых заводов. В это время существенно уменьшаются, а в ряде случаев совершенно прекращаются перевозки из заводов Харьковской губернии — Павловского Харитоненко, Харьковского и Тростянецкого Кенига — на северо-запад страны, откуда их начинают активно и весьма успешно вытеснять заводы Курской, Волынской губернии, а также польские. Можно думать, что этот процесс особенно болезненно переживался фирмой Кенигов, ибо он подорвал ее бесспорную монополию в соседних с Петербургской губерниях. Несколько типичных примеров.

Данные этих таблиц едва ли требуют подробного комментария. Если в 1902–1906 гг. можно говорить либо о полной монополии Кенигов в указанных пунктах (они выбраны как типичные), либо о явном доминировании, то с 1907 г. картина меняется. В Старой Руссе и Порхове их позиции были полностью подорваны. Заметно увеличивается роль таких заводов, как Михайловский, Добржелинский, заводов графа Потоцкого, а также Бурынского. Нетрудно видеть, что в большинстве своем это новые или расширенные песочно-рафинадные заводы Юго-Запада, Курской губернии и Польши. Сравнение порайонных данных за 1901, 1908 и 1913 гг., как мы видели, подтверждает это.

Конкурентная борьба, нарушение привычного распределения рынков вынуждали заводчиков искать новые направления сбыта. Одним из наиболее распространенных вариантов было увеличение экспорта в Персию, Турцию, Афганистан, а также активизация торгового освоения Сибири и Дальнего Востока. По данным «Сводной

статистики» в 1910–1913 гг. Т-во бр. Терещенко отправляло на Дальний Восток 100–200 тыс. пуд. ежегодно, Торг. Дом И. Г. Харитоненко — от 300 до 520 тыс. пуд. — цифры впечатляющие. Конкуренция обострилась и в этом регионе. Так, уполномоченный по продаже удельного сахара сообщал в Петербург осенью 1913 г., что период 1912–1913 г. «был малоблагоприятен для сбыта Тимашевского рафинада, особенно в Сибири и особенно в районе Иркутского удельного склада, где из Забайкалья нас вытесняют южные рафинадные заводы, имеющие более дешевый морской фрахт через Одессу-Владивосток»[34].

Однако не всегда новые рынки давали ощутимые преимущества в сравнении со старыми, о чем говорят циркуляры Б. И. Ханенко, отправленные в Главную контору Т-ва бр. Терещенко. Так, 2 сентября 1911 г. он приказывает «Владивостокскую контору перевести в подчинение Иркутской, а во Владивостоке оставить только одного артельщика»[35]. Пятого сентября он пишет следующее: «Конторы Московская и Орловская жалуются на нехватку в сем году рафинада и песка для продажи, а мы продавали... себе в убыток, засылали его в Симферополь, Сибирь и другие места. Прошу немедленно сделать распределение рафинада между конторами и представить на утверждение Правления, причем в конторы отдаленные сократить и даже совсем прекратить отпуск рафинада, и всех агентов, торговавших в убыток, сейчас же уволить от службы»[36].

Эти отрывки хорошо иллюстрируют как тезис о сложности учета спроса в отраслях, производящих продукцию массового потребления, так и его специфическое проявление в условиях громадного российского рынка: **слабое знание региональной конъюнктуры, особенностей районов,** которое можно объяснить логично только скоростью, с которой происходило завоевание новых рынков в условиях перепроизводства рафинада, и обостряющейся конкуренцией.

Не следует абсолютизировать влияние географического положения на сбытовую деятельность. Эта тенденция, как и всякая тенденция экономического развития, обладала достаточной вариабельностью форм реализации. Достаточно привести один пример (табл. 4.48).

Таким образом, основными поставщиками рафинада в Курск в начале XX в. были Корюковский и Марьинский заводы. Однако при этом первый располагался в 354-х верстах от города и платил за перевозку рафинада 23,67 коп/пуд, а второй — в 56-ти верстах и ему провоз пуда рафинада стоил лишь 5,04 коп. Свидетельство о постановке дела на Курском складе Марьинского завода (см. выше) в значительной степени объясняет это несоответствие. Можно полагать также, что традиционные позиции лидеров отрасли — Корюковского, да и Киевского заводов — в таких смежных зонах, как Курская, Воронежская и Орловская губернии, были достаточно сильны, и эти предприятия могли вести выгодную торговлю даже при тарифных минусах в 10–15 коп. в сравнении с конкурентами. Бродские постоянно принципиально держали цену выше других заводов.

И все же, несмотря на приведенный только что факт, именно географическое положение было основным фактором, влиявшим на направления сбыта. Его можно уподобить некоей константе, а тарифную систему — своего рода коэффициенту. Первое, умноженное на второе, и определяет в целом географические направления сбытовой деятельности каждого из предприятий рафинадной промышленности.

Таблица 4.48. Получение рафинада на станции Курск в 1902–1913 гг. (тыс. пуд.)

Завод	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1913	Всего
Корюковский	16	43	22	44	22	31	43	49	34	48	34	396
Михайловский	6	20	32	5	3	2	2	4	1	0	3	78
Киевский	18	37	10	29	34	28	4	26	37	27	29	281
Бурынский	0	0	3	19	18	23	29	18	19	11	24	164
Мариинский	8	18	33	29	47	31	29	21	35	53	52	356
Чутовский	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	3	4
Павловский	5	14	15	5	3	4	0	22	16	10	9	103
Белоколодезский	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1
Черкасский	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Дерюгинский	0	0	0	5	2	2	0	0	0	1	0	8
Ходорковский	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1

Очевидно, что Соглашение рафинеров, оказывая определенное воздействие на размеры производства и общего количества рафинада, обращавшегося на рынке, не имело возможности непосредственно влиять на географию сбыта фирм-участников Соглашения.

Напомню заданный выше вопрос — чем вызывались изменения в географической структуре сбыта отдельных рафинадных заводов, прежде всего лидирующих? Была ли причиной тому конкуренция, или поиск новых более выгодных рынков сбыта, или комплекс причин?

В нашем распоряжении есть документ, степень важности которого легко оценить. Осенью 1913 г. руководству Главного Управления Уделов сообщалось, что «1912–1913 гг. был мало благоприятен для сбыта Тимашевского рафинада, особенно в Сибири и особенно в районе Иркутского удельного склада», в частности, потому, что «из Забайкалья нас вытесняют южные рафинадные заводы, имеющие более дешевый водный фрахт через Одессу-Владивосток... А по городу Иркутску с прилегающим к нему Ленским районом ввиду слабой кредитоспособности покупателей этого района были сокращены кредиты, что в свою очередь и вызвало сокращение сбыта рафинада — поэтому остаток рафинада следует признать нормальным. Кусковой 1-го сорта был слабого качества, почему и сбыт его уменьшился на 45–50 тыс. пуд.»[37].

То есть, изменение (в данном случае — сокращение) объемов сбыта могло вызываться и конкуренцией, и причинами как производственного характера, так и связанными с общей торгово-экономической ситуацией в том или ином районе.

И все же — можно ли понять, какой из факторов был важнее? Кажется, да.

Очевидно, что каждый завод, как и любой продавец во все времена, при прочих равных, предпочитал сеть устойчивых покупателей своего товара ее отсутствию. Вместе с тем теоретически каждый завод был заинтересован не столько в том, чтобы посылать рафинад в одни и те же пункты, сколько в достижении оптимальных цен. Это совершенно точно определил приведенный выше фрагмент письма Б. А. Каменке (август 1908 г.): «**Мы, строго говоря, вовсе не озабочены приисканием рын-**

ков, у нас (в России. — *М. Д.***) в общем рафинада не хватает и сбыт обеспечен. Нас интересуют новые рынки лишь постольку, поскольку они бы давали лучшие цены»**[38].

Но всегда ли можно было их достичь?

Приведенная мысль соответствовала ситуации 1907–1908 г., когда производство рафинада составило 39,0 млн.пуд., а потребление — 40,9 млн. пуд. (см. таблицу 4.1). Но уже в 1909–1910 гг. оба показателя увеличились до 50,2 млн. пуд. (т. е. на 28,7 %) и 48,0 млн. пуд. (т. е. на 17,4 %) и оставались примерно на этом уровне до 1911–1912 г., когда потребление возросло до 52,3 млн. пуд. А уже в 1912–1913 г. выработка составила 57,8 млн. пуд., потребление же — 55,6 млн. пуд. Итак, всего лишь за 5 лет производство рафинада в России увеличилось на 48,3 %, а потребление — на 35,9 %.

Нужно ли говорить, **как** это изменило ситуацию на рынке, ставшем, условно говоря, рынком покупателя, а не продавца.

Учитывая конкретные условия функционирования отраслевого рынка в 1908–1913 гг. убежден, что основной движущей силой изменений в географии сбыта была именно конкуренция предприятий друг с другом.

Правильнее, конечно, говорить о конкуренции *продукции* тех или иных заводов. Но по большому счету не так уж важно, имела ли место прямая или опосредованная конкуренция. Рынок видоизменялся. «Патриархальные нравы» сахарной торговли XIX в. начинали уходить в прошлое. Намного активнее в делах отрасли стали участвовать банки. Но суть от этого не меняется. В **условиях роста** конкуренции (новых заводов в том числе) для рафинеров важно было попросту разместить свою продукцию на рынке. А как разместить, вопрос второй. Важно было продать. При **радикальном увеличении** производства слова «у нас рафинада в общем не хватает, и сбыт обеспечен», сказанные в момент, когда Соглашение рафинеров более или менее нормально работало, и выработка сахара, по возможности, сдерживалась, уже не были адекватны ситуации.

На отраслевом рынке шла упорная борьба за потребителя, от которой он, потребитель, только выигрывал. Отсюда и фиксируемые «Сводной статистикой» перемены в структуре рынков сбыта, сокращение торговли в традиционных районах и поиск, притом не всегда оправданный, новых рынков, особенно в Азиатской России, о чем уже говорилось. Последнее чрезвычайно характерно. Ведь именно там шансы большинства заводов были примерно равны в силу дифференциального построения тарифа. При этом, как не раз отмечалось выше, продажи в Азиатской части Империи были менее выгодны в силу ряда причин; туда отправлялся прежде всего тот сахар, который не находил помещения в более близких районах. Но в условиях избытка рафинада на рынке выбирать не приходилось. Что же касается Европейской России, то здесь мы видим иную картину. Гниванский завод увеличивает производство, но прирост продукции размещается на традиционных в целом рынках, подобно остальным заводам Юго-Западного края. Михайловский завод удваивает выработку и начинает экспансию там, где это возможно для него по тарифным условиям. То есть, географическое положение предприятий определяет, если так можно выразиться, пространственные контуры их выживания в условиях избытка рафинада на рынке.

* * *

Проведенное исследование показало что «Сводная статистика» пригодна для анализа отраслевого промышленного рынка и позволяет решать разнообразные задачи, связанные с таким анализом. Источник дает возможность восстановить географическую структуру рафинадного рынка России в той части, которая касается железнодорожных перевозок, определить рынки сбыта отдельных заводов, проследить их развитие в динамике и т.д. Вместе с тем материалы этой главы доказательно убеждают в том, что для анализа именно промышленного рынка в высшей степени необходимо сочетание статистических и нарративных источников. И те, и другие обладают самостоятельной ценностью, но используемые в совокупности они могут дать по-настоящему серьезное знание и понимание изучаемой проблематики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Дробижев В.З., Ковальченко И.Д., Муравьев А.М.* Историческая география. М., 1978. С. 183–184.
2. ЦГИА Украины. Ф. 666. Оп. 1. Д. 256. Л. 78.
3. РГИА. Ф. 616. Оп. 1. Д. 195. Л. 146об–147.
4. РГИА. Ф. 515. Оп.78. Д. Л.36–36об.
5. Там же. Лл. 33об–34.
6. Там же. Л. 34–35.
7. Там же. Л. 38.
8. Там же. Л. 40–40об.
9. Там же. Лл.46–46об.
10. Там же. Лл. 49–50.
11. Материалы по истории СССР. Т. 6. М., 1959. С. 713–714.
12. РГИА. Ф. 616. Оп. 1. Д. 664. Л. 31.
13. РГИА. Ф. 595. Оп. 6. Д. 23. Л. 18.
14. РГИА. Ф. 616. Оп. 1. Д. 195. Л. 89.
15. ГАКО. Ф. 1556. Ф. 1. Д. 107. Л. 9–9об.
16. Там же. Д. 81. Л. 9–9об.
17. Там же. Л. 26.
18. Прим. 21 к § 3 главы 4.
19. РГИА. Ф.616. Оп. 1. Д. 194. Л. 236–237об.
20. РГИА. Ф. 616. Оп. 1. Д. 195. Л. 273–273об.
21. Там же. Л. 285.
22. Там же. Л. 95–95об.
23. Протокол заседания Комитета рафинеров от 18 января 1906 г. С. 7.
24. *Давыдов М.А.* К вопросу о методике анализа рынков сбыта промышленных предприятий (На примере рафинадной промышленности России) // Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М., 1985. С. 89–90.
25. Там же. С. 90–91.
26. Там же. С. 91.
27. РГИА. Ф. 616. Оп. 1. Д. 640. Л. 1–2 (курсив мой. — *М.Д.*).

28. РГИА. Ф. 268. Оп. 2. Д. 1391. Л. 41–42/1–3/.
29. Там же. Л. 42об /4/.
30. Там же. Л. 43–44 /5–8/.
31. Там же. Л. 46–46об /11–12/.
32. Там же. Л. 48.
33. Там же. Л. 48–48об.
34. РГИА. Ф.515. Оп. 78. Д. 2054. Л. 39.
35. РГИА. Ф. 1102. Оп. 3. Д. 939. Л. 444.
36. Там же.
37. РГИА. Ф. 515. Оп. 78. Д. 2054. Л. 39.
38. РГИА. Ф. 616. Оп. 1. Д. 195. Л. 273–27.

Глава 5
СРЕДНЯЯ АЗИЯ В СИСТЕМЕ ВСЕРОССИЙСКОГО РЫНКА В НАЧАЛЕ XX в. ПО ДАННЫМ «СВОДНОЙ СТАТИСТИКИ»

Данная глава посвящена уточнению места и роли Средней Азии в российской экономике на основании данных «Сводной статистики». Разумеется, эта проблема не может быть всесторонне проанализирована в рамках одной из глав монографии. Однако следует заметить, что предпринимаемое исследование имеет прежде всего установочный характер и должно не только ответить на ряд конкретно поставленных вопросов, но и наметить пути дальнейшего изучения сюжетов, связанных с проблематикой региональных рынков, с учетом возможностей расширения источниковой базы за счет железнодорожной статистики.

В большинстве работ, анализирующих экономическое развитие азиатской части Империи, исследования проводились в ракурсе «распространения капитализма вширь». Преимущественное внимание уделялось колонизации, степени патриархальности социально-экономических отношений, констатации роста «колониальной эксплуатации», тормозящей роли царизма в экономической эволюции отдельных районов и др. Значительное место в историографии занимают рассуждения об экономических связях восточных окраин с «Европейским центром», притом связи эти всегда трактуются как «колониальные» — окраины поставляют сырье и продукцию сельского хозяйства, а ввозят промышленные товары, а обмен — как неэквивалентный (что, строго говоря, еще не доказано). Это и понятно, ибо иначе было невозможно говорить ни о «развитии капитализма вширь», ни о колониальной эксплуатации. Непонятно другое — как исследователи до сих пор обходились без массового статистического материала, если и не подтверждающего эти соображения детально, то хотя бы характеризующего указанные торгово-экономические контакты. Впрочем, надо думать, в ряде случаев это происходило потому, что ответ был известен заранее: капитализм «развивался вширь», а эксплуатация возрастала. Задача этой главы — анализ рыночных связей между Европейской Россией и Средней Азией на основании данных железнодорожной статистики. Это должно определить место, которое занимал этот регион в системе всероссийского рынка (аграрного и промышленного) в эпоху, которая традиционно связывается лишь с перерастанием капитализма в империалистическую стадию, выяснить направление экономических связей, уточнить, насколько они были важны для обеих сторон и поставить на конкретную фактическую основу рассуждения о типе отношений между Средней Азией и Европейской частью страны.

В данной главе на основании данных «Сводной статистики» рассматриваются количественные параметры ввоза в Среднюю Азию ряда наиболее важных народнохозяйственных

товаров и потребительских грузов. Это позволит в общем виде понять значение региона как рынка сбыта для промышленности Европейской России и определить место, которое занимал Туркестан в системе всероссийского промышленного рынка в эпоху, которая традиционно связывается лишь с перерастанием капитализма в империалистическую стадию, выяснить направление экономических связей, уточнить, насколько они были важны для обеих сторон и поставить на конкретную фактическую основу рассуждения о типе экономических отношений между Средней Азией и Европейской частью страны.

Отдельной задачей главы является изучение влияния открытия движения по Ташкентской железной дороге.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ КАК РЫНОК СБЫТА ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ В НАЧАЛЕ XX в.

Вообще говоря, решение подобной проблемы на основании данных «Сводной статистики» не представляет большой методической трудности — достаточно собрать и проанализировать сведения о прибытии отобранных для изучения грузов за ряд лет, чтобы понимать динамику процесса их потребления, и установить станции-корреспонденты, отправлявшие эти товары в интересующий нас регион. Эта работа проделана, но прежде, чем сообщить о ее результатах, полагаю целесообразным провести своего рода предварительное исследование.

У нас есть возможность в общем виде определить удельный вес того или иного региона на отраслевом рынке. Это позволяют сделать данные использовавшегося уже в монографии издания «Материалы к пересмотру торгового договора России с Германией».

Изучение регионального рынка на основании железнодорожной статистики, как говорилось, предпринимается в историографии впервые. Однако априори понятно, что только установить объемы сбыта каких-либо товаров в той или иной местности хотя и важно, но недостаточно. Необходимо знать — много это или мало для данного отраслевого рынка в рассматриваемый период, насколько важную позицию занимал на этом рынке интересующий нас регион. Поэтому вряд ли нужно специально пояснять, насколько выиграет наше исследование в случае сопоставления Средней Азии с другим регионом. И, конечно, логичнее всего в качестве такого региона выбрать Сибирь.

Опыт показывает, что такой показатель, как доля региона в общем итоге перевозок, достаточно редко меняется радикально и в целом в большинстве случаев более или менее стабилен. Конечно, у каждого отраслевого рынка была своя специфика, и данные о железнодорожных перевозках не могут служить всеобъемлющим показателем потребления многих товаров. Нельзя забывать о весьма серьезной роли кустарного производства, например, в металлообработке. Тем не менее, трудно сомневаться, что железнодорожная статистика позволяет верно судить об основных чертах и характеристиках изучаемых процессов.

Начнем мы с перевозок черных металлов. Перевозки чугуна не в деле так малы и редки, что рассматривать их нет смысла. Обратимся к таблице 5.1.

Из таблицы следует, что получение железа и стали не в деле Средней Азией в 1909—1911 гг. составляло 1—1,1 % всех перевозок по стране, а Сибирью — 2,8—2,1 %,

Таблица 5.1. Получение железа, стали и жести Средней Азией и Сибирью (тыс. пуд.)

Наименование грузов	Годы	Всего по Империи	Получение Ср. Азии, тыс. пуд.	Получение Сибири, тыс. пуд.	Доля Ср. Азии в общем итоге, %	Доля Сибири в общем итоге, %
Железо и сталь не в деле	1909	91125	867	2579	1,0	2,8
	1910	109789	1255	2575	1,1	2,3
	1911	128525	1407	2643	1,1	2,1
Жесть черная и белая	1909	2185	43	35	2,0	1,6
	1910	2835	32	42	1,1	1,4
	1911	3149	42	40	1,3	1,3

Источник: Материалы к пересмотру торгового договора России с Германией...Ч. II. Вып. I.

Таблица 5.2. Получение металлических изделий гр.33, п.А.

Наименование грузов	Годы	Всего по Империи	Получение Ср.Азии, тыс. пуд.	Получение Сибири, тыс. пуд.	Доля Ср. Азии в общем итоге, %	Доля Сибири в общем итоге, %
Арки...	1902	2333	93	93	4,0	4,0
	1903	3030	128	609	4,2	20,1
	1909	2985	199	380	6,7	12,7
	1910	5146	213	957	4,1	18,6
	1911	5316	193	656	3,6	12,3

Источник: Материалы к пересмотру торгового договора России с Германией...Ч. II. Вып. I.

притом, что ее показатели практически неизменны, а среднеазиатские в 1910 г. возрастают почти вдвое в сравнении с 1909 г. Получение жести почти одинаково в обоих регионах и колеблется в пределах 1–2 % общего итога по Империи.

Железнодорожные тарифы разделяли металлические изделия на 10 подгрупп.

Рассмотрим данные о получении отдельных подгрупп Средней Азией и Сибирью.

Как можно видеть, доля Средней Азии в получении изделий подгруппы А составляет 3,6–4,2 %, поднимаясь в 1909 г. до 6,7 %. Однако это намного меньше аналогичных данных Сибири, достигающих в 1903 и 1909–1911 гг. 12–20 %, которые следует признать весьма значительными. Поскольку в эту подгруппу входили главным образом детали железнодорожных мостов, то высокие показатели Сибири, как кажется, следует связывать с активным железнодорожным строительством, которое велось там в указанные годы на Забайкальской и Сибирской железных дорогах, т. е. на территории Восточной Сибири, на Пермской дороге, проходившей и через Тобольскую губернию. Равным образом, полагаю, не случайно, что основная часть получения Средней Азии приходится на Сыр-Дарьинскую область, где достраивалась Ташкентская и строилась Ферганская железная дороги. Объяснение этим высоким показателям, полагаю, следует искать в таблице 5.3.

Таблица 5.3. Получение металлических изделий подгруппы А группы 33 губерниями и областями Сибири и Средней Азии (тыс. пуд.)

Губернии	1902	1903	1909	1910	1911
Енисейская	8	5	110	312	11
Забайкальская	7	232	157	76	184
Иркутская	49	327	70	504	297
Тобольская	2	4	13	29	104
Томская	6		9	11	15
Акмолинская	21	41	21	25	45
Всего	**93**	**609**	**380**	**957**	**656**
Закаспийская	15	2	27	5	9
Самаркандская	2		15	19	21
Сыр-Дарьинская	74	126	125	133	74
Ферганская	1		17	38	48
Бухара	1		15	18	41
Всего	**93**	**128**	**199**	**213**	**193**

Источник: Материалы к пересмотру торгового договора России с Германией...Ч. II. Вып. I.

Таблица 5.4. Получение металлических изделий подгрупп Б, Г и Е в Средней Азии и Сибири (тыс. пуд.)

Наименование грузов	Годы	Всего по Империи	Получение Ср. Азии, тыс. пуд.	Получение Сибири, тыс. пуд.	Доля Ср. Азии в общем итоге, %	Доля Сибири в общем итоге, %
Бадьи	1902	3791	42	161	1,1	4,2
	1903	4274	88	183	2,1	4,3
	1909	5354	139	339	2,6	6,3
	1910	6368	160	318	2,5	5,0
	1911	7411	230	375	3,1	5,1
Бандажи	1902	3093	9	151	0,3	4,9
	1903	2843	10	96	0,4	3,4
	1909	3140	12	223	0,4	7,1
	1910	3989	63	256	1,6	6,4
	1911	3905	16	247	0,4	6,3
Бабы, багры, баки	1902	6259	105	309	1,7	4,9
	1903	6989	151	247	2,2	3,5
	1909	6900	91	433	1,3	6,3
	1910	7562	85	358	1,1	4,7
	1911	8949	112	329	1,3	3,7

Источник: Материалы к пересмотру торгового договора России с Германией...Ч. II. Вып. I.

Таблица 5.5. Получение металлических изделий подгрупп М и П Средней Азией и Сибирью (тыс. пуд.)

Наименование грузов	Годы	Всего по Империи	Получение Ср. Азии, тыс. пуд.	Получение Сибири, тыс. пуд.	Доля Ср. Азии в общем итоге, %	Доля Сибири в общем итоге, %
Трубы и их части	1902	7320	142	85	1,9	1,2
	1903	8086	100	163	1,2	2
	1909	7814	38	206	0,5	2,6
	1910	9659	95	529	1,0	5,4
	1911	12163	116	381	1	3,1
Остальные предметы группы	1902	3508	18	125	0,5	3,6
	1903	4225	41	133	1,0	3,1
	1909	4347	74	198	1,7	4,6
	1910	5440	164	188	3,0	3,4
	1911	6578	172	171	2,6	2,6

Источник: Материалы к пересмотру торгового договора России с Германией... Ч. II. Вып. I.

Как следует из таблицы 5.4., металлических изделий подгрупп Б, Г и Е Средняя Азия получала в относительном выражении намного меньше, чем изделий подгруппы А: «бадей» от 1,1 до 3,1 %, «бандажей» — 0,3–0,4 %, лишь в 1910 г. 1,6 %, «баб, багров» — 1,1–2,2 %. Показатели Сибири всегда существенно (до десятков раз) выше показателей Средней Азии, притом, что доля Сибири в общеимперских перевозках весьма высока — в основном 4–7 %.

Столь же невелика доля Средней Азии в перевозках труб и их частей (0,5–1,9 %), несколько повышается она для «остальных предметов группы» (3,0–2,6 % в 1910–1911 гг.). Однако и здесь получение Сибири, как правило, больше. Надо заметить, что резкий рост транспортировки труб всегда предметно связан с работами по благоустройству в каком-то определенном городе. Так, большая часть труб отправленных в Среднюю Азию имела пунктом назначения Ташкент.

Обратимся теперь к металлическим изделиям сугубо бытового характера.

Таблица 5.6. показывает, что отмеченная выше тенденция сохраняется и для этих товаров. Доля Средней Азии в получении болтов не превышает 1,0 %, несколько выше она в получении гвоздей — 0,6–1,6 %, в получении проволоки она колеблется от 1,2 до 1,9 %, достигая в 1902 г. 3,7 % и единственный раз опережая Сибирь. Показатели последней за этим исключением на сотни процентов превосходят туркестанские и наглядно демонстрируют значимость региона на отраслевом рынке.

То же относится и к потреблению металлической посуды, ремесленных инструментов, а также скобяного и ножевого товаров. Отметим, что потребление Средней Азией товаров бытового назначения в целом растет. Отметим 2,7 % чугунной посуды, полученной в 1911 г., 1,9–4,4 % железной посуды и 3,5–3,8 % скобяного и ножевого товаров, что, возможно, следует связывать с усилившейся после завершения строительства Ташкентской железной дороги колонизацией Сыр-Дарьинской и Ферганской областей. Данные же Сибири, на которую приходилось до 7–8 % общероссийских перевозок металлической посуды, инструментов и других предметов хозяйственного обихода вполне

Таблица 5.6. Получение металлических изделий подгрупп В, Д, И Средней Азией и Сибирью (тыс. пуд.)

Наименование грузов	Годы	Всего по Империи	Получение Ср. Азии, тыс. пуд.	Получение Сибири, тыс. пуд.	Доля Ср. Азии в общем итоге, %	Доля Сибири в общем итоге, %
Болты	1902	1713	9	63	0,5	3,7
	1903	2181	12	75	0,6	3,4
	1909	2527	8	124	0,3	4,9
	1910	3081	30	128	1	4,2
	1911	3488	28	141	0,8	4,0
Гвозди	1902	4830	27	252	0,6	5,2
	1903	5779	67	202	1,2	3,5
	1909	7506	82	403	1,1	5,4
	1910	7077	79	397	1,1	5,6
	1911	7440	119	383	1,6	5,1
Проволока	1902	1736	64	41	3,7	2,4
	1903	2202	26	158	1,2	7,2
	1909	2069	28	83	1,4	4
	1910	2328	45	86	1,9	3,7
	1911	2632	47	114	1,8	4,3

Источник: Материалы к пересмотру торгового договора России с Германией... Ч. II. Вып. I.

соответствуют образу динамично колонизуемого региона, в котором ежегодно начинались десятки и сотни тысяч семейных «робинзонад», притом в куда лучших условиях, чем у героя Д. Дефо.

Как можно видеть, потребление машин в Средней Азии в 1902–1903 гг. было незначительным (0,5–0,6 %), однако в 1909–1911 гг. оно заметно увеличивается и по абсолютной и относительной величине — до 429 тыс. пуд. в 1911 г., или 1,7 % общего итога по России. Получение машин Сибирью также растет (примерно в два раза), но здесь уровень 1902–1903 гг. был выше среднеазиатского — 2,6–2,7 %; показатели 1909–1911 гг. почти одинаковы, что при росте перевозок по Империи в полтора раза за 1909–1911 гг. привело к снижению доли Сибири с 3,9 до 2,6 % соответственно.

Доля Средней Азии в получении цемента в 1909–1911 гг. — менее 1 %, в Сибири же намного больше — 2,9–3,8 %.

Мануфактурный товар

Одним из важнейших потребительских товаров были ткани и готовые изделия из них, которые покрывались термином «мануфактурный товар». Как говорилось выше, перевозки подавляющей части этих грузов — хлопчатобумажных, шерстяных и шелковых тканей — по 1910 г. включительно суммировались и разрабатывались «Сводной статистикой» под названием «остальные предметы группы». С 1911 г. в «Сводной статистики» началась раздельная публикация данных о транспортировке хлопчатобумажных и шерстяных тканей.

Таблица 5.7. Получение металлических изделий подгрупп Ж, З, К, Л Средней Азией и Сибирью (тыс. пуд.)

Наименование грузов	Годы	Всего по Империи	Получение Ср. Азии, тыс. пуд.	Получение Сибири, тыс. пуд.	Доля Ср. Азии в общем итоге, %	Доля Сибири в общем итоге, %
Посуда чугунная	1902	1252	14	49	1,1	3,9
	1903	1721	10	41	0,6	2,4
	1909	1624	36	123	2,2	7,6
	1910	1684	33	100	2,0	5,9
	1911	1479	40	84	2,7	5,7
Посуда железная, жестяная и цинковая	1902	553	15	35	2,7	6,3
	1903	622	13	43	2,1	6,9
	1909	1131	22	78	1,9	6,9
	1910	1325	32	69	2,4	5,2
	1911	1605	70	73	4,4	4,5
Инструменты ремесленные	1902	549	7	31	1,3	5,6
	1903	544	5	27	0,9	5,0
	1909	791	6	63	0,8	8,0
	1910	914	18	65	2,0	7,1
	1911	1030	19	66	1,8	6,4
Скобяной и ножевой товары	1902	703	1	56	0,1	8,0
	1903	787	11	52	1,4	6,6
	1909	1151	40	94	3,5	8,2
	1910	1441	46	93	3,2	6,5
	1911	1570	60	89	3,8	5,7

Источник: Материалы к пересмотру торгового договора России с Германией... Ч. II. Вып. I.

Таблица 5.8. Получение машин, кроме земледельческих и пожарных, и цемента Средней Азией и Сибирью (тыс. пуд.)

Наименование грузов	Годы	Всего по Империи	Получение Ср. Азии, тыс. пуд.	Получение Сибири, тыс. пуд.	Доля Ср. Азии в общем итоге, %	Доля Сибири в общем итоге, %
Машины, кроме земледельческих	1902	11556	59	303	0,5	2,6
	1903	12177	77	333	0,6	2,7
	1909	16344	179	633	1,1	3,9
	1910	20237	318	621	1,6	3,1
	1911	24992	429	648	1,7	2,6
Цемент	1909	42380	219	1593	0,5	3,8
	1910	58856	174	1727	0,3	2,9
	1911	72428	543	2702	0,7	3,7

Источник: Материалы к пересмотру торгового договора России с Германией...Ч. II. Вып. I.

В таблице 5.9. содержатся данные о получении всего мануфактурного товара в 1902–1903 и 1909–1912 гг. (тыс. пуд.), остальных предметов группы и отдельных видов тканей. Как можно видеть, доля Средней Азии в получении всех мануфактурных товаров по Империи достаточно значительна и, более того, существенно возрастает с 1902–1903 до 1909–1912 гг. — с 3,2–3,7 % до 5,5–6,5 %. Характерно, что в получении этих грузов первенствуют Ферганская и Сыр-Дарьинская области, в чем трудно не видеть влияние постройки Ташкентской железной дороги.

Таблица 5.9. Получение мануфактурных товаров Средней Азией и Сибирью (тыс. пуд.)

Наименование грузов	Годы	Всего по Империи	Получение Ср. Азии, тыс. пуд.	Получение Сибири, тыс. пуд.	Доля Ср. Азии в общем итоге, %	Доля Сибири в общем итоге, %
Мануфактурный товар	1902	37543	1390	1282	3,7	3,4
	1903	39302	1240	1323	3,2	3,4
	1909	46426	2063	1626	4,4	3,5
	1910	46749	2582	1691	5,5	3,6
	1911	49292	3356	1739	6,8	3,5
	1912	51228	2836	2312	5,5	4,5
Остальные предметы группы	1902	36317	1337	1263	3,7	3,5
	1903	38063	1220	1308	3,2	3,4
	1909	44985	2016	1593	4,5	3,5
	1910	45244	2536	1660	5,6	3,7
Льняные, пеньковые и джутовые ткани	1911	2545	196	58	7,7	2,3
	1912	2787	253	53	9,1	1,9
Хлопчатобумажные ткани	1911	38342	2797	1470	7,3	3,8
	1912	39957	2491	2011	6,2	5
Шерстяные ткани	1911	6256	116	180	1,9	2,9
	1912	6796	85	240	1,3	3,5

Источник: Материалы к пересмотру торгового договора России с Германией... Ч. II. Вып. I.

Показатели Сибири — довольно редкий в нашем исследовании случай — уступают им (исключая 1903 г.), особенно в 1910–1912 гг. Это касается перевозок и всех мануфактурных товаров, и «остальных предметов группы» (на которые падал основной объем текстильных грузов и куда до 1911 г. входили, в частности, хлопчатобумажные, шерстяные и шелковые ткани), и особенно хлопчатобумажных (7,3–6,2 % против 3,8–5,0 %), а также льняных и джутовых тканей (7,7–9,1 % против 2,3–1,9 %). В то же время Сибирь впереди в получении шерстяных тканей в 1911–1912 гг.

Таблица 5.10 показывает, что ни Средняя Азия, ни Сибирь не относились к числу важных элементов отраслевых рынков соды и особенно крахмала, прибытие которого в Туркестан было и вовсе ничтожным (4 и 11 тыс. пуд. в 1909 и 1911 гг., или 0,1 и 0,2 % итога по стране). Сибирь и здесь была впереди, как, впрочем, и в транспортировке остальных товаров домашнего обихода. Значительнее по величине было получение мыла — на Среднюю Азию пришлось 1,9–2,8 %, а на Сибирь 3,1–2,6 % всех перевоз-

Таблица 5.10. Получение соды, крахмала, мыла, свечей стеариновых и спичек зажигательных Средней Азией и Сибирью (тыс. пуд.)

Наименование грузов	Годы	Всего по Империи	Получение Ср. Азии, тыс. пуд.	Получение Сибири, тыс. пуд.	Доля Ср. Азии в общем итоге, %	Доля Сибири в общем итоге, %
Сода	1909	7786	63	118	0,8	1,5
	1910	8398	92	155	1,1	1,8
	1911	9338	101	144	1,1	1,5
Крахмал	1909	5838	4	49	0,1	0,8
	1911	6890	11	18	0,2	0,3
Мыло	1908	5490	104	172	1,9	3,1
	1911	6507	179	171	2,8	2,6
Свечи стеариновые	1908	1432	16	148	1,1	10,3
	1911	1555	50	142	3,2	9,1
Спички зажигательные	1908	3422	124	154	3,6	4,5
	1911	3495	130	154	3,7	4,4

Источник: Материалы к пересмотру торгового договора России с Германией... Ч. II. Вып. I.

ок. Заметим, что трудно по двум датам судить о потребности Туркестана в свечах — 16 тыс. пуд. в 1908 г. (1,1 %) и 50 тыс. пуд. (3,2 %) в 1911 г. С Сибирью в этом отношении проще — 148 тыс. пуд. в 1908 г. и 142 тыс. пуд. в 1911 г., или 10,3 и 9,1 % общего итога по России говорят о стабильном и весьма значительном для отраслевого рынка спросе. На рынке спичек оба региона занимали, как можно судить, достаточно сильные позиции — 3,6–3,7 % и 4,4–4,4 % соответственно.

Как можно видеть, и Туркестан и Сибирь были важными потребителями керамических изделий, на долю которых приходилось 4,5–6,7 % всех перевозок по стране.

К любопытным наблюдениям приводят показатели перевозок стеклянных изделий. По листовому стеклу Средняя Азия отстает от Сибири в три-четыре раза, и тут трудно не увидеть именно цивилизационные отличия между регионами, о которых говорилось во Введении. Это же, весьма вероятно, касается и двукратного превосходства Сибири в получении стеклянной посуды. Вместе с тем разница в перевозках бутылей и бутылок куда меньше — доля Туркестана — 4–3,5 %, а Сибири — 4,5–4,1 %.

Показатели получения «галантерейного, мелочного и игольного товара» Сибирью в 2,5–3 раза превосходят среднеазиатские 4,2–6,0 % против 1,8 %. Разница в получении красильных веществ обоими регионами меньше, но если перевозки в Туркестан возрастают, то в Сибирь уменьшаются. Значение обоих регионов на рафинадном рынке, как следует из таблицы, было достаточно заметным, причем с тенденцией к увеличению как по абсолютной, так и по относительной величине практически вдвое с 1902–1903 по 1909–1911 гг.; первенство Сибири сохраняется в течение всего рассматриваемого периода. Иную картину наблюдаем в получении сахарного песка — тут приоритет Средней Азии неоспорим, а показатели Сибири хотя и возрастают, но — редкий случай — не превышают 1 % всех перевозок по стране.

Видимо, наиболее важную и возрастающую роль оба региона играли на чайном рынке России. Как можно видеть, получение Туркестана составило 10,4 % общего итога по России в 1909 г., 12,6 % в 1910 г. и 16,0 % в 1911 г., а Сибири — 12,7, 14,4 и 15,8 %

Таблица 5.11. Получение керамических и стеклянных изделий Средней Азией и Сибирью (тыс. пуд.)

Наименование грузов	Годы	Всего по Империи	Получение Ср. Азии, тыс. пуд.	Получение Сибири, тыс. пуд.	Доля Ср. Азии в общем итоге, %	Доля Сибири в общем итоге, %
Фарфор, фаянс и майолика	1908	3563	164	165	4,6	4,6
	1911	4376	295	195	6,7	4,5
Стекло листовое	1908	6196	91	320	1,5	5,2
	1911	6857	85	343	1,2	5
Бутыли и бутылки	1908	14261	571	641	4	4,5
	1911	15650	546	636	3,5	4,1
Посуда стеклянная	1908	4755	60	174	1,3	3,7
	1911	4805	84	170	1,7	3,5
Все стеклянные изделия	1908	25212	722	1135	2,9	4,5
	1911	27312	715	1149	2,6	4,2

Источник: Материалы к пересмотру торгового договора России с Германией... Ч. II. Вып. I.

Таблица 5.12. Получение галантерейного товара и красильных веществ Средней Азией и Сибирью (тыс. пуд.)

Наименование грузов	Годы	Всего по Империи	Получение Ср. Азии, тыс. пуд.	Получение Сибири, тыс. пуд.	Доля Ср. Азии в общем итоге, %	Доля Сибири в общем итоге, %
Галантерейный, мелочный и игольный товар	1907	2196	40	93	1,8	4,2
	1908	1826	33	110	1,8	6,0
Краски и красильные вещества	1909	3888	73	146	1,9	3,8
	1910	4283	116	144	2,7	3,4
	1911	4486	131	121	2,9	2,7

Источник: Материалы к пересмотру торгового договора России с Германией... Ч. II. Вып. I.

Таблица 5.13. Получение сахарных грузов и чая Средней Азией и Сибирью (тыс. пуд.)

Наименование грузов	Годы	Всего по Империи	Получение Ср. Азии, тыс. пуд.	Получение Сибири, тыс. пуд.	Доля Ср. Азии в общем итоге, %	Доля Сибири в общем итоге, %
Сахар-рафинад	1902	32154	924	1428	2,8	4,4
	1903	32838	932	1287	2,8	3,9
	1909	43126	1527	2507	3,5	5,8
	1910	46363	1836	2842	4,0	6,1
	1911	45133	1830	2428	4,1	5,4
Сахар-песок	1902	43333	650	131	1,5	0,3
	1903	46498	660	32	1,4	0,1
	1909	57146	1015	412	1,8	0,7
	1910	59273	1528	472	2,6	0,8
	1911	71798	1622	459	2,3	0,6
Чай	1909	9190	955	1164	10,4	12,7
	1910	10361	1306	1488	12,6	14,4
	1911	10333	1650	1631	16,0	15,8

Источник: Материалы к пересмотру торгового договора России с Германией... Ч. II. Вып. I.

соответственно. То есть, в 1911 г. оба региона вместе получили около трети (31,8 %) всего чая, перевезенного по русским железным дорогам.

Итак, насколько можно судить по «Материалам к пересмотру торгового договора России с Германией», на большинстве отраслевых рынков Средняя Азия, получавшая 1—2, редко 3 % всех перевозок по Империи, не выступала важным потребителем, уступая по значению Сибири. Для большинства рынков, но не для всех — в целом продукция таких важных отраслей, как текстильная и пищевкусовая находила достаточный и все возрастающий сбыт в Туркестане. Однако для более основательных суждений на этот счет необходимо лучше представлять динамику получения основных товаров, к рассмотрению которой мы сейчас и приступим.

* * *

Рассмотрим динамику получения Средней Азией железа и стали в не в деле, металлических изделий, машин, кроме земледельческих и пожарных, цемента, мануфактуры и сахарных грузов за 1900—1913 гг. Временные рамки исследования обусловлены тем, что в 1890-х гг. получения многих из указанных грузов, как говорили в то время, были совершенно ничтожны.

Таблица 5.14. Динамика получения железа и стали не в деле Средней Азией в 1900—1913 гг. (тыс. пуд.)

Станции	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1912	1913
Южные ж/д	10	65		50	120	64			89				
Екатеринин. ж/д	3		71	55	42	116	226	284	269	219	323	323	625
Муром							24					47	2
Петербург		10											
Николаев. ж/д				10	6								
Польша				4	3								
Н. Новгород											56		
Самара							58	76	18		50	6	56
Москов. Тр. район		13					4	46	2		32	54	45
Пермская ж/д	16	18	5	23	2		42	112	128	170	186	197	264
Самаро-Злат. ж/д	18	128	55	94	85		108	187	144	209	139	246	407
Юго-Вост. ж/д					89								
Царицын с прист.				66		88	208	114	163	124	316	220	344
Риго-Орлов. ж/д											27		
Болва												30	22
Оренбург											6		6
Владикавк. ж/д					5	3							
Красноводск	243	189	81	54	78	113	208	49	31	27	27		25
Саратов	7	13	29		20	18	43		20	88	61	42	57
Покровская Слоб.	13	4				22	6		5	2	4	2	3
Ростов. район			30							38	61		5
Либава												25	
Прочие	5	31	14	13	8	39	32	76	60	44	9	28	79
Всего	**315**	**471**	**285**	**369**	**458**	**463**	**959**	**944**	**929**	**921**	**1297**	**1220**	**1940**

Источник: Сводная статистика.

Таблица 5.15. Основные группы отправителей железа и стали не в деле в Среднюю Азию в 1900—1913 гг. (тыс. пуд.)

Районы и пункты	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1912	1913
Южный район	13	65	71	105	162	180	226	284	358	219	323	323	625
Уральский район	34	146	60	117	87		150	299	272	379	325	443	671
Красноводск	243	189	81	54	78	113	208	49	31	27	27		25
Царицын с прист.				66		88	208	114	163	124	316	220	344
Др. волж. пристани	20	17	29		20	40	107	76	43	90	171	50	116
Др. районы и пункты		54	44	27	111	42	60	122	62	82	135	184	159
Всего	**315**	**471**	**285**	**369**	**458**	**463**	**959**	**944**	**929**	**921**	**1297**	**1220**	**1940**

Источник: Сводная статистика.

Таблица 5.15а. То же в процентах

Районы и пункты	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1912	1913
Южный район	4,1	13,8	24,9	28,5	35,4	38,9	23,6	30,1	38,5	23,8	24,9	26,5	32,2
Уральский район	10,8	31,0	21,1	31,7	19,0		15,6	31,7	29,3	41,2	25,1	36,3	34,6
Красноводск	77,1	40,1	28,4	14,6	17,0	24,4	21,7	5,2	3,3	2,9	2,1	0,0	1,3
Царицын с прист.				17,9		19	21,69	12,1	17,5	13,46	24,4	18	17,7
Др. волж. пристани	6,3	3,6	10,2	0,0	4,4	8,6	11,2	8,1	4,6	9,8	13,2	4,1	6,0
Др. районы и пункты		11,5	15,4	7,3	24,2	9,1	6,3	12,9	6,7	8,9	10,4	15,1	8,2
Всего	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**

Основными прямыми поставщиками, как следует из таблиц 5.15 и 5.15а, были заводы Юга России (без Ростова и Сулина) — от 4,1 до 39 %, а в основном они отправляли в Среднюю Азию от 1/4 до 2/5 всего получения. На самом деле этот показатель, видимо, еще выше, поскольку в 1900–1906 гг. велика роль Красноводска как пункта переотправки (в 1900 г. — 77,1 %, в 1901 г. — 39,4 %, в 1902–1906 гг. — от 28,4 до 17,0 %), а с 1902 г. постепенно возрастает значение волжских пристаней (с 6,3 до 33,3 % за 1900–1906 гг., в дальнейшем — 20–25 %). На уральские заводы падало примерно столько же, сколько и на южные — 10,8 % в 1900 г. и 36,8 % в 1913 г. (максимум — 41,2 % в 1909 г.). Незначительно отправление из Москвы — 2–4 % (8,3 % в 1913 г.), хотя, нужно полагать, и московский металл переотправлялся из Царицына, Самары и Саратова. Из таблицы 5.14 следует, что увеличение перевозок железа и стали в Туркестан носило как бы ступенчатый характер: в 1900–1905 гг. ввоз колеблется в пределах 285–463 тыс. пуд., в 1906–1909 гг. — от 921 до 965 тыс. пуд., а в 1910–1913 гг. — от 1220 до 1940 тыс. пуд. И здесь налицо влияние, которое оказала на экономику региона постройка Ташкентской железной дороги. И вместе с тем доля Средней Азии в получении этих грузов оставалась крайне незначительной.

Ввоз мануфактуры

Как мы уже знаем, на Среднюю Азию приходилось до 6—7 % перевозок всей мануфактуры в России в начале XX в. — величина немалая.

Еще раз напомним, что до 1911 г. основная масса продукции текстильной промышленности, т. е. хлопчатобумажные, шерстяные и шелковые ткани и изделия из них, фигурировала в «Сводной статистике» под названием «остальные предметы группы» (далее в тексте они называются мануфактурой). Только с 1911 г. началась раздельная разработка перевозок главных отраслей текстильной промышленности. Именно эти категории мануфактурных товаров нас интересуют в первую очередь.

В таблице 5.16 показаны все станции-корреспонденты, посылавшие мануфактуру в 1900—1910 гг. в Среднюю Азию. В таблице 5.17 приводится ее сжатый вариант.

Таблица 5.16. Перевозки «остальных предметов» 33 группы в Среднюю Азию в 1900—1913 гг. (тыс. пуд.)

Станции	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910
Москва	351	487	354	294	536	396	520	642	528	544	646
Бронницы		3	5	5	4		4	3	3	5	
Фаустово	14	20	23	27	25	24	25	25	26	21	15
Ашитково	59	61	65	58	60	47	54	53	56	64	56
Конобеево	6	18	31	37	56	43	47	54	77	83	86
Воскресенск			3								
Хорлово		12	7	5	3	3			3		
Егорьевск	7	23	20	16	39	27	40	59	70	57	80
Озеры	6	4	4	5	11	6	6	11		10	6
Давыдово						5	3	5	4		
Раменское							6	5	3	3	
Ликино					11						
Куровская										3	7
Пески	7										
Богородск						3		3		4	7
Павлово	4	6	7	8	9	5	4				
Орехово	31	51	35	36	63	43	26	36	23	20	39
Усад			4		9	6	5	9	4	4	4
Дрезна	7										
Струнино							10	14	15	12	11
Болшево	3	4	6		5				3	5	
Щелково	27	35	62	53	73	48	60	76	94	60	74
Бараново	13	25	19	7	18	16					
Александров		3	7	6	6	6	13	15	16	22	20
Вичуга	5	23	26	14	49	37	31	52	44	38	102
Иваново	226	448	210	216	344	160	224	285	168	184	280
Шуя	16	28	18	10	17	23	18	24	25	34	40
Савино	4	7	3			5					
Карабаново			16	14	33	74	32	32	9	47	56
Киржач	32	30	12	22	20	11	6	10	12	22	7
Кохма		6				4		8	9	22	31
Тверь					10	13	22	25	12	11	33
Захарово					3	10	8	12	7	3	10
Лопасня										4	12

Станции	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910
Серпухов								9	26	52	49
Берендеево					10	9	6	7	8	8	
Кинешма					9	6	6	5	11	32	29
Тейково								10		5	17
Юрьев Польский					19	19	20	19	16	20	17
Келлерово								11			3
Ундол							5				
Колокша											2
Н. Новгород									1	7	17
Петербург	26	35	30	39	51	38	43	66	18	40	60
Лодзь	27	46	26	16	55	28	13	20	24	20	42
Красноводск	116	48	56	18	52	20	118	17	5	11	32
Саратов	11		9	9	12	5		3	2	2	3
Покровская Слоб.	40	20	35	12	14	22	53	18	22	36	28
Самара		26				5		29	23	27	46
Оренбург						15		46	54	49	49
Прочие жел. дор.	22	22	15			16	21	26	19	16	47
Всего	**1060**	**1491**	**1108**	**927**	**1626**	**1198**	**1449**	**1744**	**1440**	**1607**	**2063**

Источник: Сводная статистика.

Таблица 5.17 показывает, что характер динамики ввоза мануфактуры довольно сложен. Суммарное получение хлопчатобумажных и шерстяных тканей в 1911—1913 гг. составляет соответственно 2377, 2145 и 1711 тыс. пуд. Таким образом, тенденция к росту очевидна, особенно если сравнивать, скажем, начальную и конечную средние прибытия мануфактуры: 1147 тыс. пуд. в 1900—1903 и 2074 тыс. пуд. в 1910–1913 гг. Может быть, корректнее другое сопоставление — средний ежегодный показатель ввоза в 1907—1913 гг. составил 1870 тыс. пуд. против 1266 тыс. пуд. в 1900–1906 гг. Вместе с тем данные за 1907—1909 гг. и 1913 г. вполне сопоставимы с цифрами за 1901 и 1904 г. Это говорит о том, что в целом уровень потребления установился уже в 1890-е гг. Колебания показателей ввоза явно не связаны с экспортом тканей, составлявшим, согласно таможенной статистике не более 10—11 % годового ввоза; максимальная величина экспорта мануфактуры через таможни Средней Азии равна 202 тыс. пуд. (9,6 %) в 1912 г. Пик ввоза мануфактуры приходится на 1911 г., после чего начинается его снижение. Причина, нужно полагать, в финансовом кризисе, который переживал Туркестан накануне Первой мировой войны.

Из таблиц 5.17 и 5.17а следует, что на рынке региона доминировала продукция фабрик ЦПР, на долю которых приходилось от 82,9 до 89,9 % в 1901—1912 гг. (в 1900 — 77,2, 1913 г. — 78,3 %). На предприятия Лодзи падало 0,9—3,3 % всего ввоза, но в 1913 г. — 6,9 % (112 тыс. пуд.), Петербурга — от 1,3 до 4,2 %, переотправки из Красноводска, Оренбурга и волжских пристаней составляли в основном от 5 до 10 % общего ввоза (в 1911 г. — 11,9 %).

Бесспорным лидером среди корреспондентов была Москва. На ее продукцию падало порядка трети плюс-минус 3 % всех перевозок (но не менее 30 %). Однако постепенно ее доля снижалась, притом, что до 1911 г. по абсолютной величине ввоз увеличивался.

Таблица 5.17. Перевозки мануфактуры в Среднюю Азию в 1900—1910 гг. (тыс. пуд.)

Станции	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910
Москва	351	487	354	294	536	396	520	642	528	544	646
Иваново	226	448	210	216	344	160	224	285	168	184	280
Др. фабрики ЦПР	241	359	373	323	562	493	457	592	576	671	813
Весь ЦПР	818	1294	937	833	1442	1049	1201	1519	1272	1399	1739
Петербург	26	35	30	39	51	38	43	66	18	40	60
Лодзь	27	46	26	16	55	28	13	20	24	20	42
Красноводск	116	48	56	18	52	20	118	17	5	11	32
Прочие пункты	73	68	59	21	26	63	74	122	121	137	190
Всего	**1060**	**1491**	**1108**	**927**	**1626**	**1198**	**1449**	**1744**	**1440**	**1607**	**2063**

Источник: Сводная статистика.

Таблица 5.17а. То же в процентах

Станции	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910
Москва	33,1	32,7	31,9	31,7	33	33,1	35,9	36,8	36,7	33,9	31,3
Иваново	21,3	30	19	23,3	21,2	13,4	15,5	16,3	11,7	11,5	13,6
Др. фабрики ЦПР	22,7	24,1	33,7	34,8	34,6	41,2	31,5	33,9	40	41,8	39,4
Весь ЦПР	77,2	86,8	84,6	89,9	88,7	87,6	82,9	87,1	88,3	87,1	84,3
Петербург	2,5	2,3	2,7	4,2	3,1	3,2	3,0	3,8	1,3	2,5	2,9
Лодзь	2,5	3,1	2,3	1,7	3,4	2,3	0,9	1,1	1,7	1,2	2,0
Красноводск	10,9	3,2	5,1	1,9	3,2	1,7	8,1	1,0	0,3	0,7	1,6
Прочие пункты	6,9	4,6	5,3	2,3	1,6	5,3	5,1	7,0	8,4	8,5	9,2
Всего	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**

Таблица 5.18. Перевозки хлопчатобумажных и шерстяных тканей в Среднюю Азию в 1911–1913 гг.

Станции	Хлопчатобумажные ткани			Шерстяные ткани		
	1911	1912	1913	1911	1912	1913
	сотни пуд.	тыс. пуд.	тыс. пуд.	сотни пуд.	сотни пуд.	сотни пуд.
Москва	6920	495	385	540	418	335
Фаустово		14	14			
Ашитково	468	47	55			
Конобеево	1062	104	72			
Егорьевск	1168	104	69			
Дорохово			22			
Озеры	52	13	37			
Лопасня	102	14	18			
Серпухов	611	82	36			
Захарово	366	16	20			
Орехово	580	36	41			
Усад	39					

Станции	Хлопчатобумажные ткани			Шерстяные ткани		
	1911	1912	1913	1911	1912	1913
	сотни пуд.	тыс. пуд.	тыс. пуд.	сотни пуд.	сотни пуд.	сотни пуд.
Петербург	824	64	50	8		
Тверь	434	36	37			
Тверь	434	36	37			
Самара	247	58	62	48	36	31
Щелково	627	36	17			
Струнино	62	14	11			
Александров	108	10	11			
Вичуга	968	69	32			
Иваново	3240	358	168			
Карабаново	618		41			
Шуя	458	49	40			
Киржач	73	13	12			
Тейково	154	26	12			
Саратов	6	1		3	11	
Красноводск	306	14		22	3	
Лодзь	459	36	12	136	146	1311
Ост. польские станции	9		9		6	17
Н. Новгород	186	9	12	40	9	11
Барыш				16	10	11
Оренбург	356	43	49	7	18	22
Козлов				8		4
Симбирск					10	
Покровская пристань	178	30	30	9	12	22
Богородск				45	22	18
Домодедово				18	14	15
Белосток				7	25	11
Канадей						10
Куровская	54					
Кинешма	521	29				
Платоновка	430			9	1	
Кохма		41				
Тамбов				15	1	
Юрьев	164	12				
Батум				11	10	
Давыдово	40					
Аксеново				8		
Прочие	429	150	107	65	110	111
Всего	**22753**	**2059**	**1518**	**1015**	**862**	**1929**

Источник: Сводная статистика.

Вторую позицию занимает Иваново. В 1900—1904 гг. на продукцию его фабрик пришлось 1444 тыс. пуд., или 23,2 % всего ввоза в регион. В 1905 г. этот показатель упал по абсолютной величине с 344 до 160 тыс. пуд. и по относительной — с 21,2 до 13,4 %, что понятно, поскольку у ивановских ткачей в этом году были другие заботы. Лишь в 1912 г. сбыт ивановских тканей в Средней Азии несколько приблизился к уровню 1904 г. В течение рассматриваемого периода растет доля продукции остальных фабрик ЦПР. С 1908 г. она не опускается ниже 40 % всех отправок из этого района, а в 1912 г., наконец, превышает суммарный ввоз Москвы и Иванова.

Как можно судить по таблице 5.18, позиции фабрик ЦПР в поставке шерстяных тканей в Туркестан, по крайней мере в 1911—1913 гг., не были столь впечатляющими. Так, в 1911 г. на них пришлось 64,9, в 1912 г. — 56,8, а в 1913 г. — лишь 20,7 % общего получения, что стало следствием 10-кратного увеличения перевозок из Лодзи.

Ввоз сахара

Средняя Азия была важным рынком сбыта для имперской сахарной промышленности, притом что часть ввозимой продукции шла на экспорт в Персию и Афганистан.

Таблица 5.19 показывает, что с 1900 по 1913 г. перевозки сахара выросли с 1182 до 4102 тыс. пуд., т. е. увеличились в 3,5 раза. При этом ввоз песка шел быстрее (с 318 до 1691 тыс. пуд., т. е. в 5,3 раза), чем рафинада (с 793 до 2411 тыс. пуд., или в 3,0 раза). В целом же за рассматриваемый период на долю сахарного песка пришлось 41,2 % всего ввезенного в регион сахара, а на рафинад — 58,8 %. В отдельные годы это соотношение нарушалось. Так, в 1905 г. доля песка достигла 55,7 %, а с 1908 г. колебалась в пределах 39,1—49,7 %. Сахарный песок в Средней Азии в целом пользовался большей популярностью, чем в Европейской России, где он считался продуктом не столько дорогим для большинства населения, сколько в принципе неэкономным в сравнении с рафинадом, и потому покупался в основном теми, кого источники называют «средним классом потребителей» (отсюда и обычай пить чай вприкуску).

Таблица 5.19. Суммарное получение сахарных грузов Средней Азией в 1900—1913 гг. (тыс. пуд.)

Вид продукции	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Сахар-песок	318	574	868	359	778	724	695	860	956	1464	1645	1218	1691
Рафинад	793	824	950	787	620	1367	1411	1308	1468	1664	1662	1898	2411
Всего	**1111**	**1398**	**1818**	**1146**	**1398**	**2091**	**2106**	**2168**	**2424**	**3128**	**3307**	**3116**	**4102**
Доля песка	28,6	41,1	47,7	31,3	55,7	34,6	33	39,7	39,4	46,8	49,7	39,1	41,2
Доля рафинада	71,4	58,9	52,3	68,7	44,3	65,4	67	60,3	60,6	53,2	50,3	60,9	58,8

Источник: Сводная статистика.

Главными поставщиками песка в Туркестан в течение всего рассматриваемого периода были заводы Юго-Западного края, которые в отдельные годы отправляли в регион до 99,1 % этого продукта и, за исключением 1901, 1911 и 1912 гг., не менее 85,2 %. Заводы Харьковской губернии стабильно занимали вторую позицию, но от-

Таблица 5.20. Перевозки сахара-песка в Среднюю Азию в 1900—1913 гг. (тыс. пуд.)

Районы	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Харьковский	20		44	4	13	2	8	102	24	125	599	389	211
Юго-Западный	250	569	813	354	749	713	686	747	924	1314	878	750	1440
Курско-Воронежский			5				1	11	8	14	15	49	29
Черниговско-Полтавский					16					11	152	30	
Красноводский	39					9							
Оренбургский													2
Прочие	2	5	6	1							1		9
Всего	**318**	**574**	**868**	**359**	**778**	**724**	**695**	**860**	**956**	**1464**	**1645**	**1218**	**1691**

Источник: Сводная статистика.

Таблица 5.20а. То же в процентах

Районы	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Харьковский	6,3		5,1	1,1	1,7	0,3	1,2	11,9	2,5	8,5	36,4	31,9	12,5
Юго-Западный	78,6	99,1	93,7	98,6	96,3	98,5	98,7	86,9	96,7	89,8	53,4	61,6	85,2
Курско-Воронежский			0,6				0,1	1,3	0,8	1,0	0,9	4,0	1,7
Черниговско-Полтавский					2,1					0,8	9,2	2,5	0
Красноводский	12,3					1,2							0
Оренбургский													0,1
Прочие	0,6	0,9	0,7	0,3							0,1		0,5
Всего	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**

носительно значимые количества песка они стали отправлять только с 1908 г., причем в 1911 и 1912 гг. эта величина составила 599 и 389 тыс. пуд. соответственно, или 36,4 и 31,9 % общего получения региона. Отметим 152 тыс. пуд. (9,2 % итога) песка заводов Черниговско-Полтавской группы, прибывших в Среднюю Азию в 1911 г. В конечном счете это привело к снижению доли юго-западных предприятий в этом году до 53,4 % (таблицы 5.20 и 5.20а).

Главными поставщиками рафинада в регион, как следует из таблиц 5.21 и 5.21а, также были заводы Юго-Западного края, прежде всего Киевской губернии, далее по нисходящей — харьковские, черниговские, постепенно наращивавшие поставки, а с 1909 г. — и самарские (Тимашевский удельный и Богатовский) заводы. Первенствовал Лебединский завод Бродских, вторую позицию занимал Смелянский гр. Бобринских. К концу рассматриваемого периода Бродские сбывали в Средней Азии примерно 500 тыс. пуд. рафинада и столько же песка. С постройкой Ташкентской железной дороги Туркестан стал доступен для самарских заводов. Только в Ташкенте

Таблица 5.21. Перевозки рафинада в Среднюю Азию в 1900—1913 гг. (тыс. пуд.)

Районы	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Харьковский	71	74	64	176	62	65	51	76	122	263	209	239	238
Юго-Западный	468	768	880	657	592	1135	998	945	1122	1250	1296	1440	1897
Курско-Воронежский		8	3	4		17	21	10	9	30	7	3	30
Черниговско-Полтавский	17	15	33	117	17	17	61	56	59	81	75	162	188
Москва					7								
Польша						34							
Самарский						120	313	281	274	303	275	293	291
Красноводский	291	31	30		4	3							
Оренбургский						35	15	15			8		5
Прочие		2	4	9		6	3	1	4		1		
Всего	**793**	**824**	**950**	**787**	**620**	**1367**	**1411**	**1308**	**1468**	**1664**	**1662**	**1898**	**2411**

Источник: Сводная статистика.

Таблица 5.21а. То же в процентах

Районы	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Харьковский	9,0	9,0	6,7	22,4	10,0	4,8	3,6	5,8	8,3	15,8	12,6	12,6	9,9
Юго-Западный	59,0	93,2	92,6	83,5	95,5	83,0	70,7	72,2	76,4	75,1	78,0	75,9	78,7
Курско-Воронежский		1,0	0,3	0,5		1,2	1,5	0,8	0,6	1,8	0,4	0,2	1,2
Черниговско-Полтавский	2,1	1,8	3,5	14,9	2,7	1,2	4,3	4,3	4,0	4,9	4,5	8,5	7,8
Москва					1,1								
Польша						2,5							
Самарский						8,8	22,2	21,5	18,7	18,2	16,5	15,4	12,1
Красноводский	36,8	3,8	3,2		0,6	0,2							
Оренбургский						2,6	1,1	1,1			0,5		0,2
Прочие		0,2	0,4	1,1		0,4	0,2	0,1	0,3		0,1		
Всего	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**

Источник: Сводная статистика.

Тимашевский завод продавал ежегодно 80–100 вагонов рафинада, а Богатовский — 50–60 вагонов.

На вывоз в Персию и Афганистан падало от 1/4 до 1/3 привоза сахара в Среднюю Азию.

Ввоз цемента

В 1900 г. получение цемента составляло лишь 65 тыс. пуд. (1065 тонн, т. е. примерно 17 современных вагонов, грузоподъемностью 64 тонны) и за 14 лет увеличилось в 14,3 раза — до 932 тыс. пуд. Показатели получения цемента, несмотря на тенденцию к росту, не очень стабильны. Уже в 1904 г. ввоз равнялся 473 тыс. пуд., но в 1905 г. он

упал до 90 тыс. пуд., и лишь в 1911 г. превысил показатель 1904 г. Открытие Ташкентской железной дороги не отразилось на потреблении цемента в той степени, в какой оно фиксируется для других товаров.

До 1908 г. главным корреспондентом был Красноводск (от 100 до 39,6 % ввоза), затем переотправки из него уменьшаются, а в 1913 г. вовсе не показываются. Параллельно возрастает значение Новороссийска (с 19,8 % в 1902 г. До 32,4 % в 1913 г., максимум — 49,6 % в 1908 г.) и волжских пристаней (от 23,5 % в 1902 г. до 46,4 % в 1913 г.), а также Брянска (с 0,3 % в 1907 г. до 11,5 % в 1913 г.).

Таблица 5.22. Перевозки цемента в Среднюю Азию в 1900—1913 гг.(тыс. пуд.)

Станции	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Вольск							1		3	1	2	69	110	68
Саратов и прист.			19	12	6	13	11	6	30	10	50	31	9	25
Батраки								15		25	41	66	142	106
Самара							9	61	14	50	29	137	148	234
Новороссийск			16	58	45	25	26	72	197	103	60	150	133	302
Красноводск	62	115	45	184	397	52	78	126	142	47	24	26	11	
Брянск								1		1	14	33	92	107
Оренбург												3	1	
Владикавк. ж/д.			1											
Екатеринин. ж/д								27	2					
Ростов														70
Подольск														10
Красный Кут					25									
Рига													11	
Прочие ж/д.	3						1	10	9	9	42	7	14	10
Всего	**65**	**115**	**81**	**254**	**473**	**90**	**126**	**318**	**397**	**246**	**262**	**522**	**671**	**932**

Источник: Сводная статистика.

Таблица 5.22а. То же в процентах

Станции	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Вольск							0,8		0,8	0,4	0,8	13,2	16,4	7,3
Саратов и прист.			23,5	4,7	1,3	14,4	8,7	1,9	7,6	4,1	19,1	5,9	1,3	2,7
Батраки								4,7		10,2	15,6	12,6	21,2	11,4
Самара							7,1	19,2	3,5	20,3	11,1	26,2	22,1	25,1
Новороссийск			19,8	22,8	9,5	27,8	20,6	22,6	49,6	41,9	22,9	28,7	19,8	32,4
Красноводск	95,4	100	55,6	72,4	83,9	57,8	61,9	39,6	35,8	19,1	9,2	5,0	1,6	0,0
Брянск								0,3		0,4	5,3	6,3	13,7	11,5
Оренбург												0,6	0,1	
Владикавк. ж/д.			1,2											
Екатеринин. ж/д								8,5	0,5					
Ростов														7,5
Подольск														1,1
Красный Кут					5,3									0,0
Рига													1,6	0,0
Прочие ж/д	4,6						0,8	3,1	2,3	3,7	16,0	1,3	2,1	1,1
Всего	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**

Ввоз сельхозмашин и «машин, кроме земледельческих и пожарных»

Перевозки усовершенствованных сельхозмашин и орудий и машин, кроме сельскохозяйственных и пожарных, которые далее именуются просто машинами, целесообразно рассмотреть вместе, поскольку объемы их транспортировки по сети отечественных железных дорог были в начале XX в. примерно одинаковы, как и размеры ввоза в регион.

Таблица 5.23. Прибытие сельхозмашин и машин, кроме земледельческих и пожарных в Среднюю Азию в 1900—1913 гг. (тыс. пуд.)

Грузы	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
С/х машины	43	113	99	120	107	78	113	184	249	186	333	204	213	387
Машины	н/с	49	59	77	148	54	112	236	154	179	318	429	350	321

Источник: Сводная статистика.

Мы уже знаем, что потребление машин в Средней Азии только начиналось и их роль на отраслевых рынках была невелика.

Исходный уровень получения сельхозмашин и машин был весьма низким, но в течение рассматриваемого периода он существенно вырос. Если мы возьмем в качестве исходных сведения о прибытии сельхозмашин не за 1900, а 1901 г., то увидим, что к концу рассматриваемого периода регион получал сельхозтехники в 2—3 раза больше.

«Сводная статистика» начала разработку данных о транспортировке машин в 1901 г. За 1901—1913 гг. ввоз машин вырос с 49 до 321 тыс. пуд., т. е. в 6,6 раза (в 8,8 раз относительно рекордного 1911 г.). Для обоих типов машин фиксируется очевидный рост перевозок, начиная с 1906—1907 гг., что опять-таки связано с открытием Ташкентской железной дороги. Вместе с тем можно думать, что увеличение привоза сельхозмашин связано не только с колонизацией Тургайской и Сыр-Дарьинской областей, но и с тем подъемом хлопководства в Средней Азии после 1906 г., который требовал расширения применения хлопкоочистительных машин.

В перевозках машин выделяются следующие группы корреспондентов — заводы Юга России, Московского района, Петербурга, польские, а также таможенные пункты, включая черноморские и балтийские порты. То, что в некоторых портовых городах имелись машиностроительные заводы препятствует, как и в случае с сельхозмашинами, определению точной цифры импорта. В целом же на таможенные пункты падает от 18 до 22 % всего ввоза, но притом импортных машин, вероятно, было больше, чем отечественных. Заводы московского района давали примерно треть ввоза, польские — от 4 до 11 %. Вообще же перевозки этих машин дают весьма высокий процент «глухих» отправлений — до 11 %, особенно в 1903—1904 гг., когда «Сводная статистика» разрабатывалась по сокращенной программе.

Ввоз металлических изделий

Ниже приводятся данные о перевозках наиболее важных, как представляется, для нашего анализа металлических изделий.

Таблица 5.24 показывает, что ввоз в Туркестан столь важного продукта металлообработки, как трубы и их части, в рассматриваемый период был весьма нестабилен.

Таблица 5.24. Перевозки труб в Среднюю Азию в 1900—1913 гг. (тыс. пуд.)

Станции	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Луганск											4		4	
Харцызск											3		14	5
Юзово													7	
Тритузная					63							11		
Ясиноватая				36	118				2					
Горяиново	16			2	113									4
Сартана					10					14	9			22
Таганрог									5		3			2
Сулин								8			2	10		
Ростов				21		2								
Николаев						2	4							
Бердичев													3	
Екатерин. ж/д			32			139								2
Москва	5					4	4	5	7	10	17	9	11	25
Петербург		4	16			1				2	3	26	10	3
Ревель											2			
Рига	7													
Брянск						1							1	2
Саратов	2						1					1		
Самара									1					
Пермская ж/д								87						
Прочие ж/д	18	3	3			1	6	8	8	5	7	13	9	7
Ченстохов													4	
Гзихов														14
Варшава													17	
Щипиорно														15
Погонь													2	
Ост. польские	5					24	20	2	9	2		11		2
Красноводск		2	2	2	7	7	2		1	13	43	43	11	14
Красный Кут													3	
Сабунчи														4
Батум						2								
Всего	**5,3**	**9**	**53**	**61**	**311**	**183**	**37**	**110**	**33**	**46**	**93**	**124**	**96**	**121**

Источник: Сводная статистика.

Устойчивого спроса на трубы, видимо, еще не было, и величина их получения зависела, надо полагать, от конкретных задач городского благоустройства в отдельных пунктах. Это подтверждается, например, тем, что в рекордном по ввозу 1904 г. из 311 тыс. пуд. 277 тыс. пуд. было получено Ташкентом. Таблица 5.24 не позволяет говорить о выраженной тенденции к росту спроса на трубы в регионе.

Пожалуй, к тем же выводам приводит и динамика получения проволоки, приведенная в таблице 5.25.

Нетрудно видеть, что и здесь колебания показателей очень велики. Итоги 1909 г. (197 тыс. пуд.) сопоставимы с уровнем 1903 г. (216 тыс. пуд.), а 573 тыс. пуд. проволоки, полученных в 1901 г. так и остались рекордом, хотя в 1906 в регион было ввезено 510 тыс. пуд., а 1913 гг. — 566 тыс. пуд.

С 1907 г. получение гвоздей резко возрастает, хотя и в этом случае колебания перевозок доходят доо 50 % в соседние годы. Только данные за 1912—1913 гг. дают очевидное увеличение. Следует заметить, что и для труб, и для проволоки, и для гвоздей анализ станций-корреспондентов затрудняется значительным процентом переотправок.

Таблица 5.25. Перевозки проволоки в Среднюю Азию в 1900—1913 гг. (тыс. пуд.)

Станции	**1900**	**1901**	**1902**	**1903**	**1904**	**1905**	**1906**	**1907**	**1908**	**1909**	**1910**	**1911**	**1912**	**1913**
Н. Днепровск												32		1
Ростов			41	43	16	30	6			21	15			
Сулин												10		
Думиничи						7								
Болва													29	21
Брянск											5		8	
Москва		45	60				8	13	8	28	52	9	38	15
Саратов	5	4				4	4	5	7	9	18	1	11	13
Пермская								6						
Улешовская пр.											2		86	24
Покр. Слобода	3	1				9	3		5	4	2		1	2
Уфа							3	22		1				
Миасс														9
Самара								134	52	31	13		7	12
Оренбург								8					8	71
Старожилово	8													
Либава		1	55			10		9	1	15	12		17	44
Петербург		209	58	122			21			10	51	26	44	40
Рига	37	28		20				4		21	18		27	46
Ковна						1		7	13	2			10	
Прочие ж/д	11		3		8	10	17	31	19	29	27	65	42	49
Польша			6			16	19	106	81	5	48	128	39	172
Красноводск	88	285	267	19	150	15	406	23	10	21		43	116	47
Армавир									8					
Поти							16							
Ляки							7							
Батум				12										
Всего	**152**	**573**	**490**	**216**	**174**	**102**	**510**	**368**	**204**	**197**	**263**	**314**	**483**	**566**

Источник: Сводная статистика.

Таблица 5.26. Перевозки гвоздей в Среднюю Азию
(тысячи и сотни пудов)

Станции	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Москва		26	7		12	8	23	62	71	108	45	18	17	9
Тула													1	
Брянск											6			
Муром								19	16	16	21			
Нижний						2	1	12			8			
Саратов	5	26	51	50	32	33	18	56	41	33	52	6	1	1
Самара							11	140	105	193	231	13	12	13
Сызрань											6			1
Царицын								2				1		
Улешов. пр.									10	74	116	7	11	30
Покров. Слоб.	1	51	9			30	20	12	29	36	16		1	1
Ростов		82	78	205	52	21		22			5		2	
Киев									8	13	8			
Либава		3	7	43	55	16		65	10	90	9		11	12
Петербург		10	11	47	17	2	11	53	6	32	13		6	1
Ковно		1	19			2	1	31	92	5	8			8
Рига		2	2			3	2	240	113	51	52	9	7	9
Орша						1		6	11					
Слоним														1
Миасс														2
Оренбург									10	21	42	1		4
Катав-Ивановск													2	2
Уфа							16	1		49				
Вязовая								14						
Ландварово														3
Польша		17					10	4	16					
Красноводск	6	297	107	195	183	123	190	24		133	44	2	21	40
Поти				42	118		17	68						
Прочие ж/д	1	6	29			31		53	68	27	93	8	7	11
Всего	**13**	**521**	**320**	**582**	**469**	**272**	**320**	**884**	**606**	**881**	**775**	**65**	**99**	**148**

Источник: Сводная статистика. В 1900, 1911–1913 гг. сведения о перевозках помещались в тысячах, а в 1901–1910 гг. — в сотнях пудов.

Таблица 5.27. Получение чугунной посуды Средней Азией в 1901—1913 гг. (сотни пудов)

Станции	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Дебальцево										1			
Нижне-Днепровск								7	2	15	12		6
Москва						10							
Уральский район							19	2	17	43	107	49	45
Брянск	16	6	24	18		28	154	125	164	220	113	114	140
Думиничи	1	1			7	1	3	1					
Шилово										1			
Зубова Поляна										1			
Тула	23	29			4	5	1						
Рига									44				
Самара						4	5	10					
Саратов	10							2				1	
Покровская Слобода					4		1		3			1	
Оренбург						1	12	77	4		4	2	5
Пинск										6		8	
Ростов	14	6											
Алексин		38						1	2	4	8		
Торговая										6			
Прочие европейские	12	7			10	7	13	12	26	18	8	16	16
Польша	24	58	36	74	16	39	52	49	20	34	20	20	44
Красноводск	8		19	41	15	28	13						
Ачинск												5	
Батум	11			36	26	23	18	11					
Баку		9											
Всего	**119**	**154**	**79**	**169**	**82**	**146**	**291**	**297**	**282**	**349**	**272**	**216**	**256**
Доля Брянска	13,4	3,9	30,4	10,7	0	19,2	52,9	42,1	58,2	63	41,5	52,8	54,7
Доля Польши	20,2	37,7	45,6	43,8	19,5	26,7	17,9	16,5	7,1	9,7	7,4	9,3	17,2

Источник: Сводная статистика.

Нетрудно видеть, что и здесь 1907 г. является переломным — получение чугунной посуды сразу увеличивается вдвое — с 14,6 до 29,1 тыс. пуд. При этом в дальнейшем оно остается примерно на этом уровне до конца рассматриваемого периода, возрастая до 34,9 тыс. пуд. в 1910 г. и снижаясь до 21,6 тыс. пуд. в 1912 г. То есть, до начала Первой мировой войны спрос на эту продукцию оставался сравнительно стабильным. Как раз с 1907 г. все более заметную роль на рынке сбыта чугунной посуды играют изделия Брянского завода — одного из лидеров отрасли. Напротив, доля продукции польских предприятий на региональном рынке с течением времени снижается.

Таблица 5.28. Перевозки железной посуды в Среднюю Азию в 1901—1913 гг. (сотни пудов)

Станции	1901	1902	1903	1904	1909	1910	1911	1912	1913
Луганск								3	1
Нижне-Днепровск									1
Екатерининская ж/д									1
Москва		1			1	3	19	7	
Петербург								48	
Рига					2				
Шилово						1		3	
Алексин									
Саратов		3			6		1		1
Покровская Слобода					3	1	2	1	
Самара					7	2	3	2	
Оренбург					18	5	14	15	46
Прочие ж/д	23	19			17	34	28	24	32
Польша	68	54	52	92	135	269	554	443	402
Батум	10	17				6	6		
Красноводск	7	26	20	41		6			
Всего	**108**	**120**	**72**	**133**	**189**	**327**	**627**	**546**	**484**
Доля Польши	63,0	45,0	72,2	69,2	71,4	82,3	88,4	81,1	83,1

Источник: «Сводная статистика».

Тенденция к росту потребления железной посуды в регионе совершенно очевидна: среднегодовой показатель ввоза в 1901—1904 гг. равен 10,8 тыс. пуд., а в 1909—1913 гг. — 43,5 тыс. пуд. Потребители, как можно видеть, все больше предпочитали польскую посуду, прежде всего эмалированную, на которой специализировались заводы Привислинского края.

* * *

Подведем некоторые итоги. Конкретно-исторические выводы, которые можно сделать на основании железнодорожной статистики, позволяют сформулировать ряд заключений общего порядка, касающихся изучаемых сюжетов.

1. Значение Средней Азии как части имперской экономической системы в начале XX в. существенно возросло. Улучшение путей сообщения резко усилило процесс интеграции региона во всероссийский промышленный рынок. Усиливалось значение мануфактуры и сахара, некоторых других товаров как продуктов ввоза. Значимость региона как рынка сбыта для отдельных отраслей была различной. Во всяком случае, исходя из количественных показателей, ее не следует переоценивать. Процесс только начался.

Действительно, в большинстве случаев фиксируется существенный рост ввоза товаров в Туркестан — иногда в 10 и более раз. Однако эти весьма высокие показатели — вовсе не повод для «процентной эйфории».

Значительное увеличение перевозок металла, цемента, машин, металлических изделий и некоторых других товаров прежде всего свидетельствует о крайне низком исходном уровне потребления. Общая тенденция к росту ввоза промышленных товаров, особенно после открытия Ташкентской железной дороги, очевидна, но притом ясно, что к началу XX в. в регионе устоялся лишь спрос на мануфактуру и сахар. О нестабильности спроса на остальные товары говорит сложный характер динамики их перевозок. При этом нельзя забывать, что накануне войны в Туркестане разразился жестокий финансовый кризис, и потому иногда высокий показатель ввоза не отражает действительной потребности населения в данном товаре. Так, в 1912–1913 гг. фирма бр. Терещенко, слабо знакомая с ситуацией на региональном рынке, предприняла совершенно непродуманную «интервенцию» в Среднюю Азию, отправив туда значительные количества рафинада, что ухудшило конъюнктуру местного рынка, переполненного сахаром.

Что касается экономических связей Средней Азии с другими районами страны, то здесь наблюдается следующая картина — каждый региональный отраслевой рынок связан со всеми и с большинством производящих центров или районов. Связь эта может быть более или менее прочной и зависит от конкретной ситуации на всероссийском отраслевом рынке.

2. Противопоставление «экономической» и «политической» концепций завоевания Средней Азии царизмом вряд ли является продуктивным. Но данные железнодорожной статистики, полагаю, наглядно показывают, что не экономические мотивы, во всяком случае, доминировали при принятии решения о покорении Туркестана. Даже в начале XX в. значение региона как рынка сбыта для тяжелой промышленности было более чем скромным. Что же говорить о 1850-х – 1860-х гг.? В ту пору лишь текстильная промышленность, возможно, имела хоть какие-то «основания» — и то не слишком серьезные — для поиска новых рынков сбыта. Притом надо иметь в виду огромную отдаленность Средней Азии от ЦПР при тогдашнем состоянии транспортных коммуникаций.

Куда большее значение имело то, что С. Ю. Витте метко называл привычкой российского правительства прибирать к рукам то, что плохо лежит, а также «крымский комплекс», наряду с обычным и привычным соперничеством с Англией. В совокупности это вызывало понятное стремление к присоединению Средней Азии. Не упоминаю уже об извечном желании «молодых» генералов отличиться. И, как бывало во времена Ермолова на Кавказе, решения принимались самочинно — чего стоит один захват Черняевым Ташкента без санкции Петербурга, во многом предопределивший дальнейший ход событий.

Экономические мотивы фигурировали в документах, оправдывающих или доказывающих необходимость экспансии в Среднюю Азию, но полагаю, серьезных оснований для рассуждений такого рода не было. Завоевывали, что называется, впрок. Низкокачественный местный хлопок мог использоваться отечественной хлопчатобумажной промышленностью лишь ограниченно, ибо не соответствовал запросам большинства фабрикантов. Поэтому рассуждения о необходимости иметь собственную сырьевую базу хлопчатобумажной промышленности носят вторичный характер в сравнении с заманчивой идеей **захватить** и **опередить**.

После завоевания начался длительный процесс вовлечения Средней Азии в экономическую систему страны, которое задерживалось прежде всего несовершенством путей сообщения. Однако, полагаю, что Туркестан был прежде всего военной колонией, если так можно выразиться. Отношения политического господства стояли неизмеримо выше хозяйственных связей, как это было, например, и на Кавказе в эпоху Николая I, но стало отходить на второй план уже при Александре II. Экономическое освоение Средней Азии во многом было прямо связано с темпом экономического развития Европейской России.

Несомненно, было немало общего в колониальной политике, например, Англии в Индии и Африке, и России в Средней Азии (и Закавказье). Различия также существовали и немалые — хотя бы в уровне развития промышленности метрополий и объеме их внутреннего рынка, в покупательной способности населения колоний, продолжительности господства и др. Эти различия играли важную роль. Но сходство позволяет говорить о неких закономерностях. Так, хотя железнодорожное строительство в Средней Азии далеко не достигло громадных маштабов Индии, улучшение коммуникаций сыграло свою огромную положительную роль.

Для наших сюжетов интересна такая проблема, как замена одних сельскохозяйственных культур другими (другой). Разведение чая в Индии и на Цейлоне в XIX в., разведение хлопка в Египте и Судане — все это похоже на то, что мы видим в Средней Азии. Можно ли это связывать только с колониальным владычеством Англии или России? С одной стороны, да. Но, с другой стороны, развитие хлопководства в Средней Азии отражало определенный уровень развития экономики, степени интеграции региона в рыночную систему — и не только России, но и мировую. Чем принципиально отличается развитие этой культуры от все возраставшего экспортного производства ячменя и пшеницы (в меньшей степени) в Новороссии и Предкавказье? В обоих случаях экономические выгоды перестройки хозяйства для местного населения оказывались решающим аргументом, разумеется, при активной помощи правительства.

Поэтому несостоятельными представляются упреки царизму в якобы насаждении монокультуры хлопка в Туркестане. Хотелось бы узнать, каким образом царизм мог заставить (а термин «насаждение» предполагает именно некие волевые и силовые методы) дехкан перейти от выращивания самой выгодной в 1880-х гг. культуры люцерны к производству хлопка. Когда хлопок стал приносить больше дохода, чем люцерна и пшеница, тогда и начался переворот в среднеазиатском хлопководстве. А правительство *создавало* для этого условия, но отнюдь не заставляло выращивать только хлопок, да и не могло заставить. Времена колхозов еще не настали.

Кстати, давно пора задуматься над следующим обстоятельством. Если оценивать тип отношений промышленного центра и какого-либо региона лишь по типу ввозимой в него продукции, как это постоянно делается в историографии, то в число колоний придется зачислить не только Кубанскую, скажем, область (что еще находится как бы в пределах воображения), но и такие губернии, как Воронежская и Курская. Они, исключая сахар, поставляли сельскохозяйственные продукты и сырье для первичной обработки, а ввозили промышленные товары. Критерии нужно менять.

3. Каждый региональный рынок — система, включающая в качестве подсистем отраслевые рынки. Конечно, региональный рынок не есть механическая сумма составляющих его отраслевых. Каждый отраслевой региональный рынок обладает своей спецификой вообще, которая во многом складывалась исторически, и в каждый данный момент, в частности (здесь конъюнктура играет главную роль). Поэтому для каждого регионального рынка в целом существует свой специфический способ соединения, точнее, наложения друг на друга особенностей региона (общего уровня развития хозяйства, уровня и традиций торговли, развития транспорта) и специфики отрасли.

В Средней Азии в рассматриваемый период региональный рынок эпохи индустриальной цивилизации (его нельзя путать с «простым товарным рынком», который существовал в Средней Азии тысячи лет), полагаю, в целом еще находился в стадии становления. Нельзя забывать, что и в рассматриваемый период Туркестан сохранял по преимуществу тот средневековый уклад жизни, который пока лишь отчасти был потеснен *другой* цивилизацией. Тем не менее этот процесс во многом благодаря улучшению путей сообщения протекал достаточно активно, если судить по росту железнодорожного товарообмена внутри региона. Объем его постоянно возрастал и по темпам увеличения был вполне сопоставим с ростом перевозок вообще.

Понятие «Средняя Азия как рынок сбыта» — в достаточной степени абстрактно. Поэтому для анализа степени интеграции региона в имперскую экономическую систему необходимо всякий раз исследовать степень «включенности» местного отраслевого рынка в соответствующий всероссийский отраслевой рынок. Транспортная статистика здесь очень важна, но недостаточна. Можно ли как критерий использовать согласованность колебаний цен на рынках Европейской России и какого-либо региона? Здесь необходима сугубая осторожность, и без дополнительного исследования конъюнктуры рынка в данный момент и в данном месте корреляция цен далеко не всегда может быть принята в качестве индекса интеграции.

Анализ колебаний цен на сахар-рафинад, предпринятый мной по материалам Александровского товарищества Бродских за 1900–1911 гг., показал, что колебания цен в большинстве пунктов Европейской и Азиатской частей России нередко согласуются друг с другом весьма слабо. Это и понятно: на каждом местном рынке очень важным фактором ценообразования были наличные запасы товара, и если они были велики, то повышение цен в Киеве, Москве или Петербурге могло и не вызвать их роста в Самарканде, например, или в Томске. В то же время известно, что иногда даже слухи о распаде Соглашения рафинеров, организации производителей рафинада, вызывали самую настоящую панику на туркестанских рынках и приводили к падению цен.

Вместе с тем не всегда согласованно колеблются цены и в центре страны, например, в поволжских городах и на Украине. А между тем, сомнений в полной интеграции этих регионов нет. Вообще природа ценообразования на хлебном и любом промышленном отраслевом рынке, как уже говорилось, не была идентичной. Если хлеб растет практически везде, то производство сосредоточено в сравнительно немногочисленных центрах, откуда эти товары развозятся затем по всей стране. Еще раз подчеркнем, что

наличие экономических связей между регионами — не абсолютное свидетельство рыночной интеграции. Караванная торговля — тоже рыночные связи, однако же недостаточные для того, чтобы обозначить новый уровень развития рынка.

4. В связи с вышесказанным хотелось бы заметить, что непонятной остается точка зрения некоторых историков, которые считают, что разрушение хозяйственной замкнутости отдельных районов Узбекистана, которое говорило о процессе образования регионального рынка должно было сопровождаться установлением тесных экономических связей между ними, и полагают, что в действительности этого не было. По их мнению, у каждого района Средней Азии были собственные связи с Европейской Россией. Хлопок и большинство сельхозпродуктов закупалось на кишлачных рынках и отправлялось за пределы края. «Мы наблюдаем в условиях Узбекистана явное расхождение этих двух сторон процесса сложения единого внутреннего рынка, которые в других условиях совершались одновременно»[1]. Представляется, что утверждения такого рода должны основываться на более солидном, чем это обычно имеет место, статистическом фундаменте. Данные о железнодорожных перевозках, на мой взгляд, показывают совершенно иную картину: объем транспортировки внутри региона в течение рассматриваемого периода значительно возрастает, что прямо говорит о прогрессе в сложении единого регионального рынка. Неясно, куда же еще должны были отправляться готовые к вывозу продукты, как не к ближайшей железнодорожной станции или к той, которая играет роль стягивающего грузы центра в торговой структуре региона? Ведь точно такая же картина наблюдается везде в стране при перевозках сельскохозяйственных продуктов, и поэтому в принципе можно говорить о более тесных связях отдельных уездов друг с другом. Только зачем это делать? Так меняется природа торговли с проведением железных дорог. Ярмарки для этих продуктов — анахронизм доиндустриальной эпохи, хотя анахронизм устойчивый. И уж совсем непродуктивно винить в этом «колониальный режим». Гораздо более серьезным препятствием была однородность хозяйственного строя областей Средней Азии.

5. Необходимо расстаться с категоричным тоном, господствующим в историографии Средней Азии (и не только ее), когда речь идет об экономической политике России. Совершенно очевидно, что такие процессы, как разрушение традиционной промышленности, вытеснение кустарей с рынка в большинстве отраслей, кроме, пожалуй, текстильной, находились если не в самом начале, то, по крайней мере, не перешагнули стадию становления. Об этом наглядно свидетельствует и неустойчивость спроса, выражавшаяся в колебаниях ввоза, достигавших плюс-минус 150–200 % в соседние годы.

Нужно ли предъявлять царизму несостоятельные претензии, когда и действительных, реальных хватает с избытком? Его политику плодотворнее рассматривать во всей безусловной противоречивости.

Один из распространенных упреков в адрес правительства и русской буржуазии состоит в том, что они якобы «препятствовали созданию текстильной промышленности в крае и направляли весь импортированный с Среднюю Азию капитал на финансирование закупок хлопка через ростовщические операции, консервировали феодальные формы эксплуатации»[2]. Начнем с того, что сама жизнь доказала непригодность плантаторства в конце XIX в. Сохранили свои латифундии лишь Большая Ярослав-

ская мануфактура и польская мануфактура Познанского, а также Государево Мургабское имение. Из многих свидетельств возьмем авторитетное мнение, высказанное еще в 1894 г. при обсуждении в Министерстве финансов возможных изменений в тарифах на перевозку хлопка: «Чтобы создать эти миллионы пудов хлопка в крае, до сих пор совершенно не участвовавшем в международном обмене и жившем при условиях самого замкнутого натурального хозяйства, необходима была большая культурная сила, которая и явилась в лице известных русских торговых фирм и наиболее энергичных транспортировочных предприятий, коим и принадлежит честь практического почина и проведения в жизнь целого ряда торговых мер, благодаря которым хлопководство в крае развилось до широких размеров. Но деятельность торговых фирм была бы изолированной и дала бы мало результатов, если бы местная администрация, проникнутая сознанием важности правильного хлопководства в крае, не шла впереди движения и не направляла его к разумной цели сознательной инициативой и рядом разумных мероприятий»[3].

Поначалу, говорится в документе, в Туркестане началась «настоящая хлопковая горячка»: на хлопок «бросились решительно все, кто имел хоть небольшой запас денег. Увлечение охватило не только торговых людей, но и служащих в местной администрации и в войсках, из которых многие даже оставили службу». Скоро, однако, наступило общее охлаждение — неурожаи, а главным образом из-за «малого знакомства с хлопковым хозяйством и незнания местных условий... Пока в общем приходится признать полную победу кустарного возделывания хлопка над крупными хозяйствами». Такое преобладание мелкого хозяйства (причем площадь отдельных полей иногда равнялись 1/5 дес.) имеет значение лишь для местного народа; на вывоз же хлопка оно влияло скорее благотворно, так как вряд ли большое хозяйство в том виде и размере, как они начали развитие в крае, могли бы дать массу хлопка для вывоза, какую дает теперь приспособившаяся к новому положению дела деятельность русских капиталистов, направивших свой капитал в Среднюю Азию». Московские и лодзинские фирмы быстро ликвидировали или уменьшили свои неудавшиеся хозяйства и перешли к более простой и совсем нерискованной системе закупки хлопка у туземцев, что в меньших размерах практиковалось уже и прежде»[4].

Какие возможности были у царизма, чтобы воспрепятствовать строительству хлопчатобумажных, да и любых других, предприятий не только в Средней Азии, но и в любой другой части Империи? Здесь историки явно преувеличивают возможности самодержавия. Русская буржуазия, конечно, могла строить фабрики в Туркестане. Нетрудно представить, какие выгоды предприниматели могли получить от этого: одна экономия на провозных платах за хлопок, а затем и готовый товар, который не нужно было бы везти обратно через полстраны обеспечила бы чуть ли не монополию по географическому положению. И если российские капиталисты этого не делали, то отнюдь не из коварного желания затормозить развитие местной промышленности, а скорее, по извечной своей неповоротливости, а также, надо думать, из-за дефицита подготовленных кадров рабочих. Нельзя также забывать и о том, что Средняя Азия с точки зрения коммерческого риска представляла для капиталистов регион куда более опасный, чем, скажем Сибирь. Впрочем, нельзя сомневаться, что с течением времени хлопчатобу-

мажные предприятия появились бы в Туркестане, как появился там накануне мировой войны первый сахарный завод.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что «Сводная статистика» вполне пригодна для исследования региональных рынков, причем не всегда в традиционных для историографии ракурсах. Транспортная статистика, как ни один другой источник, дает возможность принципиально иного, чем обычно, анализа положения региона в системе рынка страны как части и целого. Такой подход, несомненно, открывает новые перспективы перед региональными исследованиями.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. История Узбекской ССР. Ташкент, 1972. С. 186.
2. Там же. С. 217.
3. РГИА. Ф. 268. Оп. 2. Д. 70. Л. 62об.
4. Там же. Л. 62об–63.

Глава 6
ПОТРЕБЛЕНИЕ СЕЛЬХОЗМАШИН И ОРУДИЙ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX в. ПО ДАННЫМ «СВОДНОЙ СТАТИСТИКИ» И СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА

§ 6.1. СОПОСТАВЛЕНИЕ ДАННЫХ «СВОДНОЙ СТАТИСТИКИ» И ПЕРЕПИСИ СЕЛЬХОЗМАШИН И ОРУДИЙ 1910 г.

В данной главе исследуется погубернская динамика получения усовершенствованных сельхозмашин и орудий в России в 1900–1913 гг. на основании данных «Сводной статистики» и в связи с этим предпринимается попытка решения проблемы потребления сельхозтехники в России в начале XX в.

На рубеже XIX–XX вв. в сельском хозяйстве России происходили важные перемены. В ряде губерний и регионов страны начался процесс интенсификации хозяйства и, в частности, его механизации. Это вызывалось, в числе прочего, назревшей необходимостью разрешить очевидное противоречие между общепризнанной ролью России как одного из мировых лидеров в зерновом производстве и весьма слабым в целом уровне применения сельхозтехники в сельском хозяйстве.

В историографии данные явления изучены совершенно недостаточно. Как правило, в качестве общего места констатируется рост в пореформенную эпоху использования сельхозмашин и усовершенствованных орудий, применение удобрений, улучшение приемов полеводства и т. п., притом преимущественно в помещичьих и зажиточных крестьянских хозяйствах. Между тем сугубая важность механизации сельского хозяйства России явно недооценена и заслуживает самого пристального внимания. Дело в том, что эта проблема — вопреки установившемуся мнению — не является простым дополнением, какой-то деталью, которая может придать впечатление определенной законченности имеющейся картине аграрного развития Империи. Наоборот. Полагаю, что речь идет о вопросах первостепенной значимости, объективный анализ которых может существенно изменить многие устойчивые представления о том, что происходило в сельском хозяйстве России того времени.

Чтобы понять, как шел процесс механизации сельского хозяйства России в начале XX в., необходимо проанализировать в динамике рынок усовершенствованных сельхозмашин и орудий. Помимо «Сводной статистики», в качестве основного источника в данной главе используется, как говорилось, издание ЦСК МВД «Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г.». К Переписи 1910 г.

в литературе обращались редко. Можно только удивляться, что источник, содержащий сведения, столь важные для суждения об уровне развития сельского хозяйства России, до сих пор оставался на периферии внимания исследователей.

Впрочем, нельзя не вспомнить, что А. М. Анфимов, который дал весьма лаконичный обзор — и под вполне определенным углом зрения — состояния парка сельхозтехники на основании Переписи, завершил его так: «В заключение вопроса об орудиях и машинах следует предупредить читателей об опасности преувеличения реального значения показанных в 1910 г. количеств, кажущихся весьма значительными. В действительности, если бы можно было вычислить точно соотношение показанных чисел орудий с обрабатываемой с их помощью земли, оказалось бы, что усовершенствованных металлических орудий в деревне было еще очень мало» [1]. По этому поводу В. Г. Тюкавкин и В. И. Скрябин не без сарказма заметили, что «такой опасности преувеличения» количества машин в сельском хозяйстве России не существует, так как данные Переписи 1910 года мало кому известны», а далее лаконично обрисовали историографическую ситуацию: «А. М. Анфимов тоже приводит в названной монографии далеко не все эти материалы (содержащиеся в Переписи. — *М. Д.*), а школьный учебник, выходящий миллионными тиражами, ограничивается одной фразой: „В сельском хозяйстве стали применяться машины». Это написано о начале XX в., тогда как машины стали применяться за полвека до этого”»[2]. Нет нужды говорить о том, что потребление сельхозмашин — очень важный показатель развития сельского хозяйства как в целом, с точки зрения его уровня в стране, так и применительно к той фазе его эволюции, которую переживает какой-либо регион в данный момент.

Недостаточное внимание историографии к указанной проблематике определяется, надо думать, прежде всего состоянием источниковой базы. Оценивать распространение усовершенствованных сельхозмашин и орудий в масштабах всей Империи можно всего по двум-трем параметрам — ввоз, внутреннее производство, потребление на местах. О размерах импорта в весовом и стоимостном выражении можно достаточно уверенно судить по статистике внешней торговли, охватывающей значительный промежуток времени. А более или менее надежные оценки внутреннего производства появляются лишь с 1911 г., особенно в 1912–1913 гг., когда Бюро по сельскохозяйственной механике при ГУЗиЗ сумело наладить сбор необходимой информации. Притом же оба источника дают обобщающую информацию по всей стране, а это далеко не всегда достаточный показатель.

«Сводная статистика» позволяет восстановить перевозки усовершенствованных сельхозмашин и орудий в 1892–1914 гг. и определить балансы отправления/получения для каждой из губерний в течение указанного периода. Главный вопрос, однако, в том, могут ли весовые показатели *принципиально* служить индексом потребления сельхозтехники. И здесь естественно возникает вопрос о сопоставлении железнодорожной статистики с материалами Переписи 1910 г.

Перепись содержит погубернские и поуездные сведения о наличии различных категорий сельхозмашин и орудий, в том числе и усовершенствованных, во всех губерниях и областях Империи. Она фиксирует, в числе прочего, 6011790 железных плугов, 542937 «прочих усовершенствованных орудий для подъема почвы», 354481 сеялку,

811023 жатки, 8129 ручных, 549985 конных и 27072 паровые молотилки, 2099420 веялок, 200398 сенокосилок, 252619 конных грабель.

Перепись 1910 г., как и всякая перепись, дает «горизонтальный срез». Ее данные — результат предшествующих и нередко длительных процессов. Ясно, насколько важно было бы увидеть эти процессы в динамике, что можно сделать только с помощью «Сводной статистики».

Возможно ли сопоставление данных обоих источников, учитывая, что «Сводная статистика» содержит весовые показатели, тогда как в переписи все сельхозмашины и орудия разделены по категориям, и их количество для каждой губернии указывается поштучно? Если да, то важность такого заключения сложно переоценить.

В данной работе предлагается метод, суть которого — построение сопоставимых индексов по всем губерниям на основе сведений обоих источников. Для переписи необходим некий результирующий показатель, который суммировал бы сведения о наличии разных категорий инвентаря в общий индекс обеспеченности губерний машинами и орудиями.

Он выводится следующим образом. Определяется, какой процент падает на учтенное количество отдельных видов сельхозмашин и орудий данной губернии в общероссийском итоге. Например, 88,5 тыс. железных плугов, имевшихся в Могилевской губернии, составляли 1,47 % всех железных плугов в стране, а 573 сеялки — 0,162 % всех сеялок и т. д. Затем эти проценты суммируются и путем деления на число рассматриваемых категорий машин и орудий (их отобрано 10) получается средний процент, который составляет инвентарь данной губернии в целом по Империи. Все средние проценты ранжируются, и ранг, полученный той или иной губернией, принимается за «индекс обеспеченности» ее сельхозинвентарем. Так, средний процент, который машины и орудия Уральской области составляют в российском парке, равен 0,2386. Это соответствует рангу 65, и области присваивается «индекс обеспеченности» 65.

Подобным же образом ранжируется весовое получение сельхозмашин и орудий каждой губернией в 1910 г., подсчитанное на основании данных «Сводной статистики», и определяется «индекс перевозок». Оба полученных индекса представляют собой ранговые показатели, которые вполне сопоставимы.

Несколько предварительных замечаний. При подсчете погубернских данных о получении сельхозмашин и орудий в настоящей работе использовались две методики. Первая из них ориентировалась на учет «производительного» отправления, т. е. перевозок из портов, таможенных пунктов и крупных внутренних центров производства сельхозтехники. Последние определялись по наличию близ той или иной станции предприятий сельскохозяйственного машиностроения и по цензу отправления не ниже 30 тыс. пуд. Таким способом хотелось исключить переотправки. Погубернские данные, выведенные в результате именно этих подсчетов, были приняты как индексы получения сельхозмашин и орудий в 1910 и 1913 гг., помещенные в таблице 6.2.

Опыт работы со «Сводной статистикой» привел к заключению о том, что первая методика, существенно увеличивая объем работы и усложняя (в силу специфики публикации данных) первичную обработку источника, не повышает реальной точности результатов, в том числе и потому, что исключает из анализа итоги деятельности множества кустарных предприятий, ремонтных мастерских и др. Поэтому в дальнейшем

Таблица 6.1. Получение сельхозмашин и орудий в 1900–1913 гг. (Вариант 1)*

Губернии	1900	1901	1902	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Архангельская	0	0	0	0	0	2	2	3	6	6	6	8
Олонецкая	0	0	0	0	0	0	0	0	2	4	5	5
Вологодская	5	4	5	10	15	22	24	23	36	39	63	86
Петербургская	38	41	23	43	57	70	85	100	96	109	145	166
Псковская	11	21	10	15	31	40	34	37	53	71	99	114
Новгородская	7	11	5	6	12	20	16	17	18	42	55	79
Курляндская	49	49	52	62	48	87	109	92	99	144	175	175
Лифляндская	107	105	88	122	116	194	201	316	240	279	340	415
Эстляндская	13	13	9	35	27	56	62	84	76	54	61	70
Виленская	33	36	39	31	50	56	67	106	87	132	180	194
Гродненская	44	49	21	54	83	100	99	63	102	115	167	213
Ковенская	32	49	65	50	73	107	98	103	126	166	214	267
Витебская	41	46	27	47	53	77	81	92	120	164	212	276
Минская	53	49	45	81	90	95	119	120	127	152	217	240
Могилевская	30	29	21	49	39	41	44	41	64	98	168	250
Смоленская	12	22	26	41	46	50	33	40	54	81	151	198
Черниговская	39	23	33	65	55	49	39	57	87	152	220	242
Московская	242	176	164	189	175	189	237	184	236	364	369	482
Владимирская	23	78	46	33	95	43	46	52	58	69	73	81
Костромская	0	0	8	17	13	15	21	15	31	20	38	52
Тверская	19	20	10	39	54	59	39	27	34	62	109	132
Ярославская	16	23	22	58	24	26	27	24	25	27	35	51
Калужская	5	11	7	19	22	30	19	19	24	50	83	89
Курская	100	117	109	136	116	152	139	154	225	300	363	390
Орловская	35	42	22	91	105	103	113	132	219	209	268	308
Тамбовская	73	70	55	193	79	130	196	247	381	325	485	447
Тульская	32	38	22	62	58	63	104	127	93	156	192	208
Рязанская	21	26	9	41	24	51	79	75	78	103	106	160
Пензенская	9	18	15	64	22	61	67	110	131	137	213	252
Симбирская	36	37	17	60	62	96	85	73	79	106	115	152
Казанская	37	52	36	87	59	42	44	60	56	50	54	145
Нижегородская	36	39	45	122	73	53	76	74	70	90	109	164
Киевская	273	293	415	452	472	477	319	475	563	705	914	883
Подольская	89	140	157	234	235	230	197	270	314	443	539	398
Волынская	71	126	166	156	188	182	138	136	174	287	349	392
Донская	787	765	764	1164	856	1073	1408	1666	1901	1749	1494	1831
Екатеринослав.	164	123	155	963	995	900	1048	1413	1843	2204	2069	1551
Херсонская	156	335	562	630	930	804	770	1057	1368	1469	1560	1426
Бессарабская	28	148	202	233	258	207	182	270	340	420	507	391
Таврическая	111	95	102	260	281	349	361	434	652	712	640	607
Харьковская	236	198	242	396	303	313	410	450	569	842	1188	1088
Полтавская	153	151	281	491	443	426	298	434	618	955	1162	929

* Здесь и далее в главе 6 источником, кроме специально оговоренных случаев, является «Сводная статистика». Подсчёты перевозок выполнены автором.

Губернии	1900	1901	1902	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Воронежская	79	66	58	157	92	94	170	267	411	537	693	702
Саратовская	253	241	218	520	236	363	509	585	924	831	606	1184
Самарская	333	446	366	590	296	335	587	1079	1569	1278	995	2331
Оренбургская	312	467	490	424	587	490	738	743	771	628	473	947
Уфимская	56	66	85	155	169	135	208	246	357	283	171	362
Астраханская	0	0	0	6	3	5	8	6	4	7	8	28
Вятская	0	0	0	3	4	5	9	15	34	34	47	85
Пермская	33	32	25	90	112	156	173	181	181	184	170	441
Кубанская	453	640	833	803	971	1024	1112	1276	1546	1383	1543	1658
Ставропольская	144	217	200	157	158	210	244	247	277	231	252	377
Терская	180	244	214	201	205	273	313	340	406	352	368	392
Уральская	42	110	77	43	32	26	35	88	143	134	122	243
Тургайская	0	0	0	0	16	49	146	115	145	133	134	213
Ферганская	3	4	9	8	5	17	20	17	56	60	54	70
Сыр-дарьинская	7	13	20	0	58	84	101	62	55	83	100	122
Закаспийская	0	0	0	2	2	8	7	7	8	13	6	11
Самаркандская	0	0	0	0	3	8	6	3	8	13	9	19
Бухара	0	0	0	0	0	5	8	3	12	18	5	6
Елисаветпольская	4	3	0	4	6	7	13	15	16	20	29	27
Бакинская	6	6	0	11	16	20	23	27	22	39	61	75
Эриванская	3	4	0	13	12	9	9	11	17	22	24	13
Карсская	2	4	7	6	8	6	5	6	9	18	23	15
Тифлисская	0	16	16	22	21	24	17	25	44	36	43	47
Дагестанская	0	0	0	6	16	5	12	6	6	4	8	9
Кутаисская	0	0	0	2	0	2	0	0	5	2	5	0
Тобольская	50	56	70	218	247	266	386	386	341	286	284	475
Акмолинская	139	163	292	267	708	924	1233	2021	1078	1473	1472	1740
Семипалатинская	0	0	0	0	7	11	24	6	0	0	2	3
Томская	71	83	180	172	670	1222	1455	1260	1237	1822	1768	2331
Енисейская	21	15	33	56	234	267	200	188	231	325	221	237
Иркутская	12	20	18	15	93	106	55	76	122	142	97	88
Забайкальская	0	0	8	27	85	133	72	88	133	268	282	170
Приморская	112	87	94	3	73	171	120	118	116	268	276	415
Амурская	0	0	0	0	0	49	39	17	103	113	119	210
Варшавская	198	292	198	346	426	512	652	507	510	561	818	785
Ломжинская	23	18	9	28	36	57	48	36	50	70	76	85
Сувалкская	11	22	30	20	33	41	35	46	58	75	88	125
Петроковская	25	21	17	39	65	120	124	107	157	179	203	209
Плоцкая	11	9	18	19	28	33	34	32	36	49	52	67
Люблинская	44	58	50	49	67	75	87	80	100	117	168	191
Седлецкая	27	23	22	34	39	54	78	71	90	86	129	165
Радомская	27	21	34	34	48	57	48	42	56	86	110	119
Келецкая	29	15	18	19	37	43	39	39	48	68	92	112
Калишская	0	0	0	10	14	23	31	20	26	20	38	31
Всего учтено	**5976**	**7150**	**7811**	**11477**	**12672**	**14658**	**16762**	**19777**	**22983**	**26009**	**27749**	**32537**
Всего перевезено	**8152**	**8842**	**10660**	**12798**	**14034**	**16006**	**18258**	**21461**	**24373**	**27520**	**29673**	**34517**
Доля учтенного, %	**73,3**	**80,9**	**73,3**	**89,7**	**90,3**	**91,6**	**91,8**	**92,2**	**94,3**	**94,5**	**93,5**	**94,3**

изучение потребления сельхозтехники проводилось по другой методике: погубернские итоги выводились как сумма получения всех станций, расположенных на территории той или иной губернии. В рамках этой методики исследования была также сделана попытка исключить переотправки (см. § 6.4). О надежности сведений «Сводной статистики» говорит тот факт, что расхождения между рангами получения губерний, посчитанные по обеим методикам, весьма близки.

Далее. В 1909–1913 гг. в Империи насчитывалось 95 губерний, областей и округов. В данной работе показатели Кубанской области и Черноморской губернии, Кутаисской губернии и Батума суммируются для сопоставимости данных. По той же причине не выделяются данные Холмской губернии. На территории Семипалатинской, Семиреченской, Якутской, Камчатской, Сахалинской губерний и областей, а также Закатальского и Сухумского округов железных дорог в то время не было. При этом в отдельные годы на Сибирской железной дороге специально фиксируется прибытие сельхозтехники для Семипалатинска и (гораздо чаще) для Амурской области. Подсчеты транспортировки сельхозмашин и орудий по 1-й методике не показывают в 1910 и 1913 гг. перевозок в Кутаисскую губернию и Бухарский эмират.

Сравнение обоих индексов — перевозок и Переписи — показывает, что наибольшее соответствие между ними наблюдается для первых и последних 15-ти губерний. Из 15 губерний, имеющих индексы перевозок в интервале 1–15, 13 губерний имеют индексы обеспеченности в тех же пределах, а из 15-ти губерний, занимающих по перевозкам 69–83 места, 10 губерний имеют индексы обеспеченности в том же интервале (см. табл. 6.2).

Для двух построенных рядов индексов (рангов) можно вычислить коэффициент ранговой корреляции Спирмена ρ, показывающий степень согласованности их значений[3]. В данном случае (ρ=0,78) коэффициент говорит о достаточно высокой положительной корреляции (при уровне t-статистики, равном 11,3), свидетельствующей о статистической надежности.

Это доказывает, что весовое получение может служить весьма надежным показателем уровня использования усовершенствованного инвентаря в сельском хозяйстве. Отсюда следует, что сведения о динамике получения сельхозмашин, которые дает транспортная статистика, можно привлекать для оценки уровня их потребления в каждой губернии за весь период начала XX века .

На основании данных статистики перевозок нами была создана база данных для периода 1900–1913 гг. В таблице 6.1 содержатся подсчитанные по этой базе погубернские итоги получения сельскохозяйственных машин в 1900–1913 гг. каждой из 86-ти губерний и областей Империи, по территории которых проходили железные дороги, за исключением 1903 и 1904 гг. Это связано со спецификой издания «Сводной статистики», о чем подробнее говорится ниже.

Данные о динамике получения сельскохозяйственных машин показывают стабильный рост суммарного потребления сельхозмашин, который особенно ускоряется с 1906 г. В 1901 г. все перевозки сельхозмашин по сети российских железных дорог составили 8842 тыс. пуд., в 1902 г. — 10660 тыс. пуд., в 1909 г. — 21461 тыс. пуд., в 1913 г. — 34517 тыс. пуд. Другими словами, по меньшей мере, несколько десятков лет они были менее 10 млн. пуд., восемь лет (с 1902 по 1909 гг.) понадобилось, что-

бы они превысили 20 млн. пуд., и всего четыре года, чтобы они далеко перевалили за 30 млн. пуд.

Валовые показатели, как известно, затрудняют выявление региональных особенностей. С целью установить более однородных по характеру динамики групп губерний был проведен кластерный анализ методом К-средних, позволяющим группировать объекты в заданное число классов. В результате получены три устойчивые как по всему периоду, так и по отдельным его фазам (1900–1905, 1906–1909 и 1910–1913 гг.) группы.

Таблица 6.1а. Получение сельхозмашин и орудий в 1900–1913 гг. (Вариант 2)*

Губернии	1900	1901	1902	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Оренбургская	312	467	490	4235	5809	4751	5497	5755	6023	4901	2539	7464
Тобольская	50	56	70	2176	1676	2498	3050	2871	1985	1394	1725	3945
Акмолинская	139	163	292	2670	5120	8820	9546	17817	7303	10148	12714	12396
Томская	71	83	180	1720	5815	11061	13090	10783	9924	15634	14786	20930
Енисейская	21	15	33	562	1795	2405	1426	1419	1572	2604	1557	1894
Остальные губернии России	Данные см. в таблице 6.1.											
Всего	**5976**	**7150**	**7811**	**114768**	**122486**	**144431**	**160107**	**190449**	**220118**	**249430**	**268647**	**314710**

В первую группу вошли Екатеринославская, Херсонская, Самарская и Томская губернии, Донская, Кубанская и Акмолинская области. Во вторую — Московская, Варшавская, Бессарабская, Подольская, Киевская, Полтавская, Харьковская, Воронежская, Тамбовская, Таврическая, Саратовская, Оренбургская, Ставропольская и Тобольская губернии, а также Терская область. В третью группу — все остальные губернии России[5].

Характер динамики получения сельхозмашин и орудий для каждой из выделенных групп специфичен. Представляется, что приводимые результаты подтверждают правомерность предпринятого анализа — губернии, лидирующие по рангам переписи, вошли в первую группу, которая в указанные годы получала больше всего сельхозмашин. Действительно, из таблицы 6.1 нетрудно видеть, что огромный рост перевозок сельскохозяйственных машин в начале XX в. — это прежде всего рост получения их в семи губерниях первой группы, на долю которых падает от 40 до 50 % всей суммы перевозок. Рост особенно заметен, начиная со времени Столыпинской аграрной реформы, и прежде всего — для Сибири и Дальнего Востока.

Отметим, что пять из семи губерний первой группы — признанные лидеры в зерновом производстве, притом все, кроме Самарской, ориентированы прежде всего на экспорт пшеницы и ячменя. Что касается Томской губернии и Акмолинской области, то отмеченное увеличение перевозок сельхозмашин и орудий становится особенно заметным начиная со времени Столыпинской аграрной реформы.

Сибирь с 1906 г. превращается в рынок сельхозмашин, имеющий мировое значение, что подтверждается, с одной стороны, многочисленными свидетельствами ожесточенной конкуренции фирм-производителей, как отечественных, так и зарубежных, а с дру-

* Подробно см. § 6.4.

Таблица 6.2. Ранги губерний по данным переписи 1910 г. и статистики перевозок в 1910 и 1913 гг.

Губернии	1910	1913	Перепись
Донская	1	3	1
Екатеринославская	2	6	2
Самарская	3	1	5
Херсонская	4	5	4
Кубанская	5	4	3
Акмолинская	6	7	14
Томская	7	2	10
Саратовская	8	9	15
Оренбургская	9	11	7
Полтавская	10	12	8
Киевская	11	10	12
Харьковская	12	8	13
Таврическая	13	15	6
Варшавская	14	13	20
Терская	15	23	25
Воронежская	16	14	26
Тобольская	17	18	48
Бессарабская	18	20	19
Тамбовская	19	24	23
Подольская	20	21	11
Уфимская	21	25	28
Ставропольская	22	26	9
Лифляндская	23	17	16
Волынская	24	29	17
Курская	25	22	22
Московская	26	16	68
Орловская	27	30	27
Енисейская	28	47	36
Приморская	29	19	66
Петроковская	30	35	45
Минская	31	36	31
Уральская	32	32	65
Пензенская	33	39	59
Пермская	34	27	24
Ковенская	35	28	18
Тургайская	36	38	60
Витебская	37	31	43
Курляндская	38	42	21
Люблинская	39	33	37
Тульская	40	44	33
Виленская	41	40	42
Амурская	42	48	57

Губернии	1910	1913	Перепись
Забайкальская	43	58	47
Плоцкая	44	64	32
Гродненская	45	34	41
Седлецкая	46	49	52
Эстляндская	47	59	39
Черниговская	48	37	38
Петербургская	49	45	63
Симбирская	50	50	58
Нижегородская	51	46	70
Иркутская	52	67	64
Сувалкская	53	51	44
Ферганская	54	66	81
Владимирская	55	61	69
Рязанская	56	52	55
Келецкая	57	56	54
Могилевская	58	34	51
Ломжинская	59	62	62
Псковская	60	60	67
Сыр-Дарьинская	61	55	77
Казанская	62	53	46
Смоленская	63	41	49
Калишская	64	72	34
Радомская	65	54	53
Тифлисская	66	73	35
Вологодская	67	68	78
Костромская	68	74	50
Новгородская	69	65	72
Тверская	70	57	56
Ярославская	71	70	40
Калужская	72	63	71
Бакинская	73	69	75
Эриванская	74	78	61
Закаспийская	75	79	80
Самаркандская	76	81	73
Карская	77	82	79
Елисаветпольская	78	77	76
Дагестанская	79	75	74
Архангельская	80	80	83
Вятская	81	71	30
Астраханская	82	76	29
Олонецкая	83	83	82

гой — тем фактом, что Сибирь в 1906–1913 гг. поглощала до 15-ти и более процентов перевозимых сельхозмашин вместо 6 % в начале рассматриваемого периода.

В совокупности губерний первой и второй групп — это губернии южно- и северно-черноземные, а также западно-сибирские, куда направлялся основной поток колонистов-переселенцев. Южно-черноземные губернии в конце XIX века имели, как известно, наибольший в стране прирост посевов, с чем, видимо, и был связан рост сборов. При этом в Херсонской и Екатеринославской губерниях рост посевных площадей замедлялся, а в остальных губерниях еще оставались значительные резервы для развития залежно-целинного сельского хозяйства (это же относится к Саратовской и Оренбургской губерниям). Из северно-черноземных губерний во вторую группу попали те, в которых сборы увеличились, несмотря на сокращение посевов (Тамбовская, Воронежская), или увеличились гораздо сильнее, чем посевы (Киевская, Подольская, Полтавская, Харьковская). Другими словами, рост сборов хлебов здесь шел за счет подъема урожайности, что, понятно, требовало интенсификации хозяйства, в том числе и роста использования современной агротехники. Весьма высокие показатели получения сельскохозяйственных машин Московской и Варшавской губерниями в литературе объясняются их важной ролью как переотправочных центров, а также довольно высоким уровнем агрокультуры в последней (Варшавская губерния имеет 20-й ранг по переписи сельхозмашин).

Как можно видеть, во вторую группу вошли губернии с разным начальным уровнем потребления. Семь из них в 1900 г. были в первой десятке губерний по объему перевозок (Оренбургская, Саратовская, Харьковская, Киевская, Варшавская, Московская), четыре — во второй (Полтавская, Таврическая, Подольская и Ставропольская), три — в третьей (Воронежская, Тобольская, Тамбовская), одна — в четвертой (Бессарабская). Объединяет их тип динамики потребления в последующие годы и средневысокие итоги получения. У всех них значительно возрастают показатели получения в годы Столыпинской реформы, особенно в 1910–1913 гг. Это же можно констатировать и применительно к целому ряду губерний третьей группы, однако там речь идет, как правило, о «росте с нуля».

Что касается всех трех групп, то наблюдается определенное «перераспределение ролей», выражающееся не только в изменении региональной структуры рынка сельхозмашин (особенно заметного в первой и второй группах губерний), но и в наметившейся с 1909 г. тенденции к снижению уровня концентрации в потреблении усовершенствованной сельскохозяйственной техники. Это говорит о том, что к концу изучаемого нами периода и в губерниях третьей группы наконец начинается процесс повышения

Таблица 6.3. Коэффициенты Джини

1900	0,69
1905	0,68
1906	0,66
1907	0,65
1908	0,67
1909	0,68
1910	0,66
1911	0,64
1912	0,61
1913	0,60

уровня механизации и роста агрокультуры, о чем подробнее будет сказано ниже. В таблице 6.3 приведены коэффициенты концентрации погубернского получения сельхозмашин и орудий (коэффициенты Джини) по всему периоду, значения которых выявляют названную тенденцию. Если в 1900 г. значение коэффициента Джини было равно 0,69, то к 1913 г. оно снизилось до 0,60, что говорит о заметном уменьшении уровня концентрации перевозок сельхозмашин и орудий[6].

* * *

Как известно, в литературе мнение о слабой обеспеченности российской деревни сельхозтехникой давно, еще с дореволюционных времен, стало общим местом. Вот что писал об этом В. В. Морачевский: «Существует мнение, до сих пор еще нередко находящее себе место и в печати, что крестьянское хозяйство в России в техническом отношении приходит к упадку или, по крайней мере, пребывает в состоянии полного застоя. Представителями такого мнения обыкновенно отмечается инертность крестьянина, его косность, упорное следование дедовским традициям, недоверие ко всяким культурным новшествам и пр.

Хотя такой взгляд на положение крестьянского хозяйства, в его целом уже слишком расходится с действительностью, тем не менее, он продолжает существовать, что объясняется, прежде всего, крайне слабой обследованностью жизни деревни как со стороны ее экономики, так и хозяйственной техники. Необходимые в этом отношении статистико-экономические данные, которые имели бы сколько-нибудь сплошной характер, хотя (бы) для одной только Европейской России, если и существуют, то касаются лишь немногих отдельных сторон сельской жизни и притом, взятые вместе, представляются слишком разнородными и разновременными, а по большей части и сильно устаревшими; при этом означенные материалы относятся в большинстве случаев лишь к одному моменту, следовательно, пригодны в лучшем случае для определения только положения крестьянского хозяйства (в том или ином отношении) — его статики, а не характера и направления его движения — его динамики. При невозможности, таким образом, иметь сколько-нибудь определенный, опирающийся на общие статистические данные ответ — прогрессирует крестьянское хозяйство или нет, мнения естественно разделяются в зависимости от того, составляются ли они на основании таких частных наблюдений, где действительно хозяйство крестьян обладает всеми признаками упадка и рутины, или наоборот, где оно дает свидетельство быстро совершающегося его технического улучшения; в тех же случаях, когда мнения по этому вопросу создаются не путем личных наблюдений сельской жизни, а всецело или по преимуществу на основании данных литературы и статистики, то здесь их расхождение может обуславливаться случайностью самого материала, недостаточным знакомством с ним, суждением на основании данных, охватывающих лишь ограниченный район, и т. д.

Материалы, дающие большее или меньшее освещение и характеристику сельской жизни — ее современного состояния, происходящих в ней изменений, ее нужд и пр., страдают крайней отрывочностью, разновременностью и географической неполнотой, вследствие чего почти не поддаются каким-либо обобщениям»[7]. За без малого сто лет,

прошедших со времени написания этих строк, подобное отношение к технической оснащенности крестьянского хозяйства не слишком изменилось.

Тот факт, что даже в 1917 г. 52 % крестьянских хозяйств не имели плугов, «обрабатывая землю сохами и косулями и т. п.»[8], в определенной степени показателен. Но средние цифры для России всегда напоминают грузовик, получившийся из суммы велосипеда и паровоза, деленной пополам. Действительно, если определять уровень развития, например, плужной обработки, исходя из того, что в Архангельской губернии, согласно Переписи 1910 г., на 100 орудий подъема почвы приходится 0,2 железного плуга, а в Ставропольской — 99,4, то средняя величина и составит примерно 50 %. Однако этим как бы игнорируется то обстоятельство, что в Архангельской губернии на 499 сох, рал, косуль был всего 1 железный плуг, а в Ставропольской — в 497 раз больше.

Два свидетельства, приводимые ниже, дают представление о принципиально отличном друг от друга отношении крестьян к агротехнике в разных регионах страны. Первое относится к упомянутой только что Ставропольской губернии, второе — к Нижегородской, первое дано правительственным инспектором сельского хозяйства, второе — земским агрономом.

1) «Еще не так давно, всего 20–25 лет тому назад, большая часть... земель (в Ставропольской губернии. — *М. Д.*) представляла собой обширные пространства целинного чернозема с необъятными выгонами, служащими для прокормления неисчислимых стад различного скота и преимущественно овец, принадлежащих как местному населению, так и выходцам из Таврической губернии, переселившимся сюда в конце 60-х и в начале 70-х годов. Рядом с этим на тучных, еще не распаханных, почвах Ставропольской степи получались высокие урожаи ценных хлебов, пшеницы, льна, проса и других растений, причем без особых усилий со стороны земледельца. Богатство целинных степей, легкость получения на них баснословных урожаев в связи с проведением железной дороги, создавшей условия более легкого и выгодного сбыта зерновых продуктов, направили деятельность местного хозяина на получение возможно большего количества этих продуктов, причем, как это всегда наблюдается в подобных случаях, увеличение количества производимых зерновых продуктов достигается здесь не за счет усиления производительности почвы, а за счет расширения площади посевов. В связи с этим приобретаются в значительном количестве усовершенствованные орудия не столько для улучшения качества обработки почвы, сколько для расширения обрабатываемой площади („при наименьшей затрате труда и времени"), чем и объясняется сильное распространение буккеров, являющихся здесь главным орудием обработки почвы»[9].

2) Земский агроном Тархов занял место уездного агронома в Горбатовском уезде Нижегородской губернии весной 1903 г., когда земская агрономия здесь только начинала вводиться.

«Первое, на что пришлось обратить внимание, как и почти во всех уездах центральной России, это — на ознакомление населения с травосеянием и на распространение плугов», которые, несмотря на хорошее качество, «покупались... крайне мало, и вообще плуги в крестьянском хозяйстве уезда были распространены очень слабо.

Объясняя это явление тем, что крестьяне еще плохо знакомы с работой плугов, я часто вел с ними беседы о преимуществах плуга перед сохой и, не ограничиваясь

словами, к немалому неудовольствию земских ямщиков, возил с собой на тарантасе одноконный плужок, работу которого и демонстрировал при каждом удобном случае. Общие отзывы крестьян были таковы, что плугом работать гораздо легче, чем сохой и пахарю, и лошади, но что он слишком переворачивает пласт или, по их выражению, „увивает“ и потому после него трудно бывает разборонить пашню. Это объяснение подтолкнуло меня на мысль, что в данном случае помочь горю можно, и надо лишь подобрать наиболее подходящую марку плуга. К совершенно такому же выводу пришел еще один из моих товарищей по службе — арзамасский агроном, и совместно с ним мы начали подыскивать более подходящие к нашим условиям плуги. Выписав несколько разных одноконных плугов, мы испытали их и остановились на плужке Р. Сакка марки СР6 с культурным панцирным отвалом, который хорошо заделывает навоз и сорные травы, идеально переворачивает пласт и в то же время сильно дробит его, совершенно не распыляя земли; крестьяне, которые видели работу этого плуга, оставались ей очень довольны и выражали желание приобрести подобные плуги в собственность, несмотря на высокую цену — 14 р., тогда как Воткинские плуги продавались по 6–7 руб. (р. и руб. — так в источнике. — *М. Д.*). Не находя возможным продавать крестьянам хотя и очень хорошие по качеству, но очень дорогие плуги Сакка, мы предложили Павловской земской мастерской начать работать плуги по типу Сакковских, администрация мастерской охотно пошла навстречу... и к весне 1905 года у меня... в земских складах уже появились плужки... которые по своей конструкции ничем не отличались от оригинала; продажная цена этих плугов была около 9 руб., т. е. на 2–3 руб. дороже Воткинских. Первая партия плугов расходилась довольно слабо, но как только крестьяне ознакомились с их работой, спрос на них поднялся настолько сильно, что мастерская не успевала удовлетворять все требования». Летом 1905 г. Тархов перешел на работу в Нижегородский уезд, и там продолжил свою миссию в более крупном масштабе[10].

Необходимо особенно подчеркнуть простую, но от того не становящуюся менее важной заключительную мысль Тархова: «Возня с плугами, когда перед нами, агрономами лежат более широкие задачи, может показаться слишком мелочной и ничтожной, которой не стоит отдавать много времени и труда, но не следует забывать, что, не научив буквам и слогам, нельзя научить читать и понимать литературу, а также нельзя, не давши порядочного плуга и не научив пахать, научить правильно обрабатывать почву»[11].

Эти два фрагмента описывают полярные ситуации и в значительной степени объясняют колоссальный разрыв в потреблении сельхозтехники между Новороссией и остальной Европейской Россией.

К приведенным пространным свидетельствам «Сводная статистика» дает весьма наглядную иллюстрацию. В 1906 г. — в год начала Столыпинской аграрной реформы — Архангельская, Олонецкая, Вологодская, Новгородская, Псковская, Петербургская, Пермская, Вятская, Эстляндская, Лифляндская, Курляндская, Виленская, Ковенская, Гродненская, Минская, Витебская, Могилевская, Смоленская, Московская, Владимирская, Костромская, Ярославская, Тверская, Калужская, Тульская, Рязанская, Орловская, Тамбовская, Курская, Воронежская, Нижегородская, Симбирская Казанская, Пензенская, т. е. 34 (!) губернии получили в сумме столько же сельхозтехники (на 3,7 тыс. пуд. больше), сколько Херсонская и Екатеринославская вместе взятые —

1929,0 тыс. пуд. против 1925,3. В 1913 г. ситуация, хотя и остается как бы не вполне нормальной, но уже начинает меняться, чему свидетельством тот факт, что теперь вышеперечисленные Северные, Приозерные, Приуральские, Прибалтийские, Литовские, Белорусские, Центрально-Промышленные, Центрально-Черноземные и Средне-Волжские губернии вместе взятые получили 7095,7 тыс. пуд. сельхозмашин и орудий, а две Новороссийские — 2976,9 тыс. пуд. соответственно (см. таблицу 6.1).

За счет чего происходят эти изменения? Представляется, что прежде всего за счет действия Столыпинской аграрной реформы. Доказательству этого тезиса в дальнейшем изложении уделяется большое внимание. Как известно, одной из важнейших задач реформы была агротехническая, призванная, наряду с землеустройством, поднять на качественно иной уровень отечественное сельское хозяйство. Проблема влияния реформы на рост механизации изучена недостаточно.

Совершенно понятно, что громадный рост потребления сельскохозяйственных машин Сибирью и Дальним Востоком в огромной степени связан с переселением за Урал более чем трех миллионов крестьян. Если в 1900–1905 гг. на Сибирь приходилось примерно 5,5 % всего получения сельхозмашин, то уже в 1906 г., после учреждения 4 марта Землеустроительных комиссий, этот показатель составил 17 %, и в дальнейшем колебался примерно на уровне 1/6 всех перевозок. «Западная Сибирь и Степной край, а за ними и остальная Сибирь является в настоящее время одним из крупнейших мировых рынков для сбыта сельскохозяйственных машин и орудий, и можно даже сказать с уверенностью, что емкость его в этом отношении с каждым годом не только не будет уменьшаться, а наоборот возрастать. С каждым годом все новые и новые тысячи переселенцев переваливают через Урал и начинают вновь свое хозяйство на незаселенных землях, нарезаемых то в том, то в другом обследованном и оказавшемся пригодным для земледельческой культуры районе обширной Сибири. Этим новоселам требуются орудия для распашки и дальнейшей обработки целинных земель. Более культурные из них покупают и сеялки или буккера, и большинство из них обзаводится уборочными машинами и молотилками, без которых при довольно крупных запашках нет возможности убрать урожай и вымолотить хлеб за недостатком рабочих рук.

В местностях со старожильческим населением или давно заселенных назревает переход от экстенсивных полухищнических приемов хозяйства к более интенсивным, культурным. В этих местностях начинают уже свою просветительную работу агрономические организации, под влиянием их пропаганды еще более возрастает спрос на рядовые сеялки, различные культиваторы, зерноочистительные машины и т. п.

На сибирский рынок, кроме русских и американских фирм, давно и с большим успехом оперирующих здесь, устремляются шведские, финляндские, чешские, не говоря уже о крупных английских и немецких фирмах... Фирмы напрягают все усилия, чтобы найти потребителя своим машинам, уловить характер спроса», — вот типичная характеристика сибирского рынка периода реформы; в данном случае она относится к 1913 гг.[12] Однако насколько основательно мнение о благотворном влиянии реформы на потребление сельхозмашин в Европейской России?

Ответ на этот вопрос не столь очевиден, как может показаться. Множество разнообразных источников подтверждают, что воздействие это имело место. Вместе с тем,

рост потребления сельхозмашин в целом по стране начался до реформы, он в немалой степени связан с отменой в 1898 г. ввозных пошлин на сложные (уборочные) сельхозмашины, почти не производившиеся тогда в России. Поэтому, строго формально, всегда можно сказать, что увеличение потребления агротехники в годы реформы могло и не быть связано с нею, а было лишь продолжением начавшихся ранее процессов.

Заметим, однако, что особого внимания в этом смысле заслуживает рост потребления сельхозмашин и орудий в губерниях 3-й группы, весьма низкие показатели которых до 1910 г. говорят к тому же о явной стагнации, о том, что сельхозмашины там оставались как бы «деликатесом» цивилизации (еще не аэроплан, но уже не железная дорога).

С 1910 г., и особенно — с 1911 г. ситуация стала радикально меняться.

Почему?

Потому, что работа таких энтузиастов, как Тархов и его единомышленники, стала также и заботой государства, стала государственным мероприятием и обрела масштабы без малого 50-ти губерний Европейской России.

Мы видели, что ни распространение сельхозмашин в степи, ни просветительская деятельность Тархова и других, впрочем, немногочисленных тогда агрономов не были связаны с аграрной реформой. В Новороссии более значительное, чем в других регионах страны, потребление сельхозмашин продолжалось бы и без землеустройства (хотя, разумеется, и не такими темпами, как будет показано ниже). Там основной массе населения преимущества плуга перед сохой были очевидны (в прямом и переносном смыслах). А вот рост потребления сельхозтехники в Нечерноземье, начиная с 1909–1910 гг., заслуживает особого внимания. И, несколько забегая вперед, замечу, что он не только внешне совпадает с *началом* развития агрономической помощи по всей стране, когда число «убеждающих» и «убеждаемых» стало значительно возрастать. По существу, он является частью того глобального перелома в сельском хозяйстве России, который начался в эти годы и был непосредственным проявлением и следствием Столыпинской аграрной реформы.

Прежде, чем доказать это, необходимо рассмотреть картину обеспеченности сельского хозяйства страны сельскохозтехникой в 1910 г., как ее дает Перепись 1910 г., и выяснить, насколько картина соответствует полученной с помощью кластерной классификации губерний, что позволит глубже понять смысл изучаемых изменений.

§ 6.2. ПЕРЕПИСЬ 1910 г. О СОСТОЯНИИ ПАРКА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ТЕХНИКИ В РОССИИ

Анализ переписи нужен не просто для того, чтобы материализовать, «оживить» цифры перевозок, но и для того, чтобы точнее представить состояние парка сельхозмашин и орудий в стране и потребности отечественного сельского хозяйства в сельхозтехнике.

О концентрации усовершенствованных сельхозмашин и орудий можно судить по таблицам 6.4–6.8, которые показывают, сколько тех или иных усовершенствованных орудий и машин приходилось на 15 лидирующих губерний России.

Рассматривая обеспеченность сельского хозяйства орудиями для подъема почвы, необходимо иметь в виду следующее. Морачевский справедливо считает, что «первым шагом крестьянина на пути улучшения своего хозяйства, первым как бы признаком начавшегося в нем прогресса служит обычно появление более усовершенствованных орудий для обработки почвы»[13].

Уже проведенное Министерством Земледелия в 1-й половине 1890-х гг. обследование территории Европейской России показало, что «в отношении господствующего в крестьянском хозяйстве орудия для обработки пашни она делилась на две характерные области». В первую входила почти вся черноземная полоса, за исключением ЦЧР и средне-волжских губерний, кроме Воронежской и Уфимской, а также западная окраина Нечерноземья (Привислинский край и Прибалтийский район). Тут плуг был если не везде исключительным, то, во всяком случае, резко преобладающим количественно орудием подъема почвы. Вторая область включала почти все Нечерноземье, кроме запада и указанную часть Черноземья, в которой еще господствовала соха. Однако и здесь во многих районах простая соха («обыкновенная» соха, «соха-прямуша») давно уступила место модифицированным орудиям. Так, например, в белорусских губерниях была популярна «белорусская» соха с неподвижным наполком, в литовских губерниях — «литовские» сохи или «керинки», которые по своей конструкции приближались к типу плуга с сошниками, поставленными друг к другу под углом, из которых один, отрезавший пласт сбоку, выполнял роль отвала, а другой — подрезал пласт снизу.

«Далее на восток нечерноземной полосы», — продолжает автор — «весьма распространены сохи „косули“ или „самолеты“, у которых палица и сошники заменены уже отрезом и лемехом с отвалом, благодаря чему они также являются по своему устройству еще более близкими к плугу; соха „косуля“, сохраняя везде общий принцип своего устройства, в отдельных местностях подверглась различным частичным модификациям, почему известна косуля „Ярославская“, „Вятская“, „черемисская“ и т. п. В приуральских губерниях, а также в прилегающих местностях Зауралья, широко распространились сохи еще более совершенной конструкции того же типа косули, а именно сохи „курашимки“, „кунгурки“, „чегандинки“, „сабаны“ и пр.»[14].

Таким образом, крестьяне, прежде чем начали осваивать сельскохозяйственные орудия фабричного производства, немало потрудились над тем, чтобы улучшить качества сохи. Более того, направление, в котором шла оптимизация ее свойств, и достигнутые результаты показывают, что крестьяне верно понимали недостатки этого орудия и правильно его модифицировали.

Другими словами, резюмирует Морачевский, «мнение, что крестьянин продолжает обрабатывать землю первобытными орудиями, „как делали это деды“, „ковырять землю сохой“ и т. д.» далеко не соответствовало не только ситуации 1900-х, но даже и середине 1890-х гг.[15]

Важно отметить, что факт долгого господства сохи над плугом в нечерноземных губерниях 2-й области объясняется, прежде всего, особенностями почвы. На большей части этой территории преобладали дерново-подзолистые суглинки и супеси, а также легкие песчаные почвы. Они имеют относительно весьма небольшую мощность, и поэтому

Таблица 6.4. Губернии с наибольшим числом усовершенствованных орудий для подъема почвы (тыс. штук)

Губернии	Орудий	% от итога Империи
Донская	348,1	5,3
Самарская	343,9	5,2
Екатеринославская	309,8	4,7
Херсонская	303	4,6
Полтавская	246,3	3,8
Кубанская	245,1	3,7
Харьковская	236,6	3,6
Черниговская	211,7	3,2
Минская	206,6	3,2
Бессарабская	200,3	3,1
Подольская	196,7	3,0
Киевская	194	3,0
Томская	188,5	2,9
Саратовская	174,4	2,7
Оренбургская	172,4	2,6
Всего	**3577,4**	**54,6**
Всего по Империи	**6554,7**	**100,0**

зачастую не допускают слишком глубокую обработку из-за возможности смешения с подпочвой и извлечения на поверхность менее плодородных почвенных горизонтов. Кроме того, эти почвы, в отличие от черноземных и степных, сравнительно малоплодородны. Их восстановление зависело прежде всего от количества и качества удобрения, способов его распределения, заделки и т. д.

В силу этого в данном регионе даже в тех крестьянских хозяйствах, которые уже имели плуги, соха продолжала применяться для выполнения целого ряда подготовительных работ к посеву («двоение», «троение») по заделке семян, навоза и т. д. Для подобного назначения соха того или иного типа зачастую использовалась здесь наряду с плугом не только в крестьянских, но и во многих сравнительно культурных владельческих хозяйствах[16]. Перепись 1910 г. свидетельствует, что в Европейской России наиболее обеспеченными железными орудиями для подъема почвы были губернии «южной половины страны» (выражение А. Н. Челинцева), а вслед за ними — также и западные, включая польские.

В зависимости от степени распространения железных орудий подъема почвы Европейскую Россию можно разделить на несколько частей.

В первой из них деревянные орудия подъема почвы безусловно преобладают. Это образующие единый массив 16 нечерноземных и 3 северно-черноземных (Рязанская, Тамбовская и Пензенская) губерний, в которых на железные орудия приходится менее 10 % всех орудий подъема почвы, причем в 6-ти из них эта доля менее 5 %.

Во второй процесс вытеснения деревянных орудий подъема почвы продвинулся несколько дальше. Сюда относятся 5 губерний с долей усовершенствованных (железных) орудий 13,4–17,9 % (Петербургская, Орловская, Ярославская, Симбирская и Эстлянд-

ская) и 9 губерний с показателями 20–29,8 % (Виленская, Казанская, Курская, Волынская, Тульская, Могилевская, Воронежская, Уфимская и Лифляндская).

В Курляндской, Ковенской и Саратовской усовершенствованные орудия подъема почвы составляли 35,6–43,1 % всех таких орудий.

Наконец, в третьей части преобладают железные плуги, местами — безусловно. В Гродненской, Минской, Подольской, Киевской, Черниговской они составляли 60,7–63,1 % всего парка орудий подъема почвы, а в остальных — от 72,5 в Оренбургской, до 99,4 % в Ставропольской.

Обеспеченность польских губерний железными плугами в целом была заметно выше, чем по другим губерниям Европейской России — 50,1 % против 32,1 %, при этом Варшавская и Плоцкая губернии находились на уровне Бессарабской и Харьковской.

В Азиатской России лидировала Акмолинская область — 94,5 %, затем шли Тургайская и Приморская области — 88,6 и 85,2 % соответственно; в Томской он составлял 46,3, в Амурской и Енисейской — 31,4 и 31,1 %, в Тобольской — 22,6 %.

Рассматриваемый показатель очень важен. С одной стороны, он, несомненно, фиксирует имеющиеся уже в ряде губерний, прежде всего южно-черноземных, бесспорные достижения в замене парка средневековой техники. С другой же, он намечает перспективу этого процесса в западных и северо-западных губерниях, а также в Саратовской губернии. Приобщение к современной сельхозтехнике начиналось именно с плугов, которое, цитируя агронома Тархова, было как бы обучением агрономическому «чтению по складам». Оно часто влекло за собой постепенное возрастание интереса к другим машинам и орудиям, но *уровень осознания необходимости их применения* сильно разнился в отдельных местностях. Агрономы считали, что именно сеялки являются той машиной, приобщение к которой является своеобразным залогом дальнейшего прогресса в машинизации сельского хозяйства. Польза жаток, например, была очевидной — они экономили труд, а вот выгоды применения сеялок были не столь ясны. Вряд ли случайно, что, согласно Переписи, число сеялок в России в 2,3 раза уступало числу жаток (354,5 тыс. против 811,0 тыс.).

Таблица 6.5 показывает, что без малого половина — 49,6 % — этих машин были сконцентрированы в Екатеринославской и Херсонской губерниях, а также Донской и Кубанской областях. Это самый высокий из рассматриваемых показателей для первых четырех губерний. На 15 лидирующих губерний пришлось свыше 4/5 всех сеялок в стране.

Концентрация жаток самая высокая среди усовершенствованных машин и орудий — 84,8 % приходилось на 14 степных губерний и Полтавскую, в которой почти 40 % этих машин зафиксировано в степном же Константиноградском уезде.

Безусловное первенство степных губерний в этом типе машин вполне понятно. Большие наделы, особенно в казачьих областях и на Нижней Волге, достаточно рано потребовали закупки сложной сельхозтехники, прежде всего уборочных машин. Согласно одному из компетентных свидетельств, в 1880-х гг. в Новороссии труд отходников стоил 8 и более рублей в день косарю и громадильщику («громадить сено», по Далю, «катать, грести, сгребать граблями с пластов; громадилка — машинные грабли, конные грабли». — *М. Д.*). Началась выписка американской уборочной техники. В степях хозяева, «подгоняемые дороговизною ручного труда, испытывали ее применение. Однако этот,

Таблица 6.5. Губернии с наибольшим числом сеялок (штук)

Губернии	Орудий	% от итога Империи
Екатеринославская	57296	16,2
Донская	44302	12,5
Кубанская	37091	10,5
Херсонская	36981	10,4
Самарская	18364	5,2
Таврическая	18232	5,1
Полтавская	16368	4,6
Харьковская	15024	4,2
Саратовская	10974	3,1
Киевская	7365	2,1
Подольская	6937	2,0
Оренбургская	6072	1,7
Ставропольская	5244	1,5
Воронежская	4739	1,3
Тамбовская	4408	1,2
Всего	**289397**	**81,6**
Всего по империи	**354481**	**100,0**

Источник: Сельскохозяйственные машины и орудия... в 1910 г.

обещавший столь многое, прекрасный механизм, рассчитанный на американского рабочего, в руках того, которым располагал русский степной хозяин, не работал и одного дня без поломки; таким образом, больного вопроса не разрешил и не разрешил его до той поры, пока на помощь этому не пришло туземное машиностроение. Оно начало производить жатки-лобогрейки, менее прихотливые и более прочные»[17]. Проблема замены труда отходников машинами не была, однако, решена вплоть до Первой мировой войны. Концентрация распределения сенокосилок и конных грабель, сведения о которых в таблице 6.7 суммированы, несколько ниже, чем сеялок и жаток — в 15-ти первых губерниях находились 73,2 % этих машин. В большинстве это степные губернии 1–2-й категорий. Однако весьма характерно, что в это число вошли губернии с наиболее развитым в стране молочным хозяйством и скотоводством — сибирские, а также Курляндская и Лифляндская.

Распределение молотилок нарушает привычную картину доминирования губерний двух первых категорий по нашей классификации. Более половины лидирующих губерний (8 из 15) относятся к 3-й категории, причем они занимают первую, вторую, четвертую и пятую позиции (Пермская, Ярославская, Вятская, Тифлисская). Здесь мы сталкиваемся с региональной спецификой в применении тех или иных машин и орудий; в Новороссии, например, при молотьбе по-прежнему широко использовались каменные катки. Заметим, что концентрация молотилок была самой низкой среди рассматриваемых видов сельхозтехники.

Таблицы 6.4–6.8 показывают, что в подавляющем большинстве случаев в число 15-ти лидирующих губерний в разных типах усовершенствованных сельхозмашин и орудий входят губернии двух первых категорий, выделенных на основании кластерного анализа железнодорожных перевозок. То есть, этот краткий обзор еще раз под-

Таблица 6.6. Губернии с наибольшим числом жаток (штук)

Губернии	Орудий	% от итога Империи
Донская	114662	14,1
Екатеринославская	111171	13,7
Херсонская	81124	10,0
Кубанская	74396	9,2
Таврическая	60378	7,4
Самарская	46183	5,7
Ставропольская	42202	5,2
Оренбургская	40301	5,0
Бессарабская	25981	3,2
Саратовская	21092	2,6
Тобольская	17711	2,2
Томская	17160	2,1
Астраханская	12647	1,6
Тургайская	12290	1,5
Полтавская	10616	1,3
Всего	**675624**	**84,8**
Всего по Империи	**811023**	**100,0**

Источник: Сельскохозяйственные машины и орудия... в 1910 г.

Таблица 6.7. Губернии с наибольшим числом сенокосилок и конных грабель (штук)

Губернии	Орудий	% от итога Империи
Донская	46151	10,2
Кубанская	39859	8,8
Тобольская	38511	8,5
Оренбургская	31379	6,9
Самарская	29307	6,5
Томская	28154	6,2
Ставропольская	23850	5,3
Херсонская	16190	3,6
Екатеринославская	15773	3,5
Терская	14703	3,2
Астраханская	14203	3,1
Енисейская	9636	2,1
Курляндская	8790	1,9
Забайкальская	8016	1,8
Лифляндская	7216	1,6
Всего	**331738**	**73,2**
Всего по Империи	**453017**	**100,0**

Источник: Сельскохозяйственные машины и орудия... в 1910 г.

Таблица 6.8. Губернии с наибольшим числом молотилок (штук)

Губернии	Орудий	% от итога Империи
Пермская	30523	4,6
Ярославская	26136	4,0
Екатеринославская	21711	3,3
Вятская	19810	3,0
Тифлисская	19394	2,9
Донская	19183	2,9
Саратовская	18817	2,9
Костромская	17820	2,7
Эриванская	17382	2,6
Херсонская	16078	2,4
Томская	15957	2,4
Ковенская	15668	2,4
Тамбовская	15397	2,3
Волынская	15116	2,3
Минская	15068	2,3
Всего	**284060**	**43,2**
Всего по империи	**658265**	**100,0**

Источник: Сельскохозяйственные машины и орудия... в 1910 г.

тверждает правомерность и эффективность сопоставления данных Переписи 1910 г. и «Сводной статистики».

Далее. Понятно, что высокая (а для сеялок, жаток, сенокосилок и конных грабель — очень высокая) концентрация большинства усовершенствованных машин в небольшом числе губерний страны, в числе прочего говорит о том, что процессы механизации в разных регионах протекали неравномерно. Ситуацию с обеспеченностью сельхозтехникой в разных районах целесообразно проиллюстрировать на примере трех губерний — Екатеринославской, Воронежской и Псковской — каждая из которых является для своей категории по величине железнодорожного получения среднетипичной, если так можно выразиться, с точки зрения стадии эволюции механизации сельского хозяйства.

Нам, конечно, интересны не только количественные показатели, но и качественные. Априори понятно, что с точки зрения насыщенности сельхозмашинами и орудиями на первой позиции стоит Екатеринославская, на второй — Воронежская, на третьей — Псковская. Разницу в уровне несложно обозначить несколькими цифрами, прежде всего числом орудий подъема почвы и долей в них усовершенствованных. Из таблиц 6.11, 6.12, 6.13 следует, что в Псковской их насчитывалось 323,0 тыс., из них 30,3 тыс. железных, т. е. 9,46 %, в Воронежской — 524,861 и 138,831 = 26,45 %, в Екатеринославской — 317236 и 309825, т. е. 97,66 % соответственно. В Псковской губернии 1 железный плуг приходился на 5,9 крестьянских хозяйств, в Воронежской — на 3, в Екатеринославской в среднем он был в каждом хозяйстве (табл. 6.9).

Таблица 6.9. Относительные показатели обеспеченности крестьян сельскохозяйственным инвентарем по Переписи 1910 г.

Губернии	Хозяйств на 1 усов. орудие подъема почвы	Усовершен. орудий на 100 орудий подъема почвы	Хозяйств на 1 усов. орудие рыхления почвы	Хозяйств на 1 сеялку	Хозяйств на 1 жатку	Хозяйств на 1 молотилку	Хозяйств на 1 веялку	Хозяйств на 1 сенокосилку
Екатеринославская	1	97,6	5,7	6	3	17	2	172
Воронежская	3	25,4	22,4	155	149	31	9	3124
Псковская	5,9	8,7	70,8	4803	12662	100	27	46426

Источник: Сельскохозяйственные машины и орудия... в 1910 г.

Таблица 6.10. Число десятин на 1 сельскохозяйственную машину у крестьян и у владельцев по Переписи 1910 г.

Губернии	Социальный статус	Десятин пашни на 1 сеялку	Десятин пашни на 1 жатку	Десятин пашни на 1 молотилку	Десятин пашни на 1 веялку	Десятин лугов на 1 сенокосилку
Екатеринославская	крестьяне	39	19	114	11	25
	землевл.	60	31	158	21	69
Воронежская	крестьян	1020	987	202	57	993
	землевл.	758	948	257	74	452
Псковская	крестьяне	28769	74936	590	163	95942
	землевл.	4402	9895	472	112	3613

Источник: Сельскохозяйственные машины и орудия... в 1910 г.

Следующая группа — орудия для разрыхления почвы. Важность этих орудий, прежде всего борон, очевидна. В переписи они делятся на три группы — деревянные, деревянные с железными зубьями и железные (вместе с «прочими усовершенствованными», т. е. культиваторами, экстирпаторами, кочкорезами и др.). Источники показывают, что существует определенная закономерность в процессе перехода от примитивной техники к улучшенной. Борона тут идет вслед за плугом, но разрыв между железной и деревянной бороной для крестьянина, видимо, был большим, чем между сохой и железным плугом. Поэтому средним приемлемым вариантом для сельского хозяйства страны на тот момент времени были деревянные бороны с железными зубьями, а степень их распространения и соотношение с ними других орудий для рыхления почвы являлись, надо полагать, определенным критерием обеспеченности данного района этим видом техники. Чем меньше в губернии процент деревянных борон относительно других орудий для разрыхления почвы, тем выше должен быть при прочих равных уровень обработки земли. В Екатеринославской губернии он составлял 1,8 %, в Воронежской — 30,5 %, в

Таблица 6.11. Число всех сельхозмашин и орудий в Псковской губернии по Переписи 1910 г. (шт.)

Уезды	Орудия подъема почвы				Орудия для разрыхления почвы				Сельхозмашины				
	Деревянные	Железные	Всего	Усоверш. на 100 орудий подъема	Деревянные	Деревянные с желез. зуб.	Железные	Всего	Сеялки	Жатки	Молотилки	Веялки	Сено-косилки
Псковский	43897	8194	52091	15,7	3668	35512	1076	40256	29	22	233	1929	55
Великолуцкий	29959	3944	33903	11,6	9355	20966	400	30721	26	9	137	558	64
Новоржевский	45429	2500	47929	5,2	34091	6831	179	41101	18	2	40	704	8
Опочецкий	33460	3932	37392	10,5	13803	21286	133	35222	22	2	126	721	22
Островский	32883	6368	39251	16,2	5806	25893	1602	33301	34	24	577	2300	40
Порховский	41559	1680	43239	3,9	13306	25841	283	39430	66	30	945	1956	96
Торопецкий	36038	1867	37905	4,9	25606	9447	280	35333	36	9	70	615	33
Холмский	29500	1796	31296	5,7	21024	9505	229	30758	5	7	73	458	19
Всего	**292725**	**30281**	**323006**	**9,4**	**126659**	**155281**	**4182**	**286122**	**236**	**105**	**2201**	**9241**	**337**

Источник: Сельскохозяйственные машины и орудия... в 1910 г.

Таблица 6.11а. То же в процентах

Уезды	Орудия подъема почвы			Орудия для разрыхления почвы				Сельхозмашины				
	Деревян-ные	Железные	Всего	Деревян-ные	Дере-вянные с желез. зуб.	Железные	Всего	Сеялки	Жатки	Молотилки	Веялки	Сеноко-силки
Псковский	15,0	27,1	16,1	2,9	22,9	25,7	14,1	12,3	21,0	10,6	20,9	16,3
Великолуцкий	10,2	13,0	10,5	7,4	13,5	9,6	10,7	11,0	8,6	6,2	6,0	19,0
Новоржевский	15,5	8,3	14,8	26,9	4,4	4,3	14,4	7,6	1,9	1,8	7,6	2,4
Опочецкий	11,4	13,0	11,6	10,9	13,7	3,2	12,3	9,3	1,9	5,7	7,8	6,5
Островский	11,2	21,0	12,2	4,6	16,7	38,3	11,6	14,4	22,9	26,2	24,9	11,9
Порховский	14,2	5,5	13,4	10,5	16,6	6,8	13,8	28,0	28,6	42,9	21,2	28,5
Торопецкий	12,3	6,2	11,7	20,2	6,1	6,7	12,3	15,3	8,6	3,2	6,7	9,8
Холмский	10,1	5,9	9,7	16,6	6,1	5,5	10,7	2,1	6,7	3,3	5,0	5,6
Всего	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**

Псковской — 44,3 % (а в Вологодской, например, 78,5 %). При этом на 100 всех орудий для разрыхления почвы в Екатеринославской приходилось 11,2 усовершенствованных, в Воронежской — 3,7, в Псковской — 0,8 соответственно.

Еще значительнее разрыв между губерниями в обеспеченности машинами. Из таблицы 6.10 следует, что если в Екатеринославской губернии на 1 сеялку приходились десятки десятин пашни (40 и 60 соответственно у крестьян и землевладельцев), то в Воронежской — сотни (1020 и 758), а Псковской — тысячи (28769 и 4402). Это неудивительно, ибо в Екатеринославской одна сеялка приходилась в среднем на 6 крестьянских хозяйств, в Воронежской — на 155, а в Псковской — на 4803, а жатка соответственно на 3, 149 и 12662 хозяйства. Не менее показательны и остальные данные таблиц. Из них, среди прочего, следует, что в губерниях 1-й категории, в данном случае — в Екатеринославской, разница в насыщенности машинами между крестьянами и землевладельцами несравненно меньше, чем в губерниях 2-й и особенно 3-й категории. Заметим, впрочем, что в Воронежской губернии на 1 молотилку и веялку у крестьян приходится меньше пашни, чем у владельцев.

Данные Переписи по трем указанным губерниям рассматриваются и на уровне уездов. Несложная идея о том, что губернии все же являются слишком крупным объектом для анализа, была понятна еще в начале века деятелям Столыпинской аграрной реформы и представителям организационного направления. Ее, в частности, реализовал А. Н. Челинцев в своей сельскохозяйственной типологии. В наше время эта мысль вызывает усмешку научного сообщества. А зря. Плодотворность исследования на таком уровне в полной мере проявляется при рассмотрении материалов переписи.

Эти данные, перефразируя Ф. Броделя, рисуют несколько эпох, несколько миров, в плане механизации отечественного сельского хозяйства.

Попытаемся подробнее оценить состояние парка сельхозтехники в указанных губерниях, насколько это позволяют сделать данные Переписи.

В Псковской губернии только начиналась замена деревянных орудий подъема почвы на железные — доля последних составляла 9,4 % (кстати, не самый низкий показатель по стране). Отметим тот факт, что при этом в Порховском уезде эта цифра равнялась 3,9 %, а в Островском — 16,2 %. Подобная картина, обычная для средних цифр вообще, фиксируется очень часто. Другими словами, в каждой губернии, особенно 3-й категории, были уезды, в которых степень обеспеченности теми или иными сельхозмашинами и орудиями значительно превосходила среднегубернский показатель и находилась на уровне губерний, относящихся к более высокой группе.

Как можно видеть, в половине уездов — Порховском, Торопецком, Новоржевском и Холмском — на 100 орудий подъема почвы приходится от 3,9 до 5,7 усовершенствованных, а в другой, состоящей из Опочецкого, Великолуцкого, Псковского и Островского, — от 10,5 до 16,2, причем в них же меньше всего доля деревянных борон (исключая Опочецкий уезд, немного обойденный по этому показателю Порховским). Число машин в губернии в целом весьма незначительно, и все же отметим некоторые любопытные детали.

Псковский, Великолуцкий и Островский уезды концентрируют заметную долю машин, однако в сумме наибольшее их число приходится на Порховский уезд, в котором железный плуг еще был в новинку (на каждые 100 сох, рал и косуль приходилось лишь 3,9 усовер-

Таблица 6.12. Число всех сельскохозяйственных машин и орудий в Воронежской губернии по Переписи 1910 г. (шт.)

Уезды	Орудия подъема почвы				Орудия для разрыхления почвы				Сельхозмашины				
	Деревянные	Железные	Всего	Усов. на 100 орудий. подъема	Деревянные	Деревянные с желез. зуб.	Железные	Всего	Сеялки	Жатки	Молотилки	Веялки	Сенокосилки
Воронежский	36911	7081	43992	16,1	21238	8741	739	30718	238	327	897	2013	140
Бирюченский	37748	11319	49067	23,1	1559	36271	4800	42630	266	60	984	3971	41
Бобровский	52133	7596	59729	12,7	27129	22991	2671	52791	296	259	1146	4078	257
Богучарский	22083	36871	58955	62,5	4205	68408	2858	75561	1195	825	3179	11298	368
Валуйский	27732	21066	48798	43,2	2139	34035	1625	37799	908	132	1998	3627	83
Задонский	19448	1589	21037	7,6	14089	3926	1419	19434	217	119	439	828	96
Землянский	39313	2929	42242	6,9	28560	3924	931	33415	349	264	988	3116	139
Коротоякский	36821	2310	39131	5,9	14038	14646	28	28712	35	21	213	2956	11
Нижнедевицкий	43694	782	44476	1,8	27436	1479	132	29047	55	57	289	2713	21
Новохоперский	33542	8293	41835	19,8	2522	38889	919	42330	288	1177	1629	4579	234
Острогожский	15987	28840	44827	64,3	2367	57880	5595	65852	749	490	1893	6303	222
Павловский	20617	10155	30772	33	4251	27123	857	32131	143	57	328	2716	93
Итого	**386029**	**138831**	**524861**	**26,5**	**149533**	**318313**	**22674**	**490420**	**4739**	**3788**	**13983**	**48198**	**1705**

Источник: Сельскохозяйственные машины и орудия... в 1910 г.

Таблица 6.12а. То же в процентах

Уезды	Орудия подъема почвы			Орудия для разрыхления почвы				Сельхозмашины				
	Деревянные	Железные	Всего	Деревянные	Деревянные с желез. зуб.	Железные	Всего	Сеялки	Жатки	Молотилки	Веялки	Сенокосилки
Воронежский	9,6	5,1	8,4	14,2	2,7	3,3	6,3	5,0	8,6	6,4	4,2	8,2
Бирюченский	9,8	8,2	9,3	1,0	11,4	21,2	8,7	5,6	1,6	7,0	8,2	2,4
Бобровский	13,5	5,5	11,4	18,1	7,2	11,8	10,8	6,2	6,8	8,2	8,5	15,1
Богучарский	5,7	26,6	11,2	2,8	21,5	12,6	15,4	25,2	21,8	22,7	23,4	21,6
Валуйский	7,2	15,2	9,3	1,4	10,7	7,2	7,7	19,2	3,5	14,3	7,5	4,9
Задонский	5,0	1,1	4,0	9,4	1,2	6,3	4,0	4,6	3,1	3,1	1,7	5,6
Землянский	10,2	2,1	8,0	19,1	1,2	4,1	6,8	7,4	7,0	7,1	6,5	8,2
Коротоякский	9,5	1,7	7,5	9,4	4,6	0,1	5,9	0,7	0,6	1,5	6,1	0,6
Нижнедевицкий	11,3	0,6	8,5	18,3	0,5	0,6	5,9	1,2	1,5	2,1	5,6	1,2
Новохоперский	8,7	6,0	8,0	1,7	12,2	4,1	8,6	6,1	31,1	11,6	9,5	13,7
Острогожский	4,1	20,8	8,5	1,6	18,2	24,7	13,4	15,8	12,9	13,5	13,1	13,0
Павловский	5,3	7,3	5,9	2,8	8,5	3,8	6,6	3,0	1,5	2,3	5,6	5,5
Итого	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**

шенствованных орудий подъема почвы — самый низкий показатель в губернии). Этот уезд занимает второе место только по числу веялок и первое место по всем остальным машинам. Может быть, именно это лучше всего говорит о случайности распространения и распределения сельхозмашин (именно машин, а не орудий) в губерниях 3-й категории.

Между Псковской губернией и Воронежской (не говоря уже о Екатеринославской) лежала, по сути, эпоха.

Как можно видеть из таблицы 6.12, средняя цифра числа усовершенствованных орудий подъема почвы на 100 всех вообще орудий подъема почвы по Воронежской губернии, как и в Псковской, складывается в диапазоне от 1,8 % в Нижнедевицком до 62,5 в Богучарском и 64,3 % в Острогожском уездах (а это уровень, скажем, Киевской и Минской губерний). Два последних уезда, а также Валуйский, лидируют по простым усовершенствованным орудиям — в них сосредотачивалось 62,6 % железных орудий подъема почвы и 49,1 % усовершенствованных орудий рыхления почвы. Надо отметить, впрочем, что Бирюченский уезд по этому показателю следует сразу за Острогожским (21,2 %). В половине уездов из 12-ти деревянных борон с железными зубьями больше, и намного, чем простых, а в половине уездов — намного меньше.

Вообще говоря, в плане обеспеченности усовершенствованными орудиями для подъема почвы губернии ЦЧР делятся пополам. В Воронежской, Курской, Тульской на 100 всех орудий подъема почвы приходится соответственно 26,5, 25,5 и 26,3 железных, а в Орловской, Тамбовской и Рязанской — 7,9, 9,7 и 6,3, В первой группе 1 железный плуг приходится на 3–3,2 крестьянских хозяйства. Вторая дает иные показатели — 5,5 в Орловской, 10,2 в Тамбовской, 22,3 в Рязанской. Одно усовершенствованное орудие для разрыхления почвы приходится на 141 крестьянское хозяйство в Рязанской, на 71,5 в Тамбовской, в остальных губерниях диапазон колебаний составляет от 15,9 в Курской до 32,6 в Тамбовской.

Что касается обеспеченности Воронежской губернии сельхозмашинами, то общее их число велико не настолько, чтобы можно было говорить о серьезном прогрессе губернии в целом, а для отдельных уездов это — не всегда решающий показатель механизации сельского хозяйства. У крестьян губернии в среднем примерно 1 тыс. дес. и 150 хозяйств на 1 сеялку и жатку, 202 дес. и 31 хозяйство на молотилку, 3124 дес. и 993 хозяйства на сенокосилку. У землевладельцев ситуация лишь немногим лучше (исключая сенокосилки). Сравнительно немногочисленные машины распределены неравномерно, и Богучарский, Острогожский и Валуйский уезды лидируют не всегда. Заметим при этом, что по сумме всех машин первые позиции сохраняют Богучарский (бесспорный лидер) и Острогожский уезды, но отнюдь не Валуйский, который обошли Новохоперский, Бобровский и Землянский уезды. Валуйский уезд занимает второе место по числу сеялок и молотилок, но отстает по другим машинам. Таким образом, осознание пользы плуга не влекло за собой автоматического увеличения числа сеялок и жаток. Все было очень индивидуально.

Еще раз подчеркнем, что количество машин в Воронежской губернии, хотя и было значительно выше, чем в нечерноземных губерниях, все же пока не так велико, чтобы служить четким показателем сдвигов в потреблении усовершенствованной сельхозтехники. У крестьян данной губернии в этом плане еще были немалые возможности, хотя и не такие большие, как у псковичей.

Таблица 6.13. Число всех сельскохозяйственных машин и орудий в Екатеринославской губернии по Переписи 1910 г. (шт.)

Уезды	Орудия подъема почвы				Орудия для разрыхления почвы			Сельхозмашины					
	Деревянные	Железные	Всего	Усоверш. на 100 орудий подъема	Деревянные	Деревянные с желез. зуб.	Железные	Всего	Сеялки	Жатки	Молотилки	Веялки	Сенокосилки
Екатеринославский	1077	35428	36506	97	1	39691	4184	43876	3210	12184	3383	18354	2398
Александровский	1019	43078	44099	97,7	2588	51919	7922	62429	11458	22958	2520	29497	1224
Бахмутский	129	44119	44248	99,7	893	61845	4141	66879	7652	13504	833	21872	1878
Верхнеднепровский	2237	39391	41628	94,6	205	51859	19084	71148	8130	9241	5540	16356	5584
Мариупольский	2016	40099	42115	95,2	2565	53266	3850	59681	13002	21510	625	24899	356
Новомосковский	75	40945	41021	99,8	1795	66145	9949	77889	3762	8079	2396	17436	2277
Павлоградский	336	47921	48258	99,3	285	60996	12709	73990	8084	19566	5906	24269	1683
Славяносербский	517	18844	19361	97,3	394	33611	572	34577	1998	4129	508	8390	373
Всего	**7406**	**309825**	**317236**	**97,7**	**8726**	**419332**	**62411**	**490469**	**57296**	**111171**	**21711**	**161073**	**15773**

Источник: Сельскохозяйственные машины и орудия... в 1910 г.

Таблица 6.13а. То же в процентах

Уезды	Орудия подъема почвы			Орудия для разрыхления почвы				Сельхозмашины				
	Дере-вянные	Желез-ные	Всего	Дере-вянные	Дере-вянные с желез. зуб.	Желез.	Всего	Сеялки	Жатки	Моло-тилки	Веялки	Сеноко-силки
Екатеринославский	14,5	11,4	11,5	0,00	9,5	6,7	8,9	5,6	11,0	15,6	11,4	15,2
Александровский	13,8	13,9	13,9	29,7	12,4	12,7	12,7	20,0	20,7	11,6	18,3	7,8
Бахмутский	1,7	14,2	13,9	10,2	14,7	6,6	13,6	13,4	12,1	3,8	13,6	11,9
Верхнеднепровский	30,2	12,7	13,1	2,3	12,4	30,6	14,5	14,2	8,3	25,5	10,2	35,4
Мариупольский	27,2	12,9	13,3	29,4	12,7	6,2	12,2	22,7	19,3	2,9	15,5	2,3
Новомосковский	1,0	13,2	12,9	20,6	15,8	15,9	15,9	6,6	7,3	11,0	10,8	14,4
Павлоградский	4,5	15,5	15,2	3,3	14,5	20,4	15,1	14,1	17,6	27,2	15,1	10,7
Славяносербский	7,0	6,1	6,1	4,5	8,0	0,9	7,0	3,5	3,7	2,3	5,2	2,4
Всего	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**

Анализ данных переписи, характеризующих парк сельхозтехники одной из лидирующих губерний России, Екатеринославской, приводит к любопытным наблюдениям (см. таблицы 6.13 и 6.13а). Поскольку на деревянные орудия для подъема почвы приходится лишь 2,3 % всех орудий подъема почвы в губернии, специально рассматривать их нет нужды. Важнее, что железные орудия распределяются количественно в близкой пропорции между 7 уездами губернии в диапазоне от 11,4 до 15,5 %, не считая Славяносербского уезда, в котором находилось лишь 6,1 % всех усовершенствованных орудий для подъема почвы в губернии.

Этот факт отражает то обстоятельство, что для всех уездов этой губернии 1-ый этап оснащения усовершенствованным инвентарем, связанный с внедрением железных плугов, закончился. Об этом же говорит и практически равная насыщенность ими в разных уездах — от 94,6 в Верхнеднепровском до 99,8 % в Новомосковском.

Около 4/5 усовершенствованных орудий для разрыхления почвы в губернии сосредотачивались в четырех уездах Верхнеднепровском — 30,6 %, Павлоградском — 20,4 %, Новомосковском — 15,9 и Александровском — 12,7 %. При этом на Славяносербский уезд приходилось лишь 0,9 %.

Екатеринославская губерния была одним из главных поставщиков зерна в стране, и потому неудивительно, что по числу сеялок она занимает первую позицию в России, а по числу жаток — вторую, незначительно уступая лишь Донской области. Однако, как можно видеть в таблицах 6.13 и 6.13а, 42,7 % сеялок сконцентрировано в Мариупольском и Александровском уездах, а еще 41,7 % в Верхнеднепровском, Павлоградском и Бахмутском, в которых их число колебалось в пределах 7652–8130 штук. В то же время, в остальных трех уездах губернии сеялок намного меньше. Количество жаток почти вдвое превышало количество сеялок. Заметим, что в Александровском, Мариупольском, Павлоградском, Бахмутском и «отстающих» Новомосковском и Славяносербском уездах была сосредоточена почти такая же или близкая по величине доля жаток, что и сеялок. При этом в Екатеринославском уезде доля жаток вдвое выше доли сеялок, а в Верхнеднепровском — на 6 % ниже. Распределение молотилок схоже с распределением сеялок — два уезда Павлоградский и Верхнеднепровский сконцентрировали 52,7 % этих машин, а три уезда — Екатеринославский, Александровский и Новомосковский — 38,2 %. Веялки были распространены в губернии примерно так же, как железные плуги, т. е. сравнительно равномерно, исключая Славяносербский уезд. Свыше трети всех сенокосилок и конных грабель приходилось на Верхнеднепровский, в четырех уездах находилось 10,7–15,2 % этих машин.

Другими словами, отыскать баланс между *всеми* пятью видами машин в уездах этой губернии (как и других губерний региона) весьма непросто.

Итак, данные Переписи 1910 г. в общем и целом подтверждают результаты проведенной многомерной классификации. Мы смогли убедиться в том, что 41,1 тыс. пуд. сельхозмашин и орудий, полученных Псковской губернией, 282,5 тыс. пуд. — Воронежской и 1434,5 тыс. пуд. — Екатеринославской (среднегодовые данные за 1908–1910 гг., взятые для примера) реально отражают совершенно разную степень насыщенности этих губерний сельхозтехникой, и в большой мере — весьма разные уровни сельскохозяйственного производства.

§ 6.3. ВНУТРЕННЕЕ ПРОИЗВОДСТВО И ИМПОРТ СЕЛЬХОЗМАШИН И ОРУДИЙ В НАЧАЛЕ XX в.

Прежде, чем перейти к анализу перевозок сельхозмашин и орудий, попытаемся оценить размеры их производства в России и ввоза из-за границы в рассматриваемый период. Это существенно облегчит понимание изучаемых процессов.

Размеры импорта агротехники стабильно возрастали до 1913 г. В 1898 г., как говорилось, были отменены ввозные пошлины на сложные уборочные сельхозмашины, которые тогда в России производились в незначительном количестве и по качеству, естественно, уступали заграничным. Это, несомненно, сыграло позитивную роль в росте потребления сельхозтехники в конце XIX – начале XX вв.

Иностранная конкуренция, естественно, раздражала российских фабрикантов сельхозмашин, однако они ничего не могли поделать до тех пор, пока в Люберцах не начал строиться завод Международного треста жатвенных машин Маккормика. Продукцию он стал выпускать с 1911 г., а уже в 1913 г. отправление со станции Люберцы превысило 1 млн. пуд. Детали интриги с отменой таможенных льгот пока неизвестны, но внешне все выглядело вполне заурядно. Созывались совещания, которые должны были подготовить общественное мнение к введению ввозных пошлин. Здравомыслящие голоса специалистов по сельскому хозяйству, говоривших о преждевременности и пагубности этой меры для российского сельского хозяйства, только-только начавшего менять отношение к сельхозтехнике, тонули в стандартной протекционистской риторике, переполнявшей печать и выступления лоббистов в Думе. В итоге была введена не только пошлина, но также и премирование отечественных фабрикантов за каждую произведенную сложную уборочную машину. Реально платить за это, конечно, должны были крестьяне. В перспективе данная мера «поддержки отечественного производителя», конечно, не имела большого значения — вскоре началась война, а затем у «производителя», да и у потребителя тоже возникли другие проблемы. Эта коллизия вполне характеризует класс мышления тогдашнего правительства, а заодно проясняет вопрос об исторических корнях многих знакомых и в наши дни явлений. Указанные обстоятельства повлияли на динамику ввоза агротехники и потребления ее некоторыми губерниями. В общем виде показатели импорта сельхозмашин в предвоенный период таковы:

Таблица 6.14. Количественные и стоимостные показатели импорта агротехники в период 1908–1913 гг.

Год	Количество (тыс. пуд.)	Стоимость (тыс. руб.)
1908	4529	27742
1909	6737	40224
1910	7316	42508
1911	10351	57875
1912	11898	63545
1913	8890	51113

Источник: Известия Бюро по сельскохозяйственной механике за 1914 г. Вып. 2. С. 239; Известия Бюро по сельскохозяйственной механике за 1915 г. Вып. 5. С. 149.

Как можно видеть, за пятилетие 1908–1912 гг. импорт сельхозмашин вырос в 2,6 раза по весу и в 2,3 по стоимости, а затем в 1913 г. упал до 8,9 млн. пуд., т. е. на 25,3 % в сравнении с 1912 г. и на 14,1 % в сравнении с 1911 г. Более подробные данные о стоимости импорта за 1909–1913 гг. можно увидеть в таблице 4.15.

Таким образом, первое место среди ввозимых в Россию сельхозмашин занимали уборочные (категория 3), на которые приходилось почти две пятых стоимости импорта. В эту категорию входили, во-первых, сложные уборочные машины (жнеи-сноповязалки и жнеи-самосброски), импортировавшиеся до 1913 г. в основном из США, во-вторых, простые уборочные машины (простые жнеи, сенокосилки и конные грабли) и, нако-

Таблица 6.15. Ввоз сельхозмашин в Россию по категориям в 1909-1913 гг.

	1909		1910		1911		1912		1913		1909–1913	
	тыс. р.	%	тыс. р.	%	тыс. р.	%	тыс. р.	%	тыс. р.	%	тыс. р.	%
1	4101	10,2	5185	12,2	4557	7,9	6291	9,9	5747	11,2	5176	10,1
2	496	1,2	1055	2,5	2269	3,9	3232	5,1	3469	6,8	2104	4,1
3	18429	45,8	13418	31,6	25090	43,4	25547	40,2	14823	29,0	19461	38,1
4	4733	11,8	6146	14,5	7216	12,5	6219	9,8	6516	12,7	6166	12,1
5	397	1,0	863	2,0	1046	1,8	1126	1,8	927	1,8	872	1,7
6	359	0,9	327	0,8	383	0,7	585	0,9	535	1,0	438	0,9
7	5493	13,7	7369	17,3	7089	12,2	6258	9,8	7265	14,2	6695	13,1
8	6216	15,5	8142	19,2	10225	17,7	14287	22,5	11831	23,1	10140	19,9
Всего	**40224**	**100,0**	**42505**	**100,0**	**57875**	**100,0**	**63545**	**100,0**	**51113**	**100,0**	**51053**	**100,0**

Категории сельхозмашин:

1. Орудия по обработке почвы (плуги, кроме особо поименованных, бороны, паровые плуги).
2. Сеялки (сеялки, машины для разбрасывания порошкообразных удобрений).
3. Уборочные машины и орудия (косы и косари, серпы, жнеи, сенокосилки, сноповязалки, кроме особо поименованных, жнеи-сноповязалки, жнеи с самосбрасывающим прибором, сеноворошилки и конные грабли).
4. Молотилки, кроме особо поименованных, сложные клеверные молотилки с двумя барабанами, сложные паровые молотилки с барабанами и проч.
5. Зерноочистительные и сортировальные машины (веялки и сортировки, кроме особо поименованных, сортировки для травяных семян, картофеля, сортировки со спиральными цилиндрами).
6. Машины для подготовки кормов (соломорезки, корнерезки, зернодробилки).
7. Механические двигатели (локомобили при сложных молотилках и паровых плугах).
8. Прочие сельскохозяйственные орудия и машины (ножи и ножницы для резки овец; резаки для сечки соломы, лопаты, заступы, грабли, сапы, мотыги, кирки; вилы всякого рода; прессы для сена, соломы, пеньки и хлопка; пульверизаторы, мехи и инжекторы для винограда и деревьев; непрерывно действующие виноградные прессы, дробилки для винограда; маслобойки, сепараторы, кроме особо поименованных; центробежные сливкоотделители и их части; всякие вновь изобретенные или усовершенствованные машины и их части для опытных станций и музеев; всякие сельхозмашины, кроме особо поименованных; запасные части сельскохозяйственных машин и орудий, вместе с ними привезенные; бечева (шпагат) из манильской пеньки для сноповязалок, полотнища для сноповязалок и сортировок).

Источник: Известия Бюро по сельскохозяйственной механике за 1915 г. Вып. 5. С. 150, 154–175.

нец, мелкий инвентарь (косы, косари, серпы). Ввоз уборочных машин резко вырос в 1911 г. — в 1,9 раза в сравнении с 1910 г. На этом же уровне он держался в 1912 г., а затем заметно снизился, что было связано с пересмотром в 1912 г. таможенного тарифа на импорт сложных сельхозмашин.

«Подготовительные работы, выразившиеся в ряде совещаний по этому вопросу, уже в 1910 и 1911 гг. позволяли установить наличность среди заинтересованных кругов сильного течения в пользу введения покровительственных пошлин на сложные уборочные машины и выдачи за производство их премий. Проведение указанных мероприятий в жизнь затруднило бы, понятно, ввоз из-за границы и распространение в России этих машин. Иностранные фирмы, учитывая эту возможность, постарались использовать оставшееся до пересмотра тарифных ставок время, форсируя с 1911 г. ввоз уборочных машин»[19]. Это становится особенно ясно, если расчленить группу уборочных машин на сложные, ввозимые беспошлинно, и прочие машины и орудия этой группы, оплачиваемые пошлиной (см. табл. 6.16).

Таблица 6.16. Ввоз сложных и прочих уборочных машин (тыс. руб.)

	1909	1910	1911	1912	1913
Сложные уборочные	6617	6822	13050	17310	5973
Прочие уборочные	11812	6596	12040	8237	8850

Источник: Известия Бюро по сельскохозяйственной механике за 1915 г. Вып. 5. С. 151.

Как можно видеть, ввоз сложных машин в 1912 г. вырос в сравнении с 1909 г. более чем в 2,6 раза, а ввоз «прочих» уменьшился почти на треть. В 1913 г., когда пошлина была введена, импорт сложных машин упал в 2,9 раза в сравнении с 1912 г. — ниже уровня 1909 г., а импорт «прочих» несколько вырос. Что касается остальных категорий агротехники, то здесь сильных колебаний не было (см. табл. 6.15), хотя можно отметить нарастание незначительного в целом ввоза сеялок. Итак, уменьшение импорта в 1913 г. полностью относится на счет сложных уборочных машин.

Интересна динамика ввоза по третям года (см. табл. 6.17). Нетрудно видеть, что в 1910 и 1911 гг. меньше всего машин ввозилось в третьей трети года, а в 1912 г. ввоз в последние 4 месяца остался на высоком уровне и компенсировал отставание в темпах импорта в сравнении с 1911 г. Это, надо полагать, было связано не только с плохим урожаем в 1911 г. и, напротив, хорошим в 1912 г., но также и с введением указанной пошлины. Именно на сложные уборочные машины пришлась львиная доля ввоза в эти месяцы. В 1910 г. в третьей трети года было импортировано таких машин на сумму 610 тыс. руб., в 1911 г. — на 1924 тыс. руб., зато в 1912 г. — на 10520 тыс. руб. Главными потребителями их были губернии степного Юга и Западной Сибири. В немалой степени поэтому получение последних в 1912 г. уменьшается.

Для того, чтобы выявить значение отдельных стран в среднегодовой структуре импорта сельхозтехники в 1909–1913 гг. в целом и по отдельным категориям сельскохозяйственных машин, произведем подсчеты весовых (табл. 6.18), и стоимостных показателей импорта (табл. 6.19) за этот период.

Таблица 6.17. Сезонные колебания ввоза сельхозмашин (тыс. руб.)

Год	Трети года		
	I	II	III
1910	19559	16684	5393
1911	25591	22914	7886
1912	21364	19907	20681

Источник: Известия Бюро по сельскохозяйственной механике за 1914 г. Вып. 2. С. 239.

Таблица 6.18. Среднегодовая структура ввоза сельскохозяйственных машин в 1909–1913 гг. (тыс. пуд.)

	Австро-Венгрия	Велико-британия	Германия	США	Швеция	Прочие страны	Итого
1	72,9	36,6	893,1	158	10,1	16	1186,7
2	44,1	35,9	77,2	171	6,8	9,2	344,2
3	176,4	286	587,7	2157	200,9	196,9	3604,9
4	110,6	418,4	323,4	20,5	21,8	3,6	898,3
5	51,9	2,6	51,6	3,2	0,04	0,3	109,64
6	25,7	19,9	35,3	4,6	1,4	0,4	87,3
7	40,6	472	306,2	17,1	19,3	5,7	860,9
8	106,8	171,6	974,5	550	70,4	72,9	1946,2
Всего	**629**	**1443**	**3249**	**3081,4**	**330,74**	**305**	**9038,14**

Источник: Известия Бюро по сельскохозяйственной механике за 1915 г. Вып. 5. С. 154–175 (подсчеты автора).

Примечание. Обозначения категорий сельхозмашин см. в табл. 6.15.

Таблица 6.19. Среднегодовая структура ввоза сельскохозяйственных машин в 1909–1913 гг. (тыс. руб.)

	Австро-Венгрия	Велико-британия	Германия	США	Швеция	Прочие страны	Итого
1	279,9	210	3570,9	936,5	74	105,4	5176,7
2	329,7	142	462,5	1037	49,9	83,5	2104,6
3	1168	1458	3095,1	11100	1415	1225	19461,1
4	870,2	3004	1982,5	123,7	157	28,6	6166
5	451,4	22,3	370,9	24,9	0,3	2,2	872
6	92,2	112	185,3	30,6	14,9	2,9	437,9
7	352,9	3613	2427,8	62,9	196,5	41,4	6694,5
8	674,1	951	4702,2	2585	684,3	544,2	10140,8
Всего	**4218,4**	**9512,3**	**16797,2**	**15900,6**	**2591,9**	**2033,2**	**51053**

Источник: Известия Бюро по сельскохозяйственной механике за 1915 г. Вып. 5. С. 154–175 (подсчеты автора).

Примечание. Обозначения категорий сельхозмашин см. в табл. 6.15.

На основании данных таблицы 6.19 подсчитаем доли отдельных стран-импортеров в среднем ежегодном импорте сельхозмашин в 1909–1913 гг.:

Как можно видеть, абсолютными лидерами на русском рынке сельхозмашин были Германия и США, на долю которых в сумме приходилось ровно 70 % импорта. Первенство Германии в общем незначительно — 35,9 % против 34,1 % у США. Далее шла Англия (16 %), Австро-Венгрия (7 %), Швеция (3,7 %); все остальные страны в сумме ввезли в Россию 3,4 % сельхозмашин. При этом в импорте каждой категории сельхозтехники доминировала какая-то одна, иногда две страны. Так, из орудий подъема почвы безусловным предпочтением пользовались германские (75,3 %), почти половина сеялок и три пятых уборочных машин импортировались из США, английские молотилки составляли 46,6 %, а германские — 36 % всего ввоза молотилок, на австро-венгерские зерноочистительные и сортировальные машины приходилось 47,3 % импорта этой категории сельхозмашин и т. д. Заметим, что США занимает две первых позиции (уборочные машины и сеялки) и две вторых (плуги и прочие сельхозмашины), а Германия — три первых (плуги, машины для подготовки кормов и прочие сельхозмашины) и три вторых (сеялки, зерноочистительные машины и механические двигатели). Другими словами, ассортимент продукции германского сельскохозяйственного машиностроения на российском рынке был богаче американского.

Для сравнения подсчитаем доли отдельных стран-импортеров в стоимостном выражении импорта, приведенном в таблице 6.19 для того же периода 1909–1913 гг.

Сравнивая таблицы 6.20 и 6.21 нетрудно убедиться, что структура стоимости и структура весового количества ввоза сельхозмашин весьма схожи, хотя доля двух лидеров в первом случае несколько меньше (64 % в сумме против 70 % для весовых показателей), а остальных стран — несколько больше, чем во втором. Так, на австро-венгерский сельхозинвентарь приходится 8,3 % общей стоимости импорта и 7 % веса, на английский — 18,6 и 16 % соответственно, на шведский — 5,1 и 3,7 %. Даже разрыв между Германией и США одинаковый — 1,8 %. Схожесть структуры импорта как по стоимости, так и в весовом исчислении открывает еще один ракурс анализа

Таблица 6.20. Доли стран-импортеров в среднегодовых весовых показателях импорта сельскохозяйственных машин в 1909–1913 гг.

	Австро-Венгрия	Великобритания	Германия	США	Швеция	Прочие страны
1	6,1	3,1	75,3	13,3	0,9	1,3
2	12,8	10,4	22,4	49,7	2	2,7
3	4,9	7,9	16,3	59,8	5,6	5,5
4	12,3	46,6	36	2,3	2,4	0,4
5	47,3	2,4	47,1	2,9	0,04	0,3
6	29,4	22,8	40,4	5,3	1,6	0,5
7	4,7	54,8	35,6	2	2,2	0,7
8	5,5	8,8	50,1	28,2	3,6	3,8
Всего	**7**	**16**	**35,9**	**34,1**	**3,7**	**3,4**

Примечание. Обозначения категорий сельхозмашин см. в табл. 6.15.

Таблица 6.21. Доли стран-импортеров в среднегодовых стоимостных показателях импорта сельскохозяйственных машин, 1909–1913 гг.

	Австро-Венгрия	Великобритания	Германия	США	Швеция	Прочие страны
1	5,4	4,1	69	18,1	1,4	2
2	15,7	6,7	22	49,3	2,4	4
3	6	7,5	15,9	57	7,3	6,3
4	14,1	48,7	32,2	2	2,5	0,5
5	51,8	2,6	42,5	2,9	0	0,3
6	21,1	25,6	42,3	7	3,4	0,7
7	5,3	54	36,3	0,9	2,9	0,6
8	6,6	9,4	46,4	25,5	6,7	5,4
Всего	**8,3**	**18,6**	**32,9**	**31,1**	**5,1**	**4**

Примечание. Обозначения категорий сельхозмашин см. в табл. 6.15.

Таблица 6.22. Стоимость (тыс. руб.) отечественных и импортных сельскохозяйственных машин и орудий в 1912–1913 гг. по категориям

Категория	1912 г.			1913 г.		
	Отечеств.	Импорт.	Всего	Отечеств.	Импорт.	Всего
1	10477	6291	16768	12665	5747	18412
2	8303	3232	11535	7128	3469	10597
3	12366	25547	37913	12299	14823	27122
4	10886	6219	17105	14297	6516	20813
5	2468	1126	3594	2491	927	3418
6	1330	585	1915	1398	535	1933
7	2651	6258	8909	3345	7265	10610
8	4147	14287	18434	6885	11831	18716
Итого	52628	63545	116173	60508	51113	111621

Источник: Известия Бюро по сельскохозяйственной механике за 1914 г. Вып. 2. С. 155–264 (Подсчеты автора); Источник: Известия Бюро по сельскохозяйственной механике за 1915 г. Вып. 5. С. 63–178.
(Подсчеты автора).

Примечание. Обозначения категорий сельхозмашин см. в табл. 6.15.

потребления сельскохозяйственных машин — с использованием стоимостных показателей.

В эти же годы интенсивно развивалось и внутреннее производство. Весьма важным является вопрос о том, каково было соотношение отечественных и импортных машин в общероссийском потреблении. В нашем распоряжении есть надежные сопоставимые данные только в стоимостном выражении и лишь за 1912–1913 гг., когда Бюро по сельскохозяйственной механике ГУЗиЗ удалось наладить относительно полный сбор сведений о внутреннем производстве сельскохозтехники. В анкетах,

Таблица 6.23. Суммарная стоимость (тыс. руб.) отечественных и импортных сельскохозяйственных машин и орудий в 1879–1913 гг.

Год	Внутреннее фабр.-зав. производство	Ввоз	Всего
1879	3981	4000	7981
1889	4210	2974	7148
1900	12058	15852	27910
1909	38311	40224	78535
1911	50317	57875	108192
1912	52628	63545	116173
1913	60508	51113	111621

Источник: Известия Бюро по сельскохозяйственной механике за 1914 г. Вып. 2. С. 262–263; Известия Бюро по сельскохозяйственной механике за 1915 г. Вып. 5. С. 176–177 (Подсчеты автора).

рассылаемых Бюро по заводам, были такие пункты, как количество произведенных сельхозмашин и орудий и их цена (напомним, что в таможенной статистике указывались вес и цена ввозимой агротехники). В таблице 6.22 приводятся сравнительные показатели по стоимости отечественных и импортных сельскохозяйственных машин и орудий по отдельным категориям.

Тем не менее, показательны темпы роста производства сельхозмашин и орудий в России. Так, согласно данным Бюро, в 1912 г. было произведено 660 тыс. плугов, а в 1913 г. — 740 тыс., т. е. всего за *два* года число железных плугов увеличилось в сравнении с Переписью 1910 г. на 23,3 %. В 1912–1913 гг. заводы России выпустили 156 тыс. сеялок всех типов, что составило 40 % сеялок, указанных в Переписи, за 1911–1913 гг. — 310 тыс. жаток-лобогреек, или 38,2 % их числа, зафиксированного Переписью[20].

Таким образом, российское сельскохозяйственное машиностроение, несомненно, переживало бум. Его истоки были очевидны: сельское хозяйство — главный сектор экономики страны — стал выходить из стагнации, прежде всего, благодаря Столыпинской аграрной реформе. Представить этот процесс в некоторых важных аспектах помогает «Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам».

§ 6.4. ДИНАМИКА ПЕРЕВОЗОК СЕЛЬХОЗМАШИН И ОРУДИЙ В 1900–1913 гг.

Перепись фиксирует ситуацию, когда в большинстве губерний Европейской России агрономическая помощь только начиналась.

Развитие российского сельского хозяйства после 1910 г. во многом протекало в меняющихся условиях, и для того, чтобы понять это, необходимо на основании данных «Сводной статистики» проанализировать динамику перевозок усовершенствованных сельхозмашин и орудий за весь рассматриваемый период.

Для удобства анализа данные о погубернском получении из таблицы 6.1 были представлены в виде средних по трехлетиям.

Каждый из четырех выделенных периодов имеет, если так можно выразиться, свое внутреннее содержание, которое прямо отражается на показателях получения сельхозмашин и орудий отдельными губерниями и регионами.

1900–1902 гг. — период, в определенной степени подводящий итоги механизации российского сельского хозяйства в 1890-х гг.

1905–1907 гг. — с 1906 г. начинается Столыпинская аграрная реформа.

1908–1910 гг. — реформа развернулась всерьез, затронув в 1909–1910 гг. подавляющее большинство уездов Европейской России.

1911–1913 гг. — пик преобразований; с 1911 г. агрономическая помощь появляется во всех губерниях, где проводится реформа, и приносит первые зримые плоды — *в том числе* и в виде увеличения размеров получения сельхозмашин и орудий нечерноземными губерниями.

Несколько предварительных замечаний.

При анализе перевозок сельхозтехники, как и большинства грузов, весьма важной является проблема переотправок по водным путям, по железным дорогам и гужем.

Реальная картина получения сельхозмашин и орудий отличалась от той, которая восстанавливается на основании данных только о железнодорожных перевозках.

Переотправки сельхозмашин учесть большей частью очень трудно, поскольку в стране были сотни заводов, производивших сельхозтехнику (в 1913 г. — свыше 900, по данным Бюро по сельскохозяйственной механике) и явно не меньшее количество аналогичных мастерских и сотни же складов сельхозмашин и орудий. В силу этого нельзя определить, сколько техники, отправленной из какого-либо населенного пункта по железным дорогам, прежде всего из губернских и уездных городов, приходится на вновь произведенную продукцию, а какая ее часть является переотправкой, например, из земского или иного склада сельхозмашин. Предприятия сельскохозяйственного машиностроения работали во многих портах и городах, расположенных на реках и т. д.

Так, представляются заниженными показатели получения приморских губерний — Курляндской, Эстляндской, Лифляндской, Херсонской, Таврической и Екатеринославской (но едва ли Петербургской), а также Донской и Кубанской областей. Несомненно, какое-то количество импортной сельхозтехники, ввезенной через порты этих губерний, во-первых, и произведенной в таких портовых городах, как Либава, Ревель, Рига, Одесса, Николаев, Таганрог, Ростов и др., во-вторых, не попадало на железные дороги вовсе, а продавалось в пределах более или менее близких окрестностей.

Не кажутся вполне достоверными и показатели волжских губерний. Перевозки сельхозмашин и орудий не разрабатывались «Статистическими сборниками МПС», но и без этого ясно, что Москва, Саратов, Царицын и его пристани (Волжская и Соляная в первую очередь), Камышин, Самара и Покровская слобода играли весьма важную роль в переотправках сельхозмашин на пристани хлебопроизводящих районов Нижнего и Среднего Поволжья. Так, по величине железнодорожного получения Астраханская губерния занимала последнюю, 83-ю позицию в России, а между тем в рейтинге Переписи 1910 г. она занимала 29-е место. Понятно, что сельхозтехнику, как и все остальные то-

вары эта губерния получала прежде всего по Волге. Поэтому показатели Саратовской губернии представляются несколько завышенными. Однако едва ли это принципиально меняет общую картину динамики потребления сельхозтехники в этой губернии и, что, видимо, важнее — соотношение его с уровнем потребления других губерний.

Сельхозмашины, разумеется, перевозились и по другим рекам, прежде всего, Днепру, Дону, Западной Двине и т. д. Однако здесь сколько-нибудь обоснованные предположения относительно перераспределения железнодорожного получения техники высказать довольно сложно.

Что касается железнодорожных переотправок, то при всех трудностях в ряде случаев это сделать не только необходимо, но и возможно — в первую очередь применительно к показателям сухопутных таможенных пунктов. В источнике, как правило, информация о них дается следующим образом: пунктом отправления указывается германская, австро-венгерская или румынская пограничная станция — например, «Александрово (из-за границы)», а получателем — соответствующая русская станция — «Александрово». Понятно, что это получение нельзя считать «производительным», т. к. почти все эти сельхозмашины затем переотправлялись вглубь страны. Если не учитывать данное обстоятельство, то размеры потребления губерний, на территории которых расположены эти пункты, окажутся искусственно завышенными, притом иногда на сотни тысяч пудов.

Для получения точных данных необходимо вычесть из общего получения какой-либо таможенной станции прибытие машин «из-за границы», которое отдельно фиксирует «Сводная статистика». Например, в 1906 г. на станцию Волочиск всего прибыло 392,8 тыс. пуд. сельхозмашин и орудий, в том числе «из-за границы» — 380,6 тыс. пуд. Следовательно, 12,2 тыс. пуд. сельхозтехники могут считаться тем количеством, которое осталось в этом пункте и затем разошлось в ближайшей местности.

С началом Столыпинской аграрной реформы источник фиксирует весьма значительные переотправки на Сибирской железной дороге, масштабы которых заметно превосходят то, что мы видим в других частях страны. Склады Переселенческого управления и частных фирм, получавшие продукцию из Европейской России, направляли затем ее далее в соответствии с поступавшими заказами. При этом сельскохозяйственное машиностроение в Сибири только зарождалось — в 1911 г. насчитывалось 3 завода в Тобольской и 1 — в Томской губерниях, и по 2 завода в Амурской и Приморской областях. В 1912–1913 гг. в Тобольской губернии их насчитывалось пять, а в остальных — по три. В 1911 г. совокупная стоимость продукции всех сибирских заводов составила лишь 79 тыс. руб., а в 1913 г. — 577 тыс. руб., т. е. менее 1 % суммарного производства сельхозтехники в России, из которых 364 тыс.руб. пришлось на появившийся в 1912 г. крупный завод в Акмолинской области. Это позволяет нам, по крайней мере, до 1912–1913 гг. и то применительно лишь к последней, считать все отправление со станций Сибирской железной дороги переотправками. Велик объем переотправок из Оренбургской губернии, точнее, из Челябинска, который был своего рода воротами Сибири, первым крупным городом на Транссибирской магистрали. При этом в 1913 г. в Оренбургской губернии было два завода, выпустивших продукции на 235 тыс. руб.[21]

Таким образом, существуют как минимум два варианта дальнейшего анализа перевозок сельхозмашин. В первом используются «неочищенные» сведения о получении

сельхозмашин станциями Сибирской железной дороги (см. таблицу 6.1), во втором — те же данные за вычетом того, что мы квалифицируем как переотправки (см. таблицу 6.1а). Целесообразно, на наш взгляд, изучить оба варианта (далее они соответственно именуются «первым» и «вторым»). Их сопоставление может быть весьма интересным и для характеристики источника, и для понимания природы статистики, не говоря о других аспектах проблемы. Наконец, следует иметь в виду, что для 1890-х – 1902 гг. в «Сводной статистике» публиковалась как статистика отправления, так и статистика получения грузов (вторая, напомним, составлялась на основе первой, которая и была исходным материалом для сотрудников Статистического отдела Департамента железнодорожных дел), причем ценз отправления и получения сельхозмашин для отдельных станций составлял 2 тыс. пуд. В итоге примерно 65–75 % перевозимых сельхозмашин были географически «привязаны».

Для 1903–1904 гг. в порядке эксперимента публиковались данные только об отправлении, причем ценз вырос до 5 тыс. пуд. В итоге мы располагаем сведениями лишь примерно о 50 % перевозимых сельхозмашин, в силу чего в данных о динамике их получения образовался чрезвычайно неприятный двухлетний пробел. С 1905 г. Департамент вернулся к традиционной форме публикации статистики, одновременно существенно понизив ценз (до 1,5 тыс. пуд.).

Ясно, что сведения за 1900–1902 гг., которые служат для нас точкой отсчета, в смысле полноты охвата описываемых явлений, сильно проигрывают информации за 1905–1913 гг. Понижение ценза, и то, что данные о перевозках стали печататься в сотнях, а не тысячах пудов, конечно, повысило точность «Сводной статистики». В результате для периода 1905–1913 гг. мы имеем весьма добротный материал, охватывающий свыше 90 % перевозок сельхозмашин и орудий по русским железным дорогам.

Насколько уязвимы данные за 1900–1902 гг., видно хотя бы из того, что на Екатерининской железной дороге на «остальные станции» в 1900 г. пришлось 83 тыс. пуд. из 333 тыс. пуд. всего получения (24,9 %), в 1901 г. — 104 из 330 тыс. пуд. (31,5 %), в 1902 г. — 152 из 395 тыс. пуд. (38,5 %). Ясно, что учтенное прибытие в первую очередь Екатеринославской губернии, а также Донской области, и — в меньшей степени — Таврической и Херсонской губерний, по территории которых проходила дорога, в эти годы было существенно больше. С 1905 г. ситуация радикально меняется — на «остальные станции» пришлась 41 тыс. пуд. из 1117 тыс. пуд. всего получения Екатерининской дороги, т. е. 3,6 %, в 1906 г. — 45 из 1151 тыс. пуд., или 3,9 %, в 1909 г. — 87 из 1740 тыс. пуд., или 5,0 %, в 1913 г. — 104 из 1824 тыс. пуд., или 5,7 % и т. д.

И все же сведения за 1900–1902 гг. так или иначе дают определенную точку отсчета.

Как можно видеть из таблицы 6.26, в эти годы с большим отрывом лидируют Донская и Кубанская области, на долю которых приходилось от 19,6 до 20,7 % учтенного получения. В целом распределение сельхозмашин в 1900-1902 гг. существенно отличается от того, что мы видим, начиная с 1905–1907 гг. В ведущих зернопроизводящих губерниях степной полосы Юга и Юго-Востока уровень потребления сельхозтехники сравнительно невысок. Разрыв между ними и губерниями ЦЧР не столь велик, как можно было бы ожидать, зная ситуацию в последующее время. В 1900 г., например, Курская и Орловская губернии вместе получили почти столько же, сколько и Екатеринослав-

ская губерния (148 тыс. пуд. против 153 тыс. пуд.), а в предвоенные годы разрыв между ними огромен (в 1912 г. соответствующие показатели составили 631 и 2069 тыс. пуд., в 1913 г. — 698 и 1551 тыс. пуд.).

Сопоставляя довольно низкие показатели Херсонской и Екатеринославской губерний в 1900 г., заметим, что если первая из них удваивает их в 1901 г. и увеличивает их в 3,6 раза в 1902 г., что и дает ей пятое место в среднем за эти годы, то вторая в 1901–1902 гг. получает даже меньше, чем в 1900 г. При этом, видимо, 12-е место Херсонской губернии в 1900 г. скорее было случайностью, в отличие от 11, 17 и 18-го мест Екатеринославской губернии соответственно в 1900, 1901 и 1902 гг. Это косвенно подтверждается цифрами продаж сельхозмашин и орудий Херсонским и Александрийским земскими складами. Таблицы 6.24 и 6.25 показывают, что 1900 г. был худшим для них по числу проданных машин и орудий. Для Херсонского склада, впрочем, таким же был и 1901 г., но не для Александрийского, который торговал куда успешнее.

Ситуация в 1900–1902 гг. отличается от последующих периодов тем, что в число 10-ти лидирующих губерний входят, во-первых, только губернии Европейской России, а, во-вторых, тем, что относительный разрыв между лидером и другими губерниями куда более значителен. В 1900–1902 гг. получение 5-й по рангу губернии, Херсонской, составляло 47,2 % получения лидера — Донской области, занимавшей 10-е место Терской области, — 28,7 %, а стоявшей на 20-й позиции Таврической губернии, — 13,8 % соответственно. В 1905–1907 гг. аналогичные показатели составили для губерний, занимавших соответствующие места, 66,7 %, 41,5 % и 17,9 %, в 1908–1910 гг. — 79,1 %, 33,6 % и 15,9 %, в 1911–1913 гг. — 77,8 %, 44,3 % и 18.8 % для 1-го варианта подсчета и несколько меньше для 2-го.

Налицо, таким образом, уменьшение разницы между лидирующими и остальными губерниями в течение рассматриваемого периода, абсолютное и относительное сближение показателей получения сельхозмашин между ними, особенно, если иметь в виду более чем четырехкратное увеличение среднегодовых имперских итогов перевозок с периода 1900–1902 гг. по период 1911–1913 гг., и более чем пятикратное за 1900–1913 гг.

Таблица 6.24. Продажа сельхозмашин и орудий Херсонским уездным земским складом в 1895–1905 гг. (шт.)

Название орудий	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1904	1905
Плугов разных	100	239	515	897	212	35	72	121	184	293	506
Буккеров	61	235	341	356	296	131	81	209	312	621	681
Борон, распашник.		6		26	13	1				7	
Сеялок разных		1	3	21	14	1		4	2	17	17
Жаток	81	48	77	106	15	25	23	57	190	179	291
Веялок	63	33	23	66	8	13	22	42	106	159	211
Всего	**305**	**562**	**959**	**1472**	**558**	**206**	**198**	**433**	**794**	**1276**	**1706**

Источник: Отчет о деятельности агрономического персонала и о мероприятиях земства по улучшению сельского хозяйства в Херсонской губернии за 1905 г. С. 13.

Таблица 6.25. Продажа сельхозмашин и орудий Александрийским уездным земским складом в 1895–1905 гг. (шт.)

Название орудий	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1904	1905
Плугов	82	436	908	1448	1122	591	751	825	1379	974	1600
Буккеров	181	158	109	126	66	51	21	34	237	58	95
Веялок	2	29	96	100	27	9	18	4	23	2	100
Жаток	5	20	96	148	34	29	23	24	47	8	17
Соломорезок		5	5	14	30	28	6	2	4	44	31
Корнерезок		1	5			1			1		
Сеялок			5	15	19	14	5	15	18	17	8
Конных грабель			2	6	3	1		7			3
Всего	**270**	**649**	**1226**	**1857**	**1301**	**724**	**824**	**911**	**1709**	**1103**	**1854**

Источник: Отчет о деятельности агрономического персонала и о мероприятиях земства по улучшению сельского хозяйства в Херсонской губернии за 1905 г. С. 13.

Концентрация получения, как можно видеть, была высока всегда, но определенно прослеживается тенденция к ее уменьшению, правда, не прямолинейному. В 1900–1902 гг. на долю трех лидеров пришлось 26,1 % учтенного получения, на долю пяти первых губерний — 36,7 %, первых десяти — 54,4 % (см. таблицу 6.26).

В 1905–1907 гг. в перевозках сельхозмашин происходят первые серьезные перемены. Во-первых, среднегодовой объем учтенной транспортировки увеличивается до 12935 тыс. пуд., т. е. в 1,9 раза (на 85,3 %). Во-вторых, в число лидеров входит теперь Екатеринославская губерния, а также Томская губерния и Акмолинская область. С этого времени 6 из 7-ми губерний 1-й группы, варьируя свои показатели, постоянно находятся в числе лидеров; Самарская присоединится к ним в 1908–1910 гг. (реально — с 1909 г.). После издания мартовского указа 1906 г. о землеустройстве Сибирь, прежде всего Западная, стала рынком сельхозмашин и орудий не менее, а иногда и более важным, чем Новороссийские губернии. Если в 1905 г. Акмолинская область и Томская губерния, в которые устремлялся основной поток переселенцев, в сумме получили 439 тыс. пуд., что составило 3,8 % всех перевозок по Империи (далее кроме специально оговоренных случаев имеется в виду учтенное их количество), то в 1906 г. — уже 1377 тыс. пуд., или 10,9 % соответственно, а в 1907 г. — 2145 тыс. пуд., или 14,6 %, и в 1908 г. — 2688, т. е. 16,0 %. К концу рассматриваемого периода доля этих губерний в общем итоге снижается, прежде всего из-за неурожаев 1910-х гг., хотя по-прежнему остается весьма значительной и по абсолютной величине продолжает расти: в 1912 г. они получили 3420 тыс. пуд. (11,7 %), в 1913 г. — 4071 тыс. пуд. (12,5 %).

Концентрация перевозок в 1905–1907 гг. несколько снижается в сравнении с 1900–1902 гг. (таблица 6.26). На долю первых трех губерний пришлось 22,6 % общего итога по стране, первых пяти — 34,0 %, первых десяти — 53,2 %. Это говорит об уменьшении количественной разницы в показателях лидирующих губерний.

В 1905–1907 гг. только среднегодовой показатель Донской области превысил 1 млн. пуд. При этом, как можно видеть из таблицы 6.1, получение последней в 1905 г. соста-

Таблица 6.26. Среднегодовое получение сельхозмашин и орудий 20-тью лидирующими губерниями в 1900–1913 гг. (тыс. пуд.) и доля их в общих перевозках по России (%) (Первый вариант подсчета)

Губернии	Период 1900–1902		Губернии	Период 1905–1907		Губернии	Период 1908–1910		Губернии	Период 1911–1913	
	тыс. пуд.	%		тыс. пуд.	%		тыс. пуд.	%		тыс. пуд.	%
Донская	743	10,6	Донская	1031	8	Донская	1658	8,4	Томская	1973	6,9
Кубанская	642	9,2	Екатеринослав.	953	7,4	Акмолинская	1444	7,3	Екатеринослав.	1942	6,8
Оренбургская	423	6,1	Кубанская	933	7,2	Екатеринослав.	1435	7,2	Донская	1691	5,9
Самарская	382	5,5	Херсонская	788	6,1	Томская	1317	6,7	Акмолинская	1562	5,5
Херсонская	351	5	Томская	688	5,3	Кубанская	1311	6,6	Самарская	1535	5,4
Всего 1-5	**2541**	**36,4**	**Всего 1-5**	**4392**	**34**	**Всего 1-5**	**7166**	**36,2**	**Всего 1-5**	**8703**	**30,4**
Киевская	327	4,7	Акмолинская	633	4,9	Самарская	1078	5,4	Кубанская	1528	5,3
Саратовская	237	3,4	Оренбургская	500	3,9	Херсонская	1065	5,4	Херсонская	1485	5,2
Варшавская	229	3,3	Киевская	467	3,6	Оренбургская	751	3,8	Харьковская	1039	3,6
Харьковская	226	3,2	Полтавская	453	3,5	Саратовская	673	3,4	Полтавская	1016	3,5
Терская	213	3,1	Варшавская	428	3,3	Варшавская	556	2,8	Саратовская	874	3,1
Всего 1-10	**3773**	**54,1**	**Всего 1-10**	**6873**	**53,2**	**Всего 1-10**	**11288**	**57**	**Всего 1-10**	**14644**	**51,1**
Акмолинская	198	2,8	Самарская	407	3,2	Таврическая	482	2,4	Киевская	834	2,9
Полтавская	194	2,8	Саратовская	373	2,9	Харьковская	476	2,4	Варшавская	722	2,5
Московская	193	2,8	Харьковская	337	2,6	Киевская	452	2,3	Оренбургская	682	2,4
Ставропольская	147	2,1	Таврическая	296	2,3	Полтавская	450	2,3	Таврическая	653	2,3
Екатеринослав.	147	2,1	Тобольская	243	1,9	Тобольская	371	1,9	Воронежская	644	2,3
Бессарабская	139	2	Подольская	233	1,8	Терская	353	1,8	Подольская	460	1,6
Подольская	129	1,8	Бессарабская	233	1,8	Воронежская	283	1,4	Бессарабская	439	1,5
Томская	111	1,6	Терская	227	1,8	Тамбовская	275	1,4	Тамбовская	419	1,5
Курская	109	1,6	Енисейская	186	1,4	Уфимская	270	1,4	Московская	405	1,4
Таврическая	103	1,5	Московская	184	1,4	Бессарабская	264	1,3	Терская	371	1,3
Всего 11–20	**1470**	**21,1**	**Всего 11–20**	**2719**	**21**	**Всего 11–20**	**3676**	**18,5**	**Всего 11–20**	**5629**	**19,6**
Всего 1–20	**5243**	**75,1**	**Всего 1–20**	**9593**	**74,2**	**Всего 1–20**	**14964**	**75,5**	**Всего 1–20**	**20273**	**70,7**

вило 1164 тыс. пуд., в 1906 г. — 856 тыс. пуд., в 1907 г. — 1073 тыс. пуд. Вместе с тем в 1907 г. рубеж в 1 млн. пуд. был превышен Томской губернией — 1222 тыс. пуд. и Кубанской областью — 1024 тыс. пуд.

В 1908–1910 гг. среднегодовое получение сельхозмашин по Империи составило 19843 тыс. пуд., что в 1,5 раза (на 53,4 %) превысило показатель 1905–1907 гг. и в 2,8 раза — уровень 1900–1902 гг.

Более 1 млн. пуд. в среднем за год получали уже 7 губерний и областей — Донская, Екатеринославская, Кубанская, Самарская, Херсонская, Акмолинская и Томская, и их суммарный итог составил 9309 тыс. пуд., или 47,0 % всех перевозок в стране.

Концентрация перевозок в этот период возрастает в сравнении и с 1900–1902 гг. и с 1905–1907 гг. — на три лидирующих губернии пришлось 22,9 %, на пять первых губерний — 36,2 %, на первые десять — 57,0 % общего получения (таблица 6.26). Увеличение концентрации, полагаю, можно объяснить, во-первых, усилением в этих губерниях процесса потребления сельхозтехники, получившего весьма внушительные размеры в предыдущие годы, и, во-вторых, тем, что их жители раньше других начали пользоваться плодами Столыпинской аграрной реформы.

На 1911–1913 гг. приходится пик преобразований. С 1912 г. вступило в действие новое «Положение о землеустройстве», придавшее им новый мощный импульс. Среднегодовой объем перевозок был равен 28765 тыс. пуд., т. е. в 1,4 раза (на 44,9 %) больше, чем в 1908–1910 гг., в 2,3 раза — чем в 1905–1907 гг. и в 4,1 раза больше чем в 1900–1902 гг.

Концентрация получения сельхозмашин в эти годы — самая низкая за весь рассматриваемый период, притом что свыше 1 млн. пуд. сельхозмашин и орудий получали уже 9 губерний. Три первых губернии получили 19,6 % общего итога перевозок по Империи, первые пять — 30,4 %, первые десять — 51,1 % соответственно (таблица 6.26). Это говорит о росте потребления сельхозтехники в губерниях 3-й группы. Нечерноземье и ряд северно-черноземных губерний в эти годы начали выходить из стагнации, в которой находились предыдущие десятилетия.

Перейдем ко второму варианту анализа перевозок. Сопоставление таблиц 6.1 и 6.1а показывает, что после исключения переотправок на Сибирской железной дороге учтенное получение по стране в целом в 1906 г. уменьшилось на 276 тыс. пуд. (на 2,3 %), в 1907 — на 226 тыс. пуд. (на 1,6 %), в 1908 г. — на 729 тыс. пуд. (на 4,6 %), в 1909 г. — на 918 тыс. пуд. (4,9 %), в 1910 г. — на 1091 тыс. пуд. (5,0 %), в 1911 г. — на 1050 тыс. пуд. (на 4,3 %), в 1912 г. — на 1077 тыс. пуд. (4,1 %) и в 1913 г. — на 1088 тыс. пуд. (на 3,5 %).

Представляется, что 3,5–5 % суммы перевозок по России величина, заслуживающая внимания. Вместе с тем ясно, что проведенное уточнение не повлияет серьезным образом на нашу оценку темпов роста потребления сельхозтехники в России в рассматриваемый период. Это подтверждают данные таблицы 6.27.

Оценим изменения, которые происходят в таблице губерний-лидеров с учетом переотправок. В 1905–1907 гг. Томская губерния, Акмолинская область и Оренбургская губерния сохраняют соответственно 5-е, 6-е и 7-е места, а Тобольская перемещается с 15-го на 18-е. Понятно, что уменьшение абсолютных показателей повлекло и сниже-

Таблица 6.27. Сопоставление двух вариантов среднегодовых величин получения сельхозмашин и орудий в России в 1900–1913 гг.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1-й вариант	6979	12935	185,3	19843	153,4	284,3	28765	145,0	222,4	412,2
2-й вариант	6979	12602	180,6	18825	149,4	269,7	27399	145,5	217,4	392,6

1 — среднегодовое получение 1900–1902 гг. (тыс. пуд.);
2 — среднегодовое получение 1905–1907 гг. (тыс. пуд.);
3 — отношение получения 1905–1907 гг. к получению 1900–1902 гг. (%);
4 — среднегодовое получение 1908–1910 гг. (тыс. пуд.);
5 — отношение получения 1908–1910 гг. к получению 1905–1907 гг. (%);
6 — отношение получения 1908–1910 гг. к получению 1900–1902 гг. (%);
7 — среднегодовое получение 1911–1913 гг. (тыс. пуд.);
8 — отношение получения 1911–1913 гг. к получению 1908–1910 гг. (%);
9 — отношение получения 1908–1910 гг. к получению 1905–1907 гг. (%);
10 — отношение получения 1908–1910 гг. к получению 1900–1902 гг. (%).

ние доли этих губерний в общем получении. Суммарное получение этих губерний снизилось с 2064 тыс. пуд. (16,0 % общего учтенного получения) до 1879 тыс. пуд. (14,9 % соответственно), или на 9,8 %. В 1908–1910 гг. Акмолинская область со 2-й позиции переходит на 4-ю, Томская губерния — с 4-й на 5-ю, Оренбургская — с 8-й на 9-ю, Тобольская — с 15-й на 20-ю. В первом варианте четыре губернии получили 3883 тыс. пуд. (19,6 %), во втором — 3122 тыс. пуд. (16,9 %), что на 24,4 % меньше. Наконец, в 1911–1913 гг. Томская губерния уступает первенство Екатеринославской, Акмолинская смещается с 4-го места на 7-е, Оренбургская — с 13-го на 15-е, а их совокупное получение уменьшается с 4217 тыс. пуд. (14,8 %) до 3384 (12,3 %), т. е. на 24,6 %. Тобольская в число первых 20-ти губерний не попадает ни в том, ни в другом случае. Однако следует помнить, что в этом периоде начинает работу крупный завод сельхозтехники в Акмолинской области, и поэтому не все перевозки со станций этой области в 1912–1913 гг. следует относить к переотправкам, как в предшествующие годы. Но как их выделить в этом случае? А в случае Оренбургской губернии?

Сравнение обоих вариантов анализа рынка сельхозмашин и орудий приводит, в частности, к следующим выводам.

С одной стороны, как мы видели, исключение «двойного счета» на станциях Сибирской ж. д. не изменило *радикальным* образом выводов, сделанных на основании итоговых данных о получении этих станций. И Акмолинская область, и Томская губерния остались в числе губерний 1-й группы, в числе лидеров потребления сельхозтехники в России. Не слишком поколебались позиции и Оренбургской губернии среди первых 10-ти губерний страны. Так что, на наш взгляд, нельзя говорить о том, что вычет переотправок сельхозмашин существенно повлиял на расстановку губерний в лидирующей группе, равно как и на оценку динамики потребления сельхозмашин и орудий по стране в целом. Вместе с тем понятно, что в любом случае предпочтительно оперировать данными, которые исследователь считает наиболее надежными, достоверными и т. д. Проблема, как кажется, требует дальнейшего исследования.

Таблица 6.28. Среднегодовое получение сельхозмашин и орудий 20-тью лидирующими губерниями в 1905–1913 гг. (тыс. пуд.) и доля их в общих перевозках по России (%). 2-ой вариант подсчета

Период 1905–1907			Период 1908–1910			Период 1911–1913		
Губернии	**Получение**	**%**	**Губернии**	**Получение**	**%**	**Губернии**	**Получение**	**%**
Донская	1031	8,2	Донская	1658	8,8	Екатеринославская	1942	7,1
Екатеринославская	953	7,6	Екатеринославская	1435	7,6	Томская	1712	6,2
Кубанская	933	7,4	Кубанская	1311	7	Донская	1691	6,2
Херсонская	788	6,3	Акмолинская	1156	6,1	Самарская	1535	5,6
Томская	620	4,9	Томская	1127	6	Кубанская	1528	5,6
Всего 1–5	**4325**	**34**	**Всего 1–5**	**6687**	**35,5**	**Всего 1–5**	**8408**	**31**
Акмолинская	554	4,4	Самарская	1078	5,7	Херсонская	1485	5,4
Оренбургская	493	3,9	Херсонская	1065	5,7	Акмолинская	1175	4,3
Киевская	470	3,7	Саратовская	673	3,6	Харьковская	1039	3,8
Полтавская	453	3,6	Оренбургская	576	3,1	Полтавская	1016	3,7
Варшавская	428	3,4	Варшавская	556	3	Саратовская	874	3,2
Всего 1–10	**6723**	**53**	**Всего 1–10**	**10635**	**56,5**	**Всего 1–10**	**13997**	**51**
Самарская	407	3,2	Таврическая	482	2,6	Киевская	834	3
Саратовская	373	3	Харьковская	476	2,5	Варшавская	722	2,6
Харьковская	337	2,7	Киевская	452	2,4	Таврическая	653	2,4
Таврическая	296	2,3	Полтавская	450	2,4	Воронежская	644	2,4
Подольская	233	1,8	Терская	353	1,9	Оренбургская	497	1,8
Бессарабская	233	1,8	Воронежская	283	1,5	Подольская	460	1,7
Терская	227	1,8	Тамбовская	275	1,5	Бессарабская	439	1,6
Тобольская	212	1,7	Уфимская	270	1,4	Тамбовская	419	1,5
Енисейская	186	1,5	Бессарабская	264	1,4	Московская	405	1,5
Московская	184	1,5	Тобольская	263	1,4	Терская	371	1,4
Всего 11–20	**2688**	**21**	**Всего 11–20**	**3568**	**19**	**Всего 11–20**	**5444**	**20**
Всего 1–20	**9411**	**75**	**Всего 1–20**	**14203**	**75,4**	**Всего 1–20**	**19441**	**71**

Таблица 6.29. Получение сельхозмашин в 1900–1909 гг. (без 1903–1904 гг.) и 1910–1913 гг. (тыс. пуд.). 2-ой вариант

Губернии	1900–1909	1910–1913	Губернии	1900–1909	1910–1913
Архангельская	8	25	Саратовская	2925	3545
Олонецкая	0	15	Самарская	4030	6173
Вологодская	108	224	Оренбургская	3874	2093
Петербургская	456	515	Уфимская	1121	1173
Псковская	198	337	Астраханская	27	47
Новгородская	94	193	Вятская	36	199
Курляндская	548	593	Пермская	802	977
Лифляндская	1249	1274	Кубанская	7112	6129
Эстляндская	299	261	Ставропольск.	1577	1138
Виленская	418	593	Терская	1970	1518
Гродненская	513	597	Уральская	454	642
Ковенская	576	774	Тургайская	326	625
Витебская	464	771	Ферганская	83	239
Минская	651	736	Сыр-Дарьинская	346	360
Могилевская	293	580	Закаспийская	26	37
Смоленская	270	484	Самаркандская	20	48
Черниговская	360	701	Бухара	15	41
Московская	1556	1452	Елисаветпольск	53	92
Владимирская	415	281	Бакинская	109	196
Костромская	89	142	Эриванская	61	75
Тверская	268	337	Карсская	43	64
Ярославская	219	139	Тифлисская	141	170
Калужская	131	246	Дагестанская	44	27
Курская	1023	1278	Кутаисская	3	11
Орловская	642	1004	Тобольская	1403	905
Тамбовская	1044	1637	Акмолинская	4991	4256
Тульская	506	649	Семипалатинская	47	4
Рязанская	326	446	Томская	4581	6127
Пензенская	366	734	Енисейская	830	763
Симбирская	466	452	Иркутская	395	448
Казанская	417	304	Забайкальская	413	853
Нижегородская	517	433	Приморская	777	1074
Киевская	3175	3065	Амурская	104	544
Подольская	1552	1694	Варшавская	3130	2675
Волынская	1164	1202	Ломжинская	255	280
Донская	8482	6975	Сувалкская	237	346
Екатеринославская	5761	7668	Петроковская	518	748
Херсонская	5244	5823	Плоцкая	183	204
Бессарабская	1529	1658	Люблинская	510	576
Таврическая	1992	2610	Седлецкая	348	470
Харьковская	2548	3686	Радомская	310	370
Полтавская	2677	3665	Келецкая	239	320
Воронежская	983	2344	Калишская	98	115

Завершая общий обзор перевозок сельхозмашин и орудий в 1900–1913 гг., отметим, что, согласно данным таблицы 6.29, в 68 из 86 губерний и областей России, т. е. в каждых четырех из пяти, в 1910–1913 гг. было получено сельхозтехники больше, чем в 1900–1909 гг. (без 1903–1904 гг.). Это хорошо иллюстрирует темпы прогресса механизации отечественного сельского хозяйства в предвоенные годы.

* * *

Представляется необходимым конкретизировать вышеизложенную информацию о росте перевозок сельхозмашин и орудий и рассмотреть их получение в региональном аспекте. Для полной сопоставимости анализируются погубернские данные за 1905–1913 гг. Суммарное получение Северного района увеличилось за эти годы в 9,7 раз, прежде всего, за счет Вологодской губернии, чьи показатели выросли в 8,6 раза. В Архангельской губернии перевозки сельхозмашин и орудий впервые фиксируются в 1907 г., а в Олонецкой — в 1910 г.

Таблица 6.30. Получение сельхозмашин и орудий губерниями Северного района в 1905–1913 гг. (сотни пудов, далее: с. п.)

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Архангельская			24	19	33	56	55	57	77
Олонецкая						15	41	45	48
Вологодская	101	151	218	236	230	357	394	628	856
Всего	**101**	**151**	**242**	**255**	**263**	**428**	**490**	**730**	**981**

Таблица 6.31. Получение сельхозмашин и орудий губерниями Приозерного района в 1905–1913 гг. (с. п.)

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Петербургская	432	570	699	845	997	960	1087	1448	1659
Псковская	149	307	400	337	370	525	708	990	1143
Новгородская	60	124	197	159	169	181	417	548	788
Всего	**641**	**1001**	**1296**	**1341**	**1536**	**1666**	**2212**	**2986**	**3590**

Таблица 6.31а. То же, принимая уровень 1905 г. за 100 %

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Петербургская	100	131,9	161,8	195,6	230,8	222,2	251,6	335,2	384,0
Псковская	100	206,0	268,5	226,2	248,3	352,3	475,2	664,4	767,1
Новгородская	100	206,7	328,3	265,0	281,7	301,7	695,0	913,3	1313,3
Всего	**100**	**156,2**	**202,2**	**209,2**	**239,6**	**259,9**	**345,1**	**465,8**	**560,1**

В целом получение губерний Приозерного района в 1905–1913 гг. увеличилось в 5,6 раза, при этом Петербургской губерний — в 3,8 раза, Псковской — в 7,7 раза, Новгородской — в 13,1 раза соответственно. Обращает на себя внимание тот факт, что, в отличие от многих других нечерноземных губерний, здесь мы видим рост показателей

сразу, начиная с 1906 г. И в 1905 г. и 1913 г. Петербургская губерния опережала Новгородскую и Псковскую. Однако, если в 1905–1910 гг. она получала свыше половины сельхозмашин в районе, то в 1911–1913 гг. — менее 50 %. В Петербургской губернии резкое увеличение показателей может датироваться 1911–1912 гг., в Псковской — 1910–1911 гг., в Новгородской — 1911 г.

Таблица 6.32. Получение сельхозмашин и орудий губерниями Прибалтийского района в 1905–1913 гг. (с. п.)

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Курляндская	622	483	866	1085	924	985	1444	1752	1745
Лифляндская	1223	1156	1941	2014	3156	2397	2787	3404	4151
Эстляндская	347	274	563	619	835	762	537	607	703
Всего	**2192**	**1913**	**3370**	**3718**	**4915**	**4144**	**4768**	**5763**	**6599**

Таблица 6.32а. То же, принимая уровень 1905 г. за 100 %

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Курляндская	100	77,7	139,2	174,4	148,6	158,4	232,2	281,7	280,5
Лифляндская	100	94,5	158,7	164,7	258,1	196,0	227,9	278,3	339,4
Эстляндская	100	79,0	162,2	178,4	240,6	219,6	154,8	174,9	202,6
Всего	**100**	**87,3**	**153,7**	**169,6**	**224,2**	**189,1**	**217,5**	**262,9**	**301,0**

В Прибалтийском районе общий рост получения за 1905–1913 гг. составил 201,0 %, при этом в Курляндской губернии — 180,5 % (с 62 до 175 тыс. пуд.), Лифляндской — 239,4 % (со 122 до 415 тыс. пуд.), Эстляндской — 102,6 % (с 35 до 70 тыс. пуд.). На Лифляндскую губернию, входившую в третью, а иногда и во вторую десятку по рангам получения, в течение рассматриваемого периода приходилось от 54,2 до 64,2 % всех железнодорожных перевозок в данный район. Напомним, что потребление этих приморских губерний следует, на наш взгляд, считать более значительным.

Таблица 6.33. Получение сельхозмашин и орудий губерниями Литовского района в 1905–1913 гг. (с. п.)

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Виленская	308	500	564	673	1059	872	1323	1796	1937
Гродненская	542	828	997	993	631	1019	1151	1672	2130
Ковенская	499	732	1067	977	1025	1259	1663	2142	2673
Всего	**1349**	**2060**	**2628**	**2643**	**2715**	**3150**	**4137**	**5610**	**6740**

Таблица 6.33а. То же, принимая уровень 1905 г. за 100 %

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Виленская	100	162,3	183,1	218,5	343,8	283,1	429,5	583,1	628,9
Гродненская	100	152,8	183,9	183,2	116,4	188,0	212,4	308,5	393,0
Ковенская	100	146,7	213,8	195,8	205,4	252,3	333,3	429,3	535,7
Всего	**100**	**152,7**	**194,8**	**195,9**	**201,3**	**233,5**	**306,7**	**415,9**	**499,6**

В 1905 г. Виленская губерния получила 31 тыс. пуд. сельхозмашин и орудий, Гродненская — 54, а Ковенская — 50 тыс. пуд. В 1913 г. этот показатель составил 194 тыс. пуд. в Виленской (рост в 6,3 раза), 213 тыс. пуд. в Гродненской (рост в 3,9 раза), 267 тыс. пуд. в Ковенской губернии (рост в 5,4 раза). В целом же прибытие сельхозтехники в Литовский район увеличилось в 5 раз. Отметим, что его рост практически прямолинеен во всех губерниях. Однако в Виленской губернии значительное увеличение отмечается с 1909 г., а особенно с 1911 г., в Гродненской с 1912 г., в Ковенской — с 1911 гг.

Таблица 6.34. Получение сельхозмашин и орудий губерниями Белорусского района в 1905–1913 гг. (с. п.).

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Витебская	467	531	772	805	924	1195	1637	2115	2762
Минская	806	901	948	1190	1197	1273	1524	2167	2397
Могилевская	486	394	412	435	406	640	980	1682	2501
Смоленская	409	455	500	329	404	541	812	1509	1978
Черниговская	646	551	493	389	566	872	1515	2203	2421
Всего	**2814**	**2832**	**3125**	**3148**	**3497**	**4521**	**6468**	**9676**	**12059**

Таблица 6.34а. То же, принимая уровень 1905 г. за 100 %

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Витебская	100	113,7	165,3	172,4	197,9	255,9	350,5	452,9	591,4
Минская	100	111,8	117,6	147,6	148,5	157,9	189,1	268,9	297,4
Могилевская	100	81,1	84,8	89,5	83,5	131,7	201,6	346,1	514,6
Смоленская	100	111,2	122,2	80,4	98,8	132,3	198,5	368,9	483,6
Черниговская	100	85,3	76,3	60,2	87,6	135,0	234,5	341,0	374,8
Всего	**100**	**100,6**	**111,1**	**111,9**	**124,3**	**160,7**	**229,9**	**343,9**	**428,5**

В контексте данного исследования представляется уместным отнести Черниговскую губернию к Белорусской. За 1905–1913 гг. получение района увеличилось в 4,3 раза — с 281 до 1206 тыс. пуд. Заметнее других выросли показатели Витебской и Могилевской губерний, — равные в 1905 г. 47 и 49 тыс. пуд., в 1913 г. они составили 277 и 250 тыс. пуд. соответственно. Как можно видеть, резкий подъем получения во всех губерниях датируется 1910–1911 гг.

Таблица 6.35. Получение сельхозмашин и орудий губерниями Центрально-промышленного района в 1905–1913 гг. (с. п.)

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Московская	1886	1754	1888	2373	1839	2358	3644	3694	4823
Владимирская	332	951	427	455	516	583	689	732	809
Костромская	173	126	151	208	152	312	204	381	522
Тверская	392	543	591	393	266	335	622	1086	1323
Ярославская	576	236	261	272	238	254	269	352	514
Калужская	186	220	295	187	194	242	501	831	888
Всего	**3545**	**3830**	**3613**	**3888**	**3205**	**4084**	**5929**	**7076**	**8879**

Таблица 6.35а. То же, принимая уровень 1905 г. за 100 %

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Московская	100	93,0	100,1	125,8	97,5	125,0	193,2	195,9	255,7
Владимирская	100	286,4	128,6	137,0	155,4	175,6	207,5	220,5	243,7
Костромская	100	72,8	87,3	120,2	87,9	180,3	117,9	220,2	301,7
Тверская	100	138,5	150,8	100,3	67,9	85,5	158,7	277,0	337,5
Ярославская	100	41,0	45,3	47,2	41,3	44,1	46,7	61,1	89,2
Калужская	100	118,3	158,6	100,5	104,3	130,1	269,4	446,8	477,4
Всего	**100**	**108,0**	**101,9**	**109,7**	**90,4**	**115,2**	**167,2**	**199,6**	**250,47**

Таблица показывает, что в ЦПР самый низкий прирост получения за 1905–1913 гг. из пока рассмотренных нами — 250,5 %. На такую же практически величину — со 189 до 482 тыс. пуд. в абсолютном выражении — увеличилось прибытие сельхозтехники в Московскую губернию, явного лидера района, которая, как правило, получала сельхозмашин больше, чем остальные пять губерний вместе взятые, и нередко входила во вторую десятку губерний по объему перевозок. На фоне остальных нечерноземных губерний показатели губерний ЦПР, исключая, пожалуй, Калужскую и Тверскую, выглядят достаточно скромно. Рост получения в этих губерниях и Московской начинается в 1911 г., в других губерниях датировать его сложно — так, например, в Ярославской, уровень 1905 г. так и не был превзойден.

Таблица 6.36. Получение сельхозмашин и орудий губерниями Центрально-черноземного района в 1905–1913 гг. (с. п.)

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Курская	1363	1163	1520	1386	1537	2254	2996	3630	3903
Орловская	905	1052	1029	1129	1318	2194	2091	2676	3075
Тамбовская	1930	794	1298	1962	2471	3808	3248	4853	4465
Тульская	622	578	627	1042	1274	931	1557	1918	2083
Рязанская	407	241	513	789	751	775	1031	1057	1597
Всего	**5227**	**3828**	**4987**	**6308**	**7351**	**9962**	**10923**	**14134**	**15123**

Таблица 6.36а. То же, принимая уровень 1905 г. за 100 %

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Курская	100	85,3	111,5	101,7	112,8	165,4	219,8	266,3	286,4
Орловская	100	116,2	113,7	124,8	145,6	242,4	231,0	295,7	339,8
Тамбовская	100	41,1	67,3	101,7	128,0	197,3	168,3	251,5	231,3
Тульская	100	92,9	100,8	167,5	204,8	149,7	250,3	308,4	334,9
Рязанская	100	59,2	126,0	193,9	184,5	190,4	253,3	259,7	392,4
Всего	**100**	**73,2**	**95,4**	**120,7**	**140,6**	**190,6**	**209,0**	**270,4**	**289,3**

Весьма энергично развивалось потребление сельхозтехники в ЦЧР. Суммарное прибытие сельхозмашин в пять губерний района за 1905–1913 гг. увеличилось почти втрое — с 522 до 1512 тыс. пуд. В Курской, Орловской, Тамбовской губерниях его уровень стал расти с 1910 г., в Рязанской и Тульской — с 1908, но особенно — с 1911 г.

Таблица 6.37. Получение сельхозмашин и орудий губерниями Средне-Волжского района в 1905–1913 гг. (с.п.)

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Пензенская	635	217	610	674	1104	1312	1371	2133	2520
Симбирская	597	616	963	852	727	789	1056	1152	1523
Казанская	865	590	419	437	604	564	496	535	1447
Нижегородская	1221	729	529	757	735	702	900	1089	1635
Всего	**3318**	**2152**	**2521**	**2720**	**3170**	**3367**	**3823**	**4909**	**7125**

Таблица 6.37а. То же, принимая уровень 1905 г. за 100 %

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Пензенская	100	34,2	96,1	106,1	173,9	206,6	215,9	335,9	396,9
Симбирская	100	103,2	161,3	142,7	121,8	132,2	176,9	193,0	255,1
Казанская	100	68,2	48,4	50,5	69,8	65,2	57,3	61,8	167,3
Нижегородская	100	59,7	43,3	62,0	60,2	57,5	73,7	89,2	133,9
Всего	**100**	**64,9**	**76,0**	**82,0**	**95,5**	**101,5**	**115,2**	**148,0**	**214,7**

Довольно скромными, на первый взгляд, кажутся показатели Средне-Волжских губерний. В 1906–1909 гг. в район прибывало по железной дороге сельхозмашин меньше чем в 1905 г. Уровень 1905 г. был превышен на 1,5 % в 1910 г., в 1912 г. — на 48 %, в 1913 г. — на 114,7 %, т. е. в 2,1 раза. Следует, однако, помнить, что густота железнодорожной сети на территории Нижегородской и особенно Казанской губерний была невысокой. В силу этого, как говорилось выше, перевозки по рельсовым путям не могут во всех случаях быть достаточным критерием для суждения о размерах потребления там сельхозмашин (и не только). Динамика получения Пензенской и Симбирской губерний вполне положительная — в первой оно выросло с 64 до 252 тыс. пуд., т. е. в 4 раза, а во второй — с 60 до 152 тыс. пуд., или в 2,6 раза.

Две из губерний Юго-Западного края — Киевская и Подольская — на протяжении всего рассматриваемого периода стабильно входили в лидирующую двадцатку. При этом на Киевскую губернию приходилось около половины или несколько более всего получения района. В 1905–1909 гг. показатели всех губерний оставались в общем на уровне 1905 г., или были несколько ниже его, однако с 1910 г. начинается их стабильный подъем, в итоге которого в 1912–1913 гг. они удвоились: в Киевской губернии с 452 до 914 и 883 тыс. пуд., в Подольской — с 234 до 539 тыс. пуд. в 1912 г., в Волынской — со 156 до 349 и 392 тыс. пуд.

Таблица 6.38. Получение сельхозмашин и орудий губерниями Юго-Западного района в 1905–1913 гг. (с. п.)

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Киевская	4520	4719	4768	3190	4746	5633	7052	9143	8825
Подольская	2340	2353	2301	1966	2695	3142	4429	5385	3981
Волынская	1561	1882	1817	1382	1364	1743	2866	3486	3920
Всего	**8421**	**8954**	**8886**	**6538**	**8805**	**10518**	**14347**	**18014**	**16726**

Таблица 6.38а. То же, принимая уровень 1905 г. за 100 %

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Киевская	100	104,4	105,5	70,6	105,0	124,6	156,0	202,3	195,24
Подольская	100	100,56	98,3	84,0	115,2	134,3	189,3	230,1	170,13
Волынская	100	120,56	116,4	88,5	87,4	111,7	183,6	223,3	251,12
Всего	**100**	**106,33**	**105,5**	**77,6**	**104,6**	**124,9**	**170,4**	**213,9**	**198,6**

Новороссия с точки зрения механизации сельского хозяйства занимала особое место среди других районов России. Она первенствовала по сумме получения в течение всего рассматриваемого периода. Три из пяти губерний входили, как мы помним, в число губерний 1-й категории получения, а две остальных относились ко 2-й категории. Несмотря на высокие исходные показатели 1905 г. — 3251 тыс. пуд., они удвоились в 1911 г.

Донская область, лидировавшая до 1906 г., уступила затем первую позицию, однако сохранила высокое место, получая в 1908–1913 гг. от 1,4 до 1,9 млн. пуд. Заметим, что ее показатели не отражают того качественного перелома, который фиксируется в большинстве других губерний, где проходила Столыпинская аграрная реформа. Можно предположить, что это, в числе прочего, связано и со спецификой проведения реформы в области, где агрономическая помощь к 1914 г. не успела всерьез начаться, и не могла влиять на динамику получения.

Таблица 6.39. Получение сельхозмашин и орудий губерниями Новороссийского района в 1905–1913 гг. (с. п.)

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Донская	11643	8557	10725	14080	16658	19013	17494	14940	18307
Екатеринослав.	9629	9952	9002	10477	14134	18425	22044	20692	15514
Херсонская	6304	9301	8036	7704	10568	13679	14692	15600	14255
Бессарабская	2334	2581	2073	1824	2698	3400	4198	5072	3908
Таврическая	2601	2805	3485	3611	4340	6516	7117	6398	6065
Всего	**32511**	**33196**	**33321**	**37696**	**48398**	**61033**	**65545**	**62702**	**58049**

Таблица 6.39а. То же, принимая уровень 1905 г. за 100 %

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Донская	100	73,5	92,1	120,9	143,1	163,3	150,3	128,3	157,2
Екатеринослав.	100	103,35	93,5	108,8	146,8	191,3	228,9	214,9	161,1
Херсонская	100	147,54	127,5	122,2	167,6	217,0	233,1	247,5	226,1
Бессарабская	100	110,58	88,8	78,1	115,6	145,7	179,9	217,3	167,4
Таврическая	100	107,84	134,0	138,8	166,9	250,5	273,6	246,0	233,2
Всего	**100**	**102,1**	**102,5**	**115,9**	**148,9**	**187,7**	**201,6**	**192,9**	**178,6**

Екатеринославская губерния, получавшая в 1905–1908 гг. примерно 1 млн. пуд., увеличивала в 1909–1910 гг. свои показатели ежегодно на 40 %. В 1911 г. она стала первой губернией в России, получившей более 2 млн. пуд. усовершенствованных сельхозмашин и орудий.

Прибытие сельхозтехники в Херсонскую губернию в 1906 г. выросло примерно в полтора раза в сравнении с 1905 г., в 1907–1908 гг. оно снизилось, но с 1909 г. перевалило за 1 млн. пуд. и затем не опускалось ниже 1,3–1,4 млн. пуд., что составляло 217–247,5 % уровня 1905 г.

Хотя Бессарабская и Таврическая губернии в 1905 г. получили примерно одинаковое количество сельхозмашин — 233 и 260 тыс. пуд. соответственно, но в дальнейшем во второй из них рассматриваемый процесс развивался гораздо динамичнее. Так, за 1910–1913 гг. суммарное прибытие Бессарабской губернии составило 1658 тыс. пуд., а Таврической — 2610 тыс. пуд.

Таблица 6.40. Получение сельхозмашин и орудий губерниями Левобережного района в 1905–1913 гг. (с. п.)

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Харьковская	3958	3031	3134	4096	4498	5687	8420	11877	10876
Полтавская	4906	4427	4263	2981	4339	6182	9551	11620	9294
Воронежская	1572	918	938	1703	2668	4105	5373	6934	7023
Всего	**10436**	**8376**	**8335**	**8780**	**11505**	**15974**	**23344**	**30431**	**27193**

Таблица 6.40а. То же, принимая уровень 1905 г. за 100 %

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Харьковская	100	76,6	79,2	103,5	113,6	143,7	212,7	300,1	274,79
Полтавская	100	90,2	86,9	60,8	88,4	126,0	194,7	236,9	189,44
Воронежская	100	58,4	59,7	108,3	169,7	261,1	341,8	441,1	446,76
Всего	**100**	**80,3**	**79,9**	**84,1**	**110,2**	**153,1**	**223,7**	**291,6**	**260,6**

Включение Воронежской губернии в одну группу с Харьковской и Полтавской обусловлено как схожим — весьма энергичным — ростом показателей потребления сельхозтехники, так и ходом землеустройства в них. Хотя в 1905 г. Воронежская губерния уступала более чем вдвое Харьковской и в три с лишним раза — Полтавской, ее показатели увеличились в 2,6–4,5 раза в 1910–1913 гг. Получение Полтавской губернией в 1905–1909 гг., исключая 1908 г., оставалось примерно на одном уровне — 426–490 тыс. пуд., с 1910 и особенно с 1911 г. фиксируется резкий рост его — до 1162 тыс. пуд. в 1912 г. Похожая картина наблюдается и в Харьковской губернии. Кстати, и получение этих губерний в 1910–1913 гг. практически одинаково — 3665 и 3686 тыс. пуд. соответственно. В целом же показатели региона за 1905–1913 гг. увеличились в 2,6 раза, притом в 1912 г. — в 2,9 раза.

Суммарное прибытие сельхозмашин в Нижне-Волжский район выросло за 1905–1913 гг. с 1694 тыс. пуд. до 4651 тыс. пуд. т. е. в 2,7 раза. Увеличение солидное, особенно учитывая довольно высокую начальную точку отсчета, а также и то, что в данный район, который был одним из основных потребителей сельхозтехники, входили губернии, разительно отличавшиеся друг от друга по величине железнодорожного получения сельхозмашин (но не по уровню сельского хозяйства!). Прибытие Астраханской губернии, как говорилось, рассматривать нет смысла ввиду явной неполноты имею-

щихся сведений. Саратовская и Уфимская губернии увеличили показатели в 2,3 раза, Самарская — в 4,0 раза. В 1906–1907 гг. Саратовская и Самарская губернии едва ли не в половину уменьшили показатели 1905 г., в 1908 г. приблизились к ним, а в следующем — превзошли, причем Самарская сразу на 82,9 %, а в 1913 г. стала последним предвоенным всероссийским лидером в получении сельхозмашин. Данные по Оренбургской губернии, «очищенные» от переотправок, выглядят менее убедительно — там рост составил 1,8 раза, при резком падении прибытия в 1912 г.

Таблица 6.41. Получение сельхозмашин и орудий губерниями Нижне-Волжского района в 1905–1913 гг.* (с. п.)

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Саратовская	5201	2363	3628	5088	5846	9243	8309	6056	11843
Самарская	5897	2959	3345	5867	10786	15687	12780	9948	23311
Оренбургская	4235	5809	4751	5497	5755	6023	4901	2539	7464
Уфимская	1552	1694	1352	2078	2461	3570	2833	1706	3616
Астраханская	58	25	49	77	61	37	72	78	280
Всего	**16943**	**12850**	**13125**	**18607**	**24909**	**34560**	**28895**	**20327**	**46514**

* Данные для Оренбургской губернии подсчитаны по 2-му варианту.

Таблица 6.41а. То же, принимая уровень 1905 г. за 100 %

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Саратовская	100	45,4	69,8	97,8	112,4	177,7	159,8	116,4	227,7
Самарская	100	50,2	56,7	99,5	182,9	266,0	216,7	168,7	395,3
Оренбургская	100	137,2	112,2	129,8	135,9	142,2	115,7	60,0	176,2
Уфимская	100	109,1	87,1	133,9	158,6	230,0	182,5	109,9	233,0
Астраханская	100	43,1	84,5	132,8	105,2	63,8	124,1	134,5	482,8
Всего	**100**	**75,8**	**77,5**	**109,8**	**147,0**	**204,0**	**170,5**	**120,0**	**274,5**

Однако, если мы обратимся к 1-му варианту подсчета суммы получения, то картина, естественно, будет несколько иной. Уже в 1908 г. уровень 1905 г. увеличивается почти на 3/4, а затем, после общего для всех губерний района падения прибытия в 1911–1912 гг., достигает почти 950 тыс. пуд. Соответственно, внушительнее выглядят и показатели района в целом.

Таблица 6.41б. Получение сельхозмашин и орудий губерниями Нижне-Волжского района в 1905–1913 гг.* (с. п.)

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Саратовская	5201	2363	3628	5088	5846	9243	8309	6056	11843
Самарская	5897	2959	3345	5867	10786	15687	12780	9948	23311
Оренбургская	4235	5870	4903	7379	7428	7714	6282	4725	9465
Уфимская	1552	1694	1352	2078	2461	3570	2833	1706	3616
Астраханская	58	25	49	77	61	37	72	78	280
Всего	**16943**	**12911**	**13277**	**20489**	**26582**	**36251**	**30276**	**22513**	**48515**

* Данные по Оренбургской губернии подсчитаны по 1-му варианту.

Таблица 6.41в. То же, принимая уровень 1905 г. за 100 %

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Саратовская	100	45,4	69,8	97,8	112,4	177,7	159,8	116,4	227,7
Самарская	100	50,2	56,7	99,5	182,9	266,0	216,7	168,7	395,3
Оренбургская	100	138,6	115,8	174,2	175,4	182,1	148,3	111,6	223,5
Уфимская	100	109,1	87,1	133,9	158,6	230,0	182,5	109,9	233,0
Астраханская	100	43,1	84,5	132,8	105,2	63,8	124,1	134,5	482,8
Всего	**100**	**76,2**	**78,4**	**120,9**	**156,9**	**214,0**	**178,7**	**132,9**	**286,3**

Весьма значительным следует признать рост получения в Приуральском районе — с 93 до 526 тыс. пуд., т. е. больше на 467,3 %. При этом львиная доля его приходилась на Пермскую губернию, однако Вятская должна была получать какое-то количество сельхозтехники речным путем.

Таблица 6.42. Получение сельхозмашин и орудий губерниями Приуральского района в 1905–1913 гг. (с. п.)

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Вятская	29	40	54	92	148	337	340	468	846
Пермская	898	1116	1563	1729	1809	1812	1837	1704	4413
Всего	**927**	**1156**	**1617**	**1821**	**1957**	**2149**	**2177**	**2172**	**5259**

Таблица 6.42а. То же, принимая уровень 1905 г. за 100 %

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Вятская	100	137,93	186,2	317,2	510,3	1162,17	1172,4	1613,79	2917,2
Пермская	100	124,28	174,1	192,5	201,4	201,8	204,6	189,8	491,43
Всего	**100**	**124,7**	**174,4**	**196,4**	**211,1**	**231,8**	**234,8**	**234,3**	**567,3**

Предкавказский район удвоил свои показатели в течение рассматриваемого периода. Как кажется, динамика прибытия сельхозмашин имеет здесь едва ли не самый плавный характер — нет ни резких взлетов, ни соответствующих падений, как, например, в губерниях Нижне-Волжского района. Исключение, пожалуй, составляет увеличение в полтора раза показателей Ставропольской губернии в 1913 г. до 377 тыс. пуд. с 252 тыс. пуд. в 1912 г. Кубанская область, занимавшая в 1900–1902 гг. 2-ое место в стране вслед за Донской, уже в 1907 г. превысила уровень в 1 млн. пуд., а в 1910 г. — в 1,5 млн. пуд. и сохраняла его до 1913 г. В относительном выражении доля Ставропольской губернии и Терской области в общем итоге района в 1913 г. остается практически той же, что и в 1905 г. — 30,9 и 31,7 % соответственно (28,7 % в 1912 г.).

Таблица 6.43. Получение сельхозмашин и орудий губерниями Предкавказского района в 1905–1913 гг. (с. п.)

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Кубанская	8034	9714	10235	11116	12761	15464	13825	15430	16575
Ставропольская	1574	1579	2101	2435	2466	2772	2314	2522	3773
Терская	2012	2052	2732	3129	3397	4059	3519	3681	3922
Всего	**11620**	**13345**	**15068**	**16680**	**18624**	**22295**	**19658**	**21633**	**24270**

Таблица 6.43а. То же, принимая уровень 1905 г. за 100%

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Кубанская	100	120,9	127,4	138,4	158,8	192,5	172,1	192,1	206,3
Ставропольская	100	100,3	133,5	154,7	156,7	176,1	147,0	160,2	239,7
Терская	100	102,0	135,8	155,5	168,8	201,7	174,9	183,0	194,9
Всего	**100**	**114,8**	**129,7**	**143,5**	**160,3**	**191,9**	**169,2**	**186,2**	**208,9**

Таблица 6.44. Получение сельхозмашин и орудий губерниями Степного района в 1905–1913 гг. (с. п.)

Области	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Уральская	431	321	260	352	884	1434	1341	1215	2430
Тургайская		158	494	1458	1152	1453	1329	1343	2129
Всего	**431**	**479**	**754**	**1810**	**2036**	**2887**	**2670**	**2558**	**4559**

Таблица 6.44а. То же, принимая уровень 1905 г. за 100%

Области	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Уральская	100	74,5	60,3	81,7	205,1	332,7	311,1	281,9	563,8
Тургайская	н/св.	100	312,7	922,8	729,1	919,6	841,1	850,0	1347,5
Всего	**100**	**111,1**	**174,9**	**420,0**	**472,4**	**669,8**	**619,5**	**593,5**	**1057,8**

Скромные суммарные показатели Уральской и Тургайской областей заметно увеличиваются с открытием движения по Ташкентской железной дороге, проходившей через территорию последней. С началом аграрной реформы Столыпина поток колонистов в Степной район существенно вырос. Уральская область удваивает результат 1905 г. в 1909 г., более чем утраивает в 1910 г., а в 1913 г. увеличивает в 5,6 раза. Прибытие сельхозтехники в Тургайскую область возрастает в 1913 г. более чем в 10 раз в сравнении с 1906 г.

Таблица 6.45. Получение сельхозмашин и орудий в Сибири и на Дальнем Востоке в 1905–1913 гг. (с. п.)*

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Тобольская	2176	2466	2656	3856	3855	3411	2860	2835	4745
Акмолинская	2670	7077	9236	12331	20213	10777	14734	14719	17397
Семипалатинская	н/с	67	106	236	59	н/с	н/с	16	28
Томская	1720	6696	12216	14553	12597	12373	18215	17676	23310
Енисейская	562	2336	2672	2002	1875	2313	3245	2210	2367
Иркутская	151	928	1062	548	758	1218	1415	967	884
Забайкальская	271	847	1331	724	875	1333	2675	2815	1704
Приморская	31	725	1705	1200	1180	1160	2680	2757	4147
Амурская	н/с	н/с	487	385	172	1029	1126	1191	2095
Всего	**7581**	**21142**	**31471**	**35835**	**41584**	**33614**	**46950**	**45186**	**56677**

*Подсчеты по 1-му варианту.

Таблица 6.45а. То же, принимая уровень 1905 г. за 100 %

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Тобольская	100	113,3	122,1	177,2	177,2	156,8	131,4	130,3	218,1
Акмолинская	100	265,1	345,9	461,8	757,0	403,6	551,8	551,3	651,6
Томская	100	389,3	710,2	846,1	732,4	719,4	1059,0	1027,7	1355,2
Енисейская	100	415,7	475,4	356,2	333,6	411,6	577,4	393,2	421,2
Иркутская	100	614,6	703,3	362,9	502,0	806,6	937,1	640,4	585,4
Забайкальская	100	312,5	491,1	267,2	322,9	491,9	987,1	1038,7	628,8
Приморская	100	2338,7	5500,0	3871,0	3806,5	3741,9	8645,2	8893,5	13377,4
Амурская	н/с	н/с	100,0	79,1	44,7	598,3	109,4	105,8	175,9
Всего	**100**	**278,9**	**415,1**	**472,7**	**548,5**	**443,4**	**619,3**	**596,0**	**747,6**

Таблица 6.46б. Получение сельхозмашин и орудий в Сибири и на Дальнем Востоке в 1905–1913 гг. (с. п.)*

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Тобольская	2176	1676	2498	3050	2871	1985	1394	1725	3945
Акмолинская	2670	5120	8820	9546	17817	7303	10148	12714	12396
Семипалатинская		67	106	236	59			16	28
Томская	1720	5815	11061	13090	10783	9924	15634	14786	20930
Енисейская	562	1795	2405	1426	1419	1572	2604	1557	1894
Иркутская	151	928	1062	548	758	1218	1415	967	884
Забайкальская	271	847	1331	724	875	1333	2675	2815	1704
Приморская	31	725	1705	1200	1180	1160	2680	2757	4147
Амурская			487	385	172	1029	1126	1191	2095
Всего	**7581**	**16973**	**29475**	**30205**	**35934**	**25524**	**37676**	**38528**	**48023**

*Подсчеты по 2-му варианту.

Таблица 6.46в. То же, принимая уровень 1905 г. за 100 %

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Тобольская	100	77,0	114,8	140,2	131,9	91,2	64,1	79,3	181,3
Акмолинская	100	191,8	330,3	357,5	667,3	273,5	380,1	476,2	464,3
Томская	100	338,1	643,1	761,0	626,9	577,0	909,0	859,7	1216,9
Енисейская	100	319,4	427,9	253,7	252,5	279,7	463,3	277,0	337,0
Иркутская	100	614,6	703,3	362,9	502,0	806,6	937,1	640,4	585,4
Забайкальская	100	312,5	491,1	267,2	322,9	491,9	987,1	1038,7	628,8
Приморская	100	2338,7	5500	3871,0	3806,5	3741,9	8645,2	8893,5	13377,4
Амурская	н/с	н/с	100	79,1	44,7	598,3	109,4	105,8	175,9
Всего	**100**	**223,9**	**388,8**	**398,4**	**474,0**	**336,7**	**497,0**	**508,2**	**633,5**

Таблица 6.47. Получение сельхозмашин и орудий губерниями Привислинского края в 1905–1913 гг. (с. п.)

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Варшавская	3460	4255	5121	6517	5071	5104	5610	8182	7853
Ломжинская	283	360	565	483	363	500	695	763	845
Сувалкская	195	333	407	345	457	584	745	881	1251
Петроковская	388	646	1199	1242	1073	1570	1792	2027	2091
Плоцкая	186	276	331	338	317	357	494	519	665
Люблинская	491	670	749	867	803	996	1168	1683	1912
Радомская	336	478	570	477	417	557	859	1095	1186
Келецкая	194	373	427	389	391	475	684	920	1120
Калишская	98	144	226	310	202	261	204	375	314
Всего	**5973**	**7924**	**10138**	**11744**	**9805**	**11302**	**13108**	**17733**	**18891**

Таблица 6.47а. То же, принимая уровень 1905 г. за 100 %

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Варшавская	57,9	53,7	50,5	55,5	51,7	45,2	42,8	46,1	41,6
Ломжинская	4,7	4,5	5,6	4,1	3,7	4,4	5,3	4,3	4,5
Сувалкская	3,3	4,2	4,0	2,9	4,7	5,2	5,7	5,0	6,6
Петроковская	6,5	8,2	11,8	10,6	10,9	13,9	13,7	11,4	11,1
Плоцкая	3,1	3,5	3,3	2,9	3,2	3,2	3,8	2,9	3,5
Люблинская	8,2	8,5	7,4	7,4	8,2	8,8	8,9	9,5	10,1
Седлецкая	5,7	4,9	5,4	6,6	7,3	7,9	6,5	7,3	8,8
Радомская	5,6	6,0	5,6	4,1	4,3	4,9	6,6	6,2	6,3
Келецкая	3,2	4,7	4,2	3,3	4,0	4,2	5,2	5,2	5,9
Калишская	1,6	1,8	2,2	2,6	2,1	2,3	1,6	2,1	1,7
Всего	**100**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**

Таблица 6.48. Получение сельхозмашин и орудий в Туркестане в 1905–1913 гг. (с. п.)

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Ферганская	79	49	170	195	172	560	597	540	697
Сыр-Дарьинская	н/с	582	843	1014	616	547	827	1004	1218
Закаспийская	16	16	79	72	73	75	127	62	105
Самаркандская	н/с	33	81	60	27	80	126	88	187
Бухарская	н/с	н/с	45	75	31	120	184	47	62
Всего	**95**	**680**	**1218**	**1416**	**919**	**1382**	**1861**	**1741**	**2269**
Относительный рост	100	715,8	1282,1	1490,5	967,4	1454,7	1958,9	1832,6	2388,4
Доля Сыр-Дарьинской обл.		85,6	69,2	71,6	67,0	39,6	44,4	57,7	53,7

Динамика получения сельхозмашин и орудий в Сибири и на Дальнем Востоке впечатляет вне зависимости от того, какой вариант анализа мы рассматриваем. В первом из них показатели региона увеличились в 7,5 раз, во втором — в 6,3 раза; то же относится и к результатам губерний Акмолинской — рост составляет соответственно 551,6 % и 364,3 %, Томской — 1255,2 и 1116,9 %, Тобольской — 118,1 и 81,3 %, Енисейской — 321,4 и 237,0 %. Наиболее «пострадавшей» выглядит Акмолинская губерния, особенно в 1913 г. И все же нигде, пожалуй, так зримо не видны последствия Столыпинской аграрной реформы для механизации отечественного сельского хозяйства, как в Сибири, прежде всего, Западной.

Значительный рост прибытия сельхозмашин и орудий фиксируется в Привислинском крае — 216,3 % за 1905–1913 гг. Главным получателем здесь была Варшавская губерния, на долю которой в 1905 г. пришлось 57,9 % общего итога края. Затем, однако, ее роль снижается до 51,7 % в 1909 г., 45,2 % в 1910 г. и 41,6 % в 1913 г. Поскольку при этом по абсолютной величине показатели губернии вырастают в 1912–1913 гг. в 2,3–1,4 раза в сравнении с 1905 г. и достигают 785–818 тыс. пуд., то понятно, что уменьшение удельного веса Варшавской губернии означает одновременно существенное увеличение потребления в других губерниях русской Польши. Речь идет прежде всего о Петроковской, Сувалкской, Седлецкой и Келецкой губерниях. Заметим, что этот рост связан не с аграрной реформой, а с более высоким уровнем агрокультуры в крае в целом. Здесь, как и в Новороссии, уже не нужно было убеждать крестьян в пользе усовершенствованных машин и орудий.

Огромный рост прибытия сельхозмашин и орудий в Среднюю Азию не должен вводить нас в заблуждение — основную роль в этом сыграло, опять-таки, открытие Ташкентской железной дороги, обеспечившее доступ техники в колонизуемые Сыр-Дарьинскую и Ферганскую области. Первая из них в 1906 г. сразу получила 85,6 % общего итога региона; цифра эта потом снижается до 39,6 и 44,4 % в 1910 и 1911 г., но вновь превышает 50 % в 1912–1913 гг.

Незначительно увеличились по абсолютной величине, как можно судить по таблице 6.49, и перевозки на Кавказ. Выделяется, пожалуй, только Бакинская губерния, реальное получение которой, надо думать, было еще выше за счет морских перевозок.

Таблица 6.49. Получение сельхозмашин и орудий на Кавказе в 1905–1913 гг. (с. п.)

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Елисаветпольская	44	62	66	132	154	155	201	291	270
Бакинская	111	160	196	225	273	216	390	607	749
Эриванская	131	122	92	86	109	165	215	239	132
Карская	59	76	61	50	58	93	175	227	146
Тифлисская	224	209	236	172	253	441	357	434	471
Дагестанская	59	157	46	124	58	55	43	81	93
Кутаисская	15		15			47	18	45	
Всего	**643**	**786**	**712**	**789**	**905**	**1172**	**1399**	**1924**	**1861**

Таблица 6.49а. То же, принимая уровень 1905 г. за 100 %

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Елисаветпольская	100	140,9	150,0	300,0	350,0	352,3	456,8	661,4	613,6
Бакинская	100	144,1	176,6	202,7	245,9	194,6	351,4	546,8	674,8
Эриванская	100	93,1	70,2	65,6	83,2	126,0	164,1	182,4	100,8
Карская	100	128,8	103,4	84,7	98,3	157,6	296,6	384,7	247,5
Тифлисская	100	93,3	105,4	76,8	112,9	196,9	159,4	193,8	210,3
Дагестанская	100	266,1	78,0	210,2	98,3	93,2	72,9	137,3	157,6
Всего	**100**	**122,2**	**110,7**	**122,7**	**140,7**	**182,3**	**217,6**	**299,2**	**289,4**

Попытаемся теперь в целом оценить динамику получения сельхозтехники в масштабе отдельных экономико-географических районов (таблицы 6.50 и 6.50а).

Таблица 6.50. Динамика получения сельхозмашин и орудий в 1900–1913 гг. (тыс. пуд.). 2-й вариант

Районы	1900	1901	1902	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Северный	5	4	5	10	15	24	26	26	43	49	73	98
Приозерный	56	73	38	64	100	130	134	154	167	221	299	359
Прибалтийский	169	167	149	219	191	337	372	492	414	477	576	660
Литовский	109	134	125	135	206	263	264	272	315	414	561	674
Белорусский	175	169	152	281	283	313	315	350	452	647	968	1206
ЦПР	305	308	257	355	383	361	389	321	408	593	708	888
ЦЧР	261	293	217	523	383	499	631	735	996	1092	1413	1512
Сред.-Волжский	118	146	113	332	215	252	272	317	337	382	491	713
Юго-Западный	433	559	738	842	895	889	654	881	1052	1435	1801	1673
Новороссийский	1246	1466	1785	3251	3320	3332	3770	4840	6103	6555	6270	5805
Левобережный	468	415	581	1044	838	834	878	1151	1597	2334	3043	2719
Нижне-Волжский	954	1220	1159	1694	1285	1313	1861	2491	3456	2890	2033	4651
Приуральский	33	32	25	93	116	162	182	196	215	218	217	526
Предкавказский	777	1101	1247	1162	1335	1507	1668	1862	2230	1966	2163	2427
Степной	42	110	77	43	48	75	181	204	289	267	256	456
Сибирь	405	424	695	758	1697	2948	3021	3593	2552	3768	3853	4802
Привислинский	395	479	396	597	792	1014	1174	981	1130	1311	1773	1889
Средняя Азия	10	17	29	10	68	122	142	92	138	186	174	227
Кавказ	15	33	23	64	79	71	79	91	117	140	192	186
Всего	**5976**	**7150**	**7811**	**11477**	**12249**	**14443**	**16011**	**19045**	**22012**	**24943**	**26865**	**31471**

Как можно видеть из таблиц 6.50 и 6.51, в течение всего рассматриваемого периода лидирует Новороссийский район, на который приходится 20,5–22,9 % в 1900–1902 гг., от 28,3 до 23,1 % всех перевозок в 1905–1912 гг. и 18,4 % в 1913 г. Следующую позицию занимают Сибирь и Дальний Восток, доля которых, достигнув максимума в 1907–1909 гг. (20,4–18,9 % против 6,6 % в 1905 г.), в 1911–1913 гг. составляла 14–15 %. Значительна, хотя и нестабильна, была роль Нижне-Волжского района — колебания составляют более 100 % (7,6 % в 1912 г. и 15,7 % в 1910 г.). В 1905–1913 гг. постепен-

Таблица 6.50а. То же в процентах

Районы	1900	1901	1902	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Северный	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,1	0,2	0,2	0,3	0,3
Приозерный	0,9	1,0	0,5	0,6	0,8	0,9	0,8	0,8	0,8	0,9	1,1	1,1
Прибалтийский	2,8	2,3	1,9	1,9	1,6	2,3	2,3	2,6	1,9	1,9	2,1	2,1
Литовский	1,8	1,9	1,6	1,2	1,7	1,8	1,7	1,4	1,4	1,7	2,1	2,1
Белорусский	2,9	2,4	1,9	2,5	2,3	2,2	2,0	1,8	2,1	2,6	3,6	3,8
ЦПР	5,1	4,3	3,3	3,1	3,1	2,5	2,4	1,7	1,9	2,4	2,6	2,8
ЦЧР	4,4	4,1	2,8	4,6	3,1	3,5	3,9	3,9	4,5	4,4	5,3	4,8
Сред.-Волжский	2,0	2,0	1,4	2,9	1,8	1,7	1,7	1,7	1,5	1,5	1,8	2,3
Юго-Западный	7,2	7,8	9,4	7,3	7,3	6,2	4,1	4,6	4,8	5,8	6,7	5,3
Новоросский	20,9	20,5	22,9	28,3	27,1	23,1	23,5	25,4	27,7	26,3	23,3	18,4
Левобережный	7,8	5,8	7,4	9,1	6,8	5,8	5,5	6,0	7,3	9,4	11,3	8,6
Нижне-Волжский	16,0	17,1	14,8	14,8	10,5	9,1	11,6	13,1	15,7	11,6	7,6	14,8
Приуральский	0,6	0,5	0,3	0,8	0,9	1,1	1,1	1,0	1,0	0,9	0,8	1,7
Предкавказский	13,0	15,4	16,0	10,1	10,9	10,4	10,4	9,8	10,1	7,9	8,1	7,7
Степной	0,7	1,5	1,0	0,4	0,4	0,5	1,1	1,1	1,3	1,1	1,0	1,4
Сибирь	6,8	5,9	8,9	6,6	13,9	20,4	18,9	18,9	11,6	15,1	14,3	15,3
Привислинский	6,6	6,7	5,1	5,2	6,5	7,0	7,3	5,1	5,1	5,3	6,6	6,0
Средняя Азия	0,2	0,2	0,4	0,1	0,6	0,8	0,9	0,5	0,6	0,7	0,6	0,7
Кавказский	0,3	0,5	0,3	0,6	0,6	0,5	0,5	0,5	0,5	0,6	0,7	0,6
Всего	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**

но уменьшалось значение Предкавказского района — с 10–11 % примерно до 8 %, в то время как в 1900–1902 гг. он занимал 2-е место с 15–17 % перевозок.

Группировка губерний и областей по районам позволяет по-новому подчеркнуть сложную динамику процесса нарастающего потребления сельхозтехники в годы аграрной реформы Столыпина с почти неизменным крещендо к концу рассматриваемого периода, большей частью начиная с 1909–1911 гг. Достаточно четко прослеживается зависимость рассматриваемых показателей от величины урожаев. Впрочем, изменения в соотношении отдельных районов удобнее рассматривать по трехлетиям, что дает более сбалансированную картину. Поэтому обратимся к таблице 6.51.

Рассмотрим распределение прироста перевозок в 1911–1913 гг. в сравнении с 1905–1907 гг. (данные 1900–1902 гг. ввиду величины ценза тех лет даются в основном для общего представления). Как можно видеть, наибольший вклад в него «сделан» Новороссийским районом — 8727 тыс. пуд., или 19.3 % общего увеличения, затем идут Сибирь и Дальний Восток — 7020 тыс. пуд., или 15,6 %, Левобережный (Днепровско-Донской) район — 5382 тыс. пуд., или 11,9 % и Нижне-Волжский — 5282 тыс. пуд., или 11,7 % соответственно. Весьма характерно при этом, что в 1911–1913 гг. относительно 1905–1907 гг. доля Новороссийского района в общем балансе получения сельхозмашин снижается на 3,57 %, Сибири — увеличивается на 0.76 %, Нижне-Волжского — на 0,25 %, а Левобережного — на 2,61 %.

Таблица 6.51. Динамика получения сельхозмашин и орудий в 1900–1913 гг. по трехлетиям (тыс. пуд.)

Районы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Северный	14	49	95	220	171	0,4	0,07	0,13	0,17	0,26	0,13
Приозерный	167	294	454	879	585	1,3	0,8	0,77	0,8	1,06	0,29
Прибалтийский	485	748	1278	1713	966	2,1	2,32	1,96	2,24	2,06	0,1
Литовский	368	604	851	1649	1045	2,3	1,76	1,58	1,49	1,98	0,4
Белорусский	496	877	1117	2820	1943	4,3	2,37	2,3	1,96	3,39	1,09
ЦПР	870	1099	1118	2188	1090	2,4	4,16	2,88	1,96	2,63	–0,25
ЦЧР	771	1404	2362	4018	2614	5,8	3,68	3,68	4,14	4,82	1,15
Сред.-Волжский	377	799	926	1586	787	1,7	1,8	2,09	1,62	1,9	–0,19
Юго-Западный	1730	2626	2586	4909	2283	5,1	8,26	6,88	4,53	5,89	–0,99
Новороссийский	4497	9903	14713	18630	8727	19,3	21,48	25,94	25,78	22,4	–3,57
Левобережный	1464	2715	3626	8097	5382	11,9	6,99	7,11	6,35	9,72	2,61
Нижне-Волжский	3333	4292	7808	9574	5282	11,7	15,92	11,24	13,68	11,5	0,25
Приуральский	90	370	593	961	591	1,3	0,43	0,97	1,04	1,15	0,18
Предкавказский	3125	4003	5760	6556	2553	5,7	14,93	10,49	10,09	7,87	–2,62
Степной	229	166	673	979	812	1,8	1,09	0,44	1,18	1,18	0,74
Сибирь	1524	5403	9166	12423	7020	15,6	7,28	14,16	16,06	14,9	0,76
Польша	1270	2404	3285	4973	2570	5,7	6,07	6,3	5,76	5,97	–0,33
Средняя Азия	56	199	372	587	388	0,9	0,27	0,52	0,65	0,7	0,18
Кавказ	71	214	287	518	304	0,7	0,34	0,56	0,5	0,62	0,06
Всего	**20937**	**38169**	**57067**	**83279**	**45110**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**0**

1. Суммарное получение в 1900–1902 гг. (тыс. пуд.);
2. Суммарное получение в 1905–1907 гг.(тыс. пуд.);
3. Суммарное получение в 1908–1910 гг. (тыс. пуд.);
4. Суммарное получение в 1911–1913 гг. (тыс. пуд.);
5. Разность между показателями 1911–1913 и 1905–1907 гг. (тыс. пуд.)
6. Доля района в общем приросте (%);
7. Доля района в общих итогах перевозок по стране в 1900–1902 гг. (%);
8. Доля района в общих итогах перевозок по стране в 1905–1907 гг. (%);
9. Доля района в общих итогах перевозок по стране в 1908–1910 гг. (%);
10. Доля района в общих итогах перевозок по стране в 1911–1913 гг. (%);
11. Разность показателей 1911–1913 гг. и 1905–1907 гг. (%).

Следующая по размерам увеличения прибытия группа включает ЦЧР — 2614 тыс. пуд. прироста, т. е. 5,8 % его общей величины, Привислинский — 2570 тыс. пуд., или 5,7 % Предкавказский — 2553, т. е. 5,66 %, Юго-Западный — 2283 тыс. пуд., т. е. 5,1 %, Белорусский районы — 1943 тыс. пуд., или 4,3 % соответственно. При этом доля ЦЧР в общем балансе получения сельхозтехники отдельными районами России в 1911–1913 гг. составляла на 1,15 % больше, чем в 1905–1907 гг., Белорусского — на 1,09 %, а трех остальных районов уменьшилась: Привислинского — на 0,33 %, Юго-Западного — на 0,99 % и Предкавказского — на 2,62 %.

Таким образом, несмотря на внушительный абсолютный рост показателей упомянутых районов, доля тех из них, губернии которых занимали ведущие позиции в 1905–1907 гг. (да большей частью и в 1900–1902 гг.) либо снижается, причем иногда существенно (Новороссийский, Предкавказский и Юго-Западный районы), либо возрастает сравнительно на небольшую величину (Нижне-Волжский). Увеличивается значение районов, где прогресс относительно весьма низкого исходного уровня был наиболее заметен. Кстати, показатели Сибири 1911–1913 гг. в данном случае уместнее сравнивать не с 1905–1907 гг., а с 1905 г., когда еще не начался массовый ввоз сельхозтехники за Урал.

* * *

Весьма серьезным доказательством мощного прогресса в деле распространения сельхозтехники в стране служит тот факт, что в предвоенные годы в *подавляющем* большинстве губерний, в том числе и 1-й группы, существенно возрастает число станций-получателей сельхозмашин и орудий, о чем свидетельствует таблица 6.52. Уровень распространения сельхозмашин зависел, в числе прочего, от густоты железных дорог на территории отдельных губерний. Степень вовлеченности крестьян конкретного уезда и губернии в процесс потребления техники в определенной мере зависела и от общего числа станций, находящихся на их территории. До момента начала реформы это было не очень важно для большинства губерний ввиду слабого спроса, однако по мере развертывания преобразований кое-что стало определяться наличием или отсутствием возможности купить машины и орудия сравнительно неподалеку.

Таблица 6.52 позволяет сделать еще одно заключение. Ее данные показывают, что связь между размером получения губернии в каждом году и числом станций-получателей самая прямая. А это свидетельствует, в числе прочего, и о том, что прогресс в потреблении сельхозтехники в России шел и по линии территориального расширения.

Данные нарративных источников подтверждаются «Сводной статистикой». Так, согласно отчету правительственного агронома Подольской губернии, склады сельскохозяйственных машин и орудий в 1910 г. были открыты в районах землеустройства шести уездов, в том числе и Винницком; таких складов было в уезде три — собственно Винницкий, Пиковский и Станиславческий[23]. Мы пока не знаем ближайших к двум последним складам станций, но данные «Сводной статистики» говорят, что прибытие сельхозмашин на станцию Винница, которое с 1905 по 1909 г. колебалось от 23 до 30 тыс. пуд., в 1910 г. сразу выросло до 43, в 1911 и 1912 гг. — до 47–48 тыс. пуд., снизившись в 1913 г. до 39 тыс. пуд. (см. таблицу 6.53).

В 1910 г. также был открыт Джулинский склад в Гайсинском уезде . В «Сводной статистике» данные о получении станции Джулинка до 1911 г. отсутствуют, но в 1912 г. туда прибыло 2,5 тыс. пуд., в 1913 г. — 3,8 тыс. пуд.

В том же отчете находим сведения о том, что Яланецкое сельскохозяйственное товарищество (в числе других таких же) купило только в 1909 г. «разного рода сельскохозяйственного инвентаря, маслобойных прессов... и проч. на 7282 руб.» и стало посредничать в снабжении своих членов[24]. «Сводная статистика» впервые фиксирует

Таблица 6.52. Число станций-получателей сельхозмашин и орудий в 1900–1913 гг.

Губернии	1900	1901	1902	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Архангельская	н/с	н/с	н/с	н/с	н/с	2	2	2	2	2	2	2
Олонецкая	н/с	н/с	н/с	н/с	н/с	н/с	н/с	н/с	1	2	2	2
Вологодская	2	1	1	2	4	3	7	6	6	8	8	8
Всего	2	1	1	2	4	5	9	8	9	12	12	12
Петербургская	6	5	3	10	15	15	20	19	17	18	16	21
Псковская	2	3	1	5	9	10	11	10	11	13	15	17
Новгородская	2	2	1	2	4	6	4	4	5	10	10	12
Всего	**10**	**10**	**5**	**17**	**28**	**31**	**35**	**33**	**33**	**41**	**41**	**50**
Виленская	5	4	2	5	8	8	8	13	21	15	31	32
Гродненская	9	7	2	12	13	18	16	20	19	16	26	27
Ковенская	6	5	5	9	11	13	12	14	17	18	24	26
Всего	**20**	**16**	**9**	**26**	**32**	**39**	**36**	**47**	**57**	**49**	**81**	**85**
Витебская	8	6	2	10	11	17	17	18	20	26	28	27
Минская	8	5	4	14	14	15	16	17	21	21	26	24
Могилевская	5	3	2	8	6	10	7	8	11	15	21	23
Смоленская	5	5	4	11	9	12	8	11	12	19	22	20
Черниговская	8	4	5	17	13	15	12	15	20	22	29	27
Всего	**34**	**23**	**17**	**60**	**53**	**69**	**60**	**69**	**84**	**103**	**126**	**121**
Московская	14	8	7	23	22	22	20	15	24	30	32	29
Владимирская	3	6	2	6	10	7	9	10	12	16	17	16
Костромская	н/с	н/с	н/с	1	4	1	5	5	5	5	4	7
Тверская	6	3	2	11	12	13	10	9	9	12	16	20
Ярославская	4	4	3	10	5	5	6	4	7	7	8	9
Калужская	2	2	1	4	6	6	6	7	9	16	16	17
Всего	**29**	**23**	**15**	**55**	**59**	**54**	**56**	**50**	**66**	**86**	**93**	**98**
Курская	12	12	8	26	19	22	22	28	32	34	51	44
Орловская	8	6	3	15	19	19	18	22	27	27	30	32
Тамбовская	21	7	3	28	21	20	26	34	40	41	43	43
Тульская	11	5	3	16	12	19	20	22	23	30	29	28
Рязанская	5	4	1	11	9	15	16	16	15	22	23	21
Всего	**57**	**34**	**18**	**96**	**80**	**95**	**102**	**122**	**137**	**154**	**176**	**168**
Пензенская	3	3	1	9	5	10	11	15	14	20	20	23
Симбирская	3	3	2	6	6	8	6	9	11	12	16	23
Казанская	1	1	1	3	1	1	2	3	2	3	3	3
Нижегородская	2	1	3	8	5	5	6	6	5	6	6	11
Всего	9	8	7	26	17	24	25	33	32	41	45	60
Киевская	21	22	19	44	40	41	32	43	41	50	53	54
Подольская	9	16	22	32	29	31	25	42	35	48	55	47
Волынская	10	15	9	20	25	21	20	24	19	30	37	34
Всего	**40**	**53**	**50**	**96**	**94**	**93**	**77**	**109**	**95**	**128**	**145**	**135**
Донская	42	34	27	61	55	64	64	76	75	69	72	83
Екатеринославская	28	19	15	79	82	84	94	94	105	93	107	102
Херсонская	14	24	30	47	52	44	48	53	55	60	59	54
Бессарабская	7	20	15	29	34	27	24	36	34	35	38	33

Губернии	1900	1901	1902	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Таврическая	19	13	11	30	31	31	30	32	35	36	38	33
Всего	**110**	**110**	**98**	**246**	**254**	**250**	**260**	**291**	**304**	**293**	**314**	**305**
Харьковская	25	16	16	41	36	29	34	38	42	55	73	71
Полтавская	15	13	20	43	39	35	36	41	46	50	56	54
Воронежская	15	11	5	24	20	17		30	41	41	47	49
Всего	**55**	**40**	**41**	**108**	**95**	**81**	**70**	**109**	**129**	**146**	**176**	**174**
Саратовская	31	23	21	45	26	36	43	44	52	50	51	55
Самарская	30	24	19	33	20	36	40	46	53	46	54	67
Оренбургская	9	8	7	10	11	13	13	16	15	14	13	17
Уфимская	4	3	3	8	7	8	13	10	12	13	10	14
Всего	**74**	**58**	**50**	**96**	**64**	**93**	**109**	**116**	**132**	**123**	**128**	**153**
Вятская	Н/с	н/с	н/с	1	3	2	3	4	5	8	7	11
Пермская	5	6	2	11	14	20	18	19	19	18	18	22
Всего	**5**	**6**	**2**	**12**	**17**	**22**	**21**	**23**	**24**	**26**	**25**	**33**
Кубанская	23	29	27	39	42	42	45	41	44	47	56	57
Ставропольская	7	6	6	9	10	9	11	11	9	11	11	12
Терская	9	6	6	12	15	18	18	17	18	17	21	22
Всего	**39**	**41**	**39**	**60**	**67**	**69**	**74**	**69**	**71**	**75**	**88**	**91**

прибытие сельхозтехники на станцию Яланец в 1911 г. в количестве 2,1 тыс. пуд.; в 1912 г. — 1,6 тыс. пуд.; в 1913 г. получение не достигло цензового уровня в 1,5 тыс. пуд. Агрономическая помощь в Подольской губернии началась в 1909 г.[25], и именно в этом году, как видно из таблицы 6.52 число станций-получателей сельхозмашин и орудий возросло с 25 до 42 (ранее оно не превышало 32 — показатель 1905 г.).

В 1911 г. на станцию Ловжа Витебской губернии прибыло цензовое количество сельхозмашин, в 1912 г. — 27 тыс. пуд., в 1913 г. — 34 тыс. пуд. Михаловский земледельческий кружок близ этой станции был открыт в 1907 г., Улльский — в 1908 г., Заборский — в 1910 г., Каменский — в 1911 г., Несинский — в 1912 г.[26]

В уездном центре Витебской губернии с характерным названием Городок существовал земский склад, открытый не ранее 1910 г.[27] Именно в 1910 г. эта станция впервые получила 1,5 тыс. пуд., в 1911 г. — 2,2 тыс. пуд., в 1912 г. — уже 6,1 тыс. пуд. и в 1913 г.– 11,1 тыс. пуд. Такое резкое увеличение прибытия сельхозмашин на эту станцию в 1912–1913 гг. можно связывать и с открытием земледельческих кружков близ нее в дополнение к существовавшему с 1907 г. Мариампольскому — Азарковского и Кардекского в 1911 г., Войханского в 1912 г., Трейчинского и Кашанского в 1913 г.[28]

Станция Загатьевская той же Витебской губернии начала получать небольшие количества сельхозтехники в 1912–1913 гг. — по 1,8 тыс. пуд. в каждом году. Возможно, это следствие открытия близ нее в 1911 г. Завечельского и Качско-Ореховского земледельческих кружков в дополнение к действовавшему с 1908 г. Ухвищскому кружку[29].

Станция Новодугинская Смоленской губернии появляется в «Сводной статистике» в 1912 г. с получением в 3,3 тыс. пуд., выросшим в 1913 г. до 5,3 тыс. пуд. Можно думать, что в определенной степени это вызвано расширением деятельности Каменецкого сельскохозяйственного общества, открытого в 1908 г., Гривского и Тесовского,

Таблица 6.53. Получение сельхозмашин и орудий на станциях Винница, Яланец, Джулинка Подольской губернии (в 1900–1902 гг. – тыс. пуд., в 1905–1913 гг. – с. п.)

Станции	1900	1901	1902	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Винница	36	30	32	280	322	232	292	303	439	471	479	388
Винн. Гор.		1		1			4		15	75	134	44
Яланец										21	16	
Джулинка											25	38

возникших в 1911 г., Мольгинского общества сельского хозяйства — в 1912 г. и Копорихинского общества сельского хозяйства — в 1913 г.[30]

Первые зафиксированные перевозки сельхозтехники на станцию Алтыновка Черниговской губернии — 2,8 тыс. пуд. в 1912 г. и 2,2 тыс. пуд. в 1913 г., возле которой с 1906 г. существовало Спасское сельскохозяйственное общество, возможно, связаны с тем, что в 1911 г. в этом районе возникли также Рождественское и Корыльское, а в 1912 г. Алтыновское и Атюшское[31].

Вышесказанное, конечно, не противоречит тому, что в получении указанных станций отразились и результаты деятельности частных торговцев сельхозтехникой, а, возможно, и филиалов земских складов. Источники позволяют умножить число подобных примеров.

Это подтверждает мысль о том, что увеличение парка сельхозтехники происходило как за счет «старых», более или менее освоенных в этом смысле местностей, так и за счет новых. Данные примеры, полагаю, более чем наглядно показывают также реальные возможности «Сводной статистики» в детализации самых разных сюжетов. Здесь еще раз необходимо подчеркнуть, насколько важна для понимания изучаемых процессов величина ценза получения станций, каким эффективным может быть анализ перевозок, если ценз невелик.

Итак, потребление усовершенствованных сельхозмашин и орудий в России в годы накануне Первой мировой войны резко возрастает.

Попытаемся теперь выяснить причины этого явления.

§ 6.5. ФАКТОРЫ, ВЛИЯВШИЕ НА ПОТРЕБЛЕНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ МАШИН И ОРУДИЙ

В § 6.1 автор этих строк сообщил, что главной причиной бурного роста потребления сельхозтехники в России в предвоенные годы была Столыпинская аграрная реформа, развернувшая агрономическую помощь в тех губерниях Европейской России, где она отсутствовала, и значительно усилившая ее там, где она уже существовала. Однако, прежде, чем перейти к анализу влияния агрономической помощи на процессы механизации отечественного сельского хозяйства, необходимо остановиться на тех факторах, которые определяли течение данных процессов вне зависимости от наличия или отсутствия реформы. Кое-что об этом мы уже знаем, однако пока этого явно недостаточно.

В литературе, продолжающей традиции натурально-хозяйственного подхода к аграрному развитию России, зачастую дело представляется так, будто главным препятствием для внедрения новой техники была слабая покупательная способность крестьян. Это верно, но лишь отчасти. Нельзя не заметить, что в историографии этого направления роль указанного фактора несколько преувеличивается, притом в понятных и как бы «корыстных» целях. К тому же, если следовать логике большинства работ этого направления, то утверждение об отсутствии якобы денег у крестьян противоречит заявлениям о хорошей конъюнктуре рынка, высоких урожаях в годы реформы в стране в целом и других явлениях, которые должны были увеличивать количество наличных денег у крестьян.

Если же говорить конкретно, то покупательная способность разных слоев деревни всегда была разной, не говоря уж о региональных различиях в этом отношении. Не следует забывать также, что и само понятие «усовершенствованные машины и орудия» включало изделия в довольно широком диапазоне цен — от плуга, стоившего часто менее 10 руб., до триера и молотилки с нефтяным двигателем, за которые платили 150–300 руб. К тому же не все машины и орудия были жизненно необходимы крестьянину именно на данном конкретном этапе развития его личного хозяйства.

Вместе с тем источники убедительно показывают, что трудности финансового плана не следует *чрезмерно* преувеличивать. Покупатель усовершенствованной техники в эти годы всегда мог использовать конкуренцию цен между фабричными производителями (что и делали часто земства, продавая затем орудия крестьянам на льготных условиях), между фабрикантами и кустарями, что было особенно важно для Нечерноземья. Были и другие способы преодоления материальных затруднений — аренда сельхозмашин у соседей (по данным известного обследования 12-ти землеустроенных уездов так поступала пятая часть хозяев), а также покупка их на «товарищеских началах». Признавая покупательную способность conditio sine qua non, обратимся к ситуациям, когда *не* отсутствие денег было препятствием для распространения агротехники.

На величину потребления сельхозтехники влияли факторы, если так можно выразиться, разнопорядковые.

Во-первых, для начала XX в. можно говорить об *уже сложившемся* общем уровне потребления отдельных губерний. То, что одна губерния получала в каком-либо году, к примеру, 30 тыс. пуд., другая — 200 тыс. пуд., а третья — 700 тыс. пуд. сельхозмашин (а за каждой из этих цифр, как мы уже знаем из параграфа 6.2, стоял конкретный уровень обеспеченности техникой) определялось целым комплексом причин. Среди них: предшествующая история сельского хозяйства в данной местности, особенности ее социально-экономического развития, уровень сельскохозяйственной культуры и культуры вообще, степень развития зернового хозяйства, мера его *нацеленности* на товарность и соответственно ее степень, природные условия и др.

Низкий уровень потребления существует как бы имманентно, а средний и высокий — достигаются со временем. Если это произошло, и какое-то время потребление составляет примерно одну величину, оно, естественно, меняется в конкретные годы, но это лишь отклонения от некой константы. Для попятного же движения к прежнему уровню необходима как минимум гражданская война.

Но чем определялись эти отклонения?

При любом уже достигнутом уровне потребления (низком, средне-низком, среднем и т. д., который может быть выражен количественно) конкретные размеры закупок населением сельхозмашин, как и других массовых товаров (мануфактуры, сахара и др.) — очень сильно зависели от величины урожая в данном конкретном году в какой-либо губернии. «Урожай хлебов и отчасти трав является одним из важнейших факторов, влияющих на успех операций сельскохозяйственных складов»[32], — говорится, в частности, в отчете Переселенческого управления.

Конечно, более чем двукратный рост получения сельхозмашин Самарской губернией с 995 тыс. пуд. в 1912 г. до 2331 тыс. пуд. в 1913 г., позволил ей переместиться на 1-е место в стране, был связан с небывалым урожаем этого года. Вот как описывает ситуацию бывший член Первой думы И. И. Пустовойтов, житель Покровской Слободы: «Урожай у нас в 1913 году великолепный... но уборка была безумно дорогая. Помилуйте, виданное ли дело, чтобы рядовой рабочий получал в день 2 р. 50 к., а баба 1 р. 50 к. В 1912 г. урожай был тоже хороший, но высшая цена рабочему была 1 р. Но это что. Если бы не киргизы, которые пришли из Астраханской губернии, а частью из Уральской области, иногда за 300–400 верст, и умерили хоть немного цены, то последние дошли бы в разгар уборки хлеба до 5 рублей в сутки. Сколько платили на пристанях при погрузке хлеба с вагонов и возов на баржи, можете судить по следующему примеру. У нас в Покровской Слободе грузчики зарабатывали в последний месяц навигации до 7 рублей в сутки. Заметьте ко всему этому...что все наши сколько-нибудь крупные посевщики обзавелись за последние годы усовершенствованными сельскохозяйственными орудиями для уборки хлебов и трав: жатками-лобогрейками, кое-где жатками-сноповязалками, косилками. Для обработки почвы местами вы уже встретите у крупных посевщиков выписанные из Америки тракторы. И тем не менее, несмотря на баснословный урожай, все наши так называемые в народе „крахмальные посевщики“ (т. е. более зажиточные крестьяне, одевающиеся по-городски) частью только оправдают расходы, частью потерпят даже большие убытки»[33].

«Отчетный 1912 год получил плохое наследство от своего предшественника. Метеорологические условия 1911 года сложились очень тяжело для сельского населения Поволжских, Приуральских, Западно-Сибирских и некоторых примыкающих к ним губерний» — говорится в статье «Внутреннее производство сельхозмашин и орудий в 1912 г. и привоз их в Россию» — «Тяжелые условия, помимо почти полного недорода хлебов, усилились еще более отсутствием кормов для скота и крайне плохим состоянием выгонов... В остальных частях России условия погоды были в общем благоприятны как для развития, так и созревания озимых и яровых, вследствие чего урожай хлебов здесь получился вполне удовлетворительный, а местами (в Юго-Западном, Малороссийском и ЦЧР) даже хороший», что, тем не менее, не смогло компенсировать недобора в отмеченных выше районах, — по России в целом в 1911 г. было собрано на 260 млн. пуд. меньше среднего за предшествующее 5-летие. «Все это не могло не отразиться на покупательной и платежной способности сельского населения восточных губерний Европейской России и западных Азиатской, а вместе с тем и на сбыте земледельческих машин со складов осенью 1911 и весной 1912 г.»[34].

На размеры потребления влияли и другие составляющие конъюнктуры рынка: «Высокие цены на сырье и топливо и плохой урожай 1911 г. должны были сыграть роль тормоза в деятельности сельскохозяйственных машиностроительных заводов. И действительно, производство сельхозмашин и орудий в 1912 г. хотя и возросло сравнительно с 1911 г., но не особенно значительно и не во всех частях России: в районах, строящих машины для Поволжья и Сибири, оно подверглось даже некоторому сокращению». Из-за роста цен на сырье и уголь владельцы 18-ти крупнейших фирм страны решили поднять цены на 5 %[35].

Итак, годичные колебания потребления сельхозмашин и орудий в основном зависели от урожая и рыночной конъюнктуры (в широком смысле) данного года.

Напомним еще раз, что были причины, совершенно объективно ведущие к усилению использования сельхозтехники. Так, для степных Новороссии и Юго-Востока применение машин было необходимостью, вызванной, прежде всего, недостатком рабочих рук. Большие размеры казачьих наделов в Донской и Кубанской областях, безусловно, сыграли свою роль в том, что на эти две области в начале века приходилась пятая часть всего получения сельхозмашин и орудий по железной дороге. Источники, как мы уже знаем, отмечают, что нехватка и соответственно дороговизна рабочих рук, особенно в период жатвы, прямо стимулировали внедрение машин, прежде всего уборочных, в Новороссии задолго до начала Столыпинской аграрной реформы.

Однако само по себе наличие объективных факторов, способствовавших распространению сельхозмашин, никак не означало их немедленной реализации. Даже в соседних волостях одного уезда обеспеченность агротехникой иногда была различной. Так, в Тираспольском уезде Херсонской губернии «буккером совершенно не пользовались волости западного района и из центрального — Александровская, Антоно-Кодинцовская, Гильдендорфская и Нейфрейдентальская; интенсивность пользования этим орудием убывает от востока к западу; так по Бугу под буккер засевается 50–75 % всех полей, в Антоно-Кодинцовской и Нейзацкой уже 33 %, в Нейфрейдентальской — 20 %; ... исключение представляет волость Гильдендорфская: в ней под буккер изготовляются все посевы (100 %), тогда как в смежных волостях этим орудием совершенно не пользуются»[36].

Источники содержат довольно богатую палитру конкретных житейских ситуаций, способствовавших приобщению крестьян к сельхозтехнике, которое само по себе не было ни легким, ни простым. Этот процесс в отдельных местностях (губерния, как мы уже знаем, слишком большая территориальная единица для рассуждений такого рода) не всегда шел по схожим сценариям.

«С 1905 г. склад (Балашовский уездный земский. — *М. Д.*) начал отпускать рядовые сеялки... Надо сказать, что первый толчок к распространению сеялок дал не склад, а кустарь Шилин... В 1903 году он получил... девятирядную сеялку кустарного изделия, довольно простого устройства... произвел пробный посев. Сначала крестьяне отнеслись к пробному посеву с большим *недоверием*. Они никак не могли примириться с тем, что между рядами пропадает такое большое количество земли. Но хорошие результаты посева убедили двух или трех домохозяев в выгодности посева сеялкой, и они приобрели сеялки у Шилина, приступившего к производству»[37].

Вот, например, как началось распространение уборочных машин в Ялуторовском уезде Тобольской губернии: «В период 1896–1903 гг. жатки покупались только очень зажиточными крестьянами. В 1904 г., когда цвет рабочего населения был призван для войны, население из-за возникшего недостатка рабочих рук было вынуждено к приобретению жатвенных машин, иначе большую часть хорошего урожая в этом году пришлось бы оставить неубранной. В этот год население охватила настоящая машинная горячка, и в складах Ялуторовска, Тюмени и Кургана были раскуплены все машины. Склад ... только что начавший свою деятельность, был осаждаем крестьянами, которые массами располагались у дверей склада и по неделе ожидали прибытия новой партии машин. За 1904 год количество машин в уезде более чем утроилось, достигнув до 400 с лишним штук... Все население уезда этого времени убедилось в выгодности машинной уборки и распространение жаток пошло вперед быстрым темпом, достигнув теперь более 1800 жатвенных машин»[38].

В источниках под 1913 г. отмечается, что в Западной Сибири спрос на рядовые сеялки, в основном крестьянского типа, растет с каждым годом, «чему способствует очевидное, резко бросающееся в глаза преимущество рядового посева — особенно в засушливые годы. Сведения о пользе рядового посева проникают в деревню несколькими путями: через переселенцев с Юга России, где уже довольно давно применяется сеялка и в крестьянском хозяйстве; через склады сельхозмашин и орудий, заведующие которыми демонстрируют работу рядовых сеялок, а также и другими способами стараются доказать пользу рядового посева, например, раздачей популярных листков и брошюр... наконец, в последнее время сказывается в этом направлении и работа агрономических организаций — *недаром русские агрономы считают введение рядовой сеялки в обиход крестьянского полеводства одним из лучших средств побудить крестьянина к лучшей обработке его полей, так как рядовая сеялка для своего применения требует хорошо разделанной почвы*»[39].

Показателен и следующий, например, эпизод. Неурожай 1911 г. негативно сказался на операциях упоминавшегося Балашовского склада — остались непроданными 800 заготовленных сеялок. Однако «засушливая весна и лето (1912 г. — *М. Д.*) показали... крестьянам, что посевы, произведенные сеялкой, оказались несравненно более устойчивыми, чем посевы ручные, и поэтому урожай на первых относительно получился выше. Это обстоятельство заставило крестьян озаботиться приобретением сеялок с осени, чего ранее почти совсем не наблюдалось»[40].

Число примеров такого рода легко умножить, но едва ли это необходимо. Подобные факты, конечно, способствовали росту потребления машин и орудий в ограниченном районе, но, разумеется, не могли создать *массовую базу* для мощного поступательного движения в сторону механизации сельского хозяйства, не могли переломить общую ситуацию с сельхозтехникой в стране.

Крайне важно отметить, что даже в степных губерниях, в регионе, прямо ориентированном на товарное земледелие, зерновом центре Империи, где потребление сельхозмашин было неизбежным и необходимым следствием общей хозяйственной ситуации, дороговизны рабочих рук и т. д., эти обстоятельства не отменяли едва ли не *главного препятствия* на пути агрономического прогресса, отмечаемого множеством источни-

ков, а именно: *недоверчивости крестьян к новациям*, во многом вытекавшей из низкого культурного уровня, а шире — фундаментальных особенностей их психологии.

«Боязнь всякого рода новшеств»[41] множеством свидетельств того времени называется среди факторов, серьезно затруднявших деятельность Землеустроительных комиссий. Вот лишь несколько примеров на эту тему: «...*При недоверчивом отношении* крестьян к предлагаемым нововведениям, устройство показательных мер требовало нередко значительных расходов...»; «Пока советы агрономического персонала не приобрели должного *доверия* со стороны крестьян...»; «В первые годы деятельности организации хуторяне *недоверчиво* относились к предложению агрономов организовать на их землях показательные поля. Однако сама жизнь приводит хуторян к решению установить правильный севооборот»[42]; «Нельзя сказать, чтобы первые чтения привлекали много слушателей и вызывали большое внимание и интерес крестьян... К советам и указаниям на чтениях большинство относилось *недоверчиво*: смущало то, что неизвестно почему появился человек, называющий себя агрономом, который теперь приезжает сообщать, как надо вести крестьянское хозяйство; было скептическое отношение к тому — знает ли этот агроном сам хорошо то, что говорит, умеет ли практически заниматься сельским хозяйством; не верилось в возможность многого, что рекомендует агрономом, применить к крестьянском хозяйстве»; «Несмотря на значительное еще *недоверие* к агрономическому персоналу, о котором говорилось выше, все же спрос на семена кормовых растений для показательных посевов был значителен»; «Год существования, кроме того, насчитывают немногие (прокатные) пункты, большинство их оборудовано только к осени. Во многих местах население *боялось* брать казенный инвентарь убежденное, что за пользование им последуют какие-то налоги» [43]; «Не всегда и не все те средства, которыми Комиссия (землеустроительная. — *М. Д.*) действует по пути улучшения сельского хозяйства, достигали своего полного значения: с одной стороны, в силу еще малого периода времени испытания того или иного мероприятия, с другой — в *силу той косности и предубежденности ко всяким новшествам*, с которыми относится население к предлагаемым улучшенным способам хозяйничанья»[44].

Эта недоверчивость была совершенно естественным качеством крестьян, притом не только российских. Б. Н. Миронов пишет по этому поводу, что циклическое восприятие окружающего мира крестьянством рождало «его недоверчивость ко всяким переменам, всяким нововведениям, будь они хорошими или плохими, и традиционализм, который по крайней мере гарантировал сохранение того, чем человек обладает в данный момент»[45].

Не всех крестьян было так просто убедить в необходимости использования сеялок, как «легковерных» балашовцев и сибиряков. К примеру, накануне войны «более сложные и дорогие орудия» в Вятской губернии земскими складами продавались «в очень ограниченном размере», но земцы рассчитывали, что, «несомненно, спрос на них сильно увеличится, когда население в массе познакомится с выгодностью их применения в своем хозяйстве»[46]. То есть, для крестьян этой губернии, в которой земская агрономическая помощь началась едва ли не раньше всех в стране, польза сеялок и жаток даже в 1913 г. не была вполне очевидной. Как показывает пример кустаря Шилина, крестьяне осторожно относились не только к тому, что исходило от «господ». Но он же (пример)

говорит о возможных путях преодоления этой недоверчивости, повторимся, вполне естественной и понятной, особенно применительно к традиционному обществу. И земства, по-настоящему заинтересованные в подъеме сельского хозяйства своих губерний, раньше других осознали, что единственный путь победы над тем, что они называли крестьянской косностью, — *путь убеждения, сила примера*.

К числу таких земств относилось Полтавское (губернское и многие уездные). В 1910 г. подворно-хозяйственная перепись в этой губернии зафиксировала следующее труднообъяснимое, «изумительное» различие в технике посева крестьянских хлебов между отдельными уездами. В Константиноградском уезде на каждые 7 крестьянских хозяйств уже была одна рядовая сеялка, а в Прилукском «одна рядовая сеялка совершенно терялась среди 876 хозяйств, сеющих руками». Такое различие не могло не привлечь внимания местных специалистов, и они попытались выяснить причины этого феномена: «Казалось бы, что все уезды находятся в приблизительно одинаковых условиях и почвы, и климата и других экономических и культурных условиях».

Немалый интерес в этом смысле представляет прием, который применялся Константиноградской земской управой в самом начале ее деятельности по распространению рядовых сеялок в уезде, в 1890-х гг. Бывший председатель управы, которому в то время пришлось по должности руководить деятельностью открытого при управе земского склада сельхозмашин и орудий, так вспоминает о том, как он «с большими усилиями пробивал первые бреши в стене инертности и упорной приверженности наших крестьян к дедовским приемам обработки земли и посева». Уездная управа решила «почти насильно распространить сеялки в уезде». Для этого во все волостные правления были разосланы по 2–3 сеялки в каждое. Волостным старшинам было поручено лично сдавать их на прокат за минимальную плату — всего за 30 коп. в день. «Для большего подкрепления усердия» волостных старшин в деле пропаганды рядового посева им была обещана особая денежная премия из земских сумм.

Заметим, что тогда ни агрономов, ни прокатных станций в уезде еще не было, и волостные урядники были единственными агентами земств на местах. Их деятельность оказалась настолько успешной, что «через три года уже не было отбоя от желающих пользоваться» прокатными сеялками. Цена за пользование возросла уже до 1 руб. в день. Эти сеялки проработали всего пять лет и затем были проданы за полцены. Прокат сеялок из волостных правлений был прекращен, «т. к. задача этой организации была исполнена; население ознакомилось с выгодами новой машины и склад орудий при земской управе начал продавать их по 300–400 штук ежегодно... Население стало широко и неустанно приобретать и пользоваться рядовыми сеялками»[47].

Таблица 6.54 показывает, что Константиноградский уезд концентрировал наибольшую долю всех видов машин среди уездов Полтавской губернии, причем его отрыв от остальных уездов был очень велик (исключая веялки). Безоговорочное первенство удивительным образом сочеталось со «странным фактом, а именно, что в деле распространения полезных орудий, улучшающих технику сельского хозяйства, грамотность населения не играет никакой роли. Скорее даже как будто наоборот». Согласно данным газеты «Хуторянин» (№ 51 за 1911 г.), в отношении грамотности Прилукский уезд занимал первое место в губернии (32 % грамотных), а Константиноградский — первое место

Таблица 6.54. Численность сельхозмашин в уездах Полтавской губернии (шт. и %)

Уезды	Сеялки	Жатки	Моло-тилки	Веялки	Сеноко-силки	Конные грабли	Сеялки	Жатки	Моло-тилки	Веялки	Сеноко-силки	Конные грабли
Полтавский	2174	801	1027	2993	171	425	13,3	7,5	7,3	5,9	13,8	9,3
Гадячский	345	186	463	2873	26	88	2,1	1,8	3,3	5,7	2,1	1,9
Зеньковский	620	187	342	2182	38	106	3,8	1,8	2,4	4,3	3,1	2,3
Золотоношский	668	433	690	3492	68	213	4,1	4,1	4,9	6,9	5,5	4,7
Кобелякский	1193	1150	1786	5206	86	562	7,3	10,8	12,7	10,3	7,0	12,3
Константиноград.	6550	4004	3302	7154	447	1589	40,0	37,7	23,5	14,1	36,1	34,9
Кременчугский	846	1015	1842	2757	70	339	5,2	9,6	13,1	5,4	5,7	7,4
Лохвицкий	220	250	402	3061	26	99	1,3	2,4	2,9	6,0	2,1	2,2
Лубенский	553	445	459	2024	58	213	3,4	4,2	3,3	4,0	4,7	4,7
Миргородский	730	318	581	2881	28	145	4,5	3,0	4,1	5,7	2,3	3,2
Переяславский	236	212	405	2510	27	81	1,4	2,0	2,9	5,0	2,2	1,8
Пирятинский	796	345	500	3222	46	183	4,9	3,2	3,6	6,4	3,7	4,0
Прилукский	268	221	383	3680	58	93	1,6	2,1	2,7	7,3	4,7	2,0
Роменский	229	347	785	3735	22	84	1,4	3,3	5,6	7,4	1,8	1,8
Хорольский	940	702	1079	2929	66	338	5,7	6,6	7,7	5,8	5,3	7,4
Всего	**16368**	**10616**	**14046**	**50699**	**1237**	**4558**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**

Источник: Сельскохозяйственные машины и орудия... в 1910 г.

по безграмотности (21 % грамотных)[48]. Между тем, по обеспеченности сельхозтехникой Прилукский уезд, как показывает таблица 6.54, был одним из аутсайдеров.

Здесь уместно сделать важное замечание о том, что, хотя само по себе применение сельхозмашин было *очень важным индексом перемен* в сельском хозяйстве, но, притом, вопреки распространенному мнению, оно совсем не означало автоматического повышения уровня агрокультуры. Вот что писал по этому поводу на рубеже веков екатеринославский губернский агроном Протопопов: «Хотя применение улучшенных земледельческих орудий для обработки полей у крестьян и приняло уже общий характер, но оно в общем направилось не на улучшение обработки почвы, а на расширение запашек»[49]. Напомним, что точно такую же мысль относительно роли машин и орудий в полеводстве высказывает правительственный инспектор Ставропольской губернии в отчете за 1911 г. (см. выше). «Что усовершенствованные орудия применены не так, как бы следовало» — продолжает Протопопов — «что обработка земли в качественном отношении нисколько не выиграла, это доказывается, с одной стороны, всеобщими жалобами на засоренность полей, а с другой — слабою и все падающею из года в год среднею урожайностью, которая, например, в более благоприятный 1897/98 год определилась: для пшеницы в 43 пуда, для ржи в 41 пуд, для ячменя в 15 пудов. Однако и для этой урожайности нужно еще сбросить 10 % излишней сорности»[50].

Один из подчиненных Протопопова не без профессионального сарказма развивает тему: «Опыт показывает, что применение в бессистемном полеводстве усовершенство-

ванных орудий дало возможность сельским хозяевам увеличить запашки, уменьшить толоки и сенокосы, сократить скотоводство, развести в изобилии бурьяны и всех родов полевых вредителей, а средняя урожайность главнейших хлебов упала: ржи и ячменя до 45 пудов с десятины; пшеницы — до 40 пудов. При такой низкой средней урожайности и средних ценах на хлеб, очевидно, и речи быть не может о поднятии местного сельского хозяйства вообще и благосостоянии крестьянского населения, в частности»[51].

Российскому сельскому хозяйству было нужно нечто большее — и существенно большее — нежели простое увеличение парка сельхозтехники, хотя оно и являлось одним из совершенно необходимых условий движения вперед.

Земство ничего не могло сделать с общиной, тормозившей аграрный прогресс (это мнение не противоречит возможности проведения *отдельных* агрономических улучшений в рамках *«отдельно взятых»* общин). Однако земцы могли как-то действовать и в рамках существовавшей ситуации. Для выхода из системного кризиса деревне был необходим комплекс мер, который мог бы убедить крестьян не только в целесообразности применения сельхозмашин и орудий, но и в пользе агрономических знаний вообще, который мог принципиально изменить их (крестьян) отношение к сельскохозяйственному производству. В этом смысле рост потребления сельхозмашин и орудий был необходимым и значительным, но отнюдь не единственным компонентом. Крестьян нужно было *убедить*, заставить *поверить*. А затем уже начинали работать законы коллективной психологии, хорошо известные специалистам по маркетингу. Иного варианта, кроме максимально возможного приближения агрономии к крестьянским полям, кроме «демонстрации на местности» в прямом и переносном смысле у земцев не было.

Так в России возникла агрономическая помощь.

§ 6.6. АГРОНОМИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫХ СЕЛЬХОЗМАШИН И ОРУДИЙ

Обзор истории агрономической помощи в России содержится в Приложении к данной монографии.

Здесь мы ограничимся лишь несколькими замечаниями самого общего характера.

Идея агрономической помощи непозволительно долго отвергалась большинством земств. До 1890-х гг. некоторые из них проводили экономические мероприятия, но они носили достаточно случайный, хаотичный характер, и губернии, в которых были агрономические организации, можно было пересчитать буквально по пальцам одной руки.

Ситуация начала медленно изменяться после голода 1891 г. В 1890-х – начале 1900-х гг. в стране впервые появилась действующая агрономическая организация, намечены пути и определены формы агрономической помощи и др. Отдельные земства, наконец, осознали, что содействие главной отрасли экономики страны, которая дает средства к существованию 75 % ее населения, все же является одной из задач их деятельности.

Поэтому в ряде губерний — приуральских, новороссийских и некоторых других уже в конце XIX в. функционировала земская уездная агрономия, работали сельскохо-

зяйственные склады, были созданы опытные поля, прокатные станции сельхозмашин и орудий, зерноочистительные обозы, ставшие как бы агрикультурными «миссиями», устраивались выставки сельскохозяйственного и кустарного производств, — словом, велась большая просветительская работа, медленно, но верно приносившая плоды.

С середины 1900-х гг., развитие земской агрономии значительно ускорилось. Увеличились земские ассигнования, расширялись показательные мероприятия, сельскохозяйственное опытное дело, земства сотрудничают с кооперативами, появляются союзные организации земств по закупке земледельческого инвентаря, семян и пр., а также по сбыту сельскохозяйственных продуктов, кустарных изделий и т. д.[52]

Нет никакого сомнения в том, что этот подъем в огромной степени был инициирован Столыпинской аграрной реформой. Источники оставляют устойчивое ощущение, что, не будь реформы, агрономическая помощь по-прежнему оставалась бы достоянием тех немногих земств, которые начали ее в конце XIX – начале XX вв. С 1908–1909 гг. агрономическая помощь стала одним из важнейших направлений деятельности землеустроительных комиссий и других правительственных органов. Земства стали получать большие субсидии от казны, что не замедлило сказаться не только на общем объеме финансирования сельского хозяйства, но и на уровне аграрного развития страны в целом.

За 1895–1913 гг. расходы земств 34-х староземских губерний на сельскохозяйственные и экономические мероприятия выросли в 17,3 раза, достигнув довольно внушительной суммы в 16,2 млн.руб., причем за годы Столыпинской аграрной реформы 1906–1913 гг. они почти учетверились, а за 1911–1913 гг. увеличились в 1,8 раза[53]. Для подкрепления нашего тезиса о серьезных сдвигах в перевозках сельхозмашин и орудий в 1910–1913 гг. очень важен тот факт, что за эти четыре года на нужды агрономической помощи (в широком смысле) было в сумме ассигновано больше, чем за предыдущие пятнадцать (!) лет, с 1895 г. по 1909 г. — 49645 тыс. руб. против 47275 тыс. руб.[54]

За цифрами ассигнований стоят сугубые реалии жизни деревни — степень знакомства крестьян с агрономами и агрономией, правильными севооборотами, с травосеянием, с удобрениями, с улучшенными орудиями, со всем тем, что открывало новую перспективу российской деревне.

Одной из важнейших и наиболее действенных составляющих агрономической помощи стала участковая агрономия. Если в 1906 г. в стране насчитывалось лишь 10 земских агрономических участков в 2-х губерниях и 2-х уездах, то в 1913 г. их насчитывалось свыше полутора тысяч в 341 уезде 34-х губерний[55].

Отсюда — естественный рост среднего и низшего агрономического персонала, с которым крестьянство непосредственно сталкивалось на своих наделах. Эти люди взяли на себя миссию приобщения земледельцев к достижениям сельскохозяйственной науки. Труд это был нелегкий, сколько можно судить по земским материалам, содержащим своего рода педагогическую пусть не поэму, но балладу, притом же, хотя и посвященную жизни деревни, но отнюдь не буколического свойства.

За 1907–1913 гг. число среднего и низшего агрономического персонала выросло с 231 до 3429 человек, т. е. в 14,8 раз, а за 1910–1913 гг. в 4,5 раза[56]. Заметим, что в это число не входят агрономы землеустроительных комиссий.

Разумеется, и в 1913 г., как и в 1890-х гг., на агрономическом поприще были губернии-лидеры и губернии-аутсайдеры, однако показательно, что в основном первенствовали те земства, которые и прежде уделяли агрономической помощи большое внимание. Поскольку степень напряженности сельскохозяйственной работы отдельных земств была различной, то не слишком удивительны поэтому и различия в темпах потребления сельхозмашин и орудий, в подготовленности крестьян к нововведениям в агрикультуре и т. д. Связь между вниманием земства данной губернии к сельскому хозяйству и потреблением сельхозтехники в ней, а равным образом и успехом Столыпинской аграрной реформы — в целом несомненна.

Один из уездных агрономов Херсонской губернии отметил в своем отчете: «Всякое нововведение в крестьянском хозяйстве являлось результатом и показательного поля, и демонстрирования машин и продолжительных бесед, и проч. Чтения вызывают интерес и объясняют, а показательное поле убеждает в справедливости прочитанного. Одно связывает другое, и оба должны идти рука об руку»[57].

Однако поскольку данная глава посвящена, прежде всего, процессу механизации отечественного сельского хозяйства, то в первую очередь нас интересуют факты, свидетельствующие о развитии потребления сельхозтехники. Поэтому необходимо — вслед за источниками — особо остановиться на роли прокатных станций и складов (земских, правительственных и общественных) в этом процессе. На примере некоторых губерний Европейской России, представляющих разные районы страны, мы попытаемся оценить влияние прокатных станций на распространение усовершенствованных машин и орудий в отечественном сельском хозяйстве, имея в виду, что в данном направлении также активно действовали и другие мероприятия, проводимые в рамках агрономической помощи.

Заметим, что в данном параграфе не рассматривается *специально* обеспеченность крестьянских хозяйств сельхозтехникой, условия сдачи орудий в прокат, условия продажи сельхозтехники земскими складами — это отдельная большая тема.

Нас интересует лишь «просветительский» аспект деятельности прокатных станций и складов, а также его внешние проявления. Свидетельства, приводимые ниже, если так можно выразиться — разноуровневые. Под этим имеется в виду следующее. Факты, с некоторой гордостью приводящиеся в отчетах по, скажем, Нижегородской губернии и призванные иллюстрировать достижения агрономической помощи («плуги стали ходовым товаром»), вызвали бы улыбку специалистов Екатеринославской и соседних с ней губерний, где на повестке дня стояли проблемы другого качества. Тем не менее *все* приводимые примеры так или иначе важны как индексы начавшегося движения вперед, ибо и на Юге когда-то ситуация была аналогичной.

В обзоре ГУЗиЗ «Агрономическая помощь в районах землеустройства за 1913 год» (Пг., 1915) говорится, что «повышение урожаев и доходности на показательных полях и участках имело своим непосредственным результатом массовое применение крестьянами различных приемов земледельческой техники, которые почти или вовсе не были известны населению до возникновения агрономической организации... Погубернские отчеты изобилуют примерами, свидетельствующими, что влияние показательных мероприятий сказывается почти тотчас по введении агрономической организации и затем усиливается с каждым годом»[58]. Показательные поля и участки, на которых применялся улучшенный

сельскохозяйственный инвентарь, стимулировали увеличение, а иногда и появление спроса у местного населения на рядовые сеялки, железные бороны, экстирпаторы и т. д.

Среди показательных мероприятий как собственно земских, так и проводившихся землеустроительными комиссиями, важное место занимала деятельность прокатных станций сельхозмашин и орудий, а также зерноочистительных пунктов (обозов). Во-первых, они должны были знакомить крестьян с улучшенным инвентарем и доказывать выгодность его применения, в чем выражалось, по мнению устроителей, показательное действие пунктов, имевшее целью способствовать покупке крестьянами за свой счет необходимых машин и орудий. Вместе с тем, считалось, что в силу общих экономических причин крестьянское население, даже убедившись в значении улучшенных орудий, все же затруднено в скорой покупке, а, значит, без оказания крестьянам соответствующей поддержки, распространение многих технических приемов могло бы существенно замедлиться. Отсюда намечалась вторая задача проката сельскохозяйственного инвентаря: помимо своего показательного назначения, прокатные станции должны были путем массового обслуживания крестьянских хозяйств поднять в них технику земледелия и тем самым создать фундамент для дальнейшего их прогресса.

Реализация этой задачи деятельности прокатных станций была очень важна для малоземельных крестьян: «Крайняя ограниченность их бюджета не позволяет им покупать необходимые орудия даже на условиях льготного кредита; с другой стороны, организация товариществ по покупке инвентаря развивается весьма медленно и, следовательно, лишь улучшив свое полеводство путем длительного прокатного пользования инвентарем», эти крестьяне «могли бы накопить тот запас средств, какой требуется для покупки инвентаря»[59].

Массовое обслуживание крестьянских хозяйств зерноочистительными станциями должно было показать преимущества очищенных семян. Покупка же соответствующих машин крестьянами в эти годы не приняла широких размеров из-за высокой цены техники, в частности, триеров.

К концу 1913 г. в 47-ми губерниях, говорится в этом обзоре, имелось 4644 прокатных станции, 3247 зерноочистительных и прочих пунктов и 267 клеверотерочных пунктов. Впрочем, из текста неясно, идет ли речь только о районах землеустройства, или же имеются в виду все подобные пункты в губернии вообще. Исходя из данных по Полтавской губернии, — то лишь районы землеустройства, однако вопрос требует специального изучения. При этом в семи лидирующих губерниях — Волынской, Екатеринославской, Киевской, Полтавской, Самарской, Харьковской и Херсонской — каждая из которых имела свыше 200 прокатных станций, было сконцентрировано 2250 таких станций, т. е. 48,4 %[60]. Уже по этим данным видна разница в работе отдельных земств.

В обзоре дается обобщающая оценка роли прокатных станций: «Влияние прокатных пунктов при более долгом сроке их действия сказывается весьма определенно. Ознакомляя крестьян с машинами и орудиями, вполне отвечающими местным условиям, прокатные станции вызвали в крестьянской среде массовый спрос на улучшенный мертвый инвентарь, каковой спрос значительно усилил деятельность сельскохозяйственных складов. Взаимная связь этих двух явлений выражается в том, что обычно крестьянами покупаются орудия тех же марок и фирм, какие имеются на прокатном

пункте, тем более что сама покупка производится нередко при посредстве агрономов, стремящихся вводить у крестьян однотипный инвентарь»[61].

В **Екатеринославской губернии**, согласно отчетам Землеустроительных комиссий, при создании зерноочистительных пунктов и прокатных станций во всех уездах губернии, прежде всего, учитывались условия развития и положение сельского хозяйства в районе, и в зависимости от этого определялся конкретный состав машин и орудий. Приоритетом повсюду в губернии было снабжение станций рядовыми сеялками и орудиями для лучшей обработки почвы и культуры пропашных растений (главным образом кукурузы). Кроме этого, считалось необходимым ознакомить население с некоторыми важными при уборке и обработке результатов урожая машинами. Речь шла, помимо триеров, сортировок и веялок, о жатвенных машинах, конных молотилках, шредерах, соломорезках, кукурузодробилках и кукурузных молотилках.

В силу этого оборудование прокатных станций Землеустроительных комиссий было по составу и количеству инвентаря самым богатым в губернии: «Ввиду своей разносторонности в удовлетворении запросов населения, эти станции и пункты начинают завоевывать себе значительные симпатии среди населения, и в некоторых уездах губернии местное население начинает широко следовать примеру, который ему был преподан через посредство деятельности прокатных станций: значительное распространение рядовых сеялок, в особенности в северных уездах Екатеринославской губернии, замечающееся за последние два года, легко объясняется влиянием знакомства с этими машинами, полученного при прокатных станциях; то же можно сказать и про распространение жатвенных машин, конных грабель, соломорезок и железных борон»[62].

Влияние прокатных станций на потребление сельхозмашин и орудий, судя по источникам, было весьма значительным.

В одном из отчетов за 1911 г. говорится, что «до сего времени крестьяне пахали с осени однолемешными плугами лишь незначительную часть полей (⅓–¼), полагая, что пахать землю ежегодно с осени однолемешными плугами не следует во избежание ее быстрого истощения». Теперь же большинство крестьян вспахивает подобным образом до 80 %, а некоторые — и всю полевую землю. Причину агроном видит в том, что крестьяне уяснили преимущества рядового посева перед разбросным буккерным и захотели «применить его в возможно большем количестве»[63].

Знакомство с качественными сельхозмашинами и орудиями на прокатных станциях привело к росту спроса «не только на прокатное пользование машинами, но и на приобретение их для надобностей собственного хозяйства» со стороны единоличников. Вследствие этого оживилась и расширилась деятельность земских и частных складов машин и орудий, и, соответственно, существенно возросло в хозяйствах хуторян количество рядовых сеялок, железных борон, триеров, сортировок, веялок, соломорезок, кукурузодробилок, пропашников, жаток, конных молотилок и конных грабель.

Рядовые сеялки, например, в 1910-х гг. уже так широко были распространены в Екатеринославской губернии, что в дальнейшем Землеустроительная комиссия, планируя ассортимент сельхозтехники прокатных станций, — «совершенно вычеркнула» рядовые сеялки из списка машин и орудий, которые необходимо купить для пополнения инвентаря прокатных станций, «как машины, уже хорошо знакомые населению гу-

бернии». Отмечается, что дорогие машины, такие, как, жатки, сноповязалки, триеры и другие два-три единоличника нередко покупают вскладчину. При этом и работы на таких машинах в большинстве случаев производятся совместно, или «спрягаются», как говорят владельцы. Сначала техника работает в одном хозяйстве, затем в другом и т. д. Спрос на зерноочистительные машины также возрастал, и хуторяне, оценившие значение для хозяйства очистки посевного материала, охотно брали на прокат зерноочистительные машины, имевшиеся на агрономических пунктах[64].

Агроном Екатеринославского уезда приводит яркий пример, в определенной степени раскрывающий механизм влияния показательных мероприятий на крестьян. Один из хуторян, Вертелецкий, «первым из 40 домохозяев на двух поселках применил рядовой посев казенной сеялкой, и по его почину в 1912 г. на этих 40 домохозяев имели уже к яровому посеву собственных 12 сеялок, тогда как в 1911 г. на оба поселка работала лишь одна казенная сеялка, отпущенная с прокатной станции Комиссии»[65].

Агроном считал, что станции пока оказали воздействие на приобретение хозяевами улучшенного инвентаря «только (!) в отношении рядовых сеялок, соломорезок и ветрогонов». Но он был уверен, что в будущем они безусловно повлияют и на приобретение хуторянами собственных триеров и улучшенных орудий для обработки почвы. До этого времени рядовые сеялки и жатки приобретались сообща на 2–3 хозяйства. Очень дорогие машины, как, например, молотилки, преимущественно покупались единолично[66].

Агроном Екатеринославского уезда однажды решил выяснить динамику приобретения дорогих сельхозмашин 780 единоличниками из 12-ти хуторских поселков, владевших 9750 дес. земли. Результаты можно видеть в таблице 6.55.

Таблица 6.55 весьма показательна. Всего за три года число рядовых сеялок в районе выросло в 18,6 раза, и даже молотилок, «приобретение коих доступно вследствие их дороговизны лишь небольшому числу более зажиточных хуторян и отрубщиков» стало больше в 3,8 раза[67]. Не столь впечатляет рост числа экзотических для отечественных крестьянских хозяйств соломорезок и зерноочистительных машин, однако и здесь налицо движение вперед. Характеризуя работу прокатных станций, агроном Павлоградского уезда сообщает: «*Несмотря на большой спрос на рядовые сеялки, им не следует отводить первого места при организации будущих прокатных станций, потому что машины эти уже значительно распространены в крестьянских хозяйствах Павлоградского уезда, и большинство из хозяев их уже имеют*; но все-таки нахождение сеялок на прокатных станциях необходимо отчасти для демонстрации лучших систем рядовых сеялок, а отчасти и для помощи хуторянам, хозяйственные условия ко-

Таблица 6.55. Покупка сельхозмашин хуторянами Екатеринославского уезда

Машины	До 1910	1910	1911	1912	Всего
Сеялки	11	33	70	91	205
Молотилки	15	12	16	14	57
Соломорезки	3	0	3	4	10
Триер и фухтель			3	2	5

Источник: Отчет о деятельности агрономической организации при Екатеринославской губернской Землеустроительной комиссии за 1912 г. С. 165.

торых не позволяют обзавестись этой сравнительно дорогой машиной. Что же касается триеров, то эти машины составляют необходимую принадлежность каждого села или хутора... *Триер, его работу и пользу от нее уже не приходится пропагандировать среди населения*»[68].

Насколько важен был личный энтузиазм в деле распространения агрономической помощи, показывает пример одного из участковых агрономов, Батурина. Он добился от Верхнеднепровского земства открытия в январе 1911 г. отделения земского сельскохозяйственного склада машин и орудий, мотивировав это весьма убедительно: «Количество сельскохозяйственных орудий, находящихся на прокатной станции при Троицких хуторах, расположенной в отдаленном глухом углу уезда, далеко не может удовлетворить весь спрос и всю нужду хуторян. Агроном, делая указания, какими орудиями должны вестись работы в хозяйстве, и не имея под руками склада машин и орудий, с которого хозяин мог бы получить нужное орудие за чистый расчет или в кредит на льготных условиях, никогда, по-моему, не осуществит полностью всех агрономических мероприятий и не поднимет благосостояния хозяев, и его советы будут малопродуктивны, ибо *помощь должна по требованию на месте оказываться немедленно*. Сельскохозяйственный же склад, устроенный на месте, под руками агронома, с которого земледелец может брать на льготных условиях всевозможные сельскохозяйственные орудия, дает возможность крестьянам при посредстве агронома снабдить свои хозяйства необходимым инвентарем, и хуторяне тем скорее облегчат задачу Землеустроительной комиссии и тем легче станут самостоятельно на твердые ноги, что во всех отношениях очень важно... Несмотря на довольно глухую местность, работа Троицкого склада машин и орудий превзошла всякие ожидания... По 1-е ноября 1911 г. оборот склада был около 10000 руб. Покупателями являлись главным образом хуторяне, и результаты распространения машин отразились на посевах и всходах всего урожая сего года: кто сеял рядовыми сеялками, у того всходы были ровные, дружные, сильные и далеко обогнали разбросные и ручные посевы, которые в конце-концов были забиты овсюгом. Разница в урожае у некоторых достигала 50 пудов на дес.»[69].

Агроному удалось убедить хуторян производить посев рядовыми сеялками, благодаря имеющемуся складу машин. К посеву за полтора месяца было куплено 24 рядовых сеялки, при этом «крестьяне не стеснялись ценой и брали лучшие сеялки, например, Эльворти». Вся техника продавалась в рассрочку и на льготных условиях[70]. В отчете за 1912 г. Батурин сообщает: «Весьма заметно, что работа агронома начинает достигать своей цели. Например, успешно работает триер, охотно покупаются сеялки (в радиусе 5 верст от с. Троицкаго крестьяне имели не менее 100 рядовых сеялок[71] — *М. Д.*), жатки; вводятся пропашные: кукуруза, свекла, клинья с многолетними кормовыми травами и т.д.»[72]. Весьма показательно, что всего за два года «в таком малом и захолустном районе, как село Троицкое», было продано машин и орудий на 16000 рублей[73]. Сумма внушительная. Батурин организовал в селе и ссудо-сберегательное товарищество.

Агроном провел обследование примерно 200 хозяйств двух волостей, имевшее целью сравнить семейное и имущественное положение хуторян в то время, когда они только занимали участок и в настоящее время. Оно показало, в частности, что переход к более совершенной сельхозтехнике был налицо. Так, почти все крестьяне заменили старые

плуги сакковскими, деревянные бороны — железными. Ручной посев постепенно уходил в прошлое, и хуторяне переходили к рядовому. Уже 30 % опрошенных крестьян имели свои рядовые сеялки. Весьма распространены были также жатки-лобогрейки и соломорезки и гладкие катки, в меньшей степени — веялки и сортировки, и еще реже встречались конные молотилки. Их брали «на прокат по очень дорогой цене», надо думать у соседей. Триеров, сортировок, кукурузных сеялок было мало, и хуторяне пользовались теми, что находились на прокатных станциях Землеустроительных комиссий[74]. Тем не менее, очевидным было стремление, по крайней мере, «достаточных хозяев», ознакомившихся с работой новых машин, приобретать соломорезки и сортировки; зафиксировано появление двух товариществ по покупке 6-ти конных молотилок[75].

«Всюду проявившееся за последние годы сильное движение крестьян к улучшению своего хозяйства не миновало и **Новгородской губернии**. Это сказывается в усиленном росте сельскохозяйственных обществ, маслодельных артелей и других кооперативов... *Усилившийся спрос на сельскохозяйственные орудия, удобрения и семена из земских складов также свидетельствует о том подъеме крестьянского хозяйства, которое совершается на наших глазах*»[76] — говорится в отчете по этой губернии.

Число прокатных станций в губернии было пока невелико, но их влияние «на крестьянское население сказывается прежде всего в приобретении им улучшенных орудий, что отмечается всеми агрономами земств и о чем свидетельствует усилившийся отпуск орудий из земских сельскохозяйственных складов»[77].

В отчете Землеустроительной комиссии за 1913 г. отмечено, что рядовой посев хлебов в этой губернии пока был распространен сравнительно слабо. Это объясняется, с одной стороны, малым сроком ознакомления крестьян с рядовыми сеялками, а с другой, невозможностью применять рядовой посев на большинстве вновь образуемых пахотных угодий ввиду некультурного их состояния[78]. Агрономы фиксируют, что среди единоличников отмечается повышенный спрос на улучшенные сельскохозяйственные орудия и машины. Это свидетельствует о стремлении крестьян к повышению качества обработки почвы, в чем, считают они, безусловно, сказалось влияние показательных мероприятий. Часть этого спроса была удовлетворена за счет субсидий правительства, из которых были выданы крестьянам ссуды на приобретение 378 веялок. Подавляющее большинство единоличников, желающих приобрести улучшенный инвентарь, было вынуждено или покупать технику на сельскохозяйственных складах, или ожидать своей очереди в удовлетворении их ходатайств в будущем[79].

Отчет отмечает, что под влиянием прокатных станций во всех уездах губернии среди единоличных владельцев возник спрос на дисковые и пружинные бороны, которые прежде были совершенно неизвестны большинству населения. Хуторяне и отрубники не останавливались перед довольно крупными затратами на приобретение этих орудий, а иногда покупали их за наличные деньги для совместного пользования, как, например, в дер. Кошты (Дементьевской волости Череповецкого уезда).

В 1913 г. в губернии имелось 11 земских сельскохозяйственных складов. Все они располагались в уездных городах и, в большинстве случаев, далеко от районов землеустройства, что очень затрудняло снабжение единоличных хозяйств сельскохозяйственными товарами. Филиалы центральных сельскохозяйственных складов в некоторых уездах до

некоторой степени ослабляли остроту проблемы, однако подавляющее большинство районов землеустройства в губернии оставалось без обслуживания складами. На повестке дня встал вопрос об организации отделений складов в районах землеустройства.

Суммарный оборот земских сельскохозяйственных складов губернии за 1912 г. равнялся почти 396 тыс.руб. При этом перепад оборотов по уездам составлял от 5,7 тыс. руб. на Кирилловском складе до 77,3 тыс. руб. на Боровичском. Всего склады продали в 1912 г. 7131 орудие по обработке почвы, 1971 зерноочистительную машину, 884 прочих машин и орудий[80].

«Сводная статистика» свидетельствует, что получение сельхозмашин и орудий в **Витебской** губернии за 1905–1913 гг. увеличилось почти в 6 раз. Источники такого роста были разными.

В большой мере это связывалось с землеустройством. Прошедшие в 1911 г. в губернии сельскохозяйственные выставки убедительно показали возросший интерес крестьян к улучшенным приемам сельского хозяйства и большие потенции хуторского хозяйства. При этом «улучшенные машины и орудия, хорошие семена, минеральные удобрения вводятся только у хуторян; разделка пустошей, болот и превращение их в культурное состояние стало осуществляться только по отходе крестьян от общины на хутора»[81].

Как и во многих губерниях, показательные поля здесь были своего рода полигоном, на котором крестьяне знакомились с новыми для них приемами обработки почвы и соответствующими орудиями и машинами. Нередко именно под влиянием показательных полей начиналось расширение потребления сельхозмашин[82].

Оборудованность хозяйств инвентарем накануне реформы характеризуют следующие данные. Земское обследование 1907 г. показало, что плуги были у 65 % домохозяев, занимающихся земледелием, при этом в Витебском, Городокском и Невельском уездах эта цифра составляла от 79 до 87 %. Почти во всех хозяйствах имелись деревянные бороны с железными зубьями. В среднем на 100 хозяйств было зафиксировано 6,9 веялок и несколько больше одной молотилки. В последующее время, «в связи с расселением на хутора и, особенно, с возникновением агрономической организации и открытием земских сельскохозяйственных складов, улучшенный инвентарь начал быстро проникать в крестьянское, в особенности в хуторское хозяйство. Почти у всех крестьян имеются плужки местного Витебского производства; соха служит только для посадки и пропашки картофеля. Хуторяне под влиянием прокатных станций начинают применять улучшенные одноконные плужки с железным грядилем; в небольших размерах применяются также и пароконные плуги. Вместе с тем распространяются пружинные бороны. Если в земском обследовании 1907 г. совсем не упоминались пружинные бороны, то в 1913 году, по отзывам участковых агрономов, почти в каждом селении и у многих хуторян, владевших более чем 10 дес. земли, имелись пружинные бороны. Широкое распространение в последние годы веялок и молотилок привело к тому, что в некоторых местах молотьба цепами совсем прекратилась. Почти все агрономы фиксируют появление в крестьянском хозяйстве жатвенных машин и косилок. Самые зажиточные хуторяне покупают жатки и убирают не только свои хлеба, но и соседские, хорошо зарабатывая на этом, ввиду повсеместного недостатка рабочих рук»[83].

Важное место в показательных мероприятиях отводилось прокатным станциям, которые были в каждом агрономическом участке. Помимо прокатных станций правительственной организации и земства, в губернии существовало до 40 небольших прокатных станций при земледельческих кружках, стоимость инвентаря каждой из которых не превышала 300 рублей. Покупка техники «на товарищеских началах» в губернии лишь зарождалась. Лишь на 3-м участке Режицкого уезда были зафиксированы два случая совместной покупки крестьянами «дорогостоящих паровых молотилок, да и то, главным образом, с коммерческой целью»[84].

Земские сельскохозяйственные склады в Витебской губернии существовали с 1909 г., когда было открыто 6 складов в городах Витебске, Велиже, Лепеле, Невеле, Полоцке и Себеже. Витебский склад функционировал, как центральный; остальные же были его отделениями и непосредственной закупки товаров не производили.

Обороты складов за полгода в 1909 г. составили 15,4 тыс.руб., в 1910 г. достигли 95,3 тыс. руб., а в 1911 г. — 139,3 тыс. руб. В 1912 г. с введением в губернии выборного земства, склады были переданы в ведение уездных земств. Деятельность их только начиналась, однако в сравнении с 1911 г. обороты семи складов увеличились со 139 тыс. руб. до 198 тыс. руб., т. е. на 55 %. В 1913 году обороты складов составили 387 тыс.руб., причем для Велижского склада рост составил 30 %, для Невельского — 50 %, для Витебского — почти 100 %, для Городокского — 158 %, Себежского — 214 %[85].

Хотя в отчете специально не говорится о воздействии показательных мероприятий, о темпах роста потребления сельхозмашин можно судить по следующему фрагменту: «Особенно сильно возросла продажа машин и орудий. Так, Витебским складом орудий и машин продано в 1912 г. на 13,8 тыс. руб., а в 1913 г. на 40,9 тыс. руб., т. е. более чем на 200 %. Всего по губернии орудий и машин было продано в 1912 г. на 65 т. рублей и в 1913 году на 126 тыс. руб. В частности, в 1913 г. по 7 уездам продано: 2797 плугов, 1005 пружинных борон, 999 веялок, 604 молотилки. В сравнении с 1912 г. плугов было продано на 60 % больше, пружинных борон на 70 %, веялок, молотилок и семян клевера — на 100 %»[86].

Помимо земских, в губернии имелось немало складов при кооперативах и частных складов. Так, в Витебске работали 3 склада Экономического Товарищества Латышских сельских хозяев. Особенно заметна была деятельность складов в западных уездах губернии — Двинском, Режицком и Люцинском. Только в Двинске работало 5 сельскохозяйственных складов, а всего в уезде насчитывалось до 15-ти складов с общим оборотом более 250 тыс. рублей, причем оборот склада Экономического Товарищества Латышских сельских хозяев в г. Двинске в 1913 г. превысил 130 тыс. руб. В Режицком уезде функционировали 6 сельскохозяйственных складов (из них в самой Режице 4 склада и еще 2 в уезде) с общим оборотом в 222,0 тыс. руб. В Люцинском уезде в отчетном году было 9 сельскохозяйственных складов (из них 2 в Люцине). Склад Люцинского Сельскохозяйственного Общества продал в текущем году товаров на сумму до 40,0 тыс. руб.[87]

Губернский агроном **Черниговской губернии,** Минин полагал, что влияние прокатных пунктов «во многих случаях сказывается заметно, причем подтверждением этого является рост спроса на различного рода усовершенствованные земледельческие машины и орудия». Так, прокатные станции в Козелецком уезде «весьма помогают рас-

пространению сельхозтехники», «многие крестьяне приобретают машины...в большом количестве покупают экстирпаторы и *даже* начинают приобретать сеялки». Агрономы Сосницкого уезда сообщают, что число орудий, проданных складом, «увеличилось за несколько лет в 10 раз». Крестьяне Носовского участка Нежинского уезда в 1912 году приобрели 12 рядовых сеялок, в чем «несомненно» сказалось «влияние прокатных пунктов. Со времени организации в с. Собичи Кролевецкого уезда прокатной станции, крестьяне, до тех пор пахавшие сохами, начали «в большом количестве приобретать плуги, молотилки». Минин пишет, что «таких сообщений можно было бы привести много» и они убеждают в том, что прокатные станции справляются с одной из своих задач — познакомить крестьян с усовершенствованными машинами и орудиями и что «ознакомление это дает явные практические результаты»[88].

О несомненных сдвигах к лучшему в деле обеспечения крестьянских хозяйств губернии сельхозтехникой говорит и рост операций земских складов. В 1910 г. обороты 14-ти складов достигли 220,2 тыс. руб., в 1911 г. — 336 тыс. руб., в 1912 г. — 528 тыс. руб., причем эти цифры показывают выручку только по продажам машин и орудий, семян и землеудобрительных туков и не включают сбыт мелкого инвентаря и кровельного железа[89]. За 1912 г. более всего было продано орудий обработки почвы; вполне достаточное, по мнению Минина, число зерноочистительных машин и «не менее достаточно отпущено орудий косилок, жаток, молотилок»[90]. При этом деятельность земских складов затруднял «недостаток спроса населения на дорогие и более совершенные орудия». Он был вызван отчасти климатическими и почвенными условиями губернии, в силу которых рядовой посев был не столь эффективен, как в более южных районах страны, отчасти незначительностью посевной площади крестьянского хозяйства губернии. Последняя вела к тому, что крестьянин, в принципе признавая полезность рядового посева, засевая озимые хлеба на полосе в одну-две трети десятины, предпочитает делать это «вразброс руками, не считая возможным пользоваться даже сеялкой прокатной станции»[91].

О повышении техники полеводства в крестьянских хозяйствах **Нижегородской губернии** можно судить, считали тамошние агрономы, по следующим данным. Так, в Ардатовском уезде с момента возникновения участковой агрономии до 1913 г. крестьяне купили до 9,1 тыс. плугов, и в обращении населения осталось не более 12,5 тыс. сох. В Арзамасском уезде сельскохозяйственные склады продали более 1600 плугов и 136 сортировок. Начинали получать распространение железные бороны, окучники и др. Пущенная впервые в работу на одном из участков пружинная борона сразу же нашла себе покупателей. В Васильском уезде многие крестьяне, ознакомившись с работой машин и орудий с прокатных станций, начали покупать их на земских складах. В Княгининском уезде расширялась площадь рядового посева, произведенного как машинами с прокатных станций, так и собственными крестьянскими сеялками. Складом было продано 40 рядовых сеялок, 175 веялок и сортировок, 61 железная борона и культиватор и 822 плуга. Росли объемы очищенного зерна[92].

Рядовые посевы более всего были распространены в Нижегородском уезде, который также первенствовал по степени интенсивности работы прокатных и зерноочистительных пунктов. В 47-ми селениях уезда 412 крестьян владели 109 рядовыми сеялками на товарищеских началах, причем, например, у отрубников в с. Борисовском имеется

6 сеялок, в с. Семет — 21 сеялка и в с. Ново-Ликееве — 10 сеялок. При этом на агрономическом 3-м участке рядовой посев распространился настолько успешно, что было решено снять сеялки с прокатных станций. В 4-м участке демонстрацию рядового посева также сочли законченной на том довольно спорном, впрочем, основании, что рядовая сеялка побывала уже почти во всех селениях участка, за исключением самых отдаленных от агрономического пункта селений[93]. Всего в губернии имелось 124 прокатных и 102 зерноочистительных станции, из которых большинство имеет самостоятельную организацию и находится при агрономических участках. Только в некоторых уездах были станции при показательных хозяйствах или при кооперативах.

По свидетельству всех агрономов, население, ознакомившись с прокатными машинами и орудиями, нередко приобретало их в собственность, причем земство делало на такие уже работавшие орудия скидку с их продажной стоимости. Так, в Сергачском уезде земские прокатные пункты — Итмановский, Покровский, Лопатинский и Апраксинский — были приобретены целиком, со скидкой, местными кредитными товариществами. Важно отметить, что «влияние прокатных и зерноочистительных станций на распространение среди земледельцев улучшенного сельскохозяйственного инвентаря определенно подтверждается возрастающей ежегодно продажей из сельскохозяйственных складов таких орудий, о которых ранее население вовсе не знало, как, например, жнеек, сеялок, сортировок, плугов, молотилок и других»[94].

В отчете говорится, что в виду того, что большинством земств были установлены весьма льготные условия продажи сельскохозяйственных товаров из складов, развитие товариществ для совместной закупки дорогостоящих машин и орудий пока не получило в губернии заметного распространения (как и в других губерниях. — *М. Д.*). Тем не менее, отмечаются отдельные случаи таких совместных покупок. Например, в Нижегородском уезде в селах Борисовском, Семети, Ново-Ликееве, Сарадоне крестьяне приобрели на товарищеских началах рядовые сеялки; в некоторых селениях Балахнинского уезда — жнейки; в Васильском уезде покупали иногда для совместного пользования молотилки, жнеи и сеялки; подобные же случаи фиксируются также в Макарьевском и Лукояновском уездах[95].

Земские сельскохозяйственные склады достаточно равномерно располагались по уездам и были приближены к населению, и, в частности, к районам землеустройства, так что единоличные собственники не встречали трудностей в приобретении необходимого инвентаря. В некоторых уездах сельскохозяйственные склады находились в самих центрах расселения. В отчете утверждается, что в силу этого в ряде уездов интересы единоличников обслуживались складами «в исчерпывающей мере». Всего в губернии работало 48 отделений сельскохозяйственных складов, обороты которых составили в 1913 году 619 тыс. руб. (в 1912 г. — 493 тыс. руб.). Всего за этот год было продано свыше 9000 плугов, 700 штук веялок, сортировок и триеров, 200 сеялок. Интересно, что семена кормовых растений, минеральные удобрения, плуги и сеялки как товары, имеющие наибольшее показательное значение и непосредственно содействующие интенсификации хозяйства, отпускались на более льготных условиях, чем машины и орудия, «предназначенные для сбережения труда», как, например, жатки, многокорпусные плуги, молотилки и др.[96]

Напомним, что «Сводная статистика», на наш взгляд, не отражает размеров реального увеличения потребления сельхозмашин и орудий в Нижегородской губернии, поскольку немалая их часть, несомненно, перевозилась по речным путям.

Агрономическая помощь в **Рязанской губернии** только начиналась. Отчет сообщает, что обеспеченность единоличных хозяйств инвентарем, как правило, зависела от срока владения землей. При переходе на отрубное, а тем более на хуторское хозяйство, когда все денежные средства в хозяйстве шли на самые неотложные расходы, связанные с разделкой новой земли или переносом построек, единоличники имели тот же сельхозинвентарь, что и общинники, а количество же скота часто уменьшалось. Однако как только хозяйство начинало налаживаться, живой и мертвый инвентарь постепенно увеличивался[97].

В частности, в отчете по Раненбургскому уезду говорится: «Степень оборудованности землеустроенных хозяйств инвентарем и обеспеченность скотом различны. Хозяйства лучше оборудованы мертвым инвентарем и, главным образом, двухлемешными плугами Сакка, распространяемыми земским сельскохозяйственным складом, но и эти плуги приобретаются при содействии кредитных кооперативов, земской кассы и из средств Землеустроительной Комиссии только более или менее окрепшими единоличными хозяйствами и с большой площадью землевладения (от 4 дес. и выше)». Примерно то же говорится в отчете по Рязанскому уезду: «В единоличных хозяйствах ко времени перехода их к новой форме землепользования, количество и состав мертвого инвентаря не отличается от обычного в крестьянском хозяйстве и состоит из сох, деревянных борон и кустарных веялок местной работы. В последнее время единоличные владельцы начинают приобретать плуги, железные бороны, веялки заводского изделия». Сравнение оборудованности мертвым инвентарем в Данковском уезде дало такие цифры: в 1909 г. на 100 хозяйств имелось 40 плугов, в 1913 г. — 114 плугов, веялок в 1909 г. на 100 хозяйств — 20, в 1913 г. — 44. По шести уездам агрономы правительственной организации собрали цифровые данные об оборудованности инвентарем 11522 единоличных владений, причем обследование это коснулось лишь тех селений, где работа агронома велась уже несколько лет. Согласно этим данным, на 100 единоличных хозяйств приходилось в среднем 96 сох, 50 плугов, 67 деревянных борон, 63 железные бороны, 6 культиваторов, 11 катков, 3 жнейки, 13 молотилок и 21 веялка[98].

Улучшения, проникавшие в крестьянские хозяйства под воздействием агрономической организации, выражались, в частности, в применении рядового посева. Весьма показателен пример д. Русаки, Егорьевского уезда: «Первой заботой крестьян... было ввести улучшенную обработку земли, для чего были приобретены плуги и произведена своевременная подготовка почвы. В 1909 году у 19-ти домохозяев не было ни одного плуга, в 1913 году у них имеется уже 17 плугов; до 1909 года обработка полей производилась обычным порядком, в 1913 году все домохозяева вспахали на зябь и с осени подняли паровые поля для будущего занятого пара». В 1913 г. те же крестьяне приобрели сообща сортировку и провели сортирование посевного зерна, используя также зерноочистительный пункт Землеустроительной комиссии, а также ввели рядовой посев, пользуясь рядовыми сеялками прокатных пунктов[99].

В 1913 г. в Рязанской губернии имелось 69 прокатных станций и 56 зерноочистительных и 6 клеверотерочных пунктов. Крестьянам здесь еще нужно было доказывать пользу улучшенного посевного материала. В этом и состояла главная задача зерноочистительных пунктов[100]. Прокатные станции, говорится в отчете, «в условиях Рязанской губернии выполняли две задачи, являясь, прежде всего, средством ознакомления крестьян с улучшенными орудиями, в то же время составляя необходимое дополнение мероприятий по полеводству, т. к. без набора усовершенствованных орудий было бы невозможно провести в крестьянскую массу улучшенные приемы обработки или ухода растениями, в частности, произвести с надлежащей тщательностью все показательные посевы»[101]. Агрономы по всей губернии содействовали крестьянам при покупке орудий, во многих случаях выписывая сельхозтехнику. Приобретение орудий сельскохозяйственными товариществами еще только начиналось.

Губернское земство само склада не имело, уездные склады действовали разрозненно и далеко не всегда облегчали приобретение сельхозтехники крестьянами, приобретавшими поэтому ее у частных фирм. За 1912 г. общий оборот по всем товарам 20-ти земских складов достиг 345 тыс. руб. Машин и орудий было продано на сумму 118,2 тыс. руб., в том числе 2454 плуга, 238 борон, 737 веялок.

«Сводная статистика» показывает, что получение сельхозмашин и орудий Рязанской губернией делает первый рывок в 1908–1910 гг., перейдя рубеж в 75 тыс. пуд., а второй — с началом агрономической помощи в 1911 г., когда была преодолена отметка 100 тыс. пуд.; уже в 1913 г. получение выросло почти на 50 %.

Следующие три выдержки из официальных отчетов, написанных почти одновременно, помогают уяснить характер потребления усовершенствованных машин и орудий в **Пензенской губернии.**

В отчете инспектора сельского хозяйства за 1910 г. интересующие нас сюжеты характеризуются так: «В последние годы, благодаря деятельности губернского и некоторых из уездных земств по распространению улучшенных сельскохозяйственных машин и орудий, в крестьянских хозяйствах Пензенской губернии стали заметно распространяться плуги, все более вытесняя из употребления соху, которая, однако, и до настоящего времени является здесь главнейшим пахотным орудием. С распространением плугов становится возможным и применение в крестьянских хозяйствах рядовых посевов»[102]. В 1913 г. положение описывается более мрачными красками: «Сельское хозяйство Пензенской губернии совершенно не обеспечено улучшенным сельскохозяйственным инвентарем. До сих пор преимущественное распространение имеют сохи и деревянные бороны. Главная масса направляемых к губернскому агенту ходатайств состоит из просьб о снабжении населения машинами и орудиями с прокатных станций. Удовлетворяется приблизительно только одна треть ходатайств... По относительному обеспечению крестьянских хозяйств улучшенным инвентарем Пензенская губерния одна из самых отсталых в Европейской России и беднее всех соседних губерний»[103].

Наконец, агроном А. Шагин сообщает информацию, сохраняющую место оптимизму: «Из всех уездов Пензенской губернии Городищенский уезд в смысле распространения улучшенных сельхозмашин и орудий до 1910 г. являлся самым отсталым: ни плугов, ни веялок и сортировок и т. п. среди населения почти не было: рядовые посевы если и

производились, то только у землевладельцев, да и то у немногих. Операции сельскохозяйственного склада при земской управе были весьма незначительны, выражались они ничтожной суммой 893 руб.45 коп. за 1909 г. (если не принимать во внимание операции с продажей кровельного железа). Соха, сошная обработка, сошная заделка несортированного, засоренного зерна царили по всему Городищенскому уезду.

Картина резко изменилась с того времени, когда в уезде появилась участковая агрономическая организация: обороты земского сельскохозяйственного склада увеличились в десятки раз (в 30 раз против 1908 г.) Шаг за шагом Сакковский плуг стал вытеснять соху из насажденных в продолжении десятков веков (так в документе. — *М. Д.*) мест; плуг стал обычным орудием в сельском хозяйстве городищенского крестьянина.

В настоящее время более 40 % хозяйствующих крестьянских семей Городищенского уезда обзавелись сакковскими плугами, пройдет 2–3 года и редкий крестьянин не будет иметь плуга. Обычными машинами в деревне являются теперь также веялки и сортировки. Что же касается рядового посева, то распространяется он весьма туго, в особенности среди крестьян-общинников; среди единоличных владельцев-хуторян и отрубников — рядовые посевы весьма нередки»[104].

Внедрение рядового посева в уезде, по мнению Шагина, тормозилось двумя причинами. Первой была сравнительная дороговизна рядовых сеялок — 11-рядная сеялка Эльворти стоила 135 руб. Второй причиной было решение участковой агрономической организации в первую очередь вытеснить из крестьянских хозяйств соху и ввести более совершенную очистку семян при помощи веялок и сортировок, что отодвинуло рядовые сеялки на второй план. Однако с 1911 г. мероприятия по распространению рядового посева среди крестьян уезда стали все более «приковывать внимание участковых агрономов»[105]. Шагин считает, что «усиленный спрос на всевозможные сельхозмашины и орудия появился, несомненно, как результат демонстрации сельхозмашин и орудий путем прокатных станций и агрономической пропаганды улучшенных приемов земледелия на зимних сельскохозяйственных чтениях»[106]. Заключение его выглядит вполне мажорным, несмотря на общий довольно критичный тон отчета: «В настоящее время — плуги, веялки, сортировки, молотилки берут нарасхват. Уездный сельскохозяйственный склад далеко не удовлетворяет потребностей населения в хороших сельхозмашинах и орудиях, хотя, как отмечено... выше, операции склада за последние 3–4 года увеличились больше чем в 30 раз»[107].

Саратовская губерния, с одной стороны, была одним из главных производителей хлеба в стране, а с другой, по обеспеченности сельхозмашинами и орудиями занимала явно выраженное промежуточное положение между лидирующей группой и основной массой губерний Европейской России, тяготея все же к первой.

Землеустроительные комиссии и в этой губернии создавали прокатные и зерноочистительные станции, которые прямо пропагандировали применение усовершенствованных машин и орудий, очистку посевного зерна и семян, а также внедрение новых приемов агрокультуры путем использования инвентаря станции (тех же рядового и широкорядного посевов)[108]. В отчете за 1913 г. сообщается, что в некоторых районах землеустройства показательные участки с приемами по обработке земли, а особенно по рядовому посеву «утеряли всякое значение, так как эти приемы сделались уже достоя-

нием крестьянской массы. При этих условиях агрономы перенесли внимание... на пропаганду трав и кормовых растений»[109]. В конце 1911 г. в губернии имелась 41 прокатная станция с зерноочистительными машинами. В конце 1913 г. — 89 прокатных станций и 29 зерноочистительных пунктов и обозов, а также 49 складов.

Инспектор сельского хозяйства так оценивает влияние прокатных станций: «Давая возможность населению пользоваться с прокатных станций на льготных условиях орудиями и машинами, которые мелкие хозяева очень часто не в силах приобрести на собственный счет, прокатные станции в то же время знакомят население с такими земледельческими орудиями, о которых оно часто не имеет понятия, но распространение каковых безусловно желательно и полезнее распространения тех земледельческих машин, которые очень часто случайно попадают в деревню и не улучшают техники земледелия (двухлемешные плуги, лобогрейки и т. п.). Что цель прокатных станций в этом отношении достигается, видно из того, что там, где все почти крестьяне давным-давно пашут землю плугами (чаще всего двухлемешными), появился спрос на однолемешные плуги Сакка и железные бороны Лина; многие крестьяне просят открыть продажу орудий, какие имеются на прокатных станциях, при местных сельскохозяйственных обществах, или обращаются с просьбой выписать им орудия. Спрос на все орудия так велик, что станции ежегодно приходится пополнять и увеличивать количество машин. Главным спросом пользуются рядовые сеялки, плуги Сакка, бороны Лина и в некоторых уездах, например, в Аткарском — 4-лемешные запашники Эккерта. На орудия записываются для весенних работ с осени (особенно на рядовые сеялки). Через посредство агрономов крестьянами в большом числе приобретены орудия на свой счет и спрос на них с каждым годом увеличивается»[110]. На крестьян положительно воздействовал пример успешной работы сельхозтехники рядом с ними: «Очень часто крестьянин, посмотрев работу той или иной машины у соседа, записывался кандидатом на эту машину на прокатной станции или брал ее немедленно у своего соседа. Наблюдения над посевами, произведенными пересортированными семенами, привлекали большее число желающих производить посев лучшими семенами и спрос на зерноочистительные машины увеличивался»[111].

Инспектор сельского хозяйства Саратовской губернии считал, что лишь повышенный урожай на показательных полях объясняет, почему многие отрубщики и хуторяне, по примеру владельцев показательных полей, стали производить и ранний взмет пара, и рядовые посевы, и вспашку под зябь, и распашку снега на озимом поле[112]. В 1913 г. агрономы Вольского уезда указывали на распространение в районе землеустройства рядовых сеялок[113]. В 1911 г. инспектор писал: «Прокатные станции оказывают населению несомненную пользу. Плуг и рядовая сеялка вошли в обиход крестьянина во многих случаях благодаря только прокатным станциям. Плугами прокатных станций крестьяне некоторых районов уже не пользуются, так как завели свои. В значительном количестве приобретают крестьяне и рядовые сеялки»[114].

Отчет землеустроительной комиссии за 1913 г. фиксирует продвижение вперед: «Влияние прокатных станций на крестьян доказывается повышенной деятельностью земских складов по продаже именно тех орудий, которые имеются на прокатных станциях. В связи с этим, значительно развилась и посредническая деятельность агрономиче-

ского персонала по приобретению мертвого инвентаря. В 1912 г. было зарегистрировано свыше 430 случаев обращения хозяев к правительственным старостам и агрономам за содействием по покупке машин и орудий. Зарождается также приобретение дорогих орудий на совместных началах. Так, агроном Аткарского уезда отмечает, что нередко среди крестьян составляются небольшие товарищества из 2–4 человек для совместной покупки молотилок или жнеек. Однако по наблюдениям агронома такие товарищества оказываются неустойчивыми, и купленные орудия рано или поздно переходят в единоличную собственность»[115].

Торговля сельскохозяйственными орудиями и машинами в уездах Саратовской губернии была сосредоточена преимущественно в руках земства. Всего по губернии насчитывалось 10 центральных земских сельскохозяйственных складов и 39 отделений. Обороты складов в 1912 году превысили 1,1 млн. руб. Наибольший спрос предъявлялся крестьянами на сеялки, молотилки, жатки и семена хлебов, травяных и кормовых растений. Аткарским земским складом в 1913 году было продано 368 сеялок и 769 жаток, Хвалынским складом — 381 сеялка[116]. В жизни саратовской деревни очень важную роль играли сельскохозяйственные общества, «главный состав членов» которых — «крестьяне-земледельцы». Основная их часть открылась в 1905–1909 гг.

«*Деятельность обществ обычно начиналась по полеводству с введения рядовых посевов и за последнее время широкорядных с междурядной обработкой, ранней пахоты пара и вспашкой земли осенью под яровые хлеба*, что далеко не всегда практикуется крестьянами. *Первое время население относилось скорее враждебно к подобным нововведениям, и только по получении уже неоспоримых результатов постепенно изменяло свой взгляд и начинало интересоваться всеми опытами*. За последнее время, именно — 2–3 года, в районах деятельности обществ и при земских организациях стала быстро распространяться продажа земледельческих орудий и отдача их напрокат; в настоящее время некоторые прокатные пункты уже устроены при сельскохозяйственных обществах», — считает губернский инспектор сельского хозяйства. Он убежден в том, что «подъем крестьянского сельского хозяйства, который наблюдается в последние годы, успехи техники земледелия и массового распространения машин в сельском хозяйстве, введение новых культур кормовых растений, дающих благоприятные условия развитию скотоводства, дают возможность наметить и тот путь, на который должны выступить сельскохозяйственные общества»[117].

В губернии быстрыми темпами росло число учреждений мелкого кредита, которые, по мнению инспектора, «в настоящее время играют роль фермента в развитии кооперативной деятельности в населении и являются как бы селекционными станциями, в которых совершается подбор сознательных и настоящих домохозяев». Некоторые кооперативные учреждения имели свои прокатные станции. В числе прочего, они посредничали в покупке сельхозмашин и орудий. Из 63320 ссуд на сумму 2219,1 тыс. руб., выданных в 1910 г. кредитными товариществами, на долю сельхозмашин и орудий, семян, скота, аренду и т. п. пришлось 1740,9 т.р., т. е. 78,5 %[118].

В **Киевской губернии** для снабжения населения по доступной цене сельхозмашинами с 1909 г. были открыты земские сельскохозяйственные склады в тех уездах, в которых была введена уездная агрономическая организация. Однако препятствием для более ши-

рокого развития сельскохозяйственных складов являлся недостаток оборотных средств, которые к 1-му января 1912 г. в сумме по губернии равнялись только 158,7 тыс. руб.[119]

Все же продажа сельхозтехники росла. Если с 1 марта 1909 по 1 января 1911 г. склады реализовали различных машин и орудий на сумму 119,6 тыс. руб., то за 1911 г. — на 190,1 тыс. руб., а за 1912 г. — 437,4 тыс.руб.[120] Эту информацию отчасти раскрывает таблица 6.56. Как и в других случаях, таблица продаж сельхозтехники земскими складами дает лишь приблизительное представление о ее потреблении, однако эти цифры, несомненно, отражают серьезную поступательную тенденцию, характерную и для данной губернии. В отчете сравнительно небольшие размеры спроса на рядовые сеялки, жатки, молотилки объясняются главным образом недостатком оборотных средств земских складов, которые из-за этого не могли держать у себя в запасе дорогие машины и орудия и выписывали их только по заказу покупателей[120].

Уездные земства губернии составили союз по закупке сельхозмашин и других товаров. Отметим, что конкуренция земских складов с частными складами вела к понижению цен. Если 11-рядная сеялка ранее продавались по 125–130 рублей, то теперь крестьяне могли купить ее за 105 руб.[122]

В отчете за 1912 г. так оценивается воздействие агрономической помощи на окружающие крестьянские хозяйства: «Благодаря влиянию показательных полей и участков, где применяется улучшенный инвентарь, у местного населения явился спрос на улучшенные сельскохозяйственные машины и орудия — рядовые сеялки, железные бороны, экстирпаторы и проч. Эти орудия крестьяне берут не только с прокатных станций, но также приобретают из земских сельскохозяйственных складов, причем в некоторых уездах, где операции складов не достигли еще солидных размеров, спрос на сельскохозяйственный инвентарь оказался настолько значительным, что земские склады не могли удовлетворить в полной мере потребностей на инвентарь со стороны населения». К концу 1912 г. в губернии работало 544 прокатные станции. Они устраивались почти при всех показательных полях, при сельскохозяйственных обществах, при кредитных товариществах, а иногда, в случае необходимости, у крестьян-хозяев»[123].

Таблица 6.56. Продажа сельхозмашин и орудий земскими складами Киевской губернии в 1909–1912 гг. (шт.)

Машины и орудия	1909–1910	1911	1912
Плугов	4519	3255	8768
Сеялок	126	211	447
Веялок и сортировок	44	175	659
Борон	44	207	709
Жаток	25	18	125
Молотилок и приводов	14	46	252

Источники: Отчеты инспекторов сельского хозяйства и правительственных агрономов по 25 губерниям Европейской России за 1911 год. Ч.II. Б. Черноземная полоса... С. 726–729;
Отчеты инспекторов сельского хозяйства и правительственных агрономов по 22 губерниям Европейской России за 1912 год. Ч. II... С. 284–285.

Земство **Харьковской губернии** еще в 1890-х гг. начало заниматься проблемами сельского хозяйства, и по размерам ассигнований на сельскохозяйственные и экономические нужды в 1899 г. она была на почетном пятом месте среди 34-х земских губерний. В 1913 г. она была третьей по этому показателю.

В отчете Землеустроительной комиссии за 1913 г. отмечено, что обеспеченность единоличных хозяйств скотом и инвентарем на хуторах и отрубах постепенно повышается, причем хозяйства, просуществовавшие 5 лет, намного лучше обеспечены живым и мертвым инвентарем, чем общинные хозяйства того же размера. В хозяйствах единоличников повсеместно распространены улучшенные бороны, плуги и, в последнее время, сеялки. Культиваторы пока еще брались с прокатных пунктов. В тех районах, где плуг Сакка, сеялка, молотилка стали уже обычными для крестьянского хозяйства орудиями, усилия агрономической организации направлялись на внедрение лущильников, скоропашек и сортировок[124].

Всего в районах землеустройства губернии насчитывалось 445 прокатных станций и 294 зерноочистительных пункта. Прокатные и зерноочистительные пункты в зависимости от местных условий или получали самостоятельную организацию, или устраивались при показательном поле, а иногда — при сельскохозяйственных обществах и кредитных товариществах[126]. К концу 1913 г. выяснилось, что некоторые прокатные станции завершили свою задачу, вызвав массовый спрос на улучшенный инвентарь, и потому стало возможным перевести их на новые места или разделить их состав. В частности, как показал опыт, сеялки уже через 3–5 лет могут перемещаться в другое место. Вообще, однако, передвигали не пункты в целом, а отдельные орудия или машины. Взамен них вводилась новая сельскохозяйственная техника[126].

Рядовые сеялки накладывали особый характер на весь строй полеводства, поскольку их применение, как говорилось, требовало лучшей разработки земли. Популяризация этих машин, и местными агрономами считавшаяся одной из основных задач прокатных станций, привела к тому, что спрос на них достиг «огромных размеров». Так, в некоторых районах после создания там прокатных пунктов началась закупка сеялок сотнями[127], особенно в Волчанском, Валковском и Харьковском уездах. Распространение сеялок шло весьма быстро, даже в сравнительно глухих местах. Например, в Старобельском уезде в селении Мостки в 1910 году появились первые сеялки, а уже в 1913 году их насчитывалось 357. Распространение сеялок несомненно являлось результатом деятельности прокатных пунктов, так как машины приобретались почти исключительно того типа, какой имелся на них[128].

Агрономы активно посредничали в деле обеспечения хуторских и отрубных владельцев машинами и орудиями. От них можно было получить квалифицированный совет, они содействовали приобретению техники на льготных условиях через кредитные товарищества и земские учреждения, помогали в организации специальных товариществ для приобретения и использования дорогих машин. В частности, в Валковском уезде имелось уже около 30-ти товариществ, владеющих молотилками, куколеотборниками и жатками[129].

В Харьковской губернии насчитывалось 60 складов машин и орудий, из них 12 центральных (9 земских и 3 сельскохозяйственных общества) и 48 отделений. Их оборот за 1912 г. составил внушительную сумму — 1129,3 тыс. руб.[130]

Значительного развития достигла в губернии деятельность сельскохозяйственных обществ и кредитных товариществ, которых на 1 января 1914 г. насчитывалось свыше 200. Как и повсюду, они участвовали в снабжении своих членов и окрестного населения посевным материалом и сельскохозяйственными орудиями путем посреднических операций. Нередко при них возникали зерноочистительные и прокатные станции.

* * *

Подведем некоторые итоги.

Как можно видеть, отчеты рисуют картины, с одной стороны, схожие, если не сказать однообразные, ибо схож сам объект описания. В каждом отчете есть довольно монотонные сообщения об успехах агрономической помощи, многие из которых могут показаться мелкими, не заслуживающими внимания и т. п. — если бы не тот факт, что они были частичками, молекулами того НОВОГО, которое зарождалось в России накануне Первой мировой войны.

С другой стороны, отчет отчету рознь, и агрокультурные различия между регионами и губерниями выступают в них с неменьшей четкостью, чем, скажем в статистике получения сельхозмашин. Даже этот сравнительно краткий обзор показывает, насколько индивидуально протекал — при всех близких моментах — процесс механизации отечественного сельского хозяйства в отдельных губерниях страны.

Источники позволяют многократно увеличить число примеров, свидетельствующих о бурном росте потребления сельхозмашин и орудий. Однако едва ли это необходимо.

Вышеизложенного, полагаю, достаточно, чтобы сделать следующий вывод. Активное внедрение техники в сельское хозяйство страны стало одним из главных компонентов мощного подъема аграрного сектора, который был связан со Столыпинской реформой и который уже в предвоенные годы дал ощутимые позитивные результаты.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Анфимов А.М.* Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. М., 1980. С. 165.
2. Аграрная эволюция России и США в XIX – начале XX века. М., 1991. С. 271.
3. Компьютеризованный статистический анализ для историков. Ред. Л.И. Бородкин и И.М. Гарскова. М.1999. С.88–92.
4. *Давыдов М.А., Гарскова И.М.* Рынок сельскохозяйственных машин в России в начале XX в. // Круг идей. Материалы VI конференции АИК. М., 1999. С. 13–16.
5. Там же. С. 17–22.
6. *Пасхавер Б.* Использование графика Лоренца для измерения уровня концентрации. // Вестник статистики, 1970. № 2.
7. *Морачевский В.В.* Успехи крестьянского хозяйства. СПб., 1910. С. 2–3.
8. История СССР с древнейших времен до наших дней. Первая серия. Т. VI. М., 1968. С. 299.
9. Отчеты инспекторов сельского хозяйства и правительственных агрономов по 25 губерниям Европейской России за 1912 г. Ч. II. СПб., 1913. С. 754–755, 772.

10. Известия Бюро по сельскохозяйственной механике за 1912. СПб., 1913. Вып. 6. С. 960–962.
11. Там же. С. 965.
12. Известия Бюро по сельскохозяйственной механике за 1913 г. Вып. 6. СПб., 1914. С. 563.
13. *Морачевский В.В.* Успехи крестьянского хозяйства... С. 4.
14. Там же. С. 4–5.
15. Там же. С. 5.
16. Там же. С. 5–6.
17. Известия Бюро по сельскохозяйственной механике, 1912 г. Вып. 2. С. 143.
18. Таблица 6.14, а также табл. 6.15–6.23 построены на основании сведений, содержащихся в следующих публикациях: *Семенов М.С.* Внутреннее производство сельскохозяйственных машин и орудий в 1912 году и привоз их в Россию // Известия Бюро по сельскохозяйственной механике. 1914. Вып. 2. С. 155–264; *Трифонов В.А.* Внутреннее производство сельскохозяйственных машин и орудий в 1913 году и привоз их в Россию // Известия Бюро по сельскохозяйственной механике за 1915. Вып. 5. С. 63–178.
19. Известия Бюро по сельскохозяйственной механике за 1915 г. Вып. 5. С. 150–151.
20. Известия Бюро по сельскохозяйственной механике за 1914 г. Вып. 2. С. 216–237; Известия Бюро по сельскохозяйственной механике за 1915 г. Вып. 5. С. 64–149.
21. Известия Бюро по сельскохозяйственной механике. 1914. Вып. 2. С. 182–183; Известия Бюро по сельскохозяйственной механике за 1915. Вып. 5. С. 86–87.
22. Отчеты инспекторов сельского хозяйства и правительственных агрономов по 25-ти губерниям Европейской России за 1911 г. СПб., 1913. Ч. II. Б. Черноземная полоса. С. 766.
23. Там же.
24. Там же. С. 769.
25. Там же. С. 763.
26. Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах по данным на 1915 год. Пг., 1916. С. 30–53.
27. Агрономическая помощь в районах землеустройства за 1913 г. Пг., 1915. С. 91.
28. Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах по данным на 1915 год... С. 30–53.
29. Там же.
30. Там же. С. 459–467.
31. Там же. С. 545–547.
32. Отчет о деятельности складов Переселенческого Управления за 1913 г. Омск, 1914. С. 1.
33. *Юрьевский Б.* Возрождение деревни. Пг., 1914. С. 97.
34. Известия бюро по сельскохозяйственной механике за 1914 г. Вып. 2. С. 165–166.
35. Там же. С. 166–167.
36. Сельскохозяйственная хроника Херсонской губернии за март 1902. Херсон, 1902. С. 95.
37. Известия Бюро по сельскохозяйственной механике за.1912 год Вып. 4. С. 680.
38. Известия Бюро по сельскохозяйственной механике за 1912 г. Вып. 6. С. 987.
39. Известия Бюро по сельскохозяйственной механике за 1911 г. Вып. 4. С. 596–597.
40. Известия Бюро по сельскохозяйственной механике за 1912. Вып. 2. С. 140–142.
41. Обзор деятельности уездных землеустроительных комиссий (1907–1908 гг.). СПб., 1909. С. 16.
42. Агрономическая помощь в районах землеустройстве за 1913 г. Пг., 1915. С. 33, 41, 85. (курсив мой. — *М.Д.*).
43. Отчеты правительственных инспекторов сельского хозяйства за 1911 г. СПб., 1913. Отчет по Воронежской губернии. С. 478–479, 482, 488. (курсив мой. — *М.Д.)*.
44. Отчет землеустроительных комиссий Екатеринославской губернии за 1911 г. Екатеринослав, 1912. С. 57 (курсив мой. — *М.Д.*).

45. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1. С. 330.
46. Известия Бюро по сельскохозяйственной механике за 1912. Вып. 5. С. 144.
47. Известия Бюро по сельскохозяйственной механике за 1912. Вып. 5. С. 140–142.
48. Там же. С. 142.
49. Отчет Екатеринославского губернского земского управления по агрономическому бюро за 1897 / 1898 г. Екатеринослав, 1899. С. 58–59.
50. Там же. С. 61.
51. Отчет Екатеринославской губернской земской управы по агрономическому отделению за 1900–1901 экономический год в сельскохозяйственном отношении. Екатеринослав, 1903. С. 22–23.
52. *Морачевский (ред.)*. Агрономическая помощь в России... С. 99.
53. Обзор земских сельскохозяйственных и экономических мероприятий в 1913 г. С. 5.
54. Там же.
55. Там же. С. 29.
56. Там же. С. 26.
57. Отчет о земской агрономической помощи населению Херсонской губернии в1909 г. Херсон, 1910. С. 28.
58. Агрономическая помощь в районах землеустройства за 1913 г. Пг., 1915. С. 36–37.
59. Там же. С. 43–44.
60. Там же. С. 46.
61. Там же. С. 46–47.
62. Отчет о деятельности агрономической организации при Екатеринославской губернской Землеустроительной комиссии за 1911 г. Екатеринослав, 1912. С. 22–23.
63. Там же. С. 87.
64. Отчет о деятельности агрономической организации при Екатеринославской губернской Землеустроительной комиссии за 1912 г. Екатеринослав, 1913. С. 19–20.
65. Там же. С. 154.
66. Там же. С. 155.
67. Там же. С. 165.
68. Там же. С.211.
69. Отчет о деятельности агрономической организации при Екатеринославской губернской Землеустроительной комиссии за 1911 г. С. 74–75.
70. Там же. С. 77–78.
71. Отчет о деятельности агрономической организации при Екатеринославской губернской Землеустроительной комиссии за 1912 г. Екатеринослав, 1913. С. 107.
72. Там же. С. 105.
73. Там же. С. 131.
74. Там же. С. 130–131.
75. Там же. С. 97–98.
76. Отчеты инспекторов сельского хозяйства и правительственных агрономов по 25 губерниям Европейской России за 1911 год. Ч. I. А. Нечерноземная полоса. СПб., 1913. С. 120.
77. Там же. С.37; Отчеты инспекторов сельского хозяйства и правительственных агрономов по 22 губерниям Европейской России за 1912 год. Ч. I. А. Нечерноземная полоса. СПб., 1914. С. 63.
78. Агрономическая помощь в районах землеустройства... С. 124.
79. Там же.
80. Там же. С. 127.

81. Отчеты инспекторов сельского хозяйства и правительственных агрономов по 25 губерниям Европейской России за 1911 год. Ч. I. А. Нечерноземная полоса...С. 221–222.
82. Агрономическая помощь в районах землеустройства... С. 87.
83. Там же. С. 77–80.
84. Там же. С. 90.
85. Там же. С. 91.
86. Там же. С. 91–92.
87. Там же. С. 92.
88. Обзор агрономической деятельности уездных земств Черниговской губернии за 1912 год. Нежин, 1914. С. 101.
89. Там же. С. 106.
90. Там же. С. 107.
91. Там же. С. 108.
92. Агрономическая помощь в районах землеустройства... С. 106–107.
93. Там же. С. 107–108.
94. Там же. С. 108-109.
95. Там же. С. 109–110.
96. Там же. С. 110–111.
97. Там же. С. 148–149.
98. Там же. С. 150–151.
99. Там же. С. 161–162.
100. Там же. С. 164–165.
101. Там же. С. 163.
102. Отчеты инспекторов сельского хозяйства, уполномоченных по сельскохозяйственной части и правительственных агрономов 19 губерний Европейской России — за 1910 год. СПб., 1912. С. 90.
103. Отчеты инспекторов сельского хозяйства и правительственных агрономов некоторых губерний нечерноземной полосы Европейской России за 1913 г. Пг., 1915. С. 285–286.
104. Агрономические и экономические мероприятия Городищенского уездного земства Пензенской губернии. Составил агроном А. Шагин. Пенза, 1914. С. 35.
105. Там же.
106. Там же. С. 40.
107. Там же. С. 40–41.
108. Отчеты инспекторов сельского хозяйства и правительственных агрономов по 22 губерниям Европейской России за 1912 год. Ч. II. Б. Черноземная полоса. СПб., 1914.
109. Агрономическая помощь в районах землеустройства... С. 187.
110. Отчеты инспекторов сельского хозяйства и правительственных агрономов по 22 губерниям Европейской России за 1912 год. Ч. II. ... С. 532.
111. Там же. С. 534.
112. Отчеты инспекторов сельского хозяйства и правительственных агрономов по 22 губерниям Европейской России за 1912 год. Ч.II. ... С. 537.
113. Агрономическая помощь в районах землеустройства... С. 188.
114. Отчеты инспекторов сельского хозяйства и правительственных агрономов по 22 губерниям Европейской России за 1912 год. Ч. II. ... С. 561.
115. Агрономическая помощь в районах землеустройства... С. 190.
116. Там же. С. 190–191.
117. Отчеты инспекторов сельского хозяйства и правительственных агрономов по 22 губерниям Европейской России за 1912 год. Ч. II. ... С. 515, 517.

118. Там же. С. 519–522.
119. Отчеты инспекторов сельского хозяйства и правительственных агрономов по 25 губерниям Европейской России за 1911 год. Ч.II. Б. Черноземная полоса... С. 726–727.
120. Там же. С. 728–729; Отчеты инспекторов сельского хозяйства и правительственных агрономов по 22 губерниям Европейской России за 1912 год. Ч. II... С. 284–285.
121. Там же. С. 286.
122. Отчеты инспекторов сельского хозяйства и правительственных агрономов по 25 губерниям Европейской России за 1911 год. Ч. II. Б. Черноземная полоса... С. 730.
123. Отчеты инспекторов сельского хозяйства и правительственных агрономов по 22 губерниям Европейской России за 1912 год. Ч. II... С. 274–275.
124. Агрономическая помощь в районах землеустройства... С. 229.
125. Там же. С. 230–232.
126. Там же.
127. Там же. Агрономическая помощь в Харьковской губернии. Харьков, 1912. С. 30, 34.
128. Агрономическая помощь в районах землеустройства... С. 233.
129. Там же.
130. Там же. С. 234.

Приложение 1
К ИСТОРИИ АГРОНОМИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В РОССИИ

§ 7.1. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ АГРОНОМИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В РОССИИ

Данный очерк никоим образом не претендует на исчерпывающее описание истории агрономической помощи в дореволюционной России. Он, скорее, призван дополнить, прояснить содержание 6-й главы монографии. В ней мы рассмотрели беспрецедентный рост потребления усовершенствованных сельхозмашин и орудий в России в начале XX в. и убедились в том, что он в большой степени связан с развитием агрономической помощи. Сейчас мы попытаемся оценить этот феномен в более широком контексте перемен в агрикультуре российской деревни в предвоенные годы.

В 1-й части очерка дается общий краткий обзор *некоторых* из основных аспектов истории агрономической помощи в России, во 2-й — содержится характеристика развития агрономической помощи в Херсонской губернии в 1902–1913 гг., позволяющая увидеть эволюцию агрономической помощи хотя бы в одной губернии как нечто цельное, как единый процесс.

Обзор истории агрономической помощи сделан на основании, прежде всего, работы Департамента земледелия ГУЗиЗ «Агрономическая помощь в России» (СПб., 1914. ред. В. В. Морачевский) и историко-статистического очерка А. А. Кауфмана с тем же названием (Самара, 1915). Последний написан сразу после выхода упомянутой книги и, с одной стороны, является комментарием к ней, своего рода «заметками на полях», а с другой, содержит ряд важных мыслей и заключений, ценность которых велика, прежде всего, в силу глубоких знаний, обширного личного опыта и публицистического темперамента автора.

Совсем недавно короткий список литературы, в которой рассматриваются проблемы агрономической помощи в России, пополнился обширным трудом А. В. Ефременко «Земская агрономия и ее роль в эволюции крестьянской общины. (Ярославль, 2002). Подробный разбор этой во многих отношениях полезной работы не вполне сочетается с задачами данного очерка, что, впрочем, не избавляет нас от необходимости сделать по ходу изложения некоторые замечания по поводу авторской концепции. Она внятно сформулирована в аннотации: «На основе большого фактического материала впервые показано осуществление неправительственного варианта модернизации крестьянской общины, связанного с агрокультурной деятельностью земств. В исследовании доказывается, что агриномическая помощь, оказываемая органами местного самоуправления,

являлась более адаптированной к специфическим условиям российской деревни и результативней Столыпинской приватизации земли. Сравнение обеих альтернатив позволяет усилить известный вывод о том, что радикальная земельная реформа сверху исчерпала свой потенциал уже к началу 10-х годов, в то время как умеренная, идущая „снизу“, оказалась прерванной мировой войной на этапе участковой агрономии и подготовленной ею массового перехода трудового крестьянства к кооперации»[1].

Нет возможности сейчас оспаривать позицию автора и, в частности, «известный вывод» о спаде Столыпинской аграрной реформы после 1910 г., который, можно думать, является предметом очень непростой дискуссии.

Отметим, что в обзоре историографии Ефременко уделяет место обеим названным работам. Издание Департамента земледелия удостоилось недовольного комментария. Служебное положение Морачевского, по мнению автора, «не позволило поднять данное пособие (?!) до уровня исторического исследования. Объемная работа, насыщенная многочисленными фактами, имеет описательный характер... К тому же, содержанию земской агрономической деятельности в ней уделено гораздо меньше внимания, по сравнению с ведомственной, что говорит о недостаточной методологической (?!) выдержанности данного официального труда. А иногда проправительственная направленность редакторской позиции препятствовала точной интерпретации исторических моментов, связанных с земской агрономической помощью.

В частности, в книге недооценивается значение фактов возникновения в 80-е годы Пермской и Вятской агрономических организаций для всей земской агрономии. Незаслуженно уделяя им мало внимания, В. В. Морачевский их появление связывал с общей историей земских экономических мероприятий. Таким образом, с одной стороны, имело место явно преувеличенное представление о земской культурно-хозяйственной деятельности в 60–70-х гг., а с другой — принижение роли Пермского и Вятского земств в становлении общественной агрономии...

Но точно также вызывает удивление то, почему организационный период, ведущий начало с 90-х гг., одновременно в книге назван подготовительным? Ведь эти понятия отнюдь не идентичные... На наш взгляд, такое смешение понадобилось для того, чтобы тем самым подчеркнуть общую неразвитость земской агрономической деятельности и, следовательно (?!), ее подчиненность правительственным инстанциям»[2] и т. д.

Надо сказать, что у автора этих строк кое-что «точно также вызывает удивление» — это набор высказанных Ефременко претензий к работе Департамента земледелия, не потерявшей до сих пор научного значения. *Что именно* вызывает недовольство Ефременко, мне лично не вполне понятно, но, видимо, это следует считать «фактом моей биографии», слегка перефразируя В. Б. Шкловского.

Еще категоричнее Ефременко оценивает очерк А. А. Кауфмана. Ефременко считает, что цели Морачевского и Кауфмана «одинаковые», «апологетические по отношению к правительственной агрономии». В доказательство приводится следующая цитата: «С черепашьего, рост правительственной работы, прямо или косвенно направленной к качественному подъему сельского хозяйства, переходит на гигантский шаг, причем увеличению общего подъема правительственных сельскохозяйственных мероприятий способствовали... и усилившиеся заботы правительства об обеспечении агрономиче-

ской помощью вновь нарождающихся крестьянских хозяйств единоличного владения... все это с совершенной отчетливостью может быть прослежено на всей совокупности цифровых графиков... иллюстрирующих постепенность нарастания агрономической работы правительства». Вполне понятно, что этим панегириком известный кадетский деятель показывал, что, в отличие от прошлой своей позиции, всецело поддерживает правительственную реформу[3]. Утверждение, надо сказать, весьма сомнительное. Чтобы убедиться в этом, достаточно воспроизвести приводимую Ефременко цитату полностью, или хотя бы ту его часть, которая раскрывает взгляд Кауфмана на резкий рост правительственных затрат на агрономическую помощь: «Резко возросший или — лучше сказать — впервые обнаружившийся активный интерес правительства к агрономии не только „между прочим“, но в значительной мере обусловлен был весьма быстро наступившим разочарованием в безграничных возможностях переселения и несколько убавившейся верой в единоспасающее и всеспасающее действие отрубов и хуторов»[4]. Не писал панегириков правительству А. А. Кауфман, и к Столыпинской аграрной реформе относился, по меньшей мере, без всякой эйфории. Он «просто» очень любил российскую деревню, которой отдал всю свою жизнь, в отличие от многих «кабинетных» аграрных теоретиков, и для него было не слишком важно, *кто* именно прикладывает усилия, в том числе и материальные, для того, чтобы в этой деревне жить стало лучше. Ярлыки же типа «известный кадетский деятель» в контексте изложения Ефременко комментировать даже и неловко. *Такие* способы «компрометации» оппонентов, принятые в советской историографии, не выглядели уместно в XX в.

Впрочем, по крайней мере, одна причина активной неприязни Ефременко к Кауфману, как кажется, очевидна. Комментируя слабое развитие агрономической деятельности в пореформенные годы, Кауфман пишет:

«В таком невнимании к делу „непосредственной агрономической помощи населению“ повинно отнюдь не одно только правительство, которое мы так привыкли уличать в непонимании истинной нужды народных масс; отнюдь не одно только современное земство, прорехи и промахи в деятельности которого мы так привыкли объяснять административными путами и господством дворянско-землевладельческих элементов. *Повинны* и правительство, и современное земство, — повинны дворянские тенденции и административные препоны, роль которых так ярко просвечивает, хотя бы сквозь даваемую на с. 329 холодно-официальную характеристику формальных условий, которыми еще недавно были обставлены сельскохозяйственные чтения и курсы.

Но не менее того *повинно и общество*, — повинны, в том числе и наиболее прогрессивные, наиболее народолюбивые его круги — повинны и сами деятели общественной агрономии: и улучшение экономических условий, и общая культурность, и общеполитические условия, и больше всего земля, земля, земля, — все это и многое другое выдвигалось на первую очередь, а непосредственное воздействие на земледельческую культуру отодвигалось куда-то в неведомую даль. И не только отодвигалось: во времена первой думы (так в источнике. — *М. Д.*) дело доходило до того, что такое воздействие даже *противуполагалось* истинным народным интересам, — что во всяком, кто осмеливался заикнуться о необходимости повышения качественной стороны крестьянского хозяйства, заподозревали врага народа и скрытого поборника крупновладельческих ин-

тересов. И если правительство П. А. Столыпина, искренно или нет, видело все спасение в *устройстве земли*, то это было лишь реакцией против тех народных и общественных течений, которые все спасение видели в *наделении землей* и которые не в меньшей, а скорее в большей степени игнорировали главное: культуру»[5] (выделено автором).

Понятно, что это великолепно сформулированное мнение никак не вписывается в создаваемую Ефременко земско-агрономическую пастораль. Притом же это оценка не просто очевидца, но активного участника описываемых событий.

* * *

В истории земских мероприятий в области сельскохозяйственных улучшений Морачевский выделяет три периода: 1-й — от появления земств до конца 1880-х гг., 2-й — 1890 – начало 1900-х гг. и 3-й — с середины 1900-х гг.[6] Характеризуя первый из них, он говорит, что это преимущественно было время «чисто экономических мероприятий, направленных преимущественно на организацию кредитной помощи населению; возникавшие в некоторых земствах собственно агрономические мероприятия имели крайне ограниченные размеры, осуществлялись без всякой системы и, за единичными исключениями, при отсутствии какой-либо специальной агрономической организации»[7].

Кауфман высказывается по этому вопросу менее дипломатично: «В сущности говоря, вся история агрономической помощи до начала 90-х гг. прошлого столетия — это *история отсутствия агрономической помощи*»[8]. В эпоху перед освобождением крестьян правительство, которое, вспоминая А. С. Пушкина, по-прежнему оставалось «единственным европейцем» в стране, сделало немало для распространения и развития новых культур (картофеля, кукурузы и др.), мериносового овцеводства, шелководства, виноградарства. При этом мероприятия, которые затрагивали бы основные отрасли сельского хозяйства, не имели, да и не могли иметь сколько-нибудь заметного эффекта. Дело было даже не в ничтожных средствах, отпускавшихся на них, — крепостничество, да и весь хозяйственный строй русской жизни не слишком способствовали техническому усовершенствованию сельского хозяйства[9].

После 1861 г. ситуация в аграрном секторе страны радикально изменилась, с падением крепостного права рухнуло одно из главных препятствий к подъему общего уровня агрикультуры. Казалось бы, настало время, когда можно было помочь крестьянам решить важнейшую проблему — организацию их «свободного труда», помочь им наладить жизнь в новых условиях. Однако в 60–70-х гг. правительство было занято Великими реформами. Когда государственные крестьяне стали просто крестьянами, со стороны правительства «прекратились всякие мероприятия по хозяйственным улучшениям даже и в отношении к этой части сельского населения, тогда как в дореформенный период такие меры принимались правительством в лице бывшего Министерства Государственных Имуществ, попечению которого были тогда вверены государственные крестьяне»[10]. Кажется удивительным, но правительство игнорировало сельское хозяйство «как раз в такое время, когда реформа вызывала коренное переустройство народного хозяйства и приспособление его к новому укладу всей страны и к переходу от натуральной формы хозяйства к денежной. Такое же отношение к сельскохозяйственным интересам сохранило Ми-

нистерство и в последующее затем время, несмотря на то, что началось расширение сельскохозяйственного экспорта по мере роста железных дорог и что Россия вступила на мировой хлебный рынок, конкурируя с Америкой по снабжению Западной Европы хлебом. Начавшийся в 80-х годах мировой сельскохозяйственный кризис особенно обострился в России вследствие низкого культурного уровня сельского хозяйства. Но и в это, особенно тяжелое для сельского хозяйства время, правительство не пошло дальше понижения налоговых тягостей для крестьян и облегчения условий банкового кредита для земледельцев»[11]. Свыше 10 лет потребовалось, чтобы в правительственных кругах не только оценили неприспособленность как крестьянского, так и помещичьего хозяйства к новым экономическим условиям, но и осознали необходимость принятия «самых энергичных мер, направленных к подъему отечественной сельскохозяйственной промышленности»[12]. Однако о сколько-нибудь серьезных сдвигах в этой сфере говорить не приходилось. Кауфман пишет, что деятельность правительства имела место «в столь гомеопатических дозах, которые исключали всякую мысль о возможности какого-либо влияния этих, на бумаге, столь благонамеренных стремлений на сельскохозяйственную действительность»[13].

Надо сказать, что и общественность в отношении сельскохозяйственного просвещения десятков миллионов российских крестьян, за немногими исключениями, оказалась далеко не на высоте того уровня социально-политических притязаний, который многократно и разнообразно декларировался ею в пореформенную эпоху. До некоторой степени показательно, что сама по себе идея агрономической помощи, идея создания регулярной агрономической организации впервые была сформулирована отнюдь не земцами, как считает Морачевский. М. В. Неручев, член Московского Общества сельского хозяйства, на IV съезде сельских хозяев представил проект о мерах подъема аграрной сферы, в котором в числе прочего предлагалось учредить должности губернских инспекторов сельского хозяйства или губернских агрономов, которые должны были разрабатывать рекомендации об оптимальных для данной местности способах ведения хозяйства. В основе этого предложения лежал позитивный опыт деятельности западноевропейских странствующих учителей сельского хозяйства[14].

Большинство земских собраний, получивших на отзыв данный проект в 1876–1878 гг., отклонило его, посчитав, как часто водилось, предлагаемые меры «преждевременными» (один из популярных канцеляритов того времени). Любопытны, кстати, некоторые из приводимых мотивировок такого решения. Например, Владимирское губернское собрание, основываясь на мнении большей части уездных земских собраний решило, что должность губернского агронома не нужна ввиду «промышленного положения губернии». Воронежское губернское земство констатировало, что крестьяне куда больше страдают от общей неблагоприятной ситуации на сельскохозяйственном рынке страны (например, от отсутствия постоянных средних цен на продукцию и т. п.), чем от недостатков в отдельных хозяйствах, которые могут быть устранены каждым крестьянином индивидуально, а поэтому «учреждение должности инспектора сельского хозяйства едва ли даст выгоды, которые окупили бы затраты на содержание этих лиц». В Костромской губернии предложение сочли «преждевременным и в данное время бесполезным», из-за «разбросанности немногочисленных владельческих хозяйств

(крестьянские хозяйства земство совершенно не имело в виду. — *М.Д.*), их малой интенсивности, отсутствия капиталов и пр.»[15]. Смоленское губернское земство и в 1890 г. отклонило идею введения агрономических смотрителей; Ельнинское уездное решило, что «учреждение института агрономических смотрителей совершенно бесполезным в виду того, что крестьяне не заимствуют улучшений из помещичьих хозяйств», а Поречское — мотивировало аналогичное решение «испытанной уже губернским земством бесполезностью этого института»[16]. Словом, не зря в работе Департамента земледелия говорится, что земства «на первых порах уделяли слишком ничтожное внимание в ряду своих мероприятий вопросам улучшения сельского хозяйства»; органы местного самоуправления прямо обвиняются в «уклонении... в продолжение долгого времени от более энергичной культурной деятельности»[17].

Первая земская агрономическая организация возникла лишь в 1879 г. в Верхотурском уезде, а в 1883–1886 гг. во всех остальных уездах Пермской губернии. В 1879 г. она появилась также в Новгородском губернском земстве. В 1894 г., т. е. 30 лет спустя после введения земств, агрономические организации (а не просто агрономы) были лишь в Пермской, Вятской и Херсонской губерниях. Даже в 1904 г. треть уездных и 3 губернских земства продолжали работать без агрономов. Другими словами, к 1883 г. лишь 6 уездных земств имели агрономов, в 1893 г. — 9 губернских и 38 уездных земств, в 1904 г. — 31 губернское земство и около 250 уездных. В 19-ти из 31-й губернии инициатива создания агрономических организаций исходила от губернского земства, что, кстати, ускоряло процесс их распространения в уездах[18].

Задача «воспособления зависящими от земства способами» местному сельскому хозяйству ставилась перед земцами законом, однако мера обязательности ее исполнения не была определена. Сами земские деятели объясняли свое слишком долгое равнодушие к сельскохозяйственным мероприятиям приоритетом развития здравоохранения и просвещения населения, необходимости строительства новых дорог и т. п. И хотя сельское хозяйство не всем земцам было вовсе незнакомо, однако они, видимо, не очень понимали, что именно нужно делать. В этом последнем смысле переживания = раздумья = колебания достаточно компетентного в сельском хозяйстве и *практически* знающего русскую деревню Левина, описанные Л. Н. Толстым в 1-ом томе «Анны Карениной», вполне достоверны. Еще важнее было то, что руководящие круги земства не были убеждены в «целесообразности и даже самой необходимости агрономических мероприятий». Колебания этого рода, неуверенность в самой идее полезности агрономической помощи преобладали в земской среде вплоть до времени Столыпинской аграрной реформы и даже после ее начала. Нередко бывало и так, что сельскохозяйственные мероприятия начинались, а затем бросались раньше, чем они могли принести какие-то зримые результаты, или ликвидировались в самой начальной стадии. В разных уездах и губерниях неоднократно вводились и упразднялись должности земских агрономов, совещания по сельскому хозяйству, склады, школы и даже агрономические организации отдельного земства в целом, хотя это было связано с бесполезной потерей значительных вложенных средств. Подобное отсутствие планомерности, а лучше сказать вопиющая непоследовательность была свойственна подавляющему большинству земств в сельскохозяйственных начинаниях[19].

Даже голод 1891 г. мало что изменил в их отношении к сельскому хозяйству. В этом смысле показательна история становления агрономической помощи в такой крупной черноземной губернии, как Тамбовская.

Жестокий неурожай заставил администрацию задуматься о мерах, которые могли бы предотвратить повторение в будущем уже знакомых бедствий. В конце 1892 г. губернатор барон В. П. Рокассовский, открывая очередное земское собрание сказал, в частности, следующее: «Обдумывая настоящее затрудненное экономическое положение нашего двухмиллионного с лишком крестьянского населения непременно натыкаюсь на вопрос покровительства, развития и руководства производительными силами этого населения. В этой области — вполне, по моим убеждениям, обязательной деятельности земства, — ничего заметного в прошлом, за редкими исключениями, не имеется, разве только борьба с вредными насекомыми и животными.

Считаю своим долгом обратить ваше просвещенное внимание на полную для земства возможность придти на выручку населению покровительством и руководительством в деле развития его земледельческих производительных сил, как это сделало, например, Волоколамское уездное земство»[20]. В Тамбовской губернии другие условия земледелия, чем в Московской, продолжал губернатор, и здесь помимо проблемы «лучшего разделения полевых угодий, придется заняться увеличением и сохранением влаги для борьбы с засухою», причем в этом отношении уже проделано довольно много практической и научной работы, результатами которой он готов поделиться с собранием. В заключение Рокассовский выражал надежду на то, что земство отнесется к этому «наиважнейшему вопросу... с достаточным вниманием» и приложит к нему свое усердие, и обязался быть «неутомимым сотрудником и ходатаем» земцев[21].

Губернское собрание, разумеется, не могло не отреагировать на *такой* призыв и передало вопрос на разработку губернской управе, но Бобынин, автор цитируемого очерка, справедливо отмечает: «Естественно, что трудно было ожидать от мероприятия, возникшего таким образом, чего-либо прочного, продуманного, жизненного. В самих земских деятелях потребность такой работы заложена не была, они шли на поводу и стоило ослабнуть этому поводу, как пропадал интерес к делу. Даже ужасающие картины голода 1891 года не пробудили земского собрания...»[22].

Губернская управа на основании опыта Вятского и Нижегородского земств разработала в общем вполне разумный план, включавший, в частности, учреждение в губернии и уездах соответствующих должностей агрономов, создание опытных полей и др. Однако «она сама не была твердо убеждена в целесообразности своих мероприятий, не настаивала поэтому на чем-либо определенном, а заранее соглашалась на компромисс»: если собрание решит, что агрономы не нужны, то можно остановиться на устройстве складов сельхозмашин и орудий, выписке хороших семян, но, если пройдет обратный вариант, то все же было бы неплохо иметь на службе «хотя бы одного агронома», чтобы он заведовал центральным складом и т. п. Дело было в том, что управа не желала идти вразрез с мнением собрания, а там весьма сильны были позиции противников проведения мероприятий по сельскому хозяйству. На частном совещании землевладельцев большинство участников решило «что еще не наступило время вводить такое дорогое учреждение (как агрономическая организация. — *М. Д.*), потому что условия, при ко-

торых нововведения в сельском хозяйстве могли бы быть выгодными, еще недостаточно к тому благоприятны»[23].

Губернское собрание в декабре 1893 г. весьма симптоматичным большинством — 19 против 16 — все же утвердило агрономическую организацию, но следует отметить, что среди ее противников оказался Б. Н. Чичерин (подробнее см. ниже). Оппозиция была настолько сильна, что Спасское уездное земство уже в ноябре 1894 г. обратилось в губернское собрание с ходатайством следующего содержания: Уездное земское собрание решило прекратить работу агрономической организации в уезде «ввиду непроизводительной затраты на это больших сумм и ввиду того, что подобные расходы для Спасского уезда являются крайне обременительными и отчасти несвоевременными». Большинством 10 против 3 голосов собрание постановило «ходатайствовать перед губернским земским собранием о том, чтобы та сумма, которая ассигнована на агрономическую организацию на Спасский уезд, была сполна выдана Спасскому уездному земству на более неотложные и производительные нужды уезда, а от организации агрономической части освободило бы уездное земство»[24]. В этом не слишком корректном ходатайстве удивительнее всего не его вызывающий тон, а безапелляционность, с которой земские деятели в *крестьянской* губернии не считают повышение уровня агрокультуры крестьянских хозяйств «неотложной и производительной нуждой». Заметим, что агроном проработал там не более 7 месяцев.

Это был первый шаг к ликвидации только что созданной в Тамбовской губернии агрономической организации вообще, что и сделало губернское собрание в конце 1895 г., притом не без злорадного удовольствия, природа которого непонятна не только нам, 100 с лишним лет спустя, но и многим современникам[25].

Развитие земских агрономических мероприятий тормозили, как часто бывало в России, соображения теоретического (иногда — квазитеоретического) порядка.

Во-первых, долгое время доминировало убеждение, что экономический подъем деревни невозможен без обеспечения ее доступным денежным кредитом. В 1860–1870 гг. были открыты сотни ссудо-сберегательных товариществ, после чего их число столь же резко пошло на убыль. Земства разочаровались в новых учреждениях и с конца 70-х гг. были заняты возвращением выданных ссуд. Причина охлаждения вполне символична — услугами товариществ воспользовалась прежде всего зажиточная часть деревни, что было неприемлемо для земских деятелей в силу господствующих общественных настроений. Та же участь, постигла и попытки устройства производственных артелей-товариществ (маслодельных, сыроваренных, смолокуренных и др.), как в силу слабых экономических дарований земцев, так и из-за необеспеченности рынков сбыта[26].

Во-вторых, «сдержанность земств в развитии собственно агрокультурных мероприятий до известной степени еще обусловливались существовавшим в земской среде взглядом, что для проведения в жизнь деревни каких-либо сельскохозяйственных улучшений необходимым условием является предварительное распространение в массах сельского населения рациональных сельскохозяйственных знаний»[27].

Нетрудно заметить, что данная идея не что иное, как специализированная вариация старого, известного в России еще с XVIII в., тезиса, согласно которому крестьян нельзя

освобождать, пока они не просвещены. И в реальной пореформенной жизни страны с сельскохозяйственным просвещением свободных крестьян выходило то же, что до 1861 г. с общим образованием крепостных — условно говоря, поскольку они никогда не были просвещены, то их никогда нельзя было освобождать.

В итоге уже к концу XIX в. сельское хозяйство оказалось в глубоком кризисе, а аграрная реформа Столыпина началась в стране, на большей части территории которой уровень сельскохозяйственных знаний крестьян законсервировался в основном едва ли не на уровне эпохи царя Алексея Михайловича. Декларировать крестьянские нужды и теоретизировать по поводу их решения «культурным кругам» России всегда было легче, чем делать что-то реальное для их уменьшения (в отличие от многих других стран). До 1890 г. появилось лишь 13 низших сельскохозяйственных земских школ и 1 средняя, в 1890-х гг. соответственно 28 и 1. А потом и этот рост замедлился, т. к. часть школ была совсем закрыта.

Внешкольное распространение сельскохозяйственных знаний тоже не получило сколько-нибудь широкого развития, в основном из-за малого числа агрономов, отсутствия в деревне сельскохозяйственных обществ и товариществ, которые могли бы стать своего рода форпостами распространения агрикультуры, а также слабой разработки конкретных агрономических проблем для данной местности. И в этой сфере заметный рост начинается со Столыпинской аграрной реформы.

Б. Н. Чичерин на Московском губернском земском собрании заявил, что сельскохозяйственные улучшения должны вводить частные лица[28]. Он же на Тамбовском губернском земском собрании сообщил буквально следующее: «Все толки о поднятии сельского хозяйства — суть чистокровная фантасмагория. Сельское хозяйство поднимается личной инициативой, а не опытными станциями. Теоретики Петровской Академии, незнакомые с нашими условиями, не могут принести нам пользу; у нас нет сельскохозяйственных обществ, которые задались бы практической разработкой способов поднять хозяйства»[29]. Чичерин обращается к опыту помещиков, которые после 1861 г. стали улучшать системы хозяйства и разорились: «Затрата больших капиталов в землю непроизводительна... Кто меньше кладет в землю, тот получает больше дохода»[30].

Эти мысли в устах одного из самых умных людей страны и одновременно крупного знатока ее истории выглядят весьма симптоматично.

Список подобных высказываний можно продолжить, однако даже те, что приведены выше, вполне характеризуют, на мой взгляд, теоретическую и практическую **незрелость хозяйственно-экономических взглядов тогдашнего российского общества,** притом в лице многих из лучших его представителей, едва ли не принципиально неспособных увидеть и понять суть процессов, которые происходили в важнейшей сфере жизни страны.

После голода 1891–1892 гг. во главе вновь созданного Министерства земледелия встал А. С. Ермолов, которого даже Кауфман считает «человеком, действительно компетентным в вопросах сельского хозяйства»[31]. Новый министр с самого начала стремился разработать план своей деятельности, сообразуясь с наиболее актуальными нуждами отдельных регионов страны, пытался наладить взаимодействие с местными учреждениями. Успеха Ермолов не имел, прежде всего потому, что у министерства от-

сутствовали свои местные органы, и бюджет собственно ведомства был весьма незначителен. В силу этого и влияние его на реальное сельское хозяйство было крайне слабым. Считается, что Ермолов сумел чего-то добиться только в сфере сельскохозяйственного образования. За годы его министерства были подготовлены кадры для будущей агрономической работы. Распространено также мнение, согласно которому главной причиной неудач Ермолова была «систематическая оппозиция со стороны всесильного в то время и тогда еще не желавшего интересоваться сельскохозяйственной промышленностью министра финансов Витте»[32].

Второй период в истории земской агрономической помощи охватывает 1890 – начало 1900-х гг., когда сельскохозяйственные мероприятия, особенно после голода 1891 г., начинают понемногу расширяться и захватывать все большее число земств, когда учреждаются должности губернских и уездных агрономов, и во все большем числе земств создаются специальные сельскохозяйственные совещательные и исполнительные органы и т. д. Этот период Морачевский называет «по преимуществу организационным и подготовительным», поскольку, хотя сельскохозяйственные мероприятия постепенно и расширялись, «тем не менее, по своим размерам оставались в большинстве земств еще слишком скромными и в сферу своего действия и влияния втягивали лишь весьма ограниченную часть сельского населения». Однако в истории земской агрономии роль этого периода весьма важна, т. к. в большинстве случаев именно в эти годы так или иначе были разрешены самые главные организационные вопросы: «Прежде всего, за это время была впервые создана действующая агрономическая организация (институт агрономов, система совещательных сельскохозяйственных и экономических органов, а также органов исполнительных), далее выработаны самые пути и меры к воспособлению сельскохозяйственным нуждам деревни, установлены формы этой деятельности, сложились те или иные взаимоотношения между губернскими и уездными земствами в сфере агрономической помощи населению и установлено во многих случаях известное разграничение задач и круга деятельности губернских земств с одной стороны, и уездных — с другой... В несомненный актив этого периода должно быть отнесено то важное обстоятельство, что за это время во многих земских губерниях было постепенно достигнуто объединение всех действующих агрономических сил, а в постановку самых мероприятий внесена столь необходимая устойчивость и планомерность. Наконец, за эти же полтора десятилетия большинство земств мало-помалу пришло к твердому сознанию, что агрономические мероприятия должны как непременный элемент входить в круг земской деятельности вообще и что надлежаще широкая и прочная их постановка составляет одну из настоятельнейших и очередных задач переживаемого времени»[33].

Кауфман, в частности, так описывает плоды запоздалого осознания общественностью необходимости сельскохозяйственного просвещения народа: «Как... очевидец, решаюсь утверждать, что по отношению к черноземному хозяйству агрономия каких-нибудь 10–15 лет тому назад была совершенно беспомощна. Она не знала, что сказать о таких основных вопросах, как применение на черноземе навозного удобрения, как выбор трав для полевого травосеяния — так живо помню одинокие в то время усилия В. С. Богдана с его житняком в глухом углу Самарских степей! Для нее оставался от-

крытым вопрос, нужно ли идти от отмирающего залежного хозяйства к трехполью и затем уже от него к высшим формам хозяйства, или же в условиях нашей черноземной полосы следует перескочить через трехполье и от залежного идти прямо к некоторому новому типу. А при таких условиях медлить с устройством опытных учреждений, не понимать — как не понимают многие и до сих пор — что *агрономический опыт должен не следовать за уже назревшею потребностью, а идти впереди ее,* — это было „хуже, чем преступлением — ошибкой“, в которой одинаково повинны и правительство, и земство, и те общественные круги, взгляды и настроения которых отражались в деятельности, или, точнее — в бездеятельности правительства и земства.

Да простит мне читатель это невольное отступление... это отступление извинительно со стороны человека, который в былой своей практической деятельности в области крестьянского землевладения и колонизации лоб себе разбивал о неуменье и нежеланье понять то, что теперь стало азбучною истиной... Впрочем, тоже не для всех»[34]. (Можно думать, у Кауфмана были все основания для подобной эмоциональности).

Третий период, по Морачевскому, начинается примерно с середины 1900-х гг. и характеризуется *быстрым развитием земской агрономии вширь и вглубь*. Земства выделяют на агрономическую помощь все большие средства. Схемы и формы агрономической помощи, разработанные в предыдущие годы, находят себе более широкое применение, введение участковой агрономии значительно приблизило агрикультурную работу земств к населению. В эти годы агрономические мероприятия становятся более планомерными, «сильное развитие получает сельскохозяйственное опытное дело; устанавливается более тесное сотрудничество между земством и местными сельскохозяйственными кооперативными организациями; возникают союзные организации земств по закупке земледельческого инвентаря, семян и пр., а также по сбыту сельскохозяйственных продуктов, кустарных изделий и т. д.»[35]

Другими словами, в развитии агрономической помощи произошел перелом.

В некоторой степени он иллюстрируется динамикой роста земских затрат на сельскохозяйственные и экономические мероприятия.

Таблица 7.1. Рост земских безвозвратных ассигнований на сельскохозяйственные и экономические мероприятия по 34 староземским губерниям

Год	Тыс. руб.	% прироста	Год	Тыс. руб.	% прироста
1895	939	100	1905	4169	444
1896	1308	139	1906	4108	438
1897	1508	161	1907	4546	484
1898	1769	188	1908	5397	575
1899	2042	217	1909	6949	740
1900	2350	250	1910	8970	956
1901	2335	249	1911	11399	1214
1902	2905	309	1912	13079	1393
1903	3213	342	1913	16197	1725
1904	3737	398			

Источник: Сведения о деятельности земств по сельскому хозяйству в 1913 г. Вып. 14. Пг., 1916. С. 5.

Нетрудно видеть, что ситуация радикально меняется в 1908 г. До этого времени максимальный прирост затрат в сравнении с предыдущим годом составлял 570 тыс. руб. (в 1902 г.), в 1901 г. было ассигновано на 15 тыс. руб. меньше, чем в 1900 г., а в 1906 г. — также на 15 тыс. руб. меньше, чем в 1905 г. Прирост в 1908 г. составил 851 тыс. руб., в 1909 г. — 1552, в 1910 г. — 2021, в 1911 г. — 2429, в 1912 г. — 1680, а в 1913 г. — 3118 тыс. руб.

Таблица 7.2. Отношение общей суммы земских затрат к посевной площади и к численности сельского населения в 1908–1912 гг.

Годы	В среднем приходилось			
	на 1 десятину посевов		на 1 сельского жителя	
	Копеек	%	Копеек	%
1908	9,9	100	7,7	100
1909	12,7	128,3	9,7	126,0
1910	16	161,6	12,3	159,7
1911	20,1	203,0	15,4	200,0
1912	23,4	236,4	17,4	226,0

Источник: Морачевский В.В. (ред.) Агрономическая помощь в России... С. 101.

Таким образом, всего за 5 лет земские расходы на 1 дес. посева в среднем по 34-м губерниям выросли в 2,4 раза, а на 1 сельского жителя — в 2,3 раза.

Чрезвычайно характерно при этом, что сомнения в пользе агрономических мероприятий в земской среде до конца не исчезли: «Некоторые старые испытанные работники в этой отрасли местной общественно-экономической деятельности, которым пришлось в свое время воспринимать ее первые шаги, защищать самое право ее на существование, иногда не верят своим глазам, глядя на современные опытные станции, с каким-то робким сомнением относятся к современным земским агрономическим бюджетам, составу современных организаций. Кажется, что все это лишь временное увлечение, после которого может наступить печальная реакция; что жизнь и развитие местного хозяйства еще не создали прочных оснований для такого неожиданного перелома в судьбах того дела, которое еще так недавно даже и не считалось серьезной общественной деятельностью»[36].

После 1905 г. изменилась и политика правительства. Нет никакого сомнения в том, что подъем земской агрономии в огромной степени был обусловлен, а во многих случаях инициировался аграрными преобразованиями. Источники оставляют впечатление, что, не будь реформы, агрономическая помощь по-прежнему практиковалась бы лишь сравнительно в немногих земствах.

Переименование Министерства земледелия в ГУЗиЗ, «неизвестно зачем и почему» (Кауфман), поначалу не повлияло на размеры агрономической помощи крестьянству. Начавшаяся Столыпинская аграрная реформа выдвинула в качестве основной задачи ведомства содействие землеустройству и переселению. Только с 1907–1908 гг. расширение деятельности правительства в отношении сельского хозяйства становится заметным, хотя она еще и отставала от начавшей оживляться работы земств. С перенесением центра тяжести землеустройства с банковских земель на надельные (в разных губер-

ниях в 1908–1909 гг.) агрономическая помощь стала одним из важнейших направлений деятельности землеустроительных комиссий и других правительственных органов. Собственно история агрономической помощи в России с этого времени распадается (в перспективе — временно) на две составляющих — земскую и правительственную, или агрономическую помощь в районах землеустройства.

С 1911 г. расходы ГУЗиЗ на сельскохозяйственную сферу намного опережают земские ассигнования. Конечно, громадный рост правительственных затрат на агрономическую помощь и, соответственно, «увеличение общего объема правительственных сельскохозяйственных мероприятий за последние годы способствовали, между прочим, и усилившиеся заботы правительства об обеспечении агрономической помощью вновь нарождающихся крестьянских хозяйств единоличного владения, а также хозяйств крестьян-переселенцев в заселяемых районах Империи»[37].

Сначала агрономической помощью в районах землеустройства в целях объединения «всего дела агрономической помощи населению» руководил Департамент Государственных Земельных Имуществ, а с 1911 г. — Департамент Земледелия. В 1908 г. при губернских агрономических комиссиях были созданы особые агрономические совещания, в состав которых входили члены персонала землеустроительных комиссий, правительственные агрономические чины, члены губернских земских управ, земские агрономы, а также председатели уездных земских управ. Губернаторы, которые являлись председателями этих совещаний, имели право привлекать к их работе и других компетентных людей, чье мнение могло оказаться полезным[38].

В 1909 г. Главноуправляющий землеустройства и земледелия получил право созывать по мере необходимости областные сельскохозяйственные совещания. Они имели целью объединить работы агрономических совещаний однородных в сельскохозяйственном отношении губерний и перевести в практическую плоскость решение вопросов землеустройства и улучшения крестьянского хозяйства. В работе областных совещаний должны были принимать участие как местные правительственные чины, так и представители общественности, хорошо знакомые с крестьянским землепользованием данного региона. Одной из главных задач совещаний должна была стать координация эффективного взаимодействия действий правительственных и земских органов при оказании агрономической помощи населению в районах землеустройства, что было совсем непростой задачей, ввиду очевидной ревности, а часто и прямого неприятия земцами деятельности землеустроительных комиссий и самой реформы.

В 1908 г. в ряде губерний, а позже и в остальных, была учреждена должность заведующего агрономической помощью единоличным хозяйствам. В его компетенцию входило общее руководство этой сферой в данной губернии, разработка *всего* комплекса проблем агрономической помощи и контроль за его реализацией на местах. Поскольку средства, выделявшиеся данной губернии Комитетом по землеустроительным делам, расходовались правительственной организацией, заведующий стал лицом, отвечавшим за исполнение сметы, составлявшейся особым агрономическим совещанием и утверждавшейся затем Комитетом[39]. В силу этого заведующий руководил всем правительственным агрономическим персоналом в районах землеустройства и распоряжался отпускаемыми на агрономическую помощь кредитами. Правительство, как известно,

выделяло земствам субсидии, и заведующий, во-первых, передавал эти деньги земствам, а, во-вторых, участвовал в составлении смет и разработке конкретных организационных планов, а также контролировал их исполнение. На него возлагалась весьма важная функция посредничества между земствами и Департаментом Земледелия.

Не касаясь этой отдельной и сложной проблемы — проблемы взаимоотношений между основными участниками процесса агрономической помощи — земством, правительством и, в ряде случаев, местными обществами, имеющей косвенное отношение к задаче данного очерка, заметим, что противопоставление, даже противостояние их друг другу, усиленно акцентируемое Ефременко, представляется во многом надуманным. Это не значит, конечно, что отношения между земскими и правительственными организациями всегда и везде были идиллическими. Отнюдь. Вместе с тем едва ли корректно представлять их как две совершенно чуждые, чуть ли не враждебные структуры, одна из которых (естественно, ГУЗиЗ), по мнению автора, как бы препятствовала нормальному развитию отечественного сельского хозяйства (зачем-то выделяя при этом миллионы рублей, чтобы поднять его на качественно новый уровень).

В силу новизны самого дела агрономической помощи (притом, что в некоторых губерниях сама агрономическая деятельность земств только начиналась), трудно было вообще говорить об этих взаимоотношениях как о чем-то раз и навсегда установившемся. Да и сферы деятельности между участниками агрономической помощи не были четко разграничены. Во многом это было следствием «слишком неодинаковой степени активности тех или других местных сельскохозяйственных органов в отдельных районах; при малой активности одного из таких органов, например, земства, соответственно усиливается деятельность другого (крупного сельскохозяйственного общества), или при слабой деятельности местных сельскохозяйственных организаций вообще получает значительное развитие непосредственная деятельность центрального сельскохозяйственного ведомства»[40].

Однако магистральная тенденция была вполне ясна. С самого начала своей деятельности ГУЗиЗ, не имевший на местах своей агрономической организации, стремился в максимальной степени опереться в реализации сельскохозяйственных начинаний на существовавшие местные общественные учреждения. И хотя взаимопонимание было достигнуто не сразу и не везде, тем не менее, Департамент земледелия стремился — и это невозможно оспаривать не будучи предвзятым — к передаче проведения «**всех мероприятий непосредственной агрономической помощи в ведение земств и других местных общественных организаций,** при оказании им с этою целью соответствующей материальной поддержки из его средств»[41]. В 1912 г. в 13-ти из 47-ми губерний руководство сельскохозяйственными мероприятиями в районах землеустройства полностью перешло в руки земств. Естественно, что с каждым годом росла и доля средств, которые отпускались земствам из общей суммы кредита на эти мероприятия: в 1910 г. она составила 40 %, а в 1912 г. — уже 53 %. Однако накануне Мировой войны этот процесс был еще далек от завершения.

Самостоятельно Департамент действовал там, где агрикультурная работа общественных учреждений либо отсутствовала вовсе, либо еще не развилась до желательных размеров. За правительством оставалось такое широкое поле деятельности, как высшее

сельскохозяйственное образование, научно-опытная разработка теоретических и ряда практических вопросов земледелия, подготовка техников и специалистов и т. д., а также — в необходимых случаях — общая координация агрикультурных мероприятий.

Участковая агрономическая организация

Для характеристики качественной стороны эволюции земской деятельности в сельском хозяйстве принципиальное значение имеет едва ли не главная идея, лежащая в ее основе — **приблизить** агрономию к населению и **сблизить** их. С одной стороны, речь идет о распространении совещательных сельскохозяйственных органов, с другой, об участковой агрономии. Уже в 1890 г. уездные совещания были в 15-ти уездах, в 1895 г. — в 91-м, в 1900 г. — в 171-м, в 1905 — в 244-х, в 1912 г. — в 312-ти (по неполным данным). Причем в годы Столыпинской аграрной реформы представителей населения, особенно от кооперативов, стали приглашать в эти органы[42].

Участковая агрономия сыграла, может быть, важнейшую роль в пробуждении российской деревни.

Как уже говорилось, необходимость участия земств в подъеме сельского хозяйства осознавалась земцами непросто. Однако как только земства начинали действовать в этом направлении, довольно быстро выяснялась недостаточность предпринимаемых мер, прежде всего, нехватка агрономического персонала. Даже в 1908 г. из 359-ти уездных земств лишь 236 (65 %) имели уездных агрономов, притом только в 48 уездах (13 %) они имели помощников; к слову сказать, 11 из 48 работали в одной Пермской губернии. «Обширность территории огромного большинства уездов, неоднородность хозяйственных условий отдельных районов уезда, чрезвычайная сложность и многообразие проводимых сельскохозяйственных мероприятий, необходимость для уездного агронома значительную часть своего времени отдавать агрономическому дело производству управы и т. д. — все это вместе взятое лишало всякой физической возможности уездного агронома сколько-нибудь полно и равномерно обслуживать агрономической помощью население своего уезда. Практическая деятельность агронома по необходимости носила совершенно случайный и отрывочный характер: кое-где в уезде устраивались показательные поля и участки, велись беседы и чтения, демонстрировались улучшенные сельскохозяйственные орудия и машины и т. д., но все же большая часть уезда обычно оставалась без агрономической помощи. Практическая деятельность агронома как бы скользила по поверхности хозяйства уезда в целом и только в лучшем случае захватывала немногие сельские общества или отдельные хозяйства: при этом проводимые мероприятия касались по большей части изменения к лучшему только отдельных технических приемов хозяйства, а не имели в виду планомерного и систематического усовершенствования всей постановки хозяйства вообще», — так характеризуется агрономическая ситуация компетентными современниками, не оспаривавшими притом значительной роли уездных агрономов в прогрессе земских сельскохозяйственных мероприятий[43].

Выход из этого положения — увеличение агрономического персонала — напрашивался сам собой. Поначалу оно в основном выражалось в приглашении помощников агрономов, агрономических инструкторов, заведующих сельскохозяйственными складами, сельскохозяйственных старост (так называемый низший агрономический персо-

нал), а также в выделении денежных пособий сельскохозяйственным обществам, особенно мелкорайонным, для приглашения секретарей с агрономическим образованием и т. д. Практически одновременно в некоторых губерниях из числа лидеров в смысле внимания к нуждам сельского хозяйства пришли к мысли, что наиболее эффективным способом приближения агрономической помощи к сельскому населению будет введение участковой агрономии, когда уезды делятся на определенное число участков, в каждом из которых должен работать один агроном.

Как и многие другие, данная плодотворная идея впервые была высказана еще в 1888–1889 г., и вновь она исходила от земства Пермской губернии, одной из самых обширных в Европейской России. В 1892 г. Шадринское уездное земство ходатайствовало о разделении уезда на 5 участков, однако недостаток средств позволил губернскому земству выделить лишь одного дополнительного агронома. В 1901 г. Красноуфимский уезд этой губернии и Одесский уезд Херсонской губернии были разделены на 2 участка[44].

Бурное развитие участковой агрономии началось с 1906 г., притом она стала вводиться «как особый институт, согласно предварительно намеченным планам организации, точно и определенно регулирующим как работу, так и взаимоотношения участковой, уездной и общегубернской агрономии»[45].

Нетрудно видеть, сколь стремителен рост и числа участковых агрономов, и общей численности агрономического персонала в 34-х староземских губерниях, выросшей с 401 специалиста в предреволюционном 1904 г. до 3716 в 1913 г., увеличившись, таким образом, более чем в 9 раз. Но столь же очевидно, что это — типичный «рост с нуля».

В 1910 г. проблема участковой агрономии привлекла внимание ГУЗиЗ. В феврале этого года состоялось совещание инспекторов сельского хозяйства, уполномоченных по сельскохозяйственной части и других чиновников Департамента Земледелия по участковой агрономии. Специально созданная комиссия исследовала данный вопрос и пришла к заключению, что участковая агрономия «органически тесно связана с общей деятельностью земства и представляет естественное историческое развитие земской уездной агрономии; ближайшими ее задачами являются изучение местных сельскохозяйственных условий и, в соответствии с выясняющимися нуждами и потребностями, проведение мер, которые имеют ближайшее практическое значение. Из такого существа участковой агрономии вытекает, что означенная организация должна быть делом местным»[46]. На основании этого заключения совещание, в частности, постановило: «Проведение на местах агрономических мероприятий практического характера и осуществление в полном объеме непосредственной агрономической помощи населению должно быть возложено на земскую участковую агрономию при материальном воспособлении от правительства; последнее осуществляет подобную организацию самостоятельно, поскольку в этом встречается надобность, в губерниях не земских, а также при отсутствии или недостаточном развитии земской участковой агрономии»[47].

Было решено также, что Департамент Земледелия должен помогать земствам, вводящим участковую агрономию, предоставляя им до 50 % суммы, необходимой для покрытия расходов на последнюю. ГУЗиЗ начал субсидировать это начинание с 1911 г. Прежде всего учитывалось наличие у данного земства грамотно разработанной программы и готовности его платить половину необходимой суммы из местных средств[48].

Помимо этого ГУЗиЗ приступил к созданию самостоятельной организации участковой агрономии в районах землеустройства. Данные действия подкреплялись существенным ростом финансирования. Если в 1910 г. Департамент Земледелия выделил земствам и сельскохозяйственным обществам на содержание агрономического персонала лишь 24 тыс. руб., то в 1911 г. — 220 тыс. руб., а в 1912 г. — уже 500 тыс. руб., из которых предметно на участковую агрономию — 350 тыс. руб.; в смете на 1913 г. был заложен 1 млн.руб., из них 621 тыс. руб. предназначалась участковой агрономии. Такая мощная поддержка позволила большинству земств ввести ее у себя.

Таблицы 7.3 и 7.4 показывают, что число участковых агрономов резко увеличивается именно в 1910–1911 гг. Если в 1906 г. участковая агрономия существовала в двух уездах Европейской России, в 1907 г. — в 10, в 1908 г. — в 18, в 1909 г. — в 45, то в 1910 г. — в 100, а в 1911 г. — уже в 186; в 1913 г. агрономические участки имелись в 335 уездах, т. е. в 99,3 % всех уездов 34-х старых земских губерний, а также в 53-х уездах 6-ти новых земских губерний. По одним данным в 1912 г. насчитывалось 1112 участков, по другим — 1232[49]. В 6 западных губерниях насчитывалось 215 участков, в Донской области — 17, а если прибавить к ним участки, где работали агрономы землеустроительных комиссий (47 участков в 19-ти уездах 7-ми губерний), то общее их число к 1913 г. составило не менее 1726. В это число не вошли участки, которые временно обслуживались низшим агрономическим персоналом, например, в Бессарабской губернии (12 участков в Бендерском уезде и 13 в Кишиневском)[50]. Проблема расхождения между статистическими данными одного и того же ведомства (ГУЗиЗ), связанная, можно думать, со сложностью своевременного учета информации в постоянно меняющихся условиях глобальной реформы, требует специального изучения. Это, в частности, относится к достаточно запутанным вопросам о количестве агрономических участков и численности агрономиического персонала — некоторые расхождения есть и в используемых нами материалах, однако они непринципиальны.

Таблицы 7.3–7.4 показывают, что в среднем на уезд приходится примерно 4 участка, однако в некоторых губерниях это число значительно больше или, напротив, меньше. Например, в Херсонской оно составляет 10, в Самарской — 9, в Екатеринославской — 6, а вот в Курской — 2,2, в Новгородской — 2,1, в Олонецкой — 2. Наибольшее число участков мы встречаем в тех самых губерниях, земство которых давно и серьезно занималось сельским хозяйством. Это уезды Самарской губернии — Новоузенский (20 уч.), Николаевский (13 участков, в том числе 3 с агрономами землеустроительной комиссии), Бугурусланский (12 уч.), Самарский (11 уч.), затем уезды Херсонской губернии — Елисаветградский (15), Херсонский (14 уч.), Александрийский (13 уч.), уезды Харьковской губернии — Волчанский (14 уч.), Купянский (11 уч.), Константиноградский Полтавской губернии (11 уч.) и др.

Комментируя эти данные, не следует забывать о том, что само по себе число участков не является точным индексом обеспеченности населения вниманием участковых агрономов. Ведь, к примеру, один из лидеров единоличного землеустройства в России — Новоузенский уезд Самарской губернии — имел площадь примерно 35,5 тыс. кв. верст, несколько менее площади Дании и Швейцарии. Один участковый агроном там приходился почти на 1,8 тыс. кв. верст, а в Николаевском уезде с площа-

Таблица 7.3. Численность земского агрономического персонала в 34 староземских губерниях в 1877–1913 гг.

Годы	Губернские агрономы	Уездные агрономы	Участковые агрономы	Помощники агрономов	Низший агр. персонал	Инструкторы и специалисты	Итого
1877	0	1					1
1882	0	2					2
1883	0	6					6
1884	0	7					7
1885	0	8					8
1886	0	12					12
1887	0	14			1		15
1888	1	15		1	1		18
1889	1	17		1	1		20
1890	3	22		1	1	2	29
1891	4	25		4	1	2	36
1892	5	32		4	1	2	44
1893	9	38		4	2	3	56
1894	14	48		5	2	4	73
1895	16	52		7	4	7	86
1896	16	64		7	9	9	105
1897	16	74		7	9	15	121
1898	18	90		8	12	25	153
1899	19	103		9	18	28	175
1900	22	108		13	23	31	197
1901	24	152		17	23	41	257
1902	25	194		18	28	42	307
1903	29	230		23	29	54	365
1904	31	250		31	31	58	401
1905	27	237		46	34	78	422
1906	28	263	10	52	34	80	467
1907	27	259	28	65	42	96	517
1908	25	258	56	75	52	160	626
1909	24	280	109	78	42	182	715
1910	27	312	284	102	151	220	1096
1911	32	294	702	55	511	322	1916
1912	32	242	1077	41	850	526	2768
1913	33	254	1312	48	1235	834	3716

Источник: Сведения о деятельности земств по сельскому хозяйству в 1913 г. ... С. 26.

Таблица 7.4. Рост числа агрономических участков в 1906–1913 гг. в 34 староземских губерниях

Годы	Участковая агрономия введена		Число агроном. участков
	Уезды	Губернии	
1906	2	2	10
1907	10	4	28
1908	18	8	56
1909	45	10	109
1910	100	21	310
1911	247	32	822
1912	309	34	1232
1913	341	34	1522

Источник: Сведения о деятельности земств по сельскому хозяйству в 1913 г. ... С. 29.

дью в 28,5 тыс. кв. верст — на 2,4 тыс. кв. верст, в Елисаветградском уезде — на 920 кв. верст и др.

В ряде случаев земства шли дальше и дробили участки на более мелкие единицы, например, волости, где агрономической помощью заведовали лица с низшим агрономическим образованием (Олонецкая, Харьковская, Вятская, Полтавская и другие губернии)[51].

Интересны критерии, которыми руководствовались агрономы при разделении уездов на участки. Это, во-первых, площадь участка, во-вторых, плотность населения и, в-третьих, число хозяйств на данном участке. Вместе с тем значительное влияние оказывали такие факторы, как естественно-исторические и экономические условия, характер расселения, спрос населения на агрономическую помощь (довольно деликатный момент), наконец, финансовое положение земств и т. д. Так, в Полтавской губернии был принят радиус участка в 15–20 кв. верст с числом волостей не более пяти. В Пензенской же в зависимости от плотности населения и площади пашни устанавливают 4–5 участков на уезд. В Воронежской губернии средняя площадь участка принята в 2000 кв. верст, а в Тамбовской критерий усложнен — площадь 1000 кв. верст, 100 общин и 55 тыс. дес. пахотной земли, но в зависимости от местных хозяйственных особенностей эти параметры могли меняться. В Харьковской губернии сеть агрономических участков создана с таким расчетом, чтобы каждый участок имел площадь радиусом в 15 верст, на нем располагалось до 7000 хозяйств и до 50 тыс. дес. пашни. В Екатеринославской и Херсонской губерниях уездные земства также руководствовались числом волостей, селений и хозяйств. Любопытно был решен вопрос в Волынской губернии, где земство отступило от принципа деления на участки уездов как административных единиц, а решило поначалу разбить территорию губернии в зависимости от различия естественно-исторических условий на 6 районов, а уже затем образовало в них 58 участков. Но с 1913 г. тамошнее земство решило перейти к поуездной организации[52].

Повсюду, кроме трех западных губерний, инициаторами введения участковой агрономии были уездные земства, а губернские координировали их действия, осуществляли общее руководство и финансировали в определенных пределах, никак не стесняя их

Таблица 7.5. Число уездов и агрономических участков по губерниям в 1913 г.

Губернии	Число уездов с уч. агр.	Число участков	Губернии	Число уездов с уч. агр.	Число участков
Бессарабская	7	28	Полтавская	15	77
Владимирская	13	50	Псковская	8	28
Вологодская	8	28	Рязанская	9	29
Воронежская	12	65	Самарская	7	83
Вятская	11	34	Петербургская	8	32
Екатеринославская	8	57	Саратовская	10	45
Казанская	12	40	Симбирская	8	31
Калужская	8	27	Смоленская	11	45
Костромская	11	34	Таврическая	6	26
Курская	15	44	Тамбовская	11	54
Московская	13	52	Тверская	11	40
Нижегородская	11	42	Тульская	6	12
Новгородская	10	26	Уфимская	6	40
Олонецкая	5	10	Харьковская	11	71
Орловская	11	39	Херсонская	6	64
Пензенская	10	46	Черниговская	15	63
Пермская	12	51	Ярославская	10	34
Итого по 34 губерниям				**335**	**1447**
Витебская	11	48	Минская	6	14
Волынская	12	65	Могилевская	5	14
Киевская	12	50	Подольская	7	24
Итого по 6 западным губерниям				**53**	**215**
Всего по 40 губерниям				**388**	**1662**

Источник: Морачевский В.В. (ред.) Агрономическая помощь... С. 169.

инициативы в смысле дальнейшего расширения (сгущения) сети участков. Преуспевали в этом смысле земства тех губерний, которые лидировали по размерам затрат на 1 сельского жителя, как, например, Московская и Воронежская.

Лишь в немногих губерниях (Московской, Пермской, Олонецкой и др.) участковая агрономия вводилась исключительно на деньги земства. Бюджет ее в большинстве губерний, как говорилось, в значительной мере формировался за счет Департамента Земледелия. В Пензенской, Нижегородской, Тверской, Черниговской, Ярославской, Симбирской, Владимирской, Воронежской, Костромской Департамент Земледелия вносил половину необходимой суммы, а губернское и уездные земства — по четверти каждое. Намного реже встречалось положение, когда все участники («спонсоры») вносили по трети суммы (Полтавская, Тамбовская губернии). Иногда участковую агрономию финансировали казна и уездные земства, или же казна и губернское земство (Псковская и Рязанская губернии)[53].

Сельскохозяйственные общества

Одним из важнейших компонентов агрономической помощи была сельскохозяйственная кооперация всех видов, также бурно прогрессировавшая в эти годы.

Здесь, прежде всего, следует отметить сельскохозяйственные общества. Они также, как и участковая агрономия, и, может быть, нередко даже более эффективно давали миллионам российских крестьян то, чего им так не доставало– живой пример *новой* жизни. Их роль, как сельскохозяйственных товариществ и других кооперативов в общем подъеме сельского хозяйства вообще и агрикультуры в частности в начале XX в. пока оценена явно недостаточно.

Специалисты ГУЗиЗ имели полное право видеть в этих обществах «едва ли не самое яркое свидетельство растущего в среде сельского населения сознания необходимости сельскохозяйственных улучшений», которое отсутствовало еще несколько лет назад; общества, по их мнению, «помимо своего самостоятельного и внутреннего значения, играют еще чрезвычайно важную роль в качестве опорных организаций как местных общественных учреждений, занятых делом оказания агрономической помощи населению, так и для центрального сельскохозяйственного ведомства»[54].

В конце 1890-х гг. их число было менее 270, в конце 1905 г. составило тысячу, в конце 1913 г. — почти 5 тысяч. Сельскохозяйственных товариществ и артелей с утвержденными уставами в 1900 г. насчитывалось не более 50, в конце 1911 г. — 325, в начале 1913 г. — свыше 900, причем 321 из них было общим, а 581 специальных. Численность кредитных кооперативов, «имеющих вполне очевидное косвенное, нередко — и более прямое отношение к делу улучшения хозяйства: еще к концу 1903 г. их не было и 400; к концу 1906 г. их было уже 1210, к сентябрю 1909 — почти 3200, а к концу февраля 1913 г. их число достигло уже 7881, — число же аналогичных с ними по цели ссудо-сберегательных товариществ с 836 в 1903 (г.) поднялось до 3034 в начале 1913 г.»[55]. Кауфман считает, что «и в развитии самодеятельности населения, прямо или косвенно направленной к улучшению сельского хозяйства, последние два-три года сыграли *не менее важную историческую роль*, нежели в развитии земской и правительственной агрономии»[56].

Сельскохозяйственные общества могли учреждаться желающими на основании либо нормального, либо особых уставов. В первом случае устав, как правило, утверждался губернатором (если район действия общества не превышал размеры губернии), во втором — ГУЗиЗ по соглашению с МВД[57]. На 1 января 1913 г. 2467 общих сельскохозяйственных обществ из 3412, существовавших к тому времени, т. е. 72,3 % была учреждена по нормальному уставу. А 797 обществ или 23,4 % основывались на Временных правилах 4 марта об обществах и союзах (Устав о предупр. и пресеч. преступлений, статья 118 прил. по Прод.1906 г.). Общества этой категории в массе были сосредоточены в польских губерниях, где их насчитывалось почти 600 (более 75 %). Немало их было также в Витебской (60), Ковенской (42), Виленской (37), Московской (22) губерниях. Подавляющее большинство таких обществ было мелкорайонными, т. е. сфера их деятельности была менее территории уезда.

Наконец, 148 обществ (4,3 %) образовались по особым уставам; в основном это общества, деятельность которых распространялась на территорию в уезд и более того.

Кроме того, имелось 550 специальных обществ, в большинстве своем (в 62 % случаев) учрежденных по специальным уставам.

К концу 1913 г., как говорилось, число обществ выросло до 4665 (из них специальных было 597)[58].

Цель сельскохозяйственного общества, гласит § 1 нормального устава состоит в том, чтобы «содействовать в районе своих действий соединенными силами своих членов развитию и усовершенствованию сельского хозяйства и сельской промышленности». В силу этого общество имело право: 1) изучать положение различных отраслей сельского хозяйства и выяснять хозяйственные нужды и потребности путем совместного обсуждения относящихся сюда вопросов на периодически созываемых собраниях своих членов, в особо образуемых специальных комиссиях и на съездах, а также снаряжать экспедиции и экскурсии, как для обозрения хозяйств своих членов, так и вообще, для всякого рода сельскохозяйственных исследований; 2) распространять теоретические и практические сведения по сельскому хозяйству путем устройства публичных чтений, печатания и распространения своих трудов и всякого рода сельскохозяйственных сочинений, а в случае возможности, и собственного периодического журнала и учреждения сельскохозяйственных училищ, библиотеки и музея; 3) заботиться о выработке наиболее правильных способов ведения хозяйства, с каковою целью общество производит испытания приемов и культур, принятых в других местностях как в России, так и за границей, для распространения тех из них, которые окажутся полезными для местных хозяев, устраивать конкурсы земледельческих машин, орудий, упряжек и т. п., учреждать опытные станции, поля, фермы, сады и питомники и проч., и содействует деятельности сих учреждений, как существующих в районе его действий, так и могущих впредь возникнуть; 4) способствовать хозяевам в правильной постановке их сельскохозяйственных предприятий полезными указаниями и рекомендациями и принимать на себя посредничество по снабжению хозяев нужными в хозяйстве предметами и по сбыту произведений их хозяйств, открывая с этою целью справочно-комиссионные бюро, сельскохозяйственные склады и т. п. 5) устраивать выставки, аукционы и поощрять труды и заслуги на сельскохозяйственном поприще присуждением медалей и других почетных наград» (§ 2 устава)[59].

Другими словами, законодательство трактовало сельскохозяйственные общества как учреждения, сочетающие практическую деятельность по подъему — в самом широком смысле слова — сельского хозяйства страны с просветительской, как имеющие приоритетными задачами «прежде всего общественный интерес и общую пользу в сфере сельского хозяйства обслуживаемой ими местности, будь то в сфере просветительных мероприятий (по распространению знаний, изучению местных условий, выяснению опытным путем различных вопросов сельскохозяйственной практики и т. д.) или мероприятий чисто экономического характера (например, по облегчению хозяевам данной местности приобретения усовершенствованных орудий, доброкачественных семян, удобрительных туков и пр., по содействию в сбыте сельскохозяйственных продуктов и пр.)[60]. При этом нормальный устав акцентировал именно *общественные, просветительские задачи обществ*, которые лишь попутно должны были служить материальным интересам своих членов.

Последнее замечание имеет на первый взгляд не вполне серьезный характер. Но это не совсем так. Дело в том, что от того, в какой мере деятельность того или иного общества соответствовала этим задачам, зависело субсидирование его правительством, земствами и другими учреждениями[61].

Из общего числа 3962 сельскохозяйственных обществ в 1912 г. (считая местные отделы обществ за отдельные единицы, а также земледельческие кружки) 3412 обществ были общими (т. е. по сельскому хозяйству вообще) и 550 специальными (по отдельным отраслям сельского хозяйства). Из числа последних 210 занимались пчеловодством, 105 — садоводством, огородничеством, виноградарством и виноделием, 70 — птицеводством и голубиным спортом, 50 — рыболовством и рыбоводством, 44 — козоводством и кролиководством, 14 — скотоводством и молочным хозяйством, 14 — распространением сельскохозяйственных знаний, 7 — лесоводством, 6 — сельскохозяйственным винокурением, 5 — кустарными промыслами, 3 — хмелеводством, 2 — шелководством и 1 — энтомологией. Имелось также 10 обществ акклиматизации и любителей природы[62].

Понятно, что по территории страны общества распределялись весьма неравномерно. Скажем, в Полтавской губернии их число превышало 300, в Лифляндской губернии их насчитывалось 173, в Пермской — 162 и т. д. В то же время в 4 губерниях их не было вовсе, а 18-ть губерний имели менее, чем по 10 обществ[63].

Эти данные в который раз подтверждают простую и необыкновенно важную для нашей (и не только нашей) страны истину — уровень культуры народа в числе прочего напрямую зависит от усилий тех, кто уже является носителем этой культуры.

Для характеристики как темпов прогресса в сельском хозяйстве страны в годы реформы — а полезность большинства обществ сомнению не подлежит — так и стремления к новым формам хозяйствования, к сельскохозяйственным знаниям, к изменению своей экономической ситуации весьма важен тот факт, что 1825, или 55 % общих сельскохозяйственных обществ, существовавших к 1 января 1913 г. возникло в 1909 г. и позже, т. е. в годы, когда аграрные преобразования стали обретать истинный масштаб[64]. К концу 1913 г. общее число обществ увеличилось до 4663 (в том числе 597 специальных)[65], т. е. за один 1913 г. появилось еще 1581 новое общество, и таким образом, **68 % из 4993 обществ, действовавших на 1 января 1914 г., образовались в 1909 г. и позже.** Тенденция при этом была вполне очевидной — чем шире территориальный охват общества, тем оно, как правило старше, и наоборот — основная масса появившихся в годы Столыпинской аграрной реформы обществ была мелкорайонной. При условии нормального хода дел именно они были эффективным средством реального улучшения дел в сельском хозяйстве конкретной местности, давая крестьянам столь необходимый наглядный пример возможности другого отношения к сельскому хозяйству.

Как можно видеть, среди общих сельскохозяйственных обществ доминируют мелкорайонные с ареалом деятельности в одну волость (40,7 %) и менее волости (около 30 %). Доля обществ с районом деятельности в уезд и более того в сумме не достигала 12 %. А вот специальные общества дают картину обратную. Мелкорайонные составляют среди них 18 %, а более крупные — 70 %, что, в общем, понятно.

Таблица 7.6. Распределение сельскохозяйственных обществ по районам деятельности на 1 января 1913 г.

Район деятельности	Общие общества		Специальные	
	Число	%	Число	%
Империя	3	0	20	3,6
Область (группа губ.)	18	0,5	34	6,2
Губерния	92	2,7	187	34
Группа уездов	53	1,6	25	4,3
Уезд	241	7,1	124	22,6
Группа волостей	603	17,7	59	10,7
Одна волость	1387	40,7	66	12
Менее волости	1015	29,7	35	6,4
Всего	**3412**	**100**	**550**	**100**

Источник: Морачевский В.В.(ред.) Агрономическая помощь ... С. 191.

Количественное преобладание мелкорайонных обществ — прямое свидетельство «демократизации союзных организаций» в годы Столыпинской аграрной реформы[66].

Под чьим влиянием и под влиянием чего возникали общества? Выяснение этого вопроса небезынтересно для анализа наших сюжетов. Согласно данным анкеты Департамента Земледелия более чем в 25 % случаев инициаторами создания мелкорайонных обществ выступали агенты земства, прежде всего земские агрономы. Около четверти обществ появилось благодаря самодеятельности крестьян, хотя, возможно, этот показатель завышен в силу неточного понимания вопроса анкеты. Так или иначе, инициативу проявляли как отдельные крестьяне, так и группы крестьян, и даже целые сельские общества. Среди отдельных крестьян отмечаются крестьяне-торговцы, крестьяне-ремесленники, крестьянин-кузнец, крестьянин-земский гласный, крестьянин-земский страховой агент, крестьянин-курсист и т. д. Когда инициаторами выступали группы крестьян, в анкете употребляются такие обороты: «по мысли передовых крестьян», «более грамотных крестьян», «крестьян, побывавших на сельскохозяйственных выставках»; иногда говорится об инициативе группы хуторян и др. Часто указывается, что первоначальным толчком для организации общества стала информация, почерпнутая из печати: сельскохозяйственной периодики, сельскохозяйственных календарей и т. п. Например, Адишевское общество Костромской губернии возникло благодаря «идее местных крестьян и учителя, читавших сведения о деятельности других обществ и признавших, что поднять местное сельское хозяйство возможно только при организованной деятельности», Большеприваловское общество Воронежской губернии — «после долгого обсуждения и чтения брошюр о сельскохозяйственных обществах», Каменское общество Харьковской губернии — потому что «ознакомившись по сельскохозяйственным журналам с подобными обществами, крестьяне пришли к мысли учредить у себя таковое». Заудайское общество Черниговской губернии появилось в результате «чтения журнала „Сельский Вестник“, где много писалось о сельскохозяйственных обществах и их деятельности» и т. д.[67] Свыше 1/10 обществ возникли по инициативе местных землевладельцев (в основном с уездным и шире диапазоном действия), затем священнослужителей и народных учителей. Среди инициаторов встречаются также служащие ГУЗиЗ,

медики, работающие в деревне, представители местной интеллигенции, сельская администрация и местные сельскохозяйственные учебные заведения[68].

Состав учредителей мелкорайонных обществ явно был более демократичным, чем инициаторов создания обществ с районом действия не менее уезда. Характерно, что в крупных обществах 53 % председателей были землевладельцами, 14 % — земледельцами (в основном крестьянами), а в мелкорайонных — 44 % председателей составляли крестьяне, 13 % — священники и землевладельцы, 10 % — народные учителя[69].

Понятно, что именно «свои», близкие общества, создававшиеся людьми, которым крестьяне имели больше оснований доверять, имели наибольшее воздействие на крестьянскую массу.

Одновременно в России набирало силу мощное **кооперативное движение**. Сельскохозяйственные товарищества и подобные им организации (артели, союзы и пр.) Кауфман справедливо называет «первостепенно важной формой общественной самодеятельности»[70]. Товарищества в зависимости от задач, которые они ставили перед собой, делились на общесельскохозяйственные, которые обслуживали потребности сельского хозяйства вообще, и на специальные, круг деятельности которых ограничивался или определенной отраслью сельского хозяйства (молочное хозяйство, садоводство, виноградарство, пчеловодство и др.) или какой-то сферой мероприятий (пользование сельхозмашинами, мелиорация и др.)[71]. Если за 1898–1906 гг. было утверждено 90 уставов товариществ, 23 из которых были специальными, то в 1907–1909 гг. — 106, из них 25 специальных, а в 1910–1912 гг. — 769, и специальных из них было 543. На 1 января общая численность товариществ превысила 900. Красноречивость этих цифр избавляет нас от необходимости их пространно комментировать.

Многие из товариществ параллельно с проведением операций сугубо коммерческого проводили мероприятия агрономического характера — устройство отделений земских сельскохозяйственных складов, зерноочистительных пунктов, прокатных станций, случных пунктов, показательных участков и др. Часто эту миссию брали на себя кредитные товарищества. Одно из ключевых направлений агрономической помощи — агрономическое просвещение в прямом смысле слова.

Распространение сельскохозяйственных знаний осуществлялось двумя путями — школьным и внешкольным. Что касается первого, то можно констатировать рост числа учебных заведений разных типов, рост затрат на их содержание и др. Рассмотрение системы сельскохозяйственного образования выходит за рамки настоящей работы. Следует, однако, отметить, что в 1912 г. был утвержден устав «народной сельскохозяйственной школы» для взрослых крестьян, получивших начальное образование, которые, как планировалось, будут работать в своих хозяйствах, руководствуясь советами учителей, обязанных как можно чаще посещать своих учеников. Кроме этого, началось преобразование низших сельскохозяйственных школ в низшие сельскохозяйственные училища с дополнительными классами[72]. Однако несмотря на рост числа сельскохозяйственных учебных заведений за 1893–1912 гг. с 68 до 360, т. е. более чем в 5 раз, потребность страны в таких школах далеко не была удовлетворена. Очевидно, что эта цифра для России была еще очень мала.

Тем большее значение имело внешкольное распространение сельскохозяйственных знаний. В начале XX в., особенно в годы Столыпинской аграрной реформы, существен-

но возрос объем мероприятий внешкольного сельскохозяйственного просвещения, что естественно вытекает из заметного изменения многих общих условий жизни российского сельского хозяйства. На первое место Морачевский при этом ставит возросший интерес крестьян к знаниям, а агрономические мероприятия считает сопутствующим и способствующим фактором. Он пишет, что за последнее десятилетие почти повсюду стал обнаруживаться усиленный интерес со стороны самого населения ко всем возможным и доступным ему способам улучшения хозяйства и вместе с тем появляться широкий спрос на компетентный совет, на полезную беседу, на систематические курсы по сельскому хозяйству вообще или по отдельным его отраслям, на печатное слово и т. д.[73]

Здесь соединились несколько процессов, как будто развивавшихся параллельно, а на деле взаимосвязанных. Значительно увеличилась численность агрономического и инструкторского персонала на местах, дающего главный контингент популяризаторов сельскохозяйственных знаний, и в то же время за последние 7–8 лет существенно вырос институт участковой агрономии, так приблизивший агрономическую помощь к населению. За последнее же десятилетие в русской деревне вместо прежних единиц и сотен возникли тысячи сельскохозяйственных обществ и товариществ, кооперативов. Это позволило лекторам и инструкторам при даче советов и ведении бесед иметь дело не с единичными земледельцами или случайными их группами, а с аудиторией, до известной степени сорганизованной и состоящей из наиболее деятельной в сельскохозяйственном отношении части местного населения, а, следовательно, и в большей мере подготовленной к восприятию и практическому осуществлению сообщаемых сведений[74].

Улучшение общих условий агрономической работы в российской деревне способствовало тому, что внешкольное распространение сельскохозяйственных знаний с каждым годом расширялось и в предвоенные годы стало одним из главных компонентов агрономической помощи. «Развитию дела внешкольного образования путем устройства сельскохозяйственных чтений, бесед, курсов и пр. за последнее время содействовало изменение в благоприятную сторону не только самой обстановки деревни для агрокультурно-просветительной работы, о чем говорилось выше (расширение вообще агрономических мероприятий, рост на местах агрономического персонала, развитие участковой агрономии, сгущение сети сельскохозяйственных обществ и других сельскохозяйственных кооперативных организаций в связи с ростом самодеятельности населения и подъемом у него интереса к сельскохозяйственным улучшениям, накопление известного количества опытных данных и пр.), но и многих других внешних условий»[75].

На этих последних следует остановиться особо. В июне 1888 г. был издан закон, по которому в порядке эксперимента было учреждено несколько должностей правительственных агрономов, которые должны были устраивать публичные чтения и беседы, чтобы показать крестьянам важность усовершенствований в сельском хозяйстве. Насколько успешным было это начинание, пока неизвестно. Затем в 1897 г. тогдашнее Министерство Земледелия и Государственных Имуществ утвердило временные правила по устройству чтений при казенных и частных сельскохозяйственных учебных заведениях, подчиненных Департаменту Земледелия. В том же году был издан закон, который предоставлял отдельным министрам и главноуправляющим отдельными частями право своей властью разрешать публичные чтения. При этом от устроителей требовалось пред-

варительное уведомление местного губернатора о пункте, времени и предмете чтений, а также сообщение фамилий лекторов. В случае устройства постоянных сельскохозяйственных чтений организаторы обязывались представлять в Министерство Земледелия и Государственных Имуществ также проекты правил устройства чтений.

Бюрократизация, как можно видеть, совершенно ненормальная. Действительно, *такой* процесс сбора подписей может парализовать всякое желание что-либо делать. Этот закон, в числе прочих подобных, на наш взгляд, — маленький, но яркий пример, характеризующий глубину пропасти между Властью и обществом на рубеже XIX–XX вв.

С 1903 г. руководство сельскохозяйственными чтениями перешло из Министерства народного просвещения в департамент земледелия (шире — Министерства земледелия и государственных имуществ). При этом в полном соответствии с охранительно-полицейскими тенденциями времени лекторов выбирали с согласия губернаторов (?!), программы и тексты лекций (типографские или рукописные) также подлежали утверждению. В мае 1904 г. было утверждено «Положение о сельскохозяйственном образовании». Оно поставило чтения и беседы в ряду других «учебных установлений» для распространения сельскохозяйственных знаний. «Положение» стремилось сделать сельскохозяйственное образование максимально эластичным в смысле упрощения процедуры организации различных учебных заведений, особых классов, курсов, чтений и бесед, учебно-практических хозяйств, музеев, специальных сельскохозяйственных библиотек-читален и других учреждений такого рода[76].

Однако финансовые трудности после войны с Японией задержали введение «Положения». Только в 1907 г. департамент земледелия смог приступить к его реализации. К этому времени был отменен старый чрезмерно бюрократизированный порядок организации народных сельскохозяйственных чтений отдельными лицами, обществами и учреждениями, который как бы априорно предполагал, что лекторы — революционеры; теперь они могли устраиваться явочным порядком на основе Высочайшего указа от 4 марта 1906 г. о публичных собраниях. Агрономы, специалисты и другие лица, для которых проведение сельскохозяйственных чтений и бесед было служебной обязанностью, вообще освобождались от всех формальностей. Кауфман по этому поводу язвительно заметил, что на Западе даже постановка «вопроса о соблюдении или несоблюдении таких формальностей должностными лицами при исполнении их „прямой обязанности“ звучал бы насмешкой», а «у нас — и на то спасибо господам правителям... «некоторых губерний»[77]. Впрочем, ниже мы убедимся в том, что у местных властей оставалось широкое поле для произвольной интерпретации Высочайшей воли.

Динамика роста числа чтений видна из таблицы 7.7.

Нетрудно видеть, что темпы роста, как числа чтений, так и числа слушателей просто фантастические. За 1911 г. было проведено чтений больше, чем за 1905–1910 гг., а за 1912 г. лишь немногим меньше, чем за предшествующие 1905–1911 гг. Впечатляет и цифра слушателей — свыше миллиона (!) человек. И хотя в традиционной историографии пренебрежительно говорится, что это лишь 4 % всех крестьян страны, беспомощность этого аргумента совершенно очевидна. Добавим, что приведенные данные почти наверняка неполны, притом именно за последние годы, — «трудность полного и правильного учета всех случаев чтений при сравнительной новизне этого дела, почти

Таблица 7.7. Динамика роста числа чтений

Годы	Число пунктов чтений	Число слушателей (тыс. чел.)	Ассигн. Деп. земл. (тыс. руб.)	Ассигн. местные (тыс. руб.)
1905	85	31,6	7,5	нет/свед.
1906	282	34,4	10	нет/свед.
1907	312	36	10	нет/свед.
1908	415	48	20	нет/свед.
1909	1964	233,9	33,5	11,7
1910	2491	296,5	35	31,4
1911	6429	717,6	143,4	37
1912	11162	1046	175	41,7

Источник: Морачевский В.В. (ред). Агрономическая помощь... С. 330.

внезапном его росте и недостаточно удовлетворительной организованности его статистики чрезвычайно возросла»[78].

В 1912 г. подавляющее число чтений имело место в 40 земских губерниях, почти в 90 % из 11462 пунктов. И здесь лидировали те губернии, в которых агрономическая помощь пустила уже глубокие корни. Так, в Полтавской губернии чтения проходили почти в 2000 пунктов (это почти 1/5 всех отмеченных случаев), при этом в 1913 г. здесь отмечено 2732 чтений. В таких губерниях, как Орловская, Тамбовская, Херсонская, Харьковская, Курская, Черниговская, Екатеринославская, Симбирская, Саратовская число чтений в 1913 г. было не ниже 450. При этом явный прогресс отмечается и в нечерноземных и остальных северно-черноземных губерниях: в Вологодской губернии чтения проходили более чем в 475 пунктах, в Нижегородской — свыше чем в 450, в Рязанской и Воронежской — более чем в 400 в каждой и т. д.[79]

В 1913 г. в Орловской, Тамбовской, Херсонской, Курской, Черниговской, Екатеринославской, Симбирской, Саратовской губерниях число слушателей колебалось от 25 до 50 тысяч. Отрадно было, что внешкольные мероприятия активно развивались и теми земствами, где агрономическая организация вообще была развита еще слабо. Например, в Тульской губернии число чтений выросло со 182 в 1912 г. до 332 в 1913 г., а число слушателей увеличилось с 9 до 14 тыс. чел., в Волынской в 1912 г. было устроено 280 чтений при 17 тыс. слушателей, в Могилевской в 1913 г.– 304 и 20 тыс. соответственно. Почти 2/3 всех чтений организовывались земствами, более 25 % — ведомственными учреждениями и агентами и, наконец, около 13 % — сельскохозяйственными обществами и частными лицами[80].

Аналогичных итоговых данных за 1913 г., к сожалению, нет.

Представляется уместным завершить этот краткий обзор истории агрономической помощи в России емкой характеристикой А. А. Кауфмана: «Во всех областях и проявлениях агрономической помощи последнее приблизительно пятилетие является, таким образом, „совершенно исключительным временем небывалого подъема“. И как бы ни относиться к деятельности современного — назовем его так — министерства земледелия в области аграрной политики, нельзя не отдать ему справедливости в том, что в деле агрономической помощи оно сумело хорошо использовать благоприятную для себя

конъюнктуру; надо отдать ему справедливость и в том, что оно сумело найти для своей работы ту верную основную ноту — *единение с местными органами самоуправления и поддержка свободной общественной самодеятельности*, которая так резко выделяет его из общего уровня наших «ведомств» и которая успела приобрести ему совершенно исключительные общие симпатии. И все мы — как отлично сознает само сельскохозяйственное ведомство — почти что не ушли дальше преддверья. «Если — читаем мы в новом издании Департамента земледелия, — принять во внимание отсталость нашего сельского хозяйства, а, с другой стороны, исключительную важность сельскохозяйственного промысла в народном хозяйстве России, станет вполне очевидным, что практикующиеся в настоящее время меры агрономической помощи населению по своему общему объему находятся еще в слишком большом несоответствии с размерами действительной и давно (давно, давно!) назревшей в них потребности. При этом, кроме недостаточности своего объема, осуществляющиеся сельскохозяйственные мероприятия далеко не вполне еще удовлетворяют многим другим требованиям; так, например, они часто не обладают желательной территориальной равномерностью, даже в пределах небольших районов не всегда отличаются необходимой системностью и планомерностью, во многих случаях лишены достаточной устойчивости, нередко представляются мало согласованными друг с другом», — все это, как уже отмечалось, в значительной мере потому, что местные общественные, в частности, земские круги далеко не везде еще достаточно прониклись убеждением в полезности и *неотложности* широкого и всестороннего развития агрономической помощи. Агрикультурный расход правительства еще в 1912 году составлял всего 15 к. на душу сельского населения, и приблизительно столько же — расход земства; это при том, что доля каждого жителя империи в государственном расходном бюджете в 1912 г. составляла почти 16 рублей...

Неудивительно, что «спрос со стороны населения на просвещенное руководство и советы агрономов повсеместно неизмеримо превышает наличные силы имеющегося персонала, несмотря на широкое за последнее время развитие участковой агрономии»[81].

Тем не менее, на этом пути *уже* были достигнуты немалые успехи. Их мы сейчас и рассмотрим.

§ 7.2. АГРОНОМИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Представляется необходимым конкретизировать информацию краткого обзора основных моментов истории агрономической помощи в России, имеющих прямое или косвенное отношение к изучаемой проблематике. С этой целью ниже дается очерк развития агрономической помощи в Херсонской губернии, одной из немногих, где земство было свободно от пагубного предубеждения против организации сельскохозяйственных мероприятий.

В пользу этого выбора говорят следующие обстоятельства. Во-первых, агрономическая помощь начала развиваться здесь еще в 1890-х гг. Во-вторых, губернское земство публиковало отчеты по единообразной форме, в отличие, скажем, от земства Екатеринославской губернии. В-третьих, достоверность отчетов не вызывает сомнений. Их ни-

как нельзя назвать победными реляциями — они большей частью даже несколько пессимистичны, в чем нетрудно будет убедиться ниже. Привлекательная черта некоторых цитируемых уездных отчетов — большая эмоциональность, непосредственность авторов. Отчеты Херсонского земства позволяют представить круг забот земских агрономов, меру их трудов и цену их маленьких (и не маленьких!) побед над повседневностью.

Напомню удивительно точную фразу П. А. Столыпина о том, что аграрный вопрос нельзя решить — его можно только решать. Несколько предвосхищая дальнейшее изложение, замечу, что отчеты дают пример именно *решения* большей части сложнейшего комплекса проблем, именуемых «аграрным вопросом», решения постепенного, но не обязательно медленного. Легко представить, что так, или примерно так, могло быть во многих губерниях.

В совокупности этих отчетов, может быть, как нигде **проявляется взаимосвязь и взаимозависимость мероприятий агрономической помощи.** Именно поэтому, прежде всего, они и предлагаются вниманию читателя.

Один из уездных агрономов Херсонской губернии как-то охарактеризовал воздействие сельскохозяйственных чтений на аудиторию так: «Реальные результаты чтений учесть трудно, так как всякое нововведение в крестьянском хозяйстве являлось результатом и показательного поля, и демонстрирования машин, и продолжительных бесед, и проч. Чтения вызывают интерес и объясняют, а показательное поле убеждает в справедливости прочитанного. Одно связывает другое, и оба должны идти рука об руку»[82]. Эта мысль важна для понимания механизма влияния агрономической помощи на крестьян.

Земская агрономическая помощь, как говорилось, началась в Херсонской губернии еще в 1890-х гг. В этом факте есть нечто удивительное. В ЦЧР, в большинстве северночерноземных губерний, где крестьяне не знали, чем себя занять, «куда себя девать», где аграрное перенаселение было едва ли не самым тяжелым в стране, земства игнорировали сельскохозяйственные проблемы. А в губернии, которая на этом фоне казалась достаточно благополучной, которая была одним из главных поставщиков зерна на внешний и внутренний рынки, где еще оставались определенные резервы для экстенсивного расширения запашки, — земство не жалело сил и денег, чтобы научить крестьян рационально пользоваться тем природным богатством, которое им досталось. И это была правильная политика, ибо десятки миллионов пудов отправляемого со станций губернии хлеба лишь до поры камуфлировали системный кризис, в котором находилось сельское хозяйство Юга России вообще и Херсонской губернии, в частности.

Наглядное представление об этом дает, например, отчет об агрономической помощи за 1908 г. Ананьевского уездного агронома Кудинова (в нашем распоряжении есть немало и других аналогичных). 1908 год для Херсонской губернии был неурожайным, и недостатки полеводства, как и любой системы в момент кризиса, выступили вполне рельефно. Кудинов пишет, что основными причинами плохого урожая явились «главным образом неблагоприятные атмосферные особенности, при весьма некультурных приемах крестьянской обработки почвы». Засуха лета-осени 1907 года вынудила отложить посев озимых на конец октября после того, как выпали дожди. «Поздние посевы и были первой причиной гибели озимых, т. к. они пошли в зиму слабыми, нераспустившимися; сухая же и малоснежная зима только окончательно побила озимые посевы»[83]. Однако

некоторые земледельцы и в этих условиях смогли получить приличные сборы. Хороший урожай дали ранние (августовские) посевы на черных и ранних зеленых парах. «1908 год особенно ярко указал на значение паровой обработки под озимые и ранний их посев: озимые на парах дали сбор урожая от 80–110 пуд. зерна с десятины у землевладельцев... и от 70–106 пуд. на показательных полях, обрабатываемых крестьянами»[84].

В Ананьевском уезде, распаханном «до последних пределов... характер полеводства на надельных землях находится в самом неудовлетворительном состоянии, и **причины хронических недородов надо искать не в почвенных и климатических условиях, а исключительно в приемах обработки земли и т. д., вообще полеводства.** Плодородие и богатство почвы Херсонской губернии, этой поистине житницы России, ярко обнаруживается при рациональной ее обработке и пользовании ею у немногих частных владельцев, которые собирают урожаи в 3–4 раза большие, чем крестьяне; земские показательные поля, которые обрабатываются тем же малосильным крестьянином с самым доступным инвентарем для всякого среднего земледельца, дают урожаи в 2 раза и более, чем рядом лежащие крестьянские поля. Бесспорно, **все бедствие неурожая истекшего, так и других прошлых лет, лежит в некультурной обработке земли, хаотическом пользовании землей, в чересполосице, не дающей возможности разбить степь на клинья, в отсутствии признаков какого-либо правильного плодосмена**»[85].

Землю крестьяне обрабатывают весьма примитивно: зяблевая (т. е. осенняя под яровое. — *М. Д.*) вспашка занимает не более 25 % всей посевной площади; остальная земля пашется весной. Глубина вспашки 2 ½ –3 вершка; в больших размерах практикуется посев наволоком (т. е. когда не пашут, а только заборонят, заравнивают бороной семена. — *М. Д.*); на десятину высевается 7–8 пуд. семян; посевные семена сорные, зараженные зоной (Phyllis — вредитель. *М. Д.*), пожнивной вспашки черных и ранних зеленых паров совсем нет; пропашных паров кукурузы ведется около12 % всей посевной площади; на западе уезда кукуруза занимает около 25 %, на востоке — около 3–5 % всей посевной площади. «**О каком либо чередовании хлебов на надельной земле нет и речи:** колосовый хлеб сеется на одном и том же месте три, четыре года подряд; за яровым хлебом — озимый, за озимым — яровой до тех пор, пока не одолеют окончательно сорные травы; затем эта полоска идет под кукурузу или однолетнюю толоку.

Надельные земли не разбиты на клины и представляют собой „пестрополье“. Отсутствие общего толочного клина заставляет хозяина пасти скот, как говорят, „с рук“ на своей узкой полоске до времени уборки хлеба, а пастбищный период, продолжающийся до глубокой осени, по стерне, затрудняет возможность делать черные и ранние зеленые пары для озимого посева и притом посева раннего или среднего по времени, а также сеять кормовые травы, поскольку скотом выбивается и то, и другое. **Отсутствие порядка в землепользовании составляет основное зло крестьянского полеводства**»[86].

Негативные стороны аренды земли не дают мелкому хозяину возможности завести улучшенные приемы полеводства, ввести черные пары и пропашные культуры. Отмечается, что некоторые землевладельцы оговаривали оставление части земли под ранние зеленые пары и пропашные — это «заслуживает внимания и подражания».

«Некультурное ведение полеводства в связи с экономическими условиями, с неорганизованностью сбыта продуктов земледелия, частыми неблагоприятными метеорологическими явлениями, отсутствием прочно установленной агрономической помощи, составляет те отрицательные причины, которые задерживают улучшение мелкого крестьянского хозяйства и делают высокий труд земледельца таким тяжким и мрачным»[87].

Как в большинстве губерний Европейской России, проблема кормовой базы стояла в Херсонской весьма остро, ибо свободные земли заканчивались, и под распашку шли луга и покосы. Кудинов отмечает, что «восьмилетняя пропаганда люцерны оставила заметные успехи распространения ее в крестьянском хозяйстве» уезда. И «все же посевы ее не вышли из огородов и приусадебных мест на поля... **Основная причина, препятствующая развитию травосеяния** в поле тех обществ, которые уже давно знакомы с люцерной по урожаям сева ее на огородах, — **это отсутствие определенных полевых клиньев — „пестрополье“. До тех пор, пока пахотная земля будет хаотической, а не разбитыми на клинья полями с установленным севооборотом, пока не будет отведено в поле определенного места для многолетних трав, люцерна будет сидеть в огородах и палисадниках и не выйдет за околицу»**[88].

Эти мысли показывают, как далеки от реальности распространенные ныне идеи, которые сводят **все** беды отечественного сельского хозяйства только к влиянию неблагоприятных природных условий.

Крайне важными для понимания круга проблем, стоявших перед агрономической помощью, притом не только в Херсонской губернии, являются следующие мысли Кудинова: «**В каждой общине встречаются свои передовые сознательные лица, которые стремятся перейти к улучшенным приемам полеводства и перенести в сельскую среду начала кооперации; но преобладающее господство отсталых соседей крепко удерживают свои устарелые порядки землепользования и с недоверием относятся к новым неведомым для них сельскохозяйственным организациям.** Вдохнуть в эту часть населения сознание в полезности введения новых приемов полеводства, сорганизовать их в одну хозяйственную единицу, т. е. кооперацию — в этом заключается первая и самая трудная задача для земского агронома, идущего в население с единственным пока орудием — словом увещания, если не считать тех скромных практических приемов реального воздействия на крестьянские хозяйства, какие заключаются в устройстве показательных полей и участков. И **до тех пор, пока не будут приложены все средства и способы воздействия на крестьянское сельское хозяйство, должно воздерживаться от приговора невозможности новой лучшей жизни мелкого крестьянского хозяйства в недалеком будущем»**[89]. Заметим и следующее. Трудно сомневаться в том, что у сотен практиковавших агрономов был индивидуальный взгляд на свою деятельность и разные приоритеты в этой деятельности. Нельзя не заметить, что Кудинов считает главной целью кооперацию, а агрономическую помощь на данном временном этапе — «скромным практическим приемом», без которого, тем не менее, ничего не выйдет.

Организация показательных мероприятий, прежде всего показательных полей, с самого начала стала одним из важнейших слагаемых агрономической помощи.

«В числе средств, которыми пользуются агрономы для сообщения сельскому населению сведений о рациональном полеводстве, несомненно, должно поставить на первом месте показательные поля... Показательные поля, на которых правильно и толково ведется дело, несомненно достигают своей цели: дают возможность наглядно убедиться в пользе правильной обработки почвы, правильного севооборота и т. п.» — такая характеристика содержится в Отчете за 1906 г.[90]

Показательные поля появились в Херсонской губернии еще в 1890-х гг., т. е. тогда, когда в большинстве регионов страны об этом никто и не думал. Куда более высокая урожайность на показательных полях в сравнении с соседними крестьянскими была для многих крестьян весомым аргументом, хотя источники показывают, что это воздействие не всегда было прямым. Крестьянам часто трудно было отрешиться от привычных стереотипов.

С течением времени выяснилось, что степень влияния полей прямо пропорциональна их численности, точнее, густоте. В губернском отчете за 1902–1903 гг. так комментируется распространение показательных полей по уездам и реальное соотношение числа полей и селений. В 1902 г. 47 показательных полей находились в 40 из 202 волостей губернии, и в среднем одно показательное поле приходилось более, чем на 100 селений. «Если принять во внимание», — говорится в отчете — «что в среднем волость занимает площадь в 31782 дес. и что показательное поле может оказать непосредственное влияние лишь на строй полеводства одного селения, а чаще даже — части его, при которой оно ведется, то нельзя не отметить крайней недостаточности существующего числа показательных полей. Этот недостаток может быть устранен увеличением числа показательных полей... При 8 полях в уезде для каждого посещения агроному приходится проезжать 7–8 волостей, теряя непроизводительно много времени на переезды. Затем одно показательное поле в 5 десятин на целую волость — это **слишком ничтожный агент и влияние его микроскопично»**[91].

Эти жесткие слова — точка отсчета развития агрономической помощи в Херсонской губернии в XX в. В отчете за 1905 г. они повторяются дословно с той лишь разницей, что теперь одно поле приходится уже не на 100, а на 88 селений[92]. Так завязывается *интрига*! А перспектива ее развития такова, что за 10 лет число полей (без показательных участков) увеличилось с 47 до 1491, т. е. в 32,4 раза. Но это в будущем. А пока агрономов волнуют такие проблемы, как наличие при показательных полях сельхозмашин и орудий, которые помогли бы воочию демонстрировать крестьянам улучшенные и правильные приемы обработки почвы. Агрономы считали, что разумнее было бы ограничиться устройством показательных полей лишь в 2–3 волостях каждого уезда, но зато вместо одного поля в волости открывать 5–7, что, несомненно, повысило бы их воспитательный эффект[93].

В отчете за 1908 г. говорится: «Из многолетней практики в Херсонской губернии выяснилось, что наибольший эффект производят те показательные поля, которые устраиваются на засоренных крестьянских землях (такие земли большей частью и предлагаются агрономам самими крестьянами). Для показательных полей не следует брать участков, бывших в перегуле, например, из-под толоки или сенокоса, так как в таком

случае все удачи на показательном поле крестьяне приписывают хорошему качеству земли и **не допускают мысли, что на повышение урожая имели влияние культурные приемы обработки**»[94]. Эта мысль дословно повторяется в отчете за 1909 г.[95]

В отчетах ежегодно приводятся сведения о постепенном росте влияния показательных мероприятий и сравнительные урожаи на показательных и соседних крестьянских полях, размеры которых явно не в пользу последних. Кстати, для характеристики щепетильности составителей отчетов нелишним будет привести тот факт, что они верят далеко не всем цифрам об урожайности на показательных полях, которые приводятся в уездных отчетах, в частности, за 1902–1903 гг. Вместе с тем они считают, что, «откинув сомнительные цифры и взяв средние для уездов... необходимо сделать тот вывод, что результаты более или менее правильного ведения полеводства весьма внушительны». Но, «несмотря на очевидную выгодность демонстрируемой системы полеводства, распространение ее пока весьма слабо, хотя кое-где появляются последователи из крестьян»[96]. Эта мысль дословно повторяется в отчете за 1905 г.[97]

Число полей в губернии постепенно возрастало, однако совсем не так быстро, как хотелось бы агрономам.

«Отмеченные еще в отчете за 1901 год факты влияния показательных полей на обработку соседних можно продолжить указанием подобных же фактов и за отчетный период: крестьяне с. Компанеевки (Елисаветградского у.) ни на своей надельной, ни на купленной ими земле, окружающей показательное поле, паровой обработки не делали и кукурузы не сеяли; большинство из них и теперь, по уборке урожая, сеют озимый хлеб или в стерню под буккер после дождя, или же, убрав хлеб в копы, поднимают жнивье буккером или плугом (первое чаще) на глубину около 2-х вершков и оставляют вспаханное поле лежать до дождей. После дождя сеют озимый хлеб под борону»[98]. Эта мысль повторяется и в отчете за 1905 г., причем с новыми примерами[99].

Надо полагать, что факт таких повторов проистекал не только от нежелания изобретать новые формулировки для описания одних и тех же явлений. Очевидно, что он определенным образом отражал действительно малые пока что темпы сельскохозяйственного прогресса в губернии.

«За отчетный период некоторые из упомянутых крестьян перешли поодиночке к правильной паровой обработке в общем около 40 дес. на своих купленных участках, на которых сеют также кукурузу и делают пожнивную вспашку под яровые»[100].

Сотни тысяч (если не миллионы) крестьян, в том числе и в Новороссии, было убеждено в невыгодности, нерентабельности паров. Тривиальное незнание здесь сочеталось с понятной потребностью в деньгах; сама мысль о том, что земля будет «в простое» была неприятной для крестьян. Но жизнь всегда богаче схем. Можно реконструировать характерный эпизод.

В отчете за 1902–1903 гг. говорится, что «местами на севере Херсонской губернии у крестьян встречаются поздние, так называемые „петривчаны пары“, занимающие иногда значительные площади (например, в Ровенской и других волостях — до 20 % пашни). Вместе с тем обрабатывают их крестьяне „совершенно неправильно“, потому что на „петривчан пар“, как правило, поднимают землю плугами не раньше конца июня, вспаханное поле не боронится, а лежит в плужных скибах вплоть до посева». Крестья-

не уверены, что оставлять землю в плужных скибах лучше потому, что будто бы земля при этом «перегорит и выпарится» (примечание агрономов — «Вероятно, описанный способ обработки получил известное распространение потому, что при нем уничтожается значительная часть пырея»). Посев озимых по «петривчану пару», считает агроном, возможен только после дождей, а если осень сухая, то эти пары приходится оставлять под посев яровых. Вывод специалиста логичен: именно в этих районах необходимо устраивать показательные поля, ибо там они окажут «свое полное полезное влияние», поскольку крестьяне, знающие, что нужен хоть какой-то пар, пусть и непрактичный, по мнению агрономов, скорее воспримут нововведения[101]. Этим идеям суждено было осуществиться — район села Ровное к 1913 г., как мы увидим, стал одним из наиболее ярких примеров благотворного влияния агрономической помощи на сельскую жизнь Херсонщины.

В отчете говорится, что до открытия Турчановского поля никто из крестьян дер. Колмаковки паровой обработки не производил и кукурузы не сеял, в отчетный же период некоторые крестьяне готовили занятой пар кукурузой. В м. Ровном до открытия показательного поля не удавалось убедить крестьян заняться посевом кормовых трав, а в отчетный период посеяли люцерну 32 домохозяина. В м. Новоукраинке под влиянием бесед с агрономическим смотрителем и показательных полей состоялся сход, на котором решено просить земство командировать агронома для нарезки надельной земли на клинья в том приблизительно порядке, в каком эта нарезка сделана на показательных полях[102].

В Александрийском уезде крестьянское общество с. Бокового отвело 10 дес. из общественной запашки для выяснения вопроса о том, насколько паровая обработка земли повышает урожай колосовых хлебов. Приводятся и другие примеры, однако весьма характерно замечание о том, что «на надельных же землях подобное явление (перенос севооборота. — *М. Д.*) не имело места, так как на это требуется согласие целого общества»[103].

Подобного рода факты содержатся практически в каждом отчете.

Из отчета за 1906 г.

В 1906 г. губернское земство выделило 1000 руб. на устройство показательных полей и 2000 руб. на приобретение инструментов и книг для агрономов и на покупку семян кормовых трав для бесплатной раздачи хозяевам. Комментируется это так: «Других средств в распоряжении агрономов не имелось, что, конечно, нельзя признать нормальным: например, агрономы, устраивая показательные поля, иногда за отсутствием у крестьян, обрабатывающих эти поля, надлежащих орудий бывают лишены возможности демонстрировать правильную обработку означенных полей, так как в свою очередь не имеют средств на наем или приобретение нужных орудий. Необходимо в интересах дела, приглашая агрономов, снабжать их и некоторыми средствами на приобретение или взятие на прокат того или иного орудия и т. п. Показательные поля, на которых правильно и толково ведется дело, несомненно, достигают своей цели: дают возможность наглядно убедиться в пользе правильной обработки почвы, правильного севооборота и т. п. Но одно показательное поле может иметь влияние на сравнительно

весьма небольшой район. Между тем... видно, что хотя число их увеличилось по сравнению с прошлым годом, но все еще их очень мало. На это обстоятельство указывалось и в отчетах за прошлые годы.

Было замечено также, что при ограниченном числе агрономического персонала деятельность его должна сосредоточиться в нескольких волостях, а не на пространстве всего уезда. Опыт отчетного года показал, что с учреждением должностей помощников агрономов явилась возможность сразу значительно увеличить число показательных полей. Так, например, в Елисаветградском уезде, где учреждена означенная должность, стало 26 показательных полей вместо бывших 15-ти». К концу года и остальные земства, кроме Одесского, также ввели должность помощников агрономов[104].

Из отчета за 1907 г.

Между тем работа агрономов понемногу начинала давать плоды: «В населении явилась потребность в улучшенном ведении хозяйства: крестьяне стали обращать внимание на качество посевного материала; местами рядовые сеялки мало-помалу вытесняют разбросной посев; некоторые крестьяне (поодиночке) вводят на своих землях пар, посевы кукурузы. Агроном Александрийского уезда упоминает о полевом хозяйстве некоторых селений, где введена переходящая по всей пахотной земле толока, причем срок оставления толоки постепенно сокращается с 3 лет до 1 года (пос. Ивановка, Новостародубской волости). Товарищество крестьян д. Алеевки на своей земле ввело с отчетного года 4-польный севооборот... Крестьяне д. Морозовки Бандуровской вол. постановили приговором 1/6 часть надельной земли оставлять под пропашное и установили правильный 6-польный севооборот. Отмечается, что в Ананьевском уезде стала распространяться пожнивная вспашка. Севооборот, демонстрируемый на показательных полях, некоторыми крестьянами переносится на их земли, но чаще бывает, что крестьяне начинают производить правильную паровую обработку на своих землях»[105].

В какой сложной обстановке вели агрономы свою работу, показывает имевшая место в 1907 г. попытка Херсонского уездного агронома склонить целое сельское общество перейти к улучшенной зерновой системе полеводства.

В Иванцовском обществе насчитывалось 339 домохозяев и 1700 дес. пашни. Несмотря на крупные размеры селения, агрономы решили перейти к правильной системе полеводства именно здесь. В течение 10 лет тут работало показательное поле, «которое благодаря отличному ведению дела заведующим полем очень интересовало крестьян сравнительной высотой своих урожаев. Наконец, личное знакомство уездного агронома с некоторыми из молодых и интересующихся сельскохозяйственными улучшениями домохозяев создало контингент лиц, могущих оказаться полезными в деле воздействия на членов Иванцовского общества в желательном направлении»[106].

Агроном в марте, июне, июле и сентябре вел беседы и со всем сходом, и с отдельными крестьянами. «Однако уже во второй приезд агронома в Ивановку выяснилось, что склонить целое общество к переходу нет возможности. Целый ряд неблагоприятных для дела влияний заставил громадное большинство членов общества изменить свое первоначальное решение. Так, малоземельные крестьяне, боясь раздробления своих и без того мелких наделов, а также — расходов при переделе, категорически отказы-

вались от участия в предложенном мероприятии, склоняя к тому же и других. Такая же агитация осенью повелась со стороны многоземельных крестьян, должностных лиц общества и т. д. В ход были пущены всевозможные угрозы и запугивания. Говорили, например, что если кто станет устраивать у себя пары, то те общественными приговорами будут лишены права выгона своего скота на пашню; затем — что **земство, склоняя крестьян к устройству паров, хочет добыть доказательства, что никакого малоземелья в Ивановке нет** и т. д.»[107].

К августу месяцу удалось все же составить товарищество из 23 человек, владевших вместе 219 десятинами. Поскольку общество от передела отказалось, было принято решение собрать участки членов товарищества в «три куска», обменяв участки с «несогласными к переходу», а затем всю собранную таким образом землю разбить на 6 полей и отвести в каждом из них членам товарищества соответствующую часть надела. Земство определило размер пособия: 10 руб. за десятину пара и 5 руб. за десятину пропашных культур.

Дальнейшие события показательны во многих отношениях и, прежде всего, в плане характеристики деятельности местной администрации. В августе в Ивановке были произведены обыски у тех, кто принимал наиболее деятельное участие в переговорах о переходе к улучшенной системе землепользования. Подверглись обыску учитель земской школы А. И. Леонов и 6 крестьян. «Население поставило эти обыски в связь с трехдневным пребыванием агронома в Ивановке (в августе) и его разговорами о „черном паре“ и еще с большей подозрительностью стало относиться к задуманному переходу. В конечном счете к 14 сентября из 23, записавшихся в члены товарищества, осталось лишь 5 человек с 40 дес. земли, которые с весны 1908 г. решили приступить к эксплуатации своих наделов на вышеприведенных условиях»[108].

Данный пример с наглядностью плаката демонстрирует тормозящее влияние общины на сельскохозяйственный прогресс. Можно думать, что это не единственный подобный случай в России.

Из отчета за 1908 г.

Число показательных полей и участков значительно увеличилось по сравнению с прошлым годом в тех уездах, где были участковые агрономы, в остальных же изменений почти не произошло. По-прежнему по уездам число показательных полей и участков колебалось от 2-х в Тираспольском до 53-х в Одесском (5 полей и 48 участков с паром и пропашными): «Хотя по сравнению с прошлым годом, когда насчитывалось всего 71 показательное поле, число их увеличилось значительно, все же их еще очень мало, в особенности принимая во внимание, что некоторая часть показательных полей и участков не вполне оправдывают свои названия, чаще всего вследствие неудачного подбора лиц, работающих на них, а иногда вследствие недостаточного наблюдения за показательными полями со стороны гг. агрономов»[109]. Обработка показательных полей производилась инвентарем заведующего полем, а в некоторых случаях, когда это было возможно, орудиями для обработки пара и рядовыми сеялками с ближайших земских прокатных станций. Этот прием, говорится в отчете, заслуживает самого широкого распространения, потому что только при наличии соответствующих сельхозмашин и орудий можно требовать и надлежащей обработки показательных полей, которые смогут «проявить в

полной мере свое значение», «обнаружат несравненно больший эффект, чем это было раньше, да в большинстве случаев существует и теперь»[110].

«Из многолетней практики в Херсонской губернии выяснилось, что наибольший эффект производят те показательные поля, которые устраиваются на засоренных крестьянских землях (такие земли большей частью и предлагаются агрономам самими крестьянами). Для показательных полей не следует брать участков, бывших в перегуле, например, из-под толоки или сенокоса, так как в таком случае все удачи на показательном поле крестьяне приписывают хорошему качеству земли и не допускают мысли, что на повышение урожая имели влияние культурные приемы обработки. Так как агроному в большинстве случаев приходится устраивать показательные поля на землях засоренных, и крестьянину не всегда легко сразу изменить принятый в его хозяйстве размер посева, то вышеозначенные севообороты с запольными люцерновыми клиньями приходится вводить не сразу в первый год открытия показательных полей, а постепенно, предварительно, например, подготовив поле, предназначенное под люцерну, культурой пропашных»[111].

Отчет призывает всеми способами поддерживать вновь возникающие или еще не окрепшие сельскохозяйственные общества, которые хотят устроить показательное поле. Это было бы разумным использованием средств губернского земства[112].

Уездные агрономы, как всегда, отмечают, что влияние показательных полей сказывается главным образом в усвоении населением отдельных технических приемов[113].

В Херсонском уезде, например, особенно сильно распространяется вспашка на зябь, причем она почти не практикуется во многих из тех местностей, где показательных полей не имеется, например, на землях, расположенных на берегу Днепра.

Елисаветградский уездный агроном отмечает влияние показательных полей на распространение посевов люцерны в селе Ровном. Здесь раньше бытовало мнение, **«что скот от люцерны будет пропадать»,** и что **«если агроном и советует ее сеять, то потому лишь, чтобы что-нибудь говорить, иначе ему в земстве денег платить не будут»;** а теперь, видя в течение 4 лет урожаи люцерны на показательном поле, за семенами люцерны обращается масса желающих сеять. Распространялись также и «правильные посевы» кукурузы[114].

Из отчета за 1909 г.

В отчете говорится, что число показательных полей в губернии за два последних года выросло вдвое, хотя и неравномерно по отдельным уездам. Если в Тираспольском их по-прежнему было всего 2, то в Одесском 23, не считая 60-ти участков с паром и пропашными. Причина проста — **«там, где существуют участковые агрономы, число полей растет, а там, где их нет, цифры остаются почти без изменений»**[115].

Увеличение количества показательных полей не отменяло сугубой важности качественной их обработки. В отчете за 1909 г. приводятся весьма красноречивые впечатления губернского агронома от осмотра показательных полей во время поездки по губернии с середины мая до середины июня: «1) в Херсонском уезде на земле, отведенной воронцовской экономией, так называемое Фирсовское показательное поле в действительности не может быть показательным ни по месту, ни по рельефу, ни по обработке, ни по выбору крестьянина, ведущего обработку. Под Фирсовское поле отведены далеко

от проезжей дороги прорванная земляная плотина и небольшое место около нее в балке, через которую и построена плотина: последняя создает исключительные условия рельефа и совершенно неуместна на показательном поле. Паровой клин, вспаханный в апреле, остался до конца мая не боронованным в пластах; в озимом клину — рожь вымокла; в клину пропашных — вместо кукурузы посеян (слишком рано) — и то не вовремя — гаолян, всходы которого лишь изредка уцелели. Посевы яровых имели жалкий вид и не выделялись в хорошую сторону от окружающих посевов.

Ряд упущений... отчасти объясняется неудачным выбором крестьянина, которому поручена обработка (этот крестьянин бездетный и весной отбывал наказание в тюрьме); отчасти удаленностью поля от места жительства агронома. Словом, поле названо показательным по недоразумению...

2-й пример. Село Копани, Херсонского уезда, близ станции железной дороги, в 3-х верстах от г. Херсона. Крестьянам села Копаней принадлежит хорошая земля, надел каждого в одном куске. На надельной земле в 3-х местах заложены показательные поля. Вид паровых и люцерновых клиньев весьма удовлетворительный, состояние посеянных хлебов можно приравнять к лучшим хлебам на всей надельной земле. К сожалению, в занятом пару посеяны баштаны, тогда как следовало бы в данном случае хотя (бы) часть занять кукурузой в виду того, что крестьянами села Копаней кукуруза в поле не возделывается.

3-й пример. Камышеватское показательное поле Елисаветградского уезда, близ с. Компанеевки. Существует с 1902 года. Расположено близ дороги из Елисаветграда на Бобринец. Поле это обрабатывается чрезвычайно тщательно и по обработке является в полном смысле показательным: паровой, озимый, пропашной клинья, люцерна, яровая пшеница после занятого пара не только не хуже по сравнению с соответствующими культурами смежного крупного имения (Н. Н. Бракера), но даже превосходят их.

4-й пример. Показательные поля *групповые* на площади около 250 десятин на земле г-жи Соколовой-Бородкиной близ имения Раздолье. Имеют вид, совершенно не соответствующий их названию. Общее впечатление — дурно обработанных крестьянских полей; даже озимая пшеница по парам мало отличалась от крестьянской, а яровые встречались и хуже средних крестьянских. Поля запущенные. Масса повреждений от сусликов и хлебного пилильщика.

5-й пример. Новоселовское показательное поле в Ананьевском уезде на недавно ликвидированной удельной земле велось в течение 7 лет одним и тем же лицом. Здесь влияние севооборота, сделавшего полный цикл, выступает весьма рельефно. Любой хозяин без труда заметит это поле в массе крестьянских засоренных посевов не только потому, что на нем имеется хорошо обработанный паровой клин и люцерна, но и по выдающемуся озимому и яровому: как озимая пшеница, так и яровая, особенно посеянная после пропашных, гораздо чище и лучше окружающих однородных посевов крестьян на той же удельной земле. Люцерна, занимавшая в течение 6 лет одно и то же место, по густоте травостоя выглядела не хуже 3-летней люцерны в Херсонском уезде»[116].

Впечатления, как можно видеть, полярные. Во всяком случае, сам по себе факт наличия показательного поля не может однозначно интерпретироваться как свидетельство повышения агрикультуры в той или иной местности. В отчете за 1909 г. довольно

подробно описывается процесс функционирования показательного поля. Сначала агроном ищет из местных крестьян «лицо, склонное к новшествам в хозяйстве и пользующееся среди своих односельчан авторитетом хорошего хозяина; у такого домохозяина обыкновенно бывает исправный живой и мертвый инвентарь»[117].

Влияние показательных полей сказывается, как и раньше, главным образом в усвоении населением отдельных технических приемов, распространении посевов кукурузы и люцерны. Так, почти во всех уездах можно отметить распространение зяблевой вспашки под яровые, ранней вспашки под озимые хлеба, рядового посева. В районах, где кукуруза не возделывалась раньше в поле, под влиянием показательных полей она стала возделываться сотнями десятин и т. п.[118]

Из отчета за 1910 г.

Примерно с 1910 г. агрономическая помощь в Херсонской губернии начала переходить на качественно иной уровень.

В стране все активнее разворачивалась Столыпинская аграрная реформа. В губернии продолжала развиваться участковая агрономия. Херсонский уезд был поделен на 7 участков, Елисаветградский — на 15, Александрийский — на 10, Тираспольский — на 7, Одесский — на 5, а в Ананьевском, как и в 1909 г., список агрономического персонала исчерпывался участковым агрономом Харченко и безымянным заведующим сельскохозяйственным складом[119]. Резко выросли ассигнования на агрономическую помощь[120].

Значительные затраты были сделаны Александрийским и Елисаветградским уездными собраниями в связи с телеграммой П. А. Столыпина об оказании агрономической помощи единоличным владельцам. При этом уездные собрания решили ходатайствовать перед правительством о выделении земствам пособия в связи с землеустройством на сумму, равной земским ассигнованиям на экономические мероприятия[121].

Показательные поля и пропаганда травосеяния по-прежнему занимали очень важное место в деятельности земств. Общее число показательных полей составило 399, т. е. на 269 — или в 3 раза — больше, чем в предыдущем году. Столь радикальное увеличение объяснялось тем, что на ликвидируемых казенно-оброчных статьях весьма прозорливо было устроено 227 показательных полей. Это усилило существовавшую неравномерность в распределении показательных полей по уездам. Дисбаланс отчасти объяснялся и давностью существования агрономической организации: там где она «уже окрепла и участковые агрономы успели завязать непосредственные сношения с населением, открытие показательных полей идет более ускоренным темпом, чем в тех уездах (например, Ананьевский и Тираспольский), где агрономическая организация только еще налаживается»[122].

В 1910 г. началась организация агрономической помощи хуторянам и арендаторам губернского города Херсона, которому принадлежали 30 тыс.дес. пахотной земли. Можно думать, что губернский агроном Зиновьев не был равнодушен к этому начинанию, ибо при описании данного сюжета его обычный сухой стиль несколько оживляется[123]. Дело в том, что близость этой земли к губернскому центру обещала сделать эксперимент образцовым в полном смысле слова. «Городские арендаторы, ведшие полеводство

до сего времени самым примитивным образом, производившие посев наволоком, а в лучшем случае под буккер, без зяблевой вспашки, не имевшие понятия о севообороте, совершенно не практиковавшие в поле ни культуры пропашных (кукурузы), ни рядовых посевов, ни пожнивной вспашки, приступили в отчетном году к правильной обработке арендуемой у города земли: к введению шестипольного севооборота, паровой зерновой системы полеводства: 1) пар, 2) озимая пшеница, 3) ярь, 4) пропашные, 5) озимь или яровое, 6) яровое. Впервые городом Херсоном введена сдача земли своим хуторянам в долгосрочную 6-летнюю аренду с вышеупомянутым обязательным севооборотом» пока на трех из 30 тыс.дес. Вскоре здесь начала работу прокатная станция[124].

Таблица 7.8. Средний урожай в пудах с дес. на показательных полях всех категорий, существующих более одного года, и смежных с ними крестьянских полях (Херсонский уезд)

	Пшеница озимая	Пшеница яровая	Рожь	Ячмень	Кукуруза
Крестьянские наделы	66	29	73,7	86	101
Показательные поля	126	54,9	136,6	131	263,6
Выше на показательных полях в %	91	89	85	52	161

Источник: Отчет о земской агрономической помощи... в 1910 г. С. 16.

В этом отчете **впервые** приводится сравнение валового дохода при правильном шестиполье на показательных полях, с одной стороны, и при пестрополье на крестьянских полях, с другой, сделанное Херсонским уездным агрономом Танашевым. В 1910 г. первые оказались доходнее вторых на 63,3 %. Значительный интерес представляют аналогичные подсчеты за предыдущие годы. В 1905 г. превышение доходности составило 46,1 %; в 1906 — 34,8 %; в 1907 — 70,8 %; в 1908 — 35 %; в 1909 — 14,1 %; а в среднем за 1905–1910 — 43,7 %[125]. Зиновьев резюмирует: «Таким образом, пропагандируемое земством шестиполье, даже при отнюдь не образцовом ведении показательных полей (несвоевременное выполнение необходимых работ, часто плохие семена, отсутствие более совершенного инвентаря и т. д.), все же за последние 6 лет показало, что в сравнении с господствующим в уезде пестропольем, оно может повысить валовую доходность земли приблизительно до 43,7 %»[126].

Что касается влияния показательных полей на введение усовершенствованных способов обработки почвы соседними земледельцами, то агрономы отмечают в своих отчетах, что такое влияние продолжает сказываться, главным образом, в усвоении населением отдельных технических приемов, распространении посевов кукурузы и люцерны.

Весьма важным представляется следующий вывод Зиновьева, сделанный после этой стандартной фразы: «**Препятствием к распространению в губернии более рациональных приемов земледелия служат, главным образом, причины экономического характера, а затем уже косность и некультурность населения,** выражающаяся во враждебном отношении ко всякого рода новшествам в рассматриваемой области»[127].

Из отчета за 1911 г.

Число показательных полей выросло в сравнении с предыдущим годом с 399 до 642, или в 1,6 раз, а по отношению к 1909 г. почти в 5 раз. В губернии была пройдена та важная стадия процесса увеличения, когда рост в 243 единицы составляет по отношению к исходному уровню 60,9 %.

В 1911 г. доходность на показательных полях Херсонского уезда по подсчетам Танашева была выше, чем на соседних крестьянских на 77,4 %, а в среднем за 1905–1911 г. составила 48,5 %[128].

Влияние показательных полей на местное полеводство по-прежнему выражалось, главным образом, в усвоении населением отдельных технических приемов, распространении культуры пропашных, посевов люцерны и т. п. Участковый агроном Херсонского участка писал об этом: «Крестьяне, видя лучшие результаты от приемов, применяемых на показательных полях, по мере возможности стараются и в своих хозяйствах применять те же приемы: ...лущение, вспашку на зябь, рядовой посев, промывание семян формалином и в „синем камне“, весеннее боронование». Было зарегистрировано 2500 дес. пожнивного лущения с последующей вспашкой на зябь[129].

Агроном Березнеговатского участка Херсонского уезда по вопросу о влиянии показательных полей пишет: «Здесь я приведу лишь один факт такого влияния. На Б.-Нагартовской казенно-оброчной статье из 6-ти арендаторов примерных участков правильную обработку и посев в прошлом году произвел лишь один; остальные советов агронома не выполняли, находя, что **урожай не дело рук человеческих и что агроном советует «так, абы так».** В отчетном году они наглядно убедились в выгодности правильной обработки и решили во что бы то ни стало и самим работать правильно: делать пожнивную вспашку и зябь под яровые посевы, держать черный пар всегда в чистом и рыхлом виде, бороновать весною озими и т. д.». Далее тот же агроном сообщает: «Рядом с этими же участками находится земля г. Зосименко; он в отчетном году сеял траву, а потом жито, сейчас же выорал свою землю, около 20 дес., на зябь. Такой прием им никогда до сих пор не практиковался»[130].

Агроном Александровского участка Херсонского уезда пишет: «Несмотря на кратковременное существование полей в моем участке, уже теперь является возможность констатировать факт заимствования населением применяемых на показательных полях приемов, как, например, пожнивного лущения с последующей вспашкой на зябь и рядового посева. Черный пар также обратил на себя внимание крестьян: в последующее время несколько крестьян с. Шестерни заявили мне о своем желании ввести на своих полях правильный севооборот с чистым паром»[131]. Приблизительно то же самое сообщают и другие участковые агрономы.

Из отчета за 1912 г.

Число показательных полей в губернии увеличивалось из-за роста их на казенно-оброчных статьях[132].

Идея 6-летней аренды с обязательным севооборотом, введенная по «инициативе и плану губернского агронома» на землях города Херсона, продолжала успешно реализовываться. Арендаторами было подписано договоров уже более, чем на

15 тыс. дес., и Зиновьев не без гордости сообщал о том, что на городских землях имелось уже 2,5 тыс. дес. чистого пара и столько же земли под пропашными. Была организована 2-я прокатная станция, а для помощи арендаторам город нанял специального агронома[133].

В Херсонском уезде средняя доходность при 6-польи оказалась на 90,1 % выше, чем при пестропольи. В итоге в среднем за 1905–1912 гг. она составила 53,7 %[134].

Относительно влияния показательных полей Александрийский уездный агроном сообщал: «Еще так недавно полевая культура кукурузы в некоторых районах уезда совершенно не была распространена в крестьянском хозяйстве, и там два-три года назад кукурузу сеяли на огородах или при баштанах, культивировали ее скорее как огородное растение (для еды в незрелом состоянии); но мало-помалу с показательных полей и участков кукуруза стала переходить и на крестьянские поля, сначала в виде небольших участков в ¼–½ дес.; с годами размер участков все увеличивается, и эта культура по достоинству начинает оцениваться населением, и в настоящее время смело можно сказать, что во многих хозяйствах кукуруза вполне завоевала себе положение и что никакие невзгоды с нею не вытеснят ее из системы полеводства этих хозяйств, потому что кукуруза здесь вошла в обиход хозяйства. Хочется верить, что не задолжится то время, когда наш крестьянин не сможет обойтись без этого ценного растения, — кукуруза должна дать ему основной корм скоту, лошадям, свиньям, птице и проч., а в некоторые годы кукуруза прокормит и его самого[135].

Из отдельных приемов полевой техники, перенятых с показательных полей, должно отметить: распространение пожнивного лущения и ранней вспашки на зябь (вообще зяблевая вспашка приняла в Александрийском уезде полные права гражданства)... Местами делают пар черный или ранний весенний. Наконец, с принятием в круг полеводства новых культур — яровой вики, кукурузы, пропашного проса и чистого пара — явилась потребность ведения разумного чередования их с колосовыми хлебами, что и наблюдается в некоторых крестьянских хозяйствах как позаимствования с показательных полей, на что указывают участковые агрономы в своих отчетах; но это пока не носит характера твердо установившейся системы полеводства, и обыкновенно из года в год севооборот подвергается изменению как по величине площади культур, так и самых культур. Но все-таки **в настоящее время „севооборот“, „кукуруза“, „чистый пар“ и проч. не являются крестьянину страшными, — он с охотою берет в аренду землю с условием ведения полеводства с чистыми и занятыми парами, к чему принудить его 3–4 года назад представлялось немало труда.** В настоящее время были случаи, что уже сами крестьяне сдают свою землю с условием ведения полеводства по примеру показательных полей...»[136].

Агроном Александровского участка Херсонского уезда пишет, что показательные поля вызывают большой интерес, «крестьяне внимательно следят за всем, что и как делается на показательных полях, подробно расспрашивают о производящихся на полях работах и о результатах практикуемых на показательных полях приемов». Есть пример, когда поля располагались между 2-мя селами на расстоянии 1,5 верст и сильно влияли на полеводство крестьян, ибо они могли постоянно наблюдать за ними и делать выводы[137].

Агроном Каменского участка, отмечая большое распространение вспашки на зябь, о пожнивном лущении пишет: «Население ничуть не отрицает пользы его, но на правах общинного землепользования не может производить этой работы в большом масштабе. Как известно, так называемая царина (царанина, по Далю, — *бсрб* от *волош.* — цараземля, степь — *нврс* — пахотная степь, поле или выгон. — *М. Д.*) служит повсеместно выпасом для скота, а во влажные годы и сенокосом. Благодаря показательным полям крестьяне стали обращать серьезное внимание на боронование озими и люцерны, кукурузу сеют на более редком расстоянии, обрабатывают хорошо междурядья, поддерживая этим землю в рыхлом состоянии, и производят пасынкование (ощипывание бесполезных побегов, которые отнимают соки у растения, чтобы дать ему более сока или силы). Вообще должен сказать, что показательные поля моего участка обратили на себя внимание окружающего населения и приобрели среди него большую известность»[138].

Агроном Снигиревского участка: «Показательные поля являются для крестьян хорошим примером. Получаемые на этих полях урожаи озимых и яровых и выгодность кукурузы резко бросаются в глаза населению, которое переживает тяжелое время от неурожая этого года. Со всех сторон слышны похвалы по адресу показательных полей и кукурузы. **Даже применение севооборота не смущает крестьян. А ведь в прежнее время, заикнись о севообороте, так получишь в ответ все, что угодно, только не согласие.** Кукурузу в будущем году, судя по рассказам крестьян, в некоторых селах будут сеять в каждом хозяйстве (Отбело-Васильевка, Евгеньевка, Снигиревка). Многообразность ее применения, урожайность, влияние ее посевов на подготовку земли под следующие посевы — все это побудило крестьян задуматься о введении ее и в свое хозяйство и даже заменить ею часть площади, отводимой под посевы ячменя. Кроме кукурузы, крестьяне сел, расположенных на берегу Ингульца, и ближайших к нему селений начали вводить у себя и кормовую свеклу. Урожай ее в 1912 г., достигавший до 2000 пудов с дес., возможность утилизировать под нее песчаные плавни, хороший корм рогатому скоту, свиньям и лошадям, — *все* **это расшевелило крестьян, и они теперь массами просят меня выписать из управы семян кормовой свеклы**»[139].

Агроном Станиславского участка: «**Влияние показательных полей на местное полеводство — громадно.** Более восприимчивые хозяева сразу ввели у себя правильное чередование хлебов, производят пожнивное лущение, рядовой посев, ленточный посев и весеннее боронование. Даже те хозяева, которые раньше смотрели на показательные поля и работы, производимые на них как на **„затею“**, не остаются равнодушными зрителями и, видя на полях повышенные урожаи, начинают, хотя и с осторожностью, постепенно вводить те или иные приемы»[140]. Практически о том же сообщают и остальные участковые агрономы Херсонского, Ананьевского и Тираспольского уездов, приводя и отдельные факты влияния показательных полей.

«Вообще с каждым годом влияние показательных полей и участков на местное производство сказывается все более и более, причем **в качестве условий, тормозящих** более успешное проведение в население пропагандируемых земством улучшенных приемов землепользования, **участковые агрономы отмечают: общину с ее чересполосицей, некультурность населения и, главным образом, причины экономического характера.**

Вот что по поводу последних пишет в своем отчете агроном Бирзуловского участка Ананьевского уезда: «Показательные поля имеют громадное значение на распространение среди населения как травосеяния, так и улучшенных севооборотов. Местные хозяева говорят так: все, что делается на показательных полях, все хорошо, и следует всякому делать так; но некоторым из них не под силу — нет орудий, скота, большие платежи, долги и проч., но со временем, — говорят они, — непременно будут вести так хозяйство, как оно ведется сейчас на показательных полях»[141].

Это — одно из многих свидетельств важности проблемы устройства хозяйств с малыми наделами. К ее решению российские агрономы, которые сначала должны были **поставить**, направить в правильное русло основную массу хозяйств, еще только приступали.

Отчеты отмечают дальнейший рост популярности травосеяния и вообще кормовых растений, что также повышало готовность крестьян к восприятию нового. Увеличивались посевы кормовой свеклы, урожай которой в 1912 г. был очень хорош (отдельные бураки весили 5–12 фунтов), а также вики[142].

Из отчета за 1913 г.

За этот год отчитывался уже новый губернский агроном, бывший Херсонский уездный, Танашев. С точки зрения познавательной отчет проигрывает даже тем, которые писал Зиновьев; канцелярско-бухгалтерская, так сказать, составляющая текста резко усилилась.

Характеризуя показательные мероприятия, Танашев совершенно правильно говорит, что «наиболее желательной формой учета влияния показательных полей и участков на местное полеводство явились бы поуездные подсчеты числа тех хозяйств, в которых введено какое-либо правильное чередование посевов, или те или иные приемы земледельческой техники, демонстрируемые на земских показательных полях и участках»[143].

В Херсонском уезде большое распространение получил такой способ подготовки земли под посев, как «пожнивное лущение с последующей вспашкой под зябь... В уезде встречаются селения, где половина всей пахотной земли лущится и пашется на зябь. В посаде Воскресенском в отчетном году было пропущено до 600 дес., пос. Сергеевке до 200, пос. Андреевке до 100 и т. д.

Но для того, чтобы убедиться, что лущение получило в Херсонском уезде широкое распространение, достаточно только проехать во время возовицы по уезду: пролущенные полосы, с которых часто хлеб еще не свезен, встречаются буквально на каждом шагу.

Весьма симптоматичное явление наблюдается в последние годы в северо-западном углу уезда, в районе Нового Буга. Там крестьяне стали арендовать землю в меньшем количестве, т. к. многие пришли к убеждению, что им выгоднее улучшить обработку на сравнительно меньших участках и преимущественно на своей собственной земле, чем набирать много земли, платя за нее по 24 руб. за десятину[144].

Ананьевский уездный агроном отмечает, хотя и нечастые, случаи обращения мелких хозяев к агрономам с предложением устроить на их 2–3 десятинных участках показательные поля. Еще реже встречаются случаи, когда крестьяне подобной категории по собственной инициативе устраивают показательные поля на своих землях. Отмечая в качестве причин этого явления общинное землепользование, недостаток в инвента-

Таблица 7.9. Динамика роста числа показательных полей в Херсонской губернии

Уезды	1902	1903	1904	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Александрийский	8	7	8	7	6	28	34	105	115	121	290
Ананьевский	18	17	14	10	6	7	9	25	65	137	235
Елисаветградский	7	6	15	26	30	40	40	108	164	173	271
Одесский	2	2	1	7	6	5	23	33	50	141	256
Тираспольский	7	7	7	4	4	2	2	16	30	42	63
Херсонский	7	7	10	15	19	20	22	112	218	227	376
Всего	**49**	**46**	**55**	**69**	**71**	**102**	**130**	**399**	**642**	**841**	**1491**

Источник: Отчет о деятельности агрономического персонала в 1902–1903 гг. Б.м.б.г. С. 10; Отчет о деятельности агрономического персонала и о мероприятиях земства по улучшению сельского хозяйства в Херсонской губернии за 1905 г. С. 6; То же за 1906 г. С.8; То же за 1907 г. С. 10; Отчет о земской агрономической помощи населению Херсонской губернии в 1908 г. С.14; То же за 1909 г. С.13.; То же за 1910 г. С. 7; То же за 1911 г. С.10; То же за 1912 г. С. 6; Отчет об организации агрономической помощи в районах землеустройства Херсонской губернии в 1913 г. Херсон, 1915. С. 61–66.

ре, малые размеры наделов, косность населения и т. д., агроном указывает также и на то обстоятельство, что агрономический персонал сам неохотно имеет дело с мелкими участками, т. к. не имеет плана организации мелких хозяйств[145].

Вообще же, говорится в отчете, «вопрос об организации мелкого крестьянского хозяйства (на 2–3 дес.) висит над нами всею своею тяжестью. Практическое разрешение его в самом ближайшем будущем сообразно местным условиям, является необходимым ответом на экономическую задачу момента с одной стороны, а с другой — подтвердит целесообразность и установить прочность существования нашей организации. Приведенное мнение... весьма характерно для 1913 г. как отголосок постановлений всероссийского сельскохозяйственного съезда в г. Киеве»[146].

Интерес населения к кормовым растениям и спрос на их семена с каждым годом значительно увеличивались. Почти все участковые агрономы отмечали рост площадей, отводимых крестьянами под люцерну. Многие хозяева, не довольствуясь приусадебными участками, высевали ее уже в степи. Культура люцерны привилась к этому времени в губернии уже настолько прочно, что некоторые земства постепенно прекращали бесплатную раздачу семян и переходили к продаже их по льготной цене.

Одновременно с люцерной в последние годы заметно увеличивался интерес населения к посевам вики и кормовой свеклы. «Первая дает порядочные урожаи хорошего по качеству сена и способствует очищению полей от сорной растительности; нескошенная по каким-либо причинам на сено вика может быть убрана без убытка и на семена. Кормовая же свекла, благодаря своей урожайности, дает возможность заготовить на зиму значительное количество хорошего корма для скота.

Некоторые крестьяне, достаточно ознакомившись с культурой кормовых растений, получают уже свои семена и сбывают их уездным земствам[147].

В отчете уделяется повышенное внимание влиянию показательных полей, потому что оно действительно заметно выросло. Достаточно сравнить их численность в

1902–1903 гг. и в 1910-е гг. Стилистика автора, вообще не очень склонного к эйфории и воодушевлению, как-то незаметно начинает меняется.

Обзор деятельности сельскохозяйственных обществ в отчете неполный, как признается и сам Танашев, не знающий даже точного их числа в губернии (то ли 45, то ли 56). Общества уделяли большое внимание улучшению полеводства. В обществах Херсонского уезда эти мероприятия играли исключительно важную роль — 49,4 % всех затрат приходилось на них, а также на аренду земли. В других уездах расходы этого рода были намного меньше. При 31 обществе имелись прокатные станции[148].

В отчетах немного сообщений о влиянии сельскохозяйственных кооперативов на местное сельское хозяйство, т. к. «в большинстве случаев составители отчетов этот интересный вопрос совершенно игнорируют»[149].

В Ананьевском уезде появление Ивановского общества привело к более частым приездам агрономов, привозящих свежие сведения по сельскому хозяйству, улучшилась обработка земли, в практику местного полеводства начало вводиться пожнивное лущение ранних американских паров, культура корнеплодов, очистка посевного материала достигла значительных размеров[150].

Воздействие Садовского общества, инициатором создания которого был священник Нетованный, на агрикультуру соседней местности характеризуется так: «Влияние сельскохозяйственного общества на местное полеводство несомненно. В первый раз в нашем округе черный пар был устроен сельскохозяйственным обществом, после чего пары не переводятся, расширяясь с каждым годом. Под влиянием опытов сельскохозяйственного общества, а также товарищества, ведущего правильный севооборот на церковной земле, (соседняя) экономия (ген. Н. Н. Комстадиуса) перестроила все свое хозяйство на правильный севооборот. Но мало того, управляющий имением с согласия владельца с нынешнего экономического года (с сентября месяца) сдал всю землю сельскому обществу на 6 лет со значительной скидкой с арендной цены под условием введения правильного севооборота. Таким образом, почти все село перейдет к улучшенному способу полеводства. Успех значительный и несомненный»[151].

Но есть и отзыв, хотя и единичный, обратного характера, который относится к Куколовскому обществу 10-го агрономического участка Александрийского уезда: «Это общество существует уже 3 года, и за это время члены его своей собственной инициативы не проявили никакой, если не считать чисто служебных обязанностей секретаря его по присмотру за случными и прокатными пунктами. Все попытки найти обществу какое-нибудь занятие или отрасль — вообще все то, что могло бы объединить членов его на действительно кооперативной почве, оканчивалось ничем... Не нужно, однако, забывать того, что при наличности более или менее энергичного правления, эти общества могли бы кое-что сделать»[152].

То отсутствие энергичных руководителей, на которое жалуется автор приведенных строк, давало себя чувствовать не только в Куколовском сельскохозяйственном обществе, но и во многих кооперативах подобного типа. Однако изменить это положение могло только время. Характерно, что эта проблема считалась большим препятствием для развития деятельности мелких сельскохозяйственных кооперативов, чем «то безденежье, которым хронически страдают... сельскохозяйственные общества и жалобы на которые послужили материалом для составления» обзора Танашева[153].

Мероприятия земства по распространению сельхозмашин и орудий

Создание прокатных станций и зерноочистительных пунктов было хорошей идеей, но ей, как и всякой идее, нужно было «овладеть массами», чтобы стать силой. Для этого требовалось, казалось бы, немногое — крестьяне должны были понять, что рядовой посев намного эффективнее разбросного, что сеять при этом нужно очищенным, а не засоренным зерном и т. д. Но это только на первый взгляд и неспециалистам кажется, что немногое. Например, в отчете инспектора сельского хозяйства Смоленской губернии за 1912 г. говорится буквально следующее: «Агрономами отмечается усиленное желание населения чистить семена льна и предубеждение против очистки семян хлебов»[154]. Даже в том случае, если крестьяне уже оценили достоинства усовершенствованной техники на прокатных станциях, не менее важной была сама возможность для них купить поблизости сравнительно недорогие сельхозмашины и орудия. И земство стремилось сделать свои сельскохозяйственные склады центрами распространения сельхозтехники.

В частности, Херсонские губернские агрономические совещания в начале XX в. большое внимание уделяли идее объединения уездных земств для покупки сельхозмашин и семян для складов при посредничестве губернского земства, чтобы понизить цены на них[155]. Однако лишь Тираспольское земство обсудило эту проблему, а остальные проигнорировали ее и в 1902, и в 1903 г. Августовское губернское совещание 1903 г. констатировало, что даже в уездах, где обороты земских складов довольно велики, они «далеко не отражают широкой нужды населения в земском посредничестве по распространению хороших и недорогих сельскохозяйственных орудий, машин и семян. Во всех уездах эта нужда ощущается населением и ее следует признать общегубернской». А ведь без «целесообразных сельскохозяйственных орудий» улучшить технику земледелия невозможно. Такие приемы, как, например, паровая обработка земли, не могут иногда осуществляться крестьянами, поскольку у них нет подходящих орудий. Поскольку земские сельскохозяйственные склады в районах их действий регулируют цены на сельскохозяйственные орудия и таким путем снижают затраты населения на земледельческий инвентарь, то необходимо, чтобы операции земских сельскохозяйственных складов и бюро получили возможно широкое развитие во всех уездах Херсонской губернии. Это обстоятельство совещание считало в высшей степени важным для сельскохозяйственного прогресса в губернии. Предлагаемые меры (в частности, образование губернского фонда для помощи уездным складам, расширение кредитования в Госбанке, содействие кустарям и др.) были вполне действенными[156].

Агрономический съезд в 1905 г. обратил внимание на опыт изучения спроса на сельскохозяйственные орудия в Херсонском уезде. Решение съезда было весьма категоричным: «**Способ собирания данных через сельские правления не гарантирует верности выводов. Отзывы крестьян не могут служить достаточным критерием для рационального выбора орудий.** Распространенность того или иного орудия может быть иногда следствием не его высоких качеств, а наличности агентуры той или иной фирмы в данном месте». Собирать сведения нужно и по другим уездам, но необходима также параллельная проверка данных «экспедиционным

способом». Был поднят вопрос о нехватке зачастую у населения орудий для целесообразной обработки пара и на необходимость принять против этого меры, среди которых выделяется организация прокатных станций, особенно, если устраивать их в селениях, где есть показательные поля[157].

Земские склады

По объему продаж земских складов Херсонская губерния занимала первое место в стране. Не зря в отчете за 1905 г. говорится, что продажа машин и орудий через склады занимает «наиболее видное место» в сельскохозяйственной деятельности земств[158]. Однако, судя по приводимым в отчете статистическим данным, это утверждение относилось далеко не в равной степени ко всем уездам. Так, из общей суммы продаж в 429,6 тыс. руб., на Херсонский уезд пришлось 165,3 тыс. руб., на Одесский — 9,4 тыс. руб., на Александрийский — 50,8 тыс. руб., на Елисаветградский — 186,1 тыс. руб., на Ананьевский — 14,4 тыс. руб., а на Тираспольский — 3,5 тыс. руб.[159] Эти цифры более чем красноречивы. При этом надо иметь в виду, что Елисаветградский и Херсонский склады имели едва ли не самые крупные обороты в стране среди всех уездных земских складов. Показательно, что склады закупали в основном продукцию российских заводов: плуги у И. И. Гена (Одесса) и бр. Донских (Николаев), буккера у Янцена и Нейфельда (быв. завод Тенно, в колонии Сергееевке, Таврической губернии), у Гуревича (Каховка) и бр. Донских, сеялки — у Гриевза (Бердянск) и Гена (Одесса), веялки — у Бакланова (Херсон) и И. Базовкина (Каменка, Таврическая губерния), швейные машины — у К. Зингера. Заслуживает особого внимания факт продажи в Александрийском складе плугов не только известных крестьянам всей России заводов Гена, Р. Сакка, бр. Донских, но и местного кустаря Бибика. «Со стороны населения плуги этих фабрикантов пользуются почти одинаковым спросом. Плуги кустаря Бибика за два года завоевали себе довольно прочное положение на складе, и очень многие покупатели предпочитают плуги Бибика другим»[160].

Следует отметить, что «тогда как число продаваемых буккеров, фургонов и жаток увеличивается пропорционально с увеличением оборотов склада, количество проданных плугов значительно опережает эту пропорциональность, что характеризует некоторый прогресс в технике сельского хозяйства Херсонского уезда, т. к. указывает на

Таблица 7.10. Динамика продаж машин и орудий за 1895–1905 гг. Херсонским складом

Название орудий	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1904	1905
Плугов разных	100	239	515	897	212	35	72	121	184	293	506
Буккеров	61	235	341	356	296	131	81	209	312	621	681
Борон, распашник.		6		26	13	1				7	
Сеялок разных		1	3	21	14	1		4	2	17	17
Жаток	81	48	77	106	15	25	23	57	190	179	291
Веялок	63	33	23	66	8	13	22	42	106	159	211
Всего	**305**	**562**	**959**	**1472**	**558**	**206**	**198**	**433**	**794**	**1276**	**1706**

Источник: Отчет о деятельности агрономического персонала и о мероприятиях земства по улучшению сельского хозяйства в Херсонской губернии за 1905 г. С. 13.

большую площадь зяблевых вспашек, к каковым крестьяне прибегали раньше очень редко, ограничиваясь весенней заделкой семян по стерне буккером»[161].

Данные о продажах за 10 лет показывают, что на рубеже веков покупательная способность крестьян губернии заметно снизилась. Но если в Александрийском уезде уровень 1899 г. по числу проданных плугов восстанавливается уже в 1903 г., то в Херсонском только в 1904 г. было реализовано больше буккеров, чем в 1898 г., а плугов — лишь в 1909 г.[162] Однако едва ли эти сведения являются вполне репрезентативными — львиную долю орудий крестьяне приобретали не в земских, а в частных складах.

Земство Херсонской губернии, как и почти везде в России, не могло вырваться из заколдованного круга — с одной стороны, идейные убеждения не позволяли земцам «наживаться» на крестьянах, с другой стороны, идейные соображения такого рода, как известно, плохо совместимы с рыночной экономикой. Впрочем, степень совместимости можно было увеличить, но для этого нужна была действительно прагматичная постановка дела в духе реалистичных предложений упомянутого выше совещания 1903 г., чего сделано не было. Здесь, видимо, сказалась разобщенность, отсутствие координации в действиях земских учреждений, которые не смогли полностью использовать преимущества оптовых закупок и т. д., а также отсутствие хотя бы минимально потребного числа опытных менеджеров, которые, впрочем, появились бы из агрономической среды, но с течением времени.

В какой мере земские склады обслуживали территории уездов?

В 1905 г. из 38-ми волостей Херсонского уезда лишь 9 не имели своих представителей среди покупателей земского склада и 11-ти его отделений, а значительное число жителей остальных 29-ти волостей обращалось за орудиями в земский склад.

В Александрийском уезде складом пользовались главным образом 5 соседних с уездным городом волостей, и на каждую приходилось свыше 100 орудий. Жители остальных 18 волостей, за исключением Елисаветградской, купили всего около 700 орудий, т. е. в среднем примерно 40 орудий на волость[158].

Отчет фиксирует, что «покупателями орудий в кредит являются вообще хозяева зажиточные, а именно 79,3 % засевают земли от 10 до 100 и более десятин и только 20,7 % засевают менее 10 дес.[164]

Из отчета за 1906 г.

С января 1906 г. из-за финансовых затруднений кредит для покупателей Херсонского уездного земского склада был совсем закрыт, и склад торговал за наличные, причем новых орудий почти не выписывал, стараясь сбыть запас. В августе продажа в рассрочку возобновилась. Частные склады все это время продолжали продавать в кредит, «что не помешало, однако, земскому складу продолжать свои операции, но в уменьшенном размере. Это обстоятельство доказывает, насколько земский склад полезен для сельского населения и даже необходим, т. к. с прекращением отпуска орудий из земского склада в рассрочку частные продавцы сельскохозяйственных орудий значительно подняли продажные на них цены; в управу стали поступать от сельских обществ приговоры и ходатайства с просьбами как можно скорее вернуть складу его нормальную деятельность»[165].

Таблица 7.11. Размеры продаж земских складов Херсонской губернии в 1905–1913 гг. (тыс. руб.)

Уезды	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Елисаветградский	186,1	221	250,6	295,2	408,3	242	335,1	169,1	122,1
Херсонский	165,3	106	177,7	143,2	271	357,6	367,1	277,8	437,9
Александрийский	50,8	37,2	41	38,6	115,9	180,4	155,2	200,6	227,9
Ананьевский	14,4	37	21,3	16,2	37,1	56,6	59,1	51	71,2
Одесский	9,3	41,4	29,2	38,3	114	143,5	175,7	149,5	191,9
Тираспольский	3,5	9,1	7,7	4,1	11,1	25,9	38,1	50	73
Всего	**429,4**	**451,7**	**527,5**	**535,6**	**957,5**	**1005,9**	**1130,3**	**898,1**	**1124,1**

Источник: Отчет о деятельности агрономического персонала и о мероприятиях земства по улучшению сельского хозяйства в Херсонской губернии в 1905 г. С. 11; то же в 1906 г. С. 13; то же в 1907 г. С. 17; Отчет о земской агрономической помощи населению Херсонской губернии в 1908 г. С. 31–32; то же в 1910 г. С. 30; то же в 1911 г. С. 45; то же в 1913 г. С. 93.

Густота земских складов, как и число показательных полей, по уездам не была неодинаковой. Наиболее высокой она была в Херсонском (14 складов) и Елисаветградском (9 складов), а в остальных деятельность земских складов продолжала оставаться «все еще в зачаточном состоянии» — в Александрийском и Ананьевском — по 2, Тираспольском и Одесском — по одному складу[166].

Ассортимент товаров Елисаветградского склада был разнообразнее других, что, по мнению составителей отчета, характеризовало относительно более высокий уровень сельского хозяйства в уезде. Они полагали также, что цифры продаж плугов и буккеров «являются до некоторой степени характерным выражением различий в практикующихся способах обработки почвы в мелких хозяйствах этих уездов»[167] (но именно только до некоторой степени. — *М. Д.*). В отчете вскрываются некоторые любопытные нюансы. С 1895 по 1898 г. Херсонский склад ежегодно продавал больше плугов, чем буккеров. В 1898 г было продано плугов 897 штук, а буккеров только 356 штук, а с 1899 по 1906 г. склад ежегодно отпускал больше «немецких» буккеров, чем плугов, т. е. ситуация зеркально изменилась. Отчет винит в этом персонал: «Земский склад своей деятельностью за это время никакого влияния на изменение этого спроса в сторону плугов не оказал и в течение 10 лет не пробовал оказывать, так как девизом его служило правило: продавать то, что населению требуется»[168]. То есть, согласованной в масштабах губернии политики земство в этом вопросе не проводило.

В Елисаветградском уезде буккера все еще покупались, хотя и уступали место плугам. В Одесском уезде спрос на буккера существовал, но земские склады ими не торговали. В Александрийском уезде, где раньше буккера были довольно распространенными орудиями, из года в год сокращался спрос на них, и параллельно, но «в большей пропорции, возрастал спрос на плуги; теперь требование на буккера как видно из таблицы, ничтожно, а в Ананьевском и Тираспольском на них нет никакого спроса; они вышли из употребления»[169]. Таким образом, говорится в отчете, буккера еще играют «видную роль лишь в рядовых хозяйствах южной части губернии, где в то же время в хозяйствах более или менее хорошо поставленных буккера если и сохранились, то

лишь для поверхностной обработки почвы и иногда для заделки семян — пахота же более или менее глубокая производится плугами»[170].

Признаком активной роли земства в деле снабжения населения улучшенными орудиями и машинами отчет считает рост числа проданных сеялок в Елисаветградском уезде, — «факт, стоящий, несомненно в связи с деятельностью устроенных Елисаветградским земством в разных местах уезда прокатных станций»[171].

Как и в прежние годы, земские склады обслуживали главным образом крестьян-землевладельцев, причем покупателями в кредит являлись преимущественно зажиточные хозяева, засевавшие от 10 и более десятин и имеющие 2 и более голов рабочего скота[172].

Как правило, на цифры отпуска продукции со складов влияла величина урожаев по уездам в том или ином году, но немалое значение имела и густота складской сети. В этом смысле заслуживают внимания показатели 1909 г., когда, как можно видеть из таблицы, общий оборот вырос с 535,6 сразу до 957,5 тыс. руб., т. е. почти на 4/5 (78,8 %). Отчет объясняет это главным образом хорошим урожаем в губернии, но также и увеличением числа отделений складов в уездах. Из общего числа 39-ти земских складов (с отделениями) на Херсонский и Елисаветградский уезды приходилось 28, т. е. почти 72 %. В отчете вновь фигурирует ритуальное сетование на то, «насколько неодинаково в разных уездах губернии население было обеспечено одинаково необходимым для него посредничеством земств по снабжению населения сельскохозяйственными орудиями»[173]. Трудно не согласиться с этим. Ведь, например, в Тираспольском уезде был лишь 1 склад, при явном отсутствии неодолимых препятствий для увеличения их численности.

Отметим, однако, что на фоне роста продажи плугов складами других уездов, особенно в Херсонском, Ананьевском, Александрийском, где в 1909 г. году их было отпущено почти вдвое больше, чем в 1908 г., в Елисаветградском уезде продажа плугов с каждым годом падала. «О причине этого загадочного явления в отчете по складу Елисаветградского сельскохозяйственного бюро не говорится ни слова, воздержимся и мы пока от каких-либо заключений по этому случаю», — деликатно говорится в отчете[174]. Увы — вероятно, это был первый симптом неблагополучия в работе этого склада, деятельность которого начнет сворачиваться в 1912 г.

В отчете за 1909 г. вновь говорится о том, что рост числа продаваемых складами сеялок нужно отнести на счет деятельности «устроенных земствами в разных местах губернии прокатных станций; разница лишь в том, что „разные места уезда“, сменились „разными местами губернии”[175].

В Елисаветградском уезде, где раньше начали функционировать прокатные станции, было продано рядовых сеялок наибольшее количество; в остальных уездах спрос на рядовые сеялки возникал, возрастая затем с каждым годом, вслед за открытием прокатных станций, дававших возможность населению попробовать рядовые сеялки у себя в хозяйстве и ознакомиться с их конструкцией и преимуществами.

Список поставщиков сельхозтехники по сравнению с 1905 г. расширился. Помимо перечисленных в отчете за 1905 г. фирм, плуги покупались у Шеля, Фрейданка и Кулемана (Одесса), на казенном Воткинском заводе и других, сеялки у Эльворти (Елисаветград), Гриевза и Гена, жатки Диринга, веялки и сортировки у Бакланова (Херсон), Гена

(Одесса), Базовкина (Каменка, Таврической губернии). Это были фирмы, имевшие достаточно серьезную репутацию на рынке. Покупателями оставались в основном зажиточные крестьяне, 75 % которых проживало не далее, чем за 15 верст от склада[176].

К этому времени относятся первые попытки привлечь к сотрудничеству с земскими складами сельскохозяйственные общества, что оживляло интерес населения к ним и в то же время способствовало сокращению расходов земства по содержанию отделений склада[177]. Деятельность сельскохозяйственных обществ в целом пока была развита слабо, однако земцы почувствовали перспективу в этом начинании.

Прокатные станции

В отчетах, к сожалению, содержится сравнительно немного подробных сведений о прокатных станциях, что, возможно, связано и с тем, что, вопреки неоднократным требованиям губернского земства, уездные отчеты не составлялись по единой форме.

Оценивая работу 17-ти прокатных станций в Елисаветградском уезде в 1905 г., отчет отмечает, что некоторые из них «работают плохо или слабо по разным случайным причинам». Вместе с тем, благодаря этим станциям «во многих местностях уезда распространилось в крестьянских хозяйствах пользование рядовыми и триерами» и даже появились кое-где в уезде «частные предприниматели, отдающие триеры напрокат». Однако весьма показательно, что Елисаветградское земство, ассигновав 400 руб. на развитие подвижных зерноочистительных станций, их не израсходовало[178].

В 1906 г. станциями располагали три земства — Елисаветградское, Александрийское и Херсонское[179]. Прокатных станций в Елисаветградском уезде насчитывалось 19, однако отчет снова говорит, что «некоторые из них по разным случайным причинам бездействовали; слабо также проявлялась деятельность» тех станций, которыми заведовали те же лица, что и земскими складами. А затем дословно повторяется мысль из предыдущего отчета о распространении рядовых сеялок и триеров в крестьянских хозяйствах благодаря станциям, однако на сей раз с конкретными примерами: «Большое развитие на станциях получили триера Гейда (куколеотборники) в тех, конечно, местностях, где население ознакомилось с этим орудием и сознало громадную пользу от очистки семян; только в гор. Вознесенске и Казанке население почти совершенно не пользовалось триерами, очевидно не сознавая пользы, какую они приносят хорошей очисткой зерна. Таким же образом и рядовые сеялки в тех местах, где население видело результаты работы этих сеялок, охотно берутся, в некоторых же местах предпочитают разбросные сеялки, объясняя, что ими гораздо скорее сеять и нет (в этом случае — *М. Д.*) никаких хлопот»[180].

Уже в 1905 г. уездное земство решило закрыть прокатные станции в тех местностях, где существуют земские сельскохозяйственные склады. Причина была в том, что работа станций, которыми заведуют те же лица, что и сельскохозяйственными складами, «вообще слабо развивается и что такие станции не вполне отвечают своему назначению». В 1906 г. прекратила работу одна станция при складе, а на других станциях значительно сократили количество орудий[181].

В отчете указывается, что производительность прокатных станций в первые 2 года их существования была не слишком велика, что объясняется или неосведомленностью населения о существовании прокатных станций или малым знакомством с работой

зерноочистительных машин. «В отчетном же году, когда более или менее выяснилось, какие машины находят себе наибольший спрос у местного населения, деятельность станций настолько увеличилась, что триер уже не в состоянии удовлетворить всех желающих воспользоваться им; вследствие этого явилось 2 частных предпринимателя (в Иванковцах), берущих за пользование триером гораздо дороже. В Братолюбовке большим спросом пользуется тоже триер; сюда привозят зерно даже из отдаленных пунктов (Новгородка, 30 верст), да, кроме того, приходится еще ждать очереди, что является, конечно, большим неудобством для населения. Было бы, следовательно, полезно увеличить число станций, открыв таковые в других пунктах»[182].

Деятельность станций, как и всякое сравнительно новое дело, не могла наладиться сразу. Однако при нормальной постановке дела результат не заставлял себя ждать (это, увы, имело место не всегда и не везде). Так, в селе Покровском в 1906 г. на триере было перечищено лишь 1085 пуд. зерна, но, по сообщению заведующего складом, «в январе и феврале месяцах 1907 года на нем перечищено уже 30 000 пудов и от желающих взять триер нет отбою». Причину агроном видит в том, что в Покровском «в виде опыта, с целью скорейшей пропаганды триера, допущено было отступление от установленных правил — взималось за очистку зерна на триере не 2,5 коп., а 1 коп. с пуда». Отсюда вывод — слабая востребованность триеров на других станциях — следствие дороговизны пользования им. «Другая причина того же явления заключалась в непринятии мер ознакомления населения с триерами и вообще со значением очистки зерна, так как чтение на эту тему было устроено зимою лишь в том же Покровском. Третьей причиной следует считать то, что триеры не снабжены платформами для перевозки их. Что же касается веялок и сортировок Клейтона, то особого спроса на них нет и в будущем ожидать нельзя, потому что у многих крестьян имеются собственные веялки, работа которых хотя и несколько хуже, но по существу мало отличается от работы, например, веялок Клейтона или даже и сортировок его»[183]. Эта картина была типичной для многих районов страны.

В отчете за 1907 г. отмечается, что «спрос на куколеотборники со стороны крестьян с каждым годом возрастает. Еще в прошлогоднем отчете указывалось, что в Иванковцах явились частные предприниматели с триерами и что земские триеры не в состоянии удовлетворить всех желающих ими пользоваться. В настоящее время через посредство земского склада приобретен еще один триер крестьянином села Красноселья. Появление частнопредпринимательских триеров в уезде как нельзя лучше подтверждает существование большого спроса на них со стороны крестьян». Частные предприниматели за очистку зерна брали 1,5–2 коп. за пуд (земство — 1 коп.), т. е. при очистке 10 тыс. пуд. в год триер, стоивший огромную сумму — 180 руб., окупался довольно быстро. Учитывая эти обстоятельства, Александрийское земское собрание в 1906 г. постановило «устроить в уезде сеть земских зерноочистительных пунктов, для чего приобретать ежегодно по 3 новых триера и ставить их в селениях, где явится на них спрос». Поступили соответствующие ходатайства от крестьян ряда селений о постановке у них земских триеров[184].

Недостаточную производительность прокатных станций отчет объясняет «отчасти малой осведомленностью о них населения, отчасти тем, что сеялки прибыли на станцию осенью; осень же была сухая, неблагоприятная для озимых посевов». Деятель-

ность прокатных станций прояснила тот факт, **«что успехом могут пользоваться преимущественно те машины и орудия, которые, обслуживая насущные нужды сельского хозяйства, вместе с тем мало распространены в населении»**[185].

С 1909 г. прокатные станции и зерноочистительные пункты, наконец-то, стали действовать во всех уездах губернии; последними открыли их Ананьевское и Тираспольское земства. В Херсонском уезде «особенным спросом» пользовались триеры. Идя навстречу населению, земство устроило 2 передвижные платформы к триерам, и теперь они могли передвигаться по округе на несколько десятков верст. Важным начинанием стала продажа триеров и других машин сельскохозяйственным обществам, кредитным товариществам, сельским обществам и товариществам крестьян «за минимальный наличный взнос с рассрочкой платежа на 3–5 лет»[186].

В Тираспольском уезде, где в 1909 г. прокатные станции только появились, «все машины, особенно триер и рядовые сеялки пользовались настолько усиленным спросом, что понадобилось завести предварительную запись в очередь». Однако работали станции пока лишь в трех местах (правда, среди них был сам Тирасполь и еще 2 больших села, откуда информация могла распространяться по всему уезду).

В Ананьевском уезде дебют зерноочистительных пунктов не был успешным. Зерна очистили мало, поскольку триер привезли поздно, к тому же «очистка семян для посева была делом совершенно новым для населения»[187].

Елисаветградский уездный агроном отмечал, что, как и в прошлом, 1908 г., в пользовании триерами была «ненормальность». Население вспоминало о них только перед самым наступлением посевов, из-за чего невозможно было удовлетворить всех желающих очистить свое зерно. Понятно, что при таком «ненормальном спросе и очистка зерна не всегда могла быть вполне хорошей; часто ожидающие очереди торопили своих предшественников, и зерно пускалось более густым сыпом, чем того требовало качество зерна»[188]. В 1910–1913 гг. о сельхозмашинах и орудиях в отчетах почти не говорится, а лишь даются лаконичные цифровые сводки сведений о прокатных станциях и продажах складов. Число первых возрастало, притом заметно. Земские же склады так и не смогли стать действенными посредниками между крестьянами и заводами, хотя сокращались, собственно, обороты лишь Елисаветградского склада.

Несколько улучшает ситуацию информация ежегодного издания «Справочные сведения о деятельности земств по сельскому хозяйству (по данным на 1911 год)»[189]. Оно основывалось на данных тех же отчетов, но сведений по важным для нас вопросам сообщало чуть больше.

Интересен, в частности, анализ имущественного положения покупателей земских складов. С течением времени бедных крестьян среди них становилось все меньше, а богатых — все больше[190]. В Ананьевском уезде 93,9 % покупателей составляли крестьяне и мещане-земледельцы. Из числа кредитуемых покупателей 43,3 % имели менее 7 дес. земли, 46,8 % имели 7–30 дес. земли, а 9,9 % были зажиточными крестьянами. Плуги при этом наиболее часто покупают малоземельные крестьяне, а сеялки и жатки — «хозяева, обеспеченные землей»[191].

Херсонский склад 7 лет вел учет покупателей, среди которых преобладали колонисты (немцы и евреи), мещане и крестьяне (в сумме 97,8 %). Главная масса (59,2 % по-

купателей) — люди среднего достатка, 29 % — зажиточные и богатые, и только 12 % имели посев до 10 дес. При этом за последние три года число бедных относительно падало (16,7–16,2–11 %), доля средних (10–30 дес.) хотя и не так быстро, но также снижалась, а процент зажиточных крестьян (30–50 дес.) и богатых (более 50 дес.) заметно увеличился (18–22,7–29 %)[192]. Эти сведения интересны, однако, не могут считаться репрезентативными, так как не склады определяли ход торговли сельхозмашинами и орудиями в Херсонской губернии.

Внешкольное сельскохозяйственное образование

Отметим, что учет мероприятий по внешкольному образованию был крайне сложен — ведь в большинстве случаев почти всякое общение агронома с крестьянами неизбежно сопровождалось беседами просветительского характера.

В 1907 г. в отчетах появляется раздел «Сельскохозяйственные чтения». Они были проведены в Херсонском, Александрийском и Тираспольском уездах. «Что касается влияния чтений, то, конечно, учесть его трудно, но до некоторой степени оно все же сказалось в наглядной форме, а именно: крестьянами тех сел, где велись чтения, в большом количестве покупались семена трав, они же обращались в уездную управу за триерами, рядовыми сеялками и даже покупали и довольно много формалина для очистки семян от зоны, о котором они только впервые услыхали на чтениях... Наибольшим успехом пользовались чтения на темы чисто прикладных знаний, по вопросам, так сказать, жизненного, обыденного характера, а чтения на темы научные не вызывали особенного интереса, и едва ли поэтому будут иметь успех систематические чтения, популяризирующие чистую сельскохозяйственную науку» — таковы первые впечатления, суммированные в отчете[193]. В Тираспольском уезде чтения и беседы велись агрономами на темы «о земледелии вообще». В Александрийском и Одесском уездах систематических чтений не производилось, но агрономы во время поездок для открытия показательных полей и участков вели беседы с крестьянами и раздавали брошюры[194].

Важно отметить, что в Елисаветградском уезде, «несмотря на все хлопоты уездного агронома, **разрешения на производство систематических чтений по сельскому хозяйству ему добыть не удалось»**[195]. Так полиция боролась с революцией. Ситуация не изменилась и в 1909 г., «так как до конца года не было получено разрешение г. губернатора»[196]. И это уже через 2–3 года после начала Столыпинской аграрной реформы!

Ананьевский уездный агроном Кудинов в беседах с крестьянами постоянно возвращался к волнующим его темам: «Меры повышения урожаев путем улучшенных приемов обработки, введения севооборота с паровыми пропашными клиньями и посевом кормовых трав, встречают серьезные препятствия 1) со стороны существующего на надельных землях „пестрополья“ без определенного общего места для выпаса; 2) со стороны форм и условий арендования, по преимуществу годичной; 3) а также вследствие отсутствия доступного и достаточного кредита на приобретение необходимого инвентаря для лучшей обработки почвы, посева и т. д. Из всех этих причин, угнетающих мелкого сельского хозяина, способы упорядочения полевых угодий (устранение пестрополья) и способы привлечения средств в среду мелких крестьянских хозяйств путем учреждения мелких кредитных товариществ, товариществ производительных,

потребительных — составляли главные темы бесед[197]. В 1909 г. в этом же уезде результатом чтений стало открытие в селе Байталы 2 показательных полей и 3 участков, 15 крестьян того же селения решили вести обработку раннего пара, было открыто кредитное товарищество и подано заявление об учреждении сельскохозяйственного товарищества. Повсюду, где производились чтения, «заметно повысился интерес к рядовому посеву и очистке посевных семян»[198]. Мощным подкреплением в просветительской деятельности земств было издание и распространение брошюр и плакатов, в том числе на немецком и молдавском языках, выписка журналов «Хлебороб», «Хуторянин» и «Хутор», которые отдавались «на прочтение»[199].

По свидетельствам агрономов, население относилось к чтениям с большим интересом, и в отдельных случаях число посетителей достигало 200 чел. Слушатели соглашались с полезностью рекомендованных агрономических приемов, просили устраивать подобные чтения как можно чаще и т. д. Лекторы считали, что чтения и распространение сельскохозяйственной литературы, несомненно, повышают интерес населения ко всякого рода сельскохозяйственным улучшениям, поскольку после раздачи где-либо сельскохозяйственной литературы число жителей данного селения, обращающихся к агроному за советами и указаниями из данного селения, становилось больше. Рос также спрос на семена трав и хлебов, на орудия прокатных станций и т. д., увеличивался интерес населения к рядовому посеву, к очистке посевного материала и к обработке семян формалином. Иногда непосредственным результатом чтений становились заявления со стороны слушателей о желании устроить на своей земле показательные поля. В 1910 г. наконец-то были впервые проведены чтения в Елисаветградском уезде — на 5 участках общим числом 42[200].

Отчет за 1911 г. сообщает, что все агрономы Херсонского уезда, производившие чтения, «единодушно свидетельствуют факт заинтересованности и внимательного отношения слушателей к читаемому. По окончании чтений обычно происходили продолжительные собеседования. По наблюдениям одного из участковых агрономов, на чтениях **со стороны населения стало проявляться более доверия к агроному, чем прежде.** Другой агроном указывает точно также на то, что чтения устанавливают более тесное общение между агрономом и населением, и в результате среди слушателей обыкновенно находится несколько человек, согласных с ним, верящих в его авторитет и помогающих ему в проведении тех или иных мероприятий... 80 дес. пожнивного лущения, впервые произведенного при пос. Березнеговатом местный агроном приписывает главным образом влиянию сельскохозяйственных чтений.

В Одесском уезде как на результат чтений и бесед один из участковых агрономов указывает на следующие факты: 1) покупка Анатольевским кредитным товариществом триера; 2) приобретение Курисово-Покровским обществом на кооперативных началах молотильного гарнитура с нефтяным двигателем; 3) приобретение одним из поселян 2-ух вильстермаршских быков через посредство уездной управы из-за границы на сумму 900 руб. и т. п.». В Одесском уезде было проведено 79 чтений, на которых присутствовало 8970 чел.[201] В Тираспольском уезде, благодаря чтениям, удалось подготовить открытие нескольких сельскохозяйственных обществ, сельскохозяйственных и ссудосберегательных товариществ. В Елисаветградском уезде число чтений увеличилось с

42 до 224, но в этом году власти не разрешили производить чтения в Ананьевском уезде[201]. Позиция местной администрации превратилась в большую проблему. «Переходя к вопросу о сельскохозяйственных чтениях и беседах... нельзя не отметить тех стеснительных формальностей, какими обставлено выполнение этого пункта программы деятельности агрономического персонала. В Ананьевском уезде, например, чтения в отчетном году совсем не производились; в Елисаветградском уезде таковые производились только некоторыми участковыми агрономами»[203].

Вот что писал по этому вопросу Александровский уездный агроном: «Несмотря на то, что земские агрономы утверждаются в должности губернатором и от него же получают особое разрешение на право производить чтения и наконец, несмотря даже на то, что сельскохозяйственные чтения и беседы являются одной их первых обязанностей агронома в его агрономической деятельности, все-таки агроном должен каждый раз заблаговременно, за 7 дней, уведомлять местную полицейскую власть о месте, дне и часе предполагаемого чтения, а из этого происходят следующие неудобства: агроном назначил время сельскохозяйственного чтения, приехал в селение, а там случился какой-нибудь казус, или приехал земский начальник или просто погода помешала собраться слушателям, — агроном мог бы переночевать там и завтра собрать слушателей и побеседовать об овсюге и вике, но завтра он уже не имеет на то права и должен возвращаться с фонарем домой, чтобы опять объявить полиции о месте и времени второй своей беседы с хлеборобами. Или, например, при поездке по участку агроном может случайно попасть на большое собрание — например, в деревне только что кончили обсуждать какой-нибудь общественный вопрос и вот эта случайная аудитория сама же может попросить агронома показать картины и рассказать, как ухаживать за садом и виноградниками, а агроном не вправе удовлетворить слушателей, как бы это было можно и должно, так как не заявлено о сем полиции, и т. д., и в результате общее число чтений по участкам было менее, чем это могло бы быть при иных условиях»[204].

Подобная абсолютно ненормальная ситуация была характерна отнюдь не только для Херсонской губернии, о чем прямо говорилось на областном Харьковском съезде по школьному и внешкольному распространению сельскохозяйственных знаний: «Чтения, лекции и беседы, составляющие прямую обязанность агрономов и других специалистов, подобно обязанностям учителей в школах, не должны подчиняться действию правил 4 марта 1906 года, а должны вестись без предварительного оповещения администрации, как это и принято в практике некоторых губерний»[205].

Приведенные факты кажутся абсурдом, и тем не менее они прекрасно демонстрируют то, что Леонтович называл «дегенерацией правительства», когда борьба с революционным движением, решение полицейских задач становится главным в деятельности властей. Конечно, ситуация, когда правая рука, условно говоря, не осведомлена о намерениях левой, — не новость в нашей истории. Однако эта информация, помимо прочего, интересна и в том смысле, что ставит под сомнение существующую в историографии точку зрения о безусловной, безоговорочной и т. п. поддержке местными властями Столыпинской аграрной реформы. Здесь есть над чем подумать.

Отчет за 1912 г. весьма важен для нашего изложения, поскольку содержит больший, чем обычно, объем информации о чтениях, а главное, мысли и рассуждения агрономов,

выходящие за пределы стандартных сообщений о воздействии внешкольного образования. Вновь фиксируется «весьма внимательное отношение слушателей к читаемому», но отмечаются и «случаи (обыкновенно в селениях, где чтение или беседа производились в первый раз и где население незнакомо с задачами института общественной агрономии), что **слушатели с недоверием и равнодушием, а отдельные лица даже и с иронией относились к читаемому,** но в дальнейшем при повторении чтений или бесед и то, и другое исчезали... Замечено, например, что число обращений к агроному после чтений увеличивается, особенно в базарные дни, увеличивается спрос на хорошие семена, на семена кормовых растений, прокатные машины и орудия и проч.»[206].

Примечательно мнение агронома 10-го участка Александрийского уезда:

«Отношение слушателей было всегда самое доброжелательное. Как-то даже не стало слышно прежде раздававшихся после бесед раздражительных возгласов — „Все это так, а вот как бы земли нам, а то на чім нам хліб сіять, як пары робыть, та пшінку сіять“. По-видимому, **время делает свое. Казавшееся несбыточной мечтой становится с течением времени осуществимым. Весь материал, брошенный в деревню в виде различного рода агрономических мероприятий (показательные поля, беседы, прокатные пункты и проч.), дает солидную работу мысли сельскому обывателю, и эта мысль, по-видимому, выбивается постепенно на правильную дорогу; дорога эта — маленькие, но постепенные, упорно проводимые хозяйственные улучшения.**

Какое значение зимних сельскохозяйственных бесед (вообще просвещения) в деле поднятия продуктивности крестьянского хозяйства? Отчетный год только подтвердил мнение, сложившееся у нас в предыдущий год работы: зимние беседы — это основа всей деятельности агронома. Зима для агронома то же, что весна для земледельца. В это время идет посев агрономических идей. Принимая же во внимание приблизительно среднюю всхожесть и таковую же энергию прорастания как прямой вывод, отсюда получаем необходимость усиливать густоту посева как можно больше. Прежде существовало мнение, что крестьянина можно убедить только „показом“, т. е. думалось, что крестьянин — такое элементарно построенное существо, которое в состоянии отличить только большое от маленького, остальные же формы сравнения, где нужно сравнивать „абстракции“, ему недоступны. Это мнение в значительной доле нужно считать неверным. Чем, например, возможно объяснить такие факты? Приезжаешь впервые в деревню и после беседы, длящейся 15–20 минут, слышишь заявление: „А вот хорошо было бы, если бы у нас были такие же чтения, как в Песчаном Броде“. И это заявление не от одного.

А эта масса, превосходящая в три раза требуемое количество желающих попасть на курсы? А это „спасибо Вам, что позаботились“, сопровождающее вас почти после каждой беседы? Разве это характеризует класс людей, которые способны измерять только глазом и именно только в том масштабе, что больше и что меньше? А эти факты, когда люди от плуга бегут почти гоны, чтобы остановить агронома и спросить, правильно ли „роблять“ то и то? И эти ретивцы как раз из того села, где нет ни одного показательного поля, но где были прошлой зимой 4 беседы.

И еще факт. Хлебороб нанимает за 50 коп. лицо зарезать рождественского кабана, а сам сидит в хате. Делается это исключительно с целью не отрываться от чтения накану-

не взятого журнала „Хуторянин“ за целый год. При всей своей мужицкой скаредности раскошелиться из-за какой-то книги, пустяшного занятия, это — дело для деревни не совсем обыкновенное. Все эти факты с несомненностью говорят, что **в деревне начинает прививаться спрос на знания.** Голые молчаливые факты мало говорят уму, а если что скажут сердцу, то эта вспышка (зависть) вряд ли будет носить длительный характер. Эффект, полученный на показательном поле сам же своим видом не говорит еще о том, как он получен. И факты всегда останутся мертвыми и бесплодными, раз они не согреты мыслью, делающей эти факты понятными, а потому и большими и значительными. А отсутствие дельной мысли не есть ли самое характерное для деревни в настоящий момент?»[207]. В том же духе отзываются о чтениях и многие другие участковые агрономы, говорится в отчете.

Полагаю, **принципиальную важность** этих мыслей и наблюдений для оценки воздействия на ситуацию в сельском хозяйстве агрономической помощи трудно переоценить. Не это ли зримое воплощение «теории малых дел»?

Сельскохозяйственные курсы играли иную, но не менее важную роль во внешкольном образовании крестьянства, чем чтения и беседы. Число слушателей чтений и бесед (на практике провести различие между ними было сложно, о чем говорили агрономы) было, конечно, неизмеримо больше числа курсистов, как их тогда иногда называли. Однако последние были восприимчивее к агрономической пропаганде, чем те, кто случайно или для развлечения зашел в зимнее время «себя показать», «народ посмотреть», а заодно и «волшебный фонарь», если он был у агронома. Впрочем, то было время, когда слова «волшебный фонарь» не заключали в кавычки.

На курсы крестьяне записывались по преимуществу вполне сознательно, и, безусловно, значительная их часть становилась затем «агентами агрономического влияния» в своих селениях. Вот как открывались первые курсы в Херсонском уезде: «На четвертый день число записавшихся слушателей достигло 77 человек. В этот же день пришлось — ввиду невозможности поместить всех желающих... в одном классе местной земской школы, — открыть запись на параллельные курсы. В эту вторую группу записалось 60 человек». Первый опыт не всегда бывает удачен. Недостатком курсов уездный агроном счел «малую подготовку некоторых лекторов-агрономов к производству систематических чтений». Речь шла о тех лекторах, которые были «новичками в деле преподавания и, служа в Херсонском земстве 1–2 года, еще не могли в достаточной степени выяснить себе содержание и форму изложения тех элементарных истин, излагать которые им приходилось на курсах. Чтения этих лиц страдали излишней сухостью и изложением таких деталей, которые, принимая во внимание умственный уровень слушателей, не могли ни заинтересовать последних, ни увеличить степень сознательности их по отношению к объектам их земледельческой практики». Вторым «дефектом» была «крайняя скудость наглядных пособий»[208].

В 1911 г. крестьяне к курсам отнеслись серьезнее, чем в 1910 г., потому что слушателей принимали с большей разборчивостью. «На последних курсах в составе слушателей преобладал элемент наиболее желательный, а именно: взрослые хозяева, в достаточной мере убежденные в полезности сведений, сообщаемых им на курсах... Как на слушателей, так и на лекторов курсы произвели самое хорошее впечатление.

С удивительным вниманием и интересом первые слушали в течение 6 недель по 6 часов ежедневно преподаваемые им теоретические и практические сведения по сельскому хозяйству»[209].

Сходны и оценки курсов, проводившихся в 1912 г. «Отношение слушателей... отличалось исключительным интересом и внимательностью. **В качестве объективных данных для подтверждения этих субъективных впечатлений** (так в документе! — *М.Д.*) можно привести, с одной стороны, тот факт, что несмотря на вечернюю темноту и чрезвычайную грязь, на курсы весьма исправно приходили слушатели из д. Семеновки и смежных с Березнеговатым еврейских колоний Большой Нагартав и Малый Нагартав». Положительная оценка была дана курсам и в розданной слушателям анкете (Херсонский уезд)[210].

В Елисаветградском уезде курсы проводились в с. Новоукраинка. Отчет говорит, что наибольший интерес вызвали предметы, «которые ближе сердцу сельского хозяина, а именно: обработка и посев, частн(ые) культуры, а также вопросы животноводства, о котором они слышали впервые. Чисто теоретические предметы, как ботаника, интересовали мало. Труда затрачено огромное количество... каждый курсист повез кипы заметок и конспектов, а также и книги, которые им розданы. **Заинтересованность, усидчивость и жажда знаний — феноменальная.** Уставали слушатели сильно как физически, так и умственно». При этом агроном отмечает, что хотя опыт оказался удачным, «ощущались и многие дефекты», которые надо учесть в будущем[211].

Вторые курсы в этом уезде также прошли успешно. «Курсисты, исключая 5–6 чел., проявляли необыкновенный интерес ко всему, что сообщалось на курсах, задавая постоянно лекторам вопросы». Елисаветградское земство, помимо длительных курсов, устроило еще и недельные в шести агрономических участках[212].

Эти общие впечатления чрезвычайно напоминают то, что писал Н. И. Греч о солдатах русской гвардии, начавших после возвращения из заграничных походов 1813–1815 гг. учиться грамоте в ланкастерских школах: «Учение продолжалось с удивительным успехом. В конце второго месяца солдаты, не знавшие дотоле ни аза, выучились читать с таблиц и по книгам; многие писали уже порядочно. **Нельзя вообразить прилежания, рвения, удовольствия, с каким они учились: пред ними разверзался новый мир**»[213].

Вариации «комплекса Мартина Идена» — приобщение к знаниям — сюжет всемирный и вневременной. Российские крестьяне не были в этом смысле исключением.

Советская историография относилась к агрономической помощи как к чему-то несерьезному. Не избежали скептического отношения и проводившиеся агрономами в годы Столыпинской аграрной реформы экскурсии в сельскохозяйственные училища, на показательные поля, хозяйства и т. д. Однако наши отчеты позволяют оспорить этот предвзятый взгляд. «Ко всему осматриваемому экскурсанты относились с живейшим интересом, и, по-видимому, экскурсии произвели на них сильное впечатление... выставка произвела на них впечатление. Много потом приходилось слышать воспоминания о ней, а также сожаления не ездивших... По словам участкового агронома, крестьяне так заинтересовались всем виденным, что некоторые из них собираются ехать и в следующем году на сельскохозяйственную выставку»[214] — так описываются первые экскурсии, проведенные для крестьян Херсонской губернии в 1910 г.

«Осмотр Херсонской опытной станции на всех экскурсантов производил сильное впечатление. Особенно заинтересовала экскурсантов рожь, посеянная по глубоко вспаханному пару и к тому же в наиболее благоприятное для подобного посева время. И действительно, с точки зрения местных мелкоземледельческих навыков могло казаться невероятным, что в текущем году, неблагоприятном для озимых хлебов, при посеве на десятину всего 3 пудов, можно на тощей земле Херсонского опытного поля получить такие результаты. Учет урожая на этой, наиболее эффектной делянке опытного поля, дал цифру 182 п.; крестьяне же с десятины в уезде брали в среднем 25 пудов»[211].

Экскурсии продолжились и в 1912 г. Херсонский уездный агроном писал: «Не преувеличивая, можно сказать, что экскурсии производили на экскурсантов громадное впечатление, ввиду того успеха, с каким вот уже 3-й год происходят экскурсии местных земледельцев на опытную станцию и в сельскохозяйственное училище»[215].

Агроном Александровского участка отмечает тот факт, что после посещения опытного поля те из экскурсантов, которые имеют на своей земле показательные поля, стали намного аккуратнее и более своевременно производить все необходимые работы. Крестьяне пос. Н.-Вознесенска, которые были членами местного сельскохозяйственного общества, по возвращении из поездки на опытное поле, стали усиленно пропагандировать среди членов общества мысль о совместном переходе к улучшенной системе полеводства; «и теперь вопрос этот находится уже в таком положении, которое позволяет надеяться на благоприятный исход стремлений названной группы крестьян».

«Да не другой ли у них Бог?», — слышал агроном Березнеговатского участка от своих экскурсантов после посещения опытной станции, «но толковые и понятные разъяснения заведующего говорят им, что многое зависит и от самого человека». После экскурсии крестьяне д. Костомаровки произвели около 20 дес. пожнивной вспашки, многие захотели открыть показательные поля и увеличить посевы кукурузы. Этот агроном признал экскурсии «лучшим способом агрокультурного воздействия на земледельческие массы» и высказал надежду на то, что в будущем земство будет выделять на эти цели больше денег[217]. «При посещении крестьянами опытного поля на последних особенное впечатление произвела высеянная по пару рожь. Для всех казалось чем-то невероятным, что при 3-ех пудах высеянных семян, да еще на песчаной, сравнительно тощей почве получаются такой густоты и такого роста хлеба. В общем, можно сказать, что восхищению и удивлению крестьян не было границ. При уходе крестьян с опытного поля можно было слышать фразы: „Аж трудно вірыть. От що значыть удобрыть землю“. „Тепер, після цього всіго, аж страшно будэ дывытця на свій хліб“ и т. п. Крестьянин Михаил Сколота из села Отбедо-Васильевки даже говорил агроному Снигиревского участка, что ему казалось, будто он все видел, не наяву, а во сне: так необычайно поразили его посевы опытного поля»[218].

Агроном Березнеговатского участка, опытный человек, хорошо знал цену подобной впечатлительности, и потому нужно прислушаться к его реалистичному и в любом случае компетентному мнению: «**Правда, что в обыденной крестьянской жизни этот пыл** (результат посещения Опытной станции) **понемногу остывает, но не может быть сомнения, что 50 % ездивших делают какое-либо улучшение в своем хозяйстве**»[219].

За такой результат стоило бороться.

* * *

Не приходится сомневаться в том, что существенное значение для пропаганды агрономических знаний имело издание и распространение, а также выписка земством популярной сельскохозяйственной литературы. Губернское земство, конечно, лидировало в этой сфере, однако и уездные земства вели самостоятельную издательскую деятельность. Достаточно сказать, что в 1909 г. губернское земство издало и распространило 42,7 тыс. экз. брошюр, плакатов и таблиц. Херсонское уездное земство распространило 27170 брошюр и плакатов, Ананьевское — 3500. По остальным уездам сведений нет, однако характерно, что Тираспольское земство, например, издавало плакаты на русском, немецком и молдавском языках[220].

В 1910 г. губернское земство выпустило 17 брошюр и плакаты семи наименований и таблицы Херсонского опытного поля суммарным тиражом уже 97,5 тыс. экз., которые рассылались уездным земствам для бесплатной раздачи их населению, высылались и раздавались отдельным лицам по их просьбам, а также продавались за деньги землеустроительным комиссиям других губерний. Переиздавались и получившие популярность старые плакаты[221]. В 1911 г. тираж печатной продукции составил 135 тыс. экз.[222] В 1912 г. было издано 73 тыс. экз. только популярных брошюр[223].

Чтобы в полной мере оценить значение этой сферы деятельности земств Херсонской губернии, сельское население которой составляло тогда порядка 2,5 млн. чел., напомню, что тираж самой популярной тогда российской газеты — сытинского «Русского Слова» — составлял в те годы примерно 300–400 тыс. экз. и лишь новогодний номер 1914 г. имел тираж 700 тыс. экз.

Такова в самых общих чертах картина развития агрономической помощи и некоторых важных изменений, происшедших в сельском хозяйстве Херсонской губернии в начале XX в., так, как она рисуется отчетами губернского земства.

* * *

Однако мы имеем возможность взглянуть на ситуацию в сельском хозяйстве губернии как бы со стороны и скорректировать представления, возникшие при чтении отчетов земства. Сделать это позволяет отчет губернского инспектора сельского хозяйства Сорокина, который одновременно заведовал также агрономической помощью единоличным хозяйствам, за 1911 г. Этот документ определенным образом подводит итог предыдущей деятельности земского агрономического персонала. Свежий взгляд, принадлежность к разным ведомствам, а также потребная мера доброжелательности и незаинтересованность в критике коллег сверх необходимого — все это сообщает отчету необходимую меру доверия.

Работа правительственных специалистов и агрономов в целом была тождественна работе земских агрономов. До момента передачи агрономической помощи в ведение земств агрономы землеустроительных комиссий во главе с инспектором сельского хозяйства организовали в районах землеустройства прокатные и зерноочистительные пункты, показательные поля, показательные участки по травосеянию, снабжали население улучшенными семенами, породистой птицей, мелкими животными и т. д.[224]

После передачи агрономической помощи в районах землеустройства в ведение земства, она заключалась, главным образом, в обследовании нужд вновь образованных отрубных и хуторских хозяйств в целях оказания им помощи из землеустроительных кредитов, в чтениях и беседах по вопросам сельского хозяйства и в агрономических консультациях по вопросам таксации земель при землеустроительных работах. Кроме того, в отдельных пунктах, где производилось землеустройство, правительственный персонал оказывал и непосредственную агрономическую помощь, устраивая показательные поля и т. п., в тех случаях, когда агрономы земства еще не предусматривали немедленной организации необходимых показательных мероприятий[225].

Инспектор сельского хозяйства позитивно оценивает развитие внешкольного образования в губернии. Приводимая им динамика роста числа чтений и курсов в общем совпадает с той, которую рисуют отчеты земства[226].

Лекторы отмечали «чрезвычайную внимательность аудитории и большой интерес, проявленный слушателями к предмету чтений; после каждого чтения лектору приходилось посвящать немало времени беседам со слушателями для разрешения возникающих у них вопросов»[227]. Число желающих попасть в слушатели сельскохозяйственных курсов в некоторых агрономических участках далеко превысило число имевшихся вакансий, так что **пришлось прибегнуть к жеребьевке.** При этом в других участках к предложению ехать на курсы крестьяне относились скептически, особенно смущала их необходимость ехать на свой счет. В Херсонском, Тираспольском и Одесском уездах земства в той или иной степени помогли слушателям. Как обычно, аутсайдером оказался Ананьевский уезд, где не нашлось местных источников на выдачу пособий на проезд, и предоставленные этому уезду вакансии пришлось заместить кандидатами из Херсонского уезда. В отчете говорится: «Отношение громадного большинства слушателей к лекциям и практическим занятиям не оставляло желать лучшего... Слушателями постоянно заявлялись просьбы о снабжении их соответствующими учебниками для подготовки по ним в свободное от лекций время»[228]. Сорокин уделяет большое внимание показательным мероприятиям. Любопытна оценка им бесплатных показательных полей, идея создания которых основана на добровольном согласии владельца исполнять советы агронома, но без каких-либо фиксированных обязательств. Как почти всегда в таких случаях, выяснилось, что человеческую природу победить трудно: эта «форма устройства показательных полей является, однако, крайне неустойчивой». Те земства, которые раньше практиковали только такой вариант отношений между агрономической организацией и населением, «убедившись в непрочности существования таких полей и в недостаточной доброкачественности ведения их, перешли к системе обязательных отношений, а бесплатные поля стали рассматривать как вспомогательные»[229].

Рассмотренный выше отчет Херсонского губернского земства за 1909 г. хорошо показывает, что появление где-либо показательного поля само по себе не может априорно расцениваться как факт, способствующий повышению уровня агрономических знаний в данной местности. Тем важнее замечание Сорокина, что «**по своему состоянию, тщательности ухода за полями и по блестящим результатам примерные хозяйства стоят выше обычного уровня показательных полей на крестьянских землях... Выгодно отличались показательные поля у отрубников и хуторян,**

получивших денежные премии. Некоторые из них служили образцами вполне культурной обработки»[230].

Одновременно выяснилось, что единичные случаи устройства показательных полей сельскохозяйственными обществами на арендованной земле не играют заметной роли в проведении в жизнь показательных мероприятий, причем «из них **обычно совершенно неудовлетворительны те показательные поля, на которых практикуется коллективная обработка»**[231].

Сорокин подтверждает успехи пропаганды травосеяния, о которых говорят и земские отчеты. В Александрийском уезде люцерна уже завоевала прочное положение в отдельных селениях; например, в пос. Михайловском Светлопольской волости не сеяли люцерны только 2 двора. В некоторых крестьянских хозяйствах уже «добывали», т. е. выращивали на продажу, собственные семена люцерны, которые после очистки принимались земством по 10 руб. за пуд. «По отзыву участковых агрономов из разных мест губернии, небольшие участки люцерны вполне разрешали кормовой вопрос для хозяев этих участков, и **это оказывало самое решительное воздействие на окрестных крестьян»**[232].

Увеличивалась популярность пропашных, главным образом, кукурузы, «культура которой сделала **громадные успехи** в Александрийском, Елисаветградском и Херсонском уездах *за* **последние два года»**[233]. Участковые агрономы констатировали, что во многих районах Александрийского уезда «редкий хозяин теперь не сеет кукурузы, особенно на отрубных и хуторских участках, где при обследовании оказывалось, что исключений не было во всем агрономическом участке (Братолюбовский участок)». На резко возросшую популярность кукурузы у крестьян указывал и вновь возникший, по данным сельскохозяйственных складов, спрос на крестьянские кукурузные молотилки. В Александрийском уезде появились даже кукурузные молотилки местного кустарного производства[234].

Индексом того, «насколько начинает проникать в среду крестьян сознание, что спасение от злейшего бича крестьянского земледелия юга России — засоренности полей» будет найдено в распространении культуры пропашных, стал тот факт, что в некоторых случаях (например, в Новостародубской волости Александрийского уезда) фиксируется сдача крестьянских земель в аренду с обязательством возделывания пропашных.

Сорокин говорит о неравномерности распределения прокатных станций в разных местностях: «В некоторых районах губернии прокатные станции в известной мере уже достигли своей цели; так, например, благодаря им **за последние три года** рядовые сеялки получили настолько широкое распространение, что теперь даже в землях некоторых громадных селений, как, например, Ровное, Елисаветградского уезда с населением свыше 20000 жителей трудно встретить разбросной посев, причем количество сеялок в селении насчитывается сотнями; между тем, года 3–4 назад в этом селении не было других сеялок, кроме имевшихся на прокатной станции. Точно также в последние 2 года широко распространяются триеры для очистки зерна, имеющиеся на частных предпринимательских зерноочистительных пунктах»[235].

Напомним, что речь идет именно о том селе Ровном, где, в частности, крестьяне использовали «неправильный» «петривчан пар» и где земский отчет за 1902–1903 гг. предлагал пропагандировать агрономические знания. Кроме той сети прокатных и зер-

ноочистительных станций, которыми ведали земства, функционировали еще прокатные станции при сельскохозяйственных обществах, сельскохозяйственных кредитных и ссудо-сберегательных товариществах. В отчете отмечается, что эти прокатные станции играют заметную роль в пропаганде улучшенных машин и орудий[236].

Сорокин объясняет то, о чем умалчивают земские отчеты — причины недостаточной и не всегда удачной работы сельскохозяйственных складов в губернии. Они снабжали население сельхозмашинами и орудиями на льготных условиях в рассрочку. Однако в последнее время частные фирмы стали продавать машины и орудия дешевле, чем склады земств. «Это зависит частью от худшего качества предлагаемого товара, частью от более льготных условий, предоставляемых фирмами частным предпринимателям, а также от возможности устройства частными складами побочных сделок (по запродаже зерна и т. п.), приносящих часто предпринимателю главный доход. Параллельно росту числа частных складов в этом же направлении развивали деятельность кредитные товарищества», в основном по соглашению с земствами, «поглощая деятельность земских складов и заменяя последние, иногда конкурируя с ними», особенно в случае передачи земствами заведования складами местным сельскохозяйственным обществам. Если в каком-либо селении было кредитное товарищество, то конкуренция нередко выражалась в том, что членам кредитного товарищества под угрозой лишения кредита запрещалось покупать орудия где-нибудь, кроме склада товарищества[237].

В целом отчет правительственного инспектора за 1911 г. вполне подтверждает данные земских отчетов. По тону его можно назвать уверенно оптимистичным, хотя он и фиксирует некоторые неизбежные недостатки. Особую важность для оценки изучаемых сюжетов имеет написанный также А. А. Сорокиным «Отчет об организации агрономической помощи в районах землеустройства Херсонской губернии в 1913 г.»[238]

Остановимся на некоторых существенных моментах отчета.

Для характеристики взаимоотношений земской и правительственной агрономических организаций представляет интерес следующее мнение Непременного члена Одесской уездной землеустроительной комиссии о деятельности правительственного агронома:

«Значение правительственного агронома чрезвычайно велико, в чем я имел случай лишний раз убедиться на последнем земском агрономическом совещании. Характерно, между прочим, и весьма важно значение правительственного агронома как лидера, как агента, будирующего земских агрономов, заставляющего внимание их и энергию не ослабевать. Земские агрономы усматривали подрыв их авторитета среди населения тех мест, где появлялся, внося параллелизм, правительственный агроном, как бы конкурирующий с ними. Однако оказалось, что правительственный агроном не подрывал авторитета земских агрономов, а являлся с добрым намерением помочь своим коллегам в общей работе, а они ревниво и поспешно устремлялись в посещенные агрономом места и забирались, принося свою помощь, в такие углы, где население, пожалуй, не скоро их увидало бы, не будь там агронома Комиссии.

Все, что создается правительственной организацией, Одесская Земская Управа охотно принимает в свое ведение, а внимание правительственного агронома... обращено только на пункты землеустройства. Такое положение исключает возможность вредного параллелизма.

Так обстоит дело с полеводством. Что же касается других отраслей хозяйства, то земство совершенно не уделяет внимание куроводству, пчеловодству и мало свиноводству, каковым отраслям Комиссия придает особенно важное значение ввиду близости такого громадного рынка, как Одесса. Развитию этих отраслей правительственный агроном уделяет много внимания, и пока у нас нет склонности передавать заботы о них земству, не пришедшему к сознанию важности таковых»[239]. Отчасти поэтому, когда земства хотели взять в свои руки распоряжение всеми кредитами, предоставляемыми правительством, Особое агрономическое совещание постановило «сохранить существующий строй агрономической помощи как наиболее обеспечивающий агрономические интересы землеустроенных хозяйств»[240].

Далее в отчете высказывается мысль, которая, можно надеяться, до некоторой степени компенсирует читателей данного очерка за внимание, уделенное предыдущим 40 страницам, достаточно монотонным и однообразным: «**Успехи агрокультуры колоссальны. В течение 4–5 лет произошла какая-то магическая метаморфоза**»[241].

Доверие к этим словам, характеризующим перемены в полеводстве Одесского уезда, вызывается, в числе прочего, их продолжением, написанном в самом взыскательном по отношению к земской агрономии тоне: «Констатируя успехи хлебопашца, я должен отметить заметное падение интереса к садоводству и виноградарству... а поддержать его, по-видимому, некому. Многие уничтожают виноградники... не повидав у себя в саду инструктора... Я по совести должен сказать, что население с деятельностью инструкторов по садоводству и виноградарству совсем не знакомо, и потому я возлагаю большие надежды на правительственного инструктора, деятельность которого будет направлена на районы землеустройства»[242]. Во всех уездах губернии господствовала зерновая система полеводства, причем наибольшая площадь у крестьян всех категорий приходилась на яровую пшеницу, затем шел ячмень повсюду, за исключением уездов Александрийского, где преобладала рожь, и Тираспольского, где ячмень уступал место озимой пшенице и кукурузе. Среди категорий крестьян губернии по площади посевов лидировали немцы-колонисты, у которых в среднем приходилось по 3 дес. на душу обоего пола, вдвое ниже были посевы у бывших государственных крестьян, а меньше всего — у бывших, во-первых, государственных крестьян из молдаван, болгар, во-вторых, военных поселян и, в-третьих, помещичьих[243].

Любопытный эпизод. Характеризуя проблему землепользования в Одесском уезде, Сорокин пишет, что «**население в широкой мере прибегает для утоления земельного голода или жадности к аренде**»[244]. Недовыясненность стимулов для аренды земли крестьянами и вместе с тем равноценность для компетентного человека «земельного голода» и «жадности» выглядят несколько загадочно. Однако это косвенное свидетельство того, что, в отличие от Зиновьева, Сорокин вряд ли разделял народнические взгляды.

Интересна оценка Сорокиным **воздействия показательных мероприятий** на сельское хозяйство губернии. Он указывает, что «показательных хозяйств, в которых были бы организованы должным образом с показательной целью все отрасли хозяйства, в Херсонской губернии нет. Есть только хозяйства, в которых организовано полеводство, и на всей земле, принадлежащей хозяйству, ведется правильный севооборот

под наблюдением агронома. Затем имеются показательные поля с демонстрированием севооборота на определенной площади, составляющей иногда лишь часть владения данного хозяйства, и показательные участки с демонстрированием отдельных культур и технических приемов обработки»[245]. Автор пишет: «**Влияние показательных полей и участков на окружающее население неоспоримо;** таковое отмечается отчетами всех уездных земских управ Херсонской губернии и правительственного агрономического персонала... Получаемые на показательных полях **отличные результаты совместно с другими способами агрономического воздействия быстро влияют на общее улучшение сельскохозяйственной культуры мелких хозяйств:** под влиянием широкого осуществления этого мероприятия в некоторых участках мы наблюдаем стремление со стороны крестьян, ближайших к показательному полю заводить правильные севообороты и *сознательно* подражать тем приемам, какие они видели на показательных полях»[246].

К числу важных достижений показательных мероприятий относится распространение пожнивного лущения и ранней вспашки на зябь («вообще зяблевая вспашка в Александрийский уезде приняла полное право гражданства»); местами крестьяне стали делать пар черный или ранний весенний. Многие участковые агрономы отмечали, что «в настоящее время „севооборот“, „кукуруза“, „чистый пар“ и прочее не являются крестьянину странным, **он с охотой берет теперь в аренду землю с условием ведения полеводства с чистым и занятым парами, к чему принудить его года 3–4 назад представляло немало труда».** Были случаи, когда сами крестьяне сдавали свою землю с условием ведения полеводства по примеру показательных полей. Постоянно увеличивались масштабы травосеяния[247]. Под влиянием показательных полей и участков в значительной мере расширялось использование улучшенных сортов сельскохозяйственных растений[248]. В Херсонском уезде «за последние годы в районах землеустройства десятки хозяйств вводят у себя незанятый пар и посевы кукурузы»[249]. Аналогичная информация содержится в отчетах и других земских управ. Херсонская губерния была одним из главных потребителей сельхозтехники, стабильно входившим в лидирующую семерку.

Как это отразилось на парке сельскохозяйственного инвентаря?

Рассматриваемый отчет позволяет точнее представить проблему обеспеченности инвентарем, а также — уместное дополнение — и скотом крестьянских хозяйств губернии, прежде всего, хуторских и отрубных.

В Александрийском уезде по обеспеченности инвентарем и скотом отрубные и хуторские хозяйства, образовавшиеся после разверстания селений, по мнению автора земского отчета, мало чем отличаются от хозяйств общинных. Те же единоличные хозяйства, которые выделились из общины, обыкновенно более сильны и более полно оборудованы инвентарем и скотом[250]. Это замечание весьма ценно.

Хуторские хозяйства, образованные на ликвидированных казенных землях и землях Крестьянского Банка, переживали, как правило, довольно трудное время, ввиду величины затрат на перенос построек и на уплату задатков и других взносов, а также **ввиду неурожая последних двух лет**[251].

Участковые земские агрономы сообщали следующее: «Относительно оборудованности инвентарем и обеспеченности скотом хуторских хозяйств можно сказать, что

почти половина хуторян крупного рогатого скота не имеет; вообще же можно сказать, что пока хуторяне имеют то минимальное, т. е. пару лошадей и плуг, с чем можно более или менее успешно вести хозяйство» (агроном 7-го участка). «Большинство хуторян обременено уплатой стоимости земли и другими налогами, являются недостаточно обеспеченными инвентарем и скотом, хотя по сравнению с общинниками благосостояние их все же лучше последних» (агроном 8-го участка). Агроном 10-го участка для характеристики обеспеченности скотом приводит полученные при подворном обследовании данные по д. Филипповке (разверстанной) и пос. Красная Венедиктовка (вновь образованном). На 100 дес. земли в первой было рабочих лошадей 30, во втором — 19; коров соответственно 10,2 и 5,3; гулевого скота 10,4 и 5,7; а свиней — по 14,8. То есть, все отрасли животноводства, за исключением свиноводства, были развиты несравненно слабее во вновь образованных хозяйствах.

Агроном при Александрийской уездной Землеустроительной комиссии указывает, что «как хуторские, так и отрубные хозяйства по сравнению с общинными хозяйствами, лучше обеспечены инвентарем, в особенности это наблюдается в тех хозяйствах, которые просуществовали уже 2–3 года. **Перед выходом на отруба или хутора сплошь и рядом наблюдается полная разоренность и необеспеченность. Во многих случаях общинников убеждает выходить на отруба и то, что вышедшие из общины крестьяне за короткое время поправляют свои хозяйственные дела».** Крайне важное наблюдение!

В Ананьевском уезде отрубные и хуторские хозяйства в общем обеспечены скотом и таким инвентарем, как плуг, буккер и борона. В более сложных и усовершенствованных сельскохозяйственных машинах чувствуется недостаток — рядовые сеялки, распашники, молотилки имеются сравнительно у немногих, а прокатные станции не могут вполне удовлетворять нужду в рядовых сеялках, триерах и т. п. Некоторые агрономы (например, Врадиевского участка) указывают, что «недостаток в дорогостоящих орудиях (триер, 11 рядовая сеялка — так в документе. — *М. Д.*) и мало распространенных машин и орудий пополняется прокатными станциями»[252].

У всех хозяев было не менее пары лошадей или пары волов, а на территории некоторых агрономических участков до 75 % хозяйств имели по 2 пары лошадей. Однако крупным рогатым скотом крестьяне были обеспечены в разной степени. Так, на Мостовском участке число крестьян, имевших одну корову, доходило до 60 %, две коровы — до 25 %, от 2 до 4 коров — равнялось 10 %; чуть меньшее число хозяйств было бескоровными[253]. В Елисаветградском уезде обеспеченность единоличных хозяев живым и мертвым инвентарем, по мнению правительственного агронома, за редкими исключениями была недостаточной, причем отрубники и хуторяне на бывших общинных землях находились в лучшем положении, чем единоличники на ликвидированных банковских и казенных землях.

По данным земского отчета, единоличные владельцы, владевшие отрубом в 4–5 дес., имели в большинстве случаев пару рабочих лошадей, свинью, 5–10 кур, а из мертвого инвентаря — плуг, борону... и фургон. У хозяев с отрубом в 10 и более дес., имелись, кроме перечисленного для 1-й группы, еще двухлемешный плуг, 11-рядная сеялка, веялка, а из живого инвентаря — корова, 15–20 кур и 2–3 свиньи. То есть, крестьяне

среднего достатка (по классификации земских складов) были вполне обеспечены сельхозтехникой, но недостаточно скотом[254].

В Одесском уезде, по данным правительственного агронома, обеспеченность инвентарем и скотом среднего единоличного хозяйства характеризовалась приблизительно следующими данными: 4 лошади, 2 коровы, 2 свиньи, 2 буккера, 2 плуга, 3 бороны, 1 фургон, 1 жатка; рядовые сеялки встречались редко.

В мелком единоличном хозяйстве зафиксировано 2 лошади, корова, свинья, буккер, плуг, борона, фургон и жатка.

В крупных хозяйствах (от 30 до 60 дес.) ситуация была совсем иной — 6–12 лошадей, 5–10 коров, 8–10 голов мелкого скота (телят, свиней), 2–3 плуга, 2 буккера, жатка, рядовая или разбросная сеялка, фургон и 3–4 арбы.

Кроме того, *все* категории хозяйств имели пропашники, веялки, а более крупные — и конные молотилки. Нефтяные двигатели для молотьбы еще только начинали входить в обиход единоличного хозяйства, но уже имелись в селах Ясске, Кубанке, Курисово-Покровском и Златоустовском поле[255]. На 5-м агрономическом участке среднее единоличное хозяйство имело буккер, плуг, 5 борон, сеялку, жатку, веялку, каменный каток, фургон, 2 арбы и другой инвентарь[256].

В Тираспольском уезде на **всех** участках у владельцев «наименьшего количества земли» был приблизительно такой набор инвентаря: пара лошадей, две коровы, плуг, борона, веялка или сортировка, а изредка и сеялка. У «имеющих наибольшее количество земли хозяйства оборудованы инвентарем еще лучше»[257].

В Херсонском уезде, отмечается в земском отчете, в особо благоприятных условиях находились разверставшиеся в 1912 г. колонисты колонии Старошведское. Большинство хозяев этого селения имели **каждый** по конной молотилке, часто с двигателем внутреннего сгорания, жатку, соломорезку, буккер, двухлемешный плуг, железные бороны, рядовую сеялку, 1–2 арбы, рессорную бричку, 7–12 лошадей, от двух до пяти коров, 3–5 жеребят и 3–5 телят. Русские единоличники в большинстве имели буккер, жатку, рядовую сеялку, 1–2 арбы, от двух до пяти лошадей и 1–2 коровы[258].

В достаточной мере были обеспечены инвентарем и рабочим скотом единоличные хозяйства Широковского участка. Здесь хозяева, имевшие от 10 до 15 дес., держали 4–6 лошадей. Агроном Каменского участка сообщал, что в деле обеспечения единоличных хозяйств мертвым инвентарем **заметную роль играли 7 прокатных станций,** расположенных в пределах названного участка. Большинство отрубников имело 3–4 лошадей, 2 коров и 3–4 свиней. Хорошо были обеспечены живым и мертвым инвентарем единоличники Ново-Одесского, Снигиревского и Тягинского участков[259].

Куда менее благополучной была ситуация в уже знакомых нам Березнеговатском, Воскресенском и Ново-Бугском участках. В Березнеговатском участке, говорится в отчете, «особенно нуждаются в инвентаре хуторяне, переселившиеся на ликвидированные казенные земли; отрубники же находятся в лучшем положении. В Воскресенском агрономическом участке новые единоличные хозяйства также заставляют желать многого в хозяйственном отношении. У многих, выселившихся на выделенные или приобретенные участки, хаты стоят без крыши, усадьбы не огорожены, помещения для скота нет, живого и мертвого инвентаря очень мало. Такая бедность объясняется теми

Таблица 7.12. Обеспеченность инвентарем и скотом средних и мелких отрубных или хуторских хозяйств на 1 агрономическом участке Одесского уезда

	Немцы-колонисты		Русские	
	средние хоз.	мелкие хоз.	средние хоз.	мелкие хоз.
Буккеров	2–3	1	0	0
Плугов	2–3	1	1–2	1
Борон	2–3	1	1–2	1
Фургонов	2	1	1–2	1
Жаток	1	0	1	0
Сеялок рядовых	1	0	0	0
Сеялок разбросных	1	1	0	0
Лошадей	4–6	2–4	2–4	2
Коров	2–4	1–3	2	1
Свиней	3–5	1–3	2–3	1

Источник: Отчет об организации агрономической помощи в районах землеустройства Херсонской губернии в 1913 году. С. 20.

большими расходами, которые понесли рассматриваемые хозяева при разверстании, **скупая земли;** кроме того, и само переселение вызывает всегда значительные убытки и расходы. У многих единоличных хозяев Ново-Бугского участка, по сообщению участкового агронома, дело обстоит еще хуже: ни живого, ни мертвого инвентаря у них нет вовсе, и свою землю они сдают в аренду»[260].

Такая пестрота хозяйственной ситуации в пределах одного только уезда показывает гигантскую сложность происходивших в сельском хозяйстве страны процессов, и невозможность свести их, как это делается в традиционной историографии, к однозначно негативным выводам.

Заслуживает специального внимания следующее сообщение из Одесского уезда: «Рядовой посев приобретает с каждым годом все больше приверженцев, и теперь все чаще попадаются поля, засеянные рядовой сеялкой. Сведения о прогрессивном увеличении рядового посева поступили со всего уезда; особенно детально они собраны агрономом 4-го участка г. Иванизовым. В этом участке... в 1909 году не было ни одной рядовой сеялки, в 1910 году их было 10, в 1911 году — 59, в 1912 году — 103, а в настоящем 1913 году их насчитывается 250 шт., из которых 65 шт. находится в районах землеустройства (Канделе и Ясках), а остальные 185 — в районе общинного владения... Такое прогрессивное увеличение площади рядового посева можно объяснить тем, что те крестьяне, которые делали в прошлом году рядовой посев как пробу, и, получив хорошие результаты, решили в текущем году сделать рядовой посев почти на всей площади, предназначенной для посева. Кроме того, этому полезному делу много способствовали земские прокатные станции, где за небольшую плату можно взять для посева такую машину, как рядовая сеялка. То, что отмечает в своем отчете Одесская земская управа, наблюдается во всех уездах... особенно в Елисаветградском уезде, как, например, Ровное, где рядовые сеялки считаются сотнями, и где на площади двух десятков тысяч десятин трудно встретить разбросной посев. Наряду с этим, конечно, существуют еще

пункты и в этих уездах, где в селении не найдется еще ни одной сеялки. **Широкое распространение рядового посева — результат деятельности прокатных станций за последние 3–5 лет»**[261]. Данный фрагмент показывает, как несомненные успехи агрономической помощи, так и масштабы предстоящей работы. Кроме того, — на молекулярном, условно говоря, уровне — он хорошо иллюстрирует сведения «Сводной статистики» об увеличении потребления сельхозмашин и орудий в 1911–1913 гг. даже в таких передовых губерниях, как Херсонская.

Заслуга в этом агрономической помощи более чем очевидна.

* * *

Мы видели один из лучших примеров работы российского земства. Если в целом с точки зрения прогресса агрономической помощи страна и не вошла пока «дальше преддверья», то, продолжая аналогию Кауфмана, кое-где уже началось знакомство с планировкой здания.

Были, однако, и примеры совершенно противоположные. Отчеты многих земств в части, касающейся агрономической помощи, весьма напоминают, условно говоря, «робинзонады». Однако и в этих губерниях начались перемены к лучшему.

А. А. Кауфман писал: «Мы присутствуем еще при самом начале того агрономического строительства, которое необходимо, чтобы поднять наше сельское хозяйство из фазы хронического расхищения на ступень сохранения и развития производительных сил нашей природы». Правительство сознает это, как «сознает оно и необходимость — мало того — *настоятельную неотложность* самой энергичной дальнейшей работы в данном направлении. Сознает ее сейчас — как будто бы — и общество; чем дальше, тем сильнее зреет и проявляется в самих народных массах готовность идти навстречу агрономическому воздействию»[262].

Напомним два приведенных выше мнения, которые имеют для нашей темы без преувеличения фундаментальное значение.

1. «**Время делает свое. Казавшееся несбыточной мечтой становится с течением времени осуществимым. Весь материал, брошенный в деревню в виде различного рода агрономических мероприятий** (показательные поля, беседы, прокатные пункты и проч.), **дает солидную работу мысли сельскому обывателю, и эта мысль, по-видимому, выбивается постепенно на правильную дорогу; дорога эта — маленькие, но постепенные, упорно проводимые хозяйственные улучшения».**

2. «**Успехи агрокультуры колоссальны. В течение 4–5 лет произошла какая-то магическая метаморфоза»**[262].

Эти слова в известном смысле вознаграждают многих и многих людей, чьими стараниями всего за несколько лет изменилось то, что не менялось столетиями. Речь идет не столько о том, что вместо сохи появился железный плуг, вместо серпов — жатки и т. д. Куда важнее, что **иным** стало или начало становиться отношение крестьян к основе своего существования — к сельскому хозяйству. А отсюда неизбежно должны были последовать и более важные перемены во взглядах на окружающий мир вообще.

Вот только времени для этого не хватило.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ефременко А.В.* Земская агрономия и ее роль в эволюции крестьянской общины. Ярославль, «Ремдер». 2002. С. 2.
2. Там же. С. 12–13.
3. Там же. С. 13–14.
4. *Кауфман А.А.* Агрономическая помощь в России. Историко-статистический очерк. Самара, 1915. С. 7.
5. Там же. С. 4.
6. *Морачевский В.В.* (ред.) Агрономическая помощь в России. Пг, 1914., С. 99–100; Там же. С. 99; *Кауфман А.А.* Агрономическая помощь в России... С. 4.
7. *Морачевский В.В.* (ред.). Агрономическая помощь ... С. 73–74.
8. Там же. С. 74.
9. Там же. С. 74–75.
10. Там же. С. 75.
11. *Кауфман А.А.* Агрономическая помощь в России... С. 5.
12. *Морачевский В.В. (ред.)*. Агрономическая помощь... С. 89–90.
13. Там же. С. 90
14. Там же. С. 90–91.
15. Там же. С. 87–88.
16. Там же. С. 91.
17. Там же. С. 88–89.
18. *Бобынин Н.Н.* Экономическая помощь населению Тамбовской губернии. Тамбов, 1916. С. 1
19. Там же. С. 2.
20. Там же. С. 3.
21. Там же. С. 10.
22. Там же. С. 22.
23. Там же. С. 33–36.
24. *Морачевский В.В.(ред.)*. Агрономическая помощь... С. 93.
25. Там же. С. 95. В 1894 г. во время проведенного Министерством земледелия опроса земства, говоря о местных нуждах сельского хозяйства, на первое место ставили «необходимость самого широкого распространения общего образования и сельскохозяйственных знаний, а также специального сельскохозяйственного образования».
26. *Сазонов Г.* Обзор деятельности земств по сельскому хозяйству (1865–1895) СПб., Т. 1. 1896. С. 254.
27. *Бобынин В.В.* Экономическая помощь населению Тамбовской губернии... С. 10–11.
28. Там же. С. 11.
29. Там же.
30. Там же. С. 6.
31. *Морачевский* В.В.(ред.). Агрономическая помощь... С. 99–100.
32. *Кауфман А.А.* Агрономическая помощь в России... С. 10–11 (курсив автора).
33. *Морачевский В.В.* (ред.). Агрономическая помощь... С. 99.
34. Там же. С. 89.
35. Там же. С. 85.
36. Там же. С. 143.
37. Там же. С. 144.
38. Там же. С. 145.
39. *Кауфман А.А.* Агрономическая помощь в России ... С. 19.

40. Там же. С. 13–14.
41. *Морачевский В.В.* (ред.). Агрономическая помощь ... С. 163.
42. Там же. С. 164–165
43. Там же. С. 165.
44. Там же. С. 166.
45. Там же.
46. Там же. С. 166–167.
47. Там же. С. 167; Сведения о деятельности земств по сельскому хозяйству в 1913 г. Вып. 14. Пг., 1916. С. 29.
48. *Морачевский В.В.* (ред.). Агрономическая помощь... С. 166–167.
49. Там же. С. 170.
50. Там же. С. 171.
51. Там же. С. 173–174.
52. *Кауфман А.А.* Агрономическая помощь в России... С. 15.
53. Там же.
54. Там же.
55. *Морачевский В.В.* (ред.). Агрономическая помощь... С. 187.
56. Там же. С. 188.
57. Там же. С. 189.
58. Там же. С. 190.
59. Там же. С. 227.
60. Там же.
61. Там же. С. 191.
62. *Морачевский В.В.* (ред.). Агрономическая помощь... С. 193.
63. Там же. С. 190.
64. *Кауфман А.А.* Агрономическая помощь в России... С. 16.
65. *Морачевский В.В.* (ред.). Агрономическая помощь... С. 198–200.
66. Там же.
67. Там же. С. 207.
68. *Кауфман* А.А. Агрономическая помощь в России... С. 19.
69. *Морачевский В.В.* (ред.). Агрономическая помощь... С. 232–233.
70. Там же. С. 283.
71. Там же. С. 313–314.
72. Там же. С. 313–314.
73. Там же. С. 328.
74. Там же. С. 329–330.
75. *Кауфман А.А.* Агрономическая помощь в России... С. 26–27; *Морачевский В.В.* (ред.). Агрономическая помощь... С. 330.
76. *Морачевский В.В.* (ред.). Агрономическая помощь... С.330, 333.
77. Сведения о деятельности земств по сельскому хозяйству в 1913 г. Вып. 14. С. 39; *Морачевский В.В.* (ред.). Агрономическая помощь... С. 333–334.
78. Там же.
79. *Кауфман А.А.* Агрономическая помощь в России... С. 31.
80. Отчет о земской агрономической помощи населению Херсонской губернии в 1909 г. Херсон, 1910. С. 28. (далее: Отчет о земской агрономической помощи...).
81. Отчет о деятельности агрономического персонала и о мероприятиях земства по улучшению сельского хозяйства в 1908 году. Б.м.б.г. С. 1. (в Ананьевском уезде Херсонской губернии — *М.Д.*).

82. Там же.
83. Там же. С. 3.
84. Там же. С. 3–4.
85. Там же. С. 4.
86. Там же. С. 30–31.
87. Там же. С. 37.
88. Отчет о деятельности агрономического персонала и мероприятиях земства по улучшению сельского хозяйства в Херсонской губернии в 1906 г. Херсон, 1907. С. 7–8. (Далее: Отчет о деятельности агрономического персонала...)
89. Отчет о деятельности агрономического персонала за 1902–1903 гг. Б.м.б.г. С. 11.
90. Отчет о деятельности агрономического персонала и мероприятиях земства по улучшению сельского хозяйства в Херсонской губернии в 1905 г. Херсон, 1906. С. 7.
91. Там же. С. 10.
92. Отчет о земской агрономической помощи населению Херсонской губернии в 1908 г. Херсон, 1909. С. 15.
93. Отчет о земской агрономической помощи ... в 1909 г. С. 14.
94. Отчет о деятельности агрономического персонала в 1902 и 1903 гг. ... С. 12–13.
95. Отчет о деятельности агрономического персонала... в 1905 г. С. 9
96. Отчет о деятельности агрономического персонала в 1902 и 1903 гг. ... С. 13.
97. Отчет о деятельности агрономического персонала ... в 1905 г. С. 9.
98. Отчет о деятельности агрономического персонала в 1902 и 1903 гг. ... С. 13.
99. Там же.
100. Там же. С. 13–14.
101. Там же. С. 14.
102. Отчет о деятельности агрономического персонала ...в 1906 г. С. 9.
103. Отчет о деятельности агрономического персонала... в 1907 г. С. 13–14.
104. Там же. С. 13–14.
105. Там же. 14.
106. Там же.
107. Отчет о земской агрономической помощи ... в 1908. С. 13–14.
108. Там же. С. 15.
109. Там же. С. 16.
110. Там же.
111. Там же. С. 21.
112. Там же.
113. Отчет о земской агрономической помощи... в 1909 г. С. 11–12.
114. Там же. С. 15–18.
115. Там же. С. 13
116. Там же. С. 20–21.
117. Отчет о земской агрономической помощи населению Херсонской губернии в 1910 г. Херсон, 1911 г. С. 2.
118. Там же. С. 6
119. Там же.
120. Там же.
121. Там же. С. 3.
122. Там же. С. 3–4.
123. Там же. С. 17.
124. Там же.

125. Там же.
126. Отчет о земской агрономической помощи населению Херсонской губернии в 1911 г. Херсон, 1912. С. 21.
127. Там же.
128. Там же.
129. Там же. С. 22.
130. Отчет о земской агрономической помощи населению Херсонской губернии в 1912 г. Херсон, 1913. С. 6.
131. Там же. С. 7.
132. Там же. С. 16.
133. Там же. С. 16–17.
134. Там же. С. 17.
135. Там же. С. 17–18.
136. Там же. С. 18.
137. Там же. С. 18–19.
138. Там же. С. 19.
139. Там же.
140. Там же. С. 19–23.
141. Отчет о земской агрономической помощи населению Херсонской губернии в 1913 г. Херсон, 1914. С. 39.
142. Там же. С. 39–40
143. Там же. С. 40.
144. Там же.
145. Там же. С. 45.
146. Там же. С. 79.
147. Там же. С. 90.
148. Там же. С. 90–91.
149. Там же. С. 91.
150. Там же. С. 91–92.
151. Там же. С. 92.
152. Отчеты инспекторов сельского хозяйства и правительственных агрономов по 22 губерниям России за 1912 год. Пг., 1914. Ч. I. А. Нечерноземная полоса. С. 132.
153. Отчет о деятельности земского агрономического персонала в 1902 и 1903 гг. ... С. 2–3.
154. Там же. С. 4–5.
155. Отчет о деятельности агрономического персонала... в 1905 г. С. 5
156. Там же. Приложение 4.
157. Там же.
158. Там же. С. 13.
159. Там же.
160. Отчет о земской агрономической помощи... в 1909 г. С. 41.
161. Отчет о деятельности агрономического персонала... в 1905 г. С. 14.
162. Там же. С. 15.
163. Отчет о деятельности агрономического персонала ... в 1906 г. С. 13.
164. Там же. С. 13.
165. Там же. С. 15.
166. Там же. С. 15.
167. Там же. С. 15.
168. Там же. С. 15–16.

169. Там же. С. 16.
170. Там же.
171. Отчет о земской агрономической помощи ... в 1909 г. С. 32.
172. Там же. С. 42.
173. Там же.
174. Там же. С. 42–43.
175. Там же. С. 39.
176. Отчет о деятельности агрономического персонала... в 1905 г. С. 15.
177. Отчет о деятельности агрономического персонала... в 1906 г. С. 17.
178. Там же.
179. Там же.
180. Там же. С. 18.
181. Там же. С. 19.
182. Отчет о деятельности агрономического персонала... в 1907 г. С. 22.
183. Там же. С. 23.
184. Там же. С. 29.
185. Там же. С. 29–30.
186. Там же. С. 31.
187. Справочные сведения о деятельности земств по сельскому хозяйству (по данным на 1911 год). Ред. *Морачевский В.В.* Вып. 13. Ч. 2. Пг., 1911.
188. Там же. С. 18–19.
189. Там же. С. 19.
190. Там же.
191. Отчет о деятельности агрономического персонала... в 1907 г. С. 31.
192. Там же. С. 32.
193. Там же.
194. Отчет о земской агрономической помощи... в 1909 г. С. 28.
195. Отчет о деятельности агрономического персонала и о мероприятиях земства по улучшению сельского хозяйства в 1908 г. Б.м.б.г. С. 36–37. (в Ананьевском уезде Херсонской губернии — *М.Д.*)
196. Отчет о земской агрономической помощи... в 1909 г. С. 27.
197. Там же. С. 26–27.
198. Отчет о земской агрономической помощи ... в 1910 г. С. 26–27.
199. Отчет о земской агрономической помощи... в 1911 г. С. 29.
200. Там же. С. 29–30.
201. Там же. С. 27–28.
202. Там же. С. 28.
203. Там же.
204. Отчет о земской агрономической помощи... в 1912 г. С. 37–38.
205. Там же. С. 38–39.
206. Отчет о земской агрономической помощи ... в 1910 г. С. 21.
207. Отчет о земской агрономической помощи ... в 1911 г. С. 25.
208. Отчет о земской агрономической помощи... в 1912 г. С. 26.
209. Там же. С. 32–33.
210. Там же. С. 33.
211. *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М., 1990, С. 237–238.
212. Отчет о земской агрономической помощи... в 1910 г. С. 24.
213. Отчет о земской агрономической помощи... в 1911 г. С. 26.
214. Отчет о земской агрономической помощи... в 1912 г. С. 35.

215. Там же.
216. Там же. С. 36.
217. Там же. С. 35.
218. Отчет о земской агрономической помощи... в 1909 г. С. 26–27.
219. Отчет о земской агрономической помощи... в 1910 г. С. 25.
220. Отчет о земской агрономической помощи... в 1911 г. С. 27.
221. Отчет о земской агрономической помощи ... в 1912 г. С. 36.
222. Отчеты инспекторов сельского хозяйства и правительственных агрономов по 25 губерниям Европейской России за 1911 г. Часть II. Б. Черноземная полоса. СПб., 1913. С. 825–826.
223. Там же. С. 826.
224. Там же. С. 826–827.
225. Там же. С. 828.
226. Там же. С. 829–830.
227. Там же. С. 835–836.
228. Там же. С. 836–837.
229. Там же. С. 838.
230. Там же. С. 840–841.
231. Там же. С. 841.
232. Там же. С. 841–842.
233. Там же. С. 842–843.
234. Там же. С. 846.
235. Там же. С. 847–848.
236. Отчет об организации агрономической помощи в районах землеустройства Херсонской губернии в 1913 г. Составил зав. агрономической помощью в районах землеустройства Херсонской губернии А.А. Сорокин. Херсон, 1915.
237. Там же. С. 4–5.
238. Там же. С. 5.
239. Там же. С. 5.
240. Там же.
241. Там же. С. 7–8.
242. Там же. С. 13.
243. Там же. С. 61.
244. Там же. С. 77.
245. Там же.
246. Там же. С. 78.
247. Там же. С. 79.
248. Там же. С. 17.
249. Там же.
250. Там же. С. 17–19.
251. Там же. С. 19.
252. Там же.
253. Там же. С. 19–20.
254. Там же. С. 20.
255. Там же. С. 21.
256. Там же.
257. Там же. С. 21–22.
258. Там же. С. 22.
259. Там же. С. 81–82.
260. *Кауфман А.А.* Агрономическая помощь в России... С. 32.

Приложение 2
АГРАРНАЯ РЕФОРМА П. А. СТОЛЫПИНА И ПРОЦЕСС ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА В 1907–1915 гг.

Данное приложение на первый взгляд не имеет прямого отношения к теме монографии. Однако, после всего, что сказано о Столыпинской аграрной реформе в предыдущих главах, представляется необходимым рассмотреть это эпохальное преобразование подробнее.

Исполнилось сто лет с начала аграрной реформы П. А. Столыпина. Нельзя сказать, что юбилей реформы отмечался уж слишком громко, однако обсуждение ее в научном сообществе и разнообразные материалы, появившиеся по этому поводу в СМИ, побудили меня серьезно переделать текст, содержащийся в «Очерках аграрной истории России в конце XIX – начале XX вв.». За истекшее столетие проблемы, которые тогда будоражили общество, не исчезли, а лишь трансформировались.

«Юбилейная» полемика показала, с одной стороны, насколько живучи стереотипы, полтора века мешающие, по моему убеждению, нашей стране жить нормально, а с другой, продемонстрировала явно недостаточную степень знакомства с предметом не только, что называется, «широкой читающей публики», но и некоторых лиц, претендующих на то, чтобы считаться специалистами. Отдельные публикации заставляют вспомнить неаполитанского короля Фердинанда IV, заявившего после окончания эпопеи Наполеона, что он проспал 25 лет (1789–1815 гг.) и знать не хочет, что в это время происходило.

Сто лет назад современникам, вне зависимости от их отношения к происходящему, было понятно, **почему** началась эта реформа, **какие** из имеющихся потенциальных возможностей развития страны она пытается реализовать, поскольку эта проблематика не один десяток лет была предметом весьма активной полемики.

Сто лет назад причины реформы понимали все, а сейчас — немногие, ибо советской историографии незачем было просвещать читателей в этом отношении.

Столыпинская аграрная реформа для обыденного сознания не является чем-то понятным. Это одна из тех немногих в нашей истории реформ, необходимость которой не слишком очевидна. Между тем в послепетровское время лишь отмена крепостного права имела, пожалуй, более веские основания, чем аграрная реформа Столыпина, а то, что государство запоздало с ее проведением, имело фатально негативное значение для судеб страны и человечества.

Схема, излагаемая в учебниках, на этот счет примерно такова. Крестьяне, ограбленные в ходе реформы 1861 г., из-за «отрезков» не могли нормально вести хозяйство, их положение ухудшалось, и в 1905–1906 гг. они захотели вернуть награбленное. Власть,

чтобы погасить революцию пошла на трюк — решила сделать их собственниками... Однако они как истые социалисты в душе, «по инстинкту», не поддались, не захотели в массе становиться собственниками и выходить на хутора, и реформа провалилась. В таком изложении реформа действительно как бы появляется ниоткуда, предстает кабинетной затеей — не знали, как справиться с революцией, думали-думали и придумали то, что нам чуждо и не нужно. Однако это не объясняет накала ненависти (sic!) к П. А. Столыпину и его преобразованиям, не спадающего уже сто лет.

Не секрет, что полемика о Столыпинской аграрной реформе, оставляя в стороне декоративную демагогию, — это полемика о том, нужна ли российской деревне частная собственность на землю или не нужна

А в более широком смысле в основе всех столетних споров о П. А. Столыпине и его реформах с их невиданным для науки ожесточением лежит, соответственно, дилемма — должна ли Россия оставаться модифицированным самодержавным государством (неважно под каким названием — хоть СССР) со всеми его атрибутами, в том числе с населением, лишенным полноты гражданских и политических прав, жизнь которого регламентируется властью в тех или иных крепостнических традициях, или же она должна стремиться к развитию, ориентированному на права и свободы личности, на правовое государство и гражданское общество (чему не противоречит сохранение монархии), вступив на путь, по которому давно шла Европа. Проблема эта актуальна сейчас так же, как и сто, и двести лет назад, и преобразования, связанные с именем П. А. Столыпина, имеют к этому самое прямое отношение, будучи последней до 1917 г. реальной попыткой изменить вектор развития истории России.

Впервые эта основополагающая проблема **практически** начала решаться в середине XIX в. 19 февраля 1861 г. Александр II выбрал для страны второй вариант развития, открыв эпоху Великих реформ, что стало началом разрыва с многовековой традицией вотчинно-крепостнического государства.

М. М.Сперанский удивительно точно заметил, что в России есть только два сословия — «рабы государевы и рабы помещичьи», т. е. дворяне и крестьяне, что «первые называются свободными только в отношении ко вторым, действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов»[1]. Крымская война ясно показала, что путь, основанный на крепостничестве, в России себя исчерпал, что на крепостной мануфактуре в прямом и переносном смысле нельзя построить ни парохода, ни паровоза, и если страна не хочет потерять того положения на мировой арене, которое она заняла после Полтавской битвы, ей необходимы очень серьезные перемены.

В сущности, сама отмена крепостного права и недвусмысленно выраженное желание императора Александра II превратить крестьян по завершении выкупа в собственников их земель яснее прочего говорила о намерениях Власти расстаться с крепостническим прошлым и пойти дорогой всех цивилизованных народов Европы.

В определенном смысле император продолжал дело Екатерины II, сделавшей в 1785 г. своими Жалованными грамотами первый шаг в этом направлении.

Великие реформы в их **гигантском позитивном содержании** (которого не поняли и не оценили многие современники), решительно отвоевывали для страны у Истории то, что было потеряно раньше и, помимо ликвидации крепостного права, давали то, о

чем она и помыслить прежде не могла и что было залогом ее будущего поступательного развития — независимый суд, местное самоуправление, свободу слова, реформы образования, свободный выезд за границу и многое-многое другое, что с течением времени должно было преобразить Россию.

Крестьяне получили гражданские права частично — с перспективой обретения их в полном объеме по завершении выкупной операции. Определенные ограничения правового статуса крестьян были неизбежны и понятны — в начале 1860-х гг. они, цитируя Н. М. Карамзина, «имели навык рабов», и не могли одномоментно обрести «навык людей вольных». Им необходимо было адаптироваться — в самом широком смысле — к неизвестной им ещё новой жизни.

В Высочайшем повелении от 4 декабря 1858 г., которым руководствовались Редакционные Комиссии при подготовке Великой реформы, было ясно сказано, что «при обнародовании нового Положения крестьянам предоставляются права свободных сельских сословий, личные, по имуществу и по праву жалобы»[2]. И поэтому эти ограничения правового статуса крестьян носили **временный характер**.

Александр II создал предпосылки для эффективного развития своей Империи, которое во 2-й половине XIX в. было немыслимо без отказа от средневекового сословно-тяглового строя в широком смысле слова.

Заметим, что Александр II не предлагал капиталистической системы, вполне разделяя антикапиталистические настроения своих подданных, он не предлагал подданным политических прав, он имел в виду права гражданские. Речь шла о **постепенном** приобщении страны к базовым ценностям европейской цивилизации, создававшем фундамент для дальнейшего движения страны вперед.

Но не тут-то было. Сменить тип цивилизации оказалось не так просто.

Идеи Александра II идти общим для всех европейских народов путем не всем в стране пришлись по вкусу. Россия заболела социализмом, и когда через полвека Б. Д. Бруцкус скажет, что для нашей интеллигенции «все, что похоже на социализм, то благо, что не похоже, то от лукавого»[3], его мысль «закольцовывает» тему. С другой стороны, та немалая часть общества, которая была далека от социалистических идей, не стремилась к тому, чтобы Россия во всем походила на Европу.

Здесь необходимо уточнение. Образованный, как тогда говорили, класс населения был вполне удовлетворен либерализацией режима, теми изменениями, которые произошли в его положении после 1855 г. и которые делали это положение вполне сопоставимым со статусом западноевропейской элиты. Во всяком случае, представители этого класса перестали быть «рабами государевыми». Законопослушным гражданам уже не нужно было, например, сжигать свой архив из опасения, что жандармы смогут отыскать там крамолу, как это было с собравшимся было в европейский вояж генералом А. П. Ермоловым в 1848 г.

Другими словами, «европеизацию» собственного положения русская интеллигенция принимала вполне. Но ее категорически не устраивала аналогичная перспектива по отношению к народу, прежде всего к крестьянству.

Тут не место распутывать сложнейший клубок причин, которые привели к появлению феномена русского социализма — хотя об этом и написано немало, многое остает-

ся не до конца понятным. Достаточно сказать, что со 2-й половины 1850-х гг. начался тот абсурдный зигзаг в идейном развитии страны, последствия которого в полной мере ощущаются нами до сих пор, и отнюдь не только в сфере идеологии.

На сцену вышли, как их позже будут называть, «люди 60-х годов» XIX в., последователи Герцена и Чернышевского* — такие же страстно-самоуверенные дилетанты (академично выражаясь), как и их учителя, на которых лежит огромная часть ответственности за глубоко извращенное идейное развитие русского общества в пореформенную эпоху.

Европейские ценности этим людям во многом были глубоко антипатичны. Н. П. Макаров, сопоставляя однажды эмоциональное воздействие славянофилов и западников на русскую идеологию пореформенной эпохи, говорил на этот счет: «Отвращение и ненависть к „гниющей Европе“, протест и социально-этическая боязнь „пролетариатства“, органическая ненависть „восточного“ человека к жестокому римскому праву с его защищенной частной собственностью, с его экономическим либерализмом как естественным логическим выводом для экономической политики; идеализация прошлого натурального патриархального строя; вера во всемирно-историческое значение православия; квалификация русского народа как самого христианского народа; квалификация поэтому и русской истории как идеальной, этически особо ценной истории; как много во всем этом скрытой идеологической силы для последующих социальных настроений... И этому противостояли холодные западники, объяснявшие, но не любившие прошлое... холодным спокойным взором глядевшие на Западную Европу и чуждо твердившие: учиться нам у нее надо... Нет, здесь был чистый холодный поток, в нем не было ни русской задумчивости, ни русской мечты, здесь не было романтизма — и не сюда уходили главные корни последующих русских социально-идеологических настроений»[4]. Эти точные наблюдения следует пояснить лишь в том отношении, что «идеализация прошлого натурального патриархального строя» — это, в числе прочего, идеализация уравнительно-передельной общины.

Построения славянофилов оказали сильнейшее влияние не только на русский народнический социализм, но и идейное развитие общественной мысли 2-ой половины XIX в. вообще. Слишком многое у них льстило национальному самолюбию, и каждый при желании мог найти там что-то привлекательное для себя.

Ведь идеализировать «прошлый натуральный патриархальный строй» (т. е. крепостное право!) и ненавидеть «жестокое римское право с его защищенной частной соб-

---

* П.П. Дюшен писал, в частности, об этом: «Г. Ходский справедливо утверждает в своем труде, что вопрос о неотчуждаемости крестьянских наделов был выдвинут восьмидесятыми годами, но он должен прибавить: людьми 60-х и 70-х годов. **Великую эпоху** реформ вынесли на своих плечах люди 40-х и 50-х годов. Но уже в то время, когда происходили великие преобразования политического, общественного и гражданского строя России, выступали люди иного направления.

Воспитанная ими молодежь постепенно заняла места прежних деятелей, и с конца 80-х годов постепенно вносились изменения как в Положения 19-го февраля, так и в соответствующие им законодательства о государственных крестьянах и других. Новое поколение, вместо того, чтобы осуществить великую крестьянскую реформу на деле, изменило некоторые существенные правила освободительных актов, установленных законодателем в видах постепенной организации прочного русского крестьянства» (*П.Д.* Вопрос об общине и уравнительном землепользовании. М., 1904. С. 198).

ственностью, с его экономическим либерализмом» могли как люди верующие, так и атеисты, как люди с прекрасным образованием, так и самодовольные недоучки, как те, кто считал историю России «идеальной, этически особо ценной историей», так и те, кто находил в ней только крепостнические «гнусности», «германскую татарщину» и мечтал начать ее (историю) заново. В действительности так и происходило. Те или иные идеи славянофилов, в повседневной жизни сильно диффузировавшие с социализмом, разделял не весь, как тогда говорили, образованный класс, однако весьма значительная и в некоторых своих сегментах влиятельная его часть, включая последних императоров. С. Ю. Витте, например, признается, что в начале 1890-х гг. в крестьянском вопросе, т. е. по отношению к общине, находился под влиянием славянофилов.

К. Зайцев заметил, что «с удивлением приходится убедиться в том, что, за исключением отдельных голосов, не имевших непосредственного решающего значения, политики самых различных взглядов, от крайних реакционеров до самых ярых революционеров, как ученые и писатели разных направлений и руководимые разными, а часто прямо противоположными соображениями, все восторженно относились к идее какого-то особого русского национального крестьянского права. Так называемое народничество нельзя представлять, как узкую партийную революционную догму; это было весьма широкое и могучее духовное течение, которое только у экстремистов приобретало революционную заостренность. Обычно считают, и вполне обоснованно, что одна из причин революции — это разрыв между правительством, интеллигенцией и народом. Аграрная идеология российской интеллигенции, известная как народничество в широком смысле этого слова, на самом деле была просто несколько отполированным вариантом крестьянского правового мировоззрения, в какой-то мере связанного с правительственными мероприятиями и основанного на тексте закона. Таким образом, как раз по тому вопросу, неудачное решение которого свалило и разрушило Россию, правительство, общество и народ были вполне едины»[5].

Для нашей темы, в частности, важно, что под влиянием этого комплекса идей Россия, отродясь не видевшая капитализма, возненавидела его заочно, и сразу ушла в мечты о светлом будущем, за счет, кстати, крестьян, о том, разумеется, не спрошенных.

После 1 марта 1881 г., когда люди, разделявшие «взгляды 60-х годов», оказались там, где принимают Решения, началась ревизия как содержания, так и самого духа Великих реформ, получившая точное название контрреформ и имевшая в основе идеи Победоносцева о несоответствии преобразований Александра II «самобытным началам» русской истории. Было сделано все, чтобы укрепить крепостное право в его новой, пореформенной ипостаси, чтобы крестьяне не получили землю в собственность, чтобы они оставались неполноправной категорией населения, нуждающейся в чьем-то мудром руководстве и т. п. О том, что определенные ограничения правового положения крестьянства задумывались реформаторами как временные, постарались забыть — более того, дело представлялось так, будто они были запланированы изначально и навсегда.

В аграрной политике правительства возобладали патерналистские тенденции, был взят курс не просто на консервацию, но на укрепление сословно-тяглового строя во всем его объеме, что в немалой степени соответствовало желаниям народнической интеллигенции. Прежде всего это касалось крестьянской общины, в сохранении которой были равно заинтересованы и правительство, и социалисты, и либералы.

Подобная идеологическая солидарность партийных противников заслуживает внимания и объяснения.

Н. П. Макаров так раскрывает суть этого феномена:

«В XIX веке Россия, будучи экономически преимущественно, а местами и исключительно, — страной крестьянского хозяйства, в отношении политической и высшей духовной культуры общества была страной совершенно иного порядка... *„страной помещичьего дворянства“*. Это противоречие достаточно чувствовалось у отдельных идеологов до 1861 года, но особенно ярко оно стало проявляться после 1861 года.

Политические и социально-этические вопросы, рождаемые исторической средой, ясно отобразили ее в себе; к этому добавлялись еще влияния Запада, своеобразно воспринимавшиеся русской средой. Западная Европа не только выявила, обострила и формулировала социальные вопросы XIX века, но она же их политическую и этическую силу развеяла по другим странам. Западноевропейские революции 1848 и 1870 годов являлись как бы особенно отчеканенными политико-историческими формулами социального вопроса на западе; западноевропейский социализм стал международным явлением, как в своем критическом настроении мыслей и психологии, так и в его положительных этических стремлениях. И все это нашло свои отклики, преломившись через своеобразие русской идеологической среды; в значительной степени это нашло своеобразное отображение в изучении и подходе к русскому крестьянскому хозяйству.

Мы лучше всего поймем это, если вспомним те социально-этические настроения русского культурного общества, которыми оно жило частью уже в первую половину XIX века и, в особенности, в конце второй его половины. Наиболее внутренне глубокую связь как с первоисточником постановки вопросов о крестьянском хозяйстве, как и особенностей настроения в подходе к крестьянскому хозяйству в течение значительного периода времени, встречаем мы у славянофилов.

Это все тот же вопрос **об особом историческом пути России**, споры о котором начинаются еще у Веневитинова и Станкевича в 20-х годах XIX в., который наиболее законченное свое философское, политическое и экономическое завершение находит у Киреевского, Хомякова и Аксакова и некоторую специально-углубленную в интересующем нас отношении проработку у Ю. Самарина.

Это как раз то настроение, которым надолго заражается русская интеллигентная мысль, хотя бы даже формально отмежевавшаяся от славянофильства.

В особенностях славянской души, в особенностях русской истории, в особенностях сохранившегося правового экономического бытового уклада русской жизни, в особом международно-историческом положении России виделись благоприятные условия для будущего самостоятельного пути развития страны.

«Крестьянство» и «община» выделялись при этом, как два понятия, в которых исторические особенности совпадали с этическими ценностями.

Крестьянство как «единственный носитель русской народности», как действительный носитель истинно-христианских настроений, как этически-красивая социальная фигура; община («открытая» с 1843 г.) как среда, в которой «свободно смирялся бунт души», в которой практически осуществлялись христианские начала братства и равенства; в то же время и «крестьянство» и «община» являлись оплотом против пагубного

надвижения на Россию „гниющего Запада"; социальный вопрос в лице «рабочего вопроса», кроваво обозначившийся революциями 1848 и 1870 годов, был каким-то призраком, в страхе перед которым хватались за общину и крестьянство представители весьма различных идеологических лагерей. Герцен и Чернышевский указывали на общину и крестьянство, как на избавителей от «язвы пролетариатства»... а с другой стороны... далекие социалистическому настроению авторы... подхватывали это настроение...

И в этом отношении мы не оставались без влияний Западной Европы; мысль о крестьянстве, как об устое против «пролетариатства» была нечужда и Западу в его настроениях; но там это настроение проходило через совсем иную общественную среду: там это выливалось в опору против социализма,— в России это превратилось в обоснование особых преимуществ страны для более быстрого прихода социализма...

На почве славянофильства вырастает своеобразная концепция «русского социализма»; основная концепция славянофилов подвергается последующей и исторической, и этической переработке... Если вся социологическая концепция славянофилов исходила из христианской этики и была пропитана ее настроением, то этот же оттенок, и тоже явно христианского привкуса остается и за „русским социализмом" отсюда исходя, распределительное начало есть основной мотив, в построениях русских экономистов-социалистов, наиболее ярким представителем которых является Н. Чернышевский»[6].

Как можно видеть, этот текст в определенном смысле суммировал содержание целого и очень важного периода в истории русской общественной мысли. Более поздним следствием развития «распределительного начала» — «основного мотива в построениях русских экономистов-социалистов» — стало торжество шариковского «Взять все, да и поделить!».

Нас сейчас интересует то, что развитие общественной мысли определяла прежде всего мысль о самобытности, об «особом историческом пути России». Идея весьма понятная для стран такого уровня развития, на котором находилась Россия. Из этого тезиса, что характерно, вытекает не стремление приобщиться к ценностям Европы, а, напротив, желание унизить «гниющий Запад» (кстати, впервые эту мысль в Москве высказали еще в XV в.) и обосновать за счет этого собственные, хотя и мнимые, преимущества.

Ведь при всей сдержанности текста Макарова в нем ясно видно, какую важную роль для русских идеологов играет «красивость» построения как элемент социального анализа действительности и чрезвычайно желанная ее составная часть. В другом месте Н. П. говорит, что «в психологическом романтизме славянофилов скрываются основы наших (российских. — *М. Д.*) идеальных настроений», что их взгляды породили «те этические квасцы, бродильная сила которых обладает поражающе длительным действием»: «Народ это крестьянин», — говорили славянофилы, — «не по числу, а как единственный носитель русской народности». Разве недостаточно этой мысли и формы, чтобы создать «народолюбство» и «народничество» интеллигенции?

И заглядывая в этот манящий идейный омут, развертывая этот бесконечно смутно сплетенный клубок, они хранили в понятии «народ» дорогие, ценные элементы...

Разве из всего этого можно было русской интеллигенции не захватить особого этического отношения к общине? Разве не здесь лежат идейные корни нашей любви к общине, которая делает то, что «социальный вопрос в России невозможен», которая как

принцип социального «самоотречения» (Ю. Самарин) есть начало доброе, но в то же время и анархистическое — в противоположность государству, началу злому в силу его принудительного принципа.

Важно во всем этом и то, что *первоначально* община была рассмотрена славянофилами именно с *этической* стороны, а не с социологической, исторической или экономической; этическая оценка подчинила себе всякое иной рассмотрение.

От этого романтического «манящего омута»... пошли дальнейшие большие, дорогие русской интеллигенции мысли и чувства.

У славянофилов не было социализма, но ведь их «христианская община» (она же и крестьянская община) отдавала каким-то анархическим христианским коммунизмом. Отрицать же анархичность русской народнической идеологии, так же как и некоторый уклон по временам к примитивному коммунизму едва ли можно...

Переход к социализму от славянофильства был не труден при этих условиях; и ведь недаром Герцена как первого обоснователя русского народнического социализма Овсянико-Куликовский называет «социалистическим славянофилом»[7]. Соответствие перечисленных идей реальности окружающего мира явно было не первым фактором, обеспечившим их популярность. Но это означает, что подобные конструкции, в которых романтизм и «красивость» ценятся выше степени адекватности, будучи примененными к окружающей действительности, всегда оторваны от жизни, всегда останутся попытками склеить виртуальность и реальность, которые редко оканчиваются успешно.

Общечеловеческие ценности для таких построений слишком обыденны, они отдают «мещанством имени А. И. Герцена» и всегда проигрывают «самобытности», будь она хоть трижды надуманной. Например, полнота гражданских прав российского народа (а не только образованных людей) сюда не вписывалась, равно как и крестьянская частная собственность на землю. Впрочем, русская интеллигенция как продукт крепостничества вообще удивительно равнодушно относилась к проблеме права, а особенно — к **чужим** правам — ведь для многих ее представителей «право на землю» стояло выше «права на жизнь», что ярко продемонстрировал народовольческий террор.

Тут уместно напомнить о пресловутом «открытии» общины в 1843 г., о котором пишет Макаров. Предоставим слово К. А. Кофоду:

«Есть веские основания предполагать, что если бы русская община не стала приблизительно в середине прошлого столетия, предметом особого внимания как со стороны правительства, так и со стороны общества, то она умерла бы кроткой и спокойной смертью, так же незаметно, как и жила. Но этого не произошло. Как часто случалось до и после этого в русской истории, „немец“ разрушил идиллию и обратил внимание всей страны на проблему. Судьбе именно было угодно, чтобы один ученый немец, барон фон Гакстхаузен получил разрешение, под надлежащим контролем, ездить по России и собирать сведения об ее экономическом и социальном положении. Он обнаружил общину, которую описал как феномен, происходящий из русского народного характера, заслуживающий того, чтобы его заботливо сохраняли, так как он, этот феномен, защищает сельское население от пролетаризации.

Не так уж много страниц было об этом в отличном трехтомном труде Гакстхаузена, но то, что он написал об этом, стало водой на мельницу сильной в то время панславист-

ской партии. Гакстхаузеновские путевые очерки стали одной из тех книг, которые никто не читает, но о которых все говорят. Говорили, конечно же, только о тех нескольких страницах, на которых рассказывалось о „мирском“ правопорядке, но представлялось это так, как будто во всем труде речь шла только об этом. Если этот ученый-иностранец, говорилось, считает, что правопорядок „мира“ является достойным восхищения чисто русским явлением, которое может помешать пролетаризации сельского населения, значит, это так и есть, и мы должны защищать этот правопорядок всеми способами.

Совсем уж неадекватными стали настроения после того, как один из наиболее известных дипломатов того времени, граф Кавур, который слышал кое-что о книге Гакстхаузена, обращаясь к известному русскому революционеру Бакунину, человеку с очень богатой фантазией, высказался примерно так: „Вам, русским, повезло, вы же в вашем мирском самоуправлении имеете палладиум против пролетаризации сельского населения!“.

Теперь уже все порядочные люди в России, независимо от того, были славянофилами или нет, считали, что община — это табу. Горе тому, кто поднимет на нее руку!»[8].

Надо заметить, что при всем неоспоримом богатстве своей фантазии, Бакунин некоторые явления окружающей действительности оценивал вполне реалистично. Так, однажды он задал Герцену и Огареву вопрос, на который те едва ли смогли внятно ответить: «Вы все готовы простить, пожалуй, готовы поддерживать все, если не прямо, так косвенно, лишь бы оставалась неприкосновенной ваша мистическая святая святых — великорусская община, от которой вы мистически ждете спасения не только для великорусского народа, но и для всех славянских земель, для Европы, для мира. Вы запнулись за русскую избу, которая сама запнулась, да так и стоит века в китайской неподвижности со своим правом на землю.

Почему эта община, от которой вы ожидаете таких чудес в будущем, в продолжение десяти веков прошедшего существования не произвела из себя ничего, кроме самого гнусного рабства?

Гнусная гнилость и совершенное бесправие патриархальных обычаев, бесправие лица перед миром и всеподавляющая тягость этого мира, убивающая всякую возможность индивидуальной инициативы, отсутствие права не только юридического, но простой справедливости в решениях того же мира и жестокая бесцеремонность его отношений к каждому бессильному и небогатому члену, его систематичная притеснительность к тем членам, в которых проявляются притязания на малейшую самостоятельность, и готовность продать всякое право и всякую правду за ведро водки — вот, во всецелости ее настоящего характера, великорусская община»[9].

Бакунин, в середине XIX в. точно определяет большинство пороков общинного строя, о которых позже будут говорить противники общины и о которых слышать не хотели ее адепты. Бакунин хорошо видел крепостническую «генетику» в функционировании общины, которая после 1861 г. проявится во всей красе.

Несколько резче дипломатичного Кофода характеризует проблему И. В. Мозжухин: «В 1847–1852 гг. появляются в свет „Исследования“ бар. Гакстгаузена. Мастерски набросанными чертами автор рисует громадное социально-политическое значение общины, как оплота России от пролетариата, пауперизма, социалистических и комму-

нистических доктрин, от которых столь сильно страдает Западная Европа. В сравнении с этим положительным значением общины возможные вредные влияния ее на прогресс сельского хозяйства ему представляются совершенно ничтожными...

Мысли, развитые Гакстхаузеном предопределили содержание всех споров об общине в течение последнего полувека. Мы не будем здесь следить за перипетиями этого спора, начавшегося полемикой Чернышевского с Вернадским, гимнами общине Герцена, возведением ее к высотам русского национального духа у Герцена и славянофилов, провидением в ней больше, чем в чем-либо другом, то опоры для социалистических надежд, как у Чернышевского и его последователей, то оплота существующего строя, как у Гакстхаузена, Победоносцева и других. Широкие социальные горизонты, раскрываемые общинным владением, затушевывали в глазах защитников его некоторые темные стороны с точки зрения сельскохозяйственного прогресса»[10].

Поразительно, однако, как внимательно в нашей стране прислушиваются к **благожелательным** мнениям иностранцев! Как дорожат комплиментами! До сих пор, кстати. При всем высокомерии к Западу, который не вышел ни территорией, ни размахом души.

Между тем, с точки зрения «теории заговора» весьма вероятно, что ни одна операция никакой разведки, никаких «групп влияния» **нигде и никогда** не имела такого поистине сокрушительного успеха, как непреднамеренная «операция Гакстгаузен»!

Самое интересное, хотя и печальное, заключается в том, что «открытие общины» оказалось фиктивным, но не в том, например, смысле, в каком Колумб, открыв Америку, принял ее за Индию, поскольку в 1492 г. замена была как минимум равноценной.

Б. Н. Чичерин, выдающийся представитель «государственной школы» русской исторической науки, в работе «О происхождении русской сельской общины» еще в 1856 г. показал и доказал, «что свободная русская община имела значение финансовое и административное, но отнюдь не поземельно-уравнительное: вмешательства общины во владение отдельных крестьян не происходило; участки земли продавались, менялись, наследовались, переделов не существовало. В современном же (на конец XIX – начале XX вв. — *М. Д.*) устройстве общины главное значение имеет поземельно-распорядительная сторона; создалась она под влиянием правительственных мероприятий, главным образом — закрепощения крестьян и введения подушной подати.

Исследование это, в корне не отвечавшее представлению о самобытности земельных порядков общины, в уравнительных приемах которой стремились видеть присущий народному духу идеал христианской любви,—послужило шагом к ряду научных исследований в области истории общины. К середине восьмидесятых годов вопрос о ее происхождении был в достаточной степени освещен трудами И. Беляева, П. А. Соколовского, А. Ефименко, Кейсслера, Блюменфельда и других. Нельзя не заметить, что большинство исследователей находилось под влиянием славянофильских теорий и народничества семидесятых годов, видевшего в бытовых порядках народа проявление той нравственности и мудрости, которая должна быть идеалом для оторванной от народа интеллигенции Поэтому они старались доказать самобытность общины, смотрели на нее как на один из народных устоев и в своих выводах принципиально не соглашались со взглядом Чичерина о чисто искусственном ее происхождении.

Тем не менее, они не могли не признать **чрезвычайного значения** правительственных мероприятий в ряду причин, которые способствовали возникновению существующих ныне земельно-уравнительных порядков: в трудах этих исследователей, также как и позднейших... имеются многочисленные данные, свидетельствующие **об искусственном происхождении уравнительного строя землепользования**.

Сведения эти приводят к заключению, что вмешательство общины в земельные права отдельных ее членов и уравнение этих прав возникли в самом конце московского периода русской истории. Крестьяне, составлявшие свободные общины (черносошные), распоряжались своими участками на праве полной собственности: продавали, меняли и завещали их, о чем свидетельствуют многочисленные юридические памятники. В тех случаях, когда черносошные земли, на которые правительство смотрело как на собственность государства, жаловались монастырям или частным лицам,— сидевшие на этих землях крестьяне сохраняли свои права на принадлежащие им участки и первоначально распоряжались ими, не испрашивая согласия владельца. Только постепенно, с развитием крепостного состояния, вотчинники стали стеснять эти права рядом предписаний, запрещавших крестьянам «промеж себя землю продавать и покупать» и вообще «подписывать ее ввек и вдернь». Требования эти проводились не без труда, настолько они противоречили исконным взглядам свободного крестьянства на владение землей на праве собственности. Кроме этого разряда крестьян, на владельческих землях сидели разные пришлые люди, владевшее землей на основании договора («поряда»), заключенного с вотчинником. Полученный порядчиком участок земли составлял его неотъемлемое владение, пока он нес с него тягло.

Стеснение свободного выхода крестьян поставило их землевладение в полную зависимость от воли вотчинника; вместе с тем в центральной России стало уже ощущаться земельное утеснение. Взаимодействие этих причин вызвало первые уравнения земель между крепостными крестьянами: нарождающиеся поколения, будучи прикреплены, не могли уже искать земли на стороне вне владений своих помещиков, и, если у последних не было достаточно свободной земли для наделения вновь образующихся семей, то, ради выгоднейшего использования крепостной рабочей силы, приходилось изменять размеры владения отдельных дворов соответственно их тягловой способности; к этому побуждал помещиков прямой расчет, крестьяне же постепенно утрачивали сознание правовых оснований владения своими отчинами и дединами.

Введение Петром Великим подушной подати, с возложением на помещиков ответственности за ее поступление, имело решающее влияние на развитие земельных переделов среди помещичьих крестьян.

Ранее повинность шла с земли: кто владел большим участком, тот и нес большее тягло; с введением же подушной подати распределение повинностей сделалось неравномерным: крестьяне малоземельные, но многодушные, оказались в тяжелом положение и начали стремиться к поравнению. Наряду с этим помещики переложили ответственность за поступление этой подати на общину за круговой ее порукой и, кроме того, посадили на общинную землю многих дворовых, чтобы они сами несли подушную подать, которую иначе приходилось платить из вотчинного дохода. Все эти обстоятельства вызывали поравнения земли. Впрочем, весьма часто помещик увеличивал общинную

землю и предотвращал этим необходимость передела... Вообще воля помещика имела решающее значение[11].

П. П. Дюшен резюмирует: «Таким образом, теперешнее общинное землевладение является, несомненно, продуктом крепостного права и введено правительственными мероприятиями. Оспаривать это положение значит противоречить прямо в лицо фактам.

Учение славянофилов было основано на незнакомстве с историей явления и современным строем мирской общины наших крестьян. Славянофилы были идеалисты-баричи. Действительную жизнь народа они знали плохо, а в науке были дилетантами. По странной иронии судьбы, серьезный вред России принесли не западники, а славянофилы.

В жизни — они причиной, что великая реформа освобождения крестьян до сих пор не получила своего полного осуществления; в теории — славянофилы преемственно произвели у нас социалистов на кафедре и создали в наших университетах тот порядок, благодаря которому много талантливых сил было устранено от кафедр, а в ученой корпорации развились партийная нетерпимость и эгоизм.

Многие славянофилы получили философское образование, но и философия не помешала им проповедовать теорию, заключающую в себе противоречие.

Они видели свой идеал в том общинном строе нашей деревни, который жил и действовал при крепостном порядке. А между тем **следовало признать что-нибудь одно: или прежний общинный строй противоречит крепостному праву и должен был разложиться, или он был основан на этом праве, а потому для жизни свободных крестьян не годился.**

Только плохое знакомство с фактами истории и действительной жизни было причиной того, что славянофилы сами не замечали этого противоречия»[12].

Другими словами, в основе пореформенного идейного развития нашей страны лежит **Большое Недоразумение,** приобретшее силу догмата. В истории так бывает, и тем не менее данное обстоятельство — само по себе достаточно важная характеристика пореформенного общества. Мистификация (пусть и непреднамеренная) Гакстгаузена имела такой оглушительный резонанс (чему свидетельство и работы упомянутых выше авторов, безуспешно пытавшихся опровергнуть выводы Чичерина*), а ее последствия для нашей страны были (и остаются) весьма трагичными. «Открытие» Гакстгаузена стало органической частью тех теоретических воззрений, которые с середины XIX в. определяли духовную жизнь страны, причем, в силу враждебности, определяли зачастую с прямо с противоположных позиций. Оно в конечном счете, безусловно, оказало влияние и на концепцию освобождения крестьян, и на последующие подходы не только к аграрному вопросу, но, по сути, к самим основам жизни страны.

Вот что пишет обо всем этом С. Ю. Витте: «Великий акт освобождения крестьян от крепостной зависимости, сделанный великим императором Александром II, был совершен с наделением их землей. Наделение это было, в сущности, принудительное, ибо помещики обязаны были подчиниться самодержавной и неограниченной царской воле.

---

* Общая черта этих работ, внесших большой вклад в превращение фальсификации в высокое ремесло, — то, что выводы исследователей прямо противоречат сообщаемым им же самими фактам. Подробнее см. *П.Д.* Русский социализм и общинное землевладение. М. 1899.

Первый акт с точки зрения гражданских норм и самосознания не возбуждает никаких принципиальных и политических отрицаний. Что же касается второго, то с точки зрения гражданского самосознания, как оно установилось со времен Римской империи, конечно, он являлся этому самосознанию, принципу свободы и незыблемости собственности, полным противоречием, можно преклоняться и восторгаться этим актом — это другой вопрос, но не следует не усматривать в нем того, что он действительно представляет, — нарушение принципа собственности, принесение в жертву принципа собственности политическим, может быть, неизбежным, потребностям.

А раз стали на этот путь, естественно было ожидать и последствий сего направления. Но этого не только тогда не понимали, но многие не понимают или не желают понимать и теперь.

Водворению сознания собственности был нанесен и другой ущерб.

Наделение землей всего населения — это акт бесконечной сложности. Составление Положения и затем введение его требовало, даже при гениальности творцов и исполнителей, многие годы. Все же было сделано спешно, наскоро.

При таких условиях самый вопрос об общинном и индивидуальном наделении не был ни по Положению ясно и определенно разработан, но еще менее определенно проведен в действительную жизнь. Явилась масса недомолвок и вопросов, висевших и ныне висящих в воздухе.

Когда приходится в сложной материи делать работу спешно, гораздо легче ее делать огульно, нежели детально. Гораздо легче иметь как материал для действия, в данном случае для наделения землею, единицы в несколько тысяч людей, нежели отдельных людей. Поэтому с точки зрения технического осуществления реформы община была более удобна, нежели отдельный домохозяин.

С административно-полицейской точки зрения она также представляла более удобства — легче пасти стадо, нежели каждого члена сего стада в отдельности.

Такое техническое удобство, кстати, получило довольно мощную поддержку в весьма почтенных любителях старины, славянофилах и иных старьевщиках исторического бытия русского народа.

Было провозглашено, что община — это особенность русского народа, что посягать на общину — значит посягать на своеобразный русский дух. Община, мол, существовала с древности, это цемент русской народной жизни.

Раз приняв такой высокий и патриотический лозунг, в силу его, при известной способности выводить нужные заключения на бумаге, можно разводить разные узоры (бумага все терпит и при некоторой талантливости и набитости пишущей руки — даже усердно читается).

Было довольно нетрудно доказать и убедить, что, в сущности, община существовала всюду, что это примитивная форма владения. Есть немало людей, которые и ныне эту истину не признают.

Почтеннейший член Государственного Совета П. Семенов (сделавшийся в этом году Тян-Шанским), едва ли не единственный оставшийся в живых из ближайших сотрудников графа Ростовцева по освобождению крестьян, — ярый сторонник общины и только этой зимой в гостиной А. Н. Нарышкиной сознался, что после пережитого в последние

два года он убедился, что была сделана большая ошибка в 60-х годах: не оценили при крестьянской реформе принципа собственности и увлеклись общинным началом.

Это на 84-м году жизни после кровавой революции с сентября 1905 г. до февраля 1906 г. и затем... после водворения анархии, которая тянется до сей минуты. А что еще предстоит?»[13].

Это не весьма академично высказанное мнение весомо дополняет то, что изложено выше. Для Витте как для прагматика запоздалое прозрение Семенова, одного из наиболее влиятельных «общинников» во власти, своим авторитетом тормозившего любые «покушения» на общину, стоит, конечно, недорого. А вот то, что недооценка «принципа собственности» и увлечение «общинным началом» в 1860-х гг. полвека спустя приводит к «кровавой революции» страшно, ибо показывает, чем чреваты идеологические иллюзии и как важно правильно выбирать «высокие и патриотические лозунги». И понятно, что эти проблемы интересуют его также в контексте резко усложнившейся на рубеже XIX–XX вв. жизни человечества и степени готовности России соответствовать требованиям изменившегося мира. Революцию в огромной степени породила несчастная война, Ляоян и Цусима.

Он продолжает и продолжение совершенно логично:

«Чувство любви к старине очень похвально и понятно; это чувство является необходимым элементом патриотизма, без него патриотизм не может быть жизненным.

Но нельзя жить никаким чувством — нужен еще разум. Координацией, и соответствующей координацией, этих двух элементов человеческой природы только и может жить как отдельный человек, так и государство. Разум же всякому, кто таковым обладает, говорит, что люди, народы, как и все на свете, двигаются, только мертвое, отжившее стоит, да и то недолго, ибо начинает идти назад, гнить.

Общинное владение есть стадия только известного момента жития народов, с развитием культуры и государственности она неизбежно должна переходить в индивидуализм — в индивидуальную собственность; **если же этот процесс задерживается, и в особенности искусственно, как то было у нас, то народ и государство хиреют**.

Теперешняя жизнь народов вся основана на индивидуализме, все народные отправления, вся экономика, психика народная основаны на индивидуализме. Соответственно сему конструировалось и государство. „Я“ организует и двигает все. Это „Я“, особенно развитое в последние два столетия, дало все великие и все слабые стороны нынешней мировой жизни народов. Без преклонения перед „Я“ не было бы ни Ньютонов, ни Шекспиров, ни Пушкиных, ни Наполеонов, ни Александров II и проч. и не существовало бы чудес развития техники, богатства, торговли и проч., и проч.

Одна и, может быть, главная причина нашей революции — это запоздание в развитии принципа индивидуальности, а следовательно, и сознания собственности и потребности гражданственности, а в том числе и гражданской свободы. Всему этому не давали развиваться естественно, а так как жизнь шла своим чередом, то народу пришлось или давиться, или силою растопыривать оболочку; так пар взрывает дурно устроенный котел — или не увеличивай пара, значит, отставай, или совершенствуй машину по мере развития движения. Принципом индивидуальной собственности ныне слагаются все экономические отношения, на нем держится весь мир».

Заметим, что С. Ю. Витте рассматривает российские проблемы на фоне мировой истории — да, все народы находились когда-то в стадии «общинного владения», прошли через нее и вышли на следующий уровень развития, связанный с доминантой индивидуализма, с «преклонением перед „Я“, рождающим все удивительное, все уникальное в окружающем мире. Это процесс, по Витте, естественный для **всех** народов. В силу своей истории Россия отстает от стран Запада, и поэтому Шекспир — житель прежде всего XVI в., а Пушкин — XIX-го; но ведь Пушкин **уже** был! И был Александр II, давший стране возможность сократить это отставание!

Витте, государственного человека в высшем смысле этого слова, заботит не столько отставание само по себе — он верит в Россию, сколько то, что во имя абстрактных и к тому же неверных идей тормозится закономерный процесс перехода страны из старой жизни к новой, от „общинного владения“ „в индивидуальную собственность“ — если... этот процесс задерживается, и в особенности искусственно, как то было у нас, то народ и государство хиреют». Что вполне убедительно доказала русско-японская война, добавим мы.

В сущности, здесь длинный счет — прежде всего к Власти, которая в первую очередь повинна в «запоздании в развитии принципа индивидуальности». Понятно, что в стране, веками стоявшей на крепостном праве, не могло быть иначе. Сетовать на то, что было до 1855 г. можно, но не имеет смысла. А вот то, что «всему этому не давали развиваться естественно» в пореформенное время, было уже против человеческой природы, которая требует «и сознания собственности» и должна испытывать «потребность гражданственности, а в том числе и гражданской свободы».

И за это вину с Властью делит образованный класс, который если и ценит «принцип индивидуальности», то лишь применительно к себе. В мягком, почти либеральном случае Семенова-Тян-Шанского авторитетная личность будет десятилетиями рассуждать о том, как хорошо и удобно серым миллионам как бы столь любимых им крестьян жить в общине, т. е. в **принудительно** организованном сообществе, и как это полезно и выгодно для страны, а в крайнем, экстремистском варианте «герои из интеллигентов» поведут крестьян (тоже серых и тоже как бы любимых) за собой громить дом такого вот Семенова, а затем из того же принудительно организованного сообщества создадут новый социальный строй, основанный, понятно, на **принуждении**.

Витте — реалист, поэтому он понимает, что индивидуализм дал не только «все великие», но «и все слабые стороны нынешней мировой жизни народов». Интересно, как он оценивает изобретенные человечеством способы борьбы с несовершенством этой жизни: «В последней половине прошлого столетия явился социализм во всех его видах и формах, который делает довольно видные успехи в ближайшие десятилетия. Несомненно, что эта эволюция в сознании многих миллионов людей приносит положительную пользу, так как она заставляет правительства и общества обращать более внимания на нужды народных масс. Бисмарк явил явное тому доказательство. Но насколько движение это стремится нарушить индивидуализм и заменить его коллективизмом, особливо в области собственности, то покуда движение это имело мало успеха, и едва ли оно, по крайней мере в будущем, исчисляемым десятками лет, сделает какие-либо заметные успехи.

Чувство „я“ — чувство эгоизма в хорошем и дурном смысле — есть одно из чувств, наиболее сильных в человеке. Люди в отдельности и в совокупности будут бороться

насмерть за сохранение своего „я“. Наконец, то, что существует, ясно потому, что существует, а то, что предлагают, не ясно не только потому, что не существует, но оно настолько искусственно и слабо, что не выдерживает даже поверхностной, но маломальски серьезной критики.

Единственный серьезный теоретический обосновательэкономического социализма, Маркс, более заслуживает внимания своею теоретическою логичностью и последовательностью, нежели убедительностью и жизненною ясностью. Математически можно строить всякие фигуры и движения, но не так легко их устраивать на нашей планете при данном физическом и моральном состоянии людей. Вообще социализм до настоящего времени очень метко и сильно указал на все слабые стороны и даже язвы общественного и государственного устройства, основанного на индивидуализме, но сколь бы то ни было разумно-жизненного иного устройства не предложил. Он силен отрицанием, но ужасно слаб созиданием.

Между тем, духом социализма-коллективизма заразились у нас многие, даже почтенные люди. Они, уже не говоря о натурах, поклоняющихся всякому государственному разрушению, явились также сторонниками „общины“. Первые потому, что видели в ней применение принципа мирного социализма, а вторые потому, что в применении этого принципа в жизни народа не без основания усматривали зыбкую почву, на которой легко произвести землетрясение в общей экономической, а следовательно, и государственной жизни.

Таким образом, защитниками общины явились благонамеренные и почтенные „старьевщики“, поклонники старых форм, потому что они стары, полицейские администраторы, полицейские пастухи, которые почитали более удобным возиться со стадами, нежели с отдельными единицами, разрушители, поддерживающие все то, что легко привести в колебание, и, наконец, благонамеренные теоретики, усмотревшие в общине практическое применение последнего слова экономической доктрины — теории социализма.

Последние меня больше всего удивляли, так как если когда-либо и восторжествует „коллективизм“, то, конечно, он восторжествует совершенно в других формах, нежели он имел место при диком или полудиком состоянии общественности.

Ученый-экономист, который может не понимать, что община мало сходна с предлагаемым современным или возможным будущим коллективным владением землею, мне напоминает садовника, который смешивает лесную дикую грушу с прекрасною дулею, выхоленною в культурнейшем современном саду... Социализм залез уже давно в наши университеты»[14].

Что и говорить, С. Ю.Витте писал не с гениальной простотой, а скорее, с простотой гения. Касается это, не только трезвого понимания того факта, что социализм «силен отрицанием, но ужасно слаб созиданием», с которым (фактом) мы знакомы не понаслышке. Для человека его интеллектуального уровня это было очевидно. Здесь настолько все четко и точно изложено, что комментировать практически нечего.

Выделим из этого богатого информацией, фрагмента ясно выраженную мысль о том, что идейная эволюция страны происходит в неверном, неестественном направлении. Фантасмагорический по составу (и весьма обширный!) конгломерат апологетов

общины — от министров до бомбистов — сам по себе лучший показатель этой неестественности, а точное сравнение российских «социалистов кафедры» с неграмотными садовниками хорошо показывает уровень их компетентности. И стоит ли повторять, что коллективизм они планировали не для себя?

Все, кто знаком с творчеством С. Ю.Витте, полагаю, согласятся с тем, что его вера в могущество России и особенно в ее потенциальные возможности безгранична. Но эти потенции, по его мнению, могут реализоваться лишь при **разумном** управлении огромной страной и 140 миллионами ее жителей («божественными искорками Всевышнего»[15], как сказал он однажды). Но как может страна, условно говоря, повзрослеть, если ею управляют инфантильные догматики, а главный из них — сам император?

Нетрудно видеть, что, высказывая все эти мысли, Витте не открывает «бином Ньютона», он высказывает мысли, в основном очевидные и для того времени. Трудно представить, что такое множество образованных людей всего этого не понимало. Неужели теория может настолько ослеплять?

Может. Дюшен писал, что когда «замешивается фанатизм предвзятой идеи, то дело никогда не решается в пользу истины, какие бы доказательства ни приводили ее защитники»[16].

Вдумаемся — русская интеллигенция сочинила себе историю своего народа (да и сам народ заодно!) и не просто жила этим самообманом, но конструировала, исходя из него, будущее этого народа, не обращая внимания на факты действительности, которые прямо опровергали все эти построения! И в очень большой степени из-за того, что принимала за национальное достояние!

Витте справедливо подчеркивал неразрывную связь и мирового прогресса, и успехов любой страны с развитием индивидуализма, с успехом — в широком смысле — **личности**. В Европе могут позволить себе задумываться (только задумываться!) о коллективизме, поскольку хорошо знакомы с индивидуализмом.

А Россия, которая и понятия о нем не имела, которая не успела всерьез отойти от эпохи Николая I, не видав, повторюсь, капитализма, уже сурово его осуждает, не успев понять вкус индивидуализма, уже снова бежит — после крепостного-то права! — в непонятно какой принудительный коллективизм. И во многом из-за этого проигрывает набирающее **новую силу** соревнование наций!

Впрочем, это, пожалуй, закономерно для носителей крепостнического мышления.

Итак, Запад, прожив **свою** полуторатысячелетнюю историю, пройдя совсем другой, чем у России, цивилизационный путь, совершив промышленный переворот и начав современный этап истории, вплотную подошел к решению возникших вследствие этого проблем и в качестве **одного из** вариантов предложил социализм.

Россия, которая жила еще в **своем** Старом мире, Россия, неизмеримо отстававшая от Западной Европы в экономическом и культурном аспектах, а с точки зрения развития гражданского общества находившаяся просто в другой системе координат, почему-то решила, что к ней имеют отношение те проблемы, появление которых на Западе стало итогом **принципиально иной истории**. Ибо проблемы были похожи лишь внешне и только в определенном узком ракурсе — схожим образом общее между резиновой лодкой и авианосцем заключается в том, что они плавают.

Отвергая Западную Европу, постулируя возможность своего самобытного пути развития, Россия в то же время противоречила сама себе, постоянно превентивно апеллируя к Западу.

Особый путь исходил из разности истории и культуры (подразумевалось — и генетики), но почему-то в качестве цели своего особого пути принималась изобретенная на Западе модель достижения счастья всего человечества — социализм. Уместно вспомнить здесь характеристику этих мыслей А. С. Ермоловым: «Мы должны идти своим самобытным, нигде не изведанным путем... Мы якобы призваны сказать свое новое слово, явиться пионерами нового строя общественной жизни — за нами, увлеченные нашим примером, уже в хвосте последуют и другие страны света, которые связаны своим прошлым и не могут так легко с ним порвать, тогда как мы должны, очертя голову, ринуться вперед в неизвестное, но заманчивое будущее»[17].

При этом задачи, путем решения которых эта цель достигалась, формулировались, исходя из чужого западного опыта, и к тому же скверно усвоенного. Так, новации западноевропейской экономической мысли, которые, казалось бы, должны были иметь (и имели!) весьма косвенное отношение к России, немедленно (и довольно неуклюже) адаптировались в целях поддержания основы самобытности — уравнительно-передельной общины.

Россия, безусловно, могла себе позволить идти каким угодно путем, в том числе и самобытным, как она это и делала полтора века, став от времени Петра I и до подавления революции в Венгрии в 1849 г. реальным и важным участником европейской политики, несмотря на крепостное право. Это было можно продолжать делать и после Крымской войны, и даже после завоевания Средней Азии. Но весьма наивно было, не понимая, за счет чего конкуренты опережают нас, сохранять прежний масштаб претензий к географической карте и реанимировать амбиции образца 1815–1852 гг., имея в качестве государственного базиса общинный вариант крепостничества.

Заметим, что в это самое время Япония, самобытность которой как-то и обсуждать неловко, Япония, униженная Западом в середине XIX в. куда острее, чем Россия Крымской войной, тоже была поставлена перед необходимостью изменения многовекового модуса вивенди. И осознав это, она весьма быстро «завела» настоящий капитализм, парламент, создавала ультрасовременные армию и флот и готовилась занять то место в мире, которое полагала своим. Она некоторым образом повторяла то, что делал когда-то Петр Великий, но с необходимыми поправками на историческую «девиацию».

В обществе в целом не было понимания этих очевидных вещей.

В результате совместных, хотя и не скоординированных, усилий людей, умеющих читать, община, как говорилось, стала фокусом большинства проблем пореформенной жизни страны, одновременно превратившись в главное препятствие на пути ее поступательного развития.

Для социалистов община, будучи «эмбрионом» нового социального строя, имела «великое социальное значение» и т. п. А российскому народу, об этом не подозревавшему, они отводили роль объекта в громадном социалистическом эксперименте.

Для охранителей община была оплотом существующего строя и одновременно удобным органом *административной* власти, и с этим, в частности, во многом связано усиление патерналистских тенденций с 1880-х гг. Естественно, такой типичный

«полицейский пастух», как министр внутренних дел гр.Д. Толстой, в целом не был близок к народническому социализму. Но социализм — явление поливариантное. И мы пока мало знаем о том, что социализм был некоторым образом привлекателен и для тогдашней бюрократии, поскольку открывал для нее принципиально новые возможности усиления своей роли в стране. Писал же С. Ю.Витте о том, что «община сделалась излюбленным объектом Министерства внутренних дел по полицейским соображениям, прикрываемым литературою славянофилов и социалистов»[18].

Добавим, что за общину ратовали и те, кто считались умеренными либералами и выступали за «правовой порядок» — но только для себя, не для крестьян!

Литература в основном ограничивается лишь констатацией указанного «странного сближения».

Между тем сближение было совсем не странным.

С тем, что в учебниках именуется контрреформами в аграрной сфере, были вполне солидарны левые силы. Так или иначе, но Власть провела почти все меры по поддержанию общинного строя, т. е. расшатавшихся крепостных порядков, о которых много лет твердила народническая — и не только! — интеллигенция: отмену 165 ст. Положения, удлинение срока выкупа, ограничение семейных разделов, ограничение свободы передвижения крестьян и др. Эти меры принудительного, крепостного, в сущности, порядка тормозили естественный процесс перехода русской деревни к новой жизни.

Между взглядами народников и, скажем, Плеве, считавшего, что «имеется полное основание надеяться, что Россия будет избавлена от гнета капитала и буржуазии и борьбы сословий»[19], **сущностное** различие, полагаю, было не слишком большим. Все они хотели блага России (впрочем, это не вполне точно — охранители хотя бы думали о стране, как они это понимали, а социалисты о ней не думали вовсе). Они по-разному видели не столько это благо (все рецепты основывались на **принуждении** крестьян, на том, чтобы, вновь цитируя С. Ю.Витте, держать их в «стаде»), сколько меру **своего** участия в создании этого блага.

Если отвлечься от риторики и левых, и правых, и «либералов», то в основе их действий, как представляется, лежало тривиальное стремление так или иначе **управлять** 100 миллионами крестьян. Только первые требовали, чтобы в роли управляющего выступала «передовая» «народолюбивая интеллигенция», вторые — правительство, а третьи — земство. И здесь без общины им всем было не обойтись.

Одним из итогов такой политики, как говорилось уже, было то, что Россия вступила в XX век, имея народ, во многом живущий представлениями века XVII-го. Эта ситуация едва ли была терпима для страны, претендовавшей на первые роли в мировой политике.

* * *

Реальная община упорно не умещалась в идеальные представления о себе самой.

В ряде регионов давно уже наступил момент, когда переход от Старого мира к Новому стал жизненной необходимостью, когда назрела интенсификация сельского хозяйства. В России общие для всех стран недостатки деревенского образа расселения — принудительный севооборот как следствие чересполосицы, большие площади экстенсивно экс-

плуатируемых земель общего пользования, мелкополосица и дальноземелье — в огромной степени усугублялись господством уравнительно-передельной общины.

Община была удобной формой контроля за крестьянскими «стадами», но она была совершенно неспособна к прогрессу, что бы ни твердили русские «социалисты кафедры» и сколько бы ни занималось филантропией за счет денег налогоплательщиков Волоколамское земство, вводя травосеяние в общинах уезда, о чем до сих пор (!) радостно трубят апологеты общины. Есть веские основания считать, что имеющие хождение в науке на этот счет взгляды требуют серьезной проверки[20]. И даже если были отдельные общины, являвшиеся исключениями из правила, то хочу напомнить, что и у царя Алексея Михайловича в подмосковных теплицах росли арбузы и даже виноград. Полагаю также, что не все читатели успели забыть о «выставочных» «колхозах-миллионерах» из недавнего советского прошлого.

Кстати, когда началась Столыпинская аграрная реформа, то одна из категорий группового землеустройства именовалась так — «разбивка общинных земель в целях перехода к многопольному хозяйству»; за малой востребованностью ее крестьянами она была исключена с 1912 г. Не хотели общинники переходить к прогрессивным формам земледелия «за просто так».

И это неудивительно.

В 1903 г. А. А. Риттих в работе «Зависимость крестьян от общины и мира» писал: «Дабы оценить государственно-экономическое значение зависимости отдельных крестьян от воли мира, необходимо вспомнить, что в 49-ти губерниях Европейской России (не считая, следовательно, Польши, Кавказа и Области войска Донского), состоит во владении частных лиц 224,8 миллиона десятин, из коих 130,5 миллионов составляют надельную землю, а 94,3 миллиона — собственность дворян, купцов, мещан и крестьян (купленную последними помимо надела).

Из 130,5 миллионов десятин надельной земли (это без малого суммарная площадь современных нам Италии, Франции, Испании и Португалии — *М. Д.*) 22,2 миллиона состоит в подворном владении*.

---

* Напомню, что каждый отдельный крестьянин имел право пользоваться причитающейся ему частью тех земель, которыми распоряжалось после освобождения его общество. Это право пользования могло быть постоянным или временным, в зависимости от того, было ли в данном сельском обществе подворное или общинное землевладение.

В обществах с подворно-владельческим землевладением каждый отдельный крестьянин имел наследственное право пользования теми участками пашни и лугов, которые он фактически постоянно использовал, а также соответствующее право участия в пользовании теми площадями, которые были общими, — «совершенно так же, как это было в Западной Европе до расселения».

В общинных деревнях общество переделяло землю между крестьянами по своему усмотрению *в соответствии с принятой в нем системой разверстки земли, т. е. тягла*.

До 1861 г. переделы приурочивались к ревизиям, изменявшим наличное число душ, поскольку с этим был неразрывно связан размер надела отдельной семьи.

После отмены крепостного права в подворных селениях переделы были крайне редки. Во многих общинных селениях переделов не было вовсе — это были так называемые «мертвые общины». Однако в тысячах других они сохранялись. Десятки и свыше сотни полос, составлявшие надел одного двора, были обычным явлением.

Следовательно, на 100 с лишком миллионах десятин **отдельные лица хозяйничают, не имея устойчивых прав владения и пользования обрабатываемой землей** и завися в этом отношении от мира, который, по признанию Сената, «во всякое данное время» мог изменить размер и местоположение владения; с изданием правил о переделах, мир может производить это через каждые 12 лет, но... несообразованность правил с действительною жизнью повела к массовым обходам: переверстки продолжаются, как и прежде, а в громадном количестве общин даже и коренной передел «может последовать во всякую минуту». Засим на всех 130 миллионах десятин **отдельные хозяева не имеют законных или законно осуществимых прав по распоряжению надельной землей, по обязательственным между собою отношениям по этой земле и по судебной защите этих имущественных и обязательственных прав.** Все зависит от воли общества: нет прав, если не от мира, иначе «их не добьешься».

Но кроме таких постепенно введенных ограничений, придумана еще зависимость от маленькой общины — «рабочего союза», составляющего двор.

Едва ли в таком искусственно созданном положении можно усмотреть выполнение Высочайшей воли, указавшей, что «необходимо стараться, чтобы крестьяне постепенно делались поземельными собственниками» (Высочайшее повеление 4 декабря 1858 г. Главному Комитету по крестьянскому делу).

Воля эта, в точности выполненная Редакционными Комиссиями, указавшими определенные пути к постепенному освобождению крестьян от зависимости помещику и обществу, была непростительно забыта в последующее за освобождением крестьян время и путем «толкований» и циркуляров было все сделано, чтобы обратить «крестьян- собственников» в бесправных арендаторов мирской земли.

Всякая самодеятельность крестьян убита скованными этими толкованиями обручами дворовой и мирской общины, и в этих тисках, если и не задыхается крестьянство, то уже во всяком случае не имеет простора для хозяйственной самодеятельности.

Приведенные данные указывают, что 58 % процентов культурной площади Европейской России возделываются при таких условиях, что лица, ведущие хозяйство, не имеют на обрабатываемую землю даже тех прав, коими пользуются арендаторы...

Хозяйственную зависимость от мира нельзя приравнять к закономерным отношениям арендатора и собственника, но с полным основанием можно привести для сравнения зависимость западных крестьян от сеньориальной власти в тяжелые времена феодального права; впрочем, и это сравнение не будет в пользу правового положения наших крестьян.

Лично свободный, но экономически зависимый от феодальной власти, крестьянин имел право пожизненного неотъемлемого владения своим участком земли; такого преимущества не имеет наш крестьянин, владение коего может быть изменено в «каждую данную минуту» миром.

Обладая, следовательно, правом, которого даже не имел феодальный владелец, мир пользуется затем следующими строго феодальными привилегиями: от него зависит признать или не признать действительность завещательного распоряжения крестьянина, равно как наследственные права преемника — droit de main morte; мир имеет право узаконить продажу земли, состоящей во владении отдельного крестьянина и сдачу ее в аренду или отказать в том сторонам — droit de lods et de ventes; от мира зависит дать или не дать согла-

сие на раздел семьи и тем самым допустить или задержать образование самостоятельной семьи — droit de formariage; мир может через полицию вытребовать отсутствующего своего члена — droit de porsuite; мир имеет право вмешательства в хозяйственную обработку и способы культуры отдельных крестьян на их надельных участках — banalite.

Вот в сущности самые главные и наиболее тяжелые для крестьян права феодального владельца; однако, некоторые из них относятся ко времени личной, а не земельной зависимости крестьян, и в период последней постепенно исчезают и заменяются выкупными за них платежами или определенной пошлиной.

Между тем мир имеет перечисленные привилегии во всей полноте; характерно, что он пытался даже установить произвольное обложение отдельных крестьян, соответствующее первичному феодальному праву — taille et corvee a merci, существовавшему в период личной зависимости (серважа); эти попытки, к счастью, пресечены Сенатом.

Феодальные права учитывались в виде поборов, сперва произвольных, а затем, с прекращением личной зависимости, в виде пошлин, размер коих устанавливается выкупными сделками или определялся обычаем и фиксировался в сборниках кутюмов. Мир учитывает свои права в первичном порядке, т. е. путем произвольных поборов, а не точно установленных пошлин.

Все это указывает, что имущественная зависимость крестьянина от мира может быть без всяких натяжек приравнена к феодальной зависимости, притом в первичной, наиболее тягостной ее форме.

Между тем история свидетельствует, что феодальная зависимость крестьянской земли была одной из главных причин упадка благосостояния народных масс на Западе, понижения уровня хозяйственной культуры и периодических голодовок.

Ссылаясь на известную работу Кареева «История Западной Европы в новое время» Риттих резюмирует: «Особенно тяжело отзывалось на народном благосостоянии и на сельском хозяйстве обременение земли феодальными поборами и разные стеснительные ограничения права непривилегированной собственности».

Положение это высказывается как вывод из обширнейшего исторического материала, относящегося к состоянию французского крестьянства в XVIII веке, когда феодальный режим был гораздо слабее.

Тем не менее, вследствие «несвободы земли, как общего правила аграрного быта Франции» и «дурно организованной податной системы»... «сельское хозяйство находилось в упадке, земля дурно обрабатывалась или пустовала; голодные годы повторялись весьма часто, и хлеба или не хватало, или он был очень дорог; крестьяне, оторванные от земледелия, вследствие невозможных условий, в какие они были поставлены, устремлялись за заработками в города, где их однако не находили, — нищенствовали, бродяжничали, нередко разбойничали или производили беспорядки, поводом к которым был обыкновенно недостаток хлеба, — грабили булочные, хлебные амбары, транспорты муки... как это происходило повсеместно и постоянно.

Была какая-то страшная несообразность во всем сельскохозяйственном быту Франции: жаловались постоянно на недостаток хлеба, а между тем множество земель пустовало, между прочим таких, которые прежде обрабатывались; жаловались далее на недостаток рабочих рук, которые можно было бы приложить к пустующим землям, а

между тем в городах и деревнях не знали, как отделаться от разных праздношатающихся, не находивших себе работы и потому нищенствовавших; жаловались на это самое нищенство, а между тем положение тех, которые работали на земле, было не лучше, ибо весьма часто половники питались хлебом и засевали поля зерном, взятыми в долг у землевладельца. Нищета была уделом громадного большинства сельского населения Франции. Обнищалый народ, как сказано, то и дело производил беспорядки; весьма широкие размеры приняли они в 1775 г., получив даже название «мучной войны»...

История остальных стран Западной Европы указывает на целый ряд крестьянских волнений, возникавших везде вследствие однородной причины — связанности и неустойчивости прав крестьянского населения на обрабатываемую землю. Наиболее памятны, конечно, те, который заливали кровью всю страну, но независимо от этих, известных всем печальных событий, «крестьянские бунты и заговоры и вообще брожение среди сельского населения были весьма часты» (скоро, очень скоро за подтверждением этих истин не придется обращаться к западноевропейскому материалу — на пороге был 1905–1906 гг. — *М. Д.*).

Не останавливаясь на дальнейших примерах из истории Западной Европы, необходимо лишь отметить, что, когда крестьяне получали устойчивые права на состоявшие в их владении земли, то всякие между ними брожения прекращались: мелкая земельная собственность, по-видимому является одним из надежнейших устоев гражданского правопорядка, и **теоретики общего блага, думающие построить его на началах общего бесправия**, приходят в отчаяние от «неподвижности и косности», по их мнению, класса крестьян-собственников (ненависть большевиков к крестьянству вполне подтверждает эту мысль А. А. Риттиха. — *М. Д.*).

Однако неподвижность и косность не помешала этим крестьянам быстро обогнать крупных владельцев в деле сельскохозяйственной культуры и довести ее до столь высокого уровня, что агрономы и экономисты единогласно признают большую производительность мелкого крестьянского хозяйства перед крупным и указывают, что вся культурная сила страны и связанная с ней экономическая и даже политическая крепость построены на крестьянском мелком землевладении»[21].

Пореформенная община не могла обеспечить сельскохозяйственное развитие страны с бурно растущим крестьянским населением.

Там, где не было переделов, в так называемых «мертвых общинах», не могло быть движения вперед, а там, где они были, указанные недостатки общины — принудительный севооборот, экстенсивное общее пользование угодьями, мелкополосица и дальноземелье — усугублялись уравнительным землепользованием. А. С. Ермолов в своей работе «Неурожай и народное бедствие» прямо заявил об этом сразу после голода 1891 г. к большому удивлению читающей публики.

Община была неспособна к прогрессу. Зато она оказалась вполне способна пробуждать и культивировать в миллионах крестьян совсем не лучшие человеческие качества, о чем в этой книге сказано уже немало.

Абстрактные идеи о том, что община якобы спасает Россию от «язвы пролетариатства», в реальности естественно, не работали — деревня нищала, сельский пролетари-

ат рос на глазах, и именно из-за общины. «Таким образом, искусственно подталкивая размножение крестьянства, нивелируя его, расслабляя его энергию, и. задерживая отход избыточного населения от надела, община в конце концов была бессильна предупредить пролетаризацию значительной его части. Во многих губерниях центральной черноземной полосы численность безлошадных дворов превысила к средине 90-х годов 1/3 всех дворов. Пролетаризация значительной части крестьянства не сопровождалась здесь созданием значительного кадра дворов, богатых инвентарем и ведущих улучшенное хозяйство. Община не создавала условий для культурного хозяйства»[22], — подводит Б. Д. Бруцкус итог проводившейся аграрной политики.

К концу XIX в. в сельском хозяйстве ряда регионов страны нарастали кризисные явления (увеличение экспорта хлеба из России отношения к этому не имело). Их концентрированным выражением стали участившиеся неурожайные годы и самый настоящий голод 1891 г. Это был своего рода суммарный индекс, который говорил о неэффективности той модели развития народного хозяйства, которая установилась после 1861 г., и о том, что его пореформенная эволюция заводит и отчасти уже завела сельское хозяйство в тупик.

А в более широком масштабе это был кризис системы, которая была основана на господстве правительственного патернализма, на консервации тяглового строя, прежде всего на искусственном сохранении и поддержании общинных отношений в деревне, на том, что Власть игнорировала (на деле — боялась!) давно назревшую необходимость просвещения миллионов крестьян (в том числе и агрономического).

Наибольшая задолженность была в общинных губерниях, они же, как мы помним, были самыми «голодными» губерниями, туда шли десятки миллионов рублей. Община перестала выполнять свою функцию социального гаранта крестьянства («компенсационного механизма выживания»).

За 10 лет, прошедших после голода 1891 г., все пороки уравнительного землепользования только усугубились. Своды трудов местных комитетов Совещания С. Ю. Витте дают на этот счет потрясающие свидетельства. Вот как описывается там, в частности, вред общины в частнохозяйственном отношении:

> «Значительное большинство членов местных Комитетов, высказавшихся по вопросам уравнительного землепользования, относится к нему отрицательно.
>
> По их мнению, переделы и переверстки земли являются не только непреодолимым препятствием для каких-либо сложных и дорого стоящих земельных улучшений, но даже затрудняют и надолго задерживают введение самой первичной формы интенсивной культуры, а именно, удобрения полей.
>
> Не говоря уже о том, что крестьяне не приступают к унаваживанию в местностях, где оно крайне необходимо, вследствие истощения почвы, и где оно давно введено у частных владельцев, — даже те общинники, которые вынуждены были перейти к удобрению, прекращают его за несколько лет до истечения срока передела и не возобновляют затем в течение всего времени, иногда весьма продолжительного, пока в обществе идут споры об условиях новой разверстки земли. Время это характеризуется, как период самого хищнического хозяйства, в конец истощающего общинный надел и надолго понижающего его производительность. В этот период крестьяне усиленно стремятся арендовать чужую землю и совершенно не стараются о своей. В тех случаях, когда общество

долгое время не может согласиться на счет условий нового передела, крестьяне как бы отучаются от более совершенных приемов культуры, ранее ими усвоенных.

В течение этого времени крестьяне в лучшем случае хранят навоз при своей усадьбе или продают его на сторону. Характерно указание, сделанное в Ардатовском Комитете Нижегородской губернии, что за 4–5 лет до передела общинники усиленно продают навоз соседним крестьянам, имеющим так называемые купчие земли, т. е. приобретенные ими в собственность помимо надела (Нижегородская, 149). Однако и такое положение вещей является, как сказано, наиболее благоприятной в хозяйственном отношении поправкой невыгодных последствий неустойчивого пользования. В других случаях, когда навоз не имеет сбыта; крестьяне предпочитают сваливать его в овраги и засорять им водные источники, лишь бы не отдать при переделе наземной полосы, а (отдать) такую же истощенную, как у своих однообщественников (Тульская, 439; Курская, 540; Саратовская, 580; Симбирская, 430).

Вообще временное владение землей направляет хозяйственную деятельность крестьян на самое широкое использование естественных сил природы, при чем на их поддержание затрачивается возможно менее — в мере крайней необходимости, с расчетом вернуть расход полностью до истечения срока владения. Это хищническое направление хозяйства особенно губительно отражается на кормовой площади надела, тем более, что самая ценная ее часть — луга и сенокосы — переделяется в преобладающем числе общин ежегодно. Поэтому угодья эти лишены обыкновенно какого бы то ни было ухода: заболоченные разливом луга не очищаются и постепенно обращаются в изрытые водомоинами кочкарные заболотья или заносятся песком и илом; сухие покосы тоже дичают, ибо не расчищаются от поросли и мху; кроме того, угодья эти портит скот, который пасется на них весной до заказа. В результате такой эксплуатации становится невыгодным косить то ничтожное количество травы, которое дает испорченная сенокосная площадь, крестьяне обращают ее в пастбище, распахивают или просто забрасывают и арендуют покосы на стороне.

Но, кроме ухудшения кормовой площади, она сильно уменьшается вследствие хищнической распашки, в которой противники уравнительного землепользования видят прямое последствие неустойчивого владения, препятствующего повышению производительности земли путем интенсивной культуры и вынуждающего «спахать побольше, хотя и как-нибудь». Поэтому сенокосы, пастбища, склоны балок распахиваются, лес сводится и обращается в покос или пастбище, которое, спустя некоторое время, тоже идет под пахоту. При таких условиях обнажаются пески, а распаханные склоны балок дают начало ряду оврагов, разъедающих материк, лишающих его влаги и способствующих снесению вешними водами верхнего пласта земли.

Ухудшение кормовой площади и нерасчетливая ее распашка отражаются крайне неблагоприятно на качественной и количественной стороне крестьянского скотоводства, вследствие чего сокращается удобрение посевной площади и ухудшается ее обработка. Хозяйство на выпаханной земле становится невыгодным. В особенности это отмечается в отношении отдаленных от селения нив, скудный урожай коих еле покрывает затрату времени и труда по обработке. Крестьяне забрасывают их, и периферия надела покрывается пустырями, бывшими прежде пашней. Таким образом, после усиленного роста посевной площади, наступает постепенное ее уменьшение, но взамен бывших когда-то кормовых угодий и пашни появляются совершенно истощенные и непригодные для каких-либо сельскохозяйственных целей пустыри. При

таких условиях надел становится все менее способным прокормить увеличивающееся население, и крестьяне в поисках неистощенной земли, вынуждены прикупать ее и в широкой мере прибегать к вненадельной аренде. Постоянно растущий спрос на землю увеличивает ее цену вне всякого соответствия с доходностью, вследствие чего крестьянин с трудом выручает с арендуемого участка плату за свой труд, не получая никакого чистого дохода.

Повсеместно идут жалобы на малоземелье, а между тем в наделе увеличивается процент совершенно негодных для культуры пространств в виде болот, песков, оврагов и пустырей, заменивших прежние угодья и пашни: «каждая весна отводит в число неудобных и заброшенных все большее и большее количество надельных земель» (Нижегородская, 139).

Приписывая неустойчивости общинного пользования подобные стремления крестьян к хозяйству количественному, а не качественному, противники уравнительных порядков видят в этом главную причину постоянных жалоб на малоземелье; признавая его условным, они полагают, что при надлежащей обработке надела, возможной лишь при устойчивом пользовании на правах собственности, вопрос о малоземелье отпал бы в отношении большинства крестьян, которые ныне на него жалуются: «если теперь надел плохо обрабатывается и дурно удобряется, то с увеличением его культура сделается еще экстенсивней».

Указанные недостатки — ухудшение кормовых и лесных угодий, нерасчетливая их распашка и увеличение неудобных пространств в наделе — отмечаются и защитниками общинного землепользования, объясняющими эти явления неразвитостью крестьян, недостаточностью у них средств и земли для введения интенсивного хозяйства, причем малоземелье условное признается обыкновенно действительным, требующим неотложных мер в области земельной политики, в смысле наделения крестьян из фонда государственных земель, расширения деятельности Крестьянского Банка и т. д.

Хищническое отношение общинника к своему временному земельному владению дает повод утверждать, что «вопреки установившемуся мнению крестьянство в массе не любит „кормилицы-земли“, о которой не заботится, как следует, не любит леса, истребляя его всеми способами, не любит природы вообще или же любит с одной только точки зрения, исключительно материальной, постольку, поскольку в данный момент может получить выгоды, нисколько не думая и не заботясь о будущем.

И происходит это не в силу дурных качеств русского крестьянина, а в силу равнодушия, как прямого следствия неполного права собственности на землю, отбивающего охоту приложить старание к неизвестно кому принадлежащей собственности» (Саратовская, 580). «Ужасно подумать», говорится в одном из докладов по Костромской губернии, «что систематически, из года в год, в течение десятков и сотен лет, миллионы людей трудятся над тем, чтобы брать из земли как можно более питательных для возделываемых растений веществ и возвращать в нее в виде удобрения как можно менее. Одним словом, в поте лица своего трудятся для разорения своего отечества; немудрено, что они почти достигли этого.

Но они делают это бессознательно и в силу необходимости; их вынуждает к тому общинная система землевладения. **Вред этой системы до начала шестидесятых годов прошлого столетия не был так заметен, как заметен теперь**. Тогда крестьяне имели в своем распоряжении, при меньшей их численности, больше пахотной земли в своих полях; кроме того, могли сеять хлеб на отдельных участках, в

пустошах; кроме постоянных лугов, имели и лесные покосы и потому имели гораздо более, нежели теперь, хлеба, корма и сена; могли содержать больше скота; имели более удобрения, и потому урожаи качественно и количественно были лучше. В выгонах же для пастьбы скота крестьяне редко нуждались, так как они пользовались для того всей землей их владельца, да и на землях соседних им большею частью не запрещалось пасти свой скот по изобилии земли; поэтому они не знали, что значит арендовать выгон для скота или работать за выгон владельцу его, как теперь; и случаи эти были гораздо реже теперешнего, и плата была менее. Поэтому неудивительно, что урожаи хлеба и трав на лугах, удобряемых пометом большего, чем теперь, количества пасшегося скота, были лучше, хлеба у крестьян было больше, и вообще крестьяне-земледельцы были лучше обеспечены материально.

Голодовок со всеми их последствиями (болезни, смертность и пр.) было меньше в особенности таких, какие ныне повторяются из года в год, и государству не приходилось кормить миллионы голодающих людей, как в наше время. В то время про некоторых крестьян говорили, что они никогда не видали дна сусека в своем амбаре: так много было у них хлеба. Теперь таких крестьян нет. Теперь большинство крестьян нечерноземной полосы России покупает хлеб для своего продовольствия, некоторые покупают с осени, т. е. вскоре после сбора урожая его с своих полей. Таким образом, хотя система хозяйства и тогда была хищническая (экстенсивная), но вредные результаты ее не были заметны, и реформа этой системы хозяйства не была так настоятельно необходима, как теперь» (Костромская, 363–364).

Если временное владение препятствует даже сохранению естественных сил природы, то тем более оно затрудняет введение каких-либо земельных мелиораций или таких систем хозяйства и специальных культур, которые требуют значительных и притом долговременных затрат.

В Новгородской губернии, при ее «климате и высоте почвенных вод, на полях необходимы частые канавы, и там, где они есть, вид хлеба резко выделяется; у канавы, выкопанной перед посевами, хлеб стоит стеной, а без проведения канавы посев вымокнет и осенью, и весной. Но в большинстве деревень канавы, прокопанные для сельскохозяйственных целей в крепостное время по требованию помещика, вовсе не поддерживаются... канавы были восстановлены по требованию земского начальника. Осознание собственности есть самый большой стимул прогресса после истинного просвещения, а наши крестьяне лишены обоих этих стимулов. Иногда крестьяне проводят всем миром канавы, но в большинстве случаев под давлением земских начальников» (Новгородская, 251, 293).

По той же Новгородской губернии указывается в одном из докладов, что «зло уравнительной формы землепользования будет понятно из следующего нашего разговора с крестьянином: он лишь рассказал, что некоторые крестьяне на своих участках совершенно потребили лес, другие же его не рубили. Пришло время переделять землю, при чем сберегшие свой лес получили по жребию в пользование на 25 лет обнаженные от леса участки, а истребившие на своих участках лес получили другие участки с лесом. Чрез 25 лет эта история опять повторится? спросили мы. Нет, не повторится, ответил наш крестьянин, не найдется среди нас, после совершившегося, такого простака, который к новому разделу не очистит совершенно от леса свой участок... При таком порядке невозможно лесопроизращение на крестьянских общественных землях, к тому же, в течение 25 лет может поспеть не более, как самый тонкий плохой дровяной лес.

Недалеко время, когда на общественных землях совсем не будет леса и крестьянам, для удовлетворения потребности в лесе, придется . покупать его или похищать у частных лесохозяев. Подобно сказанному о лесе совершается и относительно полей: хорошо обработавший полосу и удобривший ее получает при переделе тощую полосу, бывшую в пользовании его слабого, по несчастию или лености, однообщественника» (Новгородская, 441).

По Курской губернии отмечается, какого необъяснимого труда стоит наиболее энергичным общинникам введение интенсивной культуры на землях временного владения. «Крестьянин не имеет не только возможности, но и права к улучшению и развитию сельскохозяйственного дела. Он не может на доставшемся ему по переделу на 12 лет участке сделать огорожу и посадить сад, ибо ему огорожу поломают, а сад затравят скотом; он не может засеять его чем хочет — травами, корнеплодами или огородными овощами, ибо их тоже затравят и вытопчут. Он. должен, по воле „мира“, в указанном месте сеять озимое, в другом — яровое, в третьем, при всем желании что-либо сделать, ничего не делать. Часть своего луга он не может улучшить потому, что она ему неизвестна. Часть своего леса он должен срубить, когда прикажет сход.

Право, равное с частным владельцем, принадлежит крестьянину только на маленькой усадьбе его. Но жизнь, нужда и необыкновенная энергия отдельных лиц из крестьян делают свое дело. При подкупах и подмогарычиваниях влиятельных в обществе лиц и даже целых сельских сходов такие отдельные крестьяне с неимоверными усилиями, терпя постоянные самоуправства над ними со стороны всякого члена общества, все-таки ухитряются сначала окопать или огородить подходящий, облюбованный участок, затем обсадить, чем попало, потом посадить сад, или поставить пасеку, или завести огородное хозяйство и, наконец, поселиться двором.

И так, вечно откупаясь и подмогарычивая, упорные в достижении лучшей для себя участи, отдельные члены обществе достигли того, что и при общинном владении землею сделались чем-то в роде частных владельцев захваченными ими участками общественной земли. На таких участках крестьяне живут иначе: здесь они принимают уже все меры «к улучшению и развитию сельскохозяйственного дела» и, в виду постоянного личного труда, непосредственной близости к предстоящей работе в составе целой семьи, достигают результатов, превышающих результаты частных владельцев: на участке в 1 десятину они нередко получают до ста и даже до двухсот рублей дохода в лето. Вообще крестьянин, становясь собственником небольшого отдельного земельного участка (например, по покупке), благодаря личному своему труду, нетребовательности и простоте образа жизни, ведет хозяйство лучше многих из своих соседей — частных владельцев других сословий, ограничивающихся лишь получением арендной платы.

«Сказано было *„в роде частных владельцев“* потому, что, в конце-концов, сами сельские сходы стали приходить к заключению, что достигнутые трудом и расходами результаты их отдельных членов не должны быть уничтожаемы и потому, приговорами своими, утверждаемыми установленными властями, стали узаконять, что такие „захваченные“ участки переделу не должны подлежать, а должны оставаться в исключительном пользовании их хозяев. Следовательно, сами сельские общества среди общинного владения по требовании времени стали образовывать участки, принадлежащие в отдельную собственность, т. е. нечто в роде частного владения, и при этом продаваемого и покупаемого. Но в указанных выше случаях за все труды и

расходы общества налагают на таких заботящихся „об улучшении и развитии сельскохозяйственного дела“ лиц тяжкие наказания: за всякую обработанную сажень общества яри переделах отбирают у них по две сажени земли в поле, следовательно, делят общинную землю уже „не равномерно“ на души, а, стало быть, и не по закону. И это в лучших случаях, т. е. при подкупах и могарычах; в худших же, при оказании какого-либо неуважения или невнимания к обществу, такие улучшенные в сельскохозяйственном и экономическом отношении участки подвергаются полному разгрому и уничтожению: канавы зарываются, огорожа ломается, садовые и лесные деревья вырубаются, и участок снова обращается в „пустошь дикого поля”»[23].

Дюшен, опираясь на тот же источник, дополняет описание:

«В конце концов сельские сходы из зависти или под влиянием побывавших в тюрьме лиц, обнищавших переселенцев, пьяниц и др. переделят все то, что составляет благосостояние деревни, а так как разделить малого между всеми нельзя, то просто уничтожат, ибо имеют на это право [sic.].

В Самарской губернии, в Новоузинском уезде особенно важное значение имет садоводство. Развитие последнего сильно задерживается, в виду постоянно возникающих недоразумений между садовладельцами и обществом из-за земель, занятых под садами. В Таврической губернии, Днепровском уезде, крестьяне развили на своих участках виноградники, затратили массу труда, времени и денег. При переделе эти участки перешли в другие руки и таким образом прежние владельцы потеряли и свои деньги и свой труд. — Такова печальная картина влияния общинного землепользования на хозяйство крестьян...

В виду изложенного, противники уравнительных порядков в Комитетах совершенно правы, утверждая, что травопольное хозяйство, введенное в некоторых губерниях на общинных землях, не имеет значения ни с точки зрения общеэкономической, ни с частнохозяйственной. Являясь результатом несоразмерных затрат земских сумм, взятых с того же населения, общинное травосеяние не способствовало усилению производительных сил земли. Мы только отметим одну неточность в этом отзыве. Организация земского травосеяния была произведена на земские суммы всего населения уезда и губернии, следовательно, тех лиц, которые были совершенно чужды вводимому травосеянию.

Чересполосность крестьянских полей, дробность и отдаленность их от усадеб обращали особое на себя внимание Комитетов, высказывавшихся против общинного землепользования. Вывозка навоза на отдаленные полосы невозможна, но и самая обработка отдаленных полос убыточна, почему эти полосы забрасываются в пустошь, и крестьяне принуждены прибегать к аренде земли у частных лиц. Для маломочных крестьян такая разбросанность и отдаленность нив особенно тяжелы, и они предпочитают сдавать эти нивы более богатым. Узость полос не допускает плужной обработки; многочисленные межники засоряют посевы или бесцельно дренируют почвы (борозды); весенняя вода размывает их, превращая постепенно в овраги. При чересполосном расположении крестьянских нив, господствует принудительная обработка и никакой прогресс в крестьянских хозяйствах отдельных дворов невозможен. Общий выгон, всегда скудный, ухудшает скот, который преждевременно спаривается, мельчает, вырождается.

Составитель свода замечает, что «указанные Комитетами недостатки общинного землепользования присущи и подворному владению, но, по мнению противников общины, усиливаются при уравнительном землепользовании»[24].

Описанные картины были у всех перед глазами.

Но они совершенно не замечались или игнорировались большей частью образованного класса, жившего как будто в другой реальности.

Более того. Крестьяне видели причину кризиса в нехватке земли, и в рамках своей логики (а откуда у них могла взяться другая?!) они были правы — ведь для ведения экстенсивного средневекового хозяйства, которое очень мало изменилось со времен Киевской Руси, земли к концу XIX – началу XX вв. действительно стало не хватать, ибо население росло со скоростью 1,5% в год. Община это положение еще и ухудшала. Как вести хозяйство по- другому, крестьяне не знали и поэтому требовали дополнительного наделения землей, по образцу 1861 г. Земля была по соседству, у помещиков. Поэтому программа крестьянства была проста и опять же *по-своему* логична — отнять и разделить помещичью землю.

В аналогичной ситуации на Западе началась интенсификация сельского хозяйства, основанная на агрономическом просвещении крестьян (тот самый переход от Старого Мира к Новому, о котором мы уже говорили в 3-й главе данной монографии), обеспечившая процветание западноевропейского крестьянства. А в России, как мы знаем, образованные люди этой проблемы в массе не понимали (см. Приложение 1) и очень много рассуждали о малоземелье.

Создалась абсурдная на любой непредвзятый взгляд ситуация. В стране с элитным для Старого Света черноземом собирались самые низкие урожаи. При этом в Германии свыше 50% крестьян имели наделы менее 5 га и преуспевали, а в России — средний надел составлял свыше 10 дес.(11 га) и крестьяне жили несравненно хуже.

Проблема, таким образом, заключалась не в количестве земли (и уж, конечно, не в климате), а качестве ее обработки и условиях обработки, которые в огромной степени определялись наличием общины.

То, что этого не понимали крестьяне, неудивительно, поскольку они жили, условно говоря, в своем XVII в. А вот поведение очень многих образованных российских людей, проповедников малоземелья, не просто удивительно — оно, скорее, позорно. Из корыстных политических соображений они будили самые низменные чувства крестьян и потакали им, натравливая на помещиков, превратив малоземелье в козырную карту в борьбе с Властью, в игре **на** (sic!) будущее страны. Когда Кауфман говорил о необходимости агрономического просвещения крестьян, товарищи по кадетской партии осуждали его, поскольку агрономия отвлекала силы от борьбы за землю!

Напомню язвительное замечание Б. Д. Бруцкуса о том, что, «русская интеллигенция даже и элементарную мысль о том, что в конце концов ведь земля не размножается... считает какой-то реакционной ересью».

Гектары печатного слова тратились на обоснование мнимых преимуществ общины, на доказательство того, что крестьяне якобы жить без нее не могут, что они равнодушны к частной собственности, но зато неравнодушны к справедливости, понимаемой как грабеж голяками «добрых пахарей» и т. д. и т. п.

В итоге к концу XIX в. потенциал Великих реформ в большой степени был исчерпан, притом будучи использован далеко не полностью. Об этом весьма откровенно сообщил С. Ю. Витте в своем известном письме Николаю II 1898 г.:

«Всемилостивейший государь! Простите, что я дерзаю беспокоить Ваш досуг настоящим всеподданнейшим письмом. Мое извинение заключается в том, что то, что я здесь излагаю, составляет мой долг как верноподданного министра Вашего Императорского Величества и как сына своего Отечества и то, может статься, я не буду иметь счастливого случая доложить то же словесно.

Вашему Величеству благоугодно было решить вопрос о назначении крестьянского совещания с целью приведения в благоустройство быта сельского населения. Это последовало не без трений. Во всяком случае сделан первый шаг — но и только. Всякое дело зависит от людей, от полета их мыслей и вдохновения. Рассматриваемое дело может дать богатейшие плоды или погибнуть в зависимости от того, кто будут те лица, коим оно будет поручено, и как они будут направлены.

Но в чем заключается самое дело? В моей официальной записке по этому предмету, по которой последовало положение Комитета министров я, конечно, не мог представить его во всей наготе.

Дело это заключается в том: мощь России должна ли продолжать развиваться с тою же силою, с какою она развивалась с освобождением крестьян, или же рост это должен ослабеть, а может быть, и идти назад?

Крымская война открыла глаза наиболее зрячим: они осознали, что Россия не может быть сильна при режиме, покоящемся на рабстве. Ваш великий дед самодержавным мечом разрубил гордиев узел. Он выкупил душу и тело своего народа у их владельцев. Этот беспримерный акт создал того колосса, который ныне находится в Ваших самодержавных руках.

Россия преобразовалась, она удесятерила свои силы, свой ум и свои познания... **Теперь нужно двигаться**. Нужно окончить то, что начал император Александр II и не мог докончить и что теперь возможно довершить после того, как император Александр III навел Россию на единоверный путь управления самодержавною властью...

Император Александр II выкупил душу и тело крестьян, Он сделал их свободными от помещичьей власти, но не сделал их свободными сынами Отечества, не устроил их быта на началах прочной закономерности.

Император Александр III, поглощенный восстановлением нашего международного положения, укреплением боевых сил, восстановлением финансов, подавлением смуты, не успел довершить дело своего августейшего отца. Эта задача осталась в наследство Вашему Императорскому Величеству. Она выполнима, и ее нужно выполнить. Иначе Россия не может возвеличиться так, как она возвеличивалась. Для этого нужны ясное сознание необходимости совершить подвиг, твердая решимость его совершить и вера в помощь Божью.

Ваше Величество имеете 130 млн. подданных. Из них едва ли много более половины живут, а остальные прозябают. Наш бюджет до освобождения крестьян был 350 млн. руб., освобождение дало возможность довести его до 1400 млн. руб. Но уже теперь тяжесть обложения дает себя чувствовать. Между тем бюджет Франции при 38 млн. жителей составляет 1260 млн. руб.; бюджет Австрии при народонаселении в 43 млн. составляет 1100 млн. руб. Если бы благосостояние наших плательщиков было равносильно благосостоянию плательщиков Франции, то наш бюджет мог бы достиг-

нуть 4200 млн. руб. вместо 1400 млн. руб., а сравнительно с Австрией мог бы достигнуть 3300 вместо 1400 млн. руб. Почему же у нас такая налогоспособность? Главным образом от неустройства крестьян.

Каждый человек по природе своей ищет лучшего. Это отличает человека от животного. На этом качестве человека основывается развитие благосостояния и благоустройства общества и государства. Но для того, чтобы в человеке развился сказанный импульс, необходимо поставить его в соответствующую обстановку. У раба этот инстинкт гаснет. Раб, сознавая, что улучшение его и бытия его ближних неосуществимо, каменеет. Свобода воскрешает в нем человека. Но недостаточно освободить его от рабовладетеля — необходимо еще освободить его от рабства произволу, дать ему законность, а следовательно, и сознание законности, и просветить его. Необходимо, по выражению К. П. Победоносцева, сделать из него „person'у", ибо он теперь „полуpersona". Все сие не сделано или почти не сделано.

Крестьянин находится в рабстве произвола. Закон не очертил точно его права и обязанности. Его благосостояние зависит не только от усмотрения высших представителей местной власти, но иногда от людей самой сомнительной нравственности. Им начальствуют, и он видит начальство и в земском, и в исправнике, и в становом, и в уряднике, и в фельдшере, и в старшине, и в волостном писаре, и в учителе, и, наконец, в каждом „барине". Он находится в положительном рабстве у схода, у его горланов. Не только его благосостояние зависит от усмотрения этих лиц, но от них зависит его личность. Существует сомнение, следует ли оградить крестьян от розог или нет? Можно различно решать этот вопрос. Я думаю, что розги как нормальное средство оскорбляет Бога в человеке...Но если еще розги необходимы, то они должны даваться закономерно. Крестьян же секут по усмотрению — и кого же? Например, по решению волостных судов — темных коллегий, иногда руководимых отребьем крестьянства. Любопытно, что если губернатор высечет крестьянина (чего я не одобряю), то его судит Сенат, а если крестьянина выдерут по каверзе волостного суда, то это так и быть надлежит. Крестьянин — раб своих односельчан и сельского управления.

Крестьянина наделили землею. Но крестьянин не владеет этою землею на совершенно определенном праве, точно ограниченном законом. При общинном землевладении крестьянин не может даже знать, какая земля его. Теперь живет второе поколение после освобождения. Права наследства были предоставлены господству смутного обычая, а посему теперешние крестьяне пользуются землею не по законно определенному праву, а по обычаю, а иногда и усмотрению. Закон почти совсем не касается семейных прав крестьян.

Император Александр II даровал России правосудие гражданское и уголовное. Как бы ни критиковали эту реформу, не затемнят ее величия!... Но реформа эта не коснулась крестьянских отношений по сельскому быту. Крестьянские гражданские и уголовные дела и деяния разрешаются крестьянскими судами не по общим для всех верноподданных установленным законам, а по особым, часто по обычаю, проще говоря — по произволу и усмотрению.

Податное дело не в лучшем положении. Прямые налоги часто взыскиваются не по законно освященным для каждого лица отдельным нормам, а скопом, по усмотрению... Круговая порука, созданная параллельно общинному землевладению и с нею свя-

занная, делает крестьянина ответственным не за себя, а за всех, а потому иногда приводит к полной безответственности. Земство устанавливает сборы без всякого влияния правительства. Оно может обложить землепашца свыше его сил, и к сему нет тормоза. Такого права не дано земствам в наилиберальнейших странах.

Что касается мирских сборов, собираемых с крестьян, которые в последние годы неимоверно растут, то тут полнейший произвол. Эти налоги совсем ушли не только от государственной власти, но даже от государственного сведения.

А просвещение? О том, что оно находится в зачатке, это всем известно, как и то, что мы в этом отношении отстали не только от европейских, но и от многих азиатских и заазиатских стран.... Просвещение нужно двинуть и нужно двинуть энергично. Оттого, что дитя может упасть и повредить себя, нельзя не дозволять и не учить его ходить. Нужно только, чтобы просвещение было всецело в руках правительства. Наш народ с православной душой невежествен и темен. А темный народ не может совершенствоваться. Не идя вперед, он по тому самому будет идти назад сравнительно с народами, двигающимися вперед.

Вот некоторые черты положения крестьянского дела. Крестьянство освобождено от рабовладетелей, но находится в рабстве произвола, беззаконности и невежества. В таком положении оно теряет стимул закономерно добиваться улучшения своего благосостояния. У него парализуется жизненный нерв прогресса. Оно обезоруживается, делается апатичным, бездеятельным, что порождает всякие пороки.

Поэтому нельзя помочь горю одинокими, хотя и крупными, мерами материального характера. Нужно прежде всего поднять дух крестьянства, сделать из них действительно свободных и верноподданных сынов Ваших. **Государство при настоящем положении крестьянства не может мощно идти вперед, не может в будущем иметь то мировое значение, которое ему предуказано природою вещей, а может быть, и судьбою**.

От сказанного неустройства проистекают все те явления, которые, как надоедливые болячки, постоянно дают себя чувствовать...

А собственно говоря, ядро вопроса совсем не в земельном кризисе, а тем паче не в кризисе частного землепользования, а в крестьянском неустройстве, в крестьянском оскудении. Там, где овцам плохо, плохо и овцеводам»[25].

Как ясно сформулирована главная проблема российской жизни! Что и говорить, не все русские императоры имели таких министров, каких имел Николай II. И как же он распорядился гением этих людей!

Заметим, что слово «община», здесь не произносится ни разу (взгляды адресата С. Ю. Витте были хорошо известны), но оно как бы является на выдохе.

Вместе с тем известная виттевская «непридворность» в этом послании видна вполне отчетливо.

С. Ю. Витте прямо говорит, что энергия того могучего движения, которое Александр II создал, освободив крестьян, подошла к концу — отсюда и форма, в которой поставлен ключевой вопрос — «**мощь России должна ли продолжать развиваться с тою же силою**, с какою она развивалась с освобождением крестьян, **или же рост этот должен ослабеть**, **а может быть, и идти назад**?»

Тут надо иметь в виду остающиеся за «кадром» сюжеты.

Письмо написано в октябре 1898 г., а в марте того же года Россия вынудила Китай подписать с ней договор об аренде Ляодунского полуострова. Витте, который был категорически против этой «ребяческой» и попросту некрасивой акции, хорошо видел, к чему ведет дело Николай II, который «по склонности... прославиться, в глубине души всегда желал победоносной войны». С. Ю. замечает по этому поводу: «Я даже думаю, что если бы не разыгралась война с Японией, то (война) явилась бы на границе Индии и в особенности в Турции из-за Босфора, которая, конечно, затем распространялась бы»[26]. В. И. Гурко пишет, что «легкость, с которой Россия развернула свои пределы на Дальнем Востоке, порождает (у Николая II — *В. Д.*) мысль идти дальше в этом направлении. Рисуется возможность подчинить русскому владычеству и иные азиатские страны, как то: всю как Северную, так и Южную Маньчжурию, а равно и Корею. По словам Куропаткина, государь мечтал даже о Тибете и Афганистане»[27].

Эта информация наполняет конкретным содержанием и усиливает вывод Витте о том, что «государство при настоящем положении крестьянства не может мощно идти вперед, не может в будущем иметь то мировое значение, которое ему предуказано природою вещей, а может быть, и судьбою».

Ведь за этим мощнейшим экспрессивным текстом, стоит, конечно, мысль о том, что Власти пора отходить от пагубной, хотя и привычной, патерналистской политики, о том, что сохранение сословно-тяглового строя, главным компонентом которого является крестьянская уравнительно-передельная община, подавляющая естественные человеческие стремления, во многом противоречащая самой природе человека, тормозит тем самым поступательное развитие страны.

Письмо Витте осталось без ответа. Царь, как и другие апологеты общины, забыл о времени, в котором живет.

А между тем эпоха ребром поставила вопрос — может ли соответствовать вызовам времени страна, претендующая на ведущие роли в мировой политике и в то же время находящаяся в состоянии, описанном Витте? Можно ли конкурировать с Австро-Венгрией на Балканах, с Англией и Германией на Ближнем и Среднем Востоке, а с Японией на Дальнем, отвергая то, что обеспечило — в широком смысле — их процветание?

Можно ли претендовать на статус мировой державы, имея такой багаж, как едва ли не самый отсталый в Европе аграрный сектор, в котором занято 80% населения, в подавляющем большинстве живущего словно бы в средневековье, как едва начинавшуюся всерьез крупную современную промышленность, и не имея при этом даже всеобщего начального обучения, не говоря еще о многом другом, что давно стало банальностью для держав-конкурентов? Большинство образованных людей, в том числе и в Зимнем дворце, к несчастью, обо всем этом просто не задумывалось.

Как Петр I на рубеже XVII–XVIII вв. не очень понимал, что успехи западноевропейских науки, техники и промышленности прямо вытекают из *иных* отношений между властью и подданными, чем те, что были в России, а также *иного* положения самих подданных, так не осознавали этого и его преемники в конце XIX – начале XX вв.

Между тем лучшие умы страны по поводу этих проблем давно пришли к совершенно определенному заключению. Они не считали нормальным положение, при котором «в государстве были две породы граждан: одна — пользующаяся полной свободой, обладающая правом недвижимой и движимой собственности и правом устраивать свое хозяйство по своему усмотрению, а другая — считающаяся неспособной владеть частной собственностью, прикрепленная к земле или к известному строю жизни, лишенная полной свободы передвижения и находящаяся под правительственной опекой»[28].

Невзирая на дружное сопротивление охранителей и «народолюбцев», была выработана программа преобразований, основанная на отвергаемых более четверти века Властью и обществом идеях Великих реформ, в частности, на том, что «законы экономической жизни... столько же незыблемы и непреложны, как и законы природы»[29], и поэтому едины для всех, что Россия должна идти тем же путем, что другие цивилизованные народы, что не отменяло, естественно, не «особости» русской истории, ни самобытности русской культуры и русских людей.

Выше уже говорилось, что по многоступенчатому европоцентристскому высокомерию о том, что происходит в это самое время в Японии, апологеты особого пути и знать не хотели! Зато они решили за крестьян, что им чуждо чувство частной собственности и что община — адекватное воплощение крестьянских представлений о совершенстве мироздания и т. п., как будто у крестьян, как и у них, романтические мечты могли преобладать над здравым смыслом.

Невозможно без чувства изумления (в сочетании с другими весьма понятными чувствами) читать комментарии «народолюбивых» земских статистиков и народнических теоретиков типа В. В. и Кочаровского, осуждающих «эгоизм», отсутствие альтруизма у крестьян, не желающих, видите ли, делиться и меняться своей унавоженной землей с «голяками». Когда крестьянин, «хорошо обработавший свою полосу и удобривший ее получает при переделе тощую, бывшую в пользовании слабого, по несчастью или лености, однообщественника», пишет Дюшен, то «литературные защитники общины восхищаются этими фактами, видя в них проявление „альтруизма“ общины, т. е. альтруизм определяется ими как принудительная нравственность!»[30].

А. А. Риттих не без иронии замечает: «Интересно кстати отметить, каково отношение земского обследования к этим крайне распространенным и притом бьющим в глаза по своему очевидному вреду для сельскохозяйственной культуры уравнительным порядкам». «При опросе крестьян об условиях, препятствующих удобрению, нередко получается ответ, что одним из таковых являются переделы и переверстки земли, связанные с общинным землевладением». Но, по мнению статистиков, это «указание следует принимать с большою осторожностью». Действительная причина не та, на которую указывают крестьяне, а просто «потребность в удобрении не сделалась настоятельной, и крестьяне еще не убедились в пользе этой хозяйственной операции». Однако, продолжает Риттих «наряду с этим зарегистрован многочисленный ряд фактов, указывающих, что крестьяне, вследствие начавшихся переделов или в виду поднявшихся толков о переделе, прекращали удобрение, которое до этого производили. Здесь, по-видимому, крестьяне имели уже возможность убедиться в пользе указанной хозяйственной операции. Засим отмечается, что общины, сознающие уже эту пользу, производят жере-

бьевки реже или вовсе их отменяют, начинают удлинять срок переделов, прекращают верстание удобряемых нив.

Но эти явления свидетельствуют, что идея уравнения приносится в жертву хозяйственной пользе и что с дальнейшим повышением культуры уравнительное начало, подобно постоянно уменьшающейся математической величине, имеет движение к нулю. **По-видимому, идеалы социалистические не вяжутся с поступательным движением сельскохозяйственной культуры**.

За всем тем земские исследователи относятся весьма отрицательно к тем крестьянам, которые, защищаясь от отобрания у них «сподобленных» полос, противятся переделу. Наряду с определением их самими же крестьянами как „стоющие“, „сильные“ хозяева, „земляки“, они квалифицируются грубо-эгоистическими членами общества, чуждыми этических, альтруистических и социальных мотивов, представителями поддонков полукультурных слоев или просто именуются кулаками, мироедами, коштанами, глотками, в лучшем случае — „зажиточными и притом жадными“ крестьянами, богатеями и т. д.»[31]. Подобных примеров — множество.

Ах, как легко быть нравственным за чужой счет!

Между тем крестьяне смотрели на жизнь по-своему и пытались строить ее вовсе не на социалистических основаниях. Кофод в 1901 г. открыл не более и не менее как факт самостоятельных разверстаний (!) крестьянами общинных земель на хутора. За 20 лет разверсталось уже несколько сот деревень. Тысячи крестьянских дворов самостоятельно перешли к новой жизни, причем правительственные органы даже не обратили на это внимания. А зря. Кофод отыскал в Волынской, Гродненской, Ковенской, Витебской, Могилевской и Смоленской губерниях 10 районов расселения, захвативших 64 волости и 942 селения, образовавших 20205 хуторов на площади в 204 тыс. дес. земли в. Они возникали независимо друг от друга, начиная с 1870-х гг. В этих губерниях крестьяне могли опираться на сколько-нибудь определенную юридическую базу — они были подворниками. Проведенное Кофодом исследование «Крестьянские хутора а надельной земле» (СПб., 1905) произвело большое впечатление на подготовленных читателей, однако те, кто принимал решения в России, не относились к их числу.

Власти нужно было **испугаться всерьез**, для чего понадобились японская война и спровоцированная ею революция, поставившие Россию на грань катастрофы, чтобы, наконец, уйти от нелепых представлений о своей стране и своем народе и начать осознавать, **что** она делала после 1861 г., какую на самом деле политику она проводила, чтобы, наконец, прислушаться к голосу здравого смысла.

И тогда пришло время П.А.Столыпина.

Масштабы кризиса 1905–1906 гг. требовали адекватного ответа, которым могла быть только программа комплексных системных реформ, предполагавшая значительное, иногда радикальное изменение вектора развития страны. Она была изложена П. А. Столыпиным в его знаменитой речи при открытии II Государственной думы 6 марта 1907 г.

Это была широчайшая программа системных либеральных реформ, которые касались практически всех сторон жизни страны. По объему и значимости они едва ли не превосходили Великие реформы и совершенно точно являлись их логическим и исто-

рическим завершением. Они должны были в конечном счете разорвать вековую патерналистскую традицию российской истории и российской жизни.

Программа преобразований включала законопроекты, обеспечивающие терпимость и свободу совести, в то же время постепенно устраняющие все правоограничения, связанные с вероисповеданием (в том числе и для евреев).

Следующие законопроекты были связаны с неприкосновенностью личности, с новой судебной реформой, с реформой в области самоуправления (в числе прочего, и с созданием волостного бессословного земства), с соответствующим расширением компетенции земств вообще, с сокращением сферы административного надзора и т. д. В Польше и Финляндии должно было быть введено самоуправление. Административная реформа предусматривала объединение всей гражданской администрации и, прежде всего, создание административных судов, которое считалось одним из наиболее важных предстоящих мероприятий.

В сфере трудового законодательства планировалось введение различных видов страхования рабочих и узаконивание экономических забастовок. Наконец, Столыпин предлагал целый ряд мероприятий для развития народного просвещения. Планировались меры по дальнейшему подъему экономики, большую часть которых мы бы назвали приватизацией, и др. Здесь же он говорил о программе аграрных преобразований, уже начавшихся к тому времени.

В целом, даже столь бегло перечисленные, эти меры составляют одну из наиболее четких и эффективных программ системных реформ за века русской истории, реформ продуманных, реальных, т. е. тех, которые могли бы быть реализованы при жизни одного поколения. Пресловутые «20 лет покоя» из интервью газете «Волга» — фигура речи, превращенная в символ, но этот срок представляется вполне реальным.

Столыпин определял связь между всеми этими законопроектами следующим образом: «В основу их положена одна общая руководящая мысль, которую правительство будет проводить во всей последующей деятельности. Мысль эта — создать те материальные нормы, в которых должны воплотиться новые правоотношения, вытекающие из всех реформ последнего времени. **Преобразованное по воле монарха Отечество наше должно превратиться в государство правовое**»[32].

Таковы были задачи, решение которых должно было превратить страну в «Великую Россию» — и не в расхожем пропагандистском смысле (С. Ю. Витте любил поиздеваться над тем, что «мы все кричим», как «нас много и сколько у нас земли»), а **по сути, по существу, естественной силой вещей**, как сказали бы во времена Н. М.Карамзина.

Программа эта была, конечно, западнической.

Центральным ее компонентом должна быть стать аграрная реформа.

Если бы она проводилась до 1905 г., как о том мечтали С. Ю. Витте, А. С. Ермолов, П.А. Столыпин, В. И. Гурко, П. П. Дюшен и их единомышленники, тогда она была бы прежде всего хозяйственной. Реформа должна была покончить с описанными выше «прелестями» общинного и особенно уравнительного землепользования. Она должна была поднять благосостояние крестьян за счет изменения экономического строя их хозяйства, сделав их собственниками своей земли и предоставив им возможность тру-

диться на ней свободно, избавив их от гнета общины, от принудительного севооборота и переделов земли.

Ведь крестьяне-собственники были нужны стране не потому, что помещики и правительство нуждаются в союзниках-хуторянах для борьбы с беднотой, а потому, что, как показал опыт мировой истории, крестьяне-собственники лучше работают и богаче живут, отчего никакому государству от этого никогда не было хуже.

Однако 1905–1906 гг. внесли в жизнь страны очень серьезные коррективы. В конкретных условиях России осени 1906 г., разумеется, актуальнейшим вопросом было успокоение деревни. И поэтому цель Столыпинской аграрной реформы была двуединой — экономической и политической.

По масштабам и громадности последствий Столыпинская аграрная реформа далеко выходила за рамки сугубо сельскохозяйственной сферы, так или иначе затрагивая важнейшие стороны жизни как минимум 75% населения страны, воздействуя тем самым не только на экономическую составляющую модернизации, но также на психологическую, культурную, социально-юридическую и др.

Другими словами, реформа основывалась на том, что впервые в русской истории 100 миллионов крестьян, признанных за «персон», т. е. уравненных в правах с остальным населением, в том числе и в отношении права собственности на землю, должны были, наконец, **сами** решать, **как** им жить, не считаясь с тем, что думают на этот счет незнакомые им люди в Петербурге, Москве и других населенных пунктах. Это означало, в числе прочего, что крестьяне, в зависимости от своего желания, могли стать собственниками своих наделов.

И уже поэтому ясно, что реформы Столыпина были ***не***приемлемы для очень широкого круга тех современников, конечной целью которых было управление народом, какой бы демагогией это ни камуфлировалось, для всех защитников общины (их круг мы теперь представляем) и даже для таких ее противников (на словах), как марксисты, ибо успех преобразований лишал их деятельность, а иногда и жизнь, смысла.

Успех реформы был оглушительным, безусловным и притом быстрым. Помимо понятной растерянности он породил столь же понятную злобу бессилия. Отсюда стремление (иногда совершенно рефлекторного уровня!) затушевать достижения П. А. Столыпина бесконечными разговорами о насилии, о «выбитых на хутора» крестьянах, о подкупе их властью и т. п.

Отсюда тот шквал оголтелой критики (это самое мягкое из корректных определений) с вполне предсказуемой степенью объективности, который обрушился на реформу и самого П. А.Столыпина.

Кофод по этому поводу заметил: «То, что партийные политики ставят партийные соображения выше всеобщего блага, не представляется, конечно, явлением специфически русским, наоборот. Но вряд ли где-нибудь еще такая партийная политика ведется с такими крайностями, как она велась в России, где оппозиция принципиально была против каждого пункта правительственной программы, каким бы полезным этот пункт ни был»[33].

Возможно, самым целомудренным (в силу безусловной искренности) критиком Столыпина был Л. Н. Толстой, написавший ему 26 июля 1907 г. буквально следующее:

«Причины тех революционных ужасов, которые происходят в России, имеют очень глубокие основы, но одна, ближайшая из них, это недовольство народа неправильным распределением земли....

Несправедливость состоит в том, что как не может существовать права одного человека владеть другим (рабство), так не может существовать права одного, какого бы то ни было человека, богатого или бедного, царя или крестьянина, владеть землею как собственностью.

Земля есть достояние всех, и все люди имеют одинаковое право пользоваться ею. Признается это или нет теперь, будет ли, или не будет это установлено в близком будущем, всякий человек знает, чувствует, что земля не должна, не может быть собственностью отдельных людей, точно так же, как когда было рабство, несмотря на всю древность этого установления, на законы, ограждавшие рабство, все знали, что этого не должно быть. То же теперь с земельной собственностью.

Но для того, чтобы это могло быть сделано, необходимо действительно уничтожить ее, а не распространять, перемещать это право с одних лиц на других, не только признавая это право за известным сословием, за крестьянами, но поощряя их в пользовании этим правом, как это делается по отношению крестьян. Для того, кто понимает этот вопрос в его истинном значении, должно быть ясно, что право владения как собственностью хотя бы одним осьминником земли, будь владелец распрокрестьянин, так же незаконно и преступно, как владение богачом или царем миллионом десятин. И поэтому вопрос не в том, кто владеет землей и каким количеством, а в том, как уничтожить право собственности на землю и как сделать пользование ею одинаково доступным всем...

Пишу Вам, Петр Аркадьевич, под влиянием самого доброго, любовного чувства к стоящему на ложной дороге сыну моего друга...

Да, любезный Петр Аркадьевич, хотите Вы этого или нет, Вы стоите на страшном распутьи: одна дорога, по которой Вы, к сожалению, идете — дорога злых дел, дурной славы и, главное, греха; другая дорога — дорога благородного усилия, напряженного осмысленного труда, великого доброго дела для всего человечества, доброй славы и любви людей. Неужели возможно колебание? Дай Бог, чтобы Вы выбрали последнее»[34].

Ответ Столыпина емко раскрывает его позицию:

«Лев Николаевич... Вы считаете злом то, что я считаю для России благом. Мне кажется, что отсутствие „собственности“ на землю у крестьян создает все наше неустройство.

Природа вложила в человека некоторые врожденные инстинкты, как то: чувство голода, половое чувство и т. п. и одно из самых сильных чувств этого порядка — чувство собственности. Нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обхаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своею землею.

Искусственное в этом отношении оскопление нашего крестьянина, уничтожение в нем врожденного чувства собственности ведет ко многому дурному и, главное, к бедности.

А бедность, по мне, худшее из рабств. И теперь то же крепостное право, — за деньги Вы можете так же давить людей, как и до освобождения крестьян.

Смешно говорить этим людям о свободе, или о свободах. Сначала доведите уровень их благосостояния до той, по крайней мере, наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным.

А это достижимо только при свободном приложении труда к земле, т. е. при наличии права собственности на землю.

...Я не вижу цели у нас в России сгонять с земли более развитый элемент землевладельцев и, наоборот, вижу несомненную необходимость облегчить крестьянину законную возможность приобрести нужный ему участок земли в полную собственность. **Теперь единственная карьера для умного мужика быть мироедом, т. е. паразитом.**

Надо дать ему возможность свободно развиваться и не пить чужой крови.

Впрочем, не мне Вас убеждать...

Вы мне всегда казались великим человеком, я про себя скромного мнения. Меня вынесла наверх волна событий — вероятно на один миг! Я хочу все же этот миг использовать по мере моих сил, пониманий и чувств на благо людей и моей родины, которую люблю, как любили ее в старину, как же я буду делать не то, что думаю и сознаю добром? А вы мне пишете, что я иду по дороге злых дел, дурной славы и, главное, греха. Поверьте, что, ощущая часто возможность близкой смерти, нельзя не задумываться над этими вопросами, и путь мой мне кажется прямым путем»[35].

Этот воистину потрясающий диалог показывает глубину пропасти, отделявшей реформу и реформаторов от их оппонентов, а этих последних — от реальной жизни. Вот так, поистине в «бессмысленных мечтаниях» об окружающем мире Россия и прожила полвека после смерти Николая Павловича.

Рожденная, условно говоря, в политическом «роддоме», Столыпинская аграрная реформа была обречена жить и восприниматься прежде всего через призму политики, точнее политиканства, т. е. искаженно, упрощенно, и притом в атмосфере большого зла и незаслуженной ненависти, запаса которых с избытком хватило на сто лет.

В традиционной неонароднической оценке аграрных преобразований, понятно, превалировали эмоции. Уже в силу этого класс аргументации в защиту общины и уровень критики реформы был невысок.

Общую тональность этой литературы хорошо передает Б. В. Юрьевский. Он говорит, что проблемам землеустройства, прежде всего «описанию условий, при которых налаживаются крестьянские хозяйства на хуторах и отрубах», в литературе уделяется мало внимания — «слишком мало по сравнению с громадным историческим значением проводимой ныне земельной реформы»[36]. Лишь в работах Бельского, Карабанова, Вельского, Першина и князя Оболенского содержатся описания единоличных хозяйств различных районов, сделанные на основании личных впечатлений авторов.

«Правда», — пишет Юрьевский, — «на газетных столбцах делу землеустройства посвящено усиленное внимание, но здесь мы сталкиваемся уже с литературою иного сорта. Вместо правдивых описаний того, что сделано, вместо крайне ценных для практической политики будущего обследований современного состояния созданных и создающихся единоличных хозяйств, **все внимание газетных корреспондентов обращено на перечисление случаев столкновений, возникающих между отдельными крестьянами при различных землеустроительных работах**.

Ничего удивительного в самой возможности таких беспорядков, очевидно, нет. Ежегодно в пределах 47-ми губерний Европейской России землеустроительные работы

производятся свыше, чем в десяти тысячах селений, а в 1912 г., например, они производились в 20513 отдельных пунктах.

Чем же является по существу разверстание целого селения на хутора, как не известного рода разделом общего имущества между несколькими десятками, а иногда и тысячами совладельцев-однообщественников? Если в интеллигентной среде, связанной родственными узами и притом состоящей всего из нескольких лиц, раздел имущества в большинстве случаев без недоразумений и суда не обходится, то нет ничего удивительного в том, что подобные же недоразумения и столкновения возникают в деревнях при разверстаниях. И если перейти на эту почву сопоставлений, то скорее приходится удивляться незначительному числу столкновений на почве землеустройства по сравнению с массой ежегодно производящихся работ.

Между тем, при чтении корреспонденций с описанием случаев побоищ, возникших при хуторских разверстаниях, или недоразумений между землемерами и населением у читателя постепенно складывается впечатление, что землеустройство есть вредная бюрократическая затея, проводимая насильственно, вопреки желаниям и настроениям народных масс. Какой же смысл при таких условиях заниматься более детальным исследованием результатов, достигнутых произведенными работами?

Однако, если где критика не только уместна и желательна, но прямо необходима, то это именно при тщательном обследовании современных крестьянских хозяйств для выяснения тех мер, которые должны быть направлены к скорейшему их возрождению.

Работы по разверстаниям наших деревень не являются ведь каким-то делом под стеклянным колпаком, которое творится в секрете от общества и страны. Землеустроительные работы совершаются у всех на виду, и кто же мешает при таких условиях частным лицам заняться подробным выяснением того, что достигнуто землеустройством? Пора же, наконец, от кабинетных споров о превосходстве якобы общинного чересполосного землевладения над единоличным — хуторским, от сомнений о возможности повсеместного практического осуществления землеустроительной реформы, от рассуждений, насколько овчинка стоила выделки — перейти к изучению уже образованного за эти шесть лет миллиона хуторских и отрубных хозяйств.

Быть может, с увеличением числа описаний жизни хуторян в различных районах постепенно рассеется та нездоровая атмосфера политической борьбы и страстей, в которой сразу же очутилось **землеустройство — эта чисто хозяйственная реформа**»[37].

Ненормальная общественная атмосфера того времени обусловила сравнительную немногочисленность защитников Столыпинской аграрной реформы. Для одобрения преобразований требовалось определенное гражданское мужество (!). Это было не просто не модно. Как говорилось выше, человек рисковал репутацией, рисковал аудиторией. Ученые-аграрники, представители народнохозяйственного, производственного направления, прежде всего Б. Д. Бруцкус, П. Н. Першин, крупнейший теоретик землеустройства К. А. Кофод, некоторые публицисты, пытались — и весьма убедительно — отстаивать реформу и настаивать на ее положительном содержании, не закрывая глаза на имевшиеся недочеты при ее проведении[38]. Однако они были в явном меньшинстве, и их не очень-то слушали.

Когда весной 1917 г. Б. Д. Бруцкус пытался объяснять, что не нужно отбрасывать реформу только потому, что ее проводила старая власть[39], то воистину это был глас вопиющего в пустыне.

Советская историография продолжила и развила традиционный неонароднический подход в его ленинском варианте (реформа проводилась сугубо насильственно, должна была укрепить самодержавие и сохранила помещичье землевладение, но способствовала некоторому развитию капитализма). Иного, понятно, и быть не могло, хотя иногда в анализе неявно замечались скорее эсеровские взгляды — в тех случаях, когда принижался или отрицался факт развития капитализма в сельском хозяйстве России. Скороговоркой или нехотя отмечая некоторые положительные стороны реформы (а иногда и не отмечая их вовсе), такие историки, как, например, А. Я. Аврех, А. М. Анфимов, И. Д. Ковальченко, нисколько не сомневались в конечном провале реформы[40]. При этом они, как известно, были научными оппонентами и часто имели весьма несхожие взгляды на многие важные проблемы русской истории, — разумеется, в пределах той степени свободы, которую имела советская историография 1960–1980-х гг., и с учетом свойственных тогдашней гуманитарной науке нравов. Однако дружное категорическое неприятие П. А. Столыпина и его преобразований было тем общим знаменателем, который указывал на видовое сходство.

Вообще советских историков, писавших о Столыпинской аграрной реформе, можно разделить на профессиональных обличителей и на критиков искренних, но «заблуждающихся по неведению». Особую группу составляли специалисты, понимавшие ее истинное значение, но не имевших возможности сказать об этом открыто, поскольку взвешенный анализ реформы в эти годы был невозможен. Однако их работы заставляли думать, что по тем временам было совсем немало.

Ситуация начала меняться в конце 1980-х гг. И теперь в историографии, как и до 1917 г., вновь гласно представлены оба указанных подхода. Появился и новый, апологетический. Для его представителей П. А. Столыпин, цитируя Ф. Ф. Вигеля, имеет «непогрешимость папы», являясь крупнейшим реформатором, проводившим буквально во всем именно ту политику, которая могла спасти Россию от революции. В их текстах превалируют эмоции и нередко ощущается нехватка элементарной квалификации. Это и понятно — в данной группе немало людей, не имеющих отношения к науке, или публицистов, оценивающих историю по принципу «против кого дружим?», что свойственно, как известно, и их идейным противникам.

Труды О. Г. Вронского, Н. А. Проскуряковой, Н. Л. Рогалиной, В. Г. Тюкавкина, Э. М. Щагина и других исследователей во многом не только реабилитировали — иначе не скажешь! — аграрные преобразования начала века, но и поставили их изучение на новый уровень[41]. Особо хотелось бы выделить цикл работ О. Г.Вронского, глубоких по содержанию и блестящих по форме.

Казалось бы, после выхода в 1997 г. большой статьи Анфимова «Неоконченные споры»[42], которая в определенном смысле подводит итог «негативистскому» направлению в оценке реформы, доминировавшему в советской историографии, можно было рассчитывать на то, что набившие оскомину идеологизированные монологи, выдаваемые за споры, наконец, окончатся и начнется спокойный, непредвзятый анализ реформы.

Однако время показало наивность таких расчетов. Несколько обновленная традиционная точка зрения, которую в многочисленных работах 1980–1990-х гг. высказывал Зырянов, отражается в вышедших недавно учебниках, в том числе и школьном. Мнения последнего и других историков, считающих, что реформа «провалилась» с удовольствием репродуцируются рядом западных ученых[43]. Стандартный набор претензий к Столыпинской аграрной реформе регулярно пополняется новыми[44].

Видимо, пора проанализировать некоторые стандартные представления о Столыпинских аграрных преобразованиях. Упомянутые тексты определенным образом типичны для целого направления в историографии. Изучение реформы, как будет показано ниже, в химически чистом виде демонстрирует многие из застарелых пороков нашей исторической науки.

Эта задача значительно упростилась после выхода в свет монографии В. Г. Тюкавкина «Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа» (М., 2001). В «Историографических замечаниях» (с. 126 и далее) автор делает то, что давно назрело — подробно анализирует ленинскую концепцию реформы и ее влияние на советскую историографию. В. Г. показывает двойственность взглядов Ленина на аграрные преобразования Столыпина — с одной стороны, он прекрасно понимал ее смысл и видел ее потенциал, с другой же, интересы «борьбы пролетариата» вынуждали его идти на прямую фальсификацию происходящего[45].

Тюкавкин убедительно демонстрирует несостоятельность некоторых устойчивых **стереотипов**, сформировавшихся в литературе, в рамках которых излагалась история преобразований — во-первых, реформа была вызвана революцией, во-вторых, целью Столыпина и правительства было разрушение всех общин, в-третьих, реформа проводилась насильственно, крестьян принуждали подавать заявления о выходе из общины и о землеустройстве, общины подвергались перманентному полицейскому нажиму.[46] Ниже в данном тексте приводятся материалы, подтверждающие выводы В.Г. Тюкавкина и подкрепляющие новыми аргументами его точку зрения

Крайне важно, что В. Г. доказал, что расхожая версия о провале преобразований П. А. Столыпина, выдвинутая В. И. Лениным, основывалась на обычной манипуляции с цифрами, банально, но действенно, рассчитанной на незнание читателей с реалиями описываемого явления, в данном случае — Столыпинской аграрной реформы. Типичный прием для оппозиционной российской публицистики пореформенной поры, успешно переживший 1917 г.

Тюкавкин пишет: «Рассмотрение выходов из общины в комплексе с итогами землеустройства показывает, что не было „краха“ реформы. Было замедление выходов из общины после 1910 г., которое Ленин и назвал „крахом“, но с 1911 г. резко возросло землеустройство, так как по закону от 29 мая 1911 г. о землеустройстве крестьянину не нужно было предварительно проходить процедуру получения разрешения на выход из общины, не нужно было „укреплять“ землю — документы о землеустройстве его двора давали ему право на личное частное владение его участком. Лишь война помешала провести землеустройство всех 6174,5 тыс.дворов, подавших заявления, что составляло более половины всех дворов крестьян Европейской России, или 67% общинных хозяйств»[47].

К сказанному, полагаю, необходимо добавить следующие соображения.

На мой взгляд, большинство критиков аграрной реформы, помимо прочего, объединяет довольно забавный способ работы с источниками, который можно назвать внестатистическим.

Казалось бы, обращение к историко-экономической тематике, постулирование глобальных (и очень категоричных!) выводов, касающихся жизни десятков миллионов людей, в определенном смысле — судьбы громадной страны, невозможно без сколько-нибудь серьезного статистического основания. Тем более, что речь идет отнюдь не о времени Андрея Боголюбского — источники по истории Столыпинской аграрной реформы вполне добротны и доступны. Однако иные авторы почему-то считают, что приводимые ими две-три цифры будто бы неоспоримо говорят о провале реформы. При этом некоторые важнейшие характеристики ее в лучшем случае остаются в тени, а в худшем о них не упоминают вовсе. К тому же репертуар используемых статистических данных предельно лаконичен и, если выражаться деликатно, консервативен, т. е. мало меняется от публикации к публикации.

По сути дела, колоссальное (в некотором смысле — бесконечное) многообразие реальных жизненных ситуаций, имевших место в жизни российской деревни начала XX в., пытаются описать *буквально* несколькими якобы универсальными вариантами, конкретный набор которых зависит от воззрений данного автора и степени его осведомленности. А это неправильно. Ведь число отдельных примеров, которые могут проиллюстрировать ту или иную мысль, может быть сколь угодно велико, учитывая, что реформа затронула жизнь многих миллионов людей на территории в миллионы же квадратных километров. Десятки лет приверженцы традиционной точки зрения оперируют, по существу, одними и теми же аргументами и примерами, их мысль вращается в одном и том же замкнутом кругу, потому что выйти из него — значит взглянуть на историю эпохи иначе. Думается, что в этом одна из основных причин того, что их масштабные заключения о катастрофическом исходе преобразований как бы повисают в воздухе.

Такого же рода выводы нередко появляются и как плоды явных недоразумений. Характерный пример. А. М. Анфимов в упоминавшейся уже статье, в частности, пишет: «Борьбой крестьянства против единоличных выделов наряду с уклонением от них землеустроительных отрядов обусловлен тот **огромной важности факт**, что, **по частным наблюдениям**, кривая выделов, ранее поднимавшаяся, с 1910 г. резко пошла вниз. Несмотря на то, что Столыпин ежегодно собирал своих землеустроительных генералов „для накачки“ и не уставал повторять им... что в этом деле „неуспеха быть не должно“, и генералы не возражали, главное дело Столыпина — „ставка на сильных” — рушилось.

Но статистика похожая, по французскому сравнению, на купальный костюм, для того и существует, чтобы не показывать главного. И многоопытные чины ведомства землеустройства и земледелия утопляли погодовые данные единоличных выделов в одной графе с выделами при разверстаниях целых селений; получилась кривая, показывающая почти непрерывный рост числа выделившихся дворов... Итак, **динамики выделов на хутора и отруба мы не знаем.** В нашем распоряжении имеются лишь общие итоги землеустройства на 1 января 1915 г.»[48]

Убежден, что неправильно при анализе «огромной важности фактов» заменять полноценную официальную статистику землеустройства по 47-ми губерниям «част-

ными наблюдениями». Отдавая должное тонкому, хотя и не бесспорному, сравнению статистики с купальником, замечу все же, что **мы знаем динамику выделов** на хутора и отруба, а также и всех других видов единоличного и группового землеустройства в соответствии с утвержденной правительством номенклатурой. Как общероссийские итоги, так и погубернские данные эти ежегодно публиковались и совсем не являются секретными. И они дают совершенно противоположную динамику единоличных выделов, чем та, которую хочется видеть А. М. Анфимову. В этом легко убедиться, обратившись хотя бы к таблицам 8.5 и 8.7. Как можно видеть, за 1907–1911 гг. в целом по России хотело выделиться 384888 домохозяев, т. е. 96222 домохозяина в среднем за год (считая 1907–1911 гг. за 4 года), в 1912–1913 гг. — 321904 домохозяина, или 160952 в среднем за год, т. е. в 1,67 раза больше. В 1914–1915 гг. ходатайств было подано, естественно, меньше, но все же за 1912–1915 гг. их суммарное число составило 480998, т. е. 120250 в среднем за год, ровно на 25% больше, чем в 1907–1911 гг. Соответствующим образом росло и число утвержденных проектов единоличных выделов. Так, за 1907–1911 гг. были утверждены землеустроительные проекты единоличных выделов для 123486 дворов, а в 1912–1915 гг. — для 236031 дворов. Соответственно, среднегодовое число окончательно утвержденных и принятых населением землеустроительных проектов единоличных выделов увеличилось с 30872 до 59008, т.е. в 1,91 раза. При этом, естественно, погубернская картина дает немалый простор для интерпретации.

Как можно видеть, анализ реформы в отечественной историографии нередко уж слишком далек от действительности. Для того, чтобы разобраться, как протекали аграрные преобразования на самом деле, необходимо рассмотреть некоторые из основных статистических характеристик Столыпинской аграрной реформы, что значительно упростит последующий анализ аргументации ее критиков.

Анализируются данные за 1907–1915 гг. Основным источником при написании данного текста были издававшиеся ГУЗиЗ «Отчетные сведения о деятельности Землеустроительных комиссий на 1 января 1913 (1914, 1915, 1916) года»[49].

Однако прежде мы должны уяснить, **что именно** нужно было реформировать.

В контексте задуманных преобразований аграрная реформа призвана была пробудить творческие, производительные силы крестьянства, его энергию, поднять его благосостояние и изменить отношение к труду. И здесь огромное значение имела ликвидация недостатков общинного землепользования. Российской деревне нужно было уйти от описанных выше реалий уравнительно-передельной общины, крестьянину необходимо было дать возможность почувствовать себя хозяином себе самому, хозяином своего труда. А для этого, естественно, он должен был иметь возможность стать собственником обрабатываемой им земли.

Напомню, что в 1861 г. Власть заявила, что после выкупа своих наделов крестьяне становятся их собственниками и могут располагать ими свободно, в том числе и свести все полосы к одному месту в компактный участок, т. е. отруб, перенесение усадьбы на который превращал его в хутор. Отмена выкупных платежей с 1 января 1907 г. дала законные основания начать аграрную реформу, в центре которой стоял вопрос о крестьянской собственности на землю. Власть тем самым как бы вернулась в правовое

пространство Великой реформы, почему преобразования Столыпина так часто и назывались ее вторым этапом, завершением ее.

Указ 9 ноября разрешил укрепление надельной земли в собственность. Каждый крестьянин мог теперь выделить свою надельную землю, т. е. все те расположенные чересполосно участки земли, которыми он пользовался, из общины, сохраняя при этом право использовать общие общинные угодья. Этой выделенной землей крестьянин мог распоряжаться свободно.

Однако **только** укрепление этих чересполосных участков, число которых нередко превышало сотню, понятно, не могло быть стратегической задачей реформы, хотя и позволяло части крестьян решить свои проблемы (например, продать надел и покинуть общество).

Для большинства же крестьян юридического освобождения от власти общины было явно недостаточно. Необходимо было дать им возможность вести на своей надельной земле хозяйство так, как им захочется самим, их надо было освободить от принудительного севооборота. А для этого было необходимо ликвидировать так называемую внутринадельную (внутреннюю) чересполосицу и консолидировать их разбросанные чересполосно земельные наделы, т. е. свести воедино, в один участок все части этих наделов («полоски»), число которых, как мы знаем, обычно исчислялось как минимум десятками.

Этот комплекс действий и назывался землеустройством. «Каждый выделяющийся из общины мог требовать и притом во всякое время, а не только при общем переделе, чтобы его земля была выделена к одному месту. Если только этот выдел не являлся для общины неудобным или невозможным, (а этот вопрос разрешался не самой общиной, а администрацией), просьба выделяющегося должна была быть удовлетворена»[50], потому что наиболее целесообразной формой ведения крестьянского сельского хозяйства при прочих равных условиях являлся хутор, либо отруб, если усадьба не переносилась на компактный участок.

Таким образом, Указ 9 ноября 1906 г. воскресил основательно забытую идею Манифеста 19 февраля 1861 г. — землеустройство. Оно и стало основой аграрных преобразований, которая дополнялась кардинальным расширением операций Крестьянского банка, программой переселения в Азиатскую Россию и другими мерами.

Землеустройство, как известно, начиналось с подачи крестьянами ходатайств об изменении условий землепользования, затем составлялся землеустроительный проект, далее в соответствии с ним производились землемерные работы, и, наконец, приводились в исполнение принятые населением проекты.

Число ходатайств отражало, главным образом, волеизъявление крестьян, но не абсолютно, а, скорее, с большей или меньшей степенью приближения. С самого начала реформы Землеустроительной комиссии регулировали прием ходатайств, — известно, что в 1907 г. в Самарской губернии было подано такое множество ходатайств, причем в одном Новоузенском уезде, что их прием был временно прекращен, что, конечно, отразилось на общей их динамике.

Количественные характеристики остальных стадий зависели от оперативности работы Землеустроительных комиссий, в основном от наличия необходимого числа землемеров. Историография преимущественно оперирует данными, относящимися именно к этим этапам землеустройства. Это понятно с одной стороны (число завер-

шенных землеустроительных проектов, естественно, меньше числа ходатайств, почему можно говорить о слабой якобы популярности реформы) и было бы понятно со всех сторон, если бы читатели могли представить огромный объем работ, выполненных в 1907–1915 гг., и сопоставить с тем, который не был выполнен, а заодно и уяснить почему так произошло.

«К концу... 1912 года законченные землеустроительные работы... охватят площадь в 20 000000 десятин или 191000 кв.верст, что составит... 0,32 площади Австро-Венгрии, 0,39 — Германии, 0,40 — Франции, 0,43 Испании, 0,48 — Швеции, 0,67 — Норвегии, 0,69 — Англии и 0,76 — Италии. Территории же прочих европейских государств, каждая в отдельности, уже меньше площади нашего землеустройства» — не без гордости говорилось в одном из официальных обзоров.[51]

На 1 января 1916 г. были «закончены подготовкой» 87855 землеустроительных дел по 105104 земельным единицам для 3831269 домохозяев на площади в 34294369 десятин. Таким образом, общая площадь, охваченная землеустройством, составила 374,7 тыс. кв. км. и превысила территорию современных Германии и Черногории вместе взятых (или же, например, суммарную площадь Италии и Ирландии).

Цифры эти не полные, ибо Землеустроительные комиссии работали и в 1916. Заметим также, что они характеризуют лишь надельное землеустройство и не касаются земель Крестьянского банка и землеустройства, проведенного в те же годы в Сибири.

Однако обеспечить необходимым числом исполнителей аграрную реформу Столыпина оказалось крайне сложно. Реформаторы, как теперь стало понятно, не рассчитывали на столь впечатляющий результат опубликования Указа 9 ноября 1906 г. Во всяком случае, правительством были предприняты серьезные усилия и, несмотря на бюджетные сложности в стране в эти годы, число землемеров только при Землеустроительных комиссиях увеличилось с 600 до 6500, т. е. почти в 11 раз всего за 7 лет[52]. Поэтому, не оспаривая важности сведений о числе законченных и утвержденных проектов землеустройства, замечу, что анализировать итоги реформ **только** по числу выделившихся из общины хуторян и отрубников не вполне корректно, хотя бы из-за отмеченного уже факта дефицита землеустроителей, реально тормозившего проведение реформы.

Число проведенных разверстаний говорит преимущественно о том, как была организована и как проходила работа Землеустроительных комиссий, и насколько она устраивала население.

А ходатайства отражают (лишь с некоторой неточностью) *намерения* российского крестьянства, а стало быть в числе прочего позволяют определить, насколько реформа была приемлема или, что то же самое, неприемлема («чужда») для крестьян разных регионов страны. Судить об успехах реформы только по количеству окончательно утвержденных проектов примерно то же, что делать заключения, скажем о стремлении людей в России в начале XXI в. к высшему образованию только по числу тех, кто имеет студенческий билет, не принимая во внимание возможности системы образования. Продолжая сравнение, поясню, что, условно говоря, я хочу выяснить, сколько людей хотело стать дипломированными специалистами, но не смогло из-за ограниченности интеллектуальных, волевых и иных ресурсов, или нехватки институтов. Число закончивших ВУЗы в данном случае — лишь показатель качества работы системы образования.

В последние годы все менее убедительным представляется долго доминировавший подход к реформе, который японский историк К. Мацузато точно определил как телеологический», т. е. оценка ее «как процесса осуществления или банкротства намерений Столыпина»[53]. Одновременно все яснее становится, что вне зависимости от конкретных политических и иных намерений реформаторов (декларированных или нет — сейчас неважно) реформа была громадного масштаба и значимости явлением, начавшим качественно новый этап в развитии дореволюционной России, и хотя бы поэтому необходимо имела целый ряд взаимосвязанных направлений, аспектов, функций. Ее содержание нельзя свести лишь к числу крестьян, укрепивших землю в собственность, а также выделившихся хуторян и отрубников.

В этом смысле термин, предлагаемый Мацузато в отношении реформы — «русская агротехнологическая революция» представляется весьма удачным, поскольку расширяет поле восприятия преобразований.[54] И землеустройство, и агропомощь, без которой оно во многом теряло потенциал, и усиленное внедрение сельхозмашин и орудий в отечественное сельское хозяйство, и перемены в психологии большой части крестьян, сопровождавшие эти процессы, — все это (и не только это) выводило сельское хозяйство страны на новый виток развития, сообщало ему сильнейший импульс для движения вперед.

Поэтому реформа должна рассматриваться комплексно. Для объективной оценки ее воздействия на жизнь страны не слишком важны разногласия между Столыпиным и Кривошеиным, не столь уж существенно соответствие планов Столыпина эпохи «тушения пожара» и их совершенно естественной коррекции в ходе реализации реформы.

Вообще говоря, нужно обладать своеобразным чувством юмора, чтобы полагать, будто реформатор начинает, имея в голове (или на бумаге) все возможные варианты развития своих идей на практике. Не говорю о том, что постоянное и малоприличное злорадство ряда историков по этому поводу уже просто надоело. Необязательно быть Ключевским или Пресняковым, чтобы понимать, что история всегда богаче любых схем, а серьезное произведение, как правило, «больше» своего автора.

Иное важно. После 9 ноября 1906 г. у десятков миллионов людей, живущих на территории, равной половине континента, с самыми разнообразными природными, культурными, историческими и иными условиями, появилась возможность **выбора**. Ведь с некоторым упрощением можно сказать, что для обычного человека существуют два типа реформ, которые серьезно влияют на его жизнь. Одни просто меняют старый тип жизни на новый вне зависимости от желания самого человека. От него не зависит, к примеру, сам по себе факт подписания манифеста об освобождении крестьян, или отречение Николая II, или переход к сплошной коллективизации — это принимается им как данность, как восход солнца и т. п. Хочет он того или нет — он начинает жить в меняющемся мире, он должен адаптироваться к нему (удачно или нет — сейчас неважно). Но это вторично по отношению к его волеизъявлению, — выбора у него нет. Он может только решать, как ему действовать в этом мире.

Другой вариант — Столыпинская реформа и подобные ей, когда выбор **предлагается** — обычный человек может продолжать жить так, как жил (иногда — с некоторыми оговорками), а может попробовать сделать свою жизнь иной. При этом оба варианта реформ меняют старую среду обитания, но по-разному с точки зрения самого человека,

с точки зрения участия его в этой новой жизни. Он может выйти из общины, а может остаться в ней, может поддаться на уговоры агронома и купить сеялку или жатку, а может проигнорировать их, может завести «херсонский пар», а может по-прежнему думать, что пар– непроизводительная трата земли и т. д.

В этом аспекте, в частности, я и считаю необходимым оценивать аграрную реформу Столыпина.

Следует отказаться от ряда застарелых стереотипов. Так, априори понятно: процесс землеустройства при всем том общем, что он имел в масштабах России, в отдельных губерниях и регионах проходил индивидуально. Совсем нехитрая эта мысль, которая не должна была бы специально оговариваться, ибо подразумевается сама собой, почему-то не видна в общих глобальных (и притом неконкретных) размышлениях некоторых историков о реформе. За каждым регионом был свой исторический путь со всеми вытекающими отсюда последствиями, в том числе и для аграрных преобразований. Поэтому, в частности, негласное «требование» к реформе со стороны ее критиков — описывается формулой $y=ax$, т. е. стремление оценивать успех или неуспех реформы в аспекте линейного роста числа землеустроенных дворов уж слишком упрощает исторический процесс. Реформа была реальным, «живым» процессом с естественными для таких процессов периодами подъема и спада, зависевшими от многих обстоятельств.

Как же развивалась реформа?

Обратимся к анализу землеустройства.

Исходя из существовавших условий крестьянского землепользования, Указ 9 ноября 1906 г. делил землеустройство на единоличное (личное) и групповое (коллективное).

Проводить единоличное землеустройство, т. е создавать хутора и отруба после ликвидации так называемой внутренней или внутринадельной чересполосицы, можно было только в селениях, имеющих четкие границы, т. е. в таких, все земельные угодья которых юридически были обособлены от соседних владений, неважно крестьянских или владельческих. Крестьяне в этих случаях попросту сами решали — оставаться им в общине либо разверстываться на хутора и отруба (всем селением, или выделяться группой желающих или в одиночку, наконец).

Однако десятки тысяч селений на громадной территории точных границ не имели.

Сельское общество было собранием или союзом крестьян-домохозяев, заключивших между собой, правительством и помещиком договор о выкупе надельной земли на праве общего владения.

В статье 40 Общего Положения сказано, что «сельское общество... составлено из крестьян, *водворенных на земле одного помещика* (курсив закона): оно может состоять либо из целого селения (села или деревни), либо из одной части разнопоместного селения, либо из нескольких мелких, по возможности смежных, и, во всяком случае, ближайших между собой поселков (как-то: выселков, починков, хуторов, застенков, односелий или отдельных дворов и т. п.), пользующихся всеми угодьями, или некоторыми из них, сообща, или же имеющих другие общие хозяйственные выгоды».

Очень часто несколько соседних деревень, принадлежавших одному помещику, или казенных (государственных), получали землю по одному выкупному акту. Обычная форма и содержание договорных актов по выкупу, выдававших крестьянам

была такой: «18.. года .. дня, мы нижеподписавшиеся, помещик такой-то и временно-обязанные крестьяне такой-то волости, такого-то сельского общества, *все домохозяева* села такого-то (перечисляются все крестьяне по имени и прозванию), на основании ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного 19 февраля 1861 года Положения о выкупе и *по добровольному между нами соглашению* заключили сей договор в том и т. д. ...» или: «*мы временно-обязанные крестьяне помещика такого-то, селений таких-то, желая выкупить вышеозначенные земли и угодья с содействием правительства и добровольно подчиняясь изложенным всем договора условиям* и т.д. ... Положение под сельским обществом подразумевало собрание или союз крестьян, водворенных на земле помещиков или казны, почему „сельское общество“ Положения не совпадало с сельским обществом как административной единицей: оно могло быть шире и уже. Были общества, которые состояли из нескольких (малых) деревень, причем, одна из них представляет два „сельских общества“ по смыслу Положения (деревня принадлежала двум разным помещикам), хотя деревня управляется одним старостой и имеет общих десятских и пр.»[55].

Поэтому четкие границы между селениями существовали далеко не всегда.

И в таких случаях, прежде чем приступить к единоличному землеустройству, необходимо было отграничить все земли данного общества от смежных с ним владений.

Решало эти проблемы групповое землеустройство.

Надо сказать, что адекватному восприятию аграрной реформы Столыпина сильнейшим образом препятствует лукавое якобы недоразумение, согласно которому групповое землеустройство явно и неявно игнорируется и уж во всяком случае считается чем-то второсортным в сравнении с землеустройством личным. Причин тому немало, в том числе и намеренно превращенная в фетиш идея «всеобщей хуторизации всей страны» как главной цели реформы, которая (идея) сама по себе оскорбляет интеллект П. А. Столыпина и других реформаторов.

Каждый непредвзятый читатель, знакомый с традиционной историографией, не может не согласиться с тем, что ее адепты повествуют о реформе и, в частности, о землеустройстве так, будто **все крестьяне всех губерний в равной степени обладают всеми возможностями** изменить если не свою жизнь в целом, то хотя бы землепользование, в силу чего ход землеустройства якобы зависит исключительно от их волеизъявления. То есть, если они захотят выйти на хутор, или свести свою землю в отруб, то препятствий словно бы и нет — дело за Землеустроительными комиссиями.

По этой, в частности, причине одним из самых распространенных и, на первый взгляд, весомых аргументов, якобы свидетельствующих о неудаче реформы, который постоянно приводят ее противники, является сравнительно слабое развитие единоличного землеустройства в великорусских губерниях, что будто бы неопровержимо свидетельствует о «беззаветной любви» крестьян этих губерний к общине.

Хотя и невозможно оспаривать приверженности немалой части крестьянства этих губерний к привычному порядку вещей (странно, если было бы иначе!), нельзя, однако, не заметить, что здесь имеет место обычная для традиционной историографии манипуляция, рассчитанная на тривиальное незнание современными читателями реалий крестьянского землепользования (а откуда их знать, например, студентам Истфака, кроме

тех, кому очень повезло с преподавателями, не говоря о множестве *не*историков, которые и не обязаны этого знать? В школьную программу эти сведения не входят.)

Дело в том, повторюсь, что миллионы крестьян **не могли сразу перейти к личному землеустройству**, даже когда они этого хотели, поскольку в плане землепользования Россия была весьма сложным географическо-юридическим феноменом.

Непосредственному переходу крестьян к личному землеустройству препятствовало наличие так называемой однопланности в великорусских, прежде всего, губерниях, вненадельной чересполосицы (с землями соседних владельцев), сервитутов и др., которые в начале XX в. были более чем значимыми реалиями крестьянского землепользования в России и которые устранялись, напомню, в ходе группового землеустройства.

Другими словами, если целью личного землеустройства было образование самостоятельных сельскохозяйственных единиц, т.е. хуторов и отрубов, то коллективное землеустройство занималось целыми группами владений без раздела их на единоличные хозяйства. В ходе его проводились работы, направленные на улучшение порядка в землепользовании крестьян и ликвидацию его юридической неопределенности вне зависимости от того, выходили они затем из общины или нет.

Землеустройство этого типа имело самостоятельную ценность для крестьянского хозяйства, вне зависимости от того, захотят ли крестьяне потом выйти на хутора, существенно облегчая жизнь сотням тысяч домохозяев. Но при этом одновременно оно юридически, а часто и технически готовило устраиваемые земли к единоличному хозяйствованию. «Такие действия, как выдел земель отдельным селениям из многоселенных, так называемых однопланных сельских обществ, образование выселка и раздел селения на части сплошь и рядом совершенно необходимы для успокоения враждующих между собой частей населения», — пишет Кофод и резюмирует — «Разница между двумя категориями землеустроительных работ весьма существенна, но это не препятствует тому, что производство их очень часто соединяется в одно землеустроительное действие. Чаще всего исполнение групповой работы сопряжено с образованием единоличных владений на всей или части охваченной землеустройством площади; однако и единоличные работы могут сопровождаться групповым устройством части населения или же оставлением части угодий в общем владении всех или части устраиваемых домохозяев, что тоже следует отнести к групповому землеустройству»[56].

ОБЩЕЕ ЧИСЛО ХОДАТАЙСТВ

Рассмотрим общие данные о ходе землеустройства в 1907–1915 гг.

Предварительные замечания. Столыпинская аграрная реформа как завершенное де-юре историческое явление охватывает 1907–1915 гг. Однако для характеристики ее нераскрытого в силу начавшейся Первой мировой войны потенциала в определенном смысле важнее данные за 1907–1913 гг. и особенно за 1912–1913 гг.

1,2 миллиона ходатайств, поданных за 1914–1915 гг., несколько укрупняют картину, созданную в 1907–1913 гг., увеличивая масштаб реформы, но очевидно, что тенден-

Таблица 8.1. Внутринадельное землеустройство. Общие сводные данные*

ГОДЫ	Поступило ходатайств		Закончено подготовкой			Представлено в Комиссии законченных в натуре и предъявленных населению землеустроительных проектов			Утверждено землеустроительных проектов		
	Число земел. единиц	Число домохозяев	Число земел. единиц	Число домохозяев	Площадь в дес.	Число земел. единиц	Число домохозяев	Площадь в дес.	Число земел. единиц	Число домохозяев	Площадь в дес.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1907	4486	219332	1116	47648	578989	798	26556	262943	685	12611	132448
1908	8697	380691	3231	118903	1094628	2468	86381	789502	1934	60014	571440
1909	23738	704964	9043	326857	2974604	6431	252294	2356615	5503	205082	1858444
1910	26792	650347	12054	415692	3896934	9202	345316	3150825	7528	262439	2300845
1911	27057	678143	10912	403795	3702566	10230	361150	3270989	9319	319084	2952433
Итого за 1907-1911	90770	2633477	36356	1312895	12247721	29129	1071697	9830874	24969	859230	7815610
1912	47228	1226225	20913	741473	6625580	12325	431735	3705562	8219	248164	2132128
1913	39809	1105742	22446	807698	6854480	12770	537174	4408212	10462	386574	2977579
1914	30426	828096	16028	647436	5898473	11796	495720	3944740	11568	472116	3906141
1915	14669	380917	9361	321769	2668115	8242	332202	2757442	9405	394420	3418076
Итого за 1912-1915	132132	3540980	68748	2518376	22046648	45133	1796831	14815956	39654	1501274	12433924
ВСЕГО	**222902**	**6174457**	**105104**	**3831269**	**34294369**	**74262**	**2868528**	**24646830**	**64623**	**2360504**	**20249534**

*Примечание: Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, источниками всех таблиц в данном Приложении являются официальные издания ГУЗиЗ «Отчетные сведения о деятельности Землеустроительных комиссий на 1 января 1913 (1914, 1915, 1916 г.) СПб. 1913.

ции, которые в большинстве губерний обозначились в 1912–1913 гг. и могли проявиться в последующие годы, оказались деформированы войной.

Вместе с тем данные за 1914–1915 гг., конечно, расширяют наши знания о реформе, хотя пока мы недостаточно ясно представляем, как повлияла война на работу отдельных комиссий и ход землеустройства в целом.

Далее. Оценивая число поданых за 1907–1915 гг. ходатайств, а оно составляет внушительную величину в 6,2 млн., мы должны понимать, что в итоговых показателях, несомненно, присутствует элемент двойного счета. Как будет ясно из дальнейшего, нередко групповое землеустройство было прологом землеустройства личного. Таким образом, одни и те же крестьяне могли дважды подавать ходатайства о землеустройстве. Насколько велик процент таких ходатайств? Принимая во внимание конкретную стадию развития реформы, на которой землеустройство в 1916 г. было завершено (тогда полагали, что временно) и тот факт, что в годы войны в армию были призваны многие миллионы крестьян, без согласия которых личное землеустройство было невозможно, а также реальную динамику подачи ходатайств о личном землеустройстве в нечерноземных и центрально-черноземных губерниях (см.ниже), можно заключить, что едва ли масштаб указанного явления был значителен. Полагаю, что на данном этапе преобразований повторные ходатайства составляли не более 2–3%. Пик реформы, безусловно, был еще впереди. Точнее оценить проблему двойного счета могут лишь архивные изыскания, анализ землеустройства даже не на уровне уездов, а конкретных сельских обществ. Сделать это будет непросто, учитывая степень сохранности фондов землеустроительных комиссий. Впрочем, время покажет.

Таблица 8.2 показывает, что из общего числа ходатайств по стране, равном 6174460, на долю пяти губерний-лидеров с числом прошений от 328 до 230 тыс. — Воронежской, Харьковской, Саратовской, Казанской и Пермской — пришлось 1437,4 прошений, или 23,3% их общего числа. В губерниях Московской, Екатеринославской, Волынской, Самарской и Херсонской, занимавших 6–10 позиций, изменить условия землепользования решили 957,0 тыс. дворов, или 15,5% соответственно.

Тот факт, что здесь перечислены губернии, входящие в Центрально-Черноземный, Малороссийский, Средне- и Нижне-Волжский, Приуральский, Центрально-Промышленный, Новороссийский, Юго-Западный районы, т. е. в большинство хозяйственно- экономических районов и природно-географических зон Европейской России,

Таблица 8.2. Динамика подачи всех ходатайств об изменении условий землепользования вообще. 1907–1915 гг.

Губернии	1907–1915	Губернии	1907–1911	Губернии	1912–1915
Воронежская	328177	Харьковская	139388	Саратовская	196716
Харьковская	318923	Казанская	137072	Воронежская	194245
Саратовская	281415	Воронежская	133932	Харьковская	179535
Казанская	278855	Екатеринославская	115849	Пермская	152695
Пермская	230027	Московская	111550	Казанская	141783
Московская	213940	Волынская	91284	Нижегородская	107309
Екатеринославская	200892	Херсонская	88047	Тамбовская	105059

Губернии	1907–1915	Губернии	1907–1911	Губернии	1912–1915
Волынская	186042	Саратовская	84699	Киевская	104902
Самарская	178684	Ярославская	77519	Самарская	103154
Херсонская	177491	Пермская	77332	Московская	102390
Тамбовская	174188	Самарская	75530	Полтавская	100554
Нижегородская	167579	Владимирская	71498	Тверская	99030
Владимирская	165725	Тамбовская	69129	Волынская	94758
Полтавская	164319	Пензенская	67762	Владимирская	94227
Тверская	163580	Тверская	64550	Тульская	91350
Киевская	160774	Полтавская	63765	Херсонская	89444
Тульская	149949	Нижегородская	60270	Екатеринославская	85043
Курская	132938	Уфимская	59607	Курская	79492
Ярославская	130496	Новгородская	58721	Смоленская	78645
Смоленская	125726	Тульская	58599	Рязанская	73521
Рязанская	123333	Киевская	55872	Калужская	71972
Пензенская	123078	Курская	53446	Черниговская	69211
Уфимская	115640	Орловская	50658	Симбирская	67441
Новгородская	110757	Рязанская	49812	Бессарабская	66933
Калужская	108903	Костромская	48270	Вятская	60457
Орловская	104416	Астраханская	47414	Уфимская	56033
Костромская	104240	Витебская	47098	Костромская	55970
Симбирская	103145	Смоленская	47081	Пензенская	55316
Вологодская	94216	Могилевская	42095	Вологодская	53925
Черниговская	92893	Таврическая	41426	Орловская	53758
Бессарабская	91672	Петербургская	40710	Подольская	53552
Петербургская	91368	Вологодская	40291	Ярославская	52977
Таврическая	89518	Калужская	36931	Минская	52203
Витебская	85828	Симбирская	35704	Новгородская	52036
Минская	84877	Псковская	32904	Петербургская	50658
Астраханская	78717	Минская	32674	Таврическая	48092
Подольская	75362	Ковенская	31269	Ставропольская	45419
Могилевская	74728	Гродненская	29530	Гродненская	43835
Гродненская	73365	Бессарабская	24739	Витебская	38730
Псковская	71267	Ставропольская	23727	Псковская	38363
Вятская	71103	Черниговская	23682	Донская	37919
Ставропольская	69146	Донская	23351	Могилевская	32633
Донская	61270	Виленская	22712	Астраханская	31303
Ковенская	59634	Подольская	21810	Ковенская	28365
Виленская	41223	Архангельская	11514	Олонецкая	23721
Олонецкая	25729	Вятская	10646	Виленская	18511
Архангельская	19312	Олонецкая	2008	Архангельская	7798
Всего	**6174460**	**Всего**	**2633477**	**Всего**	**3540983**

Таблица 8.3. Динамика подачи ходатайств о личном землеустройстве. 1907–1915 гг.

Губернии	1907–1915	Губернии	1907–1911	Губернии	1912–1915
Екатеринославская	169518	Екатеринославская	102535	Полтавская	86730
Харьковская	152643	Херсонская	80211	Харьковская	82648
Херсонская	145983	Харьковская	69995	Самарская	78657
Волынская	144414	Волынская	66640	Волынская	77774
Полтавская	143668	Самарская	59959	Саратовская	71647
Самарская	138616	Полтавская	56938	Екатеринославская	66983
Саратовская	126217	Саратовская	54570	Херсонская	65772
Смоленская	98368	Киевская	47201	Смоленская	64656
Киевская	76494	Витебская	40088	Воронежская	56887
Воронежская	76154	Астраханская	35029	Тверская	47694
Витебская	74061	Могилевская	34599	Черниговская	47009
Тверская	70339	Таврическая	34438	Курская	42615
Курская	69302	Смоленская	33712	Бессарабская	42335
Таврическая	68586	Уфимская	33296	Минская	41958
Минская	66510	Ковенская	31239	Пермская	34937
Бессарабская	64804	Тамбовская	29333	Новгородская	34268
Могилевская	64325	Курская	26687	Таврическая	34148
Уфимская	62094	Петербургская	26284	Витебская	33973
Черниговская	61218	Орловская	25923	Псковская	32756
Ковенская	59383	Псковская	24693	Нижегородская	31857
Новгородская	57694	Минская	24552	Могилевская	29726
Псковская	57449	Новгородская	23426	Тульская	29575
Пермская	56825	Гродненская	22966	Киевская	29293
Тамбовская	55912	Тверская	22645	Петербургская	29154
Петербургская	55438	Бессарабская	22469	Гродненская	28975
Гродненская	51941	Пензенская	22193	Уфимская	28798
Нижегородская	51696	Пермская	21888	Ковенская	28144
Орловская	51368	Виленская	20040	Московская	27750
Московская	43147	Нижегородская	19839	Тамбовская	26579
Тульская	43035	Воронежская	19267	Казанская	25785
Пензенская	42876	Ставропольская	17598	Орловская	25445
Ставропольская	42216	Ярославская	16434	Ставропольская	24618
Астраханская	40402	Симбирская	16340	Рязанская	23461
Казанская	39761	Московская	15397	Ярославская	21827
Ярославская	38261	Черниговская	14209	Калужская	20696
Рязанская	37522	Рязанская	14061	Пензенская	20683
Виленская	35785	Казанская	13976	Вологодская	20109
Симбирская	33737	Подольская	13661	Владимирская	19970
Владимирская	30569	Тульская	13460	Донская	18866
Донская	30284	Донская	11418	Костромская	17434

Губернии	1907–1915	Губернии	1907–1911	Губернии	1912–1915
Калужская	28585	Владимирская	10599	Симбирская	17397
Костромская	27450	Костромская	10016	Вятская	17050
Вологодская	26421	Калужская	7889	Виленская	15745
Подольская	23489	Вологодская	6312	Подольская	9828
Вятская	20032	Вятская	2982	Астраханская	5373
Олонецкая	4975	Олонецкая	225	Олонецкая	4750
Архангельская	1536	Архангельская	108	Архангельская	1428
Всего	**2961103**	**Всего**	**1317340**	**Всего**	**1643763**

говорит о том многообразии возможностей для изменения жизни, условий хозяйствования, которое давала аграрная реформа Столыпина крестьянам, показывает, что она затронула и заинтересовала крестьянство губерний с различными исторически сложившимися типами землепользования.

Реформа, как можно видеть, отнюдь не везде протекала с одинаковым темпом — 8 губерний из 47-ми дали почти треть всех ходатайств, а 14 губерний с числом ходатайств более 164 тысяч в каждой — половину всех ходатайств (49,7%), на 20 губерний с числом ходатайств более 125 тысяч в каждой пришлось 63,7% всех ходатайств по стране. В 27-ми остальных губерниях реформа шла медленнее.

Кофод со знанием дела полагал, что землеустройство рассчитано примерно на 50 лет, и то, что в первые годы преобразования затронули крестьян разных губерний и регионов в разной степени, вполне естественно. Иначе, как говорилось, и не могло быть — в гигантской стране с более чем 100 миллионами крестьян преобразования не могли, естественно, везде идти с одинаковыми темпами. Это только некоторым критикам реформы кажется, что о России можно рассуждать, как, условно говоря, о приусадебном участке. Даже коллективизация не везде протекала равно стремительно.

Во всяком случае, стремление значительной части крестьян к переменам совершенно очевидно. Это, как мы знаем, было неожиданностью для самих реформаторов. Об этом пишут компетентные современники, это хорошо видно, в частности, и по той сдержанной гордости, с какой написаны даже официальные отчеты о деятельности Землеустроительных комиссий.

Таблица 8.4. Динамика подачи ходатайств о групповом землеустройстве. 1907–1915 гг.

Губернии	1907–1915	Губернии	1907–1911	Губернии	1912–1915
Воронежская	252023	Казанская	123096	Воронежская	137358
Казанская	239094	Воронежская	114665	Саратовская	125069
Пермская	173202	Московская	96153	Пермская	117758
Московская	170793	Харьковская	69393	Казанская	115998
Харьковская	166280	Ярославская	61085	Харьковская	96887
Саратовская	155198	Владимирская	60899	Тамбовская	78480
Владимирская	135156	Пермская	55444	Киевская	75609
Тамбовская	118276	Пензенская	45569	Нижегородская	75452

Губернии	1907–1915	Губернии	1907–1911	Губернии	1912–1915
Нижегородская	115883	Тульская	45139	Московская	74640
Тульская	106914	Тверская	41905	Владимирская	74257
Тверская	93241	Нижегородская	40431	Тульская	61775
Ярославская	92235	Тамбовская	39796	Тверская	51336
Рязанская	85811	Костромская	38254	Калужская	51276
Киевская	84280	Рязанская	35751	Рязанская	50060
Калужская	80318	Новгородская	35295	Симбирская	50044
Пензенская	80202	Вологодская	33979	Подольская	43724
Костромская	76790	Саратовская	30129	Вятская	43407
Симбирская	69408	Калужская	29042	Костромская	38536
Вологодская	67795	Курская	26759	Курская	36877
Курская	63636	Уфимская	26311	Пензенская	34633
Уфимская	53546	Орловская	24735	Вологодская	33816
Новгородская	53063	Волынская	24644	Ярославская	31150
Орловская	53048	Симбирская	19364	Орловская	28313
Подольская	51873	Самарская	15571	Уфимская	27235
Вятская	51071	Петербургская	14426	Астраханская	25930
Волынская	41628	Смоленская	13369	Бессарабская	24598
Самарская	40068	Екатеринославская	13314	Самарская	24497
Астраханская	38315	Астраханская	12385	Херсонская	23672
Петербургская	35930	Донская	11933	Черниговская	22202
Черниговская	31675	Архангельская	11406	Петербургская	21504
Херсонская	31508	Черниговская	9473	Ставропольская	20801
Екатеринославская	31374	Киевская	8671	Донская	19053
Донская	30986	Псковская	8211	Олонецкая	18971
Смоленская	27358	Подольская	8149	Екатеринославская	18060
Ставропольская	26930	Минская	8122	Новгородская	17768
Бессарабская	26868	Херсонская	7836	Волынская	16984
Гродненская	21424	Вятская	7664	Гродненская	14860
Таврическая	20932	Могилевская	7496	Смоленская	13989
Олонецкая	20754	Витебская	7010	Таврическая	13944
Полтавская	20651	Таврическая	6988	Полтавская	13824
Минская	18367	Полтавская	6827	Минская	10245
Архангельская	17776	Гродненская	6564	Архангельская	6370
Псковская	13818	Ставропольская	6129	Псковская	5607
Витебская	11767	Виленская	2672	Витебская	4757
Могилевская	10403	Бессарабская	2270	Могилевская	2907
Виленская	5438	Олонецкая	1783	Виленская	2766
Ковенская	251	Ковенская	30	Ковенская	221
Всего	**3213357**	**Всего**	**1316137**	**Всего**	**1897220**

ДИНАМИКА ПОДАЧИ ХОДАТАЙСТВ

Внутринадельное землеустройство, напомним, проводилось в 46-ти губерниях Европейской России и Области Войска Донского.

Период 1907–1915 гг. делится на два этапа — 1907–1911 гг. и 1912–1915 гг. по следующим соображениям. Указ 9 ноября 1906 г. стал законом 14 июня 1910 г. Разработанное на его основе Положение о землеустройстве 29 мая 1911 г. было введено в действие с 15 октября того же года (т. е. после окончания полевого периода 1911 г.). Тем самым завершился первый этап преобразований. Новый закон учел пятилетний опыт реформы и значительно расширил права и обязанности землеустроительных учреждений. Были уточнены все виды землеустроительных действий, введены новые, расширена компетенция комиссий, определен круг лиц, которые вправе пользоваться законом, и те земли, на которые распространяется его действие (см.ниже). Затем закон и изданный Наказ 19 июня 1911 г. изменили внешнюю сторону дел и установили особый порядок юридического оформления землеустроительных работ. Соответственно изменился и формуляр официальной отчетности.

Результаты законодательного расширения поля действия Землеустроительных комиссий проявились немедленно. Если максимальное число прошений об изменении условий землепользования за 1907–1911 гг. пришлось на 1909 г. — 705 тыс., то в 1912 г. их было подано 1226 тыс., а в 1913 г. — 1106 тыс., и даже в 1914 г. 828 тыс. т. е. соответственно в 1,74, в 1,57 и в 1,17 раза больше, чем в 1909 г.

В 1907–1911 гг. было подано 2633,5 тыс. ходатайств, а в 1912–1915 гг. — 3540,9 тыс., т. е. на 34, 5% больше. **Это само по себе снимает вопрос о том, насколько верно широко распространенное мнение о том, что с 1911 г. она идет на убыль**. Анализ погубернской динамики дает обширный и интересный материал для выводов, которые не очень совпадают с обычными для традиционной историографии.

В «Отчетных сведениях о деятельности Землеустроительных комиссий на 1 января 1913 г.» этот внушительный рост комментируется следующим образом: «На увеличение ходатайств повлияло, бесспорно, издание нового закона, который разрешает многие насущные вопросы землеустройства и допускает целый ряд землеустроительных действий, не предусмотренных прежним порядком (см. ниже. — *М. Д.*).

Новый закон нашел себе подготовленную почву. Сознание пользы перехода к улучшенным порядкам землевладения успело уже укрепиться в среде сельского населения, которое видело многочисленные примеры успешно проведенных землеустроительных работ. Число ходатайств, поступавших в Землеустроительные комиссии, увеличивалось с каждым годом по мере того, как эти учреждения завоевывали себе доверие населения.

Вполне естественно, что когда было опубликовано Высочайше утвержденное 29 мая 1911 г. Положение о землеустройстве, расширявшее объем землеустроительной помощи, масса населения не замедлила воспользоваться удобствами этого закона, и число ходатайств возросло сразу почти вдвое. Возможно, что такое повышение имеет лишь временный характер, и на будущие годы столь значительного роста ходатайств не произойдет. Но это не отразится на размерах землеустроительных ра-

бот, так как Землеустроительные комиссии, за ограниченностью землемерных сил лишены возможности удовлетворять ежегодно ходатайства в числе, сколько-нибудь приближающемся к их поступлению, вследствие чего накопился запас прошений, обеспечивающий Комиссиям успешную работу на несколько лет, даже и при уменьшении числа новых прошений.

Во всяком случае, «голосование» нового закона населением на нужды которого он был рассчитан, дало явные результаты в его пользу.

Увеличение числа ходатайств в истекшем году не ограничивается каким-либо определенным районом, но наблюдается повсеместно во всех губерниях, в которых действуют землеустроительные учреждения. Даже в губерниях сравнительно менее заинтересованных в хлебопашестве, северного и промышленного районов, масса вновь возникших ходатайств свидетельствует, что и среди населения губерний, где земля не является основным источником средств к жизни, возник тем не менее интерес и к установлению более удобных форм владения землею»[57].

Что же нового дали реформе введенные в действие с 1912 г. законодательные акты?

Главные изменения, внесенные в ход землеустройства законом 14 июня 1910 г. и Положением о землеустройстве 29 мая 1911 г., состояли в следующем.

Если указ 9 ноября касался только крестьянских надельных земель, то закон 29 мая разрешил Землеустроительным комиссиям в необходимых случаях оперировать и смежными вненадельными землями, — «и те и другие подлежат устройству на одинаковых основаниях и, принадлежа к одной и той же группе хозяйств, должны быть устроены совместно, независимо от разницы в юридических свойствах».

Кофод считал, что эта новация имела огромное значение, поскольку впервые появилась «возможность придавать удобную внешнюю форму тем крестьянским хозяйствам, в которые входят, кроме надельных, также и купленные земли (а в масштабах страны речь шла о миллионах десятин! — *М. Д.*).

По указу 9 ноября производство подобного рода совместных разверстаний надельных и вненадельных земель сталкивалось с такими юридическими препятствиями, что оно, к великому ущербу землеустроительного дела, практически было почти неисполнимо... Комиссиям приходилось или отказываться от устройства разноправных земель или же устраивать каждую их категорию отдельно. В первом случае, тормозилось развитие дела и возбуждалось неудовольствие населения; во втором — комиссии должны были сознательно поступаться основной идеей землеустройства, отводя участки одного и того же владения к разным местам, в зависимости не от природных качеств устраиваемых земель, а от их юридических свойств. Несомненно, последний исход был наихудшим из двух, так как он приводил к неисправимому несоответствию исполненных работ с элементарными требованиями землеустроительной техники»[58].

Закон 29 мая дал возможность ликвидации даже сложных случаев чересполосицы крестьянских и смежных с ними земель, принадлежащих другим владельцам.

Был облегчен раздел однопланных селений. Раньше для этого требовалось согласие 2/3 домохозяев **всех** селений данного общества, либо судебное решение, либо особое Высочайшее (!) повеление. Согласно закону 29 мая для выдела было достаточно заявления простого большинства домохозяев селения, которое хотело выделиться.

Упростился также выдел земли частям селений и выселкам. Прежнее законодательство требовало согласия 2/3 всех домохозяев данного селения на проведение этой акции. Теперь же она могла быть произведена и без согласия схода, если в селениях, насчитывающих не более 250 дворов, число желающих выделиться составляло не менее одной пятой всех домохозяев, а в более крупных селениях — не менее 50.

В подворных селениях отныне для разверстания на хутора и отруба было достаточно желания простого большинства домохозяев, а не согласия 2/3 домохозяев, как раньше (в селениях с общинным или смешанным владением норма осталась старой). «Уступкой, сделанной сторонникам общины, следует считать предоставление законом 29 мая нежелающему землеустройства меньшинству общинников права при разверстании требовать отвода причитающейся им части земель в общинное владение».

Был детально регламентирован выдел отрубных участков отдельным домохозяевам, в том числе и случаи, когда при недостижении добровольного соглашения сторон, выдел производился в обязательном порядке.

Новое законодательство предоставило Землеустроительным комиссиям судебные функции по решению всех споров и претензий, которые возникали при землеустройстве, кроме «споров о праве собственности на целые земельные участки, а также на части или определенные доли из такого участка»[59], которые комиссии, впрочем, могли улаживать в полюбовном порядке*.

Сопоставление данных о числе всех ходатайств вообще за 1907–1911 гг. и 1912–1915 гг. (таблица 8.2) говорит о значительных изменениях, происшедших во 2-м периоде землеустройства в сравнении с 1-м: 11 из первых 20-ти губерний в 1907–1911 гг. теряют свои позиции в 1912–1915 гг., причем некоторые довольно ощутимо (Екатеринославская перемещается с 4-го места на 17-е, Волынская — с 6-го на 13-е, Ярославская — с 9-го на 32-е и т.д.).

В то же время другие губернии, напротив, перемещаются в число лидеров, и здесь, безусловно, вне конкуренции Саратовская губерния, сменившая 8-ю позицию на 1-ю (при росте числа ходатайств с 84,7 тыс. до 196,7 тыс., т.е. в 2,3 раза!), Пермская, с 10-й позиции поднявшаяся на 4-ю (в ней число прошений увеличилось с 77,3 до 152,7 тыс. — в 2 раза), Нижегородская, Тамбовская и др.

При этом в такие губерниях, как Харьковская, Воронежская, Самарская и др. количественные характеристики землеустройства стабильно высоки.

В 1912–1915 гг. в 35-ти губерниях число всех ходатайств вообще превышает показатели 1907–1911 гг., и лишь в 12-ти губерниях из 47-ми оно оказалось ниже, чем в 1907–1911 гг.

Эти факты мы прокомментируем позже, а пока продолжим анализ.

---

* «Однако, наличность последнего рода споров, в каком бы порядке они ни были заявлены и где бы они ни производились, не препятствует обмену спорного владения при землеустройстве, т. е. перемещение его или сведению его частей к одному месту. При этом земли спорящих сторон, если они обе участвуют в землеустройстве, отводятся смежно. Препятствия землеустройству от наличности не подлежащих ведению землеустроительных комиссий споров могут возникнуть только при разделе спорного владения». Кофод А. Русское землеустройство... С. 58–59.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ХОДАТАЙСТВ ПО ТИПАМ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА

Указ 9 ноября 1906 г., как говорилось, предусматривал два типа землеустроительных действий: единоличное и групповое (коллективное).

К личному землеустройству относились следующие виды землеустроительных действий: 1) разверстание на хутора и отруба общинных земель; до 1912 г. в отдельное действие выделялось «разверстание на хутора и отруба подворно-наследственных земель», но в официальной отчетности с 1912 г. их соединили в одно действие; 2) выдел к одному месту отдельных участков из общинных земель (в литературе это часто именуется единоличными выделами); 3) разверстание к одним местам (на отрубные участки) земель разного владения, включенных в одну дачу разверстания (введено с 1912 г.).

К групповому землеустройству с 1912 причислялись: 1) раздел земель между селениями и частями селений; 2) выдел земель под выселки (с 1912 г. в эту категорию перешел также раздел земель между частями селений из 1-го пункта); 3) разверстание чересполосицы надельных земель с прилегающими владениями; 4) разверстание общности пользования крестьян с частными владельцами; 5) отграничение надельных земель как самостоятельное землеустроительное действие (введено с 1912 г.).

До 1912 г. существовала категория «разбивка общинных земель в целях перехода к многопольному хозяйству», но, как мы знаем, за малой востребованностью крестьянами она была исключена с 1912 г.

Таков в общем был круг проблем, решаемых землеустройством.

Из общего числа 6174460 ходатайств, поданных в 1907–1915 гг., 2961103 или 48,0% относятся к личным*, и 3213357, или 52,0% — к групповым. Важно при этом, что в 1907-1911 гг. личных и групповых ходатайств было практически поровну — 1317340 против 1316137 (50,02% и 49,98%), а в 1912–1915 гг. аналогичные показатели составили 1643763 и 1897220 (46,4% и 53, 6%). Любопытен, однако, опережающий рост группового землеустройства во 2-м периоде — если в 1912–1913 гг. число личных ходатайств составило 1116424, а групповых — 1215543 (48,0% и 52,0%), то в 1914–1915 гг. — 527339 и 681677, т. е. 43,6 и 56,4% соответственно.

Явление это не случайное. Рост группового землеустройства в 1912–1915 гг. в основном связан с тем, что новое законодательство позволило землеустроителям уничтожать разноправную чересполосицу, т. е чересполосицу между землями, принадлежавшими разным владельцам и имевшими разный юридический статус. В то же время с началом Первой мировой войны, когда в армию были призваны миллионы потенциальных участников реформы, ход личного землеустройства понятным образом замедлился.

Два сплошных массива губерний, в одном из которых велики показатели группового землеустройства, а во втором единоличного, разделяются весьма четко. В первый из них входят Центр, Север и Северо-Восток, во второй — Запад, Юг и Юго-Восток Европейской России. Массив губерний с большими показателями коллективного землеустройства как бы перетекает с северо-востока на юго-запад, охватывая нечернозем-

* Здесь и далее термины «личные (групповые) ходатайства» синонимичны оборотам «ходатайства о личном (групповом) землеустройстве».

ный Центр и северную границу черноземного массива, навстречу губерниям с преобладанием единоличных ходатайств, тем самым весьма наглядно очерчивая культурные, историко- хозяйственные типы землепользования.

Наибольшее число ходатайств о личном землеустройстве было подано в губерниях — Екатеринославской (169,5 тыс.), Харьковской (152,6 тыс.), Херсонской, Волынской, Полтавской, Самарской, Саратовской (от 145,9 до 126,2 тыс. в каждой), Смоленской (98, 4 тыс.), Киевской (76,4 тыс.), Воронежской (76,2 тыс.). В сумме на эти 10 губерний пришлось 42, 9% всех ходатайств о личном землеустройстве.

Губерниями-лидерами в групповом землеустройстве были Воронежская (252,0 тыс. ходатайств), Казанская (239,1 тыс.), Пермская (173,2 тыс.), Московская (170,8 тыс.), Харьковская (166,3 тыс.), Саратовская (155,2 тыс.), Владимирская (135,2 тыс.), Тамбовская (118,3 тыс.), Нижегородская (115,9 тыс.), Тульская (106,9 тыс.), в которых было подано 50,9 % всех групповых ходатайств.

В общем виде о том, как менялось в ходе реформы соотношение между отдельными видами землеустройства, можно судить по таблицам 8.5 и 8.6 (см. ниже). Они позволяют сравнить показатели личного и группового землеустройства по периодам, детализируют динамику подачи всех ходатайств вообще, и позволяют увидеть общий абрис реформы.

Как мы помним, число всех ходатайств вообще в 1912–1915 гг. уменьшилось в 12-ти, а возросло в 35-ти губерниях. Из них менее чем на 10 % увеличилось число ходатайств в Волынской, Казанской, Орловской и Херсонской губерниях, на 16–17% — в Костромской, Псковской и Таврической губерниях, на 24–39% — во Владимирской, Вологодской, Самарской, Петербургской и Харьковской, на 40–60% — в Воронежской, Гродненской, Курской, Минской, Полтавской, Рязанской, Тамбовской, Тверской и Тульской губерниях, на 60–99% — в Калужской, Киевской, Нижегородской, Пермской, Симбирской, Смоленской и Ставропольской, а также Области Войска Донского, в два и более раза — в Бессарабской, Вятской, Олонецкой, Подольской, Саратовской и Черниговской губерниях.

То есть, в 27-ми губерниях рост составил более 25%, в 23-х губерниях — более 40%, в 14-ти — более 60% и в шести губерниях превысил 100%.

Однако не менее интересно уменьшение числа ходатайств в 12-ти, т. е. в каждой четвертой губернии, где проводилось землеустройство.

Прояснить это явление позволяет сопоставление показателей личного и группового землеустройства в 1907–1911 гг. и 1912–1915 гг. (таблицы 8.3 и 8.4). Обработка этих таблиц дает возможность сопоставить число ходатайств по периодам и позволяет сделать следующие заключения.

В 1912–1915 гг. число всех ходатайств вообще увеличилось по стране на 907506, при этом в 35-ти губерниях оно выросло на 1039481, а в 12-ти губерниях оно уменьшилось на 131975.

В целом число личных прошений возросло на 326423, но количество личных прошений возросло в 34-х губерниях на 456349, а уменьшилось в 13-ти губерниях на 129926, причем около половины этого количества падает на Астраханскую и Екатеринославскую губернии и еще более четверти — на Киевскую и Херсонскую губернии, а всего на эти 4 губернии пришлось 75,5% уменьшения.

Общее число групповых ходатайств по России увеличилось в 1912–1915 гг. на 581083, притом же в 35-ти губерниях оно стало больше на 690397, а в 12-ти губерниях сократилось на 109314, и 73,1% этого количества приходится на Ярославскую, Московскую, Новгородскую и Пензенскую губернии.

Итого, суммарное увеличение числа ходатайств как личных, так и групповых по 47-ми губерниям составило 1146746 ходатайств, а суммарное уменьшение — 239240 ходатайств.

Таблицы 8.2–8.4 показывают, что сокращение имеет конкретный характер — по тем или иным причинам в нескольких губерниях падает темп подачи ходатайств, причем какого-то одного типа.

Показатели и личного и коллективного землеустройства уменьшаются лишь в Витебской, Могилевской и Пензенской губерниях, к которым вполне можно присоединить Виленскую и Ковенскую. Кофод, кстати, не слишком выразительную динамику землеустройства в перечисленных губерниях Северо-Запада связывает с обширными дореформенными разверстаниями, которые он открыл в начале века.

В ряде случаев мы можем объяснить причины перемен.

«Сильная отсталость Астраханской губернии объясняется, главным образом, тем, что в ней пришлось заново начать землеустройство в 1910 г., после провала почти всех ранее предпринятых работ, вследствие неудачной первоначальной постановки землеустроительного дела в губернии, а это оказалось более трудной задачей, чем первоначальное налаживание дела в незатронутой еще им местности. Кроме того, в Астраханской губернии землеустройство задерживается некоторыми условиями чисто местного характера, главным образом, не определенным до последнего времени положением так называемой десятиверстной полосы в Калмыцких степях* и рыболовных озер (ильменей) на волжских займищах**.»[60]

---

* «Десятиверстной или пятнадцативерстной полосой называются земли общего пользования калмыков и жителей станиц и селений, расположенных на правом берегу Волги ниже Царицына. В натуре полоса эта не отведена, но принято считать, что она расположена между наделами вышеуказанных станиц и селений и землями, предоставленными в исключительное пользование калмыков, занимая полосу шириной от 10 до 15 верст. В пределах этой полосы законом 1806 г. предоставлено казакам и крестьянам „заводить в степях запашки и бахчи, а также пасти скот“, причем не запрещается тут же „пасти скот и малоимущим калмыкам, кочующим по бедности близ селений“.

С течением времени весьма значительная часть земель этой полосы фактически перешла в исключительное пользование поселян. Но так как занятые земли не составляют юридической собственности пользующихся ими селений и отдельных домохозяев, то они не могут быть включены в совместное с надельными землями разверстание. В настоящее время представлен в Государственную думу и уже рассмотрен и одобрен Земельною Комиссией законопроект, по которому земли, расположенные в пределах 15-ти верст шириною, от южной границы наделов приволжских станиц и селений вглубь калмыцких степей, признаются собственностью фактических их владельцев».

** «При отводе государственным крестьянам приволжских селений Астраханской губернии, рыболовные озерки на займищах (ильмена) обычно оставлялись за казною с предоставлением крестьянам права водопоя и ловли рыбы для собственных надобностей. Озера эти, однако, на план не снимались, и дороги к ним не прокладывались, а в довершение всего с течением времени многие из них высохли, почему в настоящее время самое местонахождение их является спорным. Что же

Падение темпов личного землеустройства в Киевской губернии в 1912–1915 гг. в «Обзоре землеустройства в Юго-Западном крае» объясняется так. Крестьяне некоторых сел Уманского уезда Киевской губернии еще в начале 1900-х гг. хотели упразднить общину и обращались с соответствующей просьбой в крестьянские учреждения. А после издания закона 9 ноября 1906 г. в течение первых двух лет в эти учреждения поступило до 10 тыс. ходатайств от крестьян уезда об укреплении их долей. К 1 января 1910 г. 39 сельских обществ (15199 дворов на площади в 72596 дес.) из 52-х сел Уманского уезда с общинным землепользованием ходатайствовали о переходе к подворному землевладению с разделом земли на отруба. В результате к концу 1911 г. этот уезд по числу дворов, перешедших к единоличному хозяйству, был пятым в стране. А в дальнейшем, после упразднения общины, Уманский уезд «начинает попадать в один уровень с прочими уездами, где развитие единоличного владения тормозится целым рядом причин, препятствующих переходу на отруба»[61]. Темпы единоличного землеустройства в Киевской губернии естественным образом в 1912–1915 гг. снизились (было подано на 17,9 тыс. ходатайств меньше), но зато на 66,9 тыс. выросло число прошений о групповом землеустройстве, реализация которых прежде тормозилась региональными особенностями землепользования и стала возможной в Юго-Западном крае после введения в действие закона 29 мая 1911 г. В соседней Подольской мы также видим уменьшение на 3,8 тыс. числа личных ходатайств и рост на 35,6 тыс. ходатайств групповых, в Тамбовской — сокращение на 2,8 тыс. единоличных прошений и увеличение на 38,7 тыс. коллективных соответственно.

В «Обзоре деятельности Землеустроительных комиссий Центрального района в 1912 г.» говорится, что в 1912 г. площадь работ по групповому землеустройству увеличилась во всех губерниях, кроме Московской. В ней, напротив, значительно увеличилась площадь работ по единоличному землеустройству. Причина была в том, что до 1912 г. в Московской губернии «все силы Землеустроительных комиссий были направлены главным образом на уничтожение внешней чересполосности однопланных селений (около половины всей надельной земли Московской губернии состоит во владении однопланных селений), а с 1912 г., когда почва для единоличного землеустройства была уже достаточно подготовлена предшествовавшим групповым землеустройством, начинают все более и более преобладать работы по образованию хуторских и отрубных участков. В то время как за период времени с открытия Землеустроительных комиссий Московской губернии и до 1-го января 1912 г., единоличных хозяйств в губернии образовано 3334, в 1912 г. их создано 3569»[62]. Логично предположить, что перенос акцентов в деятельности губернской комиссии проявился и в сокращении числа принимаемых групповых ходатайств — их снижение на 21,5 тыс. компенсировалось ростом личных прошений на 12,4 тыс. Схожая картина фиксируется в Волынской губернии, где в 1912–1915 гг. поступило на 7,6 тыс. ходатайств о групповом землеустройстве меньше, чем в 1907–1911 гг., но на 11,1 тыс. больше прошений о землеустройстве личном, в Казанской губернии, где мы

касается взаимных прав казны и крестьян на “рыболовные озера“, то во владенных записях они установлены весьма различно, так что вопрос о праве собственности на высохшие озера придется решить особо по каждому селению. До урегулирования вопроса о праве собственности на эти озера, крестьянские займища не могут быть разверстаны, а невозможность разверстания займищ задерживает и разверстание степных земель.» (Кофод А. Русское землеустройство... С. 125.)

видим падение коллективных ходатайств на 7,1 тыс. и увеличение личных на 11,8 тыс., в Новгородской — на 17,5 тыс. и на 10,8 тыс. соответственно, Псковской — 2,6 и 8,1 тыс. и, возможно, Ярославской — 29,9 тыс. и 5,4 тыс. соответственно.

Наконец, Пензенская губерния определенно дает пример не слишком удачной организации дела. В нашем распоряжении есть хотя и довольно подробный, но весьма унылый по тональности отчет о ходе землеустройства в ней в 1908–1913 гг.

Он полон жалоб на то, что «сельское население в Пензенской губернии по своему развитию стоит значительно ниже, чем в некоторых соседних губерниях», на то, что «земельная обеспеченность Пензенских крестьян (помета на полях оригинала — 7,5 дес. — *М. Д.*) во многих местностях также далеко недостаточна, и во всяком случае в этом отношении они живут в более стесненных условиях, нежели, например, Саратовские (помета на полях — 9,5. — *М. Д.*) или Самарские (19,8. — *М. Д.*) их собратья» и сетований на обилие в губернии однопланных селений. И «к довершению всего, и здешние земские органы для распространения в народной массе улучшенных приемов ведения сельского хозяйства также ничего заметного не сделали (это, кстати, подтверждают и приведенные выше материалы по истории агрономической помощи. — *М. Д.*) и местное крестьянство почти поголовно до 1909 года свою землю, во многих местах совсем истощенную и, во всяком случае не глубоко-черноземную, обрабатывало кое-как своими допотопными сохами. Вследствие этого в среде Пензенских крестьян наблюдается особенная склонность к рутине и устойчивое настроение к сохранению общинного распорядка»[63].

Повествуя о спаде в работе Землеустроительных комиссий после 1911 г. автор отчета пишет, в частности: «Наименее успешно шли работы в Мокшанском, Саранском и Городищенском уездах, причем в последнем исключительно по вине землемеров, из коих один ушел со службы, оставив работу недоконченной, второй оказался крайне неопытным, а двое остальных крайне медлительными.

Совсем же неуспешно протек полевой период в Наровчатском уезде отчасти вследствие малой распорядительности Непременного члена, главным же образом благодаря тому, что два землемера, работавших в этом уезде, заболели: оба воспалением легких.

Вообще нужно сказать, что если в 1913 году план работ не выполнен полностью то это, главным образом, по вине межевого состава, так как трое землемеров ушли со службы в такое время, когда взамен их было уже невозможно пригласить новых; трое в течение полевого периода более или менее продолжительное время хворали, и, наконец, один злоупотреблял вином (Вот они, факторы землеустройства! От чего иногда зависят судьбы преобразований и не только! — *М. Д.*).

При сравнительно небольшом межевом составе вышеуказанные обстоятельства не могли не отразиться заметно на результатах работы в количественном отношении». К тому же земские начальники «как неоднократно указывала практика, в роли землеустроителей в большинстве случаев, к сожалению, оказываются не на должной высоте... Все это вместе взятое, разумеется, нарушало планомерность работы и вносило некоторую дезорганизацию в налаженное дело»[64].

В общем, не слишком сложно связать этот «декадентский» во всех смыслах текст с относительно низкими статистическими показателями землеустройства в Пензенской губернии. Тем более, что в соседних губерниях они не в пример выше (см. таблицы 8.3 и 8.4).

Таким образом, динамика землеустройства всегда конкретна и нередко прихотлива. В подавляющем большинстве губерний мы видим прогрессивный рост показателей землеустройства. В большинстве, однако же, не везде, и это вполне естественно. Реформа такого масштаба — всегда живой процесс еще и потому, что зависит от людей (в том числе и от тех пристрастий, которым был подвержен один из пензенских землемеров). Подробнее на этом мы остановимся ниже. Напомню также о влиянии на итоговую картину данных за 1914–1915 гг.

По существу, для того, чтобы зафиксировать бесспорный успех землеустройства П. А. Столыпина, довольно и приведенных выше статистических данных. Однако их, полагаю, все же недостаточно, чтобы представить масштаб проводившихся преобразований.

Поэтому сейчас мы обратимся к статистике отдельных видов землеустройства. В общем виде о том, как менялось в ходе реформы соотношение между ними можно судить по нижеследующим таблицам 8.5 и 8.6.

Как можно видеть, в 1907–1915 гг. среди категорий землеустройства по числу поданных ходатайств лидирует «разверстание на хутора и отруба земель целых селений» — 1809, 2 тыс., что составило 29,3% общего их количества, затем следует категория «выдел земель отдельным селениям сельских обществ» — 1790, 6 тыс., или 29,0% всех ходатайств вообще, далее идет «выдел отрубных участков отдельным домохозяевам» — 865,9 тыс., или 14,0% всех поданных прошений. Далее в нисходящем порядке располагаются «уничтожение чересполосности с прилегающими владениями» — 633,5 тыс. хо-

Таблица 8.5. Общее число ходатайств об отдельных землеустроительных действиях

Годы	1	2	3	4	5	6	7	8	Всего
1907–1911	925453	384888	989065	84305	6999	200661	41185	921	2633477
1912	278226	177143	352706	30588	112945	111600	39629	123408	1226245
1913	322762	144761	216162	51521	80587	137803	27820	124326	1105742
1914	214907	115760	149086	35598	52052	121563	17746	121384	828096
1915	67808	43334	83806	18285	33478	61921	4831	67457	380920
1912–1913	600988	321904	568868	82109	193532	249403	67449	247734	2331987
1907–1913	1526441	706792	1557933	166414	200531	450064	108634	248655	4965464
1914–1915	282715	159094	232892	53883	85530	183484	22577	188841	1209016
1912–1915	883703	480998	801740	135992	279062	432887	90026	436575	3540983
1907–1915	1809156	865886	1790805	220297	286061	633548	131211	437496	6174460
1907–1915	*783429*	*359517*	*723311*	*75264*	*31505*	*186401*	*19809*	*181268*	*2360504*

1. Разверстание на хутора и отруба земель целых селений.
2. Выдел отрубных участков отдельным домохозяевам.
3. Выдел земель отдельным селениям сельских обществ.
4. Выдел земель выселкам и частям селений.
5. Разверстание на отрубные участки земель, включенных в одну дачу разверстания.
6. Уничтожение чересполосности с прилегающими владениями.
7. Раздел угодий общего пользования крестьян и частных владельцев.
8. Отграничение земель.

* нижняя строка, выделенная курсивом, содержит число утвержденных землеустроительных проектов в рамках данного вида землеустройства.

Таблица 8.6. Доля ходатайств об отдельных землеустроительных действиях

Годы	1	2	3	4	5	6	7	8	Всего
1907–1911	35,1	14,6	37,6	3,2	0,3	7,6	1,6	0,03	100
1912	22,7	14,4	28,8	2,5	9,2	9,1	3,2	10,1	100
1913	29,2	13,1	19,5	4,7	7,3	12,5	2,5	11,2	100
1914	26,0	14,0	18,0	4,3	6,3	14,7	2,1	14,7	100
1915	17,8	11,4	22,0	4,8	8,8	16,3	1,3	17,7	100
1912–1913	30,7	14,2	31,4	3,4	4,0	9,1	2,2	5,0	100
1907–1913	25,8	13,8	24,4	3,5	8,3	10,7	2,9	10,6	100
1914–1915	23,4	13,2	19,3	4,5	7,1	15,2	1,9	15,6	100
1912–1915	25,0	13,6	22,6	3,8	7,9	12,2	2,5	12,3	100
1907–1915	29,3	14,0	29,0	3,6	4,6	10,3	2,1	7,1	100
*1907–1915**	*33,2*	*15,2*	*30,6*	*3,2*	*1,3*	*7,9*	*0,8*	*7,7*	*100*

1. Разверстание на хутора и отруба земель целых селений.
2. Выдел отрубных участков отдельным домохозяевам.
3. Выдел земель отдельным селениям сельских обществ.
4. Выдел земель выселкам и частям селений.
5. Разверстание на отрубные участки земель, включенных в одну дачу разверстания.
6. Уничтожение чересполосности с прилегающими владениями.
7. Раздел угодий общего пользования крестьян и частных владельцев.
8. Отграничение земель.

* нижняя строка, выделенная курсивом, содержит структуру утвержденных землеустроительных проектов.

датайств, или 10,3% общего их числа, «отграничение земель» — 437,4 тыс., или 7,1% соответственно, «разверстание на отрубные участки земель, включенных в одну дачу разверстания» — 286,1 тыс., или 4,6%, «выдел земель выселкам и частям селений» — 220,3 тыс., или 3,2%, «раздел угодий общего пользования крестьян и частных владельцев» — 131,2 тыс., или 2,1%.

Однако баланс видов землеустройства по периодам не был одинаковым.

Из таблицы 8.6 следует, что, если в 1907–1911 гг. почти 90% ходатайств (87,3%) приходится на первые три категории землеустройства, причем ходатайства о разверстании целых селений на хутора и отруба и о разделе однопланных селений в сумме составили 72,7% общего их числа, то в 1912–1915 гг. эти показатели снизились до 67,2 % и 47,6% соответственно (при незначительном уменьшении доли единоличных выделов).

Происходит это, прежде всего, за счет резкого увеличения числа ходатайств о проведении других землеустроительных действий, главным образом, разверстания на отрубные участки земель, включенных в одну дачу разверстания, уничтожения чересполосности с прилегающими владениями и отграничения земель, проведение которых стало возможным вследствие принятия в 1910–1911 гг. новых законодательных актов. Присвоение Землеустроительным комиссиям судебных функций, как мы знаем, очень серьезно раздвигало перспективы землеустройства.

Представляется целесообразным охарактеризовать каждую из категорий землеустройства. Это сделает яснее как региональные особенности крестьянского землепользования в Европейской России, так и вытекавшую из них гигантскую сложность реформы, а также позволит высказать обоснованные суждения о ходе землеустройства.

ЛИЧНОЕ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО

Рассмотрим соотношение числа ходатайств между видами личного землеустройства.

Таблица 8.7. Личное землеустройство:
Соотношение числа ходатайств между видами личного землеустройства

Годы	Всего ходатайств				Среднегодовое число ходатайств			
	1	2	3	Всего	1	2	3	Всего
1907–1911	925453	384888	6999	1317340	231363	96222	1750	329335
1912–1913	600988	321904	193532	1116424	300494	160952	96766	558212
1914–1915	282715	159094	85530	527339	141358	79547	42765	263670
1912–1915	883703	480998	279062	1643763	220926	120250	69766	410941
1907–1915	1809156	865886	286061	2961103	226145	108236	35758	370138

Источник: Отчет о деятельности Землеустроительных комиссий на 1 января 1916 г.

1. Разверстание на хутора и отруба целых селений.
2. Выдел к одному месту отдельных участков из общинных земель.
3. Разверстание к одним местам (на отрубные участки) земель разного владения, включенных в одну дачу разверстания

Таблица 8.8. Личное землеустройство: доля отдельных видов в общем балансе

Годы	1	2	3	Всего
1907–1911	70,3	29,2	0,5	100
1912–1913	53,8	28,8	17,3	100
1914–1915	53,6	30,2	16,2	100
1912–1915	53,8	29,3	17,0	100
1907–1915	61,1	29,2	9,7	100

1. Разверстание на хутора и отруба целых селений.
2. Выдел к одному месту отдельных участков из общинных земель.
3. Разверстание к одним местам (на отрубные участки) земель разного владения, включенных в одну дачу разверстания

Как можно видеть, в балансе видов личного землеустройства первую позицию занимает разверстание на хутора и отруба целых селений — за 1907–1915 гг. об этом ходатайствовало 1,8 млн. домохозяев, что составило 61,1% всех прошений о личном землеустройстве; при этом в 1907–1911 гг. ходатайства этого вида составили 70,3%, а в 1912–1915 гг. — лишь 53,8%. Это уменьшение связано с тем, что вновь введенное

Таблица 8.9. Личное землеустройство: динамика среднегодового числа ходатайств отдельных видов, принимая показатели 1907–1911 гг. за 100

Годы	1	2	3	Всего
1907–1911	100	100	100	100
1912–1913	129,9	167,3	5530,3	169,5
1914–1915	61,1	82,7	2444,1	80,1
1912–1915	95,4	125,0	3987,2	124,8
1907–1915	145,4	112,5	2043,6	112,4

1. Разверстание на хутора и отруба целых селений.
2. Выдел к одному месту отдельных участков из общинных земель.
3. Разверстание к одним местам (на отрубные участки) земель разного владения, включенных в одну дачу разверстания

с 1912 г. разверстание к одним местам (на отрубные участки) земель разного владения, включенных в одну дачу разверстания «отняло» у разверстания целых селений в 1912–1915 гг. 17,0% всех личных ходатайств. Единоличные выделы в течение рассматриваемого периода стабильно составляли порядка 29-30% соответственно.

Из таблицы 8.9 следует, что среднегодовое число ходатайств в 1912–1913 гг. о разверстании целых селений в 1,3 раза больше, чем в 1907–1911 гг., о единоличных выделах — в 1,67 раза соответственно, и о создании отрубов в одной даче — в 55,3 раза (такое баснословное увеличение вызвано очень низкими показателями 1907–1911 гг.). В целом же среднегодовое число ходатайств о единоличном землеустройстве в 1912–1913 гг. в 1,7 раза выше, чем в 1907–1911 гг.

Однако за 1914–1915 гг. число прошений о проведении всех видов личного землеустройства упало более чем вдвое в сравнении с 1912–1913 гг., что заметно отразилось на итоговых показателях 2-го периода землеустройства. Впрочем, общее их число за 1912–1915 гг. превысило уровень 1907–1911 гг. почти на четверть (24,8%).

РАЗВЕРСТАНИЕ НА ХУТОРА И ОТРУБА ЦЕЛЫХ СЕЛЕНИЙ

Из 1809156 ходатайств этого вида, поданных в 1907–1915 г., на 1907–1911 гг. пришлось 925453 (51,2%), а на 1912–1915 гг. — 883703 (48,8%). В среднем за год в первом периоде подавалось 231363 ходатайства, а во втором — 220926 , т.е. на 4,6% менее. При этом в 1912–1913 гг. этот показатель составил 300494, т. е. в 1,3 раза больше уровня 1907–1911 гг.

Для разверстания целого селения с общинным или смешанным владением, согласно указу 9 ноября 1906 г. и законам 14 июня 1910 г. и 29 мая 1911 г., требовалось согласие 2/3 домохозяев. В селениях подворно-наследственных, в перешедших к подворному владению или признанных таковыми, а также в селениях, где вся земля уже была укреплена, по указу 9 ноября разверстание также производилось с согласия 2/3 домохозяев, однако закон 14 июня определил, что отныне для разверстания достаточно желания простого большинства хозяев.

В сущности, одной этой таблицы 8.10 довольно, чтобы понять, насколько многообразна была сельская Россия и насколько непростой задачей было землеустройство в

Таблица 8.10. Среднее число дворов, ходатайствовавших о разделе на хутора и отруба целых селений, приходящееся на 1 земельную единицу. 1907–1915 гг.

Губернии	1	2	3	Губернии	1	2	3
Херсонская	113684	673	168,9	Астраханская	30908	30	1030,3
Екатеринославская	100876	495	203,8	Уфимская	28032	329	85,2
Харьковская	100827	681	148,1	Ярославская	26253	1981	13,3
Волынская	91385	911	100,3	Орловская	24142	474	50,9
Полтавская	85259	870	98,0	Подольская	21480	163	131,8
Смоленская	82168	4077	20,2	Нижегородская	20186	506	39,9
Самарская	68170	250	272,7	Черниговская	19991	261	76,6
Киевская	67346	378	178,2	Тульская	19058	552	34,5
Витебская	64731	5365	12,1	Тамбовская	19000	296	64,2
Минская	63536	1168	54,4	Костромская	18734	883	21,2
Бессарабская	60772	337	180,3	Владимирская	18347	750	24,5
Ковенская	59378	3871	15,3	Рязанская	16676	372	44,8
Тверская	53797	2116	25,4	Воронежская	14263	194	73,5
Таврическая	51729	282	183,4	Вологодская	14149	728	19,4
Могилевская	50298	1791	28,1	Донская	12276	232	52,9
Петербургская	46512	1641	28,3	Калужская	11902	367	32,4
Псковская	42591	3977	10,7	Пензенская	7726	180	42,9
Новгородская	41876	2100	19,9	Симбирская	6888	96	71,8
Курская	40736	617	66,0	Вятская	4492	201	22,3
Гродненская	40185	716	56,1	Казанская	4114	99	41,6
Саратовская	40084	387	103,6	Ставропольская	4044	8	505,5
Виленская	32955	1660	19,9	Олонецкая	3797	259	14,7
Пермская	31805	522	60,9	Архангельская	347	76	4,6
Московская	31651	660	48,0	**ВСЕГО**	**1809156**	**44582**	**40,6**

1. Число ходатайств в 1907–1915 гг.
2. Число земельных единиц, решивших разверстаться на хутора и отруба в 1907–1915 гг.
3. Среднее число дворов на 1 земельную единицу.

стране, где среднее число дворов в деревне колебалось от 10,7 в Псковской губернии до 1030 в Астраханской.

Чего было проще добиться — разверстания 250-ти селений в Самарской губернии или 5365-ти в Витебской, 282-ти селений в Таврической губернии или 2116-ти в Тверской? Число ходатайств они дали примерно одинаковое.

В таблице 8.11 представлены данные о 20-ти губерниях, лидирующих в этом виде землеустройства.

В большинстве этих губерний в 1907–1915 гг. ходатайства о разверстании целых селений составили от половины и до 100% всех ходатайств о личном землеустройстве. Как можно видеть из таблицы 8.11, среди губерний, лидирующих в этом виде землеустройства, находятся степные губернии, которые в силу сравнительной однородности почвы самой природой были предназначены для подобных разделов, а также губернии

Таблица 8.11. Губернии-лидеры по числу ходатайств о разверстании целых селений

1907–1915				1907–1911				1912–1915			
Губернии	**1**	**2**	**3**	**Губернии**	**1**	**2**	**3**	**Губернии**	**1**	**2**	**3**
Херсонская	113684	6,3	77,9	Херсонская	67812	7,3	84,5	Смоленская	57970	6,6	89,7
Екатериносл.	100876	5,6	59,5	Екатериносл.	66408	7,2	64,8	Харьковская	49080	5,6	59,4
Харьковская	100827	5,6	66,1	Волынская	60407	6,5	90,6	Херсонская	45872	5,2	69,7
Волынская	91385	5,1	63,3	Полтавская	55311	6	97,1	Бессараб.	38991	4,4	92,1
Полтавская	85259	4,7	59,3	Харьковская	51747	5,6	73,9	Минская	38985	4,4	92,9
Всего 1–5	**492031**	**27,2**		**Всего 1–5**	**301685**	**32,6**		**Всего 1–5**	**230898**	**26,1**	
Смоленская	82168	4,5	83,5	Киевская	47147	5,1	99,9	Тверская	37773	4,3	79,2
Самарская	68170	3,8	49,2	Витебская	35568	3,8	88,7	Самарская	35009	4,0	44,5
Киевская	67346	3,7	88,0	Самарская	33161	3,6	55,3	Екатериносл.	34468	3,9	51,5
Витебская	64731	3,6	87,4	Ковенская	31239	3,4	100	Волынская	30978	3,5	39,8
Минская	63536	3,5	95,5	Астраханская	30125	3,3	86,0	Полтавская	29948	3,4	34,5
Всего 6–10	**345951**	**19,1**		**Всего 6–10**	**177240**	**19,2**		**Всего 6–10**	**168176**	**19,0**	
Бессараб.	60772	3,4	93,8	Могилевская	26248	2,8	75,9	Витебская	29163	3,3	85,8
Ковенская	59378	3,3	100	Минская	24551	2,7	100	Ковенская	28139	3,2	100
Тверская	53797	3,0	76,5	Таврическая	24492	2,6	71,1	Таврическая	27237	3,1	79,8
Таврическая	51729	2,9	75,4	Смоленская	24198	2,6	71,8	Псковская	26229	3,0	80,1
Могилевская	50298	2,8	78,2	Петербург.	23344	2,5	88,8	Новгородская	25256	2,9	73,7
Всего 11–15	**275974**	**15,3**		**Всего 11–15**	**122833**	**13,3**		**Всего 11–15**	**136024**	**15,4**	
Петербург.	46512	2,6	83,9	Гродненская	22966	2,5	100	Могилевская	24050	2,7	80,9
Псковская	42591	2,4	74,1	Бессараб.	21781	2,4	96,9	Петербург.	23168	2,6	79,5
Новгородская	41876	2,3	72,6	Виленская	20040	2,2	100	Саратовская	23058	2,6	32,2
Курская	40736	2,3	58,8	Курская	18536	2	69,5	Курская	22200	2,5	52,1
Гродненская	40185	2,2	77,4	Саратовская	17026	1,8	31,2	Московская	20401	2,3	73,5
Всего 16–20	**211900**	**11,7**		**Всего 16–20**	**100349**	**10,8**		**Всего 16–20**	**112877**	**12,8**	

1. Число ходатайств
2. Доля ходатайств, поданных в данной губернии, в общероссийских итогах этого вида землеустройства.
3. Доля ходатайств этого вида в сумме всех ходатайств о личном землеустройстве, поданных в данной конкретной губернии.

с преобладанием подворно-наследственной собственности, где к единоличному хозяйству крестьяне психологически были давно готовы.

Таблица 8.11 показывает, что во 2-м периоде в сравнении с 1-м в лидирующей группе происходят серьезные перемены. Из губерний, входящих в первую десятку в 1907–1911 гг. свое положение улучшили лишь Харьковская и Самарская губернии, переместившиеся соответственно с 5-й на 2-ю и с 8-й на 7-ю позиции. А вот Хер-

сонская губерния с 1-го места перешла на 3, Екатеринославская — со 2-го на 8-е, Волынская — с 3-го на 9-е, Полтавская — с 4-го на 10-е, Киевская — с 6-го на 21-е, Витебская — с 7-го на 11-е, Ковенская — с 9-го на 12-е, Астраханская губерния — с 10-го на 46-е.

В то же время Смоленская губерния переместилась с 14-го места на 1-е (число ходатайств выросло с 24198 в 1907–1911 гг. до 57970 за 1912–1915 гг.), Бессарабская — с 17-го на 4-е (21781 и 38991), Минская — с 12-го на 5-е (24551 и 38985 соответственно), Тверская — с 24-го на 6-е (16024 и 37773), Новгородская — с 22-го на 15-е (16620 и 25256), Псковская — с 23-го на 14-е (16362 и 26229 ходатайств соответственно).

Особо следует отметить появление в 1912–1915 гг. на 20-й позиции Московской губернии, которая в 1907–1911 гг. была лишь 30-й; число ходатайств о разверстании целых селений в ней при этом почти удвоилось — 20401 против 11250.

Эти данные очень важны.

Достаточно высокие и притом растущие во времени показатели великорусских нечерноземных губерний подчеркивают несостоятельность одного из любимых тезисов традиционной историографии о равнодушии крестьян общинных губерний к частной собственности.

Во-вторых, эти сведения, при том, что их сравнительно немного, позволяют увидеть, используя известный образ, «эшелоны» землеустройства.

Были губернии, в которых совпадало стремление населения к переменам и внешние факторы — вовремя созданные Комиссии с высоко профессиональным составом исполнителей. Населению других губерний нужно было несколько больше времени, чтобы понять выгоды, которые обещает реформа, а крестьяне третьих губерний размышляли об этом еще дольше и т. д.

Сначала стартуют губернии, в которых население более подготовлено к переходу к личному хозяйству. И затем мы видим, что в одних поступательное движение продолжается прежним темпом (Харьковская, Самарская), в других оно несколько замедляется (Екатеринославская, Херсонская), что может вызываться как минимум двумя причинами — желанием комиссий сбалансировать свою работу, «подтянуть тылы», либо тем, что потребность в разверстаниях несколько ослабела после начального рывка, что происходит стабилизация. Реформа ведь не может и не должна развиваться в режиме непрерывного роста.

Разновременность осознания населением преимуществ реформы мы увидим и анализируя другие виды землеустройства.

Для характеристики динамики реформы важны следующие наблюдения.

По 47-ми губерниям в целом среднегодовое число ходатайств этого вида в 1912–1913 гг. увеличилось на 30% в сравнении с 1907–1911 гг. — с 231363 до 300494, но при этом в 14-ти губерниях оно уменьшилось. Однако это не говорит о том, что стремление к личному землеустройству там пошло на убыль, поскольку в 10-ти из этих губерний показатели 1913 г. выше показателей 1912 г., включая такие важные губернии, как Екатеринославская (15597 против 9972), Херсонская (21241 против 8998), Полтавская (14086 против 10070), Киевская (8125 и 3035) и др. А всего в 1913 г. было подано 322762 ходатайства о разверстании целых селений против 278226 в 1912 г.

Замедление темпов подачи ходатайств с началом 2-го периода землеустройства в ряде губерний связано, конечно, с ситуацией, созданной новыми законодательными актами. Комиссиям нужно было время, чтобы с ними освоиться, о чем прямо говорят источники.[65] Не кажется слишком смелым высказанное выше предположение, что комиссии, имевшие огромное число неисполненных ходатайств за 1907–1911 гг., могли в 1912 г. — ввиду сложностей, связанных с реализацией закона 29 мая 1911 г. или по иным причинам — несколько тормозить принятие новых прошений.

В целом же разверстание целых селений оставалось самым массовым видом единоличного землеустройства.

ВЫДЕЛЫ ОТДЕЛЬНЫХ ХОЗЯЕВ

В традиционной историографии этому виду землеустройства, как известно, уделяется особое внимание. Считается, что истинное отношение к реформе и к частной собственности (естественно, негативное) крестьяне демонстрировали в бескомпромиссной борьбе против выделов, подробности которой, зачастую абсолютно варварские, со злорадством уже сто лет смакуют противники реформы. Напомню цитированное выше мнение Анфимова о «борьбе крестьянства против единоличных выделов» и об «уклонении от них землеустроительных отрядов»...

У нас нет сейчас возможности разбирать этот сюжет сколько-нибудь подробно. Источники недвусмысленно говорят о том, что крестьянам для решения о единоличном выделе из общины действительно нередко требовалось самое настоящее мужество, как это часто бывает, когда речь идет о противостоянии немногих людей коллективу, точнее, толпе. Безусловно, в масштабах страны имели место тысячи случаев отказа крестьян от намерения выделиться после проведенной «обществом» «разъяснительной работы» о необходимости быть таким, как все, о «пользе коллектива». В 1990-х гг. многое из этого вандализма повторилось в отношении колхозников к фермерам.

Но были сотни тысяч обратных примеров, и в этом мы сейчас убедимся.

Действительно, в балансе видов личного землеустройства по стране в целом единоличные выделы занимали второе место, составляя порядка 29–30 % всех личных ходатайств, однако для ряда губерний этот вид был основным.

В целом развитие этого вида землеустроительных работ характеризуется следующим образом. За 1907–1915 гг. было подано 865886 ходатайств, из них 384888 в 1907–1911 гг. (44,5% от общего числа) и 480998 в 1912–1915 гг. (55,4% соответственно). В 1907–1911 гг. в среднем за год подавалось 96222 ходатайств, в 1912–1915 гг. — 120250, или в 1,25 раза больше, но притом в 1912–1913 — 160952 ходатайства (в 1.67 раза больше). На уровне губерний, понятно, ситуация была индивидуальной.

Единоличные выделы далеко не всегда были единоличными на практике — статистика показывает, что в большинстве губерний число желающих выделиться превышало единицу.

В числе лидеров в этом виде землеустройства мы видим, с одной стороны, южночерноземные губернии (причем некоторые из них, как Самарская, Херсонская, Екате-

Таблица 8.12. Губернии-лидеры по числу ходатайств о единоличных выделах. 1907–1915.

1907–1915				1907–1911				1912–1915			
Губернии	**1**	**2**	**3**	**Губернии**	**1**	**2**	**3**	**Губернии**	**1**	**2**	**3**
Саратовская	82325	9,5	65,2	Саратовская	37544	9,8	68,8	Саратовская	44781	9,3	62,5
Самарская	70120	8,1	50,6	Екатериносл.	36127	9,4	35,2	Самарская	43322	9,0	55,1
Екатериносл.	66915	7,7	39,5	Самарская	26798	7	44,7	Харьковская	32465	6,7	39,3
Харьковская	50713	5,9	33,2	Херсонская	18248	4,7	15,5	Воронежская	31601	6,6	55,6
Воронежская	48421	5,6	63,6	Пензенская	18229	4,7	82,1	Екатериносл.	30788	6,4	46,0
Всего 1–5	**318494**	**36,8**		**Всего 1–5**	**136946**	**35,6**		**Всего 1–5**	**182957**	**38,0**	
Ставропол.	38172	4,4	90,4	Воронежская	16820	4,4	87,3	Ставропол.	23141	4,8	94,0
Уфимская	33866	3,9	54,5	Уфимская	16395	4,3	49,2	Херсонская	19900	4,1	30,3
Херсонская	32299	3,7	22,1	Ставропол.	15031	3,9	85,4	Уфимская	17471	3,6	60,7
Пензенская	30761	3,6	71,7	Тамбовская	14654	3,8	50,0	Казанская	16570	3,4	64,3
Тамбовская	29919	3,5	53,5	Симбирская	12735	3,3	77,9	Тамбовская	15265	3,2	57,4
Всего 6–10	**165017**	**19,1**		**Всего 6–10**	**75635**	**19,7**		**Всего 6–10**	**92347**	**19,2**	
Казанская	27707	3,2	69,7	Харьковская	12399	3,2	26,1	Курская	14412	3,0	33,8
Симбирская	26302	3,0	78,0	Казанская	11137	2,9	79,7	Симбирская	13567	2,8	78,0
Курская	22518	2,6	32,5	Орловская	10953	2,8	42,3	Пензенская	12532	2,6	60,6
Пермская	19183	2,2	33,8	Таврическая	9946	2,6	28,9	Тульская	12133	2,5	41,0
Орловская	18936	2,2	36,9	Нижегородск.	9906	2,6	49,9	Вятская	12000	2,5	70,4
Всего 11–15	**114646**	**13,2**		**Всего 11–15**	**54341**	**14,1**		**Всего 11–15**	**64644**	**13,4**	
Тульская	18720	2,2	43,5	Смоленская	9514	2,5	28,2	Донская	11917	2,5	63,2
Нижегород.	18663	2,2	36,1	Могилевская	8351	2,2	24,1	Пермская	11084	2,3	31,7
Донская	16605	1,9	54,8	Псковская	8331	2,2	33,7	Рязанская	10626	2,2	45,3
Рязанская	16259	1,9	43,3	Курская	8106	2,1	30,4	Нижегородск.	8757	1,8	27,5
Таврическая	15613	1,8	22,8	Пермская	8099	2,1	37,0	Орловская	7983	1,7	31,4
Всего 16–20	**85860**	**9,9**		**Всего 16–20**	**42401**	**11,1**		**Всего 16–20**	**50367**	**10,5**	

1. Число ходатайств.
2. Доля ходатайств, поданных в данной губернии, в общероссийских итогах этого вида землеустройства.
3. Доля ходатайств этого вида в сумме всех ходатайств о личном землеустройстве, поданных в данной конкретной губернии.

ринославская, Харьковская первенствуют и по числу ходатайств о разверстаниях целых селений), а с другой стороны, высокие показатели фиксируются в великорусских общинных губерниях — во всех шести губерниях Центрально-Черноземного района, Средне-Волжских губерниях, а также и Пермской.

Значение импульса, приданного этому виду землеустройства законами 14 июня 1910 г. и 29 мая 1911 г., видно хотя бы из того, что среднегодовой показатель 1912–1913 гг. превысил уровень 1907–1911 гг. в 1,7 раза. На первые десять губерний в 1912–1915 г. приходится практически столько же ходатайств сколько на первые 16 губерний

за 1907–1911 гг. — 275304 против 276436. Это объясняется прежде всего тем, что по закону 29 мая все общинники получили право требовать выдела полос, состоящих в их владении, и доли общинных земель нераздельного пользования вне зависимости от того, укреплены ли эти земли в собственность или нет. Из вариантов выделов, проводившихся в обязательном порядке, для ряда губерний наибольшее значение, видимо, имел такой, когда проведения работ требовало не менее одной пятой части домохозяев, имеющих право голоса на сходе, или не менее 50, если общество состояло более чем из 250 дворов.

Из таблицы 8.13 хорошо видно, насколько возрастает среднее число дворов на 1 земельную единицу в 1912–1915 гг. в губерниях-лидерах — Саратовской, Самарской, Екатеринославской, Харьковской, Воронежской и Ставропольской, давших основную долю прироста ходатайств о выделах, а также Тамбовской, Казанской и др. Однако как можно видеть, далеко не везде рост числа ходатайств связан с увеличением среднего числа дворов на 1 земельную единицу, весьма часто бывает и наоборот (Уфимская, Херсонская, Симбирская и др.). Очевидно, что нововведения оказались очень полезны для селений с относительно большим числом дворов, исчисляемых сотней и более.

Сила примера всегда играла очень важную роль во внедрении *нового* в консервативную, по определению, жизнь деревни. Кофод считал, что выделы при землеустройстве являются значимым «средством для наглядного ознакомления сельского населения с новыми формами владения, и в этом смысле они оказали землеустройству громадную услугу»[66]. Ведь намного проще убедить отдельных передовых крестьян в выгодности перехода на хутора или отруба, чем собрать две трети голосов, необходимых для составления приговора о разверстании целого селения. «Под влиянием же примера выделившихся число сторонников землеустройства быстро растет и требуемое большинство голосов образовывается само собою. Вполне поэтому естественно, что в новых для землеустройства местах, каковыми являются, за малыми исключениями, все входящие в район деятельности землеустроительных комиссий общинные губернии, выделы по количеству устроенных домохозяев могут даже значительно преобладать над разверстаниями целых селений»[67], что показывает и статистика землеустройства.

Однако по мере того, как население начинает уяснять цели, значение и смысл землеустройства, выделы начинают отступать на задний план. «Поэтому относительное, постепенное увеличение числа выделяемых дворов, которое до сих пор замечается, прежде всего доказывает, что расширение территории, захваченной землеустроительными работами, прогрессирует быстрее, чем процесс проникновения сельского населения пониманием значения для него землеустройства.

Оно и понятно: число землеустроительных комиссий увеличивалось с каждым годом, для усвоения же массою населения новых форм владения требуется ряд лет, причем оно протекает не с одинаковой быстротой во всех частях данного уезда. Однако уже во всех губерниях замечается значительное в сравнении с предыдущими годами уменьшение числа мелких выделов, являющихся наименее желательными, а в губерниях, где землеустроительные работы получили повсеместное распространение, уже происходит постепенное относительное уменьшение общего количества выделяемых

Таблица 8.13. Сопоставления среднего числа дворов, ходатайствовавших о проведении единоличных выделов, на 1 земельную единицу в 1907–1911 гг. и 1912–1915 гг.

Губернии	1	2	3	4	5	Губернии	1	2	3	4	5
Саратовская	82325	37544	37,8	44781	53,6	Смоленская	15109	9514	2,6	5595	2,2
Самарская	70120	26798	33,6	43322	67,2	Новгородская	14504	6806	2,2	7698	2,4
Екатериносл.	66915	36127	43,8	30788	101,9	Псковская	14215	8331	1,7	5884	1,7
Харьковская	50713	18248	19,2	32465	35,2	Вятская	14166	2166	4,1	12000	2,6
Воронежская	48421	16820	18,9	31601	27,6	Тверская	13930	6621	2	7309	2,0
Ставропольская	38172	15031	138	23141	445,0	Могилевская	13124	8351	4,7	4773	3,5
Уфимская	33866	16395	13,7	17471	8,8	Калужская	10808	5012	3,6	5796	2,2
Херсонская	32299	12399	15,5	19900	14,5	Черниговская	10798	5282	8,1	5516	8,2
Пензенская	30761	18229	10,5	12532	12,8	Ярославская	10273	4476	1,9	5797	2,0
Тамбовская	29919	14654	13,2	15265	15,8	Владимирская	9991	4433	2,1	5558	1,7
Казанская	27707	11137	8,7	16570	15,2	Астраханская	9473	4904	71,1	4569	34,1
Симбирская	26302	12735	17,3	13567	15,0	Московская	8752	4147	2,1	4605	1,8
Курская	22518	8106	7,7	14412	12,8	Витебская	8183	4520	1,9	3663	1,6
Пермская	19183	8099	7,8	11084	3,3	Костромская	7205	3010	2,4	4195	1,9
Орловская	18936	10953	7,7	7983	6,7	Вологодская	6823	1870	2,4	4953	2,0
Тульская	18720	6587	4,7	12133	5,3	Петербургская	6313	2940	2,5	3373	2,4
Нижегородская	18663	9906	8,1	8757	5,8	Бессарабская	2461	688	23,7	1773	20,9
Донская	16605	4688	16,3	11917	11,1	Полтавская	1794	1627	42,8	167	4,1
Рязанская	16259	5633	6	10626	8,7	Архангельская	1189	6	1,2	1183	3,1
Таврическая	15613	9946	41,1	5667	49,7	Олонецкая	1176	79	2,3	1097	1,6

1. Число ходатайств о единоличных выделах в 1907–1915 гг.
2. Число ходатайств в 1907–1911 гг.
3. Среднее число дворов на 1 земельную единицу в 1907–1911 гг.
4. Число ходатайств в 1912–1915 гг.
5. Среднее число дворов на 1 земельную единицу в 1912–1915 гг.

домохозяев. Так, например: в Петербургской губернии — с 23,1% в 1908 г. до 4,2% в 1911 г., в Смоленской — с 32,7% до 15,1% и в Харьковской — с 48,9% до 20,7% всех единолично устроенных домохозяев.

Несомненно, в течение немногих лет подобное понижение относительного числа выделов окажется всеобщим явлением и мало-помалу они сойдут на нет, как это и было в Западной Европе. Чем скорее выделы сыграют свою роль, тем для дела землеустройства лучше; они очень полезны для ознакомления населения с новыми формами землевладения, но, с другой стороны, в том преобладающем числе случаев, когда ими захватываются земли раздельного пользования, они вызывают необходимость общего передела остальных земель между остающимися в общине.

Тот, кто знает, какую тревогу вносит в деревню такой передел, понимает, почему почти все сыплющиеся на землеустройство нарекания вызываются не разверстаниями целых селений, а выделами отдельных домохозяев. Помимо этого выделы поглощают, при прочих равных условиях, относительно гораздо более времени у землеустроителей и землемеров, и, следовательно, обходятся гораздо дороже, чем разверстания целых селений»[68].

Таблица 8.14. Сопоставление числа ходатайств о единоличных выделах с числом ходатайств о разверстании целых селений

Губернии	1	2	3	Губернии	1	2	3
Архангельская	347	1189	342,7	Тульская	19058	18720	98,2
Воронежская	14263	48421	339,5	Рязанская	16676	16259	97,5
Вятская	4492	14166	315,4	Нижегородская	20186	18663	92,5
Донская	12276	16605	135,3	Калужская	11902	10808	90,8
Казанская	4114	27707	673,5	Орловская	24142	18936	78,4
Пензенская	7726	30761	398,1	Екатериносл.	100876	66915	66,3
Самарская	68170	70120	102,9	Пермская	31805	19183	60,3
Саратовская	40084	82325	205,4	Курская	40736	22518	55,3
Симбирская	6888	26302	381,9	Владимирск.	18347	9991	54,5
Ставропольская	4044	38172	943,9	Черниговская	19991	10798	54,0
Тамбовская	19000	29919	157,5	Харьковская	100827	50713	50,3
Уфимская	28032	33866	120,8				

1.Число ходатайств о разверстании целых селений на хутора и отруба.
2.Число ходатайств о единоличных выделах.
3. Отношение числа ходатайств о выделах к числу ходатайств о разделе целых селений (%).

Однако пока уменьшение роли выделов оставалось делом будущего.

Из таблицы 8.14 следует, что в 12-ти из 47-ми губерний Европейской России, т. е. в каждой четвертой, число ходатайств о выделах превышало число ходатайств о разверстании целых селений, еще в 4-ех губерниях находилось практически на том же уровне и в семи случаях составляло от половины до почти 4/5. Причем часто речь идет о губерниях-лидерах в личном землеустройстве, таких как Саратовская, Самарская, Воронежская, Екатеринославская и др.

ОТРУБА В ОДНОЙ ДАЧЕ

До 1912 г. этот вид землеустроительных действий производиться не мог. За 1907–1911 гг. было подано 6999 ходатайств такого рода — 6218 в Волынской губернии, 396 в Тульской, 340 в Орловской и 45 в Курской губернии.

Отсутствие возможности разверстания такого рода земель в 1907–1911 гг. серьезно тормозило единоличное землеустройство в некоторых губерниях.

Вот что пишет по этому поводу автор сравнительного обзора хода землеустройства в Воронежской и Полтавской губерниях до осени 1910 г. Комментируя относительно медленное течение землеустройства в Полтавской губернии, он отмечает, что, помимо малой площади наделов, «особенности землевладения Полтавской губернии вообще представляют для широкого развития землеустроительной деятельности немаловажные затруднения, из которых, как на главнейшее надо указать на то, что подавляющее большинство крестьянского населения принадлежат к казакам, владеющим своей землей на праве личной собственности. По действующему закону всякого рода землеустроительные меры на этих землях могут быть предпринимаемы не иначе, как по единогласному желанию казаков, в порядке полюбовного размежевания». В силу этого полем деятельности землеустроительных комиссий является «только чисто надельная земля, составляющая меньшую часть крестьянского землевладения в губернии. Из более чем 2000000 дес. крестьянских надельных земель числится всего 735099 дес., а 1390391 дес. составляет собственность казаков. Значительная часть надельных земель сосредоточена в Константиноградском уезде (177 708 дес.), да и вообще в тех шести уездах... а только 332 099 дес. в остальных 9-ти уездах губернии. Независимо от столь небольшой площади надельных земель, нельзя упускать из виду, что в Полтавской губернии действует Положение 27 октября 1859 г., согласно которому мелкие, до 50 дес., владения были замежеваны в общие со смежными владениями дачи, с подчинением их общему севообороту и толоке **(общие смены)**, причем выдел или раздел этих земель возможен не иначе, как по согласию всех совладельцев. В такие общие дачи замежеваны и частью надельные земли крестьян, так что и из этих земель доступной для землеустройства оказывается далеко не вся площадь». По данным Полтавских губернских учреждений, из 735099 дес. надельных земель только 468882 дес., т.е. 63.8%, были свободны от общих смен. (Из этого числа 342626 дес. приходилось именно на те шесть уездов, где землеустройство шло наиболее успешно, а остальные 126.256 дес. приходятся на «отстающие» девять уездов, причем в уездах Роменском и Зеньковском это количество падает до 8272 и 1989 дес., сокращая, естественно, возможности для землеустройства до минимума[69].

«Таким образом, — заключает автор отчета — в наиболее благоприятных условиях для землеустройства по Полтавской губернии оказываются те уезды, где наблюдается совпадение трех условий: наибольшего обеспечения крестьян землей, нахождение наибольшего количества (наибольшая ее доля. — *М. Д.*) надельной земли и свобода ее от общих смен и толоки с соседними владениями». Поэтому сравнительно невелико число землеустроительных работ и так «неравномерно распространены» они по уездам[70]. Общесменные дачи занимали немалые площади также и в Черниговской губернии.

Таблица 8.15. Губернии-лидеры по числу ходатайств о разверстании отрубов в одной даче в 1912–1915 гг.

Губернии	1	2	3
Полтавская	56615	20,3	65,3
Волынская	46626	16,7	60,0
Черниговская	30429	10,9	64,7
Воронежская	13470	4,8	23,7
Нижегородская	12847	4,6	40,3
Гродненская	11220	4,0	38,7
Всего 1–6	**171207**	**61,4**	
Киевская	8806	3,2	30,1
Орловская	7950	2,8	31,2
Казанская	7940	2,8	30,8
Тамбовская	6993	2,5	26,3
Курская	6003	2,2	14,1
Калужская	5875	2,1	28,4
Пермская	5837	2,1	16,7
Вологодская	5449	2,0	27,1
Тульская	4861	1,7	16,4
Рязанская	4587	1,6	19,6
Пензенская	4389	1,6	21,2
Саратовская	3808	1,4	5,3
Виленская	2830	1,0	18
Московская	2744	1,0	9,9
Всего 6–20	**78072**	**28,0**	

1. Число ходатайств.
2. Доля ходатайств, поданных в данной губернии, в общероссийских итогах этого вида землеустройства.
3. Доля ходатайств этого вида в сумме всех ходатайств о личном землеустройстве, поданных в данной конкретной губернии.

Как можно видеть из таблицы 8.15 концентрация ходатайств в этом виде землеустройства очень высокая. В трех первых губерниях — Полтавской, Волынской и Черниговской сосредоточено 48,6% общего числа прошений, а с добавлением Воронежской, Нижегородской и Гродненской — свыше трех пятых — 61,4%.

Таким образом, несмотря на колебания в динамике подачи ходатайств о разверстании целых селений и о единоличных выделах в некоторых губерниях, в подавляющем большинстве губерний налицо рост всех видов прошений о личном землеустройстве в 1912–1915 гг. в сравнении с 1907–1911 гг.

Особо отметим растущие показатели личного землеустройства в великорусских губерниях, которые опровергают расхожее мнение о нежелании крестьян расставаться с общиной.

ГРУППОВОЕ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО

Обратимся теперь к статистике группового землеустройства.

В одном из официальных отчетов дается следующая общая его характеристика: «Групповые работы представляют большее разнообразие, чем землеустройство единоличное, соответственно тем формам, в каких может выражаться общность владения и пользования для целых групп сельского населения.

Однопланными называются селения, получившие землю в надел по одному общему для нескольких селений акту укрепления. Недостатки землепользования, свойственные вообще общинному землевладению, доходят в однопланных обществах до крайних пределов. Для того, чтобы приступить к коренному изменению условий землепользования в однопланных обществах, необходимо первоначально устроить землевладение каждого отдельного селения, т. е. обособить юридически одно от другого, свести все его полевые угодия по возможности в одно целое вокруг усадебной оседлости, с устранением чересполосности с владениями соседних селений, и разверстать остальные угодья. Подобным же видом землеустройства является **раздел многодворных селений и образование выселков**. В таких селениях ближайшим средством улучшить землепользование является создание из коренного селения нескольких самостоятельных единиц, путем образования выселков с переселением на выделяемые земли части коренных селений».

Эти «виды группового землеустройства затрагивают только надельные земли. Засим следуют два вида работ той же категории, затрагивающие интересы посторонних владельцев и направленные к **устранению вненадельной чересполосицы и общности пользования крестьян с частными владельцами**»[71].

Рассмотрим сейчас итоговые показатели группового землеустройства по периодам 1907–1911 гг. и 1912–1915 гг.

Важность перемен, внесенных законом 29 мая 1911 г. в процесс землеустройства и, соответственно, в деятельность Землеустроительных комиссий, хорошо видны в таблицах 8.16–8.19.

Как можно видеть из таблицы 8.17 в 1907–1915 гг., и в обоих периодах землеустройства первенство сохранял выдел отдельных селений из состава сельских обществ. Но если в 1907–1911 гг. на эту категорию пришлось свыше трех четвертей ходатайств о групповом землеустройстве, 75,1%, то в 1912–1913 гг. — немногим более двух пятых, 42,3%.

Второе место по числу ходатайств занимало уничтожение чересполосности с прилегающими владениями — 15,2% в 1907–1911 гг., 22,8% в 1912–1915 гг. при более чем двукратном росте среднегодового числа прошений.

Третья позиция за период 1907–1915 гг. принадлежала введенной с 1912 г. категории отграничения надельных земель от смежных владений (в качестве самостоятельного действия, независимо от предстоящего разверстания). Она имела номинальное значение в 1907–1911 гг. (921 ходатайство за эти годы), но потребность в ней была настолько велика, что в 1912–1915 гг. ее показатели превысили уровень категории уничтожения чересполосности (436,6 тыс. прошений против 432,9 тыс.) и составили 23,0% всех групповых ходатайств.

Четвертое и пятое места занимали соответственно категории — выдел земель выселкам и частям селений и раздел угодий, находящихся в общем пользовании крестьян и частных владельцев.

ВЫДЕЛ ЗЕМЕЛЬ ОТДЕЛЬНЫМ СЕЛЕНИЯМ СЕЛЬСКИХ ОБЩЕСТВ

Особое значение в групповом землеустройстве, как можно видеть из таблиц 8.16 и 8.17, имел выдел земель отдельным селениям сельских обществ (который в дальнейшем будет именоваться «разделом однопланных селений»). По числу ходатайств за 1907–1915 гг. — 1790805 — эта категория землеустройства занимает второе место из восьми, немного уступая разделу селений на хутора и отруба. В целом, как говорилось, за 1907–1915 гг. на прошения о разделе сельских обществ пришлось 29,0% всех вообще поданных в ходе реформы ходатайств, причем в 1907–1911 гг. данный показатель составил 37,6 %, а в 1912–1915 гг. — 22,6%. Из 1790,8 тыс. ходатайств этой категории 989,1 тыс. (55,2%) была подана в 1907–1911 гг., а 801,7 тыс. (44,8%) — в 1912–1915 гг.

В коллективном землеустройстве эта категория преобладает, составляя 55,7% всех групповых ходатайств в 1907–1915 гг., 75,1% в 1907–1911 гг., 46,8% в 1912–1913 гг. и 42,3% в 1912–1915 гг. Среднегодовое число прошений о разделе однопланных селений в годы реформы составило 223,9 тыс. В 1912–1915 гг. оно падает до 200,4 тыс. с 247,3 тыс. в 1907–1911 гг., притом, что в 1912–1913 гг. оно составляло 284,4 тыс., а в 1914–1915 гг. — лишь 116,4 тыс. Рост показателей 1912–1913 гг. связан с тем, что, как говорилось, закон 29 мая 1911 значительно упростил раздел однопланных селений, для которого теперь было достаточно ходатайства простого большинства домохозяев селения, желающего выделиться[72].

Две из возможных причин резкого уменьшения числа ходатайств в 1914–1915 гг. очевидны. Этот вид коллективного землеустройства был самым массовым с точки зрения участия в нем населения, с одной стороны, и наиболее трудоемким для землеустроителей с другой, поэтому призыв в армию как множества крестьян, имевших право голоса на сходе, так и сокращение числа работников Комиссий должны были отразиться на числе ходатайств сильнее, чем в других случаях.

Однопланные селения владели землей по одному общему акту укрепления (по реформе 1861 г.), и до их разверстания переход к единоличному землеустройству крестьян этих селений невозможен. Уже в «Отчете за 1907–1908 г.» отмечается, что «в таких селениях пахотные земли состоят в обособленном владении каждого отдельного селения. Все же остальные угодья, как-то: луга, пастбища, леса, выгоны и пр., находятся в общем пользовании всех или части селений. При этом общие угодья ежегодно подвергаются разделу между селениями, что порождает неизбежно массу споров и неудовольствий, в результате которых общества однопланных селений находятся постоянно в неприязненных, а зачастую в крайне враждебных между собой отношениях. Эта враждебность тягостно отражается на экономическом состоянии таких селений».

Землеустроительные комиссии отмечают, что крестьянами «указанные неудобства однопланных селений всегда и вполне ясно сознавались», но «изменение существую-

Таблица 8.16. Групповое землеустройство: число ходатайств по отдельным видам

Годы	1	2	3	4	5	Всего
1907–1911	989065	84305	200661	41185	921	**1316137**
1912–1913	568848	82109	249403	67449	247734	**1215543**
1914–1915	232892	53883	183484	22577	188841	**681677**
1912–1915	801740	135992	432887	90026	436575	**1897220**
1907–1915	1790805	220297	633548	131211	437496	**3213357**

1 — выдел земель отдельным селениям сельских обществ;
2 — выдел земель выселкам и частям селений;
3 — уничтожение чресполосности с прилегающими владениями;
4 — раздел угодий общего пользования крестьян и частных владельцев;
5 — отграничение надельных земель;
6 — всего ходатайств о групповом землеустройстве.

Таблица 8.17. Групповое землеустройство: баланс отдельных видов (%)

Годы	1	2	3	4	5	Всего
1907–1911	75,1	6,4	15,2	3,1	0,1	**100**
1912–1913	46,8	6,8	20,5	5,5	20,4	**100**
1914–1915	34,2	7,9	26,9	3,3	27,7	**100**
1912–1915	42,3	7,2	22,8	4,7	23,0	**100**
1907–1915	55,7	6,9	19,7	4,1	13,6	**100**

1 — выдел земель отдельным селениям сельских обществ;
2 — выдел земель выселкам и частям селений;
3 — уничтожение чресполосности с прилегающими владениями;
4 — раздел угодий общего пользования крестьян и частных владельцев;
5 — отграничение надельных земель;
6 — всего ходатайств о групповом землеустройстве.

Таблица 8.18. Групповое землеустройство: среднегодовое число ходатайств по видам

Годы	1	2	3	4	5	Всего
1907–1911	247266	21076	50165	10296	230	**329034**
1912–1913	284424	41055	124702	33725	123867	**607772**
1914–1915	116446	26942	91742	11289	94421	**340839**
1912–1915	200435	33998	108222	22507	109144	**474305**
1907–1915	223851	27537	79194	16401	54687	**401670**

1 — выдел земель отдельным селениям сельских обществ;
2 — выдел земель выселкам и частям селений;
3 — уничтожение чресполосности с прилегающими владениями;
4 — раздел угодий общего пользования крестьян и частных владельцев;
5 — отграничение надельных земель;
6 — всего ходатайств о групповом землеустройстве.

Таблица 8.19. Групповое землеустройство: динамика подачи ходатайств в 1907–1915 гг., принимая уровень 1907–1911 гг. за 100%

Годы	1	2	3	4	5	Всего
1907–1911	100	100	100	100	100	**100**
1912–1913	115,0	194,8	248,6	327,5	53796,7	**184,7**
1914–1915	47,1	127,8	182,9	109,6	41007,8	**103,6**
1912–1915	81,1	161,3	215,7	218,6	47402,3	**144,2**
1907–1915	90,5	130,7	157,9	159,3	23751,1	**122,1**

1 — выдел земель отдельным селениям сельских обществ ;
2 — выдел земель выселкам и частям селений;
3 — уничтожение чресполосности с прилегающими владениями;
4 — раздел угодий общего пользования крестьян и частных владельцев;
5 — отграничение надельных земель;
6 — всего ходатайств о групповом землеустройстве.

щего порядка землепользования оказывалось совершенно непосильным при прежних способах размежевания. Так, в Московской губернии за 46 лет (с 1861 г.) по всем 13-ти уездам было размежевано всего лишь 11 однопланных селений с общею площадью в 11436 дес., т. е. менее чем по 250 дес. в год. Насколько велико стремление самих крестьян покончить с этим явлением, видно уже из того, что за минувшие 2 года в Комиссии обратилось за содействием к разделу земель между селениями или частями селений 225 544 домохозяина, входящих в состав 2836 сельских обществ, причем, в частности, в Московской губернии — 296 сельских обществ»[73].

Площадь однопланных дач в отдельных губерниях составляла миллионы десятин, включая в свои границы большое число селений, преимущественно «в центральных и особенно в северных губерниях, где свыше 75% всех селений не имеют отдельного владения землей. Однопланность, кроме того обычно связана с чресполосностью селений, входящих в состав общества, владеющего землей по одному акту укрепления, а также и с владениями казны, церковных причтов, удела и частных лиц... Нередко однопланность охватывает целые волости. Так, в Рыбинском уезде Ярославской губернии в 1909–1911 гг. был произведен раздел 99-ти селений с 3572-мя дворами, составляющих три волости (Сретенскую, Никольскую и Чудиновскую), наделенных землей в количестве 13444 десятин (146,9 кв.км; для сравнения — площадь княжества Лихтенштейн составляет 157 кв. км. — *М. Д.*) по одному общему акту»[74].

В «Обзоре деятельности землеустроительных комиссий губерний Северо-Восточного района» (апрель 1914 г.) говорится, что в данном районе господствующей формой надельного землевладения была, «если так можно выразиться, „мертвая сложная община“. Мертвая потому, что переделов на обширном пространстве уже давно не производится, сложная — вследствие повсеместной развитой здесь однопланности и чересполосности не только между отдельными селениями, но очень часто между целыми сельскими обществами, а иногда и между волостями (Олонецкая губерния)»[75].

В этот район, заметим, тогда входили 10 губерний: Архангельская, Вологодская, Вятская, Казанская, Костромская, Нижегородская, Олонецкая, Пермская, Уфим-

ская и Ярославская, площадь которых составляла 190,9 млн. дес., т. е. немногим менее половины всей территории Европейской России. В Казанской, например, губернии из 3,2 млн. дес. надельной земли около 1 млн. приходилось на долю однопланных селений.

Однако проблема не ограничивалась этим регионом. Так, в Воронежской губернии из 3746,4 тыс. дес. надельной земли не было размежевано между самостоятельными сельскими обществами 1218,1 тыс. дес., т. е. 32,5 %. При этом «распространение групповых работ по отдельным уездам и успешный ход в одних при отсутствии в других, объясняется, кроме того, и тем обстоятельством, что во многих случаях селения, входящие в состав однопланных обществ, тяготясь неопределенностью своих поземельных отношений, возбудили друг против друга судебно-межевые дела. Подобных дел в губернии чрезвычайно много, и наличность их препятствует размежеванию таких однопланных обществ в порядке полюбовном, землеустроительном. Между тем длительный судебно-межевой процесс, как известно, весьма редко приводит к желательному результату. В тех уездах, где этих дел особенно много, землеустроительные работы по разделу и получили меньшее развитие»[76].

В Пензенской губернии «земельное устройство крестьян в межевом отношении во многих дачах было произведено в крайне несовершенной форме. Из общей площади надельной земли в губернии, исчисляемой в количестве 1791 074 дес., находящейся во владении 1824 селений с 249 359 крестьянскими дворами, 832626 дес. (46,48%. — *М. Д.*) находилось в неразмежеванных дачах, и затем 352 селения, состоящих из 38721 двора (15,5%. — *М. Д.*), владело землей 329 021 дес. по одному акту укрепления»[77].

В Московской губернии таких селений насчитывалось от 30 до 77% на уезд. В Отчете губернатора Джунковского говорится, что «стремлению крестьян к индивидуализации серьезно препятствует» неотмежеванность крестьянских наделов от земель частновладельческих, однопланность и чересполосность»[78].

Число подобных примеров легко умножить. Еще раз подчеркнем, что во всех таких селениях переход к единоличному землевладению мог начаться лишь после размежевания и разделов однопланных дач. О громадном значении разверстания однопланных селений говорит тот факт, что в 1907–1911 гг. в 33-х губерниях из 47-ми на них падает более половины всех ходатайств о групповом землеустройстве, притом в 24 из них — более 70%, а в 13-ти — свыше 90%.

В 1912–1915 гг. их доля в большинстве губерний снижается за счет развития других категорий землеустройства. Теперь 50% и более прошения этого вида составляют в 18-ти губерниях. Тем не менее и во 2-м периоде они уверенно лидируют, почти вдвое опережая следующие за ними категории.

Первые 20 губерний с наибольшим числом ходатайств за 1907–1915 гг. образуют гигантский сплошной массив, протянувшийся от Вологодской до Харьковской губернии с севера на юг и от Тверской и Новгородской до Пермской с запада на восток. На их долю пришлось 83,1% всех прошений этой категории, а на остальные 27 губерний — лишь 16,9%. При этом в Воронежской, Казанской, Харьковской, Московской и Владимирской губерниях (в каждой было подано свыше 100 тыс. ходатайств) сосредоточено

Таблица 8.20. Губернии-лидеры по числу ходатайств о разделе однопланных селений. 1907–1915 гг.

1907–1915				1907–1911				1912–1915			
Губернии	**1**	**2**	**3**	**Губернии**	**1**	**2**	**3**	**Губернии**	**1**	**2**	**3**
Воронежская	164438	9,2	65,2	Воронежская	108905	11,0	95,0	Казанская	64782	8,1	55,8
Казанская	147754	8,3	61,8	Казанская	82972	8,4	67,4	Харьковская	62215	7,8	64,2
Харьковская	114504	6,4	68,9	Московская	73225	7,4	76,2	Воронежская	55533	6,9	40,4
Московская	103463	5,8	60,6	Ярославская	58824	5,9	96,3	Владимирская	45964	5,7	61,9
Владимирская	101465	5,7	75,1	Владимир.	55501	5,6	91,1	Саратовская	45008	5,6	36,0
Всего 1-5	**631624**	**35,3**		**Всего 1-5**	**379427**	**38,0**		**Всего 1-5**	**273502**	**34,1**	
Тверская	81901	4,6	87,8	Харьковская	52289	5,3	75,4	Тверская	43566	5,4	84,9
Ярославская	79389	4,4	86,1	Пензенская	42916	4,3	94,2	Пермская	37042	4,6	31,5
Пермская	72973	4,1	42,1	Тверская	38335	3,9	91,5	Костромская	33780	4,2	87,7
Костромская	70810	4,0	92,2	Костромская	37030	3,7	96,8	Нижегородск.	30854	3,8	40,9
Саратовская	70657	3,9	45,5	Пермская	35931	3,6	64,8	Вятская	30279	3,8	69,8
Всего 6–10	**375730**	**21,0**		**Всего 6–10**	**206501**	**21**		**Всего 6–10**	**175521**	**21,9**	
Нижегородская	55955	3,1	48,3	Новгород.	33990	3,4	96,3	Московская	30238	3,8	40,5
Пензенская	54352	3	67,8	Тульская	32823	3,3	72,7	Курская	24257	3	65,8
Вологодская	52601	2,9	77,6	Вологодская	32560	3,3	95,8	Ярославская	20565	2,6	66,0
Новгородская	47980	2,7	90,4	Тамбовская	29193	3	73,4	Вологодская	20041	2,5	59,3
Курская	46532	2,6	73,1	Саратовская	25649	2,6	85,1	Рязанская	19367	2,4	38,7
Всего 11–15	**257420**	**14,4**		**Всего 11–15**	**154215**	**16**		**Всего 11–15**	**114468**	**14,3**	
Тамбовская	46048	2,6	38,9	Нижегород.	25101	2,5	62,1	Калужская	19302	2,4	37,6
Тульская	43882	2,5	41,0	Курская	22275	2,3	83,2	Уфимская	18687	2,3	68,6
Калужская	41474	2,3	51,6	Калужская	22172	2,2	76,3	Бессарабская	18607	2,3	75,6
Рязанская	41353	2,3	48,2	Рязанская	21986	2,2	61,5	Олонецкая	18140	2,3	95,6
Уфимская	37959	2,1	70,9	Уфимская	19272	1,9	73,2	Тамбовская	16855	2,1	21,5
Всего 16-20	**210716**	**11,8**		**Всего 16-20**	**110806**	**11**		**Всего 16-20**	**91591**	**11,4**	

1. Число ходатайств
2. Доля ходатайств, поданных в данной губернии, в общероссийских итогах этого вида землеустройства.
3. Доля ходатайств этого вида в сумме всех ходатайств о личном землеустройстве, поданных в данной конкретной губернии.

свыше трети всех прошений за 1907–1915 гг. Концентрация ходатайств высока — всего на первые десять губерний в 1907–1915 гг. пришлось 56,3%, в 1907–1911 гг. — 59,0%, т.е. почти две трети, а в 1912–1913 гг. — 56,0%.

Как можно видеть из таблицы 8.20, типы динамики подачи ходатайств в этом виде землеустройства схожи с теми, которые фиксируются в личном землеустройстве.

Такие губернии, как Воронежская, Казанская, Владимирская, Костромская и др. несмотря на снижение числа ходатайств в 1912–1915 гг. в сравнении с 1907–1911 гг. в целом сохраняют свои позиции, а такие, как Харьковская, Саратовская, Тверская, Пермская, Нижегородская и др. даже увеличивают число ходатайств и повышают свой «рейтинг».

В то же время Московская и Ярославская губернии, входившие в первую пятерку, переместились с 3-го и 4-го места в 1907–1911 гг. на соответственно 11-е и 13-е в 1912–1915 гг. В Московской губернии это было связано, как говорилось выше, с переключением внимания Землеустроительных комиссий на единоличное землеустройство ввиду того, что в 1907–1911 гг. они «все силы» направляли на «уничтожение внешней чересполосности однопланных селений»[79]. Схожая ситуация фиксируется также и в Воронежской губернии[80].

В источниках постоянно подчеркивается, что раздел однопланных селений был очень важен для последующей индивидуализации крестьянского землепользования.

В сравнительном обзоре хода землеустройства в Полтавской и Воронежской губерниях (1910 г.) говорится, что сопоставление данных по личному землеустройству «с количеством групповых работ указывает на серьезное землеустроительное значение последних, т.к. те же по преимуществу уезды, которые дают наибольшее число разделов, оказываются по их завершении, наиболее подготовленными к единоличному землеустройству.

Наблюдение это подтверждается по Богучарскому, Воронежскому, Острогожскому, Нижнедевицкому и Коротоякскому уездам. В остальных уездах, где групповых работ не производилось, не получило сколько-нибудь значительного развития и землеустройство единоличное...»[81].

В «Отчетных сведениях... на 1 января 1913 г» читаем: «Независимо от самостоятельного значения работ по выделу однопланных селений, они весьма важны и для последующего землеустройства таких селений; **после устранения неудобств землевладения по целому селению, у крестьян обыкновенно возникает мысль об улучшении условий землепользования и отдельных дворов.** В настоящее время наблюдается по многим губерниям, в которых до 1912 года все силы Землеустроительных комиссий были направлены, главным образом на уничтожение чересполосности однопланных селений, развитие работ по единоличному землеустройству». По Вологодской губернии за один 1912 г. образовано 1643 единоличных хозяйства, а за 1907–1911 гг. — 1511. В Вятской за 1907–1911 — 1053, в 12 — 879, в Московской 4198 и 2804, в Пермской 2227 и 4422 (в 12), в Тульской 6647 и 3767.»[82] (Как можно видеть, данные по Московской губернии несколько расходятся с приводимыми выше данными из Обзора по Центральному округу).

Статистика вполне подтверждает эти наблюдения.

УНИЧТОЖЕНИЕ ЧЕРЕСПОЛОСНОСТИ

Этот вид землеустроительных действий по числу ходатайств в 1907–1915 гг. — 633548 — занимает 4-е место среди восьми видов землеустройства и 2-е — среди категорий группового землеустройства (19,7%). В 1907–1911 гг. было подано 200661 прошение об уничтожении чересполосности, что составило 15,2% всех ходатайств о групповом землеустройстве, в 1912–1913 гг. — 432887, или 22,8% соответственно. Среднегодовое число ходатайств, составляя 79,1 тыс. в 1907–1915 гг., в 1912–1913 гг. в сравнении с 1907–1911 гг. выросло с 50,2 тыс. до 124,7 тыс. (в 2,5 раза) и даже в годы войны превышало уровень 1-го периода в 1,8 раза — 91,7 тыс. прошений.

Чересполосица была естественным следствием существовавшего в стране режима землепользования, в частности, однопланности. В однопланных селениях, «кроме внутренней чересполосицы между наделами отдельных домохозяев, чрезвычайное развитие получила и чересполосица междуселенная... Независимо от этого в тех же районах, особенно в северо-восточных губерниях, достигла громадных размеров и чересполосица между наделами крестьян и землями церквей, удела, казны и частных лиц. Очевидно, что запутанность земельного владения, при крайнем длинноземелье, совершенно лишает население возможности вести какое бы то ни было культурное хозяйство. Нередки случаи, когда крестьяне запускают прежде пахавшиеся земли, ввиду их истощенности и невозможности удобрять поля, раскинутые на десятки верст от усадебной оседлости. Очевидно, что землеустройство подобных наделов, ставящее своею задачей округлять земельное владение каждого селения, сводя разбросанные его части к одному месту, совершенно независимо от дальнейшей формы землепользования домохозяев данного селения (единоличного или общинного), является необходимым условием для возможности перейти к более совершенным формам хозяйства»[83].

В «Кратком общем обзоре хода землеустройства в губерниях Северного района за 1912 год» содержится «яркий, типичный для многих мест северных губерний пример распространенной чересполосности» — Рождественская волость Кунгурского уезда Пермской губернии, население которой — бывшие государственные крестьяне — владели землей по 54 владенным записям общею площадью около 32000 дес. (349,6 кв. км; напомню, что площадь Лихтенштейна равна 157 кв. км), не считая лесного надела. Эту землю отвели в 1893 г. в 918 отдельных участках, т. е. на каждую владенную запись в среднем пришлось 17 участков со средней площадью 35 дес. При этом 5380 дес., или 17,2% земельных угодий находились на расстоянии от 5 до 15 верст. «Несмотря на на малонаселенность деревень Рождественской волости и незначительную площадь надела каждого из селений, там нет ни одного, дальняя часть пахотных и сенокосных угодий которого не была бы удалена менее, чем на 10 верст. Даже такое незначительное население, как поселок Сверкаев, с 5 дворами при площади в 78,2 дес. и многие ему подобные владеют землей во многих отдельных участках, удаленных от селения на расстояние 20–25 верст»[84].

В губерниях этого района «не менее распространена и еще более „вычурная“ чересполосность, например, в уездах Камышловском, Ирбитском Пермской губернии, Никольском и других Вологодской губернии, Костромской», когда надел одного селения

Таблица 8.21. Губернии-лидеры по числу ходатайств об уничтожении чересполосицы. 1907–1915.

	1907–1915				1907–1911				1912–1915		
Губернии	**1**	**2**	**3**	**Губернии**	**1**	**2**	**3**	**Губернии**	**1**	**2**	**3**
Пермская	86961	13,7	50,2	Казанская	36692	18,3	29,8	Пермская	68284	15,8	58,0
Казанская	71594	11,3	29,9	Московская	22565	11,2	23,5	Казанская	34902	8,1	30,1
Нижегородская	41534	6,6	35,8	Волынская	20496	10,2	83,2	Нижегородская	32858	7,6	43,5
Харьковская	35623	5,6	21,4	Пермская	18677	9,3	33,7	Симбирская	27962	6,5	55,9
Московская	35527	5,6	20,8	Харьковская	9586	4,8	13,8	Харьковская	26037	6,0	26,9
Всего 1–5	**271239**	**42,8**		**Всего 1–5**	**108016**	**53,8**		**Всего 1–5**	**190043**	**43,9**	
Симбирская	29379	4,6	42,3	Рязанская	8988	4,5	25,1	Воронежская	23864	5,5	17,4
Тамбовская	27281	4,3	23,1	Нижегородская	8676	4,3	21,5	Владимирская	21724	5,0	29,3
Волынская	26948	4,3	64,7	Киевская	6814	3,4	78,6	Тамбовская	21475	5,0	27,4
Владимирская	26510	4,2	19,6	Тамбовская	5806	2,9	14,6	Саратовская	19948	4,6	15,9
Воронежская	25972	4,1	10,3	Тульская	5655	2,8	12,5	Тульская	15956	3,7	25,8
Всего 6–10	**136090**	**21,5**		**Всего 6–10**	**35939**	**17,9**		**Всего 6–10**	**102967**	**23,8**	
Саратовская	22570	3,6	14,5	Орловская	5512	2,7	22,3	Калужская	14346	3,3	28,0
Тульская	21611	3,4	20,2	Черниговская	5053	2,5	53,3	Московская	12962	3,0	17,4
Калужская	19358	3,1	24,1	Калужская	5012	2,5	17,3	Черниговская	10093	2,3	45,5
Рязанская	17511	2,8	20,4	Владимирская	4786	2,4	7,9	Вологодская	9707	2,2	28,7
Черниговская	15146	2,4	47,8	Гродненская	3800	1,9	57,9	Ярославская	9172	2,1	29,4
Всего 11–16	**96196**	**15,2**		**Всего 11–16**	**24163**	**12**		**Всего 11–16**	**56280**	**13,0**	
Орловская	11631	1,8	21,9	Минская	3526	1,8	43,4	Рязанская	8523	2,0	17,0
Вологодская	10458	1,7	15,4	Уфимская	3237	1,6	12,3	Вятская	7359	1,7	17,0
Ярославская	10074	1,6	10,9	Саратовская	2622	1,3	8,7	Волынская	6452	1,5	38,0
Киевская	9762	1,5	11,6	Курская	2444	1,2	9,1	Орловская	6119	1,4	21,6
Гродненская	9277	1,5	43,3	Подольская	2310	1,2	28,3	Гродненская	5477	1,3	36,9
Всего 16–20	**51202**	**8,1**		**Всего 16–20**	**14139**	**7,1**		**Всего 16–20**	**33930**	**7,8**	**8,0**

1. Число ходатайств.
2. Доля ходатайств, поданных в данной губернии, в общероссийских итогах этого вида землеустройства.
3. Доля ходатайств этого вида в сумме всех ходатайств о личном землеустройстве, поданных в данной конкретной губернии.

площадью в 600–700 дес. разбросан на расстоянии 30-50 верст 120–150 участками вперемежку с наделами прочих селений, связанных общим земельным актом.

«Если это длинноземелье и чересполосность значительны, то еще более нетерпимо расположены, вернее, раскиданы общественные лесные наделы, хотя бы, например, в той же Рождественской волости — на пространстве 85 верст.

Не менее развито и вклинивание одного владения в другое, — нередко, например, в губ. Вологодской, Архангельской, Пермской и др., можно встретить на протяжении одной версты границ до 40–50 поворотов линиями под острыми углами.

Из изложенного видно, что центр работ Землеустроительных комиссий в губерниях Северного района **должен был неминуемо лежать в выделе земли селениям из однопланности, в уничтожении чересполосности между обществами, селениями, казной, церковью, частными лицами и др.**, так как только при известной, хотя бы минимальной концентрации владений (стат. 6 Правил Земл.техн) мыслимо правильное применение землеустроительных мер к созданию единоличной собственности»[85].

В цитированной уже «Докладной записке о положении землеустройства в Московской губернии (август 1910 г.) говорится: » „В состав однопланных селений входят нередко несколько десятков селений, неразделенных между собою совершенно или имеющих значительное количество чересполосно расположенных общих владений. Как на пример, следует указать на одно дело в Богородском уезде, где 59 селений имеют общее владение площадью свыше 25000 дес. на 700 с лишком участках с вкрапленными чересполосно землями, принадлежащими Уделам и Павловскому Посаду"»[86].

Концентрация числа ходатайств об уничтожении чересполосности, как можно видеть, выше, чем у многих других видов землеустройства (что говорит о пространственно ориентированной потребности в нем). 10 губерний-лидеров сконцентрировали в 1907–1915 гг. 64,3% всех ходатайств этого вида, причем в 1907–1911 гг. эта цифра составляла 71,7%.

Расширение компетенции Землеустроительных комиссий в деле ликвидации чересполосности более чем вдвое увеличило число ходатайств. Потребность в этом виде группового землеустройства в 1912–1915 гг. явно возросла.

О том, что потребность в разверстании чересполосности в разных губерниях была различной говорит и весьма высокий процент, который приходится в лидирующих губерниях на ходатайства этой категории группового землеустройства. В 1907–1915 гг. в Пермской они составили свыше половины — 50,2%, в Казанской — свыше четверти: 29,9%, в Московской — свыше пятой части — 20,8%, в Нижегородской — треть: 35,8%, в Волынской губернии — более двух третей: 67,7% и т. д.

Ликвидация чересполосности, согласно данным отчетов, часто предшествовала разделу однопланных селений, и это в целом подтверждается статистикой землеустройства. Хотя полного соответствия между количеством прошений о проведении этих работ, конечно, нет, но нельзя не заметить, что в таких губерниях, как Владимирская, Воронежская, Казанская, Калужская, Московская, Нижегородская, Пермская, Саратовская, Симбирская, Тамбовская, Тульская, Харьковская, Ярославская их число составляет десятки тысяч. В таблице представлены губернии разных экономико-географических районов и разной потребности в групповом землеустройстве в целом, однако ликвидация чересполосности была нужна им всем.

ОТГРАНИЧЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ

За период 1907–1915 гг. было подано 437496 ходатайств о проведении этого вида землеустроительных работ. Это пятый показатель среди всех восьми видов землеустройства и третий — среди групповых, причем данная категория была создана законом 29 мая 1911 г. — за 1907–1911 гг. зафиксировано лишь 921 прошение.

Одним из главных нововведений закона 29 мая 1911 г. в процессуальном отношении, как говорилось выше, было получение Землеустроительными комиссиями судебных функций по разбору и решению возникающих при землеустройстве споров и претензий. Последствия этого проявились сразу же. В «Отчетных сведениях... на 1 января 1914 г.» сказано, что «сравнительно значительное количество в 1913 г. работ по отграничению объясняется переходом в ведение Комиссий на основании Положения о землеустройстве дел, разрешавшихся ранее в порядке судебно-межевого разбирательства»[87].

Значительное число ходатайств о проведении данного вида группового землеустройства, поступивших в 1912–1915 гг., демонстрирует чрезвычайную актуальность этих новаций для ряда губерний.

Вот что говорится об этом в Отчете по Юго-Западному краю: «Положение о землеустройстве 29 мая 1911 г., значительно расширив рамки деятельности Землеустроительных комиссий, распространив компетенцию последних в известных случаях на все вообще земли и, наконец, предоставив Комиссиям судебные полномочия, **ввело в круг действий Землеустроительных комиссий новый разряд дел, которые до этого не могли получить своего разрешения. Так, разверстание чересполосности, раздел общих угодий и отграничение до издания Закона имели различные способы для своего разрешения, но все эти способы практически не могли быть осуществляемы и не достигали цели.** Разверстание чересполосности могло быть осуществлено только при добровольном соглашении крестьян с помещиком, с третьими же лицами оно могло осуществляться только путем купли-продажи. Дела по разделу общих угодий могли быть разрешаемы только на общем основании, т. е. судебным порядком. Что же касается дел по отграничению и установлению меж, то дела этого порядка совершенно не могли быть разрешаемы иначе, как путем судебно-межевого разбирательства или коштного межевания (почему и поднялось число соответствующих ходатайств в 1912–1915 гг. — *М. Д.*)

В губерниях Юго-Западного края наделение крестьян не было закончено отграничением с установкой межевых знаков.

Отводы наделов, произведенные крестьянскими учреждениями на основании административного распоряжения бывшего Генерал-губернатора генерал-адъютанта Безака, заключались лишь в постановке временных межевых признаков, и последующими разъяснениями эти отводы были признаны не имеющими юридического значения.

С одной стороны, такое положение по укреплению границ крестьянского надела, а с другой, установление в большинстве случаев состава этого надела путем разновременных распоряжений Крестьянских учреждений, Генерал- губернатора и Временных комиссий создали большую запутанность в делах о надельных границах, а вместе с тем создали и сложность разрешения граничных споров.

Таблица 8.22. Губернии-лидеры по числу ходатайств об отграничении земель. 1912–1915 гг.

	1912–1915			
Губернии	**1**	**2**	**3**	**4**
Саратовская	58985	13,5	47,2	38,0
Киевская	52185	12,0	69,0	61,9
Московская	29839	6,8	40,0	17,5
Воронежская	28209	6,5	20,5	11,2
Тамбовская	23137	5,3	29,5	19,6
Всего 1–5	**192355**	**44,1**		
Пензенская	17313	4,0	50,0	21,6
Рязанская	15940	3,7	31,8	18,6
Херсонская	15407	3,5	65,1	48,9
Калужская	15355	3,5	29,9	19,1
Тульская	15157	3,5	24,5	14,8
Всего 6–10	**79172**	**18,1**		
Подольская	12582	2,9	28,8	24,3
Донская	12445	2,9	65,3	40,2
Астраханская	12257	2,8	47,3	32,0
Ставропольская	11369	2,6	54,7	42,2
Казанская	11331	2,6	9,8	4,7
Всего 11–15	**59984**	**13,7**		
Самарская	10299	2,4	42,0	25,7
Полтавская	10092	2,3	73,0	48,9
Нижегородская	8202	1,9	10,9	7,1
Орловская	7033	1,6	24,8	13,3
Симбирская	6475	1,5	12,9	9,3
Всего 16–20	**42101**	**9,6**		

1. Число ходатайств.
2. Доля в сумме ходатайств этого типа по стране (%).
3. Доля в сумме групповых ходатайств данной губернии в 1912–1915 гг. (%).
4. Доля в сумме групповых ходатайств данной губернии в 1907–1915 гг. (%).

При таких условиях и при отсутствии межевания в Крае всякое землеустройство вызывает прежде всего необходимость отграничения как предварительного самостоятельного действия.

Установление в правильном законном порядке межевых знаков способствует к упрочению среди крестьянского населения твердого понятия о праве чужой собственности, почему отграничение как самостоятельное действие является в Юго-Западном крае существенно необходимым»[88].

Чрезвычайно важное значение отмеченное расширение компетенции Землеустроительных комиссий имело для землеустройства в Юго-Западном крае, Малороссийских левобережных и некоторых других губерний.

Как следует из таблицы 8.22. отграничения земель заняли видное, а в некоторых губерниях и доминирующее положение среди других видов группового землеустройства.

Отграничения оказались весьма востребованы губерниями самых разных районов; заметим, что Саратовская и Киевская губернии дали более четверти ходатайств этого вида. Среди губерний-лидеров доля отграничения земель, как можно видеть, колеблется от 20,5% всех групповых ходатайств в 1912–1915 гг. до 73,0%, и лишь в двух губерниях из первых 20-ти она менее пятой части. В Киевской, Пензенской, Херсонской, Ставропольской, Полтавской губерниях и Донской области отграничения составили от 50 до 73% всех групповых ходатайств, в Саратовской, Московской, Астраханской, Самарской — от 40 до 47,3%. При этом 9,8% в Казанской губернии по абсолютной величине превышают 73,0% в Полтавской.

Первые 10 губерний-лидеров образуют два сплошных массива. Больший тянется от Московской губернии строго на юго-восток через Рязанскую, Тамбовскую, Воронежскую, Пензенскую и Саратовскую до Астраханской губернии. В меньший входят Киевская, Подольская и Полтавская губернии. Соединяются они друг с другом занимающей 17-е место Харьковской губернией. И вновь, как и в других случаях, мы видим, что определенный вид землеустройства необходим в районах с различной историей землепользования и землевладения; в этом — одно из важнейших достоинств закона 29 мая 1911 г.

ВЫДЕЛ ЗЕМЕЛЬ ВЫСЕЛКАМ И ЧАСТЯМ СЕЛЕНИЙ

Общее число ходатайств за 1907–1915 гг. о выделе земель выселкам и частям селений — 220297 — распределяется между двумя периодами в пропорции 44,5% и 55,%, что соответствует 84305 и 135992 ходатайствам, причем в 1912–1913 гг. было подано почти столько же прошений, сколько в 1907–1911 гг. — 82109.

Это вызвано значительным облегчением самой возможности проведения таких работ законом 29 мая 1911 г. До вступления его в силу для такого выдела было необходимо согласие 2/3 всех домохозяев данного селения, а с 1912 г. выдел мог быть произведен и без согласия схода, если в селениях, насчитывавших 250 и менее дворов, число желающих выделиться составляло не менее 1/5 всех домохозяев, а в более крупных селениях — не менее 50-ти[89]. Нельзя не заметить, что наибольшая потребность в этом виде группового землеустройства фиксируется в Центрально-Черноземном районе. Свыше трети всех ходатайств (33,7%) в 1907–1915 гг. было подано в Воронежской, Тульской и Тамбовской губерниях. А с добавлением показателей Орловской, Рязанской и Курской губерний, имеющих соответственно 7-й, 12-й и 15-й ранги, то на этот район придется свыше 40% всех прошений этого вида (табл. 8.23).

Данная категория землеустройства в 1907–1915 гг. занимает видное место в общем балансе ходатайств губерний с не очень высоким уровнем развития группового землеустройства: Смоленской — 34,4%, Екатеринославской — 28,3%, Херсонской — 23,3%, Таврической — 21,0%, Псковской — 27,8%. В губерниях с более значительным развитием коллективного землеустройства на выселки приходится примерно 10–20% всех ходатайств (губернии Центрально-Черноземного района, Уфимская и др.).

РАЗВЕРСТАНИЕ ОБЩНОСТИ ПОЛЬЗОВАНИЯ КРЕСТЬЯН С ЧАСТНЫМИ ВЛАДЕЛЬЦАМИ

За 1907–1915 гг. была подано 131211 ходатайств о проведении этого вида землеустроительных работ, причем на 1907–1911 гг. пришлось 41,1 тыс. ходатайств, а на 1907–1915 гг. — 90,0 тыс., соответственно — 31,4% и 68,6% всех ходатайств о разделе общих угодий. Тот факт, что общее число ходатайств этой категории уже в 1912–1913 гг. превысило показатель 1907–1911 гг. в 1,6 раза, связан, как и в других случаях, с предоставлением Землеустроительным комиссиям судебных функций. Как можно видеть, абсолютные показатели 1907–1911 гг. весьма низки, что неудивительно, ибо тогда вопросы раздела угодий могли решаться лишь в судебном порядке. В верхней части таблицы в 1912–1915 гг. в сравнении с 1907–1911 гг. происходят большие перемены, вызванные как раз расширением функций комиссий.

Раздел земель разного владения (таково было синонимичное наименование этого вида землеустройства) для подавляющего большинства губерний был маловостребованной категорией землеустройства или вовсе отсутствовал. Однако для некоторых губерний он был исключительно важен.

Таблица 8.24 показывает, что в Юго-Западных и некоторых соседних с ними губерниях, когда-то входивших в состав Речи Посполитой, с относительно небольшим числом групповых ходатайств, прошения о разделе угодий иногда составляют весомую долю — 65,0% всех ходатайств о групповом землеустройстве в Подольской, 26,1 % — в Киевской, 27,0% — в Волынской, 31,7% — в Гродненской, 35,7% — в Минской. В Малороссийских Черниговской и Полтавской на них приходится 12,8 и 13,8% соответственно (в данном случае ввиду очень высокой концентрации ходатайств о проведении этого вида землеустройства в таблице нет смысла приводить более 10-ти лидирующих губерний).

Заметна высокая, а во 2-м периоде — очень высокая концентрация ходатайств этого вида. Первые пять губерний в 1907–1911 гг. сосредоточили 44,5% ходатайств, в 1912–1915 гг. — 72,3%, причем Подольская и Киевская — 53,9%. Это подтверждает, что потребность в этом виде группового землеустройства была территориально ограничена. На лидирующие во 2-м периоде три Юго-Западных губернии пришлось 62,7%, а в 1907–1913 гг. — 51,0% всех ходатайств этого вида.

Стремление крестьян к проведению всех видов коллективного землеустройства после введения в действие закона 29 мая 1911 г. значительно возросло. Законодательные акты 1911 г., придавшие Землеустроительным комиссиям судебные функции, сумевшие, в числе прочего, учесть региональные особенности землевладения и землепользования, радикально повысили возможности комиссий в деле решения спорных и требующих судебного решения дел. Равным образом они расширили возможности крестьян, решивших изменить условия своей жизни.

Таблица 8.23. Губернии-лидеры по числу ходатайств о выделении земель выселкам и частям селений. 1907–1915.

	1907–1915				1907–1911				1912–1915		
Губернии	**1**	**2**	**3**	**Губернии**	**1**	**2**	**3**	**Губернии**	**1**	**2**	**3**
Воронежская	31066	14,1	12,3	Смоленская	7584	9	56,7	Воронежская	27423	20,2	20,0
Тульская	23171	10,5	21,7	Харьковская	7379	8,8	10,6	Тульская	17958	13,2	29,1
Тамбовская	20120	9,1	17,0	Екатериносл.	5659	6,7	42,5	Тамбовская	15421	11,3	19,6
Смоленская	9400	4,3	34,4	Тульская	5213	6,2	11,5	Пермская	7637	5,6	6,5
Харьковская	9027	4,1	5,4	Тамбовская	4699	5,6	11,8	Уфимская	5413	4,0	19,9
Всего 1-5	**92784**	**42,1**		**Всего 1-5**	**30534**	**36,3**		**Всего 1-5**	**73852**	**54,3**	
Екатериносл.	8885	4,0	28,3	Орловская	4552	5,4	18,4	Вятская	5339	3,9	12,3
Орловская	8532	3,9	16,1	Таврическая	3755	4,5	53,7	Рязанская	5291	3,9	10,6
Казанская	8375	3,8	3,5	Воронежская	3643	4,3	3,2	Казанская	4943	3,6	4,3
Пермская	7857	3,6	4,5	Нижегородская	3600	4,3	8,9	Херсонская	4709	3,5	19,9
Херсонская	7337	3,3	23,3	Казанская	3432	4,1	2,8	Орловская	3980	2,9	14,1
Всего 6–10	**40986**	**18,6**		**Всего 6–10**	**18982**	**22,6**		**Всего 6–10**	**24262**	**17,8**	
Уфимская	7151	3,2	13,4	Могилевская	3226	3,8	43,0	Екатериносл.	3226	2,4	17,9
Рязанская	6587	3,0	7,7	Псковская	2756	3,3	33,6	Курская	3122	2,3	8,5
Нижегородская	6422	2,9	5,5	Херсонская	2628	3,1	33,5	Нижегородская	2822	2,1	3,7
Вятская	6407	2,9	12,5	Донская	2392	2,8	20,0	Самарская	2520	1,9	10,3
Курская	5062	2,3	8,0	Тверская	2370	2,8	5,7	Симбирская	2335	1,7	4,7
Всего 11–15	**31629**	**14,4**		**Всего 11–15**	**13372**	**15,8**		**Всего 11–15**	**14025**	**10,4**	
Самарская	4880	2,2	12,2	Самарская	2360	2,8	15,2	Ставропольск.	2126	1,6	10,2
Таврическая	4400	2,0	21,0	Курская	1940	2,3	7,2	Смоленская	1816	1,3	13,0
Донская	3974	1,8	12,8	Бессарабская	1822	2,2	80,3	Черниговская	1796	1,3	8,1
Псковская	3841	1,7	27,8	Уфимская	1738	2,1	6,6	Харьковская	1648	1,2	1,7
Тверская	3424	1,6	3,7	Саратовская	1592	1,9	5,3	Пензенская	1605	1,2	4,6
Всего 16-20	**20519**	**9,3**		**Всего 16-20**	**9452**	**11,3**		**Всего 16-20**	**8991**	**6,6**	

1. Число ходатайств.
2. Доля ходатайств, поданных в данной губернии, в общероссийских итогах этого вида землеустройства.
3. Доля ходатайств этого вида в сумме всех ходатайств о личном землеустройстве, поданных в данной конкретной губернии.

Таблица 8.24. Губернии-лидеры по числу ходатайств о разверстании общности пользования крестьян с частными владельцами. 1907–1915 гг.

	1907–1915				1907–1911			1912–1915			
Губернии	**1**	**2**	**3**	**Губернии**	**1**	**2**	**3**	**Губернии**	**1**	**2**	**3**
Подольская	33705	25,7	65,0	Подольская	5408	13,1	66,4	Подольская	28297	31,4	64,7
Киевская	21955	16,7	26,1	Рязанская	3481	8,5	9,7	Киевская	20284	22,5	26,8
Волынская	11227	8,6	27,0	Волынская	3296	8	13,4	Волынская	7931	8,8	46,7
Гродненская	6781	5,2	31,7	Черниговская	3101	7,5	32,7	Минская	4486	5,0	43,8
Минская	6549	5,0	35,7	Нижегородская	3054	7,4	7,6	Гродненская	4127	4,6	27,8
Всего 1-5	**80217**	**61,1**		**Всего 1-5**	**18340**	**44,5**		**Всего 1-5**	**65125**	**72,3**	
Рязанская	4420	3,4	5,2	Гродненская	2654	6,4	40,4	Воронежская	2329	2,6	1,7
Черниговская	4040	3,1	12,8	Уфимская	2063	5	7,8	Симбирская	1690	1,9	3,4
Нижегородская	3770	2,9	3,3	Минская	2063	5	25,4	Тульская	1645	1,8	2,7
Полтавская	2841	2,2	13,8	Киевская	1671	4,1	19,3	Тамбовская	1592	1,8	2,0
Тульская	2479	1,9	2,3	Полтавская	1530	3,7	22,4	Курская	1557	1,7	4,2
Всего 6–10	**17550**	**13,4**		**Всего 6–10**	**9981**	**24,2**		**Всего 6–10**	**8813**	**9,8**	

1. Число ходатайств.
2. Доля ходатайств, поданных в данной губернии, в общероссийских итогах этого вида землеустройства.
3. Доля ходатайств этого вида в сумме всех ходатайств о личном землеустройстве, поданных в данной конкретной губернии.

* * *

Таким в общих чертах был ход землеустройства.

Понятно при этом, что мы лишь прикоснулись к Проблеме.

Тем не менее и проведенный, достаточно лаконичный, анализ, полагаю, весьма наглядно демонстрирует насколько сложными и в то же время нерациональными, запущенными, если так можно выразиться, были механизмы собственности в такой большой стране, как Россия, и насколько важно было для поступательного развития страны изменить такую ситуацию, преодолеть это наследие истории.

Нельзя не заметить также, насколько был продуман механизм землеустройства, как отдельные его виды дополняли друг друга.

Одновременно становится ясна совершенная несостоятельность, так сказать, «спортивного» подхода к реформе, доминирующего в традиционной историографии, который «требует» от Столыпинской аграрной реформы непрерывного линейного «прогресса» в духе повышенных планов коллективизации, а любую заминку с готовностью объявляет «провалом» преобразований.

Итак, все основные показатели землеустройства, касающиеся его первой стадии — подачи ходатайств об изменении условий землепользования — растут во времени и по России в целом, и в подавляющем большинстве губерний. Соответственно увеличивалось и число окончательно утвержденных проектов.

Полагаю, это является верным признаком адекватности реформы социально- экономической ситуации в стране и психологии населения (здесь — миллионов крестьян), а также и показателем мощности потенциала предпринимаемых преобразований. Реформа предоставляла крестьянам широкий выбор новых условий хозяйствования и вовсе не сводилась к «фабрикации хуторов и отрубов». Повторю принципиально важную мысль Кофода о том, что землеустройство было рассчитано на 50 лет.

Неравномерность хода землеустройства в отдельных районах и губерниях вполне очевидна. Что определяло преобладание того или иного вида землеустройства в отдельных губерниях и темпы землеустройства в них?

Динамика практически всякого масштабного процесса определяется неким числом факторов. Они, как всегда, образуют своего рода «периодическую систему», элементы которой в каждом отдельном случае слагаются в индивидуальную «формулу процесса», в данном случае — землеустройства, зависящую от конкретных местных условий.

Как известно, были вполне объективные факторы, при прочих равных условиях воздействовавшие на ход землеустройства* (далее они перечисляются не по степени значимости, ибо она почти всегда конкретна).

Это, во-первых, весь сложнейший комплекс проблем, связанных с юридическими аспектами землевладения (однопланные селения, прежде всего, наличие/отсутствие вненадельной чересполосности, сервитутов и т. д.), о чем уже сказано выше. Так, несомненные трудности для землеустройства в Черниговской и Полтавской губерниях создавал их особый земельный режим: «Положение о размежевании Черниговской и

---

* Подробнее о сказанном см.: *Давыдов М.А.* Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX вв. М., 2003. С. 275–285.

Полтавской губернии от 7 октября 1859 года предусматривало выдел в отдельные отруба владений, в которых состояло полевой земли не менее 50 дес., и соединение более мелких владений вместе с селенными землями в так называемые общесменные дачи, в пределах которых каждый владелец получал по одному отрубу (а иногда и по нескольку) в каждой смене. Число таких смен устанавливалось в зависимости от числа полей (смен) в принятом в данной даче севообороте, что фактически равнялось принудительному закреплению трехполья, с общей толокой в паровой смене т на жнивье. Впрочем, выделение владения из общесменной дачи было обязательно в том лишь случае, если величина его превышала в Черниговской губернии — 300 дес., а в Полтавской — 150 дес. полевой земли. С другой стороны, и мелкие владения, заключающие в себе менее 50 дес., могли быть отмежеваны отдельно по желанию их владельцев, но лишь в том случае, если это не оказывалось стеснительным для участников в общей смене»[90].

Во-вторых, важную, иногда определяющую роль играли почвенные условия данной местности — чем они однообразнее, тем легче происходит землеустройство.

Кофод отмечает важную, иногда определяющую роль почвенных условий местности — чем они однообразнее, тем легче происходит землеустройство. Так, южные степи благодаря однородности почвы, сравнительной обеспеченности крестьян, активно работающих на рынок, конечно, закономерно лидировали по части единоличного землеустройства. А в Северном районе, куда входят Архангельская, Вологодская, Олонецкая, Костромская, Ярославская, восточные части Новгородской и Тверской и северные части Вятской и Пермской — «причины застоя землеустройства совершенно противоположны тем, которые вызывают его на крайнем юго-западе. Не высота сельскохозяйственной культуры, а недостаточность развития крестьянского хозяйства, не малоземелье, а избыток втуне лежащих земель препятствует проведению землеустроительной реформы на севере. Слишком там еще много неразработанных и нуждающихся в осушке земель, чтобы радикальное землеустройство могло иметь крупный успех — картина знакомая из землеустроительной истории Швеции и Финляндии»[91].

Следующий фактор — размер земельного обеспечения населения. Чем выше землеобеспеченность, тем при прочих равных переход к единоличному землевладению происходит охотнее. Вряд ли случайно, что малоземельный Юго-Запад, особенно Подольская губерния, где были самые низкие по России средние наделы (3,8 дес. на двор), был аутсайдером реформы.

Очень большое значение имел характер неземледельческих занятий населения и их значение в хозяйстве и жизни крестьян. На этом нужно остановиться подробнее. Так, нельзя говорить о сельском хозяйстве в Юго-Западном крае вообще, забывая о том, что более половины из 300 сахарных заводов находилось там, давая крестьянам немалый дополнительный заработок и сезонной работой на заводах, и договорами о выращивании сахарной свеклы, и арендой надельных земель для той же цели. А «широкому развитию работ на надельных землях в губерниях Московской, Калужской, Ярославской, Владимирской, Костромской, Калужской и некоторых других препятствовал между прочим, упадок земледельческого промысла среди местного крестьянского населения. В Московской губернии... только 6% наличных крестьянских селений ведут исключительно полевое хозяйство, а 94% имеют, кроме того, различные побочные занятия;

из состава последних 39% посвящают свои силы исключительно промысловому труду. При таких условиях слабое стремление крестьян к индивидуализации земледельческого хозяйства является совершенно понятным», — отмечалось в «Обзоре» за 1907–1908 гг.[92] Это подтверждают и другие источники. Однако Кофод, комментируя это обстоятельство замечает: «Фабричный рабочий Владимирской губернии или ярославский и тверской промышленник мало интересуется сельского хозяйством и по своему политическому направлению он обыкновенно — партийный противник землеустройства, но он понимает толк в арифметике и прекрасно учитывает значение для него того подъема продажных цен на землю, который замечается повсюду после уничтожения чересполосицы и замены ее хуторами и отрубами. Нельзя поэтому сказать, что развитие несельскохозяйственных промыслов среди крестьян всегда служит препятствием развитию землеустройства; бывает и наоборот, доказательством чего служит быстрый количественный рост землеустройства во многих частях Владимирской, Ярославской и Тверской губерний»[93].

Ситуация в центральных нечерноземных губерниях и соседних с ними требует более подробного комментария. Сопоставление данных о переселениях из этого региона в Азиатскую Россию с динамикой потребления сельхозмашин и орудий приводит к весьма важным выводам. Эти губернии, с одной стороны, дают совершенно ничтожное число переселенцев. Вообще имперским лидером в этой сфере была Полтавская губерния, из которой в Азиатскую Россию переселилось 374 тыс. чел. Затем шли Екатеринославская, Харьковская, Курская, Воронежская, Могилевская и Киевская — от 198 до 234 тыс. переселенцев из каждой. А вот Петербургская, Новгородская, Тверская, Московская, Владимирская, Ярославская губернии в сумме за 1896–1916 гг. дали 13,7 (!) тысяч переселенцев, при этом Московская — 500 человек, а Ярославская — 100. Невелики и показатели Калужской (26 тыс.), Псковской (25 тыс.), Вологодской (16 тыс.), Костромской (10,8 тыс.) и Нижегородской (10,5 тыс.). Из всех этих 11-ти губерний за Урал уехало ровно в два раза меньше крестьян, чем из одной только Воронежской (102 тыс. против 204 тыс.)[94].

С другой стороны, эти же губернии — аутсайдеры (кроме Московской, но здесь особый случай) по объемам получения сельхозмашин, в отличие, скажем, от той же Воронежской, в которой постоянно увеличивалось потребление агротехники.

О чем это говорит? Надо полагать, что если жители этого региона не хотели начинать новую крестьянскую жизнь за Уралом, то не с сельским хозяйством связывали они свои расчеты на будущее. Для сотен тысяч крестьян этих губерний земледельческий труд по тем или иным причинам уже либо потерял свою привлекательность, либо перестал быть стержнем жизни и основным источником доходов. Это совершенно естественный, закономерный процесс, который имел место повсюду в мире.

Значит, можно говорить о том, что для многих крестьян этого региона время для землеустройства прошло. Но это никоим образом не означает, что это касается *всех* крестьян или что сельское хозяйство не имело там совершенно никаких перспектив. Реформа это подтвердила, ибо «быстрый рост работ по единоличному землеустройству в отдельных центральных губерниях указывает на то, что и здесь оно уже сдвинулось с мертвой точки»[95].

Конечно, для Кофода как человека идеи групповое землеустройство является все же мерой паллиативной, предварительной по отношению к единоличному землеустройству. Но это был нормальный процесс ступенчатого понимания, приобщения людей к *новому*. Те же самые процессы мы наблюдаем, анализируя динамику потребления сельхозмашин и орудий, «миссионерскую» деятельность земств в Новороссии и т. д. Там действовали аналогичные схемы — от неприятия «барской затеи», будь то многополье или сеялка, к любопытству и затем к осознанию необходимости непривычного (нового) для себя.

И совершенно иное положение фиксируется в сельском хозяйстве Новороссийских и соседних с ними северно-черноземных губерниях, таких, как Харьковская, Воронежская, Полтавская, которые, с одной стороны, дают основное число переселенцев и одновременно являются главными потребителями сельхозмашин и орудий. Очевидно, что здесь происходит глобальный переворот в сельском хозяйстве — переселенцы освобождают место для нового рывка тем, кто остается, а сами сделают Сибирь важным сельскохозяйственным регионом.

Однако и на юге бывали разные ситуации. «В некоторых районах (Феодосийский и Симферопольский уезды Таврической губернии и др.) встречаются указания на затруднительность изменения существующего порядка землепользования ввиду распространенности специальных культур, как, например, садоводство, виноградарство и табаководство, потребовавших значительной затраты денег и трудов на подготовку почв, почему включение таких земель в общую разверстку существенным образом нарушило бы интересы их владельцев»[96].

Что касается степени удобства существующего порядка землепользования, то при прочих равных условиях, с одной стороны, чем запутаннее землепользование, чем труднее вести хозяйство, тем шире должно распространяться землеустройство. Однако с другой стороны, чересполосица — следствие разнородности угодий и пашни, и по этой же именно причине землеустройство усложняется. Так что оценить влияние этого фактора сложно, все решала конкретная ситуация.

Конечно, совокупное действие всех этих факторов общего характера зависело от одного, который как бы оплодотворял их и определял очень многое в темпах проведения реформы.

Кофод его называет «степенью умственного развития населения». Допустимо определить его и как уровень психологической готовности крестьян к изменению условий землепользования, а нередко — и самого образа жизни. Кофод считает, что «высшее умственное развитие крестьян, облегчающее им понимание существа землеустроительных работ», действует в позитивном для реформы направлении, ибо «повсюду наблюдается, что пионеры землеустройства принадлежат к наиболее развитой части крестьян»[97].

Перефразируя мысль классика, можно сказать, что о неприятии крестьянами реформы, об их сопротивлении ей, о приверженности их общине и т. п. в традиционной историографии — отечественной и зарубежной — написано много книг. О поддержке крестьянством преобразований, о соответствии реформы стремлениям крестьян — ни одной. Разумеется, реальная жизнь была куда сложнее, чем представляется в неонароднической историографии.

Кофод в своих работах постоянно говорит о том, что успех землеустройства решающим образом зависит от степени готовности крестьян к изменению привычного образа жизни. Опыт других стран показывает, пишет он, что «пока население не подготовлено к этой реформе, до тех пор успешное проведение ее не удается; мало того, что дело не двигается, что недоверчивое, как везде, крестьянство противится введению неизвестных ему новшеств, — разверстания произведенные против желания большинства хозяев, исполняются неудовлетворительно»[98].

Открытый Кофодом задолго до реформы процесс *само*стоятельного, *само*деятельного расселения крестьян западных губерний лучше всего свидетельствовал о том, что по крайней мере в некоторых районах России крестьяне созрели для новой жизни.

В России, как и в ряде других стран, сила примера была основным инициирующим началом в землеустройстве. Вообще история начала землеустройства иногда настолько удивительна, как, например, в Швеции, что просто может быть темой «производственного» исторического романа.

Кофод так описывает начало первых разверстаний в Белоруссии. Крестьяне деревни Загородной Витебской губернии, будущие пионеры разверстаний в России, в свое время «сообща хотели купить одно имение, чья земля примыкала к их землям. Несколько лет они договаривались и торговались, пока однажды в 1876 году не появилась группа латышских крестьян, которые, предложив более высокую цену, выхватили это имение у них из-под носа.

Так как латышские крестьяне везде, где бы в мире они ни оказались, ведут свое хозяйство единолично, как их предки вели его с незапамятных времен у себя на родине, то было естественно, что купившие разделили землю между собою так, что каждый из них получил причитающуюся ему часть в виде одного хорошо округленного куска, на котором он и поселился.

Крестьяне Загородной, хотевшие купить имение, которое латыши теперь поделили между собой, очень недоброжелательно смотрели на прибывших, но, однако, внимательно следили за всем, что у них происходит. Способ ведения латышами полевого хозяйства заинтересовал их в высшей степени, и вскоре они начали обсуждать на сходах, не стоит ли им последовать их примеру — разделить всю пахотную землю между собою и выселиться каждому на свой участок, вместо того, чтобы оставаться с отцов унаследованным способом наделения землей, который привел к тому, что каждый хозяин имел свою долю, полосками разбросанную во всех концах.

Об этом спорили уже четвертый год, пока не поняли, что их деревня слишком велика — 40 дворов по 10–15 гектаров у каждого, чтобы можно было достичь единства в таком важном и таком новом деле. Так как примерно половина крестьян хотела разверстаться и выселиться, в то время как другая половина хотела остаться при старом порядке, крестьяне решили разделить всю их общую землю на две одинаковые части. Те, которые хотели выселиться, получили одну часть, те, кто хотел оставаться со старым порядком деления земель, получили другую часть.

Через три года еще одна деревня последовала примеру уже разверставшейся. После этого разверстание пошло несколько быстрее...»[99]. Через 20 лет разверсталось уже несколько сот деревень. Аналогичным образом, кстати говоря, по совершенно

той же схеме приобщались крестьяне и к агротехнике и приемам ведения интенсивного хозяйства.

Комментируя *само*деятельное землеустройство, Кофод отмечает, что история этих разверстаний «указывает путь к подготовлению населения. Все самостоятельно развившиеся районы возникли под прямым влиянием наглядных примеров хуторских устройств, подходящих к земельному положению крестьян ближайших окрестностей... нужно прежде всего наглядно убедить их в пользе намеченной реформы для них... Кое-где крестьяне уже вполне убедились в выгодности нового устройства, да как будто боятся начать — ждут толчка. В таких местах нужны не показательные хутора, а толковые руководители, опытные землемеры и законодательство, облегчающее и регулирующее производство дела вообще»[100].

В известной мере подводя итоги дореформенного процесса разверстания, Кофод еще до начала преобразований писал: «Очевидно, наступил благоприятный культурный момент в народном развитии для производства разверстания чересполосицы. С одной стороны, пробудилась в крестьянах потребность заменить чересполосное распределение земли другим устройством, более удобным в хозяйственном отношении и предоставляющим более свободы личной инициативе. С другой же стороны, в русских деревнях еще не развился тот полугородской уклад жизни, который заставляет немецких крестьян... смотреть на расселение, как на нечто совершенно немыслимое; иной из них лучше умрет, чем согласится жить на хуторе, среди поля, а стоимость переноса ...усадеб в общем еще не настолько велика, чтобы составить серьезное препятствие расселению. Но время не терпит, ежегодно увеличивается число каменных построек в деревнях...

Что действительно теперь наступил удобный культурный момент для разверстания чересполосицы... убеждает беспримерная в аграрной истории Европы быстрота распространения расселения и радикальность производства его везде в России, где крестьяне имели возможность воочию убедиться в выгодности хуторского хозяйства в сравнении с чересполосным. При этом до сих пор расселение целиком происходило по добровольному и почти всегда единодушному соглашению крестьян, без содействия принудительных законов, как это делалось и делается в Европе везде, где крестьяне вообще переходят на хутора»[101].

Весьма показательна для характеристики начального этапа реформы информация из официального обзора землеустройства в Самарской губернии:

«Малокультурное вообще и, в частности, инородческое население губернии искало выхода из неблагоприятно сложившихся условий сельскохозяйственной жизни, причем считало, что такой может быть достигнут, главным образом, **путем увеличения наделов за счет правительственных земель.** Между тем крестьянское населения Самарской губернии не может быть признано малоземельным, т. к. процент безземельных очень невелик и в среднем на двор причитается надел земли 19,8 дес. В отдельных же случаях имеются громадные наделы от 35 до 50 дес. на душевой пай (Смоленка, Перелюб и другие селения Николаевского уезда).

Население, ознакомившись с задачами Комиссий, отнеслось недоверчиво к ним. Новизна дела смущала и более сознательный элемент, стремившийся порвать связь с общиной, тем более, что в пределах Самарской и соседних

с нею губерний не имелось обособленных участков единоличного владения крестьянского типа, могущих служить показательными.

В особенности затруднял всех крестьян вопрос о пастбище и порядке раздела надельных земель в смысле справедливого отвода каждому домохозяину причитающейся ему земли.

Вследствие изложенного и не улегшегося еще в умах части крестьян тревожного брожения как последствия бывших в некоторых местностях волнений, Землеустроительным учреждениям предстояло заслужить прежде всего доверие населения и опираясь на него практически осуществить поставленную им задачу по переустройству земельного быта крестьян.

В 1907 г. деятельность Землеустроительных комиссий носила главным образом подготовительный характер; с того же года стал применяться закон 9 ноября 1906 г., получивший впоследствии широкое распространение в губернии.

К 1908 г. удалось создать и объединить кадр достаточно подготовленных землемерных и землеустроительных сил и с этого же года Комиссии приступили к планомерной работе по ликвидации банковских и казенных земель, а также и к внутринадельному землеустройству.

Ликвидация банковских земель имела решающее значение в деле дальнейшего землеустройства крестьян, тем более, что по условиям землевладения в Самарской губернии, принадлежащие Крестьянскому банку земли, расположены вблизи местажительства безземельных и малоземельных крестьян»[102].

Число подобных примеров легко умножить.

Позже, в 1914 г., оценивая неслыханный размах российского землеустройства, Кофод писал: «Как необходимы школы для распространение грамотности, как необходим фермент для вызова брожения, так необходимы были живые примеры самостоятельного мелкого крестьянского хозяйства для всестороннего наглядного ознакомления крестьянских масс с предлагаемыми правительством новыми способами распределения их земель»[103].

Он постоянно подчеркивает важность именно психологического аспекта — история стран Запада, а теперь и России, показывает, что разверстания удачны тогда, когда крестьяне хотят их и понимают их пользу: «Существо землеустроительных работ должно быть доступно пониманию населения, которое прежде всего должно убедиться в обеспеченности полной справедливости при производстве землеустроительных работ. Поэтому, чем проще и удобоисполнимее представляется населению землеустройство, другими словами, чем однообразнее местные природные условия и чем развитее само население, тем успешнее протекает работа Землеустроительных комиссий. Так, мы видим, что в равнинной степи с равнокачественною почвою землеустройство развивается несравненно более быстрыми темпом, чем в центре или на севере, несмотря на то, что обычная в степи форма чересполосицы гораздо менее дробна и сложна, а потому в значительно меньшей мере препятствует ведению хозяйства, чем принятая в центральных или северных губерниях форма».

Однако реальное взаимодействие указанных выше факторов было весьма сложным и тонким процессом, который никоим образом нельзя примитивизировать. Застрельщики землеустройства, как говорилось выше, относятся к числу «наиболее развитой части

крестьян», «однако необходимо при этом иметь в виду, что высшее умственное развитие крестьян не только содействует успеху землеустройства, но в то же время и препятствует ему, вызывая интенсификацию, а следовательно, и осложнение крестьянского хозяйства, которое в свою очередь увеличивает разноценность полевых угодий. Даже одно прекращение общности севооборота, не повлекшее еще за собою заметного усовершенствования хозяйства, ставит серьезное препятствие развитию землеустройства.

В силу изложенного, значение культурности сельского населения для развития и радикальности землеустройства зависит главным образом от той степени влияния, какое она успела оказать на усовершенствование сельскохозяйственного промысла. Чем сильнее это влияние, тем неблагоприятнее оно для развития землеустройства, которое поэтому в старокультурных странах распространяется чрезвычайно медленно, принимая при этом по мере поднятия культуры все менее и менее радикальную форму»[104]. Заключение, на первый взгляд, несколько неожиданное, но лишь на первый взгляд.

В литературе совсем не исследовано влияние на ход землеустройства такого фактора, как степень осведомленности крестьян о реформе вообще и об изменениях в ее программе, в частности. Увы, проблема коммуникации между Властью и подавляющей частью населения при полном отсутствии радиофикации всей страны практически неизучена, а ведь это очень важный сюжет, и не только для начала XX в. Замечание Кофода: «Всего только год действует это право (право требования отдельными селениями или частями селений выдела их доли из общественного надела вне зависимости от согласия остальной части общества или селения) и нужно предполагать, что оно еще не сделалось общеизвестным»[105] многое проясняет в этом плане.

Из аспектов, составляющих «субъективный» фактор аграрных преобразований Столыпина, помимо «крестьянского», особо следует остановиться на деятельности сотрудников Комиссий, имевшей огромное значение в процессе реализации реформы.

Уже при самом общем взгляде на погубернские показатели землеустройства естественно возникает предположение — темпы работы отдельных Землеустроительных комиссий должны сильнейшим образом коррелировать с личностными качествами их сотрудников. Некоторая информация на этот счет содержится выше (см. Отчет о землеустройстве в Пензенской губернии)

Одной из ключевых в столыпинском землеустройстве была фигура непременного члена землеустроительной комиссии[106]. Очень многое в ходе реформы зависело и от землеустроителей[107].

Априори несложно представить, *насколько* сложной в принципе была миссия сотрудников комиссий, учитывая условия *реальной* жизни тысяч и тысяч *конкретных* деревень, какой подготовкой и какими личностными качествами они должны были обладать, чтобы добиться успеха.

Предлагаю читателям вообразить картину беседы землеустроителя с сельским сходом, состоящим из десятков, сотен, а иногда и тысяч мужчин и женщин, которым незнакомый человек предлагает ни больше и ни меньше, как изменить тот строй их жизни, который прожит поколениями предков. Прожит, и значит, тем самым гарантирует выживание и им.

Какие слова нужно уметь находить в подобных случаях?

В Московской, например, губернии в состав непременных членов уездных комиссий вошли люди, ранее служившие в крестьянских учреждениях губернии, из которых семеро — бывшие земские начальники, а также бывшие — председатель, член уездной Земской управы, старший землемер землеустроительных комиссий, наконец, один местный землевладелец, окончивший юридический факультет и прослушавший курс Сельскохозяйственного института. Девять непременных членов имели университетское или высшее сельскохозяйственное образование, остальные — военные в отставке. Губернатор Джунковский пишет, что «на постановку дела и работу землеустроительных учреждений весьма благоприятно отразилось то обстоятельство, что лица, вошедшие в их состав были хорошо ознакомлены с крестьянским делом вообще, в частности, отлично осведомлены о местных земельных нуждах и являлись воодушевленными сторонниками намеченных правительством земельных реформ. Ими установлены отличные, вполне обеспечивающие успех работы взаимоотношения с представителями крестьянских и иных учреждений, с коими приходится совместно работать. В большинстве уездов отношения крестьян, их доверие к землеустроительным комиссиям и, в частности, к непременным членам, не оставляет желать лучшего».[108]

Между тем далеко не всегда руководство Землеустроительных комиссий заслуживало столь лестные отзывы. В нашем распоряжении есть любопытный документ — «Аттестационные сведения о непременных членах уездных землеустроительных комиссий Екатеринославской губернии за 1909 год». Особый интерес вызывает то обстоятельство, что в нем оценки губернатора сопровождаются мнением А.А.Кофода.

Фромандиер Иосаф Иванович (С. Хоз. Инст.) — Бахмутская Землеустроительная комиссия.

«**Губернатор:** Вполне удовлетворительный. Отличается особенной любовью и преданностью к делу, неутомимый и добросовестный работник, знает дело. Дело землеустройства в уезде поставлено широко, и если в этом году окончено работ только по выделам на пространстве 10991 дес., то всех работ производится значительно более...

А. А. Кофод: Не хозяин дела и не любит разъездов. Не сумел использовать в полной мере желания земства пойти навстречу всем землеустроительным начинаниям. 3+ (так в док. — *М. Д.*).

Малама, Сергей Иванович (Имп. Унив.) — Екатеринославская Землеустроительная комиссия.

Губернатор: Удовлетворительный. Неглупый человек, но, пользуясь своим положением родственника Уездного Предводителя дворянства и Председателя Земской управы, далеко не ревностный работник; тем не менее, будучи ликвидатором удельного имения, купленного Банком, Малама весьма хорошо устроил поселки и хутора...

А. А. Кофод: Лентяй редкостный, враль нахальнейший, ничего в деле не смыслит. Двоюродный брат Предводителя дворянства и свояк Председателя Земской управы. 1.

Лазарев Федор Александрович (Воен. Уч.) — Мариупольская.

Губернатор: Выдающийся. Человек знающий дело, преданный ему, опытный и весьма добросовестный. Как бывший хороший земский начальник, Лазарев свои познания крестьянского дела умело применяет и в делах по землеустройству и является в губернии выдающимся непременным членом...

А. А. Кофод: Нерешителен, не хозяин дела, но попались ему выдающиеся землемеры и дело идет удовлетворительно.

Филатов, Нил Михайлович (Император. Ал. Лицей). — Славяносербская.

Губернатор: Неудовлетворительный. Человек образованный, способный — тем не менее Филатов не желает работать в направлении, предуказанном распряжениями по землеустроительным делам. До сего времени в Славсербском уезде нет ни одного, даже небольшого сельского общества, которое перешло бы все на отрубное или хуторское хозяйство. Усвоив себе только правило обязательного выдела, Филатов ввел это в практику и, защищаясь определениями уездного съезда (землеустроительного?), представляет проекты выделов крайне неудовлетворительные. На неуспешность работ по землеустройству в уезде влияет и то обстоятельство, что в состав комиссии входят: предводитель дворянства — тесть Филатова, председатель управы — родной его отец (в настоящее время председателем управы избрано другое лицо). Признавая в то же время Филатова не безнадежным служащим, я полагал бы возможным оставить его на месте некоторое время, потребовав энергичной деятельности и, если он в течение нескольких месяцев не представит мне несомненных доказательств своей умелой работы, я доведу об этом до сведения Главного Управления с просьбой об увольнении Филатова...

А. А. Кофод: Говорят, что ничего не делает. В смысле количества работы дела у него идут отвратительно. Хорошо бронирован — сын предводителя дворянства и зять председателя Земской управы, или наоборот»[109].

Таким образом, непременные члены в половине из восьми уездов Екатеринославской губернии (лидировавшей в личном землеустройстве!), по мнению едва ли не самого компетентного в стране специалиста были, мягко выражаясь, попросту не на своем месте (притом, что о руководителях других комиссий губернии в документе не говорится).

Может показаться, что Кофод излишне строг и требователен к тем, кто реализует главную идею всей его жизни. Но это не так. Рассматривая распределение единоличных хозяйств по стране, он пишет: «Видно, что единоличное землеустройство развивается чрезвычайно неравномерно. Наряду с непочатыми еще уездами, имеются такие, в которых уже более половины домохозяев перешло к хуторскому и отрубному землепользованию. В особенности выделяется Новоузенский уезд Самарской губернии, где **благодаря энергии, превосходному знанию местных условий и умению находить отвечающие стремлениям местного населения формы землеустройства и способы осуществления их со стороны бывшего непременного члена уездной Землеустроительной комиссии А.Ф.Бир,** из общего количества 43839 крестьянских дворов уже к ... 1 января 1912 года разверстались целыми селениями или выделились — 23346; в течение же 1912 года перешли к единоличному хозяйству еще 7662»[110].

В «Обзоре деятельности... комиссий губерний Северо-Восточного района» достаточно наглядно объясняются недостатки существующей организации землеустройства, связанные именно с качеством личного состава комиссий: «По большинству дел, находящихся в производстве, землеустроителями назначаются земские начальники и землемеры. Между тем как те, так и другие в громадном большинстве случаев являются лицами, не вполне подготовленными к ответственным и сложным обязанностям землеустроителей за недостатком опыта и знаний в деле землеустройства, неосведомлен-

ности (как) с правовой, юридической стороной, так и с технико-хозяйственной. В силу этого, за действиями землеустроителей из числа земских начальников и землемеров особливо необходим в интересах дела бдительный надзор и постоянное руководительство со стороны непременных членов уездных комиссий.

Надзор этот и руководительство заставляют непременных членов уездных комиссий почти беспрерывно переезжать с одного дела на другое, что при огромных расстояниях, чрезвычайной разбросанности работ и бездорожье в большинстве губерний северо-восточного района отнимает у них массу времени и труда, одновременно лишая их возможности правильно нести обязанности по канцелярии комиссий и по подготовке более сложных дел, которые по отмеченным выше причинам поручать земским начальникам либо землемерам не представляется допустимым. Принимая во внимание, что подготовку сложных дел необходимо завершать обязательно в течение летнего полевого периода, когда поверхность земли не покрыта снегом и землеустраиваемая местность доступна для изучения, — работа непременных членов в этот период времени достигает особенно высокого напряжения. Переобременение работой непременных членов не может не отразиться отрицательно на качественной стороне исполняемых дел, так как непременные члены вынуждены работать ускоренным темпом и лишены возможности подолгу останавливаться на отдельных делах. Чтобы дать непременным членам возможность нести непосредственные обязанности землеустроителей только по исключительно сложным делам, а в остальном — руководить работой, быть инструкторами, им необходимо не только командировать в помощь особых лиц для содействия в канцелярской работе, но и озаботиться укомплектованием надежного состава рядовых землеустроителей, коими возможно было бы только руководить, а не исполнять за них непременным членам их обязанности...

Та же количественная и качественная „скудость“ замечается и в среде техников-исполнителей. Тяжелые условия работы в большинстве губерний северо-восточного района без всяких преимуществ по службе по сравнению с остальными губерниями Европейской России, лишают возможности привлечь на службу в местные землеустроительные комиссии хороших техников. Кроме того, по мере приобретения даже посредственными техниками знаний и опыта, удержать последних на службе в пределах северо-восточного района невозможно, и подучившиеся землемеры и их помощники при первой же возможности оставляют службу и стремятся в центральные и южные районы России, где они при одинаковом напряжении труда и при том же годовом окладе выработают задельной платы значительно больше, чем в северо-восточном районе. Благодаря такому положению вещей, контингент землемерных чинов постоянно меняется и никогда не достигает установленного числа...»[111].

Таким образом, проблемы с личным составом у Землеустроительных комиссий, безусловно, были, что, впрочем, естественно — непросто было найти для 47-ми губернских и 463-х уездных комиссий тысячи в равной степени квалифицированных специалистов. Ведь реформа только начиналась. Мы и в начале XXI в. немало знаем о кадровых трудностях при проведении масштабных преобразований.

Сказанное, конечно, далеко не исчерпывает сложного вопроса о роли субъективного фактора в развитии Столыпинской аграрной реформы, но, как представляется, должно привлечь к нему более пристальное внимание.

Далее. Полагаю, в историографии не уделяется должного внимания тому обстоятельству, что преобразования начались в стране, еще не вполне остывшей после мощнейшего со времен Пугачева и куда более масштабного революционного взрыва.

Аграрная реформа Столыпина рассматривается в таком же, условно говоря, эмоциональном контексте, что и любая другая отечественная реформа. То есть, ее трактуют так, словно бы она началась где-нибудь в 1880–1890-х гг., в пространстве жизни, которую принято называть нормальной, и при этом как-то забывается, что за считанные месяцы до 9 ноября по всей стране полыхали сотни помещичьих усадеб. Игнорировать это неправильно, потому что, как вскоре выяснится, аграрная революция изменила Россию не меньше, чем позорно проигранная война и «Кровавое воскресенье».

В этом плане значительный интерес представляет описание своего рода инспекторами ГУЗиЗ д. с. с. С. А. Куколь-Ясницким и с. с. Н. Н. Купреяновым психологической обстановки в деревне в первые месяцы начала реформы. Вот как характеризуются в их отчете настроения крестьянской массы: «В значительном большинстве посещенных уездов сельское население ныне очень притихло по сравнению не только со „смутным периодом“, но и с последовавшим временем далеко еще не полного успокоения. В виде исключения следует указать прежде всего на Путивльский уезд, скорее укрощенный, чем умиротворенный, и на уезд Сенненский, где давнишние притязания на помещичьи земли еще громко крестьянами заявляются; относительно большая нервность крестьян замечается отчасти еще в Опочецком уезде... Масса крестьянства пока потеряла надежду на даровое наделение из земель частновладельческих, даже возможность принудительного отчуждения этих земель, как меры общей, вызывает уже сомнение... **За всем тем в каждом из двадцати трех уездов** (обследованных чиновниками. — *М. Д.*) **часть сельского населения не отказалась еще от заманчивых мечтаний дополнительного наделения до размеров десятков десятин на двор, что позволит продолжить нынешнее экстенсивное хозяйство без всякой ломки его.**

Вообще вопрос о земле вызывает напряженное внимание и захватывающий интерес у крестьянства, к прочим сторонам политической жизни государства в массе своей равнодушного. Недавно еще отказавшись от выбора уполномоченных в землеустроительные комиссии, крестьяне многих волостей действовали под влиянием антиправительственной пропаганды, утверждавшей, что комиссии придуманы лишь для временного успокоения крестьян, что только Государственная Дума даст действительно землю, кто же против нее пойдет и согласится произвести выборы в комиссию, тот прогадает, чего неосведомленные, недоверчивые и простовато-хитрые крестьяне очень опасаются». Однако к описываемому времени, совпавшему с окончанием смуты, крестьяне уже «изверились как в Государственной Думе первого созыва, лишь поговорившей о земле, так и в «просветителях» своих слева, речи и прокламации коих перестали в очень многих местностях влиять на деревню. **Но так как жажда к земле осталась прежняя, то для комиссий создалась весьма благоприятная почва,** которую наиболее энергичные и деятельные из них ко времени прибытия уполномоченных правительством лиц уже до известной степени успели возделать, наладив добрые отношения с крестьянами и вызвав все численно возраставшие обращения последних за советом и помощью»[112].

Если члены Порховской уездной комиссии, пишут авторы отчета, жалуются, что крестьяне к ней равнодушны, то это объясняется тем, что она еще ничего не сделала даже для того, чтобы в более или менее широких масштабах оповестить сельское население о своих целях и задачах: «Тщетно, сидя в четырех стенах, ожидать, что крестьян охватит внезапное доверие и что они сами станут притекать. На первых порах, убедившись в отчужденности населения, члены комиссии должны сами объезжать волости, всюду разнося живую проповедь правительственных начинаний на пользу крестьян. Если в течение целых годов антиправительственные агитаторы, видевшие в темной сельской массе лишь обильный материал для бунта и погромов, успешно прививали этой массе яд своей лжи и лести, то может ли быть обречена на неудачу убежденная, правдивая проповедь экономического возрождения крестьян, составляющего задачу землеустроительных комиссий? В общем, несомненно, что во всех двадцати трех уездах четырех посещенных губерний от самих комиссий зависит приручить к себе крестьян, а дальнейшее доверие сельского населения удастся сохранить исключительно лишь плодотворною деятельностью»[113].

Не пытаясь, за недостатком места, углубляться в исследование конкретных мотивов землеустройства, замечу, что они были чрезвычайно многообразны и требуют предметного анализа. Б. Д. Бруцкус писал, что «редакция Указа 9 ноября была такова, что выделение из общины было выгодно для всех, кто мог опасаться, что ближайший передел сократит их землепользование. Сюда могли относиться не только те семьи, в составе коих число разверсточных единиц сократилось, но и те семьи, в которых оно осталось неизменным или даже недостаточно по сравнению с другими семьями возросло.

И действительно, одним из мотивов выделения из общины было желание закрепить за собой побольше земли. Но этот мотив совсем не имел преобладающего значения. Ближайшее исследование процесса выделов показывает, что в среднем выделяющиеся из общины скорей владели меньшими наделами на хозяина, чем большим, по сравнению с односельчанами, остававшимися верными общине. Это связано с чрезвычайной разнородностью мотивов, которые склоняли крестьян выходить из общины. **В общем, к выходу тяготели наиболее дифференцированные элементы**. С одной стороны, спешили выделиться наиболее состоятельные, инициативные и культурные элементы, нередко прежние руководители освободительного движения. Их наиболее тяготила зависимость их хозяйственной деятельности от малоподвижного мира. Едва ли не в большинстве случаев, они стремились устроить свою землю, собрать ее к одному месту, и это свое намерение они осуществляли или немедленно, или спустя некоторый промежуток времени. Но на другом полюсе из общины выделялись хозяйственнослабые элементы или элементы, предполагавшие порвать со своим прежним местожительством. Слабые хозяева, поскольку они с сельским хозяйством не желали порывать, имеют в виду продать часть своего надела, чтобы лучше наладить свое хозяйство на оставшейся части надела. Многие из них окончательно ликвидируют свое хозяйство, имея другие профессии, а иногда просто по болезни, пьянству или расточительности. Очень значительный контингент выделяющихся на севере представляли городские рабочие, уже сросшиеся с городской жизнью и спешившие с продажей земли окончательно ликвидировать свою связь с деревней. Землю продавали переселенцы, добывавшие себе, таким образом, сред-

ства для устройства на новых местах. Ее продавали также хозяева, приобретавшие землю от крестьянского банка, которым представлялось более выгодным переселиться, на вновь приобретенную землю, ликвидировав прежнюю надельную землю и использовав полученные средства для лучшего оборудования нового хозяйства»[114].

Будущие исследования, несомненно, конкретизируют это резюме.

На 1 января 1916 г. были утверждены землеустроительные проекты (далее — проекты) для 2360,5 тыс. дворов, что составило 38,4% от общего числа всех ходатайств. При этом проектов личного землеустройства оказалось несколько больше — 1221,5 тыс. против 1139,0 (на 82,5 тыс. больше). Иными словами, было утверждено 41,3 личных и 35,6% групповых прошений. В целом есть большое соответствие между числом ходатайств и числом утвержденных проектов, однако процент проектов не слишком зависит от количества ходатайств по отдельным губерниям.

Напомним, что на 1 января 1914 г. из 4965444 ходатайств об изменении условий землепользования прошли все подготовительные стадии и были утверждены лишь 1493968 проектов, т. е. 30,1%. При этом доля утвержденных проектов личного землеустройства составила 33,2%, а группового — 27,1%.

Обычно такое отставание конечной стадии землеустройства от начальной объясняется нехваткой только землемерного состава. Мы уже знаем, что на деле ситуация была сложнее.

Следует также помнить, повторюсь, в каких условиях протекала реформа — только что окончившаяся аграрная революция, негативное восприятие реформы большой частью образованного класса страны, в том числе и теми, кто должен был работать и работал в комиссиях. Все это (и не только это), конечно, влияло на количественную и качественную стороны землеустройства, притом не в лучшую сторону.

Основными причинами отставания процесса утверждения проектов, полагаю, были:

1) некомплект квалифицированного землеустроительного персонала, причем не только землемеров, что выяснилось уже в первые годы проведения реформы, но и кадров непременных членов и землеустроителей. Негативное влияние этого обстоятельства значительно усилилось после вступления в силу закона 29 мая 1911 г. и Положения о землеустройстве, поскольку

2) они **радикально усилили требования** к юридическим и техническим аспектам землеустройства, потребовав от Землеустроительных комиссий не только существенной перестройки привычной деятельности, но и специальных, прежде всего, юридических знаний. В большинстве комиссий для усвоения новых законоположений потребовался как минимум 1912 год, а в некоторых, как, например, Пензенской — и 1913. Об этом наглядно свидетельствует высокий процент дел, которые были отложены исполнением комиссиями разных губерний. Попутно заметим, что последний факт, несомненно, — показатель изменившегося — более требовательного — отношения землеустроителей к делу;

3) хотя закон 29 мая 1911 г. позволил приступить к землеустроительным действиям, которые по старому законодательству были практически неосуществимы, в ряде губерний он значительно усложнил процесс землеустройства в целом, притом же в некоторых — особенно. Это касается в первую очередь Малороссийских, Юго-Западных и, можно ду-

Таблица 8.25. Сводные данные по единоличному и групповому землеустройству по годам

Годы	Утверждено землеустроительных проектов						Всего		
	По единоличному землеустройству			По групповому землеустройству					
	Число земельных единиц	Число домохозяев	Площадь в дес.	Число земельных единиц	Число домохозяев	Площадь в дес.	Число земельных единиц	Число домохозяев	Площадь в дес.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1907	566	8315	88358	123	4296	44090	685	12611	132448
1908	1541	42350	434624	406	17664	136816	1934	60014	571440
1909	4196	119380	1215279	1348	85702	642715	5503	205082	1857994
1910	5903	151814	1447125	1678	110625	853720	7528	262439	2300845
1911	7239	206723	2031507	2150	112361	920926	9319	319084	2952433
Итого за 1907–1911	19445	528582	5217343	5705	330648	2598267	24969	859230	7815610
1912	5702	122522	1294439	2677	125642	837689	8219	248164	2132128
1913	7572	192988	1833556	3149	193586	1144023	10462	386574	2977579
1914	7816	203915	1980273	4086	268201	1925868	11568	472116	3906141
1915	6147	173502	1666875	3496	220918	1751201	9405	394420	3418076
Итого за 1912–1915	27237	692927	6775143	13408	808347	5658781	39654	1501274	12433924
Всего	**46682**	**1221509**	**11992486**	**19113**	**1138995**	**8257048**	**64623**	**2360504**	**20249534**

мать, Западных, т. е. почти всех, входивших когда-то в состав Речи Посполитой, — в силу исторически сложившихся специфики землевладения и землепользования.

Роковое значение для аграрных преобразований, как и для всей нашей истории, имело 1 августа 1914 г.

Начало несчастной войны сразу же ударило по реформе. Уже при общей мобилизации, начавшейся в разгар полевых землеустроительных работ «из находившегося на местах исполнительного состава было призвано на действительную военную службу 143 (из 463) Непременных членов уездных Землеустроительных комиссий, 42 (из 157) исполняющих обязанности их помощников, 1010 (из 6802) землемерных чинов и 108 (из 720) гидротехников. Кроме того, были призваны многие земские начальники и другие местные чины, на которых были возложены обязанности землеустроителей. Наконец некоторые чины ушли на войну добровольцами, или были призваны позже в качестве ополченцев. Таким образом, ведомство лишилось 15–20% местных рабочих сил, заменить которых немедленно новыми работниками, очевидно, не было возможности за неимением подготовленных кандидатов, а также вследствие сокращения по случаю войны кредитов»[115]. Под ружье встали миллионы крестьян, среди которых, конечно, были и те, кто хотел воспользоваться услугами этих комиссий. Реформа умирала вместе со страной, которую она должна была спасти. В 1916 г. деятельность Землеустроительных комиссий де-юре прекратилась.

В свете сказанного выше ясно, что традиционное освещение хода реформы (мы не касаемся здесь материальных и иных проблем обустройства хуторян и отрубников, которые во все времена являются неизбежными спутниками масштабных преобразований) зачастую далеко от истинного положения вещей и не выдерживает самой снисходительной критики. Причин, по которым сложилась эта ситуация, немало, но некоторые следует выделить особо.

Главной из них представляется нежелание видеть теснейшую взаимосвязь и взаимообусловленность двух важнейших задач реформы. Конечно, стабилизация ситуации — в широком смысле слова — в стране была главной задачей, которую глобально пытался решить Столыпин. Однако аграрный вопрос по сути своей был неделим. Тот факт, что община препятствует подъему агрокультуры в стране и объективно ухудшает положение крестьян, компетентные люди прекрасно понимали и до 1905 г. Понимали они и то, что община в принципе — идеальный объект для революционной пропаганды. Но в 1905 г. выяснилось, что община заодно еще и способствует бунту, укрупняет масштабы аграрной революции. Отменил ли этот факт первое знание? Нет. Напротив, 1905 г. подтвердил, что плохое состояние сельского хозяйства усиливало недовольство крестьян и было одним из стимулов к той же самой революции. Ведь бунтовали отнюдь не только малоземельные крестьяне, но и те, кто имел вполне достаточно земли даже при тогдашнем уровнем агрокультуры. Поэтому политические задачи реформы, в том числе и подрыв влияния общины, были неотделимы от решения сугубо, казалось бы, хозяйственных задач, в частности, изменения условий землепользования.

Как известно, «народная ненависть» (на этом условном термине я не настаиваю) к тем, кого крестьяне считают виноватыми (их можно условно назвать «угнетателями», а можно просто *иными* или как-то иначе) рано или поздно во многих странах как-то

прорывается и народ пытается дружно мстить и за предков, и за себя, и «просто так». Это одна из констант истории. В латентном виде она есть почти **везде** и почти **всегда.** Накал ее может колебаться в зависимости от социального «самочувствия» субъектов ненависти, или — что то же самое — уровня недовольства окружающей действительностью, которое эту ненависть может обострять, стимулировать или, напротив, отодвигать на периферию и т. п.

Типологически едва ли не главный вопрос тут в мере потрясений, в количестве пролитой крови. Это может быть Великая Французская революция, а может быть революция 1848–1849 гг., скажем, в германских землях. Страна может оставить в стороне французский вариант, прорепетированный когда-то в России под прозаическим названием Пугачевщины, а может и не пройти мимо него; 1905 год недвусмысленно показал, что для России это — вполне реальный вариант.

Но история так «устроена», что «народная ненависть» может прорваться, а может и не прорваться (это зависит от многих причин, в том числе и от силы Власти в данный конкретный момент), хотя до конца никуда не исчезнет. Однако если возможность прорваться возникла — она непременно будет реализована, что и случилось в России. Аграрные беспорядки начались, напомню, сразу после Февраля 1917 г. И никакие хутора этого не изменили и не могли изменить — притом не только в России. Остались ли бы все крестьяне в общине или нет к 1917 году — исход был бы таким же (а вот если бы реформа, подобная Столыпинской, началась в том или ином виде раньше — это еще вопрос). И удивляться тут нечему. Посол Франции в России Бомпар писал в своих воспоминаниях по этому поводу: «Русский крестьянин, которого слепое правительство удерживало в рамках аграрного коммунизма, наконец к этому привык и требовал распространения его на всю землю российскую, вместо того, чтобы требовать его устранения»[116]. Деформированное общественное сознание (и носители Власти в том числе) десятки лет после реформы 1861 г. пестовало общину как цветок в оранжерее, препятствуя нормальному, естественному ходу событий, готовя почву для революции, и подготовило ее.

Комплекс реформ Столыпина, в том числе и аграрная, были рассчитан на «20 лет покоя внутреннего и внешнего», за которые, возможно, выросло бы поколение с иными, чем у отцов, ценностями, а не на проигрываемую тотальную войну и не готовую к испытаниям, разлагавшуюся страну, деморализованную собственной Властью. «Покоя внешнего» не случилось. Как можно считать, условно говоря, что прибор оказался плох, если нарушена инструкция по его использованию? Это странная логика.

Россия вполне могла миновать революцию — они случаются **после** проигранных войн. Начнись война на два-три года позже — ее результат для России мог быть иным (упреки в стиле «история не знает сослагательного наклонения» не принимаются как неосновательные). Миллионы людей оказались в зависимости от пальца Гаврилы Принципа.

Поэтому — недорого стоит злорадство по поводу того, что не успевшие всерьез «себя осознать» хуторяне громили и грабили в 1917 г. помещиков так же дружно, как и общинники. Это ровно ничего не говорит о том, верно ли были задуманы преобразования, правильно ли они реализовывались. Реформа в данном случае похожа на ту работу, половину которой не показывают определенному контингенту окружающих.

Статистика ставит на место все заклинания о «провале» реформы и сообщает им настоящую цену.

Реформа Столыпина должна была при прочих равных снизить вероятность прорыва «народной ненависти». Однако рассматривать преобразования только через призму грядущей и состоявшейся революции — «неправильный метод», как любил говорить В. Б. Шкловский.

Следующий и также очень важный фактор, формирующий восприятие Столыпинской реформы на протяжении всего XX века — **народническое**, по самой своей сути, восприятие всей российской аграрной проблематики. Правда, у многих оно странным образом сочеталось с удовлетворением по поводу развития капитализма. Эта линия в историографии идет с дореволюционных времен и не закончилась по сию пору.

«Нищета, забитость, вымирание, психическое притупление — вот как (очень ошибочно) народническая мысль все чаще начинала характеризовать русскую деревню. Это было даже нужно — так как казалось, что, говоря о нищете деревни, люди борются с ненавистным политическим строем; это было тупое оружие русской интеллигенции в ее руках против правительства. Почти преступно-официальным считалось и не разрешалось экономически-оптимистично смотреть на русскую деревню. Разговор о „прогрессивных течениях“ русской деревни звучал каким-то диссонансом в этом настроении; „надо удивляться, что оно живет и сохраняется при таких условиях“ почти в этих словах писалось тогда о крестьянском хозяйстве»[117]. Достаточно прочесть эти строки Н. П. Макарова, чтобы увидеть многое из того, на чем была построена в эмоциональном смысле советская историография аграрного развития пореформенной России.

Макаров дает убийственную характеристику восприятия российской интеллигенцией слоя «трудовых хозяйств»: «Его или не замечали, когда усиленно „вообще оплакивали“, „разоряющуюся деревню“, или замечали, но сердито тыкали в него „ненавистным“ словом „буржуазия“, с социальным умилением в сердце подходя к деревенским низам, к действительно полуразвалившейся части деревни. **Сколько нездорового социального чувства во всем этом; как сильна социальная извращенность в этом чувстве внутренней этической враждебности по отношению к здоровому крестьянскому хозяйству и матерински болезненной любви к полуразвалившемуся хозяйству!** Это такая же извращенность, как если бы мы к здоровым физически и духовно людям относились враждебно за их здоровье, а к больным относились бы наоборот „любовно“. Это не значит, что надо забросить больные хозяйства — нет, для них должно быть сделано все, что может быть сделано, чтобы дать им выход в ту или иную сторону; но это означает, что здоровое хозяйство должно нас радовать, если угодно, даже вызывать хозяйственно-этические и эстетические переживания»[118].

Эти глубокие и точные мысли высказаны одним из лучших отечественных специалистов по сельскому хозяйству 90 лет назад, когда аграрный вопрос в России по сути был уже решен. А как все это знакомо, неправда ли? Увы, мало что изменилось за три четверти века — и какого века! Вот и в наши дни слышны все те же «старые песни о главном» — об общине. Все тот же примат проблемы распределения доходов в российском сельском хозяйстве над проблемой производства народного богатства. Все те же набившие оскомину возгласы на тему «недоедим, а вывезем», все тот же поверхностный

взгляд (с эсеровским прищуром) на сложнейшие проблемы отечественной истории, все та же лексика и уровень аргументации, что и в учебниках истмата для техникумов.

Отсюда, конечно, и этот снисходительный тон по отношению к выходцам из общины. Один из канонов обычного народническо-интеллигентского (т. е. и советского) восприятия аграрных проблем заключается в том, что в качестве эталона явно (и неявно) принимаются якобы беззаветно любящие общину крестьяне коренных великорусских областей — типичная «городская теория», по меткому выражению Кофода. Указывая, что наибольший процент выходов из общины дали, в частности, губернии Северо-Запада, авторы замечают, что «здесь сказалось влияние Прибалтики» (т. е., что-то ненатуральное, ненастоящее). Потом со слегка пренебрежительной интонацией говорится о крестьянах Украины, о выходивших из общины малоземельных, вдовах, сиротах, стариках. В таком же примерно тоне прежде говорили о Никите Муравьеве — Муравьев, конечно, «тоже хороший» декабрист, но до уровня Пестеля «не дотягивает», потому что он выступал за конституционную монархию в России, а не за республику, как Павел Иванович.

Иногда даже неясно, относятся ли кулаки и *не* бедные выходцы из общины к русскому крестьянству, т. к. считается, что «основная масса крестьян» осталась равнодушной к реформе. С белорусами и украинцами как бы понятно, но с точки зрения национальной принадлежности с крестьянами Новороссии сложнее, а с их саратовскими, воронежскими, самарскими и другими великорусскими собратьями, десятками тысяч выходившими на хутора и отруба, и, что характерно, без всякого влияния Прибалтики, в этом смысле тоже не все понятно.

Сочувствие традиционной историографии странным, на первый взгляд, образом на стороне «полуразвалившейся части деревни», а не тех, кто хотел попытать счастья и изменить свою жизнь.

Странность, впрочем, тут кажущаяся. Есть, конечно, свой легкий шарм (дикость, впрочем, тоже) в том, что и эсеры, и «околокадетская публика», и традиционная советская историография в важнейшем концептуальном вопросе российской жизни стоят по одну сторону баррикады, в том числе и со всей крайне правой частью Третьей Думы. Конечно, все они «любили» (и любят) общину по-своему и интересы в этой любви преследуют личные, и все же... Традиционной историографии, в числе прочего, удобно тянуть пунктир от общины к колхозам, уверяя, что они ее прямые наследники.

Итак, вольное или невольное нежелание понять неделимость аграрного вопроса, дифференцировать политику и экономику в реальной жизни российской деревни начала XX в., во-первых, и неонародническое восприятие этой проблематики, во-вторых, — вот лишь две из основных причин современной историографической ситуации.

Обратимся теперь к другим претензиям в адрес Столыпинской аграрной реформы. Можно ли говорить о том, что она осуществлялась «революционным» путем, «сверху»?

Разумеется, можно! А каким другим путем можно было осуществить преобразования такого масштаба в такой стране, как Россия? А как развивалось землеустройство во всех других странах?

Крестьянский консерватизм, столь ненавистный социалистам, марксистам прежде всего, имеет, как мы знаем, глубочайшие корни в многовековой истории и обусловлен тем, что репродуцирование образа жизни предков является залогом, гарантией выжи-

вания земледельцев. Если бы Власть после 1861 г. не консервировала уравнительно-передельную общину, она трансформировалась бы в подворно-наследственное владение, что, впрочем, и происходило в тысячах общин, несмотря ни на что. А это уже была предпосылка для разверстаний, подобных тем, которые открыл Кофод еще до начала реформы. Однако в других десятках тысяч обществ общинный уклад оставался незыблемым. И мне не кажутся сколько-нибудь основательными упреки в адрес таких «революций сверху», как Великие реформы, как реформы П. А. Столыпина. Все же не «Великий перелом» на фоне «Большого террора»!

Вообще проблема искусственности / естественности, как кажется, еще не получила в нашей историографии надлежащей разработки.

Тем интереснее взглянуть на то, как ее решала сто лет назад русская интеллигенция, и оценить степень сходства подходов.

«Таврическое губернское совещание... говорит коротко и ясно, что „в интересах охранения общинного землевладения“ от искусственного разрушения общины следовало бы организовать правильное переселение крестьян.... Если при росте населения данного сельского общества, грозящем такими последствиями, не будет своевременно принято соответствующих мер по правильному переселению, то большинство населения данной общины может стремиться, как это наблюдается ныне, к выкупу в подворно-наследственное владение». Вероятно и вы, читатель, слышите в первый раз, что „естественное» увеличение народонаселения называется искусственной мерой, а искусственное переселение народонаселения признается „естественной“ мерой. И такие заключения мы получаем из громадной Таврической губернии!»[119], — с обычным своим горьким сарказмом пишет Дюшен. Характеризуя роковое непонимание русской интеллигенцией реалий окружающего мира, он продолжает: «Стремление русского крестьянского народа к подворно-наследственной форме землевладения — общее явление в нашей деревне как в степных и центральных черноземных, так и в нечерноземных центральных, северо-западных и северных, губерниях, уже не говоря о Польше, Прибалтийских губерниях и Финляндии, в которых эта форма землевладения господствует. Если губернские совещания этого не заметили (за исключением некоторых из них), то это объясняется частью незнакомством г. г. членов совещаний с действительным бытом нашей деревни, частью явной, как мы видели, тенденциозностью.

Губернские совещания игнорируют даже то, что уже давно известно всем интересующимся нашей деревней из сведений, собранных земской статистикой**, хотя все г. г. земские статистики принадлежат к фанатическим поклонникам нашей крепостной общины**. В нашем труде мы привели ничтожную долю этих сведений, но и их вполне достаточно, чтобы оценить по достоинству удостоверения большинства земских совещаний, **будто бы переход крестьян к подворному** в**ладению не замечается, ибо русский народ глубоко ценит свою спасительную общину**. Было время, когда помещики приводили такие же отзывы своих крестьян о любви их к патриархальной и попечительной власти своих господ.

Мы могли бы поверить г. г. членам совещаний, если бы они так отозвались о голяках и шалтаях, интерес которых действительно иногда (хотя далеко не всегда) связан с существованием общинного землевладения, но утверждать это о(бо) всем населении

губернии, когда достоверные факты свидетельствуют как раз обратное, они не имели никакого права.

С замечательным отсутствием логики, губернские совещания (за некоторыми исключениями) ссылаясь на мнимую любовь нашего народа к общинному землевладению и единодушное желание его сохранить, тем не менее требуют и предлагают массу разнообразных мер для *искусственного* поддержания общины от *естественного* распадения.

Мы позволяем себе так выразиться потому, что нельзя же приказы начальства и требования разных законодательных запрещений, ограничивающих права собственности, владения и даже пользования крестьян своими наделами, считать „естественными“ мерами. Еще менее можно, например, считать основанное на законе желание крестьянина выкупить свой надел или сдать его в аренду односельцу за „искусственное“ распадение крепостной общины.

Конечно, если совещания всякое распадение общины признают искусственным и только сохранение ее силою правительственной власти считают естественным явлением, то выражения эти получают хотя своеобразный, но все-таки известный смысл.

Однако подобные своеобразные понятия „искусственного“ и „естественного“ противоречат логике и не согласны с обыденными употреблениями этих слов.

Впрочем, мы видели, что даже естественное нарощение деревни считается одним губернским совещанием искусственным средством разрушения общинного землевладения крестьян.

После этого, кажется, дальше идти некуда»[120]**.**

В контексте этих мыслей я и предлагаю оценивать соответствующий пласт критики аграрной реформы Столыпина.

Вообще говоря, нужно обладать весьма чувствительной гражданской совестью, чтобы в самом конце российского XX века (с его 30-ми и иными годами), или же в начале XXI-го, упрекать Столыпинскую реформу в насилии.

Впрочем, как мы знаем, у каждого времени свои представления о том, что такое насилие. Так что, исходя из целомудренных представлений 1900-х гг., согласно которым погром крестьянами помещичьей усадьбы — «иллюминация», а приговор сельского схода, полученный в присутствии земского начальника — насилие, можно полагать, что не во всех из десятков тысяч «земельных единиц», где проводилось землеустройство, дело обошлось без вмешательства земских властей в реформу. Хотя этот вопрос, надо сказать, *непредвзято* специально не исследовался. Во всяком случае переоценивать возможности земского начальника не следует.

Сетования по поводу насильственного характера Столыпинской аграрной реформы были еще позволительны несчастным «народолюбивым интеллигентам», таким как А. И. Шингарев и И. В. Чернышев. Как говорилось, у каждого времени свое представление о пороге страдания. Они, как и масса их единомышленников по всей России, просто и помыслить не могли, что могут быть такие явления, как реализация «Декрета о земле», не говоря уже о продотрядах и комбедах. Они, подобно средневековым художникам, составляли никогда не виданного ими дракона из частей *известных* животных (туловище крокодила, крылья летучей мыши и т. п.). В этом смысле ужасная смерть

Шингарева, растерзанного вместе с другим кадетом, Ф. Ф. Кокошкиным, в больнице пьяной матросней — ужасна еще и своей зловещей символичностью.

Однако когда умилительные в своем простодушном лицемерии упреки в радикальности реформы исходят от членов той партии, которая попросту устроила коллективизацию, ситуация несколько иная. И столь же малопонятными представляются жалобы по этому же по поводу современных авторов. Кажется, у тех и других, в отличие от Шингарева и Чернышева, есть с чем сравнивать.

Конечно, за последние годы ситуация значительно изменилась. Вот что пишет по поводу легитимности реформы В. В. Дроздов: «Аграрное законодательство отличалось преемственностью по отношению к законодательству предшествующего периода... Думается, что разрушение общины в ходе Столыпинской реформы нельзя односторонне трактовать как насильственное. Напротив, законодательство (во всяком случае, в первые годы реформы) в достаточной степени считалось с желаниями крестьян и допускало многообразие форм землепользования и ведения хозяйства. Крестьянин мог выходить из общины, а мог и не выходить. Однако важным было то, что община уже не могла удержать в своем составе лиц, вознамерившихся укрепить землю в собственность, выделить причитающиеся им участки в хутор или отруб»[121]. Тут можно добавить лишь, что и в последующие годы правительство старалось избегать реальных (а не мнимых, которые всегда были и будут в таких случаях, и не только в России) упреков в насилии. Это отразилось и в документах 1911 г., начавших второй этап реформы.

Авторитетное мнение Кофода на этот счет опирается на реальное знание ситуации: «Как бы он (землеустроитель. — *М. Д.*) лично не был убежден в пользе хуторов, все-таки ни он, ни кто другой никого не может заставить выселиться в поле, так как закон вполне ясно предоставляет каждому домохозяину право оставить за собой свою усадьбу в деревне. Скажут, быть может, что в распоряжении землеустроителя, работающего рука об руку с местной администрацией, находятся такие меры воздействия на население, что, задумав насильно расселить крестьян по хуторам, он вовсе не нуждается в законном праве на это. Конечно, путем административного давления можно достичь многого, но никогда крестьянин не переселится на хутор, без внутреннего убеждения в выгодности такого шага. Если землеустроитель может внушить ему такое убеждение, то честь и слава ему, — угрозами же он ничего не достигнет. Один даже переход к отрубному хозяйству составляет такой серьезный шаг в жизни крестьянина, что тут бессильно давление на него со стороны начальства. Бывали, несомненно, случаи составления приговора о разверстании, под известным давлением, но **немыслимо**, чтобы кому-нибудь удалось привести такой приговор в исполнение. К этому следует еще прибавить, что в преобладающем большинстве случаев переход крестьян к хуторскому хозяйству совершается не одновременно с землеустройством, а спустя несколько лет. К востоку от линии Петербург–Смоленск–Киев лишь незначительная часть единолично устраиваемых селений разверстывается непосредственно на хутора, вся же остальная масса селений размежевывается на отруба. Хутора начинают возникать лишь по окончании разверстания и ухода землеустроителя, когда домохозяева, кое-как успокоившись после тревоги, внесенной в их среду землеустройством, могут трезво и спокойно обсудить свое положение»[122].

«Конечно, было бы неправильным считать, что в ходе Столыпинской аграрной реформы не допускалось насилия над общинниками» — справедливо замечает В. В. Дроздов[123]. Так, строго говоря, никто и не считает, вопрос в том, **что** и **кем** подразумевается под термином «насилие». Здесь, убежден, имеет место та же подмена понятий, что и в случае с «голодом» и «голодным экспортом», о котором говорилось в параграфе 3.10.

В. Г. Тюкавкин, убедительно показавший несостоятельность стереотипа о насильственном характере реформы, в частности, пишет: «Насилия в делах выхода из общин, землеустройства, нарушения законности было немало. Часть объяснялась карьеристскими устремлениями чиновниками, часть личными качествами (опьянение властью, вредным характером). Многое случалось по русской пословице: „Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет“. Без таких дураков не обходится ни одно большое дело. К сожалению, при описании примеров действия чиновников часто приводятся косвенные свидетельства, не проверенные данные, которыми затемняют вопрос о распространении их.

...Но тот факт, что более 3 млн. домохозяев подали заявления о выходе из общин, а более 6 млн. — о проведении землеустройства — это весомое доказательство добровольности основной крестьянской массы в стремлении выйти из общины, укрепить свой надел в собственность или провести землеустройство... Такое количество заявлений невозможно было „выбить“ под нажимом (уточним — невозможно до 1918 г. — *М. Д.*). Да и зачем было „выбивать“ их, если далеко не всех успели выделить из общин и еще больше не успели землеустроить из тех, кто уже подал заявления. По поводу массовой подачи заявлений выходе из общин. Столыпин говорил в Думе: «И безрассудно было бы думать, что такие результаты достигнуты по настоянию правительственных чинов». Он также отмечал: „Заметьте, господа, что правительство шло в этом направлении (о создании крестьянской семейной собственности. — *В. Т.*) с величайшей осторожностью“. Это им было сказано на том же заседании Государственного Совета, на котором Витте обвинял его в насильственном характере законопроекта»[124].

Вместе с тем ясно, что у правительства не было времени ожидать «одобрения и понимания со стороны основных категорий населения». Столыпин действовал в экстремальной ситуации. Однако, как и всегда в таких случаях, важен вопрос о степени, о мере этих нарушений, об их качестве, если угодно. Ведь правительство категорически не могло специально провоцировать недовольство крестьян, учитывая негативное отношение общественного мнения к реформе, не говоря уже о других причинах. Вместе с тем избежать мелких конфликтов было сложно, хотя бы в силу масштаба реформы. Вообще трудно представить, чтобы контакты российских властей с миллионами сограждан обошлись без нарушений закона. Они в ходе реализации реформы, естественно, были, что не новость в нашей (и не только в нашей) истории. Было бы нелепо закрывать на это глаза, оспаривать факты столкновений крестьян с властями. Однако говорить, что «основными методами» реформы были «насильственные», — просто смешно. В этом случае процент охваченных землеустройством хозяйств был бы куда выше.

Вот что говорится об этом в «Отчете по внутринадельному землеустройству в Пензенской губернии с 1908 по 1913 год включительно»: «Конечно, если бы при разработке проектов исходить из соображений исключительно таких условий, которые вполне отвечали бы желаниям выделяющихся и направлять выполнение их только в принуди-

тельном порядке, то весь подготовительный процесс был бы крайне облегчен, работа землеустроителей оказалась бы более продуктивна, и в отчетных ведомостях Пензенской губернии количество разверстанной на участки единоличного владения земли значилось бы для большего числа дворов, нежели теперь.

Но тогда большинство выделов пришлось бы совершить с крупным нарушением не только землеустроительных задач, но и принципов справедливости, и притом породить среди общинников неудовольствие и даже враждебное настроение не только к выделившимся, но и к землеустроительным учреждениям и даже к законам о землеустройстве.

Поэтому все старание землеустроителей было направлено на то, чтобы все выделяемые участки более или менее отвечали техническим требованиям и чтобы процесс выделения их проводился по возможности в порядке добровольного соглашения.

Обязательность соблюдения этих требований крайне осложняла труд и замедляла движение дел, так как, с одной стороны, приходилось, да и приходится и теперь считаться с упорством общинников, и с другой, проекты более или менее отвечающие землеустроительным требованиям, вырабатываются с крайней осторожностью, ибо всякое прямолинейно поставленное землеустроителем условие выдела, не отвечающее желаниям выделяющихся, влекло со стороны последних отказ»[125].

Во все времена критерием чуждости была мера неприятия. Другими словами, если одно явление чуждо другому, то другое отталкивает, не принимает его, избегает и т. д. Только что приведенные строки характеризуют ситуацию в губернии, где, как мы уже знаем, крестьяне действительно воспринимали реформу с определенной мерой осторожности. Но это-то и показывает статистика землеустройства в этой губернии. Соответственно надо адекватно воспринимать тот факт, что три миллиона крестьянских хозяйств 47-ми губерний высказали желание выйти на хутора и отруба, а свыше 6 млн. домохозяев захотело воспользоваться возможностями, которые предоставляла им реформа всего за 9 лет.

Известно, что много раз пытались связать коллективизацию с присущими русскому народу общинностью, соборностью и т. п. Не имея возможности обсудить данную проблему подробно, замечу все же, что такая трактовка — из числа слишком удобных для объясняющих и к тому же для удобства упрощающая сложнейший феномен. Как писал Леонтович, ограничения всегда кажутся более справедливыми тем, кто их накладывает, чем тем, на кого их накладывают*.

---

* Впрочем, Кофод приводит весьма показательное свидетельство присущего русским (в данном случае белорусским) крестьянам коллективизма: «Влияние разверстания и особенно расселения на пьянство — особое дело. Русский крестьянин — человек общительный. Только если это пьяница, ему может прийти в голову пить одному, но процент крестьян-пьяниц совсем небольшой. Другое дело, если крестьяне собираются в группу. Тогда они пьют до тех пор, пока в бутылке что-то еще есть. Но так как теперь, расселившиеся крестьяне не каждый день встречались с односельчанами, как это бывает у живущих в деревне, и так как к тому же... они запускали свои общественные обязанности, т. е. не ходили на сходы, то среди русского сельского населения пьянство прекращалось вместе с переселением». Однако когда Кофод приехал в районы с латышским сельским населением, он с удивлением узнал, что хуторяне «конечно... пьют больше». На наивный вопрос-утверждение Кофода: «Но они же не могут сидеть в одиночку и пить» последовал емкий ответ: «Почему же? Так ведь они не рискуют поднести кому-то, кто не может потом под-

Оценивая позицию традиционной историографии, нельзя не коснуться вопроса о некритичном употреблении средних цифр. Не касаясь неизбежности их использования, замечу, что средние цифры — лишь *один* из возможных аспектов анализа явлений. Они важны, они необходимы и, кроме прочего, удобны. Но не всегда, не во всех случаях. Россия была слишком большой страной, чтобы всегда эффективно описываться средними цифрами, к тому же вырванными из исторического контекста. Ведь «работают» они, если даются в динамике, а еще лучше — и в сравнении. Так, например, низкий уровень российского сельского хозяйства в историографии явно (или неявно) предстает *только* результатом существования помещичьего землевладения и малоземелья. Между тем в отдельных губерниях картина землеобеспеченности была различной. Средняя цифра по Европейской России — складывается в диапазоне от 3,8 дес. на двор в Подольской до 65,1 дес. в Олонецкой. При этом давно известно, что об абсолютном малоземелье в России говорить некорректно. В среднем по 50-ти губерниям Европейской России на двор приходилось 10,2 дес. надельной земли, а вместе с прикупленной — почти 13 дес. К тому же в Австрии аналогичный показатель составлял 5,1, во Франции — 4,4, в Германии — 4,1 дес., о чем в учебниках не пишут. И объяснять, почему на самой плодородной почве в Европе собирали едва ли не самые низкие урожаи, только малоземельем и климатом без насилия над фактами нельзя.

От большинства приводимых отрывочных данных, которые почему-то считаются описывающими всю Россию, веет тривиальным непониманием сложности крестьянской и не только крестьянской жизни. Все эти «средние крестьянские семьи», «средние размеры хуторов» и тому подобные средние — такая же заоблачной высоты абстракция, как «русская деревня». Хотелось бы все-таки узнать, в каком уезде и какой губернии располагались эти пресловутые 12–15–18 дес. И насколько трудолюбив и грамотен в хозяйстве их владелец. И сколько у него реальных, а не придуманных за него, членов семьи. Расчеты, приводимые Анфимовым, даются людьми неонароднических взглядов и не кажутся беспристрастными. Есть и другие точки зрения.

Вообще при корректном отношении к статистике не должно было и мысли возникнуть о сопоставлении, например, преобразований сельского хозяйства в России и в Дании в начале XX в. Новоузенский уезд, в котором единоличное землеустройство развивалось быстро и успешно с самого начала реформы, был лишь одним из 8-ми уездов Самарской губернии и одним из более чем 500 уездов Европейской России. Так вот, по площади он, как говорилось выше, был почти равен по территории Дании, реформы в которой иногда ставятся выше Столыпинской.

Добавлю, что даже «в Швеции, где землеустройство велось с наибольшею (в Европе. — *М. Д.*) широтой и энергией... за 78 лет разверстано 18,5 миллионов гектаров — в среднем по 2,3 милл. за десятилетие или по 200 тысяч десятин в год»[126].

В России же, напомню, формально за 9 лет были „закончены подготовкой“ работы для 3,8 млн. дворов на площади 34,3 млн. десятин», и это без земель Крестьянского банка и землеустройства в Сибири! В этом смысле нельзя не заметить, что большие раз-

---

нести им». Кофод резюмирует; «Русскому крестьянину нужно общество, чтобы пить... Латыш же берет водку домой и пьет ее там один или с женой». (*Кофод К.* 50 лет в России. М., 1997. С. 172). Боюсь, традиционная историография имеет в виду другие проявления коллективизма).

меры России дают повод не только для тщеславия (вполне свойственного и автору этих строк). Это также и повод для усовершенствования методики анализа ее истории.

Столыпинская аграрная реформа продолжалась недолго. При этом следует иметь в виду, что в 1907–1908 гг. землеустроительные комиссии, существовавшие к тому же еще далеко не во всех уездах, были заняты землями Крестьянского банка, в 1912 г. изменилась юридическая база землеустройства, что, как мы знаем, повлияло на ход землеустройства, а в 1914 г. началась война. Кофод отводил на землеустройство огромной страны 50 лет. Заявления о «провале», о «крахе» аграрных преобразований Столыпина некоторым образом похожи на подведение итогов марафонского забега после первых девяти километров.

И тем не менее мы можем совершенно ответственно говорить о том, что реформа начала приносить плоды — и именно те, на которые рассчитывали реформаторы.

С. Т. Семенов, внимательно следивший за новыми явлениями в жизни деревни, так описывал, в частности, перемены, происшедшие в хозяйстве живших по соседству хуторян:

«После того, как я первый раз был на С — ких хуторах, прошло три года. Мне снова понадобилось поехать в С. Дело было в июне. Весна была ранняя. Снег согнало еще в марте. Но в апреле и мае наступили холода и засуха. Плохо шла рожь. Яровые только что всходили, и всходы были пестрые, с большими плешинами, и шли они туго. Трава была заметна в низине да кустах. Общинный скот в попутных деревнях перешел уже на пар, где совсем нечего было взять. Лошади рвались в хлеб и клевер, коровы, возвратившись домой, ели подстилку и мало давали молока. Мужики тужили и боялись недорода. Уже начали распродавать скот, цены на который, по сравнению с вешними ценами, упали довольно значительно.

И только я миновал знакомый лесок и выехал на обрытую канавами дорогу среди отрубов, как передо мною раскрылась совсем новая картина. Как будто здесь был другой климат. Рожь на отрубных участках стояла стеной и напоминала старые годы. Особенно поражал первый участок, где край десятины, засеянный рожью, сбегал в низину. А в низинах-то рожь в этот год и пропала. Здесь же она была такою, как у нас говорят, „хоть борону подставляй“. Веселее, чем везде, глядели клевера, дружней всходили овсы и льны. Покосные участки в низинах были разделаны и засеяны овсом с викой, в которые, вероятно, были пущены многолетние травы. Был уже кое-где вывезен и запахан навоз. В особо отведенных углах ходили привязанными лошади, паслись коровы. Их пастбище было куда лучше деревенских пастбищ, и сам скот имел сытый и спокойный вид. И построек на отрубах уже было больше. Росли сараи и риги. Около последних лежали ометы соломы. Вдали, направо, красовалось обширное жилое помещение, около которого паслось 6 штук крупного скота. Особенно хороши участки были ближе к селу. Почти весь хлеб был так хорош, что обещал незаурядный урожай.

Невольно меня потянуло на хутора, навестить моих старых знакомых... Побывши с час в селе, где я, между прочим, узнал, что открытое тогда кредитное и молочное товарищество действует отлично, — для с — цев прошедшей зимой устраивались курсы по молочному делу, где слушатели не только слушали лекции, но и участвовали в практических работах по новым способам ухода за скотом и молоком, — и что заречная

слобода С., оставшаяся при первом выделе при общинном пользовании и перешедшая на широкие полосы, нарушает прежнее владение и переходит на отруба...

Есть у нас хутора и кроме С — ких. Особенно много их под уездным городом. Бывал я и на этих хуторах. И в большинстве случаев, у всех новых хозяев на первых же порах замечал одно обстоятельство, это быструю освоенность с более культурными приемами хозяйствования. Почти всем хуторянам достаются запольные, заброшенные, тощие земли. И все-таки на этих землях урожайность идет лучше, чем на деревенских полях. Вся площадь дружно разрабатывается. Корчуются пни, осушаются и распахиваются болота, проводятся канавы, везде вводится осенняя вспашка, более правильный сев и более правильная вывозка и запашка навоза. У многих стремление развести садик, завести пчелок. Есть хозяева, которые отвели под сады довольно большую площадь своей земли и засаживали их по указанно и под руководством агронома.

И где я ни бывал, нигде не наблюдалось ни грусти, ни тоски, не слышалось ни жалоб, ни сожаления о переходе, хотя иногда положение было очень трудное. Всех наполняла удивительная бодрость.

Почему у новых хозяев такая бодрость, — мне намекнул один хуторянин. — Мы, — говорит он, — как новожены, с земелькой-то законным браком повенчались. В деревне-то она была гулящая девка, а теперь она твоя законная жена на век вечный. Худа ли она, хороша, а никто уж, кроме тебя, к ней не полезет»[127].

Примечательно заключение Семенова: «Во всей жизни деревни и у нас можно найти отрицательные стороны. Шло и разрасталось пьянство, получившее в последнее время перед запрещением полную свободу для своего развития. Все более и более исчезает старинное понятие о нравственности. Молодежь может вести себя не так скромно, как в былые времена. Но на фоне этой темной декорации ярко выделяются явления несомненного сознательного отношения ко многому, что я и отмечаю в своих наблюдениях. Все описанные мною проявления крестьянского хозяйственного творчества не выискивались мной, а все это само шло на меня. И я наивозможно беспристрастно сообщаю их читателям. Такое течение в крестьянской трудовой жизни мне лично очень уверенно свидетельствует, что мы живем перед началом гораздо лучшего будущего. И, кто знает, может быть, это будущее откроет перед нами такие перспективы, при одном представлении которых забудется и не совсем хорошее настоящее и печальной памяти прошлое»[128].

Пора подвести некоторые итоги. Аграрная реформа Столыпина была глобальным преобразованием, которое начало радикальные изменения в жизни страны и имело серьезнейшие перспективы. Реформа выводила сельское хозяйство страны из стагнации, достаточно быстро меняла российскую деревню, притом *качественно* в лучшую сторону — многочисленные источники недвусмысленно свидетельствуют о том, что начало меняться отношение крестьян к земле, начала меняться трудовая этика российского крестьянства.

По разным причинам оценка ее традиционной историографией весьма слабо соответствует действительности и нуждается в коренном пересмотре.

Я весьма далек от какой бы то ни было идеализации реформы. Никакое масштабное историческое преобразование не совершается прямо, гладко и т. д. Не следует закрывать глаза на неизбежные издержки реформы.

Однако вопрос, как всегда, в мере, в цене этих издержек, а главное — в том, являются ли неудобства реформы действительно *не*избежными или прямо планируются. Пора бы это осознать. Пора составить нормальное здравое суждение о своей Истории и моральных ценностях, не отягощенное пристрастными оценками и искажениями. Это касается и самого П. А. Столыпина — человека высокой и трагической судьбы — и его реформы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Давыдов М.А.* Оппозиция Его Величества. М., 2005. С. 200.
2 *Витте С.Ю.* Записка по крестьянскому делу. М.,1905. С. 23
3 *Бруцкус Б.Д.* Обобществление земли и аграрная реформа. М., 1917. С. 28.
4 *Макаров Н.* Социально-этические корни в русской постановке аграрного вопроса. Харьков, 1918. С. 5.
5 Цит. по: *Леонтович В.В.* История либерализма в России. 1762–1914. Париж., 1980. С. 202–203.
6 *Макаров Н.П.* Крестьянское хозяйство и его эволюция. М., 1920. С. 2–4.
7 *Макаров Н.* Социально-этические корни... С. 4–7.
8 *Кофод Карл.* 50 лет в России. М., 1997. С. 50, 52.
9 *Ермолов А.С.* Наш земельный вопрос. М., 1906. С. 282–283.
10 *Мозжухин И.В.* Землеустройство в Богородицком уезде Тульской губернии. Очерк реформы крестьянского землевладения. М., 1917. С. 61–63.
11 *Риттих А.А.* Зависимость крестьян от общины и мира. СПб., 1903. С. 5–8.
12 *П.Д.* Русский социализм и общинное землевладение. М., 1899. С. 82–83.
13 *Витте С.Ю.* Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Том 2. Рукописные заметки. СПб., 2003. С. 37–39.
14 Там же. С. 39–41.
15 Там же. С. 189.
16 *П.Д.* Русский социализм и общинное землевладение... С. 72.
17 *Ермолов А.С.* Наш земельный вопрос . М., 1906. С. III.
18 *Витте С.Ю.* Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Том 2. ... С. 42.
19 *Вронский О.Г.* Государственная власть Российской империи и проблемы формирования основ перспективного аграрного курса на рубеже XIX–XX вв. М., 1999. С. 44.
20 *П.Д.* Наша деревня. Крестьянская деревня. М., 1900. С.379 и далее.
21 *Риттих А.А.* Зависимость крестьян от общины и мира... С. 175–181.
22 *Бруцкус Б.Д.* Аграрный вопрос и аграрная политика. Петербург.1922. С. 71.
23 *Риттих А.А.* Крестьянское землепользование. СПб., 1903 С. 17–23.
24 *П.Д.* Русская интеллигенция и крестьянство. Критический анализ Трудов местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. М., 1904. С. 28–31.
25 Из Архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Том 1. Рассказы в стенографической записи. Книга 2. СПб., 2003. С. 537–541
26 *Витте С.Ю.* Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Том 2. ... С. 23.
27 *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 311.
28 *П.Д.* Наша деревня... С. 131–132.
29 *Ермолов А.С.* Наш земельный вопрос... С. IV.

30 *П.Д.* Русская интеллигенция и крестьянство. ... С. 26–27.

31 *Риттих А.А.* Зависимость крестьян от общины... С. 90–91.

32 *Столыпин П.А.* Нам нужна великая Россия. Полное собрание речей в Государственной Думе и Государством Совете. 1906–1911. М., 1991. С. 51.

33 *Кофод Карл.* 50 лет в России. С.192–193.

34 *Столыпин П.А.* Переписка. М., Росспэн. 2004. С. 168–169.

35 Там же, С. 174–176.

36 *Юрьевский Б.В., Сыромятников С.Н.* Землеустроительный смотр. СПб., 1913. С. 2–3.

37 Там же, С. 3–6.

38 *Бруцкус Б.Д.* Землеустройство и расселение за границей и в России. СПб., 1909; *Его же.* Очерк аграрной политики иностранных государств и России. Пг., 1918; *Его же.* Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг., 1922; *Кофод А.А.* Хуторское расселение. СПб., 1907; *Его же.* Различные способы уничтожения чересполосицы и длинноземелья. Старые и новые способы ведения полевого хозяйства. СПб., 1908; *Его же.* Наше землеустройство // Ежегодник 1911 г. Главного Управления Землеустройства и Земледелия. СПб., 1912; *Его же.* Русское землеустройство. СПб., 1914; *Першин П.Н.* Участковое землепользование в России: Хутора и отруба, их распространение за десятилетие 1907–1916 гг. и судьба во время революции (1917–1920 гг.) М., 1922.

39 *Бруцкус Б.Д.* К современному положению аграрного вопроса. Пг., 1917., С. 21.

40 *Аврех А.Я.* П.А.Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991; *Анфимов А.М.* Тень Столыпина над Россией // ИССР. 1991. № 4; *Его же.* Некоторые уроки Столыпинской аграрной реформы // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. М., Ин-т экономики РАН. 1993; *Его же.* Новые собственники (из итогов Столыпинской аграрной реформы)// Данилов В., Шанин Т. (ред.). Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1996. М., 1996.; *Ковальченко И.Д.* Столыпинская аграрная реформа: (мифы и реальность) // История СССР. 1991. № 2.

41 *Вронский О.Г.* Государственная власть Российской империи и проблемы формирования основ перспективного аграрного курса на рубеже XIX–XX вв. М., 1999; Крестьянская община на рубеже XIX–XX вв.: структура управления, поземельные отношения, правопорядок. Тула. 1999; Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905–1917). М., 2000; *Проскурякова Н.А.* Земельные банки Российской империи. М., 2002; *Рогалина Н.Л.* Борис Бруцкус — историк народного хозяйства России. М., 1999; *Тюкавкин В.Г.* Петр Столыпин и его реформа: проекты, реалии, оценки // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск. Вып. 1. 1994; *Его же.* Историческое значение Столыпинской аграрной реформы // Научная программа: русский язык, культура, история. Сборник материалов научной конференции лингвистов, литературоведов, фольклористов, историков. Ч. II. М., 1995; *Щагин Э.М.* Столыпинская аграрная реформа, ее воздействие на сельское хозяйство России // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. М., 1994; *Его же.* Об опыте и уроках Столыпинской аграрной реформы // Власть и общественные организации России в первой трети XX века. М., 1994; *Его же.* Спорные вопросы истории Столыпинской аграрной реформы и их освещение в вузовском и школьном преподавании // Дискуссионные вопросы российской истории. Арзамас, 1995; *Его же.* Проблемы эволюции агрокультуры крестьянского хозяйства предреволюционной России в трудах А.В.Чаянова // Аграрные технологии в России IX–XX вв. М., 1996.

42 *Анфимов А.М.* Неоконченные споры.// Вопросы истории. — М., 1997. — № 5–7 и др.

43 См., например, J. Pallot. Land Reform in Russia 1906–1917. Peasant Responses to Stolypin's Project of Rural Transformation. Clarendon Press. 1999; *Коцонис Я.* Как крестьян делали от-

сталыми. Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России. 1861–1914. М. 2006.

44 Например, П.М. Лукичев, критикуя П.А.Столыпина, говорит о двух «принципиально разных подходах» к аграрным преобразованиям в России начала века. «Первый — вступить на мировой путь развития и реформировать российскую деревню в соответствии с лучшими примерами развитых стран. Условно такой подход может быть назван западным. Второй — преобразовать аграрную экономику России по лучшим мировым образцам, но с обязательным учетом того, что может привиться на нашей традиционной почве. То есть как местные традиции, особенности ведения сельскохозяйственного производства могут быть включены в мировое хозяйство. Данный подход может быть назван традиционалистским. Выбор руководством страны того или иного подхода диктует и форму осуществления реформ. В первом случае преобразования производятся революционным путем, „сверху“, с максимальной степенью настойчивости исполнительной власти, не дожидаясь понимания и одобрения реформ основными затрагиваемыми группами населения... Если в экономике осуществляются слишком резкие изменения, слишком большие темпы модернизации, то страна в итоге может прийти к „отторжению» реформ”». Оставляя пока без внимания противоречия предложенной конструкции, замечу, что Лукичев вполне мистически полагает, будто ощущение провала реформы присутствовало с самого начала преобразований. Далее автор протестует против попыток считать аграрную реформу Столыпина уникальной и ставит России в пример Данию, где в те же годы будто бы решались схожие проблемы и были решены куда успешнее. см. *Лукичев П.М.* Аграрные реформы в России: уроки начала века // Актуальные проблемы экономической истории России XX века. Волгоград, 1997. с. 94–95. В том же сборнике другие авторы говорят о том, что «реформа не обеспечила крутого подъема сельского хозяйства России» (*Пешехонов В.А., Иванов В.В.* Реформирование аграрного сектора России в XX веке. с. 151–152.5). Довольно сомнительное заключение. См. также: *Максимов С.В.* Столыпинское землеустройство (1906–1916 гг.). Арзамас. 1999. Автор разделяет старые взгляды советской историографии, что выражается в весьма тенденциозном подборе фактов и их интерпретации.

45 *Тюкавкин В.Г.* Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 124–158.

46 Там же.

47 Там же, с.125.

48 *Анфимов А.М.* Ук. соч.//Вопросы истории. — М., 1997. — № 6, с. 60.

49 Отчетные сведения о деятельности Землеустроительных комиссий на 1 января 1913 г. СПб., 1913; Отчетные сведения о деятельности Землеустроительных комиссий на 1 января 1914 г. СПб., 1914 г.; Отчетные сведения о деятельности Землеустроительных комиссий на 1 января 1915 г. СПб., 1915 г. Отчетные сведения о деятельности Землеустроительных комиссий на 1 января 1916 г. СПб., 1916 г.

50 *Бруцкус Б.Д.* Аграрный вопрос и аграрная политика... С.89.

51 Землеустройство в Европейской России за 1906–1912 гг. СПб., 1912, с. 4.

52 *Кофод Карл.* 50 лет в России. ... С. 209.

53 *Мацузато К.* Столыпинская реформа и российская агротехнологическая революция // Отечественная история. М. 1992. — № 6, с.194–196.

54 Там же.

55 *П.Д.* Наша деревня... С. 63–64.

56 *Кофод А.А.* Русское землеустройство. СПб.,1914. С. 51–52.

57 «Отчетные сведения о деятельности Землеустроительных комиссий на 1 января 1913 г. СПб., 1913, С.11–12.

58 *Кофод А.А.* Русское землеустройство.... С. 52–53.
59 Там же. С. 58–59.
60 *Кофод А.* Русское землеустройство... С. 124–125.
61 РГИА. Ф. 408, оп.1. Д. 827. Л. 80об.
62 РГИА. Ф. 408. Д. 827, 69–69об.
63 РГИА. Ф. 408. Д. 842. Л. 107об.
64 Там же. Л.118–118об.
65 Там же. Л. 68об.
66 *Кофод А.А.* Русское землеустройство... С. 134.
67 Там же.
68 Там же. С. 134–135.
69 РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 696. Лл. 147об–148.
70 Там же. л. 148об.
71 Обзор деятельности землеустроительных комиссий. 1907–1911.СПб., 1912. С. 8.
72 Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1913 года. СПб., 1913. С. 21; *Кофод А.А.* Русское землеустройство... С. 58–59.
73 Обзор деятельности уездных землеустроительных комиссий (1907–1908). СПб., 1909. С. 19.
74 Отчетные сведения о деятельности Землеустроительных комиссий на 1 января 1913 г..
75 РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 884, л. 4.
76 РГИА. Ф. 1445. Оп. 1. Д. 696, л. 142–143об.
77 РГИА. Ф. 408. Оп.1. Д. 842, л. 108.
78 Там же. Д. 696. Л. 46об.
79 Там же. Д.827, 69–69об.
80 РГИА. Ф. 1445. Оп.1. Д. 696, 144–144об.
81 РГИА. Ф. 1445. Оп. 1. Д. 696, 144–144об.
82 Отчетные сведения о деятельности Землеустроительных комиссий на 1 января 1913 г. СПб., 1913. С. 5.
83 Отчетные сведения... на 1 января 1912 года... С. 20–21.
84 РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 827, лл. 53об–54.
85 Там же. Л. 54–54об.
86 Там же. Д. 696, л. 46об.
87 Отчетные сведения о деятельности Землеустроительных комиссий на 1 января 1913 г... С. 13.
88 РГИА. Ф. 408, Оп. 1. Д. 827. Л. 81об–82.
89 *Кофод А.А.* Русское землеустройство... С. 59.
90 Там же. С. 107.
91 Там же. С. 129.
92 Обзор деятельности уездных землеустроительных комиссий (1907–1908 гг.)... С. 18.
93 *Кофод А.* Русское землеустройство... С.127.
94 Сельское хозяйство России в XX веке. М., 1923. С. 30–53.
95 *Кофод. А.* Русское землеустройство... С.128.
96 Обзор деятельности уездных землеустроительных комиссий (1907–1908 гг.)... С. 18.
97 *Кофод А.А.*Русское землеустройство... С.118.
98 ...
99 *Кофод К.* 50 лет в России. ... С. 135.
100 *Кофод А.А.* Русское землеустройство... С.118–119.
101 Там же. С. 120–121.

102 РГИА. Ф. 408, оп. 1, д. 884, л. 60–60об.
103 *Кофод А.А.* Русское землеустройство. ... С. 107.
104 *Кофод А.* Русское землеустройство... С. 131–132.
105 Там же. С. 161.
106 Там же, С.47.
107 Там же. С. 69–70, 72.
108 РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 696, л. 49об–50.
109 Там же. Д. 692, лл. 326об–327.
110 *Кофод А.А.* Русское землеустройство... С. 109–110.
111 РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 884, лл.10а об –11.
112 Столыпинская реформа и землеустроитель А.А. Кофод. Документы. Переписка. Мемуары. Составитель Гутерц. М., 2003. С. 188–189.
113 Там же. С. 190.
114 *Бруцкус Б.Д.* Аграрная эволюция и аграрная политика России... С. 92–93.
115 План землеустроительных работ 1914 года и изменения по случаю войны. Пг., 1914. С. 5.
116 Цит. по *Леонтович В.В.* История либерализма в России.1762–1914. Париж, 1980, С. 266.
117 *Макаров Н.* Социально-этические корни в русской постановке аграрного вопроса...С. 16.
118 Там же. С. 24–25.
119 *П.Д.* Наша деревня... С.125–126.
120 Там же. С. 246–247.
121 *Дроздов В.В.* Исторический опыт столыпинской реформы //Рынок и реформа в России: исторические и теоретически предпосылки. М., 1995. С. 58–59.
122 *Кофод К.* Русское землеустройство... С. 155.
123 *Дроздов В.В.* Указ. соч. С. 61.
124 *Тюкавкин В.Г.* Великорусское крестьянство... С. 156–158.
125 РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 842. Л. 109.
126 ГУЗиЗ. Итоги работ за последнее пятилетие (1909–1913). СПб., 1914. С. 22–23.
127 *Семенов С.Т.* Крестьянское переустройство. М., 1915. С. 57–58, 62.
128 Там же. С. 69–70.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей монографии было впервые проведено источниковедческое и историографическое исследование «Сводной статистики» — российской железнодорожной тарифной статистики, были разработаны и апробированы методы анализа статистических данных источника, основанные на последних достижениях исторической информатики. В работе показано, что существующая историография совершенно недостаточно использовала тарифную статистику при решении весьма важных проблем истории народного хозяйства России конца XIX – начала XX вв., прежде всего связанных с историей рынка и рыночных связей, а также что в историографии практически отсутствуют работы, посвященные анализу географических аспектов функционирования всероссийского рынка в рассматриваемый период.

«Сводная статистика» была одним из необходимых компонентов проведенной С. Ю. Витте реформы железнодорожных тарифов, передавшей руководство тарифной политикой в руки правительства. Ее появление отражало насущные потребности рационального развития российской тарифной системы в условиях нового этапа правительственной железнодорожной политики, начавшегося с конца 1880-х гг.

В монографии была проведена критика источника, выяснены внутренние причины и внешние обстоятельства возникновения «Сводной статистики» в связи с предшествующей историей железнодорожных тарифов в России и тарифной реформой, начавшейся в 1889 г. Была воссоздана история создания, функционирования и публикации «Сводной статистики», освещен сложный процесс поисков оптимального формуляра источника. Как статистикам Общего съезда представителей русских железных дорог, так и Статистическому Отделу Департамента железнодорожных дел Министерства финансов, который с 1893 г. взял на себя задачу разработки и издания «Сводной статистики», не удалось преодолеть трудности, связанные с ее своевременным выходом в свет. Она постоянно запаздывала выходом на два года, что до некоторой степени девальвировало ее значение как инструмента оперативного регулирования тарифного дела в условиях бурного экономического роста конца XIX – начала XX вв. Тем не менее, авторитет «Сводной статистики» среди других статистических изданий был весьма высок, и очень скоро она стала незаменимой при решении множества вопросов экономического развития России и правительственными, и неправительственными учреждениями, а также частными лицами.

Попытка Департамента железнодорожных дел изменить в 1905–1906 гг. принципы издания для того, чтобы обеспечить публикацию материалов «Сводной статистики» в надлежащие сроки, оказалась неудачной. Этот эксперимент привел к тому, что перевозки грузов за 1903–1904 гг. в полном объеме восстановить невозможно. С 1907 г. Департамент вернулся к прежней схеме публикации данных, которая просуществовала до 1917 г.

Комплекс «Сводной статистики», в отличие от «Статистических сборников МПС», изначально предназначался для выявления картины межстанционного товарного движения по российским железным дорогам и определения маршрутов следования грузов, что необходимо для выяснения дальности пробега. В основном источник соответствует этой цели, достаточно подробно разрабатывая сведения о корреспонденции почти всех грузов между отдельными станциями сети отечественных железных дорог. Однако «Сводная статистика» все же не дает информации о 100 % грузовых перевозок по сети железных дорог Империи. Данное обстоятельство объясняется тем, что сводка и издание статистических данных производились, во-первых, в рамках существовавшей в данном году тарифной номенклатуры, во-вторых, с учетом особого для каждой тарифной группы (подгруппы) ценза станционного отправления и прибытия грузов. И, в-третьих, степень детализации перевозок, а также и регулярность публикации зависели от того, к какой из трех категорий в данное время относился конкретный груз. Последние определялись тарифными учреждениями в зависимости от того, насколько статистика транспортировки тех или иных товаров считалась ими важной для формирования тарифной политики. В силу этого наш источник не с одинаковой полнотой охватывает совокупность перевозимых товаров.

Вместе с тем степень репрезентативности «Сводной статистики» для изучения перевозок большинства важных народнохозяйственных грузов следует считать весьма высокой, особенно за период 1905–1913 гг., когда источник фиксировал до 90% и более объема их транспортировки.

Данная работа должна была установить, оценить и продемонстрировать информационный потенциал «Сводной статистики» для исследования различных проблем социально-экономической истории России конца XIX – начала XX вв., прежде всего для изучения как количественных параметров развития всероссийского рынка, так и географических аспектов его функционирования. Для решения этой задачи в монографии были разработаны и апробированы различные методики анализа информации «Сводной статистики». Был создан ряд баз данных, обработка которых велась математико-статистическими методами с применением компьютерных технологий, что существенно повысило эффективность их использования и информативную отдачу нашего источника.

Количественный анализ информационного комплекса материалов транспортной, урожайной и таможенной статистики позволил выявить изменения в соотношении внутреннего и внешнего хлебных рынков в течение рассматриваемого периода как в масштабах Империи, так и на уровне губерний и регионов.

На основании железнодорожной статистики была проанализирована динамика соотношения общего, вывозного и внутреннего железнодорожного отправления *всех* хлебных грузов за ряд лет, охватывающих период с 1889 по 1913 гг. Общее отправление всех хлебов выросло с 1889–1890 гг. до 1912–1913 гг. на 789 млн. пуд., то есть в 2,6 раза, вывозное отправление — на 217 млн. пуд., то есть в 1,7 раза, а внутреннее — на 572 млн. пуд., или в 3,9 раза. При этом, если в 1889–1890 гг. три пятых хлебных грузов шло в вывозные пункты, а две пятых — во внутренние, то в 1912–1913 гг. картина изменилась зеркально — внутреннее отправление составило 60,0 %, экспортное — 40,0 %.

Сопоставление погубернских данных железнодорожной статистики о вывозном отправлении показало, что в конце XIX – начале XX вв. увеличение экспорта хлеба из России шло главным образом за счет лишь семи губерний и областей степной полосы, которые дали свыше четырех пятых прироста вывозных перевозок, — Херсонской, Донской, Кубанской, Екатеринославской, Ставропольской, Самарской и Саратовской. Лидерами внутреннего отправления были Самарская, Полтавская, Воронежская, Оренбургская, Тамбовская, Харьковская, Саратовская, Екатеринославская, Терская и Курская губернии, которые в сумме сосредоточили почти две трети прироста внутренних перевозок.

Принципиальное значение имеет тот факт, что **даже в тех черноземных губерниях, где общее отправление в течение рассматриваемого периода уменьшилось, это происходило за счет не внутреннего, а вывозного отправления. Очень важно также, что и там, где экспортное отправление в целом не снизилось, приросты внутреннего отправления значительно, иногда в несколько раз, выше приростов вывозного отправления.**

Количественный анализ транспортной и урожайной статистики функционирования рынков главных хлебов (а Россия в то время занимала 1-е место в мире по производству ржи и ячменя и 2-е, вслед за США, по урожаям пшеницы и овса) проводился после решения проблемы переотправок хлеба, т. е. корректного совмещения сведений «Сводной статистики» и статистики речных перевозок МПС. Он привел к следующим выводам.

Исследование внутреннего и вывозного железнодорожного отправления пшеничных грузов (пшеница в зерне плюс мука, пересчитанная в зерно) за период 1882–1884 — 1908–1913 гг. показало, что, как и в случае с перевозками всех хлебов, за тридцатилетие ситуация изменилась зеркально. Если в 1882–1884 гг. внутреннее отправление составляло 36,6 %, а экспортное — 63,4 % перевозок, то в 1908–1913 гг. на внутренние перевозки приходилось — 67,3 %, а на вывозные — 32,7 %, а в 1912–1913 гг. — 70,6 и 29,4 % соответственно. И это при росте за эти годы среднегодового общего отправления в 2,6 раза, вывозного — в 1,4 раза, а внутреннего — в 4,8 раза.

Анализ статистических данных позволяет сделать очевидный вывод о том, что **в рамках рассматриваемого периода экспорт пшеницы достиг своего потолка, в то время как внутренний рынок по-прежнему динамично развивался и имел огромные ресурсы для роста.**

Хотя для начала XX в. преобладание внутреннего рынка **ржи** над внешним совершенно очевидно, тем не менее, анализ эволюции ржаного рынка в рассматриваемый период представляет немалый интерес. Вывоз ржи составлял весьма незначительную часть ее урожая и продолжал неуклонно снижаться. Однако транспортная статистика показывает, что к 1910-м гг. товарное значение ржи падает и для внутреннего рынка. Это явление связывается с начавшимся вытеснением ржаных продуктов иными источниками углеводов, прежде всего пшеницей. Аналогичные факты имели место и в других странах Европы, где рожь когда-то доминировала среди других хлебов, как, например, в Англии, Германии и др.

Проведенный анализ статистических данных транспортной статистики еще раз подтвердил выявленную весьма характерную и важную особенность изучаемых процессов,

а именно: **даже при уменьшении размеров общего отправления ржи отдельными губерниями внутренние перевозки в 1908–1911 гг. либо дают превышение в сравнении с 1901–1903 гг., либо снижаются на значительно меньшую величину, нежели вывозное отправление.** Это касается и Новороссийских губерний, дававших основную часть ржаного экспорта.

Применительно к перевозкам **овса** железнодорожная статистика фиксирует уже знакомое нам как по перевозкам всех хлебов, так и по перевозкам пшеницы зеркальное изменение относительных параметров внутреннего и экспортного отправления овса в начале и в конце рассматриваемого периода, причем и сами относительные характеристики изменений почти одинаковы. По абсолютной величине общее отправление увеличилось с 1889–1891 гг. до 1908–1911 г. в 1,8 раза, вывозное отправление — в 1,4 раза, а внутреннее — в 2,3 раза; для 1912–1913 гг. рост составил соответственно 1,7, 1,1 и 2,6 раза.

Анализ транспортной статистики применительно к рынку овса вновь показывает, что и на этом рынке в подавляющем большинстве рассматриваемых губерний, **независимо от динамики урожаев и общего отправления овса, внутреннее отправление либо увеличивается больше вывозного, либо увеличивается, несмотря на падение вывозного, либо, наконец, снижается на меньшую величину**, если речь идет о падении обоих показателей. Перевозки овса вообще, и в 1908–1913 гг. в частности, гораздо менее стабильны, чем перевозки других главных хлебов, и, тем не менее, тенденция к падению роли вывозного отправления и росту внутренних перевозок очевидна.

В то время как значение внешнего рынка для ржи, пшеницы, овса постепенно падало, для **ячменя** оно, напротив, возрастало, притом весьма активно. Ячмень стал лидером по темпам роста посевных площадей и приростам урожаев и, прежде всего, в Новороссии и Предкавказье, где его специально выращивали на экспорт — 8 губерний и областей Степного Юга производили от 50 до 58 % всего ячменя в стране.

Данные транспортной статистики показывают, что в течение всего рассматриваемого периода вывозное отправление ячменя безусловно доминирует над внутренним. Почти все губернии и области Империи практически самообеспечивались ячменем. При этом в 1909–1913 гг. пять Новороссийских губерний и Кубанская область концентрировали 87,9 % всех избытков ячменя в стране.

Таким образом, источниковедческий анализ, с одной стороны, размеров урожаев, экспорта и остатка для внутреннего потребления главных хлебов, а, с другой стороны, общеимперских и погубернских данных об их железнодорожных и водных перевозках показал, что в конце XIX – начале XX вв. соотношение внешнего и внутреннего хлебных рынков в сравнении с 1890-ми годами в целом поменяло знак в пользу первого из них за счет как абсолютного, так и относительного роста внутреннего рынка для главных хлебов, исключая ячмень, притом, что вывоз главных хлебов имел тенденцию к постепенному снижению. Если вспомнить о значительном недоучете водных перевозок, а также о том, что имеющаяся в распоряжении историков статистика никак не фиксирует гужевые перевозки хлеба, то станет очевидно, что реальный объем внутренней транспортировки хлеба, а значит, и внутреннего рынка был много больше.

Источниковедческий и научно-информационный анализ хлебного рынка России конца XIX – начала XX вв. приводит к выводу о том, что назрела явная необходимость совершенствования методов анализа данного рынка. На наш взгляд, *сейчас* уже недостаточно использовать *только* суммарные статистические данные, касающиеся 50-ти европейских губерний (и даже всей России), как единственной, по существу, основы для выводов об изучаемых процессах в масштабах Империи. Такой подход вольно или невольно игнорирует конкретно-историческое многообразие эволюции отечественного сельского хозяйства вообще и зернового производства, в частности, на уровне губерний и регионов, не дает возможности выявить общее и особенное в развитии аграрного сектора разных экономико-географических районов огромной страны в рассматриваемый период.

Проведенное исследование показало, что рожденный народнической публицистикой тезис о «голодном экспорте» хлеба из России в пореформенную эпоху, столь распространенный в историографии социально-экономического развития этого времени, во всяком случае для периода начала XX в. реальных оснований в статистике урожаев, экспорта и перевозок хлебных грузов не имеет. Причины проблем социального характера, которые переживала российская деревня и ее жители, заключались вовсе не в вывозе хлеба.

Источниковедческий анализ как статистических, так и нарративных источников продемонстрировал, что устоявшиеся в историографии еще с XIX в. подходы к проблеме питания, основанные на некритическом восприятии данных урожайной статистики и бюджетных обследований, требуют серьезной корректировки. Круг вопросов, связанных с потреблением, в том числе и пищевых продуктов, должен решаться на более широкой, чем это принято, источниковой базе с привлечением также и данных транспортной статистики. Ее сведения наглядно свидетельствуют, в частности, о существовании в рассматриваемое время исторически сложившейся региональной структуры потребления хлебных продуктов, а результаты нашего исследования говорят о том, что эта структура имела выраженную тенденцию к изменению, аналогичную той, которая наблюдалась в странах Центральной и Западной Европы.

Предложенный в работе способ решения проблемы переотправок (двойного счета) приводит к выводу о том, что фигурирующие в историографии размеры потребления главных хлебов в России в рассматриваемый период в ряде случаев занижены. Это заключение подкрепляет и высказанное на основании сопоставления данных транспортной и урожайной статистики мнение о недостоверности сведений о валовых сборах хлебов, размеры которых занижались, особенно в неурожайные годы.

В монографии на основании материалов «Сводной статистики» было предпринято исследование географической структуры рафинадного рынка России в начале XX в. Поскольку в историографии промышленного развития России географический аспект функционирования как отдельных отраслей, так и промышленности в целом с точки зрения коммуникации «производитель — потребитель» практически не изучался, то была выработана соответствующая методика исследования географической (пространственной) составляющей отраслевых промышленных рынков в условиях динамично развивавшегося промышленного производства. Количественный анализ базы данных

«Рафинадный рынок начала XX в.» позволил выявить серьезные изменения в структуре поставок рафинада в большинство регионов Империи. Нарративные источники свидетельствуют, что они были связаны с усилившейся в начале XX в. конкуренцией между производителями в связи с расширением уже действующих и строительством новых заводов. Выработка рафинада резко возросла, а Соглашение рафинеров не могло длительное время эффективно ограничивать количество продукции на рынке. Следствием этого явился поиск рафинерами новых рынков сбыта как в Европейской, так и в Азиатской России.

Данные «Сводной статистики» позволили выявить рынки сбыта отдельных предприятий отрасли и установить степень их индивидуальной вариабельности. Исследование рынков сбыта как всех заводов Юго-Западного края, так и крупнейших предприятий отрасли привел к выводу о том, что их пространственная структура зависела, прежде всего, от географического положения заводов и существовавшей тарифной системы. Эти же факторы определяли степень устойчивости географии сбытовой деятельности.

Проведенный с помощью базы данных «Средняя Азия как рынок сбыта» количественный анализ материалов «Сводной статистики» показал, что для большинства отраслей отечественной промышленности значение этого региона не следует преувеличивать. Сибирь играла более серьезную роль. Спрос на продукцию металлургии, металлообработки, машиностроения, силикатной промышленности и ряда других отраслей в Туркестане был еще нестабилен и сравнительно невелик, хотя тенденция к росту потребления их продукции, как правило, прослеживается. Сравнительно важным рынком сбыта регион был для текстильной и сахарной промышленности России. Данное обстоятельство, в частности, делает сомнительной точку зрения, согласно которой при завоевании Средней Азии доминировали причины экономического характера. В начале XX в. экономическое освоение Россией этого региона, в сущности, только начиналось.

Исследование статистической информации «Сводной статистики» о перевозках усовершенствованных сельхозмашин и орудий и Всероссийской переписи 1910 г. с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена показало возможность успешного и весьма эффективного сопоставления сведений обоих источников и позволило идентифицировать железнодорожное получение сельхозмашин с их потреблением в той степени, в какой это вообще возможно, учитывая специфику используемых статистических данных.

Кластерный анализ информации «Сводной статистики» позволил выделить группы губерний со схожим характером динамики получения сельхозтехники в 1900–1913 гг., что оказалось весьма важным не только в методическом, но и в содержательном смысле.

Исследование динамики железнодорожного получения сельхозмашин и усовершенствованных орудий в 1900–1913 гг. всеми 87-ми губерниями и областями Империи, по которым проходили железные дороги, показало, что Столыпинская аграрная реформа открыла качественно новый этап в истории механизации отечественного сельского хозяйства. Так, с 1906 г. Сибирь превращается в рынок сельхозмашин, имевший мировое значение, и поглощает до 20 % всех перевозок в стране. С 1910–1911 гг. начинается повсеместный и радикальный рост потребления сельхозтехники в нечерноземных и в ряде северно-черноземных губерний, до той поры слабо обеспеченных ею. Отчеты зем-

ских и правительственных агрономов убедительно доказывают, что важнейшим фактором, обусловившим этот процесс, стало развитие агрономической помощи как одного из основных компонентов реформы. Изучение влияния агропомощи на сельское хозяйство России привело также и к выводу, что она весьма быстро начала менять в лучшую сторону, по крайней мере, в некоторых регионах, не только крестьянское полеводство, но и само отношение крестьян к своему труду.

Анализ влияния Столыпинской аграрной реформы на процесс механизации сельского хозяйства России, проведенный в монографии, как нельзя лучше показывает, что проблема источниковедческого синтеза, которая и всегда занимала важное место в работе историков, на современном этапе развития исторической науки обрела особую значимость в связи с бурным развитием исторической информатики и клиометрики.

Одновременно анализ аграрных преобразований Столыпина позволяет поставить ряд актуальных для источниковедения вопросов. Представляется, что прогресс в постижении ряда ключевых аспектов социально-экономической истории России и, в частности, пореформенной эпохи едва ли возможен, если не изменятся традиционные подходы к использованию статистических материалов (а шире — способ решения проблемы сочетания качественных и количественных характеристик в исторических исследованиях). Эти подходы нередко можно охарактеризовать как некорректные и ведущие к неадекватному представлению об изучаемых процессах. Примерами полна и научная литература, и, что особенно досадно, многие новейшие учебники, вузовские и школьные.

Весьма распространенным недостатком отечественной историографии социально-экономического развития является **некритичное** и не всегда корректное **использование средних цифр**, ведущее, в частности, к игнорированию многообразия региональных и иных особенностей развития страны. Безусловно, средние цифры — эффектный, но не во всех случаях эффективный инструмент осмысления — как истории, так и окружающей деятельности. Притом же — это *лишь один из* подобных инструментов. Империя была слишком велика, чтобы всегда адекватно описываться средними цифрами. До революции данную несложную мысль специалисты выражали следующим деликатным образом: «Выводы средних цифр для России с ее различными географическими и этнографическими условиями не могут быть вполне убедительными».

С вышесказанным нередко весьма органично сочетается **пристрастие к абстракциям и обобщениям очень высокого уровня**, таким, как «основная масса крестьян», «русская деревня» и тому подобным, смысл и конкретно-историческое наполнение которых не всегда ясны и *реальная ценность* зачастую невелика и за которыми замечается стремление вольно или невольно уйти от конкретных фактов и оценок.

С весьма масштабными в концептуальном и географическом отношениях построениями странным образом сопрягается то, что можно назвать «приемом выборочной иллюстрации», когда какие-то свои положения автор текста доказывает с помощью отдельных примеров, по принципу «так, например...». Пример может касаться одной-двух деревень и даже одного-двух крестьян. Такой подход позволяет доказать все, что угодно. При этом ясно, что в истории есть периоды и проблемы, когда, учитывая скудость

источников, этот метод является единственно возможным. Но это никак не относится к сельскому хозяйству России рассматриваемого периода.

В итоге нередко в работах по социально-экономической истории наблюдается парадоксальный диссонанс между привычкой, с одной стороны, мыслить масштабами Евразии, а, с другой, рассматривать Россию как некое весьма ограниченное и однородное пространство, описываемое набором средних цифр и несколькими якобы стандартными ситуациями.

Настоящая монография, как представляется, наглядно демонстрирует преимущества иных подходов, основанных на максимально широких (из возможных и необходимых) вариантах использования имеющихся статистических материалов.

Проведенное источниковедческое исследование продемонстрировало большую ценность, а часто — незаменимость данных «Сводной статистики». Они позволяют не только анализировать всероссийские отраслевые рынки, сельскохозяйственные и промышленные, но и совмещать их в масштабах как отдельных регионов, так (в перспективе) и всей Империи, а также дают возможность решать самые разнообразные задачи, связанные с таким анализом. Количественная обработка информации «Сводной статистики» часто выявляет индикаторы той или иной экономической ситуации, и в силу этого наш источник, как представляется, просто необходим для решения самых разных проблем социально-экономической истории России конца XIX – начала XX вв.

Решение поставленных в работе конкретно-исторических задач выявило весьма высокий информационный потенциал «Сводной статистики». Характер ее сведений позволяет создавать на их основе базы данных и применять для их обработки различные методы квантификации, современного статистического компьютерного анализа. При этом информационный потенциал и отдача «Сводной статистики» значительно повышается при комплексном анализе ее материалов с другими источниками, как статистическими, так и нарративными.

Несмотря на выявленные недостатки, большая часть которых вполне преодолима, «Сводная статистика» представляется уникальным и притом достаточно надежным и достоверным источником с огромным информационным потенциалом, введение которого в научный оборот, несомненно, может во многом изменить характер исследований по социально-экономической истории России конца XIX – начала XX вв.

* * *

Представленный в данной монографии статистический анализ рисует картину динамично развивающейся громадной страны. О каком-либо упадке или стагнации не может быть и речи. Напротив, объем перевозок большинства грузов в рассматриваемый период постоянно увеличивается. Более того, бурный — на сотни процентов — рост перевозок сельхозтехники в 1906-1913 гг. убедительно демонстрирует емкость рынка и возможности населения страны, свидетельствует о том, что многие его потребности еще только начинали раскрываться.

Феноменальное увеличение потребления сельхозмашин и орудий весьма органично сочетается со следующими фактами, подкрепляющими эту точку зрения.

«Сводная статистика», как мы знаем, дает возможность оценить в общем виде динамику железнодорожной транспортировки подавляющего большинства грузов, и вот как выглядят средние ежегодные приросты перевозки по железным дорогам различных товаров, вычисленные при построении линейных трендов динамических рядов, полученных на основании нашего источника.

Так, с 1890 г. до 1913 г. железнодорожные перевозки мануфактуры выросли с 24,2 до 53,3 млн. пуд., т. е. в 2,2 раза; тренд равен 1125 тыс. пуд.

За 1893–1913 гг. транспортировка железа, чугуна и стали не в деле увеличилась с 56 до 291 млн. пуд., или в 5,2 раза, тренд составил 9760 тыс. пуд.:

— железных, чугунных и стальных изделий — с 38 до 145 млн. пуд., или в 3,8 раза, тренд равен 3914 тыс. пуд.;

— цемента — с 10,9 до 103, 1 млн. пуд., т. е. в 9,4 раза, тренд составил 3307 тыс.пуд.;

— сахарных грузов (песка, рафинада, меласа и патоки) увеличилась с 46 до 137 млн. пуд., или в 3,0 раза, тренд равняется 4513 тыс. пуд.;

— земледельческих машин и орудий, кроме деревянных с 4,6 до 34,5 млн. пуд., т. е. в 7,5 раз, тренд равен 1394 тыс. пуд.;

— мяса, битой птицы и дичи — с 6,6 до 20,6 млн. пуд., или в 3,1 раза, тренд составил 682 тыс. пуд.;

— рыбных грузов — с 27,1 до 67,4 млн. пуд., т. е. в 2,5 раза, тренд равняется 1938 тыс. пуд.;

— свежих овощей — с 36 до 244 млн. пуд., или в 6,8 раз, тренд составил 10160 тыс. пуд.;

— пива — с 5,6 до 35,3 млн. пуд., т.е в 6,3 раз, тренд равен 1355 тыс.пуд.;

— яиц и желтков яичных — с 4 до 17,2 млн. пуд., или в 4,3 раза, тренд составил 578 тыс. пуд.;

— вин виноградных — с 6,3 до 11,7 млн. пуд., т. е. в 1,9 раза, тренд равен 282 тыс. пуд.;

— табака — с 6 до 17,5 млн. пуд., или в 2,9 раза, тренд составил 491 тыс.пуд.;

— спичек — с 2,1 до 6,8 млн. пуд., т. е. в 3,2 раза, тренд равен 244 тыс.пуд.;

— льна и пакли — с 14,3 до 24,6 млн. пуд., или в 1,7 раза, тренд составил 564 тыс. пуд.

За 1894–1913 гг. перевозки чая по железным дорогам выросли с 3,6 до 10,9 млн. пуд., или в 3,0 раза, тренд равен 361 тыс.пуд.;

— водки и крепких напитков с 5,4 до 10,6 млн. пуд., т. е. в 2,0 раза, тренд составил 172 тыс.пуд.;

— фруктов, плодов и ягод свежих — с 5,7 до 25,4 млн. пуд., или в 4,5 раза, тренд равен 1137 тыс.пуд.;

— фруктов сушеных — с 5,7 до 29,8 млн. пуд., т. е. в 5,2 раза, тренд составил 962 тыс. пуд.;

— мыла, кроме туалетного, с 2,1 до 6,8 млн. пуд., или в 3,2 раза, а тренд равен 117 тыс. пуд.[1]

Сто лет назад Россия была страной с гигантским потенциалом, который только-только начал реализовываться. И в нашей монографии мы рассмотрели далеко не все доказательства этого.

Среди немалой части отечественного исторического сообщества мысль о неизбежности, закономерности и т. п. революции 1917 г. по-прежнему остается символом веры. И это несмотря на то, что мы сегодня знаем о нашей истории много больше, чем 20 лет назад.

Автор этих строк принадлежит к той части историков, которые вовсе не считают, что Россия конца XIX – начала XX вв. была «приговорена» к революции. Количество вопросов, возникающих при попытке осмыслить одно из трагичнейших событий XX в. огромно, и, конечно, здесь на них не ответить. Но кое о чем сказать необходимо.

Понятно, что для советской историографии события 1917 г. могли быть только закономерными и никакими иными, ибо они не просто оправдывали, но легитимизировали существующий строй. Так что сегодняшние рассуждения на эту тему — прежде всего затянувшаяся агония прощания с монизмом в его советской ипостаси, с привычным и для кого-то комфортным в силу примитивности декретированных сверху подходов способом осмысления отечественной истории.

В несколько смягченном варианте «обреченность» России на революцию выступает как удобное логическое завершение рассмотрения в определенном ракурсе изъянов развития пореформенной России. Страна жила «неправильно», и это естественно закончилось революцией (после которой, надо думать, началась правильная жизнь?). Как тут не вспомнить, что в январе 1917 г. В. И. Ленин с горечью говорил молодым швейцарским социалистам, что ему-то революции не увидать?

Увы, логика такого рода здесь несостоятельна, ибо в ее рамках нельзя ответить на простой вопрос о том, насколько закономерны были революции в трех других рухнувших империях — Германской, Австро-Венгерской и Оттоманской, из которых первая была лидером европейской экономики, а вторая уверенно входила в число наиболее развитых держав?

Может быть, правильнее вспомнить о том, что поражение в войне — нередко само по себе более чем достаточная причина для революции? И что, начнись война даже в 1915 г., не говоря о 1916 г., ее исход для России и всего мира был бы иным?

Да, в России Романовых, как и в любой другой стране, было немало сложных проблем, но они отнюдь не относились к числу принципиально нерешаемых.

Да, в России было многое из того, что постфактум и при поверхностном взгляде **как бы** оправдывает революцию — отсталая крестьянская экономика, уродливо выросший интеллектуальный класс, не всегда эффективная бюрократия, культурный и мировоззренческий разрывы между образованным классом и остальной массой населения и др.

Но была ли ситуация столь фатальной на деле?

Россия в конце XIX – начале XX вв. оставалась крестьянской страной, и в этом смысле закономерно появление в ней такого эпического изображения Мировой и Гражданской войн, как «Тихий Дон». А вот создание в нашей стране городского романа, подобного ремарковскому «На Западном фронте без перемен» — вообразить трудно. Потому, что российская армия как минимум на 80% была армией крестьянской, а германская на две трети состояла из горожан — со всеми вытекающими отсюда многообразными последствиями.

И основные аргументы сторонников «закономерности» революционных потрясений относятся, понятно, к аграрной сфере, к нерешенности аграрного вопроса в России.

Наряду с пресловутым малоземельем и якобы безысходным положением крестьянства важнейшее место в подобных построениях занимает крестьянская психология, архаичная, средневековая по своей сути.

Полагаю, эта книга дает некоторое представление о степени остроты и сложности проблем российской деревни в конце XIX – начале XX вв. Обиднее всего то, что в огромной степени это были проблемы, созданные искусственно — в ходе намеренной идеологической ревизии схемы развития страны, заложенной в Великих реформах.

Тот фундаментальной важности факт, что потенциал Великих реформ в последующий период не был реализован в полной мере, в большой мере предопределялся недостаточным интеллектуальным уровнем властной элиты страны.

Люди, принимавшие Решения, явно не соответствовали их масштабу. Они (люди) принадлежали ушедшей эпохе и не могли в должной мере оценить, насколько изменился окружающий мир и каковы вызовы нового времени.

Как мы уже знаем, представители Власти и оппозиция (до террористов включительно), были солидарны в одном и важном пункте — сохранении общинного строя крестьянской жизни. Это не должно нас удивлять — все они по преимуществу были носителями крепостнического мышления с поверхностным образованием и плохим знанием истории.

За полвека после 1861 г. они сделали очень мало для того, чтобы изменить средневековое сознание крестьянства, ибо думали, что так им будет удобнее управлять последним.

Злейшие враги могут и любить одну женщину, и болеть за одну футбольную команду. Это естественно, и лишь характеризует причудливость жизни.

Но если враждебные друг другу общественные силы, нацеленные на уничтожение друг друга, во имя абстрактных идей солидарно ратуют за сохранение института, основанного **на принуждении миллионов людей** к сохранению отсталой минималистской схемы общежития, не думая при этом, каким образом данное обстоятельство отражается на психологии этих людей, — это вполне определенным образом характеризует указанные силы.

Пореформенная эволюция страны, основанная на «новом крепостничестве», привела ее в 1904–1905 гг. к невиданному в имперской истории общенациональному кризису.

Между тем в России были те, кто предвидел подобный исход, и даже предупреждал об этом Власть и общественность. Этих людей было сравнительно немного, но они сами по себе — яркое свидетельство того, насколько выросла страна после 1861 г.

Полагаю, никогда в России близ вершин Власти не было такой когорты **настоящих** государственных деятелей, профессионалов столь высокого **класса**, обладавших мощным интеллектом и ясным умом, как С. Ю. Витте, А. С. Ермолов, П.А. Столыпин, В. И. Гурко, А. В. Кривошеин и другие, предтечей которых был Н. Х. Бунге. Они были едины в неприятии патерналистского вектора пореформенного развития и в целом одинаково видели пути выхода из кризиса (притом, что их личные отношения часто оставляли желать лучшего).

Они хорошо сознавали, что страна движется неверным путем и что выбор этого направления в огромной степени продиктован непониманием Власти как магистральных

путей развития человечества, так и стратегических задач, стоявших перед Россией во 2-й половине XIX в. Им было понятно, что идеологизация сугубо народнохозяйственных проблем, в основе которой во многом лежало неразличение понятий «самобытность» и «отсталость» ведет страну в тупик, а в будущем может привести ее к катастрофе, потому что, цитируя С. Ю. Витте, «в конце XIX и в начале XX века нельзя вести политику Средних веков»[2].

А главное — они иначе, чем их оппоненты, относились к российскому народу. Оценивая его вполне адекватно, они не придумывали его себе, не конструировали в своем воображении его идеальный образ и не замалчивали стыдливо не лучшие его качества, не прятали за ложным «народолюбием» ту жалость, которая действительно унижает человека. Они хотели, чтобы для этого народа закончилось, наконец, новое крепостное право, и этот народ получил возможность развиваться **свободно**.

Комплекс реформ, начатых П. А. Столыпиным, был своего рода теоремой, которая должна была **практически доказать что:**

— стране давно уже пришло время покончить с **основанным на принуждении** сословно-тягловым строем, который не менее классического крепостничества подавлял естественные желания и стремления, энергию и инициативу десятков миллионов крестьян и противоречил человеческой природе;

— российские крестьяне (подавляющее большинство жителей России), — такие же люди, как и те, кто почти полвека после 1855 г. с видимым удовольствием решали за них, как они должны жить; и соответственно,

— крестьянство России достойно иметь те гражданские права, которыми обладали представители других социальных категорий населения;

— архаические миросозерцание и мировосприятие — не синоним вечности;

— российские крестьяне могут строить свою жизнь, исходя из собственных побуждений, а не из тех, что опять-таки придумали за них «теоретики» всех мастей;

— народ России не менее всякого другого имеет право на достойную жизнь.

И миллионы крестьян по всей стране начали успешно доказывать эту «теорему Столыпина».

За недолгие годы преобразований выяснилось, в частности, что российское крестьянство вполне может жить без опеки общины, что ему свойственны те же чувства, что и остальному человечеству, в том числе и чувство собственности, что архаическое миросозерцание **в принципе** преодолимо, притом же в отдельных своих компонентах — в довольно короткие сроки (то же, кстати, мы видим и в наши дни, хотя и фрагментарно). Речь идет об изменениях в трудовой этике, в отношении крестьян к земле, а значит — и к окружающему миру, о чем немало сказано в этой монографии.

Страна не просто получила шанс на новую жизнь — она начала ею жить. И трудно сомневаться в том, что со временем «теорема Столыпина» была бы доказана во всем объеме.

История распорядилась иначе.

Это, однако, не делает менее явным коренной порок традиционной историографии, который, на мой взгляд, заключается в том, что она полагает те особенности архаической психологии российского народа, которые волей Истории дожили до начала XX в.,

а после 1917 г. были искусственно законсервированы Советской властью и поэтому дожили до наших дней, **неизменяемыми в принципе**, как чередование времен года.

Эти особенности помещаются во все тот же набивший оскомину патерналистский набор — от «общинности», «коллективизма» до «привычки к сильной руке». Что и говорить, Власти тактически удобно так думать и эксплуатировать данный пласт психологии нашего народа, а ее бойким пропагандистам — убеждать в этом неокрепшие умы, особенно в эпоху развала школьной системы. Однако стратегически — это проигрышный вариант развития как минимум уже лет полтораста, и надо очень мало понимать в истории своей страны, чтобы думать подобным образом в наши дни. Ледники Гренландии и Антарктиды, насчитывающие миллионы лет, тают на наших глазах, но у сторонников данных взглядов есть один незыблемый критерий постоянства и стабильности — общинная психология российского крестьянства. Смешно, право!

Не смешно, однако, то, что в традиционной историографии явно и неявно существует если и не всегда культ, то заметное умиление этим сознанием.

Большая беда и сугубая недальновидность подобного подхода заключается в том, что в построениях его сторонников эта архаичность стала решающим аргументом, оправдывающим **любые** противоправные действия народа в периоды глобальных потрясений, когда социальная психология народа из факта историко-этнографического становится императивом истории.

Со средневековым сознанием крестьянства как с писаной торбой полвека носились российские Власть и интеллигенция, и угодливо подстраиваясь под него, и утилитарно используя его, но не пытаясь изменить, за что мучительно расплатились после 1916 г.

Но указанный пиетет не исчез и по сей день, поскольку не выкорчеваны корни такого сознания, и в трансформированном виде оно сохраняется и сегодня.

Вот только умиляться этому не следовало бы.

История, писал В. О. Ключевский, «не учительница, а надзирательница, magistra vitae*: она ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков»[3].

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Давыдов М.А.* К проблеме потребления в России в конце XIX – начале XX вв. // «Инновационные подходы в исторических исследованиях: информационные технологии, модели и методы». Тезисы докладов XI конференции Ассоциации «История и компьютер». Москва-Барнаул, 2008. С. 80–81.

2 *Витте С.Ю.* Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Том 2. Рукописные заметки. СПб., 2003. С. 53.

3 *Ключевский В.О.* Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 36.

* Наставница жизни

Содержание

ОТ АВТОРА 5

ВВЕДЕНИЕ 8

ГЛАВА 1.
ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВ 23
§ 1.1. Обзор историографии 23
§ 1.2. Характеристика источников 46

ГЛАВА 2.
«СВОДНАЯ СТАТИСТИКА ПЕРЕВОЗОК»:
ИСТОРИЯ ТАРИФНОЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ СТАТИСТИКИ РОССИИ 80
§ 2.1. Возникновение железнодорожной статистики в России 80
§ 2.3. Создание «Сводной статистики» 96
§ 2.4. Переход тарифной статистики в ведение Департамента железнодорожных дел 117

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ 2.
К ИСТОРИИ ОБЩИХ СЪЕЗДОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКИХ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ
И ОБЩИХ ТАРИФНЫХ СЪЕЗДОВ 142

ГЛАВА 3.
ВНУТРЕННИЙ И ВНЕШНИЙ ХЛЕБНЫЕ РЫНКИ РОССИИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв. И ПРОБЛЕМА «ГОЛОДНОГО ЭКСПОРТА» 152
§ 3.1. Производство, экспорт и перевозки главных хлебов в конце XIX – начале XX вв. 152
§ 3.2. Динамика посевных площадей в России в конце XIX – начале XX вв. 172
§ 3.3. Рынок пшеницы в начале XX в. 175
§ 3.4. Динамика производства, экспорта и остатка пшеницы 181
§ 3.5. Динамика перевозок пшеницы 184
§ 3.6. Рынок ржи 204
§ 3.7. Перевозки ржи 209

§ 3.8. Рынок овса 217
§ 3.9. Рынок ячменя 225
§ 3.10. О голоде, «голодном экспорте» и потреблении хлеба в России 230
Об источниках: статистика и статистики 230
О голоде, «голодном экспорте» и продовольственной помощи 254
Родит ли Бог «на камушке»? – Природно-климатические условия и сельское хозяйство 310
«Забыть Париж» 341

ГЛАВА 4.
РАФИНАДНЫЙ РЫНОК РОССИИ В НАЧАЛЕ XX в.
ПО ДАННЫМ «СВОДНОЙ СТАТИСТИКИ» 368
§ 4.1. Динамика получения рафинада по районам 371
§ 4.2. Рынки сбыта отдельных заводов 407
§ 4.3. Организация торговли рафинадом 442
§ 4.4. Зависимость направлений сбыта от географического положения заводов 451

ГЛАВА 5.
СРЕДНЯЯ АЗИЯ В СИСТЕМЕ ВСЕРОССИЙСКОГО РЫНКА
В НАЧАЛЕ XX в. ПО ДАННЫМ «СВОДНОЙ СТАТИСТИКИ» 481
Средняя Азия как рынок сбыта промышленной продукции в начале XX в. 482

ГЛАВА 6.
ПОТРЕБЛЕНИЕ СЕЛЬХОЗМАШИН И ОРУДИЙ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX в.
ПО ДАННЫМ «СВОДНОЙ СТАТИСТИКИ» И СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА 513
§ 6.1. Сопоставление данных «сводной статистики» и переписи сельхозмашин и орудий 1910 г. 513
§ 6.2. Перепись 1910 г. о состоянии парка сельскохозяйственной техники в России 526
§ 6.3. Внутреннее производство и импорт сельхозмашин и орудий в начале XX в. 540
§ 6.4. Динамика перевозок сельхозмашин и орудий в 1900–1913 гг. 546
§ 6.5. Факторы, влиявшие на потребление сельскохозяйственных машин и орудий 576
§ 6.6. Агрономическая помощь и распространение усовершенствованных сельхозмашин и орудий 584

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.
К ИСТОРИИ АГРОНОМИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В РОССИИ 608
§ 7.1. Основные этапы истории агрономической помощи в России 607
§ 7.2. Агрономическая помощь Херсонской губернии 636

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.
АГРАРНАЯ РЕФОРМА П. А. СТОЛЫПИНА
И ПРОЦЕСС ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА В 1907–1915 гг. 686

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....813